This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 07855275 3

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

НА

1850 ГОДЪ.

ЧАСТЬ III.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1850.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
770746A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1935 L

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Апрѣля 30-го 1850 года.

Цензоръ В. Лешковъ.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1850.

№ 9. Май. Кн. 1.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КРЕМЛЕВСКАЯ ЗАУТРЕНЯ НА ПАСХУ.

Въ безмолвіи, подъ ризою ночною,
Москва ждала; и часъ Святой насталъ:
И мощный звонъ промчался надъ землею,
И воздухъ весь, гудя, затрепеталъ.
Пѣвучіе, серебряные громы
Сказали вѣсть Святаго Торжества;
И слыша гласъ, ея душѣ знакомый,
Подвиглася великая Москва.
Все тотъ же онъ: ни нашего волненья,
Ни мелочно-торжественныхъ заботъ
Не знаетъ онъ, и вѣстникъ Искупленья
Онъ съ высоты намъ пѣснь одну поетъ, —
Побѣды пѣснь, пѣснь кончаннаго плѣна.
Мы слушаемъ; но какъ внимаемъ мы?
Сгибаются ль упрямыя колѣна?
Смиряются ль кичливые умы?
Откроемъ ли радушныя объятья
Для страждущихъ, для меньшей братьи всей?
И вспомнимъ ли, что это слово — братья —
Всѣхъ словъ земныхъ дороже и святѣй?

А. с. Хомяковъ.

PERL JAN 21 1933

Digitized by Google

ПОЭЗІЯ И ПРОЗА ЖИЗНИ.

ДНЕВНИКЪ ДѢВУШКИ.

ГЛАВА IV.

НОВОЕ ЗНАКОМСТВО. ЕЛЕНА.

Ce que j'aime surtout, c'est l'áme des gens d'esprit.
N. N.

Il existe des êtres sympathiques, dont l'áme récèle dans sa profondeur des échos pour tous les accents, pour toutes les vibrations des autres ámes; ils souffrent avec vous; vos joies les charment, vos terreurs les font tressaillir, ils se font vous *en restant eux-mémes. Heureux qui trouve un de ces êtres pour ami! Sa vie se dédouble et s'agrandit de toute une seconde áme!*

(*Léa Cornélia.*)

I.

La femme a cela de commun avec l'ange que les êtres souffrants lui appartiennent.

(*Bulzac, Engénie Grandet.*)

17 Февраля 18....

Заочно вы благотворите мнѣ,
Возлюбленная Сара! Вы и вправду,
Какъ говорили мы, когда дѣтьми
Тѣснились къ вамъ, съ сердечнымъ изліяньемъ:
«Добрѣйшая изъ добрыхъ!» — Вы отраду
Мнѣ издали послали. — Отъ души
Благодарю!....

Digitized by Google

Третьяго дня въ гостиной
Былъ запросто съѣздъ близкихъ и короткихъ:
И гулъ ихъ смѣха, ихъ бесѣдъ живыхъ,
Сквозь полъ и стѣны мелькомъ пробивался
До моего угла, тревожа слухъ
И умъ мой безпокойный. Я скучала;
Веселостью чужой, казалось мнѣ,
Дразнили лишь мое уединенье....
Вдругъ, требуютъ въ гостиную меня....
Иду, хотя не вѣрится! Въ смущеньѣ,
Межь незнакомыхъ группъ, съ боязнью робкой,
Неловко и поспѣшно прохожу....
Глаза мои не видятъ, и дыханье
Вдругъ замерло отъ страха и волненья.
И вотъ Княжна Наталья предо мной,
Схватила руку мнѣ, — и представляетъ
Меня кому-то.... Слышу женскій голосъ,
И ласковый и свѣжій, — я взглянуть
Осмѣлилась, — и вижу чудный взоръ,
Привѣтную улыбку.... Молодая,
Прекрасная, блистательная дама
Меня сажаетъ близъ себя.... твердитъ,
Что рада наконецъ меня увидѣть,
Что ей давно, давно со мной хотѣлось
Сойтись и сблизиться, что мы давно
Знакомы....

Отгадали вы, не такъ ли,
Елену Мѣховскую?.... Да, она,
Воспитанница ваша, та, о комъ
Наслышалась отъ васъ я.... про кого
Вы съ гордостью сердечной говорили....
Когда она, упомянувъ о васъ,
Свое сказала имя, я едва
Не бросилась на шею къ незнакомкѣ,
Такъ хорошо знакомой; но Княжна
Медузинъ взглядъ тотчасъ въ меня вперила,

Digitized by Google

И образумила меня. Еленѣ
По свѣтски отвѣчать старалась я
На свѣтскіе привѣты, но намекомъ
Дать тайное, душевное значенье
Пустымъ словамъ.... Мы поняли другъ друга!
Она взяла съ Княгини обѣщанье,
Что будутъ къ ней пускать меня, что часто
Мы видѣться съ ней будемъ....

И во снѣ
И на яву я бредила Еленой!
Вчера я провела весь день у ней....
Картиною ея домашней жизни
И взоръ и сердце полны. Какъ счастливо,
Безъ глупой спѣси, безъ парадныхъ формъ,
У Мѣховскихъ устроено все въ домѣ,
Чтобъ *быть*, не для того, чтобы *казаться*!
Богатство тамъ не тяжкое ярмо,
Неволящее ихъ, но радость жизни,
Возможность украшать по произволу
Размашисто-гостепріимный бытъ. —
Хозяинъ добръ, хозяйка весела;
Не молодъ онъ, — но старикомъ не смотритъ,
И не стѣсняетъ важностью брюзгливой
Живыя вспышки рѣзвости ея.
Она же откровенна, какъ дитя,
Довѣрчива, какъ счастье молодое.
Взоръ, голосъ, рѣчи, станъ, движенья, поступь, —
Все дышетъ беззаботностью въ Еленѣ.
Вокругъ ея, при ней, и въ ней самой
Все свѣтится спокойствомъ лучезарнымъ;
Все говоритъ о мирѣ благодатномъ.
У ней малютки—дѣти: что за прелесть!
Болтаютъ и рѣзвятся на свободѣ,
И всѣхъ смѣшатъ, и звонкій говоръ ихъ,
Какъ ласточекъ привольныхъ щебетанье,
Одушевляетъ рядъ веселыхъ комнатъ.

Digitized by Google

Я слушала, глядѣла.... и сравнила
Радушный этотъ домъ съ жилищемъ чиннымъ
И знатнымъ нашей княжеской семьи....

Однако, знатностью своей, конечно,
Или значеньемъ въ свѣтѣ, имъ равна
Прекрасная Елена Мѣховская,
За тѣмъ, что ей почетъ и уваженье
У нихъ оказаны. — Съ тѣхъ поръ, какъ я
Отыскана, обласкана Еленой,
Какъ будто иначе здѣсь на меня
Всѣ смотрятъ, и со мною обращенье
Перемѣнилось къ лучшему. Княжна
Сегодня не смѣялась надо мной;
Княгиня удостоила спросить,
Не холодно ль мнѣ въ комнатѣ моей, —
А Лиза Зурова мнѣ предложила
Романсы новые, межъ тѣмъ какъ Надѣ
Алина вдругъ шепнула невзначай,
Перебирая Англійскій киперсекъ,
Что я похожа профилемъ и взглядомъ
На *Флору Макъ-Иворъ*.... Какая честь!....

—

Digitized by Google

II.

Сеятитъ мьсяцъ, долъ сребрится....
(Жуковскій).

23 Февраля 18.... За-полночь.

Не знала до сихъ поръ я, что и сѣверъ,
И холодъ, и снѣга, имѣютъ тоже
Поэзію высокую свою.
Не знала я волшебства зимней ночи,
Ея красотъ таинственныхъ и блѣдныхъ,
И полныхъ фантастическихъ картинъ.
Не знала я живаго наслажденья
Скользить легко и быстро, по пути,
Усѣянномъ алмазными зыбями,
Снѣговъ глубокихъ. *Сани* для меня
Лишь были неиспытаннымъ явленьемъ,
Когда они мелькали мимо глазъ,
Вдоль улицы пустой иль многолюдной;
А въ нихъ самой не позволялось мнѣ
По городу безпечно прокатиться.
(Княгиня говоритъ, что сани должно
Плебеямъ предоставить!) Но Елена
Другаго мнѣнья; съ ней сейчасъ въ саняхъ
Объѣхала я шумный Петербургъ,
Блистающій несчетными огнями,
И спящіе пустынно острова,
Гдѣ дачи безъ жильцовъ и безъ огней
Ждутъ, какъ сурки недвижные, чтобъ жизнь
Съ движеньемъ имъ весна бы возвратила....
Какъ весело, какъ чудно, какъ свободно
Насъ увлекалъ безумно-прыткій бѣгъ
Несущихся, какъ вихорь лошадей!....
Въ высокой и прозрачной синевѣ
Ночныхъ небесъ, плылъ медленно и тихо
Полкруглый мѣсяцъ; звѣзды-чародѣйки,
Какъ блёстки, и сверкали и метались
Вокругъ него несмѣтною толпою,

Digitized by Google

И серебромъ былъ облитъ лучезарнымъ
Весь сонный міръ. На кровляхъ, окаймленныхъ
Опушкой снѣговой, и на домахъ,
Бѣлѣющихъ, какъ призраки въ туманѣ,
И по дорогѣ, устланной на диво
Коврами снѣжными, — вездѣ сіялъ,
Вездѣ бродилъ волшебно-яркій отблескъ,
Причудливо предметы измѣняя,
Преображая ихъ своей игрой.
А воздухъ, просѣкаемый санями,
Очищенный морозомъ, онъ казался
Твердъ, какъ кристаллъ, какъ облако упругъ....
Все ново было мнѣ, — все изумляло
Мои глаза, мое воображенье.
То, шибкою ѣздой упоена,
Я торопила словомъ и желаньемъ
Порывъ неукротимыхъ бѣговъ;
То вдругъ пугалась я, и замирало
Въ груди моей тревожное дыханье
Со смѣлостью, еще мнѣ непривычной....
И вотъ, Крестовскій островъ видимъ мы,
Съ его высокоглавыми соснами;
И чудилося мнѣ, — все это тѣни
Отжившихъ исполиновъ.... я боялась....
Елена же смѣялась надо мной!

И вотъ я дома, въ комнаткѣ знакомой,
Передъ ночной лампадою своей,
Въ своихъ любимыхъ креслахъ, какъ всегда
Порой ночнаго отдыха.... ужъ время
Предаться сну лѣнивому, — но мнѣ
Сегодня не до сна: припоминаю
Свершенную прогулку, наслаждаюсь
Минувшимъ наслажденьемъ. Мнѣ теперь
И Петербургъ, и сѣверъ стали любы.
Они невыразимо приглянулись
Мечтѣ моей, живой и своенравной.
И свѣтлую ихъ сторону узнавъ,
Я не браню ужъ ихъ. Сегодня я
Съ красавицей-зимою помирилась!....

Digitized by Google

III.

La pitié n'est pas de l'amour....
(Vieille romance du siècle passé).

Mais souvent elle en est le precurseur:
(Réflexion d'actualité).

18 Марта 18....

Елена мной безспорно завладѣла;
Почти всегда я вечеромъ у ней,
И съ ней дѣлю досужные часы,
Которые она отъ шума свѣта
Спасаетъ для домашней тишины.
Она, повеселясь и пріуставши
По баламъ и гостинымъ, отдыхаетъ
Сердечною и умственною жизнью
Въ своей семьѣ, въ своемъ родномъ углу.
И этотъ уголокъ благословенный,
Какъ онъ уютенъ, какъ заманчивъ онъ,
Какъ въ немъ легко и весело живется!
Домъ не великъ, не много комнатъ въ немъ,
Но убранъ онъ щеголеватымъ вкусомъ
И прихотью изящной. Здѣсь мой взоръ
Пріятно пораженъ и успокоенъ
Отсутствіемъ нелѣпой позолоты,
Тяжелыхъ бронзъ и роскоши ненужной.
Вездѣ цвѣты, картины мастерскія
И мягкіе ковры; тепло, свѣтло,
Не хочется разстаться ни съ хозяйкой,
Ни съ нѣгою и лѣнью благодатной
Въ жилищѣ миловидномъ. — Мы читаемъ,
Болтаемъ и поемъ; часы бѣгутъ, —
И непримѣтно бьетъ ударъ прощальный,
Ихъ быстрой стрѣлкой рано возвѣщенный....
Но мы всегда другъ другу говоримъ:
«До завтра!» А съ надеждою легко
Желанное свиданье ожидать!

Digitized by Google

Довѣріемъ Елены я вполнѣ
Теперь владѣю. Даже мнѣ она
Дала читать всю переписку съ братомъ,
Любимымъ ею страстно.... Этотъ братъ
Военный, нездоровъ, живетъ далеко,
Не терпитъ свѣта.... Скука и тоска
Томятъ его.... Разочарованъ онъ,
Какъ Пушкина Онѣгинъ, какъ Ренэ,
И какъ Манфредъ, воспоминаньемъ боленъ....
Онъ смолоду служилъ, живалъ въ столицѣ,
И вышжалъ, и свѣтскій шумъ любилъ,
Но измѣнился вдругъ, — и навсегда!
Любовною несчастливъ неудачей,
Обманутъ, онъ оставилъ модный свѣтъ,
И проклялъ все, чѣмъ жизнь его манила,
Чѣмъ завлекла.... Одной сестрой теперь
Онъ дорожитъ въ своемъ уединеньѣ.
Отъ женщинъ онъ бѣжитъ, ихъ ненавидитъ....
Онъ отжилъ для любви и для надежды,
Онъ въ тридцать лѣтъ состарѣлся душой....
А между тѣмъ, наперекоръ судьбѣ,
Что̀ за душа!.... Какъ онъ уменъ и милъ!....
Какъ жаль его!.. Какъ страшно и какъ горько
На жизнь и свѣтъ онъ жалуется въ письмахъ
Краснорѣчивыхъ!.... Но въ словахъ его
Скрывается и внутренняя гордость,
И твердость непреклонная: не проситъ,
Не приметъ онъ напрасныхъ сожалѣній.
Онъ хочетъ только высказать себя
И дать просторъ удушливымъ упрекамъ
Больнаго сердца....

Мнѣ, читавшей часто
Страницы переписки откровенной,
Такъ сталъ знакомъ герой ея далекій,
Что кажется онъ мнѣ роднымъ, иль другомъ
Уѣхавшимъ.... что, кажется, при встрѣчѣ,
Узнаю я его.... его романъ,
Его судьба томятъ и занимаютъ

Digitized by Google

Мою мечту, какъ тѣ разсказы въ книгахъ
Моихъ любимыхъ, отъ которыхъ я
Такъ искренно и такъ безумно плачу,
Не сплю, не ѣмъ, худѣю иногда.
Но если съ выдумкой, съ невѣрной сказкой
Я сердцемъ обживаюсь, если я
Для вымысловъ прекрасныхъ забываю
Сухую прозу бѣдной нашей правды :
То какъ же бы могла не волновать,
Не потрясать во мнѣ души и сердца
Дѣйствительная быль?....

Ни днемъ, ни ночью
Теперь изъ рукъ моихъ не выпускаю
Завѣтныхъ писемъ, полныхъ томной страсти.
Читаю ихъ, на память ихъ учу,
Твержу изъ нихъ любимые отрывки....
Занятія я бросила для нихъ,
Поэзію они мнѣ замѣнили.

И даже иногда, какъ призракъ дальній
Въ неясномъ снѣ, мнѣ наяву и мелькомъ
Является неуловимый образъ....
Мерещатся несвязныя черты....
Невиданный мнѣ видится. О немъ
Я думаю среди гостиной шумной,
И въ комнатѣ Елены, и потомъ
Въ тиши моей уединенной кельи.
Но почему?.... Сама не понимаю!....

Здѣсь пропускается около года изъ дневника Зинаиды: все, въ немъ содержащееся, повторяетъ только эти длинныя, безконечныя жалобы полу-дѣтской, полу-женской души, ищущей жизни и находящей только пустоту, просящей счастія, удовольствія, движенья, и осужденной на скуку и бездѣйствіе. Подобныя эпохи переживаются трудно и мучительно, но разсказываются однимъ словомъ: она скучала, она ждала!....

Гр. Ев. Ростопчина.

Digitized by Google

ДВѢ ПѢСНИ ИЗЪ ДАНТОВА АДА.

ПѢСНЬ XXI.

ПЯТАЯ ЯМА ОСЬМАГО КРУГА. ВЗЯТОЧНИКИ ВЪ СМОЛЯНОМЪ ОЗЕРѢ. ЗЛЫЕ ЛАПЫ (Malebranche).

Такъ съ мо́ста на́ мостъ шли мы, разсуждая
О томъ, чего Комедія моя
Не передастъ, и, съ высоты взирая,

Другую щель увидѣли съ нея,
И тщетный плачь услышали въ провалѣ
Во мглѣ такой, что ужаснулся я.

Какъ варъ кипитъ зимою въ арсеналѣ,
Въ Венеціи, для смазки тѣхъ судовъ,
Что, обветшавъ, ужъ плыть не могутъ далѣ:

Кто конопатитъ тамъ корабль съ боковъ,
Терпѣвшихъ долго бурныхъ волнъ напасти;
Кто новый челнъ тамъ строитъ изъ дубовъ;

Кто парусъ шьетъ, разорванный на части;
Кто у руля, кто рубитъ подъ кормой;
Кто точитъ весла; кто свиваетъ снасти:

Такъ, не огнемъ, но силой пресвятой
Растоплена, смола здѣсь клокотала,
Покрывъ брега со всѣхъ сторонъ корой.

Я въ ровъ смотрѣлъ, но мгла въ немъ все скрывала,
Лишь хлябь, вздымаясь въ пузыри, какъ валъ
То дулася, то ямой осѣдала.

Digitized by Google

Пока я пристально глядѣлъ въ провалъ, —
Мой вождь, вскричавъ: смотри! смотри! нежданно
Меня увлекъ оттоль, гдѣ я стоялъ.

Я побѣжалъ, какъ тотъ, кто видитъ странный
Предметъ и глазъ съ него не сводитъ прочь;
Но ужасомъ внезапнымъ обуянный,

Бѣжитъ, не въ силахъ страха превозмочь.
И видѣлъ я, какъ [illegible] бѣсъ за нами,
Внизъ по утесу, м[illegible]о всю мочь.

О, какъ ужасно онъ сверкалъ очами!
Съ какою злобой онъ бѣжалъ, стуча
Копытами и хлопая крылами!

Взваливъ себѣ на острыя плеча
И возлѣ пятъ когтьми вцѣпившись въ кости,
Онъ за ноги мчалъ грѣшника, крича:

«Вотъ анціанъ святыя [illegible]ы! въ гости
Къ вамъ, Злыя Лапы, онъ пришелъ сюда!
Въ смолу его! а я для вашей злости

Примчу другихъ: тамъ много ихъ всегда!
Тамъ каждый взяточникъ, кромѣ Бонтуры!
Изъ *нѣтъ* за деньги тамъ выходитъ *да!*»

Швырнувъ его, умчался бѣсъ понурый,
И никогда съ такою быстротой
За воромъ песъ не мчался изъ кануры.

Тотъ въ глубь нырнулъ и всплылъ облитъ смолой;
Но демоны изъ-подъ скалы висячей
Вскричали: «Здѣсь иконы нѣтъ святой!

Не Серкью здѣсь: тутъ плаваютъ иначе!
Когда не хочешь нашихъ крючьевъ злыхъ,
Такъ не всплывай поверхъ смолы горячей!»

И сто багровъ въ него вонзили вмигъ,
Вскричавъ: «Пляши, гдѣ варъ сильнѣй вскипаетъ,
И, если можешь, надувай другихъ!»

Digitized by Google

Такъ поваренковъ поваръ заставляетъ
Крючками мясо погружать въ котлѣ,
Когда оно поверхъ воды всплываетъ. —

Тутъ добрый вождь сказалъ: «Пока во мглѣ
Они тебя еще не увидали,
Пойди, прижмись къ той рухнувшей скалѣ.

И чѣмъ бы мнѣ они ни угрожали,
Не бойся: съ ними я давно знакомъ,
Они и прежде въ споръ со мной вступали.»

И черезъ мостъ онъ перешелъ потомъ;
Когда жъ достигнулъ до шестаго брега, —
Онъ имъ предсталъ съ безтрепетнымъ челомъ.

Съ той яростью, съ той быстротою бѣга,
Съ какою мчатся псы на бѣдняка,
Что подъ окномъ вдругъ попросилъ ночлега, —

Вмигъ вылетѣлъ ихъ рой изъ-подъ мостка,
Поднявъ багры; но онъ въ святой защитѣ
Вскричалъ: «Ни чья не тронь меня рука!

Пусть, прежде чѣмъ багры въ меня вонзите,
Одинъ изъ васъ предъ мой предстанетъ лакъ;
Потомъ меня терзайте, какъ хотите!»

«Ступай, Злой Хвостъ!» тутъ подняли всѣ крикъ,
И вышелъ Хвостъ (они жъ за нимъ ни шагу)
И вопросилъ: за чѣмъ онъ къ нимъ проникъ?

«Вошелъ ли бъ я, Злой Хвостъ, въ твою ватагу,
Когда бы мнѣ», учитель мой въ отвѣтъ,
«Не подали на подвигъ сей отвагу

Рокъ благотворный и святой завѣтъ.
Пусти жъ меня: такъ небесамъ угодно,
Чтобъ здѣсь живой за мною шелъ во слѣдъ.»

Вмигъ сокрушилъ онъ въ дерзкомъ гнѣвѣ безплодной,
Такъ, что багоръ онъ уронилъ къ ногамъ,
Вскричавъ къ другимъ: «Пусть онъ идетъ свободно!»

Digitized by Google

Тогда мой вождь: «О ты, который тамъ,
Припавъ къ скалѣ, укрылся отъ насилій,
Иди теперь безъ трепета къ врагамъ.»

Я поспѣшилъ туда, гдѣ былъ Виргилій,
А дьяволы всѣ бросились впередъ,
Какъ будто бы свой договоръ забыли.

Такъ (видѣлъ я) былъ устрашенъ народъ,
Что, на условьи выйдя изъ Капроны,
Толпу враговъ вдругъ встрѣтилъ у воротъ.

Къ вождю приникнувъ, ждалъ я обороны
И не сводилъ очей съ ихъ страшныхъ харь,
Гдѣ могъ читать всю злость ихъ безъ препоны.

Тогда одинъ, поднявши свой косарь,
Сказалъ другимъ: «Ножемъ его.... хотите ль?»
Другіе: «Ладно! по спинѣ ударь!»

Но бѣсъ, съ которымъ говорилъ учитель,
Туда поспѣшно обратясь, сказалъ:
«Прочь, Кутерьма! прочь, дерзкій возмутитель!»

И намъ потомъ: «Здѣсь по уступамъ скалъ
Вамъ нѣтъ дороги: въ страшномъ томъ провалѣ
Весь раздробленный сводъ шестой упалъ.

Но если вы идти хотите далѣ, —
Чрезъ этотъ гротъ ступайте въ мрачный адъ:
Вблизи есть путь такой же какъ вначалѣ.

Ужъ тысяча и двѣсти шестьдесятъ
Шесть лѣтъ, позднѣй сего пятью часами,
Вчера свершилось, какъ здѣсь рухнулъ скатъ.

Отрядъ моихъ туда пошлю я съ вами:
Взглануть, не всплылъ ли кто тамъ надъ смолой;
Идите съ ними смѣлыми стопами.

Маршъ, Криволетъ, Давило и Борзой!»
Онъ крикнулъ, ада огласивъ вертепы:
«Веди ихъ, Чортъ съ курчавой бородой!

Digitized by Google

Маршъ, маршъ, Драконье Жало, Вихрь Свирѣпый,
И Вепрь Клыканъ и Душеловъ, злой духъ,
И Адскій Сычь, и Красный Чортъ нелѣпый!

Кругомъ обшарьте прудъ, а этихъ двухъ
Оберегайте до моста другаго,
Что́, уцѣлѣвъ, идетъ чрезъ этотъ кругъ.»
— «О, ужасъ! Вождь мой, что̀ я вижу снова?
О, безъ вождей,» я рекъ, «пойдемъ одни!
Коль знаешь путь, къ чему вождя инаго?

Когда ты мудръ, какъ былъ ты исконп, —
То какъ не зришь, что зубы ихъ скрежещутъ
И что бровями намъ грозятъ они?»

И онъ: «Не бойся! пусть глаза ихъ блещутъ,
Пусть, какъ хотятъ, скрежещутъ ихъ клыки:
Отъ ихъ угрозъ лишь грѣшники трепещутъ.»

Плотиной, влѣво, двинулись полки;
Но прежде всѣ, взглянувъ на воеводу,
Вмигъ стиснули зубами языки, —

И протрубилъ онъ подъ хвостомъ къ походу.

ПѢСНЬ XXII.

НАВАРРЕЦЪ ЧИАМПОЛЬО. ПРОДѢЛКА ЕГО СЪ ЗЛЫМИ ЛАПАМИ. ДРАКА МЕЖДУ НИМИ ПО ЭТОМУ СЛУЧАЮ.

Ужъ я видалъ, какъ всадники рядами
Идутъ на смотръ и рубятся съ врагомъ
И какъ порой бѣгутъ передъ врагами;

Наѣздниковъ видалъ въ краю твоемъ,
Ареццо! видѣлъ ихъ набѣгъ удалый,
Въ турнирахъ битвы, бѣгъ коня съ конемъ,

Digitized by Google

Когда рога, колокола, кимвалы,
Иль съ крѣпостей дадутъ на бой сигналъ, —
Видалъ чужихъ и нашихъ войскъ сигналы.

Но, думаю, никто не подавалъ
Такихъ сигналовъ пѣшимъ, или конным,
Иль морякамъ при видѣ звѣздъ и скалъ.

Съ десяткомъ бѣсовъ шли мы къ осужденнымъ:
Ужасный строй! но въ церкви — со святымъ,
Въ гостинницѣ — съ обжорой беззаконнымъ.

Взоръ приковалъ къ волнамъ я смоляным:
Желалъ я знать устройство сей долины,
И кто казненъ подъ кипяткомъ густымъ.

Какъ морякамъ изгибомъ спинъ дельфины
Даютъ намекъ, что время ужъ спасать
Ихъ корабли отъ бури средь пучины:

Такъ иногда, чтобъ злую боль унять,
Мелькнетъ спина того, другаго духа,
И молніей скрывается опять.

И какъ лягушки, скрывъ съ ногами брюхо
Въ водѣ канавы, по краямъ сидятъ,
Просунувъ морды на песокъ, гдѣ сухо:

Такъ грѣшники со всѣхъ сторонъ глядятъ;
Но адскаго при видѣ караула
Всѣ подаются съ ужасомъ назадъ.

Одна лишь тѣнь — о страхъ! — не ускользнула,
Какъ иногда лягушка, всѣхъ смѣлѣй,
Сидитъ, когда другая ужъ спрыгнула.

И Душеловъ, подкравшись ближе къ ней,
Крюкъ замоталъ въ кудряхъ ея смолистыхъ
И вытащилъ какъ выдру изъ зыбей.

Ужъ я узналъ всѣ имена нечистыхъ,
Замѣтивъ ихъ при выборѣ, когда
Ихъ строй пошелъ къ смолѣ съ береговъ скалистыхъ.

Digitized by Google

«О, Красный Чортъ, скорѣй, скорѣй сюда
И кожу всю сдери съ души безбожной!»
Проклятые всѣ крикнули тогда.

И я: «Мой вождь, развѣдай, если можно,
Кто сей несчастный здѣсь себя сгубилъ,
Врагамъ попавшись такъ неосторожно?»

Ставъ близъ него, учитель мой спросилъ:
«Гдѣ ты рожденъ?» и онъ въ отвѣтъ: «Въ Наваррѣ;
Тамъ при одномъ сеньорѣ я служилъ;

Отецъ же мой сгубилъ себя въ пожарѣ
Слѣпыхъ страстей и разорилъ весь домъ —
Первѣйшій мотъ! Потомъ при государѣ

Тебальдѣ Кроткомъ я служилъ рабомъ.
Тогда-то я предался гнусной страсти,
Въ чемъ мы отчетъ въ смолѣ здѣсь отдаемъ!»

И Вепрь Клыканъ — а у него изъ пасти,
Какъ у свиньи, торчали по бокамъ
Клыки — однимъ сталъ рвать его на части.

Попалъ мышенокъ въ лапы злымъ котамъ!
Но ихъ капралъ, обнявъ его руками,
«Прочь!» закричалъ, «пока натѣшусь самъ!»

И устремясь къ учителю глазами:
«Спроси еще», сказалъ, «но поспѣши;
Не то его здѣсь разорвутъ баграми.»

Тогда мой вождь: «И такъ намъ опиши,
Кто изъ Латиновъ здѣсь покрытъ смолою?»
И онъ: «Сейчасъ ушелъ я отъ души

Того, кто жилъ въ сосѣдствѣ съ ихъ страною.
О, если бъ съ нимъ я скрылся въ кипятокъ,
Не слышалъ бы когтей ихъ за спиною!»

Тутъ Вихрь Свирѣпый крикнулъ: «Конченъ срокъ!»
И, въ руку крюкъ ему вонзивъ, помчался,
Рванулъ и вырвалъ изъ нея кусокъ.

Digitized by Google

Драконье Жало также ужъ подкрался
Ужалить ногу; но десятникъ ихъ
Кругомъ, кругомъ злымъ окомъ озирался.

Тогда мой вождь — едва ихъ гнѣвъ притихъ —
Спросилъ того, что̀ съ ужасомъ во взорѣ
Еще смотрѣлъ на кровь изъ ранъ своихъ:

«Кто жъ этотъ духъ, съ кѣмъ ты разстался вскорѣ,
Не въ добрый часъ покинувъ страшный прудъ?» —
— «То былъ Гомита,» отвѣчалъ онъ въ горѣ,

«Монахъ Галлурскій, всякой лжи сосудъ:
Надъ плѣнными бывъ стражемъ у владыки,
Онъ честь снискалъ себѣ отъ нихъ за трудъ.

За деньги онъ пускалъ ихъ безъ улики,
Какъ говорить, и въ каждомъ ремеслѣ
Былъ взяточникъ не малый, а великій.

Донъ Лагодорскій, Цанке, съ нимъ въ смолѣ:
Ихъ языки усталости не знаютъ
И все толкуютъ о родной землѣ.

Но посмотри, какъ тамъ глаза сверкаютъ!
Мѣшаются отъ ужаса слова;
Того и жду, что спину полоскаютъ!»

Тогда взглянулъ бѣсовскій голова
Туда, гдѣ Сычь таращилъ очи злобно,
И крикнулъ: «Прочь, зловѣщая сова!»

— «Хотите ль видѣть и узнать подробно
Тосканцевъ, иль Ломбардцевъ?» молвилъ намъ
Испуганный: «здѣсь ихъ созвать удобно.

Пусть Злыя Лапы отойдутъ къ скаламъ,
Чтобъ грѣшники отъ нихъ не ждали мести;
А я, сидя на этомъ мѣстѣ, къ вамъ

Одинъ какъ есть вмигъ призову ихъ двѣсти,
Лишь свисну имъ: есть уговоръ у насъ
Предъ выходомъ давать другъ другу вѣсти.»

Digitized by Google

Борзой тутъ рыло поднялъ вверхъ, потрясъ
Башкой и молвилъ: «Онъ хитеръ: отъ муки
Въ смолѣ задумалъ онъ исчезнуть съ глазъ!»

Но тотъ, который былъ богатъ на штуки:
«Хитеръ?!.... О, слишкомъ буду я хитеръ,
Когда предамъ товарищей вамъ въ руки!»

Тутъ Криволетъ другимъ наперекоръ
Сказалъ: «Попробуй прыгнуть, за тобою
Не побѣгу въ погонь во весь опоръ,

Но крыльями взмахну я надъ смолою.
Каковъ-то будетъ у тебя успѣхъ,
Увидимъ мы, укрывшись за скалою!»

Послушайте, какой тутъ вышелъ смѣхъ! —
Всѣ въ сторону оборотили взоры,
И тотъ всѣхъ прежде, кто былъ противъ всѣхъ.

Мигъ улучилъ тогда Наваррецъ скорый:
Всталъ на ноги и въ смо́лу въ тотъ же мигъ
Прыгнулъ, вести имъ предоставивъ ссоры.

Такой ударъ всѣхъ озадачилъ ихъ;
Но бѣсъ, виновникъ шутки непріятной,
Помчался съ крикомъ: «Я тебя настигъ!»

Напрасный трудъ! быстрѣе былъ стократно
Испугъ, чѣмъ крылья: духъ пошелъ ко дну,
А бѣсъ вернулся на лету обратно.

Такъ утка вмигъ ныряетъ въ глубину
Отъ сокола, а онъ, обманутъ уткой,
Разсерженный, несется въ вышину.

Тогда Давило, разбѣшенный шуткой,
Помчался вихремъ, радъ, что есть предлогъ
Подраться съ тѣмъ, предъ кѣмъ обманщикъ чуткой

Исчезъ въ смолѣ, и когти рукъ и ногъ
Въ товарища впустилъ и такъ надъ ямой
Сцѣпился съ нимъ. Но тотъ былъ самъ не плохъ:

Digitized by Google

Какъ ястребъ самъ сцѣпился съ нимъ упрямо
Когтьми, и драка страшная была,
Пока не пали въ прудъ кипящій прямо.

Смола обоихъ тотчасъ разняла,
Но не было въ нихъ силъ взлетѣть надъ лавой:
Такъ облѣпила крылья имъ смола !

Тутъ сжалился надъ ними Чортъ Курчавый :
На помощь имъ велитъ тащить багры,
И четверо, налѣво и направо,

Спустились въ ровъ съ обрывистой горы,
И крючьями ихъ зацѣпивъ во мракѣ,
Вмигъ извлекли изъ смоляной коры.

И мы пошли, чертей оставивъ въ дракѣ.

Димитрій Минъ.

Digitized by Google

ВАШЪ СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ.

повѣсть.

Сердце человѣческое пронзаетъ | два
которой не дано изслѣдовать никому.
Новѣйшая Хрестоматія для юношества.

Герой извѣстенъ и не новъ предметъ....
Лермонтовъ.

I.

На какихъ-то водахъ, куда менѣе всего ѣздятъ больные, но гдѣ съѣзжается бездна здоровыхъ, съ разными цѣлями, кто прогнать сплинъ, кто попытать счастія въ игрѣ, кто изъ экономическихъ видовъ, напримѣръ чтобы не нанимать дачи на Каменномъ острову или, мѣсяца на два на три избавиться отъ однажды возложенной на себя обязанности давать еженедѣльные рауты съ буфетомъ въ залѣ и непремѣнно хотя одною современною знаменитостію въ числѣ гостей, что всегда обходится чрезвычайно-дорого, на какихъ-то водахъ, говорю, — а такихъ мѣстъ, въ послѣднее двадцатилѣтіе, благодаря Бога, развелось въ Россіи довольно, отъ Оренбурга до Одессы, отъ Гельсингфорса до Пятигорска, — на какихъ-то водахъ Дмитрій Николаевичъ Ижоринъ, въ первый разъ, столкнулся съ Лидневыми.

Семейство Лидневыхъ, въ ту пору, состояло изъ двухъ субъектовъ, матери вдовы и дочери невѣсты.... Я называю мать вдовою, потому что мужъ ея умеръ, года за три, до начала моего разсказа, — дочь невѣстою, за тѣмъ что ей было 17 лѣтъ или около того.

Digitized by Google

Мать звали Анной Петровной, дочь Софьей Михайловной.

За чѣмъ Лидневы пріѣхали на воды — объ этомъ ихъ, разумѣется, никто не спрашивалъ; какимъ образомъ или, вѣрнѣе, съ какою цѣлью, на тѣхъ же водахъ, очутился Ижоринъ, — этого онъ и самъ не зналъ.

Но о томъ какъ легко знакомятся на водахъ, на ярмаркахъ, на пироскафахъ, дорогой или соотечественники за границей, — слыхалъ каждый. И если вспомнить сколько и тутъ и тамъ, т. е. во всѣхъ этихъ случаяхъ, общество бываетъ смѣшано и разнокачественно, то нужно-ли объяснять почему, въ тѣхъ-же случаяхъ, такъ легко сходятся люди одного круга? Картежникъ ищетъ картежника, ремонтёръ знакомится съ ремонтёромъ, артистъ съ артистомъ, столичный житель радъ возможности посѣщать семейство хорошаго тона, сложившее съ себя свою угрюмую оффиціальность, которой никто не возитъ съ собою на воды.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Н., познакомившись съ Лидневыми, Ижоринъ сталъ бывать у нихъ почти каждый день.

Въ тотъ годъ, какъ нарочно, на водахъ случилось не много посѣтителей, и ему не трудно было замѣтить Лидневыхъ въ числѣ пяти или шести семей, пріѣхавшихъ изъ Петербурга. Они, во всѣхъ отношеніяхъ, принадлежали къ цвѣту хорошаго общества, того, къ которому привыкъ Ижоринъ, въ которомъ родился и вращался отъ колыбели.... И молодежи, какъ на грѣхъ, такого свойства какъ Ижоринъ, на водахъ оказалось мало. Все это должно было ихъ сблизить.

Лиднева-мать, не отличая видимо Ижорина отъ другихъ своихъ водяныхъ знакомыхъ, молодыхъ и старыхъ, мужчинъ и женщинъ, казалась очень довольна знакомствомъ съ нимъ; что касается до дочери, трудно было рѣшить, какое впечатлѣніе производилъ онъ на нее, потому-ли что Русскимъ дѣвицамъ, вообще, благоразумно воспрещается обнаруживать предъ кѣмъ то ни было свои впечатлѣнія, потому-ли что для нее, въ то время, еще не наступила пора сознанія. За всѣмъ тѣмъ Софья Михайловна, даже при гостяхъ, безъ ужимокъ

Digitized by Google

разыгрывала съ Ижоринымъ на фортепіано, лучшемъ какое только могли достать на водахъ, разныя піэсы въ четыре руки, и, иногда фальшивя, пѣла Итальянскія аріи, подъ его аккомпаниментъ.

Послѣднія явленія давали поводъ къ разнымъ заключеніямъ со стороны водяныхъ языковъ: злословіе исключительная болѣзнь, весьма-обыкновенная на водахъ. Большинство утверждало, что Ижоринъ женится на Софьѣ.

Мужчины злились, оттого что она успѣла прослыть богатой невѣстой; матери дочерей невѣстъ тоже злились, оттого что одна изъ нихъ, самая нѣжная, какимъ-то образомъ, дозналась, что Ижоринъ служилъ въ гвардіи и что у него прекрасное имѣніе подъ Тамбовомъ и другія, не-менѣе прекрасныя, въ другихъ губерніяхъ, не менѣе плодородныхъ, о чемъ, конечно изъ ревности къ общему благу, поспѣшила разболтать другимъ матерямъ.

Изъ молодыхъ людей болѣе близкіе съ Ижоринымъ уже поздравляли его, какъ бы полушутя. Въ отвѣтъ на эти поздравленія Ижоринъ улыбался, но не той улыбкой, за которой побѣдитель хочетъ иногда скрыть свою побѣду, съ тѣмъ именно, чтобы болѣе увѣрить всякаго въ своей удачѣ, а тѣмъ добродушнымъ смѣхомъ, который значилъ:

— Какъ же вы всѣ глупы, и видно у васъ головы-то пусты и понятія-то кривы, что не можете вы допустить никакого сближенія между мужчиной и женщиной молодыхъ лѣтъ, безъ того, чтобы, за этимъ, не послѣдовала, по крайней мѣрѣ, женитьба!

Но поздравлявшіе толковали его улыбку иначе, по своему.

Слухи, распространяемые кореннымъ и наноснымъ населеніемъ уѣзднаго города, доходили и до Лидневыхъ. Мать не обращала на нихъ никакого вниманія. Съ одной стороны она слишкомъ хорошо знала цѣну и себѣ и дочери, чтобы оскорбляться ими; съ другой, она не видѣла особенной причины бояться осуществленія того, что, покуда, еще сложилось только въ разгоряченныхъ фантазіяхъ людей, вѣчно-озабоченныхъ чужими дѣлами и, частію, уже было рѣшено

Digitized by Google

ими, лишь бы дочери вздумалось согласиться на такое рѣшеніе Въ самомъ дѣлѣ, Ижоринъ, сколько ни смотрѣла на него Лиднева, казался ей человѣкомъ столько порядочнымъ и столько способнымъ составить счастіе порядочной женщины, чтобы она не позволила бы себѣ колебаться ни одной минуты, если бы дочь, отдавши ему сердце, спросила у ней позволенія отдать ему и руку. Неволить же свою дочь, возбуждать въ дочери наклонность къ человѣку, къ которому та наклонности не оказывала и, сколько могла понять она, не чувствовала, объ этомъ она никогда бы и не подумала, потому что слишкомъ много любила дочь и сама слишкомъ еще молода была чувствомъ.

Когда городскія сплетни мелькомъ долетали до Софьи, она прилично краснѣла, но что же, ей-то бѣдной, оставалось дѣлать?

Ижоринъ точно не думалъ о женитьбѣ. Не то чтобы ему не нравилась Софья, не то чтобы она была дурна собою, не то чтобы онъ считалъ себя слишкомъ молодымъ или слишкомъ старымъ для женитьбы, а такъ: жениться, въ эту пору, онъ не находилъ большой надобности, и не было особенной охоты. Принуждать же себя въ чемъ бы то ни было онъ не привыкъ: таковъ былъ счастливый удѣлъ его отъ пеленокъ! Сколько и что бы мать дала за Софьей, этого онъ не зналъ, да и справиться когда-нибудь о состояніи Лидневыхъ ему ни разу не пришло и въ голову, а будь у нихъ хоть милліоны, это не подвинуло бы его къ союзу съ Софьей, не встрѣть онъ помимо всего, въ самомъ себѣ, желанія это сдѣлать, на томъ основаніи, что свободу свою онъ цѣнилъ дороже всего на свѣтѣ.

Анна Петровна до того любила свою дочь, до того была увѣрена въ ней и, съ тѣмъ вмѣстѣ, такъ велико было уваженіе, которое умѣлъ, въ обѣихъ, снискать Ижоринъ, что она, однажды, сама завела съ нимъ рѣчь обо всемъ, что на ихъ счетъ сложено было на водахъ.

Разговоръ, начавшійся смѣхомъ, смѣхомъ и кончился.

— Пусть ихъ забавляются, сказалъ Ижоринъ; намъ какое дѣло до нихъ?.... Я бы, можетъ быть, не сказалъ этого,

Digitized by Google

будь мы въ Петербургѣ, а здѣсь кто насъ знаетъ? Кто знаетъ меня? Если же бы, и въ самомъ дѣлѣ, кому-нибудь изъ нихъ, вздумалось выпустить что-нибудь объ насъ въ Петербургѣ, кто ихъ будетъ слушать тамъ? Кто имъ повѣритъ?

И Лиднева согласилась съ нимъ.

И должна была она согласиться, потому что былъ у нее и здравый смыслъ, и тактъ женщины хорошаго общества, и ясный взглядъ на вещи, не затемненный безусловною вѣрою въ глупыя вычуры того же общества.

Ижоринъ продолжалъ бывать у Лидневыхъ. Его принимали съ тѣмъ же непринужденнымъ радушіемъ, нынче какъ вчера. Продолжались дуэты съ дочерью, бесѣды съ матерью. Вы бы сказали, что они знакомы двадцать лѣтъ. Комментаріи шли своимъ чередомъ. Вниманіе тѣхъ, кто были ихъ предметомъ, не росло ни мало, что, по обычаю поджигало злословіе.

Въ такомъ порядкѣ прошло лѣто и подошла осень.... Воды, по немногу, стали пустѣть. Нѣкоторые изъ гостей, кому, повидимому, давно уже наскучили онѣ, однако же, не ѣхали: упорно выжидали они заблаговременно предсказанной ими развязки романа, котораго всѣ нити были сплетены соединенными силами съ такою любовью. Между тѣмъ не было возможности разсчесть предѣлъ этой развязки, что болѣе еще возстановляло всѣхъ на Лидневыхъ и на Ижорина.

Однимъ утромъ, у Лидневыхъ собралось человѣкъ до пятнадцати; къ дому подъѣхала карета, запряженная четверкою почтовыхъ лошадей.

Когда, вслѣдъ за тѣмъ, въ гостиную вошелъ Ижоринъ, въ дорожномъ костюмѣ, на лицахъ гостей выразилось какое-то странное недоумѣніе. Всѣ лица вытянулись на подобіе вопросительныхъ знаковъ, но, сверхъ того, на каждомъ порознь, выступило что-нибудь особенное. Одно лице хотѣло сказать:—Что же это значитъ? Развѣ онъ не женится на ней?

Другое: — За чѣмъ же они не ѣдутъ всѣ вмѣстѣ?

Digitized by Google

Третье: — Ну вѣрно женихъ, коли, мало того, что входитъ безъ доклада, но еще подъѣзжаетъ къ самому дому въ дорожномъ экипажѣ и, при насъ, рѣшается войти въ такомъ негліже, почти въ охотничьемъ платьѣ?

Четвертое: и т. д.

Словомъ, каждое лицо говорило свое. Начали перешептываться.

Остались, въ нормальномъ положеніи, только лица вошедшаго и хозяекъ, что, будучи замѣчено гостями, было единогласно, хотя безмолвно, отнесено къ заговору между ними и, непростительному ни въ какомъ случаѣ, лицемѣрію.

Ижоринъ поклонился всѣмъ вообще, потомъ подошолъ къ Аннѣ Петровнѣ и сѣлъ возлѣ нее.

— Что это, вы ужъ ѣдете, Дмитрій Николаевичь? какъ неожиданно! сказала хозяйка.

(На лицахъ нѣкоторыхъ гостей недоумѣніе, на другихъ саркастическая улыбка, которую можно перевести такъ: — знаемъ мы васъ какъ вы плохо играете!)

— Ѣду и тороплюсь: сегодня утромъ получилъ я письмо отъ брата; пишетъ, что у насъ началась охота, а я страстный охотникъ.

(Общая улыбка, болѣе первой многозначительная; вотъ ея переводъ: — Куда какъ тонокъ!)

— Скажите же пожалуйста: мы увидимся съ вами въ Петербургѣ, нынѣшней зимой?

(Негодованіе....)

— Не знаю какъ сказать. Не думаю. Я въ нынѣшнемъ году сдѣлалъ такой брешъ моему кошельку, что врядъ ли управляющій отпуститъ меня скоро изъ деревни.

(Лица гостей, внимательно-прислушивающихся, выражаютъ положеніе людей, при которыхъ бы вздумали объясняться по-Еврейски).

— Вы говорите не шутя?

— И очень....

Digitized by Google

— Вдвойнѣ жалѣю: непріятно за васъ. Каково провести зиму въ деревнѣ?.... А я считала на контрдансъ съ вами для моего перваго бала.

— Вы слишкомъ любезны.

— Не забудьте, по крайней мѣрѣ, что мы живемъ на Англійской набережной, въ домѣ Н.

За этимъ Ижоринъ всталъ, простился съ хозяйкой, сказалъ дочери нѣсколько словъ ничего не значащихъ, поклонился гостямъ, все еще удивленнымъ и недоумѣвавшимъ, вышелъ и уѣхалъ.

Гости, посидѣвши, разошлись по домамъ недовольные. Надо было отправляться во свояси, не дождавшись окончанія романа. Разсчетъ не удался.

Досталось же героинѣ и герою!

На другой день по отъѣздѣ Ижорина уѣхали и Лидневы.

Такая поспѣшность, совершенно случайная, я имѣю право говорить это положительно, обошлась Лидневымъ не даромъ: въ то время какъ одна дормеза уносила ихъ въ одну сторону, а другая Ижорина въ географически-противоположную, услужливые языки соединяли ихъ подъ Петербургомъ, самые усердные на третьей станціи отъ водъ, гдѣ Ижоринъ, какъ выѣхавшій днемъ раньше, по общимъ соображеніямъ, долженъ былъ ожидать Лидневыхъ. Не нашлось, по несчастію, на водахъ одного Ноздрева, чтобы подслужиться имъ своими лошадьми!

Но мы знаемъ, что они поѣхали по разнымъ дорогамъ, и всего замѣчательнѣе, что ни тотъ, ни другія не направили пути своего къ Петербургу: Лиднева съ дочерью поѣхала къ себѣ въ деревню; Ижоринъ скакалъ къ Тамбову, сломя голову, словно за наслѣдствомъ.

Едва оставилъ онъ за собою послѣднюю изгородку водянаго мѣстечка, какъ уже забылъ о немъ, принеся въ жертву мечтамъ объ охотѣ, которой ожидалъ съ нетерпѣніемъ, воспоминанія о водяныхъ дняхъ; иначе, быть можетъ, они и оставили бы въ его памяти какіе-нибудь слѣды.

Digitized by Google

Мы разстанемся съ Ижоринымъ года на три-четыре: можетъ быть, разлука съ нимъ помиритъ васъ, если вы уже сердитесь на него. Представьте себѣ, что и Лидневыхъ вы не видали сколько же времени....

Четыре зимы спустя послѣ поѣздки своей на воды, Ижоринъ пріѣхалъ въ Петербургъ.

Весь этотъ промежутокъ времени онъ провелъ, по прежнему, безъ положительной цѣли, въ странствованіи по сушѣ и морямъ.

Явившись въ Петербургѣ, невидавшемъ уже его довольно давно, онъ поспѣшилъ, во-первыхъ, исполнить сладкія обязанности родства, т. е. показать свое постарѣвшее нѣсколькими годами лицо всѣмъ дядюшкамъ и тетушкамъ (такою благодатью судьба снабдила его щедро, какъ и всякаго столбоваго Русскаго дворянина), потомъ объѣхалъ знакомыхъ, старыхъ товарищей по службѣ и школѣ и, наконецъ, приказалъ кучеру везти себя на Англійскую набережную, къ Лидневымъ.

— Анны Петровны нѣтъ въ Петербургѣ, сказалъ швейцаръ, и, узнавши въ Ижоринѣ одного изъ постоянныхъ гостей своей барыни на водахъ, тому четыре года, объяснилъ, что Анну Петровну ждутъ со дня на день изъ Москвы, куда она поѣхала еще по послѣднему пути на крестины къ Софьѣ Михайловнѣ. (Швейцаръ прежде служилъ камердинеромъ при Аннѣ Петровнѣ и былъ съ нею на водахъ.)

— Такъ Софья Михайловна замужемъ? спросилъ Ижоринъ. Въ его голосѣ слышалась какая-то нота, странная и ему не свойственная.

— Какъ-же-съ: другой годъ доходитъ — былъ отвѣтъ.

Ижоринъ не счелъ нужнымъ продолжать разговоръ, загнулъ карточку, сказалъ свой адресъ и просилъ, чтобы ему дали знать, когда пріѣдетъ барыня.

Возвратившись домой, онъ скоро забылъ о Лидневыхъ и о нотѣ, какъ-то нечаянно вырвавшейся у него изъ гортани при вопросѣ о Софьѣ, въ силу-ли привычки не останавливать вниманія на-долго ни на чемъ, или вслѣдствіе страсти, до-

Digitized by Google

вольно общей дѣтямъ нынѣшняго вѣка, накоплять и разнообразить впечатлѣнія дня, дискразіи занесенной къ намъ съ запада, вмѣстѣ съ другими повѣтріями, вредными не менѣе ея.

На дворѣ стояли святки съ ихъ блистательными балами, маскерадами, публичными и частными.

Само собою разумѣется, что Ижорину нужно было поспѣть вездѣ. Онъ и поспѣвалъ вездѣ, но трудно понять какъ ставало его на этотъ непрерывный рядъ безсонныхъ ночей, на эти вѣчные ужины, увѣнчиваемые шампанскимъ, на бѣготню съ масками для иныхъ интересными и церемонное и мѣрное хожденіе съ другими масками, вовсе не интересными ни для кого? Откуда бралъ онъ силы? Откуда время?

Зачѣмъ онъ ѣздилъ повсюду, зачѣмъ мучилъ и себя, и людей своихъ, и лошадей своего извощика, этого Ижорина, спросите вы его о томъ, — и самъ бы не умѣлъ сказать тогда. Ясно, что ему, видѣвшему и публичные балы Парижа и карнавалъ Венеціи, имѣвшему свободный доступъ въ отели Сен-Жерменскаго предмѣстія и на рауты первыхъ представителей Трехъ соединенныхъ королевствъ, трескотня свѣтская и уличная не могла казаться диковиной; но до того уже втянулся Ижоринъ въ это безпрестанное движеніе, что онъ не могъ, живя въ столицѣ, ни минуты посидѣть домз, хотя и въ маскерадъ, и въ собраніе, и на балъ ѣхалъ безъ цѣли, хотя и оперу слушалъ безъ страсти, и балетъ смотрѣлъ зѣвая; хотя и зналъ напередъ какою любезностію встрѣтитъ его та или другая хозяйка дома, о чемъ будетъ говорить съ нимъ мужъ, гдѣ ему предложатъ карточку, гдѣ будутъ убѣдительно просить танцовать.... Не такими-ли дѣлаемся всѣ мы въ извѣстную эпоху жизни, если судьба съ дѣтства баловала насъ, предоставивъ съ раннихъ лѣтъ въ наше распоряженіе средства наслаждаться жизнію и рвать да рвать по дорогѣ цвѣты?

Есть люди съ другимъ удѣломъ: труженики жизни, тѣ осуждены встрѣчать на каждомъ шагу мудреные вопросы; жизненное поприще тѣхъ людей, отъ перваго дня, слагается изъ препятствій и неудачъ: грустно ихъ прошедшее, не-

Digitized by Google

весело настоящее, темно будущее. Для людей этого рода театръ — наслажденіе, маскерадъ или балъ происшествіе, улыбка женщины — счастіе! Подобныхъ условій жизни не зналъ Ижоринъ: дѣтство его было рядъ удовлетворенныхъ прихотей, юношество продолженіемъ той же пѣсни, а зрѣлый возрастъ, въ который онъ считалъ себя вступившимъ съ того дня, какъ камердинеръ нашелъ въ его головѣ сѣдой волосъ, т. е. съ 28 лѣтъ, отличалось, по его собственному признанію, отъ двухъ первыхъ періодовъ только тѣмъ, что онъ промѣнялъ шампанское вино на бургонское и получилъ отвращеніе къ женщинамъ «съ шикомъ,» которыя, прежде, составляли предметъ его поклоненія, какъ и многихъ юношей.... И великое счастіе для Ижорина, что судьба, осыпавъ его такъ щедро своими дарами, не забыла удѣлить ему и достаточное количество здраваго смысла и простаго, природнаго ума, которыхъ никогда не замѣнили бы ни воспитаніе, ни богатства, ни жизненный опытъ: иначе Ижоринъ непремѣнно сдѣлался бы фатомъ. Но, благодаря его логикѣ, врожденной и ясной, этого не случилось. Онъ не драпировалъ себя въ интересную мантію ранняго разочарованія, хотя многое видѣлъ и много испыталъ, не хвалился побѣдами надъ женщинами, хотя вдоволь былъ любимъ ими, не хвастался умѣніемъ стрѣлять въ цѣль, хотя могъ изъ трехъ разъ два попасть въ туза изъ пистолета въ 20 шагахъ, — и, при всемъ этомъ, жилъ не ропща на судьбу, хотя, подъ часъ, и долженъ былъ сознаться самому себѣ, что его жизнь, не ознаменованная ни однимъ несчастіемъ, хуже и пустѣе жизни поденьщика, которому дано знать сладость отдыха послѣ суточнаго лошадинаго труда.

Характеры, выработавшіеся при тѣхъ условіяхъ, подъ которыми росъ и развился Ижоринъ, рѣдко имѣютъ такой исходъ: вотъ почему, я думаю, нельзя достаточно цѣнить ихъ.

....Святки текли своей пушистой дорогой, весело для однихъ, только шумно для другихъ, подъ граціозные аккорды Германа и Лядова.... Это было во времена славы старика-Германа; скажите, а давно ли?

Digitized by Google

На одномъ изъ тѣхъ съѣздовъ, куда толпою собрался цвѣтъ Петербургскаго общества потанцовать, полюбезничать, поужинать и позлословить, и гдѣ, вы уже отгадали, былъ и Ижоринъ, едва кончился первый кадриль и мужчины отошли небольшими кружками въ одинъ изъ концовъ танцовальной залы, лакей доложилъ:

— Графъ и Графиня Б....!

Мужчины съ любопытствомъ повернулись къ двери офиціантской. Видно было, что они ожидали появленія чего-то особеннаго.

— Что такое? спросилъ Ижоринъ у одного изъ своихъ сосѣдей.

— Графиня Б.... Развѣ вы не слыхали о ней? Вотъ что значитъ не быть въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ.... У насъ что день, то новое чудо.

— Не слыхалъ....

И, вмѣстѣ съ другими, Ижоринъ машинально смотрѣлъ по направленію къ двери.

Вошелъ кавалергардъ въ красномъ мундирѣ и, объ руку съ нимъ....

Ижоринъ остолбенѣлъ.

Кавалергардскій офицеръ велъ подъ руку жену свою, Софью Михайловну.

Неизмѣримо было разстояніе отъ Графини Б. до той Софьи Михайловны Лидневой, которую, въ первый разъ, встрѣтилъ Ижоринъ на водахъ, тому четыре года. Не могъ онъ однако же не узнать ея: то же лицо, тѣ же глаза, тотъ же ростъ, тѣ же волосы, все это, конечно, и не успѣло измѣниться, а, все-таки онъ видѣлъ передъ собою другую женщину, да что другую? онъ, прежде и не зналъ въ ней женщины, а теперь она была женщина въ полномъ смыслѣ слова, и еще свѣтская женщина съ тѣмъ магическимъ ореоломъ, который придаютъ красотѣ богатство, увѣренность въ самой себѣ и удовольствіе имѣть мужемъ молодцомъ и блистательнымъ кавалеромъ.

Digitized by Google

Прозрачное газовое платье темноголубаго цвѣта, сверхъ бѣлой атласной юбки, казалось наброшеннымъ кистью на мастерски-изваянныя формы Графини, такъ рѣзко обозначалась каждая изъ этихъ формъ сквозь газъ и атласъ. Вѣнокъ изъ васильковъ, почти безъ зелени, удивительно отбивалъ золотистый отливъ ея бѣлокурой, густой косы; на матовой бѣлизны шеѣ, какъ бы нечаянно-забытая, вилась нитка дорогаго жемчуга, скрѣпленная сзади однимъ изъ тѣхъ солитеровъ, какіе, развѣ пятидесятилѣтіями, выбрасываютъ рудники Кордилліерскіе; въ рукѣ Графиня держала букетъ изъ бѣлыхъ камелій.

Цѣлое было ослѣпительно.

Представьте же себѣ, что сдѣлалось съ Ижоринымъ. Три года тому назадъ ему показали силуэтъ, начерченный, можетъ быть, и довольно опытной рукой, но на-скоро, карандашомъ и такъ, что даже трудно было рѣшить, хорошъ ли оригиналъ; теперь передъ нимъ стоялъ портретъ того же лица, но во весь ростъ, писанный художникомъ, и великимъ художникомъ. Силуэтъ почти отдавали Ижорину, но портретъ неотъемлемо и безвозвратно принадлежалъ другому....

Не будемъ, однако же, пристрастны къ Ижорину. Онъ былъ художникъ въ душѣ, о томъ ни слова, но не одно артистическое чувство взыграло въ немъ при видѣ Графини: зазвучали и другія струны.

Вы, можетъ быть, уже и поняли это.

Во всякомъ случаѣ ему нужно было видѣть Графиню не на балѣ, нужно было говорить съ нею, нужно было.... да мало ли что?

— Какъ?

— Что такое?

— Да за чѣмъ же это?

— Авторъ сошелъ съ ума!

Такіе вопросы слышатся мнѣ.

Повремените.

На балѣ Ижоринъ не подошелъ къ Графинѣ, почему? это сказать не такъ легко; онъ даже не вспомнилъ о томъ, что

Digitized by Google

мужъ ея, Графъ Б., былъ его старый товарищъ по школѣ. И то и другое пришло ему въ голову дома, уже часу въ 6 утра, когда, послѣ тщетнаго усилія заснуть, онъ успѣлъ въ трехъ мѣстахъ прожечь халатъ горячимъ пепломъ сигары, перечитать нѣсколько разъ заглавія всѣхъ книгъ, давно валявшихся на его письменномъ столѣ и выпить съ полдюжины бутылочекъ шипучаго лимонада.

Между тѣмъ какъ утренній свѣтъ, сквозь густыя занавѣски оконъ, просится въ спальню Ижорина, и онъ, бросившись въ постель, ищетъ возможности забыться сномъ хоть не на долго, не объяснимъ-ли мы, почему такъ взволновало его появленіе Софьи Михайловны, подъ фирмой и съ правами Графини Б.

Четыре года тому назадъ, когда случай свелъ Ижорина съ Лидневыми, понятно, что онъ не обратилъ на Софью особеннаго вниманія. И тогда уже довольно пожилъ Ижоринъ, вдоволь наглядѣлся свѣженькихъ губокъ, розовенькихъ и интересно-блѣдныхъ щекъ, черезъ край наслышался тоненькихъ, серебряныхъ голосковъ, подобныхъ.... ну, подобныхъ чему вамъ угодно. А какъ въ Софьѣ, въ то время, нельзя было найти ничего кромѣ нѣкоторыхъ, весьма обыкновенныхъ атрибутовъ той красоты, что Французы такъ произвольно назвали красотою дьявола — la beauté du diable, — то на чемъ бы остановился и безъ того уже утомленный глазъ? Если, въ то же время, не нашлось между ними ни одной общей струны, что могло случиться и при разницѣ лѣтъ, и при всѣхъ недостаткахъ красоты Софьиной, по понятіямъ самого Ижорина, не удивительно, что Ижоринъ, въ четыре года разлуки, и не вспомнилъ о Софьѣ, — онъ, которому нужно было помнить обо всемъ или не помнить ни о чемъ. Но когда предстала предъ нимъ женщина въ ея полномъ развитіи, во всемъ блескѣ свѣтской красоты, и память сказала ему, что эта женщина была та самая Софья, которая, четыре года тому, кинулась бы къ нему на шею, только захоти онъ этого (въ этомъ, если онъ такъ говорилъ себѣ, Ижоринъ не льстилъ себѣ нимало), и теперь принадлежала другому, не могъ онъ

Digitized by Google

не сознаться, передъ самимъ собою, въ своей оплошности. И, что еще чрезвычайно важно, встрѣть онъ Софью объ руку съ какимъ-нибудь старикомъ, сдѣлайся она женою одного изъ тѣхъ безжизненно-восковыхъ и почтенныхъ лицъ, за которыя, иногда, выходятъ послушныя дочки по приказанію нѣжныхъ маменекъ, онъ болѣе гораздо пожалѣлъ бы о ней, нежели о себѣ.... Ея несчастіе не дало бы въ немъ мѣста никакому чувству, кромѣ чувства состраданія. Но, узнавъ въ ней подругу человѣка молодаго, имѣвшаго всѣ данныя на ея привязанность, можетъ быть даже на восторженную любовь, Ижоринъ не хотѣлъ простить ей ея счастіе, потому что не могъ простить себѣ свою прошедшую недальновидность.... Свѣтскій элементъ торжествовалъ.

Появленіе прекрасной четы Б.... на балѣ произвело въ Ижоринѣ страшное волненіе; въ этомъ волненіи сливалась два двигателя: удивленіе и ревность; оба, на первый взглядъ, равно непонятны. Въ самомъ дѣлѣ, чему было дивиться, что дѣвочка, какъ и большая часть ея свѣтскихъ сестеръ въ извѣстныя лѣта, безцвѣтная и ничѣмъ не замѣчательная, стала въ четыре года, женщиной, останавливавшей общее вниманіе и возбуждавшей сочувствіе каждаго мужчины? Развѣ рѣдки примѣры такого порядка вещей? Развѣ тотъ же Ижоринъ не видалъ тысячу разъ подобныхъ же случаевъ? — Съ чего вздумалъ онъ ревновать? Вѣдь онъ не любилъ Софью.

Чтобъ отвѣчать на всѣ эти вопросы, нужно бы было прочитать здѣсь цѣлый курсъ психологіи: и тогда, Богъ знаетъ, дошли ли бы мы до разрѣшенія этихъ интересныхъ задачъ. Покуда и за неимѣніемъ лучшаго, я отсылаю читателя къ первому эпиграфу моей повѣсти: другаго отвѣта, до времени, я представить не въ силахъ....

Не подлежитъ, однако же, сомнѣнію, что Ижоринъ не предложилъ себѣ ни одного изъ этихъ вопросовъ: онъ думалъ только о томъ, какъ бы поскорѣе увидать Графиню. Ему нужно было, или чтобы она сказала ему, что она несчастна, что ее выдала мать замужъ насильно; тогда бы онъ успокоился и, прямо отъ нее, непремѣнно бы отправился обѣдать

Digitized by Google

къ Леграну (современные Каремы, Сен-Жоржъ и Дюсо, еще не выступали своимъ именемъ на славное поприще), или, ну да что же нужно ему было въ томъ случаѣ, еслибъ онъ услышалъ отъ Софьи, что она счастлива и любитъ своего мужа? (въ чемъ, замѣтитъ кстати, онъ почти и не сомнѣвался, потому что Графъ Б..., во всѣхъ отношеніяхъ, заслуживалъ любви порядочной женщины) — этого Ижоринъ, опять таки, не зналъ. Но не предполагалъ же онъ разрушить это счастіе; таковъ не могъ быть его порывъ: Ижоринъ никогда не слылъ Донъ-Жуаномъ и не искалъ славы обольстителя. А Графа Б., между тѣмъ, онъ уже ненавидѣлъ въ душѣ, и ему совѣстно было сознаться въ этомъ передъ самимъ собою, за тѣмъ что, до сихъ поръ, онъ оставался, во всей силѣ, вѣренъ достоинству честнаго человѣка.

II.

Почти не спавши, Ижоринъ вскочилъ съ постели, часу въ 12-мъ, перепробывалъ нѣсколько галстуковъ, что до крайности удивило его камердинера, на которомъ, искони, лежала отвѣтственность въ выборѣ костюмовъ на тотъ или другой выѣздъ, бросилъ въ сторону десятка съ два жилетовъ, отдавъ предпочтеніе одному какому-то, на который, неизвѣстно почему камердинеръ разсчитывалъ въ свою пользу и который, оттого, не охотно подавалъ барину, и изорвалъ не одну пару перчатокъ. Такое начало дня было признакомъ необычайной тревоги въ Ижоринѣ; лѣнивый на все, въ особенности же на бездѣлицы, онъ никогда не занимался подробностями туалета.

Въ часъ онъ уже былъ на Англійской набережной, у подъѣзда дома Лидневой, гдѣ, по его разсчету, онъ долженъ былъ встрѣтить Софью. Если же она съ мужемъ жила бы не у Лидневой, то не имѣлъ онъ возможности ѣхать прямо къ ней, однажды онъ уже не поклонился ея мужу, какъ старому товарищу.... Впрочемъ, довольно ему было на первый случай и самой Лидневой: изъ двухъ-трехъ словъ ея онъ надѣялся вывести свои заключенія.

Digitized by Google

— Давно пріѣхала Анна Петровна? былъ вопросъ его швейцару.

— Третьяго дня-съ, да не приказали никому давать знать: не такъ что-то здоровы-съ.

— Гм!....

— И сегодня не принимаютъ еще.

Ижоринъ, съ минуту, посмотрѣлъ на кончикъ своей галоши, потомъ отослалъ своего кучера домой, предоставляя ему въ бесѣдахъ съ пріятелями, относить визитъ на Англійскую набережную къ числу любовныхъ похожденій барина, и пролетѣлъ мимо швейцара, удивленнаго, вверхъ по лѣстницѣ.

— Не принимаютъ-съ. Такими словами встрѣтили его лакеи.

— Мнѣ непремѣнно нужно видѣть Анну Петровну.... Доложите.

Лакеи переглянулись вопросительно. Ихъ смущало это нарушеніе порядка и законовъ общежитія, въ которые вѣровали свято и они, блаженныя дѣти природы.

— Доложите! долженъ былъ повторить Ижоринъ.

Голосъ его былъ рѣшителенъ. Лакей пошелъ.

— Пожалуйте.

Ижоринъ хотѣлъ бросить ему свой кошелекъ и удержался.

— Vous avez forcé la consigne, Mr. Ижоринъ, сказала ему Лиднева, такъ ужъ не взыщите на старухѣ: — она показала на свое неглиже — мнѣ что-то не можется эти дни.

— Это съ дороги.

— А вы почемъ знаете, что я изъ дороги?

— Я заѣзжалъ къ вамъ, тому съ мѣсяцъ, и мнѣ сказали, что вы въ Москвѣ.

— Я васъ не благодарю. Да, я ѣздила за Софьей: вы вѣрно видѣли ее вчера на балѣ у ....?

— Вообразите: видѣлъ и не поклонился.

— Что же это съ вами? вы, кажется, съ ней не ссорились. Не влюблены ли вы? Давно пора.... Вы все еще

Digitized by Google

не женаты?.... Ижоринъ чуть ли не покраснѣлъ: ему становилось не ловко.

Лиднева этаго не замѣчала. Она была исполнена вниманія къ нему, любезна до nec plus ultra, съ участіемъ разспрашивала его о путешествіяхъ, о его дѣлахъ, она не забыла даже и охоты, къ которой онъ, не разъ при ней, оказывалъ свою слабость, словомъ, обходилась съ нимъ какъ съ короткимъ и хорошимъ знакомымъ, чьимъ пріѣздомъ была бы искренно обрадована.... Но разговоръ не вязался.

— Софья сегодня обѣдаетъ у меня съ мужемъ; больше никого не будетъ: я для всѣхъ больна.... Если не боитесь моего семейнаго супа....

Ижоринъ, однако же, отказался, отговорившись какимъ-то прежде даннымъ обѣщаніемъ: ему вздумалось дуться на Лидневу. Или вдругъ, самъ онъ не зналъ почему, ему ни за что не хотѣлось остаться.

Лиднева взяла съ него слово, что онъ будетъ навѣщать ее часто и безъ чиновъ, ради прежняго, нецеремоннаго знакомства.

Выщедъ отъ Лидневой и, не знавши куда бы дѣваться ему, Ижоринъ свернулъ на Невскій проспектъ. Потомъ пошелъ по Невскому налѣво. Несносны были выраженія встрѣчавшихся лицъ: иные, казалось ему, высовывали языки и дразнили его....

— Что за чортъ! подумалъ Ижоринъ.

Снѣгъ между тѣмъ валилъ хлопьями, прямо въ лицо ему, падалъ за галстукъ, небрежно повязанный.

У самаго подъѣзда кондитерской Доминика онъ, носъ къ носу, столкнулся съ однимъ изъ своихъ свѣтскихъ пріятелей, остановилъ его и, ни съ того ни съ сего, сталъ выхвалять его бобровый воротникъ.

Пріятель посмотрѣлъ на него.

— Войдемъ, по крайней мѣрѣ, а то, черезъ десять минутъ, мы рискуемъ превратиться въ статуи Лѣтняго сада, сказалъ пріятель.

Digitized by Google

— Войдемъ, я очень радъ! отвѣчалъ Ижоринъ.

Чему онъ былъ радъ?

Они спросили обѣдать. Ижоринъ и ѣлъ и не ѣлъ, но сдѣлалъ мальчику, имъ прислуживавшему, строгій выговоръ за какой-то фрикасе и потребовалъ самого Доминика. Доминику онъ поставилъ на видъ, что подобная небрежность можетъ лишить его всей практики и, кажется, даже грозилъ не платить за фрикасе. Доминикъ, привыкшій видѣть въ Ижоринѣ одного изъ смиренныхъ поклонниковъ его искусства, былъ изумленъ и самъ побѣжалъ на кухню.

Пріятель терялся въ догадкахъ и, раза два, сквозь хрусталь стакана, изъ котораго, легонько и съ чувствомъ знатока, прихлебывалъ бархатный Крузе, взглянулъ на Ижорина какъ-то сомнительно.

— Кто твой докторъ? наконецъ рѣшился спросить пріятель.

— Мой докторъ? У меня нѣтъ доктора: я не имѣлъ надобности въ докторѣ до сихъ поръ въ Петербургѣ.

— Странно однако же, сказалъ про себя пріятель.

Они вышли вмѣстѣ. Пріятель спѣшилъ въ театръ.... Ижоринъ пошелъ въ противоположную сторону, но, къ третьему дѣйствію Жизни за Царя, очутился въ своемъ абонированномъ креслѣ.

Тѣми же днями, какъ-то вечеромъ, Ижоринъ сидѣлъ у Лидневой.

Она, въ первый разъ, принимала. Народу, по этому, съѣхалось много: родня — племянники, кузины, тетки — знакомые и такія лица, которыхъ она едва знала въ глаза, и которыя слетаются на вечерній свѣтъ гостиныхъ какъ мотыльки на огонь, какъ мухи на варенье; какъ тѣ обжигаются, какъ эти липнутъ.

Пріѣхали Б.....

— Старинный знакомый! сказала Лиднева дочери, подводя къ ней Ижорина.

— Я видѣла Mr. Ижорина на балѣ у .... и не узнала.

Digitized by Google

Если бы я не боялась сказать глупость, продолжала Софья Михайловна, я бы замѣтила, что вы постарѣли.

— Я не думаю, чтобы вы были не правы, Графиня: жизнь не даетъ даромъ ни одного дня, и, если бы мнѣ пришлось платить за однѣ воспоминанія....

Подошелъ Графъ Б.

— Мой мужъ, прервала Софья.

— Мы съ вами встрѣчаемся, кажется, не въ первый разъ: нѣтъ и десяти лѣтъ, какъ мы, вмѣстѣ, разсчитывали день выпуска въ офицеры. Такъ началъ Графъ.

— Вы говорите вѣрно о братѣ.... Что до меня, я вышелъ изъ школы до Персидской кампаніи.

— Виноватъ.... но и вы....

Графъ, въ этотъ мигъ, долженъ былъ поклониться одной изъ вошедшихъ дамъ. Дама обратилась къ нему съ какимъ-то важнымъ вопросомъ.

Разговоръ опять былъ прерванъ. Ижорину оставалось дождаться конца вечера, чтобы получить приглашеніе отъ Софьи....

Онъ подошелъ къ кому-то изъ своихъ близкихъ знакомыхъ.

— Что за фатъ этотъ Б...? сказалъ онъ ему.

— Откуда эти идеи? C'est la meilleure pâte d'homme que je connaisse! Этотъ отзывъ очень подозрителенъ: у него такъ хороша жена!

Ижоринъ отвернулся и, едва ли не съ удовольствіемъ, ухватился за карточку, между двумя полуслѣпыми старухами и одной глухой, которая славилась тѣмъ, что никогда не платила.

Вечеръ и не кончился безъ приглашенія отъ Софьи. Но она сказала, что во вторникъ, на слѣдующей недѣлѣ, даетъ балъ. Значитъ, почти нельзя было ѣхать до утра бала и, въ это утро, предстояло быть не принятымъ.

Digitized by Google

Ижоринъ пріѣхалъ домой внѣ себя отъ досады. Онъ, опять по-напрасну, заставилъ ждать себя.

Въ семь часовъ утра онъ спросилъ ужинать и наѣлся преисправно. Стало быть моральныя потрясенія не всегда отнимаютъ аппетитъ.

За тѣмъ онъ вздремнулъ часа три: безсвязныя грёзы, одна другой нелѣпѣе, смѣняли одна другую. Не было и одиннадцати часовъ, когда Ижоринъ поднялся съ постели, будто измученный длинной и скверной дорогой, въ безпокойномъ экипажѣ. И боленъ онъ былъ, и усталъ, и какъ-то ни на что смотрѣть не хотѣлось.

Разсѣянно взглянулъ онъ въ окно.

Петербургское утро, сѣрое, туманное, кислое, бросало свою печально-неопредѣленную тѣнь и на дома, и на прохожихъ, и на клячу водовоза, съ трудомъ тащившую огромную бочку на крошечныхъ дровняхъ. Въ воздухѣ висѣли мелкія порошинки мокраго снѣга.... Ѣхало и шло по улицѣ много. Вывѣска портнаго, живщаго, изъ окна въ окно, напротивъ дома занимаемаго Ижоринымъ, и которую, по этому, онъ осужденъ былъ читать каждый день, грустно наклонилась: эмблема вѣчной дѣятельности Семена Кирпичева, чье имя золотыми буквами, красовалась на вывѣскѣ, раскрытыя ножницы, какъ будто нѣсколько закрылись, словно утомленныя.... Въ такое утро, если взглянуть на Петербургъ, трудно повѣрить, чтобы это былъ тотъ самый городъ, который, вечеромъ, разсыпается по баламъ, наполняетъ театры и концерты, пляшетъ, веселится; трудно вообразить себѣ, чтобы люди, прошедшіе и проѣхавшіе мимо васъ, поутру, съ этими вытянутыми лицами были тѣ самые, которые, вечеромъ, съ такимъ изступленіемъ предаются цвѣтобѣсію, подносятъ вѣнки за вызванное артистомъ сочувствіе, или, восторженными рукоплесканіями, потрясаютъ своды огромныхъ зданій!

Картина, двигавшаяся передъ глазами Ижорина, хотя и не возмутила его особенно, однако же онъ отошелъ отъ окна недовольный.

Digitized by Google

На письменномъ столѣ, къ которому подошелъ онъ, спокойно лежали тѣ же книги, дѣвственный нумеръ журнала, газеты нетронутыя; онъ, на удачу, разрѣзалъ книжку журнала. Въ журналѣ печатался Большой Свѣтъ, эта прекрасная повѣсть, которую вы знаете. Страница, взглянувшая на Ижорина, видно непріятно поразила его: есть больные, которые неохотно смотрятся въ зеркало; онъ бросилъ журналъ и принялся играть съ своимъ вѣрнымъ Amico. Amico былъ лягавый песъ, рѣдкой красоты.

Раздался звонокъ.

— Михайло Петровичь! доложилъ лакей.

— Проси.

Вошелъ пріятель, знакомый уже намъ собесѣдникъ Ижорина у Доминика.

— Ты все хандришь?

Пріятель опустился на одно изъ тѣхъ сѣдалищъ, созданныхъ фантазіею Гамбса, которымъ, въ Русскомъ языкѣ, трудно пріискать названія.

— Тоска, братецъ.

— Отъ чего не былъ ты вчера въ театрѣ? Какъ хороша Тальони въ Тѣни!

— Я боленъ....

— Ты видѣлъ Эльслеръ? Кто изъ нихъ лучше?.... А Гризи?

— Да, Эльслеръ хороша.... Эльслеръ лучше ... Нѣтъ, Тальони лучше, но, т. е. какъ тебѣ сказать?

— Я не понимаю.

— Всѣ онѣ пренесносныя.

— Помилуй, Ижоринъ.

— Да тебѣ чего хочется?.... Вотъ видишь ли: Гризи, по моему, всѣхъ выше.

— Ты ѣдешь сегодня къ Х....? онъ звалъ въ 2 часа.

— Мнѣ некогда.

— Что жъ я ему скажу?

Digitized by Google

— Скажи, что.... скажи что хочешь: онъ мнѣ надоѣлъ.

— Decidemment, vous êtes dans une de vos plus noires journées!

— Чего бы съѣсть?.... Знаешь quelque chose pour....

— Я бы выкурилъ сигарку.

— Человѣкъ, сигарку!....

Человѣкъ подалъ сигарки.

— Гдѣ ты берешь сигарки, Ижоринъ?

— Право не знаю.... Перестаю курить ... Le cigare mène à la ruine.

— Бѣдныя сигарки! Чѣмъ онѣ тебя прогнѣвили?

— Je me range....

— Сѣдло отъ Вальтера! доложилъ вошедшій человѣкъ.

— Хорошо, сказалъ Ижоринъ: я заѣду.

— Зачѣмъ тебѣ сѣдло? спросилъ пріятель.

— Какъ зачѣмъ? ѣздить....

— Да ты никогда не ѣздишь.

— Буду ѣздить....

Пріятель, закуривши сигару, опрокинулся на своемъ сиденьи. Ижоринъ тоже взялъ сигару, улегся на диванѣ и, спинельною кистью халата, сталъ щекотать ноздри собаки; собака морщилась, морщилась и кончила тѣмъ, что ухватилась за кисть зубами и общипала ее.

— Глупая собака! сказалъ Ижоринъ.

— Еще бы ты выхлесталъ ей глаза.

Пріятели опять помолчали.

— Слышалъ ты скандалезную новость?

— Ну?

— Князь Грибушкинъ вздумалъ ухаживать за Графиней Софьей.

— Что же изъ этого?

— Помилуй, третьяго дня, въ оперѣ: Князь въ ложу къ нимъ, мужъ изъ ложи.

Digitized by Google

— И охота замѣчать!

Послѣднія слова были сказаны съ притворнымъ хладнокровіемъ: Ижоринъ всталъ съ дивана и, крупными шагами, принялся измѣрять комнату.

— Человѣкъ, карету!

— Ты ѣдешь? спросилъ гость.

— Нѣтъ.... да.... Извини меня, Мишель.

— Кстати и мнѣ пора.... Ты будешь въ собраніи?

— Не знаю.

— До свиданія.

Мишель уѣхалъ.

Вошелъ камердинеръ и, молча, вперилъ въ Ижорина вопросительный взглядъ.

— Что тебѣ?

— Изволите одѣваться!

— Поди.

Ижоринъ усѣлся передъ письменнымъ столомъ, переломалъ нѣсколько стальныхъ перьевъ, заржавѣвшихъ отъ бездѣйствія и не хотѣвшихъ его слушаться.

Онъ позвонилъ.

Явился опять камердинеръ.

— Да дай ты мнѣ перо!

Камердинеръ нашелъ годное перо: оно лежало подъ самымъ носомъ у барина.

Баринъ взялъ перо, попробовалъ его и положилъ.

Разбросанныя тетрадки затѣйливо-щегольской бумажки, которой одинъ видъ, бывало, рождалъ непрерывную цѣпь любезностей и нѣжнѣйшихъ клятвъ, на этотъ разъ, не вдохновляли Ижорина. Тщетно улыбались ему амуры, тщетно качались райскія птицы на золотыхъ кольцахъ и фантастическихъ растеніяхъ!

Онъ грызъ перо, смотрѣлъ въ потолокъ, хваталъ себя за голову и, въ этихъ извѣстныхъ приготовленіяхъ, убивъ болѣе времени, нежели сколько, въ дни-оны, нужно было ему

Digitized by Google

на сочиненіе самаго замысловатаго мадригала, наконецъ выбралъ одинъ какой-то листокъ, почти безъ амуровъ и птицъ, и написалъ:

— Графиня! Если бы вы знали, что теперь дѣлается со мною....

Поставивъ занятую, онъ опять схватился за голову.

— Глупо и старо! произнесъ онъ въ голосъ. И потомъ что?

Листокъ былъ положенъ въ сторону. Онъ взялъ другой, подумалъ и началъ такъ.

— Il y a des moments dans la vie humaine....

На этомъ онъ остановился.

— Ни на что не похоже! И что за идея писать по-Французски?

Второй листъ бумаги имѣлъ участь перваго.

— Что это со мной сегодня? спросилъ онъ себя.

Подъ столомъ пріютился Amico, Ижоринъ сердито толкнулъ его ногой: собака жалобно завыла.

— Эй, прогоните собаку!

Собаку прогнали.

Третій листокъ ожидалъ плода вдохновенія Ижорина.

Онъ бросилъ перо и отправился ходить по комнатамъ. Нашедъ недокуренную сигару, онъ закурилъ ее съ какимъ-то ожесточеніемъ и, изо всѣхъ силъ, втягивалъ въ себя дымъ. Ему хотѣлось выжать изъ сигары выраженіе того, что никакъ, изъ-подъ его руки, не ложилось на бумагу. Но сигара, можетъ быть отъ того, что была не довольна его обхожденіемъ, осталась нѣма и не помогла ему выйти изъ затрудненія, за что и полетѣла въ каминъ.

Онъ подошелъ къ одному изъ оконъ, откуда былъ видъ на улицу.

Погода прояснилась. По тротуару шелъ расфранченый господинъ съ барыней, одѣтой прилично. Они остановились противъ самаго окна, въ которое смотрѣлъ Ижоринъ. Баринъ что-то разсказывалъ барынѣ, потомъ пожалъ плечами, улыбнулся и взглянулъ на окно.

Digitized by Google

Ижорину казалось, что они смѣются надъ нимъ. И непремѣнно нужно ему было увѣрять себя, что онъ знаетъ этого господина, что онъ видалъ, гдѣ-то, и барыню.

Они прошли.

Тогда стали переходить улицу будочникъ и, съ нимъ, какая-то баба: на самой серединѣ улицы они остановились. ....Будочникъ все смотрѣлъ на окно, баба, тожé, по временамъ, оглядывалась.

— Ну а этимъ что надо? подумалъ Ижоринъ.

— Глупая улица! сказалъ онъ, уже въ слухъ, — завтра же переѣду.

Въ эту минуту, какъ нарочно, лучь зрѣнія его упалъ на знакомую вывѣску портнаго. Слова: Семенъ Кирпичевъ, какъ будто бы, выразили отвратительную физіогномію, искривленную сардонической улыбкой: ножницы страшно растопырились, точь въ точь иной ротъ отъ смѣха....

Ижоринъ отскочилъ отъ окна, какъ ужаленный змѣей и, походивъ, опять очутился у своего письменнаго стола.

— Надо же написать! рѣшилъ онъ про себя.

И онъ написалъ.

«Смѣйтесь, Графиня, а я Васъ люблю, — люблю такъ, что не найду сравненій на нашемъ пошломъ, вседневномъ языкѣ! .... Какъ это случилось—не знаю, но съ той минуты, когда я увидалъ Васъ на балѣ у, ...нѣтъ у меня иной мысли, кромѣ Васъ, инаго желанія, какъ стоять передъ Вами, видѣть Васъ и благоговѣть. Если Вы уже знали все это, если моя тайна не тайна для Васъ, я пропалъ навсегда,— я въ рукахъ вашихъ, какъ школьникъ, котораго бы поймалъ учитель, и, какъ тотъ учитель, вы строго меня накажете: таковъ неумолимый обычай свѣта, чьи законы, увы! тяготятъ надъ нами обоими почти равно. Но если въ васъ есть искра настоящаго чувства, того, какимъ Богъ надѣляетъ избранныхъ имъ любимицъ, вы услышите меня и простите! Во всякомъ случаѣ участь моя въ вашихъ рукахъ: уже ли захо-

Digitized by Google

тите Вы воспользоваться вашею властію, чтобы отнять у меня, навсегда, всякую вѣру въ возможность счастія?»

Перечитавъ эту нелѣпицу, которую, быть можетъ, изъ любви къ своему герою, авторъ и не долженъ бы былъ представлять въ буквальномъ спискѣ съ подлинника, Ижоринъ остался доволенъ ею, оттого ли что, на ту пору, могъ читать только глазами, оттого ли что рѣшился признать себя не способнымъ на что-нибудь лучшее, разумѣется, до времени.

Пуле былъ запечатанъ.

Яшка, 16-ти-лѣтній фигаро, въ штиблетахъ, бархатной кюлотѣ и голубомъ ливрейномъ фракѣ съ гербовыми пуговицами, смазливый и проворный, съ ненарушимо-серьезной миной привыкшій исполнять въ точности всякаго рода порученія своего барина, — молча принялъ записку изъ рукъ Ижорина, и, выслушавъ его наставленія, поклонился съ приличною важностію и поскакалъ въ одну изъ Морскихъ, къ Б., во всю мочь легкихъ извощичьей лошади.

III.

Былъ уже часъ третій дня.

Софья Михайловна сидѣла за туалетомъ. Около нее увивались горничныя, сливки Петербургскихъ субретокъ. — Что Хлестакова или друга его Тряпичкина, встрѣть они на улицѣ любую изъ этихъ горничныхъ, непремѣнно бы разобрала охота спросить ее о здоровьѣ, и чего добраго? подойдти къ ручкѣ— это вы знаете.

Подали записку.

— Отъ кого? спросила Софья, не узнавшая почерка на адресѣ.

— Отъ Ижорина-съ.

— О чемъ бы онъ могъ писать мнѣ? подумала она.

Въ предположеніяхъ, какія ни дѣлала, она была за сто верстъ отъ истины.

Сорвавши облатку, едва успѣла она пробѣжать первую строчку, какъ вошелъ мужъ.

Digitized by Google

Она держала записку въ рукѣ.

Смущеніе, менѣе нежели секундное, исчезло.

— Ты ѣдешь куда-нибудь утромъ? спросилъ Графъ.

— А что?

— Мнѣ надо сдѣлать нѣсколько визитовъ и я хотѣлъ ѣхать въ саняхъ; но съ моими что-то случилось.

— Возьми мои: я утромъ никуда.

— Mercі! сказалъ Графъ и, поцѣловавъ у жены руку, въ которой она держала письмо Ижорина, вышелъ.

На письмо онъ не посмотрѣлъ, хотя и видѣлъ его. Почему не посмотрѣлъ, нужно ли объяснять это? Любя жену свою тихо, спокойно, но искренно, онъ счелъ бы за оскорбленіе, болѣе еще себѣ межели ей, слѣдить за женщиной, довѣрившейся ему, сколько зналъ онъ, добровольно.... И не правъ ли онъ былъ? Не умнѣе ли во-стократъ дѣйствовалъ онъ тѣхъ мужей, которые весь вѣкъ свой посвящаютъ на то, чтобы стеречь жену, ревнуютъ ее, всю жизнь хлопочатъ и бьются, и горько обманываются?

Въ любви Графа къ Софьѣ не было увлеченья ни на одну минуту, но не было за то, въ ихъ брачной жизни, и ни одного изъ тѣхъ треволненій, которыя, иногда, такъ не кстати разнообразятъ союзъ, завязавшійся романически....

Въ эпоху моего разсказа, загляни Графъ въ письмо или спроси отъ кого оно, вѣроятно, что жена не показала бы его, не сказала бы даже кѣмъ оно писано; изъ того могла бы произойти семейная сцена, въ которой мужъ, какъ-нибудь бы, промолвился о своихъ правахъ, чего вообще такъ не жалуетъ прекрасная половина рода человѣческаго, — потекли бы наконецъ и слезы, и человѣкъ безъ правъ, тутъ же, на мѣстѣ, выигралъ бы 50% въ сравненіи съ притѣснителемъ, облеченнымъ властію.... Нарушилось бы равновѣсіе счастливой четы и началась бы, пожалуй, нескончаемая семейная драма.

Не лучшій ли, по этому, совѣтъ мужьямъ довѣриться звѣздѣ, подъ которою рождены они?....

Digitized by Google

По выходѣ Графа, Софья прочла письмо Ижорина до конца, перечитала его еще разъ, и, послѣ очень непродолжительной нерѣшимости, мгновенно озарившей чело ея румянцемъ (декларація Ижорина, во всякомъ случаѣ, была неожиданность для нея) приказала сказать посланному Ижорина, что она ждетъ къ себѣ Дмитрія Николаевича.

Яшка вихремъ спустился съ лѣстницы, вскочилъ въ сани и погналъ своего автомедона. Они понеслись.

Отправивъ письмо, Ижоринъ походилъ, поправилъ огонь въ каминѣ, погладилъ собаку, постоялъ передъ эстампомъ, съ котораго одна изъ соблазнительныхъ знаменитостей старой Франціи грозила ему своемъ розовымъ пальчикомъ, нѣсколько разъ принимался за сигару, открывалъ книгу и, не прошло еще и пяти минутъ, какъ онъ уже пять разъ спросилъ не вернулся ли его посланный.

Послѣ пятаго «никакъ нѣтъ-съ!» онъ велѣлъ дать себѣ одѣться.

Пуговки рубашки не проходили въ соотвѣтствовавшія имъ отверстія, пряжка жилета оборвалась, другой жилетъ застегивался все наискось, узелъ галстука вышелъ ни на что не похожъ.... Всѣ мученья, на какія всегда осуждены люди, которые торопятся, сами не зная куда и зачѣмъ, — на этотъ разъ, не миновали Ижорина.

Не смотря на это, не давъ себѣ даже времени повѣрить костюмъ свой въ зеркалѣ, Ижоринъ скорѣе выбѣжалъ, нежели вышелъ на улицу. Камердинеръ едва успѣлъ, уже на подъѣздѣ, всунуть ему въ руку носовой платокъ и сигарочницу: и то сдѣлалось почти насильно.

Карета была подана, человѣкъ поспѣшно отворилъ ее, но Ижоринъ пошелъ пѣшкомъ, приказавъ кучеру ѣхать за нимъ. Ему было необходимо движеніе: есть настроенія духа, въ которыхъ движеніе успокоиваетъ, какъ будто бы физическое утомленіе могло ослабить энергію невидимыхъ дѣятелей внутренней тревоги.

Digitized by Google

Ижоринъ шелъ такъ скоро, что извощичья пара едва поспѣвала за нимъ довольно-крупной рысью.... По временамъ онъ останавливался однакоже: раздумье-ли брало его? становилось-ли ему смѣшно на самого себя?

Удивленіе-ли такому образу дѣйствія, или сочувствіе, кучеръ изъявлялъ выразительными ударами кнута по одной изъ лошадей, которой очень не нравилось тащить карету по глубокому, рыхлому снѣгу.

На поворотѣ съ Невскаго проспекта, надъ самымъ ухомъ Ижорина, раздалось громкое «пади!» и его чуть не сшибло съ ногъ. Онъ поднялъ глаза:

— Яшка!

Яшка выскочилъ изъ саней и, покуда Ижоринъ смотрѣлъ на него, смотрѣлъ направо и налѣво, и на своего кучера, и на какую-то проходившую даму, въ перѣшимости что̀ спросить ему у Яшки, Яшка произнесъ:

— Софья Михайловна приказали просить-съ.

— Какъ просить?

— Приказали просить къ себѣ-съ.

— Сей-часъ?

— Сей-часъ-съ. Приказали сказать, что они изволятъ васъ дожидаться-съ.

Интересно было бы передать на полотнѣ выраженіе лица Ижорина въ эту минуту: слова, въ подобныхъ случаяхъ, орудіе слишкомъ слабое. Хороша была и вся группа: Яшка, въ невозмутимо-подобострастномъ молчаніи, стоявшій передъ Ижоринымъ, съ приподнятой надъ головою шляпой, кучеръ, уставшій стегать лошадь и махавшій по воздуху рукой, наконецъ извощикъ Яшкинъ, который, воспользовавшись остановкой, разсудилъ соскочить съ облучка и поправить что-то въ своей упряжи.... На все это, изъ окна угольнаго дома, выглядывала бѣлокурая, кудрявая, полная жизни головка и лукаво улыбалась.

Digitized by Google

Случись это не на Невскомъ проспектѣ, Ижорина обступила бы толпа зѣвакъ!

Такъ прошло нѣсколько мгновеній.

Но, если Ижоринъ спѣшилъ изъ дому, чтобы вырваться на свѣжій воздухъ, если онъ шелъ такъ скоро потому только, что думалъ убѣжать отъ преслѣдовавшей его мысли, зачѣмъ было ему непремѣнно итти на встрѣчу къ Яшкѣ, коли не зналъ онъ напередъ, что Графиня будетъ его просить къ себѣ? А если ожидалъ онъ отъ письма своего такого послѣдствія, къ чему былъ вопросъ его Яшкѣ: «какъ просить?.... Сей-часъ?» Обо всемъ этомъ спрашивайте кого хотите, потому что я отвѣчать вамъ не берусь....

Ижоринъ бросился въ карету и крикнулъ кучеру: — Пошелъ прямо!

Въ концѣ одной изъ Морскихъ, онъ такъ сильно дернулъ за снурокъ, что оборвалъ его.

Что было на умѣ у Софьи, когда она велѣла сказать Ижорину что ждетъ его къ себѣ, этого не рѣшилъ бы и самый тонкій наблюдатель, если бы такому человѣку удалось, въ это время, взглянуть на нее....

Она еще сидѣла въ своей уборной, когда послышался звонокъ изъ швейцарской.

На лицѣ ея пробѣжало недоумѣніе.

Доложили о пріѣздѣ Ижорина.

— Что такъ скоро? спросила она себя.

И недоумѣніе смѣнилось какъ будто бы досадой.

Два-три раза еще взглянула она въ зеркало, невозмутимо-спокойно поправила бандо роскошныхъ волосъ и, этимъ способомъ, протянувъ нѣсколько минутъ, лѣниво, какъ-бы не хотя, подпялась съ своего кресла, вышла въ смежный съ ея уборной кабинетъ, и расположившись на кушеткѣ въ одной изъ тѣхъ причудливо-непринужденныхъ и граціозно-небрежныхъ позъ, которыхъ секретъ принадлежитъ, исключительно, хорошенькимъ женщинамъ, сказала громко и въ носъ, обращаясь къ лакею:

Digitized by Google

— Проси сюда!

Интонаціи голоса не слыхалъ Ижоринъ, но медленность Графини не ускользнула отъ него, какъ ни былъ онъ занятъ мыслью о свиданіи съ ней и какъ ни полагалъ, въ этомъ свиданіи, цѣль всѣхъ своихъ желаній на этотъ мигъ. И едва ли не было первымъ порывомъ свѣтскаго человѣка вернуться той же дорогой.

Но лакей, докладывавшій объ немъ, возвратился изъ внутреннихъ комнатъ прежде, нежели Ижоринъ успѣлъ привести въ исполненіе свое намѣреніе: уже было поздно.

Благодаря, однакоже, ожиданію, отрезвившему его и разогнавшему чадъ, подъ вліяніемъ котораго онъ, въ этотъ день, вышелъ изъ дому, Ижоринъ вступилъ въ святилище своего божества довольно твердою ногою.

Начать разговоръ было, при всемъ томъ, не легко, въ особенности съ его стороны.... И, понявъ это затрудненіе, онъ не зналъ, проклинать ли было ему свое письмо, или смѣяться надъ самимъ собою.

Графиня нашлась за него.

— Вы нападаете на меня въ-расплохъ, Mr. Ижоринъ, начала она. Когда я приказала васъ просить къ себѣ, я никакъ не могла думать, чтобы вы стали дожидаться моего отвѣта гдѣ-нибудь за угломъ.... Знаете-ли, что съ вашей стороны, очень не великодушно разсчитывать на слабость моего пола?

Нельзя было ошибиться въ смыслѣ этихъ словъ. Выслушавъ ихъ, Ижоринъ, изъ покорнаго и безсильнаго раба, какимъ сдѣлался онъ при одномъ видѣ Графини, хотя и непріязненно было чувство, съ которымъ вошелъ онъ въ ея кабинетъ, и какимъ дѣлается всякій человѣкъ въ первую минуту встрѣчи своей наединѣ съ женщиною, которую онъ любилъ хотя бы одинъ мигъ или чьей любви искалъ (и это вѣроятно, многіе знаютъ изъ опыта), — выслушавъ ихъ, Ижоринъ вырось во весь свой ростъ. «Ну, быть видно войнѣ!»

Digitized by Google

сказалъ онъ себѣ, и уже хотѣлось зѣвнуть ему, потому что вся эта, давно извѣстная, стратегія отъ души ему наскучила.

— Напрасно-бы взяли вы на себя трудъ готовиться къ моему пріему, Графиня, отвѣчалъ онъ.—Что вы во всемъ и всегда прекрасны, это вы слышите, безъ сомнѣнія, не отъ перваго меня; это твердятъ вамъ, каждый день, и старики и молодые.

Безстрастная банальность отвѣта болѣе еще раздражила Графиню, нежели разсчитанная, по ея мнѣнію, неожиданность пріѣзда Ижорина.

— Что вы этимъ хотите сказать? — перебила она его; — не думаете ли вы увѣрить меня, что не вы писали это письмо? — Она подняла руку съ письмомъ.

— Которое вы вѣрно учили наизусть, чтобы, по пунктамъ, возражать на всѣ его глупости. Я бы, пожалуй, и отрекся отъ нихъ, Графиня, такжс какъ и отъ того, что была для меня одна какая-то минута, когда я думалъ, что я васъ люблю, если бы, хоть разъ въ жизни, позволилъ себя отречься отъ чего-нибудь....

Выраженіе лица Софьи быстро смягчилось: сардоническая улыбка, которымъ было стянуто оно, уступила мѣсто какому-то тихому, грустному чувству. Если бы не полумракъ кабинета, Ижоринъ увидалъ бы, что Графиня покраснѣла и что та самая пара глазъ, которая смотрѣла на него гордо и холодно, вдругъ помутилась. Женщина, кто бы ни была она, не въ силахъ выслушать равнодушно признаніе въ любви, хотя бы прошлой, когда въ этомъ признаніи мелькнетъ передъ нею тѣнь искренности.

— Такъ вы любили меня? спросила Софья, почти дрожащимъ голосомъ и не спохватившись, что говорила она.

— Да, Графиня!

Ижоринъ мялъ свою шляпу.

Въ послѣднихъ словахъ Графини, въ ея голосѣ онъ читалъ недосказанное признаніе, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что она не совсѣмъ счастлива....

Digitized by Google

И стало ему жалко ея: вторично онъ былъ обезоруженъ.

Послѣдовало молчаніе.

Ижоринъ не смотрѣлъ на Графиню, Графиня тоже смотрѣла по сторонамъ.

«Можетъ быть, онъ говоритъ и правду,» шепнулъ ей вдругъ внутренній голосъ, — «и ты могла бы съ нимъ быть счастлива.»

Опять вопросы: счастлива? Да чего-же хотѣлось ей? Развѣ не была она счастлива? Развѣ не безоблачно текли ея дни?

Или вѣритъ тому, будто дни тихой любви, спокойные, не прерываемые ни ревностію, ни временною размолвкою, ни малѣйшимъ недоразумѣніемъ, пріѣдаются такъ же какъ лакомства?

Отъ чего, скажите, въ самой лучшей музыкѣ, среди мелодическихъ аккордовъ, нуженъ иногда диссонансъ?

Что подобные софизмы или аксіомы (каждый назоветъ по своему наши взаимные вопросы и общія предположенія), не были чужды Софьѣ Михайловнѣ, я заключаю изъ того, что она не съумѣла разомъ задушить этотъ внутренній голосъ. Добрый ангелъ ея мужа не оставилъ, однакоже, навѣять на нее слѣдующую мысль: «я замужемъ и жена человѣка, который меня любитъ; за что же сдѣлаю я несчастнымъ того, не зная еще навѣрное люблю-ли я этого?» Во-время подоспѣлъ добрый ангелъ, иначе неслышная бесѣда, пожалуй бы, вылилась въ какое-нибудь слишкомъ неосторожное слово, и кто знаетъ, что бы произошло тогда?

Молчаніе длилось.

Когда Ижоринъ, собравшись что-то сказать, взглянулъ на Графиню, она ужасно смутилась: свѣтская женщина натуры довольно-холодной, она испугалась при мысли, что онъ можетъ прочесть на ея лицѣ, въ ея глазахъ, слѣды борьбы.

Ея находчивость, тѣмъ не менѣе, спасла ее еще разъ.

— Вы меня любили, говорите вы, — такъ прервала она молчаніе; — это теперь уже прошедшее: стало быть мы можемъ говорить обо всемъ хладнокровно. Что же вы

Digitized by Google

найдете сказать мнѣ, еслибъ я — женщины всегда любопытны — спросила васъ, отъ чего вамъ пришло въ голову полюбить меня именно въ то время, когда я уже сдѣлала свой выборъ? Что за страсть разыгрывать чужой и старый романъ?

Опять начинала она нападать. Ижоринъ поймалъ ея выстрѣлъ на лету и послалъ его назадъ.

— Я и самъ спрашивалъ себя объ этомъ, Графиня, но стоитъ-ли разбирать этотъ хламъ?.... Отъ чего, однакоже, не хотите вы допустить въ мужчинѣ одну изъ тѣхъ безъотчетныхъ, ни на чемъ не основанныхъ вспышекъ, я не скажу, одинъ изъ тѣхъ капризовъ, которыя позволены прекрасному полу и которыми такъ богата его исторія?

Если бы кто, на другой день, вздумалъ увѣрять Ижорина, что онъ позволилъ себѣ сказать эту фразу порядочной женщинѣ, онъ бы ни за что не повѣрилъ. Но, тутъ, едва ли помнилъ онъ себя и ему нужно было отвѣчать ядромъ на картечь.

Слишкомъ живо, въ свою очередь, затронутая, Графиня начинала теряться.

— Вы, кажется, дали себѣ слово наговорить мнѣ дерзостей сегодня? сказала она, судорожно сжимая въ рукѣ его письмо.

— Я, Графиня? За кого же вы считаете меня? Je vous rends seulement la monnaie de votre argent....

Изъ возраженія въ возраженіе, изъ отвѣта въ отвѣтъ, они, оба, завели разговоръ такъ далеко, какъ и сами не думали. И, слово за слово, они, подъ-конецъ, до того уже замѣтно и рѣзко выступили изъ предѣловъ обыкновенной свѣтской бесѣды, что tête-à-tête ихъ не могъ остаться безъ взаимнаго для нихъ значенія.

Черезъ четверть часа по пріѣздѣ Ижорина, они сидѣли другъ противъ друга, какъ упрямыя дѣти, долго дразнившія одно другое, и которымъ ужасно хочется помириться.

Но могъ ли кто изъ нихъ первый протянуть руку?

Разумѣется: нѣтъ.

Digitized by Google

Воспользовавшись вновь-водворившимся молчаніемъ, Ижоринъ всталъ, поклонился, болѣе нежели холодно, и вышелъ отъ Графини, въ одномъ изъ тѣхъ расположеніи духа, когда не знаешь, какъ говорятъ Французы, à quel saint se vouer?

Графиня чуть-чуть не сдѣлала движенія, чтобы остановить его, удержалась, однакоже, и осталась на своей кушеткѣ, погруженная въ какую-то неопредѣленную думу.... И, хоть и не ясно, но уже понимала она, что не подъ силу ей играть въ эту игрушку, о которую и Ижоринъ пообломалъ свои львиныя когти.

Замѣчательно, что въ продолженіе второй половины ихъ свиданія, Ижоринъ и Графиня ни разу не посмотрѣли другъ на друга, какъ слѣдуетъ, въ здравомъ разсудкѣ, людямъ ведущимъ какой бы то ни было разговоръ.

Но не подобнымъ ли порядкомъ начинались многія сердечныя исторіи?

IV.

Въ какія страны Петербурга понесло Ижорина отъ Графини и какимъ образомъ убилъ онъ весь этотъ день, неизвѣстно: въ теченіе цѣлаго дня его не видали ни въ одномъ изъ театровъ, ни на одномъ изъ вечеровъ, ни въ собраніи, а лошади и карета его вернулись на дворъ къ хозяину въ то время, когда тотъ, набожный мужикъ, уже возвращался изъ трактира съ двѣнадцатью парами чая въ желудкѣ, послѣ ранней обѣдни.

— Ну ужъ господа! и во что они живутъ-то! На что и наше дѣло мужичье, да и то знаешь себѣ спокой! замѣтилъ извощикъ, сдѣлавъ, однакоже, предварительно, приличное привѣтствіе работнику, который, сонный, задѣлъ ребромъ кареты о ворота постоялаго двора.

На утро объясненія своего съ Графиней Ижоринъ долго лежалъ въ своей гостиной, въ какомъ-то тяжеломъ раздумьѣ. И мучила его давно незнакомая ему жажда разсѣяться. Далеко не равнодушенъ къ Графинѣ вышелъ онъ отъ нея, а

Digitized by Google

сознаться въ этомъ, даже и самому себѣ, ему не хотѣлось ... Ухаживать за ней онъ не имѣлъ намѣренія, по двумъ, совершенно противоположнымъ, причинамъ: волокитство, это любимое занятіе мелкихъ свѣтскихъ рыцарей, въ которомъ пошлая бездарность мужчины такъ усердно изощряется на счетъ праздности и бездѣлія женщины, никогда не доставляло ему большаго удовольствія, теперь же вовсе не шло на умъ; а завязывать драму, отъ которой пострадало бы доброе имя Софьино и нарушилось ея домашнее спокойствіе, на это, какъ будто бы, не доставало въ немъ рѣшимости.

Между тѣмъ мысль его, больше чѣмъ когда-нибудь, принадлежала Графинѣ.... И понималъ онъ это самъ и не сознавалъ.... И бился онъ изо всѣхъ силъ, чтобы найти вокругъ себя что-нибудь, что бы, такъ или иначе, занято его, что бы наполнило его день.

Говорить ли, что Ижорину, съ его прошедшимъ, трудно было скоро разрѣшить такую задачу? Куда бы ушелъ отъ своей мысли человѣкъ, не знавшій, подъ часъ, гдѣ укрыться ему отъ хандры и сплина ?

Въ эти минуты положеніе его было достойно самаго живаго участія.

Часу въ четвертомъ дня онъ вышелъ изъ дому съ головою больной словно отъ похмѣлья... Выбравшись на Невскій проспектъ, куда, какъ извѣстно, въ эту пору стекается весь фешенебльный и праздный Петербургъ, съ тѣмъ чтобы взглянуть на лица знакомыхъ и незнакомыхъ, поглядѣть на вывѣски, афиши и объявленія и, изъ этой смѣси и какихъ-нибудь встрѣчь, импровизировать себѣ программу начинающагося для него дня, Ижоринъ, ни съ того ни съ сего, былъ пораженъ этимъ движущимся калейдоскопомъ какъ новостью... Достойны зависти показались ему всѣ эти беззаботныя лица. Или, чортъ знаетъ почему, Невскій проспектъ съ его магазинами, лавками, кондитерскими и ресторанами, съ рысаками, франтами, султанами, перьями и разрумянившимися отъ мороза щеками, — вдругъ пахнулъ на него его юношествомъ, тѣмъ прекраснымъ временемъ, когда, навѣки вырвавшись за ворота школьной ограды, онъ, впервые, прошелся по Нев-

Digitized by Google

скому въ эполетахъ и этомъ бѣломъ султанѣ, длинномъ, густомъ и волнистомъ, который, съ двѣнадцати-лѣтняго возраста, онъ такъ любилъ ласкать своей дѣтской мечтою ... И быстро пронеслись мимо него, одинъ за однимъ, всѣ образы его прошедшаго. Горькой улыбкой помянулъ онъ это прошедшее, безвозвратно-промелькнувшее и непрошено-явившееся передъ нимъ какой-то радужной фантасмагоріей ....Досадно стало ему за всю эту жизнь, прожитую безъ цѣли и связи И всѣми способностями духа, всѣми фибрами плоти звалъ онъ на себя самозабвеніе!

На встрѣчу ему, въ горячемъ и веселомъ спорѣ, подходила компанія знакомой молодежи: прозелиты того постояннаго жизненнаго фланерства, за которое такъ зло, теперь, укорялъ себя Ижоринъ, эти господа, неизмѣнно, посвящали утро проспекту, въ этотъ день, какъ и всегда.

Одинъ изъ приближавшихся издали привѣтствовалъ Ижорина, и, прежде нежели тотъ рѣшилъ съ самимъ собою, какимъ образомъ отдѣлаться ему отъ предстоявшаго, безъ сомнѣнія, приглашенія куда-нибудь, они окружили его и насильно потащили обѣдать къ одному изъ ресторатеровъ.

Не безъ шуму взобравшись по лѣстницѣ, компанія, немедля, заняла одну изъ заднихъ комнатъ ресторана; кто-то изъ присутствовавшихъ взялся быть амфитріономъ. Между остальными продолжался разговоръ:

— По моему,—говорилъ уланскій корнетъ, одно изъ тѣхъ лицъ, чисто-Русскихъ типовъ, которымъ бы слѣдовало весь вѣкъ свой быть уланскими корнетами, уже успѣвшій проглотить огромную рюмку водки и усѣвшійся, передъ каминомъ, верхомъ на стулѣ и спиною къ своимъ собесѣдникамъ; — по моему, все это вздоръ. Какое мнѣ дѣло до ея antécédens? Она хороша собой, у ней восхитительная талія, ротъ, созданный, конечно, не для сплетень и ворчанія; мнѣ все равно, и я, при первой же встрѣчѣ, лишь бы не на улицѣ, дѣлаю приступъ.

— Передъ тобой, любезный; но всегда лучше знать съ кѣмъ имѣешь дѣло, возразилъ господинъ, довольно-замѣтно перешагнувшій за предѣлы первой молодости.

Digitized by Google

— На столько, сколько нужно мнѣ, я узнаю отъ нея самой и изъ первыхъ ея словъ, отвѣчалъ уланъ ... И, повѣрь, ваша дальновидная тактика ничѣмъ не лучше моей ...

— А я сейчасъ могу вывести тебя изъ затрудненія, подхватилъ третій собесѣдникъ, человѣкъ лѣтъ 26, цвѣтущій здоровьемъ, ходячая хроника Петербурга, и страстный охотникъ читать книгу жизни, какъ выражался онъ самъ о себѣ; — если хотите, я разскажу вамъ ея исторію.

— Да ты развѣ знаешь ее? послышалось изъ разныхъ угловъ комнаты.

— Я?.... Столько же, сколько и всѣ вы.... Знаю, что ее зовутъ мадамъ Орелли, что ее, прошлымъ лѣтомъ, видѣлъ Бемской на водахъ въ Спа и что она, сегодня, всего во второй разъ показалась на Невскомъ....

— Почемъ же ты знаешь ея исторію? спросилъ уланъ.

— Это секретъ, my dear child, который откроетъ тебѣ время, безъ меня....

— Ну, однакоже, исторію! сказало нѣсколько голосовъ.

— Изволите ли видѣть господа: мой старый учитель исторіи началъ бы такъ: рожденіе госпожи Орелли покрыто мракомъ неизвѣстности....

— Положимъ, положимъ....

— Такъ начать не трудно; а я вамъ скажу, что мадамъ Орелли Француженка или Италіянка: въ этомъ, даже, нѣтъ никакого сомнѣнія.

— Хороша исторія! замѣтилъ кто-то.

— Она дочь заслуженнаго Наполеоновскаго полковника, который эмигрировалъ въ 15 или 16 году, продолжалъ разскащикъ.

— Mais c'est un guet-apens, остановилъ его уланъ. Ты, пожалуй, еще скажешь, что ветеранъ, поселившись съ женою и кухаркой, въ одномъ небольшомъ Швейцарскомъ мѣстечкѣ, принужденъ былъ жить единственно своими трудами, потому что новое правительство не хотѣло цѣнить заслуги тирану?

Digitized by Google

— Ты почти отгадалъ, спокойно и очень серьезно отвѣчалъ историкъ; вотъ что значитъ блестящая способность и любовь къ дѣлу!.... Когда умерла мать, ей было всего 15 лѣтъ.

— О, если такъ, перебилъ четвертый молодой человѣкъ, дайте мнѣ карандашъ или кусокъ мѣлу, я сейчасъ же нарисую вамъ домикъ на берегу одного изъ 133 поэтическихъ озеръ не менѣе поэтической Швейцаріи: разумѣется, чистота и опрятность въ домѣ, отсутствіе роскоши, но удобство и веселый видъ....

— Передъ домомъ садъ, онъ же и огородъ, въ двѣ квадратныхъ туазы....

— Конечно: Швейцарія не богата землей....

— Въ саду дубъ, вязъ, яблоня: ad libitum....

— Подъ яблоней скамейка изъ дерну....

— На которой любитъ отдыхать старый солдатъ....

— И разсказываетъ съ восторгомъ все одни и тѣ же великія дѣла своего Императора....

— Кому?

— Разумѣется, не дочери: та давно бы убѣжала отъ него; въ этихъ случаяхъ есть кюре или пасторъ....

— Позвольте, господа, зачѣмъ же вы спрашивали меня объ исторіи мадамъ Орелли? Вы знаете ее не хуже меня, до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ. —Такими словами, сказанными нѣсколько обиженнымъ тономъ, вызвавшійся быть историкомъ Орелли прервалъ замѣчанія и комментаріи своихъ собесѣдниковъ.

Добродушный смѣхъ всего общества былъ отвѣтомъ на эти слова.

— А мнѣ пришла идея, которая вамъ можетъ показаться странною, сказалъ Ижоринъ, до сихъ поръ не участвовавшій въ разговорѣ и, повидимому, прислушивавшійся къ нему безъ особеннаго вниманія.

— Что такое?

— Ты разскажешь намъ ее за обѣдомъ, замѣтилъ уланъ.

Digitized by Google

— Да, да, обѣдать, обѣдать! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Обѣдъ былъ поданъ.

На время супа, все, по обычаю, смолкло. Послѣ супа, уланъ, залпомъ, проглотилъ двѣ рюмки золотистаго хересу, поправилъ усы и, опрокинувшись на креслѣ съ миной человѣка, который доволенъ тѣмъ, что положилъ хорошее начало важному дѣлу, а тамъ будь что будетъ, обратился къ Ижорину:

— Что жъ твоя идея?

— Мнѣ хочется доказать всѣмъ вамъ, что ваша исторія, я правда слышалъ только нѣкоторые отрывки, никуда не годится, такъ же какъ, ну, положимъ, какъ уроки тѣхъ учителей, у которыхъ начало всего покрыто мракомъ неизвѣстности. У нихъ одна крайность, у васъ другая.

— Какъ это?

— Я говорю, что мадамъ Орелли не Француженка и не Итальянка.

— Ну, Испанка; что жъ дальше? спросилъ одинъ, тугого набитый, ротъ.

— Что она не дочь полковника Наполеоновской гвардіи.

— И на это согласенъ, возразилъ первый историкъ Орелли.

Ижоринъ рѣшительно не зналъ, что говорилъ: онъ ухватился за мадамъ Орелли какъ человѣкъ, который, во время какого-нибудь головоломнаго занятія, поднялъ бы съ полу бумажку, соломенку, обрѣзокъ пера или иную бездѣлицу и сталъ бы вертѣть ее въ рукахъ, жевать пожалуй. Въ сущности мадамъ Орелли столько же интересовала Ижорина, сколько прекрасная котлета, давно остывшая на его тарелкѣ.

Ижоринъ продолжалъ такъ:

— И заставить всѣхъ васъ извиняться передъ ней въ этой готовности поднять на смѣхъ женщину, потому только что никто не могъ сказать вамъ чья она дочь и имѣетъ-ли право ѣздить въ каретѣ съ гербами.

— А у ней карета съ гербами? Ты это замѣтилъ?

— Я? отвѣчалъ Ижоринъ: я не видалъ ни ея, ни ея кареты.

Digitized by Google

— Съ чего жъ ты вздумалъ такъ горячо вступаться за нее?

— Это вызовъ.

— Нимало: я предлагаю самое пустое пари.

— Пари!.... Пятьдесятъ тысячъ и ящикъ шампанскаго! подхватилъ уланъ, у котораго не было въ карманѣ и полтинника.

— Когда ты бросишь привычку биться пари на деньги? замѣтилъ улану господинъ, болѣе другихъ требовавшій положительныхъ свѣдѣній объ Орелли.

— Господа, да дайте же намъ выслушать Ижорина: это становится очень интересно! перебилъ ихъ юноша-ходячая хроника.

— Слушайте! Что у насъ сегодня?

— Сегодня Озеро Волшебницъ въ первый разъ, поспѣшно отвѣчалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, отъявленный поклонникъ театра вообще и балета по преимуществу, не совсѣмъ внимательно слѣдившій за разговоромъ и погруженный, въ эту минуту, и душой, и мыслью, и устами, — въ благородную задачу о салатѣ.

Всѣ улыбнулись.

— Четвергъ, сказалъ кто-то.

— Пятница!

— Ну, положимъ, пятница, сказалъ Ижоринъ. — Я прошу у васъ времени до вторника.

— Потомъ?

— Да вторника я обязанъ вамъ доказать, что вы правы или не правы....

— Т. е.: доставить всѣмъ намъ случай и возможность видѣть ее гдѣ бы-то ни было, лишь бы не урывкомъ....

— Понимается, что никто не стоитъ за буквальную вѣрность ея исторіи....

— Но, тогда, я напишу ее для всѣхъ васъ систематически и изо дня въ день, замѣтилъ ходячая-хроника.

— А я нарисую картинки.

Digitized by Google

— Хорошо, хорошо, но объ чемъ же пари? Объ томъ ли, что мы будемъ у ней до вторника, или о томъ, что ея исторія не похожа на сложенную вами? спросилъ господинъ любившій во всемъ положительность.

— Дѣло требуетъ поясненій.

— Мы можемъ сдѣлать такъ, сказалъ Ижоринъ:—если, не позже вторника, я доставлю всѣмъ вамъ приглашеніе на вечеръ къ мадамъ Орелли, вы проиграли мнѣ пари и обязаны, сколько васъ ни есть тутъ, снабжать ее поочередно цвѣтами до....ну, хоть до весны; въ противномъ случаѣ я проигралъ, и съ середы же, каждый изъ васъ можетъ, на цѣлый день, располагать моей персоной и кошелькомъ. За тѣмъ пари продолжается: если вы угадали, я проигралъ и готовъ къ вашимъ услугамъ; если нѣтъ — ваши запасы должны удвоиться и количество цвѣтовъ возрости до безконечности. Согласны?

— Согласны, согласны! C'est convenu!.... И теперь за здоровье....

— Господа, минуту вниманія! проговорилъ уланъ. — Если мы проиграли, что, при всемъ уваженіи моемъ къ его достоинству, кажется мнѣ довольно мудрено, помните, что я беру подрядъ на цвѣты и ставлю ихъ вамъ 20% дешевле обыкновенной цѣны: у моей сестры удивительная оранжерея, — въ приданомъ пошла въ 120 тысячахъ, и я, завтра же, увижусь съ садовникомъ; но мнѣ бы хотѣлось отъ души, чтобы Ижоринъ проигралъ хоть половину пари: я бы заставилъ его, въ одинъ день, заплатить всѣ мои долги на Невскомъ проспектѣ, хоть по однимъ rez de chaussée'ямъ.

Громкій хохотъ привѣтствовалъ слова улана.

— Ижоринъ, я тебя не поздравляю съ этой спекуляціей....

— Позвольте, однакоже, — обращаясь къ Ижорину, съ бокаломъ шампанскаго, спросилъ страстный чтецъ книги жизни; — какъ прикажете доложить?

— За здоровье его будущей....

Digitized by Google

— Рано! перебилъ обоихъ Ижоринъ; и нельзя ли хоть до времени избавить отъ комментарій: иначе вы заставите меня выйдти изъ игры. Мы выпьемъ лучше за здоровье всѣхъ прекрасныхъ качествъ мадамъ Орсини.

— Быть по твоему: за здоровье ея добродѣтели!

— Vive la vertu!

Бокалы были осушены, снова налиты и осушены съ быстротой достойной времень «не трезвой памяти» мускетеровъ Королевы.

— Il tourne au pastoral! замѣтилъ уланъ, пожимая плечами

— Quand le diable fut vieux.... сказалъ, ему въ отвѣтъ, молодой человѣкъ, цвѣтущій здоровьемъ.

— Да, да!.... Господа, одинъ нескромный вопросъ: кто изъ васъ расположенъ сдѣлать въ мою пользу жженку? у меня, сегодня, какіе-то удивительно-возвышенные позывы— спросилъ уланъ.

— Я, отвѣчалъ Ижоринъ — но съ условіемъ.

— Посмотримъ.

— Первое: что ты не поѣдешь въ театръ.

— Слышите, онъ рѣшительно боится меня; дальше.... И съ этимъ уланъ подошелъ къ зеркалу, самодовольно улыбнулся себѣ и поправилъ шелковые усы: усы, точно, были заглядѣнье и созданы для его лица, какъ вся его фигура— для краснаго Лейбъ-уланскаго мундира.

— Второе: чтобы ты меня не заставлялъ пить жженку, потому что мнѣ надо ѣхать.

— Чѣмъ меньше будетъ охотниковъ, тѣмъ больше останется....

— На завтра....

— Ну, хоть на сегодня, а ѣхать ты не долженъ; куда тебѣ ѣхать?

— Къ теткѣ.

— Ха, ха, ха....

— Délicieux!

Digitized by Google

— Не говори ей по крайней мѣрѣ, что мы будемъ пить жженку.

— Репутація дороже всего!

— Ты знаешь: я хочу сдѣлать партію!

Когда принесли все нужное для жженки, между тѣмъ какъ одинъ изъ членовъ веселой коллегіи принялся лущить ананасъ, уланъ налилъ рому въ рюмку и долго хлопоталъ чтобы зажечь его, что, наконецъ, ему удалось.

— Однакожъ мнѣ пора, вставая съ своего мѣста, сказалъ Ижоринъ. Мы всѣ увидимся въ театрѣ?

— Ça s'entend! подхватилъ уланъ! у меня, сегодня, три очень интересныхъ rendez-vous, но я, все-таки, успѣю.

— А мнѣ бы, признаться, очень хотѣлось, чтобы одна изъ твоихъ принцессъ задержала тебя подольше, замѣтилъ ему Ижоринъ, и распростившись со всей компаніей, вышелъ.

Опасенія Ижорина относились къ тому, что корнетъ имѣлъ обычай, очень не кстати, шумѣть въ театрѣ, въ особенности когда являлся туда съ пріятельскаго обѣда или послѣ жженки: аплодировалъ онъ постоянно френетически. Все это называлось: имъ поощрять талантъ.

Въ половинѣ перваго дѣйствія Озера Волшебницъ, Ижоринъ уже сидѣлъ въ своемъ креслѣ.

Изъ всѣхъ знаменитыхъ Европейскихъ танцовщицъ, Марія Таліони, первая, посѣтила Петербургъ. За то, что и дѣлала она съ нашей сѣверной Пальмирой! Помните-ли какъ бывалъ, въ ея время, биткомъ набитъ Большой театръ? Въ дни балета трудно было найти кресла иначе нежели въ самыхъ заднихъ рядахъ, если не съ утра, а, на всякое первое представленіе, любители запасались за нѣсколько дней. Словно по заказу, всѣ мѣста партера, всѣ ряды ложъ, весь ракъ наполнялись безъ исключенія; и это, непремѣнно, каждый разъ: стоило только имени Таліони быть на афишѣ! Никто изъ сценическихъ артистовъ, развѣ Рубини, не производилъ у насъ до нее такого общаго фурора. И, въ самомъ дѣлѣ, что сравнится съ благородной граціей и отчетливымъ выполне-

Digitized by Google

немъ трудностей танцовальнаго искусства, какими обладала эта женщина, тогда уже доживавшая четвертый десятокъ?

Помните ли Дѣву Дуная, Гитану, Тѣнь, Пери, на которые Петербургъ, неблагодарный, не хочетъ смотрѣть, съ тѣхъ поръ, какъ ему показали Эсмеральду и Катарину?....

....Театръ былъ, по обыкновенію, полонъ. Темнымъ ковромъ фраковъ и мундировъ, звѣздъ и эполетъ, завитыхъ и лысыхъ головъ, раскинулся партеръ, каждый рядъ ложъ казался нескончаемой гирляндой, наброшенной на бумагѣ въ видѣ канвоваго узора; надъ балюстрадой райка, до потолка, составилась стѣна изъ бородатыхъ и безбородыхъ рожъ, плотно сложеная, будто изъ кирпичей.... Люстра-монстръ, съ своими ста тысячью рожками, хмурилась отъ невыносимаго жару.... И атмосфера все сгущалась.... Скажите, есть ли средство не старѣться рано людямъ, вращающимся въ этой колеѣ, въ особенности же въ Россіи, гдѣ, чтобы перейти отъ 30° тепла къ 30° мороза, стоитъ только выйти изъ театра на подъѣздъ? Какъ не блекнуть нашимъ красавицамъ, подвергающимъ себя, такъ часто, этимъ быстрымъ переходамъ температуры?

Первое дѣйствіе балета кончилось. Занавѣсъ опустился въ третій разъ надъ вызванной троекратно жрицей любимой у насъ музы; рукоплесканія смолкли. Первые ряды креселъ поднялись и, оборотившись спиною къ сценѣ, вооружились биноклями, бракируя ихъ на ложи, то вправо то влѣво.

— Вотъ она! сказалъ Ижорину его сосѣдъ, одинъ изъ тѣхъ, съ кѣмъ обѣдалъ онъ въ этотъ день.

— А-а? отвѣчалъ Ижоринъ такимъ тономъ, что можно бы было подумать, что онъ уже позабылъ о своемъ парѝ.

Онъ, если и помнилъ о немъ, то поѣхалъ въ театръ, конечно, не для встрѣчи съ мадамъ Орелли.

Уставивъ лорнетъ свой по тому направленію, куда показывалъ услужливый сосѣдъ, Ижоринъ увидалъ въ одной изъ ложъ бельэтажа, женщину, которой казалось на лицѣ лѣтъ 27 или 28. Она сидѣла въ ложѣ одна. Жизнь уже

Digitized by Google

провела свои борозды по ея правильнымъ чертамъ; но въ глазахъ еще свѣтилъ непотухшій огонь, а контуръ профиля и бюстъ, и теперь бы, выдержали разборъ довольно-взыскательнаго вкуса.... Черное, бархатное платье, волосса, едва ли не черньe платья, причесанные гладко и безъ малѣйшей претензіи, прекрасная ручка, искусно и, съ чувствомъ сознанія своего достоинства, свѣсившаяся черезъ спинку кресла: все это представляло очень выгодный ensemble, и если бы не огромный букетъ живыхъ цвѣтовъ, роскошь, которую, зимою, на угрюмомъ и скупомъ сѣверѣ, для простаго выѣзда въ театръ, не всегда позволитъ себѣ и самая отчаянная львица, ничто, даже для привычниковъ столичнаго житья, не обличило бы въ мадамъ Орелли (вы уже поняли, что рѣчь идетъ о ней) одну изъ тѣхъ женщинъ, которымъ, по несчастному стеченію обстоятельствъ, разомъ и улыбнувшихся имъ и совершенно сбившихъ ихъ съ толку, не дано знать цѣну золота, покуда не покинетъ ихъ молодость и красота.

Заѣзжій провинціалъ непремѣнно былъ бы заинтересованъ физіогноміею мадамъ Орелли, безукоризненностію ея костюма; юноша, не искусившійся въ жизни, пожалуй прочелъ бы на ея лицѣ слѣды глубоко-затаенной страсти, или цѣлую внутреннюю драму, на которую, такъ легко, сваливаются складки и морщины лба, набѣжавшія прежде времени и, иногда, замѣтныя наперекоръ всѣмъ усиліямъ ихъ скрыть.

Не удивительно, что на Ижорина, до тонкости примелькавшагося къ разнообразнымъ явленіямъ Европейскихъ городовъ, она не произвела ничего близкаго къ этимъ впечатлѣніямъ.... При первомъ взглядѣ, брошенномъ имъ на мадамъ Орелли, не давъ себѣ труда разбирать ее, онъ разомъ оцѣнилъ эту женщину, и понялъ, что предположенія пріятелей на ея счетъ не могли быть такъ далеки отъ истины, какъ, ни съ того ни съ сего, вздумалъ онъ увѣрять ихъ....

И, будь это во всякое другое время, онъ, не выходя изъ театра, призналъ бы себя охотно дважды побѣжденнымъ, (для него уже не оставалось сомнѣнія въ томъ, что онъ проигралъ вторую половину пари, такъ же, какъ выигралъ пер-

Digitized by Google

вую); но, въ настоящемъ его настроеніи, онъ радъ былъ создать себѣ какой бы то ни было интересъ, лишь бы этотъ интересъ заставилъ его говорить, бѣгать, ѣздить, въ силу высказаннаго мною выше предположенія, разумѣется, въ извѣстныхъ только отношеніяхъ правильнаго, что человѣкъ, занятый хотя видимо, какъ будто бы отнимаетъ досуги у мысли, овладѣвшей имъ безъ его вѣдома и которую ему всячески хотѣлось бы прогнать.

— Орелли, такъ Орелли! сказалъ себѣ Ижоринъ.

И оставивъ свое мѣсто, онъ прошелъ въ корридоръ бельэтажа. Отыскавъ, по нумеру ложи, лакея мадамъ Орелли, онъ отозвалъ его въ сторону отъ сонныхъ его собратовъ. Лакей, принадлежавшій къ числу тѣхъ, которыхъ держатъ при Петербургскихъ гостинницахъ преимущественно для прислуги пріѣзжимъ иностранцамъ, оказался человѣкомъ бывалымъ; онъ окинулъ Ижорина пронцательнымъ взглядомъ, но когда тотъ всунулъ ему въ руку золотой, лакей весь перегнулся напередъ въ ожиданіи вопросовъ и приказаній: поза и физіогномія его выражали, что откровенность и послушаніе его были куплены. Въ первой Ижоринъ не нуждался нимало, и, когда онъ лаконически сказалъ ему:

— Передъ концомъ театра ты уйдешь отсюда,— лакей отвѣчалъ:

— Понимаю-съ,— тономъ, сквозь который просвѣчивало какое-то неудовольствіе; но потомъ, какъ бы опомнившись и вновь оглянувъ Ижорина, онъ принялъ совершенно-покорный видъ.

— Но гдѣ жъ я тебя найду? продолжалъ Ижоринъ.

— Гдѣ прикажете-съ! былъ отвѣтъ.

— Все равно.

— Внизу-съ, у кассы.

— Хорошо.

За нѣсколько мгновеній до того, когда, въ послѣдній разъ, нужно спускаться было занавѣсу, Ижоринъ опять отправился въ корридоръ бельэтажа.

На дорогѣ и у самаго выхода изъ партера попался ему корнетъ:

Digitized by Google

— Кончено? спросилъ корнетъ.

— Занавѣсъ еще не опущенъ....

— А....

Пробираясь въ толпѣ выходившихъ изъ ложъ и лакеевъ, суетившихся съ шубами и всѣмъ прочимъ, Ижоринъ увидалъ мадамъ Орелли стоявшею въ растворенной изъ ложи двери.

Она ожидала своего лакея.

Ижоринъ прошелъ мимо, будто бы ни за чѣмъ.

Толпа начала убывать. Орелли вышла изъ ложи, и бросая глаза во всѣ стороны, произнесла въ недоумѣніи и въ полголоса:

— Жозефъ!

Право называть Русскаго Ермолая Жозефомъ было предоставлено, отъ содержателя гостинницы, въ числѣ прочихъ удобствъ, всѣмъ пріѣзжающимъ,

— Жозефъ! повторила мадамъ Орелли.

Ижоринъ подошелъ.

— Вы вѣрно ждете вашего лакея, сказалъ онъ, — позвольте мнѣ вамъ помочь.

— Вы очень добры, отвѣчала ему Орелли. Понятно, что разговоръ былъ начатъ на Французскомъ языкѣ.

Отыскавъ лакея, Ижоринъ привелъ его къ мадамъ Орелли.

— Не этотъ ли?

— Именно онъ; какъ я вамъ обязана! Я здѣсь иностранка, и, если бы не ваше любезное вниманіе, была бы поставлена въ тѣмъ большее затрудненіе, что не знаю Русскаго языка: вашъ языкъ очень труденъ ...

Всѣ эти отвѣты Ижоринъ напередъ зналъ наизусть.

Слово за словомъ, онъ проводилъ ее до кареты и отправился, въ слѣдъ за нею, пить у ней чай, разумѣется, по ея приглашенію.

Со стороны иностранки въ этомъ приглашеніи не было ничего необычайнаго.

(*Окончаніе въ слѣд. кнш.*)

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1850.

№ 10. Май. Кн. 2.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПѢСНЬ О КОЛОКОЛѢ.*

(Шиллера).

Vivos voco. Mortuos plango. Fulgura frango.

Твердо вкопанная въ землю,
Ждетъ ужъ форма, братцы, насъ.
Время колоколъ намъ вылить
За работу — въ добрый часъ!
Пусть съ лица польетъ
Въ три ручья горячій потъ.
Насъ работа прославляетъ,
Но лишь Богъ благословляетъ.
Къ работѣ дѣльной, вотъ какъ эта,
И слово дѣльное идетъ;
Коль доброй мыслью рѣчь согрѣта,
Работа весело течетъ.
Такъ пересмотримъ же прилежно,
Что создадимъ рукой своей,

* Мы имѣемъ уже достойный переводъ этого славнаго созданія Шиллерова, отъ А. П. Глинки; но чѣмъ больше переводовъ, тѣмъ лучше, и мы съ удовольствіемъ помѣщаемъ новый опытъ. *Ред.*

Digitized by Google

И тотъ, кто все творитъ небрежно,
Да будетъ презрѣнъ отъ людей!
А человѣка украшаетъ
Лишь только то, когда душой
Онъ въ томъ участье принимаетъ,
Что слабой создаетъ рукой.

Ну, возьмите дровъ сосновыхъ,
Только надо взять сухихъ,
Настоящихъ, чтобы пламя
Обняло въ минуту ихъ!
Заварите мѣдь скорѣй,
Олова смѣшайте съ ней!
Чтобъ все нужное для дѣла
Не шутя, какъ должно, спѣло!

Что въ этой ямѣ создается
Рукой, при помощи огня,
На колокольню вознесется,
Прямой свидѣтель бытія,
И долго жить не перестанетъ,
И слуху многихъ прозвучитъ,
И сѣтовать съ несчастнымъ станетъ,
И Бога съ міромъ восхвалитъ.
Что чередою разсыпаетъ,
Судьбина изъ руки своей,
То сей языкъ провозглашаетъ
На поученіе людей.

Хорошо металлъ расплавленъ:
Пузыри ужъ вижу я.
Если поташомъ приправленъ, —
Лучше будетъ для литья.
Надо снять скорѣе
Съ смѣси пѣну, чтобъ яснѣе,
Чтобъ сильнѣй потомъ звучалъ
Переплавленный металлъ

Веселый благовѣстъ встрѣчаетъ
Сердцамъ любезное дитя
На первомъ шагѣ бытія.

Digitized by Google

Спокойный сонъ надъ нимъ летаетъ,
Еще не мало разныхъ дней
Въ рукѣ таинственной своей
Скрываетъ время. Даль сіяетъ.
Не дремлетъ любящая мать
Надъ утромъ золотымъ дитяти.
Но вотъ, подобно быстрой ратп,
Года другъ за другомъ летятъ.
Нашъ юноша отъ дѣвы рвется,
И въ жизнь стремится пылко онъ.
Ужъ свѣтъ измѣренъ и пройденъ,
Ужъ мысль его домой несется.
Въ края родные, одинокъ,
Приходитъ онъ. Предъ нимъ блистая,
Какъ лучшій на землѣ цвѣтокъ,
Какъ величавый образъ рая,
Стыдливо глазки опуская,
Стоитъ красавица младая,
И вдругъ невѣдомымъ огнемъ
Зажглася грудь. Въ глуши онъ бродитъ,
На шумный пиръ друзей не ходитъ,
И слезы катятся ручьемъ.
Слѣдитъ за милою, краснѣя;
Замѣченъ онъ, пылаетъ кровь,
И сорвана не разъ лилея,
Чтобъ увѣнчать его любовь.
О, время нѣжнаго желанья,
Пора начальная любви!
Небесъ незримое сіянье
Открыто взору, и въ груди
Такъ много счастья сердце грѣетъ!
Зачѣмъ не вѣчно зеленѣетъ
Пора начальная любви!
Кипятокъ чернѣетъ быстро!
Надо мѣрку опустить;
Коль увидимъ, что готово, —
Такъ ужъ намъ пора и лить!
Ну, товарищи, живѣе!
Испытайте смѣсь скорѣе,

Digitized by Google

Въ добрый здѣсь слилось ли часъ
Съ мягкимъ грубое у насъ!
Гдѣ съ твердымъ нѣжное сольется,
Гдѣ сила съ кротостью сойдется,
Тамъ выйдетъ добрый тонъ всегда.
Такъ пусть же прежде испытаютъ —
Сердца ихъ точно ли пылаютъ
Любовью искренней, когда
Себя другъ другу обрекаютъ!
Мечта прошла, исчезъ и слѣдъ,
Но для раскаянія нѣтъ
Такого скораго конца!
Какъ милы на невѣстѣ страстной
Цвѣты дѣвичьяго вѣнца,
Когда зовутъ на пиръ прекрасный
Ее во храмъ колокола.
Ахъ! съ этимъ пиромъ чуднымъ, новымъ
Ужъ жизни кончена весна,
И вмѣстѣ съ поясомъ, съ покровомъ
Мечта весны разорвана.
Ужъ страсть исчезаетъ,
Но вѣчна любовь;
Цвѣтокъ доцвѣтаетъ,
Но плодъ ужъ готовъ.
Мужъ долженъ за дѣло;
Что бъ ни было, смѣло
Онъ садитъ, творитъ,
И къ цѣли стремится,
И ловко хитритъ,
Рискуетъ, трудится,
Чтобъ счастье добыть.
Рѣкою богатство къ нему притекаетъ,
Товаръ драгоцѣнный амбаръ наполняетъ,
Ужъ нуженъ просторъ, расширяется домъ,
И правится въ немъ
Стыдливой женой
И матерью нѣжной,
И правитъ хозяйка своею семьей
Умно и прилежно,

Digitized by Google

И дѣвочекъ учитъ,
За мальчикомъ смотритъ,
И ей не наскучитъ
Работать нисколько.
Все больше приходъ
Отъ порядка растетъ;
Душистыя лавки она наполняетъ,
И много въ недѣлю спрядетъ веретенъ,
И въ чистомъ, красивомъ поставцѣ сбираетъ
Сребристую шерсть и какъ снѣгъ бѣлый ленъ,
И къ доброму умъ ее все направляетъ,
И вѣчно покоя не знаетъ.
И отецъ довольными глазами
Съ высоты балкона внизъ глядитъ,
Окруженный счастія дарами:
Кровли тамъ виднѣются рядами,
Магазины полные стоятъ,
И амбары отъ добра трещатъ,
И живыя спѣлыхъ зеренъ волны,
И сказалъ отецъ, гордыни полный:
Неподвижнѣе земли
Отъ невзгоды и напасти
Блескъ и миръ моей семьи!
Но судьбы враждебны власти,
Съ ней въ ладу прожить нельзя,
И — какъ разъ идетъ бѣда.

Хорошо, ужъ время лить;
Богъ поможетъ, не прорвется,
Но покуда закипитъ,
Надо съ чувствомъ помолиться.

Кранъ заткни винтомъ!
Боже! сохрани нашъ домъ!

Вдругъ, дымясь, металлъ волнами
Пробѣжитъ между ушами!

Добро творитъ огонь могучій,
Когда имъ правитъ человѣкъ;
Онъ тѣмъ, что создаетъ въ свой вѣкъ,
Обязанъ этой силѣ жгучей.

Digitized by Google

Но эта сила такъ страшна,
Когда падутъ съ нея оковы,
И вотъ свободная, она,
Вступаетъ дико и сурово
Въ свои природныя права.
Горе, если цѣпь спадетъ!
Безъ преграды возрастая,
Все пожаромъ покрывая,
Пламя улицей течетъ!
Ненавидятъ все стихіи,
Что творятъ дѣла людскія.
Изъ нѣдра тучь
Бѣжитъ порою
На землю ключь
Живой водою;
Изъ тѣхъ же тучь,
Не разбирая,
Разитъ сверкая
И молній лучь!
Слышишь стонъ на башнѣ дальней?
Это бури крикъ сигнальный!
Словно кровь
Небо стало;
Нѣтъ! не день приходитъ вновь!
Что всѣ улицы объяло?
Суматоха! страшный видъ!
Дымъ валитъ!
Пламя всходитъ вверхъ столбами;
Страшно вихряся, ревetъ,
И гигантскими шагами
По домамъ пожаръ идетъ.
Какъ изъ печи, воздухъ жгучій
Духотою обдаетъ,
Будто чьей рукой могучей
Объ стѣну дверями бьетъ;
Балки съ трескомъ вихрь ломаетъ,
Рамы съ звономъ разбиваетъ,
Дѣти плачутъ отъ испуга,
Ищетъ мать съ дѣтьми другъ друга,

Digitized by Google

Межъ разрушенныхъ домовъ
Слышенъ вой звѣрей и псовъ.
Все бѣжитъ, спастись желаетъ.
Ночь свѣтлѣй, чѣмъ день сіяетъ.
По рукамъ стрѣлой
Ведра пробѣгаютъ,
И высокою дугой
Волны мутныя взлетаютъ.
Мчится вѣтеръ, воетъ, ревѣтъ,
Клокъ огня схватилъ, несетъ,
Съ трескомъ плама упадаетъ
На амбаръ между стропилъ,
И, когда размахомъ крылъ
Вихорь все унесть спѣшилъ, —
Плама быстро выростаетъ,
Плама неба достигаетъ,
И созданье рукъ
Силѣ Божьей уступаетъ,
Человѣкъ, глядя вокругъ,
Какъ онъ вдругъ
Многихъ лѣтъ плоды теряетъ.

Мѣсто выжжено до-чиста,
Стало ложемъ дикихъ бурь.
Страшно выбитыя окна
Смотрятъ внизъ на пѣшехода,
И глядитъ въ обрывы свода
Неба ясная лазурь.

Взглядъ одинъ
Прежде гордый господинъ
Къ гробу своего богатства
Мимоходомъ шлетъ —
И посохъ весело беретъ:
Пусть много плама истребило,
Но радость въ немъ еще живетъ.
Онъ смотритъ, все ли тутъ, что мило —
Цѣла семья — смѣлѣй впередъ!

Digitized by Google

Плавь ужъ принята землей!
Форму налили счастливо;
Отольется ли красиво?
Наградится ль трудъ благой?
Ну, коль не сольется?
Форма разорвется?
И въ надеждѣ, можетъ быть,
Зло насъ ищетъ поразить!

Землѣ ввѣряемъ рукъ созданье,
И пахарь вѣритъ хлѣбъ землѣ,
И сердце тѣшитъ упованье,
Что добрый плодъ пожнетъ себѣ
По волѣ неба. Но дороже,
Чѣмъ это сѣмя, мы кладемъ
Въ гроба печальные, и ждемъ,
И вѣримъ, что могила — ложе,
Откуда братья и друзья
Воскреснутъ къ цѣли бытія.
Съ колокольни,
Сердце скорбью надрывая,
Похоронный льется звонъ.
Странникъ въ новый путь вступаетъ
И его сопровождаетъ,
Навѣвая думы, онъ.
Ахъ, ее, ту друга — матерь,
Ахъ, безцѣнную жену
Смерть уноситъ изъ объятій
И отъ мужа, и отъ братій,
И отъ милыхъ ей дѣтей.
Ихъ она, цвѣтя, родила,
Грудью ихъ своей вскормила,
И такъ сладко было ей
Любоваться ихъ толпою
Ахъ! теперь судьбы рукою
Связи нѣжныя семьи
Ужъ на вѣкъ разорваны!
Мать — сокровище дѣтей —
Ужъ теперь въ странѣ тѣней;

Digitized by Google

Ужъ она не правитъ домомъ,
Не заботится она;
Бродитъ въ мѣстѣ незнакомомъ —
Вчужѣ, безъ любви, одна.

Можно вамъ, пока остынетъ
Колоколъ, и отдохнуть.
Какъ въ кустахъ играетъ птичка:
Пусть помѣжитъ каждый грудь.

Если дѣла нѣтъ,
И звѣзды трепещетъ свѣтъ;

Межъ сраженій дремлетъ воинъ;
Только мастеръ не спокоенъ.

Бодро, весело идетъ
Дикимъ лѣсомъ пѣшеходъ
Въ край родимый изъ чужбины.
Тамъ — блея
Идутъ овцы изъ долины,
И красивая толпа
Дорогихъ быковъ, мыча,
Шумно стойла наполняетъ.
И на дворъ
Возъ тяжелый пріѣзжаетъ.
Какъ отрадно смотритъ взоръ
На довольство селянина!
Что за милая картина!
На большомъ возу сноповъ,
Свитъ изъ полевыхъ цвѣтовъ,
Смѣсью красокъ глазъ плѣняя,
Виденъ брошенный вѣнокъ.
Вотъ жнецовъ народъ безпечный,
Полный юности сердечной,
Ужъ пустился въ плясъ и скокъ.
Но темнѣетъ и темнѣетъ;
Площадь, улица пустѣетъ,
Вкругъ спокойнаго огня
Собирается семья;
И ворота городскіе,

Digitized by Google

Петлей ржавою скрипя,
Заперли сторожевые.
Надъ землею
Ночь повисла черной мглою,
И ничѣмъ не возмущенъ
Горожанъ спокойный сонъ:
Ночь безсонна
Для души лишь злобой омраченной,
А за добрыхъ бодрствуетъ законъ.
Сынъ небесъ, порядокъ милый,
Ты свободно и легко
Единишь своею силой
То, что сходно и равно.
Городамъ ты далъ начало;
Жизнь мгновенно заиграла,
И ушелъ ты самъ съ полей
Къ намъ, сюда, отъ дикарей.
Ты насъ учишь кроткимъ нравамъ;
Къ мирнымъ клонишь ты уставамъ,
И создалъ ты межъ людей
Связь, дороже всѣхъ связей, —
То — любовь къ землѣ своей!
Сотни рукъ кипятъ работой;
Дружно спѣетъ братскій трудъ;
И горячею заботой
Силы вызваны, ростутъ.
До послѣдняго горою
Всѣ за родину стоятъ,
И счастливы ихъ судьбою,
Отъ обидъ своихъ хранятъ.
Намъ работа честь и слава,
А наградой — счастье намъ.
Для царей вся честь — держава,
Насъ же хвалятъ по трудамъ.

Мира сладкое согласье,
О, побудь, полно пріязни,
Въ этомъ городѣ подолже!
О, не дай Богъ дня такого,

Digitized by Google

Дня ужаснаго, когда
Эти мирныя долины
Наводнитъ свирѣпо брань,
И на небѣ,
Гдѣ вечерняя заря
Нынѣ сладостно сіяетъ, —
Страшнымъ заревомъ пожаръ
Деревень и городовъ
Дико, грозно заиграетъ!

Ужъ пора, разбейте форму;
Цѣль достигнула она.
Пусть работой насладятся
И душа и глазъ сполна.

Молотомъ взмахните,
Форму раздробите!

Чтобы колоколъ поднять,
Надо прежде форму снять!

Ну, форму надобно разбить
Во время, дѣльною рукою;
Бѣда, коль пламенной рѣкою
Металлъ себя освободитъ!
Какъ громъ, треща и свирѣпѣя,
Въ минуту стѣны разорветъ,
И, какъ изъ аду, пламенѣя
На все погибель потечетъ!
Гдѣ власть въ рукахъ стихій природы,
Не выдетъ дѣла никогда;
Какъ не получится плода
Отъ человѣческой свободы,
Когда не правитъ ей властителя рука!
Бѣда, коль въ городѣ незримо
Скопится сѣра, и народъ,
Разрушивъ цѣпь, неудержимо
Себѣ на помощь мечь беретъ.
Мятежной двинуты рукою,
Колокола подъемлютъ вой,
И, сдиты мирною порою,

Digitized by Google

Для мира, доброю рукою,
Гремятъ мятежъ, зовутъ на бой.
Свобода, равенство! къ защитѣ
И люди мирные бѣгутъ;
Полны дома и улицы толпами,
И шайки изверговъ угрюмыми рядами,
Неумолимыя, идутъ.
Въ геены обратились жены,
Разврату ихъ ужъ нѣтъ препоны,
Вездѣ ихъ окружаетъ страхъ,
И, какъ пантера рветъ зубами,
Рвутъ сердце недруга когтями,
И — все святое пало въ прахъ.
Стыда разрушены оковы,
Злодѣи — все занять готовы:
Бѣжитъ смиренный гражданинъ,
И сталъ царемъ порокъ одинъ!
Нарушить дрему льва — опасно,
И тигра разсердить ужасно;
Но нѣтъ ужаснѣе во-вѣкъ,
Тебя, заблудшій человѣкъ!
Бѣда, бѣда, коль факелъ свѣта
Слѣпцамъ подобнымъ отдадутъ:
Не будетъ ими жизнь согрѣта,
И весь, и градъ они сожгутъ!

Богъ мнѣ радость далъ сегодня!
Словно звѣздочка, блеститъ
Изъ коры зерно металла,
И бѣлѣетъ, и горитъ

Около ушей
Ярче солнечныхъ лучей.

И клеймо — чѣмъ прежде — краше
Восхвалитъ искусство наше!

Мои товарищи, сюда!
Оконченъ трудъ; свершилъ крещенье;
Пусть колоколъ людское поколѣнье
Зоветъ *согласіемъ* всегда.
Пусть лишь къ тому, что сладкій миръ питаетъ,

Digitized by Google

Онъ съ высоты толпу людей сзываетъ.
И пусть онъ исполняетъ вѣчно,
Къ чему его назначилъ мастеръ!
Высоко тамъ, среди чудесъ,
Въ лазурной области небесъ,
Въ сосѣдствѣ съ дальними громами,
Граница съ вѣчными звѣздами,
Онъ долженъ сердцу говорить;
Онъ долженъ также восхвалить
Творца, какъ тѣхъ созвѣздій хоры,
Чья красота плѣняетъ взоры,
Когда они свершаютъ путь.
Пускай языкъ его волнуетъ
Святымъ и важнымъ чѣмъ-нибудь,
А не пустымъ людскую грудь;
Пускай онъ грозно знаменуетъ
Сѣдаго времени полетъ.
Пусть имъ судьба сама речетъ,
И самъ безъ сердца, безъ участья,
Слѣдитъ и счастье и несчастье
Въ житейскомъ странствіи людей.
А если вдругъ для ихъ ушей
Умолкнетъ звукъ его сердечный,
Пусть знаютъ: здѣсь не избѣжитъ
Ничто конца, ничто не вѣчно
Что все земное прозвучитъ!

Ну, теперь тащи веревкой
Снизу колоколъ, народъ;
Пусть потомъ, поднятый ловко,
Въ царство звуковъ перейдетъ!

Поднимайте! Вонъ
Двинулся ужъ онъ!

Будь онъ намъ предтечей счастья,
Первымъ звукомъ будь согласье!

А. Давыдовъ.

Digitized by Google

ВАШЪ СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ.

повѣсть.

(*Окончаніе.*)

V.

Мы оставили мадамъ Орелли на пути изъ театра.

Карета ея остановилась передъ одной изъ лучшихъ гостинницъ. Вслѣдъ за нею подъѣхала другая, карета Ижорина.

Они вошли вмѣстѣ.

— Et voilà le reduit d'une voyageuse! сказала Орелли, вводя Ижорина въ прекрасную гостиную.

Что Ижоринъ понялъ мадамъ Орелли — это вы знаете. Что и она скоро поняла, какого чичисбея посылала ей судьба въ лицѣ Ижорина, это должно удивлять еще менѣе.

Въ дѣлѣ жизни опытность главная вещь, а этимъ достоинствомъ Орелли, справедливо, могла бы похвалиться передъ всякимъ и всѣми. Принадлежа, дѣйствительно, къ тому извѣстному роду существъ, на которыя мѣтила исторія, импровизированная у ресторатёра, и которымъ покойный Татищевъ, въ своемъ словарѣ, не далъ техническаго названія, какъ бы не предвидя, или, по крайней мѣрѣ, не желая имъ въ Русскомъ обществѣ права долгаго гражданства (за что мы, съ своей стороны, не можемъ не быть благодарны Татищеву), она, не безъ пользы, прошла поприще, во всѣхъ отношеніяхъ блистательное, если и не продолжительное еще. Не даромъ же, въ самомъ дѣлѣ, еще въ Парижѣ разорила она въ пухъ Нѣмецкаго жида-банкира, подорвала денежный кредитъ одного изъ первыхъ министровъ и умѣла даже милліонера-Англичанина отучить отъ эксцентричностей: такіе подвиги не могли не наметать глазъ и не снабдить изрядным запасомъ опытности.

Digitized by Google

.... Ижоринъ провелъ съ ней вечеръ почти не скучно. И отъ природы женщина далеко не глупая, Орелли, сверхъ того, много видѣла: она говорила не дурно, судила рѣзко и смѣло, — подъ часъ и вѣрно, а какая-то своеобычность всей ея персоны удивительно удачно скрывала въ ней этотъ невыносимый «типъ» современной Аспазіи, который отталкиваетъ отъ женщины человѣка даже не много пожившаго, подобно сильной струѣ мускуса или пачули.

Прощаясь съ ней «до свиданья,» Ижоринъ считалъ себя отъ души обязаннымъ ей за то, что, въ разговорахъ съ нимъ, ограничивавшихся сначала, довольно, впрочемъ, общими мѣстами, она ни разу не сбилась ни на одну изъ темъ, истощаемыхъ всегда подобными дамами: ни слова не сказала она о своей «внутренней» исторіи, не старалась объяснить причины своего «положенія», не сѣтовала на неблагодарность и непостоянство людей и даже не промолвилась о своихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Но въ этомъ-то и былъ верхъ макіавелизма.

На утро своего новаго знакомства, Ижоринъ проснулся рано, съ озабоченнымъ видомъ позвонилъ, и когда каммердинеръ доложилъ ему, что девятый часъ, велѣлъ подавать карету, одѣлся на скорую руку, хотя на этотъ разъ и благополучно и, выѣхавъ на Невскій проспектъ, исходилъ едва ли не всѣ магазины, и à la и безъ à la. Возвратившись домой съ порядочнымъ грузомъ, онъ отправилъ этотъ грузъ съ каммердинеромъ при щегольской и, безъ сомнѣнія, очень любезной Французской записочкѣ.

Кучеръ Ижорина, межъ тѣмъ, уже рѣшилъ про себя, что баринъ женится.

Позавтракавши, Ижоринъ опять пустился по разнымъ направленіямъ.

Передъ самымъ обѣдомъ онъ на минуту завернулъ къ Орелли и вручилъ ей лично билетъ на ложу, прекрасный портъ-буке и брилліантовый коллье: цѣнность послѣдняго составила бы счастіе инаго семейства на всю жизнь.

Въ театръ онъ не поѣхалъ, однакожъ.

Digitized by Google

На другой день гоньба продолжалась. Нашлась даже необходимость перемѣнить въ каретѣ лошадей. Все это, какъ будто бы, успокоивало Ижорина. Хоть и зѣвалъ онъ еще подъ часъ, но лучше прежняго спалось ему, — о картѣ обѣда онъ уже заботился съ присутствіемъ мысли о столь важномъ дѣлѣ и толкомъ: всѣ эти утѣшительныя явленія, отъ которыхъ Ижоринъ успѣлъ поотвыкнуть, онъ замѣчалъ въ себѣ какъ пріятную новость.

.... Въ назначенный пріятелямъ вторникъ всѣ они получили, еще съ утра, приглашеніе на вечеръ, отъ имени Орелли: она звала на Литейную, въ домъ подъ № 315.

Трехъ часовъ достало Ижорину на то, чтобы овладѣть сердцемъ мадамъ Орелли, трехъ дней, послѣдовавшихъ за закладомъ — чтобы приготовить ей самый пышный, самый затѣйливый local. Бронзы, мраморъ, зеркала, ковры, цвѣты, хрусталь, картины, бархатъ, фарфоръ, рѣзьба, — все это сливалось въ роскошное цѣлое, предварительно улегшись, каждое, на мѣсто, опредѣленное вкусомъ и изящною прихотью. Прадье, Менъ, Фратенъ, Мадерни, Гамбсъ, Буль, Діацъ, Біаръ, каждый изъ этихъ законодателей утонченнаго комфорта принесъ свою лепту на жертвенникъ нѣги и беззаботной лѣни. Богемія, Севръ, Саксонія, Утрехтъ, Персія, Версаль прислали туда chef-d'oeuvr'ы своей промышленной фантазіи, словно на показъ.

Ясно было, что заботившійся объ этомъ убранствѣ не жалѣлъ главнаго въ случаяхъ подобнаго рода — денегъ: все было чрезвычайно-богато, во всемъ проглядывалъ выборъ безукоризненнаго вкуса, одна часть соотвѣтствовала другой и каждая вещь — цѣлому; но глазъ, привыкшій всматриваться въ вещи, какъ въ лица, съ вниманіемъ, и умѣющій изъ убранства комнаты заключить о мысли, руководившей человѣкомъ, такъ же какъ изъ всякаго другаго дѣла, — такой глазъ остался бы, развѣ, пораженъ великолѣпіемъ этой миніатюрной Алгамбры. Въ каждой бездѣлицѣ, хотя бы и необходимой для полноты цѣлаго, болѣе просвѣчивало желаніе угодить всѣмъ прихотямъ, нежели необходимость держаться извѣстной наклонности той, для кого все это назна

Digitized by Google

чалось: цѣлое не давало никакого понятія о смыслѣ идола, кому воздвигнутъ былъ храмъ. Словомъ, можетъ быть, такое помѣщеніе долженъ былъ устроить Ижоринъ по понятіямъ, между ними утвердившимися, — но совершенною иною физіогноміею оживила бы, напримѣръ, пріютъ женщины любимой рука самая щедрая, самая богатая средствами. Или, тотъ же Ижоринъ, случись ему жениться, не только бы никогда не далъ подобнаго выраженія покоямъ своей жены, но врядъ ли бы и покусился издержать на этотъ предметъ такія огромныя деньги.... Отчего это? Не для хвастовства же бросилъ она на отдѣлку квартиры Орелли болѣе половины своего годоваго дохода: состояніе его слишкомъ хорошо было извѣстно, никто не сомнѣвался и въ томъ, что у него хватило бы вкуса и умѣнья на всякое подобное начинаніе.... Но, неужели, въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ дѣлахъ жизни, онъ шелъ только за другими и, человѣкъ по уму и природнымъ способности, далеко не дюжинный, ни разу не спросилъ себя: зачѣмъ

....Для прислуги Мадамъ Орелли, кромѣ горничной, пріѣхавшей съ ней «прямо изъ Парижа» и при ней оставшейся, данъ былъ, между другими, самый черный и самый безобразный Негръ, Негръ pur sang. Четверка сѣренькихъ лошадокъ, особенной породы, маленькихъ, приземистыхъ, съ неимовѣрно-длинными и густыми хвостами и гривами, стояла на конюшнѣ подъ надзоромъ толстаго, какъ иной трактирный самоваръ, кучера и амура-форейтора, въ ожиданіи благо получія возить свою владычицу, эту экзотическую рѣдкость, съ скоростію паровоза, въ одной изъ игрушекъ, наполнявшихъ каретный сарай, куда онѣ явились прямо изъ мастерскихъ Форбеліуса и Іохима.... Съ открытіемъ навигаціи должны были прибыть еще: два гунтера, steeple-chaise, за клеймомъ перваго мастера самостоятельнаго Королевства, два попугая съ аттестатами отъ Американскаго профессора и бульдогъ, вовсе безъ хвоста.

Въ прихожей, расфранченный съ утра, какъ иной уѣздный баринъ подъ вѣнецъ, осужденъ былъ вѣчно сидѣть камердинеръ: его звали, кажется, Жозефомъ.

Digitized by Google

....Когда мадамъ Орелли занесла ногу въ преддверіе этого затѣйливаго Эльдорадо, она все оглянула однимъ взглядомъ. Ничто не ускользнуло отъ ея пытливаго глазомѣра. Но до того были въ ней, съ одной стороны, сильна привычка къ роскоши, съ другой, такъ развита способность съ разу понять человѣка, съ которымъ сводила ее судьба, что она даже и не подарила Ижорина и улыбкой, въ которой бы выразилось ея удивленіе или хоть удовольствіе. И, за это, Ижоринъ такъ-же мало претендовалъ на нее, какъ не сталъ-бы онъ сердиться на того, кто-бы вздумалъ просить у него взаймы денегъ, безъ увѣренности въ возможности когда-нибудь отдать.

Орелли отворила рояль, небрежно пробѣжала пальцами по клавишамъ, и, оставшись, вѣроятно, довольною созданіемъ Эрара, прошла дальше; въ гостиной она не-то бросилась не-то упала на одну изъ тѣхъ штукъ, назначенныхъ для сидѣнья и лежанья, въ которыхъ стоитъ помѣститься, чтобы уже не захотѣлось встать никогда: штука оказалась соотвѣтствовавшею своему назначенію. Въ другой гостиной она дернула за сонетку, какъ изъ земли выросъ передъ ней черномазый Помпей, Орелли посмотрѣла на него съ секунду и спросила стаканъ воды, вода явилась, разумѣется, на подносѣ рококо въ какомъ-то двуцвѣтномъ хрусталѣ; она помочила губы и, уже въ уборной, будто бы невзначай и очень граціозно, плюнула въ серебряный тазикъ.

Всякій другой, на мѣстѣ Ижорина, пожалуй былъ бы взволнованъ не на шутку рѣшительностію этого приступа, но въ Ижоринѣ не могъ родиться подобный порывъ: слишкомъ хорошо зналъ онъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, и никогда бы не пришло ему на умъ требовать отъ Орелли того, чего, можетъ быть, сталъ бы искать въ ней человѣкъ, не заплатившій жизни того рода дань, какой стоила она ему.... Не обращая ни малѣйшаго вниманія на продѣлки, которыя онъ находилъ со стороны Орелли весьма естественными, Ижоринъ, глядя на нихъ, равнодушно курилъ сигару, тщательно пуская одно колечко дыма за другимъ, и такъ чтобы второе прошло непремѣнно сквозь первое.

Digitized by Google

Водворившись въ своемъ новомъ владѣніи, Орелли взялась за управленіе со всѣми пріемами женщины, до тонкости исчерпавшей науку хозяйничанья въ чужомъ добрѣ.

.... Насталъ вечеръ. Одинъ за однимъ стали сбираться сотрапезники прошлой недѣли.

Первый пріѣхалъ уланскій корнетъ. Повѣрившъ ensemble своего туалета въ зеркалѣ, висѣвшемъ въ передней, онъ оставилъ въ залѣ огромный букетъ цвѣтовъ и явился въ маленькую гостиную, гдѣ, въ сладкомъ созерцаніи своей собственной ножки, полулежала Орелли, а въ креслѣ дремалъ Ижоринъ, счастливый уже тѣмъ, что могъ дремать, не принуждая себя къ тому. Ижоринъ открылъ глаза и представилъ улана хозяйкѣ дома. Знакомство завелось очень свободно. Орелли со втораго слова, сказаннаго человѣкомъ, примѣнялась къ нему, — это вы ужъ и знаете. Уланъ, вообще не любившій пристальнаго осмотра въ дѣлахъ житейскихъ, а, на этотъ разъ, не находя ничего особеннаго въ представлявшемся ему, отдался весь воодушевленію, какое производили въ немъ близость хорошенькой и любезной женщины (въ этихъ качествахъ никто бы не посмѣлъ отказать мадамъ Орелли), весь ея entourage, и принялся врать въ запуски съ нею. Онъ принесъ цвѣты, букетъ былъ такъ великъ, что его трудно было удержать въ одной рукѣ, и, съ комическою важностію, признавая себя побѣжденнымъ чарами Орелли, разсыпалъ цвѣты у ея ногъ.

За уланомъ подъѣхали другіе. Господинъ, еще за обѣдомъ у ресторатёра, оказывавшій особенную склонность къ положительности, осматривалъ весь intérieur мадамъ Орелли съ напряженнымъ любопытствомъ. Если бы не чувство свѣтскаго приличія, онъ непремѣнно бы дотронулся до каждой вещи, чтобы убѣдиться въ свойствѣ ея матеріяла, словно ему нужно было дознаться, какой пробы серебро и изъ бронзы ли точно вылиты всѣ эти прелести Прадье и Мена, украшавшія столы, или, мѣстами, лѣпившіяся по стѣнамъ. Не могъ онъ, однакоже, усѣвшись на ту мебель, что названа такъ остроумно aux pieds de madame, удер-

Digitized by Google

жаться отъ удовольствія ощупать изъ-подтишка бархатъ, которымъ была обита она. И бархатъ оказался Утрехтскій.

Юношѣ, ходячей-хроникѣ Петербурга (или Статуѣ здоровья, какъ предложено было называть его въ послѣднее время), въ особенности понравились мягкіе, Персидскіе ковры, и онъ, послѣ первыхъ же привѣтствій хозяйкѣ, усѣлся на полу, поджавъ ноги по-Турецки, и занесъ всякій вздоръ.

.... Чай и пуншъ давно уже были прибраны. Бесѣда съ каждымъ словомъ, становилась живѣе.

Пробило 11 часовъ.

Господинъ, сидѣвшій у ногъ Орелли, недовѣрчиво выслушалъ удары часоваго молоточка, но, посмотрѣвъ на свои карманные часы, которые, если вѣрить ему, стоили лучшаго хронометра, отправился искать своей шляпы. Примѣру его, какъ-бы предварительно сговорившись, послѣдовали всѣ кромѣ ходячей-хроники и улана.

— Est-ce que ces messieurs ne soupent pas avec nous? спросила Орелли.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, куда-жъ это вы всѣ? сказалъ Ижоринъ.

И тутъ только онъ замѣтилъ, что гости, всѣ, были въ бальныхъ костюмахъ.

— Какъ куда? — отвѣчалъ одинъ изъ нихъ. Къ Графинѣ Б.... А ты развѣ не будешь на балѣ?

— Развѣ балъ сегодня? спросилъ Ижоринъ, голосомъ, отзывавшимся худо-скрытымъ смущеніемъ.

Сказать правду, онъ, и въ самомъ дѣлѣ, въ хлопотахъ забылъ о балѣ.

— Сегодня.

— Не поѣду: лѣнь что-то.

Онъ вышелъ въ другую комнату, и, напѣвая сквозь зубы какую-то каватину, упрямо прильнулъ головой къ рамѣ окна.

Въ окно, ради темной ночи, онъ, разумѣется, не увидѣлъ ничего, развѣ тусклый свѣтъ фонаря, какъ бы нехотя озарявшій проѣзжіе экипажи, которые, скользя по снѣгу,

Digitized by Google

бросали на него свои тѣни, подобно картинкамъ дурной lanterna magica, когда онѣ отражаются на стѣнѣ неопредѣленнаго цвѣта и свойства.

Пріятели не догадывались еще ни о чемъ. О происшествіи съ Графиней, понимается, не зналъ никто. Волокитства, со стороны Ижорина, не было видно ни разу.

Но Орелли, слышавшая фамилію и, кромѣ ея, поймавшая, изъ Русскаго разговора, слово: балъ, съ чувствомъ женщины, уже сдѣлала, про себя, кое-какія заключенія, которыхъ, выговори она ихъ, пожалуй испугался бы Ижоринъ.

Она, однакожъ, не подала ни малѣйшаго вида и вышла проводить гостей.

— Такъ ты не ѣдешь?

— Нѣтъ.

Въ рѣшительности этого отвѣта слышалось какъ будто бы досада.

Послѣдній вопросъ и отвѣтъ были сказаны на Французскомъ языкѣ и утвердили Орелли въ ея догадкахъ. При всемъ томъ она не позволила себѣ, даже для формы, просить Ижорина, чтобы онъ, ради ея, не отказывалъ себѣ въ удовольствіе быть на балѣ: въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ много было такта у этой женщины, и слишкомъ ясно сознавала она всѣ свои обязанности къ Ижорину.

За послѣднимъ жестомъ досады, выразившимся, впрочемъ, только въ голосѣ, двое изъ гостей переглянулись хоть и едва-замѣтно, но довольно значительно.

Простившись, они уѣхали.

— А мы рѣшили, что гораздо лучше раздѣлить твое уединеніе и скудную трапезу, нежели ѣхать толкаться и зѣвать къ Б....

Этими словами встрѣтилъ входившаго опять въ маленькую гостиную, объ руку съ Орелли, Ижорина, юноша ходячая-хроника, ударяя по плечу улана.

Ижоринъ протянулъ каждому по рукѣ. Онъ отъ души былъ имъ благодаренъ, и, не будь тутъ Орелли, онъ, того и гляди, кинулся бы имъ на шею.

Орелли, невѣдомо ни для кого, укусила себѣ губу.

Digitized by Google

— Необходимо, однакоже, чтобы эти господа не раскаялись въ своей жертвѣ, сказала она. И, во-первыхъ, какъ и что вы хотите ужинать?

— Я всегда ѣмъ, что даютъ, — отвѣчалъ ходячая хроника.

— А я буду ѣсть все, что останется послѣ васъ, — сказалъ уланъ. — А ты? продолжалъ онъ, обращаясь къ Ижорину.

— Я.... никогда не ужинаю.

— Васъ и не спрашиваютъ, замѣтила ему Орелли, полу-шутя.... И мы сдѣлаемъ punch royal....

— Божественная женщина! воскликнулъ корнетъ.

— И ты будешь пить все, что останется.... сказалъ хроника.

— Только не послѣ тебя, достойный Евріалъ, — перебилъ уланъ.

Не надо напоминать, что разговоръ велся на Французскомъ языкѣ.

Отдавъ приказанія объ ужинѣ, Орелли вытащила всѣхъ въ залу. Ей и было досадно на Ижорина, и хотѣлось, чтобы никто не подозрѣвалъ этого. Можетъ быть она думала и поразвеселить его.

Усѣвшись передъ роялемъ, и, продолжая говорить о пустякахъ, она взяла нѣсколько аккордовъ, промежила ихъ одной или двумя гаммами и незамѣтно принялась бредить на одну изъ мелодій геніальнаго Шуберта. Въ каждомъ ударѣ по клавишу, въ каждой фразѣ инструмента слышалось далеко не обыкновенное знаніе дѣла.

И уланъ и его товарищъ замолкли, въ какомъ-то сладкомъ обаяніи. Ижоринъ сидѣлъ, тоже, недвижимъ и погруженный въ думу, но въ его думѣ ни мало не участвовало происходившее передъ нимъ.

— Ничего не понимаю, а благоговѣю передъ Шубертомъ! — сказалъ по-Французски Статуя здоровья....

— Я никогда не любилъ Нѣмецкой музыки, — сорвалось съ языка у Ижорина, на томъ-же діалектѣ.

Статуя здоровья посмотрѣлъ на него какъ-то странно.

Digitized by Google

Орелли бросила инструментъ.

— Ужинать, господа! сказала она.

Сколь ни благоразумна была Орелли, сколь ни ничтожны были права ея на Ижорина, — его мрачное расположеніе должно было производить на нее тяжелое впечатлѣніе. Какъ женщинѣ, въ которой (будь это, единственно, по молодости лѣтъ) не до-тла еще сгорѣла всякая способность къ сочувствію, можетъ статься, ей даже немножко было жалко Ижорина, но пуще страдало ея самолюбіе, то мелкое и щепетильное самолюбіе, которое никогда не покидаетъ ни одной изъ дочерей Еввы, хотя бы и пала она до послѣдней ступени, и которое ни за что не допуститъ ея равнодушно выносить видимое совмѣстничество въ то самое время, когда мало заботится она о смыслѣ привязанности къ ней человѣка, съ кѣмъ связь ея условлена единственно прихотью или случаемъ.

Но всѣ эти впечатлѣнія, которыя самой Орелли, сначала, не совсѣмъ удалось скрыть отъ привычныхъ глазъ гостей, по немногу сбѣжали съ ея лица, за ужиномъ, благодаря неистощимой способности обоихъ, отпускать нелѣпость за нелѣпостью.

— Вотъ, говорятъ объ древнихъ, что они жили лучше насъ, — замѣтилъ уланъ.

— Пускай говорятъ, а тебѣ кто велитъ слушать!

— Вздоръ, братецъ, рѣшительно вздоръ!

— Гомары, положимъ, они едва-ли не круглый годъ ѣли свѣжіе....

— A punch royal? Имѣли-ли они какое-нибудь понятіе объ этомъ нектарѣ!

— Геродотъ ничего не говоритъ объ этомъ.

— То-то вотъ.... Я за него гроша не дамъ.

— Господа, что-же вы, икры? сказала Орелли, — посмотрите, какая икра!

— Икра ужъ солона теперь, возразилъ ходячая-хроника.

Digitized by Google

— Я и забываю, что она вамъ не въ диковину. У Вери съ насъ брали по десяти франковъ за порцію, deux cuillerées. Et encore n'y en a-t-il pas tous les jours. J'aime beaucoup la Russie: on m'a dit que vos capitales regorgeaient de caviar, grâce à vos fleuves, tout le long de l'année, et j'adore le caviar. Cette bêtise pourtant de n'en pas faire venir en France pour plusieurs millions!.... Il y aurait de quoi faire fortune: c'est que, tous, nous aimons le caviar lá-bas.

— Воображаю, что вы тамъ говорите о Россіи, что вы говорите объ насъ....

— On dit qu'il fait froid chez vous, mais on sait que vous êtes tous de bons enfants.

— Это, всего лучше, знаютъ наши родители, наши управляющіе и наши кошельки, когда мы возвращаемся изъ Парижа ...

— Fi donc, seigneurs russes.... Et du champagne!

Шампанское запѣнилось.

— А все, для порядка, надо бы съѣздить въ Парижъ, замѣтилъ уланъ. Вѣдь хорошо, Ижоринъ?

— Все то-же.

— Ну какъ-же ?

— Право. Улицы погрязнѣе нашихъ, дома постарѣе. Побольше шуму, поменьше порядка, больше женщинъ, меньше лошадей.... Больше всего, кажется, печатной бумаги....

— Театры.

— Трактиры, бульвары ... Право, по моему, ничего особеннаго. Конечно на бульварахъ не липы, а тополи. Ну, а подъ тополями, все то-же что и подъ липами....

— Bal Mabile, Chaumiére....

— Ranelagh!....

— Какія вы дѣти! замѣтила имъ мадамъ Орелли.

— Оттого-то намъ и надо учиться, перебилъ ходячая-хроника.

— Но не умничать, а довольствоваться тѣмъ, что даютъ.... Сегодняшній урокъ начнется съ punch royal ...

Digitized by Google

Былъ часъ четвертый за полночь, когда и гости, будто не хотя, и Ижоринъ взялись за шляпы.

Орелли провожала ихъ до передней.

Въ передней она, на минуту, тихонько ущипнула Ижорина за ухо, но этого не видали другіе.

Ижоринъ вздохнулъ довольно громко.

Орелли уже ушла.

— Чудакъ! сказалъ уланъ, отыскивая свои галоши.

— George Dandin, tu l'as.... Послѣдняго слова ходячей-хроники не было слышно.

VI.

Изъ участія къ нашему герою, взглянемъ, хоть вскользь, на Графиню Софью Михайловну.

....Блистательный балъ былъ въ самомъ развалѣ.

Усердно горѣли свѣчи и лампы, горячо споря о первенствѣ. Аксельбанты и фраки, газы и моары, атласныя и матовыя плечи, румяныя и нарумяненныя щеки, цвѣты живые и поддѣльные, косы и хохлы, свои и чужіе, улыбки и ужимки, очки и лорнеты, комплименты и вздоры: все это сливалось, расходилось, мелькало и опять мѣшалось въ пестрое, безсвязное цѣлое.

Въ одной залѣ, извѣстнымъ порядкомъ, страдали руки и столы, — въ другой, ноги и паркетъ.

И, повидимому, и руки и ноги были довольны.

Графиня, какъ хозяйка, своею ревностію къ удовольствію, подавала примѣръ другимъ: она не сходила съ паркета.

Но, по временамъ, она посматривала на дверь оффиціантской, будто ожидала она кого-то.

Въ промежуткахъ между двухъ танцевъ она обошла весь домъ, по обязанности, конечно, и всматривалась во всѣ углы каждой изъ пріемныхъ комнатъ, какъ бы ища потерянной вещи

Digitized by Google

Чего она искала?

И до послѣдней минуты бала, окончившагося не задолго передъ свѣтомъ, Графиня не переставала вздрагивать слегка, когда отворялась дверь оффиціантской.

Что бы это значило?

Гости разъѣхались, разсыпавшись подобно камнямъ наскоро и на пескѣ построеннаго зданія.

Между тѣмъ какъ Графъ отправился усаживать въ карету одного изъ самыхъ почтенныхъ гостей, глухаго, слѣпаго и едва живаго, еще въ половинѣ бала заснувшаго въ креслѣ,— Графиня, грустная и задумчивая, проходила, пустой амфиладой, на свою половину.

Въ спальной она опустилась на первое подвернувшееся сидѣнье, и, не извѣстно ради чего, принялась внимательно разглядывать свой носовой платокъ, и, потомъ, тихо-тихо рвать дорогую обшивку.

И долго стояла надъ нею горничная, ожидая приказанія раскалывать, расшнуровывать и разстегивать.

— Поди! и сказать Графу, что я нездорова.

Графъ, однакоже, счелъ за нужное притти постучаться въ дверь женицой спальни.

Софья, сначала, не отозвалась на стукъ, но, потомъ, выговорила слабымъ голосомъ:

— Je souffre, mon ami....

Графъ удовольствовался этими словами и удалился.

Дорого, думаю я, далъ бы Ижоринъ за то, чтобы видѣть или знать все это.

....И ему, бѣдному, въ то-же время, плохо спалось.

Но «утро вечера мудренѣе.»

Съ утра пріѣхалъ уланъ, кое-кто еще изъ пріятелей и стали требовать разсчета за проигранное пари.

Спорить было не о чемъ. Пріятели всѣ повинились цвѣтами. Ижорину надо было поплатиться въ свою очередь.

Digitized by Google

Орелли тщетно прождала его цѣлый день. И, на другой даже, онъ завернулъ къ ней не надолго. Уланъ и хроника въ особенности были изобрѣтательны каждый по своему....

Въ продолженіе недѣли и Невскій проспектъ и нѣкоторыя другія улицы, и Летранъ и Доминикъ, и разныя мѣста получили щедрую дань изъ кошелька Ижорина.

Орелли, впрочемъ, была не совсѣмъ забыта. Навѣщали и ее, но Ижоринъ рѣдко бывалъ одинъ на Литейной.

Хроника съ каждымъ днемъ открывалъ въ этой женщинѣ новыя достоинства и спѣшилъ сейчасъ же сообщить о нихъ Ижорину, который слушалъ его равнодушно и увѣрялъ, что все это для него не новость. Уланъ такъ подружился съ ней въ самое короткое время, что сталъ уже разъѣзжать по Петербургу на маленькихъ, сѣренькихъ лошадкахъ. Когда сослуживцы спрашивали его, откуда онъ взялъ этихъ лошадей, онъ отвѣчалъ, что онѣ подарены ему одной Графиней, которая давно будто-бы по немъ страдаетъ, и куплены, нарочно для него и на вѣсъ золота, съ одного, неизвѣстнаго еще никому, завода Алжирскаго Бея.

....Время шло да шло. Настала весна. Пришли корабли. Уланъ уѣхалъ въ Стрѣльну. Ходячая-хроника куда-то исчезла. Господинъ, любившій во всемъ положительность, долженъ былъ оставить Петербургъ по обязанностямъ службы. Изъ прочихъ то-же никого не стало видно.

Подъѣхали гунтеры, steeple-chaise, попугаи, бульдогъ и еще, въ видѣ совсѣмъ неожиданнаго сюрприза, двѣ обезьяны, одна въ человѣчій ростъ, другая вся — съ грецкій орѣхъ.

Ради всего этого Орелли казалась очень довольна своею участію: ктому же Ижоринъ сталъ чаще бывать у ней и иногда засиживался. И, какъ будто бы, полюбилъ онъ и Шуберта и еще какого-то Нѣмца, Вебера что-ли или Мейербера.... Иначе нельзя было толковать его частыхъ посѣщеній....

Къ Лидневой Ижоринъ не ѣздилъ, и, вообще мало посѣщая большой свѣтъ, не встрѣчался съ Графиней, развѣ

Digitized by Google

на улицѣ. Только разъ они съѣхались въ Англійскомъ магазинѣ, и такъ, что уже не было возможности не поклониться другъ другу. Тутъ былъ и Графъ, который попенялъ Ижорину, за то что онъ не былъ у нихъ на балѣ и обѣщался самъ быть у него. Ижоринъ благодарилъ и прибавилъ, что на дняхъ ѣдетъ. Но, со стороны его и Графини, произошли, при этой встрѣчѣ, два странныхъ обстоятельства, взаимно ими незамѣченныя: Графиня велѣла завернуть себѣ мужскія очки, Ижоринъ спросилъ лѣтніе женскіе чулки; ему подали дюжину en ce qu'il y a de mieux, онъ пресерьёзно всунулъ ее въ карманъ и вышелъ. Графъ, видѣвшій оба происшествія, внутренно посмѣялся надъ Ижоринымъ, но ему не пришло въ голову спросить у жены, для чего она покупала очки.

Между тѣмъ Петербургъ перебирался на дачи. И Орелли хотѣла жить за городомъ.

Нужно было удовлетворить это желаніе.

Скоро нашлось, на Черной рѣчкѣ, все нужное для перемѣщенія: десять квадратныхъ сажень земли, четыре голыя, досчатыя стѣны, крытая коновязь и дворникъ, соглашавшійся, отъ имени хозяина, на всевозможныя украшенія со стороны и на счетъ наемщика, въ обмѣнъ на нѣсколько сотенныхъ ассигнацій. Черезъ три дня владѣлецъ не узналъ бы своей собственности. Домъ былъ весь обитъ за-ново и устланъ коврами, снаружи обвѣшанъ жалузіями и маркизами, передъ домомъ не стало видно земли: все это были цвѣты и деревья. Подъ крышкой коновязи ржали гунтеры и бились, непривычныя къ новому стойлу, сѣренькія; въ растворенныя окна кричали попугаи, на одномъ окнѣ грѣлся бульдогъ, изъ другаго смотрѣла обезьяна. Все было слышно и видно насквозь. И вся дача, въ три дня, преобразилась въ миніатюрный снимокъ съ Парижскаго Jardin des Plantes, съ тою разницею, что въ ней было больше цвѣтовъ.

Улапъ, какъ-то набѣгомъ, навѣстилъ эту новую обитель и остался очень доволенъ ею, такъ что, въ первый разъ, не вспомнилъ ни о жженкѣ, ни о punch royal.

Digitized by Google

Скромные сосѣди, чиновники и Нѣмцы, проходили мимо жилища Орелли съ завистью. Любители собакъ останавливались съ чувствомъ, при видѣ бульдога, мальчишки были въ восторгѣ отъ обезьяны.

— Ишь, ишь, хвостъ-отъ!—говорили они другъ другу.

— Ровно человѣкъ! отзывался объ обезьянѣ дворникъ.— Да гадина-то какая!

И, между обезьянами, цвѣтами, раззолоченными клѣтками и прочимъ, показывались, иногда, черная рожа и красная куртка Помпея.... Тогда иной прохожій становился въ тупикъ.

Чего-чего не говорили о дачѣ? Какихъ предположеній не дѣлали на счетъ ея обитателей? Какими вопросами не осаждали булочника, единственнаго мѣстнаго жителя и общаго знакомаго, имѣвшаго доступъ въ волшебный замокъ! Но булочникъ, какъ ни хвалился онъ своими отношеніями къ его обитателямъ, и самъ не проникалъ далѣе кухни: это не мѣшало ему, однакоже, отвѣчать на всѣ вопросы съ большою самоувѣренностію и en connaissance de cause.

— Эхъ вы, мужичье! говаривалъ онъ обыкновенно кучерамъ, лакеямъ, ключницамъ и форрейторамъ, всѣмъ любопытнымъ безъ различія, — эхъ вы! обнаковенное дѣло Грачанская прынцесса съ теплаго акіяна! Алмазо-тъ у ней во-какой есть! — Онъ показывалъ пятикопѣечную булку.

— Батюшки-свѣты!

— И по нашему, то-ись, ни-ни! Да и по Нѣмецки-то не говоритъ.

— Ну ужъ, я чай....

— Что вы? Да нешто мы по-Нѣмецки не знаемъ.... Можетъ еще не хуже другого аптекаря....

— Ну, а съ людьми-то она какъ?

— Англичанинъ есть, что который завсегда при лошадяхъ.... Опять, Арапъ.

— Это что жъ, ты, братецъ ты мой, такое, Арапъ? Я ихъ видывалъ: рожа-то черная вся.

Digitized by Google

— Ну, ну.

— Нешто рожа одна, глупые? Весь онъ черный, какъ есть весь....

— Ишь диковина. Когда они, у нихъ, всѣ такіе, то-ись которыя есть низкаго сословія.

— А звѣря-то всякаго, звѣря-то что?

— Простота! Да нешто ей безъ этого жить можно? У нихъ, тамъ, за ворота выйдешь, такъ эта всего.... Все равно какъ здѣсь комаръ, или кошка, либо гусь....

— Я чай, иной разъ, вѣдь тоже, расходятся, и кусковъ не соберешь....

— Ишь сказалъ: дакъ нешто тебя кошка или гусь тронетъ?

— Вѣстимо.

— То-то же вотъ.. И они къ нимъ привычны.... Это, братцы, все надо знать!

И булочникъ шелъ дальше, самодовольно разнося вездѣ любопытныя данныя объ Орелли.

— Ѳедоръ Иванычь! за чѣмъ она сюда пріѣхала? спрашивала у булочника быстроглазая горничная.

— У тебя не спросилась, курносая! Еще она можетъ и безъ пашпорта, ты какъ-бы ты думала? Кто у ней спроситъ-то? Онамнясь, сказывали, какъ пріѣхала-то она, въ вѣдомостяхъ про нее всю страницу пропечатали. Ты гляди-ка, кто къ ней ѣздитъ-то. Все какіе господа: и войдутъ не слышно. Значитъ уваженіе.... То-же вѣдь мы кое что и видывали.

Горничная слушала розиня ротъ, булочникъ продолжалъ и путь свой, и разсказы.

....Ижоринъ самъ жилъ въ городѣ, но часто ѣздилъ на Черную Рѣчку, чаще, можетъ быть, нежели, въ то-же время, сталъ бы ѣздить на Литейную: Петербургъ, какъ и всегда на лѣто, опустѣлъ, театры и всѣ городскія публичныя мѣста праздновали каникулы, — дѣваться, значитъ, было некуда.

Digitized by Google

....Разъ какъ-то, это случилось въ половинѣ Іюля, Орелли предложила ему прокатиться съ нею въ steeple-chaise.

Зной ужъ опалъ, жаркій день смѣнился прохладнымъ вечеромъ. Ижоринъ согласился ѣхать.

— Кстати, — сказалъ онъ, — я еще не видалъ вашихъ гунтеровъ.

Орелли улыбнулась, право, прегранiозно и побѣжала распоряжаться.

Джемсъ, Джонъ или Уильямъ снарядился въ мгновеніе ока.

Вмѣстѣ съ Ижоринымъ и Орелли вскочилъ въ steeple-chaise и бульдогъ, какъ истый Англичанинъ. Ижоринъ вытащилъ сигарку и, молча, вперилъ глаза въ даль. Въ эту минуту, кто, не зная, встрѣтилъ бы его, навѣрное счелъ бы за счастливѣйшаго въ мірѣ человѣка и позавидовалъ ему.

Но герой нашъ врядъ-ли считалъ себя счастливымъ.

....Неподалеку отъ дома имъ попался булочникъ съ своей вечерней ношей; онъ, издали еще снявъ картузъ, остановился, отвѣсилъ пренизкій поклонъ и долго смотрѣлъ имъ въ слѣдъ съ непритворнымъ уваженіемъ.

Орелли сама правила. Она повернула на мостъ. На мосту лошади было хотѣли заупрямиться, заплясали на мѣстѣ, заржали, но Орелли въ мигъ укротила ихъ бичемъ.

— Délicieux! сказалъ Ижоринъ. При этомъ, неизвѣстно отчего, онъ слегка поморщился. Боялся-ли онъ открывать въ ней новыя достоинства?

Steeple-chaise, ходкой рысью, покатился по Новой Деревнѣ, остановивъ дорогой не одного зѣваку (Джемсъ, Джонъ или Уильямъ, сидѣвшій сзади, все принималъ на свой счетъ и все болѣе и болѣе надувался и важнѣе избоченивался); и повернулъ, берегомъ, къ Старой Деревнѣ.

Когда стали показываться бѣлыя фуражки — кавалергарды, какъ и всегда лѣтомъ, стояли въ Старой Деревнѣ на

Digitized by Google

травѣ — на лицѣ Ижорина, уже прояснившемся, мелькнулъ слѣдъ какого-то, вѣроятно, непріятнаго соображенія, и онъ, какъ будто бы даже, хотѣлъ было просить Орелли воротиться, но почему-то не сдѣлалъ этого.

Steeple-chaise подвигался. На встрѣчу валило облако пыли. Облако разсѣялось и открыло передъ Ижоринымъ кавалькаду въ нѣсколько паръ.

Первая пара прогалопировала.

За тѣмъ слѣдовала кучка ѣздоковъ и наѣздницъ. Одинъ изъ первыхъ, проѣхавъ уже, оглянулся, прищурился, защитивъ глаза ладонью, остановилъ лошадь, поворотивъ ее, пришпорилъ и нагналъ steeple-chaise.

— Ижоринъ! сказалъ онъ.... Такъ-то вы уѣхали!

Это былъ Графъ....

Въ ту же минуту, отставшая почему-то отъ другихъ, ровнялась съ ними, тоже верхомъ, Графиня Софья ...

Увидѣвъ мужа, она хотѣла посдержать лошадь, но потомъ ударила ее хлыстомъ и понеслась....

— Dans un instant, закричалъ ей въ слѣдъ супругъ.

Ижоринъ страдалъ какъ человѣкъ, осужденный на смерть, зачасъ до казни. Охотно бы, тутъ же, на мѣстѣ провалился онъ сквозь землю.

Съ одной стороны, несносный съ своими любезностями Графъ, — съ другой встрѣча съ Графиней, все, разумѣется, видѣвшей и понявшей: двѣ эти неожиданности съ разу, такъ сказать, его настигнувшія, совершенно его ошеломили.

Давно, вы это знаете, вышелъ онъ изъ того возраста, когда щеголяютъ интригой или хвалятся связью съ модной женщиной, но еще и не дожилъ до тѣхъ лѣтъ, когда и щегольство это, и похвальба, для иныхъ, опять дѣлаются или потребностію, или однимъ изъ любимыхъ занятій. По этимъ причинамъ, онъ нигдѣ, до сихъ поръ, не показывался вмѣстѣ съ Орелли. И теперь встрѣть его съ нею одинъ изъ тѣхъ людей, кому была извѣстна его связь, ему было бы рѣшительно все равно.

Digitized by Google

Но въ глазахъ Графа, которому, мѣсяца за полтора до того, онъ сказалъ, что ѣдетъ, онъ имѣлъ видъ мсиѣе гораздо школьника, пойманнаго въ запрещенномъ занятіи, нежели человѣка, уличеннаго въ сердечномъ увлеченіи, занятаго женщиной и старавшагося скрыть свое счастіе, какъ это нерѣдко дѣлаютъ люди истинно-счастливые, d'un homme en bonne-fortune. Къ тому же Графъ, хотя можетъ и не зналъ въ лицо мадамъ Орелли, сейчасъ долженъ былъ понять, съ кѣмъ ѣхалъ Ижоринъ: на столько прозорливости извлекъ и тотъ изъ своего жизненнаго поприща.

Графу и самому становилось не ловко.

Онъ счелъ за благоразумнѣйшее сосредоточить все свое вниманіе на гунтерахъ, и завелъ съ Ижоринымъ ученый споръ о лошадиныхъ породахъ.

Какъ ни горячо возражалъ ему Ижоринъ, но мысль его, въ это время, была далеко отъ Эпсома и Шантильи, о которыхъ безпрестанно упоминалъ и онъ, и неотвязчивый собесѣдникъ.

Графиня видѣла его съ этой женщиной, и, подобно Графу, не зная ея въ глаза, могла, однакоже, тоже опредѣлить ее: въ этомъ Ижоринъ былъ твердо убѣжденъ. Значитъ, въ глазахъ Графини, онъ являлся именно ребенкомъ, который сталъ мучить кошку или собачку за то, что ему не купили желанной игрушки: игрушки хотѣлось такъ крѣпко, что необходимо было выместить на чемъ-нибудь неудачу, — и это, теперь, сдѣлалось видимо для Графини. Что бы ни случилось дальше, что бы ни ждало Ижорина въ будущемъ, онъ, вслѣдствіе послѣдняго результата, считалъ себя навсегда въ рукахъ у Графини. Такое убѣжденіе не могъ переварить свѣтскій человѣкъ. Дойди до него, на его мѣстѣ, и сынъ туманнаго Альбіона, — и у того; пожалуй, разлилась бы желчь.

Окончательнымъ выводомъ изъ всѣхъ соображеній, (между которыми — повѣствователь долженъ признаться въ этомъ за своего героя, ни разу не мелькнула, напримѣръ, мысль, что эта встрѣча, съ извѣстной точки зрѣнія, была поруганіемъ

Digitized by Google

надъ тѣмъ чувствомъ, которое хотѣлъ онъ, хоть и въ прошедшемъ, обнаружить передъ Графиней, и выставляла его передъ нею въ крайне-невыгодномъ свѣтѣ, потому что, сверхъ условленнаго самолюбія свѣтской женщины, могла затронуть въ ней и болѣе человѣческія чувства, болѣе нѣжныя, будь съ ея стороны любовь къ нему или нѣтъ), смѣнявшихся въ головѣ Ижорина, была необходимость, обязанность поскорѣе показать Графинѣ, что онъ давно пересталъ думать о ней. Для этого нужно было видѣться съ ней.

— А вы живете на дачѣ? спросилъ онъ Графа.

— На Каменномъ Острову, отвѣчалъ Графъ. Чтобы вамъ завернуть когда-нибудь? Я бы показалъ вамъ удивительную лошадь: trois-quatr sang.... Знаете, за-просто, по деревенски.... Жена еще намедни спрашивала объ васъ.... Она очень рада будетъ васъ видѣть.

Ижоринъ сидѣлъ какъ на угольяхъ, но онъ только и добивался того, чтобы быть у нихъ.... и, потому, принялъ приглашеніе Графа съ восторгомъ, обѣщаясь явиться на дняхъ-же.

— Я живу въ Петербургѣ, сказалъ онъ, и сочту за особенное удовольствіе видѣть васъ у себя.

— Непремѣнно, отвѣчалъ Графъ, только не обѣщаю скоро: жена не отпускаетъ.

Они простились, Графъ повернулъ лошадь и ускакалъ, удивительно-довольный собой....

— Не воротиться ли? сказалъ Ижоринъ Орелли.

Она, все видѣвшая и все понявшая, молча повернула назадъ.

Орелли, тоже, кипѣла и поклялась внутренно, по своему, наказать Ижорина. Въ ея кодексъ мало входили соображенія и уловки сердца: она знала, что, съ ея стороны, такое орудіе оказалось бы безсильно надъ всякимъ человѣкомъ, подобнымъ Ижорину; нужно было напасть на его карманъ, а въ дѣлахъ этого рода изобрѣтательность Орелли выдержала бы любое соперничество.

Digitized by Google

Поровнявшись съ Строгоновымъ мостомъ, Ижоринъ попросилъ остановиться, вылѣзъ и приказалъ Англичанину прислать карету въ городъ, куда отправился пѣшкомъ.

Орелли не выразила ничѣмъ ни удивленія своего, ни гнѣва, но поворотила опять назадъ: ей хотѣлось, въ свою очередь, побѣсить Ижорина; въ этомъ, однакожъ, она сильно промахнулась, потому что Ижоринъ не сказалъ ей ни слова.... За все отдувались гунтеры, покрытые пѣной....

По возвращеніи домой, Орелли принялась дразнить попугаевъ, травить бульдогомъ бѣднаго Помпея, а чтобы не терять времени, придумывала, какимъ бы образомъ ей наказать Ижорина.

Съ Ижоринымъ, между тѣмъ, сдѣлался опять рѣшительный припадокъ сплина, отъ котораго онъ, какъ и прежде, не зналъ какое придумать развлеченіе. Онъ попробовалъ, сначала, проэкзаменовать своего Amico, въ надеждѣ, хоть на немъ, выместить свое тяжелое расположеніе, но, по несчастію, Amico такъ твердо помнилъ всѣ уроки, такъ безропотно прыгалъ черезъ трость и исполнялъ всѣ барскія требованія, что не было никакой возможности не погладить его, въ знакъ одобренія.

Ижоринъ, погладивъ его, все-таки сердито притопнулъ ногой и сказалъ:

— Пошелъ!

Собака, опустивъ голову и поджавъ хвостъ, смиренно полѣзла подъ диванъ.

— Завтра же поѣду къ Б.... сказалъ про себя Ижоринъ.... Надо ѣхать, непремѣнно надо! Что за глупость, въ самомъ дѣлѣ....

На завтра съ утра шелъ дождь.

Ижоринъ, выглянувъ въ окно, поморщился.

Каммердинеръ подалъ записку.

Записка была отъ Орелли. Ее принесъ *франтъ* изъ Англійскаго магазина.

Франтъ вошелъ и, почтительно поклонившись, подалъ счетъ за вещи, взятыя сегодня.

Ижоринъ, изъ учтивости, взглянулъ на счетъ, не обративъ никакого вниманія на цифры, и, бросивъ бумажку на письменный столъ, сказалъ только:

Digitized by Google

— C'est bien!

Франтъ опять поклонился и, молча, вышелъ, но камер-динеръ, неизвѣстно почему, получилъ отъ него бѣленькую бумажку. Бумажка поступила въ сундукъ къ другимъ бумажкамъ, полученнымъ, въ свое время, отъ другихъ щедрыхъ посѣтителей.

Дождикъ шелъ да шелъ.

Ижоринъ отобѣдалъ какъ-то на скоро, но, передъ вечеромъ, не вытерпѣлъ, одѣлся и, въ самый ливень, отправился на Каменный Островъ.

Графъ былъ очень радъ ему и послалъ сказать женѣ, что пріѣхалъ Дмитрій Николаевичъ.

Ижоринъ извинялся, что дѣлалъ первый визитъ вечеромъ.

— Что вы? отвѣчалъ Графъ, вѣдь мы съ вами почти свои люди....

Графиня приказала доложить, что она нездорова.

— Опять, вѣрно, эта мигрень! замѣтилъ Графъ. — Съ ней это бываетъ....

— Такъ она боится меня! — подумалъ Ижоринъ. А другой голосъ нашептывалъ:

— Она къ тебѣ неравнодушна, Ижоринъ.

И опять зародились въ головѣ предположеніе за предположеніемъ, планъ за планомъ. И сердце Ижорина забилось неровно.

Лошади, по случаю дождя, видѣть было нельзя. Графъ жалѣлъ отъ души. Tete-á-tete ихъ былъ очень не интересенъ. Пріѣхалъ еще какой-то дядюшка, безпрестанно жаловавшійся на ревматизмы и на молодежь, и говорившій такъ неутомимо и сердито, что Графъ счелъ нужнымъ успокоить его, и спросилъ столъ и карты.

Дядюшка успокоился, Ижоринъ прехладнокровно ставилъ ремизъ зо ремизомъ. И разъ, вистуя по приглашенію дядюшки, утопилъ его.... Дядюшка не выдержалъ....

— Что это за молодежь, нынче, ей-Богу! Пригласить никого нельзя, — сказалъ дядюшка.

Digitized by Google

Ижоринъ взглянулъ на него съ безстрастнымъ недоумѣніемъ....

— Вы меня извините, — спохватился дядюшка, — мои лѣта....

Ижоринъ поклонился въ знакъ совершеннаго согласія съ дядюшкой.

Отъ Б.... ужъ очень поздно, Ижоринъ поѣхалъ къ Орелли.

Онъ поблагодарилъ ее за любезную записку, полученную имъ утромъ.

Орелли хотѣла посердиться, но, поразмысливъ, сказала про себя:

— Apres-tout!....

И, подозвавъ бульдога, принялась ласкать его, называя самыми нѣжными именами.

— Откуда вы? чуть было не спросила она, но опомнилась и сказала только:

— Il pleut....

— Toute la journée! отвѣчалъ Ижоринъ.

Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, было бы ей спрашивать? Она и сама знала, откуда пріѣхалъ къ ней Ижоринъ.

VII.

Не знаю, читатель, вамъ можетъ быть, наскучилъ Ижоринъ, и безъ меня вамъ давно знакомый, — длинный рядъ его глупостей и вся эта повѣсть? Въ пору хватился, не правда ли? Но эпитетъ «снисходительнаго» приданъ вамъ издавна; и я теперь разсчитывая по преданію, на ваше первое, неотъемленное отъ васъ достоинство, послужившее основаніемъ эпитета, прошу васъ терпѣть ужь до конца. Осталось не много.

.... Дней пять пропустилъ Ижоринъ, и, получивъ отъ Графа визитъ, опять поѣхалъ на Каменный Островъ.

На этотъ разъ, это случилось по утру. Графа не было дома, и Софья сидѣла у раствореннаго окна, когда онъ подъѣхалъ къ дачѣ. Не было возможности не принять его.

Digitized by Google

Точнѣе, не принять Ижорина значило бы подать ему поводъ невѣсть къ какимъ заключеніямъ. Этого Графиня, разумѣется, не хотѣла. А, между тѣмъ, она рѣшительно не знала, какъ его встрѣтить безъ свидѣтелей.

— Мужа.... нѣтъ.... дома,—начала она, — не хотите ли подождать его?

— Какова? подумалъ Ижоринъ.

— Я подожду,—отвѣчалъ онъ только что не неучтиво.

Послѣдовало молчаніе. Ижоринъ, кажется, даже, посмотрѣлъ въ потолокъ.

Хозяйкѣ дома не приходилось молчать.

— Вы ѣдете въ деревню? сказала она нетвердымъ голосомъ.

— Не думаю.

— Мужъ мнѣ говорилъ.... — Графиня всѣ болѣе заминалась. Ижоринъ замѣтилъ ея смущеніе. И уже готовъ онъ былъ простить ей все, въ чемъ считалъ ее виноватой.

— Какіе у васъ славные гунтеры! вдругъ, очень хладнокровно, выговорила Графиня.

— Вотъ что? подумалъ онъ: опять ей свое. Погоди же!....

— Это не мои гунтеры! отвѣчалъ онъ.

— Хотите, я велю показать вамъ нашего, мужу не давно прислали изъ Англіи: это даже что-то особенное, лучше гунтера. И она, продолжая играть лорнеткой, позвонила. Ижорина опять начинало подмывать.

— Велите вывести Кингъ-Лира, — сказала Графиня вошедшему слугѣ, — да чтобы надѣли на него хорошую уздечку! Сюда.... къ окну....

Покуда пошли за Ліромъ и Ижоринъ вздумалъ смотрѣть на часы, до того ненаходчивъ былъ онъ, по чему-то, въ этотъ день, Графиня подошла къ фортепіяно и взяла на удачу какой-то аккордъ. Можетъ быть, ей хотѣлось уйти отъ взгляда Ижорина. Или нужно ей было такъ именно говорить и держать себя. Но и Ижоринъ начиналъ какъ будто не ясно видѣть окружавшее его.

Привели Лира, и, въ ту же минуту, подъѣхалъ Графъ.

— Ба! Что хорошо, то хорошо! Вотъ это по пріятельски!

Digitized by Google

Онъ протянулъ одну руку Ижорину, другую женѣ и поцѣловалъ ее въ лобъ, оставивъ на немъ слѣдъ запыленныхъ усовъ.

Ижоринъ, незамѣтно, вздрогнулъ, но, когда ему показалось, что по лицу Графини пробѣжалъ румянецъ, онъ вдругъ утѣшился.

И рѣшилъ онъ про себя, что она не любитъ мужа.

Графъ потащилъ Ижорина въ свой кабинетъ и сталъ разсказывать ему презабавныя исторіи о какой-то, недавно пріѣхавшей, Француженкѣ.

—. Откуда у нихъ что берется? заключилъ Графъ. Не даромъ обираютъ онѣ насъ....

— Да, да! — отвѣчалъ Ижоринъ, не зная даже на что отвѣчалъ.

Въ душѣ не долюбливая Графа, Ижоринъ, внутренно, почти невольно придирался къ нему безпрестанно, и Графъ, отъ этого, казался ему и пустѣе и тяжелѣе, нежели былъ на самомъ дѣлѣ.

А на умѣ, у него столь же мало были, въ это время, Француженки, сколько другіе вопросы, какъ нарочно, занимавшіе Графа.

И увѣрялъ онъ себя, — подите же, — что Графиня страдаетъ теперь не менѣе его, что ей страхъ хотѣлось бы придти, прогнать Графа и поговорить съ нимъ.

И опять мучился онъ какъ послѣ перваго съ глазу на глазъ свиданія съ ней, и опять сознавалъ онъ въ себѣ потребность видѣть ее наединѣ.

Съ этою мыслію, выдержавъ, кромѣ обѣда, еще нѣсколько часовъ пытки, и возвратился онъ домой.

Но опять? Какъ видѣть Графиню? Гдѣ? Сказать ей объ этомъ не удалось ни слова.... Писать.... Писать, съ одной стороны, показалось страшно, для нея, разумѣется, — съ другой, глупо, для себя.

Въ этой нерѣшимости прошло едва-ли не съ недѣлю. Ижоринъ не на шутку похудѣлъ. Знакомые, встрѣчавшіеся съ нимъ, останавливались въ многозначительномъ недоумѣніи.

Digitized by Google

— Что съ вами? спрашивали нѣкоторые.

— Вòды, вòды, непремѣнное вòды! глубокомысленно и диктаторскимъ тономъ замѣчалъ одинъ извѣстный медикъ, — Крейцбрунненъ!

Одна Орелли, какъ-то удостоившаяся видѣть Ижорина, все понимала. Но она давно махнула рукой, убѣдившись изъ опыта, что, по ея методѣ, онъ былъ неизлечимъ.

Наконецъ стало Ижорину не въ мочь: безсонница и дурной аппетитъ довели до того, на что не хватило одного характера.

— Яшка! Мигомъ! Къ Графинѣ, на дачу. Понимаешь?

И Яшкѣ опять вручено было посланіе, но безъ всякихъ даже наставленій. Яшка было хорошо выученъ.

На этотъ разъ въ посланіи значилось только: «Графиня, мнѣ нужно васъ видѣть. Слышите, *нужно*, *нужно!*»

Яшка полетѣлъ какъ леталъ всегда; по Каменный Островъ и Морская — «двѣ разницы»..... Поѣхалъ Яшка въ часъ, а вернулся безъ малаго въ три. И то вбѣжалъ онъ къ барину, запыхавшись и весь въ поту, какъ будто-бы, по одному изъ законовъ животнаго магнетизма, до сихъ поръ еще необъясненнаго, напряженіе силъ лошадиныхъ отдалось и въ немъ....

Въ ожиданіи Яшки Ижоринъ не ходилъ по комнатѣ, не терзалъ собаки, не глядѣлъ въ окно, а лежалъ на кровати какимъ-то страннымъ образомъ, упорно уткнувъ голову въ подушки.

Вбѣжалъ Яшка.

— Дмитрій Николаичь!

— А? — Онъ протянулъ руку.

— Приказали....

— Что?

— Приказали.... Въ осьмомъ-съ часу.

— Что? Просить? Сейчасъ?

— Нѣтъ-съ.... Приказали.... Въ осьмомъ-дескать часу будутъ въ Строгоновомъ саду.

Digitized by Google

— Хорошо! Убирайся!

Минуту спустя:

— Яшка!

— Чего изволите?

— Да что ты врешь? Какъ въ Строгановомъ саду?

— Никакъ нѣтъ, Дмитрій Николаичъ. Такъ и сказали: въ Строгановомъ саду.

— Что-жъ это: rendez-vous? подумалъ Ижоринъ.

Яшка хотѣлъ итти.

— Постой. Ты.... кому отдалъ записку?

— Графинѣ-съ.

— Самъ?

— Самъ-съ.

— Да ты гдѣ-жъ ее видѣлъ?

— Видѣлъ-съ. Въ полисадникѣ-съ.... Я какъ подъѣхалъ къ воротамъ-то-съ, какъ слѣзъ, а они у рѣшетки стояли....

— Ну?....

— Я снялъ шляпу, а они говорятъ: кого тебѣ, любезный?.... Я смотрю: никого нѣтъ; я и подалъ-съ. Они и взяли и приказали, чтобъ въ осьмомъ часу-съ.

— Больше ничего?

— Нѣтъ-съ, въ Строгановомъ саду-съ. Только сперва, какъ ровно что-то отвернулись.

— Дуракъ!.... Да тебя никто не видалъ?

— Помилуйте, Дмитрій Николаичъ, да неужто-ужъ?.... Садовникъ, должно быть, попался. Ты, говоритъ, чево? — Я ему совралъ на Княгиню Душкину; билеты, говорю, развозимъ на балъ. Прощай, говорю, голубчикъ, еще много мѣстовъ-то. Да вѣдь это мужикъ-съ. Я ему говорю, а онъ мнѣ въ ротъ смотритъ.... Помычалъ, помычалъ-себѣ подъ носъ, почесался и пошелъ. А я себѣ думаю....

— Хорошо.

Яшка пошелъ.

— Яшка!

Яшка воротился.

— Жарко сегодня?

Digitized by Google

— Жарко, Дмитрій Николаичъ. И, въ доказательство, Яшка приложилъ руку къ потному лбу и посмотрѣлъ себѣ на пальцы.

Прошло нѣсколько минутъ.

— Обѣдать! приказалъ Ижоринъ.

Накрыли. Подали.

— Что это за супъ?

— Супъ-съ. Съ зеленью-съ....

— Поди спроси у повара. Съ зеленью-съ....

Слуга пошелъ, и, вернувшись, объявилъ:

— Подафей-съ.

— Что?

— Подафей.... Тутъ, онъ говоритъ, сендирей, петрушка-съ, опять обыкновенно-съ, пустарнакъ-съ.... Съ зеленью-съ.

— Чтобы мнѣ никогда его не дѣлали, этого супу, слышишь?

— Слушаю-съ.

— То-то! Ѣсть нельзя.

— Слушаю-съ.

— Ну.... Чтобъ былъ всегда другой супъ!....

Послѣдовали перемѣны, одна за другой.

Принесли жаркое. На блюдѣ лежало три бекаса.

— Куда жъ это?

— Жареное-съ.

— Я тебя спрашиваю: куда?.... Разореніе, да и только.... Кому, позвольте спросить? Я ничего не ѣмъ, да развѣ это можно съѣсть?.... Позвать дворецкаго.

Пришелъ дворецкій, толстый, сонный, важный, какъ иногда бываютъ дворецкіе, нынѣ, технически, maitre-d'hôtel'u, т. е. буквально, хозяева отелей.

— Который часъ? спросилъ Ижоринъ. Дворецкій, судя по поспѣшности, съ которой былъ потребованъ, ожидавшій непріятнаго, — выслушавъ барскія слова, разумѣется, разцвѣлъ. Куда дѣвались и сонъ и угрюмая важность! Поспѣшно вытащилъ онъ изъ кармана золотую луковицу (подареніе —

Digitized by Google

такъ утверждалъ онъ — стараго барина) и, съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ, произнесъ басомъ:

— Четвертый-съ, сорокъ три минуты-съ, безъ четверти, можно сказать, четыре-съ.

— Гм! Вздоръ.... Покажи!

Дворецкій поднесъ часы къ глазамъ Ижорина и подалъ ихъ ему брюхомъ, словно на подносѣ, такъ ужъ видно, искони, устроила эту часть природа у всѣхъ дворецкихъ.

— Вѣрно?

— Три года не повѣряю-съ....

— Скажите пожалуйста! Поди посмотри на мои часы....

— Безъ семи минутъ-съ четыре....

— Видишь....

Дворецкій почтительно понурилъ голову.

Баринъ всталъ изъ-за стола. Дворецкій повернулся къ двери.

— Я, братецъ, хотѣлъ тебѣ сказать....

Дворецкій обернулся.

— Ну да послѣ, напомнить мнѣ.... Теперь некогда....

— Слушаю-съ....

Дворецкій, успокоенный, отправился, въ свои аппартаменты, разбирать съ семействомъ супъ, не понравившійся Ижорину. И бекасамъ, пожалуй, не миновать было его стола. На вечеръ, въ случаѣ если бы объ нихъ и спросили, не трудно было отвѣтить:

— Давича подавали-съ, или:

— Изволили скушать-съ; или, наконецъ, для разнообразія, если бъ баринъ настоятельно сталъ требовать и очень ужъ позднею ночью:

— Кошка, сударь, Дмитрій Николаичъ! Кто ее знаетъ.... Я говорилъ-съ....

Такъ докладывалось давно уже, съ тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, какъ вообще сталъ портиться у барина желудокъ, а этому времени было не мало.

И баринъ только бы сказалъ:

— Зачѣмъ у васъ эти проклятыя кошки?

Digitized by Google

Въ настоящую минуту, едва ли не понятно, что барину, менѣе чѣмъ когда-нибудь, было и до дворецкаго, и до бекасовъ, и до кошки

.... Ижоринъ не зналъ какъ дожилъ до седьмаго часу. Одѣвшись, однако, въ этотъ день, не безъ вниманія къ своему туалету, онъ разсердился на то, что карета была еще не подана, а, сѣвъ въ карету, погналъ кучера — должно сказать — какъ школьникъ, которому бы случилось ѣхать на первое свиданіе. Самъ о себѣ Ижоринъ врядъ-ли помнилъ такую поспѣшность.

Передъ Строгоновымъ мостомъ онъ дернулъ за снурокъ. Карета остановилась. И откуда ни возьмись въ головѣ Ижорина непрошеная мысль:

— Что же это я, въ самомъ дѣлѣ?.... А? Ижоринъ?....

И вдругъ, будто родился опять другой человѣкъ.

Онъ вылѣзъ изъ кареты, закурилъ сигарку и мѣрнымъ, спокойнымъ шагомъ пошелъ по мосту.

Вечеръ былъ на диво хорошъ. Жаръ опадалъ. Солнцу оставалось пути не много; его лучи, уже не ослѣплявшіе, золотили поверхность рѣки, которая лежала подъ ними радужно-зыбкой чешуей. Когда-когда пролетали струйки теплаго вѣтра и колыхали воду; одна изъ нихъ, набѣгомъ, вздумала поиграть съ волосами Ижорина.... Онъ невольно вздрогнулъ.... Все кругомъ дышало какою-то особенною тишиною, какимъ-то успокоительнымъ молчаніемъ. Далеко, развѣ, слышался вдругъ ударъ весла или звукъ катившагося экипажа, разсыпавшійся въ пространствѣ и замиравшій.... Случай, конечно, никто въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ не проѣхалъ и не прошелъ мимо Ижорина. И передъ нимъ природа раскидывала одну изъ совершеннѣйшихъ своихъ картинъ! Нельзя было никому не откликнуться, всей душой, на этотъ неслышный голосъ, въ который сливалась: и рѣка съ ея гладью и берега, съ ихъ зеленью, мѣстами мрачной, мѣстами яркой,— и сводъ, прозрачный и синій, нехотя румянившійся по окраинѣ, и вся едва-обозримая даль, и воздухъ тихо-нѣжившій и сладко-

Digitized by Google

охватывавшій все, и солнце, медленно катившееся и даривше земло долгимъ, но кроткимъ поцѣлуемъ не вѣчнаго прощанья. Не нашлось-бы, и въ самомъ избалованномъ вскормленикѣ юга, силы не растаять ярги видѣ такого зрѣлища: въ немъ была и картина, и цѣлый міръ звуковъ, неосязаемыхъ, конечно, однимъ ухомъ, но внятныхъ для всякаго, кому, мало-мало, близокъ смыслъ этой нескончаемой и ни съ чѣмъ несравнимой, гармоніи....

И Ижоринъ внутренно былъ смущенъ. На глазахъ его даже выступило почти по слезинкѣ, но двѣ полукапли испарились вмѣстѣ съ дымомъ сигарки, и онъ произнесъ въ голосъ, оглядываясь во всѣ стороны:

— Аркадія, рѣшительно Аркадія! Ну, а что коли пастушка обманетъ пастуха?

Но вѣтеръ не заносилъ «этикъ» звуковъ далѣе моста.

Онъ сталъ насвистывать что-то изъ какой-то оперы.

Подойдя къ саду, онъ, однакоже, пересталъ свистать, а сердце забилось въ разладъ съ мыслію.

Садъ былъ пустъ.... Ему только попались на встрѣчу: нянька съ дѣтьми, двѣ горничныя, накрывшіяся платочками, изъ которыхъ одна держала концы платочка обѣими руками, а другая, — у этой платочекъ былъ подвязанъ, — щипала лепестки полевой астры, и приговаривала: да-нѣтъ, да-нѣтъ,— да босой и довольно-грязный мальчикъ, храбро-припрыгивывавшій то на одной, то на другой ногѣ, безъ картуза, и сердито-сбивавшій древесныя листья длиннымъ, рябиновымъ прутомъ.

Обошедъ садъ, Ижоринъ разсердился не на шутку. Имъ должна была овладѣть досада. Простительно-ли было, въ самомъ дѣлѣ, явиться первому?

Итти назадъ, при всемъ томъ, не захотѣлось.

Вдругъ, за поворотомъ садовой дорожки, послышались шаги и шорохъ женскаго платья.

То была Графиня.

Увидавъ Ижорина, она, какъ будто-бы, слегка споткнулась, и, на минуту, опустила глаза къ землѣ.

Digitized by Google

Ижоринъ, въ этотъ мигъ ея не ожидавшій, и, вѣроятно по этому, на мгновеніе смутившійся, успѣлъ, однакожъ, оправиться.

— Вы.... одне, Графиня?

— Одна. — Голосъ ея дрожалъ....

— Что за вопросъ? — сказала она

— Я.... я думалъ....

— Вы не думали встрѣтить меня? Неужели?.... — Графиня, по немногу, начинала приходить въ должное положеніе свѣтской женщины: забрало поднималось.

— Я никакъ не смѣлъ ожидать счастія провести вечеръ en tête-à-tête съ вами....

— Въ самомъ дѣлѣ! Такъ будьте-же счастливы вдвойнѣ.

Послѣднія слова были сказаны уже съ язвительной насмѣшкой, и почти спокойнымъ голосомъ, и вызвали со стороны Ижорина возраженія, сначала довольно-холодныя, но потомъ все болѣе и болѣе колкія. Чѣмъ равнодушнѣе говорила Графиня, тѣмъ безпокойнѣе отвѣчалъ Ижоринъ, и наоборотъ. Наконецъ, какъ бы истощившись въ этомъ добровольномъ бою, оба вдругъ замолчали.

Они шли рядомъ. Ижоринъ вздумалъ, по временамъ, рвать листья низко-спускавшихся вѣтокъ, — Графиня, иногда, наклонялась къ землѣ за какимъ-нибудь камешкомъ.

— Сядемте, — сказала она вдругъ, — я съ Каменнаго Острова пѣшкомъ....

— Ого! — подумалъ Ижоринъ, и губы его едва-едва раздвинулись, но такъ раздвинулись, что, за это движеніе, погладилъ бы его по головкѣ и самъ великій Донъ-Жуанъ.

Они сѣли. Ижоринъ попросилъ позволенія закурить сигарку и подалъ Графинѣ пахитоски.

— Дайте! сказала она.

Онъ снялъ перчатку и досталъ огня. Чтобы зажечь Графинину пахитоску, нужно было дотронуться ея руки... Рука, прикрытая только шелковой, сквозной перчаткой,

Digitized by Google

была холодна какъ ледъ. Струя воздуха задула огонь. Тогда Графиня наклонилась къ нему, чтобы закрыть огонь: дыханіе ея прожгло Ижорина.... Въ глазахъ становилось зелено....

Онъ посмотрѣлъ на нее невыразимо-странно: Графиня это замѣтила. Маска вдругъ слетѣла.

Она помялась еще съ минуту, какъ будто бы силясь проглотить слова, рвавшіяся съ языка, но мѣра, видно, была переполнена.

— Это.... все, я не знаю, до того глупо,—начала она,— право. Вы писали ко мнѣ, Ижоринъ, и видите! Я здѣсь.... Что-же вамъ надо отъ меня?

— Мнѣ, Графиня?

— Послушайте, я избавлю васъ отъ признанія, которое изъ.... изъ учтивости.... изъ умѣнія жить въ свѣтѣ.... вы мнѣ не захотите сдѣлать. Вамъ нужно.... и въ этомъ, я знаю, виноваты не вы.... вамъ нужно, какъ бы это сказать? отомстить мнѣ что ли.... За то, что я умѣла выдержать себя, что не поддалась вашему.... вліянію ... Такъ васъ учили.

— Графиня!

— Постойте. Ижоринъ, вамъ нужно, чтобъ я сказала вамъ, что я васъ люблю, какъ вамъ это говорили, и теперь говорятъ, можетъ быть. Такъ слушайте же.... помните.... Я не дѣвочка, право: я люблю васъ, Ижоринъ.

Ижоринъ схватилъ себя за голову. Его мысли начинали мѣшаться. Боязно оглянулся онъ во всѣ стороны. Никого не было видно въ саду.

И онъ не нашелъ ни одного слова.

— Васъ это удивляетъ.... А?.... Скажите? Вы не ожидали этой развязки. Или вы думали, что я буду кокетничать.... Что я не рѣшусь, свѣтская женщина, такъ просто и прямо признаться?.... Да, скажите же хоть одно слово.

— Графиня....

Но языкъ, рѣшительно, прилипъ у него къ гортани.

— Вы молчите!... Что же вамъ еще надо! Я во всемъ

Digitized by Google

призналась вамъ сама и готова повторить это признаніе.... Вы, можетъ быть.... думаете, что вы ослышались, что вамъ такъ показалось, что это, пожалуй, вы видѣли все во снѣ.... Нѣтъ, Ижоринъ, я сказала и говорю еще разъ: я люблю васъ, слышите ли, люблю, люблю.... Но любовницей твоей.... вашей... я не буду.... никогда.... Чувство мое теперь я не умѣю сравнить ни съ чѣмъ, но есть, кромѣ его, и другое что-то, долгъ, совѣсть, религія.... не знаю какъ это сказать....

Чѣмъ болѣе дрожалъ голосъ Графини, тѣмъ болѣе слышались въ немъ такая искренняя простота, такая незаученная правда, что Ижоринъ, прежде вдоволь наслушавшійся всякаго рода признаній, совершенно былъ растерянъ. Каждое слово Графинино приводило его, болѣе и болѣе, къ тому убѣжденію, что передъ нимъ была одна изъ тѣхъ не часто встрѣчаемыхъ натуръ, которыя бываютъ способны все что ни задумаютъ, все что ни предположатъ—сдѣлать изъ себя, какъ изъ сыраго тѣста, иногда къ своему счастію, иногда къ несчастію.... И тѣмъ больше влекла его эта женщина, тѣмъ болѣе нравилась, что оказывалась недостижимою. Но, въ то же время, такъ сильно поражало его ея объясненіе, неожиданное и выступившее изъ ряду всего, что ни предвидѣлъ онъ, что ни слыхалъ и прежде, что онъ попусту искалъ отвѣтовъ на ея рѣчи, какъ и не зналъ рѣшительно, на чемъ осгановить свои предположенія въ будущемъ.... И даже рука его ни разу не протянулась къ ея рукѣ....

.... Со стороны Графини разговоръ, прерванный на бумагѣ, продолжался:

— И посмотрите.... посмотри (она взяла его за руку, которую онъ, только, не отнялъ) какъ я наказана.... Я первая смѣялась надъ тобой.... Называла героемъ чужаго романа.... Ты это помнишь.... И я была искренна тогда.... А теперь? Что же я такое?.... Но ты.... я знаю.... Ты не станешь.... Ты не подумаешь, чтобы я предпочла роль интересной женщины жертвѣ страсти, которую.... которая.... Да посмотри на меня....

Ижоринъ взглянулъ на Графиню, и, въ первый разъ, замѣтилъ, что она очень измѣнилась съ того дня, когда онъ встрѣтилъ ее уже замужней.

Digitized by Google

И имъ овладѣла, совершенно, и жалость къ ней, и, вообще, какая-то грусть, какое-то болѣзненно-горькое чувство. Въ этомъ чувствѣ не былъ забытъ и самъ онъ, но его я являлось ему не мелкимъ, не эгоистическимъ, не оторвавшимъ отъ своего, прирожденнаго смысла, а чистымъ и простымъ, какимъ было до той поры, пока не *закоростило* оно отъ заразъ и міасмовъ свѣта, и не исказили его многомудрые уставы жизненной тактики, между иными условленные и свято-исполняемые. И, въ эту минуту, онъ сталъ въ настоящемъ смыслѣ, человѣкомъ, самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ, человѣкомъ «безъ коклюшекъ,» по выраженію одного достойнаго практическаго философа....

— Что же мнѣ дѣлать? спросилъ онъ, тихо и дрожащимъ голосомъ.

— Что дѣлать? А мнѣ что дѣлать? отвѣчала Графиня.— Вамъ, мужчинамъ все.... ничего .. Ты уѣдешь.... у тебя есть разсѣянія (Графиня отвернулась, на глазахъ ея висѣли слезы).... другія.... Кто знаетъ?

— Никогда! сказалъ Ижоринъ.

— Я сказала тебѣ, что я не ребенокъ.... И неужели ты думаешь, что я рѣшусь осуждать тебя за то, что, у всѣхъ васъ, идетъ.... прости.... на ряду съ обѣдомъ, съ шампанскимъ.... съ лошадьми.... Неужели ты думаешь, что я не поняла.... что я не знаю.... Намедни, наша встрѣча. Но порывъ мой былъ неволенъ. Послѣ, мнѣ стало смѣшно на себя ... Я дерзка, не правда ли?.... Господи! Что бы обо мнѣ теперь сказала матушка, если бы ей приснилось, что я знаю.... что я говорю.... эти страшныя вещи.... Пора, однакожъ....

Графиня было встала, утерла слезы и протянула ему руку.

Онъ тихо удержалъ ее.

— Я уѣду, сказалъ онъ.... И мы, конечно, не увидимся никогда.... Но въ этотъ, первый разъ и послѣдній, что стоитъ еще пять минутъ?

(Авторъ необходимо долженъ напомнить здѣсь, что, по обстоятельствамъ отъ него ни мало не зависящимъ, весь

Digitized by Google

этотъ разговоръ былъ веденъ на Французскомъ языкѣ. Ручаться безусловно за вѣрность перевода на Русскій съ языка, созданнаго преимущественно для разговора, — авторъ не берется. Читатель и самъ знаетъ, что есть, въ этомъ дѣлѣ, трудности, которыхъ преодолѣть почти невозможно.)

Она опустилась на скамейку.

Они опять молчали.

Солнце село. Деревья едва-едва перешептывались. Набѣгали сумерки. Они, почти не видя другъ друга, только слышали дыханіе одинъ другаго. Такихъ минутъ, до сихъ поръ, не было въ ихъ жизни. Нельзя было не забыться въ этомъ сладкомъ созерцаніи счастія, чистаго и полнаго.

Вдругъ пронеслась отъ рѣки сильная струя вѣтра, деревья зашумѣли, они оба вздрогнули, словно явились передъ ними угрюмыя тѣни ночи, — и разомъ встали....

Графиня протянула руку, Ижоринъ взялъ ее и держалъ.

— Вы совершенно одни?

— Одна?

— Я провожу васъ....

— До Каменно-Островскаго моста, пожалуй....

Они пошли и все молчали.

У Каменно-Строевскаго моста Ижоринъ сказалъ:

— Навсегда?

— Дитя! отвѣчала Графиня. — Я не уѣду....

VIII.

....Возвратившись домой, Ижоринъ приказалъ сказать дворецкому, что завтра же ѣдетъ въ деревню. Вслѣдствіе этого, въ ночь-же, начали укладываться.

....Онъ сбросилъ-съ себя верхнее платье, и, отославъ каммердинера, усѣлся передъ письменнымъ столомъ, облокотивши голову въ обѣ руки.

Часы ночи летѣли.

Digitized by Google

А передъ нимъ проходили опять, одна за одной, всѣ страницы его жизни, въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. И дѣтство балованное, и юность привольная, и то, что называлъ онъ зрѣлымъ возрастомъ.... Проносились вереницей и улыбки, и гримасы, и надежды, и обманы, и цвѣты, и отравы.... И все это казалось ему такъ глупо, такъ ничтожно, въ сравненіи съ тѣмъ, что чувствовалъ онъ теперь. Онъ припоминалъ себя, въ прежнихъ случаяхъ, и, никогда, говорилъ онъ себѣ, не грызли его такія сожалѣнія, никогда не сознавалъ онъ такой страшной, такой горькой безвыходности изъ труднаго положенія....

Графиня отдалась ему вся въ руки такъ просто, такъ неожиданно, что не было въ немъ, послѣ ея объясненія, болѣе чѣмъ когда-нибудь, рѣшимости нарушить спокойствіе ея семьи, или мысли о попыткѣ овладѣть ею, — а сидѣть и смотрѣть на нее какъ на прекрасную статую, — на это, онъ зналъ, что не станетъ у него силы.

Надо было ѣхать.

Утро, не его утро, а первое утро, — утро бѣдныхъ людей и тѣхъ, кому нѣтъ времени раздумывать надъ своими несчастіями, — застало его все еще сидящимъ у стола.

Онъ схватилъ первый подвернувшійся ему листъ бумаги, написалъ два слова къ Орелли, и, приложивъ ломбардный билетъ, запечаталъ ихъ вмѣстѣ и, одѣтый, бросился на постель.

Солнце стояло высоко, когда онъ открылъ глаза. Не вдругъ умѣлъ онъ связать вчерашній день съ сегоднишнимъ. Но, посмотрѣвъ на себя, онъ опомнился, приложилъ руку къ головѣ, — голова горѣла. Онъ велѣлъ сказать дворецкому, что поѣдетъ завтра.

Ижоринъ точно былъ боленъ. Вечеромъ онъ, все-таки, поѣхалъ на Каменный Островъ.

— Графъ въ лагерѣ, а Графиня нездоровы-съ, объявилъ лакей.

Настаивать было нечего. Онъ вернулся домой и долженъ былъ послать за докторомъ. Докторъ, изъ учтивости, про-

Digitized by Google

писалъ какую-то микстуру, но, человѣкъ даровитый и сметливый, намекнулъ, что причина болѣзни выходитъ изъ области его знанія, и совѣтовалъ развлеченіе, деревню, путешествія....

Ижоринъ не разсердился потому, что самъ все это зналъ.

Жаръ въ головѣ по немногу прошелъ, Ижоринъ опять поѣхалъ на Каменный Островъ.

Къ счастію его и Графини, у нея были гости, и она, разумѣется, приняла его какъ и прочихъ гостей. Онъ почувствовалъ, что долженъ былъ казаться всякому до того неловкимъ, страннымъ, пожалуй, глупымъ, что счелъ за лучшее взять шляпу и вести, въ другое мѣсто, фигуру, такъ мало гармонировавшую со всѣми этими оффиціально-беззаботными лицами.

Когда, въ третій разъ, подъѣхалъ онъ къ дачѣ, Графиня сидѣла на балконѣ, совершенно одна.... И ему показалось, что, увидѣвъ его, она измѣнилась въ лицѣ.

Онъ велѣлъ кучеру повернуть назадъ, махнулъ рукой, и, на другой день, уѣхалъ въ деревню .....

.....

Прошло около года или болѣе.

Ижоринъ жилъ подъ Тамбовомъ. Онъ ѣлъ, пилъ, спалъ, ѣздилъ на охоту, бывалъ у сосѣдей, давалъ имъ ужины съ фейерверками, дарилъ щенковъ и жеребятъ, — слылъ, между тѣмъ, отличнымъ малымъ и лишь только, разумѣется, заговаривалъ съ какой-нибудь «барышней,» былъ хоромъ провозглашаемъ ея женихомъ. Съ того дня маменька той барышни облекала ее и по будиямъ въ шелковое платье, «въ пику» своимъ сосѣдкамъ, — сосѣдки, «въ пику» маменькѣ и дочкѣ, яко бы отличенной Ижоринымъ, начинали распускать разные, неблагонамѣренные слухи, и, тѣмъ же временемъ, всѣ въ голосъ ворчали на свои рожденія женска пола.... На выборахъ Ижорина хотѣли выбрать въ одну изъ почетныхъ должностей, и онъ насилу отговорился намѣреніемъ поступить опять въ военную службу.

Но, при всѣхъ этихъ явныхъ улыбкахъ, которыми судьба такъ усердно окружала своего баловня, Ижорина мучила

Digitized by Google

страшная тоска. И мысль его и сердце были далеко отъ того мѣста, которое смѣло могъ бы онъ назвать своимъ владѣніемъ, своимъ царствомъ.... Хоть и смѣялся онъ подъ часъ отъ души, хоть и ѣлось и спалось хорошо послѣ полеванья, хоть и были, въ околодкѣ, и барышни, на которыхъ стоило заглядѣться; но и смѣхъ, и сонъ, и аппетитъ, — все это были только отрывочные, только мало-значущіе эпизоды изъ несконча емой пустоты, всего его одолѣвшей и сознанной имъ, вполнѣ и въ первый разъ, съ минуты отъѣзда изъ Петербурга, вслѣдствіе твердой рѣшимости не видать Графини. Даже барышни не наполняли этой пустоты.... Ижоринъ попытался было, отъ безъдѣлья, заняться, поочередно, двумя изъ нихъ, но долженъ былъ отстать отъ обѣихъ, по неволѣ. Первая до того наскучила ему просьбой о томъ, чтобы онъ сочинилъ ей какіе-нибудь стишки на память, и такъ упорно стояла на этомъ требованіи, не смотря на клятвенныя, съ его стороны, увѣренія, что онъ никогда не писалъ стиховъ и не умѣетъ писать, — что онъ, въ послѣдній разговоръ свой съ нею, сказалъ ей только что не дерзость ...

— Стыдно, кажется, быть такому кавалеру! возразила ему оскорбленная барышня, и отошла отъ него, до конца разочарованная въ человѣкѣ, о комъ и мечтала, и гадала, и въ честь кого клала подъ подушку трефоваго короля.... Другая барышня, чьей маменькѣ наскучило по пустому водить дочку въ шелковыхъ платьяхъ, объявила ему:

— Маменька замѣчаетъ, что вы ужъ очень волочитесь за мной, а ей хочется, чтобы вы поскорѣй на мнѣ женились.... Ужъ и то въ городѣ говорятъ....

Отъ этой Ижоринъ отошелъ самъ, и далъ себѣ слово избѣгать даже разговоровъ съ барышнями своего околодка.

.... О Петербургѣ онъ не зналъ почти ничего. Въ томъ кругу, къ которому, по отношеніямъ и привычкамъ, принадлежалъ онъ, вообще не велось иной переписки, кромѣ родственной или дѣловой. А давно уже извѣстно изъ опыта, что письма этихъ двухъ разрядовъ отличаются менѣе гораздо бо-

Digitized by Google

гатствомъ содержанія, нежели — перваго, нѣжными чувствами, а втораго, четкимъ почеркомъ и добротой бумаги. Не даромъ эти правила, отъ вѣка, входятъ и въ письмовники.

Ореллі, понимается, ни разу и не рѣшилась написать къ Ижорину. Приглядѣвшись не безъ пользы къ дѣламъ житейскимъ, она знала, что писать ей къ нему было бы не зачѣмъ. Не въ первый, а можетъ еще и не въ послѣдній разъ, приходилось ей переживать разлуку съ человѣкомъ, заброшеннымъ къ ней, подобно Одиссею, волнами житейскаго моря, и не хуже того — хитраго героя, покинувшему ее, иную Калипсо, при первомъ случаѣ, при первой возможности, безъ сожалѣнія, безъ вздоха, безъ оглядки....

Отъ скуки Ижоринъ принимался, временами, за книги за журналы.... Между газетами, книгопродавецъ, по привычкѣ, высылалъ ему и Инвалидъ. Ижорину, однажды было чуть-чуть не рѣшившемуся ѣхать на Кавказъ и еще не совсѣмъ отложившему это намѣреніе, — вздумалось, какъ-то разъ, пробѣжать листокъ Инвалида.

Были и извѣстія съ Кавказа.... Въ числѣ ихъ представилось ему описаніе одного изъ подвиговъ Кавказскихъ воиновъ.... Увлеченный занимательностію разсказа, Ижоринъ читалъ, читалъ и, наконецъ, прочелъ извѣстіе о смерти Графа Б...., участвовавшаго въ отчаянномъ покореніи Черкесскаго аула....

Ижоринъ не зналъ даже о томъ, что, вскорѣ по его отъѣздѣ изъ Петербурга, Графъ Б.... поѣхалъ на Кавказъ.

Извѣстіе о его кончинѣ было для него еще болѣе неожиданно....

Ижоринъ положилъ газету, прочитавъ послѣднія слова, и долго ходилъ по комнатѣ. Завидѣвъ издали подъѣзжавшую бричку, онъ приказалъ людямъ сказать сосѣду, торопившемуся къ нему, безъ сомнѣнія и по обычаю, съ почтеніемъ и цѣлымъ коробомъ новостей, что уѣхалъ въ Тамбовъ.... Сосѣдъ поворотилъ оглобли.... Ижорину нужно было побыть одному....

Digitized by Google

И сталъ онъ, въ этотъ день, намѣренно, вызывать свое прошедшее, тревожить уснувшіе, полу-забытые его призраки, вопрошать ихъ, себя, и тогда и теперь, сравнивать....

....И вздумалось ему было между разными мыслями, предположеніями, надеждами дать мѣсто слѣдующему вопросу:

— Отчего бы Графинѣ не написать было хоть строчку, если....

Но здравый разсудокъ и сердце, разомъ, не дали окончиться этому вопросу и отвѣчали:

— Вздоръ!

На утро Ижоринъ собрался въ дорогу и полетѣлъ въ Петербургъ.

Сосѣди всѣ пожалѣли о немъ, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ нихъ за-вѣрное разсказывалъ, что онъ поѣхалъ на Кавказъ.

— Вѣдь убьютъ пожалуй! заключали они. — Оно хоть и до чести относится, а все жаль будетъ хорошаго человѣка.

Женскій полъ покачивалъ головами. Маменьки, каждая порознь, укоряли дочекъ въ неумѣніи завлечь рѣдкостнаго, по ихъ понятіямъ, жениха.

Дочки, почти всѣ, слушая маменекъ, царапали пальцомъ оконныя стекла.

Но одна изъ послѣднихъ, едва-ли не та, которая просила у Ижорина стиховъ, была увѣрена, что онъ бѣжалъ отъ безнадежной любви къ ней. Объ этомъ она сообщила и своей маменькѣ, и маменька, повидимому, одна изъ всѣхъ, утѣшилась.

....А Ижоринъ, между тѣмъ, летѣлъ себѣ да летѣлъ, во что было мочи у почтовыхъ лошадей.

Прискакавъ въ Петербургъ на осьмыя сутки, ни на минуту въ дорогѣ не сомкнувши глаза, онъ едва далъ себѣ время перемѣнить дорожный уборъ на болѣе представительный, какъ угорѣлый бросился на перваго извощика, и велѣлъ везти себя въ Морскую.

Digitized by Google

Не было и тѣни того Ижорина, котораго зналъ Петербургъ.

Графиня съ Морской переѣхала къ матери. Ижоринъ поѣхалъ на Англійскую набережную.

Онъ такъ скоро поднялся по лѣстницѣ, что запыхался....

— Дома? спросилъ онъ, едва переводя дыханіе.

— Какъ прикажете?

Но другой лакей узналъ его и пошелъ докладывать.

Его провели въ одну изъ заднихъ, пріемныхъ комнатъ.

Лиднева сидѣла одна съ дочерью.

Онѣ обѣ были въ траурѣ.

— Дмитрій Николаичъ! Какими судьбами? спросила мать.

— Изъ деревни-съ....

Софья взглянула на него и видѣла, какъ онъ усталъ, какъ торопился.

Онъ не выдержалъ и протянулъ ей руку.

Она посмотрѣла на мать и сдѣлала то же.

Мать, ничего рѣшительно не знавшая, съ чувствомъ матери и истинно женскою прозорливостію, все поняла разомъ.

Она только покачала головой и сказала тихо:

— Дѣти, дѣти! — И, молча, встала она, принесла образъ и благословила ихъ.

Ижоринъ цѣловалъ руки Графини, цѣловалъ руки матери. Онъ сѣлъ на полу, у ихъ ногъ, на скамейкѣ

— Когда же? спросилъ онъ....

— Черезъ годъ, т. е. черезъ шесть мѣсяцевъ, сказала Лиднева....

— Еще? спросилъ Ижоринъ....

— Нѣтъ, нѣтъ.... Нельзя же! А онъ-то.... И онъ былъ добрый человѣкъ....

Digitized by Google

Время, которымъ, вмѣстѣ съ шестью мѣсяцами уже истекшими со дня кончины Графа, долженъ былъ заключиться годъ траура, онъ проводилъ, разумѣется, почти не выходя отъ Лидневой: Графиня смотрѣла ему въ глаза, какъ осьмнадцатилѣтняя дѣвочка. Въ ней не было видно и тѣни недовѣрчивости къ возможности счастія, и теперь и послѣ. Ижоринъ тоже казался счастливъ, и всѣми силами предвкушалъ онъ будущее, въ которомъ уже не сомнѣвался, какъ въ своей собственности. Это время было, вѣроятно, лучшимъ въ его жизни.

Прошелъ назначенный срокъ. Они вѣнчались безъ шуму, безъ блеску, въ церкви Каменнаго Острова. Ижоринъ не хотѣлъ даже лишнихъ свидѣтелей.

— Гдѣ жъ старая развязка? сказалъ онъ женѣ, садясь въ карету, по выходѣ изъ церкви.

— Taisez-vous! отвѣчала она и протянула ему руку, которую онъ схватилъ и цѣловалъ, цѣловалъ.

Черезъ два дня они уѣхали въ деревню. Этого хотѣлось и ему и ей. Они рады были вмѣстѣ убѣжать отъ суетни и хлопотъ городскихъ, большею частію, невольныхъ и обоимъ имъ наскучившихъ. Оба они, въ первый разъ, считали себя до того счастливыми, что имъ казалось необходимымъ скрыть это счастіе отъ взглядовъ тѣхъ людей, которые знали ихъ прежде.

Вслѣдъ за ними обѣщалась пріѣхать и Лиднева....

.... Вотъ что между прочимъ, три мѣсяца спустя послѣ свадьбы, писалъ Ижоринъ къ своему брату, жившему, для какихъ-то спекуляцій, въ окрестностяхъ Оренбурга.

«Я такъ счастливъ, такъ счастливъ, что и сказать не «въ силахъ. И часто спрашиваю я себя: почему всему этому «было не случиться ранѣе? почему не женился я на Софьѣ «тогда, когда встрѣтилъ ее въ первый разъ? Сколько тяжкихъ дней, сколько скуки, сколько пустаго времени миновалъ бы я! — Разсудокъ отвѣчаетъ, что мы всегда во всемъ

Digitized by Google

«виноваты сами, что виновато всегда наше упрямство, наша «глупость. Но въ тоже время, другой голосъ, голосъ опыта «что ли? говоритъ, что всему этому именно нужно было такъ «быть, а не иначе; что, иначе, мы, какъ баловашныя дѣти, «не знали бы цѣны ничему. Кто скажетъ, въ самомъ дѣлѣ, «былъ ли бы я такъ счастливъ теперь, такъ ли бы я любилъ «жену, — свяжи насъ судьба ранѣе? Дѣло закрытое. Но, «вѣришь ли, до того теперь какъ-то хорошо живется мнѣ, «до того я доволенъ всѣмъ, что есть у меня, что мнѣ без- «престанно становится страшно за это счастіе: — не поте- «рять бы изъ него что-нибудь.... Я боюсь выѣхать изъ де- «ревни.... Еще немножко, и я стану, кажется, бояться глазу. «Петербурга мнѣ не хотѣлось бы видѣть подольше. Иногда я «думаю дать себѣ слово никогда не ѣхать въ Петербургъ, «такъ онъ мнѣ противенъ....»

Братъ, прочитавъ эти строки, улыбнулся и пожалъ плечами. Человѣкъ странный, матеріалистъ и скептикъ, онъ считался совершеннымъ профаномъ въ дѣлѣ чувства и, менѣе всего, жаловалъ то, которое изъявляется красно и громко....

Софья, судя по всему видимому, была очень довольна своей судьбой. Она все хорошѣла.

Лиднева не умѣла нарадоваться на своихъ милыхъ дѣтокъ. Сама не отдавая себѣ хорошенько отчета почему, добрая мать признавалась, что Ижоринъ давно ей нравился и что, не разъ, въ мечтахъ своихъ о счастіи дочери, она сосдиняла ихъ. Но, хоть и защемило безсознательно ея сердце при прощаніи на водахъ, не могла она тогда, понимается, показать это: сватать дочь было не въ ея правилахъ. Когда Софья вышла за Графа, добровольно принявъ его исканіе и форменное предложеніе, и, казалось ей, была удовлетворена своимъ выборомъ,— тѣмъ еще менѣе слѣдовало матери изъявлять свои личныя желанія. Однакоже съ перваго взгляда на дочь и Ижорина, по пріѣздѣ его къ нимъ изъ деревни, — ея удовольствіе стало какъ будто полнѣе, любовь ея сдѣлалась шире, оттого что союзомъ съ нимъ осуществлялись всѣ ея желанія въ

Digitized by Google

пользу дочери, ея любимыя мечты за единственную любимицу, за ту, въ которой она, вся, жила.... И Анна Петровна всѣмъ показывала на нихъ съ гордостію, и спокойно смотрѣла она впередъ.... Одного хотѣлось ей: понянчить поскорѣй внука или внучку. Тогда она спокойно бы легла въ могилу....

И Ижорину хотѣлось быть отцемъ: этаго чувства онъ еще не испытывалъ.

Но, между тѣмъ, для него уже настала эта Аркадія (такъ говорилъ онъ самъ), надъ которой, всю жизнь свою, онъ такъ любилъ смѣяться, потому, можетъ быть, что, до сихъ поръ, она не давалась ему.

Въ деревнѣ, гдѣ они жили, Ижоринъ никуда почти не ѣздилъ, развѣ съ женой. По часамъ смотрѣли они другъ на друга, или бѣгали по саду какъ дѣти, вырвавшіяся на свободу послѣ долгаго и скучнаго урока.... И понятны и даже милы сдѣлались для него тѣ картины, на которыя, прежде, онъ и смотрѣть не хотѣлъ.

Оба иногда вспоминали свой первый tête-à-tête, и обоимъ становилось смѣшно и досадно отъ взаимнаго сознанія въ обоюдныхъ глупостяхъ.

Къ нашему герою очень шло это состояніе счастливаго мужа-любовника.... Онъ помолодѣлъ не только на лицо, но и душою, и сердцемъ. Софьѣ было ли 24 года? Она вступала, только что, въ лучшую пору жизни; онъ, для мужчины, скорѣе былъ молодъ, нежели старъ.... И оба простодушно утверждали, что не узнаютъ сами себя....

Жизнь лежала передъ ними широка и полна....

И медовый мѣсяцъ тянулся, какъ будто бы не должно было ему кончиться никогда.....

....Въ послѣднихъ числахъ Ноября прошлаго года, Петербургскій Большой театръ былъ сверху до низу полонъ

Digitized by Google

Ожидали, въ первый разъ, выхода на Петербургскую сцену Фанни Эльслеръ, только что пріѣхавшей въ Россію.... Она, послѣ Таліони, первая изъ современныхъ хореграфическихъ знаменитостей залетѣла на далекій сѣверъ, столько радушный для каждой, изъ давно-извѣстнаго равнодушія или нелюбви къ западу.... Впереди ея, героини-любимицы Стараго и Новаго свѣта, бѣжали толки всѣхъ журналовъ, всѣхъ газетъ, и Русскихъ и иностранныхъ и даже, въ точномъ смыслѣ, заморскихъ. Было, значитъ, зачѣмъ ѣхать въ театръ.... Все и хлынуло въ театръ, наперерывъ.... И огромное зданіе Петербургскаго Большаго театра, послѣ Московскаго, одно изъ первыхъ въ мірѣ, ломилось подъ тысячами любопытныхъ зрителей.... Всякому хотѣлось посмотрѣть на пріѣзжую фею: иному нужно было сравнить ее съ Таліони, оставившей столько неизгладимыхъ воспоминаній, подарившей Петербургу столько сладкихъ минутъ; другому, не видавшему Таліони, хотѣлось просто взглянуть на ту, которую печатно называли несравнимою; третій, быть можетъ, ѣхалъ въ театръ потому только, что ѣхали всѣ и, слѣдовательно, нельзя было и ему не ѣхать; какъ бы то ни было, но театръ былъ полонъ, полонъ такъ что, по поговоркѣ, нѣкуда было воткнуть булавку....

....И люстра-монстръ опять сердилась, опять хмурилась....

....Объявлена была, кажется, Мечта художника.... И все ожидало осуществленія своей мечты, живой мечты, одушевленной граціи....

Между тѣмъ какъ, по обыкновенію, передъ балетомъ шла какая-то малозначащая піэса, возбуждавшая большое сочувствіе въ райкѣ, ложи и кресла были заняты спорами объ ожидаемой. Повторялись отзывы о ней, читанные и слышанные, говорили о цвѣтѣ ея глазъ и волосъ, о ростѣ, о лѣтахъ. Составилось, даже, между двумя отчаянными театралами-англоманами, значительное пари о томъ, съ которой стороны выйдетъ на сцену Фанни-Эльслеръ. Одинъ какой-то старичекъ, любитель разныхъ анекдотовъ, вспоминалъ по чему-то, о Герцогѣ Рейхштадтскомъ....

Digitized by Google

Букетовъ было приготовлено множество....

.... Въ первомъ ряду креселъ было не занято одно только кресло, къ немалому удивленію всего перваго ряда....

Но передъ концомъ піесы вошелъ въ театръ и помѣстился въ пустое кресло штабъ-офицеръ, въ мундирѣ одного изъ линейныхъ казачьихъ полковъ....

Сѣвъ и взглянувъ направо на своего сосѣда, штабъ-офицеръ, показалось, на минуту, былъ пораженъ чѣмъ-то....

.... Потомъ, какъ бы увѣрившись въ истинѣ своего предположенія, онъ ударилъ сосѣда по плечу....

Сосѣдъ оглянулся:

— Ты ли это?

— Вотъ судьба-то!...

Штабъ-офицеръ былъ памятный вамъ, можетъ быть, уланскій корнетъ начала моей повѣсти, сосѣдъ его — ходячая-хроника....

Они не выдержали и оба вышли, съ тѣмъ чтобъ возвратиться къ поднятію занавѣса передъ балетомъ.

Въ корридорѣ, послѣ первыхъ привѣтствій, штабъ-офицеръ обратился къ Хроникѣ съ вопросомъ, весьма естественнымъ въ человѣкѣ, не бывшемъ нѣсколько лѣтъ сряду въ Петербургѣ, гдѣ онъ оставилъ и бездну воспоминаній, и кое-какіе интересы:

— Что новаго?

— Да что, братецъ, я все здѣсь.... Право не знаю.... Ижоринъ женился....

— Да это еще при мнѣ.... à propos, а Орелли?....

— Plus belle, т. е. какъ бы тебѣ сказать.... plus cossue que jamais...

— Э?.... Счастіе.... Ей, передъ самымъ моимъ отъѣздомъ, приходилось очень плохо.... Я помню, она меня просила продать попугаевъ, гунтеровъ тогда ужъ не было, со-

Digitized by Google

баки тоже, хоть и увѣряла она, что ее, отъ злости, отравилъ Помпей, ну да это вздоръ.

— Пойдемъ, пойдемъ. Сейчасъ начинается. Я тебѣ покажу ее въ антрактѣ....

— Нельзя ли какъ-нибудь, эдакъ, по старой памяти?

— Mettez-vous sur les rangs....

Они вошли и сѣли въ свои мѣста.

Дѣйствіе кончилось. Отдавъ дань своего уваженія таланту, по старой памяти, казакъ сталъ, при помощи бинокля, разсматривать зрителей.... Хроника былъ, разумѣется, занятъ тѣмъ же, сегодня, какъ и всякій день....

Онъ толкнулъ своего сосѣда:

— Да вотъ она, — и показалъ на одну изъ литерныхъ ложъ втораго яруса....

— Ну, а съ ней-то кто? удивленный спросилъ штабъ-офицеръ....

— Помилуй, развѣ ты еще не видалъ его? Ижоринъ....

— Я сегодня только что съ Кавказа.... Такъ вотъ оно что.... А жена?....

— Жена его должна на дняхъ вернуться изъ-за границы....

— Сходимъ къ нимъ....

— Пожалуй!

Они поднялись по лѣстницамъ.... Штабъ-офицеръ былъ очень доволенъ тѣмъ, что всѣ почти каппельдинеры узнавали его. Нѣкоторые даже величали его по имени и отчеству, поздравляя при этомъ, разумѣется, съ пріѣздомъ....

Они вошли въ литерную ложу....

Сидѣвшіе въ ней, мужчина и женщина, обернулись къ двери.

— Ижоринъ, началъ Хроника, протягивая ему руку и указывая на казака, — узнаешь?

Digitized by Google

Ижоринъ слегка прищурился....

— Ба, ба, ба.... Молодецъ.... Давно бъ тебѣ, братецъ, за умъ-то взяться.... Однако, видѣли вы жену, господа, она только что третьяго дня вернулась изъ-за границы, и обоимъ вамъ будетъ очень рада.... Пойдемте къ ней.... Et vous n'engagez pas ces messieurs à souper? — продолжалъ онъ, обращаясь къ Орелли....

— Mais comment donc.... Si, toutefois, tu viens avec eux....

— Si je viens.... сказалъ онъ, ударяя на первомъ словѣ и улыбаясь....

— Они пошли къ бель-этажу.

— Quelle digne femme! — сказалъ Ижоринъ, показывая головою на литерную ложу....

— Oh! pour ceci.... отвѣчалъ бывшій уланъ....

Спектакль кончился.... Они всѣ вышли вмѣстѣ на подъѣздъ: Ижоринъ съ женой, казакъ и Хроника.

Сѣвъ въ карету, Ижоринъ громко сказалъ имъ:

— Вы поѣзжайте прямо, онъ знаетъ адресъ.... А я только заѣду на минуту домой, надо же для неожиданнаго гостя захватить изъ дому какой-нибудь гостинецъ....

Казакъ и Хроника отыскали сани и поѣхали къ Орелли....

— Давно Ижоринъ опять взялъ ее подъ свое покровительство? спросивъ казакъ....

— Да ужъ болѣе года: съ тѣхъ поръ какъ опять живетъ безвыѣздно въ Петербургѣ.... Не правду ли я говорилъ, что въ этой женщинѣ много хорошаго.

— Особенно....

На отвѣтъ казака, котораго голосъ былъ покрытъ визгомъ встрѣчнаго форейтора, Хроника добродушно засмѣялся.

Digitized by Google

Здѣсь кончается повѣсть о «вашемъ старомъ знакомомъ.»

Авторъ не продолжаетъ ея, потому что, до сихъ поръ, ничего болѣе не знаетъ объ Ижоринѣ. Но, съ теченіемъ времени, — когда что узнаетъ, готовъ подѣлиться съ своимъ читателемъ новыми данными, разумѣется, если этого захочетъ читатель....

Не знаетъ также авторъ, какъ понравится читателю вся эта повѣсть, и найдетъ ли въ ней читатель «своего стараго знакомаго».... Но спрашивать объ этомъ авторъ не смѣетъ.... Желалъ бы онъ отъ души, чтобы тотъ читатель, который не признаетъ въ Ижоринѣ *стараго знакомаго*, по крайней мѣрѣ не сердился на него. «Герой» *для* иныхъ, какъ былъ онъ героемъ этой повѣсти, — Ижоринъ *для* многихъ, — давно только жалокъ. Въ немъ самомъ и весь судъ надъ нимъ.

С. Колошинъ.

Москва.
Апрѣль, 1849.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1850.

№ 11. Іюнь. Кн. 1.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЧЕШСКІЯ ПѢСНИ.

(Изъ книги: Ohlas pjsnj Českých, od F. L. Čelakowského, w Praze, 1840.)

I.

САДОВНИКЪ.

Stary Zahradníček.

У Садовника въ садочкѣ
Выростаетъ деревцо:
Черны очи, бѣлы плечи
И румяное лицо!

*

«Гдѣ ты, гдѣ ты, нашъ Садовникъ,
Розанъ вдакой досталъ?
У тебя еще алѣе
И еще онъ краше сталъ!

*

Digitized by Google

Съ той поры, какъ появился
У тебя онъ на лугу,
Съ той поры на твой я розанъ
Наглядѣться не могу!»

*

— Не чужой мнѣ этотъ розанъ,
Не чужой онъ мнѣ цвѣтокъ:
Самъ его я возлелѣялъ,
Сохранилъ и уберегъ!

*

Въ злую стужу-непогоду
Я присматривалъ за нимъ,
За цвѣткомъ моимъ прекраснымъ,
Ненаглядным, дорогимъ!

*

Нынче матери сбирайте
Дочерей своихъ красотъ,
И Садовнику отдайте
Подъ присмотръ и подъ уходъ!

*

На лугу, между кустами,
У него житье цвѣтамъ;
Не одно за то спасибо
Всякій парень скажетъ вамъ!

II.

РАДОСТЬ И ГОРЕ.

Ach radost, ach radost!

Ахъ ты, радость, ты, радость!
Деревцомъ выростаешь,
Только жаль, что корней ты
Никуда не пускаешь!
И подуетъ ли вѣтеръ,
Аль вода разольется:

Digitized by Google

Деревцо молодое
Упадетъ и согнется!
Можетъ, можетъ и встанетъ,
Да къ иному ужъ лѣту....
Жаль мнѣ, жаль, что корней-то
У тебя, радость, нѣту!

=

Ахъ ты, горе-кручина!
У тебя, у кручины,
Лишь одинъ горькой кореиъ;
Безъ вѣтвей, безъ былины!
Много надобно вздоховъ,
Слезъ широкое море,
Чтобъ развѣять кручину,
Чтобы выплакать горе!
Горькой корень далеко,
Горькой корень глубоко,
Безъ вѣтвей, безъ былины,
Горькой корень кручины!

III.

ЧАРОДѢЙКА.

Utopte zi upalte zi!

Вы сожгите ее,
Утопите ее:
Загубила она
Душу-сердце мое!

Чародѣйка она,
И хитра и умна,
Много чаръ у нея,
Всѣхъ чаруетъ она!

Digitized by Google

Чары — очи у ней,
Чары — бѣлая грудь;
Какъ увидишь ты ихъ —
Свой покой позабудь!

Пятерыхъ извела,
Блескомъ черныхъ очей,
Красотою лица,
Бѣлизною плечей;

Пятерыхъ извела,
И шестому́ не въ мочь:
Самъ не свой, какъ шальной,
Бродитъ онъ день и ночь!

Ахъ, сожгите ее,
Утопите ее,
Загубила она
Душу-сердце мое!

IV.

НА ПУТИ КЪ МИЛОЙ.

Slunce za horami.

Солнце за горами,
Сумрачно въ долинѣ....
Ахъ, зачѣмъ, ты, батюшка родимый,
Спишь теперь въ могилѣ?

*

Встаю ли, ложусь ли,
Все я помышляю
О тебѣ, мой батюшка родимый,
О тебѣ вздыхаю!

*

Digitized by Google

Лишь одна кручина
Мое сердце гложетъ,
Что на наше счастье золотое
Онъ смотрѣть не можетъ!

*

Гдѣ овесъ ты сѣялъ,
Тамъ взростилъ я жито,
И кругомъ у насъ густой пшеницей
Поле все покрыто.

*

Тамъ, гдѣ ты просыпалъ
Хоть капельку поту,
Тамъ мнѣ нынче золото-богатство
Сыплется безъ счету!

*

Житницы, амбары
Полны и богаты....
Скоро-скоро будетъ къ вамъ хозяйка,
Дворики вы хаты!

*

Ахъ, когда бъ ты видѣлъ
Мою дорогую,
Словно яблонь ты развеселилъ бы
Голову сѣдую!

*

Конь мой, конь! какъ былъ ты
Жеребенокъ квилой,
Ты не зналъ, что на тебѣ поѣду
За своей я милой!

*

Солнце за горами,
Теменъ долъ туманный....
Ты лети, лети, конь ретивый,
Къ милой и желанной!

Н. Берегъ.

Digitized by Google

ИЗЪ БАЙРОНА.

Какъ хищные волки на мирное стадо,
На насъ Ассирійцы низринулись съ горъ,
И двигалась страшно ихъ полчищъ громада,
Несмѣтная сила пугала нашъ взоръ.
На войскѣ ихъ пурпуръ и золото блещетъ,
Ихъ копья сверкаютъ, какъ звѣзды въ водѣ,
Когда Галилейское море трепещетъ
И небо глядится въ его синевѣ.
Какъ листья лѣсные въ зеленое лѣто,
Такъ подъ вечеръ грозно тѣснились враги;
Какъ листья же осенью поздней, свирѣпой,
Когда лѣсъ кидаетъ покровы свои,
Такъ были на утро повержены, сбиты,
Такъ были стыдомъ Ассирійцы покрыты.

Зане Всемогущій, скрываяся въ тучахъ,
Спасти отъ враговъ свой народъ восхотѣлъ,
И Ангелъ-губитель на крыльяхъ могучихъ
Какъ буря на встрѣчу враговъ полетѣлъ.
Онъ дулъ имъ въ лицо, какъ они поступали,
На вѣжды ихъ тяжкій онъ сонъ положилъ, —
Сердца Ассирійцевъ отвагой пылали, —
Отвагу и чувства онъ въ нихъ заглушилъ.
На дернѣ валялся тамъ конь бездыханный,
Тамъ всадника трупъ безобразный лежалъ,
И вѣтеръ, бушуя въ пустынѣ песчаной,
Обрядъ погребальный надъ нимъ совершалъ.
Палатки безмолвны и праздны стояли,
Знамены покинуты въ полѣ пустомъ,
И копья изъ рукъ охладѣвшихъ упали,
И трубы безъ звука лежали кругомъ.
И идолы пали во храмѣ Молоха,
И вдовы рыдаютъ, и ужасъ на всѣхъ,
И скрылась отъ взоровъ пылающихъ Бога
Вся сила Ассура, какъ тающій снѣгъ.

Брама.

Digitized by Google

ПИСЬМА ОБЪ ИНДІИ.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ КН. САЛТЫКОВА.

1845—1846.

Лондонъ. 29-го Сентября 1844.

Сегодня воскресенье, день, какъ ты знаешь, очень занимательный въ Лондонѣ, и къ довершенію удовольствія, погода совершенно испортилась: дождикъ сѣется, какъ сквозь сито; вѣтеръ гудитъ заунывно и однообразно. Не слышно обычнаго по воскресеньямъ пѣтушинаго крика; не видно ни каретъ, ни пѣшеходовъ; улицы пусты и только изрѣдка раздаются мѣрные шаги полицейскаго агента, закутаннаго въ клеенчатый плащь. Я сижу у окна Клэрендонскаго отеля на Альбемарльской улицѣ, на этой скучной Альбемарльской улицѣ. Въ середу, часу въ осьмомъ, я отправлюсь въ Соутъ-амптонъ, Лиссабонъ и т. д. Твое желаніе увидѣться со мною поскорѣе и тоска по родинѣ не дозволятъ мнѣ пробыть въ Индіи болѣе десяти-одиннадцати мѣсяцовъ, и я по прошествіи этого времени, постараюсь отыскать тебя гдѣ бы то ни было. Лордъ Э. назначилъ мнѣ свиданіе въ Палермо или на Мальтѣ: хочу ему написать, что на Мальтѣ лучше. Конечно Палермо не дуренъ, да нужно сдѣлать крюкъ, а мнѣ некогда терять время. Въ Декабрѣ я пристану въ Суэцъ; а остовы катакомбъ не стану осматривать въ другой разъ. Кстати, Р. вѣроятно умеръ?.... Ты просишь меня назначить пункты на-

Digitized by Google

шего соединенія: пусть они останутся тѣ же, т. е. Лондонъ и Петербургъ, преимущественно Петербургъ. Мое путешествіе въ Индію рѣшено и подписано. Пиши мнѣ письма въ Бомбэй, на имя Лекки и К°, а управляющему моему прикажи высылать деньги туда же. Пятьдесятъ тысячь ассигнаціями будутъ для меня черезъ-чуръ достаточны. Теперь, покончивъ со всѣми дѣлами, я сталъ гораздо спокойнѣе.

Лиссабонъ. 19-го Октября 1844.

Я прибылъ сюда третьяго дня на Соутъ-амптонскомъ пароходѣ. Погода стояла пренесносная: постоянная пятидневная буря. Лиссабонъ также великъ, какъ Падуа, и почти также веселъ; дождикъ идетъ каждый день. Я остановился въ превосходной гостинницѣ, и намѣренъ отдохнуть нѣсколько дней, а потомъ сдѣлаю на пароходѣ тридцатичасовый переѣздъ въ Кадиксъ. Изъ Соутъ-амптона я ѣхалъ восемь дней, противъ обыкновеннаго пути цѣлые три дня лишку. Характеръ Лиссабона и окрестностей очень живо напоминаетъ Палермо и Сицилію.

Кадиксъ. 24 Октября.

Теперь меня беретъ раздумье, какимъ образомъ дѣлать мнѣ поѣздки по Андалузіи: въ «веттурино», на конѣ, на мулѣ, или въ дилижансѣ? Можно еще отправиться на пароходѣ, который ходитъ вверхъ по Гвадалквивиру до Севильи.

Кадиксъ немного похожъ на Венецію, только поопрятнѣе, побѣлѣе и поменьше; вмѣсто каналовъ тянутся узкія, длинныя и прямыя улицы; дома выстроены въ Мавро-Сицилійскомъ вкусѣ, всѣ съ балконами, съ плоскими крышами и террассами. Почти весь городъ выдался въ море и соединяется съ материкомъ узкой полосой земли. Кругомъ Кадикса, какъ кругомъ Венеціи, нѣтъ ни полей, ни садовъ: дома жмутся одинъ къ другому на тѣсномъ лоскутѣ прибрежья, выкроенномъ моремъ. Какъ въ Венеціи, здѣшнія улицы оживлены толпами пѣшеходовъ и малочисленными всадниками, но кареты не увидишь ни одной. Я стою въ такъ называемой Англійской гостинницѣ: не Богъ знаетъ что́, однако до-

Digitized by Google

вольно чисто и удобно. Содержатель гостинницы М. Валль до того старъ, что начинаетъ впадать въ ребячество; онъ уже ни къ чему не годенъ, а все еще не отсталъ отъ похвальной привычки обращаться съ своими постояльцами привѣтливо и вѣжливо. Съ виду онъ еще не такъ дряхлъ и не производитъ непріятнаго впечатлѣнія, оставляемаго отжившими свой вѣкъ стариками.... Кормятъ насъ устрицами и превосходной рыбой.

Въ гостинницѣ остановилось нѣсколько Англичанъ, прибывшихъ вмѣстѣ со мною на пароходѣ; мы всѣ обѣдаемъ за однимъ столомъ, а иногда къ нашей компаніи присоединяется какой-то премолчаливый сеньоръ. Вообще Испанцы молчаливы, спокойны, учтивы и терпѣливы; лица у нихъ предобрыя, и вообще, по моимъ соображеніямъ, они самый снисходительный народъ. Вчера я былъ въ «Главномъ театрѣ;» публика была многочисленная, но вела себя очень тихо. Во время антрактовъ зрители курили въ корридорахъ; всѣ были хорошо одѣты. Здѣшній народный костюмъ—куртка, низенькая шляпа и темный плащь на красномъ подбоѣ. Въ театрѣ было много молоденькихъ женщинъ, но я еще не приглядѣлся къ Испанской красотѣ. По всѣмъ лицамъ разлита важность и надменность; въ пріемахъ замѣтна какая-то угловатость; улыбка почти никогда не набѣгаетъ на эти блѣдныя губы. Давали какую-то длинную драму: запутанная любовная интрига, ревность, и въ заключеніе стилетъ. За тѣмъ проплясали качучу и разныя народныя пляски, живыя, увлекательныя. Сегодня утромъ я ходилъ смотрѣть на арену, гдѣ бываетъ бой быковъ, но бой начинается обыкновенно весной или лѣтомъ. Осмотрѣвъ арену, я взобрался на высокую церковную башню, и передо мной раскрылась панорама Кадикса.

25 Октября.

Вчера я былъ въ другомъ театрѣ; онъ поменьше «Главнаго театра», но на немъ лежитъ болѣе Испанскій характеръ; курили и въ ложахъ, и въ партерѣ, и даже въ первомъ ряду *сталлей*. Играли нѣсколько комическихъ піэсъ, взятыхъ изъ народнаго быта, въ родѣ Сан-Карлино, только не такъ

Digitized by Google

тривіальныхъ: словомъ, театръ очень-очень порядоченъ и выстроенъ хорошо. За комедіями слѣдовали «болеро» и еще какая-то пляска «оле». Эта пляска исполняется одной танцовщицей подъ звуки заунывной музыки; на танцовщицѣ было атласное платье, шитое блестками съ газовымъ лифомъ; въ Испаніи для каждой пляски особый нарядъ. Болеро плясали шестеро, трое мужчинъ и три женщины: плясуны дѣлали порывистыя движенія, принимали гордыя позы, и немилосердо стучали кастаньетами подъ одобрительные крики партерра: «*buen, buen*!» Испанскій языкъ похожъ на провинціальное Итальянское нарѣчіе. Климатъ въ Кадиксѣ удивительный.... Однако мнѣ очень досадно, что даю тебѣ предвкусіе Испаніи, твоей любимой Испаніи: мнѣ бы не слѣдовало ѣздить сюда прежде тебя. Впрочемъ не забудь, что тебѣ остается Мадридъ со всею его таинственностью, и остается совершенно нетронутымъ въ ожиданіи твоего посѣщенія.... А между тѣмъ я отправляюсь глотать устрицы. Прощай.

Испанское селеніе Лародa. 31 Октября.

Сижу въ «posada»: весь изнемогъ отъ усталости и жду пилава изъ куропатки. Наконецъ я въ Андалузіи; объѣзжаю здѣшнія окрестности верхомъ, въ сопровожденіи Франциска, Ѳедора и туземнаго проводника. Проводника зовутъ Хименесомъ; онъ очень ловкій всадникъ, одѣтъ съ большимъ вкусомъ и предупредителенъ до нельзя; теперь онъ сильно хлопочетъ о куропаткѣ. Въ семь часовъ утра меня сажаютъ на Андалузскаго коня, и заставляютъ ѣздить почти безъ роздыха часовъ до осьми или девяти вечера. Отдыхаемъ мы не болѣе получаса, и въ продолженіе этого времени ѣдимъ яицы съ свинымъ саломъ и запиваемъ нашу трапезу малагой. Въ шесть часовъ утра, передъ отправленіемъ въ путь, мнѣ подаютъ чашку шоколада, который такъ густъ и сладокъ, что я никакъ не рѣшаюсь его пить. Я обыкновенно беру съ собой въ дорогу бутылку хереса и нѣсколько штукъ Севильскихъ куропатокъ. Я былъ въ Севильѣ, но «цирюльника» тамъ уже нѣтъ, нѣтъ и графа «Альмавивы»; за то вывѣскамъ «Sangradores» нѣсть числа.

Digitized by Google

Лордъ Байронъ сказалъ:

«He who has not seen it will be much to pity....
Of all the spanish towns is none more pretty.»*

Въ Севильѣ я не могъ удержаться отъ искусительнаго желанія поглядѣть на пляски Андалузянокъ, и пригласилъ къ себѣ танцовщицъ. «Оле,» качуча, фанданго, гитана и галлегана были исполнены шестью плясунами и шестью хорошенькими плясуньями, подъ оглушительные звуки кастаньетъ, гитаръ и дикихъ, унылыхъ пѣсенъ. О пѣсняхъ я не могу дать тебѣ никакого понятія; могу только сказать, что онѣ похожи на Арабскія и Индійскія, да жаль, что ты не знаешь ни тѣхъ, ни другихъ. Этихъ пѣсенъ нельзя назвать музыкой, по крайней мѣрѣ той музыкой, которую мы привыкли слышать: это просто крики восторга и жалобные вопли. Пѣніе Московскихъ цыганокъ, сравнительно, можно считать ученою музыкою. Мои теперешнія баядерки, кромѣ 30 или 40 доллеровъ, поджидаютъ еще угощенія — конфектъ и вина. На прощанье имъ придется вручить по огромной свадебной бонбоньеркѣ, а иначе онѣ обидятся. Вино онѣ обыкновенно распиваютъ съ хозяиномъ дома, и эта церемонія распиванія очень трогательна: сначала онѣ «*пригубятъ*,» потомъ передадутъ *на сей же конецъ* стаканъ хозяину, потомъ выпиваютъ залпомъ и въ заключеніе пожимаютъ руку. Въ промежуткахъ плясокъ онѣ подсаживаются къ своему амфитріону, и заводятъ рѣчи, судя по пантомимамъ, очень занимательныя. Въ продолженіе вечера мои плясуньи десять разъ мѣняли свой туалетъ, и каждый разъ являлись въ ослѣпительномъ нарядѣ и красивыхъ башмачкахъ. (Въ обуви Андалузянки большія педантки.) Нарядъ украшенъ кружевами, золотомъ и серебромъ. Почти всѣ плясуньи были очень милы.

Теперь я на пути въ Гренаду. Нарочно взялъ съ собой поменьше денегъ, въ надеждѣ наткнуться на разбойниковъ, но моя надежда была обманчива. Мы путешествуемъ только до 6 часовъ вечера, потому что позднѣе становится такъ

* Жаль мнѣ того, кто не видалъ Севильи: нѣтъ лучше города въ Испаніи.

Digitized by Google

темно, что не видать дороги. А разбойниковъ все нѣтъ! Дѣлать нечего — подождемъ.

Селеніе Лоха. Вечеромъ 1 Ноября.

Сдѣлали еще переѣздъ. Сегодня *я всѣлъ на конь* въ семь часовъ утра, и добрался до станціи только къ девяти часамъ вечера, по страшной и склизкой нагорной тропинкѣ, подъ проливнымъ дождемъ и подъ опасеніемъ заблудиться въ темнотѣ. Проводникъ мой былъ въ отчаяніи, да и самъ я долженъ признаться, что постоянный страхъ сбиться съ дороги — очень непріятенъ. Наконецъ я добрался до ночлега, и лежу на хорошей постели, поджидая пилавъ, яичницу и холодную куропатку. Я захватилъ съ собой изъ Севильи куропатокъ, куръ и кусокъ жареной говядины. Хочется мнѣ еще поговорить съ тобой о Севильѣ, этой царицѣ Андалузіи, которая въ свою очередь царитъ надо всей Испаніей. Тамъ, по словамъ поэта, мантилья волнуется на плечахъ смуглой красавицы, и гордый Андалузецъ усмиряетъ кипучаго коня. Тамъ торреадоръ вонзаетъ свое острое копье въ ребра неукротимаго быка. Тамъ, въ мракѣ полуночи, звучитъ гитара и звонкая пѣсня молодой Андалузянки, тамъ музыка кастаньетъ сопровождаетъ пламенную качучу и нѣжный болеро. Тамъ Альказаръ, увѣшенный мраморнымъ кружевомъ, прячется въ тѣни померанцевыхъ рощей, орошаемыхъ струями водометовъ.

Гренада. 3 Ноября.

Я прибылъ сюда вчера вечеромъ. Цѣлый день провелъ на конѣ, на дорогѣ отъ Лохи, подъ дождемъ и вѣтромъ; не ѣхалъ, а плылъ по грязи, право—плылъ: Испанія постоянно затоплена дождями. Отъ Севильи до Гренады ѣхалъ я четыре дня; обыкновенно ѣздятъ пять. Мой проводникъ и какой-то старикъ, коноводъ, то и дѣло, что говорили про разбойниковъ, и Хименесъ, при каждой встрѣчѣ съ контрабандистами, почтительно снималъ шляпу и ускорялъ шаги. Вообще онъ отличается изысканною вѣжливостью. Разъ подъ вечерокъ мы замѣтили какого-то человѣка въ плащѣ, кото-

Digitized by Google

рый при нашемъ приближеніи побѣжалъ на гору и скрылся: спутники мои сильно встревожились, полагая, что этотъ человѣкъ — сторожевой разбойничьей шайки.

Мы остановились завтракать въ одномъ маленькомъ городкѣ, и у хозяина нашей гостинницы нашли значительное количество очень хорошихъ ружей, которыя онъ продавалъ по сходной цѣнѣ. Мнѣ показалось это нѣсколько страннымъ, а въ послѣдствіи мой проводникъ объявилъ, что большая часть обитателей Альмеды (такъ назывался этотъ городокъ) промышляютъ грабежемъ. Они отправляются будто бы на охоту, а въ самомъ дѣлѣ охотятся за кошельками неосторожныхъ путниковъ: вотъ почему содержателю гостинницы выгодно сбывать ружья за дешевую цѣну. Я самъ чуть-чуть было не купилъ ружья для моихъ людей. Вообще всѣ содержатели гостинницъ удивляются, что мы путешествуемъ такъ поздно, но я привыкъ къ ночнымъ переѣздамъ въ Персіи, и ни за что не промѣняю четырехъ-дневнаго путешествія безъ роздыха на безопасную, но несносную двухнедѣльную ѣзду шагомъ по слякоти. Отсюда я отправлюсь въ Лоху, изъ Лохи въ Малагу, а изъ Малаги въ Гибралтаръ; только жаль, что нельзя сѣсть на пароходъ: придется или ѣхать на кораблѣ, или тащиться сухимъ путемъ, а это составитъ три лишнихъ дня.

Сегодня утромъ я осматривалъ Альгамбру. Судя по разсказамъ, я ожидалъ бо́льшаго: Альгамбра — жалкій алебастровый слѣпокъ съ волшебныхъ Индійскихъ дворцовъ, не только съ тѣхъ дворцовъ, которые, по мановенію Великихъ Могóловъ, возникли въ окрестностяхъ Дели, но даже съ дворцовъ Лагора, порубежнаго города Могольской Имперіи. Все, что въ Индіи изваяно изъ камня, мрамора, порфира и лазури, въ Альгамбрѣ слѣплено изъ алебастра, и притомъ въ уменьшенныхъ размѣрахъ. Прошу послѣ этого вѣрить на слово путешественникамъ. Впрочемъ Альгамбра съ своими померанцовыми рощами, цвѣтами, виноградными лозами и легкой архитектурой — все-таки прекрасное мѣсто. Виноградомъ я объѣдался.

Digitized by Google

Я видѣлъ въ Персіи дворцы подобные Альгамбрскому, но они богаче, чище отдѣланы и величественнѣе. Въ Каирѣ есть тоже зданія лучше Альгамбрскихъ, только выстроены въ болѣе простомъ вкусѣ: въ Каирѣ Арабское зодчество сохранилось еще въ первобытной своей чистотѣ. Въ Индіи то же самое зодчество, но уже гораздо роскошнѣе въ своихъ подробностяхъ, гораздо узорнѣе. Ходилъ осматривать Генералифъ. Моей проводницей была хорошенькая дѣвушка, которая отперла мнѣ покои и водила по маленькимъ садамъ, заросшимъ виноградными лозами. Въ покояхъ этой Мавританской обители поставлены портреты во весь ростъ различныхъ воителей и рыцарей, Мавровъ, Испанскихъ донны и между прочимъ портреты Фердинанда и Изабеллы. Утромъ, по случаю воскреснаго дня, былъ въ здѣшнемъ соборѣ у обѣдни, и видѣлъ великолѣпныя гробницы Фердинанда и Изабеллы: гробницы очень высоки, вылѣплены изъ камня и украшены горизонтальными изваяніями короля и королевы. Въ соборѣ множество деревянныхъ изваяній Мадоннъ и Святыхъ, увѣшанныхъ металлическими украшеніями.

Сейчасъ я оторвался отъ письма и подошелъ къ окну взглянуть на пѣхотный Испанскій полкъ; полковая музыка состоитъ изъ кавалерійскихъ трубъ и управляется необычайно-вертлявымъ тамбуръ-мажоромъ.... Женщины въ Испаніи очень красивы. Даже по дорогѣ, въ гостинницахъ, харчевняхъ, вентахъ и посадахъ встрѣчаешь прислужницъ съ премиленькими личиками. Не правду пишутъ, что здѣшнія гостинницы грязны: онѣ, напротивъ, чисты, но очень бѣдны, и путникъ поставленъ въ необходимость пробавляться единственно свининой.

Полкъ, о которомъ я тебѣ писалъ, остановился на площади, передъ окнами моей гостинницы, и начинаетъ дѣлать какія-то эволюціи. Музыка играетъ заунывно и трогательно мотивъ какой-то оперы.... Мнѣ стало грустно; на меня напало раздумье о тебѣ: когда я тебя увижу?.... Вѣрно только то, что непремѣнно увижу.

Digitized by Google

Нынѣшнимъ утромъ я видѣлъ множество колодниковъ, содержимыхъ въ Альгамбрѣ. Не знаю за чѣмъ выводили ихъ на бѣлый свѣтъ, только они входили, подъ прикрытіемъ конвоя, въ одну изъ очаровательныхъ аллей Альгамбрскихъ садовъ. Я тебѣ писалъ, что въ Испаніи постоянно идетъ дождикъ, но на сегоднишній день отступаюсь отъ своихъ словъ: погода стоитъ превосходная и вполнѣ благопріятствуетъ моимъ прогулкамъ по Альгабмрѣ и по Цыганскому кварталу: (Gitanos). Начинаетъ вечерѣть, а солдаты все еще на площади. Заказалъ цыганскую пляску: любопытно—что̀ это такое.

Видѣлъ цыганскую пляску: очень хороша. Былъ и въ театрѣ: онъ очень великъ и набитъ-биткомъ. Давали какую-то волшебную піэсу: «Чортовъ ларчикъ». Изъ цѣлой дюжины плясавшихъ у меня цыганокъ замѣчательна была только одна: плясала и по-Арабски, и по-Египетски, какъ бѣсноватая. Очень стройная, очень молоденькая и очень худая, она была необыкновенно гибка; лицо у нея было почти зеленаго цвѣта. Я спросилъ ее — замужемъ ли она: она отвѣчала, что замужемъ, но что мужъ ея сидитъ въ темницѣ, а на дняхъ его повѣсятъ за то, что онъ зарѣзалъ ея брата. Разсказавъ мнѣ эту милую продѣлку своего мужа, цыганка налила большой стаканъ вина, поднесла мнѣ отвѣдать, выпила, что называется, на̀ лобъ, и снова принялась за пляску. Во время пляски, она завывала какую-то дикую пѣсню, какъ наши Московскія цыганки, закидывала голову и руки, дрожала всѣми членами подъ оглушительное щелканье кастаньетъ, подъ крики и вопли старыхъ мегеръ и молодыхъ замарашекъ, которыя бѣсновались, какъ вѣдьмы на шабашѣ.... Въ Кадиксѣ, въ одной изъ часовень, я видѣлъ трупъ ребенка, заѣденнаго крысами: бѣдняжка былъ весь исковерканъ и съ ногъ до головы покрытъ глубокими ранами.... Мать принуждена была отлучиться изъ дому на работу, и оставила несчастнаго ребенка одного....

Гибралтаръ. 2-го Ноября 1844 г.

Я пріѣхалъ сюда сегодня утромъ, — и ѣхалъ изъ Малаги цѣлую ночь на хорошемъ Испанскомъ пароходѣ (ска-

Digitized by Google

зать въ скобкахъ, Гибралтаръ мнѣ не очень нравится). Въ Малагу добрался я изъ Гренады верхомъ, и на этотъ переѣздъ употребилъ два дня. Баронъ М. уговорилъ было меня сѣсть съ нимъ въ дилижансъ, но я едва-едва могъ вынести тамъ полчаса: это просто тарантасъ, безъ малѣйшаго призрака рессоръ, набитый, какъ огурецъ, сѣдоками, которые только и дѣлаютъ, что курятъ да сплевываютъ на сторону. У меня закружилась голова, и я кое-какъ вылѣзъ изъ дилижанса, и сѣлъ на лошадь, не смотря на усталость и на дождикъ. Просто же верхомъ ѣхать гораздо скорѣе, чѣмъ въ дилижансѣ, хотя меня и затрудняли нѣсколько мой багажъ и моя свита.

Я разстался съ барономъ М. въ Алгезирасѣ, маленькой деревушкѣ, раскинутой противъ самаго Гибралтара. Отправляясь изъ Гренады, я еще разъ проѣзжалъ Лоху и останавливался въ venta de los ornahhos, сирѣчь — «гостинницѣ съѣстныхъ припасовъ:» ничего больше, какъ ветхая харчевня, въ которой путешественникъ не находитъ ни успокоенія, ни пищи. «La venta de los tres Hermanas», т. е. «гостинница трехъ сестеръ» — другое дѣло. Три хорошенькія сестрицы, одна простодушнѣе другой, стараются наперерывъ угадывать желанія путешественниковъ и окружать ихъ самыми предупредительными заботами. Одна изъ нихъ немножко коса, что къ ней впрочемъ очень идетъ, другая очаровательно рябa, а третью вполнѣ можно назвать пикантной брюнеткой: черна, какъ кротъ, истая цыганка, сыплетъ словами, и всю ея какъ-то поводитъ и передергиваетъ. Эти миленькія сестрицы имѣютъ еще одно неоспоримое достоинство: превосходно готовятъ различное кушанье изъ трески, ветчины, свинаго сала, масла и перцу. Въ Малагѣ лѣпятъ прекрасныя статуэтки, изображающія представителей народныхъ Испанскихъ типовъ: тореадоровъ, разбойниковъ, контрабандистовъ и плясуновъ; онѣ художественно отдѣланы, окончены, хорошо раскрашены и не дороги, но увы! слѣплены изъ алебастра. Есть довольно большія изваянія всадниковъ и быковъ, по крайней мѣрѣ въ поларшина.

Digitized by Google

Сегодня я обѣдаю у здѣшняго губернатора, генерала Вильсона. Онъ такъ ласково меня принимаетъ, что, забывая полученное мною отвращеніе къ верховой ѣздѣ, я сажусь на лошадь и не схожу съ нея цѣлый день, осматривая городскія укрѣпленія. Впрочемъ я напрасно говорю — *городскія*: правильнѣе было бы сказать — укрѣпленія скалы. Нѣкоторыми занимается онъ самъ «con amore», и хотя я плохой знатокъ въ крѣпостныхъ укрѣпленіяхъ, но цѣню какъ нельзя болѣе его усердіе.

Генералъ Вильсонъ былъ въ Россіи въ 1807, 1812 и 1813 годахъ, и знаетъ нѣкоторыхъ нашихъ родственниковъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ честь и пріѣхалъ ко мнѣ первый, раннимъ утромъ. Мнѣ было очень совѣстно, потому что я стою въ отвратительной гостинницѣ, которыя несравненно хуже всевозможныхъ *вентъ и посадъ*, попадающихся по Андалузскимъ дорогамъ.

Мальта. 16 Ноября.

Я уже два дня въ Мальтѣ, живу въ хорошей гостинницѣ, «Baker's hôtel, на площади палацца Гроссмейстеровъ, обращеннаго въ настоящее время въ дворецъ Англійскаго губернатора, сэра Патрика Стюарта.... Погода стоитъ удивительная. Я сплю, открывъ всѣ окна, а днемъ опускаю сторы и отправляюсь искать гдѣ-нибудь тѣни.

Въ городѣ содержитъ гарнизонъ Шотландскій полкъ, который ежедневно поднимаетъ подъ моими окнами страшную стукотню на барабанахъ, ни мало не уступающую оглушительной музыкѣ Гималайскихъ горцевъ.

Каиръ. 22 Декабря 1844 г.

Стоитъ прекрасная погода; окрестности покрыты густой зеленью, какъ у насъ въ Іюнѣ; подъ тѣнью акацій и сикоморъ можно проѣхать верстъ пять по гладкой дорогѣ, въ каретѣ, или верхомъ на ослѣ, и добраться до Чубры, Вице-Королевскаго сада, наполненнаго розами, ананасами, померанцовыми и лимонными деревьями.

Digitized by Google

Днемъ приходится прятаться отъ солнца, а ночью снимать пальто. На два часа пути отсюда находятся большія пирамиды; ихъ видно изъ моего окна; онѣ поднимаются надъ первымъ планомъ картины, образуемымъ темною лужайкою Эзбекіа (главное гулянье, на которомъ выстроены Турецкія кофейни); картина прорѣзывается голубою лентою Нила. Съ другой стороны Каира тянется печальная, сухая пустыня, усѣянная гробницами Мамелюковъ и болѣе древними и вмѣстѣ съ тѣмъ красивыми памятниками: мавзолеями Калифовъ, съ легкими, тщательно отдѣланными минаретами. Далѣе виднѣется лѣсъ, странное явленіе въ пустынѣ. Съ третьей стороны зеленѣютъ обработанныя поля, отдѣленныя и размежеванныя живыми плетнями кактусовъ и тѣнистыми аллеями акацій. Отсюда же видѣнъ священный *сикоморъ*, подъ которымъ, по туземному преданію, отдыхала Пречистая Богоматерь; видѣнъ также обелискъ, и это мѣсто называется *Гелиополисъ*. По четвертой сторонѣ идутъ аллеи различныхъ деревьевъ и обломки древнихъ стѣнъ до самаго Нила; при концѣ находится подземная часовня, въ которой, по преданію, долгое время обитало Святое Семейство. Прилежащіе кварталы населены Коптами. Собственно Каиръ, т. е. новый городъ—темный и самый странный лабиринтъ, въ которомъ толпятся выходцы Аравіи, Абиссиніи, Голубаго и Бѣлаго Нила и всѣхъ оазисовъ пустыни. Улицы очень узки и извилисты; дома, выстроенные въ старомъ Арабскомъ вкусѣ и покрытые арабесками, до того высоки, что едва пропускаютъ дневной свѣтъ на улицы, гдѣ вѣчно господствуютъ таинственныя сумерки, одѣвающія полусвѣтомъ странныя городскія толпы. Тутъ увидишь и желтокожихъ Коптовъ, всѣхъ въ черномъ, и Бедуиновъ въ какихъ-то порыжѣвшихъ отъ солнца накидкахъ, и Арабовъ изъ Мекки, напоминающихъ мумій, въ желтыхъ и красныхъ чалмахъ, и черныхъ Нубійцевъ съ правильными чертами лица, въ бѣлыхъ и синихъ одеждахъ, и Эѳіопскихъ невольниковъ съ бронзовымъ цвѣтомъ кожи, съ странной прической, совершенно похожей на прическу древнихъ царей, изображенныхъ на фрескахъ Верхняго Египта.

Digitized by Google

Ото всей толпы рѣзко отличаются суровые Варварійцы съ безпокойнымъ и мутнымъ взглядомъ, ведущіе за собою на рынокъ невольницъ, несчастныхъ дѣвушекъ, украденныхъ изъ родительскаго дома: Абиссинянокъ, Галлатокъ и Негритянокъ. Сѣрыя лохмотья едва прикрываютъ ихъ стройное, красивое тѣло; взглядъ ихъ такъ глубокъ и такъ печаленъ, что трудно дать объ немъ понятіе Европейцамъ. Бѣдняжки прошли горячія пустыни до Ассуана или Сіута, а оттуда приплыли въ Каиръ по Нилу. Половина изъ нихъ обыкновенно умираетъ въ дорогѣ отъ усталости и лишеній; а мужская половина этого людскаго стада выдерживаетъ жестокую операцію, которая губитъ двѣ трети и набиваетъ непомѣрную цѣну на остальную треть. Операціи совершаются обыкновенно въ прибрежныхъ селеніяхъ, въ окрестностяхъ Сіута и Гергеса. Цѣлыя сотни несчастныхъ осьмилѣтнихъ мальчиковъ бросаются въ яму, гдѣ ихъ увѣчатъ и зарываютъ по поясъ въ землю, до тѣхъ поръ, пока не заживетъ рана. Вся эта уличная толпа пронизывается длинною вереницей верблюдовъ, идущихъ съ товарами изъ внутренней Африки и Аравіи. Нѣсколько чиновниковъ Вице-Короля, на прекрасныхъ Арабскихъ коняхъ, давятъ кого ни попало; нѣсколько уродливыхъ евнуховъ, за которыми, верхомъ на ослахъ, слѣдуютъ замаскированныя женщины, продираются сквозь толпу. Женщины, съ ногъ до головы закутанныя въ черныя или бѣлыя покрывала, кажутся какими-то призраками; иногда передъ ними вмѣсто евнуховъ ѣдетъ на бѣломъ мулѣ, овьюченномъ краснымъ чапракомъ, *имамъ* съ бѣлой бородой, въ зеленой чалмѣ и въ бѣлой, шитой золотомъ, одеждѣ, которая называется *махла* или *абаи*. Эта процессія значитъ, что святой мужъ ведетъ свой гаремъ въ баню. Я кое-какъ пробиваюсь въ этой давкѣ на ослѣ; передо мною бѣжитъ, очищая мнѣ дорогу, шестилѣтній Арабченокъ съ палкой въ рукѣ, и кричитъ во все горло на встрѣчныхъ и поперечныхъ. Вырвавшись изъ тѣсноты, я въѣзжаю въ пустыя улицы, проѣзжаю мимо огромныхъ мечетей, сложенныхъ изъ рѣзнаго камня въ первые вѣка магометанства, и достигаю нако-

Digitized by Google

нецъ темнаго пальмоваго лѣса. Пальмы еще покрыты финиками, которые спускаются красноватыми, прозрачными гроздами. Отпускаю осла погулять, а самъ сажусь на траву, подъ тѣнь широкаго дерева, на берегу ручья. Старый садовникъ приноситъ мнѣ нѣсколько пригоршней финиковъ; другой садовникъ приноситъ мнѣ пучокъ розъ и жасминовъ: третій подноситъ глиняную бутылку свѣжей померанцевой воды, я все это принимаю и закуриваю трубку.

Канди, Цейланъ. 10 Марта 1845.

Я совсѣмъ было приготовился отправиться въ Бомбэй, и потому не смѣлъ отлучиться изъ Коломбо; но такъ какъ всѣ на свѣтѣ стали увѣрять меня, что прежде мѣсяца или шести недѣль не подойдетъ ни одного парохода, и что мнѣ очень можно погулять по высотамъ Цейлана и быть увѣдомленнымъ во время о приходѣ парохода, я повѣрилъ на слово, и, подгоняемый страшной Коломбской жарою, отправился на гору *Ніура-Эмгія*. Только успѣлъ я на нее взобраться, какъ къ Коломбо присталъ пароходъ и въ ту же минуту отправился въ Бомбэй: мнѣ осталось только пожелать ему съ вершины моей горы счастливаго пути.

Чтобы какъ-нибудь размыкать мое горе, я тотчасъ же спустился внизъ, прибылъ въ Канди и засталъ все Англійское общество наготовѣ отправиться верстъ за пятьдесятъ, въ лѣса *Карнигала*, на ловлю слоновъ. Англичане подманили и меня: сѣлъ я на лошадь и, послѣ утомительныхъ переѣздовъ и многодневнаго проживанія въ наскоро-устроенныхъ шалашахъ, посреди невыносимой духоты тропическаго лѣса, сплошнаго какъ стѣна, увидалъ наконецъ, или правильнѣе сказать — услыхалъ стадо дикихъ слоновъ, окруженное и гонимое цѣлой тысячью Чингаловъ. Вооруженные факелами и копьями, Чингалы гнали слоновъ къ нарочно-устроенной на сей конецъ загородѣ, подлѣ которой для меня и Англичанъ повѣсили на толстомъ-претолстомъ деревѣ, что-то въ родѣ клѣтки. Шелестъ листьевъ, трескъ вѣтвей

Digitized by Google

и побѣдные крики Чингаловъ возвѣстили мнѣ рѣшительную минуту. На другой день утромъ я опять забрался въ мою бамбуковую клѣтку и увидалъ штукъ сорокъ слоновъ, загнанныхъ въ загороду и сбившихся въ кучу: въ числѣ старыхъ, огромныхъ слоновъ были три маленькіе слоненка, которые жались къ слонихамъ. Самые отважные изъ Чингаловъ въѣхали въ загороду, по туземному *краль*, на четырехъ одомашненныхъ слонахъ, и начали пугать дикихъ слоновъ грозными криками. Имъ удалось отбить отъ стада одного слона, накинуть ему на ногу арканъ и привязать къ толстому дереву. Тутъ и началась потѣха: бѣднякъ дѣлалъ неимовѣрныя и пресмѣшныя усилія и ревѣлъ во все горло; его сотоварищи приблизились было къ нему съ намѣреніемъ освободить, но Чингалы и ручные слоны отразили ихъ нападеніе, одни — криками и копьями, а другіе клыками. Связаннаго плѣнника потащили съ торжествомъ, и всю дорогу четверня домашнихъ слоновъ подгоняла его хоботами и клыками.

Наконецъ духота этого влажнаго лѣса начала мнѣ надоѣдать, и я отправился въ Канди. Полагаю, что пройдетъ довольно времени, пока переловятъ и перевяжутъ остальныхъ. Впрочемъ, если бы у меня было побольше досуга и терпѣнія, я бы еще немножко пробылъ въ *краль*, потому что эта слоновая охота очень занимательна. Притомъ еще одна бѣда: на низменныхъ частяхъ Цейлана, покрытыхъ мощной растительностью, постоянно свирѣпствуетъ лихорадка, тѣмъ болѣе, что въ гущѣ лѣсовъ спертый воздухъ всегда наполненъ вредными испареніями отъ гніющихъ деревьевъ. *Краль* — квадратное пространство въ четверть версты, обнесенное крѣпкимъ частоколомъ изъ чернаго и другихъ деревьевъ. Какъ только загнали дикихъ слоновъ, весь *краль* былъ окруженъ копьями, факелами и огромными кострами: иначе слоны выворотили бы весь частоколъ. Но едва собирались они дѣлать нападеніе, какъ тотчасъ же обращались въ постыдное бѣгство, запуганные огнемъ, страшными криками и длинными бѣлыми копьями.

Digitized by Google

Я прибылъ въ Канди и попалъ какъ разъ на религіозное торжество: изъ-подъ золотыхъ колпаковъ и парчевыхъ покрововъ вынимали и показывали Сіамскимъ бонзамъ святыню Буддизма — зубъ самого Будды, черный, полусгнившій и крючковатый. Лордъ Э...., съ которымъ я стоялъ подлѣ самаго жертвенника пагоды, хотѣлъ было разсмотрѣть поближе священный зубъ и протянулъ руку къ золотой коробочкѣ, въ которой находилась эта святыня, однако Чингальскіе и Сіамскіе бонзы пришли въ неописанный ужасъ. Буддисты очень снисходительны, но поступокъ Лорда Э.... былъ уже изъ рукъ вонъ. Бонзы тотчасъ же схватили коробочку и умѣстили ее на священный цвѣтокъ лотоса, вылитый изъ золота: такимъ образомъ можно было и видѣть зубъ, и поклоняться ему.

Завтра я отправляюсь въ Коломбо на берегъ моря, и поймаю на лету первый корабль, отплывающій въ Бомбэй. Пароходъ я пропустилъ и долженъ поплатиться за это несноснымъ двадцати-дневнымъ переѣздомъ, а на пароходѣ я доѣхалъ бы дней въ шесть. Недавно съ Франциском ъ былъ сильный ударъ, вѣроятно приключившійся отъ страшной духоты, отъ сангвиническаго сложенія, а болѣе всего отъ недостатка движенья. Впрочемъ въ Коломбо всякое тѣлесное упражненіе позволительно только ночью, а Франциску должно быть не хотѣлось бѣгать по ночамъ, и вотъ онъ чуть было и не умеръ, но къ счастью, ему во время успѣли пустить кровь, накормили нѣсколькими пріемами какого-то вновь изобрѣтеннаго масла, называемаго «*cruten*,» и поставили на ноги. Дай Богъ, чтобы онъ этимъ отдѣлался.

Коломбо. 11 Марта.

Я пріѣхалъ сюда въ дилижансѣ и сдѣлалъ сто верстъ въ нѣсколько часовъ. Мнѣ сказали, что дня черезъ три отправится отсюда въ Бомбэй корабль и въ дорогѣ пробудетъ дней двадцать. Дѣлать было нечего, и я утѣшился тѣмъ,

Digitized by Google

что корабль идетъ изъ Новой Голландіи, страны довольно холодной, и стало быть въ немъ не такъ много *кокроаковъ*.*

12 Марта.

Навелъ справки и оказалось, что — къ крайнему моему горю — корабль не отходитъ въ Бомбэй. Теперь я просто сѣлъ на мель и, какъ говорятъ Французы, *le bec dans l'eau.*

31 Марта.

Благодаря моимъ распоряженіямъ, хотя и неизбѣжнымъ, я все еще отъ тебя не имѣю никакого извѣстія. За то есть одна утѣшительная новость: сегодня наконецъ отходитъ маленькій пароходъ въ Бомбэй. Не ожидалъ я этого счастія и рѣшился было сѣсть на какой-то плохой корабль, который, по словамъ самого капитана, проплыветъ цѣлый мѣсяцъ и обладаетъ значительнымъ количествомъ *кокроаковъ*. Мой маленькій пароходъ пробудетъ въ дорогѣ не болѣе осьми дней, по прошествіи которыхъ, я, безъ всякаго сомнѣнія, получу твои письма и деньги.

Гайдрабадъ, столица Низама.

2 Іюля 1845.

Вчера я ходилъ съ полковникомъ Макдональдомъ осматривать потаенные сады Низама. При входѣ намъ отдалъ честь рядъ молодыхъ солдатъ въ красныхъ мундирахъ, подъ звуки барабановъ и флейтъ. Необычайная молодость и нѣжныя лица солдатъ обратили на себя мое вниманіе. Вообрази же мое удивленіе, когда я узналъ, что это — женщины: набранъ цѣлый полкъ амазонокъ и этому полку включительно продоставлено охраненіе гарема Раджи. Съ удвоеннымъ любопытствомъ оглядѣлъ я этотъ взводъ Орлеанскихъ дѣвственницъ. На нихъ были красные кивера съ золотыми галунами

---

* Я жестоко ошибся: въ дорогѣ этотъ корабль пробылъ цѣлыхъ шестьдесятъ дней, а *кокроаковъ* на немъ были милліоны.

Digitized by Google

и съ зеленымъ султаномъ; изъ-подъ киверовъ виднѣлись чудныя, черныя косы, свернутыя въ бантъ, и желтоватыя, правильныя личики, нѣсколько приплюснутыя и обличавшія Монгольское племя. Стройный ихъ станъ рисовался подъ краснымъ мундиромъ, перекрещенный на груди бѣлою портупеей; панталоны на дѣвушкахъ-солдатахъ были зеленые, а на голыхъ ихъ ножкахъ были надѣты шитыя туфли, которыя онѣ обыкновенно скидаютъ въ комнатахъ. Вооружены онѣ были ружьями со штыками. Если бы не косы и замѣтно-развитая грудь, ихъ всякій принялъ бы за очень молодыхъ солдатъ. Я выпросилъ у перваго Низамскаго министра позволеніе срисовать этихъ амазонокъ, и министръ былъ такъ обязателенъ, что пригналъ ихъ дюжины съ двѣ на одинъ изъ многочисленныхъ дворовъ своего обширнаго дворца. Тамъ онѣ сначала исполнили кругомъ фонтана нѣсколько маневровъ, а потомъ я срисовалъ ихъ наскоро, но очень вѣрно: даже лица вышли похожи. Министръ простеръ свою любезность до того, что повелѣлъ предстать предъ мои свѣтлыя очи всѣмъ мусульманскимъ и Индійскимъ плясуньямъ, всѣмъ наемнымъ солдатамъ-Арабамъ, и позволилъ мнѣ срисовывать этотъ народъ, сколько было душѣ угодно. Живу я въ великолѣпномъ дворцѣ Резидента, Генерала Фразера.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1850.

№ 12. Іюнь. Кн. 2.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОЭЗІЯ И ПРОЗА ЖИЗНИ.

ДНЕВНИКЪ ДѢВУШКИ.

ГЛАВА V.

ПРОБУЖДЕНЬЕ СЕРДЦА.

Digitized by Google

Charmes de l'amour.... qui pourrait vous peindre?.... Cette persuasion, que nous avons trouvé l'être que la nature prédestinait pour nous; ce jour subit, répandu sur la vie, et qui nous semble en expliquer les mystères; cette valeur inconnue, attachée aux moindres circonstances, ces heures rapides, dont tous les détails échappent au souvenir par leur douceur même, et qui ne laissent dans notre âme qu'une longue trace de bonheur; cette gaité folâtre, qui se mêle quelquefois à un attendrissement habituel; tant de plaisir dans la présence, et dans l'absence tant d'espoir; ce détachement de tous les soins vulgaires, cette supériorité sur tout ce qui nous entoure, cette certitude que désormais le monde ne peut nous atteindre où nous vivons; cette intelligence qui devine chaque pensée, et qui répond à chaque émotion.... charmes de l'amour, qui vous éprouve ne saurait vous atteindre!!....

(*Adolphe, par Benjamin Constant.*)

Digitized by Google

I.

«Ты лишь вошелъ, я вмигъ узнала,....
«Вся обомлѣла, запылала,
«И сердцемъ молвила: вотъ онъ!....

(*Письмо Татьяны.*)

1-е Января, 18....

Есть въ жизни дни, минуты роковыя....
Всё въ нихъ идетъ не чередой обычной,
Но страннымъ, сверхъ-естественнымъ порядкомъ;
Мы сами, будто подъ вліяньемъ рока,
Внушеніямъ должны повиноваться,
Предчувствіемъ увлечены, и грезимъ
Волнующія грезы на яву.
Какъ будто *не случается* тогда,
А все *сбывается* для насъ и съ нами....

Вчера, чтобъ проводить годъ минувшій,
И весело годъ новый встрѣтить, — мнѣ
У Мѣховскихъ былъ приготовленъ праздникъ:
На званый вечеръ собрали они
Моихъ ровесницъ нѣсколько — дѣвицъ
Еще не свѣтскихъ, — и родню Елены,
Кузинъ, племянницъ, тетушекъ.... (Кому
Богъ не далъ племени, когда справлять
Придется имянины или праздникъ?....)
И хоть неловко мнѣ и дико было,
Сначала, межъ чужихъ и незнакомыхъ,
Однако, скоро общій говоръ, смѣхъ
И болтовня, мнѣ голову вскружили,
И весело мнѣ стало.... Безъ тревоги,
Но радостью мнѣ новой сердце билось,
И было мнѣ покойно, хорошо,
Легко....

Digitized by Google

А между тѣмъ, часы летѣли....
Затѣями Елена оживляла
Весь вечеръ. Прочитавши громко намъ
Жуковскаго прелестную Свѣтлану,
Она осуществить хотѣла игры
Народной старины и русскихъ святокъ:
Возобновить дѣвическихъ гаданій
Забытый, но плѣнительный обрядъ.
Вотъ принесли пугливую насѣдку,
И передъ ней, среди зеркальной залы,
Всѣ, сколько насъ ни было, мы сложили
По кучкѣ крупъ, и каждая тайкомъ, —
Задумавши о чемъ нибудь желанномъ, —
Вопросъ урочный свой судьбѣ шепнула.
Мнѣ, не о чемъ, и нечего спросить
Мнѣ было, бѣдной! — *ждать*...., *желать*...., *таить*....
Все это мнѣ невнятно, недоступно!....
Пшеничный дождь межъ рукъ моихъ струился,
А мысль моя нѣмѣла.... Но потомъ
Мы приступили къ новой ворожбѣ:
Китайская фарфоровая ваза
Явилась на столѣ, — и, какъ въ балладѣ,
«*Въ чашу съ чистою водой*
«*Клали перстень золотой*
«*Серьги изумрудны;*
«*Разстилали бѣлый платъ*,
«*И надъ чашей пѣли въ ладъ*
«*Пѣсенки подблюдны.*»

Такъ и у насъ: посыпался кольцы
Съ лилейныхъ ручекъ, съ рукъ закрытыхъ крѣпко
Перчаткой щегольской.... Но пѣсни пѣть
Мы, дочери взыскательнаго вѣка,
Питомицы гостиныхъ, не могли,
И позвали кормилицу изъ дѣтской,
Да горничныхъ изъ дѣвичей. Онѣ
Поочередно намъ изъ старой книги
Всѣ святочныя пѣсни пѣли хоромъ,
Не стройнымъ, но веселымъ, вынимая
Изъ вазы по кольцу, какъ попадалось,

Digitized by Google

И на удачу. — Лишь рука моя
Была безъ всякихъ колецъ. Но Елена
Замѣтила — и приказала Нинѣ
(Своей малюткѣ-дочери) скорѣй
Съ уборнаго стола ея мнѣ перстень
Какой нибудь достать. — Дитя со смѣхомъ
Отправилось — со смѣхомъ возвратилось,
И бросило посиѣшно мой залогъ
Къ другимъ залогамъ.... Жребій до меня
Коснулся наконецъ, — не помню словъ
Мнѣ выпавшей на долю вѣщей пѣсни,
Но только, — мнѣ они сулили *свадьбу*,
И *жениха*! — Елена хохотала,
А я краснѣла.... Маленькая Нина
Взяла кольцо отъ дѣвушекъ. — Его
Увидѣла Елена.... крикъ невольный
И изумленный вырвался. Напрасно
Отъ дочери она хотѣла знать,
Какъ въ руки ей и на глаза попалось
Завѣтное, запретное кольцо,
Хранимое въ шкатулкѣ сокровенной,
И подъ замкомъ? Малютка увѣряла,
Что на столѣ взяла его въ потьмахъ.
А мать ея не вѣрила, дивилась,
Сомнительно качала головой,
И на меня смотрѣла долгимъ взоромъ,
Таинственно и странно — я смутилась,
Я добрую Елену умоляла
Не мучить душу мнѣ недоумѣньемъ....
И вотъ — я узнаю, что перстень тотъ
Принадлежитъ не ей самой, а брату
Ея — и подаренъ когда то былъ
Обманчиво-блистательнымъ залогомъ
Обманчивой любви.... съ тѣхъ поръ, у ней
Хранится этотъ даръ разувѣренья, —
Измѣной осквернённый талисманъ....
Ключь отъ него не покидалъ Елены:
Непостижимъ, невѣроятенъ случай,
Открывшій вдругъ нечаянно его,
И впутавшій его въ гаданья наши.

Digitized by Google

И я дивилась, молча.... Что судьбѣ
Вдругъ вздумалось играть со мной, пугать,
И возмущать меня чудесной тайной?....

Межъ тѣмъ, трехцвѣтный воскъ былъ принесенъ,
Сплетенъ въ кресты, растопленъ надъ огнемъ,
Подъ шепотомъ волшебныхъ заклинаній;
И каждый изъ гадающихъ потомъ,
Спокойною, иль трепетной рукою,
Смотря по лѣтамъ, иль по ожиданьямъ,
Въ блестящій снѣгъ поспѣшно выливалъ
Кипящій и шумящій воскъ.... И странно,
И прихотливо тамъ онъ остывалъ,
Узорами, фигурами, безъ счета.
И вотъ, одна изъ тетушекъ Елены,
Большая въ этомъ дѣлѣ мастерица, —
Надѣвъ очки, брала и подносила
Къ стѣнѣ на тѣнь всѣ слитки, разбирая,
Толкуя и показывая намъ
То очерки капризныхъ силуетовъ,
То ихъ значеніе и смыслъ.... Отъ ней
Узнали мы кому и что пророчилъ
Таинственно-неясный образъ ихъ:
Дорогу ли?.... богатство ли?.... вѣнецъ,
Иль ранній гробъ и скорбную утрату?
И слушательницъ глаза и лица
То оживлялись радостью стыдливой,
То грустно потухали, получивъ
Свой приговоръ, счастливый иль печальный. —
Я подошла съ своимъ нестройнымъ слиткомъ,
И съ сердцемъ безмятежнымъ: — Боже мой!
Я узнаю, что вылился мнѣ всадникъ, —
На гордомъ скакунѣ — въ плащѣ военномъ
Съ разметаннымъ султаномъ надъ челомъ....

И наконецъ, съ колодой картъ въ рукѣ,
Ворожея явилася межъ нами.
Я не хотѣла спрашивать ее, —
Но какъ-то невзначай уговорили
Меня другія — и примѣръ увлекъ:
Я тоже подошла: оракулъ мнѣ

Digitized by Google

Предвозвѣстилъ желаній исполненье,
И гостя, мною жданнаго, возвратъ.
Я тщетно увѣряла, что желать
Мнѣ нечего, и не кого мнѣ ждать,...
Никто не вѣрилъ мнѣ! Сама Елена
Лукаво улыбалась, говорила
Три пророчанья мнѣ, всѣ три примѣты,
Которыя единогласно мнѣ
Сулили тоже самое.

И что жъ?
Я начала бояться и робѣть,
И вспомнилось мнѣ тотчасъ про *Макбета*,
Гадавшаго безумно.... Надо мной,
Какъ надъ Кодорскимъ Таноиъ, раздавался
Или мечтался мнѣ зловѣщій голосъ,
Онъ говорилъ: «Не вызывай судьбы!» —

И кончились гаданья, игры, смѣхи.
За ужинъ сѣли. — Полночь приближалась,
И всѣ за ходомъ стрѣлки часовой
Внимательно слѣдили, — ожидали
Завѣтный, первый бой, — чтобъ встрѣтить шумно,
Торжественно и весело минуту,
Которая, какъ рѣзкая черта,
Такъ быстро отдѣляетъ годъ отъ года,
Что незамѣтенъ общій переходъ
Отъ прожитаго къ будущему. — Вотъ
Забилъ и загудѣлъ завѣтный звонъ, —
И подали шампанское. — Всѣ встали;
Всѣ обнимать пошли родныхъ и ближнихъ,
Отцевъ и матерей.... А я осталась,
Недвижна на своемъ недвижномъ мѣстѣ....
И ужъ сравненье въ душу мнѣ тѣснилось
Тяжелой мыслью.... ужъ слеза дрожала
На трепетной рѣсницѣ — но, внезапно,
Тревогой общей мой увлекся умъ. —
Раздался въ домѣ шумъ: бѣгутъ, кричатъ,
Все суетится, — входитъ гость, пріѣзжій...
Хоть нежданный, — встрѣчаемый съ восторгомъ,

Digitized by Google

И вотъ ужъ онъ Елену обнимаетъ, —
И вотъ она съ улыбкой и въ слезахъ,
На шеѣ у него.... «Владимиръ! братъ!»
Она вскричала съ радостнымъ испугомъ, —
И снова начались обниманья,
Разспросы, клики.... Послѣ обошелъ
Онъ тетушекъ, кузинъ, друзей домашнихъ....
Мнѣ стало такъ неловко.... я одна
Была ему чужая, я хотѣла
Незримо ускользнуть, — уйти, уѣхать
Черезъ столовую, съ Еленой не простясь, —
Но въ тотъ же самый мигъ передо мной
Елена вмѣстѣ съ братомъ очутилась,
И стала насъ знакомить.... Не нашла
Ни слова я въ отвѣтъ его привѣтамъ, —
Взглянуть едва рѣшилась на него,
И вдругъ, я вижу, онъ, остолбенѣвъ,
Глядитъ мнѣ на руку, смущеннымъ взоромъ ..
Тутъ, потерялась я! — я поняла,
Что онъ *свое* кольцо на мнѣ узналъ; —
Какъ воръ краснѣла я; до дурноты
Кружилась голова моя....
Потомъ
Не помню я, не видѣла, что было,
Какъ кончился чудесный этотъ вечеръ, —
Какъ разошлись, какъ отвезли меня!
Я дома, — я одна! Спать не могу, —
И будто въ лихорадкѣ, все дрожу я....

II.

Who fears, — must deeply feel!....
Lady Stuart-Wortley

5-е Января 18....

Елена ждетъ меня къ обѣду.... Не поѣду!
Боюсь я встрѣтить новое лицо,
Увидѣть незнакомаго. — Не ловко
Мнѣ между братомъ и сестрой вмѣшаться, —

Digitized by Google

Ихъ и себя связать молчаньемъ, скукой
И принужденьемъ.... Нѣтъ! пускай они
Насмотрятся себѣ, наговорятся,
Вновь обживутся вмѣстѣ, — и тогда
Я появлюсь, безъ страха быть докучной!....
И что теперь во мнѣ Еленѣ милой
И счастливой?.... При ней ея Владимиръ,
Ея кумиръ.... Моя же дружба ей,
Смиренная и дѣтская, зачѣмъ?....
Я чувствую, что наши отношенья
Пріѣзжій братъ измѣнитъ.... Боже мой!
Мнѣ кажется — завидно стало мнѣ,
Что не меня одну Елена любитъ,
Что въ ихъ союзѣ кровномъ я чужая....
Мнѣ кажется Елену я ревную!
Ревную къ брату?....
Нѣтъ! глупа, больна,
Капризна я, и только! я боюсь
Съ Владимиромъ знакомиться, встрѣчаться,
Я знаю напередъ, что для него
И слишкомъ молода я, и ничтожна,
Что онъ уменъ, и важенъ, и угрюмъ,
Что, передъ нимъ, я вѣрно оробѣю,
И вотъ зачѣмъ я ѣхать не хочу,
Я не поѣду!....

III.

Je n'ai pu lui parler.... j'agissais dans la fièvre,
Mon ame à chaque mot arrivait sur ma lèvre....
Alfred de Musset: A quoi revent les jeunes filles.

8-го Января 18....

Принудили меня къ свиданью съ нимъ,
Съ пріѣзжимъ этимъ.... Увезли меня
Насильно, безъ огляд ки.... Были гости
У Мѣховскихъ; — шелъ общій разговоръ
Про важныя дѣла, — науки, книги,
Политику; меня не замѣчали:

Digitized by Google

По счастью! Притаясь, могла я слушать,
И наблюдать. Владиміръ говоритъ,
Какъ пишутъ прочіе — краснорѣчиво,
Свободно, сильно, ясно, — но безъ страсти
И безъ восторга. Видно, онъ читалъ
И думалъ очень много, и привыкъ
Всегда лишь только думать.... *Не такимъ*
Себѣ его я представлять любила.
И не похожъ нисколько онъ на образъ,
Который, какъ-то чудно, самъ собой,
Въ умѣ моемъ нарисовался прежде
Подъ именемъ его. — Онъ такъ великъ,
Онъ такъ высокъ, что я его не вижу,
Когда стоимъ мы оба. Не хорошъ
И не красивъ онъ, — блѣдное лицо
Подернуто не думой вдохновенной,
А скукой вялою; глаза погашены,
Какъ плама догорѣлое, — лишь голосъ
И выговоръ его полны и жизни,
И выраженья томнаго — какъ будто
Отъ музыки замолкшей слышно въ нихъ
Тревожное и сладостное эхо!
И, слушая его издалека,
Мнѣ точно плакать и смѣяться вмѣстѣ
Хотѣлось, отъ избытка чувствъ смятенныхъ.
Елена насъ знакомила, — но тщетно!
Мнѣ страшно съ нимъ, теряюсь и молчу;
А *онъ*, — онъ на меня конечно смотритъ,
Какъ на ребенка глупаго: ему
И скучно, и неловко предо мною,
Мы оба лишь молчали....

О мечта!

Такъ что жъ ты мнѣ, коварная, сулила?....
Зачѣмъ же я ждала, какъ откровенья,
Чего-то лучшаго, чего-то выше
Явленія неполнаго, въ комъ умъ
Не узнаетъ, и сердце не признаетъ
Ласкаемый заранѣ идеалъ?....

Digitized by Google

IV.

Le temps, pour consoler l'homme qui souffre et pleure,
Au sable qui s'écoule et nous mesure l'heure,
Mêle parfois quelques grains d'or.

(*Amis Ségalas.*)

10-е Февраля 18....

Настали дни всеобщаго волненья,
Шумъ масляницы новой начался,
И чѣмъ-то праздничнымъ самъ воздухъ полнъ!....
Какъ праздники несносны, нестерпимы,....
Тому, кто въ нихъ участья не беретъ!
Разстроена жизнь мирная моя,
И въ эти дни, — когда и свѣтъ и городъ
Безумною тревогою веселья
Упоены, — когда вокругъ меня,
Вблизи, вдали, на улицахъ, въ гостиныхъ
Все шумно, все спѣшитъ за наслажденьемъ,
Все гонится, волнуясь, — въ эти дни,
Я вдвое одинока, я одна!!
У Столбиныхъ не домъ — а кутерьма!
Пріемъ, обѣды, выѣзды и балы,
И маскарады всѣхъ ихъ поглотили.
Княжна еще худѣетъ — быть должно
Отъ устали и хлопотъ напряженныхъ,
Чтобъ нравиться нарядами своими,
Когда не красотой, давнымъ давно,
Зачисленной въ *безсрочный отпускъ*
(О ней, на дняхъ, за что-то разсердившись,
Такъ выразилась шопотомъ Алина,
При молодой княгинѣ — и съ тѣхъ поръ
Весь домъ твердитъ удачную насмѣшку.)
Княгиня карты бросила, забыла
Браниться и ворчать. — Княгиня Софья
Спитъ цѣлый день, чтобъ къ вечеру ожить,
И, бабочкой блестящею и свѣжей,
Вдругъ выпорхнуть, и прямо изъ уборной

Digitized by Google

На балъ умчаться. — Сестры, безъ уроковъ,
И безъ учителей, рѣзвятся въ залахъ,
Съ утра играть и бѣгать отправлялись.
Madame-Duprè, къ обѣднѣ завернувъ,
Къ знакомымъ на весь день изволитъ чинно
Въ пестрѣйшей шали, въ блондовомъ чепцѣ
Переселяться.... Даже безъ ключей
Матрена Львовна бродитъ, запыхавшись,
И забываетъ чай намъ отпускать, —
И некогда болтать ей — и безъ сказокъ
Она уже встрѣчается со мной. —
У Мѣховскихъ — все гости, — все обѣды,
По вечерамъ Елены дома нѣтъ.
Не видимся почти мы. Ахъ! какъ скучно!....

Вчера, однако, вспомнилося ей
О бѣдной Зинѣ, грустной и безродной, —
Она за мной прислала. Мы болтали,
И я повеселѣла! — Но она
Была звана на чей-то балъ огромный,
И вотъ, почти въ тотъ часъ, когда ложимся
Въ другіе дни, — она пошла рядиться
И я за ней! Coiffeur ужъ ожидалъ, —
И мнѣ пришлося, новой Сандрильонѣ,
Какъ нѣкогда золушкѣ той смиренной,
Смотрѣть изъ за угла на эти сборы
Красавицы на торжество. Но въ сказкѣ
Смиренница награждена была
Волшебницей за долгое терпѣнье; —
А въ наше время, — нѣтъ заступницъ-фей,
Нѣтъ крестныхъ маменекъ, съ жезломъ всевластнымъ,
И съ тыквами-каретами!.... И фен
Блаженной памяти, лишь понапрасну
Манятъ и дразнятъ легковѣрный умъ,
Не исполняя прихоти дѣвичей!
И такъ, глядѣла я, какъ наряжалась
Моя Елена, — какъ къ лицу ей былъ
Румянецъ удовольствія живаго, —
Какъ радостно она приготовлялась

Digitized by Google

Къ веселіямъ запретнымъ для меня!
Я видѣла и кружева, и дымки,
И розовый вѣнокъ, — и волны лентъ
Прозрачно-шелковистыхъ — и брильянты,
И чудный блескъ каменьевъ дорогихъ,
И все, что тѣшитъ взоръ счастливицъ свѣтскихъ,
Что щеголихъ, и краше и милѣе,
Поклонамъ и успѣхамъ выставляетъ,
И, малодушной — больно стало мнѣ!
Не зависть, — нѣтъ! опять, опять сравненье
Моей судьбы и доли съ долей лучшей
Смутило душу мнѣ! Хотѣла я
Скрыть слабости минутной наважденье,
Не удалось! Тоска меня душила
Предательски мнѣ слезы измѣнили!....
Я вышла изъ уборной раздушенной
Въ Еленинъ кабинетъ....

Тутъ былъ Владиміръ....

Онъ подошелъ, онъ увидалъ меня;
Въ заплаканныхъ глазахъ моихъ, конечно,
Прочелъ онъ тайну дѣтскую.... Какъ стыдно,
Какъ горько было мнѣ! какъ я боялась,
Что станетъ онъ смѣяться надо мной,
Съ двойнымъ немилосердіемъ мужчины
И нелюдима! Важный видъ его
И блѣдное лице, и долгій взоръ,
И ростъ высокій, безъ того, смущаютъ
Меня невыразимо.

Нѣтъ! напрасно!

Владиміръ былъ участья полнъ, — и мнѣ,
Отъ голоса отраднаго, отъ рѣчи
Его разумной, вдругъ легко и мирно
На сердцѣ стало. Онъ, онъ, безъ распросовъ,
Самъ угадалъ причину слезъ моихъ,
И спасъ мнѣ стыдъ признаться въ дѣтскомъ горѣ.
Онъ понялъ блажь неопытной мечты,
Порывъ моихъ желаній любопытныхъ;
Онъ снисходилъ къ припадку суеты,

Digitized by Google

И въ будущемъ сулилъ мнѣ утѣшенье,
Всѣ чары свѣта, блескъ и шумъ его,
И то, что онъ *успѣхомъ* называлъ....
(Какой успѣхъ?.... что значитъ это слово?
И въ чемъ мнѣ *успѣвать*, когда ни цѣли,
Ни притязаній нѣтъ въ моихъ мечтахъ,
Просящихъ только радости и жизни?....)
Онъ говорилъ еще, — а я краснѣла —
Что будто хороша я и умна....
Онъ въ первый разъ, казалось, удостоилъ
Меня своимъ осмотромъ.... Наконецъ
Дичиться перестала я его,
Разговорилась съ нимъ — хотѣлось мнѣ,
Въ глазахъ его, быть чѣмъ-нибудь другимъ,
Чѣмъ жалкою, безумною вертушкой,
И показать, что мнѣ доступно въ жизни
Иное назначенье. — Скоро я
Забыла совершенно, что на свѣтѣ
Есть балы, праздники, увеселенья, —
Я слушала его.... я отвѣчала....
Куда дѣвались страхъ, неловкость, робость?....
И вдругъ, когда Елена къ намъ вошла,
Готовая, блестящая, — когда
Мнѣ должно было бросить разговоръ,
Чтобъ съ нею ѣхать до дома, — я встала,
Я распростилась съ нимъ — и лишь тогда
Мнѣ вспомнилось, съ какой свободой странной
И безотчетной, рѣчь и мысль моя
Вдругъ вылились предъ нимъ — предъ человѣкомъ
Столь важнымъ и степеннымъ, — столь мнѣ страшнымъ
До той поры.... Не вѣрилося мнѣ,
Что сблизилась я вдругъ, почти невольно
Съ Владимиромъ.... съ тѣмъ самымъ, кто мнѣ былъ
Достоинства и мысли воплощеньемъ, —
Съ тѣмъ самымъ, кто пугалъ меня, кому
Дивилась я въ почтеніи глубокомъ, —
Кому за осемь дней, — за часъ еще,
Я вымолвить полслова не рѣшалась....
Но онъ такъ добръ! Зачѣмъ его бояться?

Digitized by Google

V.

O gioja, che si sente, a non si dice!

(*Lucia*)

10-го Февраля 18....

Владиміръ захотѣлъ меня утѣшить
Отъ заключенья долгаго: — сестрѣ
Привезъ онъ неожиданно билетъ
На ложу въ утренній спектакль, съ условьемъ,
Что и меня возьмутъ они съ собой.
Согласіе Княгини, и — что было
Сто разъ трудней! — согласіе Княжны
Испрошено: заѣхали за мною,
И скоро мы всѣ трое помѣстились
Въ просторной ложѣ... Мнѣ, отъ непривычки,
И прямо со свѣта дневнаго, было
Сначала такъ темно, — что ничего
Ни разглядѣть, ни различить, ни въ залѣ,
Ни на театрѣ, мнѣ не удавалось.
(А солнце, какъ нарочно, въ этотъ день
Проснулось въ добромъ духѣ, и безъ сплина,
Что рѣдко съ нимъ бываетъ въ Петербургѣ!)
Потомъ, мой взоръ блуждалъ по модными ложамъ
И по рядамъ тѣхъ креселъ, гдѣ спѣсиво,
Лѣниво и небрежно помѣщался
Весь знатный кругъ, все барство. Я хотѣла
Хоть вскользь увидѣть общество и свѣтъ.
Но я вотще искала, — не встрѣчались
Мнѣ типы думъ моихъ, — мелькали шляпки,
Уборы вкуса строгаго, — внизу
Мундиры, ордена, кресты, — но лица
Безличностью одною отличались.
На сценѣ шелъ балетъ. Прекрасны танцы,
Когда они, какъ будто выраженье
Изящества, поэзіи и силы,
И жизни молодой, въ прелестной формѣ
Красавицы воздушной.... Подъ аккордъ

Digitized by Google

Гармоніи, въ тревожномъ увлеченьи,
И вся порывъ, и вся огонь и мощь,
Пусть легкая танцовщица стремится,
Преслѣдуетъ, кружится и бѣжитъ,
Пусть вдругъ она, прикованная, станетъ
Ловка, и живописна, и томна.
И весело, и мило на нее
Тогда глядѣть и любоваться ею.
Раздолье взорамъ въ ней, осуществленье
Взыскательной художника мечты! —
Но, мимикой отчаянной, въ каданс
Размашисто и быстро выражать
Нельзя страстей: ихъ тайнаго волненья
Ихъ цѣли, ихъ движенья, ихъ борьбы!
Смѣшно и дико намъ, когда, бѣснуясь,
Нѣмыя группы силятся, подъ звукъ
Гудящаго оркестра, передать
Намъ жизнь и драму жизни. — Что балетъ,
Какъ не собранье куколъ на пружинахъ?....

За то, — мотивы музыки меня
Невѣдомой отрадой услаждаютъ.
То страстны, — то мучительно томны,
То нѣжны и легки, какъ мысль младенца,
Мелодіи звучали — я терялась
Въ тревожномъ упоеньи, — я мечтала. —
О чемъ? — не знаю!.... я постигла рай
Въ минуту благодати безотчетной....
Упавши въ кресла мягкія, сидѣла
Безъ словъ и безъ дыханья. — Владимиръ,
Облокотясь на ручку моихъ креселъ,
Слѣдилъ за впечатлѣньями моими....
Смѣялся онъ, быть можетъ!.... Но меня
Насмѣшкою онъ не смущалъ: напротивъ,
Онъ будто радъ былъ за меня, — съ участьемъ,
Какъ добрый братъ, онъ занимался мной.

Мнѣ кажется, любить я страстно буду
Театръ и наслажденія его!....

Digitized by Google

VI.

There was a time, when bliss
Shone o'er my heart from every look of his, —
When but to see him, hear him, breathe the air,
In which he dwellt was my soul's fondest prayer.

(*Thomas Moore, Lalla-Rook*)

17-е Февраля 18....

Вчера меня у Мѣховскихъ спросили
Давно ли я къ миссъ Гарвей не писала?....
И совѣстно признаться было мнѣ,
Что ужъ недѣли двѣ ни пол-строки
Не удалось, не довелось набросить,
Что мой дневникъ все пишется, растетъ, —
Но ей не отсылается давно....
А почему?.... вопросъ такой доселѣ
И мнѣ самой еще не представлялся,
Но, впрочемъ, я теперь уже давно
Ни мыслей грустныхъ, ни глубокихъ думъ
Въ своей душѣ не подмѣчала.... Мирно
И безъ заботъ живется мнѣ покуда,
Зачѣмъ когда все весело и ладно
Клеится на яву — зачѣмъ мечтать,
Страдать и уноситься безъ причины
Въ туманный міръ безплодныхъ сновидѣній?
По прежнему, я часто у Елены;
Великій постъ ее мнѣ возвратилъ!
Катаюсь съ ней, гуляю; мы поемъ,
Бесѣдуемъ, читаемъ — все какъ прежде,
Да только съ нами третій, — братъ ея
И онъ не лишній! нѣтъ! съ его умомъ,
Съ его радушнымъ нравомъ, какъ бы намъ
Онъ помѣшалъ?.... Теперь я свыклась съ нимъ,
И тайно насмѣхаюсь надъ собою,
Надъ робостью своею неумѣстной.

Digitized by Google

Владимиръ мнѣ сталъ точно братъ родной,
Любимый, уважаемый.... Онъ самъ
Повеселѣлъ; всѣ это замѣчаютъ,
Всѣ рады!.... Онъ теперь почти забылъ
Превыспренніе толки о наукахъ,
Политикѣ, исторіи. — Онъ шутитъ, —
Онъ рѣзвится, съ дѣтьми, со мной, съ Еленой. —
Лишь изрѣдка, когда вдругъ невзначай
Коснется разговоръ большаго свѣта,
И модныхъ дамъ, — когда произнесутъ
Чіи-то имена, то звукъ зловѣщій
Разбудитъ память въ немъ, — онъ поблѣднѣетъ,
Болѣзненно проявятся морщины
На челѣ. — Тогда онъ колко
И мѣтко сыплетъ стрѣлы злобныхъ шутокъ
На общество, а болѣе на женщинъ;
Красавицъ записныхъ перебираетъ,
Разоблачаетъ намъ ихъ тайный бытъ
И хроники семейственныхъ соблазновъ.
Язвителенъ, жестокъ, неумолимъ,
Какъ онъ тогда величественъ и — жалокъ!
Какъ все въ немъ говоритъ о страшномъ горѣ,
О долгомъ испытаньи!.... Страстный голосъ
Холодность словъ его опровергаетъ.
Притворство лицемѣрія разитъ онъ,
Безчувствіе кокетства онъ караетъ....
И бѣдный женскій полъ онъ топчетъ въ прахъ!....
Но какъ пѣнять ему? онъ былъ обманутъ,
Предательски отверженъ, — завлеченъ,
И брошенъ вдругъ безсовѣстной измѣной....
Потомъ онъ успокоится, нѣмѣетъ; —
И наконецъ, прибавитъ, запинаясь,
Что только первый пылъ и жаръ неложный
Дѣвической души его согрѣетъ, —
Что первая любовь младаго сердца
Одна могла бъ его вновь оживить....
Что только лишь такой любви святой
Еще желать, еще искать онъ можетъ....

Digitized by Google

Вчера, прервавши вдругъ порывъ подобный,
Не кончивши слова суда и мести,
Разсѣянья онъ захотѣлъ себѣ
И намъ, его волненьемъ зараженнымъ:
Онъ громко сталъ читать. — Такія чтенья
Любимый праздникъ мой! — Душой и сердцемъ
Я слушаю могучій, чистый голосъ,
Столь полный выраженья. Онъ звучитъ,
Какъ ропотъ грустной тайны, — какъ призывъ
Плѣнительный и страстный.... Онъ постигъ
Всѣ красоты роднаго языка,
И Русскую поэзію онъ любитъ.
Въ его устахъ она такъ сладко льется,
Такъ хорошо, — что слушая его,
Въ груди моей любовь къ отчизнѣ милой
И преданнѣй и пламеннѣй горитъ.
Случайно ли, — нарочно ли — кто знаетъ,
Но, *Пльнника Кавказскаго* онъ выбралъ....
О! никогда не позабуду я
Высокаго, святаго наслажденья!
О! никогда не позабуду я
Ни слезъ моихъ, ни трепета, ни муки,
Когда свою печаль, свои страданья
Онъ выражалъ поэта мощнымъ словомъ,
И вопль души своей опустошенной
Сливалъ съ чужой тоской, сердечнымъ воплемъ
Героя Пушкина.... Мнѣ больно было
И горько.... за него!.... Казалось мнѣ,
Я ненавижу ту, — кого любилъ онъ,
Къ которой онъ въ разлукѣ обращалъ
Столь страстные, столь нѣжные упреки....
Но кто жъ *она*, та женщина пустая,
Кто не постигла счастья своего?
Но кто жъ она, — кто, безъ любви, его
Умѣла привязать, — могла отринуть?....

Гр. Ев. Ростопчина.

Digitized by Google

ФАННИ-ЭЛЬССЛЕРЪ,

(въ день отъѣзда ея изъ Москвы).

Будто сонъ воображенья,
Сонъ роскошный наяву —
Мимолетное видѣнье, —
Вы явились на мгновенье,
Въ нашу матушку-Москву;

И отъ насъ — какъ время мчится! —
Улетаете опять!
Прихожу я къ вамъ проститься,
Низко, низко поклониться
И спасибо вамъ сказать,

Что и насъ вы посѣтили;
И за вашу доброту,
Что и насъ вы полюбили,
Что и намъ осуществили
Вы Художника Мечту,

Гдѣ, подъ тактъ живыхъ созвучій,
Чуть касаясь до земли,
Восхитительной качучей,
Къ Андалузіи кипучей
Живо насъ перенесли;

И какъ мы на васъ смотрѣли —
Намъ мечтался миртовъ рядъ,
Звѣзды на небѣ горѣли,
И лимоны въ рощахъ зрѣли,
Разливая ароматъ;

И прекрасная, живая,
Краше солнца, ярче дня,
Пролетала тамъ, играя,
Кастильянка молодая,
Кастаньетами звеня....

Digitized by Google

О какъ были хороши вы!
Жадно я на васъ смотрѣлъ....
О какъ были прихотливы
Вашихъ танцевъ переливы!
Я смотрѣлъ.... я весь горѣлъ....

И невольно удивлялся
Вашей граціи, красѣ,
Какъ безумный восхищался,
И кричалъ, и бѣсновался,
И отхлопалъ руки всѣ....

Но узнавши стороною,
Будто вы, живя у насъ,
Занимались Москвою —
О тогда моей душою
Полюбилъ я больше васъ!

Да, мнѣ милы и за то вы,
Что любя Москву мою,
Полюбили въ ней еще вы
Наши горы Воробьевы;
Что гуляли по Кремлю;

Что нерѣдко посѣщали
Наши вы монастыри,
Пѣнью иноковъ внимали,
И подъ Симоновымъ ждали
Появленія зари;

Что въ Кремлѣ гуляя старомъ,
Вспоминали вы не разъ,
Какъ Москва, безъ битвы, даромъ,
Опаленная пожаромъ,
Супостату отдалась....

И душою возмущенной
Какъ бы слыша гулъ и стонъ
Той эпохи отдалённой —
На горѣ у насъ Поклонной
Положили вы поклонъ;

Digitized by Google

На горѣ, отколь въ дни оны
Подошли къ стѣнамъ Москвы,
Распустивъ свои знамены,
Грозныхъ Галловъ легіоны,
Бонапартовскіе львы....

Тамъ, свои покинувъ дрожки,
Вы смотрѣли на Москву,
Тамъ и ваши чудо-ножки,
Пропорхнувши вдоль дорожки,
Смяли нашу мураву —

И слегка напечатлённый
Вашихъ ножекъ нѣжный слѣдъ,
Вашей славой озарённый,
Прирастетъ къ горѣ Поклонной,
Прирастетъ на много лѣтъ....

И куда бъ васъ ни умчали
Ножки дивныя отъ насъ —
И въ какой бы страшной дали
Эти ножки ни летали —
Не забудемъ мы о васъ!

И, влекомы тайной силой,
Тайной думой по слѣдамъ,
Нашей Фанни легкокрылой,
Фанни доброй, Фанни милой,
Полетимъ по всѣмъ путямъ!

А теперь пока прощайте,
И опять весь бѣлый свѣтъ
Па волшебными прельщайте,
И въ качучѣ восхищайте
Сладкимъ звономъ кастаньетъ!

Я у вашего порогу
Провожу по Русски васъ:
Помолюсь усердно Богу
И скажу вамъ на дорогу:
«Добрый путь вамъ въ добрый часъ!» *Н. Берѣ.*

1850. 7 Іюня.
Москва.

Digitized by Google

ПОДРАЖАНІЕ ВОСТОЧНЫМЪ.

Догаралъ вечерѣющій день,
И на холмы, долины и горы
Разстилалася длинная тѣнь,
Золотились верхи мандрагоры.

И пошла я въ орѣховый садъ
Посидѣть на лугу у потока.
Тамъ цвѣтетъ виноградъ и гранатъ,
Свои вѣтви раскинувъ широко.

Мимо сада, колышась, идетъ
Царскій поѣздъ, — горятъ колесницы,
Раздается предъ ними народъ;
Въ жемчугахъ, въ серебрѣ кобылицы.

— Оглянись, оглянися назадъ,
Дай взглянуть въ твои очи живыя!
Говорили мнѣ. — Что вамъ мой взглядъ?
Вамъ наскучили дѣвы градскія.

О, легки, какъ у серны полей,
Твои ноги въ сандальяхъ, дѣвица,
И обсажены рядомъ лилей
Твои груди — два стога пшеницы.

И порфирою пряди кудрей
Проскользя, разостлались по шеѣ,
Шея — столпъ изъ слоновыхъ костей,
И озеръ твои очи темнѣе.

Вся, какъ пальма, ты, дѣва, стройна,
И полна, какъ зерно ожерелья;
Твои ласки хмѣльнѣе вина
И улыбка — всѣхъ юношъ веселье.

И я думаю: мнѣ ль суждено
Овладѣть тою пальмой живою?
И лилось бы съ той пальмы вино
Мнѣ въ уста благовонной струею.

Digitized by Google

— Нѣтъ, та пальма другимъ отдана:
Милый другъ ее ждетъ — не дождется;
Той струей благовонной вина
Онъ томительно-сладко упьется.

Догараетъ темнѣющій день,
И на холмы, долины и горы
Разстилается длинная тѣнь,
Золотятся верхи мандрагоры.

Другъ-женихъ мой чрезъ скалы и лѣсъ
Ко мнѣ мчится ужь горной газелью;
Кровомъ будетъ намъ кедровъ навѣсъ,
А трава ароматной постелью.

Мы одѣнемся иглою ночной,
Онъ докучный покровъ мой отниметъ,
И къ груди приклонясь головой,
Меня знойной рукою обниметъ.

И подъ шопотъ густыхъ мандрагоръ
Разцѣлую его я украдкой;
Благовонье повѣетъ намъ съ горъ, —
И уснемъ мы и мирно и сладко.

Поутру мы пойдемъ въ вертоградъ,—
Тамъ у матернихъ сѣней кедровыхъ,
Для него и вина и гранатъ
Сберегла я и старыхъ и новыхъ.

В. Дементьевъ.

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

АНДАЛУЗІЯ.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

V.

Въ коммерческомъ отношеніи, Гибралтаръ былъ для Испаніи настоящей язвою не далѣе нѣсколькихъ мѣсяцовъ тому назадъ. Это было настоящее складочное мѣсто контрабанды, основанное Англичанами и открыто покровительствуемое. Вотъ что творилось въ Гибралтарѣ еще недавно.* Англія отправляла туда ежегодно по крайней мѣрѣ на 30 милліоновъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій и почти на 10 милліоновъ листоваго табаку, который нищее народонаселеніе скалы превращало въ сигары. Эти бумажныя издѣлія, этотъ табакъ, не говоря уже о другихъ привозныхъ Англійскихъ колоніальныхъ товарахъ, этотъ 40-милліонный итогъ сбывался въ Полуостровъ исключительно путемъ контрабанды, кромѣ того,

* Путешественниковъ часто упрекаютъ въ пристрастіи и заблужденіяхъ. Нельзя ручаться, сколько есть правды и сколько есть лжи въ этихъ извѣстіяхъ Французскаго туриста. *Ред.*

Digitized by Google

что провозилось обманомъ въ Алжиръ черезъ Мароккскую границу. Эта контрабанда отправлялась по всему приморскому берегу Испаніи самымъ курьёзнымъ образомъ. Контрабандисты, подкупленные Англійскими негоціантами, стакнутся съ Испанскими властями, и, отдавши имъ въ тайнѣ условную плату, преспокойно доставляютъ товаръ, въ опредѣленный день, въ назначенный портъ. Товары приходили *случайно* въ тотъ самый день, какъ таможенные служители находились въ отлучкѣ, войска королевы внѣ города. Дѣло доходило до того, что какой-то карабинерный полковникъ самъ являлся въ Гибралтаръ въ мундирѣ для переговоровъ съ купцами.

Впрочемъ эти пріятельскія сношенія возмущались періодическими переломами. Испанскія власти, набивъ порядкомъ карманы, становились иногда несговорчивы и требовали отъ контрабандистовъ черезъ-чуръ высокой платы, контрабандисты упирались и покушались достигнуть силою, въ чемъ отказывало имъ предательство; тогда они принимались торговать съ помощію вооруженной силы: вотъ причина схватокъ, часто кровавыхъ, о которыхъ говорено было не разъ. Тутъ обыкновенно являлось внезапно Британское покровительство. Флотилія Испанской королевы и пароходъ, предназначенные для наблюденія за береговою линіей, стояли на якорѣ въ Альджезирасѣ. Каждое движеніе этихъ судовъ было наблюдаемо и повѣщаемо въ Гибралтарѣ, съ высоты сигнальной башни, *signal-house*. Если пароходъ выходилъ изъ порта, Англійскій караульщикъ тотчасъ подымалъ условленный флагъ, который предупреждалъ всѣхъ контрабандистовъ миль на шесть въ окружности. Если они были далеко, то пускались на-утёкъ въ открытое море; если же находились вблизи, то устремлялись прямо на Гибралтаръ, и спасались въ Англійскихъ водахъ, въ которыхъ они тотчасъ становились неприкосновенными. Однажды, гоэлетта контрабандистовъ, горячо преслѣдуемая шкуною Изабеллы, прибѣгла подъ защиту баттарей Гибралтара. Остервенившаяся шкуна неблагоразумно продолжала свое преслѣдованіе. Пушечный вы-

Digitized by Google

стрѣлъ, нарочно направленный въ ея паруса, наполнимъ ей довольно грубо, что пора одуматься. Сэръ Робертъ Вильсонъ самъ находился на баттареѣ, такъ что невозможно было сослаться на ошибку, и повѣстка могла считаться оффиціальною. Но это еще не все; шкуна, которая, можетъ быть, и не разобрала, и воображала, что добыча у нея уже въ когтяхъ, продолжала свою травлю. Раздался второй пушечный выстрѣлъ, и двадцати-четырехъ-фунтовое ядро, ударивъ прямо въ грузовую ватерлинію шкуны, вырвало у нее часть обшивки: она тотчасъ потонула. Но всего забавнѣе въ этой продѣлкѣ то, что экипажъ шкуны подобрали и спасли сами контрабандисты. Эта шутка не понравилась Испанскому правительству; оно потребовало объясненія. Англійское посольство преважно отвѣчало, что шкуна вошла въ Англійскія воды безъ флагу. — А гдѣ же предѣлъ Англійскихъ водъ? спросила Испанія. — На разстояніи нашихъ пушечныхъ выстрѣловъ, отвѣчала Англія: а переходъ вашего судна за черту этого разстоянія доказывается тѣмъ, что оно было потоплено. Резонъ; но дѣло въ томъ, что Испанія могла отвѣчать, что и Испанскія воды простираются на всемъ разстояніи выстрѣловъ баттарей *Campiamento*, а эти баттареи могли бы разгромить самый портъ Гибралтара; но что же было отвѣчать ягненку на волчій вопросъ? Недоставало Нарваэца, человѣка, который займетъ прекрасную страницу въ исторіи своей страны и своего времени, чтобъ напомнить Европѣ и самой Испаніи, какъ должно было смотрѣть на отечество Карла V.

Случаи, подобные разсказанному мною, не рѣдкость. Вотъ и другой, еще новѣе. Судно *contrabandistas*, порожнее на ту пору, плавало мирно въ *Англійскихъ* водахъ. Сторожевой Испанскій крейсеръ замѣтилъ его и пошелъ прямо на него Контрабандистъ, которому нечего было бояться, потому что онъ не имѣлъ груза, вмѣсто того чтобъ бѣжать, подобралъ свои паруса, и вскорѣ оба судна начали перекликаться въ рупоръ. Вдругъ на Англійской баттареѣ мелькнулъ огонь, и крейсеръ чокнулся съ ядромъ. На берегу, видите ли, ошиблись; мирный разговоръ приняли за досмотръ груза контра-

Digitized by Google

бандиста, и Англичане, желая отмстить или защитить его, впутались грубо, ни съ того ни съ сего, въ бесѣду. Иногда Испанская таможня задерживала во всеуслышаніе, подъ предлогомъ конфискованія, товары какого-нибудь судна, а потомъ сама же сбывала ихъ подъ рукою; или, помѣстивъ грузы предварительно въ складочномъ мѣстѣ Малаги, она распаковывала кипы, пропускала товары въ разбивку черезъ таможенную линію, послѣ кипы набивались сѣномъ и тщательно зашивались; судно являлось за ними, бросало ихъ въ море, и возвращалось въ Гибралтаръ за новымъ грузомъ. Такимъ образомъ отчетность была въ порядкѣ, и эта честная торговля процвѣтала. Наконецъ, когда уже ни Англійское покровительство, ни снисходительность карабинеровъ, ни посредничество таможни не удовлетворяли сбыту Британскихъ произведеній, Гибралтарскіе негоціанцы прибѣгали, какъ къ верховному средству, въ *pronunciamentos*. Вотъ какъ тогда распоряжались. Негоціанты писали къ своимъ корреспондентамъ, напримѣръ хоть въ Малагу. Они ихъ увѣдомляли, что магазины переполнены, корабли нагружены, но что надзоръ необыкновенно строгъ, или что начальникъ карабинеровъ требуетъ черезъ-чуръ много, и что они имѣютъ устроить *pronunciamento*. Дѣло было не трудное. Изъ двухъ-сотъ тысячъ обитателей приморскаго берега Андалузіи по крайней мѣрѣ осемьдесятъ тысячъ существовали контрабандою. Тотчасъ по полученіи повѣстки, коноводы распаляли умы и подымали на дыбы, во имя какого бы то ни было политическаго неудовольствія, которое имъ служило вмѣстѣ и возбудительнымъ и предлогомъ, ватагу праздныхъ мошенниковъ, которые всегда и вездѣ наготовѣ для безпорядковъ. Въ назначенный день, лишь только подавали сигналъ о приближеніи судна, нагруженнаго контрабандою, спускали со своры подкупленную сволочь; *pronunciamento* — то есть бунтъ начинался, городъ наполнялся разными вѣстями, обстановку дополняли нѣсколькими ружейными выстрѣлами; *ayuntamiento* распускалъ тотчасъ гражданскую гвардію и передавалъ управленіе гражданамъ; въ минуту самаго разгара смятенія, судно входило въ

Digitized by Google

портъ и выгружало свои товары. Такимъ образомъ, имѣлось вѣрное средство для предсказанія смутъ, которыя такъ часто вспыхивали на приморскомъ берегу Испаніи. Стоило только заглянуть въ Гибралтарскіе магазины: если они были пусты, то возмущенія были невѣроятны, у нихъ не было цѣли; напротивъ, если они были биткомъ набиты, то надо было ожидать *pronunciamentos*, потому что товары надо было сбыть съ рукъ. Впрочемъ, политическія страсти отравляли иногда эти смуты, которыхъ начало бывало чисто коммерческое; разнузданное возстаніе переходило за предѣлы цѣли зачинщиковъ. Въ Барселонѣ былъ замѣчательный образчикъ смутъ, которыя ростутъ на ходу. Къ несчастію, мы не имѣемъ права смѣяться надъ тою выродившейся Испаніей, о которой я говорю, и которая, впрочемъ, такъ гордо отплатила за себя. Развѣ у насъ самихъ не было подобія этихъ чудообразныхъ *pronunciamentos*? Развѣ мы не слыхали изъ собственныхъ устъ одного изъ жалкихъ героевъ нашего времени, что революціи никогда не высказываютъ слова, во имя котораго совершаются? Развѣ мы не знаемъ, на счетъ собственной своей кожи, что значитъ фраза: *да здравствуетъ преобразованіе*! и что въ смутахъ Франціи участвуетъ такая же коммерческая спекуляція, какъ и въ *pronunciamentos* Полуострова? Я пріѣхалъ въ Малагу въ самую минуту одного изъ этихъ періодическихъ возстаній. Я оставилъ Гибралтаръ наканунѣ вечеромъ, не безъ сожалѣнія, потому что (не во гнѣвъ будь сказано поэтическимъ душамъ) я наслаждался тамъ счастіемъ единственно по милости превосходнаго бордосскаго вина и Англійскихъ жаркихъ, которыми продовольствовалъ меня *Club-House*. Мнѣ стыдно, что я такой матеріалистъ, но признаюсь, во время путешествія по Испаніи, превосходная Англійская гостинница очень пріятная интермедія, занимающая не послѣднее мѣсто, даже между танцовщицами Севильи и чудесами Альгамбры.

Мы пріѣхали въ Малагу на разсвѣтѣ. Въ этомъ градѣ сладкаго вина нѣтъ ничего любопытнаго: направо, маленькая плотина, маленькій маякъ; впереди, маленькій бѣлый

Digitized by Google

городокъ; въ портѣ, съ полдюжины купеческихъ бриговъ: вотъ и все тамошнее великолѣпіе. Я уже не ждалъ ни малѣйшаго очарованія отъ этой панорамы, какъ вдругъ мнѣ сказали, что городъ въ осадномъ положеніи. Это извѣстіе подстрекнуло мое любопытство. Пытались произвесть *pronunciamento*, но оно не удалось; на набережной была свалка и множество народа было задержано. Глухое волненіе, бродившее въ городѣ, помянуто подстрекалось признаніями одного изъ схваченныхъ заговорщиковъ. По его доносу, арестовали и отправили въ то же самое утро въ Гренаду человѣкъ тридцать самыхъ значительныхъ негоціантовъ города, для произведенія надъ ними суда въ верховномъ судилищѣ. Наконецъ, готовились судить военнымъ судомъ, и вѣроятно разстрѣлять безъ пардона, семь человѣкъ обвиненныхъ, изъ которыхъ двое были сержанты гарнизона. Само собою разумѣется, что настоящихъ начальниковъ между ними не было; тамъ, какъ и вездѣ, настоящіе зачинщики оставались въ тѣни, и маленькимъ приходилось поплатиться за большихъ. Когда я сходилъ на землю, повсюду гремѣли барабаны, усиливали посты, снаряжали торжественно войска, запирали лавки, укрывались по домамъ. Среди этого шумнаго движенія, топота, волненія, подошелъ ко мнѣ, на набережной, чиновникъ Французскаго консульства и вручилъ мнѣ письмо отъ моей матери. Я никогда не забуду впечатлѣнія, произведеннаго на меня, среди этого волненія, чтеніемъ письма, которое описывало однообразныя удовольствія деревенской жизни и мирнаго очага. Я узналъ отъ молодаго человѣка, который мнѣ принесъ письмо, что прибытіе Французскаго парохода, на которомъ мы пріѣхали, должно было выручить консула изъ великаго затрудненія. Одинъ изъ главныхъ заговорщиковъ, пѣхотный капитанъ, по имени Лара, не былъ еще задержанъ. Онъ спрятался на чердакѣ; убѣжище его было извѣстно; консулъ приказалъ предложить ему бѣжать и сѣсть на *Полину*, на которой онъ былъ бы обезпеченъ отъ всякаго преслѣдованія, находясь подъ Французскимъ покровительствомъ. У этой дряни не хватало духа бросить свой чердакъ. Онъ

Digitized by Google

боялся, чтобъ въ него не попали изъ ружья, во время его бѣгства на пароходъ. И я снова убѣдился, что заговорщикъ можетъ быть трусомъ. Часъ спустя, Лара былъ арестованъ. Я пришелъ въ такое негодованіе на его малодушіе, что далъ себѣ слово пойдти смотрѣть, какъ его разстрѣляютъ.

Военный совѣтъ долженъ былъ собраться въ тотъ же день. Мнѣ было любопытно посмотрѣть на политическій процессъ въ Испаніи, и потому я началъ бѣгать по городу, и спрашивать у всѣхъ, гдѣ будетъ мѣсто засѣданія. Сначала мнѣ было невозможно узнать объ этомъ. Тѣ, которыхъ я спрашивалъ, разсматривали подозрительно мою иностранную физіогномію и отдѣлывались отъ меня уклончивыми отвѣтами. Я не переставалъ разспрашивать, и пришелъ на *Plaza de la Mera*, гдѣ находится кварталъ пѣхотинцевъ. Значительные отряды войска выстроены были на этой площади. Передъ казармами я увидѣлъ довольно многочисленную толпу офицеровъ, разговаривавшихъ съ большимъ одушевленіемъ; я понялъ, что нахожусь наконецъ вблизи искомаго мною мѣста. Капитанъ, котораго я спросилъ — позволятъ ли мнѣ посмотрѣть на производство суда надъ заключенными, отвелъ меня къ полковнику; полковникъ кликнулъ караульнаго офицера, отдалъ ему приказаніе, и сказалъ мнѣ, чтобъ я слѣдовалъ за нимъ. Я вошелъ съ нимъ въ казармы. Послѣ долгихъ переходовъ, мы пришли къ маленькой задвинутой двери. — «Здѣсь,» сказалъ мнѣ офицеръ, откланиваясь, и хотѣлъ было меня оставить. — Кто здѣсь? спросилъ я его съ изумленіемъ. — «Полковникъ, прибавилъ онъ, приказалъ мнѣ проводить васъ къ двумъ Англійскимъ морякамъ, которыхъ задержали вчера во время свалки.» — По милости моей матросской куртки, меня приняли за одного изъ ихъ друзей. Я поблагодарилъ офицера, сказавши ему, что пришелъ посмотрѣть на военный судъ, а не на питуховъ. Возвращаясь на площадь, я увидѣлъ, что густая толпа народа шла къ открытой церкви: я вошелъ вмѣстѣ съ сотнею другихъ; священникъ былъ въ алтарѣ; множество офицеровъ всѣхъ чиновъ, въ мундирахъ, слушали внимательно службу Святому Духу, которая

Digitized by Google

считается въ Испаніи обязательнымъ началомъ каждаго военнаго суда. Этотъ обычай, достойный самой католической страны въ свѣтѣ, показался мнѣ довольно торжественнымъ. Мнѣ было невозможно присутствовать при производствѣ суда. Меня предупредили сострадательно, что это вовсе не мѣсто иностранцу, и что тамъ какой-нибудь недовольный очень легко можетъ меня пырнуть своей *navaia*. Понимая, что мнѣ нечего смотрѣть и дѣлать въ этомъ взбудораженномъ городѣ, куда я впрочемъ долженъ былъ возвратиться, я рѣшился отправиться въ тотъ же вечеръ въ Гренаду. Въ самую минуту отъѣзда дилижанса, я узналъ, что семерыхъ обвиненныхъ приговорили къ смерти.

На другой день, часовъ около десяти, мы пріѣхали въ Лоху, городъ съ двадцатью пятью тысячами жителей, построенный на склонѣ очень зеленаго, очень воздѣланнаго и очень плодороднаго холма, надъ которымъ возвышаются развалины Сарацинскаго замка. Съ милю отъ города, находятся *los Infiernos*, маленькіе каскады и маленькія скалы, не стоющіе своей знаменитости и обычныхъ посѣщеній. Лоха отечество Нарваэца. Родъ его древенъ и богатъ. Сынъ случая, Нарваэцъ началъ свое поприще искателемъ приключеній, и настоящимъ положеніемъ своимъ обязанъ своимъ заслугамъ и своему мужеству. Онъ рано отличился отъ толпы искателей приключеній, которые, въ наше время, поочередно сокрушали Испанію, и ему досталась въ удѣлъ завидная слава охранителя своей страны среди всеобщаго потрясенія. Испаніи, которая такъ умна и благородна, нѣсколько лѣтъ уже недоставало только руководителя, и этотъ руководитель, котораго отчаявались найти, сказался въ Нарваэцѣ. Людей, умѣющихъ держаться на верхнихъ ступеняхъ власти, на Полуостровѣ меньше, чѣмъ гдѣ-либо, а охотниковъ до этой власти больше, чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ. Теперешняя Испанія, все равно какъ и прежняя, отечество искателей приключеній; со временъ Фернанда Кортеца, Пизарра и столькихъ другихъ, характеръ не измѣнился. Смѣльчаки, превращающіеся изъ солдатъ въ предводителей шаекъ, блестящіе

Digitized by Google

офицеры, ошеломляющіе цѣлую армію какой-нибудь баснословно-удалой выходкой, люди, вѣчно готовые поставить на карту все свое состояніе, и рискнуть головою для государственнаго переворота, встрѣчаются сотнями на улицахъ Мадрида; но ихъ пламя — огонь соломы: лишь только потухнетъ въ нихъ страсть, они опускаются. Едва успѣютъ они подняться, какъ начинаетъ у нихъ кружиться голова. Неспособность ихъ обнаруживается.

Спадаетъ маска, остается человѣкъ,
И нѣтъ героя.

Тогда отечество снова замѣчаетъ, что хорошій полковникъ часто бываетъ дряннымъ министромъ. Сколько разъ бѣдная Испанія испытывала это на себѣ. Замѣчательно, что на Полуостровѣ, также какъ и во Франціи, великіе ораторы, поэты, люди воображенія, родятся на югѣ. Андалузія Провансъ Испаніи. Арагонія, Бискайя, Каталонія снабжаютъ воинами, непреклонными какъ Бретонцы, сильными какъ Пикардійцы или Фламандцы, храбрыми какъ Лотарингцы; въ Галиціи родятся трудолюбивые и добропорядочные работники, которые переселяются какъ Овернцы; но Нарваэцъ, Мартинесцъ де-ла-Роза, Герцогъ де-Ривасъ, сыны юга, также какъ, и Маршалъ Бюжо, Гг. Гизо и Тіэръ.

VI.

На слѣдующую ночь мы ѣхали въ дилижансѣ къ подошвѣ Сіерры-Невады, среди моря великолѣпныхъ конопляниковъ и оливовыхъ рощей, надъ которыми возвышается поэтическая Гренада. Пріѣхавъ въ Гренаду, могъ ли я заниматься чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ провожденія долгихъ часовъ въ тѣни галлерей Альгамбры, подъ лаврами Дженералифа? На первый разъ я посѣтилъ дворецъ Мавровъ вечеромъ, на солнечномъ закатѣ. Вокругъ холма, на которомъ покоится это диво, змѣится вверхъ гульбище, удивительно тѣнистое, вѣчно прохладное, искусно разбитое и превосходно поддерживаемое.

Digitized by Google

Два ручейка журчатъ по бокамъ аллей, посыпанныхъ пескомъ. Повсюду брыжжутъ фонтаны; тысячи птицъ щебечутъ на волѣ въ рощахъ этого очаровательнаго парка. Подумаешь, что всѣ птицы Испаніи, прогнанныя съ полей безплодіемъ почвы, или ненавистью пахарей слетѣлись въ сады Гренады, и поютъ тамъ изъ рода въ родъ чудеса Альгамбры. Все, что васъ окружаетъ, запечатлѣно сельскимъ колоритомъ. Тутъ ребятишки, подъ надзоромъ своихъ нянекъ, кувыркаются по травѣ; тамъ, подъ простымъ навѣсомъ безхитростнаго сельскаго шинка, услужливый воинъ угощаетъ свою *novia* стаканомъ *agraz*.* По серединѣ аллеи, веселячакъ Галиціянинъ самъ везетъ бочку и оглашаетъ воздухъ своимъ крикомъ, возвѣщая о продажѣ воды изъ знаменитаго Авельянскаго источника. Побродивъ съ полчаса среди этой зелени, этихъ щебетаній, этой прохлады, этихъ пѣсенъ, этой веселости, очутишься вдругъ передъ величавымъ четвероугольнымъ монументомъ, прелестнѣйшаго розоваго цвѣта. На сводѣ изваяна большая раскрытая рука, подъ внутренней аркой высѣченъ ключь: это дверь Альгамбры. Миновавъ четвероугольную башню, приходишь широкою дорогой на площадку, гдѣ очутишься прямо передъ дворцемъ временъ Карла Пятаго, и тамъ, не знаю почему, вспоминаешь Гейдельбергъ. Надо замѣтить, что строеніе, выдуманное Карломъ Пятымъ, никакъ не можетъ вызвать этого очаровательнаго воспоминанія. Впрочемъ, эта притязательная лачуга, кажется, вполнѣ достигаетъ цѣли своего строителя: она скрываетъ отъ глазъ дворецъ Мавровъ. Изъ числа великихъ людей не одинъ отецъ Филиппа II былъ одержимъ мелочною завистью къ прошедшему; но ни въ комъ, быть можетъ, это странное, мелкотравчатое чувство не заходило такъ далеко. Опозоривъ Севильскій Альказаръ, усадивши надъ его тонкими колоннами тяжелую, нелѣпую верхнюю галлерею, онъ покусился уничтожить Альгамбру, заслонивъ ее неуклюжимъ строеніемъ,

* Превосходный напитокъ, приготовляемый съ сокомъ зеленаго винограда.

Digitized by Google

которое онъ обратилъ въ манежъ, желая, говорилъ онъ, помѣстить своихъ лошадей во дворцѣ Мавровъ. Попытка его осталась, благодаря Бога немощною, и на увѣсистой архитектурѣ Испащевъ еще лучше выдается дивное созданіе Арабовъ. Амбарная дверь изъ грубаго дерева, пробитая въ толстой стѣнѣ, спурокъ, прицѣпленный къ колокольчику, на звонъ котораго выскакиваетъ шальной придверникъ, вотъ предвозвѣстники *алаго дворца* (*al Hambra*). Что дѣлать: и у Пантеона есть свой швейцаръ. Миновавъ этого человѣчка, вдругъ невольно останавливаешься, и трудно воздержаться отъ восклицанія изумленія.

Продолговато-четвероугольной формы дворъ, съ водосмомъ, обставленный дивно-легкими мраморными колоннами, цвѣта утренней зари, съ такою драгоцѣнною работою надъ ними, вытисненною такъ чисто и отчетливо, такою воздушною, такою прозрачною, что, кажется, видишь превосходное розовое кружево; впереди, за другою дверью, второй дворъ; и въ немъ прелестная чаша, поддерживаемая огромными геральдическими львами, безконечный рядъ невообразимо-изящныхъ колоннокъ, неподражаемаго цвѣта, которому нѣтъ подобнаго ни въ Азіи, ни въ Греціи, такая нескончаемая роскошь рѣзныхъ украшеній, что любой граверъ придетъ отъ нея въ отчаяніе, все вмѣстѣ цѣлое, до того изящное, что не смѣешь ступить, до того кажешься себѣ тяжелымъ и грубымъ при этомъ зрѣлищѣ; надъ этими кружевами, узорными полосами, чашами, прозрачными мраморами, вычеканенными гипсами, чистое, безоблачное небо, вѣнчающее лазурнымъ куполомъ это позлащенное сокровище, этотъ розовый малютку-дворецъ: — такова волшебная перспектива, которую глазъ обнимаетъ съ перваго взгляда. Вглядѣвшись пристальнѣе, становится грустно, при видѣ ранъ, нанесенныхъ этому диву не столько временемъ, сколько руками возстановителей. Ужасный слой темныхъ круглыхъ черепицъ давитъ всей своею тяжестью это воздушное, узорное произведеніе Арабовъ. Кажется, несешь на собственныхъ своихъ плечахъ весь нестерпимый гнетъ этой несносной покрышки, подъ кото-

Digitized by Google

рою гнутся стройныя мраморныя колонны, едва поддерживаемыя желѣзными подпорками. Направо отъ Львинаго двора залъ Абенсерраговъ. Тамъ, гласитъ преданіе, были зарѣзаны поэтическіе воины, соединявшіе въ себѣ восточное изящество съ рыцарскою доблестью; кровь ихъ обагрила мраморные помосты. Хотя исторія и опровергаетъ преданіе; но исторія не права, потому что плохо замѣняетъ эти граціозные вымыслы. Залы Пословъ и Двухъ Сестеръ такія же дива-дивныя, какъ и залы Абенсерраговъ, и не достанетъ цѣлыхъ дней на изученіе ихъ стѣнъ и ихъ сводовъ, чудесъ орнаментнаго, рѣзнаго и наборнаго искусства; но они совсѣмъ не такъ велики, въ сравненіи съ своею славою, да и вообще вся Альгамбра изумляетъ малостію своихъ размѣровъ. Человѣкъ со вкусомъ, хотя нѣсколько богатый, могъ бы мечтать о помѣщеніи въ своемъ саду подобія Альгамбры, и мнѣ кажется, что я не слишкомъ преувеличиваю, говоря, что Львиный дворъ помѣстился бы цѣликомъ въ нѣкоторыхъ министерскихъ салонахъ Парижа. Со мною согласятся по крайней мѣрѣ въ томъ, что дворцу Мавровъ, съ его дворами, залами, садами, галереями, колоннадами было бы просторно.... гдѣ бы такое напримѣръ? хоть на Луврскомъ дворѣ. Мнѣ кажется, что можно отважиться на подобныя разсужденія, не прослывши варваромъ; красота памятниковъ не зависитъ отъ ихъ размѣровъ: предметы искусства не цѣнятся и не мѣряются на аршинъ, и стихарная запона, вычеканенная Бенвенуто для Папы Климента VII, стоила бы болѣе, если бъ только отыскалась, чѣмъ любой палаццо, занимающій цѣлый гектаръ земли. Какъ бы то ни было, а Альгамбра все-таки очень мала. Если бы мнѣ пришлось тамъ жить, я бы поселился въ Токадорѣ. *Tocator*, мраморный будуаръ, въ которомъ о-сю-пору еще видны плиты съ пробитыми въ нихъ скважинами, разъигрывалъ роль огромной курильницы, въ которой султанши пропитывались благовоніями Аравіи отъ одной только прогулки по ней. Въ то же время онъ служилъ и обсерваторіей, потому что возвышается надъ всѣмъ дворцомъ и равниною Гренады. Видъ оттуда великолѣпный: подъ ногами городъ;

Digitized by Google

налѣво, живописная горная цѣпь Сіерры-Невады, покрытая снѣгомъ; направо, необъятная, безмолвная равнина, на которую заходящее солнце настилаетъ широкія алыя полосы; чудесное небо, удивительный климатъ, дворецъ, которому нѣтъ подобнаго въ свѣтѣ! Право, не трудно понять, что Боабдилъ не могъ удержаться отъ вздоха, бросивъ послѣдній взоръ на свое поэтическое царство. Безчисленное множество путешественниковъ, забывъ о сынѣ Мулей-Гассана, потщились написать свои имена на стѣнахъ Токадора, все равно какъ въ гротѣ Гибралтара. Одно имя въ особенности вырѣзано на мраморѣ одного изъ оконъ съ совершенствомъ, которое свидѣтельствуетъ, что «нѣкій, зѣло премудрый мужъ прилежалъ тутъ» въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. Имя это — достояніе одного офицера 11-го линейнаго полка. Ваше благородіе! Истый вы пѣхотный капитанъ, рожденный для капитанства, и бьюсь объ закладъ, что вы и теперь еще все капитанствуете. Вѣдь пришло же въ голову губернатору Гренады, три года тому назадъ, что великолѣпный розовый колоритъ, которымъ вѣка благоговѣйно покрыли стѣны Альгамбры, никуда не годится! Убоявшись, чтобъ эта неподражаемая позолота, спустившаяся жъ неба, какъ бы для освѣщенія дворца Мавровъ, не подала къ обвиненію его управленія въ нерадѣніи, голубчикъ давай бороться съ солнцемъ. Онъ велѣлъ соскабливать позолоту солнца; нѣсколькимъ колонкамъ Львинаго двора былъ возвращенъ ихъ первобытный цвѣтъ, и я не знаю, продолжалъ ли онъ свое скобленье, или нѣтъ.

Не мѣшаетъ припомнить, что теперешними остатками Альгамбры искусство обязано Маршалу Себастіани, который, въ продолженіе своего командованія въ Гренадѣ, благоговѣйно возстановилъ дворецъ Боабдила, поддержалъ его нѣжныя колонны, скрѣпилъ его кровли, залечилъ его раны. Самый городъ обязанъ Маршалу и Французскому занятію своимъ театромъ, мостомъ черезъ Хениль, многими площадями, многими прекрасными улицами. Что ни говори, что ни дѣлай, а право нельзя отказать въ умѣ и любезности народу, ко-

Digitized by Google

торый употребляетъ свои досуги на подобныя дѣла. Французскій вкусъ будетъ бодрствовать надъ Альгамброй: у дворца Мавровъ есть теперь покровитель, которому художники вѣрно не откажутъ въ знаніи дѣла, Герцогъ Монпансіерскій: онъ хочетъ, если только справедливы дошедшія до меня свѣдѣнія, наблюдать за нимъ и упрочить его.

Что касается до Дженералифа, небольшаго увеселительнаго домика, расположеннаго на полугорѣ одного изъ холмовъ, возвышающихся надъ Альгамброй, то, признаюсь, я бы не выбралъ его обычнымъ своимъ мѣстопребываніемъ. Кромѣ вида, который дѣйствительно прекрасенъ, въ этой крѣпостцѣ для меня нѣтъ ничего удивительнаго, и я право не знаю, за что она вошла въ такую славу. Въ саду два прекрасныхъ олеандра, въ домѣ маленькій плохенькій залъ, выбѣленный известкой, украшенный нѣсколькими дрянными фамильными портретами и родословнымъ древомъ Кампо-Техаровъ, теперешнихъ владѣтелей Дженералифа, все это вовсе не похоже на очаровательно описаніе Шатобріана о праздникѣ, данномъ въ этомъ мѣстѣ Лотрекомъ послѣднему Абенсеррагу и прекрасной донъѣ Бланкѣ. Маркизъ Кампо-Техаръ нисходитъ въ прямой линіи отъ Боабдила. Это происхожденіе, которое во всякой другой странѣ показалось бы достаточно древнимъ и почетнымъ, въ Гренадѣ кажется довольно простымъ. Этотъ городъ, удаленный отъ путей сообщенія и торговаго движенія, остался вѣрнымъ древнимъ своимъ преданіямъ. Гренада безсомнѣнно самый аристократическій городъ Испаніи. Тамъ еще слышны толки о синей крови, объ алой крови и о бѣлой крови, о которыхъ нѣтъ уже и помину ни въ Кадиксѣ, ни въ Малагѣ. Синяя кровь достояніе древняго дворянства; это чисто-Кастильянская кровь, которой источникъ долженъ быть гораздо древнѣе завоеванія. Алая кровь принадлежитъ тѣмъ родамъ, которые окрестились уже послѣ изгнанія Мавровъ. Такимъ образомъ, Маркизъ Кампо-Техаръ, хотя и потомокъ Арабскихъ царей, но принадлежитъ къ второстепенному дворянству. Зегрисы, которыхъ въ Гренадѣ существуетъ нѣсколько отраслей, считаются въ числѣ

Digitized by Google

недавнихъ христіанъ; кровь ихъ алая. Бѣлая кровь течетъ въ жилахъ сословій, у которыхъ нѣтъ пергаментныхъ хартій. Съ помощію храбрости, бѣлая кровь можетъ поалѣть, но ей трудно перейти въ синюю, потому что для этого нужно бы было завоевать безпрерывный рядъ предковъ—ревностныхъ христіанъ, испытанныхъ католиковъ, начало котораго терялось бы во мракѣ вѣковъ.

Кто видѣлъ Альгамбру, тому нечего больше смотрѣть въ цѣлой Гренадѣ, и не стоитъ терять времени на посѣщеніе покинутаго картезіанскаго монастыря Картухи. Нѣсколько образчиковъ туземнаго мрамора; ризница, украшенная черепаховой мебелью, въ родѣ Булевской, работы монаха не знаю какой-то конгрегаціи; часовня, ограбленная во время оно Французами, если только вѣрить чичероне: все это едва ли стоитъ пути. Впрочемъ, этотъ монастырь долженъ былъ имѣть за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда онъ былъ обитаемъ, величавый характеръ. Инквизиція всегда внушала мнѣ какой-то священный ужасъ, а большая часть Испанскихъ монаховъ, которыхъ мнѣ случалось видѣть въ мою жизнь, были грязные тунеядцы; но при всемъ томъ, я думаю, что монахи были для Полуострова необходимымъ живописнымъ дополненіемъ. Испанія безъ монаховъ то же, что Франція безъ солдатъ, или Италія безъ гондольеровъ.

И такъ, въ Гренадѣ слѣдуетъ проводить время въ залахъ Альгамбры, или въ тѣни ведущихъ къ ней гульбищъ. Вечеромъ, можно итти въ театръ слушать то хорошую музыку кочующихъ пѣвцовъ, которые показались бы превосходными на второстепенныхъ сценахъ, то посредственную прозу какой-нибудь мелодрамы, переведенной съ Французскаго. Евгеній Сю особенно въ большомъ ходу въ Испаніи. Меня спрашивали многіе, имѣлъ ли я когда-нибудь счастіе видѣть его; точь въ точь съ такимъ же вопросомъ адресовались ко мнѣ за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Копенгагенѣ, по случаю Поль-де-Кока, который имѣетъ привилегію на весьма успѣшное разглаживаніе Датскихъ морщинъ. Это сближеніе ужасно для славы

Digitized by Google

нашей литературы. Вотъ шестистишіе въ честь автора *Вѣчнаго жида*, которое я прочиталъ однажды вечеромъ въ театрѣ, въ Гренадскомъ журналѣ; оно стоитъ извѣстности:

Vos sois Francès, la Francia os merecia :
Pero no es patria mia;
Y al ensalzar vuestro glorioso nombre,
Anado tristamente :
O Dios omnipotente,
Porquè no es Espanol van grande hombre*.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, утомившись слушаніемъ бульварныхъ драмъ, старыхъ монхъ знакомыхъ, ощутивши кромѣ того желаніе познакомиться съ туземными удовольствіями, я отправился посмотрѣть на цыганскій балъ. Избави васъ Боже отъ зловонія, которымъ я тамъ надышался. Съ дюжину свирѣпыхъ самокъ (этихъ тварей невозможно назвать женщинами), столько же грязныхъ, сколько и безобразныхъ, съ козьими профилями, съ руками летучихъ мышей, отхватали передъ нами, въ сопровожденіи двухъ или трехъ непристойныхъ сорванцовъ и старухи, въ родѣ мулатки, у которой бѣлаго только и было что волосы, не знаю какой-то безстыжій танецъ, несравненно болѣе отвратительный чѣмъ сладострастный. Господинъ Викторъ Гюго, господинъ Мериме! увѣрьте насъ, ради Бога, что Эсмеральда и Карменъ были не Гренадскія цыганки!

Спустя нѣсколько дней, я подумалъ о возвратномъ пути, и, не желая злоупотреблять дилижанса и разстаться съ Испаніей, не познакомившись съ *arrieros*'ами, я отрылъ себѣ погонщика муловъ, который обязался выставить намъ трехъ лошадей и проводить насъ въ Малагу въ полтора дня. За трехъ лошадей и за проводника, не считая корма, пришлось

---

* Посвящается Е. Сю: «Вы Французъ, Франція того достойна; но она мнѣ не отечество, и прославляя ваше знаменитое имя, прибавляю печально: О Боже всемогущій, зачѣмъ не Испанецъ столь великій человѣкъ?»

Digitized by Google

заплатить 23 дуроса (около 130 франковъ), что можетъ дать понятіе о дороговизнѣ путешествій по Испаніи, въ которой лупятъ деньги самымъ безсовѣстнымъ образомъ, и которая въ этомъ отношеніи можетъ перещеголять всѣхъ и каждаго. Это бы все еще ничего; но главная бѣда заключалась въ томъ, что надо было садиться на коня въ два часа утра. Я уже усталъ до отъѣзда. Маленькій нашъ караванъ двинулся въ путь по темнымъ улицамъ. Стукъ шаговъ нашихъ сухопарыхъ клячъ раздавался одиноко въ заснувшемъ городѣ. Необыкновенно грустное чувство закрадывается въ душу, когда проѣзжаешь ночью по незнакомому городу. Никто объ васъ не думаетъ, никто васъ не знаетъ; вы можете разшибиться на любомъ углу, и ни одна дверь не отворится для васъ. Совершенно справедливо, что уедининіе бываетъ всего тягостнѣе среди толпы. Мы пріѣхали съ первыми лучами утренней зари на возвышенія, съ которыхъ Гренада видна въ послѣдній разъ, къ тропинкѣ, которую о-сю-пору еще называютъ *el ultimo sospiro dee Moro* (послѣдній вздохъ Мавра). Я оглянулся, также какъ и Боабдилъ, но не вздохнулъ. Я оставлялъ Гренаду безъ сожалѣнія; мнѣ хотѣлось спать: я бы отдалъ Альгамбру за хорошую постель. Кромѣ того я начиналъ чувствовать тоску по родинѣ; я проклиналъ пѣгую клячонку, на которой ѣхалъ, и безобразную, костоломную вьючную подстилку, которую мнѣ подложили вмѣсто сѣдла; я разсуждалъ самымъ прозаическимъ образомъ о живописныхъ путешествіяхъ; я завидовалъ флегмѣ Англичанина, который присоединился къ моему каравану, и который преспокойно курилъ возлѣ меня сигарку, заставляя своего чахлаго одра перескакивать черезъ каждый камень, который ему попадался. Этому *sportman*'у пришло въ голову, мѣсяцовъ за осемь, отправиться въ Норвегію за семгою, и возвращаясь изъ Христіаніи въ Корнваллійское графство, онъ изволилъ прогуляться черезъ Москву, Одессу, Константинополь, Бейрутъ, Іерусалимъ, Каиръ, Александрію, Неаполь и Барселону. Всякъ путь ведетъ въ Римъ, говоритъ Французская пословица. Я въ жизнь мою не встрѣчалъ такого невозмутимаго существа.

Digitized by Google

Онъ путешествовалъ одинъ одинехонекъ, безъ проводника, не зная и не понимая ни слова по-Испански. Онъ не удивлялся ровно ничему, разсказывалъ самыя уморительныя вещи безъ малѣйшей улыбки, переносилъ настоящимъ стоикомъ безпрестанныя неудобства и затрудненія, въ которыя его поминутно поставляло незнаніе языка. Вскорѣ солнце начало жалить насъ своими лучами. Жаръ сдѣлался удушливъ; на меня напала ужасная мигрень. Согнувшись на своемъ пегасѣ, измученный болью, испеченный Аполлономъ, я не обращалъ никакого вниманія на плоскую печальную страну, по которой мы проѣзжали. Впрочемъ, мы не встрѣчали ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ торчавшихъ кой-гдѣ деревянныхъ крестовъ, на которыхъ было написано, что: *Aqui matarona Francisco torres** , или *Bernardo* , или *Pedro*; имя измѣнялось, формула оставалась все та же. Это были памятники убійствъ, не новыхъ, правда, а совершенныхъ лѣтъ за двадцать. Въ направленіи къ югу показалась передъ нами Альгама, очень живописный городъ, расположенный среди настоящей Швейцаріи растрескавшихся скалъ. Мы вошли въ какую-то *позаду*, въ которой я растянулся на дрянной постелишкѣ самымъ плачевнымъ образомъ, пока Англичанинъ уписывалъ яичницу съ ветчиной, которую намъ подала хозяйка У меня сдѣлалась сильная лихорадка; я не могъ волочить ногъ, въ ушахъ у меня звенѣло, голова моя бродила. Часа въ три, во время самаго сильнаго жара, надо было опять садиться на коня. До Велеца, гдѣ мы должны были ночевать, намъ оставалось проѣхать, по словамъ проводника, не болѣе шести миль. Берегитесь Испанскихъ миль! Въ одиннадцать часовъ вечера, то есть спустя осемь часовъ, мы все еще блудили по тропинкамъ, понуждая своихъ измученныхъ лошадей, которыя спотыкались на каждомъ шагу мерзѣйшей дороги. Мѣстность пошла такая гористая, такая взрытая, что каждую минуту приходилось слѣзать съ лошади и перелѣ-

* Здѣсь убили Франсиско Торреса.

Digitized by Google

зать черезъ трудныя преграды. Приближеніе селеній возвѣщалось намъ смрадной вонью отъ какой-нибудь падали, заражавшей воздухъ на цѣлую милю въ окружности. Насъ окутала темная ночь. Истощивъ всѣ силы, я отдался на произволъ движеній моей лошади; я совершенно бредилъ. На днѣ глубокаго ущелья, у порога маленькаго домика, я видѣлъ, при свѣтѣ лампы, двухъ молоденькихъ дѣвушекъ, танцовавшихъ подъ навѣсомъ фанданго и игравшихъ кастаньетами. Мнѣ казалось, что два сосѣднія дерева танцуютъ вмѣстѣ съ ними, а домъ ихъ vis-à-vis. Шумъ водопадовъ, которые я слышалъ, но не могъ видѣть, раздавался у меня въ ушахъ гуломъ оркестра. Иногда, дрожа отъ стужи въ моей холщевой курткѣ, я тупо смотрѣлъ въ темнотѣ на бѣдняка-прохожаго, который шелъ за нами пѣшкомъ съ самаго утра; онъ держался за хвостъ моей лошади, которая его тащила, и оттого иногда останавливалась. Этотъ прохожій мерещился мнѣ вѣдьмой, верхомъ на помелѣ.

Мы пріѣхали въ Велецъ-Малагу въ глухую полночь. Пробывъ двадцать одинъ часъ въ дорогѣ, мы проѣхали четырнадцать Испанскихъ миль, то есть двадцать пять Французскихъ, все шагомъ, и я былъ на-тощакъ. Въ *позадѣ* нечего было ѣсть. Къ счастію, Англичанинъ, не любившій шутить, самъ принялся за стряпню. Онъ принесъ мнѣ черезъ часъ времени необъятную миску, среди которой яйца плавали совокупно съ хлѣбными корками по озеру соленой воды, на которомъ капли масла, позаимствованнаго у лампы, искрились желтоватыми плоучими островками. Мы проглотили эту микстуру, и я спросилъ вина: принесли уксусу. Въ Велецѣ, среди виноградниковъ Малаги, вина не было! Спать пришлось посреди комнаты на нашихъ плащахъ. На слѣдующій день, проѣхавъ цѣлое утро вдоль приморскаго берега, мы въѣхали въ Малагу около полденъ. Гостинница Ладанца показалась мнѣ раемъ, и я поклялся никогда больше не ѣздить верхомъ по Гренадской дорогѣ.

Digitized by Google

Я пробылъ въ дорогѣ пять мѣсяцовъ, и мной овладѣло уныніе. Я грустилъ, не находя уже въ себѣ кипучаго рвенія первыхъ моихъ путешествій. Что сталось съ этими летучими мечтаніями, съ этими плодотворными стремленіями, съ этой неисчерпаемой силой? Увы! я не умѣлъ уже путешествовать. Все мнѣ казалось пустымъ и тусклымъ: я думалъ о Франціи. Удивляются, говорилъ я самому себѣ, что Французы не путешествуютъ. Выдумайте край веселѣе ихъ отечества, и они отправятся смотрѣть на него. Рыскаютъ по свѣту тѣ люди, которымъ не сидится у себя дома. Поразсудивши хорошенько обо всемъ, я взялъ мѣсто на Барселонскомъ пароходѣ, и далъ себѣ слово оставлять впередъ свое отечество, какъ можно рѣже.

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СЕМЕЙСТВО КАКСТОНЪ.

Романъ Бульвера.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Мальчикъ, мистеръ Какстонъ, мальчикъ! — Отецъ мой погруженъ былъ въ чтеніе. Мальчикъ! повторилъ онъ съ видимымъ смущеніемъ, поднявъ глаза.—Что такое мальчикъ?

При такомъ вопросѣ, отецъ вовсе не думалъ начинать философическаго изслѣдованія, и требовать у безграмотной женщины, ворвавшейся въ его кабинетъ, рѣшенія психологической и физіологической задачи, затрудняющей до сихъ поръ ученыхъ мудрецовъ: «*что такое человѣкъ?*» — Возьмите первый словарь, и онъ скажетъ вамъ, что мальчикъ есть дитя мужскаго пола,.... т. е. юная мужская отрасль человѣка. Кто хочетъ пускаться въ изслѣдованія и наукообразно узнать, что такое мальчикъ, долженъ сперва опредѣлить, что такое человѣкъ.

Отецъ мой прочелъ Бюффона, Монбоддо, епископа Берклея, профессора Комба, всѣхъ авторовъ-матеріалистовъ Эпикурейской школы, всѣхъ умозрителей школы Зенона, и пр. пр. — Слѣдовательно, признавая, что мальчикъ есть юная мужская отрасль человѣка, онъ могъ, сказать себѣ, по произволу:

«Человѣкъ есть желудокъ: слѣдовательно, мальчикъ есть юный желудокъ мужскаго пола.

Digitized by Google

«Человѣкъ есть разумъ: слѣдов. мальчикъ есть юный разумъ мужскаго пола.

«Человѣкъ машина: слѣдов. мальчикъ есть юная машина мужскаго пола.

«Человѣкъ безхвостная обезьяна: слѣдов. мальчикъ есть юная безхвостная обезьяна мужскаго пола.

«Человѣкъ сліяніе, сродство газовъ: слѣдов. мальчикъ есть юное сліяніе мужскаго пола газовъ.

«Человѣкъ призракъ: слѣдов. мальчикъ есть юный призракъ мужскаго пола.» И такъ далѣе, до безконечности.

Но, если бы ни одно изъ этихъ опредѣленій не удовольствовало любезнательности отца моего, то конечно не сталъ бы онъ у мистрисъ Приммисъ просить новаго опредѣленія.

Судьба однакоже хотѣла, чтобъ въ эту минуту отецъ мой занятъ былъ важнымъ вопросомъ: «Кѣмъ сочинена Иліада? Гомеромъ? или многими авторами, которыхъ пѣсни собраны и сложены во-едино, обществомъ умныхъ людей?» Слово: *мальчикъ*! коснувшись его слуха, не отвѣчало на его умственное недоумѣніе, и спросивши у мистрисъ Приммисъ, что такое мальчикъ? онъ нисколько не думалъ о вопросѣ своемъ, и только выразилъ имъ замѣшательство человѣка, внезапно встревоженнаго и удивленнаго.

— Вотъ прекрасно! что такое мальчикъ,—отвѣчала мистрисъ Приммисъ: — разумѣется, вашъ новорожденный.

— Новорожденный! повторилъ отецъ, вскакивая. Какъ что? неужели вы думаете, что мистрисъ Какстонъ?.... Да говорите же!

— Безъ всякаго сомнѣнія, отвѣчала мистрисъ Приммисъ, а я съ роду не видывала такого миленькаго мальчика.

— Бѣдная, бѣдная! сказалъ отецъ съ глубокимъ состраданіемъ. Такъ скоро, такъ непонятно скоро! Давно ли мы обвѣнчались!

— Давно ли? вскричала мистрисъ Приммисъ обиженнымъ голосомъ. Что вы это, мистеръ; кажется, уже прошло одиннадцать мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ какъ вы обвѣнчались!

— Одиннадцать мѣсяцевъ! сказалъ отецъ, вздыхая. Одиннадцать мѣсяцевъ! а я еще не кончилъ пятидесяти

Digitized by Google

страницъ моего возраженія на чудовищную теорію Вольфа! Въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ образовалось цѣлое дитя, съ руками, съ ногами, съ глазами и со всѣми прочими принадлежностями. Дитя вполнѣ совершенное, а бѣдное дитя головы моей (тутъ отецъ важно положилъ руку на трактатъ свой) по сію пору еще не воплотилось! О, жена моя драгоцѣнная женщина! Сохрани ее Господь и пошли мнѣ силу принять достойно такое благоволеніе!

— Однакоже мистеръ, вамъ вѣрно угодно взглянуть на новорожденнаго? Пойдемте, пойдемте со мною.

И мистрисъ Примминсъ ласковой рукою потащила отца моего за рукавъ.

— Взглянуть? конечно, конечно! сказалъ отецъ съ предоброй улыбкой. Взглянуть! ужъ меньше этого я ничего не могу сдѣлать въ разсужденіи мистрисъ Каксгонъ; бѣдная такъ много страдала! бѣдная! душенька!

Тогда отецъ важно, завернувшись въ шлафорокъ, пошелъ за мистрисъ Примминсъ, которая привела его въ первый этажъ и ввела въ темную комнату, тщательно занавѣшанную.

— Каково тебѣ, другъ мой? спросилъ отецъ съ сострадательною нѣжностью, ощупью подходя къ постелѣ.

Слабый голосъ прошепталъ:

«Лучше теперь, я такъ счастлива!»

М-съ Примминсъ въ ту же минуту потащила отца моего въ другую сторону, подняла занавѣсъ маленькой колыбели, и поднесла свѣчу почти къ самому носу новорожденнаго. Вотъ онъ, сказала она, благословите его!

— Вѣрно вы не сомнѣваетесь, мистрисъ Примминсъ, что я благословляю его, сказалъ отецъ съ маленькой досадой. Мнѣ долгъ велитъ благословлять его. Буди благословенъ! — И вотъ какими родимся мы на свѣтъ.... Красными, очень красными.... напередъ краснѣющими отъ всѣхъ будущихъ нашихъ глупостей.

Отецъ сѣлъ на стулъ сидѣлки, всѣ женщины столпились около него. Онъ продолжалъ разсматривать содержаніе колыбели, и сказалъ наконецъ тихо:

«Самъ Гомеръ былъ похожъ на это!»

Digitized by Google

Въ это мгновеніе, подобіе новорожденнаго Гомера, обезпокоенный вѣроятно близостью свѣчи къ слабымъ его глазкамъ, испустилъ первые, нестройные звуки, данные ему природой.

— Гомеръ пѣлъ лучше, когда выросъ, замѣтилъ Г. Скиль акушеръ, который въ углу комнаты занимался какою-то таинственной работой.

Отецъ заткнулъ себѣ уши.

— Маленькія существа могутъ произвести много шуму, замѣтилъ онъ весьма мудро, и чѣмъ меньше существо, тѣмъ больше можетъ оно шумѣть.

Говоря такимъ образомъ, онъ на цыпочкахъ прокрался къ кровати, взялъ бѣлую ручку, къ нему протянутую, и прошепталъ нѣсколько словъ, вѣроятно пріятныхъ слуху той, до которой дошли они, потому что бѣлая ручка, освободившись изъ руки отца моего, обвилась вокругъ его шеи. Онъ нагнулся.... и звукъ нѣжнаго поцѣлуя раздался среди молчанія тихой комнаты.

— Мистеръ Какстонъ! вскричалъ Г. Скиль съ упрекомъ: вы волнуете больную мою, пора вамъ уйти.

Отецъ мой выпрямился, обратилъ къ Г. Скилю спокойно свое лице, отеръ глаза рукою и исчезъ безъ шума за дверью.

— Кажется мнѣ, сказала одна изъ женщинъ, сидѣвшихъ по другую сторону кровати мистрисъ Какстонъ, что мужъ вашъ могъ бы изъявить больше радости.... то есть, больше чувства, увидѣвъ дитя свое.... и какое дитя! Но всѣ мужчины одинаковы; повѣрьте мнѣ, милая, они всѣ ничего не чувствуютъ.

— Бѣдный Робертъ, сказала матушка, вздыхая, какъ вы несправедливо объ немъ судите!

— Мнѣ должно теперь выслать отсюда всѣхъ, сказалъ Г. Скиль. А вы усните, мистрисъ Какстонъ, и спите, спите сколько можно долѣе.

— Г. Скиль, сказала матушка, отодвигая занавѣсь слабой рукой, прошу васъ, посмотрите, не нужно ли чего мистеру Какстону.... Скажите ему, чтобъ онъ не сердился

Digitized by Google

что я не приду.... Скоро, не правда ли, скоро, мнѣ можно будетъ сойти внизъ?

— Скоро, сударыня, если теперь будете спокойно лежать.

— Не забудьте же моей просьбы, и ты тоже, Приммисъ. Боюсь, что всѣ теперь безъ вниманія оставили нашего хозяина. Приммисъ, милая, о смотри и провѣтри его ночной колпакъ.

— Прекрасныя творенія, эти женщины! думалъ Г. Скиль, выпроваживая всѣхъ набившихся въ комнату родильницы, выключая мистрисъ Приммисъ и сидѣлки, и направляя шаги свои къ кабинету М. Какстона.

— Джонъ, сказалъ онъ слугѣ, попавшемуся ему въ корридорѣ, неси ужинъ въ комнату твоего господина и приготовь намъ хорошенькій пуншъ.

ГЛАВА II.

— Мистеръ Какстонъ, нельзя ли знать, какимъ образомъ вы женились? — спросилъ Г. Скиль, наливая себѣ стаканъ пуншу.

Такой задушевный вопросъ могъ бы оскорбить инаго разумнаго человѣка, но мой отецъ никогда не допускалъ до себя никакого непріязненнаго чувства.

— Скиль, — сказалъ онъ, откладывая въ сторону книгу и довѣрчиво прижимая пальцемъ руку акушера. Скиль, я самъ буду очень радъ, если узнаю, какимъ образомъ могъ я жениться.

Г. Скиль былъ врачь веселый, бодрый, плотный; прекрасные бѣлые зубы украшали его искренній смѣхъ. Г. Скиль былъ философъ на свой ладъ; онъ изучилъ человѣческую натуру, вылечивая больныхъ своихъ, и увѣрялъ, что мистеръ Какстонъ самъ поучительнѣе всѣхъ книгъ его библіотеки. И такъ Г. Скиль засмѣялся и потеръ себѣ руки.

Отецъ мой продолжалъ спокойно, нравоучительнымъ тономъ:

— Въ жизни человѣка три великія происшествія: рожденіе, женидьба и смерть. Не многіе знаютъ, какъ они ро-

Digitized by Google

дились! не многіе, какъ умираютъ! Но, хотя подозрѣваю, что многіе могутъ дать себѣ отчетъ въ середнемъ явленіи.... я не знаю какъ женился.

— Вы женились не по корыстному разсчету, вѣроятно по любви, замѣтилъ Г. Скиль: ваша молодая жена и хороша собою, и добра.

— Ахъ, сказалъ отецъ, теперь помню....

— Въ самомъ дѣлѣ? вскричалъ обрадованный Скиль, Ну, что же, мистеръ Какстонъ? какъ это случилось?

Отецъ мой, по обыкновенію своему помѣшкавъ, отвѣчалъ, какъ будто говоря самому себѣ, а не Скилю:

— Добрѣйшій, благодѣтельнѣйшій человѣкъ! лучшій изъ людей! бездна учености! *abyssus eruditionis!* и мнѣ оставилъ все имѣніе, какое у него было, мимо родныхъ и кровныхъ, мимо Джака и Китти! Да, все имѣніе, всѣ книги Греческія, Латинскія, Еврейскія, всѣ, какія могъ онъ передать слабой рукою своею!....

— Да кто же? спросилъ Скиль. О комъ говоритъ онъ?

— Такъ сударь, продолжалъ отецъ, таковъ былъ Жиль Фиббетъ, магистръ, *sol scientiarum*, солнце знанія, мой дорогой профессоръ, отецъ бѣдной Китти. Онъ оставилъ мнѣ книги свои, свои Эльзевиры и сироту-дочь.

— А, а! онъ женилъ васъ?

— Нѣтъ, онъ далъ мнѣ ее въ опеку; она переѣхала сюда, жить со мною. Дурнаго тутъ ничего не было, но сосѣдямъ показалось иначе, и вдова Вальтраумъ сказала мнѣ, что это повредитъ репутаціи бѣдной сироты. Что жъ мнѣ было дѣлать? Да, теперь помню все, все! Я женился, затѣмъ чтобы дочь моего стараго друга имѣла прибѣжище и спокойный уголъ. Бѣдная дѣвушка! Я принужденъ былъ предложить ей покровительство скучнаго мужа, отшельника, живущаго въ библіотекѣ своей, какъ улитка въ раковинѣ, *cochlea vitam agens*. По несчастію, Скиль, только эту раковину могъ я предложить бѣдной молодой сиротѣ.

— Мистеръ Какстонъ, я уважаю васъ! сказалъ съ восторгомъ Г. Скиль, и такъ живо припрыгнулъ на креслахъ, что пролилъ цѣлую ложку горячаго пуншу на ноги отца моего.

Digitized by Google

У васъ прекрасное сердце, и теперь понимаю, за что жена ваша такъ любитъ васъ. Наружность у васъ холодная, между тѣмъ я вижу, что и теперь у васъ на глазахъ слезы.

— Не мудрено, отвѣчалъ отецъ, вытирая ноги: пуншъ этотъ совсѣмъ кипятокъ.

— Сынъ вашъ будетъ утѣшеніемъ отца и матери, продолжалъ Скиль, не замѣчая въ дружескомъ волненіи, что обварилъ своего собесѣдника. Онъ будетъ голубь мира въ вашемъ домашнемъ ковчегѣ.

— Не сомнѣваюсь, жалобно возразилъ отецъ. Только эти голуби не хорошо кричатъ вскорѣ послѣ рожденія. *Non talium avium cantus somnum reducunt.* Впрочемъ, могло быть хуже: у Леды родились двое близнецовъ.

— На прошедшей недѣлѣ, мистрисъ Барнабасъ также родила двойни, сказалъ акушеръ. Но кто знаетъ, что вамъ предназначено въ будущемъ? Пью за здоровье вашего наслѣдника, за здоровье будущихъ его братьевъ и сестеръ!

— Братьевъ и сестеръ! Надѣюсь, что мистрисъ Каксгонъ объ этомъ не заботится, вскричалъ съ негодованіемъ отецъ; она добрая, хорошая жена. Хорошо однажды, а два, три раза — что же тогда со мной будетъ? — Вотъ и теперь, ужъ три дня ни одна бумага не прибрана къ мѣсту, ни одно перо не очинено, а я терпѣть не могу слабыхъ перьевъ, мнѣ нужно *cuspidem duriusculam.* Вотъ и хлѣбникъ приносилъ мнѣ счетъ. Нѣтъ, Скиль, Иллитіи непріятныя богини.

— Что такое Иллитіи? спросилъ акушеръ.

— Вамъ-то именно и должно бы знать это, отвѣчалъ отецъ, улыбнувшись. Иллитіями называютъ тѣхъ женскаго пола демоновъ, которыя покровительствуютъ неогилосамъ, то есть новорожденнымъ. — Имя ихъ дано имъ Юноной, смотри Гомера книгу XI. — Кстати: мой неогилосъ какъ будетъ воспитанъ? Какъ Гекторъ? или какъ Астіанаксъ? *Videlicet*, т. е. чье молоко воспитаетъ его? Материнское, или кормилицы?

— А какъ вамъ кажется лучше? спросилъ въ свою очередь Скиль, размѣшивая сахаръ въ стаканѣ. Въ этомъ случаѣ, я за долгъ почитаю соображаться съ желаніемъ отца.

Digitized by Google

— Кормилицу, кормилицу! сказалъ тогда мой отецъ, пусть носитъ она его *про kolpo*, у груди своей. Знаю все, что писано о матеряхъ, которыя кормятъ или не кормятъ дѣтей; но бѣдная моя Китти такъ нѣжна, такъ чувствительна, что здоровая, добрая крестьянка лучше укрѣпитъ нервы сына и самой матери. Да и мнѣ будетъ лучше; добрая милая Китти! безъ нея, я и теперь совсѣмъ пропалъ. Когда жъ она встанетъ, Скиль?

— О скоро! недѣли черезъ двѣ.

— Тогда мы пошлемъ неогилоса въ школу! *про kolpo* кормилицу туда же, и все пойдетъ прежнимъ чередомъ, сказалъ отецъ, съ особеннымъ, ему свойственнымъ выраженіемъ таинственной веселости.

— Въ школу? новорожденнаго?

— Чѣмъ ранѣе въ школу, тѣмъ лучше, утвердительно сказалъ отецъ; это мнѣніе Гельвеція, и я съ нимъ совершенно согласенъ.

ГЛАВА III.

Часто говорили мнѣ, что я былъ чудесный ребенокъ; я этому вѣрю; однакожъ я не самъ узналъ все то, что разсказалъ вамъ въ предъидущихъ главахъ. Поступки отца моего при моемъ рожденіи такъ сильно поразили свидѣтелей; Г. Скиль и мистрисъ Приммисъ такъ часто повторяли мнѣ всѣ тѣ же подробности, что мнѣ все стало столько же извѣстно, сколько и этимъ достойнымъ особамъ. Кажется, вижу передъ собою отца въ сѣренькомъ шлафорѣ, съ улыбкой полунасмѣшливой, полупростодушной, одному ему свойственной, и слышу, какъ онъ соглашается съ Гельвеціемъ, чтобъ послать меня въ школу, тотчасъ послѣ моего рожденія. Дѣйствительно, одна только мать могла сказать, что знаетъ отца моего. Иные называли его мудрецомъ, другіе помѣшаннымъ. Онъ принималъ равнодушно и презрѣніе и похвалу, подобно Демокриту, какъ сказываетъ Ипократъ въ письмѣ своемъ къ Домагену. Окрестное духовенство почитало его, называя ученымъ, живой энциклопедіей;

Digitized by Google

дамы смѣялись надъ нимъ, какъ надъ разсѣяннымъ педантомъ, не слѣдующимъ и простымъ правиламъ угодливости. Бѣдные любили его за щедрую милостыню, но насмѣхались надъ простотой, съ какою поддавался онъ всякому обману. Земледѣльцы и агрономы благодарили его часто за полезные совѣты, а между тѣмъ всѣ обыкновенныя житейскія дѣла предоставлялъ онъ матушкѣ, съ явною неспособностью дѣйствовать самому. Однакожъ, если въ тѣхъ же житейскихъ дѣлахъ, кто другой требовалъ отъ него помощи, взглядъ его оживлялся, лице его озарялось внезапной ясностью, и желаніе быть полезнымъ внушало ему разсудительность житейскую, глубокую. Лѣниво и неохотно занимался онъ собственными выгодами, но доброжелательство приводило въ движеніе всѣ пружины спокойной машины.

Мудрено ли, что такой характеръ былъ для многихъ загадкой? Одной только матушкѣ Робертъ Какстонъ казался лучшимъ и величайшимъ изъ людей. Она поняла его вдохновеніемъ сердца: потому отгадывала всѣ выраженія его физіономіи, и изъ десяти, девять разъ знала напередъ, что онъ намѣренъ сказать. Но и для нея оставалось въ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ много тайнаго, глубокаго, куда не могъ проникнуть ея женскій умъ! Иногда, слушая его полуслова, его монологи, она начинала сомнѣваться въ себѣ, или готова была вѣрить помѣшательству мужа. Это случалось тогда, когда на лицѣ его изображалась сдерживаемая ирония, когда выговаривалъ юмористическую шутку, смыслъ которой предоставлялъ себѣ самому. Въ такихъ случаяхъ, то, что говорилъ онъ, могло казаться очень важно, или очень смѣшно, судя по степени понятливости его слушателей.

Нужно ли прибавить, что тотчасъ послѣ рожденія меня не отправили въ школу, по крайней мѣрѣ въ школу, какую разумѣлъ Г. Скиль. Комната, въ которой я жилъ съ кормилицей, была такъ отдалена, матушка такъ заботливо убила войлоками двойную дверь, что отецъ могъ, если хотѣлъ, совершенно забыть о моемъ существованіи. Однакоже, иногда ему, волею-неволею, напоминали объ этомъ существованіи, какъ напр. при моемъ крещеніи. Отецъ мой

Digitized by Google

по любви своей къ уединенію, ненавидѣлъ все, что подобилось публичнымъ зрѣлищамъ и церемоніямъ. Съ неудовольствіемъ примѣтилъ онъ, что готовится какой-то большой праздникъ, въ которомъ ему придется играть главную роль. Не смотря на разсѣянность, на произвольную глухоту, онъ слышалъ, что пріятно воспользоваться прибытіемъ епископа въ ближній городъ, и что необходимо нужно достать еще дюжину стаканчиковъ съ сахарнымъ желе. Въ слѣдствіе этого, когда къ нему пришли съ вопросами о крестномъ отцѣ и матери, онъ догадался, что долженъ отважнымъ усиліемъ освободиться отъ предстоящей напасти. Когда матушка объявила день, назначенный семьею, то отецъ вдругъ вспомнилъ, что за двадцать миль объявленъ огромный аукціонъ книгъ, и что продажа продолжится цѣлые четыре дня. Матушка, которая начинала уже снимать чехлы съ креселъ въ большой гостиной, вздохнула и робкимъ голосомъ замѣтила, что это покажется неприличнымъ, что всѣ будутъ толковать объ отсутствіи отца моего. «Не лучше ли отложить крестины?»

— Нѣтъ, нѣтъ, милый другъ! отвѣчалъ отецъ. Вѣдь рано или поздно, крестить надобно. Епископъ и безъ меня обойдется. Не перемѣняй назначеннаго дня, потому что тогда аукціонеръ конечно отложитъ также продажу книгъ. Я увѣренъ, что крестины и аукціонъ должны совершиться въ одно время.

Возражать было невозможно; но матушка почти безъ удовольствія докончила убранство своей гостиной.

Пять лѣтъ позднѣе, это не могло бы случиться. Матушка поцѣловала бы отца моего и сказала: «Не ѣзди!» и отецъ не поѣхалъ бы. Но тогда она была еще очень молода и очень робка, а онъ, добрый отецъ мой, не испыталъ еще домашняго превращенія. Однимъ словомъ, почтовая коляска подъѣхала къ воротамъ и ночной мѣшокъ уложили въ ящикъ.

— Другъ мой, сказала матушка передъ отъѣздомъ: одну важную вещь ты забылъ рѣшить.... Прости меня, что я докучаю тебѣ, но это важно: какъ будутъ звать нашего сына? Не назвать ли его Робертомъ?

Digitized by Google

— Робертомъ?.... сказалъ отецъ, да Робертоиъ меня зовутъ.

— Пусть зовутъ также и сына твоего!

— Нѣтъ, нѣтъ! живо возразилъ отецъ. Въ этомъ не будетъ никакого толку. Какъ тогда различать насъ? Я самъ потеряю свою самобытность: буду думать, что меня посадятъ за азбуку, или мистрисъ Приммисъ положитъ на колѣна къ кормилицѣ.

Матушка улыбнулась, потомъ, положа ручку на плечо отца моего, — а ручка была у ней прекрасная, — она ласково сказала:

— Не страшно, чтобы тебя съ кѣмъ-нибудь смѣшали, даже и съ сыномъ твоимъ. Если же ты лучше хочешь другое имя, то какое же?

— Самуилъ, сказалъ отецъ. Славнаго доктора Парра зовутъ Самуиломъ.

— Какое гадкое имя!

Отецъ не слыхалъ восклицанія и продолжалъ:

— Самуилъ или Соломонъ. Борисъ нашелъ въ этомъ имени анаграмму Омероса.

— Артуръ имя звучное, говорила матушка съ своей стороны; или Вильямъ, Гарри, Карлъ, Джемсъ: какое же ты выберешь?

— Пизистратусъ, сказалъ отецъ презрительно, отвѣчая на собственную мысль, а не на вопросы моей матери. Какъ, неужели Пизистратусъ?

— Пизистратусъ, имя очень хорошо, сказала матушка; Пизистратусъ Какстонъ! Благодарствую, милый другъ; и такъ назовемъ его Пизистратусъ.

— Какъ, неужели ты со мной не согласна? Ты принимаешь сторону Вольфа, Гейне, Вико? Ты думаешь, что рапсоды....

— Пизистратусъ, немного длинно, мы будемъ звать его Систи.

— *Siste viator*, сказалъ отецъ; это очень ужъ пошло.

Digitized by Google

— Нѣтъ, не надобно віаторъ, Систи просто.

Черезъ четыре дня послѣ этого, возвратясь съ аукціона, отецъ мой узналъ, что сынъ его и наслѣдникъ носитъ знаменитое имя тирана Аѳинскаго и предполагаемаго собирателя поэмы Гомера. Когда же ему сказали, что онъ самъ выбралъ это имя, то онъ разсердился столько, сколько такой невозмутимый человѣкъ можетъ сердиться

— Это ни на что не похоже, вскричалъ онъ. Пизистратъ крещенный! Пизистратъ, жившій за 600 лѣтъ до Рождества Христова! Боже мой, сударыня! Вы сдѣлали изъ меня отца анахронизма!

Матушка заплакала, но пособить горю было невозможно. Я былъ анахронизмъ, и остался анахронизмомъ до конца этой главы.

ГЛАВА IV.

— Вы конечно, мистеръ, станете скоро сами воспитывать вашего сына? сказалъ Г. Скиль.

— Конечно, отвѣчалъ отецъ. Вы читали Мартина Скриблера?

— Не понимаю васъ, мистеръ Какстонъ.

— Слѣдовательно, Скиль, вы не читали Мартина Скриблера.

— Положимъ, что я читалъ его.... что жъ изъ этого?

— Только то, Скиль, сказалъ отецъ ласково, что тогда вы узнали бы, что хотя ученый бываетъ часто дуракъ, но чрезвычайно, до крайности глупъ, когда искажаетъ первую страницу бѣлой книги человѣческой исторіи, пачкая ее пошлыми своими педантизмами. Ученый, то есть такой ученый какъ я, меньше всѣхъ способенъ учить и воспитывать маленькихъ дѣтей. Мать, сударь, простая, нѣжная мать, вотъ единственная учительница маленькаго сына.

— По чести, мистеръ Какстонъ, не смотря на Гельвеція, котораго вы цитовали въ день рожденія вашего сына,— думаю, что теперь вы совсѣмъ правы.

— Горжусь этимъ, сказалъ отецъ, столько горжусь, сколько слабому смертному гордиться позволено. Съ Гель-

Digitized by Google

вещемъ я согласенъ въ томъ, что воспитаніе ребенка должно начинаться съ самаго рожденія, но какимъ образомъ? вотъ тутъ-то и затрудненіе. Пошлите его тотчасъ въ школу! Да онъ и теперь въ школѣ, съ двумя великими учителями: природой и любовью. Замѣть то, что дитя и геній находятся подъ властью одинаковаго органа: любопытства. Дайте волю дитяти, и, исходя отъ одной точки съ геніемъ, оно можетъ дойти до того же, до чего доходитъ геній. Одинъ Греческій авторъ разсказываетъ намъ, что нѣкто, желая избавить пчелъ своихъ отъ далекаго летанія на гору Гиметъ, обрѣзалъ имъ крылья и пустилъ ихъ въ цвѣтникъ, наполненный самыми душистыми цвѣтами. Бѣдныя пчелы не набрали меду. Такъ и я, мой милый Скиль, еслибъ собрался учить моего малютку, то обрѣзалъ бы ему крылья и посадилъ бы на тѣ цвѣты, которыхъ ему самому нарвать слѣдуетъ. Предоставимъ его покуда природѣ и той, которая представляетъ природу, матери его.

Говоря такимъ образомъ, отецъ показалъ пальцемъ на своего наслѣдника, который валялся по дерну и рвалъ полевыя астры; не подалеку мать глядѣла на него, улыбаясь, и ободряла его мелодическимъ своимъ голосомъ.

— Вижу, сказалъ Г. Скиль, что я не очень разбогатѣю визитами къ вашему сыну.

Благодаря такимъ правиламъ, я росъ здорово и весело, выучился складывать, потомъ пачкать большія буквы, благодаря совокупнымъ стараніямъ матери и няньки моей Примминсъ. Примминсъ принадлежала къ древней породѣ вѣрныхъ слугъ-сказочницъ, которая теперь уже выводится. Она прежде выходила мать мою, и теперь любовь ея возобновилась къ новому поколѣнію. Она была изъ Девоншира, а женщины Девоншира, особливо тѣ, которыя живутъ близко отъ береговъ моря, всѣ вообще суевѣрны. Она знала невообразимое множество чудесныхъ разсказовъ. Мнѣ еще не было шести лѣтъ, когда я зналъ уже всю первобытную литературу, въ которой заключаются легенды всѣхъ народовъ: *Мальчикъ съ пальчикъ*, *Котъ въ сапогахъ*, *Фортуніо*, *Фортунатусъ*, *Жакъ побѣдитель великановъ*, и пр. преданія,

Digitized by Google

или басни, знакомыя подъ разными видами робкому обожателю Будды и свирѣпому поклоннику Тора. Могу, безъ тщеславія, сказать, что еслибъ меня экзаменовать стали въ этихъ твореніяхъ народнаго воображенія, то я съ честью и славой выдержалъ бы самый строгій допросъ.

Матушка усомнилась наконецъ въ пользѣ такой глубокой учености, и пришла посовѣтоваться съ отцемъ.

— Другъ мой, отвѣчалъ онъ тѣмъ тономъ, который всегда ее смѣшивалъ, потому что она не могла различить, шутитъ ли онъ, или говоритъ серіозно, — иные философы могли бы въ этихъ басняхъ найти символическія значенія самой высокой нравственности. Я самъ написалъ трактатъ о томъ, что *Котъ въ сапогахъ* есть аллегорія успѣховъ человѣческаго разума. Эта аллегорія родилась въ мистическихъ школахъ жрецовъ Египта, въ Ѳивахъ, въ Мемфисѣ, гдѣ обожали кошекъ города; онѣ были религіозными символами, муміи ихъ тщательно хранились.

— Милый Робертъ, сказала матушка съ изумленіемъ, поднявши голубые глаза свои, неужели ты думаешь, что Систи всѣ эти красоты отыщетъ въ обутомъ котѣ?

— Милая Китти, возразилъ отецъ, ты и сама не думала, когда удостоила меня согласиться быть моей подругой, что найдешь во мнѣ всѣ красоты, которыя я вычиталъ въ книгахъ. Ты видѣла во мнѣ невинное существо, по счастію, тебѣ угодное. Мало по малу ты узнала, что во мнѣ заключается цѣлый міръ идей, начитанныхъ въ большихъ моихъ in-quarto, которые хотя для самого меня остались еще тайной, но однакоже меня въ твоихъ глазахъ не испортили. Если Систи, какъ ты сына называешь, для избѣжанія вѣроятно, этого проклятаго анахронизма, — если Систи не отыщетъ Египетской мудрости въ *Котѣ въ сапогахъ*, что нужды! Котъ въ сапогахъ невинная сказка, которая забавляетъ его воображеніе. Можно назвать мудростью все, что невиннымъ образомъ возбуждаетъ любопытство: то, что въ младенчествѣ нравится воображенію, измѣняется послѣ въ любовь къ наукѣ. И такъ, моя милая, возвратись спокойно къ своему сыну.

Digitized by Google

Не думай однакоже, читатель, что лучшій изъ людей былъ въ глубинѣ сердца равнодушенъ къ докучливому своему неогилосу, потому что казался такъ равнодушенъ въ минуту моего рожденія и такъ небрежно смотрѣлъ на первое мое воспитаніе. Выростав, я убѣдился, что бдительный взоръ отца слѣдитъ за мною. Помню очень одно происшествіе, которое является мнѣ теперь, при обзорѣ всего прошедшаго, кризисомъ моей младенческой жизни и видимой связью моего дѣтскаго сердца съ этой великой и спокойною душею.

Это было въ Іюнѣ. Отецъ сидѣлъ на лужайкѣ передъ домомъ, съ надвинутой на глаза соломенной шляпой и съ книгой на колѣняхъ. Вдругъ, драгоцѣнная фарфоровая ваза, стоявшая на окнѣ верхняго этажа, съ громомъ упала къ ногамъ отца и осколками своими папала въ него. Подобный Архимеду при осадѣ Сиракузъ, батюшка продолжалъ читать: *Impavidum ferient ruinae.*

— Ахъ, Боже мой! закричала матушка, сидѣвшая за работой подъ навѣсомъ: моя прекрасная, голубая ваза которую я такъ любила! Кто могъ столкнуть ее? Приммисъ! Приммисъ!

Мистрисъ Приммисъ высунула голову изъ несчастнаго окошка, и поспѣшно сбѣжала внизъ, блѣдная и запыхавшись.

— Ахъ, сказала печально матушка, лучше бы погибли всѣ мои тепличныя растенія, лучше бы разбили мой хорошій чайникъ, мои прекрасныя Японскія чашки! Этотъ чудный геранiумъ, который я сама выростила, эта дорогая ваза, которую Каксгонъ подарилъ мнѣ въ послѣдній день моего рожденія! Вѣрно этотъ дурной мальчишка сбросилъ мою вазу!

Мистрисъ Приммисъ очень боялась отца моего; за что— не знаю. Кажется, будто всѣ словоохотныя особы боятся немного молчаливыхъ и погруженныхъ въ себя. Она мелькомъ взглянула на господина, и примѣтя, что и онъ становится внимателенъ, вскричала:

— О нѣтъ, сударыня! Это не вашъ милый Сисги, сохрани его Богъ! это я виновата.

Digitized by Google

— Ты? Какъ же ты могла? О Приммисъ! ты знала, какъ я любила мой гераніумъ и мою вазу!

Приммисъ зарыдала.

— Не лги, няня, закричалъ звонкимъ голоскомъ Сисси, и отважно выбѣжавъ изъ дома, продолжалъ съ живостью:

— Не браните нянюшку, маменька! я сбросилъ вазу.

— Молчи! сказала испуганная няня, обращаясь къ отцу, который снялъ шляпу и смотрѣлъ очень серіозно на происходящее. — Молчи, Сисси! Онъ нечаянно уронилъ вазу, сударыня! Право, нечаянно! Говори же Сисси! видишь, папа сердится!

— Хорошо, сказала матушка, вѣрю, что это случилось нечаянно: будь осторожнѣе впередъ, дитя мое. Тебѣ жаль, что ты огорчилъ меня. Поди сюда, поцѣлуемся, и перестань хмуриться.

— Нѣтъ, маменька, не цѣлуйте меня: я этого не стою. Я нарочно бросилъ вазу.

— А, а! сказалъ отецъ, подходя ко мнѣ. Для чего же?

Мистрисъ Приммисъ дрожала какъ листъ.

— Такъ — пошутить отвѣчалъ я, покачивая головою; мнѣ хотѣлось посмотрѣть, какую вы, папенька, сдѣлаете на это гримассу. Вотъ вся правда. Теперь накажите меня! накажите!

Отецъ бросилъ книгу шаговъ на сорокъ отъ себя, нагнулся, поднялъ меня на руки и сказалъ:

— Сынъ мой, ты сдѣлалъ дурное дѣло. Ты исправишь его, вспоминая всю жизнь, что отецъ твой благодаритъ Бога, даровавшаго ему сына, который сказалъ правду, не побоясь наказанія. А вы, мистрисъ Приммисъ, попробуйте научить его еще разъ подобнымъ баснямъ, и мы разстанемся съ вами на вѣкъ.

Черезъ это приключеніе стало мнѣ ясно, что я люблю отца, и что отецъ меня любитъ. Съ тѣхъ поръ началъ онъ разговаривать со мною. Когда мы встрѣчались въ саду, онъ ужъ не по прежнему улыбался, глядя на меня, и кивалъ головою, но останавливался, клалъ книгу въ карманъ, и хотя разговоръ его былъ выше моего понятія, однако я чувство-

Digitized by Google

валъ, что становлюсь лучше, счастливѣе, что, вспоминая его, выростаю умомъ. Вмѣстѣ урока или нравоученія, онъ клалъ мнѣ въ голову мысль, и давалъ ей бродить и развиваться по волѣ. Для примѣра сообщу продолженіе исторіи о гераніумѣ и разбитой вазѣ.

Г. Скиль, старый холостякъ, былъ очень не скупъ и часто приносилъ мнѣ маленькіе подарки. Вскорѣ послѣ разсказаннаго приключенія, принесъ онъ мнѣ вещицу, превышающую цѣною обыкновенные дѣтскіе подарки. Это было прекрасное домино, костяное съ золотомъ. Домино это радовало меня несказанно. По цѣлымъ часамъ игралъ я имъ, и на ночь пряталъ подъ подушку.

— Кажется, ты любишь домино больше всѣхъ твоихъ игрушекъ, сказалъ однажды отецъ, увидѣвши, какъ я въ гостиной раскладывалъ свои костяные параллелограмы.

— О, папенька, больше всѣхъ!

— И очень тебѣ будетъ жалко, если маменькѣ твоей вздумается бросить его изъ окошка и разбить?

Я посмотрѣлъ на отца умоляющимъ взоромъ и не отвѣчалъ ничего.

— Можетъ статься, ты былъ очень счастливъ, продолжалъ онъ, если бы одна изъ этихъ добрыхъ волшебницъ, о которыхъ ты такъ много слыхалъ, вдругъ превратила твой ларчикъ съ домино въ прекрасную голубую вазу съ прекраснымъ гераніумомъ, и ты могъ бы поставить его на окно маменьки?

— О, конечно, я былъ бы очень радъ! отвѣчалъ я съ навернувшейся слезою.

— Вѣрю тебѣ, другъ мой, но добрыя желанія не исправляютъ дурнаго дѣла. Добрые поступки исправляютъ дурныя дѣла.

Сказавши это, онъ затворилъ дверь и ушелъ. Не знаю, до какой степени голова моя возмутилась загадкой отца моего, но во весь тотъ день я не игралъ въ домино. На другое утро, увидѣвъ, что я сижу одинъ подъ деревомъ въ саду, онъ подошелъ ко мнѣ, остановился и, спокойнымъ своимъ взоромъ осмотрѣвши меня, сказалъ:

Digitized by Google

— Дитя мое, я иду гулять до самаго города. Хочешь итти со мною? Да кстати, возьми въ карманъ свое домино, я хочу его показать одному человѣку.

Я побѣжалъ за ларчикомъ домой, и мы пошли вмѣстѣ. Съ гордостью шелъ я подлѣ отца по большой дорогѣ.

— Папенька, сказалъ я, вспоминая вчерашній разговоръ, теперь уже нѣтъ на землѣ волшебницъ?

— А на что тебѣ онѣ?

— Безъ волшебницы кто же можетъ превратить мое домино въ голубую вазу и въ прекрасный гераніумъ!

— Другъ мой, сказалъ отецъ, положивъ мнѣ на плечо руку, всякій человѣкъ, который хочетъ добра серіозно, нешутя, носитъ при себѣ двухъ волшебницъ: одну здѣсь (онъ указалъ мнѣ на сердце), другую тутъ (и пальцемъ тронулъ лобъ мой).

— Папенька, я не понимаю.

— Подожду, пока поймешь, Пизистратъ!

Мы пришли въ городъ; батюшка остановился въ лавкѣ садовника, смотрѣлъ разные цвѣты, и указывая мнѣ на махровый гераніумъ, сказалъ:

— Вотъ этотъ гераніумъ еще лучше того, который мать твоя такъ любила.... Какая цѣна этому гераніуму?

— Семь шиллинговъ, отвѣчалъ садовникъ.

Отецъ застегнулъ карманъ, въ которомъ лежалъ кошелекъ. — Сегодня нельзя мнѣ купить его, сказалъ онъ, и мы вышли.

Далѣе подошли мы къ фарфоровому магазину.

— Есть у васъ цвѣточная ваза, похожая на ту, которую я купилъ у васъ прошлаго года? спросилъ отецъ у купца. Ахъ, вотъ такая же, и цѣна назначена та же: три шиллинга. Ну, дитя мое, мы купимъ эту вазу, когда приблизится день рожденія твоей матери. До того дня еще нѣсколько мѣсяцовъ, но мы ждать можемъ; очень можемъ, Систи; истина, которая цвѣтетъ цѣлый годъ, лучше бѣднаго гераніума, и сдержанное обѣщаніе лучше всякаго украшенія на окнахъ.

Я нагнулъ голову, но скоро поднялъ ее, и радость, съ какою билось сердце, чуть не задушила меня.

Digitized by Google

— Я пришелъ съ вами счесться, сказалъ отецъ, входя въ лавку, гдѣ продавались всякія вещи, бумажныя, бронзовыя, и пр. предметы прихоти. — И пока купецъ доставалъ счетъ свой, — кстати, продолжалъ отецъ, сынъ мой можетъ показать вамъ прекрасный, привезенный изъ Франціи, ларчикъ съ домино. Покажи свой ларчикъ, Сисси.

Я досталъ мое сокровище, и купецъ сталъ хвалить его.

— Не худо знать всегда цѣну вещи, продолжалъ отецъ: случится можетъ надобность продать ее. Скажите намъ пожалуйста, если сыну моему надоѣстъ домино и вздумается продать его, сколько вы за него дадите?

— О, отвѣчалъ купецъ, охотно дамъ ему 18 шиллинговъ, и больше осьмнадцати, если захочетъ промѣнять на другую какую вещь.

— Осьмнадцать шиллинговъ! вы дадите ему 18 шиллинговъ! Ну, сынъ мой, если захочешь когда-нибудь продать свое домино, то охотно тебѣ позволяю.

Отецъ заплатилъ счетъ и вышелъ. Я пропустилъ его и остался въ лавкѣ; черезъ нѣсколько минутъ, догналъ его на улицѣ.

— Папенька! папенька! кричалъ я, хлопая въ ладоши: мы можемъ купить голубую вазу.... И вынулъ изъ кармана горсть шиллинговъ.

— Видишь, что я правъ, сказалъ отецъ, утирая глаза; ты отыскалъ двухъ волшебницъ.

О! съ какимъ счастіемъ, съ какой гордостью уцѣпился я за платье матушки и потащилъ ее въ комнату, когда поставили туда на окно прекрасную вазу съ гераніумомъ.

— Это купилъ онъ самъ! на собственныя деньги, сказалъ отецъ. Добрымъ поступкомъ исправленъ прежній дурной.

— Возможно ли! вскричала матушка, когда ей все разсказали. Прекрасное твое домино, которымъ ты такъ радовался! Завтра же пойдемъ въ городъ и выкупимъ его, хоть за двойную цѣну!

— Идти ли намъ выкупать домино, Пизистратъ? спросилъ отецъ.

— О, нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! этимъ все испортится! сказалъ я, скрывая голову на груди отца.

Digitized by Google

— Китти! сказалъ торжественнымъ голосомъ отецъ: вотъ мой первый урокъ сыну; я хотѣлъ, чтобы онъ испыталъ святое счастіе пожертвованія собою.... пусть помнитъ онъ его во всю жизнь.

Тѣмъ кончилась исторія гераніума и разбитой вазы.

ГЛАВА V.

Между седьмымъ и осьмымъ годомъ, со мной сдѣлалась перемѣна, которая не удивитъ родителей, наслаждающихся тревожнымъ счастіемъ воспитывать единственнаго сына. Живость и веселость, свойственныя дѣтямъ, исчезли, я сдѣлался тихъ и задумчивъ. Отсутствіе дѣтей одного со мной возраста, общество людей зрѣлыхъ, смѣняясь съ совершеннымъ уединеніемъ, преждевременно образовали вомнѣ воображеніе и разумъ. Страшныя сказки, разсказанныя мнѣ нянюшкой во время прогулокъ нашихъ лѣтомъ, у камина зимою; усилія юнаго моего разума, чтобы понять глубокую мудрость косвенныхъ уроковъ отца: все вмѣстѣ питало во мнѣ склонность къ мечтательности, и плѣняло, какъ утренняя борьба между сномъ и бдѣніемъ. Я любилъ читать и писалъ скоро и охотно; начиналъ уже покрывать различными опытами сказокъ бѣлыя страницы тетрадей, данныхъ мнѣ для грамматики или ариѳметики. Больше всего смущалась душа моя чрезмѣрностью семейной нашей любви: было что-то болѣзненное въ моей привязанности къ отцу и къ матери. Я плакалъ иногда при мысли, что ничѣмъ не могу вознаградить ихъ за любовь, придумывалъ различныя опасности, которымъ подвергался бы для ихъ спасенія. Всѣ такія ощущенія разстроивали мои нервы. Явленія природы сильно на меня дѣйствовали, и я съ безпокойнымъ любопытствомъ отыскивалъ тайну радостей моихъ и слезъ. Съ этой сентиментальной метафизикой соединялось еще честолюбіе науки: мнѣ хотѣлось, чтобы отецъ толковалъ мнѣ химію и астрономію; чтобы Г. Скиль, страстный ботаникъ, открылъ мнѣ тайны жизни цвѣтовъ. Музыка особенно сдѣлалась любимѣйшей моей страстью. Матушка родилась артист-

Digitized by Google

кой; она аккомпанировала себѣ съ геніальнымъ вкусомъ; невозможно было было слушать равнодушно ея пѣнія. Будучи дочерью ученаго, женою ученаго, она совершенно бросила книги и всѣ прочія пріятныя искусства, чтобы предаться музыкальному своему влеченію. Съ восторженной меланхоліей проводилъ я цѣлые часы, принимая въ душу ея пѣніе. Легко представить себѣ, какое превращеніе такой образъ жизни произвелъ въ моемъ дѣтскомъ нравѣ, и какъ мало по малу вредило оно моему здоровью: я худѣлъ, сдѣлался вялъ, унылъ, жаловался на головную боль, на боль желудка. Призвали Г. Скиля.

— Крѣпительныхъ, крѣпительныхъ! сказалъ Г. Скиль. Не давайте ему углубляться въ книги, пусть играетъ больше на воздухѣ. Поди сюда, другъ мой; вотъ этотъ органъ слишкомъ много развитъ! (Г. Скиль былъ френологъ и показалъ пальцемъ на лобъ мой.) О! о! вотъ шишка идеализма.

Отецъ положилъ свои манускрипты, и сталъ ходить по комнатѣ, не говоря ни слова, до самыхъ тѣхъ поръ, пока Г. Скиль уѣхалъ.

— Другъ мой, сказалъ онъ тогда матушкѣ, къ груди которой я прижимался свою шишку идеализма, другъ мой, Пизистрата надобно отправить въ пансіонъ.

— Сохрани Богъ, Робертъ! въ такія лѣта!

— Ему скоро девять лѣтъ.

— Онъ такъ много знаетъ для своихъ лѣтъ!

— Именно потому-то и надобно ему быть въ пансіонѣ.

— Не понимаю тебя, мой другъ. Правда, я ничему не могу научить его; но ты, — ты такой ученый....

Отецъ взялъ руку матушки и сказалъ:

— Теперь ни ты, Китти, ни я, ничему научить его не можемъ. Въ пансіонѣ найдутся учители....

— Педагоги, вѣроятно невѣжи въ сравненіи съ тобой.

— Нѣтъ, не педагоги, а маленькіе товарищи, которые опять превратятъ его въ ребенка, сказалъ печально отецъ. Милая жена, помнишь ли орѣшникъ, посаженный нашимъ садовникомъ? Ему было ужъ три года, и ты считала уже, сколько орѣховъ принести онъ можетъ, когда вдругъ нашла,

Digitized by Google

что его срѣзали почти до корня. Тебѣ стало досадно, но что сказалъ садовникъ? «Не надобно, сударыня, чтобы слишкомъ молодое дерево приносило плоды.» — И здѣсь что же мы обязаны сдѣлать? Остановить развитіе плода, чтобы продлить жизнь растенія.

— Поѣду въ пансіонъ, сказалъ я, поднимая слабую голову и улыбаясь отцу.

Я тотчасъ понялъ его причины, и казалось, что голосъ жизни моей отвѣчалъ за меня.

ГЛАВА VI.

Годъ спустя послѣ исполненія предположеннаго плана, я возвратился домой на время вакацій.

— Хорошо ли учится Систи? сказала мать. Мнѣ кажется, что онъ совсѣмъ не такъ уменъ сталъ и понятливъ, какъ былъ до отъѣзда въ пансіонъ. Поэкзаменуй его, Робертъ.

— Я ужъ экзаменовалъ его, милая, и очень доволенъ. Онъ, теперь именно, таковъ, какимъ я надѣялся, что будетъ.

— Какъ, тебѣ кажется, онъ сдѣлалъ успѣхи? сказала мать.

— Теперь онъ и не думаетъ о ботаникѣ, сказалъ Г. Скиль.

— А какъ онъ прежде любилъ музыку! со вздохомъ сказала матушка. Ахъ Боже мой! что это за стукъ!

— Это пушка сына твоего выстрѣлила въ окно, сказалъ отецъ. И счастливо еще, что въ окно, а не въ голову Скиля, какъ мѣтилъ онъ вчера.

— Вчера попалъ онъ мнѣ по лѣвому уху, сказалъ Г. Скиль, и теперь еще больно. А вы довольны, мистеръ Какстонъ?

— Доволенъ; мнѣ кажется, что мальчикъ нашъ сталъ также вѣтренъ и такой же невѣжа, какъ большая часть мальчишекъ въ его лѣта, замѣтилъ отецъ съ радостнымъ лицемъ.

— Что ты говоришь, Робертъ! невѣжа!

— Зачѣмъ же другимъ посылалъ я его въ пансіонъ? возразилъ отецъ мой, и замѣтивъ удивленіе, выразившееся

Digitized by Google

на лицахъ жены и Скиля, всталъ, подошелъ къ камину, положилъ руку въ жилетъ, что дѣлалъ онъ всегда, когда готовился изъяснить какую-нибудь философскую свою систему, и сказалъ: Докторъ Скиль, у васъ велика практика?

— Слишкомъ велика, отвѣчалъ добрый врачь; я ищу себѣ помощника.

— Во многихъ домахъ, гдѣ вы лечите, могли вы конечно замѣтить дѣтей, которыхъ отецъ, мать, дяди, тетки, провозглашаютъ необыкновенными чудами?

— По одному въ каждомъ домѣ, отвѣчалъ смѣясь, Скиль.

— Легко утверждать, что эти чуда, эти геніи кажутся таковыми родительскому пристрастію; совсѣмъ нѣтъ. Разсмотрите сами ребенка: вы изумитесь, увидя, какое у него алчное любопытство, живая понятливость, быстрый умъ, нѣжное чувство. Случается даже, что какая-нибудь способность широко развернулась: дитя, склонный къ математикѣ, сдѣлаетъ вамъ модель парохода; рожденный съ поэтическимъ ухомъ напишетъ поэму въ родѣ тѣхъ, которыя выучилъ въ хрестоматіи, или будетъ страстнымъ ботанистомъ, какъ Пизистратъ, или хорошо будетъ играть на фортепіано. Вы сами, докторъ, скажете, что такое дитя чудо.

— По чести, много истины въ томъ, что вы говорите, отвѣчалъ Г. Скиль. Маленькій Томъ Добесъ чудо; маленькій Франкъ Стопингтонъ тоже; а маленькаго Джони Стейксъ приведу когда-нибудь сюда, чтобъ вы послушали, какъ онъ разсуждаетъ объ натуральной исторіи и какъ распоряжается своимъ маленькимъ микроскопомъ.

— Избави меня Богъ! сказалъ отецъ; но дайте мнѣ досказать. Эти чуда, эти *thaumata*, на долго ли они? До тѣхъ поръ, пока отправятъ ихъ въ пансіонъ, и тогда эти thaumata исчезаютъ, какъ призраки при пѣніи пѣтуха. Поживетъ годъ въ пансіонѣ, и ни отецъ, ни мать, ни дяди, ни тетки, не станутъ докучать вамъ разсказами о его подвигахъ и рѣчахъ. Необыкновенное дитя сдѣлается обыкновенный дитя сдѣлается обыкновеннымъ мальчишкой. Не такъ ли, Скиль?

Digitized by Google

— Вы совершенны правы, мистеръ Какстонъ. Странно мнѣ одно, какъ вы все это замѣтили, когда кажется, будто вы....

— Тсь, перервалъ его отецъ, и обернувшись къ смутившейся матушкѣ, сказалъ, утѣшая ее: Успокойся, милая! это все премудро устроено, все къ лучшему.

— Виновата школа, сказала матушка, качая головою.

— Нѣтъ, полезна школа, милая Китти. Оставь дома одного изъ этихъ необыкновенныхъ дѣтей, это чудо, въ родѣ нашего Систи, что будетъ? Голова выростетъ велика, а тѣло станетъ худѣть больше и больше. — Не правда ли, Скиль? Голова будетъ отнимать у тѣла питаніе, до тѣхъ поръ, пока, въ свою очередь, болѣзненное тѣло уничтожитъ умъ. Видишь, какой прекрасный дубъ стоитъ посреди̇ѣ этой лужайки? Еслибъ его выращивалъ Китаецъ, то пяти лѣтъ вышло бъ изъ него миніатюрное дерево, а ста лѣтъ, его можно бы поставить на столъ въ хорошенькой вазѣ. Сначала привлекалъ бы онъ любопытство раннимъ своимъ развитіемъ, потомъ двойное еще вниманіе, состарѣвшись карликомъ. Нѣтъ, нѣтъ, школа есть осколокъ таланта; возвратите будущаго карлика въ его дѣтской натурѣ, пусть вырастаетъ онъ здорово, медленно и естественно. Можетъ статься, не будетъ онъ *великимъ*, но за то будетъ человѣкомъ, а это лучше, чѣмъ всю жизнь остаться Джонни Стейксомъ, или дубомъ въ пилюльной коробочкѣ.

Въ эту минуту я вбѣжалъ въ горницу, запыхавшись, раскраснѣвшись, цвѣтущій здоровьемъ, сильный и чувствуя, что дѣтское сердце бьется у меня въ груди.

— Маменька, кричалъ я, подите сюда, я пустилъ змѣй, — высоко, высоко.... подите, посмотрите! Папенька, придите и вы.

— Охотно, отвѣчалъ отецъ, только не кричи такъ громко; змѣи поднимаются безъ всякаго крика, а видишь, летаютъ высоко надъ нами. Пойдемъ, Китти, гдѣ моя шляпа? Ахъ, благодаруй, дитя мое.... Китти, сказалъ отецъ, смотря на змѣй, который, привязанный къ воткнутому въ землю колу, тихо плавалъ подъ небесами: кто знаетъ, нашъ змѣй не поднимется ли также на такую же высоту? Въ душѣ чело-

Digitized by Google

вѣческой есть больше способности возвышаться, нежели въ нѣсколькихъ листахъ бумаги наклеенной на палочки; замѣть, однако, что его надобно нѣсколько придерживать, привязать къ землѣ, не то пропадетъ въ пространствѣ, и чѣмъ выше онъ летаетъ, тѣмъ длиннѣе нужно спускать ему веревку.

ГЛАВА VII.

Двѣнадцати лѣтъ я былъ первымъ въ школѣ, куда меня помѣстили; мнѣ стали искать другую, достойнѣе юнаго моего честолюбія. Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, я снова пристрастился къ наукѣ: но это была не болѣзненно-мечтательная страсть, а любовь бодрая, дѣятельная, подстрекаемая соревнованіемъ и укрѣпленная успѣхами.

Отецъ не думалъ уже сдерживать умственныя мои усилія. Онъ такъ уважалъ науку, что невольно желалъ видѣть во мнѣ ученаго, хотя нѣсколько разъ печально повторялъ мнѣ:

— Дитя мое, обладай книгами, но не давай имъ обладать тобою. Читай и живи, но не живи для одного чтенія. Довольно въ семьѣ одного невольника науки: мое рабство не должно быть наслѣдственное.

Въ слѣдствіе этого, отецъ искалъ для меня школы высшей, и слава Филелинническаго института доктора Германа достигла до его свѣдѣнія.

Этотъ славный докторъ Германъ былъ сынъ Нѣмецкаго музыканта, поселившагося въ Англіи; онъ кончилъ свое воспитаніе въ Боннѣ, въ университетѣ; но увидѣвъ, что наука слишкомъ дешевый и общій товаръ въ Германіи, рѣшился на Англійской почвѣ основать школу, которая стала бы *эпохой въ исторіи ума человѣческаго.* Докторъ Германъ былъ одинъ изъ первыхъ преобразователей новѣйшаго способа ученія. Эти преобразователи умножились съ тѣхъ поръ, и подорвали бы классическіе наши пансіоны, если бы эти послѣдніе не перенимали нѣкоторыхъ полезныхъ нововведеній, изъ ихъ путаницы.

Digitized by Google

Докторъ Германъ напечаталъ многія сочиненія противъ всѣхъ существующихъ методъ. Всѣхъ извѣстнѣе было сочиненіе противъ *мерзостнаго* способа учить складамъ.

Вотъ вступленіе славнаго этого трактата:

«Никогда отецъ всякой лжи не выдумывалъ ничего лживѣе, коварнѣе и безразсуднѣе того обмана, которымъ мы затемняемъ самыя свѣтлыя истины правды, проклятою нашей системой складовъ!

«Возьмите, напр., односложное слово *cat*; какъ осмѣлитесь вы приказать ребенку выговорить *катъ*, три буквы которыя назовете: си, ей, ти,? Надобно сказать сиейти, а не катъ. — Можетъ ли быть удачнымъ воспитаніе, начинающееся такой необъятной ложью? Можно ли удивляться отчаянію матерей, преподающихъ азбуку?»

Читатель пойметъ изъ приведеннаго примѣра теоріи воспитанія, что докторъ Германъ начиналъ съ начала. Онъ храбро схватывалъ быка прямо за рога. Во всемъ остальномъ допуская широкое правило эклектизма, онъ соединилъ всѣ новѣйшія изобрѣтенія: взаимное обученіе Белля и Ланкастера, методы Гоффиля и Гамильтона, живописныя азбуки, и анализированныя картины; подобно охотнику, вооруженному ружьемъ, соединяющимъ кремень и капсюли.... и который, увы! тѣмъ не лучше стрѣляетъ дичь и зайцевъ! — Между тѣмъ докторъ Германъ дѣйствительно преподавалъ многое, о чемъ въ другихъ школахъ не заботились; кромѣ Греческаго и Латинскаго языковъ, въ его программу входили всѣ такъ называемыя полезныя свѣдѣнія. Онъ платилъ профессорамъ химіи, механики и натуральной исторіи; были курсы математики и физики; всѣ возможныя гимнастическія упражненія предлагались во время игры и отдохновенія,—и если ученость воспитанниковъ не весьма была глубока, то, по крайней мѣрѣ, простиралась въ широкомъ размѣрѣ, и никто не оставался пяти лѣтъ у доктора Германа, не выучившись чему-нибудь, чего нельзя сказать обо всѣхъ школахъ. У него мальчикъ научался видѣть, слышать и дѣйствовать членами; пріобрѣталъ привычку къ порядку, опрятности и дѣятельности. Пансіонъ этотъ нравился мате-

Digitized by Google

рямъ и удовлетворялъ отцевъ. Однимъ словомъ, онъ благоденствовалъ, и въ то время, о которомъ я говорю, у доктора Германа было больше ста учениковъ. Нужно еще прибавить, что, начиная ремесло педагога, сострадательный мудрецъ объявилъ самое человѣколюбивое отвращеніе отъ тѣлесныхъ наказаній. Но, увы! по мѣрѣ того, какъ увеличивалось число воспитанниковъ, онъ мало по малу отрекался отъ почтеннаго отвращенія отъ классическихъ розгъ. Съ великой горестью дошелъ онъ до заключенія, что «есть скрытные источники, которые открыть можно только посредствомъ гадательной лозы.» И испытавъ, какъ легко березовая лоза управляетъ всѣмъ механизмомъ его маленькаго государства, онъ подвигалъ Филеленическій институтъ, какъ школьникъ движетъ волчокъ свой, беспрестанными взмахами розги.

Къ сожалѣнію, должно сознаться, что это печальное отступничество начальника академическаго пансіона нисколько не убавило его славы: напротивъ, онъ показался болѣе естественнымъ, больше Англійскимъ, меньше чужеземнымъ. Во время самаго высшаго блистанія этой славы, очутился я подъ гостепріимнымъ кровомъ доктора Германа, съ туго набитымъ чемоданомъ и съ большимъ пирогомъ въ дорожной сумкѣ.

Между многими странностями доктора Германа, одной предавался онъ вѣрнѣе, нежели первобытнымъ статутамъ тѣлеснаго наказанія. Для нея, выставлено было большими золотыми буквами на фронтонѣ заведенія:

Филеленическій Институтъ.

Онъ принадлежалъ къ той знаменитой категоріи ученыхъ, которые воюютъ съ нашей народной миѳологіей, и измѣняютъ всѣ преданія именъ древнихъ, преподаваемыхъ въ Этонѣ и въ Гарровѣ. — Однимъ словомъ, онъ силился ввести совершенную правильность въ искаженное правописаніе именъ Греческихъ. Негодованіе его не знало мѣръ когда школьники смѣшивали Зевса съ Юпитеромъ, Арея съ Марсомъ, Артемиду съ Діаной.

Digitized by Google

— Какъ! восклицалъ онъ, слушая какого-нибудь новичка, который не забылъ еще своей прежней грамматики: какъ, что вы разумѣете подъ именемъ Юпитера, которымъ вы перевели Зевса? Развѣ Богъ Олимпа съ эгидой и орломъ, богъ влюбленный, вспыльчивый, гонящій облака, похожъ сколько-нибудь на важнаго, торжественнаго, нравственнаго Юпитера Капитолійскаго? на deus optimus, maximus?.... который возмутился бы отъ одной мысли превратиться въ лебедя или быка, чтобы догнать невинную Фрейлейнъ!.... Я васъ спрашиваю, Г. Симкинсъ!

Юный Симкинсъ не смѣлъ противорѣчить доктору Герману.

— А вы, говорилъ онъ, обращаясь къ другому преступнику, какъ могли вы перевесть Арея Гомерова, дерзкимъ, пошлымъ именемъ Марса? Арей, Г. Джонъ, Арей, ревущій подобно десяти тысячамъ людей; ревущій, какъ вы заревете, когда въ другой разъ назовете его Марсомъ! Арея человѣкоубійцу не отличать отъ Марса или Маворса, украденнаго Римлянами у Сабинянъ! Марса, важнаго и спокойнаго покровителя Рима! Г. Джонъ, Г. Джонъ! стыдитесь самого себя!

И поднявши къ небу руки, украшенныя перстнями, добрый докторъ забывалъ скрывать Нѣмецкое свое произношеніе, и восклицалъ почти внѣ себя:

— А ты Аѳродита! ты, превратившая Адониса въ анемонъ, тебя называетъ Венерой сопливый Г. Будерфиль! Венерой, пребывающей при погребеніяхъ, грязныхъ ямахъ и всякихъ нечистотахъ! O mein Gott! подойдите сюда Г. Будерфиль, вамъ за то будетъ розга! Да, нечестивый, я долженъ васъ высѣчь.

Само собою разумѣется, что и мое несчастное Греческое имя подпало подъ очистительный разборъ моего учителя Филелина. Подъ первымъ заданнымъ мнѣ сочиненіемъ, самымъ лучшимъ почеркомъ подписалъ я крупно: Пизистратусъ Какстонъ.

— И вашъ батюшка слыветъ ученымъ? сказалъ презрительно докторъ Германъ. Ваше имя Греческое, и потому

Digitized by Google

извольте писать его прибавя *e* и *o*, Пейзистратосъ. Не забудьте поставить ковычку надъ *и*. Можете ли вы надѣяться выдти чѣмъ-нибудь порядочнымъ, Г. Какстонъ, если не занимаетесь собственнымъ вашимъ имепемъ и равнодушно пропускаете *e* и ковычку, и ставите *усъ*, вмѣстѣ *осъ*! Ахъ, mein Gott! въ послѣдній разъ прощаю вамъ это ужасное искаженіе: *Пи*, а не *Пей*!

Когда въ первый разъ послѣ этого, писалъ я къ отцу, скромно напомнивая ему, что у меня мало остается денегъ, что хочется купить ракетку, и что любимое божество нашей школы было *moneta*, *diva moneta* (Латинская или Греческая все равно) — то съ классической гордостью подписалъ: преданный вашъ сынъ, Пейзистратосъ. — Слѣдующая почта сбила немного мое школьное торжество: вотъ какое письмо получилъ я:

«Любезный сынъ.

«Я своихъ старинныхъ, знакомыхъ Ѳукидита и Пизистратуса предпочитаю Ѳукидитосу и Пейзистратосу. — Пизистратъ можетъ забавляться ракеткой, но я не нашелъ никакого Греческаго авторитета, по которому могъ бы предположить, что этой игрой занимались Греки, во времена Пейзистратоса. Радъ бы послать тебѣ драхму, или другую какую монету, употребляемую въ Аѳинахъ, но, къ сожалѣнію, таковой не имѣю.

«Твой любящій тебя отецъ, Р. Какстонъ.»

Это было первое неудобство, произведенное печальнымъ анахронизмомъ, сокрушавшимъ отца моего. Между тѣмъ опытность научаетъ всякимъ уступкамъ на поприщѣ свѣта. Пейзистратосъ продолжалъ подписывать сочиненія и переводы, а второе письмо съ подписью Пизистрата доставило [illegible] и ракетку [illegible] деньги.

ГЛАВА VIII.

[illegible] тнадцати лѣтъ, когда, возвратив- [illegible] е время, нашелъ я брата матери [illegible] жду нашими домашними Ларами.

Digitized by Google

Дядя Джакъ (такъ звали мы его) былъ веселый собесѣдникъ и весьма пылкій разсказчикъ, промотавшій три раза порядочное состояніе, изъ желанія пріобрѣсть большое богатство.

Дядя Джакъ былъ спекуляторъ; но во всѣхъ своихъ спекуляціяхъ онъ, казалось, никогда не думалъ о самомъ себѣ: одно счастіе ближнихъ его занимало; а въ этомъ неблагодарномъ свѣтѣ кто можетъ положиться на ближнихъ? Вошедши въ совершенныя лѣта, дядя Джакъ получилъ отъ дѣда съ материнской стороны въ наслѣдство 6000 фун. стерлинговъ. Ему показалось, что ближніе его нагло обманываются портными своими. Эти артисты, старинной Англійской пословицей названные девятой частью человѣка, вознаграждали себя за эти дроби, требуя въ девять разъ больше нужнаго, для одежды, которую образованіе и климатъ сдѣлали намъ необходимѣе, чѣмъ предкамъ нашимъ, Пиктамъ. Изъ чистой филантропіи, дядя Джакъ основалъ *«благотворительное общество національной одежды.»* Это общество бралось доставить публикѣ панталоны изъ лучшаго Саксонскаго сукна по 7 шиллинговъ за пару, фраки изъ превосходнаго сукна по 2 ф. стер. и жилеты, по весьма умѣренной цѣнѣ за дюжину. Все это должно было составляться паровыми машинами. Такимъ образомъ негодяи портные могли бы уничтожиться, и человѣчество облеклось бы въ одежду за тридцать на сто процентовъ, въ пользу филантроповъ. (Но эта польза была второстепеннымъ разсчетомъ.) Не смотря на очевидную благодѣтельность такой человѣколюбивой спекуляціи, не смотря на неопровержимые доводы и разсчеты, на коихъ было основано общество, оно разстроилось и уничтожилось совсѣмъ, жертва невѣжества и неблагодарности ближнихъ. Изъ шести тысячь фунтовъ стерлинговъ, дядѣ Джаку осталась пятьдесятъ четвертая часть собственности въ небольшой паровой машинѣ, большое количество готовыхъ панталонъ и личное ручательство директоровъ филантропическаго общества.

Дядя Джакъ исчезъ изъ Лондона и пустился путешествовать. То же филантропическое чувство, которое одушевляло спекулатора, сопровождало путешественника; онъ

Digitized by Google

вездѣ подвергалъ опасностямъ свою особу, также какъ прежде кошелекъ свой. Дядя Джакъ питалъ особенную склонность къ страждущему человѣчеству. Какъ скоро на вѣсахъ міра опускалась одна сторона, дядя Джакъ бросался въ другую, надѣясь ее перевѣсить. Попеременно вмѣшивался онъ въ ссоры и войны Грековъ (они тогда были въ войнѣ съ Турками), Мексиканцевъ, Испанцевъ. Сохрани меня Богъ, осуждать или смѣяться надъ такою великодушною страстью; но, увы! всякій разъ, какъ народъ какой поверженъ въ бѣду, всякій разъ возникаетъ спекуляція. Съ Греческой, Мексиканской, Испанской судьбою, связаны необходимо подписки и займы. Патріоты, поднимая одной рукой мечь, стараются впустить другую въ карманъ сосѣдей своихъ. Дядя Джакъ былъ въ Греціи, оттуда въ Испаніи, оттуда въ Мексикѣ, и безъ сомнѣнія, принесъ великую пользу этимъ народамъ, потому, что возвратился съ неоспоримымъ доказательствомъ ихъ благодарности, тремя тысячами Ф. стер. — Вскорѣ послѣ того появилось объявленіе о «новой, великой, народной, благодѣтельной компаніи застрахованія для ремесленнаго сословія.» — Программа провозглашала сперва великія выгоды общества, пріучающаго къ предусмотрительности посредствомъ застрахованія; потомъ вычисляла всю необъятную цѣну, положенную за подписку въ существующихъ компаніяхъ, недоступныхъ нуждамъ честнаго ремесленника; наконецъ увѣряла, что новая компанія руководствуется самыми чистыми намѣреніями благотворительности, и доказывала, что самая меньшая сумма, долженствующая приходиться на часть каждаго подписчика, не можетъ быть менѣе двадцати четырехъ процентовъ на сто.

Подъ счастливыми предзнаменованіями учредилась эта новая компанія; одинъ архіепископъ согласился быть президентомъ совѣта правленія, съ условіемъ участвовать только своимъ именемъ. Дядя Джакъ, подъ громкимъ названіемъ «знаменитаго филантропа Джона Джонеса Тиббета, эсквайра,» — былъ почетнымъ секретаремъ общества, а капиталъ назначенъ въ два милліона фунтовъ стерлинговъ.

Digitized by Google

Но невѣжество ремесленныхъ сословій такъ въ нихъ закоснѣло, такъ не ясно видѣли они, какую пріобрѣтали выгоду, подписывая каждую недѣлю одинъ шиллингъ, съ двадцать перваго года до пятидесяти лѣтъ, и тѣмъ обезпечивая на старость 18 фун. стер. ежегоднаго дохода, что компанія лопнула, какъ водяной пузырь, а съ нею испарились и три тысячи ф. с. дяди Джака. Цѣлые три года не было объ немъ слуху. Онъ облекся такимъ непроницаемымъ мракомъ, что по смерти тетки, сдѣлавшей его наслѣдникомъ маленькой фермы въ графствѣ Корнвалійскомъ, нужно было напечатать во многихъ журналахъ увѣдомленіе: «что если угодно будетъ Сэру Джону Джонесу Тиббету, явиться къ Г-дамъ Брунелю и Тину изъ Лотбури, между десяти часовъ утра до четырехъ по полудни, то услышитъ нѣчто до него касающееся.» — Этотъ вызовъ подѣйствовалъ магически, и дядя Джакъ отыскался. Новый владѣлецъ водворился въ спокойной фермѣ своей съ неописаннымъ удовольствіемъ. Это владѣніе, содержащее въ себѣ около двухъ сотъ акровъ, было весьма въ хорошемъ состояніи. Оно, подъ управленіемъ дяди Джака, продолжало цвѣсти и улучшаться цѣлые два года, выключая однако тридцати акръ пашни, удобренной двумя химическими препаратами, которые доставили владѣльцу жатву съ колосьями, покрытыми черными пятнушками, словно оспою. По несчастію, однажды дядя Джакъ нашелъ слой земляного угля посреди поля, засаженнаго рѣпою: черезъ недѣлю послѣ этой находки, весь домъ наполнился инженерами и натуралистами. Не прошло мѣсяца, и явилась программа, написанная дядей Джакомъ, программа большой національной компаніи антимонолированнаго земляного угля, основанной въ пользу небогатыхъ капиталистовъ и въ подрывъ чудовищной монополіи земляного угля Ньюкастля:

«Огромная жила лучшаго земляного угля отыскана недавно во владѣніи знаменитаго филантропа Джака Джонеса Тиббета. Извѣстный инженеръ Жиль Компасъ испыталъ и обозрѣлъ ее: она обѣщаетъ неистощимый источникъ разработки трудолюбивымъ людямъ и богатства капиталистамъ.

Digitized by Google

Разсчитано, что при самомъ устьѣ Темзы можно отдавать возъ лучшаго угля за 18 шиллинговъ, что доставитъ акціонерамъ 18 на сто процентовъ. Акціи въ 50 Ф. ст. Можно платить въ пять сроковъ. Нужный капиталъ состоитъ изъ одного милліона стерлинговъ. Адресоваться для подписки къ Гг. Брунель и Тинъ, нотаріусамъ въ Лотбурей.»

Ближніе дяди Джака могли теперь, вмѣстѣ съ нимъ, опирать твердо надежды свои: у нихъ была земля, уголь и неистощимая жила. Акціонеры и капиталъ явились на вызовъ. Дядя Джакъ такъ убѣжденъ былъ въ несомнѣнности огромнаго богатства, и такое питалъ желаніе уничтожить Ньюкестельскую монополію, что отказался отъ очень дорогой цѣны, которую ему предлагали за покупку его владѣнія. Онъ остался главнымъ акціонеромъ, переѣхалъ въ Лондонъ, завелся каретой и началъ давать обѣды товарищамъ своимъ въ комитетѣ управленія. Цѣлые три года компанія процвѣтала: она предоставила распоряженіе разработкой извѣстному инженеру Жилю Компасу, который исправно платилъ подписчикамъ 20 пр. съ ихъ вложеннаго капитала. Акціи возвысились до 100 пр. и въ самое это время Жиль Компасъ совсѣмъ неожиданно переѣхалъ въ Соединенные Штаты, гдѣ для его генія открывалось обширнѣйшее поприще: тогда только узнали, что угольная жила исчезла подъ широкой лужей воды, и что Г. Компасъ платилъ акціонерамъ изъ собственнаго ихъ капитала. На этотъ разъ дядя утѣшился тѣмъ, что разорился въ отличномъ обществѣ: съ нимъ вмѣстѣ пострадали три доктора богословія, два члена Нижней Палаты, Шотландскій Лордъ и директоръ Индійской компаніи.

Вскорѣ послѣ того, дядя Джакъ, веселый и пылкій по прежнему, вспомнилъ о сестрѣ своей, мистрисъ Каксгонъ, и затрудняясь, куда итти обѣдать, рѣшился искать убѣжища подъ гостепріимной кровлей отца моего. Вамъ не случалось видѣть человѣка любезнѣе моего дяди Джака. Люди, нѣсколько плотные, вообще сообщительнѣе худыхъ. Круглое лицо почти всегда пріятно и весело смотритъ. Будь дядя Джакъ главою Римскихъ патріотовъ, онъ вѣроятно не доставилъ

Digitized by Google

бы Шекспиру предмета для трагедіи. Дородство дяди Джака было красиво и въ самую пору: онъ не былъ толстъ, ни жиренъ, ни *vastus*, что, по мнѣнію Цицерона, не прилично оратору. Всѣ морщины, всѣ непріятныя линіи скрывались подъ округлостью его сытаго тѣла; онъ улыбался такъ непринужденно, что веселость его невольно сообщалась. Съ какой простодушной добротою потиралъ онъ себѣ руки! и какія руки! мягкія, пышныя, которымъ нельзя было не отдать кошелька, когда онъ филантропически обращался къ вашему карману! Латинская фраза: *Sedem animae in extremis digitis habet*, относилась прямо къ нему. У него было точно сердце на рукѣ!

Критики замѣчаютъ, что немногіе соединяютъ въ равной степени способности воображенія и способности разсудка или науки. «Счастливъ тотъ, восклицаетъ Шиллеръ, кто можетъ согласить огонь энтузіазма съ свѣдѣніями человѣка свѣтскаго!» — И огнемъ, и свѣдѣніями дядя Джакъ обладалъ всѣмъ съ равнымъ обиліемъ; совершенная гармонія царствовала въ увлекательномъ его энтузіазмѣ и въ убѣдительныхъ разчетахъ. Дикеополь въ Archanenses, представляя лице, называемое Никархомъ, говоритъ зрителямъ: онъ малъ, сознаюсь, но въ немъ ничто не потеряно: все, что не глупость въ немъ, все хитрость и лукавство. — И я могу сказать, что хотя дядя Джакъ не былъ великаномъ, но и въ немъ ничего не было потеряно. Все, что не было ариѳметикой, было филантропіей. Онъ пришелся бы по сердцу филантропу Говарду и сопернику Барема Кокеру. Дядя Джакъ былъ очень не дуренъ собою: цвѣтъ лица его былъ свѣжій, румяный, ротъ небольшой, зубы бѣлые, бакенбардовъ онъ не носилъ и тщательно брилъ бороду: бѣлокурые волосы его посѣдѣли и придавали лицу почтенный видъ. Г. Скиль нашелъ, что органы идеализма и строительности развились на лбу его въ огромныхъ размѣрахъ. Росту онъ былъ средняго, именно такого, какой слѣдуетъ имѣть дѣятельному человѣку, не великъ и не малъ. Платье носилъ онъ черное, но украшалъ позолоченными пуговицами, на коихъ вылитъ былъ маленькій крестикъ съ короной на

Digitized by Google

верху. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, эти пуговицы похожи были на придворныя пуговицы, и казалось, что дядя Джакъ принадлежитъ ко Двору. Галстухъ у него былъ бѣлый, не накрахмаленный, жабо приколото брилліантовой булавкой, которая доставляла ему предметъ разговора о Мексиканскихъ рудникахъ и вѣчнаго сожалѣнія, что не удалось ихъ разработать большой національной компаніей Великобританіи. Поутру носилъ онъ жилетъ блѣдноверблюжьяго цвѣта; ввечеру бархатный вышитый: также предметъ разговора и проэкта основать общество для улучшенія Англійскихъ мануфактуръ. Утреннія панталоны были цвѣта пропускной бумаги; вмѣсто сапогъ носилъ онъ коротенькія Американскія щиблеты и тупоносые башмаки. На часовой цѣпочкѣ висѣло множество печатокъ, каждая съ девизомъ какой-нибудь исчезнувшей компаніи; ихъ можно было сравнить съ скальпированными черепами, которыми украшаются Ирокезцы. Скажемъ мимоходомъ, что и этотъ народъ не ускользнулъ отъ филантропическаго воображенія дяди Джака: онъ разсчитывалъ возможность ихъ обращенія въ Англиканскую вѣру, съ выгоднымъ размѣномъ бобровыхъ кожъ на библіи, водку и порохъ.

Можно ли удивляться, что я сердечно привязался къ дядѣ Джаку? Онъ всегда былъ любимымъ братомъ матушки. Она, смѣючись, вспоминала, какъ онъ заставилъ ее однажды разыграть въ лотерею большую куклу, подарокъ крестной матери, куклу, которая стоила два фунта стерлинговъ и которую разыграли въ двадцати билетахъ по шести пенсовъ каждый, въ пользу трубочистовъ. Какое благодѣяніе для бѣдныхъ трубочистовъ эти 10 шиллинговъ! восклицалъ дядя.— Таковъ былъ мой дядя Джакъ; матушка любила его по чувству родства, но даръ его плѣнять сердца подѣйствовалъ и на отца моего. Живущіе въ уединеніи, ученые люди обыкновенно больше другихъ удивляются дѣятельности практическихъ людей. Симпатія ихъ къ подобному собесѣднику забавляетъ въ одно время и лѣность и любопытство. Они могутъ вмѣстѣ путешествовать, вмѣстѣ строить различные проэкты, вмѣстѣ сражаться, вмѣстѣ проходить всѣ приключенія,

Digitized by Google

напечатанныя въ разныхъ книгахъ.... и все это не сходя съ креселъ. Отцу казалось, что слушаетъ Улисса, когда онъ слушалъ разсказы дяди Джака. Дядя былъ въ Греціи, былъ въ Малой Азіи; топталъ ногами долину, гдѣ была нѣкогда Троя; ѣлъ финики въ Мараѳонѣ, гонялъ зайцевъ въ Пелопонезѣ и выпилъ три кружки пива на вершинѣ большой пирамиды.

Дядя Джакъ былъ для отца моего справочной книгой, и часто послѣ обѣда онъ занимался разговоромъ съ нимъ, такъ точно, какъ бы взялъ въ руки томъ Павзанія или Додвеля. Мнѣ кажется, что господа ученые, не смотря на то, что въ заперти сидятъ по кельямъ, составляютъ однако народъ любопытный, дѣятельный, волнующійся, заботливый. Вспомнимъ то, что старый юмористъ Буртонъ говорилъ о себѣ самомъ: «Сижу, какъ монахъ, отчужденный отъ бурь и волненій свѣта, но вижу и слышу все въ мірѣ происходящее, вижу, какъ люди бѣгаютъ пѣшкомъ и верхомъ, какъ мучатся, безпокоятся, заботятся и въ городѣ и въ деревнѣ.» Эта выписка подтверждаетъ мысль мою: только ученые употребляютъ дѣятельность свою на свой особенный ладъ; съ Августомъ предпринимаютъ тайные умыслы, съ Кесаремъ сражаются, ѣдутъ въ Америку съ Колумбомъ, измѣняютъ видъ вселенной съ Александромъ, Атиллой или Магометомъ. Какъ таинственно должно быть влеченіе, существующее между верхней частью ихъ человѣческой машины и ея антиподомъ, между органомъ, называемымъ хранилищемъ чести, и подушкою креселъ! Надѣюсь, что это будетъ удовлетворительно изъяснено успѣхами месмеризма; что до меня касается, то я думаю, что Провидѣніе надѣлило эти пылкія головы, воспламеняющіеся мозги, естественнымъ перевѣсомъ, для того, чтобы не слишкомъ часто возмущался порядокъ вселенной. Оставляю метафизикѣ и опытной физикѣ разобрать мою догадку.

Я больше всѣхъ восхищенъ былъ дядей Джакомъ. Онъ зналъ множество фокусовъ; пряталъ шарики, заставлялъ связку ключей плясать по приказу, мѣнялъ серебряную монету на мѣдный пенсъ. Между тѣмъ пенсы мои никогда не удавалось ему обратить въ гинеи.

Digitized by Google

Мы часто вмѣстѣ прогуливались, и часто посреди самаго занимательнаго разговора, дядя Джакъ останавливался, не забывая своей роли наблюдателя. Онъ осматривалъ почву земли, набивалъ мои карманы большими кусками известки, мѣлу, разными камнями, и послѣ возвратясь домой, разбиралъ все это химически посредствомъ аппарата, ввѣреннаго ему Г-номъ Скилемъ. Иногда по цѣлымъ часамъ стоялъ онъ у дверей хижины, восхищаясь дѣвочками, плетущими соломенныя шляпы, потомъ входилъ въ ближнія фермы и предлагалъ фермерамъ завести общество шляпъ изъ національной соломы. Увы! вся плодовитость изобрѣтательнаго ума пропадала даромъ въ неблагодарной землѣ, куда попалъ дядя Джакъ! Ни одному владѣльцу не могъ онъ внушить желанія испытать, богато ли рудами его владѣніе, ни одному фермеру доказать выгоду общества соломенныхъ шляпъ. И такъ, подобно баснословному звѣрю, опустошившему сосѣднюю страну, и жаднымъ взоромъ осматривающему собственныхъ дѣтей, дядя Джакъ готовился утолить голодъ своего воображенія, нашествіемъ на собственность бѣднаго отца моего.

ГЛАВА IX.

Такъ какъ семейство наше не имѣло никакого желанія выказываться, то мы наслаждались въ то время, живя, что называется хорошо. Мѣсто нашего пребыванія возвышалось на краю большой деревни; квадратный изъ некрашенныхъ кирпичей домъ построенъ былъ еще въ царствованіе Королевы Анны. Передъ домомъ былъ балюстрадъ.... для какого употребленія? неизвѣстно. Одинъ нашъ котъ Ральфъ ходилъ ежедневно по немъ прогуливаться, тѣмъ не менѣе балюстрадъ украшалъ домъ нашъ, подобно тѣмъ домамъ, которые построены при Елисаветѣ или даже при Королевѣ Викторіи. Балюстрадъ раздѣленъ былъ надвое двумя большими колоннами, сверху которыхъ были поставлены большіе каменные шары. Домъ отличался трехугольной архитравой, подъ которой сдѣлана была впадина, назначенная, вѣроятно, для какой нибудь-статуи: но статуя

Digitized by Google

была въ отсутствіи. Внизу впадины было окно матушкиной гостиной, украшенное рѣзными пиластрами. Еще ниже красивая дверь растворялась въ сѣни, въ которыхъ было шесть лѣстницъ. Каждое окно было окружено рѣзьбою, и увѣнчано рѣзными фигурами; нигдѣ не было лишняго убранства, нигдѣ небрежности или недостатка, весь домъ отличался прочностью и достаткомъ. Рѣшетка сада примыкала къ двумъ столбамъ, на которыхъ стояли вазы. Конечно, въ дождливый день непріятно было проходить аллеей, ведущею къ этой рѣшеткѣ, чтобы оттуда сѣсть въ карету, но у насъ не было кареты. Направо отъ дома за огорожей находился эрмитажъ, маленькая лужайка, четвероугольный бассейнъ, скромная теплица и шесть грядъ съ розами, геліотропомъ, гвоздиками, и пр. и пр. Налѣво большія шпалеры охраняли плодовитый садъ; во всей сторонѣ не было лучше яблокъ; три извивистыя дорожки приводили къ стѣнѣ, обращенной на югъ, подлѣ которой каждое лѣто груши, персики и крупныя вишни золотились солнцемъ, и доставляли намъ превкусные плоды. Самая длинная изъ этихъ дорожекъ была любимой прогулкой отца моего. Въ хорошую погоду онъ безпрестанно ходилъ по ней съ книгой въ рукѣ, останавливался иногда, чтобы карандашемъ записать что-нибудь, или для того, чтобы громко поговорить съ самимъ собою. Когда его не было въ кабинетѣ, то непремѣнно ходилъ онъ по этой тропинкѣ. Въ этихъ прогулкахъ сопровождалъ его такой странный товарищъ, что мнѣ даже совѣстно назвать, боюсь, что мнѣ не повѣрятъ. Увѣряю, однако, что говорю правду и ни мало не намѣренъ подражать новѣйшимъ романистамъ. Случилось, что матушка однажды убѣдила отца моего прогуляться съ нею на рынокъ; проходя черезъ лугъ, увидѣли они толпу мальчишекъ, которые для забавы били каменьями утку. Несчастную птицу никто не купилъ на рынкѣ, потому что она не только была хрома, но страдала сильнымъ невареніемъ желудка, и фермерша, по просьбѣ дѣтей, отдала имъ утку для невинной забавы. Матушка сказывала, что никогда не видала мужа такъ сильно разсерженнаго и взволнованнаго. Онъ разогналъ мальчишекъ, осво-

Digitized by Google

бодилъ утку, отнесъ домой, положилъ въ корзинку, лечилъ ее, кормилъ и поилъ до тѣхъ поръ, пока возвратилъ ей жизнь и здоровье. Тогда пустилъ ее въ четвероугольный бассейнъ. Между тѣмъ утка привязалась къ своему благодѣтелю. Всякій разъ, какъ отецъ выступалъ изъ дверей дома, утка выходила изъ бассейна, переходила лужайку, и хромая на лѣвую ногу, шла за отцемъ до персиковой шпалеры; тамъ останавливалась, соображаясь важно съ движеніями своего господина, иногда слѣдовала за нимъ шагъ за шагомъ, иногда стояла, но не покидала его до самаго возвращенія его домой. Тогда принявъ изъ рукъ его какой-нибудь лакомый гостинецъ, крылатая наяда прокваканвала ему прощальную пѣснь и возвращалась въ любимую свою стихію.

Главныя комнаты, то есть, кабинетъ, большая зала, (была другая маленькая зала, называемая матушкиной залой) и парадная гостинная, обращены были окнами на югъ. Большія березы, сосны, тополи и нѣсколько дубовъ окружали строеніе со всѣхъ сторонъ, выключая южной; такимъ образомъ нашъ домъ былъ равно предохраненъ отъ зимнихъ холодовъ, и отъ лѣтнихъ жаровъ. Главная наша услуга, по чину и по достоинству, была мистрисъ Приммисъ, которая соединяла въ себѣ экономку, ключницу, няню и тирана всего хозяйства. Подъ ея вѣдѣніемъ находились еще двѣ женщины и лакей. Пахатныя земли, принадлежавшія отцу моему, отданы были за условную сумму фермерамъ и не занимали его своей обработкой; главный доходъ его состоялъ въ процентахъ, получаемыхъ съ 15,000 фун. стерлинговъ, помѣщенныхъ въ банкъ; и этого дохода было достаточно на всѣ домашнія издержки, на удовлетвореніе страсти отца моего къ старымъ книгамъ, на плату за мое воспитаніе и на обѣды, на которые приглашались нѣсколько разъ въ годъ всѣ наши сосѣди. Матушка съ гордостью говорила, что къ намъ собирается избранное общество. Оно состояло изъ пастора и семейства его, изъ двухъ чванныхъ старыхъ дѣвушекъ, изъ принятаго члена Индійской компаніи, жившаго въ бѣломъ домикѣ на самомъ верху горы, изъ пяти или шести небогатыхъ дворянъ съ ихъ супругами, и

Digitized by Google

изъ доктора Скилл, все еще не женатаго. Разъ въ годъ обмѣнивались визитами или обѣдами съ нѣкоторыми аристократами, внушавшими матушкѣ удивительное почтеніе. Ихъ визитныя карточки всегда были заткнуты за зеркало большой гостиной. По всему этому можно видѣть, что мы жили въ довольствѣ и пользовались уваженіемъ, слѣдующимъ людямъ честнымъ по себѣ и по происхожденію.... Но не стану разсказывать нашей генеалогіи; удовольствуюсь только тѣмъ, что самые гордые наши сосѣди говорили о насъ, какъ о самой древней фамиліи во всемъ округѣ; отецъ мой чванился только однимъ изъ своихъ предковъ: Вильямомъ Какстономъ, мѣщаниномъ и типографщикомъ въ царствованіе Эдуарда IV. *Clarum et venerabile nomen!!!* достойный предокъ ученаго писателя!

— *Heus!* вскричалъ однажды отецъ, прерывая чтеніе разговоровъ Эразма, *salve, multum jucundissime.*

Классическое это привѣтствіе обращалось къ дядѣ Джаку, который, не бывши ученымъ, столько зналъ по-Латынѣ, что могъ отвѣчать:

— *Salve tantumdem, mi frater.*

Отецъ улыбнулся.

— Вижу, сказалъ онъ, что ты понимаешь истинную цивилизацію, или вѣжливость, какъ выражаются новѣйшіе. Очень вѣжливо называть братомъ мужа сестры твоей. Эразмъ похваляетъ такое привѣтствіе въ началѣ главы: *Salutandi formulae*; и подлинно, продолжалъ отецъ съ задумчивымъ своимъ видомъ, мало разницы между вѣжливостью и дружелюбіемъ. Эразмъ замѣчаетъ, что кланяться при появленіи нѣкоторыхъ малыхъ недуговъ нашей человѣческой природы, очень учтиво; слѣдуетъ кланяться, когда кто зѣваетъ, чихаетъ, икаетъ, кашляетъ; этимъ выражается участіе, которое принимаемъ въ здоровьѣ; можно вывихнуть челюсть, зѣвая, повредить жилу въ головѣ, чихая; икота есть часто признакъ опасной болѣзни, а кашель болѣзнь легкихъ, или горла, или мокротнаго сложенія.

— Правда, отвѣчалъ дядя Джакъ; Турки всегда кланяются тому, кто чихаетъ, а Турки, извѣстно, учтивый на-

Digitized by Google

родъ. Между тѣмъ, братъ, я разсматривалъ теперь твои прекрасныя яблони. Рѣдко бываютъ деревья красивѣе, а я знатокъ въ деревьяхъ. Сестра сказывала мнѣ, что вы не получаете съ нихъ никакого дохода, это жалко! Можно бы завести въ этомъ графствѣ производство сидра. Возьми на себя обработку земель твоихъ; если ихъ мало, можно принанять, чтобы вышло всего сто акръ. Тогда насадить надобно деревьевъ на всемъ пространствѣ. Я сдѣлалъ ужъ весь разсчетъ, чудесно выходитъ! Сорокъ деревьевъ не больше на акръ, по одному шилингу, шести пенсовъ за дерево. Четыре тысячи деревьевъ на сто акръ составятъ 300 ф. стер. — Посадить, окопать и обработать, кладу 10 ф. стер. на акръ, это составитъ тысячу на сто. Вымостимъ ямы около деревьевъ для того, чтобы сокъ не терялся въ землю.... О, я не хочу упустить изъ виду ни малѣйшей мелочи! — Вымостимъ мелкимъ камнемъ и бутомъ, по 6 пенсóвъ, каждую яму. За четыре тысячи деревьевъ, или за 100 акръ, это выйдетъ 100 ф. стер. Прибавимъ къ этому счету то, что ежегодно получаешь ты съ земли, 30 шиллинговъ за акръ, полтораста ф. стер. за все, слѣдовательно общій итогъ составитъ....

Дядя Джакъ по пальцамъ пересчитывалъ всѣ итоги:

Деревья.....	300 фун. стерлин.
Работники.....	1000
Вымостить ямы....	100
За землю.....	150
всего.....	1,550 фун. стерлин.

Вотъ весь расходъ. Теперь сосчитаемъ доходъ. Въ Кентскомъ графствѣ, плодовитые сады приносятъ 100 ф. с. съ акра, иногда даже полтораста; будемъ умѣренны и положимъ только 50 съ акра, слѣд. прибыль чистая на 1550, ф. капитала, будетъ 5000 ф. ежегодно. 5000 ф. стер.! Подумай-ка объ этомъ, братъ Каксгонъ! Вычти 10 процентовъ или 500 ф. с. ежегодно на удобреніе, на жалованье садовнику и пр., все-таки доходъ остается 4,500 ф. Ты разбогатѣешь, другъ мой, просто разбогатѣешь, и я отъ всего сердца тебя поздравляю.

Digitized by Google

— Въ самомъ дѣлѣ, батюшка! сказалъ юный Пизистратъ, ни проронившій ни слова изъ этаго восхитительнаго разсчета. Мы были бы также богаты, какъ эсквайръ Ролликъ! — и тогда, не правда ли? тогда можно бы держать гончихъ собакъ?

— И сверхъ того можно бы скупить огромную библіотеку, прибавилъ дядя Джакъ, употребляя свое знаніе человѣческаго сердца въ пользу роли своей искусителя. Скоро будутъ продаваться книги пріятеля моего, архіепископа.

Отецъ глубоко вздохнулъ, взглядывая попеременно то на меня, то на дядю, потомъ положилъ лѣвую руку мнѣ на голову, а правой указывая на Эразма, сказалъ съ упрекомъ дядѣ:

— Посмотри, какъ тебѣ легко возжечь алчность въ молодой головѣ! Ахъ, братецъ!

— Ты слишкомъ строгъ, братъ! Посмотри, какъ онъ опустилъ голову! Фи, этотъ энтузіазмъ приличенъ его лѣтамъ, это веселая надежда, ожившенная воображеніемъ. Ты не долженъ упускать случая пріобрѣсти богатство, для этого же, милаго намъ, юноши. Тебѣ, сверхъ этого, нужно еще сдѣлать разсадникъ яблоновый. Каждый годъ надобно сѣять, и прививать, и умножать плантацію, наймомъ, или даже покупкою нѣсколькихъ акровъ земли. Да и почему же не покупкою? Такимъ образомъ, дорогой братъ, черезъ двадцать лѣтъ половина графства будетъ насажена твоими яблонями. Ограничимся однако двумя тысячами акръ. Ну, и тогда получимъ чистой прибыли 90,000 фун. стер. ежегодно. Это герцогскій доходъ!.... Доходъ герцога! стоитъ только захотѣть!

— Погодите, сказалъ я, стараясь показать умѣренность, вѣдь деревья не вдругъ растутъ. Я помню, когда посадили послѣднія яблони, этому будетъ уже пять лѣтъ; и тогда имъ было по три года, а только прошлую осень собрали съ нихъ яблоки.

— Экой умный и понятливый молодецъ! Ну, братъ, голова у него не тупая, онъ будетъ умѣть съ честью употребить огромное свое богатство, сказалъ дядя Джакъ съ довольнымъ видомъ. Ты правъ, племянникъ, но покуда мы можемъ насадить смородины, или капусты, луку, какъ дѣла-

Digitized by Google

ютъ въ графствѣ Кентскомъ. Между тѣмъ, такъ какъ мы не очень богатые капиталисты, то вѣроятно, должны будемъ уступить часть барышей, для удовлетворенія нужнаго расхода. Слушай, Пизистратъ! (посмотри на него, братъ! съ этой простодушной миной, кажется, будто родился онъ съ золотомъ во рту, какъ говоритъ пословица) слушай же всѣ великія таинства спекуляціи. Отецъ твой, ни слова не говоря, купитъ какъ можно скорѣе, землю, и тогда, presto! Мы напишемъ программу и оснуемъ компанію. Компаніи ждутъ пять лѣтъ своего дивиденда, между тѣмъ цѣна акцій прибавляется ежегодно. Положимъ, что отецъ твой возьметъ пятьдесятъ акцій по 80 ф. с. каждую; тридцать пять изъ нихъ продастъ онъ по сту на сто, оставитъ у себя прочія пятнадцать, и — также этимъ способомъ разбогатѣетъ, не столько, однако, сколько могъ бы, удержавши все въ своихъ рукахъ. Ну! что скажешь, братъ Каксгонъ? *Visne edere pomum?* Не хочешь ли яблочка? какъ говорили мы въ школѣ.

— Мнѣ не нужно ни шиллинга больше теперешняго моего состоянія, отвѣчалъ рѣшительно отецъ мой. Жена лучше любить меня не станетъ; обѣдъ больше не накормитъ, а сынъ можетъ изнѣжиться и залѣниться....

— Послушай, перервалъ дядя Джакъ, который не легко сдавался, и берегъ сильнѣйшій доводъ для послѣдняго пораженія: ты не подумалъ о пользѣ ближняго, о выгодѣ, которую доставитъ улучшеніе всей почвы природнымъ произрастеніямъ этой округи, о здоровомъ питьѣ сидра, доступномъ черезъ ато трудящемуся и бѣдному классу людей. Я не сталъ бы предлагать тебѣ этихъ хлопотъ, еслибъ думалъ только объ твоемъ богатствѣ. Въ моемъ ли это обычаѣ? Я забочусь о выгодѣ общей, о человѣчествѣ, о нашихъ ближнихъ! Эхъ, братъ, Англія не была бы такъ могуща, если бы люди, подобные тебѣ, не занимались филантропіей, спекуляціями!

— Пе-пе! вскричалъ отецъ, благоденствіе Англіи поколеблется, если Робертъ Каксгонъ не будетъ торговать яблоками! Милый Джакъ, ты напоминаешь мнѣ разговоръ, который я

Digitized by Google

прочелъ вотъ въ этой книгѣ.... Подожди немного, найду его; вотъ онъ: Памфагусъ и Коклесъ.

«Коклесъ узналъ друга своего по замѣчательному, длинному его носу.

«Памфагусъ съ досадой сказалъ, что онъ своего носа не стыдится.

— Стыдиться! на что стыдиться, сказалъ Коклесъ. Я мало видѣлъ носовъ, годныхъ на большую потребу.

— Ахъ, сказалъ съ любопытствомъ Памфагусъ, на потребу? на какую же потребу?

— Тогда, *lepidissime frater*, Коклесъ, точно также быстро и также краснорѣчиво, какъ ты, вычислилъ всѣ способы извлечь пользу изъ такого огромнаго развитія носоваго органа. Если погребъ набитъ винами, носъ подобно хоботу слона можетъ обнюхать погребъ; если пропадетъ мѣхъ, носомъ можно раздуть огонь; если лампа горитъ слишкомъ ярко, носъ можетъ служить зонтикомъ; трубачу можетъ быть трубою; барабаномъ полковому музыканту; молоткомъ столяру; лопатой садовнику; якоремъ кораблю, и пр. и пр. до тѣхъ поръ, пока Памфагусъ вскричалъ:

— Счастливый я смертный! до сихъ поръ я и не зналъ, какую драгоцѣнность ношу по срединѣ лица?

Отецъ остановился, хотѣлъ свиснуть, но вмѣсто того засмѣялся и прибавилъ:

— Оставь въ покоѣ мои яблоки, братъ Джакъ, пусть доставляютъ они намъ по прежнему торты и пирожныя; это естественное ихъ назначеніе.

Дядя Джакъ на минуту смутился, потомъ захохоталъ и признался, что не нашелъ еще слабой стороны въ характерѣ отца моего.

Признаюсь и я, что почтенный мой родитель еще больше выросъ въ моемъ мнѣніи, послѣ этого разговора: я увидѣлъ, что ученый человѣкъ можетъ быть разсудителенъ. Дѣйствительно, посѣщеніе дяди Джака оживило нѣсколько облѣнившійся его характеръ. Самъ я сталъ входить въ лѣта и созрѣвать умомъ, и потому съ этихъ вакацій началось

Digitized by Google

между отцемъ и мною дружеское сближеніе. Часто отказывался я отъ дальнихъ путешествій съ дядей Джакомъ, отъ какой-нибудь игры въ ближней деревнѣ, или отъ рыбной ловли въ прудахъ эсквайра Роллика, чтобы медленно ходить подлѣ отца вдоль шпалеръ, иногда молча и мечтая о будущемъ, въ то время, какъ онъ мечталъ о прошедшемъ; между тѣмъ всегда вполнѣ вознагражденъ былъ, когда, прерывая чтеніе, онъ отверзалъ мнѣ сокровища многоразличной своей учености, разцвѣчивая ее странными своими комментаріями и сократической, живой, насмѣшливой сатирой. Иногда, растроганный какимъ-нибудь геройскимъ подвигомъ, прочтеннымъ въ древнемъ авторѣ, онъ становился краснорѣчивымъ, согнутый станъ его выпрямлялся, молнія зажигалась во взорахъ, и ясно было видно, что Провидѣніе не назначало его исчезать въ неизвѣстномъ уголкѣ, гдѣ велъ онъ тихую, невинную жизнь свою.

ГЛАВА XIV

— Такъ, сударь, истинно такъ! Графство наше къ чорту идетъ! мнѣнія наши не находятъ представителей ни въ Парламентѣ, ни внѣ Парламента. Меркурій здѣшній сталъ враждебнымъ журналомъ, будь онъ проклятъ! а кромѣ его нѣтъ ни одного журнала для выраженія мыслей почтеннаго сословія.

Эта рѣчь произнесена была за столомъ, во время одного изъ рѣдкихъ обѣдовъ, данныхъ семействомъ Какстонъ всему знатному сосѣдству, а ораторъ былъ самъ эсквайръ Роллик, президентъ третныхъ засѣданій графства.

Мнѣ въ первый разъ позволено было не только сидѣть за столомъ съ гостями, но и оставаться подлѣ дамъ, уважая лѣта мои и обѣщаніе не наливать себѣ ни одной рюмки вина, и признаюсь, что въ невинности своей, я никакъ не отгадалъ, какое внезапное участіе заставило дядю Джака поднять голову при словѣ: *журналъ*. Подобный коню при звукѣ военной трубы, онъ храбро перескочилъ все разстояніе, отдѣлявшее его отъ эсквайра Роллика. Но съ какой цѣлью? Это не легко было постигнуть школьнику моихъ

Digitized by Google

лѣтъ. Семгу не поймаешь на крючокъ, согнутый для мелкой рыбы.

— Ни одного журнала, продолжалъ эсквайръ Ролликъ.

Прежде этого восклицанія дядя Джакъ, нагнувшись ко мнѣ, спросилъ на ухо:

— Какой онъ политической партіи?

— Не знаю! отвѣчалъ я.

Дядя Джакъ, по привычкѣ, прицѣпился къ той фразѣ, которую память подсказывала ему чаще другихъ, и протяжно сказалъ:

— Для защиты правъ нашихъ несчастныхъ ближнихъ!

Отецъ мой потеръ себѣ лобъ указательнымъ пальцемъ, обычный жестъ его, когда занятъ какимъ-нибудь сомнѣніемъ. Прочіе собесѣдники поглядѣли другъ на друга и замолчали.

— Несчастные ближніе? воскликнулъ презрительно Ролликъ. Наши *несчастные* ближніе!

Дядя Джакъ не удачно попалъ. Желая нѣсколько поправиться:

— Я хочу сказать: почтенные наши ближніе! сказалъ онъ.

Тутъ пришло ему на умъ, что журналъ, въ графствѣ издаваемый, непремѣнно долженъ быть земледѣльческій журналъ, и какъ Эс. Ролликъ проклиналъ Меркурія, то вѣроятно самъ былъ въ числѣ тѣхъ политиковъ, которые называли *вампиромъ* земледѣльческую выгоду. Одушевясь такою догадкою, дядя Джакъ, въ надеждѣ поправиться, развернулъ все краснорѣчіе свое въ выходкахъ, подобныхъ тѣмъ, какія мы слышали въ Ковентгарднѣ и въ торговой залѣ Манчестра.

— Да, почтенные наши ближніе, эти *люди*, которые приносятъ отечеству двойную дань — капитала и промышленности! Можно ли сравнить мелкихъ землевладѣльцевъ съ нашими богатыми купцами? И что это за земледѣльческая выгода, которая воображаетъ себя подпорой Англіи?

— Воображаетъ? вскричалъ Эс. Ролликъ. Она не воображаемая, она истинная опора отечества! Что же касается до этихъ фабрикантовъ, которые купили Меркурій....

Digitized by Google

— Которые купили Меркурій, негодяи! перервалъ съ жаромъ дядя Джакъ, совершенно постигнувъ теперь, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Повѣрьте, сударь, они вѣрно принадлежатъ къ діавольскому заговору капиталистовъ, который смѣло надобно разрушить. Да, я повторяю, что это за земледѣльческая выгода, которую они стремятся разорить, подорвать, которую называютъ *вампиромъ*, они! настоящіе кровопійцы, эти ядовитые *машинократы*! Наши ближніе! Могу, сударь, назвать *несчастными* ближними, членовъ этого страждущаго сословія, которое вы также украшаете собою. Кто привлекаетъ нашу симпатію, наше желаніе помочь, какъ не джентельменъ, владѣлецъ, обязанный при 5000 ф. стер. доходу, содержать домъ, собачью охоту, кормить народъ сборомъ для бѣдныхъ, поддерживать церковь десятинной платой, содержать суды, тюрьмы, платить налоги, для должностныхъ людей и для дорогъ?.... и все это обязанъ онъ исполнять, хотя истощенъ процентами за занятыя деньги, истощенъ ростовщиками-жидами, придаными сестеръ или законной частью меньшихъ братьевъ, разработкой лѣсовъ своихъ, удобреніемъ образцовой своей фермы, откармливаніемъ скота своего, и пр.! — Не говорю уже о тяжбахъ, необходимыхъ для охраненія правъ своихъ, о разбойникахъ, отвсюду его окружающихъ, охотникахъ по полямъ его и лѣсамъ, ворахъ бараньихъ, собачьихъ, лошадиныхъ, о садовникахъ, о ловчихъ, и о первомъ изъ всѣхъ необходимомъ ворѣ, о прикащикѣ! Если существуетъ на свѣтѣ человѣкъ, котораго по праву назвать можно несчастнымъ нашимъ ближнимъ, то это конечно провинціальный обладатель большаго владѣнія.

Отецъ мой слушалъ какъ будто пародію на прежнія увѣщанія и удерживалъ съ трудомъ непритворный смѣхъ. Эсквайръ Ролликъ многими одобрительными восклицаніями соглашался на рѣчь дяди, особливо при изчисленіи сбора для бѣдныхъ, десятинной платы, на нѣсколько должностей, и собачьихъ воровъ. Онъ передалъ бутылку дядѣ Джаку и учтиво замѣтилъ:

— Во многомъ вы правы, Г-нъ Тиббетъ: земледѣліе разорвется, а когда оно уничтожится, то *я этого* не дамъ

Digitized by Google

за древнюю нашу Англію (при словѣ *этого*, Г. Ролликъ щелкнулъ пальцами). — Но что же намъ дѣлать? Что можемъ мы дѣлать, для нашей провинціи? вотъ тутъ-то и затрудненіе.

— Объ этомъ именно я и хотѣлъ говорить, прервалъ дядя Джакъ. Вы сказали что въ графствѣ нѣтъ ни одного журнала, который поддерживалъ бы права ваши и обличалъ враговъ?

— Нѣтъ! потому что Виги купили Меркурій.

— Какъ же можете вы ожидать, чтобъ вамъ отдали должную справедливость, когда вы пренебрегаете печатаніемъ? — Печатаніе, Г-нъ Ролликъ, это воздухъ, которымъ дышемъ. Пособить вамъ можетъ большой листъ народной газеты Нѣтъ, не народной,—провинціальной, еженедѣльной, которую щедро содержать и поддерживать должна могущественная партія, готовая уничтожиться. Безъ такой газеты, вы всѣ погибли, уничтожены, мертвы, зарыты живые! Съ этой газетой, составляемой и издаваемой человѣкомъ свѣтскимъ, главнымъ редакторомъ, получившимъ хорошее образованіе, практически знающимъ и земледѣліе и сердце человѣческое, рудники, запашки, застрахованія, парламентскіе акты, выставку скотины, состояніе различныхъ партій и драгоцѣнную выгоду общественнаго порядка, — вы побѣдите и восторжествуете. Журналъ долженъ составиться по подпискѣ, соединеніемъ, содѣйствіемъ всѣхъ обиженныхъ, обществомъ провинціальнымъ, благотворительнымъ, земледѣльческимъ и противу нововведеній учрежденнымъ.

— Вы правы, клянусь! вскричалъ эсквайръ Ролликъ, хлопая себя по ногѣ. Завтра поутру поѣду къ нашему Лорду-Намѣстнику. Старшаго сына его будемъ выбирать на слѣдующихъ выборахъ.

— И онъ выбранъ будетъ, если поддержите печатаніе, если оснуете журналъ, сказалъ дядя Джакъ, потирая руки и складывая всѣ десять пальцевъ, какъ будто собираетъ уже невинныя гинеи будущей компаніи.

Всякое счастіе находится больше въ надеждѣ, чѣмъ въ обладаніи. Готовъ биться объ закладъ, что то удовольствіе, ко-

Digitized by Google

торое разливалось по сердцу дяди Джака, и отсвѣчивалось на лицѣ его, при пророческомъ появленіи богини Фортуны въ видѣ новой спекуляціи, гораздо сильнѣе, нежели дѣйствительное обладаніе кошелькомъ царя Креза.

— Мнѣ казалось, что дядя Джакъ не былъ тори, сказалъ я на другой день отцу.

Отецъ, не занимавшійся совсѣмъ политикой, вытаращилъ на меня глаза.

— Вы, батюшка, вигъ или тори?

— Гмъ! объ этихъ двухъ сторонахъ вопроса можно многое сказать. Посмотри на мистрисъ Примминсъ: ты знаешь, что у нее есть нѣсколько различныхъ штемпелей для нашихъ масляныхъ круговъ: они выходятъ изъ ея формъ, то съ отпечаткомъ короны, то съ изображеніемъ коровы. Предоставимъ артистамъ, выливающимъ формы, выказывать дарованія своего воображенія. Мы будемъ мазать масло на хлѣбъ, благодарить за него Бога и молиться о ниспосланіи благословенія на всю молочню. Понимаешь?

— Ни одного слова не понимаю, батюшка!

— Слѣдовательно, твой омонимъ, Пизистратъ былъ умнѣе тебя. Однако, пора кормить утку.... Гдѣ дядя?

— Онъ взялъ лошадь у Г. Скиля и поѣхалъ съ Г. Роллиномъ къ тому Лорду, о которомъ вчера говорили.

— О-го! сказалъ отецъ, братъ Джакъ отправился за штемпелемъ на свой кружокъ масла.

Дѣйствительно, дядя Джакъ такъ хорошо игралъ роль свою, и при Лордѣ Наимѣстникѣ графства, такую дивную написалъ программу, вывелъ такіе вѣрные счеты, что мои вакаціи еще не кончились, а онъ помѣщенъ уже былъ въ городѣ, въ прекрасномъ домѣ, гдѣ внизу была контора для журнала, а наверху его особенныя комнаты; получалъ 300 ф. с. жалованья въ качествѣ директора новой еженедѣльной газеты, названной: «Врагъ нововведеній и органъ земледѣльческихъ выгодъ графства.» Эта газета основана была для защиты правъ несчастныхъ ближнихъ, благородныхъ джентельменовъ и эсквайровъ, землевладѣльцевъ и фер-

Digitized by Google

меровъ, равно какъ и подписчиковъ. На заглавномъ листкѣ дядя Джакъ напечаталъ корону, поддерживаемую цѣпомъ и пастушьимъ посохомъ, съ девизомъ: *pro rege et grege.*

Такимъ образомъ дядя Джакъ нашелъ штемпель своему маслу.

ГЛАВА V.

Когда я возвратился въ пансіонъ, то мнѣ показалось, что я уже не ребенокъ! Дядя Джакъ, изъ собственнаго кармана, купилъ мнѣ первую пару сапогъ, à la Wellington! Матушка сдалась на ласки мои, и позволила носить фракъ, вмѣсто прежней куртки. Воротникъ рубашки лежалъ прежде на шеѣ моей, какъ уши легавой собаки, теперь поднимался высоко, какъ уши собаки борзой, и окружился чернымъ ошейникомъ. Мнѣ было около семнадцати лѣтъ, и я почиталъ себя взрослымъ мужчиной. Замѣчу мимоходомъ, что почти всегда мы быстрымъ прыжкомъ перескакиваемъ изъ мальчика Систи въ юношу Пизистрата Какстонъ, и старшіе наши безъ всякаго сопротивленія соглашаются дать намъ желанное названіе молодаго человѣка. Мы не примѣчаемъ постепеннаго хода превращенія, помнимъ только знаменитую эпоху, въ которую всѣ признаки явились вдругъ: Веллингтоновскіе сапоги, фракъ, галстухъ, усики на верхней губѣ, мысль о бритвѣ, мечтанія о молодыхъ дѣвушкахъ и новое чувство поэзіи. Тогда я началъ читать внимательно, понимать то, что читаю, началъ съ безпокойствомъ смотрѣть на будущее, и смутно чувствовать, что мнѣ предстоитъ занять мѣсто между людьми, и что оно зависитъ отъ постояннаго труда и терпѣнія. Я былъ уже первымъ ученикомъ въ нашемъ классѣ, когда получилъ два слѣдующія письма:

I. Отъ Роберта Какстона Эск.

«Любезный сынъ!

«Я увѣдомилъ доктора Германа, что послѣ вакацій ты къ нему не возвратишься. Въ твои лѣта пора перейти въ объятія возлюбленнаго нашего университета, *Alma Mater*, и надѣюсь, что ты получишь почести, которыми онъ удо-

Digitized by Google

стоиваетъ отличныхъ сыновей своихъ. Ты уже стоишь въ спискѣ Троицкой коллегіи въ Кембриджѣ, и мнѣ кажется, будто въ тебѣ снова разцвѣтаетъ моя молодость: вижу, какъ будешь ты бродить по благороднымъ садамъ, орошеннымъ извивистымъ Камомъ, и глядя на тебя, вспоминаю мечты, летавшія надъ моей головой, когда гармоническіе звуки башенныхъ часовъ повторялись на тихомъ кристаллѣ водъ.— *Verum, secretumque Mouseion, quàm multa dictatis, quàm multa invenitis!* — Тамъ, въ этой славной коллегіи, тебѣ придется бороться съ юными богатырями. Ты увидишь тѣхъ, которые въ санѣ церковномъ, государственномъ, гражданскомъ, или въ глубокомъ уединеніи науки, назначены Провидѣніемъ быть свѣтильниками твоего вѣка. Тебѣ не запрещено состязаться съ ними. Тотъ, кто въ юныхъ лѣтахъ можетъ *пренебрегать забавами и любить трудъ*, тотъ имѣетъ передъ собою обширное и благородное поприще славы.

«Дядя Джакъ радуется своимъ журналомъ, а эсквайръ Ролликъ ворчитъ и увѣряетъ, что журналъ наполненъ теоріями, непостижимыми для фермеровъ. Дядя Джакъ съ своей стороны утверждаетъ, что создаетъ свою публику, для того чтобы имѣть достойныхъ читателей, и вздыхая, жалуется, что геній его тускнѣетъ въ провинціи. Дѣйствительно, онъ искусный и свѣдущій человѣкъ, и могъ бы успѣшно дѣйствовать въ Лондонѣ. Онъ часто у насъ бываетъ и ночуетъ, а на другое утро возвращается въ свою контору. Чудесная его дѣятельность заразительна. Повѣришь ли, что ему удалось возжечь пламень моего тщеславія? То есть, говоря безъ метафоръ, я собираю всѣ мои замѣчанія и размышленія, и не безъ удивленія вижу, что возможно привести ихъ въ порядокъ, и методически расположить по главамъ и по книгамъ. Не могу удержаться отъ улыбки, воображая, что становлюсь авторомъ, но смѣюсь еще больше, когда думаю, что такое дерзкое честолюбіе внушено мнѣ дядей Джакомъ. Между тѣмъ, я прочелъ нѣсколько отрывковъ твоей матери, и она похвалила; это ободряетъ меня. Твоя мать очень, очень разумна, хотя не учена, а это тѣмъ

Digitized by Google

болѣе страшно, что многіе ученые не стоили пальца отца ея. Однакожъ, этотъ почтенный, славный учитель умеръ, ничего не напечатавъ, а я.... истинно не понимаю своей дерзости!

«Прости, сынъ мой! пользуйся временемъ, остающимся тебѣ въ Филелленическомъ институтѣ. Голова, наполненная мудростью, есть истинный пантеизмъ, *plena Iovis*. Порокъ всегда помѣщается въ той частичкѣ мозга, которая оставлена пустою. Если, паче чаянія, этотъ господинъ вздумаетъ постучаться у дверей твоихъ, постарайся, милый сынъ, имѣть возможность сказать ему: мѣста нѣтъ для вашего высокородія, идите прочь.

Твой любящій тебя отецъ

Р. Какстонъ.»

II. Отъ Мистрисъ Какстонъ.

«Дорогой мой Систи!

«Скоро возвратишься ты домой; сердце мое такъ полно этой мыслью, что я ничего другаго и писать не могу. Милое дитя мое, возвратись къ намъ! Насъ не будутъ раздѣлять посторонніе люди и школы: ты будешь совсѣмъ нашъ, опять милое дитя наше, будешь опять принадлежать мнѣ, какъ принадлежалъ въ колыбели, въ твоей дѣтской комнатѣ и въ саду, гдѣ мы съ тобою, Систи, перебрасывались цвѣточками. Ты посмѣешься надо мною, когда разскажу тебѣ, что услышавши отъ отца твоего, что ты совсѣмъ къ намъ возвращаешься, я тихонько ушла изъ гостиной и взошла въ комнату, гдѣ хранятся всѣ мои сокровища, ты знаешь! Тамъ, отодвинувши ящикъ, нашла твой чепчикъ, который сама вышивала, маленькую твою нанковую курточку, и многія другія драгоцѣнности, напоминающія то время, когда ты былъ мой маленькій Систи, а я твоя маменька, вмѣсто этой торжественной, холодной *матушки*, какъ зовешь меня теперь. Всѣ эти вещи я перецѣловала, Систи, и сказала имъ: мой малютка возвращается. Мнѣ казалось даже, что я опять буду носить тебя на рукахъ, опять учить говорить: здравствуй, папа! — Я сама смѣюсь надъ собою, а иногда утираю слезы. Ты не можешь уже быть прежнимъ моимъ дитятей, но ты все равно, мой дорогой, мой

Digitized by Google

любимый сынъ, сынъ отца твоего, лучшее мое сокровище, выключая только этого отца.

«Я такъ счастлива въ ожиданіи тебя! Возвратись, пока отецъ твой радуется своей книгой. Ты можешь ободрить его; книгу эту надобно издать. Почему же и ему не быть славнымъ, извѣстнымъ? Почему свѣтъ не будетъ ему удивляться, какъ удивляемся мы? Ты знаешь, что я всегда имъ гордилась, пусть узнаютъ, что не по пустому. Однакоже, ученость ли его привлекла мою любовь, мое почтеніе? Нѣтъ, не ученость, а его доброе, благородное сердце. Въ этой книгѣ, однакожъ, вмѣстѣ съ ученостью помѣстилось и сердце; она наполнена таинствами мнѣ непонятными, но посреди этихъ таинствъ, являются вдругъ мѣста мнѣ доступныя и отсвѣчивающіяся его прекраснымъ сердцемъ.

«Дядя твой взялъ на себя изданіе, и какъ скоро первый томъ будетъ конченъ, отецъ поѣдетъ съ дядей въ городъ.

«Всѣ домашніе наши здоровы, кромѣ бѣдной Сарры, у которой лихорадка. Приммисъ надѣла ей ладанку на шею и увѣряетъ, что ей лучше стало. Быть можетъ, хотя я не понимаю отъ чего. Отецъ твой говоритъ: — Почему и не вылечить талисманомъ? всякое средство вѣроятно удается съ желаніемъ успѣха: чѣмъ удается магнетизмъ, какъ не желаніемъ и волей?

«Я не умѣю этого изъяснить; но тутъ есть тайный смыслъ, вѣроятно, глубокій.

«Еще три недѣли до вакацій, Сисси, а тамъ, прощай школа. Комната твоя будетъ выкрашена и убрана. Завтра жду работниковъ. Утка жива и, кажется, меньше хромаетъ.

«Да благословитъ тебя Господь, милый сынъ!

Счастливая мать твоя

К. Какстонъ.»

Время, которое прошло между этими письмами и утромъ возвращенія въ родительской домъ, показалось мнѣ опять тѣмъ длиннымъ, безпокойнымъ днемъ, который проводилъ я въ болѣзни. Машинально исполнялъ я ежедневные уроки. Ода на Греческомъ языкѣ выразила мое прощаніе съ ин-

Digitized by Google

ститутомъ. Докторъ Германъ объявилъ, что эта ода произведеніе мастерское. Я послалъ ее къ отцу, который, чтобы охладить гордость торжества моего, отвѣчалъ мнѣ неправильнымъ Англійскимъ языкомъ, передразнивая на отечественномъ языкѣ всѣ мои Греческіе варваризмы. Я проглотилъ эту пилюлю, и утѣшился мыслью, что употребивъ шесть лѣтъ на пріобрѣтеніе науки неправильно писать по-Гречески, вѣроятно не найду больше случая блеснуть такимъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ.

Наконецъ насталъ послѣдній день. Съ восторженной какой-то печалью обошелъ я всѣ знакомые мнѣ углы дома, разбойничью пещеру, которую мы выкопали зимою, и защищали шестеро, противъ всей арміи нашего маленькаго царства; заборъ, съ которымъ происходило мое первое сраженіе; столѣтнюю березу, подъ которой читалъ письма отца и матери.

Перочиннымъ ножичкомъ вырѣзалъ я крупными буквами имя свое на моемъ налоѣ. Пришла ночь, колоколъ пригласилъ насъ ко сну, и мы разошлись по комнатамъ. Я открылъ окно, на небѣ блистали всѣ звѣзды; не могъ я узнать свою, ту звѣзду, которая должна освѣтить поприще славы и счастія, предстоящее передъ юношей, вступающимъ въ свѣтъ. Надежда и честолюбіе волновали мнѣ душу, но за ними стояла скорбь. Читатель, ты вспомни самъ всѣ мысли, полныя печали и восторга, всѣ невольныя сожалѣнія о прошедшемъ, всѣ неясно радостныя стремленія къ будущему, которыя каждаго изъ васъ творили поэтомъ въ послѣднюю ночь пребыванія вашего въ школѣ.

(*До слѣдующей книжки.*)

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СЕМЕЙСТВО КАКСТОНЪ.

Романъ Бульвера.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.*

ГЛАВА I.

Почтовая карета остановилась у воротъ дома отца моего; я вышелъ. Прекрасный лѣтній день клонился къ вечеру. Мистрисъ Примминсъ выбѣжала ко мнѣ на встрѣчу и, съ изъявленіями горячей дружбы, пожала мнѣ руку. Слѣдомъ за ней, заключила меня въ свои объятія матушка.

Какъ скоро нѣжная моя родительница убѣдилась, что я не умираю съ голоду и, 2 часа тому назадъ, пообѣдалъ у доктора Германа, то тихонько, черезъ садъ, повела меня въ бесѣдку.

— Отецъ теперь такъ веселъ! — сказала она, утирая слезу; къ нему пріѣхалъ его братъ,

---

* Въ прошлой книгѣ, подъ I-ю частью, надо читать: глава I-я, а вмѣсто VII главы на с. 45, должно читать: часть вторая, глава I-я, и такъ далѣе. Одиннадцатая глава есть пятая второй части, за коею и слѣдуетъ третья часть.

Digitized by Google

Я остановился. Его братъ! Повѣритъ ли читатель? я никогда не слыхивалъ, чтобъ у моего отца былъ братъ: такъ рѣдко говорили при мнѣ о семейныхъ дѣлахъ.

— Его братъ? спросилъ я. У меня есть дядя Какстонъ, какъ дядя Джакъ?

— Да, душа моя, отвѣчала матушка, и прибавила: — они прежде не очень были дружны; капитанъ жилъ все за моремъ. Теперь, слава Богу, они совсѣмъ помирились.

Она не успѣла сказать ничего больше: мы подходили къ бесѣдкѣ. На столѣ стояли плоды и вина. Джентльмены сидѣли за дессертомъ; собесѣдники эти были: мой отецъ, дядя Джакъ, мистеръ Скиль и высокій, худощавый мужчина, застегнутый на всѣ пуговицы, прямой, вытянутый, воинственный, важный, величественный, достойный, однимъ словомъ, занять мѣсто въ рыцарской книгѣ мо го славнаго предка.

Когда я вошелъ, всѣ встали; но бѣдный отецъ мой, медленный въ своихъ движеніяхъ, привѣтствовалъ меня уже послѣ всѣхъ другихъ. Дядя Джакъ напечаталъ мнѣ на пальцахъ сильный слѣдъ своего перстня съ печатью; мистеръ Скиль потрепалъ меня по плечу, и замѣтилъ: «удивительно выросъ!» Новый дядя съ важностью сказалъ мнѣ: «вашу руку, сэръ, я капитанъ де-Какстонъ!» Даже домашняя утка высунула голову изъ подъ крыла и (это привѣтствіе она дѣлала всѣмъ) потерла ее около ноги моей, прежде чѣмъ отецъ, положа мнѣ на голову блѣдную свою руку и нѣсколько минутъ вглядываясь въ меня, съ неописанной нѣжностію, сказалъ:

— Все больше и больше похожъ на мать, — Господь съ нимъ!

Мнѣ оставили стулъ между отцемъ и его братомъ. Я поспѣшно сѣлъ, раскраснѣвшись и задыхаясь, потому что непривычная ласка отца поразила меня несказанно: ктому же я сознялъ впервые мое новое положеніе. Я возвращался

Digitized by Google

подъ кровъ родительскій, не школьникомъ, для отдыха и развлеченія, а его надеждой. Я могъ наконецъ пользоваться правомъ быть утѣшителемъ и помощникомъ дорогихъ родителей, доселѣ безвозмездно окружавшихъ меня попеченіями и благодѣяніями. — Странный это переломъ въ жизни, когда мы *заправду*, *совсѣмъ* возвращаемся домой. Все около насъ въ домѣ принимаетъ тогда новый видъ. Прежде, мы были гостемъ, балованымъ ребенкомъ, котораго забавляютъ, ласкаютъ, веселятъ въ то короткое время, которое онъ проводитъ дома. Но, когда возвращаешься домой навсегда, *совсѣмъ* уже кончивши школьное ученіе и отживъ школьные года, тогда перестаешь считать себя гостемъ, раздѣляешь жизнь домашнюю, со всѣми ея обязанностями; принимаешь долю отъ всѣхъ скукъ, всѣхъ должностей и всѣхъ тайнъ домашняго круга.... Не такъ ли? Мнѣ хотѣлось закрыть лицо руками, и заплакать!

Отецъ, при всей своей разсѣянности и простодушіи, неимовѣрно-прозорливо читалъ въ глубинѣ сердецъ. Въ моемъ сердцѣ разбиралъ онъ все, также легко, какъ въ Греческой книгѣ. Онъ тихонько обнялъ мой станъ рукой и шепнулъ мнѣ на ухо: — будь твердъ! Молчи! Потомъ громко сказалъ дядѣ:

— Братъ Роландъ! Нельзя оставить дядю Джака безъ отвѣта.

— Братъ Остинъ, отвѣчалъ, важно, капитанъ, — мистеръ Джакъ, если смѣю назвать его этимъ именемъ....

— О, конечно, смѣете! — возразилъ дядя Джакъ.

— За честь почитаю такую короткость,—отвѣчалъ капитанъ, съ поклономъ. Я хотѣлъ сказать, что мистеръ Джакъ отступилъ съ поля битвы.

— Совсѣмъ нѣтъ! — воскликнулъ мистеръ Скиль, всыпая шипучій порошокъ въ химическую микстуру, тщательно составленную изъ стараго хереса и лимоннаго сока.—Совсѣмъ нѣтъ! Мистеръ Тиббетсъ, у котораго органъ противурѣчія значительно развитъ, говорилъ, между прочимъ....

Digitized by Google

— Я говорилъ, — сказалъ дядя Джакъ,—что стыдъ и срамъ девятнатцатому вѣку, когда человѣкъ, подобный моему другу, капитану Какстонъ....

— Де-Какстонъ, сэръ, мистеръ Джакъ.

—Де-Какстонъ,—съ отличными воинскими способностями, знатнаго происхожденія, герой, внукъ и потомокъ героевъ, служившій дватцать три года въ королевскихъ войскахъ, отставленъ капитаномъ. Это происходитъ, сказалъ я, отъ системы покупныхъ чиновъ, обратившей въ обычай продажи самыхъ благородныхъ почестей, какъ нѣкогда въ Римской имперіи.

Отецъ поднялъ голову, но дядя Джакъ продолжалъ, не допустивъ его выговорить и первое слово задуманнаго возраженія.

— Системы, которой можно положить конецъ: для этого нужно небольшое усиліе, — только общее согласіе. Да, сэръ! При этомъ дядя Джакъ такъ ударилъ по столу, что двѣ вишни подскочили съ тарелки и задѣли по носу капитана.—Я смѣло скажу, что могу всю армію преобразовать и поставить на другую ногу. Если бы самые бѣдные и самые достойные офицеры захотѣли соединиться въ дружное общество и каждый сталъ вносить по третямъ хоть небольшую сумму, мы составили бы капиталъ, которымъ не трудно бы было понемногу подорвать недостойныхъ повышенія. Каждый способный и заслуженный человѣкъ имѣлъ бы тогда всѣ средства къ повышенію.

— Дѣйствительно, это великая мысль,—сказалъ мистеръ Скиль. — Что вы объ этомъ думаете, капитанъ?

— Совсѣмъ не великая, сэръ,—сказалъ очень серьезно капитанъ. Въ монархическомъ правленіи мы признаемъ единственный источникъ почестей. Такимъ обществомъ можно уничтожить первую обязанность воина — уваженіе къ своему Государю.

—Честь,—продолжалъ капитанъ,воспламеняясь,—честь—награда воину. Какая мнѣ нужда, что молодой неучь, купивъ

Digitized by Google

себѣ чинъ полковника, сядетъ мнѣ на голову? Онъ не купитъ ни моихъ ранъ, ни моей службы. Онъ не купитъ, сэръ, моей медали, данной мнѣ за Ватерлоо. Его называютъ полковникомъ.... потому что онъ купилъ этотъ титулъ.... Прекрасно! ему это нравится, но мнѣ это нравиться бы не могло; по моему, лучше оставаться капитаномъ и гордиться не титуломъ, а двадцатью тремя годами службы. — Общество купило бы мнѣ полкъ! Не хочу быть неучтивымъ, иначе, сказалъ бы просто: чтобы ихъ чортъ взялъ.... Вотъ мое мнѣніе, мистеръ Джакъ!

Безмолвное волненіе пробѣжало по всѣмъ собесѣдникамъ, даже дядя Джакъ казался очень тронутъ, пристально взглянулъ на стараго солдата и не сказалъ ни слова. Мистеръ Скиль прервалъ общую тишину:

— Мнѣ хотѣлось бы видѣть вашу Ватерлооскую медаль; съ вами она, капитанъ?

— Мистеръ Скиль, отвѣчалъ капитанъ, — пока я живъ, она останется на моемъ сердцѣ. Когда умру, съ нею положатъ меня въ гробъ, съ ней я встану по первой командѣ, на общей перекличкѣ, въ день воскресенія мертвыхъ!

Говоря это, капитанъ разстегивалъ сертукъ, и, снявъ съ полосатой ленточки самый ужасный образчикъ ювелирнаго искусства, какимъ когда-либо награждали заслугу въ ущербъ изящному вкусу, положилъ медаль на столъ.

При совершенномъ безмолвіи, она стала переходить изъ рукъ въ руки.

— Нельзя не подивиться этому.... — сказалъ, наконецъ, батюшка.

— Тутъ нѣтъ ничего страннаго, братъ, — сказалъ капитанъ. — Это очень просто, для человѣка, понимающаго правила чести.

— Можетъ статься, — отвѣчалъ кротко отецъ;—мнѣ хотѣлось бы послушать то, что вы можете сказать намъ о чести. Я увѣренъ, что это для всѣхъ насъ будетъ назидательно.

Digitized by Google

ГЛАВА II.

Рѣчь дяди Роланда о чести.

— Милостивые государи! — сказалъ капитанъ, обращаясь ко всѣмъ слушателямъ, и отвѣчая на сдѣланный ему вызовъ, — милостивые государи! Богъ создалъ землю, человѣкъ насадилъ садъ. Богъ создалъ человѣка, а человѣкъ воздѣлалъ себя самъ.

— Да, конечно, наукой, — сказалъ мой отецъ.

— Промышленностью — сказалъ Джакъ.

— Физическими свойствами тѣла, — сказалъ мистеръ Скиль. Человѣкъ не могъ бы усовершенствоваться и остался бы дикимъ, въ лѣсахъ и пустыняхъ, если бъ созданъ былъ съ жабрами, какъ рыба, или не умѣлъ говорить, подобно обезьянѣ! Руки и языкъ даны ему, какъ орудіе прогресса.

— Мистеръ Скиль — сказалъ отецъ, качая головою,— Анаксагоръ сказалъ прежде васъ то же о рукахъ человѣческихъ

—Что жъ! съ этимъ дѣлать нечего—отвѣчалъ Скиль,— пришлось бы цѣлый вѣкъ молчать, если бъ говорить только то, что никѣмъ еще не было сказано. Однако превосходство наше заключается не столько въ рукахъ, сколько въ ширинѣ большихъ пальцевъ.

— Альбинусъ *de sceleto*, и нашъ ученый, Вильямъ Лауренсъ замѣтили то же — сказалъ отецъ.

— Тьфу пропасть! — воскликнулъ мистеръ Скиль,— какая вамъ надобность все знать!

— Не все! но большіе пальцы доставляютъ предметъ розысканія самому простому понятію, скромно отвѣчалъ отецъ.

—Милостивые государи,—началъ опять дядя Роландъ,— руки и большіе пальцы даны Эскимосцамъ, также какъ ученымъ медикамъ, но Эскимосцы отъ этого не умнѣе. Нѣтъ, господа, со всею вашей ученостью, вы не можете довести

Digitized by Google

насъ до состоянія машины. Глядите внутрь себя. Человѣкъ, повторяю, возсоздаетъ себя самъ. Какимъ образомъ? Началомъ *чести*. Первое желаніе его состоитъ въ томъ, чтобы превзойти другаго человѣка, первое стремленіе его — отличиться отъ другихъ. Провидѣніе снабдило душу невидимымъ компасомъ, магнитной стрѣлкой, всегда указывающей на одну точку, т. е. на честь, — на то, что̀ окружающіе человѣка считаютъ честнѣе и славнѣе всего. Человѣкъ, отъ начала, былъ подверженъ всякимъ опасностямъ: и отъ дикихъ звѣрей, и отъ людей, подобно ему, дикихъ, слѣдовательно *храбрость* сдѣлалась первымъ качествомъ, достойнымъ уваженія и отличія; поэтому дикіе храбры, поэтому дикіе и добиваются похвалы, поэтому же, они украшаютъ себя шкурами побѣжденыхъ звѣрей и волосами убитыхъ враговъ. Не говорите, что они смѣшны и отвратительны; нѣтъ, это знаки славы. Они доказываютъ, что дикій уже избавился отъ перваго, грубаго, закоснѣлаго себялюбія, что цѣнитъ похвалу, а люди хвалятъ только то, что охраняетъ ихъ безопасность или улучшаетъ бытъ. Въ послѣдствіи дикіе догадались, что нельзя жить безопасно другъ съ другомъ, не условясь въ томъ, чтобы не обманывать другъ друга, и *правда* сдѣлалась достойна уваженія, стала первымъ правиломъ чести. Братъ Остинъ можетъ сказать намъ, что во времена древнія правда была всегда принадлежностью героя.

— Дѣйствительно,—сказалъ отецъ, — Гомеръ съ восторгомъ придаетъ ее Ахиллесу.

— Отъ правды родится необходимость въ нѣкоторомъ родѣ справедливости и закона. Уважая храбрость воина и правду въ каждомъ человѣкѣ, люди начинаютъ воздавать честь старикамъ, избраннымъ для храненія справедливаго суда между ними. Такимъ образомъ установляется законъ.

— Да вѣдь первые-то законодатели были жрецы, — сказалъ отецъ.

Digitized by Google

— Я къ этому приду, милостивые государи, продолжалъ дядя.—Откуда желаніе чести, если не отъ необходимости отличиться — другими словами — усовершенствовать свои способности для пользы другихъ, хотя человѣкъ и ищетъ похвалы людей, не подозрѣвая такого послѣдствія? Но это желаніе чести неугасаемо, и человѣкъ желаетъ перенести награду свою даже за предѣлы гроба. Поэтому, тотъ, кто больше другихъ убилъ львовъ и враговъ, естественно вѣритъ, что въ другомъ мірѣ ему достанутся лучшіе участки для его охоты и лучшія мѣста за небесными пирами. Природа, во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ, внушаетъ ему мысль о власти невидимой, а чувство чести, т. е. желаніе славы и наградъ, заставляетъ его искать одобренія этой невидимой власти. Отсюда — первая мысль о религіи. Въ предсмертныхъ пѣсняхъ, которыя поетъ дикій, когда его привязываютъ къ мучительному столбу, онъ, пророческими гимнами, разсказываетъ будущія почести и награды небесныя. Общество идетъ впередъ. Начинаютъ строить хижины: устанавливается собственность. Кто богаче, тотъ сильнѣе. Власть становится почтенна. Человѣкъ ищетъ чести, связанной съ властью, основанной на владѣніи. Такимъ образомъ, поля обработываются; плоты переплываютъ рѣки, одно племя заводитъ торгъ съ другимъ. Возникаетъ торговля и начинается просвѣщеніе. Милостивые государи, то, что кажется всего меньше связано съ честью, въ наше настоящее время, ведетъ свое начало отъ правилъ чести. И такъ, честь есть основаніе всякаго успѣха въ усовершенствованіи человѣчества.

— Вы говорили, какъ ученый, братъ, — сказалъ мистеръ Какстонъ, съ изумленіемъ.

—Да, милостивые государи,—продолжалъ капитанъ, съ тою же непоколебимою увѣренностью; — возвращаясь ко временамъ варварства, я возвращаюсь къ истиннымъ началамъ чести. Потому именно, что эта кругленькая штучка не имѣетъ вещественной цѣны, она становится безцѣнна;

Digitized by Google

только поэтому, она и есть доказательство заслуги. Гдѣ же была бы моя заслуга, еслибъ я могъ ею купить опять мою ногу, или промѣнять ее на сорокъ тысячь фунтовъ стерлинговъ дохода? Нѣтъ, вотъ въ чемъ ея цѣна: когда я надѣну ее на грудь, люди скажутъ: «этотъ старикъ не такъ безполезенъ, какъ можно подумать; онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые спасали Англію и освободили Европу.» Даже тогда, когда я ее прячу (тутъ дядя Роландъ поцѣловалъ свою медаль, привязалъ ее опять къ ленточкѣ, и всунулъ въ прежнее мѣсто), и не видитъ ея ни одинъ чужой глазъ, цѣна ея возвышается мыслью, что отечество мое не унизило древнихъ, истинныхъ началъ чести, и не платитъ воину, сражавшемуся за него, тою же монетою, какою вы, мистеръ Джакъ, платите вашему сапожнику. Да, милостивые государи! Храбрость есть первая добродѣтель, порожденная честью, первый исходный пунктъ безопасности народовъ и ихъ просвѣщенія; поэтому мы, милостивые государи, совершенно правы, что предохраняемъ хоть эту добродѣтель, отъ денежнаго осквернения, отъ этихъ разсчетовъ, составляющихъ не добродѣтели образованности, а пороки, отъ нея происшедшіе.

Дядя Роландъ замолчалъ; потомъ налилъ свою рюмку, всталъ и торжественно сказалъ:

— Послѣдній тостъ, господа! Умершимъ за Англію!

ГЛАВА III.

— Право, мой другъ, вамъ надо выпить это. Ты вѣрно простудился: ты чихнулъ три раза сряду.

—Это отъ того, матушка, что я понюхалъ табаку изъ табакерки дяди Роланда, только ради этой чести, понимаете?

— Скажи пожалуйста, что ты сказалъ такое въ это время, отъ чего улыбнулся отецъ? Я не разслышала и поняла только что о жидахъ и о коллегіумѣ.

Digitized by Google

— О какихъ жидахъ? — *Pulverem olympicum collegisse juvat.* Это значитъ, матушка, что пріятно понюхать табаку изъ табакерки храбраго. Поставьте же вашъ декоктъ: извольте, выпью его послѣ, для васъ. А теперь, сядьте ко мнѣ.... сюда: вотъ эдакъ, и разскажите мнѣ все, что вы знаете о славномъ капитанѣ. Во-первыхъ, онъ гораздо старѣе батюшки?

— Еще бы!—воскликнула матушка съ негодованіемъ. Онъ на лицо старше отца дватцатью годами, хотя между ними только пять лѣтъ разницы. Отецъ твой всегда долженъ казаться молодымъ.

— Зачѣмъ дядя Роландъ ставитъ это нелѣпое Французское *де* передъ своей фамиліей? А отъ чего они прежде были не хороши съ отцомъ? А женатъ онъ? Есть у него дѣти?

Мѣстомъ дѣйствія этого совѣщанія была моя маленькая горница, къ моему возвращенію оклеенная новыми обоями: обои представляли рѣшетку съ цвѣтами и птицами и были такіе свѣжіе, новые, чистые, веселые; книги мои разставлены были на красивыхъ полкахъ, письменный столъ стоялъ подъ окномъ, въ которое смотрѣлъ кроткій, лѣтній мѣсяцъ. Окно было нѣсколько отворено: слышалось благоуханіе цвѣтовъ и только что скошеннаго сѣна. Было за 11 часовъ. Мы сидѣли съ матерью одни.

— Помилуй, другъ мой, сколько вопросовъ вдругъ!

—Такъ вы не отвѣчайте. Начинайте съ начала, какъ няня Приминсъ разсказываетъ свои сказки. Жилъ-былъ....

— Жилъ-былъ,—сказала матушка, цѣлуя меня между глазъ, — былъ, душа моя, въ Кумберландѣ нѣкій пасторъ, у котораго было два сына; средства его къ жизни были незначительны, и дѣти должны были сами пробить себѣ дорогу. Рядомъ съ жилищемъ пастора, на вершинѣ горы, стояла старая развалина съ покинутой башней, и она, съ половиною всей окрестности, принадлежала нѣкогда семейству па-

Digitized by Google

стора; но все отошло по немногу, все было продано, все, понимаешь ли, кромѣ права на мѣсто приходскаго пастора, предоставленное меньшому въ семействѣ. Старшій сынъ былъ твой дядя Роландъ, меньшой — твой отецъ. Теперь я думаю, что первая ихъ ссора произошла отъ самой нелѣпой причины, какъ сказывалъ и отецъ, но Роландъ былъ до крайности щекотливъ во всемъ, что касалось до его предковъ. Онъ безпрестанно изучалъ родословное, древнее дерево, или читалъ рыцарскія книги, или бродилъ между развалинъ. Гдѣ началось это дерево, я не знаю; кажется, однако, что Король Генрихъ II далъ земли въ Кумберландѣ какому-то сэру Адаму Какстонъ, и отъ него линія шла, не прерываясь, отъ отца къ сыну, до Генриха V. Тогда, вѣроятно по поводу безпорядковъ и смутъ, произведенныхъ, по словамъ твоего отца, войнами Розъ, начинаютъ попадаться только одно или два имени безъ чиселъ и браковъ, вплоть до Генриха VII, кромѣ имени Вильяма Какстонъ, при Эдуардѣ IV, въ одномъ духовномъ завѣщаніи. Въ нашей сельской церкви воздвигнутъ прекрасный бронзовый памятникъ сэру Вилліяму де-Какстонъ, рыцарю, убитому въ сраженіи при Босвортѣ и сражавшемуся за нечестиваго Короля Ричарда III. Около того же времени жилъ, какъ тебѣ извѣстно, славный типографщикъ Вильямъ де-Какстонъ. Отецъ, будучи въ Лондонѣ у тетки, тщательно перерывалъ всѣ старыя бумаги архива герольдіи и имѣлъ несказанное удовольствіе удостовѣриться, что происходитъ не отъ бѣднаго сэра Вильяма, убитаго за столь неправое дѣло, то отъ знаменитаго типографщика, происходившаго отъ младшей линіи того же рода, потомству котораго досталось помѣстье при Генрихѣ VIII. За это дядя Роландъ и поссорился съ братомъ, и я дрожу всякій разъ, когда подумаю, что они могутъ когда-нибудь опять напасть на этотъ вопросъ.

— Стало быть, матушка, дядя рѣшительно виноватъ, по суду здраваго смысла; но вѣрно, кромѣ этой причины, есть другая.

Digitized by Google

Матушка опустила глаза и съ замѣшательствомъ потерла руки, что было у ней всегда признакомъ замѣшательства.

— Матушка, сказалъ я, ласкаясь, — скажите, что же это такое?

— Думаю, — отвѣчала она, — то есть, кажется, что они оба были влюблены въ одну и ту же дѣвушку.

— Какъ? что? батюшка когда-нибудь былъ влюбленъ въ кого-нибудь кромѣ васъ?

— Былъ, Сисси, былъ; и страстно, глубоко,—отвѣчала матушка и, вздохнувъ и помолчавъ нѣсколько минутъ, продолжала: — и онъ никогда не любилъ меня, въ чемъ (это главное) чистосердечно мнѣ признался.

— А вы все-таки....

— Вышла за него. Да, и оттого вышла, — продолжала она, возводя къ небу ясные, кроткіе глаза, въ которыхъ каждый любящій съ восторгомъ желалъ бы прочесть судьбу свою, — оттого, что старая его любовь была безнадежна. Я знала, что могла сдѣлать его счастливымъ, знала, что со временемъ онъ будетъ любить меня; такъ и случилось! Дитя мое, отецъ меня любитъ!

При этихъ словахъ, щеки матушки покрылись яркимъ, дѣвственнымъ румянцемъ; кроткая красота ея выражала столько доброты, она такъ была еще молода, что если бы отецъ не умѣлъ полюбить подобное созданіе, вы бы сказали, что это случилось единственно потому, что имъ овладѣлъ Дузій, врагъ Тевтоновъ или Нокъ, морской демонъ Скандинавовъ, отъ которыхъ, по увѣренію ученыхъ, произошли наши новѣйшіе демоны, даже «Старый Никъ» и нашъ Англійскій Дьюсъ.

Я прижалъ ея руку къ губамъ, но сердце слишкомъ было полно, и говорить я не могъ. Черезъ нѣсколько минутъ я нарочно перемѣнилъ разговоръ.

Digitized by Google

— Стало, это соперничество поссорило братьевъ еще больше. Кто же была эта дама?

— Отецъ никогда не говорилъ объ этомъ, а я не спрашивала; знаю только, что на меня она не была похожа. Красавица собой, совершенная во всѣхъ отношеніяхъ, знатнаго рода.

— Благоразумно сдѣлалъ батюшка, что обошелъ ее. Ну, да что объ этомъ. А капитанъ что?

— Въ это время скончался вашъ дѣдушка, а скоро послѣ него, богатая, скупая тётка, которая каждому племяннику оставила 16,000 фунтовъ стерлинговъ. Дядя купилъ за неимовѣрно дорогую цѣну старую башню, съ окружающими землями, которыя, говорятъ, не даютъ ему и 300 ф. с. ежегоднаго дохода; на остальныя деньги онъ купилъ офицерскій чинъ, и братья съ тѣхъ поръ не видались до прошлой недѣли, когда Роландъ пріѣхалъ сюда неожиданно.

— Онъ не женился *на совершенствѣ*?

— Женился, да на другой, и овдовѣлъ.

— Отчего жъ онъ былъ столько же непостоянен, какъ батюшка, и вѣрно безъ такой прекрасной причины? Какъ это было?

— Не знаю, онъ ничего не говоритъ объ этомъ.

— А дѣти есть у него?

— Двое: сынъ,—кстати, не говори съ нимъ никогда о немъ. Когда я спросила дядю объ его семействѣ, онъ отвѣчалъ сухо: «у меня есть дочь, былъ сынъ, но....

— Онъ умеръ! — прервалъ отецъ, своимъ добрымъ, нѣжнымъ голосомъ.

— Умеръ для меня, и прошу васъ, братъ, никогда не называть его при мнѣ. — Если бъ вы видѣли, какъ сердито смотрѣлъ онъ въ то время: я ужасно испугалась.

— А дочь? отъ чего онъ не привезъ ея сюда?

Digitized by Google

— Она осталась во Франціи. Онъ все сбирается за ней, и мы обѣщали навѣстить ихъ въ Кумберландѣ. Ахъ, Боже мой! вѣдь бьетъ двѣнадцать! Трава-то совсѣмъ простыла!

— Еще одно слово, матушка, одно только слово. Батюшкино сочиненье... скажите, онъ продолжаетъ писать?

— Да, да! продолжаетъ! — отвѣчала матушка, сложивъ ручки; онъ прочитаетъ вамъ его, онъ и мнѣ его читаетъ.... Ты все хорошо поймешь.... Какъ мнѣ всегда хотѣлось, чтобы свѣтъ узналъ твоего отца и гордился имъ, какъ мы имъ гордимся, какъ мнѣ этого хотѣлось! Видишь ли, Сисси, если бъ онъ женился на той знатной дѣвушкѣ, то вѣрно бы сталъ извѣстенъ, одушевясь желаніемъ славы; а я могла только сдѣлать его счастливымъ, и не могла ему дать славы!

— Все-таки онъ послушался васъ, наконецъ?

— Меня? нѣтъ не меня, — отвѣчала матушка, качая головою и кротко улыбаясь; — развѣ дяди Джака, который, — говорю это съ удовольствіемъ, — совсѣмъ имъ завладѣлъ.

— Завладѣлъ, матушка! Берегитесь вы, пожалуйста, дяди Джака; онъ всѣхъ насъ когда-нибудь задушитъ въ какой-нибудь угольной рудѣ, или взорветъ на воздухъ, вмѣстѣ съ большой національной компаніей, составившейся для дѣланія пороху изъ чайныхъ листьевъ.

— Какой злой! — сказала матушка, засмѣявшись; потомъ, взявъ свою свѣчу и пока, заводилъ часы, сказала задумчиво:

— Джакъ очень свѣдущъ и очень, очень, искусенъ.... Вотъ кабы мы могли, Сисси, нажить состояніе для тебя!

— Матушка, вы меня пугаете! надѣюсь, что вы шутите?

— А если бъ *мой* братъ умѣлъ *его* прославить передъ свѣтомъ?

Digitized by Google

— Вашего брата хватитъ на то, чтобы потопить всѣ корабли въ Ла-Маншѣ, — возразилъ я съ явнымъ неуваженіемъ.

Но не успѣлъ я выговорить эти слова, какъ уже раскаялся и, обнявъ обѣими руками мать, старался сгладить поцѣлуями неудовольствіе, мною нанесенное.

Оставшись одинъ въ моей горенкѣ, гдѣ нѣкогда сонъ мой былъ такъ глубокъ и миренъ, я будто лежалъ на самой жесткой соломѣ. Я ворочался съ боку на бокъ и не могъ уснуть. Я всталъ, надѣлъ халатъ, зажегъ свѣчу, и сѣлъ за столъ подъ окошко. Прежде всего я задумался надъ этимъ неконченнымъ очеркомъ молодости моего отца, неожиданно передо мною нарисованномъ, потомъ сталъ довершать самъ недостающее, воображая, что эта картина изъяснитъ мнѣ все, что такъ часто смущало мои предположенія. Я понималъ, съ помощью какого-то тайнаго сочувствія моей личной природы (опытомъ я еще не могъ узнавать людей), я отгадывалъ, какъ пылкій, пытливый умъ, не найдя отвѣта на первую, глубокую страсть, погрузился въ занятія, пассивно и безъ цѣли. Я понималъ, какъ для человѣка, предавшагося лѣнивой нѣгѣ счастливаго, хотя и лишеннаго восторговъ любви, супружества, могли пройти въ ученомъ уединеніи цѣлые года, въ объятіяхъ тихой, заботливой подруги, неспособной возбудить дѣятельность ума, по своей природѣ созерцательнаго. Я понялъ также, почему, когда отецъ вошелъ въ зрѣлыя лѣта, время, въ которое во всѣхъ говоритъ честолюбіе, и въ немъ заговорилъ давно-умолкшій голосъ, и умъ его, наконецъ освободясь отъ тяжелаго гнета неудачъ и разочарованія, еще разъ, какъ въ цвѣтущей молодости, увлекся единственной любовницей генія: славой!

И какъ я сочувствовалъ торжеству моей матери! Припоминая прошедшее, я видѣлъ, какъ она вкрадывалась въ сердце моего отца, — какъ то, что прежде было снисходительностью, обратилось въ самоотверженіе, какъ привычка

Digitized by Google

и несчетныя проявленія нѣжности въ жизни домашней замѣнили, для человѣка добраго, то чувство, котораго не было у ученаго.

Я подумалъ потомъ о старомъ, сѣдомъ воинѣ, съ его орлинымъ взоромъ, развалившейся башней и пустыми полями, и увидалъ передъ собою его гордую молодость, рыцарскую, блуждавшую по развалинамъ, или задумывавшуюся надъ старой родословной. И этотъ сынъ, обездоленный,—за какую непонятную обиду?.... Меня одолѣвалъ ужасъ; и эта дѣвушка, овечка,—его сокровище, его все? Хороша ли она собою? голубые глаза у ней, какъ у моей матери, или римскій носъ и черныя, дугообразныя брови, какъ у капитана Роланда! Я мечталъ, мечталъ и мечталъ. — Свѣтъ мѣсяца становился ярче и спокойнѣй; свѣча погасла; мнѣ показалось, что я летаю въ воздушномъ шарѣ, вмѣстѣ съ дядей Джакомъ и только что свалился въ Чермное море, какъ вдругъ знакомый голосъ няни Прииминсъ воззвалъ меня къ дѣйствительности, словами: «Боже ты мой! Дитя-то, видно, всю ночь не ложилось въ постель!»

ГЛАВА IV.

Наскоро одѣвшись, я поспѣшилъ сойти внизъ, потому что мнѣ хотѣлось навѣстить мѣста моихъ прежнихъ воспоминаній: — клумбу, гдѣ были насажены мною анемоны и кресъ-салатъ, дорожку къ персиковымъ деревьямъ, прудъ, гдѣ я удилъ карасей и окуней.

Вошедъ въ залу, я нашелъ дядю Роланда въ большомъ затрудненіи. Служанка мыла порогъ изъ сѣней: она была неуклюжа и отъ природы, а женщина становится еще неуклюжѣе, когда ей стукнетъ сорокъ лѣтъ! — и такъ, она мыла порогъ, стоя задомъ къ капитану, а капитанъ, который, вѣроятно, обдумывалъ вылазку, удивленный, смотрѣлъ на предстоявшее препятствіе и громко покашливалъ. Къ

Digitized by Google

несчастію, служанка была глуха. Я остановился, чтобы посмотрѣть, какъ дядя Роландъ выпутается изъ этой дилеммы.

Убѣдившись въ томъ, что его кашель не поведетъ ни къ чему, дядя съежился, какъ только могъ, и скользнулъ вдоль лѣвой стѣны: въ эту минуту, служанка вдругъ повернулась направо, и этимъ движеніемъ совершенно загородила узкій проходъ, сквозь который свѣтилъ лучь надежды для ея плѣнника. Дядя снялъ шляпу и, въ недоумѣніи, почесалъ себѣ лобъ. Въ это время служанка, быстрымъ поворотомъ, давъ ему возможность вернуться, отняла у него всѣ средства продолжать путь. Онъ быстро отступилъ, и показался ужъ на правомъ флангѣ непріятеля. Едва сдѣлалъ онъ это, служанка, не смотрѣвшая назадъ, поставила передъ собою тазъ съ водою, составлявшій средоточіе и главное орудіе ея операціи: такимъ образомъ, она воздвигла баррикаду, которой дядя мой, съ деревянной своей ногой, не могъ надѣяться преодолѣть. Капитанъ Роландъ возвелъ глаза къ небу, и я слышалъ, какъ онъ явственно произнесъ: — Боже мой, еслибъ это созданіе было въ панталонахъ!

Къ счастію, служанка вдругъ обернулась, отставила тазъ и, увидавъ капитана, подобострастно присѣла передъ нимъ. Дядя Роландъ поднялъ руку къ шляпѣ: — извини меня, душа моя! сказалъ онъ и, слегка поклонившись, выпорхнулъ на свѣжій воздухъ.

— Вы учтивы по солдатски! сказалъ я, подавая руку капитану Роланду.

— Ни мало, голубчикъ, — отвѣчалъ онъ серьезно, улыбаясь и краснѣя до висковъ. — Для насъ, сэръ, всякая женщина — леди, по праву ея пола.

Я часто имѣлъ случай вспоминать этотъ афоризмъ моего дяди: имъ-то объяснилось мнѣ, почему человѣкъ, у котораго фамильная гордость обратилась въ слабость, никогда не видѣлъ обиды въ томъ, что отецъ мой вступилъ въ союзъ съ женщиной, которой родословная была очень молода. Будь моя мать какая-нибудь Монморанси, онъ не могъ быть почтительнѣе и вѣжливѣе, чѣмъ былъ въ обхож-

Digitized by Google

деніи съ скромною отраслью Тибетсовъ. Онъ держался правила, котораго никогда при мнѣ не защищалъ ни одинъ человѣкъ, гордящійся своимъ происхожденіемъ, и выведеннаго изъ слѣдующаго умозаключенія: во-первыхъ, что рожденіе, само по себѣ, не имѣетъ цѣны, но важно потому, что оно передаетъ качества, которыя должны сдѣлаться необходимою принадлежностію воинственнаго рода, каковы: вѣрность, храбрость, честь; во-вторыхъ, что съ женской стороны переходятъ къ намъ умственныя способности, а съ мужской моральныя свойства; у умнаго и остраго человѣка была, по его мнѣнію, непремѣнно умная и острая мать, а у человѣка храбраго и честнаго, храбрый и честный отецъ. Поэтому и должны переходить изъ рода въ родъ только тѣ качества, которыя мы получаемъ отъ отца. Сверхъ того, онъ утверждалъ, что если въ аристократіи понятія болѣе возвышенныя и рыцарскія, то идеи народа отличаются живостію и остротою, почему думалъ, что смѣшеніе джентельменовъ съ простымъ народомъ, но съ его женской стороны, не только извинительно, но и полезно. Окончательно, онъ увѣрялъ, что мужчина есть животное чувственное и грубое, требующее всякаго рода соединеній, которыя бы облагородили его, — женщина же отъ природы такъ способна ко всему прекрасному, по отношенію къ чувству и къ благородному, по цѣлямъ, что ей достаточно быть истинной женщиной, для того, чтобы быть достойной сдѣлаться подругой короля. Странныя и нелѣпыя воззрѣнія, подлежащія сильнымъ опроверженіямъ! Но дѣло въ томъ, что мой дядя Роландъ былъ такой эксцентричный джентельменъ и охотникъ до противорѣчій, какъ.... какъ.... вы да я, когда мы рѣшаемся думать про себя.

— Ну, сэръ, къ чему же васъ готовятъ? спросилъ дядя. — Неужели не къ военной службѣ?

— Я никогда объ этомъ не думалъ, дядюшка!

— Слава Богу, сказалъ капитанъ, — у насъ не было въ родѣ ни адвокатовъ, ни чиновниковъ, ни купцевъ.... гмъ....

Я понялъ, что въ этомъ «гмъ», дядя вспомнилъ про нашего предка, славнаго типографщика.

Digitized by Google

— Что жъ, дядюшка? Честные люди есть во всѣхъ сословіяхъ.

— Безспорно, сэръ, но не во всѣхъ сословіяхъ честь — первый двигатель.

— А можетъ сдѣлаться имъ ... Есть вѣдь и солдаты, бывшіе страшными мошенниками.

Этотъ отвѣтъ удивилъ дядю: онъ нахмурился.

— Вы правы! отвѣчалъ онъ тише обыкновеннаго. Но неужели вы думаете, что мнѣ было бы также весело глядѣть на мою старую, развалившуюся башню, когда бы я зналъ, что она была куплена продавцомъ сельдей, какъ первымъ родоначальникомъ Полей, какъ и теперь, когда я знаю, что она была пожалована Генрихомъ Плантагенетомъ, рыцарю и дворянину (который ведетъ свою родословную отъ одного Англо-Датчанина временъ Короля Альфреда), за службу его въ Аквитаніи и Гасконіи? И неужели вы хотите меня увѣрить, что я былъ бы тѣмъ же самымъ человѣкомъ, еслибъ я съ дѣтства не связывалъ этой башни съ понятіемъ о томъ, кто были ея владѣтели и кѣмъ слѣдовало быть имъ, рыцарямъ и джентельменамъ? Изъ меня, сэръ, вышло бы не то, если бы въ главѣ моего рода стоялъ сельдяной торговецъ, хотя, безспорно, и онъ могъ быть такой же хорошій человѣкъ, какъ и Англо-Датчанинъ, царство ему небесное!

— И по этой же самой причинѣ, вы, сэръ, вѣроятно, предполагаете, что и мой отецъ былъ бы не совсѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ теперь, еслибъ онъ не сдѣлалъ замѣчательнаго открытія о нашемъ происхожденіи отъ знаменитаго типографщика Вилліама Какстона.

Дядя подпрыгнулъ, словно бы кто-нибудь выстрѣлилъ въ него,— и такъ неосторожно, въ отношеніи къ матеріаламъ, изъ которыхъ была составлена одна его нога, что упалъ бы въ гряду земляники, еслибъ я не ухватилъ его за руку.

— Какъ, вы, вы — вы сумасбродъ! закричалъ капитанъ, отталкивая мою руку и едва пришедъ въ равновѣсіе.— Такъ вы наслѣдовали эту нелѣпость, которую мой братъ

Digitized by Google

вбилъ себѣ въ голову? Надѣюсь, что вы не промѣняете сэра Вилліама де-Какстонъ, который сражался и палъ подъ Босвортомъ, на ремесленника, который продавалъ какіе-то чернокнижные памфлеты въ Вестминстерской церкви.

— Это зависитъ отъ силы доказательствъ, дядюшка.

— Нѣтъ, сэръ, подобно всѣмъ высокимъ истинамъ, и это зависитъ отъ *вѣры*. Въ наше время, — продолжалъ дядюшка, съ видомъ невѣроятнаго отвращенія — люди требуютъ, чтобы истины были доказываемы.

— Это, конечно, странное требованіе, любезный дядюшка. Но покуда истина не доказана, всегда ли можно знать, что она, въ самомъ дѣлѣ, истина?

Я думалъ, что этимъ глубокомысленнымъ вопросомъ положительно поймалъ дядюшку. Не тутъ-то было. Онъ вывернулся изъ него, какъ угорь.

— Сэръ, сказалъ онъ, — въ истинѣ то, что согрѣваетъ сердце и очищаетъ душу, происходитъ отъ вѣры, а не отъ знанія. Доказательство, сэръ, — цѣпи; вѣра — крылья! Бы хотите, чтобъ вамъ доказали, что тотъ или другой изъ вашихъ предковъ жилъ во времена Короля Ричарда. Да вы, сэръ, не въ состояніи логически доказать, что вы сынъ вашего собственнаго отца. Человѣкъ религіозный, сэръ, не станетъ разсуждать о своей религіи: религія не математика. Доказательства, продолжалъ онъ, съ сердцемъ — это низкій, подлый, площадной, безчестный якобинецъ, вѣра — прямой благородной, рыцарственный джентельменъ! Нѣтъ, нѣтъ, доказывайте что хотите: вы не отымите у меня ни одного изъ тѣхъ вѣрованій, которыя сдѣлали изъ меня....

— Добрѣйшее изъ тѣхъ существъ, которыя говорятъ глупости, сказалъ мой отецъ, подоспѣвшій въ самую пору, какъ божество Горація. — Во что это вы должны вѣрить, какіе бы доводы ни были противъ васъ?

Дядя молчалъ и только съ большой энергіей втыкалъ въ щебень кончикъ своей трости.

Digitized by Google

— Дядюшка не хочетъ вѣрить въ нашего знаменитаго предка, типографщика, — сказалъ я.

Спокойное выраженіе лица моего отца, въ одинъ мигъ, помрачилось....

— Братъ, — сказалъ гордо, капитанъ;—вы можете думать какъ хотите, но вамъ бы не мѣшало помнить, что ваши мысли искажаютъ понятія вашего сына.

— Искажаютъ? сказалъ мой отецъ, — и я въ первый разъ увидалъ искру гнѣва, сверкнувшую въ его глазахъ, но онъ сейчасъ же удержался: — перемѣните это слово.

— Нѣтъ, сэръ, я не перемѣню его! Искажать смыслъ семейныхъ памятниковъ!

— Памятники! Какіе же памятники! Мѣдная доска въ сельской церкви, противная всѣмъ актамъ геральдики.

— Не признавать за предка рыцаря, умершаго на полѣ битвы!

— За что?

— За короля!

— Который убилъ своихъ племянниковъ!

— Рыцарь! съ нашимъ гербомъ на шлемѣ!

— Подъ которымъ не было мозгу, иначе онъ не отдалъ бы его за кровожаднаго злодѣя!

— Какой-нибудь подлецъ типографщикъ, который трудился изъ-за денегъ!

— Мудрое и благородное орудіе искусства, которое просвѣтило міръ. Предпочитать происхожденіе отъ неизвѣстнаго, рыцаря оставившаго по себѣ единственный памятникъ— мѣдную доску въ сельской церкви, происхожденію отъ человѣка, котораго имя умные и ученые люди произносятъ съ уваженіемъ.

Дядюшка побагровѣлъ и отвернулся.

— Довольно, сэръ, довольно! я достаточно оскорбленъ. Я долженъ былъ ожидать этого. Честь имѣю кланяться вамъ и вашему сыну.

Digitized by Google

Мой отецъ оцѣпенѣлъ! Капитанъ, почти въ припрыжку, пошелъ къ калиткѣ: еще мгновеніе, и онъ былъ бы за границею нашихъ владѣній. Я подбѣжалъ къ нему и повисъ на немъ:

— Дядюшка, во всемъ виноватъ я. Я совершенно согласенъ съ вами. Сдѣлайте милость, простите насъ обоихъ. Могъ ли я подумать, что оскорблю васъ! А отецъ? Посѣщеніе ваше такъ его обрадовало.

Дядя остановился, ища щеколды. Тогда подошелъ отецъ и схватилъ его за руку:

— Стоятъ ли всѣ типографщики міра и всѣ ихъ книги одного оскорбленія вашему доброму сердцу, братъ Роландъ? Хорошъ и я-то. Извѣстное дѣло, слабость нашего брата, ученаго! Сталъ ли бы я учить ребенка такимъ вещамъ, которыя могли бы оскорбить васъ? Да я, право, и не помню, училъ ли я его когда чему. Пизистратъ, если тебѣ дорого мое благословеніе, я тебѣ приказываю считать своимъ родоначальникомъ сэра Уильяма де-Какстонъ, героя Босвортскаго. Пойдемъ, пойдемъ!

— Я старый дуракъ, сказалъ дядя Роландъ—какъ ни смотри на это. А вы! эдакій щенокъ! онъ теперь смѣется надъ нами обоими!

— Я велѣла подать завтракать на лужайкѣ, сказала моя мать, сходя съ крыльца, съ радушной улыбкой на губахъ, — и я надѣюсь, что нашъ чай вамъ сегодня понравится.

Птицы пѣли надъ нашими головами, или довѣрчиво прыгали, подбирая крошки, которыя бросали имъ, солнце грѣло не сильно, листья тихо перешептывались въ утреннемъ воздухѣ. Мы сѣли за столъ, примиренные и готовые такъ же искренно благодарить Бога за всѣ красоты міра, какъ если бы рѣка полей Босвортскихъ никогда не обагрялась кровью, какъ будто бы достойный мистеръ Какстонъ не всполошилъ всего человѣчества раздражительнымъ изобрѣтеніемъ, въ тысячу разъ болѣе взволновавшимъ наши воинственныя склонности, нежели звукъ трубъ и видъ развѣвающагося знамени!

Digitized by Google

ГЛАВА V.

— Братъ, пойдемъ погулять къ Римскому стану, — сказалъ мой отецъ.

Капитанъ понялъ, что это предложеніе было лучшимъ залогомъ примиренія, какой только могъ выдумать отецъ: во-первыхъ, прогулка была длинная, а отецъ ненавидѣлъ длинныя прогулки; во-вторыхъ онъ жертвовалъ цѣлымъ днемъ труда надъ своимъ большимъ сочиненіемъ. Но съ той нѣжной чувствительностью, которая есть принадлежность великодушныхъ сердецъ, дядя Роландъ, сейчасъ же, принялъ предложеніе. Если бъ онъ отказался, горькое чувство цѣлый бы мѣсяцъ тревожило душу моего отца. Могло ли бы итти успѣшно сочиненіе, если бъ сочинителя возмущало раскаяніе?

Полчаса послѣ завтрака, братья, взявшись объ руку, пошли. Я слѣдовалъ за ними въ нѣкоторомъ отдаленіи и дивился твердой поступи стараго солдата, съ его пробочной ногой. Весело было слушать бесѣду двухъ эксцентрическихъ созданій матери—природы, у которой нѣтъ стереотиповъ; я думаю, даже, что невозможно найти двухъ блохъ, совершенно между собою сходныхъ.

Мой отецъ не былъ особеннымъ наблюдателемъ красотъ сельской природы. У него такъ мало былъ развитъ органъ памяти мѣстъ, что, кажется, онъ могъ бы заблудиться въ своемъ собственномъ саду, но капитанъ живо воспринималъ внѣшнія впечатлѣнія: ни одна черта ландшафта не ускользала отъ него. Онъ останавливался передъ каждымъ пнемъ, прихотливо-изуродованнымъ; слѣдилъ взоромъ за жаворонкомъ, вспорхнувшимъ изъ-подъ его ногъ; съ наслажденіемъ вдыхалъ, расширяя ноздри, каждую струйку вѣтерка, прилетавшаго съ горы. Отецъ мой, не смотря на всю свою ученость, на всѣ сокровищницы языковъ, открытыхъ передъ нимъ наукою, рѣдко бывалъ краснорѣчивъ. Капитанъ говорилъ съ такимъ жаромъ, съ такой страстью, движенія его были такъ оживлены, голосъ такъ звученъ, что всякая рѣчь его дѣлалась на половину поэтическою. Гор-

Digitized by Google

дость дышала въ каждой фразѣ дяди Роланда, въ каждомъ звукѣ его голоса и игрѣ лица. Въ моемъ отцѣ вы не нашли бы гордости и на столько, сколько ея въ гомеопатической крупинкѣ: онъ не гордился даже и тѣмъ, что не имѣлъ гордости. Напрасно трудился бы тотъ, кто захотѣлъ бы раздразнить и расшевелить въ немъ желчь: раздуйте всѣ его перья,— и все-таки вы нашли бы только голубя. Отецъ всегда былъ кротокъ и тихъ, дядя — горячъ и вспыльчивъ; отецъ рѣдко ошибался въ сужденіяхъ; дядя рѣдко былъ совершенно правъ; отецъ говорилъ о немъ: «Роландъ такъ исходитъ всѣ «кусты, что всегда выгонитъ птицу, которую мы искали; «ошибается самъ для того, чтобы показать намъ что спра«ведливо». Въ дядѣ все было рѣзко, строго, угловато; въ отцѣ моемъ—гладко, нѣжно и округлено природной граціей. Характеръ дяди, подобно готическому зданію подъ сѣвернымъ небомъ, бросалъ тысячу многообразныхъ тѣней; отецъ стоялъ свѣтелъ на полуденномъ солнцѣ, подобно Греческому храму подъ южнымъ небомъ. Лица ихъ соотвѣтствовали внутреннимъ свойствамъ. Орлиный носъ дяди Роланда, смуглый цвѣтъ лица, огненный взоръ, дрожащая верхняя губа, составляли яркую противоположность съ нѣжнымъ профилемъ отца, его тихимъ, спокойнымъ взоромъ, добродушной кротостью его задумчивой улыбки. Лобъ Роланда былъ очень высокъ, возвышаясь къ вершинѣ, гдѣ френологи полагаютъ органъ благоговѣнія, но узокъ и прорѣзанъ глубокими морщинами. Лобъ Огюстена былъ тоже высокъ, но мягкія, шелковистыя кудри, вiясь небрежно, скрывали высоту, а не широту чела, на коемъ не было видно ни одной морщины. Между тѣмъ въ обоихъ братьяхъ семейное сходство было разительно. Покоряясь какому-нибудь нѣжному чувству, Роландъ глядѣлъ взглядомъ Огюстена; когда возвышенное чувство одушевляло моего отца, можно было принять его за Роланда. Послѣ, наученный жизнью и людьми, я часто думалъ, что если бъ въ молодости они обмѣнялись судьбами, если бъ Роландъ предался литературѣ, а отецъ принужденъ былъ дѣйствовать въ свѣтѣ, то каждый

Digitized by Google

изъ нихъ пріобрѣлъ бы большіе успѣхи. Энергія и страстный характеръ Роланда дали бы занятіямъ сильный и немедленный исходъ: изъ него вышелъ бы поэтъ или историкъ. Не наука создаетъ писателя, а настойчивая сосредоточенность его прилежанія. Въ разумѣ, какъ въ каминѣ, который теперь горитъ передо мною, нужно съузить струю воздуха, чтобъ огонь горѣлъ ярко и горячо. Съ другой стороны, если бы отецъ пустился въ міръ практическій, спокойная глубина его пониманія, свѣтлый умъ, опредѣленная точность однажды пріобрѣтенныхъ и обдуманныхъ познаній, вмѣстѣ съ невозмутимымъ никакими невзгодами и неудачами характеромъ и совершеннымъ отсутствіемъ самолюбія, суетности, страстей и предразсудковъ, — могли бы сдѣлать изъ него: умнаго совѣтника въ важныхъ дѣлахъ жизни, адвоката, государственнаго человѣка, дипломата, и даже полководца— если бы чрезвычайное человѣколюбіе не стояло для него на пути военной математики.

Но, при настоящемъ ходѣ вещей, душа моего отца, не подстрекаемая ни дѣятельностью, ни ученымъ честолюбіемъ, безпрепятственно расширяла свой кругъ, покуда не слилась съ безбрежнымъ океаномъ созерцанія.

Страстная энергія дяди Роланда, постоянно раздражаемаго препятствіями, въ борьбѣ съ людьми, и сокращаемая, по мѣрѣ того какъ она должна была входить въ узкую колею долга и дисциплины, не исполнила высокаго своего призванія, и вмѣсто поэта вышелъ просто юмористъ!

И однако же, тотъ, кто когда-нибудь зналъ васъ, могъ ли желать видѣть иными васъ, невинныя, любящія, честныя, простыя созданія! — Да, простыя оба, не взирая на ученость одного, предубѣжденія, сумасбродства и всѣ странности другаго! Вотъ, вы сидите оба на вершинѣ древняго Римскаго стана, съ волюмомъ *стратагемъ Поліэна* (или Фронтина), разогнутымъ на колѣнахъ у моего отца: овцы пасутся въ разсѣлинахъ окружающихъ валъ; волъ останавливается передъ вами посреди широкаго поля, гдѣ сбирались Рим-

Digitized by Google

скія когорты, словно любопытствуя взглянуть на васъ.... Вотъ стоитъ за вами, сложа руки, юноша-біографъ, и слушаетъ, попеременно, то чтеніе ученаго, то поясненія воина, который костылемъ своимъ указываетъ важныя мѣста войны и населяетъ сельскій ландшафтъ орлами Агриппы и колесницами Боадицеи, съ воинами, вооруженными косами....

ГЛАВА VI.

— Въ этой сторонѣ не бываетъ два часа сряду одна и та же погода! — сказалъ дядя Роландъ, когда послѣ обѣда или, вѣрнѣе, послѣ десерта, мы пошли къ матушкѣ въ гостиную.

Дѣйствительно уже шелъ мелкій, холодный дождикъ и хотя былъ Іюль, на дворѣ стало вдругъ холодно, какъ въ Октябрѣ. Матушка шепнула мнѣ на ухо и я вышелъ; черезъ пять минутъ сухія, толстыя полѣна (мы жили въ лѣсной сторонѣ) весело трещали въ каминѣ.—Отчего матушка не позвонила, чтобы приказать слугѣ развести огонь? Любезный читатель, дядя Роландъ былъ бѣденъ, и считалъ экономію большой добродѣтелью.

Оба брата подвинули стулья къ камину, отецъ слѣва, дядя справа; мы съ матушкой сѣли къ столу и принялись раскладывать пасіансъ.

Принесли кофе — одну чашку для капитана: прочіе собесѣдники избѣгали этого горячительнаго напитка. На чашкѣ былъ портретъ его свѣтлости, Герцога Веллингтона!

Пока мы совершили путешествіе къ Римскому стану, матушка выпросила каретку мистера Скиля и нарочно съѣздила въ городъ, чтобы доставить капитану удовольствіе взглянуть на портретъ своего прежняго генерала.

Дядя перемѣнился въ лицѣ, всталъ, поцѣловалъ руку матушки и, молча, сѣлъ на свое мѣсто.

Спустя нѣсколько минутъ капитанъ сказалъ: — Я слышалъ, что Маркизъ Гастингсъ, который съ головы до ногъ солдатъ и джентельменъ, а этимъ сказано не мало, потому что въ немъ росту семьдесятъ пять дюймовъ, — когда при-

Digitized by Google

нималъ въ Доннингтонѣ (въ то время изгнанника) Людовика XVIII, убралъ свои покои по подобію тѣхъ, которые занималъ Его Величество въ Тюильри: это вниманіе истинно царское (вы знаете, что Милордъ Гастингсъ происходитъ самъ отъ Плантагенетовъ), стоившее чести принять у себя короля. Денегъ пошло не мало, было и много шума. Женщина можетъ явить то же вниманіе, ту же нѣжность сердца, какой-нибудь фарфоровой чашкой, и такъ тихо и незамѣтно, что мы, мужчины, сочтемъ это за предлогъ къ прогулкѣ. Не такъ ли, братъ Остенъ?

— Вы такой поклонникъ женщинъ, Роландъ, что грустно видѣть васъ вдовымъ. Вамъ надо опять жениться.

Дядя сперва улыбнулся, потомъ нахмурился и, наконецъ, глубоко вздохнулъ.

— Тяжко будетъ проходить надъ вами время, въ вашей старой башнѣ, — продолжалъ отецъ — съ одной дочерью.

— А прошедшее, — отвѣчалъ дядя, — прошедшее, этотъ необъятный міръ.

— Вы все читаете ваши старыя рыцарскія книги: Фруасара, лѣтописцевъ, Палмерина и Амадиса?

— О, — сказалъ, краснѣя, дядя, — я старался заняться болѣе существенными предметами. Ну, а потомъ (прибавилъ онъ, лукаво улыбаясь) будетъ у насъ ваша большая книга, не на одну длинную зиму.

— Гм! — скромно отвѣчалъ отецъ.

— Знаете ли, продолжалъ дядя, что мистрисъ Примминсъ очень умная женщина: исполненная фантазіи и славная разскащица?

— Не правда ли, дядюшка? — воскликнулъ я, оставивъ пасіансъ на углу стола. — Ахъ, еслибы вы слышали, какъ она мнѣ разсказывала повѣсть о Заколдованномъ Озерѣ и Королѣ Артурѣ, а другую о страшной бѣлой женщинѣ.

— Я слышалъ обѣ повѣсти, — отвѣчалъ дядя.

— Чортъ бы побралъ васъ, братецъ! Душа моя, за этимъ надо наблюдать намъ. Эти капитаны джентельмены

Digitized by Google

опасны въ порядочномъ семействѣ. Гдѣ же, прошу сказать, могли вы найти случай къ такимъ короткимъ сношеніямъ съ мистрисъ Примминсъ?

— Разъ, отвѣчалъ дядя не запинаясь, когда я вошелъ въ ея горницу, покуда она чинила мой чулокъ, да разъ....

Тутъ дядя остановился и посмотрѣлъ въ сторону.

— Да разъ.... когда?

— Когда она грѣла мою постель, — сказалъ дядя шепотомъ.

— То-то, сказала простодушно матушка, — и явилась большая дыра на простынѣ. Я тотчасъ подумала, что это отъ грѣлки.

— Мнѣ, право, ужасно совѣстно — пролепеталъ дядя.

— И есть отъ чего — сказалъ отецъ — женщина, которая дожила до сихъ поръ безъ малѣйшаго пятна на ея нравственности; ну, да полно ужъ, — продолжалъ онъ, замѣчая, что дядя смотрѣлъ невесело, вы сами всегда были славный разскащикъ и сказочникъ.... Повѣдайте-ка намъ, Роландъ, какую-нибудь свою исторію, что-нибудь такое, что оставило въ васъ сильное впечатлѣніе.

— Сперва спросимъ огня, — сказала матушка.

Свѣчи принесли, опустили сторы, и мы всѣ придвинули стулья къ камину. Но, этимъ временемъ, дядя впалъ въ грустную задумчивость; когда мы всѣ приступили къ нему съ просьбой чтобъ онъ начиналъ разсказъ, онъ, казалось, боролся съ мрачными воспоминаніями.

— Вы хотите, чтобы я, — началъ онъ, — разсказалъ вамъ что-нибудь такое, что сдѣлало на меня сильное впечатлѣніе: я разскажу вамъ одно приключеніе изъ моей жизни: оно часто меня преслѣдуетъ. Оно печально и странно, миледи.

— Что за миледи, *братецъ*? — сказала матушка, съ упрекомъ кладя маленькую свою руку на широкую, загорѣлую ладонь, которую протянулъ капитанъ.

— Остенъ — сказалъ дядя — у тебя жена ангелъ! — И онъ былъ чуть ли не первый человѣкъ, рѣшившійся произнести столь смѣлый приговоръ.

Digitized by Google

ГЛАВА VII.

Разсказъ моего дяди Роланда.

— Это было въ Испаніи, что до того, гдѣ и какъ. Я взялъ въ плѣнъ Французскаго офицера, одного со мной чина: тогда я былъ лейтенантъ. Столько было сходства въ нашихъ чувствахъ, что мы сдѣлались искренними друзьями; да, сестра, онъ былъ моимъ лучшимъ другомъ, выключая васъ всѣхъ: онъ былъ простой солдатъ, не балованный жизнію, но онъ никогда не жаловался ни на кого и говорилъ, что не заслужилъ счастія. Честь была его кумиръ, и чувство чести вознаграждало его за недостатокъ во всемъ; мы оба были въ это время волонтерами въ чужой службѣ, въ самой непріятной службѣ, потому что участвовали въ междоусобной войнѣ, онъ съ одной стороны, я съ другой, оба можетъ быть, разочарованные въ дѣлѣ, которое защищали. И въ нашихъ семейныхъ отношеніяхъ было что-то сходное. У него былъ сынъ: ребенокъ, который, послѣ отечества и долга, былъ для него все въ жизни. И у меня въ то время былъ такой же сынъ, хотя помоложе. (Капитанъ на минуту замолчалъ; мы всѣ переглянулись, и чувство грусти овладѣло всѣми слушателями.) Мы часто говорили между собою о дѣтяхъ, рисовали ихъ будущность, сравнивали надежды наши и сны. Мы надѣялись и мечтали одинаково. Не много нужно было времени, чтобы упрочить взаимную довѣренность. Плѣнника моего отослали въ главную квартиру и вскорѣ размѣняли.

До прошлаго года, мы не встрѣчались. Будучи въ Парижѣ, я сталъ отыскивать моего стараго друга и узналъ, что онъ живетъ въ Р., въ нѣсколькихъ миляхъ отъ столицы. Я поѣхалъ къ нему. Домъ его стоялъ пустъ. Въ день моего посѣщенія его посадили въ тюрьму, обвиненнаго въ ужасномъ преступленіи. Я навѣстилъ его въ тюрьмѣ и отъ самого его узналъ все дѣло. Сынъ его былъ воспитанъ— такъ думалъ онъ — въ правилахъ чести; окончивъ воспитаніе, онъ пріѣхалъ къ отцу и поселился съ нимъ въ Р. Молодой человѣкъ привыкъ часто ѣздить въ Парижъ. Мо-

Digitized by Google

лодой Французъ любитъ удовольствіе, сестрица, а въ Парижѣ за этимъ дѣло не станетъ. Отецъ находилъ поѣздки очень естественными, и отказывалъ себѣ во многихъ удобствахъ жизни, для удовлетворенія сыновнихъ прихотей.

Вскорѣ по пріѣздѣ молодаго человѣка въ Р., мой другъ замѣтилъ, что его обокрали. Были вынуты деньги изъ его бюро, но какъ и кѣмъ, нельзя было понять. Воровство, рѣшилъ онъ, случилось ночью. Разъ онъ спрятался, чтобъ подстеречь вора. Вдругъ, видитъ, крадется тѣнь, вкладываетъ фальшивый ключь. Онъ бросается изъ засады, хватаетъ бездѣльника и узнаетъ собственнаго сына. Что тутъ дѣлать отцу? я спрашиваю не васъ, сестрица! я спрашиваю этихъ двухъ мужичнъ: сына и отца. Я спрашиваю васъ!

— Выгнать его изъ дома! воскликнулъ я.

— Исполнивъ свой долгъ, наставить несчастнаго на путь, — сказалъ отецъ — *Nemo repente turpissimus unquam fuit*.... никто не сдѣлался дурнымъ съ разу, вдругъ.

Отецъ и сдѣлалъ то, что вы совѣтуете, братъ: принялъ въ разсчетъ молодость. Онъ всѣми силами старался внушить сыну всѣ правила нравственности и отдалъ ему ключь отъ бюро: «возьмите все, что я могу дать, сказалъ онъ сыну, мнѣ легче быть нищимъ, нежели знать, что сынъ мой воръ.»

— И дѣльно! — воскликнулъ батюшка. — И сынъ раскаялся и сдѣлался честнымъ человѣкомъ.

Капитанъ Роландъ только покачалъ головой.

Юноша, казалось, раскаявался и обѣщалъ исправиться. Онъ говорилъ объ искушеніяхъ Парижа, объ игрѣ и Богъ знаетъ о чемъ еще; онъ пересталъ ѣздить въ Парижъ и, повидимому, сталъ заниматься наукой. Вскорѣ за тѣмъ все сосѣдство встревожилось отъ слуховъ о ночныхъ разбояхъ по дорогѣ. Вооруженные люди, въ маскахъ, останавливали прохожихъ и проѣзжихъ, даже вламывались въ дома.

Наконецъ полиція должна была вступиться. Однажды ночью, одинъ старый товарищъ по службѣ моего друга постучался къ нему въ домъ. Было поздно: другъ мой лежалъ въ

Digitized by Google

постели (и у него была деревянная нога, также какъ у меня: странная случайность!): — поспѣшно всталъ онъ, когда слуга разбудилъ его докладомъ, что раненый и весь окровавленный офицеръ проситъ убѣжища подъ его кровлей. Рана, однако, была не опасная. На гостя напали на дорогѣ и ограбили его. Поутру послали за начальникомъ города: ограбленный объявилъ, что у него пропалъ портфель, на которомъ вытисненъ былъ его вензель съ короной (онъ былъ виконтъ) и съ портфелемъ нѣсколько пятисотъ-франковыхъ билетовъ. Онъ остался обѣдать. Поздно вечеромъ пришелъ сынъ. Увидавъ его, гость смутился: мой пріятель замѣтилъ его блѣдность. Гость, подъ предлогомъ слабости, ушелъ въ свою комнату и послалъ за своимъ хозяиномъ.

«Другъ мой, — сказалъ онъ ему: сдѣлайте мнѣ одолженіе, съѣздите въ судъ и велите задержать мои показанія....»

«Этого нельзя — отвѣчалъ хозяинъ. Да и съ чего это вамъ вздумалось? — Гость вздрогнулъ.

«Я одумался — сказалъ онъ. Не хочу, на старости лѣтъ, быть не милосердымъ къ другимъ. И кто знаетъ, какому искушенію поддался разбойникъ? у него могутъ быть связи, честные люди, которыхъ его преступленіе опозоритъ. Боже мой! да развѣ вы не знаете, другъ мой, что за это, если откроется, галеры, да, галеры?»

»Ну, такъ что жъ? разбойникъ зналъ чему подвергался?»

«А отецъ его? зналъ, что ли?» — воскликнулъ гость. Неожиданный лучь свѣта поразилъ моего несчастнаго товарища: онъ схватилъ гостя за руку.

«Вы поблѣднѣли, когда вошелъ мой сынъ, гдѣ вы его видали прежде? говорите!....»

«Прошедшую ночь, по дорогѣ изъ Парижа, маска упала съ него на минуту.... Подите же, возьмите назадъ мое объявленіе! !»

«Вы ошибаетесь, — спокойно сказалъ мой другъ. Я видѣлъ моего сына въ постели и благословилъ его, прежде нежели легъ самъ!»

Digitized by Google

»Вѣрю, вѣрю — отвѣчалъ гость; и никогда не повторю моего поспѣшнаго подозрѣнія, — но все-таки надо взять назадъ показаніе.»

Передъ вечеромъ гость уѣхалъ въ Парижъ. Отецъ сталъ говорить съ сыномъ о его занятіяхъ, проводилъ его въ его горницу и, выждавъ покуда онъ легъ, собрался итти къ себѣ, но молодой человѣкъ сказалъ ему:

«Батюшка! вы забыли благословить меня!

Отецъ вернулся, положилъ руку на голову юноши и сталъ молиться. Онъ былъ довѣрчивъ: — таковы отцы. И, увѣренный, что старый его товарищъ ошибся, онъ легъ и скоро заснулъ!»

Вдругъ онъ просыпается посреди ночи и слышитъ (помню даже всѣ его слова): «слышу, — говоритъ, будто разбудилъ меня кто-то и говоритъ мнѣ: встань и ищи! Я поспѣшно всталъ, зажегъ свѣчу и пошелъ въ комнату сына. Дверь была заперта. Я — стучаться; разъ, два, три.... Нѣтъ отвѣта. Кликнуть громко не посмѣлъ, чтобъ не разбудить слугъ. Схожу внизъ, иду на дворъ, отворяю конюшню. Моя лошадь стоитъ въ стойлѣ, лошади сына нѣтъ! Моя лошадь заржала: такая же старуха какъ и я,— была подо мною подъ Мон-Сен-Жаномъ! — Я воротился вверхъ, подкрался опять къ комнатѣ сына и погасилъ свѣчу. Мнѣ казалось, что я самъ воръ.»

— Братецъ! — прервала матушка, задыхаясь, разсказывайте своими словами, не повторяя словъ несчастнаго отца: мочи нѣтъ слушать.

Капитанъ наклонилъ голову.

Передъ разсвѣтомъ, другъ мой услышалъ, что задняя дверь дома тихо растворяется. Кто-то вошелъ по лѣстницѣ и ключемъ отворилъ дверь: отецъ въ темнотѣ вошелъ въ комнату, вслѣдъ за сыномъ. Огниво ударило о кремень; зажжена была свѣчка, но отецъ успѣлъ спрятаться за занавѣсъ окна. Фигура постояла передъ нимъ нѣсколько времени не шевелясь и, повидимому, прислушиваясь, потомъ посмотрѣла направо, налѣво, — лицо

Digitized by Google

было покрыто черной, отвратительной маской, какія употребляютъ во время карнавала, и, наконецъ, сняла маску.

Могло ли это быть лице его сына? — Сына честнаго человѣка? — Блѣдное, съ выраженіемъ воровскаго страха: на лбу стояли капли гнуснаго пота; глаза сверкали, налитые кровью.... Весь человѣкъ смотрѣлъ такъ, какъ долженъ смотрѣть разбойникъ, когда передъ нимъ стоитъ смерть....

Молодой человѣкъ съ усиліемъ дотащился до конторки, отворилъ ее, выдвинулъ потайной ящикъ, и положилъ въ него все, что было у него въ карманахъ, и страшную маску; отецъ быстро подошелъ, взглянулъ ему черезъ плечо и увидалъ портфель съ вензелемъ своего товарища. Сынъ вынулъ осторожно пистолеты, сталъ осторожно разряжать ихъ, чтобы спрятать, какъ вдругъ отецъ остановилъ его руку: «Разбойникъ, они сейчасъ будутъ нужны!»

Колѣна молодаго человѣка подкосились: онъ готовъ былъ молить о пощадѣ, но когда, обернувшись, увидалъ не когти полицейскаго чиновника, какъ воображалъ, а руки роднаго отца, наглая дерзость, которая знаетъ только страхъ передъ силой, — не стыдъ, возвратила ему какое-то спокойствіе.

«Сэръ! — сказалъ онъ, теперь не до упрековъ; я боюсь, жандармы напали на слѣдъ. Хорошо, что вы здѣсь: вы можете присягнуть, что я провелъ ночь дома, въ постелѣ.... Пустите меня. Надо спрятать всѣ эти улики.» — И онъ указывалъ на платья, еще мокрыя и обрызганныя грязью дороги. Едва договорилъ онъ это, послышался подъ окномъ топотъ лошадиныхъ подковъ по мостовой.

«Вотъ они! воскликнулъ сынъ.—Смѣлѣе, старый чортъ!»

«Галеры! галеры! — сказалъ отецъ, едва держась на ногахъ. — Правда. Онъ сказалъ: галеры!»

Поднялся страшный стукъ въ ворота. Жандармы окружили домъ. «Именемъ закона, отоприте!» Не было отвѣта. Дверь не отворялась; нѣсколько человѣкъ обошли на заднюю сторону дома, гдѣ была конюшня. Изъ окна сыновней комнаты отецъ видѣлъ дрожащій свѣтъ факеловъ, мрачныя

Digitized by Google

формы солдатъ. Онъ слышалъ звукъ оружія, когда они слѣзали съ лошадей. Вдругъ голосъ закричалъ:

«Да вотъ и сѣрая лошадь разбойника.... она еще не отдышалась и вся въ мылѣ.» Тогда и спереди и сзади, у каждой двери опять начался стукъ и крикъ: «Именемъ закона, отоприте!»

Въ окнахъ сосѣднихъ домовъ начали показываться огни: окрестность наполнилась любопытными, пробужденными отъ сна; сходились изъ дальнихъ улицъ: толпа окружила домъ; всѣмъ хотѣлось узнать, какое преступленіе, какой позоръ скрывался подъ кровомъ стараго солдата.

Вдругъ раздался выстрѣлъ, и черезъ нѣсколько минутъ, дверь отворилась, и старый воинъ вышелъ къ жандармамъ.

«Войдите, сказалъ онъ имъ, что вамъ надо?»

«Мы ищемъ разбойника, который долженъ быть здѣсь.»

«Знаю, войдите на верхъ: я вамъ покажу дорогу.»

Онъ взошелъ по лѣстницѣ, отворилъ горницу сына, за нимъ вошли полицейскіе служители: на полу лежало тѣло разбойника. Жандармы въ недоумѣніи посмотрѣли другъ на друга.

«Возьмите, что вамъ оставили, — сказалъ отецъ; — возьмите мертваго, освобожденнаго отъ галеръ, возьмите и живаго, на чьихъ рукахъ его кровь.»

Я присутствовалъ при судѣ надъ моимъ другомъ. Подробности дѣла давно были извѣстны. Спокоенъ стоялъ онъ передъ своими судьями, покрытый сѣдинами, съ изувѣченными членами, глубокимъ рубцомъ на лицѣ и крестомъ почетнаго легіона на груди; разсказавъ всю свою грустную повѣсть, онъ кончилъ слѣдующими словами:

«Я спасъ сына, котораго воспитывалъ для Франціи, отъ приговора, который сохранилъ бы ему жизнь со стыдомъ. Неужели это преступленіе? Отдаю вамъ мою жизнь, въ замѣнъ позора моего сына. Развѣ нужна моему отечеству жертва? Я жилъ для славы моего отечества, и готовъ умереть, довольный тѣмъ, что исполняю его законы; убѣжденный въ томъ, что если вы и осудите меня, то пре-

Digitized by Google

зирать не станете, и въ томъ, что руки, предавшія меня палачу, осыплютъ цвѣтами мою могилу. Я исповѣдываю все. Я солдатъ, смотрю кругомъ и вижу націю воиновъ; именемъ звѣзды, которая горитъ на моей груди, вызываю отцовъ съ цѣлой Франціи осудить меня!»

Стараго воина оправдали; судьи произнесли приговоръ соотвѣтствующій тому что называется у насъ: убійствомъ, вызваннымъ необходимостію. Въ залѣ поднялся шумъ, котораго не могъ остановить и голосъ судей. Толпа хотѣла на рукахъ вынести обвиненнаго, но его взглядъ остановилъ это намѣреніе: онъ воротился домой, и на другой день его нашли мертвымъ, подлѣ той колыбели, у которой онъ произнесъ первую молитву надъ безгрѣшнымъ ребенкомъ. Теперь, отецъ и сынъ, я спрашиваю васъ, осуждаете вы этого человѣка?

ГЛАВА VIII.

Отецъ мой раза три прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ остановился у камина и, глядя на своего брата, сказалъ:

— Я осуждаю это убійство, Роландъ! Гордость и слѣпое себялюбіе — самое благосклонное осужденіе такому человѣку. Я понимаю, почему Брутъ долженъ былъ убить своихъ сыновей. Этой жертвой онъ спасалъ отечество! Что спасъ этотъ несчастный, фанатикъ уродливаго убѣжденія? только свое имя. Онъ не могъ стереть преступленія съ души сына, ни безчестія съ его памяти. Онъ только удовлетворялъ суетному чувству личной гордости, и потерявъ всякое сознаніе, онъ поступилъ по наученію врага, всегда соблазняющаго сердце человѣка: «Бойся мнѣнія людскаго больше закона Божія!» — Да, любезный братъ, чего должны больше всего беречься люди подобные вамъ? Конечно, не низости порока, но того порока, который облскается въ мнимое благородство, заимствуя царственное величіе добродѣтели!

Дядя пошелъ къ окну, отворилъ его, высунулся на минуту, какъ будто бы для того чтобы вдохнуть струю свѣжаго

Digitized by Google

воздуха, потомъ тихонько затворилъ и воротился къ своему мѣсту; но пока окно было отворено, мотылекъ влетѣлъ въ комнату.

— Такія повѣсти, — продолжалъ отецъ жалобнымъ голосомъ,—будь онѣ разсказаны трагически, или просто,—приносятъ пользу. Онѣ проникаютъ сердце, умудряя его, но всякая мудрость милосерда, мой добрый Роландъ. Онѣ предлагаютъ тотъ же вопросъ: можемъ ли мы осудить этого человѣка? Разсудокъ отвѣчаетъ, какъ я отвѣчалъ; мы осуждаемъ поступокъ, но жалѣемъ о человѣкѣ. Мы.... смотрите мотылекъ попадетъ на свѣчку. Мы.... фшь, фшь!—И отецъ остановился, чтобъ прогнать мотылька. Дядя обернулся, и отнявъ отъ лица платокъ, которымъ закрывалъ свое волненіе, сталъ отгонять мотылька отъ огня. Мать отодвинула свѣчку. Я принялся ловить его соломенной шляпой отца. А въ мотылька точно чортъ вселился! онъ смѣялся надъ всѣми нами, то кружась подъ потолкомъ, то вдругъ бросаясь съ вышины къ проклятой свѣчкѣ. Какъ бы сговорившись, отецъ подвинулъ одну свѣчу, дядя — другую, и пока мотылекъ леталъ вокругъ, въ недоумѣніи, которую изъ нихъ избрать своимъ костромъ, обѣ свѣчи разомъ погасли. Дрова слабо тлились въ каминѣ, мы очутились въ совершенной темнотѣ, и тихій голосъ моего отца звучалъ словно голосъ невидимаго духа.

«Мы остались въ темнотѣ для того чтобы спасти отъ смерти мотылька, — меньше ли, братъ, должны мы дѣлать для ближняго? Погасить надо, человѣколюбиво погасить свѣтъ нашего разума, если мракъ можетъ благопріятствовать состраданію.

Прежде чѣмъ зажгли свѣчи, дядя ушелъ изъ комнаты. Братъ его пошелъ за нимъ, а мы съ матушкой усѣлись рядомъ и шепотомъ стали разговаривать.

Digitized by Google

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА I.

Я всегда любилъ вставать рано. Счастливъ тотъ, кто держится этой привычки! Каждое утро, день приходитъ къ нему съ дѣвственной любовью, полный цвѣта, чистоты, свѣжести. Юность природы заразительна, какъ радость счастливаго ребенка. Не думаю, чтобы можно было называть человѣка «старымъ», покуда онъ встаетъ рано и рано гуляетъ; за то, юноша — замѣтьте это — юноша въ халатѣ и туфляхъ, безстрастно сидящій за завтракомъ въ 12 часовъ, — блѣдный и безжизненный снимокъ съ того, который видитъ первую улыбку солнца надъ горами и первыя капли росы, сверкающія на цвѣтущихъ изгородахъ.

Проходя мимо батюшкина кабинета, я съ удивленіемъ увидѣлъ, что окны его растворены, но удивился еще больше, когда, бросивъ взглядъ въ комнату, увидѣлъ отца окруженнаго книгами: я зналъ, что онъ всегда садился за работу позавтракавши. Ученые люди рѣдко встаютъ рано, потому что вообще ученые ни въ какія лѣта молоды не бываютъ. Рѣшено, значитъ! Большая книга должна быть непремѣнно кончена! Дѣло, видно, пошло не на шутку: это ужъ былъ настоящій трудъ.

Я отворилъ калитку и вышелъ на дорогу. Въ нѣкоторыхъ сельскихъ домикахъ видны были признаки возвращавшейся жизни, но часъ работы еще не насталъ и никто по дорогѣ не пожелалъ мнѣ добраго утра. Вдругъ, на поворотѣ, заслоненномъ густою зеленью клена, я неожиданно столкнулся съ дядей Роландомъ.

— Сэръ, это вы? и такъ рано? слышите, бьетъ пять часовъ?

Digitized by Google

— Да больше и нѣтъ! Находился же я съ своей деревяшкой; до Л.... взадъ и впередъ будетъ больше четырехъ миль.

— Вы ходили въ Л., не за дѣломъ же? И души, я чай, еще нѣтъ живой?

— О, въ гостинницахъ всегда найдешь кого-нибудь на ногахъ. Конюхи никогда не спятъ. Я нанялъ пару лошадей и повозку. Я сегодня прощусь съ вами, племянникъ.

— Ахъ, дядюшка, мы васъ обидѣли! А все я съ этимъ проклятымъ типо....

— Ба! отвѣчалъ живо дядя. Дитя, меня обидѣть нельзя!

И онъ крѣпко пожалъ мою руку.

— Отъ чего же вы вдругъ рѣшились ѣхать? Еще вчера, въ Римскомъ станѣ, вы съ батюшкой сбирались въ С....

— На чудака никогда полагаться не должно. Мнѣ къ ночи надо быть въ Лондонѣ.

— А завтра пріѣзжайте назадъ.

— На врядъ ли, — сказалъ дядя, мрачно. И помолчавши немного, взялъ меня подъ руку и продолжалъ:

— Молодой человѣкъ, вы мнѣ понравились. Я люблю это открытое, смѣлое лицо, на которомъ природа написала: «вѣрьте мнѣ.» Люблю эти свѣтлые глаза, которые глядятъ въ лицо прямо. Намъ надо познакомиться покороче.... гораздо короче. Пріѣзжайте когда-нибудь ко мнѣ, въ древнюю башню нашихъ предковъ.

— Пріѣду, пріѣду! И вы мнѣ покажете старую башню?

— И слѣды прочихъ укрѣпленій, воскликнулъ дядя, поднимая палку.

— И родословное дерево....

— Конечно; и вооруженіе пращура, въ которомъ онъ былъ подъ Марстонмуромъ.

— И бронзовую дощечку въ церкви, дядюшка?

— Ишь, бѣсенокъ! Подойдите-ка сюда, сэръ! Смерть мнѣ хочется разбить ему голову!

— Экая жалость, что никто не разбилъ головы негоднаго типографщика, прежде нежели онъ осмѣлился имѣть нисходящихъ!

Digitized by Google

Капитанъ Роландъ хотѣлъ разсердиться, но не могъ.

— Ба! сказалъ онъ, остановившись и нюхая табакъ.— Міръ мертвыхъ великъ, за чѣмъ намъ мѣшаться съ тѣнями?

— Мы отъ нихъ никуда не уйдемъ, дядюшка: они всегда за нами. Нельзя думать или дѣйствовать безъ помощи иного человѣка, прежде насъ жившаго и указавшаго дорогу. Мертвые не умираютъ, особенно съ тѣхъ поръ....

— Съ какихъ поръ? Это все дѣло.

— Съ тѣхъ поръ, какъ нашъ великій предокъ ввелъ книгопечатаніе, отвѣчалъ я величественно.—Дядя сталъ насвистывать: *Marlberough s'en va-t-en guerre.*

У меня не хватило духа дразнить его болѣе.

— Миръ! — сказалъ я, тихо входя въ кругъ, который начертилъ онъ палкой.

— Ни за что!.... Не смѣть....

— Миръ, дядюшка, миръ! и опишите мнѣ мою маленькую кузину, вашу прекрасную дочку. Я увѣренъ, что она красавица.

— Миръ! сказалъ, улыбаясь, дядя.—Сами пріѣзжайте и судите тогда.

ГЛАВА II.

Дядя Роландъ уѣхалъ. Передъ отъѣздомъ онъ больше часу сидѣлъ, запершись въ кабинетѣ съ отцемъ, который, потомъ проводилъ его до воротъ, а мы всѣ окружили его, когда онъ садился въ коляску. Когда капитанъ уѣхалъ, я попытался узнать отъ отца причину неожиданнаго отъѣзда. Но отецъ былъ непроницаемъ во всемъ, что касалось до тайнъ его брата. Повѣрилъ ли ему дядя или нѣтъ причины гнѣва на сына—этотъ вопросъ не давалъ мнѣ покоя—отецъ все-таки былъ нѣмъ на этотъ счетъ и съ матушкой, и со мною. Дня два или три, мистеръ Какстонъ былъ явно подъ вліяніемъ какой-то тревоги. Онъ ни разу не дотронулся до большой книги, прогуливался одинъ безъ книги, и развѣ съ своей уткой. Но мало по малу трудолюбивыя привычки взяли верхъ, матушка очинила перья, и работа опять закипѣла

Digitized by Google

Что касается до меня, то проводя дни и, въ особенности, утра одинъ, я началъ думать о будущемъ. Неблагодарный! — Домашнее мое счастіе перестало удовлетворять меня. Мнѣ слышался издали шумъ большаго свѣта, и въ нетерпѣніи бродилъ я по берегу.

Наконецъ, однимъ вечеромъ, отецъ съ нѣсколькими скромными «гм, гм!» и непритворнымъ румянцемъ на прекрасномъ челѣ, прочелъ нѣсколько отрывковъ изъ своего большаго сочиненія. Не могу пересказать того, что я почувствовалъ, слушая это чтеніе.... Почтительный восторгъ волновалъ мнѣ душу. Объемъ этого сочиненія былъ такъ великъ, выполненіе требовало такихъ разнообразныхъ свѣдѣній, что мнѣ казалось, будто какой-нибудь духъ открылъ мнѣ новый міръ, міръ, бывшій всегда у меня подъ носомъ, но доселѣ скрытый отъ меня человѣческой слѣпотою. Невѣроятное терпѣніе, съ которымъ были собраны всѣ эти матеріалы, годъ за годомъ, легкость, съ какою здѣсь они, величественною силою генія, казалось, какъ бы сами пришли въ порядокъ и систему, безсознательная скромность, съ которою ученый предлагалъ сокровища трудолюбивой жизни:— все это вмѣстѣ было страшнымъ укоромъ моему нетерпѣнію и самолюбію, но возбудило такое уваженіе къ отцу, которое спасло мою гордость отъ мученій. Это была одна изъ тѣхъ книгъ, которыя поглощаютъ цѣлую жизнь, подобно словарю Бэля или исторіи Гиббона, или Fasti Helenici, Клинтона. Тысячи другихъ книгъ нужны были только для того, чтобы рѣзче выказать собственную оригинальность: золотые сосуды многихъ вѣковъ расплавились въ этомъ горнилѣ, и произвели новую монету въ единственномъ отпечаткѣ. Ксчастію, предметъ позволялъ сочинителю предаваться вполнѣ своему простодушному и ироническому характеру, спокойному, глубокому своему юмору! Сочиненіе моего отца было: Исторія человѣческихъ заблужденій, т. е. нравственная исторія человѣчества, разсказанная съ тою серіозною истиною, которая не исключаетъ своего рода улыбки. Правда, иногда эта улыбка вызывала слезы. Но во всякомъ истинномъ юморѣ лежитъ его зародышъ: пафосъ. Да, —

Digitized by Google

ссылаюсь на богиню Морію, — отецъ въ этомъ дѣлѣ былъ какъ у себя дома! Сперва разсматривалъ онъ человѣка въ дикомъ состояніи, соображаясь больше съ положительными разсказами путешественниковъ, нежели съ миѳами древности и мечтами спекулаторовъ на наше первобытное состояніе. Австралія и Абиссинія описаны были въ своей безъискусственной простотѣ, такими вѣрными красками, что можно было подумать, что отецъ всю жизнь провелъ съ Бушменами и съ дикими. Потомъ, перешедъ Атлантику, онъ представилъ Американскаго Индійца, съ его благородной природой, освѣщеннаго зарей цивилизаціи, въ то время, когда квакеръ Пенъ похитилъ у него прирожденныя права, а Англо-Саксы опять втолкнули его въ прежній мракъ. Онъ показывалъ аналогію и противоположности образовъ рода человѣческаго и другихъ племенъ, равно отдаленныхъ и отъ просвѣщенія и отъ дикости: Арабовъ — въ ихъ палаткахъ, Тевтоновъ въ лѣсахъ, Гренландцевъ на лодкахъ, Финновъ въ саняхъ на оленяхъ. Возникали грубыя божества сѣвера, возстановлялся друидизмъ, переходя изъ вѣры безъ храмовъ въ состояніе болѣе испорченное: идолопоклонство. Рядомъ съ этими вѣрованіями являлся Сатурнъ Финикіянъ, мистическій Будда Индійцевъ, стихійные боги Пеласговъ, Наитъ и Сераписъ Египтянъ, Оримуздъ Персіянъ, Ваалъ Вавилоніи и крылатые геніи прекрасной Этруріи. Онъ объяснялъ, какимъ образомъ природа и жизнь дали мысль религіи?.... Какимъ образомъ религія образовала нравы? Какъ и вслѣдствіе какихъ вліяній, нѣкоторыя племена созданы были для усовершенствованія, между тѣмъ какъ другія обречены были на бездѣйственность или поглощеніе другими войною и рабствомъ? Всѣ эти важные вопросы объяснены были въ книгѣ отца моего съ ясной и сильной точностію, будто голосамъ самой судьбы. Не только филологъ и антикварій, но анатомъ и философъ, отецъ пользовался всѣми учеными разборами о различіи породъ. Онъ показывалъ, какъ смѣшеніе до извѣстной степени улучшаетъ породы; какъ всѣ смѣшанныя породы были одарены особенными способностями; онъ прослѣдилъ успѣхъ

Digitized by Google

и удаленіе Эллиновъ отъ ихъ мистической колыбели, Ѳессаліи, и показывалъ, какъ племена, поселившіяся на берегахъ морей и вынужденныя вступить въ торговыя сношенія съ чужеземцами, дали Греціи чудеса ея искусства и литературы, эти цвѣты древняго міра; какъ другія, напр. Спартанцы, жившіе преимущественно въ лагеряхъ, всегда на-сторожѣ отъ сосѣдей, сохранили свою Дорійскую чистоту происхожденія, но не удѣлили въ сокровищницу мысли, ни художниковъ, ни поэтовъ, ни философовъ. — Взявъ Кельтовъ, Кимвровъ Киммерійцевъ, онъ сравнивалъ Кельта, сохранившаго въ Валлисѣ, Шотландскихъ горахъ, Бретани и не понятой Ирландіи чистоту своей крови и древній характеръ, съ Кельтомъ, который, съ кровью смѣшанной на тысячу способовъ изъ Парижа предписываетъ обычаи міру. Онъ сравнилъ Нормана, въ его Скандинавской родинѣ, съ нимъ же, уже чудомъ гражданственности и рыцарства, послѣ его постепеннаго, нечувствительнаго сліянія съ Готами, Франками и Англо-Саксами. Онъ сравнивалъ Сакса, не движущагося впередъ въ родинѣ Горзы, съ колонизаторомъ-просвѣтителемъ земнаго шара, которому невозможно уже отличить различные источники пылкой своей крови (Французскіе, Фламандскіе, Датскіе, Шотландскіе, Ирландскіе). И изъ всѣхъ этихъ выводовъ, которымъ я сдѣлалъ такую бѣдную и краткую оцѣнку, у него вытекала святая истина, несущая надежду и въ землю Каффра, и въ хижину Бушмена, что нѣтъ ни въ черномъ цвѣтѣ кожи, ни въ плоскомъ черепѣ ничего такого, что бы отвергало вѣчный законъ, что, въ силу того же самаго начала, которое возводитъ собаку, животное, въ дикомъ состояніи, низкое, на первое мѣсто послѣ человѣка, — вы можете возвысить до величія и силы отверженцевъ человѣчества, заслуживающихъ теперь только сожалѣнія и презрѣнія. Когда же, оставивъ приготовительныя разсужденія, отецъ доходилъ до сущности своей задачи, онъ съ жадностію хватался за мудрость мудрецовъ; когда онъ разсматривалъ самое просвѣщеніе, его школы, портики, академіи; когда обнажалъ нелѣпости, скрывавшіяся подъ коллегіумами Египтянъ и

Digitized by Google

Грековъ; когда доказывалъ что, въ любимой наукѣ своей, метафизикѣ, Греки были дѣти, а Римляне, въ практической области политики — мечтатели и скоморохи; когда, слѣдя за ходомъ заблужденій въ средніе вѣка, упоминалъ ребячество Агриппы, цинизмъ Кардана, и съ спокойной улыбкой переходилъ въ *салоны* Парижскихъ умниковъ XVIII вѣка, — о! тогда иронія его была иронія Лукіана, смягченная кроткой любезностью Эразма. Даже и здѣсь его сатира не была напитана холодностью Мефистофелевой школы. Изъ этой повѣсти лжи и заблужденій отецъ любилъ выводить свѣтлыя эры истины. Онъ показывалъ, какъ серьезные люди никогда не думаютъ по пустому, хотя ихъ выводы и могутъ быть ошибки. Онъ доказывалъ, какъ вѣкъ, смѣняясь вѣкомъ, составляютъ огромные циклы, въ которыхъ умъ человѣческій продолжаетъ свой непрерывный ходъ, подобно океану, отступающему здѣсь, — тамъ подающемуся впередъ; какъ изъ умозрѣній Грековъ родилась истинная философія, изъ учрежденій Римскихъ — всѣ прочныя системы управленій; изъ выходокъ удали Сѣвера — рыцарство, утонченныя понятія нашего времени о чести и кроткое, примиряющее вліяніе женщинъ. Онъ выводилъ нашихъ Сиднеевъ и Баярдовъ отъ Генгистовъ, Гензериковъ и Аттилъ. Полна любопытныхъ анекдотовъ, новыхъ поясненій и утонченнѣйшаго знанія, происходящихъ отъ вкуса, обработаннаго до послѣднихъ предѣловъ, книга моего отца забавляла, привлекала и восхищала. Ученость теряла свой педантизмъ, то въ простотѣ Монтэня, то въ проницательности Лабрюйера. Авторъ словно жилъ въ томъ времени, о которомъ говорилъ, а время воскресло въ немъ. Ахъ! какимъ бы сдѣлался онъ романистомъ, еслибъ что?.... если бъ онъ въ той же степени обладалъ горькой опытности въ дѣлѣ страстей, какъ пониманіемъ склонностей человѣческихъ. Но тотъ, кто хочетъ видѣть картину берега, долженъ искать его отраженіе въ рѣкѣ, а не въ океанѣ. Рѣка отражаетъ и кривое дерево, и остановившееся стадо, и сельскую колокольню, и весь романъ ландшафта, а море отражаетъ только безконечный очеркъ прибрежья и измѣненія свѣта въ небесной тверди.

Digitized by Google

ГЛАВА III.

— Можно поставить Ломбардскую улицу противъ померанцоваго орѣшка*! — сказала дядя Джакъ.

— Неужели такъ много шансовъ въ пользу книги? Я боюсь, что вы говорите не изъ опытности, братъ Джакъ! отвѣчалъ отецъ, прекративъ чтеніе и нагибаясь, чтобы почесать утку подъ лѣвымъ ухомъ.

— Джакъ Тиббетсъ — не Огюстипъ Какстонъ! Джакъ Тиббетсъ не ученый, не геній, не.... не....

— Постойте! воскликнулъ отецъ.

— Мистеръ Тиббетсъ не далекъ отъ истины, сказалъ мистеръ Скиль. Я не льстецъ, но мѣсто, гдѣ вы сравниваете черепъ разныхъ породъ, превосходно. Ни Лауренсъ, ни Докторъ Причардъ не могли бы написать лучше. Такая книга не должна пропасть для свѣта, и я согласенъ съ М. Тиббетсомъ, что ее надобно напечатать какъ можно скорѣе.

— Писать и издать разница, сказалъ отецъ нерѣшительно. — Когда посмотришь на всѣхъ великихъ людей, издававшихъ свои сочиненія, когда подумаешь, что придется смѣло втираться въ сообщество съ Аристотелемъ, Бекономъ, Локкомъ, Гердеромъ, со всѣми глубокомысленными философами, наклоняющими къ природѣ чело, отягченное мыслями, позволительно пріостановиться, призадуматься и....

— Ба! прервалъ дядя Джакъ, наука не клубъ: это океанъ. Онъ открытъ для челнока, какъ для фрегата. Одинъ везетъ грузъ слишкомъ, другой идетъ на ловлю сельдей. Кто исчерпаетъ море? Кто скажетъ мысли: бездны философіи заняты!

— Славно сказано! воскликнулъ мистеръ Скиль.

— Такъ вы, друзья мои, сказалъ отецъ, пораженный краснорѣчивыми доводами дяди Джака, — рѣшительно совѣтуете мнѣ оставить моихъ пенатовъ, ѣхать въ Лондонъ, и, такъ какъ мы собственная библіотека не удовлетворяетъ моимъ требованіемъ, поселиться возлѣ Британскаго музеума и поскорѣе кончить хоть одну часть.

---

* Т. е. можно отвѣчать сто противъ одного.

Digitized by Google

— Этимъ вы обязаны передъ вашимъ отечествомъ, — сказалъ торжественно дядя Джакъ.

— И передъ самимъ собою, прибавилъ Скиль. Должно помогать естественнымъ изверженіямъ мозга.... Вамъ смѣшно, сэръ? — Смѣйтесь; но я замѣтилъ, что когда у человѣка слишкомъ полна голова, онъ долженъ дать исходъ мысли, иначе она давитъ его, и теряется равновѣсіе всего организма. Изъ отвлеченнаго человѣкъ становится тупымъ. Сила давленія поражаетъ нервы, и я не отвѣчаю, что вы не будете поражены параличемъ.

— Остинъ! воскликнула матушка, нѣжно обнимая руками шею отца.

— Сознайте себя побѣжденными, сэръ, — сказалъ я.

— А съ тобой что будетъ, Сисси? спросилъ отецъ. Съ нами что ли ты поѣдешь, и откажешься отъ университета?

— Дядя звалъ меня къ себѣ, въ свой замокъ. Покуда я останусь здѣсь, буду работать и смотрѣть за уткой.

— Одинъ-то? сказала матушка:

— Какъ одинъ? Надѣюсь, дядя Джакъ, по прежнему, будетъ навѣщать меня.

Дядя Джакъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, дитя мое, сказалъ онъ, — мнѣ должно ѣхать съ отцемъ, въ Лондонъ. Вы всѣ, въ этихъ дѣлахъ, ничего не смыслите: я повидаюсь съ книгопродавцами; я знаю, какъ съ этими господами говорить. Нужно и литературные круги приготовить къ появленію книги. Конечно съ моей стороны это жертва. Журналъ мой пострадаетъ, это я знаю; но дружба и польза отечества для меня выше всего.

— Добрый Джакъ! сказала ласково матушка.

— Я этого не потерплю, сказалъ отецъ. Здѣсь вы имѣете хорошій доходъ вы полезны себѣ, а что касается до книгопродавцевъ, то когда сочиненіе совсѣмъ будетъ готово, вы можете пріѣхать въ городъ на недѣлю и уладить дѣло.

— Бѣдный Остинъ! сказалъ дядя Джакъ, съ чувствомъ превосходства и состраданія — недѣля! Сэръ! успѣхъ книги требуетъ цѣлыхъ мѣсяцовъ приготовленія. Я не геній, я

Digitized by Google

человѣкъ практическій! я знаю, что нужно. Оставьте меня въ покоѣ. — Но отецъ продолжалъ упрямиться, и дядя наконецъ замолчалъ. Путешествіе въ Лондонъ за славой было рѣшено, но отецъ не хотѣлъ и слышать, чтобъ я остался.

— Нѣтъ, Пизистрату тоже надо ѣхать въ Лондонъ, посмотрѣть на свѣтъ: утка какъ-нибудь ужъ тутъ сама.....

ГЛАВА IV.

Мы послали съ вечера занять необходимое число мѣстъ — всего четыре (въ томъ числѣ мѣсто для миссисъ Приммисъ) въ публичной каретѣ, подъ фирмою Солнца, которая была заведена издавна для удобства окрестности населенія.

Это свѣтило, восходившее въ небольшомъ городкѣ, миляхъ въ семи отъ насъ, сперва описывало нѣсколько неопредѣленную орбиту между окрестными деревнями, потомъ уже выходило на большую дорогу освѣщенія, по которой и продолжало путь въ виду смертныхъ, съ величественной быстротою шести съ половиною миль въ часъ. Отецъ мой съ карманами, набитыми книгами и съ in guaro Джебена «о первобытномъ мірѣ» (для легкаго чтенія) подъ мышкой, мать съ небольшой корзинкой, наполненной сандвичами и бисквитами собственнаго печенія; миссисъ Приммисъ, съ новымъ зонтикомъ, купленнымъ для этого случая,—клѣткой, въ которой сидѣла канарейка, — ея любимица не столько за голосъ, сколько за почтенныя лѣта, и съ трубочкой, которою она успѣшно ее кормила, и я: всѣ мы ждали у воротъ, готовясь привѣтствовать небеснаго гостя. Садовникъ, съ тележкой набитой ящиками и чемоданами, стоялъ не много поодаль; а человѣкъ, который долженъ былъ пріѣхать, лишь только мы найдемъ квартиру, взобрался на пригорокъ, съ тѣмъ, чтобы высмотрѣть восходъ ожидаемаго солнца и извѣстить насъ о его появленіи, посредствомъ условленнаго знака носовымъ платкомъ, привязаннымъ на палкѣ.

Старый домъ нашъ печально глядѣлъ на насъ во всѣ свои опустѣвшія окна. У порога и въ открытыхъ сѣняхъ валялись остатки соломы и сѣна, употребленныхъ на укладку, кор-

Digitized by Google

зинки и ящики, осмотрѣнные и потомъ оставленные за негодностью; другіе, перевязанные и сложенные въ кучу, которые долженъ былъ доставить человѣкъ; двѣ служанки, которымъ было отказано и которыя стояли на половинѣ дороги между домомъ и калиткой сада, перешептываясь и усталыя, какъ будто бы не спали онѣ нѣсколько недѣль сряду:—все давало этому зрѣлищу, обыкновенно спокойному и стройному, видъ какого-то грустнаго одиночества и запустѣнія. Какъ будто нашъ домашній геній упрекалъ насъ въ измѣнѣ. Я чувствовалъ, что предзнаменованія были не въ нашу пользу, и со вздохомъ отвергнулся отъ мѣстъ, которыя покидалъ, потому что къ намъ уже подвигалась карета, во всемъ своемъ величіи. Какой-то человѣкъ, чрезвычайно важной наружности, не смотря на жаръ, закутанный въ теплую шинель и любившій, чтобъ его называли «смотрителемъ,» сошелъ съ рыжей, золотистой лошади, и учтиво объяснилъ намъ, что осталось всего только три мѣста, два внутри и одно снаружи, которыми мы вольны располагать; остальныя были заняты еще недѣли за двѣ до того, когда были получены наши требованія.

Зная, что миссисъ Пиммисъ была необходима моимъ родителямъ (тѣмъ болѣе, что она когда-то жила въ Лондонѣ и хорошо знала тамошніе обычаи), я предложилъ ей занять наружное мѣсто, а самъ рѣшился предпринять путь пѣшкомъ—давній и первобытный способъ перемѣщенія, имѣющій свою пріятную сторону для молодаго человѣка, одареннаго крѣпкимъ сложеніемъ тѣла и веселымъ расположеніемъ духа. Уже протянувшаяся рука смотрителя не дала моей матери времени противиться моему предложенію, на которое батюшка изъявилъ свое согласіе безмолвнымъ пожатіемъ моей руки. Давъ обѣщаніе отыскать имъ въ гостинницѣ, близъ Стрэнда, которую имъ хвалилъ мистеръ Скиль за особенную опрятность и спокойствіе, и въ послѣдній разъ махнувъ рукой въ знакъ прощанія съ матерью, продолжавшей высовать въ окно добродушное свое лицо во все время, покуда карета не скрылась въ облакѣ, подобно колесницамъ Омировыхъ героевъ, я вошелъ въ домъ, уложилъ

Digitized by Google

кое-какія необходимыя вещи въ котомку, нѣкогда принадлежавшую моему дѣду (отцу моей матери), которую я нашелъ въ чуланѣ, взвалилъ ее на плеча, и, взявъ въ руки здоровую палку, отправился въ великій городъ, такимъ быстрымъ шагомъ, какъ будто путь мой лежалъ не дальше сосѣдней деревни. Вотъ почему, часамъ къ двѣнадцати я усталъ и проголодался; и увидавъ возлѣ дороги одну изъ тѣхъ веселенькихъ гостинницъ, которыя принадлежатъ исключительно Англіи, и, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, скоро будутъ причислены къ явленіямъ допотопнымъ, сѣлъ за столъ подъ стриженными липами, отстегнулъ свою котомку и потребовалъ свою скромную трапезу, съ достоинствомъ человѣка, который въ первый разъ самъ заказываетъ себѣ обѣдъ и платитъ изъ собственнаго кармана.

Между тѣмъ какъ я занялся ломтемъ свинаго сала и кружкой пива, два пѣшехода, пришедшіе по одной дорогѣ со мной, остановились, разомъ взглянули на предметъ моихъ занятій, и, безъ сомнѣнія, увлеченные моимъ примѣромъ, сѣли подъ тѣми же деревьями, но за другимъ концомъ стола. Я осмотрѣлъ вновь прибывшихъ съ любопытствомъ, свойственнымъ моему возрасту.

Старшему могло быть лѣтъ тридцать, хотя глубокія морщины и лицо, вѣроятно нѣкогда цвѣтущее, а теперь довольно блѣдное, обличавшее труды, заботу, или утомленіе отъ неправильной жизни, старѣли его на видъ: наружность не говорила особенно въ его пользу. Въ одеждѣ его пробивалась какая-то претензія, не приставшая къ пѣшеходу: сертукъ его былъ узокъ и подложенъ ватой; двѣ огромныя булавки, соединенныя цѣпочкой, украшали крутой, атласный, голубой галстукъ, усѣянный желтыми звѣздами; его руки были покрыты очень грязными перчатками, когда-то соломеннаго цвѣта и играли тростью изъ китоваго уса, съ огромнымъ набалдашникомъ, что придавало трости видъ кистеня; когда онъ снялъ бѣлую шляпу, совершенно истертую, и сталъ заботливо и осторожно вытирать ее правымъ рукавомъ, множество правильныхъ кудрей разомъ обличило старанія искусства и плоды человѣческихъ рукъ. Парикъ

Digitized by Google

его, котораго нельзя было не замѣтить (въ родѣ того, въ коемъ, на простонародныхъ картинкахъ, изображается Георгъ IV, въ молодости), низко спускался на лобъ и потомъ страшно подымался на макушкѣ; онъ былъ намазанъ масломъ и къ нему пристало немалое количество пыли, а масло и пыль въ равной степени оставили слѣды на лбу и щекахъ его хозяина. Сверхъ этого, выраженіе его лица было частію нахально и беззаботно; что-то насмѣшливое проглядывало въ углахъ его глазъ.

Младшій былъ, повидимому, моихъ лѣтъ и развѣ годомъ или двумя меня старше — судя, впрочемъ, по его гибкому, мускулистому сложенію, а не по ребяческому очертанію лица. Но это лицо, хотя ребяческое, не могло не обратить на себя вниманіе самаго безстрастнаго наблюдателя. Оно не только было смугло, какъ цыганское, но и имѣло характеръ цыганскій: большіе блестящіе глаза, черные, какъ смоль, волосы, длинные и волнистые, но не кудрявые, орлиныя и тонкія черты; когда юноша говорилъ, онъ показывалъ зубы ослѣпительной бѣлизны, подобной жемчугу. Нельзя было не удивляться его замѣчательной красотѣ; но это лицо носило отпечатокъ хитрости и дикости, вложенныхъ враждой съ обществомъ въ черты того племени, которое онъ мнѣ напоминалъ. Со всѣмъ этимъ, въ молодомъ странникѣ было и что-то такое напоминавшее джентельмена. Онъ былъ одѣтъ въ плисовой охотничьей курткѣ или, пожалуй, коротенькомъ фракѣ, подпоясанномъ широкимъ ремнемъ, широкихъ бѣлыхъ панталонахъ и фуражкѣ, которую небрежно бросилъ на столъ, когда утиралъ потъ съ лица,—съ нетерпѣніемъ и даже гордостью отвернувшись отъ своего товарища. Онъ окинулъ меня быстрымъ и внимательнымъ взглядомъ своихъ пронзительныхъ глазъ, потомъ растянулся на скамейкѣ и, казалось, дремалъ или мечталъ, покуда, вслѣдствіе приказанія его спутника, столъ былъ уставляемъ всѣми холодными мясами, какія только были въ гостинницѣ.

— Говядина,—сказалъ его товарищъ, вставляя лорнетъ въ правый глазъ, говядина; что это за говядина! — Ягненокъ; — старенекъ, — сыроватъ; — баранина.... пфу!....

Digitized by Google

Пирогъ; — суховатъ. — Телятина; — нѣтъ, свинина. — Виноватъ! Чего вы хотите?

— Берите себѣ, — отвѣчалъ молодой человѣкъ, съ ужимкой садясь за столъ и посмотрѣлъ съ презрѣніемъ на поданное мясо; потомъ, подождавши довольно долго, онъ отвѣдалъ и того, и другаго, и третьяго, подергивая плечами и съ явными выраженіями неудовольствія. Вдругъ онъ поднялъ голову и спросилъ водки; и, къ моему недоумѣнію (совѣстно признаться), даже къ моему удивленію, онъ выпилъ съ полстакана этого яда, не разбавливая его ничѣмъ и съ такою миной, что должно было заключить, что онъ привыкъ къ нему.

— Напрасно, — сказалъ его товарищъ, придвигая къ себѣ бутылку и въ надлежащей мѣрѣ смѣшивая алкоголь съ водой. — Покровы желудка скоро истираются, если чистить ихъ по вашему. Лучше обратиться къ искрометной пѣнѣ, какъ говоритъ нашъ безцѣнный Вилль. Вотъ этотъ молодой джентельменъ подастъ вамъ хорошій примѣръ. И, съ этимъ, онъ обратился ко мнѣ, фамильярно кивая мнѣ головой. Какъ ни былъ я неопытенъ, однако сейчасъ смекнулъ, что онъ намѣренъ познакомиться съ тѣмъ, кого такъ привѣтствовалъ.

— Позвольте вамъ предложить что-нибудь? — сказалъ этотъ общительный индивидуумъ, описывая полукружіе концомъ своего ножа.

— Покорно васъ благодарю, сэръ, я ужъ обѣдалъ.

— Такъ что жъ? пуститесь въ новое поприще злодѣйствъ, какъ говоритъ Авонскій Лебедь, сэръ*; — не хотите? Такъ предлагаю вамъ выпить со мной рюмку Канарійскаго. А далеко изволите итти, если смѣю спросить?

— Въ Лондонъ, если съумѣю дойдти.

— О! — сказалъ путешественникъ, въ то время, какъ товарищъ его поднялъ на меня глаза, и я опять остался пораженъ ихъ пронзительностію и блескомъ.

---

* Шекспиръ, Генрихъ V, дѣйствіе IV.

Digitized by Google

— Лондонъ—самое лучшее мѣсто въ мірѣ, для молодаго человѣка съ умомъ. Посмотрите, что тамъ за жизнь: «зеркало моды и первообразъ формы.»* Вы любите театръ, сэръ?

— Я никогда его не видалъ.

— Можетъ ли это быть! — воскликнулъ онъ, опуская черенокъ своего ножа и горизонтально приподымая конецъ его: — если такъ, молодой человѣкъ, прибавилъ онъ торжественно, вамъ предстоитъ.... но я не скажу вамъ, что вы увидите; не скажу, нѣтъ, даже, если бы вы могли усыпать этотъ столъ золотыми гинеями и воскликнуть съ благороднымъ жаромъ, который такъ увлекателенъ въ молодости: «мистеръ Пикокъ, все это ваше, если вы только скажете мнѣ, что мнѣ предстоитъ увидѣть!»

Я расхохотался во все горло — да простятъ мнѣ это самохвальство, но еще въ школѣ я былъ извѣстенъ за мой громкій и непринужденный смѣхъ. При этихъ звукахъ, лицо молодаго человѣка помрачилось: онъ оттолкнулъ тарелку и вздохнулъ.

— А вотъ мой товарищъ, — продолжалъ его пріятель, — а вотъ мой товарищъ, который, я думаю, вамъ ровесникъ, могъ бы сказать вамъ, что̀ такое театръ, и что̀ такое жизнь. Онъ видѣлъ городское обращеніе, онъ взглянулъ на тергашей, какъ поэтически замѣчаетъ лебедь. Не такъ ли, пріятель, а?

Юноша взглянулъ на него съ презрительной улыбкой.

— Да, я знаю что такое жизнь, и говорю, что въ жизни, какъ въ бѣдности, мало ли съ кѣмъ случается сближаться. Спросите у меня теперь, что такое жизнь, — я скажу вамъ: мелодрама; спросите у меня то же самое, черезъ двадцать лѣтъ, и я скажу....

— Фарсъ, — прервалъ его товарищъ.

— Нѣтъ, трагедія, или комедія, какъ писалъ Мольеръ.

— Какъ это? — спросилъ я, заинтересованный и даже удивленный тономъ моего ровесника.

— Комедія.... У моего пріятеля такъ вотъ нѣтъ шансовъ!

---

* Шекспиръ: Ibidem.

Digitized by Google

— Это похвала сэру Губерту Стэплэй.... гмъ.... да.... гмъ.... Пикокъ можетъ быть уменъ, но онъ не плутъ.

— Это не совсѣмъ мое мнѣніе,— сказалъ сухо юноша.

— Шишъ за ваше мнѣніе, какъ говоритъ Лебедь. — Эй вы, сэръ, хозяинъ! уберите со стола, да дайте намъ чистыхъ стакановъ, горячей воды, сахару, лимону, да бутылочку! Курите, сэръ! — И мистеръ Пикокъ предложилъ мнѣ сигару.

Я отказался, а онъ осторожно свернулъ какой-то далеко не заманчивый обращикъ апокрифическаго Гаванскаго произрастенія, намочилъ его весь, наподобіе того, какъ поступаетъ боа-конструкторъ съ быкомъ, котораго собирается проглотить, откусилъ одинъ конецъ, зажегъ другой опредѣленной на это машинкой, вынутой имъ изъ кармана, и скоро весь предался страшному усилію отравить окружавшую атмосферу. Тогда молодой человѣкъ, изъ соревнованія, или по чувству самосохраненія, вынулъ изъ кармана красивую, бархатную сигарочницу, вышитую, вѣроятно, какой-нибудь хорошенькой ручкой, потому что на ней можно было ясно разобрать слова: «отъ Джулiетты», и выбралъ сигару съ виду лучшую той, которая занимала его товарища: казалось, онъ также привыкъ обходиться съ табакомъ, какъ съ водкой.

— Вотъ человѣкъ, сэръ, — говорилъ мистеръ Пикокъ, прерывая рѣчь усиліями отчаянной борьбы съ своей незавидной жертвой — ему непремѣнно (пуфъ, пуфъ).... нужно.... (пуфъ, пуфъ) настоящія сильва. Фу ты пропасть! опять погасла!* — И мистеръ Пикокъ опять принялся за свою фосфорную машинку. На этотъ разъ его терпѣніе и настойчивость увѣнчались успѣхомъ, и середина сигарки отвѣтила скромною, красною искрою (стороны же остались неприкосновенны) на неусыпныя старанія сэра поклонника.

Совершивъ этотъ подвигъ, мистеръ Пикокъ торжественно произнесъ:

---

* Въ подлинникѣ сказано: the jaws of darkness have devoured it up. (Шекспиръ: Сонъ въ Лѣтнюю Ночь).

Digitized by Google

— Ну, дѣтки, что вы теперь скажете о картахъ? Насъ трое.... вистъ.... съ болваномъ.... ничего не можетъ быть лучше.... а?

Онъ вытащилъ изъ кармана сертука красный, шелковый платокъ, связку ключей, колпакъ, зубную щетку, кусокъ мыла для бритья, четыре куска сахару, бритву и колоду картъ. Отложивъ послѣднее, и повергнувъ остальной хламъ въ бездну, изъ которого тотъ возникъ, онъ указательнымъ и большимъ пальцемъ, оборотилъ трефоваго валета и, положивъ его сверху, важно разложилъ карты по столу.

— Вы очень любезны, но я не умѣю играть въ вистъ, сказалъ я.

— Не играете въ вистъ, не были въ театрѣ, не курите! Сдѣлайте одолженіе, молодой человѣкъ (сказалъ онъ величественно и хмурясь), что же вы умѣете, что вы знаете?

Пораженный этой выходкой и устыдясь моего совершеннаго невѣдѣнія въ томъ, что мистеръ Пикокъ считалъ первымъ основаніемъ знанія, я наклонилъ голову и опустилъ глаза.

— Это хорошо, — продолжалъ мистеръ Пикокъ, ласковѣе прежняго: — въ васъ есть невинный стыдъ молодости. Это подаетъ надежды на будущее. «Смиреніе есть лѣстница его молодаго честолюбія,» говоритъ Лебедь. Взойдите на первую ступень и познаете вистъ, — съ начала понести пенсовъ очко.

Не смотря на мою неопытность въ дѣлѣ практической жизни, я имѣлъ счастіе узнать кое-что объ открывавшемся передо мной поприщѣ изъ руководителей, столько разъ оклеветанныхъ, которые зовутъ романами, или повѣстями, — сочиненія, въ отношеніи къ внутреннему міру, имѣющія значеніе географическихъ картъ для внѣшняго. Мнѣ внезапно пришлю на умъ нѣсколько воспоминаній изъ Жиль-Блаза и Векфильдскаго Священника. Я не имѣлъ желанія итти по стопамъ достойнаго Моисея и чувствовалъ, что въ сношеніяхъ съ этимъ новымъ мистеромъ Дженкинсомъ, я даже

Digitized by Google

не могъ бы похвалиться шагреневыми очками. Поэтому, покачавъ головой, я спросилъ счетъ. Когда я вынулъ кошелекъ, связанный мнѣ моею матерью, содержавшій одну золотую и нѣсколько серебряныхъ монетъ, я замѣтилъ, что глаза мистера Пикока засверкали.

— Не хорошо, сэръ! не хорошо, молодой человѣкъ! «Скупость запала глубоко.» Прекрасно выразился Лебедь: Кто ничѣмъ не рискуетъ, тотъ ничего не выигрываетъ!

— У кого нѣтъ ничего, тому и рисковать не чѣмъ,— отвѣчалъ я, его же словами.

— Какъ нѣтъ ничего? — Молодой человѣкъ, развѣ вы сомнѣваетесь въ моей состоятельности, въ моемъ капиталѣ, въ моемъ золотѣ?

— Я говорилъ о себѣ, сэръ. Я не довольно богатъ, чтобы играть съ вами на деньги.

— Что вы этимъ хотите сказать, сэръ? — воскликнулъ мистеръ Пикокъ, въ добродѣтельномъ негодованіи. — Вы меня оскорбляете.

И онъ грозно всталъ и надвинулъ свою бѣлую шляпу на парикъ.

— Оставьте его, Галь, — сказалъ презрительно юноша. — Если онъ дерзокъ, ударьте его. (Это относилось ко мнѣ.)

— Дерзокъ! ударить! — воскликнулъ мистеръ Пикокъ, ужасно покраснѣвъ! Но замѣтивъ улыбку на губахъ товарища, онъ сѣлъ и погрузился въ молчаніе.

Я заплатилъ деньги по счету, и когда, исполнивъ эту обязанность, которая рѣдко доставляетъ удовольствіе, хватился моей дорожной котомки, то увидѣлъ, что она была въ рукахъ молодаго человѣка. Онъ хладнокровно читалъ адресъ, который я на всякій случай прилѣпилъ къ ней: Пизистратусъ Каксгонъ, Эск., въ N. гостинницѣ, N. улицѣ, близъ Стрэнда.

Я взялъ у него котомку. Такое нарушеніе законовъ приличія, со стороны молодаго джентельмена, хорошо знавшаго жизнь, поразило меня болѣе, нежели уязвилъ бы меня подобный поступокъ отъ мистера Пикока. Онъ не

Digitized by Google

извинился, но кивнулъ мнѣ головой, какъ бы желая проститься, и растянулся по лавкѣ во всю свою длину. Мистеръ Пикокъ, углубившійся въ раскладываніе пасьянса, даже не отвѣтилъ на мой прощальный привѣтъ, и на слѣдующее мгновеніе я былъ одинъ на большой дорогѣ. Мысли мои долго обращались къ молодому человѣку; сожалѣя о будущности, предстоящей человѣку съ его привычками въ подобномъ обществѣ, я невольно удивлялся не столько его красивой наружности, сколько развязности, смѣлости и беззаботному вліянію надъ товарищемъ, много старшимъ.

Было довольно поздно, когда я увидѣлъ передъ собою колокольню города, въ которомъ рѣшился переночевать. Рогъ нагонявшей меня кареты заставилъ меня обернуться, и въ то время, когда карета проѣзжала мимо меня, я увидѣлъ на наружномъ мѣстѣ мистера Пикока, все еще боровшагося съ сигарой, едва ли не тою же самой, и его молодаго пріятеля, который, развалясь на имперіалѣ посреди поклажи, склонился на руку прекрасной головой, и, вѣроятно, не замѣчалъ ни меня, ничего другаго.

ГЛАВА V.

Я могу, судя можетъ быть черезъ-чуръ лично, т. е. по собственному опыту, опредѣлить данныя молодаго человѣка на то, что зовутъ практическимъ успѣхомъ въ жизни, по двумъ, на первый взглядъ, весьма обыкновеннымъ его способностямъ: любопытству и необычайной живости извѣстнаго рода. Любопытство, которое торопится узнать все, что для него новое, и нервозная дѣятельность, близкая къ безпокойству, которое рѣдко позволяетъ тѣлесной усталости стать между человѣкомъ и цѣлью этихъ двухъ свойствъ, по моему, достаточны, чтобы пуститься въ свѣтъ.

Какъ ни усталъ я, но совершивъ омовеніе и, въ столовой гостинницы, гдѣ я остановился, освѣжившись обыкновеннымъ напиткомъ пѣшехода, простымъ и нерѣдко оклеветываемымъ, чаемъ, я не могъ противиться искушенію широкой, шумной улицы, освѣщенной газомъ и видѣвшейся мнѣ сквозь тусклыя окна столовой. Я прежде никогда не

Digitized by Google

видывалъ большаго города, и противоположность между свѣтлой дѣятельной ночью улицы и скромной, безжизненной ночью деревень и полей сильно меня поразила.

Поэтому я выскочилъ на улицу и прыгая, и смѣясь, то глазѣлъ въ окна, то какъ будто спѣшилъ по теченію жизни, покуда очутился у трактира, около котораго толпилась небольшая кучка женщинъ, гражданъ, и голодныхъ, повидимому, дѣтей. Въ то время, какъ я разсматривалъ толпу и удивлялся, почему главная забота большинства земнаго населенія о томъ, какъ, когда и гдѣ поѣсть, слухъ мой былъ пораженъ слѣдующими словами:

— Дѣйствіе происходитъ въ Троѣ, говоритъ знаменитый Вилль.

Оглянувшись, я увидѣлъ мистера Пикока, указывавшаго тростью на отворенный, рядомъ съ трактиромъ, крытый ходъ, освѣщенный газомъ и надъ дверью котораго, на оконномъ стеклѣ, было написано черными буквами: «Билліарды.»

Присоединяя дѣйствіе къ слову, Пикокъ разомъ вошелъ въ отворенную дверь и исчезъ. Юноша-товарищъ слѣдовалъ за нимъ лѣниво, какъ вдругъ замѣтилъ меня. Легкій румянецъ выбѣжалъ на его темныя щеки; онъ остановился и опираясь о дверь, долго и какъ-то странно смотрѣлъ на меня, прежде нежели сказалъ:

— Вотъ мы и опять встрѣтились, сэръ? Не сладко вамъ, я думаю, проводить время въ этомъ мѣстѣ: ночи длинны внѣ Лондона.

— О, отвѣчалъ я простодушно, — меня все здѣсь тѣшитъ: освѣщеніе, лавки, давка; потому что все это для меня новость.

Юноша оставилъ свое мѣсто и, какъ бы приглашая меня слѣдовать за нимъ, сказалъ, съ выраженіемъ какой-то горькой насмѣшки, хотя въ словахъ его просвѣчивала будто грусть:

— Одно не можетъ быть ново для насъ,—старая истина, которую мы знали прежде даже, нежели отняли у насъ кормилицу: все, что имѣетъ какую-нибудь цѣну, должно быть куплено; *ergo*, кто купить ничего не можетъ, у того ничего и не будетъ.

Digitized by Google

— Не думаю, сказалъ я, чтобы всѣ лучшія вещи можно намъ купить. Посмотрите на этого бѣдняка, худаго, больнаго ювелира, что стоитъ передъ своей лавкой: его лавка лучшая на этой улицѣ, — а я увѣренъ, что онъ съ радостью отдалъ бы ее всю вамъ, или мнѣ, за наше здоровье и крѣпкія ноги. Нѣтъ! я скорѣе соглашусь съ моимъ отцомъ: лучшее въ жизни дано всѣмъ, т. е. природа и трудъ.

— Это говоритъ вашъ отецъ, и вы за нимъ! Впрочемъ всѣ отцы проповѣдуютъ и это и другія мудрыя истины; но не вижу я, чтобы отцы часто находили въ сыновьяхъ довѣрчивыхъ слушателей.

— Тѣмъ хуже для сыновей!—сказалъ я рѣшительно.

— Природа, — продолжалъ мой собесѣдникъ, не обращая вниманія на мое восклицаніе, — природа дѣйствительно даетъ намъ много и учитъ каждаго изъ насъ, какъ употреблять ея дары. Если природа вложила въ васъ наклонность къ лошадиному труду, вы будете трудиться, какъ лошадь; если она вложила въ меня побужденіе къ возвышенію, самолюбіе что ли, и отвращеніе отъ труда, я могу итти въ гору, но работать вѣрно не буду.

— Стало, вы согласны съ Скилемъ, сказалъ я, — и вѣрите тому, что нами руководятъ шишки нашего черепа?

— Да, и кровь нашихъ жилъ, и молоко матери. Мы наслѣдуемъ все, наравнѣ съ подагрой и чахоткой. Такъ вы всегда дѣлаете то, что говоритъ вамъ отецъ.... Вы добрый мальчикъ!

Я былъ обиженъ. Никогда не могъ я понять, отчего бываетъ человѣку стыдно, когда его хвалятъ за доброту: но тогда я былъ недоволенъ. Однако я рѣзко отвѣчалъ:

— Если бъ у васъ былъ такой отецъ, какъ у меня, вамъ бы не показалось неестественнымъ поступать по его словамъ.

— А, такъ у васъ хорошій отецъ? И велико должно быть его довѣріе въ вашу умѣренность и безстрастіе, что позволяетъ онъ вамъ однимъ шататься по свѣту?

— Я иду въ Лондонъ, вслѣдъ за нимъ.

Digitized by Google

— Въ Лондонъ? Такъ онъ въ Лондонъ?

— Да, онъ проживетъ тамъ нѣсколько времени.

— Стало, мы еще, можетъ быть, встрѣтимся. Я то же ѣду въ Лондонъ.

— Ну, такъ навѣрное встрѣтимся! — сказалъ я съ непритворною радостью, потому что участіе мое къ молодому человѣку не уменьшилось отъ его словъ, какъ ни мало нравились мнѣ чувства, ими выраженныя.

Онъ улыбнулся, и какимъ-то страннымъ образомъ. Смѣхъ его былъ тихъ и музыкаленъ, но какъ будто принужденъ.

— Встрѣтимся? Лондонъ не деревня: гдѣ же мнѣ васъ найти!

Я, не колеблясь, сказалъ ему адресъ гостинницы, гдѣ надѣялся найти моего отца; хотя изъ самовольнаго осмотра, сдѣланнаго имъ моей котомкѣ, онъ, безъ сомнѣнія, уже зналъ его. Онъ внимательно выслушалъ меня, два раза повторилъ сказанное мною, чтобы не забыть; мы шли оба молча, поворотивъ узкимъ переулкомъ, и вдругъ очутились на пространномъ погостѣ, по которому діагональю бѣжала тропинка къ рынку, съ погостомъ граничившему. На одной изъ надгробныхъ плитъ сидѣлъ Савояръ, держа на колѣняхъ свой инструментъ (не знаю право какъ назвать его); онъ глодалъ корку и кормилъ ею же бѣлыхъ мышекъ, стоявшихъ передъ нимъ на заднихъ лапкахъ. Савояръ былъ также беззаботенъ, какъ если бы сидѣлъ въ самомъ веселомъ мѣстѣ земнаго шара.

Мы оба остановились. Мальчикъ, увидавъ насъ, склонилъ на сторону свою, полную жизни, головку, показалъ свои бѣлые зубы, въ минуту счастливой улыбки, столько свойственной его племени, такъ весело просящаго милостыни, — и разъ повернулъ ручку своего инструмента.

— Бѣдный ребенокъ! сказалъ я.

— Вамъ жалко его! Отъ чего же? по вашему же правилу, М. Какстонъ, онъ совсѣмъ не такъ жалокъ; больной ювелиръ столько же дастъ за его здоровье и молодость, сколько за наши! Скажите мнѣ, сынъ мудраго отца, отчего

Digitized by Google

никто не жалѣетъ бѣднаго, больнаго ювелира, а всякому жалко здороваго Савояра? — Это потому, сэръ,—то есть грустная истина, преодолѣвающая всѣ Спартанскія нравоученія,— что бѣдность наибольшее зло. Оглянитесь. Гдѣ память по бѣдности на могилахъ? Посмотрите же на этотъ большой памятникъ, съ оградой кругомъ; прочтите длинную надпись: добродѣтели, примѣрный супругъ, нѣжно любимый отецъ,— безутѣшное горе, — покоятся въ радостной надеждѣ, и т. д. и т. д. А эти могилы безъ камней? Неужели думаете вы, что онѣ не скрываютъ праха справедливаго или добраго человѣка? А никакая эпитафія не исчисляетъ его добродѣтелей, не описываетъ скорби супругъ, не обѣщаетъ имъ радостныхъ надеждъ.

— Что жъ изъ этого? Богу нѣтъ дѣла до надгробныхъ надписей.

— *Date my qualche cosa*, сказалъ Савояръ на своемъ трогательномъ нарѣчіи, все улыбаясь и протягивая маленькую руку, въ которую я бросилъ незначительную монету. Мальчикъ выразилъ свою благодарность новымъ поворотомъ ручки инструмента.

— Это не трудъ, — сказалъ мой спутникъ,—и если бы вы нашли его за работой, то не дали бы ему ничего. У меня есть и инструментъ, на которомъ я играю, и мыши, о которыхъ долженъ заботиться. До свиданія!

Онъ махнулъ рукой и побѣжалъ по могиламъ въ то направленіе, откуда мы пришли.

Я остановился передъ прекрасной могилой съ прекрасной надписью. Савояръ внимательно смотрѣлъ на меня.

ГЛАВА VI.

Савояръ внимательно смотрѣлъ на меня. Мнѣ хотѣлось вступить съ нимъ въ разговоръ. Это было не легко. Однакоже, я началъ:

Писистратъ. Вы должно быть часто бываете голодны, мой бѣдный мальчикъ. Мыши вѣрно васъ не прокормятъ?

Савояръ надѣваетъ шляпу на бокъ, качаетъ головой и ласкаетъ мышей.

Digitized by Google

Пизистратъ. Вы очень ихъ любите: я думаю, онъ ваши единственные друзья.

Савояръ, видимо понимая Пизистрата, тихо треть свое лицо о мышей, потомъ тихо кладетъ ихъ на плиту и начинаетъ опять вертѣть; мыши безпечно играютъ на плитѣ.

Пизистратъ, показывая сначала на мышей, потомъ на инструментъ: Кого вы любите больше, мышей или это?

Савояръ показываетъ зубы, смотритъ въ глаза, растягивается по травѣ, играетъ съ мышами и бѣгло отвѣчаетъ.

Пизистратъ, при помощи Латыни понимая, что Савояръ говоритъ, что мыши живыя, а инструментъ не живой: — Да, живой другъ лучше мертваго. Mortua est hurda-gurda!

Савояръ быстро подымаетъ голову. — No, no, eccelenza, non e morta! и начинаетъ играть живую арію на осмѣянномъ инструментѣ. Лице Савояра воодушевляется: онъ счастливъ; мыши съ плиты бѣгутъ къ нему за пазуху.

Пизистратъ, тронутый (по-Латыни): Есть у васъ отецъ?

Савояръ, отвараччиваясь. No, eccelenza; потомъ, помолчавъ говоритъ: si, si, и играетъ какую-то торжественную арію, останавливается и, положивъ одну руку на инструментъ, другую подымаетъ къ небу.

Пизистратъ понимаетъ. — Отецъ, подобно инструменту, въ одно время и умеръ и живъ. Самая форма мертвая вещь, но музыка живетъ. Пизистратъ бросаетъ на землю другую серебряную монету и уходитъ. Богъ тебѣ помощь, Савояръ! спасибо тебѣ! Ты сдѣлалъ много добра для Пизистрата, ты далъ славный урокъ черствой мудрости молодаго джентельмена въ бархатной куркѣ; лучше его поступилъ Пизистратъ, что остался послушать тебя.

У выхода съ погоста я оглянулся: Савояръ сидѣлъ по прежнему между могилъ, подъ Божьимъ небомъ. Онъ также пристально смотрѣлъ на меня, и когда наши взоры встрѣтились, прижалъ руку къ сердцу и улыбнулся. Богъ тебѣ помощь, бѣдный Савояръ!

(До след. книги).

Digitized by Google

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

ДУШЕПРИКАЩИКИ ДОНСКАГО.

(Письмо А. Н. Попова къ М. П. Погодину).

М. Г. М. П. Въ Москвитянинѣ 1847 года вы помѣстили любопытное изслѣдованіе о боярахъ временъ Дмитрія Іоанновича Донскаго, подъ заглавіемъ «Древняя Русская Аристократія.» Ваша же статья, помѣщенная въ Архивѣ историко-юридическомъ Г. Калачева, о наслѣдственности должностей въ древней Россіи, показываетъ, что васъ не перестаетъ занимать тотъ же самый предметъ, весьма важный въ отношеніи къ внутренней исторіи Россіи. Нигдѣ историческая память о лицахъ, дѣятеляхъ въ жизни общественной и государственной, не была такъ слаба, какъ въ нашей древности. Читая лѣтописныя сказанья о жизни древней Россіи, вникая во взглядъ лѣтописателей, нельзя не замѣтить, что для нихъ существовало только три историческихъ дѣятеля: Провидѣніе, управлявшее судьбою народа, собирательное цѣлое Русь, и Князья, или лучше, Князь, общая мысль о представителѣ народномъ по преемству поколѣній, переходившая отъ одного лица къ другому. Рѣдко-рѣдко лѣтописецъ промолвитъ имя частнаго лица, промолвитъ случайно, и такъ, что трудно опредѣлить его предковъ и потомство. Въ лѣтописи иногда встрѣтится одно имя безъ отечества и прозванья, иногда только имя и отечество, или прозванье случайное, измѣнявшееся часто съ каждымъ поколѣніемъ. Даже въ государственныхъ грамотахъ, духовныхъ завѣщаніяхъ Князей и договорахъ, сами частныя лица, какъ бы участвуя въ общемъ невниманіи къ заслугамъ частныхъ лицъ вообще и стало быть своимъ собственнымъ, подписывали свои имена почти всегда безъ про-

Digitized by Google

званій родовыхъ, по которымъ бы можно было въ послѣдствіи опредѣлить ихъ личное и родовое значенія.* Не входя въ разборъ причинъ, въ слѣдствіе которыхъ въ общемъ потокѣ Русской жизни, такъ постоянно утопали частныя лица безъ слѣдовъ и воспоминаній, я хочу только прибавить къ вашимъ изслѣдованіямъ замѣчательное историческое свидѣтельство, которое мнѣ удалось прочесть въ одной изъ рукописей разрядовъ, о боярахъ душеприкащикахъ Дмитрія Донскаго.

Однакоже въ древней нашей исторіи дѣйствовали и частныя лица, а въ нѣкоторыхъ происшествіяхъ и въ иныя времена дѣйствовали исключительно. Къ числу такихъ эпохъ, какъ вы замѣтили, принадлежало время малолѣтства Дмитрія Донскаго. Лѣтописи, разсказывая о событіяхъ этого времени, по обычаю, приписываютъ всѣ дѣйствія Князьямъ, а между тѣмъ самъ Димитрій не могъ дѣйствовать. Симеонъ въ грамотѣ 1353 года совѣтуетъ братьямъ слушать «владыку Алексѣя, такъ же *старыхъ бояръ*, кто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ;» грамота Едигея выхваляетъ боярина Ѳедора и совѣтуетъ В. К. Василью, чтобы онъ «молодыхъ не слушалъ, а собралъ бы *старѣйшихъ своихъ бояръ*.» Историографъ Карамзинъ замѣчалъ участіе бояръ въ происшествіяхъ того времени; но кто же были эти бояре? — Вотъ вопросъ, который по соображеніи именъ подписавшихъ духовныя грамоты и договоры того времени, съ родословцами и показаніями лѣтописей, вы старались разрѣшить въ указанной выше статьѣ. Послѣдніе выводы вашихъ изслѣдованій состояли въ опредѣленіи слѣдующихъ лицъ, подписавшихъ духовное завѣщаніе Дмитрія Донскаго:

«Василей Васильевичь, Тысяцкій, потомокъ Варяга Шимона, внукъ боярина Протасія, бывшаго при Калитѣ, родоначальникъ Вельяминовыхъ, *Воронцовыхъ* и др. Его братъ, Тимоѳей Васильевичь, подписалъ духовную.

Иванъ Родіоновичь *Квашня*.

Александръ Андреевичь Елка и Ѳедоръ Андреевичь *Кошка*.

Ѳедоръ Ѳедоровичь *Свибловъ*, его братъ Иванъ Андреевичь.

---

* Прозвища вошли въ употребленіе позднѣе. *М. П.*

Digitized by Google

Иванъ Андреевичь могъ быть сыномъ Ѳедора *Воронца*, или Ѳедора Кутуза.

Семенъ Васильевичь могъ быть сыномъ Василья Кочевы.

Дмитрій Михаиловичь долженъ быть тотъ *Волынскій* пришлецъ, который участвовалъ въ Куликовской битвѣ.»

Въ первомъ духовномъ завѣщаніи Дмитрія Донскаго 1371 г. въ концѣ грамоты сказано, что она писана при Алексіѣ Митрополитѣ «а послуси на сю грамоту: Тимоѳей околничей Васильевичь, Иванъ Родіоновичь, Иванъ Ѳедоровичь, Ѳедоръ Андреевичь.»

Во второмъ его же завѣщаніи 1389 года сказано: «а писалъ есть сю грамоту предъ своими отцы, передъ Игуменомъ передъ Сергіемъ, передъ Игуменомъ передъ Савастьяномъ, а тутo были бояре наши: Дмитрій Михайловичь, Тимоѳей Васильевичь, Иванъ Родіоновичь, Семенъ Васильевичь, Иванъ Ѳедоровичь, Александръ Андреевичь, Ѳедоръ Андреевичь, Ѳедоръ Андреевичь, Иванъ Ѳедоровичь, Иванъ Андреевичь.»

Въ библіотекѣ Академіи Наукъ, въ числѣ рукописей хранится разрядная книга (подъ N 44. in fol), въ началѣ которой находится нѣсколько отрывочныхъ выписокъ изъ разрядовъ временъ Дмитрія Донскаго. На оборотѣ перваго листа сказано: «Того жъ году волiсю Божiею Великаго Князя Дмитрія Іоанновича Донскова не стало, а у духовной сидѣли прикащики: отецъ его духовный преподобный Игуменъ Сергій, да Игуменъ Севастьянъ, да бояре: Дмитрій Васильевичь Волынскій, Тимоѳей Васильевичь Воронцовъ, Иванъ Родіоновичь Квашня, Семенъ Васильевичь да Иванъ Ѳедоровичь Воронцовы, Александръ Андреевичь Азтѣй, Ѳедоръ Андреевичь Свибловъ, Ѳедоръ Андреевичь Кошка, Иванъ Ѳедоровичь Собака, Иванъ Андреевичь Хромой.»

Сличая имена бояръ, подписавшихъ духовныя грамоты съ именами бояръ, душеприкащиковъ Донскаго, упомянутыми въ разрядахъ, оказывается, что онѣ совершенно сходны между собою, исключая только одного отчества. Въ грамотѣ первымъ подписался Дмитрій *Михайловичь*, въ разрядѣ Дмитрій *Васильевичь* Волынскій. Но въ разрядѣ поименованы бояре не только по именамъ и отчествамъ, какъ въ духовныхъ грамотахъ, но и съ прозваніями.

Digitized by Google

Сличая сіи прозванія съ тѣми, которыя вамъ удало
опредѣлить въ вашемъ изслѣдованіи, оказывается, что бо
шая часть изъ нихъ опредѣлены правильно, и приведенны
отрывокъ разрядовъ окончательно доказываетъ справедливост
вашихъ выводовъ. Тимоѳей Васильевичь былъ дѣйствитель
Воронцовъ, Иванъ Родіоновичь *Квашня*, Ѳедоръ Андреевичь —
Кошка, Ѳедоръ Андреевичь — *Свибловъ*, Иванъ Ѳедоровичь —
Воронцовъ; Иванъ Андреевичь точно *братъ* Свиблова, про
зывавшійся также *Хромымъ*, какъ доказываетъ приведенна
въ вашей статьѣ выписка изъ родословца Свибловыхъ, в
которой такъ же сыномъ Андрея и братомъ Ѳедора Сви
блова поименованъ Александръ *Остей*. Иванъ Ѳедоровичь Со
бака могъ быть сыномъ Ѳедора Андреевича Кошки, как
дозволяетъ предполагать указаніе Никоновской лѣтописи под
1390 годомъ: «женилъ В. К. Михаило Александровичь Твер
ской сына своего на Москвѣ у Ѳедора у *Кошки* Андреев
сына у *Собакина*.» Дмитрій Михайловичь, подписавшій ду
ховное завѣщаніе, вѣроятно одно и то же лице съ тѣмъ воево
дою Дмитріемъ Михайловичемъ Вольнскимъ, который водилъ
рать Дмитрія Донскаго на Рязань, по свидѣтельству Нико
новской лѣтописи подъ 1371 годомъ. Въ разрядѣ дѣйстви
тельно онъ названъ *Вольнскимъ*, но только не *Михайлови
чемъ*, а *Васильевичемъ*. Указанная рукопись разрядовъ не
принадлежитъ къ числу оффиціальныхъ книгъ Разряднаго
приказа, а составлена частнымъ лицемъ. Въ книгахъ такого
рода весьма часто встрѣчаются ошибки въ именахъ и отчест
вахъ, потому весьма возможно, что Дмитрій Михайловичь Во
лынскій названъ въ разрядахъ *Васильевичемъ* просто по ошибкѣ.

Сообщивъ вамъ выписку изъ разрядной книги, надѣюсь, что она покажется вамъ любопытною, подтверждая ваши собственныя изслѣдованія. *Александръ Поповъ.*

С.-Петербургъ.
Апрѣля 4 дня.

Найдти такое подтвержденіе своимъ выводамъ, ничего не можетъ быть пріятнѣе для изслѣдователя: благодаримъ усердно почтеннаго ученаго, отыскавшаго историческое свидѣтельство, столь любопытное. *М. П.*

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R L

[redacted]ведены предпочтительно. [illegible] пр. [illegible]

Digitized by Google

...ля, т. е. переходъ лунной тѣни
проведенныя поперегъ полосы,
...емени въ моментъ самаго большаго
...шнія.

NEW YORK
...BLIC LIBRARY
ASTOR, ...
TILDEN ...
R

Digitized by Google

АСТРОНОМІЯ.

КАРТА ПОЛНАГО СОЛНЕЧНАГО ЗАТМѢНІЯ, КОТОР
БУДЕТЪ ВЪ ЕВРОПѢ $\frac{16}{28}$ ІЮЛЯ 1851 ГОДА ПО

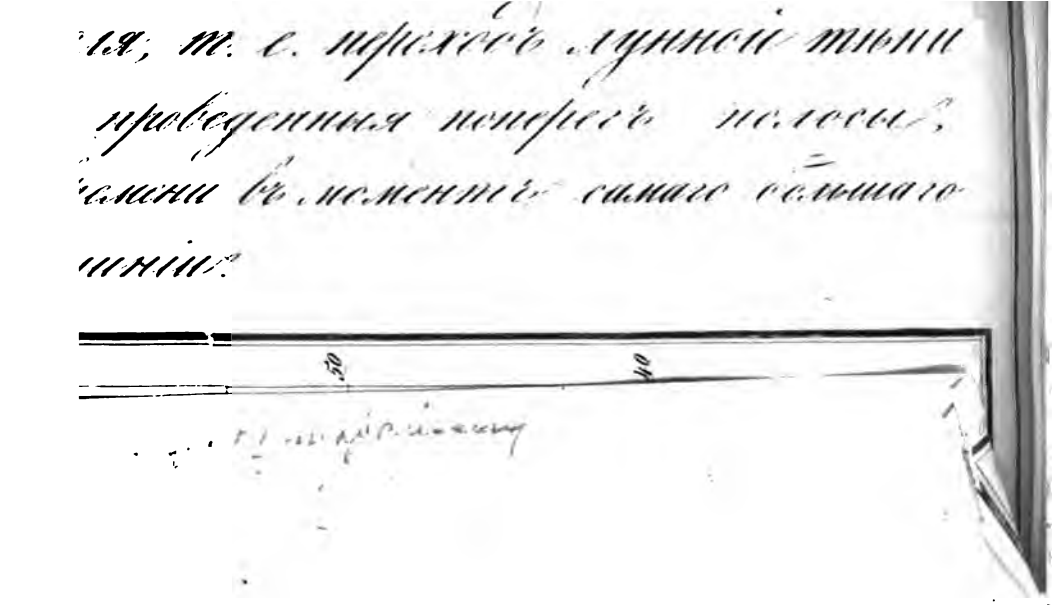
На этой картѣ изображена часть сѣвер
земли, начерченнаго на произвольной полярно

---

* Статья эта получена мною при слѣдующемъ п
М. Г. М. П. Зная, что въ 1851 г. буде
тмѣніе во многихъ мѣстахъ земной поверхн
юго-восточныхъ частяхъ Россіи, но не им
ычисленіями, я просилъ о томъ извѣстнаго
ова. Онъ исполнилъ мою просьбу вполн
леній, онъ составилъ прекрасную карту
бозрѣть весь ходъ затмѣнія. Препро
ыя къ ней объясненія, написанныя
не перемѣнилъ почти ни одного
бъясненія въ вашемъ «Москвит
ашего журнала, астрономы и
утъ на карту, прочитают
вѣкъ, почти безъ пособій
номъ одной изъ высоки
знаній для ея уразум
выходитъ въ первы
календарѣ, кажды
маломъ размѣр
Ѳ. А. Семено
для наблюд
отъ сост
если н
по
д

п
сол
дѣлені
астроном
тѣхъ же цѣл
быть произведе

Digitized by Google



NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

Digitized by Google

АСТРОНОМІЯ.

КАРТА ПОЛНАГО СОЛНЕЧНАГО ЗАТМѢНІЯ, КОТОРОЕ ВИДИМО БУДЕТЪ ВЪ ЕВРОПѢ $\frac{16}{28}$ ІЮЛЯ 1851 ГОДА ПО ПОЛУДНИ.*

На этой картѣ изображена часть сѣвернаго полушарія земли, начерченнаго на произвольной полярной проэкціи, по спо-

* Статья эта получена мною при слѣдующемъ письмѣ:

М. Г. М. Н. Зная, что въ 1851 г. будетъ видимо полное солнечное затмѣніе во многихъ мѣстахъ земной поверхности, и особенно въ южныхъ и юго-восточныхъ частяхъ Россіи, но не имѣя досуга заняться подробными вычисленіями, я просилъ о томъ извѣстнаго знатока астрономіи, Ѳ. А. Семенова. Онъ исполнилъ мою просьбу вполнѣ удовлетворительно. Кромѣ вычисленій, онъ составилъ прекрасную карту, на которой однимъ взглядомъ можно обозрѣть весь ходъ затмѣнія. Препровождая къ вамъ эту карту и приложенныя къ ней объясненія, написанныя также Ѳ. А. Семеновымъ, и въ которыхъ я не перемѣнилъ почти ни одного слова, прошу васъ помѣстить и карту и объясненія въ вашемъ «Москвитянинѣ.» Я совершенно увѣренъ, что читатели вашего журнала, астрономы и любители астрономіи, съ удовольствіемъ взглянутъ на карту, прочитаютъ объясненія, и порадуются, что Русскій человѣкъ, почти безъ пособій и самоучкой, сдѣлался — такъ сказать — хозяиномъ одной изъ высокихъ наукъ, требующей не малыхъ предварительныхъ знаній для ея уразумѣнія. Сколько мнѣ извѣстно, такая прекрасная карта выходитъ въ первый разъ на Русскомъ языкѣ. Въ Англійскомъ Морскомъ календарѣ, каждый годъ помѣщаются подобныя карты, но чрезвычайно въ маломъ размѣрѣ, и потому остаются почти безполезными; слѣдуя же картѣ Ѳ. А. Семенова, Русскіе астрономы могутъ заблаговременно принять мѣры для наблюденій весьма рѣдкаго явленія. Успѣхъ этихъ наблюденій зависитъ отъ состоянія атмосферы; поэтому надобно, чтобъ они были произведены если не во всѣхъ мѣстахъ, означенныхъ на картѣ и въ объясненіяхъ, то по крайней мѣрѣ по возможности въ наибольшемъ числѣ. Въ 1842 г., за недостаткомъ подробныхъ вычисленій и карты, наблюденія въ Россіи производились только въ пяти мѣстахъ и вездѣ были неудачны, кромѣ Липецка; а между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ также происходило полное затмѣніе, и гдѣ состояніе атмосферы было благопріятно, не случилось быть ни одному астроному. Въ 1842 г. иностранные астрономы были счастливѣе Русскихъ и сообщили замѣчанія о такихъ физическихъ явленіяхъ, которыя по своей необыкновенности требуютъ повѣрки. Наблюденія надъ полнымъ солнечнымъ затмѣніемъ въ астрономическомъ отношеніи полезны для опредѣленія географическихъ долготъ и для исправленія таблицъ; но какъ нынѣ астрономы владѣютъ другими благонадежными средствами для достиженія тѣхъ же цѣлей, то, кажется, наблюденія въ физическомъ отношеніи должны быть произведены предпочтительно. Вашъ, и пр. *Д. Перевощиковъ.*

Digitized by Google

собу Арровшмидта; на ней съ геометрическою точностью представлено полное солнечное затмѣніе будущаго 1851 г., 16 Іюля. Хотя это затмѣніе будетъ видимо на всемъ представленномъ на картѣ пространствѣ и даже далѣе, но полное произойдетъ только на полосѣ земли, означенной темною краскою, на полосѣ, которая имѣетъ въ разныхъ мѣстахъ ширины отъ 210 до 250 верстъ, а длиною около 11,000 верстъ. Всѣ мѣста, означенныя на этой полосѣ, увидятъ разновременно полное затмѣніе солнца; чѣмъ мѣсто находится ближе къ срединѣ полосы, тѣмъ въ немъ болѣе времени продолжится полное затмѣніе; впрочемъ такое полное затмѣніе, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ одномъ мѣстѣ не можетъ продолжаться болѣе 4-хъ минутъ.

На картѣ, въ полосѣ полнаго солнечнаго затмѣнія, означены только главные города Россійской Имперіи, Швеціи, Даніи и Пруссіи; другія же, менѣе значительныя мѣста, по причинѣ малаго маштаба карты, не могли быть на ней представлены, и потому внизу карты приложена таблица, показывающая подробнѣе тѣ мѣста, въ которыхъ произойдетъ полное солнечное затмѣніе. Да и въ этой таблицѣ показаны только тѣ мѣста, которыхъ географическое положеніе опредѣлено астрономическими наблюденіями; но есть весьма много и такихъ мѣстъ, которыхъ географическое положеніе не опредѣлено, а въ нихъ также будетъ видимо полное солнечное затмѣніе: для этихъ мѣстъ, соображаясь съ картою затмѣнія, можно вывести слѣдующее заключеніе.

Норвегія.

Полное солнечное затмѣніе будетъ видимо въ Бергенѣ и во всѣхъ мѣстахъ, лежащихъ около него на сѣверъ, сѣверо-востокъ востокъ и юго-востокъ до самаго моря и далѣе по морю.

Швеція.

Въ Готтенбургѣ и около него по всѣмъ направленіямъ, въ разстояніи болѣе 100 верстъ; далѣе оно будетъ простираться на юго-востокъ до самаго моря и по морю.

Пруссія.

Въ Кенигсбергѣ, Данцигѣ и близъ лежащихъ отъ нихъ мѣстахъ.

Digitized by Google

Россія.

Въ губерніи Гродненской, во всѣхъ мѣстахъ, лежащихъ отъ главнаго города Гродно на западъ, юго-западъ, югъ и юго-востокъ.

Въ Волынской, во всѣхъ мѣстахъ, лежащихъ отъ главнаго города Житомира на западъ, югъ и юго-востокъ.

Въ Кіевской, во всѣхъ мѣстахъ, лежащихъ отъ Кіева на западъ, юго-западъ и югъ.

Въ Екатеринославской, во всѣхъ мѣстахъ, лежащихъ отъ главнаго города Екатеринослава верстъ за 30 на западъ, юго-западъ, югъ, юго-востокъ, и по всему Днѣпру, ниже Екатеринослава, до самаго моря.

Въ Херсонской, въ мѣстахъ, лежащихъ отъ Херсона на сѣверо-западъ, сѣверъ, сѣверо-востокъ и востокъ.

Въ Таврической, въ мѣстахъ, лежащихъ отъ главнаго города Симферополя на сѣверъ и сѣверо-востокъ.

Въ Ставропольской, въ мѣстахъ, лежащихъ отъ Ставрополя на западъ, юго-западъ, югъ и юго-востокъ на пространствѣ 250 верстъ.

Въ Тифлисской, во всей окружности города Тифлиса, простирающейся во всѣ стороны болѣе нежели на 100 верстъ.

Мѣста, которыя означены на картѣ по правую сторону черты полнаго затмѣнія, какъ-то: Гродно, Минскъ, Кіевъ, Черниговъ, Екатеринославъ и Ставрополь, а по лѣвую Копенгагенъ, Берлинъ, Каменецъ-Подольскъ, Одесса, Симферополь и прочія, хотя и увидятъ очень большое затмѣніе солнца, но не полное; а потому во время затмѣнія дневный свѣтъ не можетъ у нихъ исчезнуть совершенно. Затмѣніе въ этихъ мѣстахъ будетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ мѣсто находится ближе къ границамъ полнаго затмѣнія, и о величинѣ такого затмѣнія можно судить по слѣдующимъ замѣчаніямъ: двѣ кривыя линіи, проведенныя на картѣ одна по правую, а другая по лѣвую сторону полосы полнаго затмѣнія, означаютъ, что въ тѣхъ точкахъ земли, чрезъ которыя проходятъ эти линіи, будетъ самое большое солнечное затмѣніе $^{9}/_{10}$ частей солнечнаго поперечника, т. е. останется непомраченнаго солнца только $^{1}/_{10}$ часть, слѣдовательно всѣ мѣста земли, лежа-

Digitized by Google

щія ближе этихъ линій къ полосѣ полнаго затмѣнія, увидятъ затмѣніе болѣе $^{9}/_{10}$ частей солнечнаго поперечника, а мѣста болѣе отдаленныя, менѣе.

О времени, въ которое произойдетъ самое большое помраченіе солнца для всякаго мѣста на землѣ, будетъ ли оно полное или не полное, можно судить по слѣдующимъ обстоятельствамъ: смотря на полосу полнаго затмѣнія по направленію линій, показывающихъ часы и получасы времени, можно заключить довольно приблизительно, между какими часами находится это мѣсто. Напримѣръ, въ Америкѣ, въ Ново-Архангельскѣ, самое большое затмѣніе произойдетъ около 4 часовъ 30 минутъ поутру; на островѣ Исландіи въ 1 часъ 20 минутъ пополудни; въ Кенигсбергѣ въ 4 часа 40 минутъ пополудни, въ Тифлисѣ около 6 часовъ 35 минутъ пополудни, и такъ далѣе.

Это явленіе вообще будетъ видимо, кромѣ полнаго, частнымъ затмѣніемъ во всей Сѣверной Америкѣ, Европѣ, сѣверной части Африки и въ восточной части Азіи; оно получитъ свое начало въ Сѣверной Америкѣ въ утреннихъ часахъ, въ полдень будетъ видимо въ Гренландіи и на океанѣ, омывающемъ западные берега Европы и Африки, далѣе пополудни пройдетъ по Европѣ, Африкѣ, Азіи и по морямъ Средиземному, Черному и Каспійскому.

Первое мѣсто, на которое упадетъ тѣнь луны, т. е. гдѣ начнется частное солнечное затмѣніе, лежитъ подъ сѣверною широтой $35^{\circ}\ 40'\ 51''$ и восточною долготой отъ Ферро, $271^{\circ}\ 20'\ 30''$ и находится въ Сѣверной Америкѣ, въ Мексикѣ, близъ рѣки Гранде-дель. Въ этотъ моментъ, въ этой точкѣ солнце только что взойдетъ, и средняго времени будетъ 5 ч. 8′ 28″ по полуночи; въ Москвѣ же въ это время будетъ 2 ч. 43′ 57″ по полудни.

Второе мѣсто, гдѣ сосредоточивается вся тѣнь луны, т. е. начинается, хотя и не центральное, но полное солнечное затмѣніе, имѣетъ сѣверную широту $52^{\circ}\ 47'\ 10''$ и восточную долготу $241^{\circ}\ 17'\ 11''$ и лежитъ близъ западнаго берега Сѣверной Америки на великомъ океанѣ, омывающемъ съ юго-западной оконечности Россійскія Американскія владѣнія; въ это время,

Digitized by Google

въ этой точкѣ солнце также только что взойдетъ и будетъ 4 ч. 17′ 53″ утра, а въ Москвѣ 3 ч. 53′ 35″ пополудни.

Третье мѣсто, гдѣ оканчивается полное солнечное затмѣніе, имѣетъ сѣверную широту 38° 4′ 40″ и восточную долготу 69° 32′ 1″ и находится на Каспійскомъ морѣ въ южной его оконечности близъ восточнаго берега. Въ это время, въ этой точкѣ солнце достигнетъ запада и будетъ 7 ч. 9′ 1″, тогда какъ въ Москвѣ будетъ 6 ч. 11′ 44″ пополудни.

Четвертое и послѣднее мѣсто, гдѣ лунная тѣнь оставляетъ землю и слѣдовательно затмѣніе совершенно окончится, имѣетъ сѣверную широту 20° 17′ 48″ и восточую долготу 43° 45′ 35″ и находится въ восточной Африкѣ, близъ юго-восточной оконечности степи Сахары. Въ это время для этой точки солнце также будетъ близъ запада, и часы покажутъ 6 ч. 38′ 33″, а въ Москвѣ 7 ч. 21′ 21″ пополудни.

Изъ этихъ четырехъ моментовъ видно, что солнечное затмѣніе 16 Іюля 1851 года продолжится на всей землѣ 4 ч. 37′ 24″, а полное только 2 ч. 18′ 9″.

При вычисленіи этого затмѣнія, элементы или данныя были взяты изъ солнечныхъ таблицъ Деламбра и лунныхъ Буркарда, а при составленіи приложенной карты всѣ главныя точки были вычислены по тригометрическимъ формуламъ, географическія же положенія разныхъ мѣстъ взяты изъ Connaissance des Temps, С.-Петербургскаго Мѣсяцеслова и Кавказскаго Календаря. Всѣ точки наносились на карту посредствомъ засѣчекъ хордъ географическихъ долготъ и полярныхъ разстояній. Берега морей, направленіе рѣкъ, и пр. сняты съ полярной карты, изданной Адольфомъ Стиллеромъ въ 1846 г.

Полное солнечное затмѣніе, въ опредѣленномъ мѣстѣ земли, есть явленіе чрезвычайно рѣдкое, и историческія извѣстія свидѣтельствуютъ, что ученые древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ всегда внимательно его замѣчали. Всѣ они согласно повѣствуютъ, что во время полныхъ солнечныхъ затмѣній, случавшихся даже и въ самый полдень, дневный свѣтъ мгновенно потухалъ и наступала темная ночь; по ясному своду небесному загорались звѣзды; органическая при-

Digitized by Google

рода принимала оцѣпенѣлый видъ, и люди въ смятеніи и страхѣ приходили въ ужасъ.

Послѣдняго полнаго солнечнаго затмѣнія, бывшаго въ 1842 году Іюня 26 дня поутру, мы сами были свидѣтелями, наблюдая его вмѣстѣ съ Профессоромъ Д. М. Перевощиковымъ въ Курскѣ. Къ сожалѣнію, въ этотъ день, съ ранняго утра, небо было покрыто, при совершенномъ безвѣтріи, густыми облаками, а потому и нельзя было надѣяться видѣть во всемъ величіи ожидаемое затмѣніе и сдѣлать надъ нимъ точныя астрономическія наблюденія; не смотря однакоже на эту неудачу, мы рѣшились дождаться до самаго его конца. Въ 8 часовъ утра дневный свѣтъ началъ ослабѣвать, и казалось, что мы постепенно погружались въ какой-то особеннаго рода мракъ, или синеватый туманъ; наконецъ въ то мгновеніе, когда должно быть началу полнаго затмѣнія, т. е. въ 8 ч. 25′ 12″, дневный свѣтъ изсякъ и сдѣлалось такъ темно, что мы подъ открытымъ небомъ не могли различать другъ друга въ лицо, и для замѣчанія времени на хронометрѣ зажгли свѣчу. Птицы въ садахъ замолкли. По улицамъ въ окнахъ многихъ домовъ заблистали огни. Въ этотъ день въ Курскѣ была простонародная ярмарка; почему и было довольно значительное стеченіе народа. Когда наступилъ неожиданный мракъ, то все пришло въ смятеніе и ужасъ; торговцы бросали свои лотки и лавочки, и забывъ товары, бѣжали, не зная сами куда и зачѣмъ. Простой народъ въ страхѣ и отчаяніи падалъ на колѣни, и со слезами исповѣдуя грѣхи свои, просилъ Бога о милосердіи. Совершенная темнота продолжалась только $1^1/_2$ минуты, по прошествіи которыхъ на юго-западной сторонѣ небеснаго свода, въ тучахъ, мгновенно блеснулъ слабый золотистый свѣтъ, который разливался постепенно по мрачному небосклону, и не болѣе какъ въ 3 секунды уже сдѣлалось довольно свѣтло.

Такъ всегда были дивны и поразительны для людей полныя солнечныя затмѣнія, которыхъ, въ прошлыя времена, страшились даже образованные люди. Но нынѣ, благодаря просвѣщеннымъ Европейскимъ правительствамъ и ученымъ обществамъ, Астрономія, доведенная до высокой степени ея

Digitized by Google

развитія, показала намъ истинныя причины многихъ небесныхъ явленій, и мы поняли всю нелѣпость и ложность ихъ предзнаменованій, выдуманныхъ суевѣріемъ. Не приходя въ ужасъ и отчаяніе, но спокойно наблюдая небесныя явленія и созерцая ихъ, стараемся изслѣдовать законы, вѣчно дѣйствующіе въ мірозданіи.

Слѣдующее расписаніе показываетъ, въ нѣкоторыхъ городахъ Россіи, въ среднемъ времени пополудни, моменты начала затмѣнія, самаго большаго помраченія въ дюймахъ, которыхъ двѣнадцать считается въ поперечникѣ солнца.

Въ Царствѣ Польскомъ, въ Варшавѣ, это затмѣніе будетъ полное и имѣетъ сопровождаться слѣдующими явленіями:

Начало затмѣнія вообще послѣдуетъ въ	3	ч.	43′	36″ 3.
Начало полнаго	4	ч.	45′	21″ 3.
Средина полнаго	4	ч.	46′	0″ 7.
Конецъ полнаго	4	ч.	46′	40″ 1.
Конецъ всего затмѣнія вообще	5	ч.	43′	58″ 1.
Затмѣніе продолжится все вообще	2	ч.	0′	21″ 6.
Но одно полное			1′	18″ 8.

Въ Закавказскомъ краѣ въ Тифлисѣ, надъ домомъ Намѣстника, затмѣніе произойдетъ полное и сопровождаться будетъ слѣдующими явленіями:

Начало затмѣнія вообще послѣдуетъ въ	5	ч.	44′	15″ 3.
Начало полнаго	6	ч.	37′	06″ 0.
Средина полнаго	6	ч.	38′	14″ 0.
Конецъ полнаго	6	ч.	39′	21″ 7.
Конецъ всего затмѣнія вообще	7	ч.	28′	43″ 2.
Затмѣніе продолжится все вообще	1	ч.	44′	27″ 9.
Но одно полное			2′	15″ 7.

Въ Курскѣ затмѣніе это будетъ въ самомъ большомъ своемъ помраченіи 11,3 дюйма, т. е. останется непомраченнаго солнца съ сѣверной стороны только $^{6}/_{100}$ частей видимаго поперечника солнца; и явленіе затмѣнія будетъ сопровождаться слѣдующими моментами:

Digitized by Google

Начало затмѣнія..... 4 ч. 53′ 24″ 7.
Самое большое помраченіе..... 5 ч. 51′ 34″ 0.
Конецъ затмѣнія..... 6 ч. 44′ 27″ 2.
Продолженіе всего затмѣнія..... 1 ч. 51′ 02″ 5.

НАЗВАНІЕ ГОРОДОВЪ.	Время начала затмѣн.	Время самаго бол. пом.	Время окончан. затмѣн.	Величина самаго большаго помраченія.
Брестъ-Литовскій	3 ч. 55′	4 ч. 57′	5 ч. 55′	Полное.
Дерптъ	3 ч. 59′	5 ч. 0′	5 ч. 57′	11,0 дюймовъ.
Житомиръ	4 ч. 22′	5 ч. 22′	6 ч. 16′	Полное.
Казань	5 ч. 41′	5 ч. 35′	7 ч. 25′	9,6 дюйма.
Кіевъ	4 ч. 30′	5 ч. 29′	6 ч. 24′	11,94 дюйма.
Москва	4 ч. 51′	5 ч. 49′	6 ч. 42′	10,6 дюйма.
Одесса	4 ч. 37′	5 ч. 56′	6 ч. 31′	11,8 дюйма.
С.-Петербургъ	4 ч. 12′	5 ч. 12′	6 ч. 07′	10,4 дюйма.
Харьковъ	4 ч. 55′	5 ч. 55′	6 ч. 47′	11,5 дюйма.

Въ заключеніе описанія карты полнаго солнечнаго затмѣнія, я за нужное нахожу присовокупить слѣдующее: въ 1846 году, помѣщено было во многихъ періодическихъ изданіяхъ, въ томъ числѣ и въ Сѣверной Пчелѣ въ 18 N, что будто знаменитый Французскій астрономъ Араго, въ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ, объявилъ, что полное затмѣніе солнца въ 1842 году было послѣднимъ въ Европѣ въ теченіе этого столѣтія, и чтобъ видѣть полныя затмѣнія, надобно будетъ въ 1851 году ѣхать въ Сѣверную Америку или въ Сибирь, въ 1861 году въ Сахару и въ 70 году въ Алжиръ. Находя такое удостовѣреніе совершенно противнымъ вычисленіямъ, я въ томъ же году помѣстилъ мои возраженія въ Сѣверной Пчелѣ въ N 104 и въ Journal de S. Pétersbourg.

Ѳедоръ Семеновъ.

1850 года,
Курскъ.

Я знаю лично этого замѣчательнаго Русскаго человѣка. Въ 1829 году я былъ у него на чердакѣ-обсерваторіи, въ Курскѣ, упросилъ написать записки объ его жизни, напечаталъ его біографію въ журналѣ того времени, кажется въ Телескопѣ. О Семеновѣ поговорили, Семенова похвалили, — а жить онъ остался все-таки на своемъ чердакѣ, — впрочемъ и съ чердака онъ разсматриваетъ небо, кажется, порядочно. *М. П.*

Digitized by Google

ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ.

АРАВЫ И ИХЪ ФИЛОСОФІЯ.

Если гдѣ особенно ощутительна бываетъ неполнота и отрывочность нашихъ историческихъ познаній, такъ это въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится выступать за черту Европейскихъ обществъ. Внѣшній, общій ходъ исторіи восточныхъ народовъ конечно болѣе или менѣе извѣстенъ: но что касается до ихъ внутренней жизни, до религіи и нравовъ, наукъ и искусствъ, — о всемъ этомъ мы имѣемъ весьма неполныя свѣдѣнія. Въ этомъ отношеніи едва ли не менѣе всѣхъ другихъ разработана исторія Арабовъ, и преимущественно исторія ихъ науки. — Люди, хорошо знакомые съ Арабскимъ и другими восточными языками, чистосердечно сознаются, что въ произведеніяхъ Арабскихъ ученыхъ, кромѣ общей трудности — войти въ образъ мыслей, совершенно оригинальный, несходный съ настоящимъ, особенную трудность представляетъ самый языкъ ихъ, искусственный, далеко отступающій отъ общаго словоупотребленія; а переводы, въ которыхъ большею частію дошли до насъ сіи произведенія, какъ извѣстно, не отличаются ни точностію, ни легкостію. а) Между

а) Изъ собственныхъ историческихъ сочиненій Арабовъ, служащихъ источниками свѣдѣній о ихъ философіи, особенно извѣстны слѣдующія: Ioh. Leonis de viris quibusdam illustribus inter Arabes,» въ Латин. переводѣ Готтингера. «Abulfaraei historia Arabum in dynastia, divisa digestaque» Эдуардомъ Пококкомъ, Oxon. 1663, 4, и имъ же изд. «Specimen historiae Arabum, sive Gr. Abulfaraei, Malatiensis, de origine et moribus Arabum succincta narratio,» — книга весьма рѣдкая и богатая свѣдѣніями о сектахъ, догматахъ, нравахъ и вообще объ учености Арабовъ. Elmacini historia saracenica, перев. Эрпеніемъ, изд. Голіемъ. Lugd. Bat. 1625, fol. Евтихія Патріарха Александрійскаго «Annales,» перев. и изд. Эдуардомъ Пококкомъ, Oxon. 1658. 4. — Труды и изслѣдованія Европейскихъ ученыхъ, относящіеся сюда: Генр. Готтингера «Historia orientalis et bibliotheca orientalis;» Герм. Конрингія «Antiqvitates academicae;» Христоф. Волфія «Bibliotheca hebraea;» Густ. Перингера «Historia linguae et eruditionis arabicae;»

Digitized by Google

тѣмъ и сама по себѣ философія Арабовъ представляетъ явленіе замѣчательное, достойное изученія, и вліяніе ея на Европейскую средневѣковую философію слишкомъ обширно и глубоко, для того, чтобы безъ вниманія обходить этотъ, доселѣ темный, отдѣлъ исторіи науки.

Наука появилась въ Аравіи довольно поздно. Начало ея совпадаетъ съ началомъ общественнаго устройства этой страны. Долгое время жили тамъ отдѣльныя полудикія племена, чуждыя образованія и связей общественныхъ, защищаемыя отъ чужеземнаго владычества самымъ положеніемъ страны и дикой любовью къ свободѣ. Магометъ собралъ ихъ подъ знамя своего ученія, и образовалъ изъ нихъ крѣпкій религіозно-гражданскій союзъ; вслѣдъ за тѣмъ владычество Арабовъ быстро разлилось по Азіи до предѣловъ Индіи, и по берегамъ Средиземнаго моря. По значенію, которое имѣлъ переворотъ на Востокѣ, его можно сравнить съ народопереселеніемъ въ западной Европѣ: но между тѣмъ и другимъ движеніемъ есть значительная разность. Двумя столѣтіями позже, нежели Европейскіе народы, Арабы начали свои завоеванія: но въ гражданскомъ устройствѣ они опередили первыхъ. Быстрота движенія — ихъ отличительная, народная черта. Къ этому присоединилось другое весьма важное обстоятельство: тогда какъ Германскія племена производили набѣги врозь, — отдѣльными толпами, а потому и въ завоеваніяхъ своихъ не только не соединялись, но еще дробились болѣе и болѣе, — Арабы выступаютъ на поприще завоеваній уже какъ одинъ цѣльный народъ, нашедшій для себя точку опоры и соединенія. То была главнымъ образомъ ихъ вѣра. Извѣстно, что вѣра въ Магомета не ограничивалась предѣлами религіи, — это была вмѣстѣ вѣра въ его гражданскія учрежденія и цѣли. Магометанство не различаетъ духовныхъ и мірскихъ интересовъ, духовнаго и земнаго владычества; по самому

Готфр. Лакемахера «de fatis studiorum apud Arabes;» Евр. Гинкельмана «praefatio ad Alcoranum;» — позднѣйшіе: Wüstenfeld «Geschichte d. Arabischen Aerzte;» Schmolders «essai sur les écoles philosophiques chez les Arabes;» его же «documenta philosophiae Arabum,» и друг.

Digitized by Google

существу своему, оно не иначе могло быть распространяемо, какъ огнемъ и мечемъ; обращать невѣрныхъ для послѣдователей Магомета значило покорять ихъ. Если присовокупить къ сему, что вѣру свою Арабы не заимствовали у народовъ покоренныхъ, но выносили съ собою изъ нѣдръ отечества, то само собою понятно, что эта вѣра должна была оставаться крѣпкимъ узломъ ихъ любви къ отечеству и народности, когда, разсѣявшись по чуждымъ странамъ, они во многомъ должны были отступить отъ своихъ древнихъ нравовъ и обычаевъ, много заимствовать у покоренныхъ народовъ по части гражданственности, наукъ, искусствъ, образа жизни и т. п. Въ этомъ случаѣ ихъ ждала судьба одинаковая съ Европейскими завоевателями: подобно имъ, они естественно старались усвоять себѣ все, что представляла въ себѣ Греко-Римская образованность; но при семъ не могли такъ много забыть свое прошедшее, отечественное, какъ это случалось съ Германскими переселенцами. Послѣдніе, покидая своей неустроенный бытъ, свою дикую страну, которая справедливо называлась въ то время варварскою, оставляли тамъ мало такого, воспоминаніе чего было бы слишкомъ дорого для нихъ, ознакомившихся съ удобствами лучшей жизни, — образованной. Не такъ было съ Арабами; выходя изъ отечества, они несли уже съ собой существенныя принадлежности народа, — религію, законы и поэзію. Аравія всегда оставалась для нихъ не просто отечественной землей, но страной любимой и священной; тамъ жилъ ихъ обожаемый пророкъ и законодатель; туда каждый правовѣрный хоть разъ въ жизни долженъ совершить путешествіе; ихъ законы и генеалогія привязывали ихъ къ родинѣ и напоминали о ней; языкъ ихъ былъ уже такъ обработанъ, что вѣкъ Магомета считается золотымъ вѣкомъ ихъ поэзіи, и поэтическія произведенія этого времени до конца существованія сего народа не могли быть заглушены въ его памяти. Посему занятое имъ на чужбинѣ не могло такъ глубоко измѣнить его первоначальный характеръ, какъ это случилось съ Германскими племенами: за неизбѣжными перемѣнами въ образѣ жизни и нравахъ, религія и законы гражданскіе въ ихъ существѣ остались не-

Digitized by Google

прикосновенными; даже языкъ не потерпѣлъ измѣненія: долго считалось рѣдкостью, если кто изъ Арабовъ зналъ Греческій языкъ. При сихъ готовыхъ основаніяхъ общественность у Арабовъ сложилась гораздо скорѣе, нежели у народовъ Европейскихъ; но за то и не такъ прочно, какъ у послѣднихъ: земное начало магометанской религіи особенно ясно обнаружилось въ судьбѣ сего народа быстрымъ возвышеніемъ его могущества и благосостоянія, и увы! столь же быстрымъ паденіемъ его....

Съ началомъ общественности у Арабовъ, замѣтили мы, соединяется и происхожденіе науки. Все время до Магомета сами они называютъ временемъ невѣжества б); невѣжество это простиралось до того, что даже письмо стало извѣстно Арабамъ не задолго до Магомета, такъ что при выходѣ Корана, въ цѣлой области не нашлось ни одного умѣющаго читать и писать по-Арабски в). Самъ Магометъ былъ безграмотный г). Если и были въ то время въ Аравіи грамотные люди, то только изъ Іудеевъ и христіанъ, жившихъ большею частію въ Мединѣ д). Все образованіе Арабовъ первоначально ограничивалося народной поэзіей, т. е. умѣньемъ слагать пѣсни и рѣчи, отчасти звѣздочетствомъ. Поэзія особенно пользовалась уваженіемъ: краснорѣчивѣйшіе изъ племени силою слова управляли умами прочихъ и назывались chateb (ораторъ, поэтъ); поэтъ былъ славою и украшеніемъ всего племени; въ честь его устроялись пиры и торжественныя процессіи, слагались пѣсни, въ которыхъ выражалась радость, что есть человѣкъ, который можетъ предать памяти

б) Abulfar. Dyn. p. 101. Quod ad Arabes, qui supersunt, duplex eis convenit status, — ignorantiae, alter islamismi.

в) Pocock. Specim. p. 153.

г) *Nasiyan Ononian* — «propheta illiteratus,» какъ называютъ его сами Арабы. Эльмацинъ поименно пересчитываетъ писцевъ, пособіемъ которыхъ онъ пользовался. Hisloria Sarac. L. 1. c. 1 p. 156.

д) Отсюда и раздѣленіе между народомъ книжнымъ «populus libri» и необразованными людьми «idiotae.» Pococ. Specim. p. 156.

Digitized by Google

дѣянія соплеменниковъ; бывали даже ежегодныя собранія, на которыхъ, въ продолженіе мѣсяца, ораторы состязались въ своемъ искусствѣ. Но это первобытное краснорѣчіе Арабовъ, для котораго они были надѣлены отъ природы пламенной фантазіей и живымъ чувствомъ, не говоритъ еще въ пользу ихъ образованности: оно вовсе не было знакомо съ правилами искусства; ихъ рѣчи и пѣсни были дѣломъ вдохновенія или навыка, — чистой импровизаціей; красота и круглота фразы, остроуміе загадки — вотъ тайна ихъ дѣйствія на душу. е) Подобно сему, астрономическія и метеорологическія свѣдѣнія, какія имѣли Арабы, напр. о восхожденіи и захожденіи неподвижныхъ звѣздъ, о связи ихъ появленія съ дождями, о различіи странъ свѣта ж) и т. п., были не дѣломъ науки, а плодомъ долгаго опыта, — плодомъ кочевой жизни среди безграничныхъ пустынь, гдѣ однѣ звѣзды могли ихъ путеводствовать. з) И такъ до Магомета между Арабами не было просвѣщенія. Распространеніе его не входило и въ число плановъ самого Магомета: самъ чуждый всякаго образованія, лжепророкъ пользуется своимъ невѣжествомъ, чтобы доказать имъ высшее, божественное происхожденіе даннаго имъ закона, и опасаясь, чтобы обманъ не былъ изобличенъ наукою, запрещаетъ своимъ послѣдователямъ ученыя занятія, подъ страхомъ лишенія рая. и) Арабы вѣрили, что все, что знать нужно и спасительно для чело-

---

е) Тамъ же p. 156.

ж) Abulph. hist. Dyn. p. 101.

з) Нѣкоторыя философическія и религіозныя идеи, которыя Арабы соединяли съ понятіемъ о звѣздахъ, — каковы главнымъ образомъ — о духахъ, одушевляющихъ планетныя тѣла, о посредничествѣ ихъ между Божествомъ и людьми, и вліяніе на судьбу послѣднихъ и т. п. — были частною принадлежностію одной секты Савеевъ, вѣрованія которой представляютъ смѣсь преданій древне-Египетской, Пиѳагорейской и Гностической философіи.

и) Convinq. antiqu. acad. diss. 1. p. 31. Pococ. Specim. p. 165. Lackemach. hist. sarac. L. 1. c. 1. p. 10.

Digitized by Google

вѣка, заключается въ Алкоранѣ, и — «что все это открыть «Богъ человѣку простому, ничему не учившемуся, не раскры- «вавшему ни одной книги, не предпринимавшему никакихъ «путешествій для пріобрѣтенія познаній, всегда бывшему въ «числѣ невѣждъ.» i) Примѣръ былъ облзателенъ, особенно подкрѣпляемый формальнымъ запрещеніемъ. Такими средствами при общемъ невѣжествѣ народа, можно было достигнуть того, что Коранъ признанъ чудомъ ума и краснорѣчія, превышающимъ всякое подражаніе. к)

Но, вопреки симъ насильственнымъ мѣрамъ, наука нашла себѣ проходъ въ томъ самомъ, чѣмъ хотѣли заглушить и подавить ее. Что прежде всего пробудило дремлющую мысль въ Арабахъ, это былъ ихъ священный Коранъ: текстъ его былъ первымъ предметомъ ученыхъ изслѣдованій; и уже въ половинѣ перваго вѣка гиджры Арабы имѣли своихъ грамматиковъ л); а во второмъ вѣкѣ у нихъ процвѣтали цѣлыя грамматическія школы, соперничавшія другъ съ другомъ. Сюда присоединились богословскія изслѣдованія и споры, возникшіе вскорѣ по смерти лжепророка. м) Мы знаемъ о существованіи древняго *Келама*, т. е. древнѣйшей догматики Арабской, которая, не касаясь еще ни Греческой философіи, ни физики, ни математики, направлена исключительно противъ религіозныхъ сектъ исламизма. н) Въ самомъ дѣлѣ,

---

i) Слова Ар. ученаго Эль-Газали. Pocock. Specim. p. 121.

к) Тотъ же Эль-Газали разсказываетъ, что Магометъ, собравъ краснорѣчивѣйшихъ «ораторовъ» своего времени, напрасно вызывалъ изъ среды ихъ, кто усомнился бы въ божественномъ происхожденіи Корана, — составить хотя десять или даже одну главу подобную содержащимся въ немъ. «И сказалъ Богъ— «прибавляетъ Арабскій ученый, — если собрать людей и де- «моновъ, чтобы они составили что-либо подобное Корану, то «даже общими силами они не въ состояніи будутъ сего сдѣлать.»

л) Wüstenfeld d. Akademien d. Araber. 4.

м) Pocock. specim. p. 190 213 sqq. 370.

н) Delitzsch. Anekdota zur Gesch. d. mittellalt. Scholastik unter Juden und Moslemen, s. 234.

Digitized by Google

эклектическій характеръ исламизма много способствовалъ образованію различныхъ мнѣній и толковъ въ его нѣдрахъ; самый образъ распространенія его, быстрый и насильственный, имѣлъ то неизбѣжное слѣдствіе, что народы разныхъ странъ и вѣрованій, принимая новый законъ, долго еще удерживали при немъ свои старыя понятія и убѣжденія. Все это возбуждало и поддерживало богословскіе споры, и въ сихъ спорахъ зарождались начатки науки, философіи. Другой предметъ, также рано обратившій на себя ученыя изслѣдованія, было правовѣдѣніе, — по тѣсной связи гражданскаго законодательства у Арабовъ съ религіею; время основанія четырехъ главныхъ юридическихъ сектъ простирается отъ начала втораго и до третьяго вѣка гиджры. о)

Въ третьемъ вѣкѣ къ сей отечественной самородной наукѣ Арабовъ присоединилась Греческая философія. Замѣчательно, что это случилось уже послѣ раздѣленія Аравійскаго государства: за разрывомъ гражданскимъ послѣдовало теперь ученое раздѣленіе. Послѣ того какъ Омміяды были лишены власти и почти истреблены Абассидами, и въ образѣ мыслей Арабовъ произошелъ существенный переворотъ, подъ вліяніемъ пришедшей къ нимъ Греческой философіи: хотя понятія послѣдней были преобразованы сообразно началамъ правовѣрія, но въ нихъ всегда оставалось многое чуждое послѣднему, хотя сама догматика Арабская пользовалась Аристотелевыми понятіями, для своей ученой разработки, но между строгими послѣдователями сей догматики и собственно *философами* Арабскими навсегда сохранилось рѣшительное раздѣленіе. Первоначальнымъ побужденіемъ, которое заставило Арабовъ обратиться къ Греческой наукѣ, была потребность въ медицинѣ. Весьма рано при Дворѣ Арабскихъ Калифовъ мы видимъ Сирійскихъ, Іудейскихъ и Греческихъ врачей въ большой чести. п) Сверхъ врачебнаго искусства они занима-

о) Pocock. specim. p. 288 sqq.

п) Эль-Макаръ второй Калифъ изъ рода Абассидовъ имѣлъ при себѣ двоихъ врачей изъ христіанъ. Elmac. Histor. Sarac. L. II.

Digitized by Google

лись переводами медицинскихъ и философскихъ сочиненій Грековъ: чрезъ это философія стала въ такую тѣсную связь съ медициной, что трудно указать какого-нибудь изъ Арабскихъ врачей, который бы не занимался философіей, и кого-нибудь изъ философовъ, который не былъ бы и врачемъ. Если присоединить сюда склонность Арабскихъ ученыхъ къ астрономіи и астрологіи, удовлетворенія которой они также искали въ Греческой литературѣ p); то само собою откроется, что Арабская философія выросла въ тѣсной связи съ естествознаніемъ, и потому постоянно сохраняла практическое направленіе, — черта, рѣзко отличающая ее отъ схоластики, которой она не мало помогла выдти изъ области безплодныхъ умозрѣній. Медико-философскіе переводы появились между Арабами весьма рано: самыя вѣрныя извѣстія о нихъ восходятъ до времени Калифа Эль-Мамуна, сына Эль-Рашидова, 813—831 г. по Р. Х. Этотъ Калифъ извѣстенъ какъ ревностнѣйшій покровитель просвѣщенія; онъ отвсюду призывалъ ученыхъ къ своему Двору, собиралъ книги и составилъ, подъ предсѣдательствомъ знаменитаго медика Іоанна Месуэ, c) ученое общество. Въ это время переведены нѣкоторыя сочиненія Аристотеля. т)

---

p. 102. При Эль-Рашидѣ, патомъ Калифѣ изъ сего рода, по случаю излеченія любимой имъ невольницы, Eutijch. Alexandr. Annal. T. II. p. 407, и также по случаю излеченія самого Калифа христіанскими медиками, послѣдніе пользовались особеннымъ уваженіемъ. Elmac. Hist. sarac. L. II, c. 6. p. 122.

p) При Дворѣ Эль-Мансура кромѣ двоихъ врачей былъ еще астрологъ. Elmac. L. cit. Самый Эль-Мансуръ кромѣ законовѣдѣнія занимался астрономіей. Abulph. hist Dynast. IX. p. 160 246.

c) Онъ былъ родомъ изъ Дамаска, сынъ также извѣстнаго между Сиріанами и Арабами врача Гавріила. Abulph. loc. cit. p. 156. Замѣчателенъ отвѣтъ, который далъ Эль-Мамунъ придворнымъ, выразившимъ свое неудовольствіе на то, что главою просвѣщенія онъ сдѣлалъ христіанина: «если я довѣряю ему, отвѣчалъ Калифъ, свое тѣло, въ которомъ обитаетъ духъ и душа: то отъ чего не повѣрить ему переводъ словъ, не имѣющихъ отношенія ни къ нашей, ни къ его вѣрѣ.»

т) Leo Afric. de viris illustribus inter Arabes. c. 1. разсказываетъ по случаю сихъ переводовъ, будто Эль-Мамунъ однажды уви-

Digitized by Google

Изъ числа ученыхъ переводчиковъ, принадлежащихъ къ сему времени, особенно извѣстенъ Сиріецъ Гонаинъ у); какъ и вообще переводами занимались тогда преимущественно Сирійскіе ученые; ф) впрочемъ и Арабы принимали въ нихъ дѣятельное участіе; изъ послѣднихъ особенною славою пользуется Эль-Кинди. х) Самъ Эль-Мамунъ отличается знаніемъ астрономіи, географіи, математики; война съ имперіей подала новый ему случай пріобрѣсти творенія Греческихъ и Латин-

---

дѣлъ во снѣ старца, который называлъ себя Аристотелемъ, и, когда проснувшись, онъ узналъ отъ приближенныхъ, кто таковъ былъ Аристотель, то тотчасъ же позвалъ Гонаина, которому поручилъ перевести творенія сего философа, опредѣливъ ему за каждый переводный томъ столько золота, сколько каждый будетъ вѣсить. Horn. hist. philos. L. V. c. 9. Freynd. hist. medic. P. 11. p. 10. Эта басня, принадлежащая или самому Эль-Мамуну или другимъ ученымъ сего времени, служитъ между прочимъ свидѣтельствомъ, что они принимались за иноземную философію съ крайней осторожностью, такъ что въ оправданіе свое предъ общимъ мнѣніемъ, большею частію враждебнымъ ей, принуждены были прибѣгать къ подобнымъ выдумкамъ, имѣвшимъ дѣйствіе на суевѣріе народа.

у) Онъ переводилъ Евклида, Птоломея, Иппократа, Галена и др.

ф) Такъ какъ и самые переводы производились въ Багдадѣ — резиденціи Калифовъ, гдѣ былъ въ употребленіи Сирійскій языкъ. Изъ всѣхъ школъ, процвѣтавшихъ при Эль-Мамунѣ въ Басрѣ, Куфѣ и Багдадѣ, особенно знаменита послѣдняя: изъ нея вышла большая часть извѣстныхъ ученыхъ Арабскихъ, каковы: Эль-Фараби, Эль-Радзи и др. Въ началѣ 12 вѣка она обращена въ Академію, пользовавшуюся огромными привиллегіями и доходами, и имѣвшую до 6000 учениковъ.

х) Эль-Кинди родился въ Басрѣ въ нач. 9 вѣка, по Р. Х. Объ учености его Арабскіе писатели выражаются такъ: «Іаковъ, отецъ Іосифа Кинди, по знанію всѣхъ древнихъ наукъ корень своего вѣка, Финикъ своего времени, Философъ Арабскій.» Онъ оставилъ сочиненія по разнымъ наукамъ, по логикѣ, философіи, геометріи, ариѳметикѣ, астрономіи и др. Hotting. Bibl. orient. c. 2, p. 283. Извѣстны его комментаріи на Аристотелевы книги. de categoriis, de interpraetatione, analytica priora et posteriora, de

Digitized by Google

ских писателей, за которыя платилъ онъ щедро. ц) При пріемникахъ его Эль-Мотазимѣ и Эль-Мотавакемѣ переводы умножились. — Чтобы приблизить къ смыслу соотечественниковъ ученіе, совершенно чуждое ихъ понятіямъ, — какова была для нихъ физика и метафизика Греческая, — переводчики должны были быть вмѣстѣ и толковниками. Прилежаніе ихъ было неутомимо: во все время владычества Арабовъ, или по крайней мѣрѣ до конца XII вѣка, ученые ихъ не переставали обращаться къ источникамъ Греческой мудрости. Такое прилежаніе не могло остаться безъ плода для науки; оно ознакомило Арабовъ съ произведеніями, принадлежащими къ лучшему времени Греческой философіи: кромѣ медицинскихъ, астрономическихъ и математическихъ сочиненій, имъ извѣстны были въ переводахъ творенія Пиѳагора, Эмпедокла, Демокрита, Плутарха, Аполлонія Тіанскаго, особенно же Платона и Аристотеля, такъ же какъ и ихъ Александрійскихъ толковниковъ — Фемистія, Порфирія, Ямвлиха, Прокла. Аристотель, какъ болѣе удовлетворительный по части естествознанія, пользовался у нихъ особеннымъ уваженіемъ, и былъ переведенъ на Арабскій языкъ сполна. Но судя строго, Арабскіе переводы и толкованія были далеко не такъ совершенны, чтобы чрезъ нихъ можно было глубоко войти въ смыслъ Греческой философіи; прежде всего, Греческій языкъ, знаніе котораго въ это время упало въ самой Византіи, былъ малоизвѣстенъ Арабскимъ ученымъ, и ихъ переводы дѣлались большею частію не прямо съ Греческаго, но уже съ Сирскаго или Еврейскаго: при этомъ, очевидно, неизбѣжны были далекія отступленія отъ подлинника. Кромѣ знанія языка, имъ не доставило еще знанія нравовъ, общественности, вообще исторіи Грековъ: такъ какъ Арабы, хотя и болѣе, сравнительно съ другими восточными народами, но все же

---

praedicamentis, de sophistica; также нѣкоторыя оригинальныя философич. и медиц. сочиненія; см Hotting loc. cit. Fabric. bibl. Graec. Vol. XIII p. 48, 54.

ц) Abulph. histor. Dyn. IX. p. 160

Digitized by Google

недостаточно склонны были къ точнымъ историческимъ ни слѣдованіямъ; а безъ сихъ вспомогательныхъ свѣдѣній можно ли было прямо обратиться къ умозрѣнію, тѣсно съ ними связанному, прямо стать на высоту идей древняго міра? Послѣ того не удивительно, если многое въ Греческой философіи осталось для нихъ темнымъ и загадочнымъ, на что приходилось дѣлать свои, большею частію произвольныя и фантастическія объясненія. Неоплатоническіе толковники, къ которымъ они постоянно обращались за подобными объясненіями, еще болѣе запутывали дѣло, внося въ свѣтлую философію Платона и Аристотеля свои мечтательныя понятія, ошибочные взгляды. Вслѣдствіе всего этого переводы и толкованія древнихъ философскихъ произведеній, оставленные Арабами, при всемъ вліяніи ихъ на образованіе послѣднихъ, не отличаются ни точностію, ни ясностію. ч)

Говоря о пособіяхъ и средствахъ, содѣйствовавшихъ развитію науки между Арабами, нельзя умолчать о знакомствѣ ихъ съ философіей Индо-Персидской. Когда Персія и часть Индіи подпала ихъ владычеству, большая часть туземцевъ приняла магометанство: это общественно-религіозное сближеніе съ Востокомъ не могло остаться безъ вліянія на научное образованіе завоевателей. За всѣми спорами о степени сего вліянія, безспорнымъ остается то, что Арабамъ были извѣстны не только система Индійскаго счисленія, но и многія философскія ученія древней Индіи, слѣды которыхъ очевидны въ произведеніяхъ Арабскихъ ученыхъ. ш)

При обозрѣніи главныхъ отраслей Арабской философіи, особенно затрудняетъ историка множество религіозныхъ ученыхъ сектъ: всѣхъ ихъ насчитываютъ до 73. Первоначаль-

---

ч) Гузцій обвиняетъ ихъ въ растянутости, неточности, излишнихъ украшеніяхъ. De clar. interpr. L. II. p. 198. Тоже см. и у Renandot. Epist. ad Dacier. Fabric. bibl. Graec. Vol. I p. 112.

ш) Особенно близко къ Индійской философіи ученіе секты Dahavije; см. Delitsch. Anekdot. XLI 307. Schmold. ess. p. 39.

Digitized by Google

ная причина такого разновѣрія и разномыслія заключается, какъ замѣчено выше, въ характерѣ магометанской религіи,— религіи сборной, составленной изъ языческихъ, Іудейскихъ и наконецъ христіанскихъ догматовъ, и потомъ въ быстромъ и насильственномъ распространеніи ея; когда Аравійское государство распалось на множество отдѣльныхъ владѣній, секты и расколы естественно умножились, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ религіозныя и ученыя идеи въ разныхъ странахъ подверглись различнымъ видоизмѣненіямъ. Изъ всего множества Арабскихъ сектъ выступаютъ, какъ главныя и болѣе замѣчательныя, слѣдующія четыре: *Суфи*, *Мотакаллимъ*, *Мутацилъ* и собственно *философская секта*. Впрочемъ, что касается до *Суфіевъ*, они не составляли отдѣльной ученой секты: это былъ классъ людей, проводившихъ уединенную, пустынную жизнь; сохраняя одинакій уставъ въ образѣ жизни, они въ ученомъ отношеніи могли имѣть различныя убѣжденія и принадлежали къ разнымъ ученымъ партіямъ. Слѣдующія двѣ секты были собственно богословскія: хотя послѣдователи ихъ принимали участіе и въ философіи; но главнымъ предметомъ ихъ постоянно были догматы вѣры, потому мы и будемъ называть ихъ *догматиками*. *Философами* Арабы называли собственно тѣхъ ученыхъ, которые занимались Греческою и преимущественно Аристотелевою философіей; имъ можно дать названіе *аристотеликовъ*: *аристотелики* были въ постоянной враждѣ съ *догматиками*.

Между Арабскими учеными Эль-Кинди первый извѣстенъ, какъ переводчикъ и толкователь Аристотеля. Въ собственномъ его ученіи нѣтъ оригинальныхъ идей; онъ былъ, кажется, болѣе математикъ, нежели философъ. Спустя цѣлый вѣкъ послѣ него является Эль-Фараби, съ котораго собственно и начинается Аристотеле-Арабская философія и который оставался образцомъ даже для позднѣйшихъ аристотеликовъ. Далѣе слѣдуютъ одинъ за другимъ Ибн-Сина (Avicenna) и Эль-Газали (Algazel). Первый не во многомъ разнится отъ Эль-Фараби, точно также и Эль-Газали въ началѣ своей уче-

Digitized by Google

ной дѣятельности сходится съ Авиценной, но подъ конецъ жизни вовсе отдѣлился отъ него, и тогда на мѣсто Аристотелевыхъ началъ вступаютъ въ Арабской философіи скептицизмъ и мистика. Періодъ времени, обнимаемый сими учеными, простирается слишкомъ на три вѣка; всѣ они родомъ изъ восточныхъ и южныхъ областей, — изъ Туркестана, Бухаріи, Хивы. Послѣ Эль-Газали не видимъ уже на Востокѣ ни одного замѣчательнаго философа. Съ сего времени наука переходитъ въ западныя области, доселѣ принимавшія въ ней слабое участіе: Испанская литература Арабовъ процвѣтала двумя столѣтіями позже восточной; тоже было и съ философіею. Послѣдняя въ своемъ началѣ примыкаетъ къ ученію Эль-Газали, но только для того, чтобы отдѣлиться отъ него и итти другимъ путемъ: Ибн-Бадисе (Avempale), Ибн-Тофейль, иначе Абу-Беркъ, и Ибн-Рождъ (Averroes) снова принимаютъ прежнюю естествоиспытательную методу Аристотеля, которую хотятъ приспособить къ своимъ религіознымъ началамъ. Съ Аверроесомъ прекращается Аристотеле-Арабская философія окончательно. Можно думать, что причиной ея паденія и здѣсь, какъ на Востокѣ, былъ скептицизмъ, выпедшій изъ разрозненности догматическихъ вѣрованій; только здѣсь онъ не успѣлъ сложиться въ опредѣляемое ученіе, такъ какъ въ это время владычество Мавровъ въ Испаніи быстро пало: отъ того и не дошло до насъ о немъ положительныхъ свѣдѣній. Такимъ образомъ исторія Аристотеле-Арабской философіи сама собою, по мѣсту и времени, дѣлится на двѣ половины: на исторію этой философіи на востокѣ, и — на западѣ, въ Испаніи. — Уже одинъ взглядъ на мѣстныя и временныя условія, среди которыхъ развивается у Арабовъ Аристотелева философія, можетъ увѣрить, что это было чуждое, пересаженное и не глубоко принявшееся растеніе. Дочь пограничныхъ странъ къ востоку и западу, — Греко-Арабская философія оставалась чуждою сердцу Аравійскаго государства; она цвѣтетъ на концахъ его, по его распаденіи, и притомъ не постоянно, — является и исчезаетъ эпизодически. Главное назначеніе ея было временное, и кажется, преимуществен-

Digitized by Google

но состояло въ томъ, чтобъ сохранить въ памяти человѣчества Греческую философію, и потомъ, передавъ ее христіанскимъ народамъ, содѣйствовать преобразованію ихъ науки. Этимъ внѣшнимъ условіямъ вполнѣ отвѣчаетъ самое содержаніе ея: занятая преимущественно физикой и астрономіей, мало входя въ нравственность и жизнь общественную, она всегда оставалась для Арабовъ, по крайней мѣрѣ на половину, еретическою. Она только свидѣтельствуетъ о научныхъ способностяхъ сего народа, и заставляетъ искать въ немъ еще другой философіи, болѣе жизненной и болѣе близкой къ его отечественному образу мыслей.

Такая философія дѣйствительно кроется въ богословскомъ ученіи догматическихъ сектъ. То, что они общими силами вооружаются противъ философовъ, не препятствуетъ имъ быть въ постоянной враждѣ между собою. Раздѣленіе въ догматическомъ ученіи произошло еще довольно рано. — До конца перваго вѣка гиджры между чтителями Корана не было ни споровъ, ни расколовъ: но около этого времени стали возникать сомнѣнія касательно одного изъ основныхъ его догматовъ, — догмата «о безусловномъ предопредѣленіи или судьбѣ.» На основаніи прямыхъ словъ Корана, *правовѣрные* понимали этотъ догматъ такъ, что Богъ отъ вѣчности предопредѣляетъ людей, — однихъ къ блаженству, другихъ къ мученію безусловно, неизмѣнно и независимо отъ дѣйствій человѣческихъ, и что причина сихъ дѣйствій есть не свобода каждаго, а единственно опредѣленіе Божіе. Сомнѣнія, возникшія тамъ и здѣсь противъ такого ученія, положительно и ученымъ образомъ были высказаны Эль-Вазилемъ. ъ) Онъ сдѣлался главою разномыслящихъ, которые составили отдѣльную секту подъ именемъ *Муатациль*; ы) это были первые богословы-діалектики между Арабами. Къ вопросу о предо-

---

ъ) Онъ былъ ученикъ знаменитаго Арабскаго богослова Эль-Гассана, Pocock Specim. p. 199. 213. Sqq. 241.

ы) Т. е. «отпадшихъ, отдѣлившихся,» loc. cit. p. 211.

Digitized by Google

предѣленіи въ послѣдствіи присоединились и другіе богословскіе вопросы, — таковы: «о вѣчности Корана» — и «о единствѣ существа Божія.» На первый вопросъ люди, ознакомившіеся съ свѣтлыми понятіяти Греческой философіи, и между ними самъ царственный покровитель просвѣщенія, Калифъ Эль-Мамунъ, не задумались дать отрицательный отвѣтъ, вопреки вѣрованію строгихъ чтителей Корана и присоединились къ сектѣ Вазили, — это подняло такіе споры, волненія и даже сомнѣнія, что Калифъ Эль-Мотавакемъ нашелъ нужнымъ формально запретить его. ь) Касательно послѣдняго пункта, — о единствѣ Божіемъ, послѣдователи *Мутацилъ* являются самыми строгими толкователями сего догмата, утверждая, что Богу, какъ единому по существу, мы не можемъ приписывать никакихъ раздѣльныхъ свойствъ и совершенствъ; тогда какъ послѣдовавшіе буквально Корану приписывали Божеству даже тѣлесные члены. Не трудно найдти общую идею, связующую всѣ три пункта, — это идея о единствѣ Вѣчнаго, — основный догматъ исламизма: эта идея не позволяла допустить ничего другаго вѣчнаго при Божествѣ, слѣд. и вѣчнаго Корана, и будучи понимаема одностороннѣе, не позволяла даже допустить многихъ вѣчныхъ свойствъ въ самомъ Божествѣ. Что же касается до ученія о рокѣ или неизбѣжной судьбѣ, каждому предопредѣленной, — оно было отвергаемо на томъ основаніи, что человѣкъ, какъ владыка своихъ свободныхъ дѣйствій, заслуженно принимаетъ награду и наказаніе, иначе должно было бы Всеблагаго Бога признать виновникомъ зла. Тогда какъ правовѣрные, въ избѣжаніе сей крайности, различали въ Божествѣ два дѣйствія воли: просто изволеніе и благоволеніе, признавая началомъ добра собственно послѣднее, а существованіе зла относя къ первому: противники ихъ не могли допустить такого раздѣленія въ опредѣленіяхъ и свойствахъ Божіихъ, слѣдуя тому же строгому понятію о единствѣ Божіемъ. Такимъ образомъ сущность спора состояла въ томъ, что одни — «правовѣрные» *Мота-*

ь) Ibid. p. 223.

Digitized by Google

каллимъ отнимали всѣ дѣйствительныя свойства у твореній, какова свобода у человѣка, — и все усвояли Божеству; другіе «отдѣлившіеся» — *Муатацилъ*, отрицали всѣ свойства въ Божествѣ, чтобы утвердить ихъ за твореніями. ѣ) Понятно, что эта связь религіозныхъ ученій влекла за собой цѣлый рядъ частныхъ вопросовъ, которые могли возбуждать и поддерживать философское мышленіе. Но односторонность, къ которой пришли Муатацили въ понятіи о Богѣ, какъ о существѣ, съ которымъ міръ стоитъ внѣ всякой связи, и котораго дѣйствія не могутъ входить въ кругъ дѣйствій и человѣка, — односторонность, противная вообще существу всякой религіи, особенно жъ религіи магометанской, требующей слѣпаго вѣрованія въ судьбу, въ неизбѣжное высшее опредѣленіе дѣйствій человѣческихъ, была причиной, что ихъ ученіе признано еретическимъ, не глубоко проникло въ образъ мыслей народа и скоро совсѣмъ вымерло. Сочиненія приверженцевъ этой секты, вслѣдствіе жаркаго преслѣдованія со стороны правовѣрныхъ, еще въ первую пору Арабской образованности стали уже рѣдки.

Строгое «правовѣріе» сохранилось въ сектѣ Мотакаллимъ. Особой сектой она является, какъ мы видѣли, послѣ отдѣленія Вазиля съ его единомышленниками, по случаю спора «о предопредѣленіи» послѣдователи ея, подъ именемъ Джабаритовъ, понимаютъ этотъ догматъ Корана во всей его суровой односторонности. По ихъ ученію, человѣкъ не можетъ ни желать, ни избрать, ни дѣйствовать свободно, но все, что ни дѣлаетъ, дѣлаетъ невольно, какъ опредѣлено ему свыше, или лучше, самъ Богъ производитъ въ немъ и чрезъ него всѣ его дѣйствія. Если же мы усвояемъ человѣку такія или другія дѣла, — то въ не собственномъ смыслѣ, подобно тому какъ говоримъ, что дерево приноситъ плодъ, вода течетъ, камень движется и т. п. ѳ) Было ли это ученіе высказано такъ рѣзко, въ самомъ началѣ, или вся суровость фатализма

ѣ) Ibid. p. 239.

Digitized by Google

выступала уже въ борьбѣ съ противными мнѣніями, положительныхъ свѣдѣній о томъ не имѣется; извѣстно только, что эта борьба скоро возбудила попытки примирить враждующія стороны. Являются умѣренные Джабариты, ю) которые снова раздѣляются на множество сектъ; сущность ихъ ученія, за исключеніемъ всѣхъ толковъ и споровъ въ частностяхъ, состоитъ въ слѣдующемъ: человѣка нельзя ставить на одну степень съ неодушевленной природой; онъ имѣетъ свою особую дѣятельность, хотя всѣ человѣческія дѣйствія происходятъ по волѣ Божіей, которая есть единственная причина ихъ, и хотя человѣкъ не можетъ произвести ничего кромѣ того, что производитъ въ немъ Богъ: но онъ имѣетъ по крайней мѣрѣ способность *усвоять* себѣ божественныя дѣйствія. Какъ ни неопредѣленно было ихъ понятіе объ этомъ *усвоеніи*, но оно было уже значительной уступкой со стороны фаталистовъ, и противникамъ ихъ теперь легче было сойтись съ ними во мнѣніяхъ. Что и не замедлило случиться: изъ школы *Мутацилъ* вышелъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ Арабскихъ богослововъ, Абу-Гасанъ Эль-Ашари, который принялъ это измѣненное ученіе «о судьбѣ» и сдѣлался основателемъ секты Ашаритовъ.

Время его жизни было цвѣтущимъ временемъ Арабской догматики я), которой его признаютъ основателемъ. Ослабляемое долгое время спорами, особенно со стороны Аристотеликовъ, ученіе Ашаритовъ, дѣлается господствующимъ вскорѣ послѣ Аверроеса; современникъ его Эль-Радзи пользуется славой возстановителя догматики «правовѣрныхъ.» Непрерывно слѣдующій за нимъ рядъ знаменитыхъ богослововъ, каковы напр. *Байдови*, ѳ) извѣстный толкователь Корана, и Эль-

---

в) Mos. Maimonid doct. perpl. 1. 71. 13.

юо) Pocock. Specim. p. 240.

я) Въ то же время жилъ Эль-Материди и Эль-Фараби, въ к. 2 и въ нач. 3 вѣка гиджры.

Digitized by Google

Иджи ν) составитель догматики, сокращенной напечатанно потомъ въ Константинополѣ, — представляетъ вѣрное свидѣтельство глубокаго и живаго сочувствія, которое всегда имѣли Арабы къ собственному догматическому ученію; тогда какъ иноземная философія была у нихъ явленіемъ временнымъ и частнымъ.

П. Б.

ϑ) Жилъ въ 7 вѣкѣ гиджры.
ν) — въ 8 вѣкѣ.

Благодаримъ усердно ученаго автора, и съ удовольствіемъ извѣщаемъ читателей, что они будутъ читать въ Москвитянинѣ рядъ статей изъ Исторіи Философіи, писанныхъ этимъ искуснымъ перомъ. *Ред.*

Digitized by Google

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

О ПОЛОВЕЦКИХЪ СЛОВАХЪ.

(Письмо къ Редактору.)

Любопытство читающей публики, кто такіе были Половцы и Печенѣги, оставившіе столь замѣтные слѣды въ Русской Исторіи, еще не удовлетворено: потому все, относящееся до сихъ темныхъ вопросовъ, заслуживаетъ вниманіе. Помѣщенная въ 5 N Москвитянина статья Кн. М. Оболенскаго, доказываетъ, что.... Редакторъ журнала...., занимающійся Русскою Исторіею, собираетъ данныя для разрѣшенія и сихъ вопросовъ. Нельзя этому не порадоваться. Считаю нелишнимъ препроводить къ нему сравнительную таблицу Половецкихъ словъ съ Татарскими, доселѣ употребляемыми въ Закавказскомъ Татарскомъ нарѣчіи. Изъ ней можно заключать, что писатель рукописи, изъ коей заимствованы Половецкія слова, не безъ основанія говоритъ: *Сарракине Половчане, рекшее Татарове.*

СЛОВА ПОЛОВЕЦКІЯ.		ТАТАРСКІЯ.
Тягри	Богъ	Тангри.
Кокъ	небо	гёгъ.
Тахъ	престолъ	тахтъ.
Куяшь	солнце	гюнешъ.
Илудоузъ	звѣзда	илдузъ.
Аанъ	мѣсяцъ	ай.
Каръ	снѣгъ	каръ.
Амгуръ	дождь	ягмуръ.
Суоукъ	студено	соугкъ.
Иси	тепло	исти.
Етмянъ	хлѣбъ	этмянъ.

Z.

Digitized by Google

КЪ БІОГРАФІИ ХЕРАСКОВА

И ВМѢСТѢ МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ БИБЛІОГРАФІИ.

Посвящается знаменитому Русскому библіографу и бібліоману Сергію Дмитріевичу Полторацкому.

Ода Ея Императорскому Величеству Всепресвѣтлѣйшей Державнѣйшей Великой Государынѣ Императрицѣ *Екатеринѣ* Алексѣевнѣ, Самодержицѣ Всероссійской, на всерадостнѣйшее восшествіе на престолъ. Приноситъ всеподданнѣйшій рабъ Михайло Херасковъ, 1762 года, Іюля дня. Печатана при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

На четырехъ большихъ полулистахъ, изъ коихъ на первомъ выписанное заглавіе, на второмъ двѣ строфы, а на оборотѣ его, равно и на слѣдующихъ страницахъ, но три. Всего 14 строфъ. Въ строфѣ по 10 стиховъ.

Выписываемъ нѣсколько строфъ:

1. Цвѣти, Россія, украшайся,
Взносись, расти и утѣшайся;
Въ порфиру нову облекись,
Главу покрой вѣнцемъ лавровымъ,
Исполнена весельемъ новымъ,
Предъ Трономъ Божьимъ преклонись:
Пролей къ нему благодаренья,
Что внемля твой плачевный гласъ,
Тебя отъ бѣдства и паденья
Рукой Екатерины спасъ.

Digitized by Google

6. Уже законы и науки,
Къ тебѣ свои простерши руки,
Въ своемъ весельѣ вопіютъ:
И силы и плода лишенны,
Тобой, Тобой мы укрѣпленны,
И наши лавры разцвѣтутъ:
Тебѣ, Монархиня, возставимъ
Столпы отъ искреннихъ сердецъ,
Тебѣ, Монархиня, составимъ
Изъ вѣчной похвалы вѣнецъ.

7. Отверзи, о! Россія очи,
И отвратясь отъ мрачной ночи,
Воззри на радостный востокъ,
Гдѣ щастья общаго начало
Сквозь мрачны тучи возсіяло,
Гдѣ міръ цвѣтетъ, повергнувъ рокъ.
Тебя вѣнчающа судьбина,
Блистаетъ аки солнце тамъ,
Великая Екатерина,
Но съ чемъ Тебя сравняти намъ?

—

По счастливому случаю попалась мнѣ послѣ, при собираніи старыхъ памятниковъ Русской Словесности и другая ода Хераскова, которую онъ написалъ не задолго предъ одою Екатеринѣ II: ода Петру III, подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

Ода Его Императорскому Величеству Всепресвѣтлѣйшему Державнѣйшему Великому Государю Императору *Петру* Ѳеодоровичу, Самодержцу Всероссійскому на всерадостнѣйшее восшествіе на престолъ. Приноситъ всеподданнѣйшій рабъ Михаило Херасковъ. 1762 года Генваря дня. Печатана при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Перваго листа нѣтъ. На послѣднемъ листѣ 3 строфы и на оборотѣ его 2, каждая изъ 10 стиховъ. Выпишемъ двѣ послѣднія строфы и изъ этой оды:

Digitized by Google

Границы Русскія державы
Кругомъ стрегущія моря,
Исполнитесь пріятной славы,
Услыша новаго Царя.
Какъ Петръ съ своимъ разстался трономъ
Брега вы наполняли стономъ:
Днесь паки вашъ Владѣтель Петръ;
На радость стонъ свой премѣните,
За валомъ валъ во слѣдъ гоните,
Промчите вѣсть сію чрезъ вѣтръ.

—

А вы щастливыя науки!
Имѣете уже покровъ;
Петровы васъ пріяли руки,
Теперь пріемлетъ Духъ Петровъ.
Намѣстникъ дѣлъ его владѣетъ!
Здѣсь лира силы не имѣетъ
Его достоинствы гласить,
Воспойте Музы всѣмъ Парнасомъ,
Да бы своимъ усерднымъ гласомъ
Приличны жертвы приносить.

М. П.

Digitized by Google

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ПРОГРАММА

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ АСТРОНОМІИ.

1842 г. Іюня 26 дня (ст. шт.), полное солнечное затмѣніе было видимо въ многихъ мѣстахъ и въ Россіи и въ Западной Европѣ; изъ пяти Русскихъ экспедицій, составленныхъ для наблюденія этого любопытнаго и рѣдкаго явленія, имѣла успѣхъ только одна, въ Липецкѣ, гдѣ наблюдали Гг. О. Струве и Шидловскій; астрономы же Французскіе, Англійскіе, и пр. были гораздо счастливѣе Русскихъ, и сообщили свѣту весьма любопытныя замѣчанія о физическихъ обстоятельствахъ затмѣнія: но какъ въ этихъ замѣчаніяхъ много противорѣчій и несогласій, по неожиданности и кратковременности нѣкоторыхъ явленій; то для нихъ объясненія, потребны новыя наблюденія, притомъ такими наблюдателями, которые бы не были озабочены опредѣленіемъ времени начала и конца затмѣнія, а слѣдили бы за его ходомъ единственно для разрѣшенія сомнѣній въ вопросахъ физическихъ. Въ слѣдующемъ 1851 г. Іюля 16 д. (ст. шт.) представляется случай удовлетворить этому требованію. Прекрасная карта полнаго солнечнаго затмѣнія 1851 г., составленная Ѳ. А. Семеновымъ и помѣщенная въ девятой книжкѣ «Москвитянина,» показываетъ, что Европейскіе астрономы могутъ наблюдать его съ пользою только въ Бергенѣ, Готтенбургѣ, Данцигѣ и Кенигсбергѣ; всѣ же прочія мѣста, въ которыхъ оно будетъ видимо, находятся въ Русскихъ владѣніяхъ. И такъ нынѣ

Digitized by Google

Русскимъ астрономамъ выпадаетъ счастливый жребій оказать наукѣ весьма важную услугу, и, безъ сомнѣнія, Правительство наше не лишитъ ихъ своего покровительства. Но, съ другой стороны, невозможно составить столько экспедицій, сколько представляется мѣстъ, удобныхъ для наблюденій, и какъ наблюденія въ физическомъ отношеніи могутъ быть производимы всякимъ образованнымъ любителемъ астрономіи, въ особенности гимназическими учителями математики и физики; то я думаю, что предлагаемая здѣсь программа будетъ для нихъ весьма полезна, потому что она извлечена мной изъ сочиненія Араго: «О полномъ солнечномъ затмѣніи 1842 г. Іюля 8 дня (нов. шт.),» напечатаннаго въ «Annuaire pour l'an 1846,» — въ изданіи, весьма извѣстномъ для астрономовъ, но съ которымъ, по его рѣдкости, ни учители гимназій, ни другіе любители наукъ совершенно незнакомы.

Мѣста, въ которыхъ будетъ видимо полное солнечное затмѣніе 1851 г., должно раздѣлить на три разряда:

I. *Затмѣніе центральное, или наиболѣе продолжительное* будетъ видимо:

1) Въ Ломжѣ,
2) Въ Остроленкѣ, } въ Царствѣ Польскомъ;
3) Въ Брестъ-Литовскѣ,
4) Въ Владимірѣ Волынскомъ,
5) Въ Уманѣ, въ Кіевской губерніи,
6) Въ Баку,
7) Въ Гори,
8) Въ Душетѣ
и 9) Въ Шемахѣ. } въ Кавказской области.

II. Затмѣніе полное, но не центральное, будетъ видимо въ слѣдующихъ мѣстахъ, расположенныхъ по его продолжительности:

1) Въ Тифлисѣ,
2) Въ Житомирѣ,
3) Въ Бѣлостокѣ,
4) Въ Варшавѣ,

Digitized by Google

5) Въ Анапѣ,
6) Въ Перекопѣ;
7) Въ Херсонѣ;
8) Въ Ѳеодосіи;
9) Въ Дерптѣ;
10) Въ Кисловодскѣ;
11) Во Владикавказѣ;

и во многихъ другихъ мѣстахъ, о которыхъ любопытные могутъ справиться съ самой картой.

III. Не безъ пользы можно наблюдать затмѣніе еще въ слѣдующихъ мѣстахъ, лежащихъ близъ предѣловъ полнаго затмѣнія:

1) Въ Георгіевскѣ,
2) Въ Ставрополѣ;
3) Въ Кіевѣ,
4) Въ Симферополѣ;
5) Въ Одессѣ,
6) Въ Гродно;
7) Въ Каменецъ-Подольскѣ, и пр.

Теперь переходимъ къ описанію самаго явленія. Когда луна помѣстится между солнцемъ и наблюдателемъ, тогда на небѣ представится черный кругъ, обведенный свѣтлымъ вѣнцомъ, состоящимъ изъ двухъ концентрическихъ частей; изъ которыхъ первая, ближайшая къ упомянутому кругу, свѣтлѣе второй, внѣшней. Свѣтъ этой части ослабѣваетъ постепенно. Такое общее изображеніе на небѣ полнаго солнечнаго затмѣнія 1842 года было видимо всѣми наблюдателями во Франціи, Италіи и въ Германіи; но подробныя описанія его частностей представляютъ значительныя разности. Въ Перпиньянѣ, гдѣ наблюдали Араго, Мовэ и Ложье, и въ другихъ мѣстахъ Франціи, соотвѣтствующихъ полному затмѣнію, на свѣтломъ вѣнцѣ замѣчены двѣ кисти расходящихся лучей въ тѣхъ противоположныхъ точкахъ солнечнаго круга, въ которыхъ начиналось и оканчивалось затмѣніе: но Англійскіе астрономы Эйри (Airy) и Бейли (Baily), наблюдавшіе въ Супергѣ (Supergue) и въ Павіи, ничего подобнаго не видали;

Digitized by Google

Отъ чего могла произойдти такая разность? — Не отъ того ли, что Эйри и Бейли, считая это явленіе не заслуживающимъ вниманія, умолчали объ немъ? Или отъ того, что вѣнецъ не составляется, какъ обыкновенно полагаютъ, изъ самосвѣтящейся атмосферы солнца, или изъ освѣщаемой атмосферы луны? Въ томъ и другомъ предположеніи видъ этого вѣнца и во Франціи, и въ Италіи, и во всякомъ другомъ мѣстѣ долженъ быть одинаковъ. Если наблюденія, которыя будутъ произведены надъ затмѣніемъ 1851 г., несомнѣнно докажутъ, что изъ разныхъ точекъ зрѣнія вѣнецъ представляется въ различныхъ видахъ; то объясненій этого явленія понадобится искать не въ атмосферахъ солнца или луны, но уже въ причинахъ оптическихъ. Притомъ надобно будетъ объяснить, почему вторая часть вѣнца образуется изъ расходящихся свѣтлыхъ лучей, имѣющихъ свое начало при внѣшнемъ предѣлѣ первой его части, а не при краяхъ темнаго круга луны; и почему Араго простыми глазами ясно видѣлъ широкое свѣтлое пятно, составленное изъ тѣхъ же лучей, перепутанныхъ между собой подобно спутаннымъ ниткамъ; и почему многіе изъ расходящихся лучей, относительно краевъ луны, расположены были косвенно, и даже нѣкоторые изъ нихъ, будучи продолжены до краевъ луны, не пересѣкали, но касались ихъ. Впрочемъ всѣ упомянутыя особенности второй части вѣнца, какъ замѣченныя только въ Перпиньянѣ, требуютъ подтвержденія новыми наблюденіями, къ которымъ надобно еще присоединить точнѣйшія измѣренія ширины обѣихъ частей вѣнца по разнымъ направленіямъ отъ темнаго круга луны. Посредствомъ такихъ измѣреній, при извѣстности разстоянія между центрами луны и солнца, можно рѣшить, который изъ этихъ центровъ служитъ вмѣстѣ и центромъ вѣнца. Измѣреніе широты внутренней части вѣнца, по причинѣ опредѣленности его предѣловъ, не представляетъ большихъ затрудненій; но внѣшнюю его часть, какъ состоящую изъ лучей расходящихся и ослабляющихся постепенно, едва ли можно вымѣрить съ надлежащею точностью. Такимъ образомъ, въ 1842 г. морской офицеръ Сельва, наблюдая въ Перпиньянѣ отражательнымъ кругомъ, нашелъ, что западная

Digitized by Google

и восточная ширина внутренней части вѣнца равнялась 3 минутамъ градуса во все продолженіе полнаго помраченія; но Реньо, также морской офицеръ, измѣряя ширину той же части вѣнца въ Тулонѣ и также посредствомъ отражательнаго круга, опредѣлилъ ее только въ 2 минуты. Съ этимъ измѣреніемъ совершенно согласно микрометрическое измѣреніе Мовэ. Притомъ всѣ три вывода, которые получили Сельва, Реньо и Мовэ, доказываютъ, что центръ внутренней части вѣнца совпадаетъ съ центромъ луны. Если наблюденія въ 1851 г. подтвердятъ эти выводы, то при объясненіи явленія не будемъ имѣть надобности приписывать его солнечной атмосферѣ. Что жъ касается до ширины всего вѣнца, то изъ наблюденій 1842 г. были выведены различные результаты: Ложье, измѣряя микрометрически, нашелъ, что край луны отстоялъ отъ внѣшняго предѣла вѣнца на 10 минутъ; О. Струве и Шидловскій ту же ширину опредѣлили въ 25 минутъ; они же видѣли такія кисти лучей, которыя простирались до 3 и даже до 4 градусовъ отъ краевъ луны.

Исключивъ участіе солнечной атмосферы въ образованіи вѣнца, и почти увѣрившись, что центръ его совпадаетъ съ центромъ луны, надобно спросить, не есть ли этотъ вѣнецъ освѣщенная атмосфера луны? Чтобъ отвѣчать на такой вопросъ положительно или отрицательно, сперва слѣдуетъ разрѣшить другой вопросъ: существуетъ ли лунная атмосфера? Наблюденія Араго въ Перпиньянѣ, Эйри въ Супергѣ, Сантини, Конти и Бѣлы въ Падуѣ, всѣ согласно приводятъ къ заключенію, что луна не имѣетъ атмосферы. Наблюденія эти не трудны и производятся или надъ *рогами* луны или надъ покрытіемъ солнечныхъ *свѣточей* (faculеs) темнымъ ея кругомъ. Когда луна вступитъ на солнечный кругъ чернымъ пятномъ, тогда непокрытая часть этого круга ограничивается двумя дугами, краями солнца и луны, которые въ точкахъ взаимнаго ихъ пересѣченія образуютъ два криволинейныхъ угла, называемыхъ *рогами* луны. Лучи солнца, идущіе къ наблюдателю близъ этихъ роговъ, должны претерпѣвать преломленіе, или измѣняться въ своемъ направленіи въ лунной атмосферѣ, и чрезъ то должны измѣняться виды роговъ. Но

Digitized by Google

ни Араго, ни другіе упомянутые астрономы не замѣтили въ нихъ никакихъ измѣненій, которыя можно было бы отнести къ преломленію солнечныхъ лучей въ атмосферѣ луны; Италіянскіе астрономы въ продолженіе всего затмѣнія видѣли рога правильными и заостренными; Араго же замѣчалъ затупленіе то на одномъ, то на другомъ рогѣ, — признаки, доказывающіе не существованіе атмосферы, но существованіе горъ на лунѣ. Что жъ касается до *свѣточей*, то этимъ именемъ называютъ свѣтлѣйшія части солнечной поверхности. Если бы луна имѣла атмосферу, то во время ея движенія по солнечному кругу въ закрываемыхъ свѣточахъ слѣдовало бы замѣтить ослабленіе ихъ блеска, чего не видалъ ни одинъ астрономъ въ 1842 г.

Изъ всѣхъ предложенныхъ наблюденій ни одно не объясняетъ причины образованія вѣнца около чернаго круга луны, и касательно этого — какъ говоритъ Араго — таинственнаго вѣнца остается только предложить нѣкоторыя замѣчанія о силѣ и качествахъ его свѣта. Ложье и Мовэ, наблюдавшіе въ Перпиньянѣ, считаютъ свѣтъ вѣнца желтоватымъ; но Араго замѣчаетъ, что такой оттѣнокъ можетъ происходить отъ контраста со свѣтомъ атмосферы, — что подтверждается наблюденіями Пино и Буажиро въ Нарбонѣ, Фложерга въ Тулонѣ, Бейли въ Павіи, О. Струве и Шидловскаго въ Липецкѣ: всѣ они видѣли вѣнецъ совершенно бѣлымъ. Фузнье-ри, въ Виченцѣ, разлагалъ его свѣтъ посредствомъ стеклянной призмы и нашелъ, что въ немъ недоставало зеленаго луча, мѣсто котораго занимала черная полоса. Сверхъ того многіе наблюдатели замѣтили, что свѣтъ вѣнца находился въ безпрестанномъ колебаніи, даже нѣкоторые изъ нихъ уподобляютъ его вертящемуся солнцу въ фейерверкѣ. Силу этого свѣта описываютъ также различно: въ Перпиньянѣ, Миланѣ и Вѣнѣ казался онъ равнымъ свѣту луны; но О. Струве и Шидловскій говорятъ: «вѣнецъ имѣлъ блескъ, невыносимый «для глазъ; такъ что нѣкоторые свидѣтели утверждали, что «солнце не вполнѣ было покрыто луной, и образовавшійся «около нея вѣнецъ принимали за кольцо, принадлежащее са«мому солнечному кругу.» Такая разность въ показаніяхъ до-

Digitized by Google

жна обратить особенное вниманіе наблюдателей будущаго затмѣнія 1851 года.

Какъ ни замѣчательны описанныя явленія вѣнца, но слѣдующее, совершенно новое, никогда и никѣмъ не виданное, привело въ изумленіе всѣхъ наблюдателей затмѣнія 1842 г.; по этой причинѣ предлагаемъ здѣсь всѣ подробности наблюденій, переводя ихъ почти буквально изъ вышеупомянутаго сочиненія Араго.

Перпиньянъ. Смотря — пишетъ Араго — въ трубу, имѣвшую въ отверстіи 91 миллиметръ, способную увеличивать въ 56 разъ, и съ которой было уже снято цвѣтное стекло, я началъ замѣчать два свѣтлыхъ возвышенія, выходящихъ изъ нижняго края луны (труба показывала предметы обращенными); они были розоваго цвѣта съ зеленоватыми оттѣнками; предѣлы ихъ обозначились явственно, обрѣзисто; ни одно изъ нихъ не имѣло перпендикулярнаго направленія къ краю луны; длина большаго изъ нихъ казалась равною 1 минутѣ. Замѣчанія Ложье совершенно согласны съ моими наблюденіями; только величину возвышеній находитъ онъ гораздо бо̀льшею. Мовэ усмотрѣлъ ихъ прежде меня и Ложье. Вотъ что̀ онъ пишетъ въ своемъ журналѣ: «Чрезъ нѣсколько секундъ послѣ начала полнаго затмѣнія, «когда я старался измѣрить ширину свѣтлаго кольца, у нижняго края луны я увидалъ красноватую точку, которая не «представлялась еще замѣтнымъ возвышеніемъ. Чрезъ 56 се«кундъ послѣ полнаго затмѣнія, красноватая точка превра«тилась въ два возвышенія, подобныя двумъ смежнымъ го«рамъ, красно-фіолетоваго цвѣта, съ совершенно ясными пре«дѣлами. Впрочемъ цвѣтъ ихъ не былъ ровенъ: на бокахъ «виднѣлись темныя черты. Чтобъ дать точнѣйшее понятіе «объ ихъ видѣ, надобно ихъ сравнить съ вершинами Альпій«скихъ горъ, освѣщаемыми заходящимъ солнцемъ и видимыми «издали. Чрезъ 1 м. и 10 сек. послѣ полнаго затмѣнія пока«залась третья *гора*, по лѣвую сторону двухъ первыхъ, «и одного съ ними цвѣта; ее окружали мéньшія возвышен«ности, но также ясно видимыя. При образованіи этой третьей «горы, двѣ первыя не переставали увеличиваться и выросли

Digitized by Google

«до 2′. Пространство, занимаемое обѣими группами по краю «луны, простиралось повидимому до 25°.»

Инженерный капитанъ Майетъ, наблюдавшій затмѣніе въ трубу, которая увеличивала въ 27 разъ, отмѣтилъ въ своемъ журналѣ: «Изъ верхней части луннаго круга (труба пред- «ставляла предметы въ прямомъ положеніи) выходили *снопы* «пламени, красные, неподвижные, съ обрѣзистыми очертаніями. «Сѣверный снопъ былъ наклоненъ къ краю луны. Я видѣлъ «его нѣсколько секундъ послѣ выхожденія солнца изъ-за луны.»

Многіе любопытные зрители видѣли возвышенія простыми глазами.

Монпелье. Пети, директоръ Тулузской обсерваторіи, наблюдавшій въ Монпелье посредствомъ трубы, имѣвшей 95 миллиметровъ въ отверстіи съ увеличиваніемъ въ 24 раза, описываетъ свѣтлыя возвышенія такимъ образомъ: «Вначалѣ «показались двѣ красныя точки; онѣ увеличивались постепен- «но, быстро и всегда съ обрѣзистыми очертаніями. Видъ «этихъ возвышеній можно сравнить съ видомъ высокихъ «пиковъ, разсматриваемыхъ сквозь красное стекло, и пред- «ставляющихъ на своихъ бокахъ вертикальныя углубленія. «Одно изъ возвышеній, дѣйствительно, было покрыто темно- «красными бороздками.» По измѣренію Пети, посредствомъ филярнаго микрометра, наибольшее изъ трехъ возвышеній соотвѣтствовало углу въ 1′ 45.″ Это измѣреніе должно считать самымъ точнымъ изъ всѣхъ показаній другихъ астрономовъ, которые величину возвышенностей опредѣляли приблизительно.

Карбонъ. Пино и Буажиро о появленіи красныхъ возвышенностей даютъ слѣдующій отчетъ: «На верхнемъ (т. е. «видимомъ простыми глазами) краѣ луны, къ западу отъ вер- «тикальнаго ея діаметра, показались какъ бы огненныя горы, «обсѣченныя въ видѣ пика съ лѣвой стороны, и возвышаю- «щіяся уступами со стороны противоположной. Здѣсь было «три уступа, и самый высокій изъ нихъ равнялся 12 долѣ «видимаго діаметра луны. Далѣе, вправо, по окружности луны «были видимы многія волнообразныя возвышенія, ясныя и «равно свѣтящіяся. Два подобные пика, менѣе возвышенные,

Digitized by Google

«нежели верхніе, но также блестящіе, находились при кон-«цахъ горизонтальнаго діаметра луны. Лѣвый пикъ показался «прежде прочихъ. Трудно дать точное понятіе объ этихъ «возвышенностяхъ: онѣ походили на кристальныя скалы, «раскаленныя до розоваго цвѣта, были прозрачны, и бли-«стали ровнымъ свѣтомъ безъ сверканія; очертанія ихъ были «явственны, обрѣзисты; постоянно сохраняли одну форму, «одно положеніе и находились въ совершенной неподвижности; «только верхніе пики немного увеличивались по мѣрѣ того, «какъ полное затмѣніе приближалось къ концу; но они уве-«личивались безъ растяженія и безъ перемѣны формы, по-«добно высокимъ горамъ, въ которыхъ замѣчаются сперва «вершины, потомъ средины и наконецъ основанія, когда мед-«ленно и постепенно снимается закрывающая ихъ завѣса. «Это великолѣпное зрѣлище оставалось видимымъ до конца «полнаго затмѣнія. Когда солнце вышло изъ-подъ темнаго «круга луны, тогда первые лучи его распространились съ «живымъ блескомъ, превосходящимъ блескъ послѣдняго луча «при полномъ закрытіи, и уничтожившимъ мгновенно и свѣт-«лый вѣнецъ и раскаленные пики.»

Тулонъ. Наблюденія въ Тулонѣ заслуживаютъ особенное вниманіе, потому что этотъ городъ находился близъ южнаго предѣла того пояса, на которомъ въ 1842 г. были расположены мѣста полнаго солнечнаго затмѣнія. Въ Тулонѣ наблюдалъ морской капитанъ Бераръ. Онъ сообщилъ Араго слѣдующее: «Въ продолженіе всего полнаго затмѣнія, въ той сторонѣ, «гдѣ солнце начало открываться изъ-за луны, была видима «весьма тонкая полоса, красная, неправильно зазубренная и «мѣстами разорванная.» Мнѣ кажется — замѣчаетъ Араго — что эта полоса есть точно то же самое явленіе, которое въ Перпиньянѣ, въ Монпелье, въ Туринѣ, въ Миланѣ, и проч. представлялось въ видѣ блестящихъ возвышенностей. Для подтвержденія своего мнѣнія, Араго просилъ свѣдѣній отъ всѣхъ наблюдателей, находившихся на южномъ предѣлѣ полнаго затмѣнія, и Флоржергъ, наблюдавшій въ фортѣ Лиманьсъ, отвѣчалъ ему: «Вскорѣ послѣ покрытія солнца, я оставилъ «телескопъ, чтобъ дать отдыхъ моимъ утомленнымъ глазамъ,

Digitized by Google

«Нѣсколько секундъ я обозрѣвалъ странное зрѣлище, которое «представляли тогда и небо и земля; но мое вниманіе и мои «глаза вскорѣ обратились опять къ солнцу, чтобъ наблюдать «его при выхожденіи изъ-за луны. Я не успѣлъ еще при- «няться за телескопъ, какъ былъ удивленъ сперва одной «красной точкой, потомъ другой, а взглянувъ въ телескопъ, «увидалъ третью, и т. д.» Число свѣтящихъ точекъ, замѣ- ченныхъ Фложергомъ, ихъ цвѣтъ, ихъ мѣста, все доказы- ваетъ, что онъ видѣлъ такую же красную зубчатую полосу, которую наблюдалъ Бераръ, и которая тожественна съ возвышеніями, замѣченными въ другихъ мѣстахъ: различія про- исходили только отъ силы и увеличиванія трубъ. Такимъ образомъ Герень, въ Византѣ, находящемся въ значительномъ разстояніи отъ сѣвернаго предѣла полнаго затмѣнія, видѣлъ ясно «нѣсколько зубчатыхъ точекъ, которыя съ перваго «взгляда можно было принять за семь или осемь звѣздъ ра- «зличныхъ величинъ, расположенныхъ по краямъ луны въ «томъ мѣстѣ, въ которомъ исчезли послѣдніе лучи, яркаго «солнечнаго свѣта. Двѣ наибольшія изъ этихъ точекъ, въ ко- «торыхъ зубцы были явственны, равнялись сотой долѣ лунна- «діаметра (т. е. 10″). Какъ эти двѣ точки, такъ и меньшія «ихъ не угасали во все затмѣніе до самаго появленія солнца. «Если бы вся луна была окружена подобными точками, то «ее можно было бы уподобить ящику изъ чернаго дерева, «осыпанному рубинами; потому что онѣ имѣли красный цвѣтъ, «похожій на цвѣтъ Марса.»

Дань. Здѣсь наблюдалъ Евгеній Буваръ, который сооб- щилъ Араго слѣдующія замѣчанія: «Въ то время, какъ я «измѣрялъ вѣнецъ, въ нижней части (труба представляла пред- «меты въ обратномъ положеніи) луннаго круга я замѣтилъ «двѣ кисти свѣта, изъ которыхъ одна (правая) по крайней «мѣрѣ была втрое шире другой; обѣ образовались изъ крас- «ныхъ лучей, смѣшенныхъ съ лучами оранжевыми; обѣ онѣ «разширялись, и свѣтъ ихъ ослабѣвалъ по мѣрѣ удаленія отъ «луны. Обѣ кисти были видимы простыми глазами, и не «скоро исчезли послѣ полнаго затмѣнія.»

Digitized by Google

После этого Араго переходитъ къ наблюденіямъ внѣ Франціи, изъ которыхъ приведемъ здѣсь главнѣйшія.

Суперга, близъ Турина. Свѣтлыя возвышенности описываетъ Эйри такимъ образомъ: «Разсматривая луну, послѣ «полнаго покрытія солнца, къ крайнему моему удивленію, я «замѣтилъ небольшое красное пламя въ трехъ мѣстахъ при «нижнемъ краѣ земнаго спутника; въ каждомъ мѣстѣ, пламя «имѣло форму и положеніе зубьевъ круглой пилы; высота «его не превосходила четверти ширины свѣтлаго вѣнца или «около 1′. Разстояніе между первымъ и третьимъ пламенемъ «равнялось, можетъ быть, 40° или болѣе, считая по краю «луны.» Гжа Эйри видѣла это явленіе простыми глазами.

Павія. Вотъ отрывокъ изъ записки Бейли, относящійся къ красноватымъ возвышенностямъ. «Замѣчательнѣйшее явленіе солнечнаго затмѣнія состояло въ трехъ большихъ возвышенностяхъ, которыя очевидно принадлежали къ вѣнцу, «хотя казались выходящими изъ окружности луны. Онѣ имѣли «цвѣтъ красный съ пурпуровыми отливами, и походили на «снѣжныя вершины Альповъ, освѣщенныхъ лучами восходящаго или заходящаго солнца, потому что свѣтъ ихъ былъ «спокойный, безъ колебанія и безъ сверканія, замѣчаемыхъ «на прочихъ частяхъ вѣнца.»

Вѣна. «Замѣтивъ — пишетъ Шумахеръ — время моихъ наблюденій, я возвратился къ трубѣ и разсматривалъ «луну, окруженную свѣтлымъ, но безцвѣтнымъ кольцомъ, «которое образовалось на сѣромъ небѣ. Вскорѣ мое вниманіе «было обращено на явленіе неожиданное. Сначала мнѣ показалось, что я вижу красное пламя въ трехъ мѣстахъ на «лунномъ краѣ; потомъ чрезъ нѣсколько мгновеній, я увѣрился, что каждое пламя было неподвижно и походило на «вершину ледника, блистающую яркимъ красно-розовымъ «свѣтомъ; высота пламени простиралась отъ 1′ до 2′. Я «не замѣтилъ перемѣнъ ни въ формѣ, ни въ высотѣ этихъ «*зорь*, какъ я называю каждое пламя для краткости, не думая тѣмъ означить его сущности. Не задолго до конца полнаго затмѣнія, въ томъ мѣстѣ луннаго круга, въ которомъ «долженъ показаться первый лучь солнца, образовалась узкая

Digitized by Google

«полоса, распространившаяся на 70° или 80° вдоль края лу-«ны, и исчезнувшая, вмѣстѣ съ вѣнцомъ и съ красными го-«рами, тотчасъ послѣ открытія солнца.»

Литровъ, директоръ Вѣнской обсерваторіи, сообщилъ Араго всѣ подробности солнечнаго затмѣнія 1842 г.; изъ его писемъ Араго приводитъ слѣдующія мѣста: «Вскорѣ по-«слѣ того, какъ образовался вѣнецъ, показались многія свѣт-«лыя пятна около краевъ нашего спутника; три изъ нихъ «были особенно замѣчательны, по ихъ голубовато-красному «цвѣту и по сходству съ вершинами ледниковъ, освѣщенныхъ «лучами заходящаго или восходящаго солнца. Наибольшее «изъ этихъ пятенъ имѣло около 5′ въ высотѣ и 2′ въ осно-«ваніи.... Въ отвѣтъ на вашъ вопросъ, увѣряю васъ, что «нѣтъ ошибокъ въ моемъ измѣреніи свѣтлыхъ возвышенно-«стей; наибольшая изъ нихъ дѣйствительно простиралась на «5′ отъ края луны и въ основаніи имѣла 2.′ Швабъ, ассис-«тентъ при обсерваторіи, нашелъ почти тоже самое, наблю-«дая въ загородномъ домѣ Министра Коловрата. Онъ и я «сравнивали эти возвышенности съ полемъ зрѣнія Фраунгоф-«ровыхъ трубъ. Въ дополненіе, я долженъ упомянуть о «двухъ важныхъ обстоятельствахъ: возвышенности были ви-«димы и прежде и послѣ того, какъ онѣ сдѣлались красными.»

Липецкъ. «Г. Шидловскій — пишетъ О. Струве — все «затмѣніе наблюдалъ въ трубу, которая имѣла 29 миллимет-«ровъ въ отверстіи и увеличивала въ 37 разъ. Не задолго «до открытія солнца, онъ замѣтилъ странное явленіе. Во «многихъ мѣстахъ около луннаго края, вдругъ показалось «розовое пламя, сохранявшее неизмѣнно свою форму. Каждое «пламя походило на гору, которой высота приблизительно «равнялась 2.′ Большая часть луннаго круга казалась обло-«женной розовой каймой. Впрочемъ Г. Шидловскій не успѣлъ «обозрѣть всей луны, по причинѣ скораго появленія солнца. «Онъ также не замѣтилъ упомянутаго явленія задолго предъ «концемъ полнаго затмѣнія, какъ удалось это другимъ астро-«номамъ, особенно наблюдавшимъ въ Вѣнѣ. Такое опущеніе «объясняется тѣмъ, что Г. Шидловскій снялъ съ трубы чер-«ное стекло въ моментъ помраченія солнца, и былъ ослѣп-

Digitized by Google

«ленъ сильнымъ блескомъ вѣнца. Но я могу упомянуть о «наблюденіи, которое доказываетъ, что въ Липецкѣ *красныя «горы* образовались при самомъ началѣ затмѣнія: предъ унич«тоженіемъ послѣдняго солнечнаго луча, я видѣлъ красную «кайму въ 45° отъ того мѣста, въ которомъ сирылось солнце.»

Хотя, при составленіи нашей записки, мы не имѣли намѣренія излагать гипотезы, сдѣланныя для объясненія всѣхъ описанныхъ явленій, особенно *красныхъ горъ*; однако не можемъ умолчать, какое мнѣніе имѣетъ объ нихъ Араго; потому что оно столько же неожиданно, какъ и самое явленіе, заключаетъ въ себѣ обширные виды, и едва ли многимъ извѣстно. Астрономы и физики могутъ считать его неосновательнымъ и слишкомъ смѣлымъ; но никакъ не должны пренебрегать имъ совершенно: едва ли оно не указываетъ на вѣрный путь къ истинѣ. Араго сперва доказываетъ, что въ образованіи *красныхъ горъ* не участвуютъ ни отраженіе солнечныхъ лучей отъ лунныхъ горъ, ни ихъ преломленіе въ лунной атмосферѣ, вѣроятно, не существующей, ни ихъ погнутіе около краевъ луны или диффракція свѣта. Потомъ, разобравъ измѣренія высотъ *красныхъ горъ*, Араго приходитъ къ очевидному заключенію, что ихъ не можно считать и горами самого солнца, которыя становятся видимыми, по причинѣ слабаго освѣщенія земной атмосферы, соотвѣтствующей солнцу во время его затмѣнія. Послѣ уже такого изслѣдованія, Араго позволяетъ себѣ сдѣлать предположеніе: надъ солнечной *фотосферой* находится особеннаго рода вещество, или самосвѣтящееся, или только способное отражать свѣтъ фотосферы, которое мѣстами скопляется въ видѣ *облаковъ* съ опредѣленными очертаніями и окрашивается упомянутымъ свѣтомъ. Непосредственное слѣдствіе такого предположенія состоитъ въ томъ, что во время затмѣній надлежало бы видѣть *солнечныя облака* не только при краяхъ чернаго круга луны, но и вдали отъ нихъ. Араго находитъ подобное наблюденіе въ Целсіевомъ описаніи полнаго солнечнаго затмѣнія 1733 г., гдѣ знаменитый Шведскій физикъ говоритъ: «Вассеній (Vassenius), профессоръ математики въ Готебургѣ, «видѣлъ въ вѣнцѣ три или четыре небольшихъ блестящихъ

Digitized by Google

«пятна, различной формы, различной величины, вблизи отъ «края луны, но *неприкасающіяся къ ней.*» Если наблюденія надъ затмѣніемъ 1851 г. поддержатъ гипотезу Араго, то астрономы должны будутъ принять, что солнце сложено: 1) изъ темнаго центральнаго шара; 2) изъ огромнаго слоя облаковъ, висящихъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этого шара, и окружающихъ его со всѣхъ сторонъ; 3) изъ *фотосферы* или изъ блестящей атмосферы, облегающей слой облаковъ, и 4) изъ третьей атмосферы, окружающей солнце выше фотосферы, и образованной изъ темныхъ или слабосвѣтящихся облаковъ. Первая облачная оболочка и покрывающая ее фотосфера иногда во многихъ мѣстахъ разрываются и позволяютъ видѣть темное солнечное ядро: въ это время поверхность солнца кажется покрытою черными пятнами. Фотосфера не имѣетъ вездѣ равномѣрнаго блеска; но внимательномъ ея разсмотрѣніи, замѣчаемъ на ней весьма свѣтлыя полосы, расположенныя по различнымъ направленіямъ около солнечнаго экватора: это суть *свѣточи*. До сихъ поръ наблюденія не показали, чтобъ число и форма солнечныхъ пятенъ и свѣточи имѣли вліяніе на температуру земли: «но — говоритъ Араго — облака третьей оболочки «должны дѣйствовать совсѣмъ иначе: какъ вещество непро«зрачное, они должны удерживать значительную часть солнеч«наго свѣта и тепла. Словомъ: если третья оболочка сущест«вуетъ, то, можетъ быть, въ ней заключается причина тѣхъ «великихъ и часто весьма непріятныхъ перемѣнъ, которымъ «бываютъ подвержены времена года.»

Въ предложенномъ собраны всѣ важнѣйшія явленія полнаго солнечнаго затмѣнія, на которыя наблюдатели должны обратить особенное вниманіе въ 1851 г.: теперь остается указать на другія, хотя не столь важныя, однакожъ любопытныя обстоятельства, требующія также или подтвержденія или новыхъ пояснительныхъ замѣчаній.

«Почти чрезъ сорокъ минутъ послѣ начала затмѣнія — «пишетъ Араго — я видѣлъ *контуръ* луны, *обрисовавшій* «на небѣ; онъ составлялъ продолженіе темной дуги, нахо«дящейся уже на свѣтломъ солнечномъ кругѣ, и пересѣкалъ

Digitized by Google

«этотъ кругъ въ двухъ точкахъ на правой и лѣвой сторонѣ. «На лѣвой сторонѣ (въ трубкѣ) контуръ былъ видимъ яснѣе, «нежели на правой. Мои товарищи, Ложье и Мовэ, кото«рымъ я тотчасъ сообщилъ мое наблюденіе, посредствомъ «своихъ трубъ, сперва не замѣчали ни малѣйшаго слѣда лун«наго круга внѣ солнца; въ моей же трубѣ они видѣли его «совершенно ясно; но потомъ Мовэ усмотрѣлъ его и въ своей «трубѣ. Тоже самое замѣтили Г. Буваръ въ Динѣ, и Фло«шеръ въ Тулонѣ.» Такъ какъ въ 1842 г. ни въ Италіи, ни въ Германіи, ни въ Россіи никто не сдѣлалъ подобнаго наблюденія, и можетъ быть, единственно потому, что тогда наблюдатели даже не думали о возможности видѣть луну внѣ солнца; и самъ Араго замѣтилъ ее нсожиданно; то въ 1851 г. на это обстоятельство надобно будетъ обратить особенное вниманіе, дабы увѣриться, что, какъ полагаетъ Араго, видимость луны при солнечномъ затмѣніи не зависитъ отъ свѣта, отражаемаго землей и производящаго на ней освѣщеніе, извѣстное подъ именемъ *пепельнаго*, и которое, при ясной земной атмосферѣ, всегда видимо между новолуніемъ и первой четвертью.

Разсматривая *экраны*, освѣщаемые полнымъ солнцемъ, Араго весьма часто замѣчалъ, въ различныхъ мѣстахъ ихъ поверхности, крутыя и мгновенныя перемѣны въ силѣ свѣта; безъ сомнѣнія, онѣ происходятъ отъ особенныхъ движеній въ слояхъ земной атмосферы, нагрѣваемыхъ солнечными лучами; а потому для полнаго объясненія этого явленія, надобно было сдѣлать наблюденія надъ предметами, освѣщаемыми не полнымъ солнцемъ, но нѣкоторой его частью. Прибывъ въ Перпиньянъ, Араго просилъ любителей астрономіи, предложившихъ ему свои услуги для содѣйствія наблюденіямъ надъ затмѣніемъ 1842 г., смотрѣть на бѣлыя стѣны зданій и записывать съ точностью перемѣны, какія окажутся въ ихъ освѣщеніи во время различныхъ фазовъ затмѣнія. Іюля 9, т. е. на другой день затмѣнія, Фоваль писалъ къ нему слѣдующее: «Предъ самымъ моментомъ полнаго помраченія солнца, я видѣлъ, что послѣдніе солнечные лучи волновались «сильно и скоро на бѣлой стѣнѣ одного зданія на валу С.

Digitized by Google

«Доминика. Это волненіе можно сравнить съ тѣмъ колеблю-«щимся свѣтомъ, который падаетъ на потолокъ, отразившись «отъ поверхности текучей воды. То же самое явленіе возоб-«новилось въ моментъ открытія солнца.» Такое наблюденіе было сдѣлано по предварительному указанію Араго, и можетъ казаться подозрительнымъ; поэтому для его подтвержденія, Араго приводитъ свидѣтельство Е. Бувара о наблюденіи Савурнена (Savournin), принадлежащаго къ духовенству Сейны (Seine). Савурнень видѣлъ на зданіяхъ тѣни и свѣтлыя пятна, бѣгущія другъ за другомъ, какъ бы тѣни облаковъ, проходящихъ предъ солнцемъ. Свѣтлыя пятна казались красными, желтыми, голубыми и бѣлыми. Дѣти гонялись за ними и старались ихъ схватить руками. Это необыкновенное явленіе было замѣчено только за нѣсколько мгновеній до полнаго покрытія солнца. Извѣстіе о подобныхъ наблюденіяхъ Араго получилъ изъ многихъ мѣстъ Франціи, но ни одного изъ Италіи и Германіи; слѣдственно опять надобно ожидать 1851 г.

Все до сихъ поръ предложенное относится къ свойствамъ солнечнаго свѣта, изъ котораго, по неизвѣстнымъ намъ законамъ, образуется вѣнецъ около темнаго круга луны: теперь обратимся къ явленіямъ на этомъ самомъ кругѣ, для рѣшенія слѣдующихъ вопросовъ: 1) Нѣтъ ли на лунѣ большихъ или малыхъ пространствъ, имѣющихъ собственный свѣтъ? 2) Нѣтъ ли на лунѣ и нынѣ дѣйствующихъ волкановъ? 3) Не бываютъ ли въ лунной атмосферѣ (если она существуетъ) бури, сопровождаемыя молніями? Эти вопросы предлагаетъ Араго въ слѣдствіе старыхъ наблюденій Галлея, Лувиля, Уллоа и В. Гершеля, которыя надобно было подтвердить новыми наблюденіями въ 1842 г. На нихъ слѣдовало бы отвѣчать отрицательно и навсегда оставить безъ вниманія, если бы не замѣчанія извѣстнаго Марсельскаго астронома Валльца о двухъ весьма блестящихъ точкахъ, усмотрѣнныхъ имъ на краю луны за 40″ до окончанія полнаго затменія, и не показанія Зентедечи, который наблюдалъ въ Венеціи и видѣлъ на лунѣ слабыя перемежающіяся *молніи* или струи фосфорическаго свѣта, перемѣшенныя съ черными чертами. Прежде объясненія этихъ явленій, должно увѣриться

Digitized by Google

въ дѣйствительномъ ихъ существованіи, чего и надобно ожидать отъ наблюдателей 1851 г.

1838 г. Мая 15 (нов. шт.) Бейли, наблюдая въ Шотландіи солнечное затмѣніе кольцеобразное, замѣтилъ и подробно описалъ слѣдующее явленіе: когда западный край луны начнетъ отходить отъ точки внутренняго прикосновенія съ западнымъ же краемъ солнца, тогда оказываются на немъ зазубрины, которыхъ число потомъ уменьшается, и на мѣсто ихъ, между упомянутыми краями, появляются прямыя, широкія, между собой параллельныя и черныя черты, которыя въ свою очередь исчезаютъ очень скоро. Эти черты тянутся подобно черному и клейкому веществу. Въ 1842 г. ни самъ Бейли и никто изъ прочихъ опытныхъ наблюдателей не видали подобнаго явленія, и Араго нашелъ, что оно возможно только въ томъ случаѣ, когда глазное стекло или окуляръ зрительной трубы бываетъ поставленъ не въ надлежащемъ разстояніи отъ стекла предметнаго, — въ разстояніи, измѣняющемся по глазамъ наблюдателя. Это обстоятельство да послужитъ предостереженіемъ для любителей астрономіи, пожелающихъ наблюдать солнечное затмѣніе 1851 г.

Теперь остается предложить нѣсколько замѣчаній о состояніи земной атмосферы въ продолженіе полныхъ солнечныхъ затмѣній.

Степень освѣщенія земной атмосферы можетъ быть опредѣлена съ точностью числомъ и величиной звѣздъ, которыя бываютъ видимы во время полнаго помраченія солнца. Вотъ что показали наблюденія 1842 г. Въ Перпиньянѣ, Нарбонѣ, Динѣ, и пр. не видали болѣе пяти или шести звѣздъ первой и второй величины; слѣдственно атмосфера не была освѣщена слабѣе, нежели въ лѣтніе сумерки при безоблачномъ небѣ, или даже сильнѣе, потому что Піола въ Лоди могъ читать буквы средней величины, нагнувъ книгу къ красноватому цвѣту, распространявшемуся по горизонту, и потому что въ Венеціи главные садовники ботаническаго сада не замѣтили ни какой перемѣны въ растеніяхъ, которыя по ночамъ свертываютъ свои лепестки и листья. Пониженіе температуры въ атмосферѣ есть необходимое слѣдствіе помраченія солнца:

Digitized by Google

въ Перпиньянѣ и въ другихъ мѣстахъ Франціи и Италіи показанія термометровъ, укрытыхъ отъ прямаго дѣйствія солнечныхъ лучей, уменьшились до 3° стоградуснаго дѣленія. Что жъ касается до перемѣны цвѣта атмосферы и земныхъ предметовъ, то она не подлежитъ никакому сомнѣнію; но для объясненія ея причины надобно наблюдать съ большею осмотрительностью, не пропуская ни одного обстоятельства; особенно должно обращать вниманіе на различіе цвѣтовъ атмосферы и пролагаемыхъ на нее преметовъ. Астрономы, занятые наблюденіями надъ солнцемъ и луной, не могутъ удѣлять достаточнаго времени для разсмотрѣнія атмосферы и окружающихъ предметовъ: это дѣло свободныхъ любителей наукъ физическихъ.

Наконецъ, не считаемъ нужнымъ входить въ подробности о впечатлѣніяхъ, которыя полныя солнечныя затмѣнія производятъ въ людяхъ и въ животныхъ. Въ первыхъ эти впечатлѣнія зависятъ отъ ихъ образованія, личнаго характера и отъ увѣренности, что затмѣніе есть не предзнаменованіе какого-нибудь необыкновеннаго происшествія, но слѣдствіе неизмѣнныхъ законовъ движенія солнца и луны, явленіе, подлежащее строжайшимъ вычисленіямъ. Такъ, напримѣръ, 1842 г. въ Перпиньянѣ астрономы были окружены тысячами любопытныхъ зрителей съ закопченными стеклами, и только удивленіе свое къ точности астрономическихъ предсказаній выразили громкими рукоплесканіями. Но въ Курскѣ, гдѣ народъ не былъ предувѣдомленъ о приближеніи затмѣнія и не имѣлъ никакого понятія о сущности явленія, многіе приходили въ отчаянный страхъ и съ молитвою упадали на колѣни. Что жъ касается до животныхъ, то въ нихъ были замѣчены только дѣйствія инстинкта предъ наступленіемъ ночи: куры собирали своихъ цыплятъ, пѣтухи начинали кричать, а птицы на деревьяхъ прекратили свое пѣнье и чириканье; но лошади и крупный рогатый скотъ не показывали ни малѣйшаго безпокойства.

Д. Перевощиковъ.

Digitized by Google

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ НАХОДКА.

Рѣшеніе вопроса о Царскомъ мѣстѣ, или такъ называемомъ Мономаховомъ тронѣ въ Успенскомъ Соборѣ.

(*По рукописи Погодинскаго Древлехранилища.*)

Въ Успенскомъ соборѣ, у южныхъ дверей, стоитъ узсорочное деревянное Царское мѣсто, о которомъ доселѣ нѣтъ положительныхъ извѣстій, кѣмъ и когда оно устроено. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія его назвали Мономаховымъ, единственно по изображеніямъ, которыми оно украшено, и которыя представляютъ исторію присылки Царскихъ регалій Владимиру Мономаху отъ Греческаго Императора Константина Мономаха. Исторія эта изложена кромѣ того и въ надписи на дверцахъ мѣста.

Относить этотъ тронъ ко временамъ Владимира Мономаха нѣтъ ни малѣйшихъ основаній. Покойный Малиновскій думалъ также, что *мѣсто* могло быть устроено при В. К. Іоаннѣ III. Позднѣйшіе археологи съ большею вѣроятностію относили его къ началу XVII ст. — Впрочемъ мысль изобразить въ украшеніяхъ трона и въ надписи исторію присылки регалій и вѣнчанія на Царство Владимира Мономаха, едва ли могла принадлежать времени Царя Михаила Ѳедоровича, при которомъ небыло уже побудительныхъ причинъ особенно интересоваться этою исторіею. Въ это время изобразили бы скорѣе всего исторію всенароднаго избранія Михаила на Царство (какъ изобразили ее впослѣдствіи въ рисункахъ), а не Мономахово вѣнчаніе и присылку регалій. Мысль изобразить на Царскомъ престолѣ послѣднее событіе могла возникнуть гораздо ранѣе, именно при Грозномъ, когда возбужденъ былъ

Digitized by Google

и самый вопросъ о Царскихъ регаліяхъ и вообще о Царскомъ *санѣ*, столько интересовавшій первовѣнчаннаго Московскаго Царя. — Ниже мы увидимъ, что этотъ тронъ дѣйствительно былъ устроенъ при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ въ 1551 году.

Просматривая одинъ рукописный сборникъ библіотеки М П. Погодина, заключающій въ себѣ разныя историческія посланія XVI вѣка, мы встрѣтили небольшую статью, (4 листка въ 4-ку) названную *отрывкомъ о вѣнчаніи на Царство Всероссійское.* Статейка показалась намъ знакомою: она содержитъ въ себѣ списокъ, или, можетъ быть, прозжъ надписи, находящейся на упомянутомъ Царскомъ мѣстѣ или Мономаховомъ тронѣ. Этотъ списокъ надписи начинается словами библейскаго текста: *Рече Господь азъ избрахъ тяЦаря и взяхъ тя за десную твою руку* и пр., которыя вырѣзаны по вѣнцу или подзору трона. За тѣмъ въ спискѣ слѣдуетъ повѣствованіе о полученіи Владимиромъ Мономахомъ изъ Греціи Царскихъ регалій, вырѣзанное въ четырехъ клеймахъ на дверцахъ трона.* На самомъ тронѣ надпись этимъ и заключается. Но въ спискѣ есть любопытное продолженіе, которое или намѣревались вырѣзать на тронѣ, или оно было уже вырѣзано на какой либо его части, и въ послѣдствіи утрачено.

Продолженіе надписи заключается въ слѣдующемъ:

«Благоволеніемъ, иже Вездѣсущаго Бога въ Троицы славимаго, неизрѣченною силою вся содержащаго Содѣтеля Владыки всей твари, Царь царствующимъ и Господь господствующимъ, иже неизрѣченнымъ Его Промысломъ, и превеликою Его Благодатью, и превысокою Его мышцею и Вседержительною дес-

---

* Памятники Моск Древности. соч. *И М Снегирева* М. 1841—1845, стр. 27-28. Въ сочиненіи Г. Снегирева надпись сначала снята съ дверецъ, потомъ съ подзора; но въ спискѣ она расположена иначе и по нашему мнѣнію правильнѣе. По сличеніи печатнаго текста надписи со спискомъ открылись нѣкоторые, впрочемъ не очень значительные, варіанты. Замѣтимъ одинъ болѣе другихъ важный: — въ надписи на подзорѣ, въ печ. стр 28. «И *дамъ тебѣ* на земли на умноженіе плодовъ» — въ спискѣ: «и *дамъ тобѣ* и пр. — Вообще же нужно замѣтить, что списокъ писанъ довольно небрежно.

Digitized by Google

нищею Господа нашего Іисуса Христа, ситце благоизволеніемъ совершенныя, въ Богоспасаемомъ православномъ и въ великомъ преименитомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, во святей соборней и Апостольстей церкви Пресвятыя Владычицы нашея Богородица и Приснодѣвы Марія, честнаго и славнаго Ея Успенія, преславно вѣнчанъ бысть на царство всея Руси, сія дрьжавы благочестивый и боговѣнчанный Царь и Государь благовѣрный Великій Князь Иванъ Васильевичь, Владимерскій, и Московскій, и Ноугородцкій, и Псковскый, и Смоленскій, всея Русіи Самодержецъ, по закону совершеннаго Царьскаго поставленья и всесвященнаго миропомазаніемъ, на престолѣ древняго достоянія отеческаго благословенія и прародительскаго его наслѣдія, благословеніемъ и рукоположеніемъ первосвятителя Преосвященнаго Митрополита всея Руси киръ Макарія и всего, яже о немъ, пречестнаго и святаго и освященнаго собора и преименитаго свѣтлаго Царьскаго синклита; еже бысть въ лѣто 7055-го генваря 20; шестое надесять лѣто отъ рожества его. Якожъ свидѣтельствуетъ о немъ въ лѣтописаньѣ о царьскомъ ихъ поставленьѣ на златоукрашенныхъ взатворехъ мѣста сего. Сіе же Царьское мѣсто, еже есть престолъ устроенъ бысть въ лѣто 7060 (1551) мѣсяца Сентеврія въ 1 день, въ пятое лѣто державы Царства и государства его.»

«Подъ мѣстомъ Царя и Государя Великаго Князя звѣрь, а ему три имяна: *лютой*, *левъ*, *скиментъ*; второй звѣрь *уена**, третей *орелъ*, четвертой *оскроганъ*, пятой *оскроганъ* же.»

Такимъ образомъ это любопытное извѣстіе разрѣшаетъ всѣ недоразумѣнія о времени устройства царскаго престола.

Что же касается до упомянутыхъ звѣрей, то древняя опись собора, а вмѣстѣ съ нею и позднѣйшіе описатели его достопамятностей не замѣтили ихъ различія и называли *львами*. Одинъ только «Путеводитель къ древностямъ и досто-

---

* По древнимъ словарямъ: *уена* звѣря окрутное, безъ оберненья шыи. (П. Берында). *Уена* есть звѣрь дикій, окрутный.... (Зизаній), *Уена*, медвѣдица, рысь. (Азбуковникъ). Въ сказ. Рус. Нар., Сахарова. Т. II.

Digitized by Google

памятностямъ Московскимъ и пр. М. 1792.» говоритъ, что «Императорское мѣсто.... на рѣзныхъ деревянныхъ различныхъ родовъ звѣряхъ.» Дѣйствительно, не смотря на чрезвычайно грубую отдѣлку этихъ фигуръ, нельзя не замѣтить ихъ различія.* Такъ, фигура, находящаяся подъ правымъ переднимъ угломъ трона, судя по величинѣ головы, должна представлять льва; другая фигура, подъ правымъ заднимъ угломъ, изображаетъ *уену* съ высунутымъ изъ пасти довольно длиннымъ языкомъ. Остальные два звѣря, сходные между собою по острымъ мордамъ, по всему вѣроятію (неизвѣстные намъ) *оскроганы*. Двуглавый орелъ утвержденъ на самомъ верху трона

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что помѣщеніе именно этихъ звѣрей подъ Царскимъ престоломъ не могло произойти случайно. Звѣри и самый выборъ ихъ скрываютъ какіе-либо символы, доселѣ еще не разъясненные и, вмѣстѣ со многими другими символическими изображеніями, представляющіе любопытный вопросъ для нашей археологіи.

И. Забѣлинъ.

* Оно видно даже и на рисункѣ трона (см. въ Памятникахъ Моск. Древности, стр. 27), гдѣ изображены внизу подъ углами трона уена и оскроганъ.

Digitized by Google

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

О НАМѢРЕНІЯХЪ ВЪ ПРИРОДѢ И ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХСЯ ВЪ НИХЪ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХЪ БЫТІЯ БОЖІЯ.

Въ твореніихъ руку Твоею поучахся. *Пс. 142.*

Самаго слабаго вниманія къ самимъ себѣ и окружающимъ насъ предметамъ достаточно, чтобы замѣтить въ природѣ *намѣренія.*

Кто не видитъ, что руки даны намъ *для* дѣйствованія, ноги *для* движенія по землѣ, органы чувствъ и умъ *для* различенія предметовъ и пріобрѣтенія вѣдѣнія о вещахъ, органъ слова *для* сообщенія мыслей и *для* общежительства? Кто не знаетъ, что безъ пищи ни мы, ни другія животныя не могли бы жить, безъ воздуха не могли бы дышать, безъ свѣта солнечнаго не могли бы ни чего различать на землѣ?

Справедливо, что человѣкъ не можетъ постигнуть *всѣхъ* намѣреній природы. Намъ не дано этой способности и едва ли она возможна *для* существъ ограниченныхъ. Но въ природѣ всякъ видитъ зависимость вещей однѣхъ отъ другихъ, а въ зависимости открываются намѣренія творчества. Внимательное разсматриваніе дѣйствій природы убѣждаетъ насъ въ этомъ до совершенной очевидности.

Взглянемъ на строеніе нашего тѣла.

Оно, со множествомъ сосудовъ и движущимися въ нихъ разнаго рода жидкостями, основано на крѣпкомъ *костяномъ оставѣ*; нѣжнѣйшія и важнѣйшія его части, *для* защиты ихъ отъ внѣшнихъ насилій, окружены костяными *оградами.*

Digitized by Google

Этотъ же самый оставъ, служа основою мягкимъ частямъ и защитою нѣжнымъ органамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ удивительное соединеніе *рычаговъ*, которыми, съ помощію протянутыхъ по нимъ мышцъ, этихъ живыхъ пружинъ животнаго механизма, производятся всѣ наши движенія, произвольныя и невольныя, иногда очень сильныя, иногда чрезвычайно быстрыя, и всегда до безконечности разнообразныя. Безъ такого устройства человѣкъ не былъ бы въ состояніи производить ничего того, что дѣлаетъ онъ для удовлетворенія своимъ потребностямъ, что удивляетъ насъ въ его силѣ, или ловкости, и восхищаетъ въ искусствахъ.

Во внутренности костянаго строенія помѣщены приборы нашихъ жизненныхъ отправленій, всѣ сосуды и органы, посредствомъ коихъ мы питаемся, живемъ и чувствуемъ. Здѣсь представляется тотъ чудный *приборъ пищеваренія*, въ которомъ поглощаемая нами разнородная и часто грубая пища начинаетъ получать свое непостижимое преобразованіе, чтобы обратиться въ существо живое, сдѣлаться составною частію насъ самихъ. Въ этомъ, на видъ простомъ и не очень благородномъ снарядѣ, по которому такъ раболѣпно служитъ нашъ вкусъ, заготовляется весь матеріалъ нашего тѣла и, съ источникомъ жизни, сокрытъ источникъ самой большей части нашихъ животныхъ наслажденій, нашего тѣлеснаго благополучія.

Надъ пищеварительнымъ приборомъ, который, со всѣми его принадлежностями и продолженіемъ, отдѣленъ отъ благородныхъ органовъ особенною преградою, въ реберной оградѣ повѣшенъ органъ *дыханія*. Это губчатый кровочистительный приборъ, въ которомъ, каждымъ вдыханіемъ воздуха и каждымъ его выдыханіемъ, очищается наша кровь отъ смертоноснаго избытка въ ней угольнаго вещества и вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ изъ разложенной имъ части кислороднаго газа извѣстное количество теплоты, которая раздѣляется потомъ по тѣлу для вознагражденія безпрестанныхъ ея потерь чрезъ испаренія. О важности дыхательнаго органа всякъ легко можетъ судить по извѣстнымъ послѣдствіямъ прерваннаго дыханія.

Digitized by Google

Внутри легкихъ устроенъ сильный мышечный насосъ, разливающій очищенную и согрѣтую въ нихъ кровь по всему тѣлу, чрезъ артеріи, и принимающій въ себя обратно, чрезъ вены, неочищенную, для передачи ея опять этому чистилищу. Это *сердце*, котораго безпрерывную работу для нашей жизни мы слышимъ по его ударамъ. Съ прекращеніемъ его біенія останавливается и стынетъ кровь въ жилахъ и жизнь прекращается.

Надъ сими органами и надъ отличительными орудіями человѣческой дѣятельности, руками, благородно возвышается, заключенный въ крѣпкомъ костяномъ хранилищѣ, престолъ повелительницы нашего тѣла, души, и непостижимое орудіе таинственныхъ ея дѣйствій, *мозгъ*, окруженный *органами чувствъ*, посредствомъ которыхъ состоитъ она въ сознаніи съ міромъ. Въ мозгу сходятся, или изъ него выходятъ всѣ нити *нервовъ*, которые, какъ отрасли этого вещества, распространяются по всѣмъ частямъ тѣла, для сообщенія имъ жизни и способности ощущенія; по всѣмъ органамъ чувствъ, для принятія отъ нихъ и перенесенія въ душу впечатлѣній; по всѣмъ орудіямъ движенія, для передачи имъ воли души. Этотъ органъ такъ важенъ для дѣйствій нашей души и для самой жизни всего тѣла, что малѣйшее его разстройство приводитъ въ замѣшательство, или повергаетъ въ бездѣйственность всѣ наши не только тѣлесныя, но и душевныя способности; а всякое его поврежденіе причиняетъ смерть.

Изъ органовъ чувствъ, которыхъ назначеніе столько же очевидно, какъ назначеніе рукъ и ногъ, *зрѣніе* и *слухъ*, первѣйшіе пособники души и вѣрнѣйшіе ея служители, болѣе другихъ удивляютъ насъ и очевидностію открывающихся въ нихъ намѣреній творчества, и обширностію соображеній, принятыхъ въ ихъ строеніи, и простотою ихъ устройства. На слухѣ основанъ *даръ слова*, эта необходимая потребность человѣческой природы; а строеніе слуха основано на упругости воздуха. Отъ зрѣнія зависятъ почти всѣ наши вещественныя понятія о мірѣ и самая наша жизнь, сколько она зависитъ отъ удовлетворенія естественныхъ потребностей; а

Digitized by Google

само зрѣніе зависитъ отъ лучей свѣта, по соображенію съ которыми оно устроено. Въ строеніи глаза поразительна простота механическаго соединенія трехъ прозрачныхъ жидкостей, основаннаго на самыхъ первыхъ и простыхъ законахъ преломленія лучей. Долондъ, по указаніямъ Нютона, подражая этому строенію, исправилъ недостатокъ тогдашнихъ зрительныхъ трубъ; а самъ Нютонъ столько былъ пораженъ этимъ устройствомъ нашего органа, что даже въ немъ одномъ находилъ неопровержимое доказательство бытія Божія.

Вотъ слабыя указанія намѣреній творчества, открывающихся при простомъ взглядѣ на нѣкоторыя изъ самыхъ важнѣйшихъ частей нашего тѣла. Тщательное изученіе его устройства, открывая назначеніе каждой части, показываетъ столько же частныхъ цѣлей или намѣреній, сколько частей заключаетъ въ себѣ этотъ многосложнѣйшій механизмъ. Всѣ эти части, при безконечномъ ихъ разнообразіи, имѣя одну общую цѣль, жизнь недѣлимаго, соглашены между собою въ ихъ формахъ, силахъ и дѣйствіяхъ, и приведены къ этому единству цѣлаго, по одной общей мысли, одною Великою Мудростію.

Въ устройствѣ тѣлъ *животныхъ* столько же, какъ и въ строеніи нашего тѣла, видно назначеніе ихъ частей и органовъ, и столько же ясно открываются намѣренія природы. Какъ существа органическія и одушевленныя, всѣ животныя снабжены органами питанія, орудіями произвольнаго движенія и органами чувствъ, необходимыми для ощущенія и разумѣнія. Въ нихъ пищевареніе, уподобленіе пищи и внутреннее обращеніе соковъ совершаются, хотя не у всѣхъ единообразно, однакожъ по одному общему всѣмъ началу одушевленной жизненности. Но какъ роды животныхъ чрезвычайно многочисленны и количество жизни, данное въ удѣлъ каждому, весьма различно, то и строеніе ихъ тѣла весьма разнообразно. Это разнообразіе еще болѣе увеличивается различіемъ стихій, въ которыхъ предопредѣлено жить каждому роду, и пищи, которою назначено каждому питаться; различіемъ мѣста и климата, въ какихъ суждено каждому

Digitized by Google

обитать, и наконецъ различіемъ образа жизни, опредѣленнаго для каждаго рода, и даже самымъ ея продолженіемъ. Вообще можно сказать, что нѣтъ почти мѣста на земномъ шарѣ, въ которомъ бы не было какого-нибудь рода одушевленныхъ существъ, и природа всѣхъ ихъ соглашена съ мѣстностію и другими обстоятельствами ихъ жизни.

Жизненныя потребности всѣхъ животныхъ, равно какъ и человѣка, обезпечены особенными внутренними побужденіями, не зависящими отъ воли и основанными на способности ощущенія. Питаніе обезпечено чувствомъ голода и жажды; сохраненіе равновѣсія теплоты — чувствомъ холода и жара; самохраненіе — любовію къ жизни; безопасность отъ разрушительныхъ силъ — болію отъ ихъ дѣйствія; безопасность отъ произвольнаго насилія — гнѣвомъ и мщеніемъ, какъ средствами отражающими, и страхомъ, какъ средствомъ спасающимъ; общее благосостояніе тѣла — пріятнымъ ощущеніемъ здоровья и жизни и удовольствіями, происходящими отъ удовлетворенія жизненныхъ потребностей. Сіи удовольствія составляютъ вмѣстѣ и счастіе животной жизни.

Для удовлетворенія сихъ побужденій, животныя, при способности *произвольныхъ движеній*, одарены *разумѣніемъ* въ различныхъ степеняхъ. Ощущенія побуждаютъ ихъ дѣйствовать, а разумѣніе направляетъ ихъ дѣйствія къ цѣлямъ. Безъ побужденій и разумѣнія животныя не могли бы существовать, и на земномъ шарѣ не было бы совсѣмъ царства животнаго.

Но человѣкъ, раздѣляющій съ животными ихъ тѣлесную природу и всѣ ея потребности и одаренный одинаковыми съ ними чувствами тѣлесныхъ побужденій, сверхъ того имѣетъ еще другую, гораздо важнѣйшую и благороднѣйшую, *духовную* природу, съ которою сопряжено для него другое, совсѣмъ отличное отъ животныхъ, высшее назначеніе, и дарованы ему другія ощущенія и побужденія, другія способности и силы душевныя и особенный тѣлесный даръ, органъ слова. Видѣніе его не заключается въ однихъ чувственныхъ представленіяхъ и не ограничивается предѣлами одной его собственной, индивидуальной жизни;

Digitized by Google

ему подлежатъ все пространство земнаго шара, вся протекшая жизнь человѣчества и безпредѣльная область истинъ отвлеченныхъ. Постигая законы природы, онъ не только пользуется дарами ея щедрости, но и заставляетъ ее производить гораздо болѣе, для удовлетворенія своихъ разнообразныхъ потребностей и даже прихотей. Его разумъ, открывая ему его высшую природу и высокое назначеніе, представляетъ ему не чувственныя, но другія, высшія и благороднѣйшія побужденія къ дѣяніямъ, побужденія нравственныя, духовныя. Его воля, озаренная симъ свѣтильникомъ, не покоряется рабски тѣлеснымъ влеченіямъ и въ удовлетвореніи ихъ однихъ не полагаетъ уже цѣли жизни, счастія. Напротивъ, свободно все избирая, она торжествуетъ надъ тѣлесными побужденіями и удовольствіями, находя высшее благо въ покорности разуму и проистекающемъ изъ того одобреніи совѣсти, этого чувства духовной природы. Самыя тѣлесныя его побужденія, подъ управленіемъ разума и подъ вліяніемъ побужденій нравственныхъ, облагораживаются и становятся въ соотвѣтственность съ его высшею природою и высшимъ назначеніемъ.

Даръ *слова*, эта исключительная принадлежность разумнаго существа, составляетъ вмѣстѣ и необходимое условіе назначенія человѣка. Безъ слова, при всѣхъ великихъ способностяхъ нашей души, мы не отличались бы отъ неразумныхъ животныхъ. Мы не могли бы пріобрѣтать не только никакихъ отвлеченныхъ, но и самыхъ простыхъ описательныхъ понятій, переходящихъ нынѣ изъ устъ въ уста, отъ народа къ народу, отъ вѣка въ вѣкъ. Все пространство мѣста и времени, заключающееся внѣ сферы нашего индивидуальнаго бытія, безъ дара слова, было бы для насъ покрыто вѣчнымъ мракомъ непзвѣстности. Общественная жизнь, со всѣми ея преимуществами, и всѣ благодѣянія гражданскихъ законовъ и порядка; познаніе нашей духовной природы и ея значенія, со всѣми ея возвышенными ощущеніями и наслажденіями; познаніе истины и верховныхъ благъ, познаніе самого Творца вселенной и нашихъ къ нему отношеній, словомъ, все, что теперь составляетъ нравственное и главнѣй-

Digitized by Google

шее достоинство человѣка, что возвышаетъ его столько надъ всѣми прочими животными, тогда не существовало бы даже именемъ. Кто можетъ отвергнуть здѣсь очевидность намѣреній творчества? И не достаточно ли однихъ этихъ примѣровъ для заключенія, что и во всей природѣ все должно быть устроено также съ цѣлями и по соображеніямъ? Но поступимъ далѣе.

Въ *растеніяхъ* нѣтъ произвольнаго движенія, нѣтъ разумѣнія, ни ощущенія, нѣтъ и органовъ, посредствомъ которыхъ совершаются сіи, равно какъ и прочія явленія животной жизни. Но растенія состоятъ изъ вещества сосудистаго, ростутъ и живутъ питаніемъ и дыханіемъ: во внутренности ихъ движутся соки, подобно сокамъ и крови животныхъ, и для того они снабжены сосудами всасывающими, проводящими и испаряющими. Они, подобно животнымъ, принимая въ себя тѣла органическія, или мертвые остатки органическихъ, уподобляютъ ихъ своему составу, дѣлая органическими, и сообщаютъ имъ свою жизнь. Они дышатъ, подобно животнымъ, и также испаряютъ жидкости, ненужныя для продолженія ихъ жизни. Все строеніе ихъ, также какъ и строеніе тѣлъ животныхъ, и въ частяхъ, и въ цѣломъ, и въ отношеніи ко всей окружающей природѣ, исполнено очевидностію намѣреній творчества.

Въ образованіи какъ животныхъ, такъ и растеній, весьма замѣчателенъ законъ *уподобленія* пищи каждымъ неделимымъ его роду и происходящее изъ того безконечное различіе ихъ формъ, при однихъ и тѣхъ же химическихъ основаніяхъ, въ составъ ихъ входящихъ. Одна и та же трава питаетъ и вола, и лошадь, и овцу, и козу; а какое различіе въ ихъ формахъ! Всѣ вообще животныя питаются или листьями, или зернами растеній, или же суть плотоядныя; но формы ихъ до безконечности различны. Въ растеніяхъ видимъ мы тотъ же законъ. На одну землю падаютъ сѣмена мака и дуба, пшеницы и бѣлены, розы и табаку; одними соками изъ земли, одною влажностію изъ атмосферы, однимъ воздухомъ, одною теплотою и свѣтомъ солнца они питаются, дышатъ, согрѣваются, растутъ и живутъ; а какое великое различіе въ ихъ формахъ

Digitized by Google

и свойствахъ! Вообразимъ же, какимъ безчисленнымъ множествомъ растеній покрывается наша планета и какое безконечное разнообразіе представляется въ ихъ формахъ! Но обратимся опять къ ихъ химическимъ началамъ; вездѣ найдемъ тѣ же *углеродъ*, *водородъ*, *кислородъ* и *азотъ*, съ небольшимъ количествомъ началъ ископаемыхъ.

Въ царствѣ животномъ, равно какъ и въ растительномъ, каждому недѣлимому назначенъ, по его роду, предѣлъ жизни, за которымъ слѣдуетъ разрушеніе его организма и разложеніе всего тѣла на химическія, безжизненныя начала. Если бы природа не обезпечила особеннымъ образомъ продолженія рода каждаго живаго существа; то бы шаръ земной въ короткое время опустѣлъ и обнажился, лишась всѣхъ животныхъ и растеній, и остался бы съ одною своею минеральною корою, голою и безжизненною. Но природа, всегда согласная сама съ собою, всѣмъ животнымъ и растеніямъ даровала *плодотворныя* силы, которыя, не смотря на непремѣнный законъ смертности всего живущаго на землѣ, сохраняютъ на ней безпрерывную жизнь. Какое множество дѣтей произраждаютъ иныя животныя, какое огромное количество сѣменъ производятъ почти всѣ растенія, прежде нежели сами умираютъ! Растенія, сверхъ сѣмени, заключаютъ еще способность возрожденія въ почкахъ, которыми во множествѣ усѣяна поверхность большей части ихъ. Кажется, во всякомъ членѣ ихъ заключена сила воспроизведенія. И все это обезпечено въ живущихъ существахъ самымъ постояннымъ, существеннымъ ихъ образованіемъ, видимо для предназначенной цѣли и во всѣхъ по одному общему началу устроеннымъ Младенчество животныхъ охраняется чувствомъ родительской любви, а сверхъ того въ большей части обезпечивается и питаніемъ, заготовляемымъ въ груди матери самою природою. Какъ умилительны въ сихъ тваряхъ всѣ попеченія, какимъ предаются онѣ для исполненія этого долга природы! Какъ примѣчательны попеченія самой природы, какими сопровождаетъ она таинство возрожденія въ растеніяхъ! Возможно ли отвергнуть здѣсь очевидность намѣреній?

Digitized by Google

Царство *ископаемыхъ* не столько поражаетъ насъ явленіями своего бытія, какъ царства органическія. Въ немъ нѣтъ той многосложности строенія, нѣтъ того безконечнаго разнообразія формъ, ни того безпрерывнаго движенія жизненности, въ какихъ заключается существованіе животныхъ и растеній, покрывающихъ и украшающихъ шаръ земной. Но царство ископаемыхъ отличается кристаллизаціею, которая удивляетъ насъ своею *правильностію* и красотою.

Обратимся къ *красотамъ* природы. Онѣ не столько поражаютъ умъ очевидностію намѣреній творчества, сколько прельщаютъ чувства своимъ на нихъ дѣйствіемъ и удивляютъ насъ своимъ безконечнымъ разнообразіемъ и богатствомъ въ общемъ убранствѣ природы. Кто не любовался изяществомъ формъ и не восхищался игрою свѣта, разсматривая, въ царствѣ неорганическомъ, кристаллы, въ растеніяхъ — листья и цвѣты, въ птицахъ и крылатыхъ насѣкомыхъ — ихъ перья, въ самыхъ рыбахъ и пресмыкающихся — ихъ разновидные, узорчатые покровы? Кто не наслаждался въ голосѣ человѣческомъ или въ звукахъ орудій искусственныхъ, волшебнымъ упоеніемъ мелодіи и гармоніи? Не есть ли это *чувственное* изліяніе благости въ творчествѣ? Не служитъ ли оно нашей природѣ введеніемъ въ красоты и наслажденія нравственныя, духовныя? Но, что не подлежитъ сомнѣнію, все это есть произведеніе *порядка*, *правильности*, *соразмѣрности*; выраженіе мѣры, точности, стройности, согласія; выраженіе и необходимое слѣдствіе *законности*, *совершенства*, *мудрости*. И что было бы въ мірѣ безъ строгой мѣры и точности, безъ согласія и стройности, безъ законовъ и мудрости, тамъ, гдѣ все безпрерывно движется, дѣйствуетъ, измѣняется?

Отъ насъ сокрыто все, что происходитъ внѣ обитаемой нами планеты; но мы знаемъ несомнѣнно, что на нашей планетѣ не было бы ни животныхъ, ни растеній, если бы *солнце* не согрѣвало ее и не освѣщало своими лучами; не было бы воды и ледъ былъ бы, можетъ статься, крѣпче алмаза; не было бы воздуха, въ составъ котораго входятъ теплота и свѣтъ; слѣдственно не было бы никакой жизни. Если нельзя думать,

Digitized by Google

что солнце, это огромное тѣло, во столько разъ превосходящее землю своею величиною, для земли только существуетъ; то, съ другой стороны, нельзя сомнѣваться въ великой и существенной зависимости отъ него нашей планеты со всѣмъ, что на ней и въ ней находится и происходитъ. Для того она ежедневно обращается передъ солнцемъ на своей оси и ежегодно дѣлаетъ около него огромный кругъ. Послѣдній простолюдинъ можетъ видѣть и понять эту зависимость; можетъ ли отвергнуть ее философъ, или не признать въ ней великихъ намѣреній творчества?

Кромѣ земли, солнце имѣетъ еще другія *планеты*, которыя около него обращаются. Мы не знаемъ, что на нихъ происходитъ; однакожъ не можемъ сомнѣваться, что и онѣ, подобно землѣ, освѣщаются и согрѣваются лучами сего свѣтила. Изъ этого со всею вѣроятностію мы можемъ заключить, что и на нихъ его благотворная сила также распространяетъ жизнь, какъ на землѣ, которую нѣкоторыя изъ нихъ, особенно же всѣ онѣ вмѣстѣ, далеко превосходятъ величиною.

Но наша солнечная система не одна во вселенной. Милліоны *звѣздъ* блистаютъ надъ нами и подъ нами въ безднахъ пространства небесъ. Неизмѣримая отдаленность, изъ какой досягаетъ до насъ свѣтъ ихъ, доказываетъ, что всѣ онѣ суть огромныя, самосвѣтящіяся тѣла. Нельзя думать, чтобы онѣ существовали только для блеска въ нашихъ глазахъ и безъ цѣли разливали теплоту по безднѣ пространства. Вѣрно онѣ, также какъ и наше солнце, имѣютъ свои планеты, которыя грѣютъ и освѣщаютъ, покрывая и наполняя жизнію.

Наконецъ новѣйшіе наблюдатели неба открыли, что и само наше солнце, казавшееся неподвижнымъ, со всею его планетною системою, влечется куда-то по пространству небесъ, къ сторонѣ созвѣздія Геркулеса. Оно пробѣгаетъ въ годъ 200 милліоновъ верстъ. Влеченіе предполагаетъ силу; сила предполагаетъ тѣло, въ которомъ она заключается; слѣдовательно въ звѣздномъ небѣ должно быть еще какое-то неизвѣстное намъ тѣло, какой-то исполинъ звѣздъ, который изъ неизмѣримаго отдаленія владычествуетъ и надъ свѣтлымъ

Digitized by Google

повелителемъ нашей бѣдной, темной кучки небесныхъ тѣлъ, и вѣроятно не одна эта кучка, съ своимъ владыкою, ему покорствуетъ. Какой поразительный примѣръ связи и единства на необъятномъ пространствѣ! Здѣсь мы уже не постигаемъ намѣреній творчества, но должны признать, ибо видимъ безпредѣльность соображеній, бездну премудрости и силы.

Смотря на сводъ небесный, наполненный неизчетнымъ множествомъ звѣздъ, и принимая ихъ за солнца, подобныя нашему и окруженныя своими невидимыми для насъ планетами, мы должны заключить, что и всѣ звѣзды съ ихъ планетами, подобно нашему солнцу, движутся, или состоятъ во взаимной связи и зависимости между собою. Пылинка, носимая вѣтромъ въ пространствѣ атмосферы, колеблемая имъ въ пустынной степи былинка, движутся безъ плана безъ цѣли. Не для того носится вѣтръ надъ поверхностію земли, чтобъ играть легкими тѣлами; не для того существуютъ легкія тѣла, чтобы служить игралищемъ вѣтрамъ; движеніе ихъ есть побочное дѣйствіе силъ, имѣющихъ свои особенныя, главныя назначенія. Не таково правильное и стройное теченіе тѣлъ небесныхъ. Подобно движенію земли около солнца, оно непремѣнно должно имѣть свою цѣль и должно управляться однимъ общимъ закономъ, содержаться въ согласіи одною общею силою, обниматься одною общею мыслію во всей безпредѣльности его пространства и во всей безднѣ подробностей, до самомалѣйшихъ существъ каждой планеты, до послѣднихъ монадовъ каждаго вещества, всякой матеріи. «Всѣ эти бездны свѣтилъ, говоритъ нашъ молодой наблюдатель и краснорѣчивый описатель неба, вѣроятно дѣйствуютъ другъ на друга и составляютъ одну общую, безпрерывную часть творенія.» (Зеленый. Лекціи Популярной Астрономіи, стр. 421).

Кто предназначилъ имъ эту цѣль? Кто предначерталъ пути ихъ сложнымъ движеніямъ и далъ имъ потребныя для того силы, дѣйствующія внѣ сферы собственнаго бытія тѣлъ на неизмѣримыя разстоянія? Кто всѣ сіи движенія, направленныя къ одной великой цѣли, содержитъ въ согласіи и всѣ производящія ихъ силы въ равновѣсіи? Всякое животное на

Digitized by Google

земной поверхности и въ глубинѣ водъ, всякое растеніе, всякая ихъ часть, до послѣдняго монада, устроены и расположены по соображеніямъ съ потребностями цѣлаго недѣлимаго, со всѣми взаимными ихъ отношеніями, со всѣми стихіями и силами земнаго шара, со всѣми дѣятелями природы; весь шаръ земной поставленъ, по своимъ произведеніямъ, въ существенную и необходимую зависимость отъ солнца; а солнце, съ его планетами, подчинено другимъ тѣламъ небеснымъ, и то же самое съ основательностію должно заключить о всей вселенной. Кто все это сообразилъ и устроилъ? Какая мудрость все это обняла въ безпредѣльности пространства и времени, все предусмотрѣла отъ начала вѣковъ до безконечности, и все учредила? Какая сила все это создала и содержитъ?

«Если бы были люди, говоритъ Аристотель, которые бы родившись въ подземельи и живя тамъ въ богатыхъ чертогахъ, среди всѣхъ убранствъ роскоши, въ удовольствіяхъ, какими только можетъ наслаждаться человѣкъ, почитающій себя благополучнымъ, никогда не выходили на свѣтъ и по однимъ только сказаніямъ слышали о бытіи Верховнаго Существа и его силѣ; но потомъ вдругъ вышли бы изъ подземелья и явились между нами: какъ скоро увидѣли бы они землю, моря и небо и познали величіе облаковъ и силу вѣтровъ; какъ скоро увидѣли бы солнце и познали его великолѣпіе и дѣйствія; когда узнали бы, что оно даетъ день, озаряя свѣтомъ все небо; и потомъ, когда земля покрывается мракомъ ночи, увидѣли бы они все небо, украшенное звѣздами, и луну съ перемѣнными ея видами; наконецъ увидѣли бы, что всѣ сіи свѣтила восходятъ и заходятъ, и познали бы всегда точное и постоянное ихъ теченіе: то безъ сомнѣнія заключили бы, что есть Богъ и что все имъ видимое есть твореніе Божіе.» — Также разсуждалъ и другой великій древній философъ, Цицеронъ, который, въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, приводитъ сіи слова Аристотеля. (De natura deorum. Lib. II).

Но не такъ разсуждаютъ нынѣ пантеисты, послѣ двадцативѣковыхъ успѣховъ философіи и человѣчества, которыми они такъ высокомѣрно превозносятся предъ великими учителями

Digitized by Google

древности. Шеллингъ говоритъ: «Природа есть священная, *вѣчно* созидающая, *первобытная* (?) сила міра, всѣ вещи порождающая *изъ себя самой* и доводящая ихъ до самодѣятельности (?)» Слѣдственно, по его мнѣнію, міръ существуетъ отъ вѣчности, и въ немъ все творится само собою, само изъ себя, безъ всякой другой высшей надъ нимъ силы.

Конечно не можетъ быть сомнѣнія, что всѣ явленія природы совершаются дѣйствіемъ ея *собственныхъ* силъ, составляющихъ постоянное ея свойство, или ея сущность. Такъ камень, падающій на землю, движется силою своей собственной тяжести, или земля притягиваетъ его своею собственною силою тяготѣнія; такъ части всякаго твердаго тѣла держатся между собою своимъ взаимнымъ сцѣпленіемъ. Охлажденная капля воды твердѣетъ и кристаллизуется собственною силою ея частицъ. Зерно растенія, при извѣстной степени теплоты и при содѣйствіи другихъ стихій, своею собственною силою прозябаетъ и образуется въ растеніе своего рода. Яйцо птицы и насѣкомаго и всякое сѣмя животное, при извѣстныхъ условіяхъ, своею собственною, внутреннею и врожденною силою развертываются и образуются въ животныхъ своего рода. Такъ земля и прочія планеты ихъ собственными силами, вмѣстѣ съ силою солнца, движутся около сего свѣтила. Наконецъ, такимъ же образомъ мы и всѣ существа одушевленныя собственными своими внутренними, врожденными намъ силами образуемся, живемъ, движемся и дѣйствуемъ.

Мы не можемъ думать, чтобы, вмѣсто силъ природы, самъ Творецъ всегда и непосредственно въ ней дѣйствовалъ. Во-первыхъ мы, заставляя природу дѣйствовать по своимъ видамъ, не рѣдко, или по заблужденію, или же и прямо съ худымъ намѣреніемъ, во зло употребляемъ ея силы. Этого не могло бы быть, если бы, вмѣсто силъ природы, дѣйствовалъ въ ней самъ Творецъ. Высочайшее Существо не можетъ служить орудіемъ нашей слѣпой, особливо же злой воли. Самая наша природа, по ея ограниченности, такъ легко уклоняется ко злу, что дѣйствій ея не возможно приписать Существу Всесовершеннѣйшему. Во-вторыхъ мы не рѣдко встрѣчаемъ

Digitized by Google

въ физической природѣ отступленія отъ ея собственныхъ формъ. Какъ случайныя столкновенія силъ самой природы, неизбѣжныя по причинѣ ея ограниченности, подобныя явленія, называемыя уродами, или игрою природы, совершенно понятны: но какъ непосредственное дѣйствіе безпредѣльной мудрости, или всевѣдѣнія и безпредѣльнаго могущества, они не возможны. Наконецъ и то, что составляетъ не случайныя столкновенія силъ, но самую сущность вещей, т. е. ограниченность, видимая нами во всемъ мірѣ, доказываетъ, что природа дѣйствуетъ собственными, врожденными ей силами. Въ ней всякое совершенство, всякое добро имѣютъ свои предѣлы: свѣтъ смѣняется тьмою, теплота—холодомъ, здоровье — болѣзнями, радость—печалію, наслажденіе—страданіями, жизнь—смертію, твореніе — разрушеніемъ, бытіе — уничтоженіемъ. Это то, что мы называемъ зломъ, въ противоположность тому, что носитъ на себѣ имя и качества блага; это ограниченность природы, ея сущность, необходимая принадлежность всего сотвореннаго и всего возможнаго внѣ Существа Верховнаго, Единаго Безпредѣльнаго и Всесовершеннаго.

Конечно мы, не только чувствами, но и умомъ не постигаемъ того, что называемъ *силою*. Мы говоримъ: сила притягивающая, отталкивающая, движущая; сила тяготѣнія, сила тяжести, химическаго притяженія; сила теплоты, свѣта, электричества, магнетизма; силы растительныя, жизненныя; и наконецъ всѣ вмѣстѣ, или поодиначкѣ, называемъ ихъ *силами природы*; потому что видимъ, или ощущаемъ ихъ дѣйствія: но сущности ни которой изъ нихъ ни малѣйше не постигаемъ. Означая словомъ *сила* непостижимую для насъ *причину* видимаго, или ощутительнаго явленія, мы довольствуемся тѣмъ, что другіе понимаютъ, на что мы указываемъ. Постоянный образъ дѣйствованія природы, или силъ, мы называемъ *законами* природы. Изучая законы природы, мы даже заставляемъ ее дѣйствовать по нашимъ желаніямъ, точно также, какъ приводимъ въ дѣйствіе свои собственныя силы. И такъ мы не постигаемъ сущности силъ. При всемъ томъ мы не можемъ не признать ихъ, какъ способность извѣстнаго образа дѣйствованій природы, и ясно видимъ, что

Digitized by Google

эта способность заключается въ самой природѣ, какъ ея сущность, а не извнѣ, какимъ бы то образомъ ни было, ей приходитъ.

Но изъ того, что творящія силы природы заключаются въ ней самой, отнюдь не слѣдуетъ, что природа ни отъ кого ихъ не получила, а сама отъ себя имѣетъ, и потому сама безначальна, сама изъ себя все творитъ и творитъ вѣчно, какъ учитъ Шеллингъ. Въ дѣйствіяхъ природы мы видимъ *цѣли* и *намѣренія*; а это по необходимости предполагаетъ *соображенія*; соображенія же невозможны безъ *разумѣнія*. Слѣдственно, въ изысканіи послѣдней причины вещей, нельзя остановиться на заключеніи, что природа вездѣ дѣйствуетъ собственными силами; но необходимо должно рѣшить вопросъ: *самой ли природѣ принадлежатъ соображенія, примѣчаемыя нами въ ея творчествѣ и необходимыя во всякомъ дѣйствіи, въ которомъ есть цѣли и ведущіе къ нимъ пути, или употребляемыя для нихъ средства, есть преемственность и порядокъ и установленные для нихъ законы?* Самой ли природѣ окончательно должно приписать ту безпредѣльную мудрость, которой мы удивляемся въ ея дѣйствіяхъ? — Разсмотримъ нѣсколько примѣровъ ея дѣйствій. Обратимся къ *общимъ великимъ дѣятелямъ* и *силамъ* нашей планеты.

Вода, собранная въ особенныя великія хранилища на земномъ шарѣ, безпрестанно подымается въ воздухъ, въ видѣ паровъ, и вмѣстѣ съ нимъ, объемля всю землю, то питаетъ на ней растенія, чрезъ свое къ нимъ прикосновеніе изъ атмосферы; то, низпадая дождемъ и снѣгомъ, образуетъ источники и рѣки, для напоенія животныхъ. Въ рѣкахъ и океанахъ она служитъ стихіею великому множеству рыбъ и разнаго рода живущихъ тварей. Безъ нея не было бы на земномъ шарѣ ни растеній, ни животныхъ, слѣдственно не было бы никакой жизни. Самымъ химическимъ соединеніямъ въ неорганическомъ царствѣ она большею частію служитъ необходимою посредницею. Сама ли себѣ сдѣлала она такое великое и разнообразное назначеніе и по своему ли намѣренію и разумѣнію его исполняетъ? Конечно нѣтъ! Напротивъ, мы ясно видимъ, что во всѣхъ сихъ явленіяхъ она большею частію

Digitized by Google

повинуется силамъ постороннимъ, а потому остается въ состояніи *страдательномъ*, въ которомъ собственныя намѣренія и разумѣніе, еслибъ и были для нея возможны, оставались бы и недѣйствительными и излишними. Теплота даетъ ей видъ текучести и паровъ, воздухъ носитъ ее кругомъ земли, растенія и животныя всасываютъ силою упругости или волосистости своихъ сосудовъ, при содѣйствіи давленія воздуха и другихъ дѣятелей; сила тяжести, общая ей со всѣми тѣлами, приводитъ ее въ уровень по поверхности земли, и тѣмъ побуждаетъ къ теченію въ источникахъ, ручьяхъ и рѣкахъ. Намѣренія и соображенія творчества очевидны во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ; но столько же очевидно и то, что они не принадлежатъ самой водѣ, не имѣющей возможности дѣлать никакихъ соображеній.

Такое же и даже еще обширнѣйшее назначеніе въ дѣйствіяхъ природы имѣетъ *воздухъ*. Облегая своею проницаемою, прозрачною и упругою массою весь шаръ земной, онъ дѣйствуетъ на немъ и химически и механически. Онъ входитъ въ составъ всѣхъ царствъ природы. Съ металлическими и другими имъ подобными основаніями онъ составляетъ всю извѣстную намъ кору нашей планеты; одного кислорода его находится въ ней болѣе трети ея вѣса (см. Химію Гесса). Вся вода земнаго шара состоитъ изъ двухъ его основаній кислорода и водорода; все растительное царство и все животное состоятъ изъ нихъ же и другихъ его основаній углерода и азота, съ небольшимъ количествомъ частицъ минеральныхъ. Въ дыханіи животныхъ онъ каждую секунду спасаетъ ихъ жизнь освобожденіемъ ихъ крови отъ излишества углерода, и согрѣваетъ ихъ тѣло, остывающее отъ безпрерывныхъ испареній. Въ горѣніи онъ служитъ для насъ обильнымъ источникомъ теплоты и свѣта. Механизмъ дыханія животныхъ основанъ на дѣйствіи его тяжести. На свойствѣ его упругости основанъ звукъ и устроенъ органъ слуха всѣхъ животныхъ, также дана многимъ изъ нихъ способность издавать голосъ, а человѣку его чудесный даръ слова. На томъ же его свойствѣ и на проницаемости основаны орудія летанія всѣхъ птицъ и множества насѣкомыхъ. Этими же двумя

Digitized by Google

его свойствами оба органическія царства природы на твердой землѣ обезпечены во всемъ количествѣ воды, необходимомъ для ихъ образованія и жизни; воздухъ подымаетъ ее для нихъ изъ океановъ и разноситъ по всей поверхности земной. Самъ ли воздухъ учредилъ эту столь великую и существенную зависимость отъ него всей земной природы и по своимъ ли соображеніямъ и намѣреніямъ удовлетворяетъ всѣмъ ея потребностямъ? Здѣсь, какъ солнце, ясны и намѣренія и соображенія творчества, и также очевидно, что они не могутъ принадлежать самому воздуху, по той же причинѣ, какъ и водѣ; а принадлежатъ какой-то высшей надъ нимъ и разумной, все устрояющей силѣ.

Но вотъ представляются намъ дѣятели невѣсомые, *теплота* со *свѣтомъ* и *электричество* съ *магнетизмомъ*. Они хотя ощутительны по своимъ дѣйствіямъ, но такъ тонки по своей природѣ, что кажутся болѣе проявленіемъ безтѣлесныхъ силъ, или движеніемъ какой-либо неосязаемой матеріи, нежели чѣмъ-нибудь матеріальнымъ. Не они ли составляютъ душу природы въ нашей планетѣ? — Явленія ихъ представляются то раздѣльно, то попарно, то всѣ вмѣстѣ. Это затрудняетъ опредѣленіе дѣйствій ихъ порознь, каждой силы особенно; однакожъ не препятствуетъ рѣшенію вопроса касательно намѣреній и соображеній.

Теплота есть непремѣнная спутница всякаго образованія и необходимое условіе жизни существъ органическихъ. Безъ нея нѣтъ химическихъ соединеній; безъ нея никакое растительное сѣмя не прозябаетъ, никакой животный зародышъ не образуется, никакое жизненное дѣйствіе не совершается. Съ уменьшеніемъ солнечной теплоты въ нашихъ странахъ, органическая природа измѣняется; зимою жизнь всѣхъ растеній и многихъ родовъ животныхъ останавливается, но съ возвращеніемъ весны опять вся природа воскресаетъ. Однимъ весеннимъ дѣйствіемъ теплоты сѣмена растеній и яйцы насѣкомыхъ въ землѣ и на ея поверхности развертываются и начинаютъ свое образованіе; лежавшія въ оцѣпе-

Digitized by Google

нѣніи животныя оживаютъ; соки деревъ приходятъ опять въ движеніе, сосуды начинаютъ свои образовательныя отправленія и жизнь опять проявляется во всей своей полнотѣ. Безъ теплоты нашъ шаръ земной, и съ водою и съ воздухомъ, не имѣлъ бы ни животныхъ, ни растеній, и оставался бы всегда съ одною своею голою минеральною корою; безъ нея вода, въ твердости, была бы подобна камнямъ. Не въ теплотѣ ли скрывается та великая причина, которой мы ищемъ, причина самодѣятельности и жизни матеріи, причина произвольныхъ движеній и источникъ разумѣнія? — Нѣтъ, и конечно нѣтъ!

Теплота, въ явленіяхъ природы, сама оказывается большею частію въ состояніи *страдательномъ*; слѣдственно, она не можетъ быть началомъ никакой дѣятельности. Мы механическими средствами возбуждаемъ ее въ тѣлахъ, выжимая изъ нихъ давленіемъ, или ударомъ, и дѣлаемъ свободною и скрытною. Это показываетъ, что ея явленія не *самодѣятельны*, но зависятъ отъ другой силы, и даже механической, дѣйствующей на тѣла потрясеніемъ ихъ частицъ. При самомъ распространеніи своемъ по тѣламъ, въ видѣ свободной, она подчиняется количеству ихъ массы. Даже въ химическихъ процессахъ, гдѣ она то является свободною, то дѣлается скрытною, она повинуется дѣйствіямъ другихъ силъ, производящихъ соединенія, и есть болѣе *произведеніе*, нежели *причина*. Въ дыханіи животныхъ она отдѣляется отъ воздуха процессомъ химическимъ, слѣдственно дѣйствіемъ другихъ силъ; въ пищеваренiи освобожденіе ея должно происходить такимъ же образомъ, какъ и въ дыханіи.

Несомнѣнное свойство теплоты и вообще ея дѣйствіе на тѣла состоятъ въ ея *расширительной* силѣ. Этою силою, дѣйствующею по направленію, противному силѣ сжимающей, она раздвигаетъ частицы тѣлъ, ослабляя, а иногда вовсе останавливая дѣйствіе взаимнаго ихъ сцѣпленія, или же и химическаго сродства. Такъ она растопляетъ ледъ и превращаетъ воду въ пары; такъ плавитъ металлы, смолы и

Digitized by Google

другія тѣла. Симъ дѣйствіемъ она только предуготовляетъ тѣла къ новымъ химическимъ соединеніямъ; самыя же соединенія производятся особенною силою химическаго сродства, врожденною всякой матеріи и заключающеюся въ ея простыхъ химическихъ основаніяхъ. Такимъ же образомъ и въ органическихъ образованіяхъ, теплотѣ, по ея разширительной силѣ, очевидно принадлежитъ то приготовительное дѣйствіе, которое составляетъ необходимое условіе, съ одной стороны, жизненныхъ отправленій существа образуемаго, а съ другой, способности внѣшней матеріи къ поступленію ея въ сосуды этого существа и къ преобразованію, какому должна она въ нихъ подвергнуться. Это приготовительное дѣйствіе состоитъ, въ обоихъ случаяхъ, въ противодѣйствіи силѣ сжимательной, производимомъ разширительною силою теплоты. Имъ достаточно объясняется возвращеніе жизненной дѣятельности весною всѣмъ растеніямъ и всѣмъ животнымъ съ ихъ сѣменами и яйцами, послѣ зимы, въ продолженіе которой они оставались въ оцѣпенѣніи, отъ преобладающаго въ нихъ дѣйствія сжимательной силы, составляющей существенную принадлежность ихъ составныхъ частей, какъ матеріи. Волокны сосудовъ замерзшаго дерева, разогрѣтые весеннею теплотою, получаютъ опять свою прежнюю гибкость и упругость, и сосуды опять приходятъ въ состояніе производить свои жизненныя отправленія; застывшіе и отвердѣвшіе въ нихъ соки опять становятся текучими и утончаются, а чрезъ то получаютъ прежнюю способность къ движенію въ сосудахъ и къ органическимъ преобразованіямъ. Но внутренняя образовательная сила, освобожденная такимъ образомъ, чрезъ содѣйствіе теплоты, отъ преобладанія сжимательности въ матеріи, сама собою опять начинаетъ дѣйствовать, и съ этой минуты опять возстановляется жизнь въ организмѣ. Все, что извнѣ должно вступить внутрь дерева, для его образованія, такимъ же образомъ, разжижаясь и утончаясь отъ дѣйствія теплоты, чрезъ то приготовляется ею къ поступленію въ организмъ и уподобленію въ немъ дѣйствіемъ его внутреннихъ силъ. Подобное сему приготови-

Digitized by Google

тельное дѣйствіе производится теплотою, съ помощію влажности, и на сѣмена растеній, при ихъ прозябеніи. Сила растительная заключается въ самыхъ сѣменахъ; а теплота, удаляя угнетающее ее препятствіе, даетъ ей только возможность дѣйствовать. Еще яснѣе видны границы дѣйствія теплоты въ жизни животной; потому что животное образованіе несравненно болѣе растительнаго заключаетъ въ себѣ сложности и требуетъ соображеній; а сверхъ того въ немъ яснѣе открывается отпечатокъ внутренней силы на формахъ организма и въ его свойствахъ, какъ мы это видѣли.

Можно ли и нужно ли послѣ этого приписывать теплотѣ не только всю мудрость соображеній въ тѣхъ явленіяхъ, въ которыхъ ея присутствіе оказывается, но и самую безсознательную самодѣятельность? Она вездѣ является только *способствующимъ* средствомъ,—слѣдственно зависящимъ, а не самостоятельнымъ дѣятелемъ; ни малѣйшихъ признаковъ разумѣнія ни въ какомъ случаѣ не оказываетъ, слѣдственно никакихъ соображеній производить не можетъ.

Участіе *свѣта* въ образованіяхъ природы менѣе для насъ примѣтно, нежели участіе теплоты, если принимать ихъ не за одну стихію, или силу, но за разныя. Полюсы земли въ продолженіе лѣта столько же освѣщаются, какъ и экваторъ, если еще не болѣе; однакожъ теплота при полюсахъ и подъ экваторомъ, а съ теплотою и жизнь, очень различны. Но, съ другой стороны, тѣнь вездѣ ослабляетъ силу растительности, а мракъ совсѣмъ останавливаетъ ея дѣйствіе Примѣтнѣе всего вліяніе солнечныхъ лучей оказывается на листьяхъ и цвѣтахъ растеній. Однако жъ опять внутренніе процессы животной жизни, столько зависящіе отъ дѣйствія теплоты, совершаются въ глубокомъ мракѣ. Въ химическихъ дѣйствіяхъ свѣтъ большею частію сопровождаетъ явленія электричества, а иногда и теплоты. Но самое очевиднѣйшее и обширнѣйшее участіе свѣта въ дѣйствіяхъ природы оказывается въ томъ всеобъемлющемъ физическомъ явленіи, которое открываетъ нашему зрѣнію весь міръ. Что была бы жизнь наша на землѣ безъ солнечнаго свѣта, и могли ли бы мы жить, мы

Digitized by Google

и всѣ животныя, въ вѣчномъ непроницаемомъ мракѣ? А зрѣніе наше и всѣхъ животныхъ устроено на основаніи свойствъ свѣта; свѣтъ изображаетъ въ немъ предметы. Какая очевидная зависимость! Можетъ ли кто спорить противъ сей очевидности? Но кому принадлежатъ здѣсь соображенія? — Конечно ни животнымъ, существованіе коихъ зависитъ отъ зрѣнія, а зрѣніе отъ свѣта солнечнаго; ни землѣ, которая безсознательно покрывается жизнію, служа ей страдательно и матеріею явленій, и мѣстомъ пребыванія; ни наконецъ самому солнцу, хотя его теплотѣ и свѣту видимо предназначено быть величайшими дѣятелями на нашей планетѣ и источниками жизни всего на ней живущаго. Здѣсь соображенія простираются далеко за сферу самого бытія, не только нашей планеты, но и великаго ея свѣтила. Здѣсь очевидно открывается дѣйствіе одной великой Всеобъемлющей Мудрости и Силы Всемогущей, владычествующихъ и надъ землею, и надъ солнцемъ.

Электричество и *магнетизмъ*, столько поражающіе чувства наблюдателя физическими ихъ явленіями, сопровождаютъ всѣ химическіе процессы, всѣ разложенія и соединенія тѣлъ. Конечно они не остаются безъ участія и въ органическихъ образованіяхъ, хотя наблюденія и не дали еще намъ объ этомъ, не только точныхъ, но и никакихъ понятій. Но формы и условія, подъ какими сіи силы являются въ нашихъ опытахъ и наблюденіяхъ, такъ частны и ограниченны, и средства, какими онѣ возбуждаются въ явленіяхъ физическихъ, суть такія механическія, что къ объясненію самодѣятельности живыхъ существъ и разнообразныхъ явленій жизни онѣ не представляютъ ни малѣйшихъ видовъ, не смотря на великія чудеса, какихъ нетерпѣливые наблюдатели нѣкогда ожидали отъ нихъ, особливо отъ дѣйствій Вольтова столба и, такъ названнаго, животнаго магнетизма. Время и опыты разсѣяли всѣ мечты неосновательныхъ предположеній. Слѣдственно, какое можемъ мы имѣть основаніе, чтобы приписать этимъ силамъ способность соображеній, которыя открываетъ намъ въ природѣ каждый моментъ ея творчества?

Digitized by Google

Сила *химическаго сродства*, если она не тождественна съ электромагнетизмомъ, еще менѣе его представляетъ вѣроятія намѣреній и соображеній. Она, хотя обща всей матеріи и, составляя ея сущность, является ближайшею причиною всѣхъ химическихъ соединеній и всего образованія неорганической природы, и конечно не остается въ бездѣйствіи въ образованіяхъ органическихъ, при всемъ томъ дѣйствуетъ только на разстояніи *безконечно маломъ*. Слѣдственно ей нельзя приписать никакого вліянія за предѣлами этого разстоянія, между тѣмъ какъ соображенія творчества въ природѣ простираются въ безконечность.

Сила *физическаго сцѣпленія* между частями тѣлъ, если также не тождественна съ силою сродства, еще менѣе его можетъ входить въ объясненія явленій жизни. Она обща всѣмъ тѣламъ, какъ неорганическимъ, такъ и органическимъ, и составляетъ необходимое условіе ихъ существованія; при всемъ томъ явленія жизни ни малѣйше ею не объясняются, не говоря уже объ источникѣ разумѣнія и соображеній, котораго мы ищемъ.

Сила *тяжести*, или *тяготѣнія*, есть то же притяженіе, но которое дѣйствуетъ внѣ предѣловъ тѣлъ на чрезмѣрно великія разстоянія. Она также обща всѣмъ тѣламъ земнаго шара и конечно всѣмъ тѣламъ міра, а потому должна составлять существенную принадлежность всякой матеріи, но, кромѣ притяженія, она не оказываетъ никакихъ дѣйствій и потому никакимъ образомъ не можетъ входить въ объясненіе явленій жизни.

Назначеніе всѣхъ этихъ силъ очевидно; но дѣйствіе каждой изъ нихъ до такой степени единообразно и такъ ограничено извѣстными предѣлами, что въ разнообразныхъ движеніяхъ жизни органической онѣ вообще столько же требуютъ отъ органическихъ силъ противодѣйствія, сколько сами оказываютъ имъ содѣйствія въ образованіи организмовъ. Если химическія основанія и въ нашемъ тѣлѣ скрѣпляются между собою также силою химическаго сродства, какъ въ тѣлахъ неорганическихъ; то это дѣйствіе безжизненной химической

Digitized by Google

силы, въ процессѣ жизни, должно быть умѣряемо живою органическою силою, которая, по своимъ особеннымъ законамъ, дѣлаетъ всѣ соединенія и даетъ имъ свои особенныя формы. Тяжесть удерживаетъ насъ на землѣ, какъ и всѣ прочія тѣла, противъ центробѣжной силы, которая безъ того бросила бы насъ въ пространство небесъ. Но этимъ и ограничивается ея дѣйствіе на насъ, хотя и необходимое для нашего существованія. Напротивъ жизненныя движенія существъ органическихъ совершаются большею частію въ направленіи противномъ тяжести; а произвольныя движенія животныхъ тѣмъ и отличаются, что происходятъ съ преодолѣніемъ силы тяжести. Сила тяготѣнія, какое бы она ни имѣла сходство или несходство съ тяжестію, необходима для движенія планетъ около ихъ свѣтилъ; а это движеніе, какъ мы знаемъ, необходимо для содержанія жизни на планетахъ; но и эта сила не самостоятельна; она только содержитъ планеты въ ихъ орбитахъ; а самое движеніе производится какою-то другою, неизвѣстною намъ силою, которая въ свою очередь ограничивается тяготѣніемъ. Слѣдственно можно ли приписать всѣмъ этимъ силамъ какія-нибудь намѣренія въ творчествѣ? Пусть онѣ присутствуютъ и даже участвуютъ во всѣхъ физическихъ и химическихъ перемѣнахъ тѣлъ и въ самыхъ органическихъ образованіяхъ, но не очевидно ли, что онѣ не могутъ быть независимыми и неограниченными, всеустрояющими дѣятелями; что, напротивъ, всѣ онѣ дѣйствуютъ безсознательно, какъ средства, для цѣлей, не ими предположенныхъ, по соображеніямъ, имъ чуждымъ и природѣ ихъ несвойственнымъ; что разумѣніе, все учреждающее, заключается не въ нихъ, но должно быть внѣ ихъ и превыше ихъ, и слѣдственно, что сами онѣ существуютъ не отъ себя, но, какъ средства, имѣютъ началомъ внѣшнюю, всемогущую, всеобъемлющую, премудрую силу?

Органическую природу составляютъ тѣ же химическія основанія и силы, какія находимъ мы въ неорганической. Но здѣсь они, сохраняя свою сущность, подвергаются вліянію преобладающихъ силъ органическихъ и ограничиваются ими

Digitized by Google

въ своихъ дѣйствіяхъ. Намъ совершенно неизвѣстны силы органическія: однакожъ мы не можемъ сомнѣваться въ ихъ существованіи; поелику на опытѣ видимъ ихъ дѣйствіе. Но и органическимъ силамъ мы можемъ приписать только *безсознательное* исполненіе предустановленныхъ для нихъ законовъ творчества. Собственныхъ намѣреній имѣть и никакихъ соображеній дѣлать онѣ не могутъ. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ зерно пшеницы. Въ немъ заключается начало всѣхъ формъ этого растенія; въ немъ заключены и образовательныя ихъ силы, потому что, для своего прозябенія, оно извнѣ не требуетъ ничего, кромѣ влажности и теплоты: но что находимъ мы въ немъ, кромѣ того однороднаго мучнистаго вещества, которое служитъ намъ пищею? Неужели это вещество само дѣлаетъ тѣ соображенія, по которымъ оно образуется и возрастаетъ потомъ въ полное органическое существо? — Тоже должно сказать и о сѣменахъ животныхъ, и еще тѣмъ болѣе, что строеніе животныхъ, какъ существъ чувствующихъ и самодѣйствующихъ, побуждающихся къ дѣйствованію внутренними ощущеніями, гораздо сложнѣе строенія растеній и требуетъ несравненно большихъ соображеній. Мы сами раждаемся и образуемся подобно другимъ животнымъ; подобно имъ, живемъ питаніемъ, ростемъ, мужаемъ, потомъ старѣемъ, слабѣемъ, наконецъ умираемъ и разрушаемся на химическія составныя части. Какъ существа, одаренныя высшимъ разумѣніемъ, какое только проявляется на землѣ, мы должны были бы имѣть хоть какое-нибудь сознаніе, если не участіе, въ соображеніяхъ о своемъ образованіи, если бы сіи соображенія дѣлались самимъ нашимъ существомъ; а мы, не только ни въ чемъ этомъ не участвуемъ, но даже, при всѣхъ усиліяхъ постигнуть, не постигаемъ, какъ все это внутри насъ происходитъ. И если бы, во всѣхъ сихъ дѣйствіяхъ природы, что-нибудь происходило по нашимъ соображеніямъ и распоряженіямъ; то конечно *старость*, *смерть* и *разрушеніе* не были бы нашимъ удѣломъ.

И такъ, хотя образовательныя силы всѣхъ органическихъ существъ заключаются въ ихъ собственной природѣ, какъ ея

Digitized by Google

сущность; при всемъ томъ онѣ дѣйствуютъ безсознательно, точно также, какъ камень безсознательно падаетъ съ высоты на землю.

Мы не довольно обращаемъ вниманіе на то, какимъ безчисленнымъ измѣненіямъ и какимъ безпредѣльнымъ соображеніямъ творчества подлежитъ въ природѣ все то, что составляетъ въ ней *матерію* явленій. Эти прозрачныя жидкости, которыя заключены въ мѣшечкахъ и вправлены въ двѣ впадины нашего черепа, чтобы изображать душѣ всѣ окружающіе насъ предметы, въ другихъ частяхъ нашего тѣла имѣли бы совсѣмъ другую форму и другое назначеніе, а потому подверглись бы совсѣмъ другимъ соображеніямъ. Сколько есть въ тѣлѣ различныхъ членовъ, сосудовъ и другихъ частей, столько же происходитъ въ немъ различныхъ отправленій, и слѣдственно о каждой части должно сказать, что не только она, но и ея части и входящія въ составъ ихъ основанія, каждое въ своемъ мѣстѣ, имѣютъ свои особенныя назначенія. Слѣдственно каждый *монадъ* нашего тѣла, по различію его мѣста и назначенія въ общей жизненной экономіи, подлежитъ особеннымъ соображеніямъ. Но монады нашего тѣла не *для* него одного существуютъ въ мірѣ. Онѣ, прежде нежели вошли въ его составъ, можетъ быть, не разъ, а нѣсколько тысячъ разъ прошли уже по всѣмъ царствамъ природы, служа въ нихъ составными частями попеременно милліонамъ разныхъ существъ или веществъ и неизчетному множеству ихъ разнообразныхъ членовъ или частей. По разрушеніи нашего тѣла, онѣ опять будутъ продолжать тотъ же безконечный путь по необъятному кругу творчества природы. Во всякомъ новомъ мѣстѣ, каждый изъ нихъ вступаетъ въ новое соединеніе, принимаетъ новое назначеніе, подвергается новымъ силамъ и законамъ и, въ своей, хотя безконечно малой, сферѣ, дѣйствуетъ по новымъ соображеніямъ. И такъ какая бездна соображеній распространяется на одинъ и тотъ же монадъ, въ его движеніяхъ по пути творчества! Возможно ли приписать ихъ самому монаду, не дѣлая его существомъ безконечно мудрымъ, всевѣдущимъ

Digitized by Google

и всемогущимъ? Но это еще не все, что касается до соображеній творчества въ разсужденіи каждаго монада. Сверхъ своего мѣста и тѣснаго назначенія въ недѣлимомъ, которому служитъ составною частію, каждый монадъ, какъ часть планеты, раздѣляетъ съ нею всѣ ея силы и дѣйствія, или подвергается, вмѣстѣ съ нею, дѣйствію другихъ тѣлъ небесныхъ. Вотъ новыя, обширнѣйшія соображенія для каждаго монада, простирающіяся далеко за сферу его бытія, въ бездну пространства небесъ. Здѣсь являются дѣйствія великихъ силъ *міровыхъ*, съ ихъ великими цѣлями; силы центральныя, приводящія въ движеніе планеты около солнца, дѣйствуютъ для образованія и жизни существъ органическихъ, которымъ планеты служатъ обиталищемъ, и каждый монадъ планеты долженъ участвовать въ центральныхъ силахъ, а слѣдственно и въ намѣреніяхъ, по какимъ онѣ дѣйствуютъ. Проходя такимъ образомъ изъ царства въ царство, отъ одного недѣлимаго въ другое, принимая неизчислимое множество видовъ и назначеній и дѣйствуя изъ безконечно малой точки на безконечно великія пространства, каждый монадъ въ такихъ же отношеніяхъ творчества находится и ко времени. Чѣмъ онъ былъ въ продолженіе протекшихъ вѣковъ и чѣмъ будетъ во мракѣ временъ, предстоящихъ существованію міра, это отъ начала вѣковъ должно быть предусмотрѣно, предопредѣлено и предустроено; ибо всѣ явленія міра состоятъ въ непрерывной связи причинности со всѣмъ предыдущимъ и послѣдующимъ во времени, столько же, какъ со всѣмъ окружающимъ въ пространствѣ. Это иначе и быть не можетъ; иначе все движеніе творчества во времени, вмѣсто правильной послѣдовательности, текущей по намѣреніямъ и цѣлямъ и управляемой законами, было бы не иное что, какъ хаотическое броженіе безсвязной матеріи.

Но мы говоримъ здѣсь о монадахъ одной нашей планеты; а наша планета, можетъ быть, сама не болѣе, какъ монадъ во вселенной. Слѣдовательно все замѣчаемое нами въ разсужденіи соображеній творчества въ явленіяхъ природы на земномъ шарѣ, должно имѣть мѣсто и на каждомъ изъ

Digitized by Google

тѣхъ огромныхъ тѣлъ, которыхъ видимъ мы стройное теченіе въ пространствѣ небесъ, и тѣхъ, о существованіи которыхъ возвѣщаетъ намъ только блескъ тверди, лiющійся къ намъ съ высотъ неизмѣримыхъ. Всѣ подробности соображеній, какія открываетъ намъ здѣсь размышленіе, хотя самое воображеніе не можетъ слѣдовать за ними, подробности, простирающіяся до послѣднихъ основныхъ частицъ всякой матеріи, составляютъ необходимое условіе всякаго тѣлеснаго явленія; безъ нихъ ничто не можетъ существовать во вселенной. Отъ назначеній этихъ частицъ до взаимныхъ отношеній планетъ съ ихъ свѣтилами, и отъ химическаго сродства атомовъ до взаимнаго тяготѣнія всѣхъ тѣлъ небесныхъ, до общей связи всѣхъ частей вселенной, все должно быть соображено и для того все обнято въ одной безпредѣльной мысли, такъ какъ все соединено одною силою, и въ пространствѣ и во времени.

Слѣдственно, если каждый монадъ вселенной, въ теченіи творчества природы, проходитъ чрезъ неизчислимое множество соображеній; то количество всѣхъ соображеній, требуемыхъ устройствомъ вселенной, превышаетъ число ея монадовъ, и каждое соображеніе, по пространству вселенной и времени ея бытія, должно быть, если не безусловно, то конечно для нашихъ понятій безпредѣльно-обширно. Наконецъ, всѣ соображенія должны соединяться въ одной всеобщей цѣли, сходиться въ единствѣ великаго цѣлаго, бытія вселенной, и обниматься одною великою, всеустрояющею мыслію.

Изъ всего этого можно видѣть, до какой степени легкомысленно то ученіе, которое, внѣ природы, не признаетъ никакой силы и въ ней самой заключаетъ *послѣднюю ея причину*. Если ни монадамъ, ни массамъ, изъ нихъ составленнымъ, ни живущимъ тварямъ, ни планетамъ, ими населяемымъ, ни солнцу, ихъ грѣющему, освѣщающему и оживляющему, ни силамъ, движущимъ ихъ и всѣ тѣла небесныя, ни звѣздамъ, наполняющимъ пространство небесъ, не могутъ принадлежать сіи соображенія: то чему жъ наконецъ мы ихъ

Digitized by Google

припишемъ? Гдѣ эта природа, эта *первобытная*, *вѣчная* сила, *сама изъ себя все творящая*, какъ учитъ Шеллингъ? Что ее составляетъ? Не очевидно ли, что то, что мы называемъ *природою*, т. е. *силы міра* и *ихъ законы*, дѣйствуютъ вездѣ *безсознательно;* а соображенія творчества принадлежатъ внѣшней великой силѣ, отъ которой сама природа получила и свои творящія силы и самое бытіе? Не очевидно ли, что есть Богъ, Творецъ Вселенной?

Мы не можемъ не только постигнуть Его сущности, но и обнять свойствъ Его; при всемъ томъ, какъ разсматриваніе природы удостовѣряетъ насъ въ Его бытіи: такъ оно же открываетъ намъ и Его *безпредѣльныя свойства.*

Прежде всего мы должны признать, что это не есть просто *сила*; потому что сила есть только принадлежность, или свойство чего-нибудь. Творецъ міра есть *Существо самобытное, обладающее жизнію* и *силами.*

1. Вселенная удостовѣряетъ насъ, что Создатель ея есть Существо *безпредѣльно мудрое*; ибо если самое созданіе Его *для* нашихъ понятій безпредѣльно и въ каждой твари мы открываемъ мудрость безпредѣльную: то мы не можемъ не заключить, что Самъ Творецъ долженъ быть мудръ, не только превыше всего, что проявляетъ въ себѣ Его твореніе, но въ точномъ смыслѣ безпредѣльно, безусловно мудръ.

Отъ доказательствъ безпредѣльной мудрости Божіей переходимъ мы къ заключенію о *всевѣдѣніи* Божіемъ; ибо Кто отъ начала вѣковъ и на безконечную будущность предусмотрѣлъ и предустроилъ все въ своемъ твореніи, Тотъ знаетъ не только все, что въ немъ происходитъ, но и все, чего нѣтъ въ немъ и что могло и не могло бы быть, т. е. все *возможное* и *невозможное.*

2. Съ безпредѣльною мудростію Создателя вездѣ является намъ въ природѣ и *безпредѣльная* Его *сила*, или *всемогущество*; ибо что мудрость предустроила и предучредила, то всемогущество произвело въ твореніи.

Digitized by Google

5. Съ сими двумя свойствами, природа открываетъ намъ и *вездѣсущіе* Божіе; ибо если въ каждой точкѣ міра видимы Его мудрость и сила; то въ каждой точкѣ должно быть и присутствіе Его Существа.

4. Размышляя о конечной причинѣ созданія міра и видя, что все, живущее на землѣ жизнію одушевленною, чувствуетъ наслажденіе отъ своего бытія, и что эта жизнь проявляется почти во всѣхъ мѣстахъ нашей планеты въ неизчетномъ множествѣ покрывающихъ ее тварей, мы заключаемъ, во-первыхъ, что то же, въ другихъ, можетъ быть, формахъ, должно происходить и на всѣхъ другихъ тѣлахъ небесныхъ; во-вторыхъ, что это составляетъ конечную причину созданія міра и слѣдственно видимое и ощутительное доказательство *безпредѣльной благости* Божіей Высокіе дары, которыми обогащена природа человѣческая, дары духовно-нравственные, въ которыхъ заключено его блаженство, несомнѣнно подтверждаютъ это заключеніе. Такимъ образомъ вселенная, представляя въ себѣ *видимый отпечатокъ* Божіей премудрости и всемогущества, есть вмѣстѣ *ощутительное проявленіе* Его безпредѣльной благости.

8. Существо Божіе не можетъ быть тѣлеснымъ; потому что матерія есть вещество грубое, ограниченное въ пространствѣ, измѣняемое во времени, страдательно принимающее всѣ свои формы, въ явленіяхъ творчества, и, какъ вещество сложное, подвержена разрушеніямъ; а такія свойства не совмѣстны съ понятіемъ о томъ, каковъ долженъ быть Творецъ міра. И такъ Существо Божіе есть *чистѣйшій Духъ*, всепроницающій, всеобъемлющій въ пространствѣ и времени вселенной.

6. Творецъ міра есть *безначаленъ* и *вѣченъ*; потому, что начальность и конечность не совмѣстны съ понятіемъ послѣдней причины вещей.

7. Какъ все видимое нами въ мірѣ есть ограничено, или конечно и временно; а всякая ограниченность предполагаетъ въ существѣ недостатокъ того, что есть, или могло

Digitized by Google

бы быть за его предѣлами: то мы заключаетъ, что Творецъ міра, котораго безпредѣльная мудрость, всевѣдѣніе, всемогущество и всеблагость непосредственно проявляются намъ во вселенной, безпредѣленъ и во всѣхъ своихъ свойствахъ, или *всесовершенъ безусловно*.

8. Изъ понятій о всесовершенствѣ и вѣчности Творца слѣдуетъ, что Онъ никакимъ измѣненіямъ не подлежитъ, и ни въ чемъ никакой надобности имѣть не можетъ, а потому ничего временнаго въ своемъ существѣ не заключаетъ, но *вѣчно пребываетъ одинаковъ*.

9. Какъ самъ въ себѣ Творецъ *безусловно праведенъ* и *всесвятъ*; такъ въ отношеніи къ нравственному порядку міра Онъ *безусловно правосуденъ*, а по безпредѣльной благости столько же и *милосердъ*.

10. О *единствѣ* Божіемъ заключаемъ мы изъ понятія о безпредѣльности его свойствъ, или изъ *безусловности* (абсолютности) его существа; ибо существо безусловно совершенное не можетъ имѣть ничего превыше себя; тогда оно было бы зависимо и не было бы безусловно совершеннымъ. Равнымъ образомъ оно не можетъ имѣть ничего безпредѣльно совершеннаго ниже себя; ибо тогда сіе существо было бы зависимо, а не безусловно и не было бы верховное существо, Наконецъ оно не можетъ имѣть ничего совершенно равнаго себѣ; ибо тогда оба существа составили бы одно и то же. Слѣдственно Богъ есть *единъ*. Троичность Его мы познаемъ уже изъ Святаго Откровенія.

11. Безпредѣльность свойствъ Божіихъ дѣлаетъ для насъ его существо *непостижимымъ* и его судьбы *неисповѣдимыми*. Но ложно было бы заключить изъ сего, что всѣ сужденія наши о Богѣ несправедливы. Наши понятія объ немъ не могутъ быть соразмѣрны своему предмету (adaequatae), потому что безконечное не можетъ быть обнято или измѣрено конечнымъ; но сужденія не могутъ быть ложны, коль скоро признаки его свойствъ, представляемые вселенною, сами въ себѣ вѣрны и нами справедливо поняты; ибо сужденіе есть

Digitized by Google

соединеніе признаковъ съ предметомъ. Мы не можемъ представить себѣ ни предѣловъ вселенной, ни ея безпредѣльности: однако жъ должны признать въ ней то или другое. Мы не постигаемъ ни начала времени, ни безначальности вѣчности; однако жъ должны признать и то и другое. Если пантеисты и міру приписываютъ вѣчность; то почему наши сужденія могутъ быть несправедливы, когда мы, не постигая вѣчности утверждаемъ, что Богъ вѣченъ? Слѣдственно сужденія наши о верховномъ существѣ, основанныя на разсматриваніи міра, не могутъ быть почтены погрѣшительными по причинѣ безпредѣльности свойствъ его.

Заключимъ наше разсужденіе краткими силлогизмами, которые служатъ ему основаніемъ.

I.

Гдѣ видны намѣренія, съ какими что-нибудь производится, или цѣли, для которыхъ что-нибудь дѣлается; гдѣ видны законы, порядокъ и согласіе въ дѣйствіяхъ; тамъ все происходитъ не иначе, какъ по соображеніямъ:

А какъ въ явленіяхъ природы все это представляется намъ съ неоспоримою очевидностію:

То мы не можемъ не заключить, что въ природѣ все происходитъ по соображеніямъ.

II.

Гдѣ все происходитъ по соображеніямъ и гдѣ видны дѣйствія мудрости безпредѣльной, обнимающей всѣ части, направляющей все къ цѣлямъ и выходящей за предѣлы самыхъ существъ, къ которымъ относятся явленія, а ничему творимому, какъ матеріи страдательно образуемой, и ни какимъ творящимъ силамъ, какъ дѣятелямъ безсознательнымъ, не могутъ быть приписаны, не только всеустрояющая безпредѣльная мудрость творчества, но и никакія соображенія,

Digitized by Google

никакое самомалѣйшее разумѣніе: тамъ по необходимости слѣдуетъ признать дѣйствіе внѣшней, всеустрояющей, безпредѣльно мудрой и всемогущей силы, отъ которой зависитъ и получило свое бытіе все творимое и творящее.

А какъ въ природѣ видны дѣйствія мудрости безпредѣльной, которой мы не можемъ приписать никакимъ ея дѣятелямъ, ни силамъ:

То слѣдуетъ, что природа не есть сила самодѣйствующая, ни отъ кого не зависимая и вѣчно сама изъ себя все творящая; но что она есть временное созданіе особеннаго, премудраго, всемогущаго, всесовершеннаго и ни отъ кого не зависящаго, превѣчнаго Существа; что она, своимъ безсознательнымъ творчествомъ, открываетъ намъ бытіе Божіе.

И. Ф.

Дѣвка
10 Февраля. 1850 г.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

63. Димитріевскій Соборъ во Владимирѣ на Клязьмѣ. (Соч. Графа С. Г. Строганова). Москва 1849, въ большой листъ, с. II, 14. и 23 листа изображеній.

Исторія искусствъ въ Россіи получаетъ себѣ превосходный запасъ въ этомъ богатомъ изданіи: кажется, ни одно произведеніе зодчества не было у насъ изображено въ такихъ подробностяхъ, какъ теперь Дмитровскій соборъ во Владимирѣ. Нельзя довольно возблагодарить автора за его выборъ, за его вниманіе и отчетливость, за его трудъ. Въ объяснительномъ текстѣ предложено множество любопытныхъ замѣчаній, догадокъ и указаній, общихъ и частныхъ, о сродствѣ этого памятника съ другими, и различіи съ прочими, объ отличіяхъ архитектуры Ломбардской, сравнительно съ Византійскою, о происхожденіи разныхъ изображеній въ украшеніяхъ, о значеніи луны подъ крестомъ, встрѣчаемой на нашихъ церквахъ, о значеніи голубя на нѣкоторыхъ древнихъ церквахъ Епископскихъ, объ употребленіи орла на стѣнахъ собора. Многія догадки очень остроумны, и сдѣлаютъ честь не только любителю, но и знатоку, напримѣръ объ отношеніи наружныхъ фигуръ къ событіямъ изъ жизни Димитрія Селунскаго въ Македоніи, и проч.

Текстъ снабженъ историческими примѣчаніями; призваны въ помощь древнія монеты, образа, классическія сочиненія, многія рѣдкія изданія. Однимъ словомъ, критика должна отдать полную справедливость книгѣ, что относится до Археологіи, — но что относится до Русской Исторіи (самая малая и незначительная часть въ вступленіи), то пусть позволитъ авторъ поспорить. Примѣтно, что онъ не обратилъ на нее вниманія, какъ на дѣло почти постороннее. Я смѣлъ бы попросить его перепечатать первую

Digitized by Google

страницу — если, разумѣется, слѣдующія мои основанія покажутся ему уважительными.

Первое выраженіе можно упрекнуть только неточностію: «Князь Андрей.... недовольный жизнію Кіевскою, удаляясь въ Суздальскую землю.... взялъ съ собою образъ Богоматери.»

Андрей въ Кіевѣ собственно не живалъ, слѣдовательно нельзя ему было быть ни довольну, ни недовольну Кіевскою жизнію. Онъ бывалъ тамъ только наѣздомъ, обязанный принимать участіе въ отцовыхъ походахъ. Въ Суздальскую землю онъ не «удалялся,» а возвращался, пробывъ годъ или менѣе въ Вышгородѣ.*

«На пути изъ Владимира въ Суздаль онъ остановился на мѣстѣ, указанномъ ему чуднымъ явленіемъ, положилъ основаніе двумъ каменнымъ церквамъ, княжьему двору, и оставивъ тутъ чудотворную икону, назвалъ мѣсто Боголюбимымъ.»

Нѣтъ. Не изъ Владимира въ Суздаль ѣхалъ Андрей, а изъ Суздаля, или лучше черезъ Суздаль, во Владиміръ.

Въ Суздаль ѣхать онъ не могъ, ибо Суздаль принадлежалъ его отцу, и уже только чрезъ два года, по смерти отца, Суздальцы посадили Андрея на свой столъ.

Такъ именно и сказано въ Суздальской лѣтописи по поводу перваго возвращенія Андреева: Андрей рече (отцу своему, удерживавшему его на Руси): на томъ есмы цѣловали крестъ, ако поити ны Суждалю, и иде въ свою волость Володимерю (см. 144 въ Суздал. лѣт. по Лавр. сп. подъ г. 1151).

Въ Владимирѣ и около Владимира положилъ онъ основаніе своимъ церквамъ, и поставилъ чудотворный образъ Божіей матери, а не въ Суздалѣ.

Андрей, и вторично возвращаясь изъ Руси, ѣхалъ въ Суздальскую землю, въ городъ Владиміръ, а не Суздаль.

Какимъ же образомъ, скажутъ, могъ остановиться онъ *за* Володимиромъ? Боголюбовъ въ 11 верстахъ дальше отъ Володимира.

---

* Въ этомъ смыслѣ въ моихъ собственныхъ статьяхъ, гдѣ я доказывалъ, что онъ жилъ во Владимирѣ, есть нѣсколько выраженій неточныхъ, которыя я исправлю при случаѣ. *М. П.*

Digitized by Google

Обстоятельство это не такъ маловажно, какъ кажется съ перваго взгляда. Прошлаго года я ѣздилъ почти нарочно во Владиміръ, чтобы объяснить себѣ оное, напрасно искавъ прежде объясненій отъ Володимирцевъ, письменно и изустно. Я былъ во Владимирѣ, Боголюбовѣ, Суздалѣ, осмотрѣлъ дороги между этими мѣстами, и объяснилъ себѣ происшествіе вотъ какъ: дорога изъ Кіева, то есть изъ Руси во Владиміръ шла въ древности *не такъ какъ теперь*: нынѣшняя дорога есть дорога позднѣйшая, а въ древности шла она черезъ Суздаль.

И это очень естественно: Суздаль городъ древнѣйшій, а Владиміръ основанъ гораздо послѣ его, на памяти Исторіи. Сынъ Суздальскаго Князя, т. е. Андрей, получилъ его въ удѣлъ себѣ, и съ тѣхъ поръ началъ онъ получать свое значеніе. Городу Володимеру въ нашу сторону не съ кѣмъ и не съ чѣмъ было сообщаться; одно сообщеніе его было съ Суздалемъ.

Теперь есть двѣ дороги и изъ Володимира въ Суздаль: одна почтовая, безъ сомнѣнія позднѣйшая, а другая древняя *чрезъ Боголюбовъ*. Древняя, на всемъ своемъ протяженіи, усѣяна селами, съ древними названіями, (чѣмъ и доказывается ея древность), а новая почти пустая: два-три селенія, кажется, проѣхалъ я, не болѣе, между этими двумя городами.

Чудесное происшествіе случилось съ Андреемъ *на дорогѣ*, говоритъ преданіе; мы узнаемъ по его постройкамъ и проч., что это было въ нынѣшнемъ Боголюбовѣ; слѣдовательно, заключаемъ: Андрей ѣхалъ возвращаясь изъ Руси въ свой Володимеръ черезъ Суздаль, и не доѣзжая одиннадцати верстъ, остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Боголюбовъ монастырь.

Приступая къ предмету своего изслѣдованія, авторъ говоритъ: «одинъ изъ продолжателей Нестора (по Ипатьевскому списку) вовсе не упоминаетъ о Дмитріевской церкви; другой (Лаврентьевская лѣтопись), говоря о смерти Всеволода.... прибавляетъ,» и проч.

Это очень просто и естественно; дѣло въ томъ, что въ Кіевской лѣтописи не записано построеніе церкви во Владимирѣ, — происшествіе для нея почти совершенно чуждое.

Digitized by Google

А въ Володимерской или Суздальской лѣтописи она записана при извѣстіи о смерти Всеволода, ея построителя.

Образъ выраженія о лѣтописяхъ у автора неправильный. Правда, мы не не можемъ требовать слишкомъ строгой точности, тѣмъ болѣе, что предметъ его сочиненія есть искусство, а не Исторія; но этотъ образъ выраженія, вслѣдствіе неправильнаго названія лѣтописей, встрѣчается часто у насъ въ литературѣ, и потому я считаю долгомъ опровергать его при всякомъ случаѣ.

О продолжателяхъ Нестора говорить здѣсь нечего: продолжалъ лѣтопись Несторову только одинъ человѣкъ— это Кіевская лѣтопись. А Суздальская лѣтопись, съ Несторомъ въ основаніи, съ сокращеннымъ его продолженіемъ, есть другое сочиненіе, которое въ 14 вѣкѣ случилось *переписать* монаху Лаврентію. Это переписчикъ, а не лѣтописатель.

«По Ипатьевскому списку 13 Апрѣля 1183 г., сгорѣли Соборъ и Княжій дворъ во Владимирѣ. По Лаврентьевской (Суздальской лѣтописи) пожаръ этотъ былъ въ 1185 году.»

Опредѣленіе вѣрное въ Кіевской лѣтописи, т. е. пожаръ въ Владимирѣ былъ въ 1183 году, а не 1185. Днемъ назначена середа, а число 13. — Это число, 13, приходилось такъ въ 1183 году, а въ 1185 г. Апрѣля 13 было въ субботу. Замѣчу притомъ, что въ двухъ лѣтописяхъ не два извѣстія о пожарѣ, а одно и тоже, переписанное изъ одной въ другую.*

Послѣ говоритъ авторъ:

«Въ этомъ же году (1194) Великій Князь заложилъ для дѣтей своихъ новый дворецъ (дѣтинецъ).» Нѣтъ, дѣтинцемъ никогда не назывался дворецъ, а такъ называлась внутренняя крѣпость. Вотъ, напримѣръ, доказательство:

1161. Изяславъ пришедъ Бѣлугороду, и стоя около дѣтинца четыре недѣли, острогъ бяше до него Ростиславъ самъ пожегъ.

---

* Прибавлю кстати. Описаніе этого пожара въ лѣтописи очень любопытно. Мы узнаемъ, что одежды княжескія и, разумѣется, церковныя развѣшивались по праздникамъ изъ собора на дворѣ: «порты шитыхъ золотомъ и жемчугомъ, яже вѣшали на праздникъ *въ двѣ вервѣ* отъ золотыхъ воротъ до Богородицѣ, а отъ Богородицѣ до владычныхъ сѣній въ двѣ же вервѣ чюдныхъ.» Замѣчательно, что въ Галичѣ (нынѣшнемъ Австрійскомъ королевствѣ Галиціи) до сихъ поръ существуетъ этотъ обычай.

Digitized by Google

Обращеніе Андрея къ западнымъ художникамъ авторъ объясняетъ отвращеніемъ его отъ южной Россіи: «Андрей не любилъ южной Россіи; не удивительно, что не слѣдуя принятымъ многимъ обычаямъ, онъ не прибѣгнулъ къ украсившимъ Кіевъ Византійскимъ художникамъ и обратился къ западу.»

Нелюбви Андрея предполагать не изъ чего: за что ему было не любить? А предполагать, что вслѣдствіе нелюбви къ Кіеву, онъ не хотѣлъ обращаться и къ Греческимъ художникамъ, — это уже слишкомъ натянуто.

Утверждать, чтобъ Андрей хотѣлъ основать во Владимирѣ особую митрополію — нѣтъ причинъ твердыхъ, (хоть это весьма бы шло къ моему воззрѣнію на Андрея).

Вотъ все, что можетъ замѣтить критика самая взыскательная. Но повторяю, что историческая часть въ изданіи есть, такъ сказать, дополнительная, вводная, а главная есть археологическая, за которую авторъ стяжалъ полное и безпрекословное право на похвалу и благодарность. Языкъ въ описаніи очень хорошъ, и мы приведемъ здѣсь для примѣра начало, отличающееся даже поэзіею:

«Россія приняла отъ Византіи съ Православною Вѣрою и образцы для своихъ церквей, по примѣру первыхъ на Востокѣ Христіанскихъ храмовъ, въ формѣ продолговатаго четвероугольника, вначалѣ объ одной, а въ послѣдствіи о пяти главахъ. Но сами Греки рано уже оставили эту форму, и замѣчательнѣйшіе ихъ храмы въ IX и X вѣкахъ имѣютъ совершенно другой видъ. Планъ расширялся, линіи *ломались*; особенный характеръ этихъ зданій состоялъ въ уступообразномъ расположеніи частей; при разныхъ высотахъ пристроекъ, крыша *гнулась* по неправильнымъ наклонностямъ вокругъ раскинутыхъ безъ симметріи куполовъ. Обыкновенно главы ставились тамъ, гдѣ по внутреннему назначенію признавалось удобнѣе; теряя часто округленность свою, онѣ дѣлались несообразно, какъ это по сіе время замѣчается въ церквахъ Грузинскихъ и Армянскихъ.» *М. П.*

Digitized by Google

64. Поѣздка на Синай съ пріобщеніемъ отрывковъ о Египтѣ и Святой Землѣ. А. Уманца. Съ 3 картами и 10 рисунками. 2 части. Спб. 1850. Стр. XIV, 289 и 372 въ 8 д. л.

Синай часто былъ посѣщаемъ Русскими поклонниками; но изъ нихъ только четверо описали свое путешествіе: 1) Московскіе купцы Трифонъ Коробейниковъ и Юрій Грековъ, ѣздившіе къ Св. мѣстамъ по волѣ Царя Іоанна Васильевича, для поминовенія его сына, въ 1582 г. 2) Василій Гогара, родомъ изъ Казани, въ 1634 г. 3) Пѣшеходецъ Василій Барскій, уроженецъ Кіевскій, монахъ Антіохійскій, въ 1723—47 гг., 4) Киръ Бронниковъ, въ 1820 г. Всѣ они, кромѣ Барскаго, скудны извѣстіями и не всегда заслуживаютъ вѣроятія; путешествіе же Барскаго, не смотря на богатство свѣдѣній, можетъ служить только матеріаломъ, но никакъ не руководствомъ для желающаго узнать Синай; такъ что въ литературѣ нашей, довольно богатой сочиненіями, относящимися къ Св. Землѣ, недоставало книги о Синаѣ.—«Поѣздка» Г. Уманца пополняетъ этотъ пробѣлъ, и какъ по занимательности предмета, полнотѣ его описанія, такъ и по прекрасному разсказу, можетъ стать на ряду съ трудами Муравьева и Норова. Мы познакомимъ съ нею нашихъ читателей, на сколько позволяютъ предѣлы журнальной статьи.

Въ 1842 г. отправлена была на Востокъ особая карантинная коммиссія для произведенія опытовъ очищенія зачумленныхъ вещей посредствомъ усиленной теплоты, — и въ числѣ членовъ ея находился Г. Уманецъ. Пользуясь, во время прибыванія въ Каирѣ, досугомъ отъ дѣлъ, онъ посѣтилъ Верхній Египетъ, Синай, а на возвратномъ пути въ отечество объѣхалъ Сирію. На посѣщеніе Синая онъ употребилъ 15 дней; но, не смотря на краткость этого времени, путешествіе его имѣетъ цѣну не только какъ любопытный разсказъ, но какъ и ученый трудъ, потому что авторъ тщательно пользовался изслѣдованіями новѣйшихъ

Digitized by Google

Европейскихъ путешественниковъ, особенно Де-Лаборда, Робинзона и Смидта.

Намѣреніе посѣтить Синай авторъ питалъ въ себѣ еще съ самаго выѣзда изъ Россіи; потому проѣздомъ чрезъ Константинополь познакомился съ Архіепископомъ Синайской горы, бывшимъ воспитанникомъ Кіевской Духовной Академіи, и получилъ онъ него рекомендательныя письма въ самый монастырь и къ намѣстнику его въ Египтѣ. Намѣстникъ или настоятель горы Синайской живетъ въ Каирѣ, какъ въ центрѣ властей Египта, для защиты правъ монастыря и для снабженія его продовольствіемъ. Описывая занимаемое имъ подворье, Г. Уманецъ вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ нѣсколько подробностей о самой обители Синайской. Подъ вѣдомствомъ настоятеля живутъ на подворьѣ 22 монаха, большею частію изъ Грековъ, — въ томъ числѣ одинъ Русскій, осьмидесятилѣтній старецъ Зосима, родомъ изъ Кременчуга, уже болѣе полстолѣтія оставившій свою родину. Монахи подворья почти всегда уклоняются отъ житія въ самой обители, вѣроятно страшась тягости отшельническаго подвижничества, и въ монастырѣ Синайскомъ находится почти столько же братіи*, какъ и въ Каирѣ. — При хорошемъ управленіи монастырь могъ бы получать сотни тысячъ рублей дохода, потому что нѣтъ ни одного значительнаго города на Востокѣ, гдѣ бы онъ не имѣлъ садовъ, *хановъ* (постоялыхъ дворовъ) или домовъ; Греція, Россія, Валахія, въ особенности Молдавія, Константинополь, даже Бенгалія и Голконда, даютъ ему каждогодно значительные доходы съ имѣній, завѣщанныхъ монастырю; но все это управляется самымъ неудовлетворительнымъ образомъ и слѣд. даетъ самые неудовлетворительные итоги. — Настоятель Синайскаго монастыря представляетъ собою въ Каирѣ мѣстнаго начальника и защитника обители. У него хранятся всѣ фирманы и документы для доказательства правъ своихъ, и если встрѣтится надобность, онъ, вооруженный ими и, по обычаю страны, достаточнымъ

* Во время посѣщенія Синая нашимъ Гогарою, въ обители было до 300 человѣкъ братіи.

Digitized by Google

бахшишемъ (подаркомъ) въ карманѣ, является къ мѣстнымъ властямъ съ просьбою о защитѣ правъ и преимуществъ, дарованныхъ монастырю властителями Египта. Первый фирманъ о неприкосновенности Синайскаго монастыря и свободѣ отправленія въ немъ богослуженія данъ былъ самимъ Мухаммедомъ, въ 622 г., и законность его признана впослѣдствіи всѣми мусульманскими Государями. Фирманъ этотъ (вполнѣ приведенный въ книгѣ Г. Уманца) показываетъ, что самъ основатель Исламизма имѣлъ гораздо болѣе вѣротерпимости, чѣмъ фанатическіе послѣдователи его. Съ цѣлію поддержать права, данныя Мухаммедомъ, Архіепископъ Синайскій испрашиваетъ особый фирманъ отъ каждаго новаго Султана, а намѣстникъ его — отъ каждаго новаго правителя Египта.

18 Мая Г. Уманецъ отправился въ путь. Дорога изъ Каира на Синай лежитъ черезъ степь — и какую степь— судите по слѣдующему виду ея.

«Новое, особенное чувство объемлетъ путника, когда онъ въ первый разъ увидитъ себя посреди этой мертвой, повидимому, безконечной пустыни, гдѣ, куда ни обратишь взоръ свой, сколько глазъ ни обхватитъ, не увидишь ни одного живаго существа, не замѣтишь ни малѣйшихъ признаковъ жизни — ни деревца, ни кустика, ни клочка зелени, ни слѣда кочевья, и гдѣ только изрѣдка попадаются жалкіе остатки колючаго бурьяна, выросшаго въ зимнюю пору во время здѣшнихъ дождей, но тотчасъ послѣ того высохшаго на палящемъ солнцѣ и полузасыпаннаго песками, когда вѣтръ пустыни вздымаетъ и волнуетъ ихъ по своему произволу. Радуясь встрѣчѣ и этого жалкаго корма, наши верблюды, на ходу, протягивали къ полю во всю длину свои шеи съ желаніемъ полакомиться; но нерѣдко, сорвавши, тотчасъ выбрасывали бурьянъ вонъ изо рта. Сѣровато-желтая пустыня развернулась безграничнымъ покрываломъ, съ закругленными холмами и разными небольшими пологими углубленіями, гдѣ нѣтъ ни малѣйшаго пріюта для жизни человѣка. Всѣ углубленія и холмы не представляли на горизонтѣ ни одного угла, и глазъ вездѣ видитъ только однѣ извилистыя линіи. Но при этомъ, песокъ здѣсь не разсыпчатъ и довольно твердъ, такъ, что нога верблюда держится на поверхности и не тонетъ, хотя мѣстами немного и вдавливается. Впрочемъ, въ другихъ мѣстахъ и въ особенности на подъемѣ и спускѣ, онъ дѣлался сыпучимъ, и тогда путь былъ истинно тягостенъ. Сидя на верблюдѣ, везя съ собою и поклажу, и провизію, и воду на нѣсколько дней, видя повсюду одну

Digitized by Google

безграничную пустыню, невольно углубляешься въ самого себя, ищешь въ самомъ себѣ опоры и сознаешь всю силу и могущество своего духа. Здѣсь нѣтъ страха, нѣтъ опасенія, и смѣло подвигаешься впередъ....»

Но подвигаешься съ различными муками, которыя и не вообразитъ себѣ Европейскій путникъ, привыкшій ко всевозможнымъ удобствамъ въ дорогѣ. Солнце не грѣетъ, а калитъ; вѣтеръ не прохлаждаетъ, а жжетъ; жажда страшно томитъ путника, а вода, которую онъ везъ съ собою какъ драгоцѣнность, до того испортилась, что даже взглянуть на нее отвратительно.... Изрѣдка встрѣтится караванъ верблюдовъ; при видѣ живыхъ существъ полегчѣетъ на сердцѣ; но вотъ тамъ и сямъ пойдутъ встрѣчаться ряды могилъ, убѣленные верблюжьими костями и означающіе мѣсто смерти многихъ странниковъ, погибшихъ отъ палящаго хамсина.... Радостно въ этой пустынѣ встрѣтить хотя призракъ растительности, или услышать щебетаніе птички на одинокомъ деревѣ, — и нашъ путникъ испыталъ такую радость.

Но пустыня страшна и угрюма для одного Европейца. Арабы считаютъ ее лучшею страною въ мірѣ. «Посмотри, говорили они Г. Уманцу, указывая на обширныя песчаныя равнины: какъ весело здѣсь! Это все наша земля, здѣсь мы сами господа, здѣсь намъ некого бояться!» И въ доказательство, что имъ весело здѣсь, проводники автора задали себѣ дорогою *фантазію* (пирушку), состоявшую изъ козленка съ рисомъ и изъ кофе.

И нашъ путешественникъ разнообразилъ свою дорогу сколько могъ. По крайней мѣрѣ читателю ѣхать съ нимъ вовсе не скучно и не утомительно; потому что любезный авторъ, кромѣ занимательнаго разсказа о дорогѣ, о нравахъ Бедуиновъ, даритъ насъ еще учеными изслѣдованіями, напримѣръ о причинахъ названія Краснаго моря, объ исходѣ Израильтянъ изъ Египта и о мѣстѣ, откуда они тронулись и гдѣ перешли Красное море,* и проч.

* Большая часть писателей полагаетъ, что столицею Фараоновъ во время исхода Израильтянъ былъ Мемфисъ, и что Израильтяне двинулись или отсюда, или же изъ части теперешней Келіубской провинціи, между Каиромъ и Бельбеисомъ, гдѣ и понынѣ указываютъ на два холма, назы-

Digitized by Google

По дорогѣ лежитъ только одинъ городъ — Суесъ; но какой городъ? печальный извнѣ и внутри. «Нигдѣ нѣтъ ни сада, ни огорода, ни одного деревца, ни одного кустика, ни одной травинки; домы изъ земляного кирпича, мѣстами полуразрушенные; улицы грязны и засорены всякою нечистотою. Народъ въ рубищахъ, дѣти полунагія, болѣзненнаго вида, и, въ буквальномъ смыслѣ, въ грязи съ головы до ногъ. Никто еще не утолялъ жажды здѣсь у живаго источника, никто не слыхалъ пѣнія птицы....»

На шестой день Г. Уманецъ достигъ Синая, отстоящаго отъ Каира .3 часовъ пути, или 390 верстъ (считая, что верблюдъ проходитъ въ часъ не менѣе 5 верстъ).

«Разбитый отъ усталости, отъ долгой ѣзды и отъ зноя, я хотѣлъ поскорѣе войдти во внутрь (монастыря); но воротъ въ стѣнахъ не было видно и только вверху, почти у верхней оконечности стѣнъ, находилось просторное, въ видѣ двери, окно, изъ котораго выглядывали человѣческія фигуры въ черномъ платьѣ и клобукахъ. Окно прикрыто висячею деревянною будкою, служащею ему какъ бы колпакомъ, будка безъ дна, и въ верхней части ея укрѣпленъ надежный блокъ, чрезъ который висѣлъ конецъ толстой веревки. Окно это находится отъ земли на высотѣ до 6 маховыхъ саженей, и чрезъ него-то предстоялъ мнѣ воздушный путь во внутрь монастыря. Уже давно монахи увидали насъ съ вершины стѣнъ монастырскихъ. Замѣтивъ гостя еще вдали, они обыкновенно подымаютъ флагъ съ честь его, желая этимъ показать радушіе, съ которымъ его встрѣчаютъ. Кромѣ того флаги подымаются во всѣ церковные праздники, и въ этотъ день они развѣвались по случаю воскресенья. Но сколь монахи ни рады гостямъ, сколько всякій новоприбывшій изъ далекой отсюда долины Нильской, а тѣмъ болѣе изъ странъ заморскихъ и съ ними единовѣрныхъ, ни отраденъ для нихъ въ этой дикой пустынѣ; однако входъ въ монастырь допускается не иначе какъ по письмамъ изъ Каира отъ намѣстника, которыми гость рекомендуется Синайской братіи. Правило это ведется съ давнихъ временъ.... Еще при вступленіи моемъ въ монастырь, я встрѣченъ былъ Русскою рѣчью: привратникомъ былъ монахъ изъ

ваемые Іудейскими. Но по ученымъ изслѣдованіямъ А. С. Норова, оказывается, что тогдашнею столицею Египта былъ не Мемфисъ, а Цоанъ, на берегу озера Мензале; а Англійскій путешественникъ Робинзонъ доказываетъ, что переходъ Израильтянъ чрезъ море былъ совершенъ около Суеса.

Digitized by Google

Болгаръ. Такую же пріятную встрѣчу нашелъ я и въ гостинницѣ: служителемъ при ней находился другой монахъ, старецъ преклонныхъ лѣтъ, родомъ также изъ Болгаръ и говорившій по-Русски лучше перваго; чрезъ него былъ первый разговоръ мой съ привѣтливымъ и радушнымъ игуменомъ. Скоро пришелъ одинъ молодой монахъ, лѣтъ 29 или 30, выходецъ Россіи, и привѣтствовалъ меня уже чистымъ Русскимъ языкомъ; имя его въ монашествѣ Іаковъ. Онъ былъ болѣе всѣхъ обрадованъ пріѣздомъ Русскаго и притомъ изъ Одессы, его родины, которую оставилъ онъ уже болѣе 15 лѣтъ, и вскорѣ за тѣмъ, въ одномъ изъ Аѳонскихъ монастырей, на 15 году жизни, надѣлъ монастырскую рясу, безъ надежды когда-либо воротиться на родину....»

Монастырь построенъ въ видѣ продолговатаго четвероугольника, расположеннаго на крутой покатости, идущей отъ подошвы Хорива къ разрѣзу ущелья.* Главный фасадъ его находится на той сторонѣ, гдѣ устроенъ воздушный входъ. Длина его 40, ширина 32 сажени. По словамъ Буркгарта, Синайскій монастырь нѣкогда представлялъ въ своемъ устройствѣ то же самое, что храмъ Господень въ Іерусалимѣ, и заключалъ въ себѣ алтари разныхъ христіанскихъ исповѣданій; но это извѣстіе подлежитъ сомнѣнію. Но если въ обители не встрѣчается памятника другаго вѣроисповѣданія, кромѣ Греческаго, за то въ стѣнахъ ея есть зданіе, какого въ христіанскихъ монастыряхъ навѣрно нигдѣ не найдется: это мечеть, стоящая въ близкомъ разстояніи отъ соборной церкви, съ помѣщеніемъ для мусульманскихъ поклонниковъ, которые питаютъ особенное уваженіе къ Моисею и къ Синаю, какъ поприщу великихъ дѣлъ его.

Кромѣ главнаго храма, въ Синайскомъ монастырѣ находится 15 малыхъ церквей, построенныхъ въ разныя времена; всѣ онѣ чрезвычайно бѣдны, хотя содержатся въ порядкѣ; всѣхъ же алтарей, съ находящимися въ соборномъ храмѣ, считается въ монастырѣ 26.

Лучшее украшеніе монастыря составляетъ соборный храмъ, красотою своею какъ говоритъ Барскій, «человѣ-

* Надъ поверхностью Чернаго моря онъ лежитъ на высотѣ 5,000 футовъ.

Digitized by Google

ческое услаждающій сердце.» Онъ обращаетъ на себя особенное вниманіе сколько стилемъ своимъ и внутренними, во вкусѣ Византійскомъ, украшеніями, не измѣнившимся въ продолженіе 15 вѣковъ, столько же и потому, что онъ есть одинъ изъ самыхъ древнихъ и очень не многихъ христіанскихъ храмовъ, до нынѣ существующихъ въ первобытномъ благолѣпіи. Храмъ этотъ, равно какъ и самый монастырь, воздвигнутъ въ память Преображенія Господня, — и многіе путешественники ошибались, называя главный Синайскій монастырь Екатерининскимъ, на томъ основаніи, что здѣсь почиваютъ мощи св. Екатерины, перенесенныя, какъ говоритъ преданіе, ангелами изъ Александріи на одну изъ вершинъ Синайскихъ, а оттуда въ монастырь монахами.

Изъ подробнаго описанія соборной церкви, представляемаго Г. Уманцемъ, мы заимствуемъ слѣдующій отрывокъ, относящійся къ главнымъ святынямъ Синая.

«Мощи Св. Екатерины хранятся въ небольшой ракѣ Каррарскаго мрамора съ рѣзными изображеніями. Крышка мраморная, отдвижная. Величина раки, по измѣренію Кира Бронникова, длиною 1½ аршина, шириною съ небольшимъ 8 вершковъ. Она поставлена на рубежѣ алтаря съ боку, на правой, т. е. полуденной сторонѣ. Надъ нею мраморный балдахинъ и куполъ, а съ восточной стороны передъ нею вдѣлана въ стѣну полированная мраморная доска съ изображеніемъ лика святой мученицы. Передъ этимъ изображеніемъ и передъ ракою висятъ семь неугасимыхъ лампадъ. Дважды я прикладывался къ мощамъ; онѣ заключаются въ головѣ и ручкѣ; на первой укрѣплена золотая коронка съ разноцвѣтными камнями, на послѣдней находятся нѣсколько золотыхъ колецъ простой работы. Мощи помѣщаются на дорогомъ подносѣ, покоящемся на хлопчатой бумагѣ, которою наполнено три четверти внутренняго объема раки. Часть этой бумаги игуменъ далъ мнѣ, а также и нѣсколько простыхъ серебряныхъ колецъ, касавшихся нетлѣнной ручки. При открытіи раки, по всему храму разнеслось благовоніе розоваго масла. Для этихъ мощей, сестра Императора Петра I, Царевна Екатерина Алексѣевна, прислала сюда серебряную позолоченную раку во весь человѣческій ростъ; она хранится особо, въ числѣ монастырскихъ драгоцѣнностей, и мнѣ показывали только ея крышку, на которой представлена, рельефно, въ большомъ видѣ святая мученица.

Digitized by Google

Въ девятомъ придѣлѣ, находящемся за самымъ алтаремъ, заключается священнѣйшее мѣсто этой обители: Несгараемой и Неопалимой Купины

«Пространство, заключающееся въ этомъ придѣлѣ, составляетъ квадратъ въ три сажени; высота до двухъ саж. Окно въ алтарѣ большаго храма не дозволило поднять этотъ придѣлъ выше. Въ воспоминаніе священнаго событія, здѣсь совершившагося, всякъ вступающій въ это святилище, снимаетъ свою обувь, подобно Моисею, получившему приказаніе: «изуй сапоги отъ ногъ твоихъ — мѣсто бо, на немъже стоиши, земля свята есть.» По мягкимъ коврамъ подошелъ я приложиться къ мраморной плитѣ, положенной на самомъ мѣстѣ Неопалимой Купины. Подобно всѣмъ священнѣйшимъ мѣстамъ Святой Земли, эта плита помѣщена внизу въ восточной части этого придѣла, нѣсколько выше горизонта пола. Она покрыта серебряною доскою, съ разными изображеніями изъ жизни и чудесъ Моисея. Въ воспоминаніе святаго неугасимаго огня, надъ нею теплятся неугасимыя лампады. На мраморныхъ столпахъ утверждена надъ нею другая мраморная доска, составляющая жертвенникъ при служеніи литургіи; при этомъ, для алтаря, отдѣляется часть придѣла, посредствомъ особой завѣсы. Свѣтъ дневной проходитъ во внутрь чрезъ два небольшія окна съ боковъ. Западная стѣна состоитъ изъ голубыхъ фаянсовыхъ изразцевъ; всѣ остальныя стѣны, подобно полу, покрыты дорогими коврами, и на нихъ въ многихъ мѣстахъ висятъ образа разной величины и формы, представляющія событія, совершившіяся на верху горы и на этомъ самомъ мѣстѣ. Между ними нѣсколько образковъ на большихъ перламутровыхъ раковинахъ Чернаго моря. Служба здѣсь отправляется каждую субботу, а въ большомъ храмѣ, по воскресеньямъ и большимъ праздникамъ.»

По случаю смерти ризничаго, Г. Уманецъ не могъ видѣть главной ризницы монастырской, гдѣ, между разными драгоцѣнностями, хранятся: Новый Завѣтъ, писанный Императоромъ Ѳеодосіемъ на атласѣ, золотыми буквами, въ коемъ благовѣстіе Іоанна Богослова поставлено впереди прочихъ; экземпляръ псалмовъ Давида, писанный, по преданію, Императрицею Ѳеодорою, и проч. Въ библіотекѣ же монастырской, очень не богатой, нѣтъ ничего примѣчательнаго.

На другой день по прибытіи въ монастырь, Г. Уманецъ, въ сопровожденіи игумена и двухъ монаховъ, отправился на священныя горы, и прежде всего на Моисееву

Digitized by Google

(Джебель-Муса). Восхожденіе на хребетъ представляло чрезвычайныя трудности; путь шелъ то по тропинкамъ и ступенямъ, изсѣченнымъ въ скалахъ древними отшельниками, то по рытвинамъ и водороинамъ, гдѣ надобно было перескакивать съ камня на камень. Но всѣ трудности забываются при достиженіи мѣста, къ которому стремилась душа, — и высоко цѣнили подвигъ посѣщенія Синайскихъ святынь первобытные поклонники.

«Говорятъ, что въ прежнія времена поклонники, прибывавшіе сюда цѣлыми сотнями, прежде восхожденія на святыя вершины Синая, должны были говѣть цѣлую недѣлю въ монастырѣ, исповѣдать грѣхи свои и причаститься Святыхъ Таинъ Христовыхъ; у дверей, вверху, стояли монахи и пропускали только тѣхъ, у кого были записки отъ игумена, объ исполненіи ими этихъ святыхъ приготовленій.... Нѣкоторымъ изъ поклонниковъ, конечно избраннѣйшимъ, дозволялось, какъ говорятъ, послѣ шестидневнаго поста и молитвы, идти по пути вверхъ; тамъ у первыхъ дверей ожидалъ ихъ духовникъ для исповѣди, а у вторыхъ священникъ, въ полномъ облаченіи, съ чашею Святыхъ Таинъ Христовыхъ. Хоръ пѣвчихъ, зажженные факелы и куреніе ѳиміама, подъ сводомъ вѣчно-голубаго неба, довершали торжественность, и когда причастникъ, омытый отъ грѣха, съ душею только-что очистившеюся Святымъ Таинствомъ, пропускался черезъ порогъ двери, — я представляю моимъ читателямъ судить о тѣхъ чувствахъ, какими преисполнена была грудь его въ эту важную минуту, послѣ долгаго и труднаго странствія на сушѣ и моряхъ, послѣ длиннаго ряда страданій и лишеній разнаго рода, имъ испытанныхъ въ пустынѣ, за нѣсколько тысячъ верстъ отъ его родины, предъ лицемъ святой горы, бывшей свидѣтелемъ величайшаго изъ событій и о которой еще съ самыхъ нѣжныхъ, юныхъ лѣтъ слышалъ онъ въ храмѣ Божіемъ и читалъ въ Св. Писаніи, первой книгѣ, по которой сталъ учиться читать и которую получилъ изъ рукъ своей матери!....

«Подходя къ послѣдней двери, вы видите въ рамѣ ея одно только голубое небо и никакъ не ожидате встрѣтить картину, которая представится вамъ за нею. По подъему, отъ самаго монастыря до сихъ поръ, вы не встрѣтили ни малѣйшихъ слѣдовъ жизни, вы не нашли ни одного вершка земли, гдѣ бы могла она укрѣпить свои корни; со всѣхъ сторонъ громоздился камень на камнѣ, одна скала давила другую, одинъ утесъ возвышался подъ другимъ, какъ бы заглядывая вамъ въ глаза, и заслонялъ видъ, куда бы вы ни обратились. Аравійское солнце нѣсколько тысячелѣтій обжигаетъ эти каменныя громады, и онѣ

Digitized by Google

почернѣли, какъ бы закаленныя въ горнилѣ. Ни одно мѣсто въ отдѣльности не заронилось въ память вашу, и все представляется въ полномъ хаосѣ, какъ бы на другой день послѣ страшнаго переворота, разбросавшаго эти громады гранита въ разныя стороны и нагромоздившаго ихъ одинъ на другой въ такомъ безпорядкѣ.

«Переступая дверь, вы какъ бы ожили въ другомъ мірѣ, вы какъ бы разомъ отдохнули отъ впечатлѣній, постоянно тяготившихъ васъ съ самаго начала подъема. Первое, что вы видите, что облегчаетъ васъ, есть обширная перспектива, разстилающаяся передъ вашими глазами. Вниманія вашего не останавливаетъ частица зелени вправѣ, съ прекраснымъ кипарисомъ; съ жадностію вы хотите видѣть, что дальше и дальше, и вотъ передъ вами, нѣсколько влѣво, идетъ крутой подъемъ; глаза ваши идутъ по немъ, все выше и выше; дорожка, какъ бы отъ усталости, извивается то въ одну, то въ другую сторону, мѣстами прячется за камни, потомъ опять, какъ бы отдохнувъ и напрягши всѣ свои силы, лѣзетъ прямо вверхъ, карабкается и наконецъ пропадаетъ между скалами. Не находя ея продолженія, взоръ вашъ идетъ напрямикъ, съ камня на камень, со скалы на скалу; черные овраги его не удерживаютъ, и онъ направляется на отдѣлившуюся отъ всѣхъ окружныхъ горъ, огромную, конусообразную гранитную массу, ярко обрисовавшуюся на синевѣ неба. Крутыя обнаженныя ребра обхватываютъ ее съ боковъ, представляются отдѣльными гранитными скалами съ заостренными вершинами, и громоздятся одна надъ другою, какъ бы желая быть ближе и ближе къ высшей точкѣ основной горы, къ которой онѣ, какъ птенцы къ матери, плотно прижались. Прошедши всѣ эти трудности и оставивъ эти скалы за собою, глаза ваши наконецъ достигаютъ высшаго пика гранитной конической массы, вершины Джебель-Муса, цѣли вашего дальняго пути и вашихъ желаній. Небольшія два бѣлѣющіяся зданія привѣтливо смотрятъ на васъ съ самой вершины и привлекаютъ къ себѣ ваше любопытство; вы впились глазами въ эту вершину и стараетесь глубже запечатлѣть въ вашемъ сердцѣ и вашей памяти ея вполнѣ замѣчательные очерки.»

Почти каждый шагъ на Синаѣ соединенъ съ какимъ-нибудь священнымъ воспоминаніемъ.... Здѣсь пещера пророка Иліи, гдѣ «онъ слышалъ Господа, говорившаго къ нему, и былъ свидѣтелемъ бури, ниспровергшей горы окрестныя, раздробившей скалы гранитныя, видѣлъ землетрясеніе, приведшее эти громадные обломки въ такой хаотическій безпорядокъ, въ которомъ они остаются даже и до сего

Digitized by Google

дня, видѣлъ огнь палящій, обжегшій эти скалы до такой степени....» Здѣсь скала, откуда Моисей воздѣяніемъ къ верху рукъ своихъ способствовалъ народу Израильскому одержать верхъ надъ Амелекомъ. Тамъ другая скала, гдѣ онъ бесѣдовалъ съ Богомъ и получилъ отъ Него скрижали заповѣдей. Въ этой пещерѣ Боговидецъ постился 40 дней и 40 ночей передъ принятіемъ закона. Вотъ источникъ, изъ котораго онъ повелѣлъ пить «воду проклятія» послѣ боготворенія золотаго тельца, — а это углубленіе служило формою головы тельца при его вылитіи. Здѣсь камень, на которомъ поставлена была Скинія свидѣнія, и подъ нимъ же пророкъ Іеремія открылъ въ послѣдствіи сокровища храма Іерусалимскаго. Это мѣсто называется кущею Аарона. Гора носитъ имя Св. Епистиміи, ибо на ней спасалась эта мученица. На этой вершинѣ 200 лѣтъ почивали мощи св. Екатерины. Здѣсь указываютъ скалу, гдѣ Пресвятая Дѣва явилась древнимъ отшельникамъ Синая, когда они хотѣли оставить монастырь, избѣгая голодной смерти....

Въ ущельяхъ Синая есть нѣсколько церквей, построенныхъ въ древности и теперь пришедшихъ въ совершенное запустѣніе, и монастырь во имя Сорока мучениковъ, въ которомъ живетъ только одинъ монахъ для присмотра за садомъ. Во многихъ мѣстахъ видны пещеры древнихъ отшельниковъ, устроенныя тамъ, гдѣ не обитаетъ ни одного живаго существа, куда лишь изрѣдка заходятъ тигры и рыси изъ пустынь Аравіи, но не находя себѣ пищи, спѣшатъ убраться въ мѣста, оживленныя присутствіемъ человѣка и животнаго....

Путешественника нашего къ восхожденіи на Синай сопровождали, кромѣ братіи, нѣсколько Арабовъ, изъ числа живущихъ въ окрестностяхъ, которыхъ монастырь считаетъ своими слугами, ибо они поселены здѣсь Императоромъ Юстиніаномъ для защиты обители отъ нападеній Сарацинъ. Въ вознагражденіе за ихъ услуги монастырь выдаетъ имъ каждую недѣлю печеный хлѣбъ (пудовъ 18); но когда Арабамъ эта выдача покажется недостаточною, или вздумается получить ее прежде срока, они осаждаютъ мо-

Digitized by Google

мастырь, или захватываютъ къ себѣ монаховъ, не дѣлая однако своимъ кормильцамъ никакого вреда.

Употребивъ два дня на посѣщеніе вершинъ Синайскихъ, Г. Уманецъ воротился въ монастырь, гдѣ ему уже нечего было болѣе осматривать, кромѣ кладбища, единственнаго въ своемъ родѣ.

«Мы спустились по каменной лѣстницѣ, въ нѣсколько ступеней, на небольшой продолговатый, четвероугольный дворикъ, замкнутый со всѣхъ сторонъ стѣнами боковыхъ приземистыхъ построекъ. Длина дворика до 3 саж. съ небольшимъ, ширина въ половину менѣе; въ глубинѣ его одна дверь, съ боку другая. «Здѣсь наше послѣднее пристанище, сказалъ игуменъ, принявъ на себя самый важный видъ: здѣсь наше кладбище!»

«По обѣ стороны двери, находящейся во глубинѣ дворика, видны двѣ могилы; земля на нихъ была въ уровень съ краями и полита водою. Указавъ на одну изъ могилъ, игуменъ сказалъ, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ погребенъ въ ней ризничій, и что на другой сторонѣ покоится другой собратъ ихъ съ прошлаго года. Такихъ могилъ на этомъ дворикѣ могло бы помѣститься еще двѣ, но никакъ не болѣе четырехъ; мѣста мало, но покойниковъ здѣсь были цѣлыя сотни. Гдѣ же погребаютъ тѣла усопшихъ? спросите вы.

«Покойника на другой же день послѣ смерти погребаютъ на этомъ дворикѣ и оставляютъ въ землѣ, пока тѣло его не предастся совсѣмъ гніенію и кости не отдѣлятся отъ плоти; чтобы процессъ этотъ совершался скорѣе и мѣсто очистить для новыхъ покойниковъ, тѣло кладутъ въ яму безъ гроба, землю надъ нимъ часто поливаютъ водою и держатъ ее въ постоянной сырости. Робинзонъ добавляетъ, что тѣло кладется на желѣзную рѣшетку; это очень можетъ быть, но объ этомъ монахи мнѣ ничего не говорили. Процессъ тлѣнія обыкновенно совершается въ два, много въ три года. По прошествіи этого времени, приступаютъ къ разрытію могилы, съ погребальнымъ пѣніемъ, съ факелами и со всею установленною для погребенія церемоніею. Отрывъ могилу собрата, иноки отдѣляютъ кости его отъ персти, собираютъ ихъ особо, и, съ тѣмъ же погребальнымъ пѣньемъ, переносятъ въ помѣщенія, для этого нарочно назначенныя и здѣсь же находящіяся. Къ нимъ ведетъ дверь во глубинѣ дворика. Дверь эта отворилась, и мы вошли въ жилище смерти.

«Здѣсь двѣ особыя комнаты, соединенныя между собою открытою дверью. Нижняя половина комнатъ находится ниже горизонта земли. Свѣтъ въ первую комнату проникаетъ чрезъ дверь

Digitized by Google

изъ дворика, въ другую — чрезъ окно въ верхней части стѣны; земляной полъ фута на полтора ниже горизонта дворика; потолокъ плоскій, низкій. Поднявъ руку, вы его достанете; стѣны не оштукатурены и чрезъ нихъ просачивается сырость. Эти комнаты представляютъ послѣднюю общую могилу для посмертныхъ остатковъ жильцовъ Синайской пустыни! Изъ нихъ первая назначена для простыхъ монаховъ, вторая для Архіепископовъ, игуменовъ, іеромонаховъ и другихъ духовныхъ властей, равно для отшельниковъ, хотя не монаховъ, но сдѣлавшихся извѣстными строгостію своей жизни и дѣлами, угодными Богу.

«Но кости каждаго мертвеца, по переносѣ сюда, уже не остаются въ одномъ мѣстѣ. Люди во всемъ строгій порядокъ, монахи складываютъ головы къ головамъ, руки къ рукамъ, ноги къ ногамъ, ребры къ ребрамъ. Войдя со двора въ дверь, вы видите на нѣкоторомъ возвышеніи отъ пола, вдоль стѣны съ лѣвой стороны, головы мертвецовъ, сложенныя въ три яруса, и три слоя головъ возвышаются одинъ надъ другимъ, съ соблюденіемъ и въ этомъ самаго строгаго порядка. Длина пространства, занятаго головами, отъ 1½ до 2 саж., ширина до 1 саж. Эти бѣлыя головы обращены лицемъ ко входящему, и кажется, будто онѣ, почивая столь долгое время въ ненарушимой, глубокой тишинѣ и будучи вдругъ пробуждены неожиданнымъ шумомъ и человѣческою рѣчью, съ любопытствомъ слушаютъ разговоръ гостей и устремили на нихъ эти неподвижныя большія амы, гдѣ нѣкогда помѣщались глаза и служили украшеніемъ этимъ безобразнымъ черепамъ. Къ стѣнѣ, противоположной входу, сложены по сортамъ всѣ остальныя кости, подобно тому, какъ складываютъ у насъ дрова въ сажени; ни одна кость не смѣетъ высунуться наружу, и только изъ полотна стѣны виднѣются закругленные составы рукъ и ногъ, кое-гдѣ съ уцѣлѣвшимъ сухожильемъ. Но съ ребрами и позвоночнымъ хребтомъ монахи не могли никакъ справиться и укладкѣ ихъ не могли дать никакой правильной формы; а потому и рѣшились складывать, какъ попало, въ уголъ, въ особо-отдѣленное для того мѣсто....

«Съ полчаса времени пробылъ я въ этомъ жилищѣ смерти; обошелъ всѣ углы, осмотрѣлъ всѣ хранилища послѣднихъ остатковъ жильцовъ этой пустыни. При этомъ неизлишне замѣтить, что монахи вообще избѣгаютъ вводить сюда постороннихъ, особливо лицъ не православнаго исповѣданія, считая удовлетвореніе суетнаго любопытства несоотвѣтствующимъ высокому назначенію этого мѣста. И должно сознаться, что чувство непріятное объемлетъ душу при видѣ этихъ бренныхъ остатковъ человѣка, сберегаемыхъ какъ бы для того, чтобы входящій вполнѣ видѣлъ все то ничтожество, какое его неизбѣжно ожидаетъ. Профессоръ

Digitized by Google

Робинзонъ, изъ уваженія къ его званію, былъ также сюда впущенъ. Здѣсь, говоритъ онъ, истинный храмъ смерти, гдѣ цѣлыя столѣтія сидитъ она на тронѣ, получая съ каждымъ годомъ новыя жертвы, пока комнаты не преисполнятся этимъ собраніемъ мертвыхъ. Я не знаю другаго мѣста, добавляетъ онъ, гдѣ бы живой и мертвецъ были ближе другъ къ другу, или гдѣ бы страшный призывъ, приготовиться къ смерти, представлялся духу съ большею силою!»

Въ прежнія времена, путешественники, посѣщавшіе Синай, чертили свои имена гдѣ только могли — на стѣнахъ комнатъ, на деревьяхъ и проч. Для отвращенія этого монахи завели особую книгу, куда поклонники вписываютъ свои имена. Г. Уманецъ нашелъ въ ней не болѣе 20 Русскихъ именъ; одно изъ нихъ принадлежало поклоннику, приходившему изъ Сибири вмѣстѣ съ женою помолиться Св. мѣстамъ, въ 1820 г., и снова отправившемуся въ свою родную Сибирь. Вообще въ послѣднее время число поклонниковъ значительно уменьшилось, и въ годъ бываетъ ихъ не болѣе 40—60 человѣкъ, преимущественно Грековъ и Коптовъ; но въ прошломъ столѣтіи на Синай постоянно приходили изъ Каира и Іерусалима цѣлые караваны богомольцевъ отъ 600—800 человѣкъ.

Описаніе Синая Г. Уманецъ заключаетъ очеркомъ исторіи его отъ первыхъ временъ, когда на немъ начали селиться отшельники (вѣроятно ранѣе IV столѣтія) и до новѣйшихъ. Потомъ говоритъ о двухъ посѣщеніяхъ своихъ Синайскому Архіепископу Константію, жившему въ Константинополѣ и извѣстному сколько благочестивою жизнію, столько и учеными трудами своими. Изъ сочиненія его «Египтіада,» посвященнаго христіанскимъ древностямъ Египта, Г. Уманецъ почерпнулъ много свѣдѣній о Синаѣ. Въ видѣ прибавленія помѣщено извлеченіе о Синаѣ изъ Коробейникова и Гогары.

Разсказъ о возвратномъ пути оживленъ нѣсколькими картинами туземной природы и бедуинскихъ нравовъ. Тутъ же авторъ мимоходомъ рѣшаетъ вопросъ о манѣ, веществѣ, которое даютъ особаго рода деревья (Tamarix Gallica mannifera), растущія въ Синайской пустынѣ, и которымъ многіе ученые ошибочно объясняли ветхозавѣтную манну. —

Digitized by Google

На 8 день по отъѣздѣ изъ Синайскаго монастыря Г. Уманецъ достигъ Каира, гдѣ монахи подворья привѣтствовали его почти тѣми же словами, которыми знаменитый нашъ Барскій встрѣченъ былъ монахами на Синаѣ: «добре пришелъ еси друже! Богу да будетъ пріятенъ трудъ твой!»

Отрывки о Египтѣ и Св. Землѣ были уже напечатаны въ Москвитянинѣ и другихъ журналахъ, и вѣроятно, извѣстны всей читающей публикѣ. Но ихъ можно и должно перечитать во второй, въ третій разъ, и всегда съ новымъ удовольствіемъ. Изъ статей Г. Уманца можно познакомиться съ современнымъ Египтомъ лучше, чѣмъ изъ десятка книгъ, — и кто прочтетъ его занимательные очерки вмѣстѣ съ путешествіемъ Г Ковалевскаго, тому не за чѣмъ обращаться къ Клодтъ-бею и подобнымъ ему говорунамъ.

65. Вѣдомость о народонаселеніи Россіи по уѣздамъ губерній и областей, составленная изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ Губернаторовъ, при Статистическомъ Отдѣленіи Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, А. К. За 1846 годъ. Спб. 1850. Стр. 48 въ 8 д. л.

Статистика не состоитъ болѣе по особымъ порученіямъ при географіи, не считается наукою сухою, безжизненною, собраніемъ всевозможныхъ цифръ и таблицъ; выводы ея занимаютъ не однихъ ученыхъ по обязанности; матеріаламъ, обогащающимъ ее безпрестанно, дается видное мѣсто въ литературѣ. Поэтому, читатели, вѣроятно, не посѣтуютъ на насъ, если мы разсмотримъ «Вѣдомость о народонаселеніи Россіи» съ особенною подробностію.

Въ основаніе этой вѣдомости приняты отчеты Губернаторовъ, поступающіе въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ; потому не вошли въ нее слѣдующія части Имперіи: Земля войска Донскаго, Камчатское и Охотское приморскія управленія, Якутская область (свѣдѣнія по которымъ поступаютъ въ Военное и Морское Министерства); потомъ губерніи: Тифлисская, Кутаисская, Шемахинская и Дербентская (отчетовъ по нимъ за 1846 г. не поступало новости ихъ учрежденія). За этими исключеніями, общее простран-

Digitized by Google

ство Россіи равняется почти 86,000 кв. миль,* а народонаселеніе слишкомъ 53,353,000.** Отношеніе перваго ко второму 1:620. Жителей муж. пола 26,453,000, жен. 26,900,000. Иновѣрцевъ христіанъ 4,489,000, не христіанъ 3,492,000. — По пространству самая обширнѣйшая губернія (за исключеніемъ Сибирскихъ) Архангельская, заключающая въ себѣ болѣ 15½ т. кв. миль; а самая меньшая — Эстляндская, пространство коей составляетъ 376 кв. м. По народонаселенію богаче всѣхъ губер. Курская (1,774,000 ж.), бѣднѣе Астраханская (до 139 т.)***. Губерній, въ которыхъ народонаселеніе простирается до милліона и болѣе, но не достигаетъ полутора, въ Россіи *осемнадцать*: Владимирская, Волынская, Казанская, Калужская, Костромская, Минская, Нижегородская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Симбирская, Смоленская, Тверская, Тульская, Харьковская, Херсонская, Черниговская, Ярославская; до полутора милліона жителей и болѣе имѣютъ *одиннадцать* губерній: Воронежская, Вятская, Кіевская, Курская, Московская, Оренбургская, Пермская, Подольская, Полтавская, Саратовская, Тамбовская.—Отношеніе населенію къ пространству представляетъ самую меньшую цифру въ Архангельской губ. (1:15), самую большую въ Московской (1:2554).—Женскій полъ превышаетъ въ общемъ итогѣ мужской; по губерніямъ почти вездѣ представляется то же самое, и наиболѣе значительный перевѣсъ въ Ярославской губ., гдѣ женскій полъ превышаетъ мужской почти 84½ т.: явленіе, объясняемое промышленнымъ духомъ жителей, которые тысячами оставляютъ родину для заработковъ на сторонѣ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ мужской полъ превышаетъ женскій, и самый значительный перевѣсъ въ этомъ отношеніи представляетъ губернія Московская (55½ т.). Совершенное равенство населенія обоихъ половъ представляютъ губерніи: Витебская (по 380 т. каждаго), Курская (886½ и 887) и Симбирская (по 600 т.).

---

* Здѣсь не показано пространство Сибирскихъ губерній.

** Въ исчисленіе народонаселенія не включенъ С.-Петербургъ; кромѣ того, по губ. Астраханской и Ставропольской итогъ населенія ихъ долженъ быть увеличенъ 295 т. душъ.

*** Здѣсь не принята во вниманіе неопредѣленность въ показаніи о ея народонаселеніи, простирающаяся до 190 т. д.

Digitized by Google

Число иновѣрцевъ христіанъ наибольшее находится въ Лифляндской губ. (710 т.), наименьшее во Владимирской (186); не христіанъ болѣе прочихъ въ губ. Оренбургской (до 707 т.), менѣе въ Олонецкой (2). Совершенно нѣтъ иновѣрцевъ не христіанъ въ губ. Владимирской, Курской, Смоленской, Харьковской и Эстляндской. Кромѣ того, есть уѣзды, гдѣ въ числѣ жителей нѣтъ *ни одного* иновѣрца; таковы: Холмогорскій (Арханг. г.), Суздальскій (Владим. г.), Бирючскій, Валуйскій и Нижнедѣвицкій (Воронеж. г.), Тарусскій (Калуж. г.), Повѣнецкій (Олонецкой г.), Малоархангельскій (Орлов. г.), Сапожковскій (Рязан. г.), Лебедянскій (Тамбов. г.) и Бѣжецкій (Тверской г.)

Необходимо замѣтить, что между показаніями Вѣдомости и данными, помѣщенными въ Академическомъ Календарѣ на этотъ годъ, оказывается довольно разногласій, не смотря на то, что тѣ и другія относятся къ одному году. Извѣстный нашъ ученый П. И. Кеппенъ, составлявшій таблицы о народонаселеніи Россіи для Календаря, объяснилъ причину этой разницы. (См. Спб. Вѣд. NN 79, 80 и 81). Подобно Г. А. К., онъ также основывался на оффиціальныхъ источникахъ. Наступившая *девятая* народная перепись покажетъ, какія цифры должны быть признаны наиболѣе достовѣрными.

Въ заключеніе, *Москвитянину* не лишнимъ будетъ привести изъ «Вѣдомости» цифры, относящіяся къ *Московской* губерніи.

Пространство губ. 589 кв. миль, жителей 1,504,000. Относительно населенія уѣзды идутъ въ слѣд. порядкѣ: Московскій (458½ т.), Богородскій (109 т.), Дмитровскій (107 т.), Коломенскій (107 т.), Бронницкій (до 106 т.), Серпуховскій (102 т.) Клинскій (до 92 т.) Подольскій (до 84 т.), Звенигородскій (79 т.), Волоколамскій (76 т.), Рузскій (болѣе 65½ т.), Можайскій (около 59 т.), Верейскій (49 т.). — Родилось въ 1846 г. до 66 т. чел. об. пола, умерло слишкомъ 55 т. Браковъ заключено было слишкомъ 12,400.— Иновѣрцевъ въ губерніи считается: христіанъ 4,600, не христіанъ 770.

Digitized by Google

Мы извлекли только общіе и наиболѣе замѣчательные выводы изъ «Вѣдомости;» но въ ней каждая таблица можетъ повести къ любопытнымъ сравненіямъ и заключеніямъ. На составленіе ея авторъ употребилъ, вѣроятно, не мало времени, и за эту усидчивую работу, исполненную весьма отчетливо, мы отдаемъ должную честь его трудолюбію. Впрочемъ, вмѣстѣ съ Г. Кеппеномъ, пожелаемъ, «чтобы впредь, при такихъ же изданіяхъ показаній, поступающихъ въ Мин. Внут. Дѣлъ, о числѣ жителей по губерніямъ, были присовокупляемы данныя о распредѣленіи ихъ по сословіямъ, и, буде можно, хотя нѣкоторыя критическія замѣчанія.»

66. Очеркъ Венгерской войны 1848—49 гг. Перев. съ Нѣм. Полков. Богдановича и Подполк. Лебедева. Съ 3 картами. Спб. 1850. Стр. 164 въ 8 д. л.

Цѣлью автора было «въ краткихъ очеркахъ представить вѣрную картину Венгерской войны, ограничиваясь разительнѣйшими изъ тактическихъ дѣйствій, ибо современность событій и недостатокъ свѣдѣній объ арміи инсургентовъ, не позволяютъ составить болѣе подробную исторію, по невозможности соблюсти строгія условія, требуемыя отъ военнаго сочиненія.» Изъ этихъ словъ, справедливость которыхъ неоспорима, читатель можетъ видѣть, что заключается въ предлагаемой книгѣ. Если, съ одной стороны, онъ найдетъ здѣсь очень мало новаго для себя, что̀ не было̀ бы извѣстно изъ реляцій, получитъ понятіе о Венгерской войнѣ какъ о блистательномъ эпизодѣ, безъ ея причинъ и важныхъ послѣдствій: то съ другой, собраніе въ одно летучихъ газетныхъ извѣстій, стройная группировка происшествій, такъ быстро смѣнявшихъ другъ друга, разсказъ живой и безпристрастный, доставятъ ему особенное удовольствіе, возобновивъ въ памяти недавно минувшія событія, столь славныя для нашего оружія.

Приложенныя три карты: Венгріи, Трансильваніи и военныхъ дѣйствій съ 2 по 9 Іюня 1849 г., не мало облегчаютъ возможность слѣдить за движеніями войскъ.

Digitized by Google

67. Дѣвицы Ленорманъ хиромантія, способъ узнавать характеръ и предсказывать будущность, и гаданіе по картамъ. Съ портретомъ. М. 1850.

Съ годъ тому назадъ пожаловала въ Москву извѣстная ворожея дѣвица Ленорманъ, и остановилась на Трубѣ, въ Карташевомъ переулкѣ, въ домѣ.... Но, извините: пріѣхала собственно не она, а ея карты, — пріѣхали и наняли сѣрый домикъ съ зелеными ставнями, а надъ фасадомъ его повѣсили вывѣску съ золотою надписью по голубому полю: «Продажа картъ д-цы Ленорманъ.» Для тѣхъ, кто рѣшался истратить 2 руб. сер., карты являлись въ «нарядномъ сюрпризѣ,» а для желавшихъ ограничиться однимъ цѣлковымъ, выходили въ простомъ футлярѣ. Объ этихъ отличіяхъ нѣсколько разъ публиковалось въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, и такъ какъ Вѣдомости читаетъ вся Москва, а объявленіе печаталось очень казисто, съ узорочною бордюрою, — и говорило, что это тѣ самыя карты, которыми Ленорманъ предсказала судьбу Наполеона, Жозефины и другихъ великихъ міра сего, — то, въ силу всѣхъ этихъ причинъ, картамъ шибко повезло. Какъ, въ самомъ дѣлѣ: Ленорманъ разложила судьбу Наполеона, точно свои пять пальцевъ, такъ ужъ будущность простыхъ смертныхъ ей ни почемъ; навѣрно и безобманно она разскажетъ, что́ чувствуетъ трефовый король, какой интересъ предстоитъ бубновому, что за марьяжъ гнѣздится въ сердцѣ кёровой дамы, и кому грозитъ бѣдою пиковая.... И такъ карты д-цы Ленорманъ пошли, и пошли; потребовалось второе изданіе пріѣзжей предсказательницы; доморощенныя ворожеи повѣсили носъ; оракулы понизились на пятьдесятъ процентовъ; кофе и бобы упали въ цѣнѣ.... Разбогатѣвшія Парижскія карты переселились во Французскую колонію Москвы — на Кузнецкій мостъ. Что же произошло потомъ? Многіе добрые люди, имѣвшіе удовольствіе повѣрять свои желанія и надежды дѣвицѣ Ленорманъ, заговорили, что какъ ни услужливы ея карты, а все-таки иногда фальшивятъ, смотрятъ въ туманную даль будущаго не во всѣ глаза; что не мѣшало бы на случай ихъ несостоятель-

Digitized by Google

ности имѣть подъ рукой *рукознаніе* знаменитой ворожеи, ея хиромантію, занимающую не послѣднее мѣсто въ ряду волшебныхъ знаній: въ картахъ частенько выходятъ турусы на колесахъ, а здѣсь, на рукахъ, сама природа линіями обозначила, кому какія линія написана на роду. Въ отвѣтъ на это благоразумное желаніе, Русскій издатель заграничной ворожбы поспѣшилъ объявить, что и хиромантія и собственная особа дѣвицы Ленорманъ — ея портретъ — ожидаются съ первымъ пароходомъ, и какъ только получатся, то не замедлятъ явиться къ услугамъ почтеннѣйшей публики. Но едва успѣлъ онъ публиковать о своемъ ожиданіи, едва почитатели Ленорманъ начали готовиться къ читанью на рукахъ, — бумагопрядильная литература, уже съ негодованіемъ смотрѣвшая, какъ пріѣзжіе штукари отбиваютъ у ней хлѣбъ, — мигомъ смастерила волшебныя карты съ хиромантіей, и самоё ворожею представила живьемъ — въ книжечкѣ, заглавіемъ которой украшенъ нашъ разсказъ. «Сюда, сюда пожалуйте, почтеннѣйшая публика: у насъ самая лучшая дѣвица Ленорманъ! Безъ запросу, полтинникъ, а потрафитъ такъ, что и за два цѣлковыхъ не сыщете подобнаго волшебства. Вѣдь и тѣ карты — только слава, что Французскія, а печатались здѣсь, въ Москвѣ. Пожалуйте, господа: останетесь довольны!» Вслѣдствіе этого завязалась сильная борьба между двумя дѣвицами Ленорманъ, пріѣзжею и доморощенною; но кто изъ нихъ одержитъ верхъ, — та ли, что расположилась лагеремъ у Никольскихъ воротъ, или обитательница Кузнецкаго моста — это еще неизвѣстно.

Не мудрено, однако, что иной читатель захочетъ знать наше мнѣніе о знаменитыхъ картахъ. Отвѣчать на это не скептику довольно щекотливо. Вы вѣрите въ гаданья? — «Да.... случается.... изъ исторіи извѣстно....» Изъ исторіи? Такъ и прекрасно, и гадайте себѣ, на здоровье, и выгадывайте золотыя горы, вопрошая судьбу-индѣйку. Желаемъ вамъ этого такъ же усердно, какъ издатели Русскихъ и заморскихъ гаданій желаютъ выручить рубль на копѣйку посредствомъ своихъ издѣлій.

Digitized by Google

68. Краткій въ стихахъ очеркъ С.-Петербурга и другія мелкія стихотворенія С. Павлова. Спб. 1850. Стр. 31 въ 16 д. л.

Сейчасъ говорили мы о пріѣздѣ дѣвицы Ленорманъ въ Москву. Позвольте въ уровень къ этому событію сказать о недавнемъ пріѣздѣ къ намъ одного знаменитаго путешественника.... не изъ-за морей однако дальнихъ, а изъ Петербурга. Путешествовалъ онъ вопреки замѣчанію Василія Ивановича (въ «Тарантасѣ»), что у насъ не путешествуютъ, а ѣздятъ съ мѣста на мѣсто; путешествовалъ этотъ великій неизвѣстный съ гуманическою цѣлью Ивана Васильевича — изучать Россію, Москву въ собственности, и для этого велъ свои путевыя впечатлѣнія. Въ Москвѣ онъ не нашелъ ничего — не то чтобы заслуживающаго обратить на себя его вниманіе, но ровно нечего: на улицахъ пусто, въ обществахъ ни души, въ театрѣ одни ряды безмолвныхъ ложъ, въ Благородномъ Собраніи одни бѣломраморные столбы, въ картинныхъ галлереяхъ полотно и золотыя рамы, въ литературѣ ни одной книги.... Напрасно нашъ рьяный туристъ кружилъ съ Плющихи на Трубу, съ Трубы на Плющиху, напрасно гулялъ въ распутицу по бульварамъ, лорнировалъ туманную даль, прислушивался къ малѣйшему шороху, обхаживалъ Московскія типографіи: вездѣ тишина, все какъ будто вымерло, выѣхало передъ нашествіемъ Французомъ; стоятъ себѣ пустынные дома, вода бѣжитъ по желобамъ крышъ, пробираясь въ канавы, осанистыя вороны тяжело размахиваютъ въ воздухѣ крыльями, вдали раздается заунывный лай стаи разношерстныхъ.... Такъ это хваленая Москва? Такъ здѣсь считается 350 тысячъ жителей, сорокъ сороковъ церквей, — здѣсь рынокъ всей Россіи, здѣсь средоточіе дѣятельности торговой, промышленной, умственной? Хорошъ городъ, нечего сказать! На улицѣ и шапки некому снять, въ обществѣ ни одного порядочнаго кружка, который задалъ бы обѣдъ знаменитому путешественнику, какъ задавали пиры, напримѣръ, Гумбольдту!.... Юпитеровская рѣчь: Ego vos.... полилась на бумагу изъ-подъ пера обманутаго въ своихъ ожиданіяхъ

Digitized by Google

наблюдателя; каждая строка дышала благороднымъ негодованіемъ; желчь и справедливое мщеніе проглядывали во всякомъ словѣ.... Прочли Москвичи грозную отповѣдь, пожали плечами и повторили стихъ Грибоѣдова:

Гоненье на Москву — что значитъ видѣть свѣтъ!

Изъ всѣхъ заключеній Петербургскаго путешественника насъ особенно поразило то, что въ Москвѣ нѣтъ литературы. Помилуйте, хотѣли мы было замѣтить пріѣзжему наблюдателю: боитесь ли вы Бога! Посмотрите что вышло въ Москвѣ въ какіе-нибудь два-три мѣсяца, пока совершали вы свою поѣздку: неужели это, по вашему, не стоитъ быть причисленнымъ къ литературѣ? Да гдѣ же послѣ этого и въ чемъ заключается она, скажите сдѣлайте милость!.... Но нашъ судья по законамъ Дракона былъ уже далеко, и вопросы остались отвѣта. Съ нетерпѣніемъ начали мы ожидать движенія Петербургской литературы, чтобы по ея явленіямъ судить о недостаткахъ Московской. Получаемъ путешествіе, другое: нѣтъ, это не литература; господинъ путешественникъ не читаетъ такихъ книгъ; получаемъ статистическіе матеріалы, ученыя монографіи: нѣтъ, не этого намъ надо; подобные труды въ Москвѣ прошли незамѣченными пріѣзжимъ наблюдателемъ.... Гдѣ же ваша-то литература? готовы были мы закричать по телеграфу господину путешественнику.... Вдругъ послѣдняя почта привозитъ къ намъ ни болѣе, ни менѣе, какъ.... поэму на Петербургъ. Ну, это не чета прежнимъ книгамъ. Поэма, легко сказать! Не великонька она, всего два листика, да за то вѣдь — *поэма*. Тутъ ужъ не головоломная какая-нибудь работа, а восторгъ, паѳосъ: пою, пою и пою!.... Какія грандіозныя картины должны быть въ ней, сколько рельефности, рефлексіи, міровыхъ образовъ предстоитъ увидѣть намъ....

Съ первой же страницы погружаешься въ этотъ волшебный міръ.... Но — фальшивитъ нашъ поэтъ, рубитъ вправо и влѣво, чтобы только добыть себѣ непокорную риѳму, рѣжетъ слоги, кромсаетъ смыслъ. Но это, можетъ быть, отъ того, что онъ еще не распѣлся, не разогналъ, какъ

Digitized by Google

слѣдуетъ, устарѣлаго Пегаса. Дальше, вѣроятно, будетъ лучше. На слѣдующихъ страницахъ стихи дѣйствительно прыгаютъ съ горки на горку:

Тутъ надъ дикой вышиной
На бронзовомъ конѣ сидитъ,
Съ простертой дланію десной,
Россійской Великанъ! Лежитъ
Подъ нимъ весь въ кольцахъ змѣй,
Погибшій участью своей.

Сей величавый монументъ
И надпись яркая на немъ,
Взоръ поражаютъ въ мигъ, въ моментъ,
Великолѣпіемъ во всемъ,
Какой-то прелестью искусства,
Чарующей всѣ наши чувства.

На память древняго искусства,
Два сфинкса съ іероглифами стоятъ,
Какъ стражи смотрятъ на искусство,
Или художество слѣдятъ:
Вѣка прошли предъ ними, —
Они жъ все тѣ же — невредимы....

И такъ далѣе, и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Угостивъ насъ поэмою на Петербургъ, авторъ вдругъ гаситъ священный жертвенникъ Аполлону и идетъ на службу въ Фламандскую школу, рисуя, между прочимъ, портретъ И. И. М. такими красками:

....Я зрю души портретъ!
Любуюсь, шепчу: хоть и не поэтъ,
И родомъ не вельможа, и саномъ хоть не Князь;
Но малъ! — Короче: идеалъ дѣвицъ —
Одно, одно изъ славныхъ честныхъ лицъ,
Достойное почтенія, любви!
Иванъ Ивановичь, вѣдь это вы?

Что за натура и сколько юмора! А риемы? Справедливо называетъ ихъ поэтъ «душками, шалуньями, молодушками, пастушками....» *К.*

Digitized by Google

Лингвистическое недоразумѣніе.

(М. П. Погодину).

Въ своей рецензіи на Архивъ, изд. Г. Калачевымъ, по поводу статьи объ изгояхъ, вы сказали: «не значилъ ли изгой вообще человѣка бездомнаго, безземельнаго, на что указываетъ какъ нельзя лучше Германскій uss-gauja, выходецъ, изгнанникъ.» (Москв. 1850 г. N 7, стр. 79).

Поприще лингвистики такъ широко, и дѣла, недавно еще только початаго, такъ много, что историку нѣтъ никакой возможности спеціально заниматься этой наукой; въ противномъ случаѣ ему слѣдовало бы отказаться отъ Исторіи. Вина лингвистики, если историкъ нашелъ въ ней какое-либо недоказанное сближеніе словъ, и воспользовался имъ какъ точнымъ показаніемъ. Вотъ что почелъ я своей обязанностью сказать, чтобы предварительно оправдать себя въ вашихъ глазахъ, и потомъ уже позволить себѣ не согласиться съ вами въ вышеприведенномъ сближеніи изгоя съ Германскимъ uss-gauja.

Противъ васъ у меня только одинъ аргументъ и есть: Германскаго слова uss-gauja нѣтъ и никогда не было на свѣтѣ!* Ѳ. Л. Морошкинъ въ примѣчаніяхъ къ книгѣ Рейца, на стр. 412, называетъ это слово Готскимъ. Въ этомъ языкѣ дѣйствительно есть простое слово gauja, которымъ Ульфила переводитъ *περίχωρος*, а также и *πλῆθος τῆς περιχώρου*: т. е. не только *страна*, но и *народъ области*, какъ значится въ Остромировомъ Ев. отъ Лук. 3, 3. 8, 37. Сложнаго же uss-gauja въ Ульфилѣ нѣтъ. Да и что такое эта приставка *uss*? ужъ не предлогъ ли *изъ*? Но по-Готски онъ не такъ: изъ Гот. просто *us*; да и въ другихъ Нѣмецкихъ нарѣчіяхъ онъ звучитъ и пишется иначе: Скандинав., древне-Сакс., Англо-Сакс. древне-Фризск. *ut*, древне-верхне-Нѣмецк. *uz*. Слѣдовательно по приставкѣ *uss* слово uss-gauja небыва-

* Это такой одинъ аргументъ, который не уступитъ первому аргументу коменданта, встрѣтившаго Фридриха Великаго безъ пальбы. «Сто причинъ, сказалъ онъ Королю, есть почему пальбы не было, В. В. Первая: у меня нѣтъ пороха.... «Довольно, довольно,» отвѣчалъ Фридрихъ, и принялъ рапортъ благосклонно. *М. П.*

Digitized by Google

лое: его не было и не могло быть ни въ одномъ изъ коренныхъ Нѣмецкихъ нарѣчій, ни въ Готскомъ, ни въ Скандинавск., ни въ Саксонскомъ, ни во Фризскомъ. Касательно же второй половины слова uss-gauja именно: gauja должно замѣтить, что она принадлежитъ языку Готскому: происходитъ отъ Гот. gavi страна, земля, χώρα: это коренное слово есть только въ древне-верхне-Нѣмецкомъ kouwi, въ древне-Саксонск. ga, въ древне-Фризск. go, и потомъ уже въ новѣйшемъ Нѣм. gau. Но и его рѣшительно нѣтъ въ Англо-Саксонскомъ и Скандинавскомъ. Слѣдовательно usgauja могло бы придти только отъ Готовъ, а не отъ Скандиновонъ: въ Готскомъ же языкѣ такое слово несбыточно.

Вотъ мои доводы. Изъ этихъ простыхъ доказательствъ вывожу и самое простое слѣдствіе: *такъ какъ ни въ одномъ изъ Нѣмецкихъ нарѣчій нѣтъ слова uss-gauja, то производство нашего изгоя отъ этого слова ложно.*

Въ заключеніе я долженъ сказать, что и я точно также могу ошибаться, какъ, по моему мнѣнію, ошибались тѣ, которымъ принадлежитъ выдумка небывалаго uss-gauja. По крайней мѣрѣ я ссылаюсь на всего Ульфилу, на превосходные лингвистическіе труды Граффа, Рихтгофена и наконецъ на самого Я. Гримма. Пусть же обвиняемые мною въ выдумкѣ небывалаго и несбыточнаго докажутъ мнѣ противное и вразумятъ меня. Я буду искренно благодаренъ имъ, потому что науку никогда не могу постановить на ряду съ мелочнымъ самолюбіемъ.

Ѳ. Буслаевъ.

Съ большимъ удовольствіемъ помѣщаемъ это замѣчаніе. Только тогда пойдетъ Русская наука впередъ, когда Русскіе ученые будутъ принимать живое участіе во взаимныхъ трудахъ, и будутъ говорить о нихъ немедля и не обинуясь.

Противъ замѣчанія Г. Буслаева я сказать ничего не имѣю. Онъ филологъ, и слѣд. законный судья. Миѳическаго uss-gauja, еще болѣе миѳическаго, какъ теперь оказывается, нежели нашъ изгой, я впрочемъ не принимаю на свой счетъ: это не мой хлопецъ, а принадлежитъ къ той статьѣ, которую я разбиралъ, (см. стр. 60, прим. 5), почему я и препровождаю его по принадлежности къ Г. Калачеву. *М. П.*

Digitized by Google

Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова. Сочиненіе П. Павлова. (Къ N 55; см. 8 книгу).

Прежде нежели приступлю я къ окончанію моего разбора, я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ вообще о Русской Исторіи и различныхъ взглядахъ на нее. Слова мои отнюдь не будутъ относиться въ особенности къ Г. Павлову: пусть примутъ ихъ къ свѣдѣнію молодые изслѣдователи, настоящіе и будущіе, какъ выраженіе опыта многолѣтняго, — и воспользуются ими, кто какъ заблагоразсудитъ.

Ни въ какомъ народѣ нѣтъ такого отвращенія отъ формы, какъ въ Русскомъ; ни въ какой Исторіи нѣтъ такого отсутствія формы, какъ въ Русской; и въ этомъ отношеніи Русская Исторія представляетъ совершенную противоположность съ Западной: тамъ господствуетъ форма, и ей приносятся всякія жертвы; тамъ форма считается главнымъ условіемъ счастія гражданскаго и человѣческаго, и западные народы, Французскій въ особенности, ищутъ ее безъ памяти, отъ утра до вечера, и мучатся: сколько, напримѣръ, однѣхъ конституцій перемѣнили они съ 1789 г.! Самые умные, самые добросовѣстные иногда люди трудятся надъ ними, напрягаютъ всѣ свои силы, — а нѣтъ, не выходитъ ничего, для самихъ, удовлетворительнаго, и послѣдняя, казалось, лучшая, подвергается на другой день послѣ обнародыванія, еще бо́льшимъ нареканіямъ и пересудамъ, нежели прежняя, — и опять принимаются за работу несчастные иксіоны. (Въ наукахъ тѣ же явленія.)

Въ Русской Исторіи другая крайность: форма искони ставится ни во что: у насъ ничего не бывало положительнаго, опредѣленнаго, и вѣка проходили, въ продолженіе коихъ не сыщешь въ лѣтописяхъ ни одной апоѳегмы, развѣ занесенной по вѣтру съ Запада. При всякомъ правилѣ у Русскаго человѣка бываетъ непреодолимое желаніе уклониться изъ-подъ него, а не сообразоваться съ нимъ, и онѣ становятся часто указаніями не того, что дѣлается, а

Digitized by Google

наоборотъ, чего не дѣлается. Съ другой стороны, многое происходитъ въ Русской Исторіи большею частію неожиданно, вопреки всѣмъ разсчетамъ и соображеніямъ, дѣйствіемъ Русскаго Бога, который и живетъ въ народномъ сознаніи: пользу принесетъ иногда врагъ, а другъ насолитъ; зимою грянетъ громъ, а лѣтомъ завернетъ такая стужа, что надѣвай шубу. Стоитъ вспомнить только о нашествіи Монголовъ или о воинѣ 1812 года, — а чтобъ всего разительнѣе показать характеръ чудеснаго въ Русской Исторіи, о коемъ писалъ я еще въ 1833 году, то я спрошу: могъ ли Царь Алексѣй Михаиловичъ, даже призвавъ на совѣтъ тѣнь своего отца Михаила Ѳедоровича и дѣда Филарета Никитича, могъ ли, говорю, Царь Алексѣй Михаиловичъ, вмѣстѣ съ Царицей Натальей Кириловной, угадать и ожидать, чтобъ у него родился такой сынъ какъ Петръ I?

Прочтите Царскіе выходы, изданные Строевымъ, да какой-нибудь томъ писемъ Петровыхъ или его Марсову книгу! Или разберите Вавилонское замѣшательство въ Русскомъ языкѣ времени Петрова, и угадайте по логикѣ, что законы этому языку принесетъ изъ Холмогоръ рыбачій сынъ Ломоносовъ. Или объясните, какъ продолжить и привести въ исполненіе многія мысли Петра I могла Принцесса, родившаяся въ Ангальт-Цербстѣ?

И потому, чтобъ, при такомъ характерѣ Русской Исторіи, подводить происшествія, особенно, когда дойдетъ дѣло до подробностей, подъ симметрическія формулы, надо непремѣнно укладывать ихъ на Прокрустово ложе, обрубать ихъ, вытягивать, иныя же и совсѣмъ изъ Исторіи вонъ. И что же получится вслѣдствіе всѣхъ сихъ истязаній, всѣхъ сихъ мучительныхъ пытокъ и отчаянныхъ операцій?

Мы переведемъ Русскую Исторію на Французскую, Нѣмецкую, Англійскую, вообще Западную, какъ переводятъ у насъ Французскіе водевили на Русскіе нравы. (Вотъ тогда-то можно будетъ сказать кстати: traduttore—traditore.) Мы заставимъ нашихъ предковъ подражать заднимъ числомъ Западнымъ народамъ, тогда какъ подражатели-то собственно мы, а они, хорошо ли, дурно ли, шли своею дорогою, ни шатко, ни валко, ни на сторону.

Digitized by Google

Отыскивать этотъ путь, показывать его своеобразность, его прямоту и кривизну, — вотъ гдѣ задача для таланта, для ума, для мыслящаго Русскаго историка. Какая прекрасная, Европейская задача! По шагу объяснить этотъ путь — и тутъ уже есть достоинство, заслуга, честь.

Но нѣтъ! Мы хотимъ полной системы, полной теоріи; теорія, система, обольстительны для молодаго человѣка, для молодаго ученаго, — и вотъ являются ретивые юноши, которые, съ плеча, начинаютъ рубить и косить, не помня, что для теоріи и системы даже не приготовлены еще, не очищены, не обработаны критикою необходимые матеріалы.

Бывалъ я на своемъ вѣку свидѣтелемъ подобныхъ замѣшательствъ. Пусть вспомнятъ читатели школу Скептическую, школу Славянскую и прочія, съ коими я ратовалъ. Самъ даже я подалъ поводъ къ двумъ явленіямъ этого рода, кои считаю двумя своими смертными учеными грѣхами, и искупить долженъ, по наложенной на себя эпитиміи, по крайней мѣрѣ двумя лишними томами Изслѣдованій.

Все это говорилъ я вообще, какъ вступленіе къ своимъ разборамъ историческихъ книгъ, которыхъ вдругъ явилось много, безъ сравненія съ прежними годами. Теперь обращаюсь къ книгѣ Г. Павлова.

Чтобъ уразумѣть вполнѣ значеніе Бориса Годунова въ Русской Исторіи, Г. Павловъ полагаетъ:

«Сообразнымъ съ существомъ предмета указать на связь съ предшествующимъ и послѣдующимъ развитіемъ Руси московской:

Во 1-хъ учрежденія патріаршества.

Во 2-хъ уничтоженія юрьевскаго выхода.

Въ 3-хъ распоряженій касательно торговой промышленности.

Въ 4-хъ распоряженій касательно образованія умственнаго.

Въ 5-хъ распоряженій касательно образованія нравственнаго.

Въ 6-хъ дипломатическихъ сношеній.

1. Историческій характеръ Годунова по отношенію къ духовенству опредѣляетъ великое событіе учрежденіе патріаршества.»

С. 90. «Установляя патріаршество въ своемъ интересѣ, который такъ хорошо умѣлъ сдѣлать государственнымъ, Годуновъ въ этомъ случаѣ выполнилъ историческое предопредѣленіе.... Патріархъ, какъ представитель начала самостоятельности церковной въ Государствѣ Московскомъ въ образѣ Ни-

Digitized by Google

кона, созналь вполнѣ и осуществилъ въ дѣйствительности свое призваніе очистить по образцу, начертанному Апостолами, св. Отцами и соборами, обрядъ и писанное слово Церкви, искаженные невѣжествомъ древней Руси, которое было слѣдствіемъ господства въ жизни общественной исключительнаго юридическаго родоваго быта, продолжительнаго присутствія въ сознаніи народномъ остатковъ языческихъ вѣрованій, прерванія сношеній съ Византіею и невѣдѣнія книгопечатанія.»

О значеніи Патріаршества, необходимости или излишности, вредѣ или пользѣ его, здѣсь говорить не мѣсто. Мы должны сказать о немъ только въ отношеніи къ сочиненію Г. Павлова. Авторъ упустилъ изъ вниманія *время*. Онъ не сообразилъ, что не больше какъ черезъ 50 лѣтъ послѣ Іова былъ Никонъ! Что же это за историческое предопредѣленіе, которое черезъ 50 лѣтъ оказывается несостоятельнымъ, противоположнымъ идеѣ государства по Г. Павлову, а послѣ и вовсе уничтожается. Историческое предопредѣленіе — это шутка сказать!

Въ чемъ же состоитъ задача Патріаршества, по мнѣнію Г. Павлова? Въ исправленіи книгъ. Развѣ прежніе Митрополиты и соборы не могли предпринять исправленія! Да оно даже и предпринималось. Развѣ исправленіе Патріаршества оказалось дѣйствительнѣе? Всѣ эти утвержденія произвольныя и безъ основанія.

Какова связь между государственнымъ началомъ, учрежденіемъ Патріаршества вопреки ему, и исправленіемъ книгъ! Г. Павловъ забылъ здѣсь раскольниковъ, происшедшихъ въ слѣдствіе исправленія книгъ, которыми совершенно уничтожается мудрованіе о началѣ, идеѣ и задачѣ. Въ первомъ случаѣ онъ позабылъ время, а въ послѣднемъ самое важное слѣдствіе. Подождите рѣшать большіе историческіе вопросы и не опасайтесь, чтобъ Г. N или M. или S. рѣшили ихъ прежде васъ всѣ.....

Были ошибки, описки, разницы, — это не есть невѣжество. Авторъ не обращаетъ вниманія, кажется, на то, въ чемъ именно были и ошибки. Онъ забываетъ и то, что Никону больше всѣхъ досталось поправлять Іосифа, то есть своего предшественника, Патріарха же.

Digitized by Google

А каково это утвержденіе, брошенное мимоходомъ, что невѣжество древней Руси было слѣдствіемъ господства въ жизни общественной исключительнаго юридическаго родоваго быта, и проч.

Разбирать порознь каждое изъ положеній заняло бы много мѣста; нельзя однакожъ не присоединить хоть нѣсколько замѣчаній.

Если такія сочиненія, какъ Исаакъ Сиринъ, Аѳанасій Александрійскій, Василій Великій, распространены были въ народѣ въ тысячахъ экземплярахъ, то этого народа нельзя обвинять въ невѣжествѣ.

Если этотъ народъ имѣлъ такія пѣсни, подъ кои съ великимъ трудомъ только можетъ поддѣлаться нынѣшнее искусство, то нельзя обвинить его въ варварствѣ.

А какое отношеніе имѣетъ юридическій родовой бытъ къ искаженію писаннаго слова Церкви и невѣдѣнію (неоткрытаго еще) книгопечатанія, (открытое, оно оставалось неизвѣстнымъ для Славянъ, даже и Русскихъ немного болѣе 50 лѣтъ!) предоставляемъ объяснять новымъ нашимъ мудрецамъ.

Потомъ авторъ переходитъ къ Юрьевскому выходу.

С. 91. «Оцѣнивая безпристрастно уничтоженіе юрьевскаго выхода въ строгой связи со всѣмъ общественнымъ развитіемъ Руси московской, возвысясь надъ временнымъ, преходящимъ, мы увидимъ, что это явленіе непремѣнно должно было совершиться.

«Начиная съ XI столѣтія передъ нашествіемъ Монголовъ и возвышеніемъ Москвы, изъ естественныхъ родовыхъ отношеній, силою самаго хода вещей образовались постепенно родовыя отношенія юридическія, сопоставленныя въ дѣйствительности другъ подлѣ друга и развивавшіяся на счетъ другихъ: княжескія, вѣчевыя, боярскія, общинныя.

«Начиная съ XI столѣтія, передъ нашествіемъ Монголовъ и возвышеніемъ Москвы».... Можно сказать также какъ: начиная съ понедѣльника, передъ середою и четвергомъ. Авторъ пропустилъ вторникъ или XII столѣтіе, и забылъ, что нашествіе Монголовъ было чрезъ 224 года послѣ начавшагося XI столѣтія. Если же это XII столѣтіе

Digitized by Google

онъ считаетъ періодомъ образованія своихъ юридическихъ отношеній, то онъ выразился очень неясно.

Отвѣчаемъ: никакихъ юридическихъ родовыхъ отношеній въ XI вѣкѣ не видать; вѣчевыя отношенія были и прежде; боярскія еще болѣе; общинныхъ отъ вѣчевыхъ отдѣлить нельзя. Всѣ эти слова безъ основанія, неопредѣленныя.

Здѣсь авторъ начинаетъ систематизировать. Предложимъ его положенія.

Въ началѣ бѣ родовой бытъ.

Изъ родоваго быта образовались родовыя отношенія,

Сперва естественныя,

Потомъ юридическія,

Княжескія,

Вѣчевыя,

Боярскія,

Общинныя,

Сопоставленныя въ дѣйствительности другъ подлѣ друга, и развивавшіяся однѣ на счетъ другихъ. (Слышите— однѣ на счетъ другихъ, а убыли не было ни въ однихъ, всѣ развились, слѣд. казалось бы, скорѣе однѣ помощію другихъ! Это все дѣла родоваго быта.)

Юридическія отношенія родовыя незамѣтно стали переработываться въ государственныя.

При Иванѣ III и Василіѣ — Княжескія и вѣчевыя.

При Грозномъ — боярскія.

При Годуновѣ — городскія и сельскія.

А въ смутномъ періодѣ онѣ всѣ покусились было возвратиться къ первобытному состоянію:

Княжескія въ лицѣ Шуйскихъ.

Боярскія въ лицѣ Шаховскаго и проч.

Городскія въ лицѣ Новагорода, Пскова.

Вѣчевыя въ лицѣ Казани, Астрахани.

Сельскія въ лицѣ Хлопка, Косолапа и проч.

Digitized by Google

Не правда ли, что симметрія эффектна. Это декораціи Гонзаги, если смотрѣть издали, а всмотримся, и очарованіе пропадетъ: на стѣнку повѣсить картинокъ нельзя; а именно:

При Иванѣ III и Василіѣ Князья уже перевелись и отношеній быть не могло физически ни какихъ; у того и другаго были только родные братья, и характеръ ихъ отношеній съ самаго начала послѣ отцевъ былъ уже иный.

Вѣчевыя такъ названныя общины, Новгородъ и Псковъ, были совершенно отдѣльныя цѣлыя, и принимать ихъ въ разсчетахъ такъ нельзя.

При Грозномъ боярскія отношенія оставались во всей силѣ, и авторъ позабылъ здѣсь бездѣлицу — мѣстничество, точно также, какъ позабылъ его и выше, приписывая боярамъ только право быть думцами и право отъѣзда.

При Годуновѣ было только возобновленіе запрещенія о переходѣ крестьянъ.

Авторъ говоритъ, с. 92, что Борисъ «окончилъ рѣшеніе задачи, смутно возникшей въ умѣ Ивана Калиты и съ бо́льшею ясностію въ головѣ Ивана III.» Онъ долженъ былъ бы указать это смутное возникновеніе и уясненіе. Такія указанія для знающихъ были бы *дороже* всякихъ умствованій.

Объ отношеніяхъ Годунова къ прочимъ государственнымъ учрежденіямъ, какъ частнымъ, я приложу только нѣсколько замѣчаній.

С. 97. «При Иванѣ IV торговая промышленность изъ дѣла частнаго становится государственнымъ.»

А какъ назоветъ онъ собранія всѣхъ Князей, напримѣръ, въ 12 стол., предводящимъ Ростиславу Мстиславичу или Мстиславу Изяславичу, для охраненія Русскихъ купцевъ, торговавшихъ въ Греціи.

С. 98. «Сколько въ прежнія времена поддерживаютъ туземную торговлю, столько теперь ее стѣсняютъ для усиленія внутренней, туземной.

Совсѣмъ нѣтъ! Объ усиленіи внутренней торговли не думали не только тогда, но и гораздо послѣ, а установленіе пошлинъ имѣло цѣлію умноженіе дохода.

Digitized by Google

С. 99. «Главная среда, въ которой древній Русскій человѣкъ могъ отрѣшиться отъ ограниченныхъ опредѣленій родоваго быта, естественнаго и юридическаго, была церковь православная.»

По мнѣнію автора, опять вслѣдъ за Г. Соловьевымъ, выходитъ, что только «дѣлаясь членомъ духовенства, особенно чернаго, древній Русскій человѣкъ, долженъ былъ отказаться отъ стремленій мірскихъ, слѣдовательно и отъ предразсудковъ родоваго быта, мѣшавшихъ въ развитіи.» (!!!)

Не стану возражать. Возраженіе встрѣтится всякому читателю.

Замѣчу только: ограничивать духовенствомъ, и въ особенности чернымъ, вліяніе Церкви, есть совершенная несправедливость; хоть бы подумалъ авторъ, что у насъ не было тогда особаго сословія духовнаго.

С. 101. «Какъ Годуновъ, по отношенію къ умственному образованію Русскаго народа, былъ ученикомъ и достойнымъ преемникомъ предшествовавшихъ Государей, особенно Грознаго....»

Не Грозный, а только Сильвестръ думалъ объ умственномъ образованіи. А прочіе предшественники кто?

Въ разсужденіи о нравственности опять является изгой:

С. 102. «Исключенникъ изъ рода, изгой былъ во всеобщемъ презрѣніи и небреженіи у родичей.»

Да гдѣ вы взяли опять этого молодца? Какіе были исключенники? Въ какомъ актѣ, грамотѣ, они названы? Кто бы ни былъ изгой, онъ давно уже пропалъ.

С. 103. «Во второй половинѣ XII столѣтія, родъ Княжескій, господствовавшій надъ Русью, какъ надъ однимъ общимъ достояніемъ, силою органическаго движенія, разложился на семьи, основавшіяся, каждая съ своей особой отчинѣ.»

Не въ XII ст., а въ X еще начались отдѣльныя отчины (Полоцкое княжество), а въ XI мы видимъ уже большую часть.

«Правда, и князья-отчинники, смѣнившіе Князей-родичей, еще руководствовались, каждый въ границахъ своего владѣнія, правилами завѣщанными имъ родовымъ бытомъ, тѣмъ не менѣе сдѣланъ былъ шагъ къ отрѣшенію личности кровныхъ узъ. Князья-отчинники въ семейномъ интересѣ стремились при первой возможности, увеличить свою отчину на счетъ другихъ отчинъ, усилить себя на счетъ своихъ сродниковъ.»

Помилуйте, да развѣ Князья-родичи ваши дѣйствовали иначе, въ X столѣтіи? развѣ Ярополкъ не хотѣлъ отнять волости Олеговой? А въ XI это сплошь и рядомъ.

Digitized by Google

Слѣдующее я выпишу уже безъ замѣчаній, ибо оно говоритъ за себя ясно.

С. 104. «По мѣрѣ того, какъ государственное начало сокрушаетъ въ жизни Русской юридическія отношенія родовые, вѣчевыя, боярскія, общинныя, личность начинаетъ предъявлять свое нравственное достоинство и въ кругу общественномъ.

«Сперва большинство вовсе не знало, къ чему ему стремиться, чего искать, а между тѣмъ неудержимо, силою историческаго движенія, пыталось отречься отъ родоваго быта, какъ бы предчувствуя нѣчто лучшее. — Не имѣя передъ глазами ни какой положительной цѣли, когда пришла пора, большая часть людей XVI вѣка предъявила свое нравственное достоинство, отрицательно. Почти все общество исказилось нравственно. Но то все была не нравственная порча, а стремленіе пересоздать родовой бытъ во что-то другое. Правительство въ XVI столѣтіи приняло стремленіе общества за развратъ.

«Въ исходѣ XVI вѣка полагали открыть развращеніе нравовъ и въ другихъ классахъ общественныхъ, особенно писцемъ. Строгія распоряженія Годунова, по отношенію къ нравственности, вызваны были именно этою мыслію. Но могли ли эти мѣры остановить стремленіе цѣлаго общества нравственно пересоздаться?

«Предки ваши, отрицая прежнія нравственныя понятія, не сознавая живо новыхъ, казалось, должны были совершенно исказиться духовно и тѣмъ доказать необходимость явленія Петра. Описаніе нравовъ большинства Русскаго народонаселенія конца XVII вѣка, сдѣланное Котошихинымъ, Желябужскимъ, приводитъ въ содраганіе. Что за люди. Что дѣйствительность! Что за разстлѣнная жизнь воскресаетъ передъ читателемъ подъ перомъ ихъ!»

Все это односторонно, близоруко, неполно, и, употребимъ сравненіе, предлагаемое минутою: авторъ слышитъ звонъ, да не знаетъ гдѣ.

Заключимъ нашу рецензію повтореніемъ прежнихъ словъ: авторъ на пути мыслей, онъ можетъ возстановиться, исправиться. Когда онъ въ первый разъ по пріѣздѣ своемъ изъ Кіева былъ у меня, передалъ мнѣ нѣсколько своихъ мыслей, я обрадовался, увидѣвъ въ немъ благонадежнаго дѣлателя.... за лѣтописи, за работу — и я усердно желаю ему успѣха. Залогомъ этого успѣха служатъ для меня многія мѣста, даже и въ литературномъ отношеніи, напримѣръ:

С. 94. «Вѣчная вамъ слава, Скопинъ-Шуйскій, Шеинъ, Голицынъ, Полтевъ, Ляпуновъ, Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ, Діонисій, Палицынъ, Филаретъ. Вы возбудили горячее сочувствіе къ идеѣ порядка и мира въ духовенствѣ, сѣверо-восточныхъ промышленныхъ общинахъ, служилыхъ людяхъ. Преимущественно вспомоществуемые ими, вы вывели ввели отчизну въ міръ новый, лучшій: укротили крамолу, содѣйствовали восшествію на престолъ Царей Московскихъ благоцвѣтущей отрасли благороднаго корени Ро-

Digitized by Google

мановыхъ. Неотрадныя тѣни минувшаго, предвѣстницы Петровскаго преобразованія!.... Почтимъ ихъ память благоговѣйно!

С. 49. «Въ пору закрѣпленія всѣмъ казалось, что промышленникъ теряетъ только возможность переходить съ мѣста на мѣсто, не болѣе.

С. 62. «Исторія, овладѣвъ личною мыслію Годунова, возвела его въ необходимое условіе, дальнѣйшаго общественнаго развитія.

С. 90. «Изрядный правитель, самъ того не зная, давалъ посылку, изъ которой Никону возможно было извлечь слѣдствіемъ неестественное возвышеніе, въ своемъ лицѣ, власти патріаршей.

С. 100. «Съ древнѣйшихъ временъ, почти въ каждое государствованіе выѣзжало съ запада множество иноземныхъ благородныхъ родовъ въ Москву на службу, съ своимъ взглядомъ на вещи, своими привычками. Правда, эти выходцы и ихъ потомки скоро русѣли, тѣмъ не менѣе ихъ иностранный типъ, внутренній и внѣшній, долженъ былъ непремѣнно вліять на нашихъ первостепенныхъ людей служилыхъ, особенно, если примемъ въ соображеніе, что выѣзды въ Москву иноземныхъ благородныхъ родовъ продолжались, втеченіе вѣковъ, безпрерывно.

С. 109. «Душный гробъ, сложившійся изъ досокъ многолѣтняго родоваго дерева, развернся; Русское общество, мнимо умершее, воскресло къ новой нравственной жизни....

«Вообще, когда въ обществахъ обнаруживается потребность нравственнаго возрожденія, можетъ въ нихъ возникнуть двоякое чаяніе, двоякая надежда. — Являются въ обществѣ люди, начинающіе совѣтовать по старинѣ: имъ кажется, что было лучше, что его можно воротить. Они забываютъ или не понимаютъ весьма простой истины, что общество, подобно отдѣльному недѣлимому, не въ состояніи сдѣлать ни одного шага назадъ на пути своего развитія, что прожитый возрастъ не воскресаетъ ни для лица, ни для народа. Подлѣ поборниковъ старины возвышаютъ свой голосъ люди совершенно противоположнаго образа мыслей, болѣе вѣрующіе въ будущее, нежели въ минувшее.

«Въ исходѣ XVI столѣтія были на Руси представители обоихъ направленій. Иначе и быть не могло, потому что оба способа пониманія общественнаго преобразованія имѣютъ корень въ глубинѣ природы человѣческой.»

М. Погодинъ.

Digitized by Google

ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

ИСТОРІЯ АНГЛІИ ЛИНГАРДА. (3-е изданіе, значительно дополненное и обработанное, въ 10 томахъ.) Исторія Лингарда доходитъ до восшествія на престолъ Вильгельма Оранскаго въ 1688 г. Касательно оцѣнки внутреннихъ основаній и нравственнаго суда Англійской революціи, равно какъ характера Якова I, католическій и протестантскій взглядъ, слѣдовательно взглядъ Лингарда и Меколея, діаметрально противоположны. Тѣмъ страннѣе кажется, что Лингардъ ни разу не упоминаетъ о своемъ знаменитомъ противникѣ, хотя въ предисловіи много распространяется вообще объ историкахъ философахъ и теоретикахъ.

DAS HELDENBUCH. *Карла Зимрока. 6 томъ. Nibelungenlied, третья часть.* Нѣмецкія героическія преданія можно раздѣлить на три группы, всего лучше обозначаемыя именами героевъ: Зигфрида, Дитриха и Гудруна. Преданія о Зигфридѣ и Гудрунѣ хранятся въ двухъ стихотвореніяхъ: Niebelungenlieder и Gudrunlieder. Но о Зигфридѣ, сверхъ того, много другихъ преданій, Датскихъ и сѣверо-Нѣмецкихъ. Многое сохранилось только въ литературныхъ передѣлкахъ — и разумѣется, обезображено. Это особенно касается третьяго отдѣла, въ которомъ Дитрихъ есть главное лице. Матеріалы, сюда относящіеся, сохранившіеся въ видѣ намековъ, указаній, разсказовъ въ прозѣ, передѣлокъ въ стихахъ, составляютъ что-то безобразное.... Зимрокъ

Digitized by Google

предпринялъ собрать всѣ преданія, несодержащіяся въ Нибелунгахъ и Гудрунѣ, и представить въ одномъ большомъ стихотвореніи, напередъ очистивши, обобщивши и разработавши ихъ критически. Послѣ двадцатилѣтняго труда это предпріятіе наконецъ исполнено, и по увѣренію Нѣмецкихъ критиковъ, счастливо. Зимрокъ, въ Нибелунгахъ и Гудрунѣ бывшій только счастливымъ переводчикомъ, здѣсь явился вполнѣ самобытнымъ поэтомъ. Восхищаются величіемъ, простотою эпическихъ картинъ, полнотой, стройностію содержанія и цѣлостью характеровъ, даже размѣрами стиховъ, вполнѣ соотвѣтствующими древнему размѣру Нибелунговъ.

Шестой томъ Heldenbuch содержитъ три пѣсни подъ названіемъ: «Die beiden Dietriche,» «Die Rabenschlacht», и «Die Heimkehr.»

Поэтъ приложилъ къ послѣднему тому отчетъ въ своемъ двадцати-лѣтнемъ трудѣ, что особенно важно для произведеній подобнаго рода.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

*69. Кіевлянинъ (на 1850 годъ), издаваемый Михаиломъ Максимовичемъ. М. въ 8-ку, 218 с. въ Унив. тип. съ 6 рисунк.**

Прекрасный, дѣльный сборникъ статей историческаго содержанія, съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ отличныхъ стихотвореній. И друзья Исторіи, и друзья Поэзіи, должны быть очень благодарны издателю. Много пріятныхъ минутъ доставитъ его чтеніе.

Первое сказаніе посвящено старому Переяславлю.

«Верстахъ въ 80-ти ниже Кіева, на правомъ берегу Трубежа, тамъ гдѣ сливается съ нимъ тихая Альта, лежитъ городъ Переяславъ. Славенъ былъ этотъ городъ и въ древней Княжеской Украйнѣ, и въ Украинѣ Козацкой. Но теперь его слава звучитъ только въ его имени. Глядя на него теперь, и не подумалъ бы, что онъ считался нѣкогда третьимъ городомъ въ ряду городовъ Русскихъ.»

---

* М. А. Максимовичъ послѣ шестнадцати лѣтъ отсутствія посѣтилъ Москву, чтобъ увидѣться съ старыми своими друзьями и товарищами. Онъ нашелъ въ моемъ книгохранилищѣ нѣсколько важныхъ и новыхъ документовъ для своей стороны, и авторская кровь въ немъ заговорила. На счастье попалась мнѣ въ руки почти при немъ книжка съ Кіевскими драгоцѣнностями, а именно виршами на смерть Сагайдачнаго, и памятниками Петра Могилы. Хотя мнѣ пріятно было самому извѣстить публику объ ихъ любопытномъ содержаніи, но я счелъ долгомъ уступить эту честь и удовольствіе законному судьѣ по части Малороссійскихъ Древностей, — и Г. Максимовичъ рѣшился издать *Кіевлянина въ Москвѣ*, который наши поэты украсили цвѣтами своей фантазіи, въ честь любезнаго гостя. *М. П.*

Digitized by Google

Едва ли былъ такой точный счетъ: нѣсколько разъ Переяславль упоминается на третьемъ мѣстѣ послѣ Кіева и Чернигова, но этого мало, для того, чтобъ считать его именно третьимъ.

Изъ всѣхъ Переяславцевъ 10 вѣка лѣтописанье Русское, говоритъ авторъ, «славитъ только одного могучаго отрока, который, сломивъ Печенѣжскаго великана, рѣшилъ Владимирову побѣду,» и авторъ передаетъ намъ вѣрно разсказъ Несторовъ.

«Въ преданіяхъ Переяславскаго народа забытъ уже этотъ могучій отрокъ, заслужившій у Князя Владимира себѣ и отцу своему великую почесть, а своему городу новый *пригородъ*. Не помнятъ они и о прочихъ богатыряхъ Владимировыхъ, по нынѣ славимыхъ въ сказаніяхъ и пѣсняхъ Великорусскихъ. Отъ нынѣшнихъ Переяславцевъ услышите разсказы о *велетняхъ* (т. е. великанахъ), когда-то жившихъ въ здѣшней сторонѣ, въ томъ числѣ и о могучемъ Переяславцѣ *Свидѣ*. Вамъ укажутъ и *могилу Свидову* подъ Переяславомъ, на лѣвой сторонѣ Трубежа. Но изъ Никоновской лѣтописи можно усмотрѣть, что нашего Переяславскаго ратоборца съ Печенѣжиномъ звали *Янъ Усмошвецъ* (по нынѣшнему сказать: *Иванъ Кожевникъ*); что онъ подвизался противъ Печенѣговъ еще и въ 1001 и въ 1004 годахъ, вмѣстѣ съ другимъ извѣстнымъ богатыремъ, Александромъ, или Алешою Поповичемъ.»

Здѣсь авторъ новымъ образомъ объясняетъ одно противорѣчіе: Несторъ говоритъ, что Владиміръ далъ названіе Переяславля заложенному имъ городу, «зане перея славу отрокъ-отъ», а между тѣмъ имя Переяславля встрѣчается еще въ договорахъ Олега и Игоря, гораздо прежде. Г. Максимовичъ думаетъ, что Володимиромъ основанъ пригородъ и названъ также Переяславлемъ. Это мудрено: одинъ Переяславль назывался такъ по неизвѣстной причинѣ, а другой зане перея славу отрокъ. Нѣтъ, я думаю, что объясненіе Несторово составилось при немъ или передъ нимъ въ преданіи, игрою слова, а Володиміръ построилъ только городъ въ Переяславлѣ, т. е. укрѣпленіе, не давая ему никакого новаго имени, потому что было уже имя Переяславля. А судя по Радзивиловскому и Троицкому спискамъ, можетъ быть отрока самого назвалъ Володиміръ Переяславомъ! Такъ объяснились бы всѣ противорѣчія.

Digitized by Google

Почему Митрополія прежде Кіева была въ Переяславлѣ, или почему была въ Кіевѣ и Переяславлѣ, — для меня это еще вопросъ.

«Ко временамъ Владимировымъ относится еще построеніе въ Переяславлѣ каменной Воздвиженской церкви, и, по всей вѣроятности, монастыря Іоанновскаго, въ которомъ былъ заключенъ въ порубъ и постриженъ въ монахи Князь Игорь Олговичь въ 1146 году.»

Можетъ быть такъ, и можетъ быть нѣтъ. Лучше бы ограничиться извѣстіемъ, что подъ такимъ-то годомъ встрѣчается въ первый разъ извѣстіе объ Іоанновскомъ монастырѣ въ Переяславлѣ.

Сравненіе древняго Переяслава съ новымъ очень любопытно, хотя и слишкомъ кратко; но мы не понимаемъ, почему авторъ не хочетъ говорить о Митрополитѣ Ефремѣ, томъ Митрополитѣ Ефремѣ, который 1089 г.

«Докончавъ церковь Святаго Михаила, заложи церковь на воротѣхъ городныхъ во имя Св. мученика Ѳеодора и посемъ Св. Андрѣя, у церкве отъ воротъ, и строенье баньное, сего же не бысть преже въ Руси; и градъ бѣ заложилъ каменъ, отъ церкви Св. мученика Ѳеодора и украси городъ Переяславьскый зданьи церковными и прочими зданьи.«

О Михаиловской церкви еще сказано: «юже бѣ создалъ велику сущу, (бѣ бо преже въ Переяславли митрополья), и пристрои ю великою пристроею, украсивъ ю всякою красотою, церковными съсуды.»

Въ Никоновскомъ сборникѣ есть извѣстіе, что Ефремъ учредилъ больницу.

Наконецъ Ефремъ знаменитъ въ нашей литературѣ, давши поводъ къ спорамъ *о банномъ строеніи*, которые продолжались не одинъ годъ у Каченовскаго, передъ Французами и послѣ Французовъ, и порѣшены Карамзинымъ въ примѣчаніи 160 къ II тому: «невѣжды думали», говоритъ Карамзинъ, «что Митрополитъ строилъ народныя или торговыя бани. Не говорю о новомъ толкованіи, предложенномъ въ особенной книжкѣ: неизвѣстный ея сочинитель ѣздилъ въ Кіевъ; узналъ, что въ Малороссіи называется *банею елава церковная*, и смѣло утверждаетъ, что Митрополитъ Ефремъ началъ первый строить у насъ церкви

Digitized by Google

съ главами! Два Собора Софійскіе, въ Кіевѣ и въ Новѣгородѣ, построенные еще до временъ Ефремовыхъ и до нынѣ цѣлые, свидѣтельствуютъ противное. Мы, не ѣздивъ въ Кіевъ, знали, что Польское слово *bania* знаменуетъ какъ главу, такъ и всякое *круглое зданіе* (съ круглою кровлею).

Баннымъ строеніемъ называется особенное зданіе, гдѣ ставили купѣль для крещенія взрослыхъ людей.»

Споръ о банномъ строеніи постоилъ нынѣшнихъ толковъ объ изгояхъ!

Какъ бы то ни было, Ефремъ есть самое примѣчательное лице въ исторіи древняго Переяславля!

Второе сказаніе *М. А. Максимовича*—о праздникѣ св. Бориса подъ Переяславомъ еще полнѣе и удовлетворительнѣе. Читатели найдутъ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній.

Третья статья, *Г. Дешко* о Карпатской Руси

«Отъ границы Молдаво-Трансильванской, населенной Волохами, тянутся по Карпатскимъ горамъ и ихъ долинамъ черезъ 7 столицъ (комитатовъ) королевства Венгерскаго населенія народа Русскаго. Откуда и когда здѣсь взялся этотъ народъ? вопросъ объ этомъ еще не рѣшенъ. По увѣренію Угровъ здѣшняя Русь пришла вмѣстѣ съ ними въ Паннонію и съ ними за одно отвоевала ее у Словаковъ. Но мы Русины думаемъ, что наши праотцы были вызваны въ 13 вѣкѣ Венгерскимъ Королемъ изъ Подоліи вмѣстѣ съ ихъ Княземъ Каріатовичемъ, дабы заселить горы и долины, опустошенныя песьяголовцами Татарами.»

А мы думаемъ, что эти страны были колыбелью нынѣшнихъ Малороссіянъ, которые оттуда распространились уже и въ нашу сторону; но объ этомъ послѣ.

Не станемъ выписывать изъ этой любопытной статьи. Читатели наши пускай запасаются Кіевлянином.

Запись Анны Гойской на монастырь Почаевскій, 1597 года, свидѣтельствуетъ, какъ нельзя лучше, о старой принадлежности его къ нашему Греко-Православному Россійскому исповѣданію:

«Умыслила есми монастырь збудовати и его фундувати такимъ обычаемъ, а бы у томъ монастыри чернецовъ людей добрихъ, побожнаго живота, *ни якого иншого закону только Грецкаго восточной церкви* послушенства, и проч.

Digitized by Google

Одинъ такой документъ посильнѣе всякихъ разсужденій. Жаль, что издатель не приложилъ хоть малаго комментарія къ записи.

Изъ статьи о Кременцѣ покойнаго *Домбровскаго*, котораго наука лишилась къ сожалѣнію такъ рано, выпишемъ слѣдующее мѣсто объ устройствѣ замковъ въ тамошней сторонѣ:

С. 41. «Два деревянныхъ моста, дѣлившіеся на городни, или звенья, составляли единственный проѣздъ въ замокъ и оканчивались предвъѣздною башнею, въ которой помѣщалась стража. Самый въѣздъ состоялъ изъ подъемнаго моста и воротъ, проходившихъ подъ другою великою башнею, внизу которой находились погреба, а сверху покои со сводами, сдѣланными наподобіе колпака. Третья башня, называемая червленною, стояла съ лѣвой стороны этого въѣзда, и показывала слѣды прежняго, въ то время уже уничтоженнаго. Внутри обводной стѣны, довольно толстой и сложенной изъ камня, но покрытой деревяннымъ навѣсомъ, стояли два дома, построенные изъ крѣпкаго дерева. Одинъ изъ нихъ, назначенный для жилья, посредствомъ сходовъ, имѣлъ сообщеніе съ большею подъѣздною башнею; а въ другомъ, отдѣльномъ, помѣщались, въ трехъ каменныхъ погребахъ селитра и порохъ. Вверху надъ погребами были жилые покои; а на самомъ верху бойница, съ которой можно было защищать на три стороны и замокъ и городъ. Далѣе находились девять кладовыхъ для съѣстныхъ припасовъ, съ девятью отдѣльными кровлями. Водотоки этихъ кровель собирали дождевую воду, и посредствомъ трубъ передавали въ нарочно для того устроенный водоемъ, котораго каменныя стѣны были обложены деревомъ и облиты смолою. Такая мѣра была необходима въ замкѣ совершенно безводномъ; ибо всѣ покушенія устроить колодезь остались безуспѣшными, по причинѣ необыкновенной твердости горной скалы. Позади кладовыхъ находилась кухня, а на самой серединѣ горы и обводной стѣны была устроена пороховая толчея съ шестью пестами по Нѣмецкому способу, такъ что одинъ могъ легко приводить ее въ движеніе, и посредствомъ колеса производить успѣшно работу. На всѣхъ постройкахъ и на обводной стѣнѣ замка, были разставлены пушки числомъ двадцать девять, а именно: четыре сокола, двѣ мортиры, двадцать два фальконета и одинъ пищикъ. Сверхъ того въ замкѣ было и ручное оружіе: десять гаковницъ и тридцать три ручницы съ надлежащимъ приборомъ. Запасъ пороху, пуль, свинца, сѣры и уголья былъ такъ великъ, что въ этомъ отношеніи не только замки Луцкій и Владимирскій, но и десять другихъ не могли бы равняться съ Кременецкимъ. Такъ описанъ

Digitized by Google

Кременецкій замокъ, свидѣтельствовавшимъ его дьякомъ (секретаремъ) Короля Жигимонта I го Львомъ Паткевичемъ Тышковичемъ въ 1542 году.»

Статья *М. А. Максимовича* о городѣ Степанѣ и новооткрытомъ тамъ монастырѣ — драгоцѣнна.

«Для Исторіи ново и важно здѣсь то, что въ Степаньскомъ монастырѣ имѣли свое пребываніе Задунайскіе митрополиты и Закарпатскіе епископы въ ту именно пору, когда православная митрополія Кіевская была безъ своего митрополита, а за смертью Гедеона Балабана Львовскаго (въ 1607 году) и Михаила Копыстенскаго Перемышльскаго (въ 1612 году), осталась безъ епископовъ. Такимъ образомъ, въ ту печальную годину, православная паства южной Руси не совсѣмъ еще была безъ пастырей, благодаря попечительности святопамятнаго Князя Острожскаго; его Степаньская обитель была надежнымъ мѣстомъ, откуда Южно-Русскія православныя церкви могли получать своихъ служителей.»

Для Исторіи Уніи здѣсь много весьма важныхъ данныхъ.

О статьѣ *Г. Соловьева* В. К. Ольга я долженъ сказать то же, что говорилъ и о другихъ его статьяхъ: утвержденія безъ основаній, и въ противорѣчіяхъ съ историческими свидѣтельствами.

О родѣ Ольги Несторъ молчитъ.

Въ Степенной книгѣ, въ Макаріевыхъ минеяхъ, въ другихъ житіяхъ особыхъ и прологахъ, ей приписано Варяжское происхожденіе. Источники этихъ свидѣтельствъ авторъ *уравниваетъ* источникамъ ядра Русской Исторіи, сочиненнаго С. Н. Глинкою, 18 столѣтія, и Іоакимовой лѣтописи, которая вообще у насъ отвергнута, или по крайней мѣрѣ не изслѣдована.

«Самая Псковская лѣтопись ничего не знаетъ о происхожденіи».

Собственная Псковская лѣтопись начинается *лѣтъ чрезъ триста послѣ Ольги*, такъ не мудрено ей ничего не знать о происхожденіи Ольги, наровнѣ съ прочими.

А Варяжское происхожденіе кромѣ свидѣтельствъ подтверждается ея Варяжскимъ именемъ.

Но имя это можетъ быть позднѣйшее прозваніе, говоритъ авторъ.

Digitized by Google

Какъ — позднѣйшее прозваніе? Самъ ея воспріемникъ Императоръ Константинъ Багрянородный называетъ ее Елгою, передъ св. крещеніемъ. У Нестора нѣтъ другаго имени кромѣ Ольги. (Татищевъ, приведенный Карамзинымъ думалъ, что это имя Ольга приняла она въ знакъ дружбы его къ сей достойной Княгинѣ, или въ знакъ Игоревой къ нему любви. Опровергать такія любезности въ 10 столѣтіи не стоитъ труда!)

Дѣйствія Ольги, совершенно не въ Славянскомъ характерѣ, обличаютъ ея Варяжское происхожденіе, также какъ имя!

А вотъ это замѣчаніе хорошо, даже очень хорошо, и я обрадовался ему, какъ неожиданной находкѣ:

«Каково бы ни было происхожденіе Ольги, для насъ важно то, подтвержденное всѣми источниками, обстоятельство, что она приведена была въ Кіевъ съ сѣвера; ибо это указываетъ на тѣсную связь, которая существовала въ то время между сѣверными и южными Русскими владѣніями.»

А потомъ слѣдуетъ развитіе теоріи о родовомъ бытѣ съ сравненіями изъ Гомера: я могъ пошутить надъ нимъ однажды, а больше — скучно! Вотъ одно только забавное уподобленіе:

«Ольга, страшно мстящая за смерть мужа, имѣетъ въ нашемъ преданіи то же самое значеніе, какое имѣетъ въ Греческомъ преданіи Антигона, покрывающая землею трупъ брата, подъ страхомъ неизбѣжной смерти: и здѣсь и тамъ дѣйствуетъ одно и то же семейно религіозное благочестіе, столь сильное всегда въ женщинѣ.»

Далѣе — найдена кладовая Ольги въ Вышгородѣ, и опредѣлена дань для нея — въ мѣхахъ и медѣ: авторъ такъ объясняетъ выраженіе Нестора, что двѣ части «дани идета Кіеву, а третья Вышегороду къ Ольгѣ».

Намъ кажется, что дань шла *на* Вышгородъ, какъ въ договорахъ *на* Переяславль или Черниговъ.

Объясняя, почему Ольга сдѣлала свои распоряженія по Лугѣ и Мстѣ, авторъ говоритъ: (с. 59) *вспомнимъ*, что верховье Мсты и слѣдующій за нимъ волокъ, отдѣлявшій озерную область отъ области верхней Волги, было по этому самому *границею Новогородской и Ростовской областей*,

Digitized by Google

предѣломъ Новогородскихъ областей.... Нѣтъ, верховье Мсты съ своимъ волокомъ не было границею Новогородскихъ владѣній. Лучше *мы забудемъ это*, а вспомнимъ то, что Торжекъ, Бѣжецкъ и Волокъламскій принадлежали Новугороду, далеко за Мстою. И слѣд. Мста была не на границѣ, а въ серединѣ Новогородскихъ владѣній, съ этой стороны.

С. 58. Авторъ приписываетъ Константину Багрянородному слова: «Князья съ Ноября мѣсяца отправлялись съ дружинами своими къ разнымъ Славянскимъ племенамъ, *и кормились у нихъ зиму*.

Константинъ Багрянородный никогда не говорилъ этихъ словъ о кормѣ, кои у насъ имѣютъ особое значеніе.

Погосты авторъ производитъ отъ гощенія:

«Естественно, что для большаго удобства мѣста княжеской столицы, гощенія, (мѣста, гдѣ Князья останавливались во время своихъ объѣздовъ), эти погосты могли быть опредѣлены на всегда; могли быть построены небольшіе дворы, гдѣ могли быть оставлены Княжіе тіуны, и такимъ образомъ эти погосты легко могли получить значеніе небольшихъ правительственныхъ центровъ», и проч.

Нѣтъ, *погостъ* производитъ отъ *гостить* очень далеко и неестественно; слово погостъ принадлежитъ кажется, къ древнѣйшему нашему дѣленію. Подъ 1179 г. есть извѣстіе въ Кіевской лѣтописи, что Мстиславъ храбрый хотѣлъ воевать Полоцкое княжество за то, что Брячиславъ, въ началѣ 11 столѣтія, *завелъ одинъ погостъ Новогородскій за Полоцкъ*!

С. 64. Преданіе провожаетъ мудрую княгиню и домой, въ Кіевъ, заставляетъ ее и здѣсь постыдить Греческаго Императора, охотника до даровъ и (!) вспомогательнаго войска, и отмстить ему за то униженіе, которому подвергались Руссы въ Константинопольской гавани, и которое, какъ видно, лежало у нихъ на душѣ. Мы знаемъ изъ Игорева договора, что Греки, опасаясь убійства (!?) Русскихъ и воинскихъ хитростей съ ихъ стороны, выговорили себѣ право не впускать ихъ въ городъ до тѣхъ поръ, пока въ точности не узнаютъ характера ново-прибывшихъ, имена которыхъ должны были находиться на княжескомъ листѣ; эти мѣры раздражали. Русскихъ, и вотъ въ преданіи Ольга мститъ за нихъ Императору.«

Digitized by Google

Нѣтъ! Греки впускали Русскихъ также, какъ и другихъ иноплеменниковъ, принимая мѣры осторожности, кои записывались въ договорахъ. Сердиться и мстить тутъ было не за что. А Ольга сердилась за неудовольствіе, *лично* ей нанесенное: если Императоръ постоитъ у меня въ Почайнѣ, сколько я стояла у него въ гавани, говоритъ она, то я пришлю ему дары.

Извѣстіемъ о построеніи и освященіи Кіевской церкви Св. Георгія, *М. А. Максимовича*, можно воспользоваться во многихъ отношеніяхъ.

О Русской торговлѣ въ удѣльномъ періодѣ, мое изслѣдованіе. Представляемъ выводы:

«Русская торговля впродолженіи Норманскаго періода, т. е. въ 9-мъ, 10 и началѣ 11 столѣтія была очень обширна, производясь между странами отдаленными — Самаркандомъ, Бухарою, Бактрою, Каспійскимъ моремъ, Волгою, Уральскими горами, Скандинавіей, Германіей и Греціей. Русскіе торговали съ Арабами, Козарами, Болгарами, Весью, Югрою, Норманнами, Нѣмцами, Греками.

«Во второй половинѣ, 11 столѣтія, въ 12-мъ и въ началѣ 13-го то есть впродолженіи періода удѣльнаго, до нашествія Татаръ, торговля Русская стѣснилась нѣсколько въ своихъ предѣлахъ, потому что Арабы перестали къ намъ ѣздить вслѣдствіе какихъ-то неизвѣстныхъ переворотовъ на ихъ Востокѣ, Козары въ устьяхъ Волги были совершенно поражены, Болгаре ослабли; но она была еще очень значительна, увеличась внутри, а также и на Сѣверѣ со вновь образовавшейся Ганзою. Живое торговое движеніе ясно примѣчается въ лѣтописяхъ, какъ ни разбросаны мелкія извѣстія: Кіевскіе купцы ѣздили въ Грецію и Константинополь, къ Половцамъ и въ страну залѣскую или Суздальскую. Новгородскіе плавали по Балтійскому морю, торговали въ Даніи и Готландѣ, ходили за Уралъ и разсыпались по всей Русской землѣ, въ Кіевѣ и Смоленскѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ и Волрдимирѣ. Смольняне, Полочане, Видбляне, торговали съ Ригою и Нѣмцами. Латины приходили въ Кіевъ, Володимиръ, въ землю Болгарскую. Жиды принимали дѣятельное участіе въ этой торговлѣ, живя въ Кіевѣ и вѣроятно въ другихъ городахъ. Нѣмцы пріѣзжали изъ внутренней Германіи, Галичане съ солью отъ Карпатскихъ горъ, Дунайскіе Болгаре сообщались между собою и Русью, Норманны не забывали еще своего Austurvigi, Константинополя, и древней Біарміи, которую ограбили особенно въ 1222 году. Средоточіемъ Греческой торговли былъ Кіевъ, средоточіемъ Ганзейской торговли былъ Новгородъ».

Digitized by Google

Статья *И. Д. Бѣляева:* Князь Михаилъ Черниговскій, заключаетъ полную біографію этого примѣчательнаго Князя, родоначальника большей части Княжескихъ нынѣшнихъ фамиліи. Въ началѣ ея только напрасно говоритъ авторъ, что Ольговичи преимущественно предъ прочими Русскими Князьми отличались удальствомъ и храбростію. Въ лѣтописяхъ эти свойства приписываются роду Ростислава Смоленскаго, (который прославили особенно два Мстислава), а изъ Ольговичей прославляется такъ одинъ Всеволодъ Курскій.

«Михаилу Всеволодовичу достойному потомку доблестныхъ предковъ,» (такія похвалы имъ не слѣдуютъ, а въ народѣ Ольговичи искони были ненавистны), довелось жить и дѣйствовать именно въ то время, когда Ольговичи близки были къ тому, чтобъ сдѣлаться господствующимъ Княжескимъ племенемъ въ при-Днѣпровской странѣ.» Это слова произвольныя: отецъ Михаиловъ, Чермный, былъ гораздо въ лучшихъ обстоятельствахъ; дѣдъ Святославъ еще въ лучшихъ; прадѣдъ Всеволодъ въ лучшихъ, чѣмъ Святославъ: вотъ почему я говорю безпрестанно, что Г. Бѣляеву лучше пребывать въ царскомъ періодѣ, гдѣ онъ хозяинъ, а въ прочихъ періодахъ нельзя вѣдь говорить ни объ одномъ лицѣ безъ многосторонняго соображенія со всею Исторіей предыдущей и послѣдующей.

Далѣе авторъ говоритъ о высокости души и благородствѣ характера — эти слова принадлежатъ къ языку старыхъ нашихъ Исторій, какъ и многія другія; намъ должно быть разборчивѣе.

Біографія читается очень легко, занимательность поддерживается до конца, и мы выпишемъ заключительное замѣчаніе, весьма хорошее и въ историческомъ смыслѣ.

«Страданіе и смерть, понесенныя Михаиломъ въ Ордѣ, имѣли самое высокое значеніе, для тогдашней Руси. Михаилъ, оставшись непобѣдимымъ христіаниномъ среди страданій и смерти, указалъ побѣжденной Руси высокую обязанность защищать вѣру праотцевъ и стараться быть непобѣдимыми въ христіанствѣ; онъ своею смертію какъ бы завѣщалъ современникамъ и потомству среди несчастій, угнетавшихъ родину, искать утѣшенія и спасенія въ Богѣ и церкви.

Digitized by Google

Прервемъ здѣсь разборъ любопытныхъ и дѣльныхъ статей Кіевлянина, исчисленіемъ остальныхъ: Книжная старина южно-Русская, *М. А. Максимовича*, со многими новыми свѣдѣніями; О двухъ древнѣйшихъ святыняхъ Кіева: мощахъ Св. Климента и крестѣ В. К. Ольги, *Князя М. А. Оболенскаго*, съ извѣстіемъ о вновь открытомъ драгоцѣнномъ древнемъ словѣ, къ сожалѣнію не вполнѣ приложенномъ; Сказаніе о Гетманѣ Петрѣ Сагайдачномъ, *М. А. Максимовича* — статья очень важная. Предложу только одно замѣчаніе: осада Москвы поручена было Королевичемъ Владиславомъ Гетману Сагайдачному въ 1618 году.

«Судьба ея была въ опасности; ибо войско въ ней было малочисленно. Къ полуночи Сагайдачный со всѣмъ своимъ войскомъ былъ уже у Арбатскихъ воротъ и уже выломаны были петардою ворота Острожныя. Но при первой стычкѣ съ Москвитянами гетманъ прекратилъ осаду.... Отъ чего же? Отъ того, я думаю, что осада Москвы была ему не по мысли; въ противномъ случаѣ, какъ ни любилъ онъ сберегать своихъ казаковъ и какъ ни силенъ могъ быть первый отпоръ ему отъ Москвитянъ, но привыкшій къ побѣдамъ и взятію городовъ, имѣя у себя подъ рукою надежное и многочисленное войско, грозный гетманъ не покинулъ бы такъ скоро начатаго дѣла. Его козацкое сердце могло смутиться отъ той мысли, что онъ началъ крушить единовѣрную ему Русскую столицу для того, чтобъ отдать ее въ руки иновѣрца. И можетъ быть, такое раздумье пришло къ нему въ тотъ самый часъ, когда Москва, звономъ колоколовъ своихъ позвала православный народъ къ заутрени на праздникъ Покрова, и руки осаждавшихъ ея козаковъ невольно поднялись на крестное знаменіе. Въ тотъ часъ благочестивый гетманъ, уже исполнивъ свой подданическій долгъ взятіемъ меньшихъ городовъ и приступомъ къ самой столицѣ, могъ безукоризненно отойти отъ молящейся Москвы. Впрочемъ это мое личное мнѣніе.»

Нѣтъ, я никакъ не согласенъ съ этимъ мнѣніемъ, хотя оно очень остроумно и исполнено поэзіи: я никакъ не могу приписать Петру Кононовичу подобной нѣжности въ чувствѣ и деликатности въ дѣйствіи, а просто принимаю сказаніе нашихъ лѣтописей, которыя говорятъ о приступѣ Сагайдачнаго и объ отраженіи Москвитянами, что приводится отчасти и авторомъ:

«Саадашный перешедъ Оку рѣку съ Черкасы и подъ Коломну не пошелъ, а пошелъ Коширскою дорогою, прiиде на Котлы

Digitized by Google

а передовые его люди пріидоша ко Пречистой Донской, и ставъ на коняхъ коши сташа пропущати. Бояре съ Москвы выйдоша со всею ратію. Грѣхъ ради нашихъ ужасть ихъ взя, и они бою съ ними не поставиша, и прошли мимо Москвы къ королевичу въ таборы.

«О приступѣ Московскомъ. Пріѣхаша къ Москвѣ перебѣгчики Французскіе Нѣмцы два петаршика и сказаша, что нынѣшней ночи будетъ приступъ къ Москвѣ. Государь же и бояре сперва тому не повѣрили; и посла Государь по воротамъ Бояръ, повелѣвъ имъ крѣпости учинити. Въ половину же ночи пріиде Гетманъ со всѣми людьми къ Арбатскимъ воротамъ и къ Острожнымъ воротамъ приставиша петарту, и вороты Острожныя выломаша, и въ острогѣ многіе люди быша, едва Богъ сохранилъ царствующій градъ Москву; помощію же Пречистыя Дѣвы, славнаго ея Пророка, тѣхъ Литовскихъ людей отъ града отбиша и многихъ людей у нихъ побиша, Гетманъ же отыде прочь и ста опять въ таборахъ. Государь же тѣхъ петаршиковъ пожаловалъ своимъ Государевымъ великимъ жалованіемъ; а коихъ тутъ въ острогѣ побиша, то у женъ и у дѣтей Русскихъ людей и у Нѣмецъ ни помѣстій, ни вотчинъ, Государь не велѣлъ взять на себя. Государь же поставилъ храмъ каменный, по обѣту своему во имя Пречистой Богородицы, въ дворцовомъ селѣ Рыбцовѣ.»

Я не вижу никакой причины не вѣрить здѣсь лѣтописи, которая такъ искренно говоритъ здѣсь сначала о робости Москвитянъ, а потомъ объ ихъ успѣшномъ отраженіи. Если есть извѣстіе положительное, то за чѣмъ же прибѣгать къ догадкамъ.

Наконецъ въ Кіевлянинѣ помѣщена доставленная *Г. Забѣлинымъ* память о подаркахъ царскихъ сыну Гетмана Самойловича, и извѣстія о лубочныхъ изображеніяхъ Малороссійскихъ городовъ, доставленныхъ *И. М. Снегиревымъ*, который, первый изъ нашихъ ученыхъ, обратилъ вниманіе на этотъ любопытный предметъ, равно какъ и на многіе другіе въ кругу отечественныхъ древностей, съ безсомнѣнною пользою для науки. Но оставимъ Исторію и ея огороды, гдѣ благородные труженики въ потѣ лица воздѣлываютъ родную землю, и сѣютъ сѣмена для будущихъ жатвъ часто безъ слова сладкаго, какъ и безъ хлѣба мягкаго, — отдохнемъ скорѣе умомъ и сердцемъ въ благоуханныхъ

Digitized by Google

цвѣтникахъ поэзіи.... Мы не знаемъ, какому стихотворенію въ Кіевлянинѣ отдать преимущество? Вотъ *И. С. Аксакова*: Поэту.

Блаженъ, кому въ удѣлъ служенье
Искусству — дали небеса;
Кому, чрезъ трудъ и откровенье,
Его доступны чудеса!
Весь міръ въ немъ ясно отразится,
И все, чѣмъ душу міръ проникъ,
Въ огнѣ души преобразится
И обрѣтетъ себѣ языкъ!

—

Трудись, поэтъ! трудись келейно,
Исполнись вѣры и любви,
И совершай благоговѣйно
Священнодѣйствія свои!

—

И день придетъ, еще далекій,
Когда они благословятъ
Досуговъ праздныхъ длинный рядъ,
Твой тихій трудъ и одинокій,
И трезвость душъ, и чистоту
Твоихъ возвышенныхъ созданій,
И благодать твоихъ страданій
И бурь душевныхъ красоту!

—

Москвитянинъ привѣтствовалъ молодаго поэта кажется при разборѣ сборника В. А. Панова; прошло больше пяти лѣтъ, и мы нигдѣ больше не встрѣчали его имени. Это жаль! Печатаніе, оглашеніе, необходимо для писателя, особенно въ извѣстныя лѣта: оно служитъ нѣкотораго рода побужденіемъ, если не даетъ новой силы, и на необитаемомъ острову могъ сочинять пѣсни развѣ только Виландъ, и то для краснаго словца.

Выпишемъ еще два стихотворенія К. К. Павловой:

Digitized by Google

ТРИ ДУШИ*.

Но грустно думать, что напрасно
Была вамъ молодость дана.

Пушкинъ.

Въ нашъ вѣкъ томительнаго знанья,
Корыстныхъ дѣлъ,
Шли три души на испытанья
Въ земной предѣлъ.

—

И имъ рекла Господня воля:
«Въ чужбинѣ той
Иная каждой будетъ доля,
И судъ иной.

—

Мощь вдохновенія святаго
Даю я вамъ,
Восторгамъ вашимъ будетъ слово
И власть мечтамъ.

—

Младую грудь наполню каждой,
Въ краю земномъ,
Понятьемъ правды, чистой жаждой,
Живымъ лучемъ.

—

И если духъ падетъ лѣнивый
Въ мірскомъ бою,
Да не винитъ вашъ ропотъ лживый
Любовь мою!»

—

И на завѣтное призванье
Тогда сошли
Три женскія души, въ изгнанье
На путь земли.

—

* Эти стихотворенія относятся къ тремъ женщинамъ-поэтамъ, родившимся въ одинъ и тотъ же годъ.

Digitized by Google

Одной изъ нихъ судило Провидѣнье
Впервые тамъ увидѣть дольній міръ,
Гдѣ воцарясь, земное просвѣщенье
Устроило свой Валтазарскій пиръ.
Ей палъ удѣлъ: познать неволи свѣтской
Всю лютую и пагубную власть,
Ей съ первыхъ лѣтъ велѣли стихъ свой дѣтскій
Къ ногамъ толпы смиренной данью класть,
Свои нести моленія и пени
Въ житейскій гулъ, на площадь людныхъ залъ,
Потѣхою служить холодной лѣни,
Быть жертвою безсмысленныхъ похвалъ.
И съ пошлостью привычной, безотлучной,
Сроднилась и ужилась она.
Завѣтный даръ ей сталъ гремушкой звучной,
Заглохли въ ней святыя сѣмена;
О днякъ благихъ, о прежней ясной думѣ
Она теперь не помнитъ и во снѣ,
И тратитъ жизнь въ безумномъ свѣтскомъ шумѣ,
Своей судьбой довольная вполнѣ!

—

Другую бросилъ Богъ далеко,
Въ Американскіе лѣса;
Велѣлъ ей слушать одиноко
Пустынь святые голоса.
Велѣлъ бороться ей съ нуждою,
Противодѣйствовать судьбѣ;
Все отгадать самой собою,
Все заключить въ самой себѣ;
Въ груди, испытанной страданьемъ,
Хранить восторга семіамъ;
Быть вѣрной тщетнымъ упованьямъ
И неисполненнымъ мечтамъ.
И съ даннымъ ей тяжелымъ благомъ
Она пошла, какъ Богъ судилъ,
Безстрашной волей, твердымъ шагомъ,
Да истощенья юныхъ силъ.

Digitized by Google

И съ высоты, какъ ангелъ вѣры,
Сіяетъ въ сумракѣ ночномъ
Звѣзда не нашей полу-сферы
Надъ гробовымъ ея крестомъ.

—

Третья — благостію Бога
Ей указанъ мирный путь,
Свѣтлыхъ думъ ей было много
Вложено въ младую грудь.
Сны въ ней гордые яснѣли,
Пѣлись пѣсни безъ числа;
И любовь ей съ колыбели
Стражей вѣрною была.
Всѣ даны ей упоенья,
Блага всѣ даны сполна.
Жизни внутренней движенья,
Жизни внѣшней тишина.
И въ душѣ, созрѣлой нынѣ,
Грустный слышится вопросъ:
Въ лучшей вѣка половинѣ,
Что ей въ мірѣ удалось?
Что смогла восторга сила?
Что сказалъ души языкъ?
Что любовь ея свершила,
И порывъ чего достигъ?....
Съ прошлостью, погибшей даромъ,
Съ грозной тайной впереди,
Съ безполезнымъ сердца жаромъ,
Съ волей праздною въ груди,
Съ грезой тщетной и упорной,
Можетъ, лучше было ей
Обезумѣть въ жизни вздорной,
Иль угаснуть средь степей....

Второе стихотвореніе:

къ помпейской лампадкѣ.

Отъ грозныхъ бурь, отъ бѣдствій края,
Отъ безпощадности вѣковъ,
Тебя, лампадочка простая,
Сберегъ твой пепельный покровъ.

—

Digitized by Google

Стоишь, кладъ скромный и завѣтный,
Краснорѣчиво предо мной,
Ты, странный, двадцатисотлѣтный
Свидѣтель бренности земной!

—

Свѣтилъ въ Помпеи лучь твой блѣдный
Съ уютной полки, въ тихій часъ,
И надъ язычницею бѣдной
Сіялъ, быть можетъ, онъ не разъ —

—

Когда одна, съ улыбкой нѣжной,
Съ слезой сердечной полноты,
Она души своей мятежной
Ласкала тайныя мечты.

—

И въ измѣнившейся вселенной,
Въ перерожденьѣ всѣхъ началъ,
Одинъ лишь съ силой неизмѣнной
Законъ безсмертный устоялъ.

—

И можешь ты, остатокъ хлипкой,
Былыхъ временъ, теперь опять
Сіять надъ тою же улыбкой,
И тѣ же слезы озарять.

—

Читатели найдутъ въ Кіевлянинѣ еще множество прекрасныхъ стихотвореній: *Графини Е. П. Ростопчиной*: Сказку и Осеннее ненастье; *И. С. Аксакова*: Отдыхъ и Послаціе; *Ѳ. Н. Глинки*: Чего просить, и Ангелу; *А. П. Глинки*: Благодареніе и Къ звѣздѣ; *К. К. Павловой*: начало 4 пѣсни изъ Чайльдъ-Гарольда, и Дума; *М. И Лихонина*: Жизнь; *С. Е. Раича* Александрійскія ночи, и проч. Въ концѣ напечатано стихотвореніе *Языкова* на громовые колодцы въ Мытищахъ.

Отобѣдавъ сытной пищей,
Градъ Москва — водою нищій,
Знойной жаждой былъ томимъ*
Боги сжалились надъ нимъ:
Надъ долиной, гдѣ Мытищы,**

* Я помню этотъ стихъ иначе: знойной жаждою томимъ.
** Надъ долиною Мытищи.

Digitized by Google

Смеркла неба синева ;
Вдругъ ударъ громовой тучи
Грянулъ въ долъ — и ключь кипучій
Покатился.... Пей Москва!

Объ этомъ стихотвореніи я могу сообщить и біографическое извѣстіе : мы ходили всѣ вмѣстѣ пѣшкомъ къ Троицѣ въ 1830 г. (Елагины, Кирѣевскіе, Языковъ, и проч.). Языковъ на каждой станціи оставилъ по стихотворенію; въ Алексѣевскомъ онъ сказалъ здѣсь, сколько я помню:

Въ древни годы Царь премудрой
Здѣсь судилъ народъ свой Алексѣй;
Онъ Русской былъ, онъ жилъ безъ пудры....

Послѣдняго стиха, очень удачно объясненнаго Пушкинымъ, я не помню.

Въ Мытищахъ стихотвореніе было посвящено кормилицѣ Его Высочества Цесаревича, гдѣ былъ одинъ прекрасный стихъ о бѣлыхъ рукахъ жены; въ Воздвиженскомъ воспоминаніе о казни Хованскихъ, во время Стрѣлецкихъ мятежей, которые погибли двойною смертію, еще въ нелѣпой трагедіи Раупаха. Но довольно. Москвитянинъ представляетъ Кіевлянина (хотя и сердитъ на него за холодное и недостаточное помпнованіе объ его древлехранилищѣ), своимъ читателямъ. Первыя двѣ книги его были разхватаны. Вѣрно и третьей скоро не останется въ продажѣ: столько въ ней новаго, любопытнаго, прекраснаго! *М. Погодинъ.*

70. Поѣздка въ Кириллo-Бѣлозерскій монастырь. Вакаціонные дни Профессора С. Шевырева, въ двухъ частяхъ, съ 25-ю литографированными рисунками. М. въ Унив. Типогр. 1850 г. Въ большую 8-ку, стр. 154 и 134.

Далеко ушла бы Русская наука, еслибъ всѣ наши ученые работали такъ, какъ Г. Шевыревъ отдыхаетъ. Онъ поѣхалъ прогуляться послѣ трудовъ, да и открылъ происхожденіе Святославова Сборника, надъ которымъ столь многіе ломали голову, нашелъ новое слово Серапіоново, памятникъ древне-Русской Словесности, открылъ примѣчательный образъ въ Переяславлѣ, съ изображеніемъ таинства брака, познакомилъ публику съ житіями СС. Кирилло-Бѣлозер-

Digitized by Google

скаго, Кирилло-Новоезерскаго, Корнилія Комельскаго Никиты Переяславскаго, Нила Сорскаго, описалъ подробно примѣчательности Александрова Переяславля; Ростова, Ярославля, Вологды, Кириллова-Бѣлозерска, Углича; доставилъ свѣдѣнія любопытныя о монастыряхъ, о многихъ примѣчательныхъ мѣстностяхъ, обрядахъ, образѣ жизни, собралъ множество замѣчаній филологическихъ, наконецъ представилъ новое доказательство, что человѣкъ образованный, безпристрастный, хорошо приготовленный, можетъ путешествовать по Россіи съ большою пользою и удовольствіемъ какъ для себя, такъ и для другихъ; что на каждомъ шагу у насъ можно еще находить новое и занимательное, и что, если кому бываетъ скучно, такъ вина таится больше въ немъ, чѣмъ въ предметахъ его окружающихъ. Мы не входимъ въ подробный разборъ этой любопытнѣйшей книги, потому что наши читатели хорошо знакомы съ нею по нѣкоторымъ отрывкамъ, напечатаннымъ въ Москвитянинѣ въ прошлыхъ годахъ. Исторія, Словесность, филологія, церковныя древности, получили здѣсь прекрасные запасы. А охотники до чтенія — пріятное и полезное чтеніе. Всякому Русскому человѣку она принесетъ истинное удовольствіе, а кто морщится отъ ладона, тому лучше и не читать ея. Рисунки очень занимательны, и многіе сдѣланы очень хорошо. Книга начинается очень кстати изображеніемъ Св. Кирилла, которое оставлено Св. Діонисіемъ Глушицкимъ, слѣдов. можетъ считаться портретомъ. Желаемъ, чтобъ примѣръ Г. Шевырева возбудилъ подражателей, и чтобъ наша литература пріобрѣтала больше и больше подобныхъ описаній. Чѣмъ короче будемъ мы знать отечество, тѣмъ горячѣе будемъ любить его, ибо любишь только то, что знаешь. *М. П.*

71. Практическія наставленія въ пчеловодствѣ. Соч. Конотопскаго 3-й гильдіи купца С. Пономарева. Кіевъ 1849. Стр. XIX и 325 въ 8 д. л.

Двадцатипятилѣтнія занятія пчеловодствомъ даютъ Г. Пономареву полное право назвать свои наставленія практическими, а собственная его пасѣка, доведенная до отлич-

Digitized by Google

ной степени совершенства, и дающая не менѣе 2,000 руб. сер. ежегоднаго дохода, ручается за пользу этихъ наставленій. Долговременныя наблюденія свои авторъ записывалъ собственно для себя, и только по просьбѣ многихъ пчеловодовъ рѣшился напечатать ихъ. »Почему бы, говоритъ онъ въ предисловіи, старому, зубы на пчеловодствѣ источившему, пасѣчнику не вольно было подѣлиться тѣми правилами пчеловодства, которыя доставляли ему такъ много радостей и удовольствій, которыя надѣлили его многими благами въ жизни, которымъ онъ рѣшился слѣдовать въ своей пасѣкѣ дотолѣ, доколѣ не опустятъ его грѣшнаго тѣла въ могилу; почему бы, повторяю, такими полезными правилами не дозволено было ему подѣлиться съ милыми его сердцу соотчичами? На закатѣ дней старику кажется, что онъ не наслѣдуетъ обѣтованной земли, медомъ кипящей, если онъ той землѣ, на которой насыщался медомъ, не завѣщаетъ тѣхъ своихъ наблюденій, по которымъ онъ добывалъ себѣ медъ. Я спокойно и съ благою вѣрою, надеждою и любовію, сойду въ мою могилу, если суждено мнѣ будетъ услышать, что правила мои содѣйствовали къ наполненію воскомъ и медомъ благодатной Россіи нашей Изъ того воска, который добудутъ по моимъ наставленіямъ Русскіе пасѣчники, будутъ быть можетъ горѣть и на моемъ гробѣ и на моей могилѣ заупокойныя свѣчи!....« Слѣдовательно Г. Пономаревъ сколько знаетъ, столько же и любитъ пчеловодство, что̀, конечно придаетъ его труду особую цѣну.

»Практическія наставленія« состоятъ изъ 33 статей, заключающихъ въ себѣ все, что̀ нужно знать пчеловоду въ *практическомъ* отношеніи, начиная съ выставки пчелъ весною изъ омшанника до способовъ предотвращать и уничтожать у нихъ разныя болѣзни. Что же касается до замѣчаній автора, относящихся къ естественной исторіи пчелы, то многія изъ нихъ подлежатъ сомнѣнію, ибо противорѣчатъ извѣстнымъ доселѣ наблюденіямъ естествоиспытателей. — Большая часть практическихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Г. Пономаревымъ, уже извѣстны пчеловодамъ изъ сочиненій Гг. Великдана, Витвицкаго и особенно Проко-

Digitized by Google

новича: но собранныя въ видѣ полнаго руководства и изложенныя удобопонятнымъ образомъ, онѣ имѣютъ свое достоинство независимо отъ новизны. Изъ тѣхъ, которыя принадлежатъ собственно Г. Пономареву, особенно любопытны »средства уничтожать гнилецъ у пчелы и въ ея наносахъ,« и объ ульѣ, изобрѣтенномъ авторомъ. Противъ гнильца, этой моровой язвы пчелъ, Г. Пономоревъ съ постояннымъ успѣхомъ употребляетъ слѣд. средство:

»Перегнавъ изъ гнильцеваго улья муху въ сборню, я вырѣзываю въ этомъ ульѣ всю какъ зараженную, такъ и незараженную гнильцемъ дѣтку. Вырѣзку дѣтки произвожу я внѣ пасѣки и въ скрытномъ мѣстѣ, изъ опасенія, чтобы пчела изъ здоровыхъ монхъ ульевъ не бросилась или на медъ, или на вырѣзанную дѣтку. Окончивъ вырѣзку дѣтки, заткнувъ плотно клѣтку и залѣпивъ замазкою всѣ щели въ гнильцевомъ ульѣ, я выкапываю ямку глубиною въ пять или шесть вершковъ, а шириною немного поуже гнильцеваго улья; сильно напитываю распущенною сѣрою кусокъ тряпки вершка въ три, вкладываю этотъ кусокъ въ одинъ расколотый конецъ прутика или палочки, а другимъ концемъ втыкаю эту палочку на срединѣ приготовленной ямки; вмѣстѣ съ тѣмъ какъ зажигается этотъ сѣрникъ, наставляется у меня на ямку и улей съ гнильцевымъ медомъ и края этого улья обсыпаются землею. Ясно, что сѣрному дыму некуда выходить изъ поставленнаго на ямкѣ улья, и что потому весь онъ остался внутри этого улья. Не снимая съ ямки зараженнаго гнильцемъ улья въ теченіе не менѣе двухъ сутокъ, я въ каждые сутки замѣняю три или четыре раза сгорѣвшіе подъ ними сѣрники новыми такими же сѣрниками, и при каждой перемѣнѣ или при каждой подстилкѣ подъ улей новаго сѣрника, тщательно наблюдаю, чтобы сѣрный дымъ оставался, ежели возможно, весь въ ульѣ, или чтобы, по крайней мѣрѣ, его какъ можно менѣе улетало. За тѣмъ, прокуренный сѣрнымъ дымомъ улей снимаю съ ямки, и, поставивъ его на свободномъ воздухѣ вверхъ полами, даю въ теченіе шести часовъ вылетѣть изъ него сильному сѣрному запаху, и наконецъ въ провѣтрившійся за шесть часовъ улей сажаю пчелъ, какихъ мнѣ угодно, т. е. или тѣхъ, которыя были зачумлены гнильцемъ и очищены отъ него вышеописаннымъ способомъ, или тѣхъ, кои гнильцу не подвергались и пользовались добрымъ здоровьемъ.«

Изобрѣтенный Г. Пономаровымъ улей былъ представленъ на Роменскую выставку сельскихъ произведеній (1846 г.), и доставилъ изобрѣтателю большую серебряную

Digitized by Google

медаль. Главная выгода его заключается въ томъ, что при ломаніи изъ него меда, не нужно убивать пчелъ, какъ дѣлается это обыкновенно. Но, съ другой стороны, неудобство подрѣзки сотовъ, пересадки роевъ и проч., уменьшаютъ его пользу, и втулочный улей Прокоповича справедливо продпочитается ему пчеловодами *.

Въ предисловіи Г. Пономаревъ говоритъ, что онъ учился Русской грамотѣ запросто, и слѣдов. въ его сочиненіи могутъ встрѣтиться разные книжные грѣжи; но, сколько мы могли замѣтить, »Практическія наставленія» написаны правильнымъ языкомъ, и автору не въ чемъ просить извиненія у »просвѣщенныхъ науками читателей.« Но за неумѣренную цѣну книги (*три р. с.*) они едва ли скажутъ ему спасибо, потому что въ хозяйствѣ не принято держаться пословицы: »у денегъ глазъ нѣтъ.« Это обстоятельство тѣмъ болѣе непріятно, что оно можетъ повредить распространенію »Практическихъ наставленій«, которыя, по недостатку у насъ подобныхъ руководствъ, должны бы сдѣлаться настольною книгою всякаго пчеловода.

72. Случайности жизни. Разсказы, составленные для юношества. Пер. съ Нѣм. А. Лаврентьева. Спб. 1850. Стр. 261 въ 12 д. л.

Авторъ этой книжки, Нѣмецкій Профессоръ Дилитцъ назвалъ «случайностями жизни» нѣсколько любопытныхъ разсказовъ о необыкновенныхъ явленіяхъ природы, о нравахъ и обычаяхъ разныхъ народовъ, о замѣчательныхъ мѣстностяхъ и т. п. Г. Лаврентьевъ хорошо перевелъ «Случайности жизни» на Русскій языкъ, красиво издалъ, съ

---

* Въ одномъ спеціальномъ журналѣ замѣчено было, что улей Г. Пономарева есть только измѣненная деревянная копія соломеннаго улья Ломбара, извѣстнаго подъ названіемъ ruche villageoise: очень можетъ быть, но это нисколько не должно уменьшать заслуги Русскаго изобрѣтателя, который навѣрно и не слыхивалъ о Г. Ломбарѣ.

Digitized by Google

картинками и книга вполнѣ заслуживаетъ названіе «пріятнаго подарка для дѣтей». Но при чтеніи ея, какъ и при десяткахъ подобныхъ книгъ, мы въ сотый разъ старались разрѣшить слѣдующій вопросъ: здѣсь бо́льшею частію, собраны разсказы, относящіеся къ Америкѣ и Азіи; предметы выбраны занимательные, возбуждающіе въ дѣтяхъ охоту къ чтенію и любознательность; почему же никто изъ нашихъ писателей не составитъ подобной дѣтской книги, которая относилась бы къ Россіи? Развѣ, напримѣръ очерки Крыма будутъ менѣе любопытны, чѣмъ «очерки Америки?» Разсказъ о славномъ подвигѣ незабвеннаго Козарскаго менѣе ли заставитъ биться дѣтское сердце, нежели «морское сраженіе съ Индійцами?» Путешествіе по Уралу неужели уступитъ занимательностію «путешествію по Альпамъ»,—а описаніе «лѣснаго пожара въ Сѣверной Америкѣ» превзойдетъ чудную картину пожара Сибирскихъ лѣсовъ?.... И такихъ сравненій «Случайности жизни» представили намъ сотни.... А отвѣта мы все-таки не нашли; или, сказать правду, и нашли, да какъ покажется онъ нашимъ писателямъ дѣтскихъ книгъ....

73. Стряпуха, или опытная кухарка, соч. К. А.. ѣевой. Спб. 1850. Стр. 174 въ 16 д. л.

Говорить о кухнѣ и о кухонной литературѣ надобно или много, или ничего: средины тутъ не можетъ быть. Кухня—предметъ важности первостепенной для блага человѣчества, занимавшій и занимающій собою многіе отличные умы; литература ея предметъ спеціальный, требующій глубокихъ теоретическихъ и практическихъ познаній. Не находя въ себѣ ни тѣхъ, ни другихъ, мы обходимъ почтительнымъ молчаніемъ новую «Стряпуху» и ея гастрономическое искусство. Но объ одномъ чисто литературномъ обстоятельствѣ, которое и заставило насъ ввести эту книгу въ лѣтопись библіографіи, позвольте сказать пару словъ. Что значатъ эти таинственныя слова: соч. А.. ѣевой, вы-

Digitized by Google

ставленныя въ заглавіи «Стряпухи»? Слыхали мы, что въ Русской кухонной литературѣ пріобрѣла большую извѣстность Г-жа Авдѣева, по наставленіямъ которой можно ѣсть дешево и хорошо: вѣроятно, это новый ея трудъ, предпринятый на пользу общую, сокращеніе прежнихъ обширныхъ руководствъ. Но въ такомъ случаѣ, къ чему же точки, за чѣмъ такая скромность, не совсѣмъ выгодная для книги? Что-нибудь не такъ. Ба! да вотъ настоящая Г-жа Авдѣева, съ *полнымъ* означеніемъ фамиліи на «Карманной поваренной книгѣ», дожившей до третьяго изданія. Откуда же взялась таинственная двойница? Разумѣется, изъ мастерской бумагопрядильной литературы. Оригиналъ идетъ шибко, ну и копія побѣжитъ рысцей. Форматъ, объемъ, фамилія — все пригнано какъ слѣдуетъ, въ двѣ капли воды. Въ старые годы шелъ же Н. Г—ль за Гоголя, А. М—ій за Марлинскаго, Брамеусъ, за Брамбеуса.... Теперь публика спрашиваетъ «Кухарокъ» и «Хозяекъ»: давай поддѣлаемъ и «кухарку» и «хозяйку».

Digitized by Google

Аббатъ Сугерій. Историческое изслѣдованіе Т. Грановскаго. Москва. 1849 г.

(*См. № 1 Москвитянина, въ отдѣленіи критики, подъ № 2.*)

Всѣ критическіе вопросы относительно значенія того или другаго ученаго произведенія могутъ быть окончательно приведены къ двумъ главнымъ, основнымъ вопросамъ: 1) въ какой степени ученый авторъ удовлетворилъ *общепринятымъ* требованіямъ науки, и 2) остался ли онъ вѣренъ тѣмъ требованіямъ, которыя, *по его личному убѣжденію*, дѣлаетъ наука каждому ученому произведенію? Послѣдній вопросъ не представляетъ никакихъ особыхъ трудностей: стоитъ прослѣдить все произведеніе и свѣрить его результаты съ высказанными основными убѣжденіями автора, и вопросъ рѣшится самъ собою. Конечно, подобнаго рода критика ограничивается почти одними исчисленіями промаховъ, недостатковъ, неизбѣжныхъ во всякомъ произведеніи, и потомъ отъ количества ихъ заключаетъ и о достоинствѣ самаго труда. Но при такомъ исключительномъ направленіи критики, разборъ обыкновенно превращается или въ напыщенный панегирикъ, или въ ожесточенную филиппику. Но есть еще и другаго рода критика, которая старается судить съ общей точки зрѣнія на науку. Главная трудность такого рода критики состоитъ именно въ томъ, что она не имѣетъ общаго мѣрила, и потому не рѣдко рецензентъ выставляетъ свои личныя убѣжденія за общія, и потомъ произноситъ приговоръ, на основаніи этого мнимо-общаго масштаба. Потому, намъ кажется, добросовѣстная критика должна всегда ограничиваться однимъ

Digitized by Google

указаніемъ и объясненіемъ своей точки зрѣнія, безъ всякой претензіи на ея общность. Такимъ образомъ вовсе не похвала или порицаніе составляютъ задачу ученой критики: ея дѣло противопоставить свое личное убѣжденіе чужому убѣжденію, а произнесеніе окончательнаго приговора должно быть всегда предоставляемо неподкупнымъ и непреложнымъ судьямъ — логикѣ и времени. Исходя изъ этой точки зрѣнія на критику, мы надѣемся начать и окончить предпринятый нами разборъ историческаго изслѣдованія Г. Грановскаго sine ira et studio. Конечно, самое уваженіе къ трудамъ нашего ученаго автора требуетъ отъ насъ употребить все вниманіе и усиліе, чтобы быть возможно строгими при разборѣ. При этомъ мы совершенно раздѣляемъ мнѣніе Г. Грановскаго (стр. IV): »чѣмъ значительнѣе начитанность, обнаруженная въ трудѣ, тѣмъ строже долженъ быть падающій на него приговоръ.« И такъ мы просимъ смотрѣть на всѣ наши требованія, которыя будутъ дѣланы нами на разсужденіе Г. Грановскаго, какъ на знакъ того, что мы считали себя въ правѣ требовать многаго отъ такого ученаго, какимъ желательно было бы всегда видѣть Г. Грановскаго.

Къ чему служатъ монографіи въ наукѣ исторіи вообще и въ особенности въ исторической литературѣ нашего отечества? Вотъ первый вопросъ, который представился намъ, и который задаетъ себѣ и самъ авторъ жизнеописанія аббата Сугерія въ своемъ введеніи къ разсужденію. Мы твердо убѣждены, что этотъ вопросъ гораздо важнѣе, нежели какъ онъ кажется съ перваго взгляда; ибо, какъ мы увидимъ, отъ способа его рѣшенія зависитъ вполнѣ судьба занятій каждаго ученаго. »Сухое, не приложенное къ пользѣ общества, знаніе въ наше время не высоко цѣнится, говоритъ Г. Грановскій (с. IV), — современниковъ Гримма, Неандра, Шлоссера трудно удивить одною ученостью.« Въ этихъ немногихъ, но ясно высказанныхъ словахъ мы видимъ рѣшеніе первой части предложеннаго нами вопроса о значеніи монографій вообще въ наукѣ исторіи. Очевидно, *занимательность* и *примѣнимость къ практической жизни*, или, однимъ словомъ, *польза*

Digitized by Google

составляютъ главное условіе монографіи, отъ исполненія котораго зависитъ ея мѣсто въ наукѣ. Мы не будемъ дѣлать никакихъ восклицаній или укоризнъ, какъ это сдѣлали бы многіе, видя, что въ ученомъ разсужденіи стали руководиться занимательностію и примѣняемостью предмета. Нѣтъ, мы лучше покажемъ тѣ основанія, на которыхъ намъ кажутся подобные разсчеты не только не сообразными съ наукою, но даже и безполезными. Съ нами, конечно, не согласится тотъ, кто имѣетъ совершенно особенный взглядъ на сущность науки.

Безъ сомнѣнія, занимательность всегда составляетъ одно изъ важнѣйшихъ достоинствъ каждаго предмета. Но долженъ-ли всякій предметъ имѣть всеобщую занимательность, это такой вопросъ, на который едва ли кто рѣшится отвѣтить положительно. Не только въ области науки, но и въ практической жизни все имѣетъ свой опредѣленный кругъ въ отношеніи занимательности; и если никто не захочетъ, не сдѣлавшись смѣшнымъ, требовать отъ другихъ, чтобы они восхищались тѣмъ, что его восхищаетъ; то отъ чего же отсюда исключать науку, и не дозволять ей имѣть своего особеннаго круга, гдѣ она всегда останется занимательною. Мнѣ кажется, не наука должна спускаться съ своей высоты, чтобы доставить занимательность возможно бо̀льшей массѣ общества, а скорѣе само общество должно стараться о своемъ возвышеніи, чтобы умѣть понимать занимательность науки. И наконецъ, къ чему бы послужило такое униженіе науки для занимательности? Сдѣлавшись занимательною, она утратила бы свой характеръ, и слѣдов. перестала бы быть наукой. Не должно потому смѣшивать науку и образованіе: наука вовсе не имѣетъ цѣлью образовывать, а образованіе есть только необходимое ея условіе. Безъ образованія конечно невозможна наука, но образованіе можетъ существовать и дѣйствительно часто существуетъ безъ науки. Для образованія достаточно развитія умственнаго; наука есть плодъ разума. Потому мы смѣемъ утверждать, что если наука и должна быть занимательна, то только для немногихъ, какъ и всѣ другіе предметы имѣютъ каждый свою занимател-

Digitized by Google

ность. Ученый, заботящійся о всеобщей занимательности своихъ ученыхъ трудовъ, подвергается опасности измѣнить наукѣ и впасть въ беллетристику.

Еще менѣе должна, кажется, наука заботиться о пользѣ, или, какъ выразился точнѣе нашъ ученый авторъ, о приложимости своего знанія къ пользамъ общества. Справедливость нашего положенія оправдывается самымъ происхожденіемъ какъ науки, такъ и вообще всякаго знанія. Наука, какъ и все то, что произведено человѣческимъ духомъ, родилась въ слѣдствіе стремленія его удовлетворить какой-то внутренней, прирожденной, и потому необъяснимой потребности знанія. Кто изъ насъ, бывъ еще дитятею, при познаніи того или другаго предмета имѣлъ въ виду пользу? Не старались ли мы тогда съ жадностью увеличивать наши познанія, сами не зная того, какую мы можемъ извлечь изъ нихъ пользу? Если же такъ безкорыстенъ источникъ познанія въ ребенкѣ, то неужели наука должна ему уступить въ своей безкорыстности? Мнѣ кажется, всего полезнѣе въ наукѣ, менѣе всего заботиться о пользѣ. Къ наукѣ лучше всего можно примѣнить извѣстное выраженіе: fiat justitia, pereat mundus. Притомъ мы совершенно понимаемъ, откуда является упрекъ истиннонаучнымъ занятіямъ въ ихъ безплодности и безполезности. Все происходитъ отъ того односторонняго, матеріяльнаго понятія о пользѣ, которое можно назвать даже меркантилизмомъ: одно наглядное, такъ сказать, насущное считается полезнымъ, а польза вѣковая, которую можно обозрѣть въ ея цѣлости не иначе, какъ съ извѣстной высоты, и которая, по своей необъятности, не подлежитъ ограниченному чувству, остается весьма для многихъ не замѣченною. Впрочемъ, подобное явленіе встрѣчается не только въ наукѣ, но и въ другихъ областяхъ человѣческой дѣятельности: ничтожное паденіе камня мы замѣчаемъ легко, а гигантское движеніе земнаго шара оставалось долгое время тайною для человѣка. Точно такъ и въ наукѣ: мы движемся ею, и вмѣстѣ съ нею впередъ, и спрашиваемъ: какая польза науки? не должно ли заботиться о томъ, чтобы науку сдѣлать полезнѣе? Мы имѣемъ на

Digitized by Google

своей сторонѣ всю исторію наукъ: не далѣе какъ въ прошедшемъ столѣтіи энциклопедисты поставили себѣ задачею сдѣлать науку примѣняемою къ практической жизни. Всякій знаетъ, къ чему это повело. О наукѣ потому справедливо можно сказать: имѣй въ виду въ наукѣ науку, а остальная приложатся. Смотря съ своей точки зрѣнія на науку и на значеніе въ ней монографій, Г. Грановскій долженъ былъ оправдываться въ выборѣ своего предмета и сказать (стр. III): »историческое сочиненіе должно оправдать свое появленіе *важностью* своего содержанія.« Конечно такое оправданіе весьма послѣдовательно, ибо чѣмъ предметъ важнѣе, тѣмъ онъ въ практической жизни полезнѣе. Но вотъ вопросъ: раздѣляются ли для науки предметы на важные и неважные? Намъ кажется, въ наукѣ важно каждое явленіе, какъ бы оно ни казалось ничтожнымъ въ практической жизни. Понятна причина: наука обнимаетъ собою все существующее, какъ одно цѣлое, и потому въ ней можетъ ли быть что-нибудь не важно, когда часто неважнымъ обусловливается существованіе того, что съ нашей практической точки зрѣнія кажется весьма важнымъ.

Другая сторона вопроса, предложеннаго нами вмѣстѣ съ ученымъ авторомъ состоитъ въ слѣдующемъ: какое значеніе могутъ имѣть монографіи въ исторической литературѣ нашего отечества? Г. Грановскій отвергаетъ необходимость монографій у насъ и считаетъ ихъ »ученою роскошью« (стр. I). Одна Германія, по мнѣнію автора, можетъ *справедливо* гордиться отдѣломъ своей литературы, доступнымъ однимъ спеціальнымъ ученымъ, безчисленными монографіями, въ которыхъ разобраны мельчайшія подробности каждой науки. Мы согласны, что у насъ нѣтъ такого богатства монографій, но отъ чего же мы не должны стараться достигнуть такого богатства? Отъ того, отвѣчаетъ намъ авторъ, что »у насъ нѣтъ не только хорошихъ оригинальныхъ, но даже и переводныхъ книгъ объ исторіи главныхъ народовъ древняго и новаго міра; нѣтъ значительныхъ произведеній, къ которымъ могли бы примкнуть частныя изслѣдованія« (стр. I). Но развѣ таковъ

Digitized by Google

логическій путь, которымъ идетъ наука и вообще всякое человѣческое познаніе? развѣ мы отъ общаго доходимъ до частнаго? не изъ частнаго ли слагается каждое общее, а потому значеніе и судьба общаго не обусловливается ли правильностію частныхъ наблюденій? Притомъ, упрекъ, сдѣланный Русской исторической литературѣ совершенно несправедливъ: укажите намъ на одно, по крайней мѣрѣ, иностранное сочиненіе по всеобщей исторіи, которое, не говоримъ, относилось бы къ большимъ отдѣламъ всеобщей исторіи, а объяснило бы вполнѣ цѣлую исторію какого-нибудь народа. Если и стали въ послѣднее время появляться историческія сочиненія, которыя успѣвали соединять достоинство съ болѣе обширнымъ объемомъ, то конечно они обязаны своимъ существованіемъ частнымъ монографіямъ, и отъ нихъ же ожидаютъ своихъ пополненій и исправленій. И такъ, по нашему убѣжденію, общее сочиненіе никогда не можетъ имѣть такого вліянія на монографію, какъ монографія на него, и потому несправедливо, судя по закону логическаго развитія нашего познанія, что монографіи не могутъ имѣть большаго значенія въ нашей исторической литературѣ. Наука вездѣ останется наукой, и ея характеръ не опредѣляется никакими мѣстностями: что авторъ признаетъ необходимымъ для науки въ Германіи, то необходимо для нея повсюду.

Если бы и было нужно при выборѣ предмета для разсужденія руководствоваться чѣмъ-нибудь, то конечно не занимательностію и пользою, которую можетъ извлечь изъ него общество, а скорѣе тѣмъ положеніемъ науки, въ которомъ мы ее застаемъ въ настоящее время, и тѣми требованіями, которыя она дѣлаетъ на ученаго при своемъ положеніи. Теперь никто не сомнѣвается, что критическій путь есть единственно возможный для науки исторіи. Безъ критики исторія всегда оставалась бы въ области фантазіи. Въ чемъ же состоитъ историческая критика? Она состоитъ въ предварительномъ и всестороннемъ изслѣдованіи и разборѣ источниковъ. Этотъ разборъ относится къ двумъ сторонамъ: къ самому тексту источника и къ лицу его автора. Первое составляетъ предметъ чисто филологіи,

Digitized by Google

второе принадлежитъ философіи. Потому эти двѣ науки составляютъ необходимое условіе каждаго историческаго занятія. Дѣло филолога доказать законность или подлинность текста, и ручаться за его непреложность въ томъ видѣ, какъ онъ до насъ дошелъ. Послѣ этого философу остается показать отношеніе автора къ своему произведенію, и на основаніи анализа его умственныхъ способностей, и нравственныхъ, и политическихъ убѣжденій, объяснить истинное значеніе всего переданнаго имъ въ своемъ произведеніи. Только послѣ всѣхъ этихъ предварительныхъ трудовъ можетъ историкъ приступить къ своей работѣ, и, увѣрившись въ текстѣ источника и въ намѣреніи, съ которымъ онъ составленъ, оцѣнить событіе и поставить его на своемъ мѣстѣ. Но на всемъ ли своемъ пространствѣ исторія имѣетъ такую предварительную обработку? До сихъ поръ только одна наука исторіи древняго міра можетъ гордиться прочностью своею основанія. Начиная съ такъ называемой эпохи »возрожденія«, т. е. съ XV ст., вся дѣятельность ученыхъ была направлена исключительно къ изданію и комментированію древнихъ авторовъ. Эта работа продолжалась непрерывно до конца прошедшаго столѣтія, а потому настоящія историческія занятія могли начаться только въ послѣднее время. Когда было все приготовлено, разобрано, очищено и приведено въ порядокъ, только тогда могъ появиться и Нибуръ. Совершенно другое представляетъ намъ положеніе нашей науки въ исторіи новаго міра. Если мы сравнимъ источники ея съ источниками исторіи древняго міра, то въ отношеніи порядка и точности, первые должны представить совершенный хаосъ. Какая лѣтопись среднихъ вѣковъ можетъ сравниться по своей ясности, точности и богатству критическихъ объясненій, напр., съ исторіею Иродота, Ѳукидида и др.? Такое положеніе исторіи новаго міра ясно указываетъ тотъ путь, которому должны слѣдовать историки, посвящающіе себя изученію этого времени. Они должны посвятить свой трудъ преимущественно на изученіе современныхъ лѣтописей и ихъ составителей, на приведеніе въ порядокъ источниковъ, на ихъ объясненіе со стороны филологической и фило-

Digitized by Google

софской, и на ихъ доступность чрезъ возможно дешевѣйшія изданія. Это послѣднее экономическое условіе имѣетъ также весьма огромное вліяніе на успѣхъ науки: стереотипныя изданія древнихъ писателей, сдѣлавъ источники доступными по ихъ дешевизнѣ для большинства, не мало чрезъ то содѣйствовали успѣхамъ древней исторіи. Всякій знаетъ, какъ трудно пріобрѣсть источники исторіи новаго міра, и только по ихъ ужасной дороговизнѣ и рѣдкости. Самъ Г. Грановскій на опытѣ испыталъ все неудобство и почти невозможность чисто ученыхъ историческихъ занятій среднею исторіею, и такъ сказать, ихъ несвоевременность. Онъ часто долженъ былъ основываться въ своихъ критическихъ изысканіяхъ на переводахъ, а каждому извѣстно, сколько теряетъ отъ такого недостатка самъ ученый трудъ. Такъ между главными источниками для исторіи времени аббата Сугерія, кромѣ его же »жизнеописанія Лудовика Толстаго,« считается церковная исторія Ордерика Виталія, который пополняетъ многое, опущенное Сугеріемъ. Г. Грановскій (стр. 47, пр. 73) отдаетъ преимущество Сугерію, но его сравненіе этихъ двухъ писателей основано *на переводѣ* церковной исторіи Ордерика Виталія, напечатанномъ Гизо въ Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Какъ бы ни былъ хорошъ переводъ и полонъ, но вѣроятно нашъ ученый авторъ по опыту знаетъ преимущество оригинала: переводъ можетъ увлекать, и на самомъ дѣлѣ часто увлекаетъ къ ложнымъ выводамъ. Даже чѣмъ талантливѣе переводчикъ, тѣмъ онъ болѣе придаетъ переводу своей личности, и слѣдов. тѣмъ менѣе годится для основательныхъ ученыхъ разысканій. Жизнеописанія Св. Бернарда, составленныя его учениками и современниками, и помѣщенныя въ Мабилльоновомъ изданіи твореній Св. Бернарда, были доступны Г. Грановскому также *въ переводѣ* (стр. 97, прим. 157). Между тѣмъ все касающееся Бернарда, имѣетъ чрезвычайную важность для того, кто изучаетъ жизнь Сугерія и преимущественно въ политическомъ отношеніи: Бернардъ былъ его политическимъ противникомъ, и точно также ревностно защищалъ феодализмъ духовенства, какъ имъ жертвовалъ Сугерій въ пользу обществен-

Digitized by Google

наго порядка, котораго онъ думалъ достигнуть утвержденіемъ монархической власти. Послѣ удаленія Лудовика Седьмаго въ второй крестовый походъ, управленіе государствомъ было предоставлено Сугерію, но объ этомъ событіи, весьма важномъ въ жизни аббата Св. Діонисія, упоминается въ подробности въ »исторіи крестоваго похода Лудовика Седьмаго,« написанной Одономъ Дёльскимъ (de Digilo). Это сочиненіе напечатано въ весьма рѣдкомъ сочиненіи Шифле (Schiffl tii S. Bernardi Claraeval. genus illustre assertum); Бенедиктинцы перепечатали изъ него небольшіе отрывки, и потому Г. Грановскій долженъ былъ и въ этомъ случаѣ ссылаться хотя *на полный переводъ* Гизо, но тѣмъ не менѣе переводъ (стр. 120, прим. 113). Даже второстепенные источники средней исторіи мало доступны по своей рѣдкости: такъ сочиненіе Жервеза, Vie de Suger, Г. Грановскій долженъ былъ цитовать по ссылкамъ Карне и Histoire littéraire de la France (стр. 56, ссыл. 85); и притомъ Карне, по мнѣнію нашего автора (стр. 56 и 77), во многомъ показываетъ недостаточное знакомство съ фактами и выдаетъ часто свои догадки за факты. Но мы вовсе не думаемъ упрекать Г. Грановскаго въ томъ, что онъ не вездѣ опирается на непосредственные, оригинальные источники: причина того заключается въ самомъ положеніи исторической науки о новомъ времени. Конечно, отъ воли автора всегда зависитъ возможность избѣгнуть всѣхъ этихъ неудобствъ: стоитъ приложить путь изученія исторіи древняго міра къ изученію новаго, т. е. обратиться къ критикѣ источниковъ. Наука, кажется, выиграла бы болѣе, если бъ, напримѣръ, вмѣсто жизнеописанія аб. Сугерія мы получили бы сперва хорошо комментированное, съ критическими объясненіями, изданіе сочиненій этого аббата, или кого-нибудь другого изъ его современныхъ писателей. Кромѣ того, такой трудъ сдѣлалъ бы въ послѣдствіи возможнымъ приступить и къ самой исторіи этого времени. Но при всемъ томъ мы должны отдать полную справедливость Г. Грановскому, и признать всю важность его сочиненія въ нашей исторической литературѣ. Всякій другой ученый, приступая къ изученію исторіи новаго міра, будетъ теперь видѣть, по чужому

Digitized by Google

опыту, всю невозможность историческихъ занятій безъ предварительнаго ближайшаго и непосредственнаго знакомства съ источниками, и начнетъ потому свою работу съ начала.

Изъ всего сказаннаго нами объ историческихъ занятіяхъ ясно видна причина, по которой большая часть лучшихъ новѣйшихъ историковъ обращаютъ свое вниманіе преимущественно на исторію древняго міра. Вовсе не величіе Грековъ и Римлянъ обращаетъ на себя ихъ вниманіе, а возможность трудиться сообразно съ требованіями науки: въ древней исторіи для нихъ все приготовлено. Не рѣдко потому можно слышать возраженіе отъ людей, понимающихъ совершенно иначе дѣло: »въ исторіи Греціи и Рима »такъ много сдѣлано Германскими учеными, что болѣе »ничего не остается, какъ повторять ими сказанное.« Мы бы сказали это совершенно иначе: »для исторіи Греціи и »Рима такъ много сдѣлано Германскими учеными, что на»конецъ можно заняться и самою ихъ исторіею.«

Высказавъ свое убѣжденіе относительно характера научныхъ занятій, мы оставимъ пока въ сторонѣ споръ о томъ, долженъ ли ученый въ своихъ изслѣдованіяхъ руководиться примѣняемостью ихъ къ практической жизни, и обратимся къ самому изложенію и содержанію разбираемаго нами разсужденія, независимо отъ нашихъ убѣжденій и взглядовъ на науку. Быть можетъ, они найдутъ себѣ новое оправданіе въ самомъ разсужденіи Г. Грановскаго.

Въ самомъ началѣ (стр. 1—10) авторъ представляетъ намъ картину государственнаго устройства Франціи при первыхъ Капетингахъ. По его мнѣнію, оно никакъ не можетъ быть сравниваемо съ положеніемъ Франціи при послѣднихъ Карловингахъ. »Потомки Карла В., говоритъ Г. Грановскій (стр. 1), пали не въ слѣдствіе личныхъ оши»бокъ или недостатковъ, но подъ бременемъ тяжелаго на»слѣдія, завѣщаннаго имъ предкомъ. Это наслѣдіе заклю»чалось въ идеяхъ государственнаго единства и порядка, »взятаго у Римскаго міра и неприложимаго къ обществу, »которое разлагалось на самыя дробныя части свои. Фе»одализмъ одолѣлъ, потому что другой политической фор»мы не могли вынести тогдашніе народы западной Европы;

Digitized by Google

»но паденіе Карловинговъ не было постыдно.« Эта мысль совершенно оригинальная, но, по нашему мнѣнію не совершенно основательная и противорѣчащая понятію современниковъ Карловингской династіи. Всякій спроситъ: если причина паденія Карловинговъ заключалась въ ихъ стремленіи къ поддержанію единства, то отъ чего же это самое стремленіе не погубило въ послѣдствіи Капетинговъ? Отъ чего современники заклеймили послѣднихъ Карловинговъ прозваніемъ »Тунеядцевъ?« Мы хорошо понимаемъ цѣль автора: ему было нужно представить первыхъ Капетинговъ ничтожными, чтобы тѣмъ въ бо́льшемъ блескѣ выставить заслуги Сугерія*. Но несправедливо то, что послѣдніе Карловинги пали отъ невозможности противостоять всеобщему стремленію феодализма. Развѣ феодализмъ существовалъ до Карла В.? До Карла В. въ новыхъ Германскихъ государствахъ было особеннаго рода устройство, аллодіальное, которое было чисто Германскимъ, и котораго не должно смѣшивать съ феодальнымъ. Германскіе Короли, познакомившись съ Римскимъ правомъ, стали мало по малу уничтожать раздробленность аллодіальной системы, и въ первый разъ Карлу В. удалось соединить обѣ эти противоположности — Германскую и Римскую — въ одно цѣлое Это новое государственное устройство и называется феодальною системой, гдѣ было вмѣстѣ и единство и раздробленіе: единство состояло въ томъ, что на всемъ пространствѣ государства управляла одна власть сузерена; но притомъ государство было раздѣлено на графства, хотя графы Карла В. были не что иное, какъ чиновники сузерена. Очевидно, прочность и непоколебимость такой системы опиралась на личности сузерена, а какъ поступали преемники Карла В.? Карлъ Лысый сдѣлалъ лены наслѣдственными—окончательный шагъ къ независимости вассаловъ. Его преемники для поддержанія себя старались пріобрѣсти расположеніе вассаловъ раздачею коронныхъ земель, и кончилось тѣмъ, что во владѣніи Карловинговъ остался одинъ городъ Ланъ (Laon). Покажите намъ хотя

* Никакъ не хотимъ предполагать такую цѣль, противную наукѣ и истинѣ. *М. П.*

Digitized by Google

одинъ фактъ, гдѣ бы мы могли увидѣть, что Карловинги сопротивлялись феодализму; а мы представили уже нѣсколько примѣровъ поощренія феодализму съ ихъ стороны. Если къ этому присоединить отношеніе Карловинговъ къ Норманнамъ, то кто послѣ этого станетъ утверждать, что паденіе Карловинговъ не было для нихъ постыднымъ?

Съ той же самой точки зрѣнія смотритъ Г. Грановскій и на причины возвышенія Капетинговъ. Предубѣжденный противъ нихъ, онъ (стр. 2) утверждаетъ, что »дѣло возвышенія Капетинговъ было не трудное. Кромѣ слабаго »Карла Лотарингскаго, дяди Лудвига, у Гугона не было »соперниковъ. Изъ другихъ вассаловъ *Французскаго* Короля, (анахронизмъ: до Капетинговъ не было общаго названія Франція; они, какъ герцоги Французскіе, вступивъ на престолъ, передали свое родовое названіе цѣлому государству; Карловинги были Королями Франкскими), никто не искалъ безплодной »чести быть первымъ между равными.« Такое объясненіе причинъ перемѣны династіи, быть можетъ, покажется страннымъ въ наукѣ: неужели Капетинги вступили на престолъ Франкскій только потому, что некому было вступить? Во всякомъ случаѣ такое явленіе было бы еще понятнымъ, еслибъ предшествующая династія совершенно прекратилась; но къ чему Гугонъ для »достиженія безплодной чести« низвергъ послѣдняго Карловинга? Мнѣніе Г. Грановскаго намъ кажется тѣмъ болѣе страннымъ, что въ другомъ мѣстѣ онъ высказываетъ, хотя и не совсѣмъ ясно, настоящую причину возвышенія Капетинговъ: »новая династія была ровесницею новому обществу« (стр. 2). Это совершенно справедливо и вотъ что должно значить. Съ Капетингами повторилось тоже самое, что случилось съ первыми представителями Карловинговъ. Когда начали сливаться между собою Римляне и Германцы, побѣжденные и побѣдители, то Меровингская династія, какъ чисто Германская, должна была пасть и уступить свое мѣсто той династіи, которая собою выражала подобное соединеніе: такою династіею и были Карловинги. Они происходили по мужской линіи отъ Германской фамиліи Пепина Ландепскаго, а по женской отъ Римской фамиліи Тонанціи

Digitized by Google

Ферреоли. Но послѣ Карла В. стали образовываться въ первый разъ Европейскія національности, и потому то, что возвысило Карловинговъ, теперь послужило къ ихъ паденію. Каждая новая нація стремилась выразить свою самостоятельность избраніемъ на престолъ чисто національной династіи. Такою династіею были Капетинги, которые осуществили собою имъ современное стремленіе и положили основаніе Французской національности. Конечно, во всемъ этомъ заключается только общая причина возвышенія Капетинговъ; но почему именно въ нихъ выразилось это стремленіе къ національности, но не въ комъ-нибудь изъ другихъ Франкскихъ вассаловъ? Мы знаемъ уже отвѣтъ Г. Грановскаго. Онъ полагаетъ, что у Гугона не было другихъ соперниковъ, кромѣ Карла Лотарингскаго; но это совершенно несправедливо. Гораздо опаснѣе для Гугона были его дѣти, Лудовикъ и Карлъ, которыхъ принялъ подъ свое покровительство Германскій Императоръ. Если другіе вассалы не искали престола, то конечно потому, что никто не могъ равняться ни въ какомъ отношеніи съ Капетингами. Они оказали большія услуги государству: въ то время, когда Каролинги откупались золотомъ отъ Норманновъ, дѣдъ Капета, Робертъ отражалъ ихъ оружіемъ и спасъ государство. Та же внѣшняя причина возвысила нѣкогда и Карловинговъ: побѣды Карла Мартела надъ Аравитянами возвысили его династію въ глазахъ народа. Кромѣ того, ни одинъ вассалъ не могъ равняться по своему могуществу съ Капетингами: они владѣли большими ленами. Если къ этому присоединить родство ихъ съ Греческими Императорами, то нисколько не будетъ удивительно, почему именно Капетинги, а не другой какой-либо вассалъ, достигли королевскаго званія.

Если такимъ образомъ, Капетинги были обязаны своимъ возвышеніемъ уваженію, которымъ они пользовались въ общественномъ мнѣніи, и богатству своихъ владѣній, то рождается вопросъ, откуда происходила та недѣятельность, которою отличались первые Капетинги? Г. Грановскій въ рѣшеніи этого вопроса держится стараго мнѣнія, давно уже опровергнутаго, но которое болѣе годится для его

Digitized by Google

главной цѣли возвышенія заслугъ Сугерія. По мнѣнію нашего автора (стр. 5), нравственное безсиліе было главною причиною недѣятельности первыхъ Капетинговъ. Въ чемъ же, напримѣръ, выразилось это нравственное безсиліе? »Гейнрихъ IV началъ великую борьбу Императоровъ съ папствомъ; Французскій вассалъ завоевалъ Англію; начались »крестовые походы, а Французскій Король не двигался« (стр. 5). Но, какъ мы сейчасъ увидимъ, по мнѣнію же самого Г. Грановскаго, въ этой недѣятельности, или въ этомъ нравственномъ безсиліи, и заключалось все величіе первыхъ Капетинговъ. На стр. 121 мы читаемъ: »проницательный, предвидѣвшій грядущее, Сугерій не только не »внушалъ Королю (Лудовику VII) ничего подобнаго (дѣло »идетъ о предпринятіи крестоваго похода), но даже не далъ »своего одобренія предпріятію, когда услышалъ о немъ.« Очевидно, что Сугерій, хорошо понимая современное положеніе дѣлъ и политическое значеніе крестовыхъ походовъ, какъ средства къ возвышенію монархической власти, долженъ былъ удерживать Лудовика VII отъ подобнаго предпріятія, которымъ Король долженъ былъ пользоваться для увеличенія своей власти, оставаясь дома, и присоединяя къ своимъ владѣніямъ земли удалившихся вассаловъ. Какъ же послѣ этого можно упрекать Филиппа I, какъ, это мы видѣли, дѣлаетъ Г. Грановскій, въ томъ, что онъ не принималъ участія въ общемъ движеніи по поводу крестовыхъ походовъ, и вмѣнять ему въ нравственное безсиліе то, что въ Сугеріѣ принимается за глубокій политическій умъ? Несправедливо также и то, что Филиппъ I не обращалъ никакого вниманія на завоеваніе Англіи однимъ изъ сильнѣйшихъ своихъ вассаловъ: извѣстно, что онъ, предъ отправленіемъ Вильгельма Норманнскаго въ Англію, заключилъ съ нимъ договоръ, по которому тотъ обѣщался не соединять Англіи съ Нормандіею, а въ случаѣ покоренія Англіи, долженъ былъ уступить Нормандію сыну, Роберту. Кто содѣйствовалъ Роберту къ возстанію противъ отца, когда онъ не хотѣлъ ему уступить Нормандію? Опять Филиппъ I. Въ отношеніи къ Папѣ Филиппъ I также не оставался недѣятельнымъ, какъ это утверждается Г. Грановскимъ.

Digitized by Google

Григорій VII вступилъ съ нимъ въ споръ за продажу духовныхъ мѣстъ, и не смотря на все могущество Гильдебранда, дѣло было рѣшено въ пользу Короля. И такъ, очевидно, недѣятельность первыхъ Капетинговъ вовсе не была результатомъ ихъ нравственнаго безсилія, а скорѣе дѣломъ политическаго разсчета. Беззаконный и насильственный поступокъ могъ бы соединить всѣхъ вассаловъ противъ нихъ, и тогда Капетинги, при всемъ своемъ могуществѣ въ борьбѣ съ отдѣльнымъ вассаломъ, должны были бы уступить ихъ соединеннымъ силамъ. На самомъ дѣлѣ, изъ 86 департаментовъ нынѣшней Франціи, тридцать лежало на югъ отъ Луары, и слѣдов. входило въ составъ г. Аквитанскаго, которое въ то время по своей отдаленности менѣе всѣхъ могло зависѣть отъ Короля. Даже на сѣверъ, гдѣ были родовыя владѣнія Капетинговъ, ихъ окружали сильные вассалы: Нормандскій, Фландрскій, Шампаньскій и Анжуйскій. Г. Грановскій (стр. 7) причисляетъ сюда и герцогство Бургундское, но оно составляло родовыя владѣнія Капетинговъ, и потому не можетъ быть помѣщаемо въ число владѣній, враждебныхъ дому Гугона. Робертъ, сынъ Гугона, былъ женатъ на Бертѣ, сестрѣ Рудольфа III, послѣдняго Арелатскаго Короля, и потому по смерти его, удержалъ за собою сѣверную часть королевства, составивъ изъ нея новое герцогство Бургундское. По мнѣнію Г. Грановскаго (стр. 6), усиленію Капетинговъ препятствовало и то обстоятельство, что »изъ 86 департаментовъ нынѣшней Франціи около двад»цати принадлежало къ совершенно другой политической »системѣ. Изъ нихъ образовались герцогства Лотарингскія, графство Бургундское (вѣроятно авторъ имѣлъ въ виду гр. Провансское, ибо Бургундскія владѣнія въ это время были соединены въ одно кор. Арелатское) и королевство Арелат»ское, которыя входили въ составъ Германской имперіи.« Скорѣе это обстоятельство могло облегчить усиленіе Капетинговъ, ибо сильнѣйшіе изъ вассаловъ, войдя въ составъ Германской имперіи, избавляли тѣмъ Капетинговъ отъ соперничества. Весьма жаль, что Г. Грановскій, сознавая (прим. 8), что »вообще составленіе географическихъ картъ для »средневѣковой Франціи сопряжено съ величайшими труд-

Digitized by Google

»ностями,« не обратилъ вниманія на этотъ предметъ и не составилъ спеціяльной карты для избранной имъ эпохи.

Показавъ въ общихъ чертахъ положеніе Франціи при первыхъ Капетингахъ, Г. Грановскій переходитъ къ главному своему предмету—жизнеописанію аб. Сугерія. Основное убѣжденіе автора о Сугеріѣ высказано имъ было еще въ введеніи (стр. V): »Сугерій положилъ первый камень по»литическаго зданія, достроеннаго Лудовикомъ XIV, т. е. »Французской монархіи.« Мы уже видѣли, что для оправданія этой мысли, описаніе положенія Франціи при первыхъ Капетингахъ было сдѣлано не совсѣмъ основательно и даже отчасти пристрастно: наслѣдники Гугона понимали хорошо свое положеніе и потому представлялись недѣятельными. Но однако тѣмъ не менѣе будетъ для каждаго весьма любопытно, какимъ образомъ нашему автору удастся на дѣлѣ, въ самомъ разсужденіи, доказать свою основную мысль, что Сугерій положилъ первое основаніе монархіи въ Франціи. Не было ли до Сугерія сдѣлано уже многое для утвержденія монархіи, и если не было, то что именно предпринялъ Сугерій для этой цѣли, столь важное, чтобы его можно было назвать первымъ основателемъ монархіи во Франціи? Всѣ эти вопросы относятся прямо къ сущности разсужденія Г. Грановскаго, а потому мы обратимъ исключительное вниманіе на то, въ какой степени оно разрѣшаетъ ихъ и подтверждаетъ тѣмъ основную мысль автора. Мы не будемъ высказывать своихъ убѣжденій относительно значенія Сугерія въ исторіи Франціи, но только укажемъ доказательства автора въ пользу своего основнаго положенія, для котораго предпринятъ былъ весь трудъ: именно, что Сугерій положилъ первый камень къ созданію Французской монархіи.

О происхожденіи Сугерія и его дѣтствѣ до 14-лѣтняго возраста, когда онъ въ 1095 г. возвратился въ монастырь Св. Діонисія, сказано весьма кратко (стр. 10—12). Двумя страницами ограничиваетъ авторъ свои изслѣдованія о молодости Сугерія. Слѣдующія за тѣмъ 10 страницъ (12—21) представляютъ намъ воспитаніе Лудовика VI и его военныя дѣйствія при жизни отца, Филиппа I. Война съ Виль-

Digitized by Google

гельмомъ Рыжимъ, Королемъ Англійскимъ, за гр. Вексинское была ведена счастливо. Вторая война противъ Монморанси, вассала Св. Діонисія, была окончена также Людовикомъ. Не менѣе счастливы были и другія его войны съ возмущавшимися вассалами. Филиппъ I не участвовалъ въ первомъ крестовомъ походѣ, и весьма удачно воспользовался несчастіемъ крестоносныхъ вассаловъ (стр. 24 и сл.): такъ замокъ Монлери (между Парижемъ и Орлеаномъ) разрѣзывалъ владѣнія Капетинговъ; Гвидонъ Труссель, его владѣтель, потерявъ свои богатства, долженъ былъ выдать свою дочь за сына Филиппа I и Бертрады, Филиппа, а замокъ Монлери былъ уступленъ наслѣднику, Людовику. Филиппъ I такъ хорошо понималъ всю важность такого рода пріобрѣтенія, что, по свидѣтельству Сугерія (Vita Lud. Gr. 16), сказалъ въ восторгѣ, что у него вынули соломенку изъ глаза, и совѣтовалъ сыну беречь особенно эту башню. Еще опаснѣе былъ Гвидонъ Рошфорскій, но возвратившись изъ крестоваго похода, онъ помолвилъ свою дочь за самого наслѣдника, и послѣ былъ два года вѣрнымъ слугою Филиппа I. Прочтя такое описаніе дѣятельности Гугонова внука въ разсужденіи Г. Грановскаго, намъ показалось страннымъ мнѣніе, будто Сугерій первый положилъ основаніе монархіи во Франціи. Отъ чего же благоразумная политика Филиппа I, который, уклонившись отъ крестовыхъ походовъ и даже обративъ ихъ неудачу въ свою пользу, велъ дѣятельную борьбу съ окружающими вассалами,—отъ чего такая политика не можетъ быть принята за первое основаніе монархіи во Франціи? Но, быть можетъ, Сугерій ввелъ какую-нибудь новую систему, слѣдуя которой, Капетинги могли бы прочнѣе основать свою власть? Въ самомъ дѣлѣ, еще въ введеніи (стр. VI) Г. Грановскій обѣщаетъ доказать, что съ Сугерія »явилась новая теорія монархической власти. Государямъ Капетингской династіи была указана новая цѣль, новая дѣятельность.« И такъ положеніе Г. Грановскаго: »Сугерій положилъ *первый* камень зданія Французской монархіи,« вѣроятно должно быть понимаемо не въ отношеніи къ времени, а въ отношеніи къ важности и новизнѣ основаній,

Digitized by Google

отысканныхъ Сугеріемъ. Потому намъ остается слѣдить далѣе за изслѣдованіями Г. Грановскаго.

По мнѣнію автора (стр. 26), во время послѣднихъ двухъ, упомянутыхъ уже нами, событій, т. е. пріобрѣтенія Монлери и помолвки Лудовика VI, Сугерій жилъ уже при Дворѣ. Конечно, это обстоятельство при своей справедливости было бы чрезвычайно важно, давая поводъ думать, что Сугерій могъ участвовать и даже содѣйствовать пріобрѣтенію Монлери и помолвкѣ Лудовика VI. Но мнѣніе Г. Грановскаго основывается на странно понятыхъ словахъ Сугерія: nobis *audientibus*, »изъ которыхъ видно, что онъ »былъ *свидѣтелемъ* описанныхъ имъ въ гл. VIII событій. Обыкновенно называютъ свидѣтелемъ того, кто видитъ, какъ показываетъ то самая этимологія слова; а Сугерій только *слышалъ* (audientibus) о всѣхъ этихъ происшествіяхъ, и слѣдов. тѣмъ самымъ даже показалъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не былъ свидѣтелемъ. И такъ въ 1103 г., когда былъ присоединенъ з. Монлери, Сугерій жилъ по прежнему въ монастырѣ и не являлся ко Двору. Собственно въ первый разъ мы видимъ Сугерія на политическомъ поприщѣ въ 1106 г., на соборѣ въ Пуатье, для обсужденія мѣръ къ поддержанію новаго королевства Іерусалимскаго (стр. 26 и слѣд.). Въ слѣдующемъ году прибылъ самъ Папа, Пасхалій II, въ то время, когда Парижскій Архіепископъ, Галонъ, оспаривалъ права у монастыря Св. Діонисія. Монастырь поручилъ свое защищеніе Сугерію, и канонической приговоръ состоялся въ пользу молодаго инока. Изъ этого обстоятельства, по нашему мнѣнію, можно заключить, что въ молодости, при началѣ своей политической дѣятельности, Сугерій былъ на сторонѣ феодализма. Прибытіе Пасхалія II во Францію замѣчательно также и въ томъ отношеніи, что Папа на соборѣ въ Труа объявилъ недѣйствительнымъ брачное обѣщаніе, данное Филиппомъ I владѣтелю Роншфора. Это обстоятельство было причиною войны, во время которой скончался Филиппъ I, и Лудовикъ вступилъ на престолъ подъ именемъ »Шестаго.« Партія мачихи его, Бертрады (стр. 29), желавшей возвести на престолъ своего сына, Филиппа, возстала пор-

Digitized by Google

тивъ молодаго Короля. Опасность была велика: вступленіемъ на престолъ Филиппа могла бы уничтожиться преемственность и вмѣстѣ съ нею прочность монархіи. Но то и другое было спасено (стр. 30) совѣтомъ Ивона Шартрскаго поспѣшить коронованіемъ. Такимъ образомъ мы опять не видимъ Сугерія основателемъ монархической власти; даже, какъ прибавляетъ Г. Грановскій (стр. 33), »Сугерій рѣдко бывалъ при Дворѣ въ первые годы правленія Лудовика.« Во все это время онъ занималъ должность превота въ вассальныхъ владѣніяхъ монастыря, въ Нормандіи и Тури. Споры съ сосѣдями заставляли Сугерія не рѣдко вести съ ними войну, изъ которыхъ былъ особенно замѣчателенъ Гугонъ Красивый, владѣлецъ замка Пюизе въ Тури. Сугерій склонилъ на свою сторону гр. Шартрскаго, и это убѣдило наконецъ Лудовика VI на Мелюнскомъ собраніи усмирить Пюизе. Г. Грановскій полагаетъ (стр. 38), что современники смотрѣли на такое вмѣшательство со стороны Короля, какъ на *первобытное* право; на словѣ »первобытное« сдѣлано особое удареніе, ибо авторъ вѣроятно въ этомъ полагалъ, что уже современники видѣли въ стремленіи Капетинговъ желаніе возобновить власть Карла В.; но въ подлинникѣ сказано: officii jure *votivo*. Но слово »votivus« не имѣетъ въ себѣ никакого значенія первобытности. Осада Пюизе происходила въ 1111 г.; до этого времени Сугерій не представляется намъ вовсе основателемъ монархической власти въ Франціи, хотя авторъ и оканчиваетъ описаніе осады Пюизе словами (стр. 39): »мы видѣли, что »Сугерій участвовалъ въ послѣднемъ событіи не однимъ »совѣтомъ.« Но должно сознаться, что мы до сихъ поръ не видѣли и одного случая, гдѣ бы Сугерій участвовалъ по крайней мѣрѣ хоть совѣтомъ.

Въ 1112 г. (стр. 39) Сугерій былъ въ Римѣ, на томъ соборѣ, который произнесъ проклятіе надъ Генрихомъ V. По опредѣленію и по совѣту Лудовика (Ludovici suffragiis et consilio. V. Lud. Gr. 22), но опять не Сугерія, Франція признала это проклятіе.

Въ 1118 г. (стр. 43) Геласій II, изгнанный изъ Рима императорскою партіею, явился во Францію, и Сугерій былъ

Digitized by Google

высланъ къ нему на встрѣчу. Но Папа скончался на пути, и во Франціи избрали новаго, Каликста II, который въ угожденіе Лудовику VI собралъ соборъ въ Реймсѣ, какъ для рѣшенія собственнаго спора съ Императоромъ, такъ и для рѣшенія спора Лудовика VI съ Генрихомъ I, Королемъ Англійскимъ. По этому случаю, авторъ оставляетъ надолго свой главный предметъ, такъ что слѣдующія 12 страницъ (44—56) представляютъ намъ объясненіе извѣстныхъ изъ каждаго историческаго руководства причинъ вражды Лудовика VI съ Генрихомъ I, и которыя потому не помѣщаются обыкновенно въ спеціяльныхъ сочиненіяхъ. Для нашей цѣли достаточно теперь упомянуть, что въ сраженіи при Бренмюлѣ Генрихъ I разбилъ Короля Французскаго. Это сраженіе считалось важнѣйшимъ въ XII ст., хотя въ немъ побѣдители взяли 140 рыцарей въ плѣнъ, и убитыхъ съ обѣихъ сторонъ было трое! Замѣчательно, что, долгое время, какъ войны феодальныя на западѣ, такъ и наши удѣльныя, всегда представлялись историками, какъ ужасныя кровопролитія. Чибраріо, въ своей политической экономіи среднихъ вѣковъ, первый показалъ, какъ неосновательно было такое мнѣніе; и въ битвѣ Бренмюльской мы видимъ тоже. Не далѣе, какъ въ Февралѣ нынѣшняго года Г. Погодинъ (Ж. М. Н. П., Февр. 1850) сдѣлалъ подобное же изслѣдованіе о битвахъ удѣльныхъ, и также замѣтилъ, что по большей части убитыхъ бывало немного, иногда не болѣе, какъ двое, трое, четверо; иногда сраженіе оканчивалось однѣми ранами. Причиною такого обстоятельства, какъ это объяснилъ Г. Погодинъ, было то, что и у насъ, какъ и на западѣ, война, составляя исключительное право господствующаго племени, вовсе не касалась многочисленнаго сословія подчиненныхъ. Тоже самое мы видимъ въ исторіи Греціи и Рима, гдѣ войска были такъ ничтожны и битвы мало кровопролитны вовсе не по малочисленности населенія древнихъ государствъ, но по ихъ устройству, ибо право вступать въ военную службу у нихъ составляло преимущество высшаго сословія, образовавшагося изъ племени побѣдителей. Но обратимся къ Бренмюльскому сраженію. Оно имѣло огромное вліяніе

Digitized by Google

на дѣло Лудовика VI: большая часть его вассаловъ была въ плѣну, другіе перешли на сторону побѣдителя. Лудовикъ VI долженъ былъ оставить Нормандію и бѣжать въ Парижъ. Въ эту рѣшительную минуту, когда Капетинги могли потерять и самое государство, Лудовика VI спасъ Амалрихъ Монфоръ своимъ геніяльнымъ совѣтомъ, который, по выраженію Г. Грановскаго (стр. 54), »не уступалъ »по своему историческому значенію битвамъ, выигранным ъ »его потомками. У васъ мало рыцарей, сказалъ онъ, обра»титесь къ простому народу. Пусть священники ведутъ на »помощь вамъ противъ общаго врага прихожанъ своихъ.« »Можно смѣло сказать, прибавляетъ Г. Грановскій (стр. »54), что въ этихъ немногихъ словахъ Ордерика Виталія »разсказано *главное* событіе Лудовикова царствованія.« И такъ мы опять не видимъ Сугерія первымъ основателемъ, и главнымъ, Французской монархіи. Совѣтъ, спасшій Капетинговъ, а вмѣстѣ съ ними и монархію, составляетъ, и по мнѣнію самого Г. Грановскаго, главное основаніе, на которое теперь оперлась монархическая власть, а между тѣмъ этотъ совѣтъ не принадлежитъ также Сугерію, а Амалриху Монфору.

Эти-то споры Лудовика VI съ Генрихомъ I и были разсматриваемы на соборѣ въ Реймсѣ. Каликстъ II имѣлъ свиданіе съ Генрихомъ I въ Жизорѣ, и въ 1120 г. Лудовикъ VI примирился съ Англіею.

Въ 1121 г. (стр. 58) Сугерій былъ отправленъ Лудовикомъ VI къ Папѣ съ неизвѣстнымъ порученіемъ. Каликстъ II принялъ пословъ съ почестями, и, какъ объясняетъ Г. Грановскій слова источника, »выразилъ желаніе »*удержать при себѣ* Сугерія.« Но въ подлинникѣ сказано (V. Lud. Gr. 47): et diutius retinere vellet, что значитъ: »и Папа »хотѣлъ было долѣе задержать Сугерія, а вовсе не то, чтобы онъ хотѣлъ удержать при себѣ Сугерія. Во время этого послѣдняго посольства скончался аббатъ Св. Діонисія, и монахи вмѣстѣ съ ленниками монастыря избрали ему въ преемники Сугерія. Но Лудовикъ посадилъ ихъ въ Орлеанскій замокъ; причину такого страннаго поступка Короля Г. Грановскій объясняетъ тѣмъ, что Лудовикъ былъ

Digitized by Google

оскорбленъ »не лицемъ избраннаго, а формою избранія« (стр. 59). Но мы видѣли, что монахи просили Короля объ утвержденіи, и потому, кажется, была соблюдена и форма. Этотъ фактъ заслуживаетъ особеннаго вниманія изслѣдователя, и оттого при разборѣ его не должно бы было ограничиваться собственными предположеніями. Впрочемъ, Лудовикъ VI въ послѣдствіи перемѣнилъ свое мнѣніе и утвердилъ Сугерія аббатомъ Св. Діонисія.

Въ 1123 г. (стр. 59) Сугерій еще разъ ѣздилъ въ Римъ, и, проживъ тамъ полгода, участвовалъ на Латеранскомъ соборѣ, подтвердившемъ Вормсскій Конкордатъ. Генрихъ V, Германскій Императоръ, примирившись такимъ образомъ съ Папою, могъ теперь отмстить Лудовику за его привязанность къ Риму, и въ самомъ дѣлѣ, соединившись съ своимъ тестемъ, Генрихомъ I, Англійскимъ, напалъ съ двухъ сторонъ на Францію. Совѣтъ Амальриха Монфорскаго пригодился теперь Лудовику VI, какъ нельзя лучше. Вся Франція возстала теперь въ первый разъ за своего Короля, и устрашенный Императоръ безъ всякаго успѣха удалился въ отечество. Лудовикъ VI наградилъ монастырь Св. Діонисія, изъ чего можно заключить, что аб. Сугерій много содѣйствовалъ Королю въ этой войнѣ, какъ войскомъ, такъ и деньгами. Послѣ окончанія войны Лудовика съ Императоромъ, Сугерій снова отправился въ Римъ, гдѣ его, вѣроятно, ожидало кардинальство (стр. 63). Но въ Луккѣ еще узнавъ о смерти Папы, Сугерій воротился чрезъ Майнцъ, гдѣ подписалъ вмѣстѣ съ другими избраніе Лотаря Саксонскаго въ Императоры. Прибывъ во Францію, Сугерій имѣлъ еще разъ случай оказать услугу Лудовику въ войнѣ его съ Вильгельмомъ Овернскимъ, который поссорился съ Клермонскимъ епископомъ. Эта война имѣла результатомъ подчиненіе южной Франціи вліянію Капетинговъ. Въ послѣднихъ двухъ событіяхъ, въ войнѣ Лудовика VI съ Императоромъ и въ вмѣшательствѣ его въ дѣла Франціи за Луарою, мы видимъ участіе Сугерія. Конечно, это показываетъ, что аббатъ содѣйствовалъ Королю въ приведеніи къ исполненію его плановъ; но можно ли за одно только это содѣйствіе, которое Сугерій, конечно, раздѣлялъ

Digitized by Google

вмѣстѣ съ другими королевскими вассалами, защищавшими дѣло Лудовика, назвать исключительно Сугерія первымъ основателемъ монархической власти во Франціи, какъ это принимаетъ на себя доказать Г. Грановскій въ самомъ началѣ своего разсужденія?

Но Г. Грановскій не только не оправдываетъ своего положенія относительно вліянія Сугерія на утвержденіе монархіи, но даже отнимаетъ у него и то, что до сихъ поръ другими приписывалось Сугерію и могло бы, по справедливости, оправдать его титулъ основателя монархической власти. Большая часть новѣйшихъ ученыхъ, какъ Мишле, справедливо полагали основаніе общинъ главною опорою монархій. Король, освобождая города отъ вассаловъ, находилъ въ первыхъ союзниковъ противъ послѣднихъ. Съ этимъ положеніемъ новѣйшихъ ученыхъ совершенно соглашается и Г. Грановскій (стр, 68). До сихъ поръ полагали, что Сугерій былъ именно тѣмъ государственнымъ мужемъ, который всѣми мѣрами поддерживалъ общины противъ вассаловъ, и побуждалъ къ этому самого Короля. Г. Грановскій отнимаетъ честь этого геніяльнаго плана у Сугерія, и говоритъ (стр. 76): »изъ жизни Лудовика Тол»стаго видно, что авторъ (Сугерій) *не любитъ* общинъ и какъ »бы не считаетъ нужнымъ говорить о нихъ.« Къ сожалѣнію, Г. Грановскій не цитуетъ ни одного мѣста изъ словъ Сугерія, которое бы прямо подтверждало вышесказанное мнѣніе. Спрашивается: почему Сугерій не любилъ общинъ? »Понятно, отвѣчаетъ Г. Грановскій (стр. 77), аббатъ Св. »Діонисія не благоволилъ къ общинѣ: онъ былъ по преи»муществу мужъ порядка, строгій блюститель государствен»наго единства.« Въ этомъ произвольномъ объясненіи причинъ ненависти Сугерія къ общинамъ нашъ авторъ противорѣчитъ даже самому себѣ: принимая теперь общины, какъ за нѣчто враждебное единству государства, а слѣд. и монархіи, выше (стр. 69), онъ признаетъ справедливость Мишле и его мнѣнія, что во Франціи общины основали монархію. Если Г. Грановскій послѣднее принимаетъ за истину, то какъ, не противорѣча себѣ, онъ можетъ думать, что общины вредили монархіи? Или, быть можетъ, Су-

Digitized by Google

герій не понималъ значенія общинъ? Въ такомъ случаѣ, напрасно утверждаетъ Г. Грановскій (стр. 139), что, »особенность Сугеріева ума и характера заключалась въ необычайной простотѣ и *ясности*. Онъ принадлежалъ къ »числу рѣдкихъ людей, которые *знаютъ хорошо, чего хотятъ*, которые отдали себѣ полный отчетъ въ своихъ »цѣляхъ и намѣреніяхъ. Благо тому, кто соединилъ въ себѣ »такую ясность пониманья съ высокимъ нравственнымъ »убѣжденьемъ, безъ котораго нѣтъ прочной исторической »заслуги.« Но, быть можетъ, Сугерій хорошо понималъ значеніе общинъ, какъ опору монархіи, но только не хотѣлъ содѣйствовать послѣдней? Этимъ не можетъ никакъ защищаться тотъ, кто принялъ за точку исхода, что Сугерій былъ истиннымъ основателемъ монархической власти во Франціи. Впрочемъ Г. Грановскій, повидимому, самъ не вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что Сугерій не поддерживалъ общинъ, и мы на стр. 78 читаемъ: »изъ этого (нелюбви городовъ) не слѣдуетъ, что Сугерій былъ врагъ городовъ »вообще.« Конечно, тотъ, кто надѣется въ разсужденіи Г. Грановскаго найти рѣшеніе вопроса объ отношеніяхъ Сугерія къ общинамъ, придетъ въ большое затрудненіе, прочтя два мнѣнія одного и того же автора, но совершенно различныя: »Сугерій не любилъ общинъ«, и »Сугерій не былъ »врагомъ ихъ вообще.« Между тѣмъ Г. Грановскій въ этомъ же разсужденіи, только ниже (стр. 123), самъ приводитъ доказательства противъ себя, и убѣждаетъ насъ въ томъ, что Сугерій не хуже Лудовика VI понималъ значеніе общинъ и содѣйствовалъ имъ. Во время отсутствія Лудовика VII въ крестовомъ походѣ управленіе государствомъ было поручено Сугерію; по свидѣтельству Вильгельма (Wilh. V. Sug. 108 и 109), »жители отдаленныхъ областей »королевства: Лимузина, Берри, Пуату и Гасконіи въ нуж»дахъ своихъ прибѣгали къ Сугерію за пособіемъ. *Онъ по»могалъ имъ иногда дѣломъ, иногда совѣтомъ, не менѣе са»мого Короля.*« Изъ предъидущихъ словъ Вильгельма видно, что эти »нужды« происходили отъ притѣсненія городовъ сильными вассалами. Такъ какъ Г. Грановскій не рѣшаетъ вопроса объ отношеніи Сугерія къ общинамъ, то мы

Digitized by Google

и позволяемъ себѣ остаться при старомъ мнѣніи, что Сугерій имъ всегда покровительствовалъ, и что въ этомъ состоитъ главная его услуга монархіи.

Слѣдующія 16 страницъ (78 94) представляютъ намъ большой эпизодъ царствованія Лудовика VI, гдѣ описывается его дѣло во Фландріи, по поводу умерщвленія Фландрскаго Графа, Карла Добраго. Лудовикъ VI хотѣлъ теперь возвести на престолъ Вильгельма Клинтона, племянника и соперника Генриха I, Англійскаго. Хотя Вильгельмъ и получилъ графство, но война Лудовика съ Генрихомъ, который понималъ политику Французскаго Короля, дала возможность Фландріи возстать, и Вильгельмъ бѣжалъ къ Лудовику. Въ новой войнѣ Вильгельмъ былъ убитъ, и Генрихъ I овладѣлъ Фландріею. Впрочемъ это Фландрское дѣло такъ общеизвѣстно изъ историческихъ руководствъ, что повторять его съ подробностями на 16 страницахъ, въ сочиненіи спеціяльномъ, можетъ многимъ показаться совершенно излишнимъ.

Если мы до сихъ поръ нигдѣ не видѣли Сугерія главнымъ дѣйствующимъ лицемъ, даже рѣдко и второстепеннымъ, на поприщѣ утвержденія монархической власти во Франціи, какъ это обѣщался намъ доказать Г. Грановскій въ своемъ введеніи, то послѣдующія обстоятельства, изложенныя въ разсужденіи, даже покажутъ намъ, что Сугерій вмѣсто того, чтобы понять всю важность своего значенія, по званію аббата знаменитѣйшаго изъ монастырей, предался роскоши и разсѣянной жизни. »Аббатъ, говоритъ »Г. Грановскій (стр. 94), любилъ великолѣпіе, держалъ »княжескую свиту и не чуждался мірскихъ забавъ. Въ со»провожденіи Амальриха Монфорскаго и другихъ знатныхъ »сосѣдей, онъ проводилъ цѣлыя недѣли на охотѣ, которой »добыча дѣлилась между больными братьями, бѣдными и »ленниками монастырскими. Озирая съ вершины своего мо»гущества путь, пройденный имъ со дня, когда отецъ его, »Гелинандъ, принесъ его бѣднаго и хилаго ребенка въ даръ »Св. Діонисію, Сугерій вѣроятно не разъ увлекся естествен»нымъ чувствомъ гордости и заслужилъ не одинъ спра»ведливый упрекъ.« Въ это время является новое дѣйству-

Digitized by Google

ющее лице, которое заняло первое мѣсто не только въ дѣлахъ Франціи, но и на всемъ западѣ Европы. Это былъ Св. Бернардъ Клервальскій. »Онъ не занималъ высокихъ »должностей, говоритъ Г. Грановскій, не хотѣлъ быть ни »епископомъ, ни кардиналомъ, но никто не имѣлъ такого »вліянія на дѣла западной Церкви и не говорилъ такимъ »языкомъ съ Папами и Государями« (стр. 99). Различіе между Бернардомъ и Сугеріемъ доходило до противоположности: они расходились, какъ по образу жизни, такъ и по политикѣ. Св. Бернардъ съ строгою и суровою жизнью соединялъ привязанность къ феодализму. Въ слѣдствіе такой противоположности, »аббатъ Клервальскій, по слова»мъ Г. Грановскаго (стр. 100), не могъ высоко цѣнить »политическую дѣятельность Сугерія, хотя питалъ къ не»му личное уваженіе и пріязнь.« Не показано, откуда авторъ заключаетъ въ особенности о послѣднемъ. Повидимому, Бернардъ всего менѣе могъ имѣть личнаго уваженія къ Сугерію, различаясь съ нимъ образомъ жизни; въ самомъ дѣлѣ, въ письмѣ Бернарда къ Сугерію, которое приводится Г. Грановскимъ, ясно показано все неуваженіе Бернарда къ лицу Сугерія: »хотя я желалъ отъ тебя объ »этомъ услышать (о перемѣнѣ жизни), но, сознаюсь, *не на»дѣялся* (non tamen sperabam). Ep. 78.

Въ 1129 г. (стр. 105) Лудовикъ VI, по обычаю предшественниковъ, вѣнчалъ на царство своего сына Филиппа, но этотъ умеръ отъ ушиба по паденіи съ лошади. »Сугерій »(стр. 107) посовѣтовалъ теперь Лудовику почти тоже, что »въ 1108 при сходныхъ обстоятельствахъ совѣтовалъ Ивонъ »Шартрскій.« Лудовикъ VII былъ немедленно коронованъ Иннокентіемъ. Лудовикъ VI думалъ даже постричься въ монастырь, но два весьма важныхъ обстоятельства удержали его отъ такого намѣренія. Въ это время скончался Генрихъ I, постоянный соперникъ Лудовика VI, и два претендента, Стефанъ Блуасскій и Генрихъ Анжуйскій, какъ родственники, объявили свои права на престолъ Англіи. Лудовикъ VI поддерживалъ Стефана. Кромѣ того теперь скончался Вильгельмъ Аквитанскій, и Лудовикъ VI, женивъ своего сына на Элеонорѣ, его дочери, подчинилъ еще боль-

Digitized by Google

шему вліянію Капетинговъ всю южную Францію. Вильгельмъ, умирая, оставилъ завѣщаніе, въ которомъ опредѣлялось, съ согласія бароновъ, выдать замужъ Элеонору за наслѣдника Французскаго престола. Такимъ образомъ и это важное событіе, имѣвшее рѣшительное вліяніе на судьбу всей Франціи, вышло опять не отъ Сугерія. При этомъ случаѣ замѣтимъ странное противорѣчіе, въ которое впадаетъ нашъ авторъ, говоря объ этомъ завѣщаніи. На стр. 108, внизу, мы читаемъ: »не смотря *на свидѣтельство Сугерія и другихъ лѣтописцевъ*, можно усомниться въ подлинности этого духовнаго завѣщанія;« а на слѣдующей страницѣ, въ прим. 188, сказано: »*ни Сугерій, ни другіе лѣтописцы*, говорящіе о бракѣ Лудовика VII, не упоминаютъ о писанномъ завѣщаніи.« Во время заключенія этого брака Лудовикъ VI скончался 1-го Августа 1137 г., и съ его смертію оканчивается и сочиненіе Сугерія, важнѣйшій источникъ для исторіи этого времени.

До сихъ поръ въ разбираемомъ нами разсужденіи мы не видѣли оправданія той мысли автора, что Сугерія должно считать основателемъ, и притомъ первымъ, монархической власти во Франціи. Слѣдя за изложеніемъ всего историческаго изслѣдованія Г. Грановскаго, мы нашли, что въ послѣднее время царствованія Филиппа I, Сугерій вовсе и не былъ при Дворѣ, между тѣмъ Филиппъ I своею недѣятельностью въ отношеніи крестовыхъ походовъ показалъ ясно, что онъ уже до Сугерія ясно понималъ настоящее положеніе своей власти, и предпочиталъ громкимъ крестовымъ походамъ мелкія, повидимому, войны съ непокорными вассалами. Даже мы видѣли и то, какъ онъ удачно воспользовался несчастіями первыхъ крестоносцевъ. Ивонъ Шартрскій первый подалъ мысль о необходимости короновать наслѣдника при жизни отца, слѣдовательно и въ этомъ отношеніи Сугерій не является намъ основателемъ монархической власти во Франціи. Въ первое время правленія Лудовика VI Сугерій по прежнему не являлся ко Двору, и мысль о собраніи національнаго войска изъ простаго народа (т. е. не-феодальнаго), которое спасло монархическую власть, и потому составляетъ и по мнѣнію Г. Грановскаго,

Digitized by Google

какъ мы уже видѣли, важнѣйшее событіе въ исторіи образованія монархической власти во Франціи, — эта мысль также не принадлежала Сугерію: ее подалъ Амальрихъ Монфорскій. Далѣе, учрежденіе общинъ, которое по справедливости считается однимъ изъ прочнѣйшихъ основаній Французской монархіи, по мнѣнію Г. Грановскаго, не нашло себѣ покровителя въ Сугеріѣ. Въ послѣдніе годы царствованія Лудовика VI Сугерій предался жизни роскошной, мало заботясь о важности своего званія, и далеко уступалъ по своему вліянію на политику Бернарду Клервальскому, защитнику феодализма.

Теперь умираетъ Лудовикъ VI, и мы ожидаемъ, что вотъ наконецъ Сугерій займетъ первое мѣсто при своемъ воспитанникѣ, и положитъ то прочное основаніе монархической власти, какъ это было выставлено Г. Грановскимъ въ введеніи. Но вмѣсто всего этого мы читаемъ въ дальнѣйшихъ розысканіяхъ нашего автора совершенно противное: (стр. 111) »ходъ, принятый событіями, (при Лудовикѣ VII) показываетъ, что дѣйствительное вліяніе Сугеріа »на дѣла было далеко не такъ значительно, какъ прежде »(хотя впрочемъ мы должны сознаться, что пока нигдѣ не »видали этого прежняго значенія Сугерія), и обнаруживалось только въ немногихъ случаяхъ.«

Дѣйствительно, все царствованіе Лудовика VII служитъ подтвержденіемъ этихъ словъ. Дѣло съ Иннокентіемъ II (стр. 112), гдѣ Лудовикъ VII одинъ разъ оставался вѣрнымъ политикѣ отца и поддерживалъ права монарха противъ притязаній духовенства, вовсе не происходило отъ Сугерія; самъ Г. Грановскій соглашается (стр. 114), что »изъ »словъ Бернарда можно заключить, что не аббатъ Св. Діонисія пользовался главнымъ вліяніемъ на Короля, и что »правленіе государствомъ перешло въ другія руки.« Далѣе прибавляетъ намъ авторъ: »многочисленные и разнообразные труды, совершенные Сугеріемъ въ первые годы царствованія Лудовика VII, показываютъ въ свою очередь, »что у него (т. е. у Сугерія) было много свободнаго времени, и что государственныя дѣла перестали быть его главною заботою.« Впрочемъ мы опять замѣтимъ, что мы пока

Digitized by Google

не видали, когда государственныя дѣла были главною заботою Сугерія.

Крестовый походъ, предпринятый Лудовикомъ VII, по настоянію Бернарда (стр. 117) и противъ убѣжденія Сугерія (стр. 121), ясно показываетъ всю незначительность вліянія послѣдняго. То обстоятельство, что Бернардъ (стр. 119) указываетъ на Сугерія, какъ на лучшаго намѣстника во время отсутствія Короля, можетъ даже подать поводъ думать, что Бернардъ успѣлъ измѣнить политическія убѣжденія Сугерія, какъ онъ прежде измѣнилъ нравственныя. Въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ своей жизни (стр. 136), Сугерій не только не возставалъ противъ крестовыхъ походовъ, но даже самъ начиналъ ихъ проповѣдывать, и ревность его дошла до того, что онъ имѣлъ даже намѣреніе принять въ немъ личное участіе. Въ дѣлѣ развода Короля съ Элеонорою, мы видимъ опять отсутствіе всякаго вліянія со стороны Сугерія: (стр. 132) »по совѣту Бернарда, аббата Клервальскаго, Король, Лудовикъ, развелся съ супругою своею »Элеонорою,« говоритъ древній памятникъ, приведенный Д. Мартеномъ.

»Съ возвращеніемъ Лудовика VII, по словамъ Г. Грановскаго (стр. 133), оканчивается »собственно политическая »дѣятельность Сугерія.«

Онъ умеръ 13 Января 1152 года.

Послѣ сдѣланнаго нами подробнаго разбора всего разсужденія Г. Грановскаго, мы будемъ въ состояніи указать на истинное его значеніе въ нашей исторической литературѣ, не прибѣгая въ этомъ случаѣ ни къ порицанію, ни къ похвалѣ, какъ это обыкновенно дѣлается. Наше дѣло было разобрать разсужденіе, т. е. отыскать его основную мысль и отдать отчетъ въ томъ, какъ эта основная мысль осуществляется всѣмъ разсужденіемъ автора. Послѣ этого каждый читатель, имѣя свою точку зрѣнія на науку, можетъ легко судить по своему о разобранномъ нами разсужденіи. Что касается до насъ, то мы въ разсужденіи Г. Грановскаго видимъ на примѣрѣ подтвержденіе высказанныхъ уже нами убѣжденій о научныхъ занятіяхъ. Заботясь о томъ, чтобы разсужденіе принесло какъ можно болѣе

Digitized by Google

непосредственной пользы обществу, авторъ справедливо боялся спеціальности, столь необходимой въ ученыхъ изслѣдованіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ; въ разсужденіи Г. Грановскаго спеціально одно только заглавіе; но само разсужденіе представляетъ намъ собою полный и прекрасно изложенный, въ отношеніи литературномъ, отрывокъ изъ исторіи Франціи при первыхъ Капетингахъ. Изъ 140 страницъ всего разсужденія едва ли 40 относятся лично къ Сугерію. Нельзя не предвидѣть, какое должно было выйдти слѣдствіе изъ стремленія автора сохранить вмѣстѣ и характеръ ученаго, и сдѣлать свое разсужденіе общедоступнымъ. Положивъ себѣ цѣлью опредѣлить отношенія Сугерія къ основанію монархической власти во Франціи и показать, что Сугерій былъ первымъ ея основателемъ, авторъ, потерявъ характеръ спеціальности, никакъ не могъ достигнуть своей цѣли, и даже всѣмъ своимъ разсужденіемъ постоянно опровергалъ свои основныя положенія. Такія цѣли могли быть достигнуты въ истинно ученомъ, критическомъ, спеціальномъ сочиненіи. Такимъ образомъ, вотъ краткое заключеніе о разобранномъ нами сочиненіи Г. Грановскаго: если не имѣть въ виду тѣхъ требованій, которыя дѣлаетъ наука на спеціальныя, ученыя сочиненія, и не обращать вниманія на то, что авторъ своимъ разсужденіемъ имѣетъ въ виду доказать, что Сугерій былъ первымъ основателемъ монархіи во Франціи, а на самомъ дѣлѣ этого не доказываетъ, а пишетъ только исторію Франціи при первыхъ Капетингахъ: то, безъ сомнѣнія, разсужденіе Г. Грановскаго займетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ нашей повѣствовательной литературѣ, тѣмъ болѣе, что оно и само имѣло цѣлью (стр. IV) »быть »предложено на судъ Русскихъ читателей,« а не однихъ ученыхъ.

Магистръ всеобщей исторіи

М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

7. О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго, историческое изслѣдованіе Виталія Шульгина. - *Кіевъ. Въ типографіи Вальнера. 1850, въ 8-ку, с. XXVII, и 166 с.*

Прекрасная книга, на которую смѣло обращаемъ вниманіе читателей Москвитянина.

Въ предисловіи, очень умно, складно и красиво написанномъ, авторъ разсуждаетъ о женщинѣ вообще, ея семейномъ и общественномъ значеніи въ жизни человѣческихъ обществъ, обозрѣваетъ кратко исторію съ этой стороны до послѣдняго времени, и наконецъ переходитъ къ женщинѣ Русской. Вопросъ свой опредѣляетъ онъ такъ: прослѣдить подробно во всѣ періоды семейное и общественное положеніе женщины, ея права, обязанности, значеніе въ семействѣ и обществѣ, ея вліяніе на современниковъ. За симъ обозрѣваетъ онъ наши источники, (лѣтописи, записки, пѣсни, сказанія иностранцевъ, памятники законодательства), жалуясь на ихъ скудость.

Эти жалобы стали у насъ уже общими мѣстами, и ихъ пора прекратить. Какъ источники ни скудны, но труду, остроумію, чутью, пріобрѣтенному временемъ, можно получить достаточное понятіе обо всѣхъ вопросахъ историческаго любопытства.

Въ числѣ источниковъ авторъ напрасно обращаетъ мало вниманія на житія: смѣло скажемъ, что это главный источникъ для его предмета, или по крайней мѣрѣ одинъ изъ главныхъ.

Digitized by Google

Предложенное начало своего труда авторъ оканчиваетъ св. Ольгою, и потому мы не станемъ говорить о главныхъ видоизмѣненіяхъ женской судьбы въ продолженіи нашей исторіи, кои представилъ онъ на концѣ предисловія, не станемъ говорить потому, что онъ самъ, войдя въ подробности, можетъ быть измѣнитъ свое мнѣніе, а ограничимся періодомъ того времени, которое онъ изслѣдуетъ подробно.

Прежде нежели приступимъ къ рецензіи, скажемъ нѣсколько словъ вообще объ этомъ періодѣ, о которомъ у большинства все еще не уяснились понятія, хотя и уяснились въ наукѣ.

Въ этомъ періодѣ жило у насъ два племени: туземцы, Славяне, и пришельцы, Норманны или Русь.

Эти племена были совершенно различны по языку, вѣрованіямъ, понятіямъ о правѣ, образу жизни, характеру.

Они дѣйствовали порознь, и сферы дѣйствія были совершенно различныя.

Это Ока и Волга, кои, по соединеніи, текутъ еще долго только рядомъ, не сливая своихъ водъ.

Черезъ много времени два племени, Славяне и Норманны, составили одинъ народъ — лѣтъ черезъ двѣсти и болѣе. Долговременное общеніе, смѣшеніе крови, относительное количество, а всего болѣе Христіанство, принятое обѣими племенами, содѣйствовало происхожденію одного народа изъ двухъ племенъ.

Соединять эти два племени въ первомъ періодѣ, пока это соединеніе не произошло въ природѣ, говорить объ нихъ безъ строгаго различенія — подаетъ поводъ ко многимъ заблужденіямъ, ошибкамъ, недоразумѣніямъ, затрудненіямъ, — а у насъ все таки смѣшиваются они и Миѳологами, и Юристами!

О женщинахъ однѣ свидѣтельства принадлежатъ Славянамъ, другія Руси или Норманнамъ. Несторово свидѣтельство принадлежитъ *Славянскимъ* женщинамъ.

Свидѣтельство Ибн-фоцлана, исторія Ольги, Рогнѣды, Ингигерды, принадлежатъ къ женщинамъ *Русскимъ*, Норманскимъ.

Digitized by Google

Ихъ надо изслѣдовать *совершенно* порознь, а въ чемъ онѣ сходятся, (какъ сходятся у Норманновъ и Славянъ нѣкоторыя понятія о вѣрѣ и правѣ), то надо показать въ дополненіяхъ или заключеніяхъ.

Обращаемся къ почтенному труду Г. Шульгина.

Въ главѣ 1, о состояніи женщинъ въ языческой Руси, авторъ предлагаетъ свидѣтельство Нестора, и сравнивая подробно «не многія слова его съ свидѣтельствами Козьмы о Чехахъ, Бонифація, св. Оттона и Гельмольда о Поморянахъ, Мартина Галла, Дитмара и Адама Бременскаго о Полякахъ, — сравнивая ихъ съ дошедшими до насъ отрывками древнихъ юридическихъ памятниковъ о Болгарахъ и Моравахъ, заключаетъ, «что нельзя не замѣтить обще-Славянскаго типа въ характерѣ всѣхъ этихъ народовъ.» Все это основательно, занимательно, прекрасно.

С. 4. Древнѣйшею формою брачнаго союза, которую смотря съ нашей точки зрѣнія, можно пожалуй назвать отсутствіемъ брака, было общеніе женъ (connubia communia, брака у нихъ не бываше); при которомъ можно было по словамъ пѣсни: «въ чистомъ полѣ женятися, вкругъ ракитова куста вѣнчатися,» и которое соединено было съ религіозными празднествами. Впослѣдствіи, когда именно, опредѣлить нельзя, но вѣроятно не у всѣхъ Славянскихъ колѣнъ и народовъ одновременно, развились двѣ другія формы брака: многоженство и послѣдовательно смѣнявшіяся, временныя супружества; первое было господствующимъ у родовъ владѣтельныхъ, — вторыя въ простомъ народѣ не имѣвшемъ матеріальныхъ средствъ содержать нѣсколько женъ.

Объяснивъ очень хорошо и критически-остроумно отличіе Полянъ, восхваленныхъ Несторомъ, авторъ говоритъ:

Норманскіе володѣтели и ихъ дружинники, многоженцы у себя на родинѣ, удержали туже форму брачнаго союза и при сліяніи съ Славянами въ одинъ народъ Русскій. Кромѣ женъ, которыхъ число было ограничено они содержали наложницъ.

И объясняетъ сказаніе Ибн-Фоцлана, примѣрами Святослава (у автора опечатка: Ярослава) Ярополка и Владимира. Нѣтъ. Норманны *не удержали* обычая Славянскаго, а жили по своему, какъ и Славяне по своему, но сходно.

Разобравъ положительныя свидѣтельства авторъ переходитъ къ обрядамъ, и благоразумно, основательно, говоритъ:

Digitized by Google

С. 9. 1. Мы можемъ пользоваться только обрядами, поясняющими и подтверждающими извѣстія древнихъ памятниковъ, историческая подлинность которыхъ болѣе или менѣе доказана. 2. Изъ этихъ обрядовъ и пѣсень мы можемъ объяснить духъ, характеръ древней народной жизни, но брать изъ нихъ обычаи, какъ положительные факты и данныя, безусловнаго права не имѣемъ; наконецъ 3. мы согласны тѣ современные обычаи признать за стародавніе, которымъ по крайней мѣрѣ, не противорѣчатъ памятники положительно древніе, хотя объ нихъ и не упоминаютъ.

Вотъ изслѣдователь умный, осторожный! Ясно, что дѣло свое обдумывалъ, а не передаетъ первое впечатлѣніе, первое понятіе.

На этомъ основаніи онъ представляетъ комментарій къ Несторову вышепредложенному свидѣтельству изъ обрядовъ, который мы выпишемъ, чтобъ познакомить кстати и съ образомъ изложенія Г. Шульгина:

Несторъ въ своемъ сказаніи о брачныхъ обычаяхъ различаетъ два образа заключенія браковъ: образъ веденія женъ, или привода невѣсты къ жениху у Полянъ, и умычку женъ на бѣсовскихъ игрищахъ, или похищеніе дѣвушекъ, происходившее во время какихъ-то языческихъ празднествъ у прочихъ колѣнъ Славянскихъ Уже одно относительное несовершенство этихъ способовъ заключенія брачнаго союза можетъ a priori убѣдить насъ въ томъ, что умычка гораздо древнѣе веденія женъ. Самъ Несторъ, называя веденіе женъ бракомъ, а умычку отсутствіемъ брачныхъ обычаевъ и не упоминая объ умычкѣ въ дальнѣйшихъ разсказахъ, а вездѣ, при заключеніи браковъ, употребляя терминъ *вести жену*, тѣмъ самимъ указываетъ на относительную древность этихъ фактовъ. Независимо отъ этаго разсмотрите всѣ древнѣйшіе памятники суда церковнаго, и увидите въ нихъ умычку въ числѣ главнѣйшихъ языческихъ обычаевъ, которые старалась искоренить Христіанская церковь; прочитайте дошедшія до насъ посланія митрополитовъ Іоанна, Фотія, Симона, Макарія и игумена Елеазарова монастыря противъ остатковъ поганства въ народѣ, и вы убѣдитесь, какъ трудно было духовенству, даже въ XVI вѣкѣ, истребить этотъ укорененный вѣками общенародный обычай дѣвохищенія, который всегда является въ соединеніи съ остатками языческихъ празднествъ и которымъ Снегиревъ объясняетъ донынѣ сохранившееся выраженіе *играть свадьбу*. Его мы встрѣчаемъ и въ XVII вѣкѣ: Боплянъ описываетъ похищеніе дѣвушекъ, какъ одинъ изъ брачныхъ обычаевъ, господствовавшихъ на Украйнѣ еще въ его время. Наконецъ еще недавно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Витебской губерніи (земли древнихъ Кривичей) а именно въ Люцинскомъ, Динабургскомъ и Рѣжицкомъ, такое похищеніе было въ употребленіи между

Digitized by Google

раскольниками. Здѣсь молодой парень во время масляницы, условившись съ дѣвушкою (съ ней же кто свѣщается), уходилъ съ нею съ кирмаша, сажалъ ее на сани и отправлялся въ лѣсъ, объѣзжалъ тамъ три раза около завѣтнаго дуба, или священнаго озера (въ Люцинскомъ уѣздѣ), и тѣмъ оканчивалось совершеніе брака. Мужъ жилъ съ похищенною неопредѣленое время и могъ въ одинъ годъ жениться нѣсколько разъ. Живые отголоски похищенія невѣстъ сохранились въ нашихъ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ: они подтверждаютъ и объясняютъ слова лѣтописца. Вотъ напримѣръ хороводная пѣсня, которая поется въ Семикъ, и въ которой нельзя не замѣтить слѣдовъ Несторовой умычки и съвѣщанія:

Стояло тутъ косово дерево,
Лели, лели, лели!
Въ томъ деревцѣ тыночикъ стоитъ,
Лели, лели, лели!
Въ томъ тыночкѣ бесѣда сидитъ,
Лели, лели, лели!
Въ той бесѣдѣ пляшутъ дѣвицы,
Лели, лели, лели!
Мимо тутъ ѣхалъ удалъ молодецъ;
Лели, лели, лели!
Снявши шапочку, онъ дѣвкѣ челомъ;
Лели, лели, лели!
Слезши съ коня, онъ руку подаетъ.
Лели, лели, лели!
Дѣвка ему поклонилась,
Лели, лели, лели!
Красна ему руку подала.
Лели, лели, лели!
Взявши съ тыночка, за руку повелъ,
Лели, лели, лели!
За руку повелъ подъ златъ вѣнецъ
Лели, лели, лели!

Совершенно въ томъ же духѣ разсказываетъ былина о бракѣ Добрыни съ Маринною:

Они въ чистомъ полѣ женилися,
Вкругъ ракитова куста вѣнчалися.

Въ Олонецкой губерніи, по совершеніи вѣнчанія, провождаютъ новобрачную къ жениху. Невѣсту моютъ, иногда бѣлятъ и румянятъ, за тѣмъ передѣваютъ ее въ платье молодицы и выводятъ съ покрытою фатою. Сватъ, ударивъ три раза накрестъ по столу новой плетью, чтобы отогнать великія чары, говоритъ: какова-то наша добыча? и концемъ кнутовища сбрасываетъ съ невѣсты фату. Всѣ кричатъ; молода и хороша! Не упоминая о множествѣ другихъ пѣсень и обрядовъ, въ которыхъ чуется тотъ же отголосокъ Несторовыхъ словъ объ умычкѣ, мы можемъ видѣть слѣды ея въ тѣхъ симво-

Digitized by Google

личеcкихъ обрядахъ, въ которыхъ родные невѣсты словно защищаютъ свой домъ отъ вторженіе родныхъ., сватовъ и поѣзжанъ жениха. Обряды эти употребляются или предъ поѣздомъ въ церковь, или предъ веденіемъ молодыхъ въ опочивальню.»

За симъ авторъ обозрѣваетъ прочія Славянскія племена, и приводитъ отъ нихъ примѣры похищенія невѣстъ, и заключаетъ (с. 15):

«Все это убѣждаетъ насъ, что умычка была первымъ общеславянскимъ способомъ заключенія браковъ. Самъ по себѣ въ высшей степени грубый и несовершенный бракъ посредствомъ умычки былъ, быть можетъ, естественнымъ переходнымъ шагомъ отъ общенія женъ, совершавшагося въ видѣ вакханалій на религіозныхъ языческихъ празднествахъ, къ нѣсколько опредѣленному браку.

«Болѣе совершенный обычай веденія женъ мы встрѣчаемъ только у Полянъ, колѣна особенно любимаго Несторомъ, который и на прошлую жизнь его смотритъ глазами своего времени и потому въ глубокой древности видимъ у него образъ бракосочетанія, который могъ перейти изъ Греціи вмѣстѣ съ водвореніемъ Христіанства. Но это веденіе женъ, перейдя, въ слѣдствіе особенныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, къ Полянамъ раньше, чѣмъ къ прочимъ Славянскимъ колѣнамъ, сначала было образомъ совершенія браковъ у Князей, бояръ и дружинниковъ, а потомъ сдѣлалось господствующимъ вездѣ и вытѣснило древнѣйшій бракъ посредствомъ похищенія. Впрочемъ умычка, какъ коренной общеславянскій обычай, долго еще хранилась въ нравахъ народа, сначала какъ дѣйствительность, какъ фактъ, а потомъ какъ обрядъ, форма безъ дѣйствительнаго содержанія. Въ такомъ видѣ онъ сохранился и до нынѣ. Замѣчательно, что, хотя въ основаніи нашихъ теперешнихъ свадебныхъ обрядовъ преобладаетъ обычай веденія женъ; но обстановки свадебныхъ поѣздовъ все еще напоминаютъ умычку.

«Въ изслѣдованіи о значеніи женщины безусловно важенъ вопросъ о томъ, заключается ли брачный союзъ посредствомъ торга, т. е. продажи невѣсты отцемъ и покупки ея женихомъ, или же напротивъ посредствомъ приданнаго, даваемаго отцемъ за дочерью, при переходѣ ея въ семейство мужа? Продажа и покупка жены уничтожаетъ личность женщины, обращая ее въ предметъ торга, въ простую вещь; приданное напротивъ возвышаетъ женщину: оно даетъ ей, какъ лицу, право владѣть вещью, становится личностію женщины, выраженною во внѣшнемъ мірѣ.

«Могла ли существовать покупка и приданное при похищеніи женщинъ? Отвѣтъ на это очевиденъ: и покупка и приданное предполагаютъ во всякомъ случаѣ договоръ жениха съ родителями и родственниками невѣсты; а похищеніе, какъ дѣйствіе насилія, пока оно было не простымъ обрядомъ, а дѣйствительностію, обычаемъ, исключаетъ всякій договоръ съ тѣми, подъ надзоромъ, или подъ властію которыхъ была дѣвушка. Но съ другой сторо-

Digitized by Google

ны, если при обычаѣ умычки, родители были лицами пассивными, то имѣло ли похищеніе характеръ насилія, наносимаго отъ похитителя похищаемой, или происходило добровольно съ ея согласія? — На этотъ вопросъ даетъ намъ лѣтописецъ ясный отвѣтъ: умыкаху жены себѣ *съ нею же кто свѣщашеся*. Въ этихъ словахъ Нестора довольно положительно высказывается взаимное соглашеніе умыкателя съ умыкаемою. Карамзинъ очень вѣрно объясняетъ изъ нихъ слово: свадьба (совѣщаніе).»

Потомъ авторъ приступаетъ къ рѣшенію вопроса: Существовала *ли* на Руси покупка невѣстъ, когда бракъ совершался въ формѣ веденія женъ, или это веденіе сопровождалось приданымъ?

Здѣсь онъ смѣшиваетъ свидѣтельство Нестора о Славянахъ и Руси.

Нехожаше женихъ по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завтра приношаху, что поней вдадуче, — т. е. приданое по его мнѣнію, — это было *у Славянъ*.

А Владимиръ (женясь на Аннѣ) вдасть за вѣно Грекомъ Корсунь царицы дѣля, а Казимиръ, женясь на сестрѣ Ярославовой, вдасть за вѣно людіе 800 — это по моему *Норманскій* обычай, (и объ нихъ *только* и было *говорено* въ моихъ Изслѣдованіяхъ, а потому напрасно авторъ причисляетъ меня къ тѣмъ, которые сличали, *объясняли* эти обычаи (Славянскій) одинъ другимъ (Норманскимъ).

Совершенно согласно съ моимъ мнѣніемъ самъ авторъ говоритъ:

С 19. Приданое и вѣно отличаютъ бракъ Славянскій отъ брака по праву Скандинавскому, въ которомъ mundr, или плата за жену была необходима для дѣйствительности брака, и въ которомъ съ мелочною подробностію опредѣлена даже цѣна женщины: самая низшая въ одну марку; дѣти, родившіеся отъ матери, за которую заплачено менѣе одной марки, не имѣли права наслѣдства. Такія понятія о бракѣ могли перейти отчасти и къ намъ съ Норманами; имя можно объяснить и вѣно, заплаченное Владиміромъ, и вѣно, принятое Ярославомъ.

Эти обычаи не перешли къ намъ, а исполнялись у насъ самими пришедшими Норманнами.

«Но, съ другой стороны, продолжаетъ авторъ, слишкомъ ясные слѣды покупки видны въ свадебныхъ обрядахъ и вѣсяхъ простонародья: мы видимъ въ нихъ, что браки совершаются *со* всѣми формальностями купли и

Digitized by Google

продажи; покупщиками являются родственники жениха, или онъ самъ, продавцами невѣсты ея родители или родственники; видимъ, что невѣста постоянно называется товаромъ, женихъ—купцемъ; невѣсты прежде заключенія брачнаго договора подвергаются смотринамъ, а женихи глядинамъ, при чемъ родители или сваты играютъ роль настоящихъ оцѣнщиковъ; далѣе видимъ рукобитье, обрученье, при чемъ отецъ обвертываетъ свою руку бѣлою ширинкою, беретъ за руку дочь и передаетъ ее жениху, который также принимаетъ ее рукою, обвернутою въ ширинку; наконецъ еще ясные слѣды покупки открываемъ въ обрядахъ выкупа невѣстиной постели, выкупа мѣста подлѣ невѣсты у ея брата или родственника, выкупа и продаванья дѣвичьей косы.»

О обрядахъ авторъ разсуждаетъ вотъ какъ, согласно съ Г. Кавелинымъ: «Они представляютъ такой аггрегатъ самыхъ разнородныхъ, разномѣстныхъ и разновременныхъ обычаевъ, что не только покупку невѣстъ, но и какой угодно обычай можемъ мы подтвердить ими, если только забудемъ, что эти обычаи и обряды (современнаго простонародья) нужносперва разобрать на группы и потомъ уже пользоваться ими для историческихъ изслѣдованій.»

И мы совершенно согласны съ нимъ, что должно съ большой осторожностію употреблять въ историческое дѣло эти источники.

Сообразя все, авторъ заключаетъ:

«Приданое является необходимою принадлежностію древне-Славянскихъ браковъ. Исконнымъ закономъ, обычаемъ, преданіемъ отцовскимъ поставлялось въ необходимую обязанность рода и семьи снабжать дѣвушку приданымъ, при выдачѣ ея въ чужую семью: оно было знакомъ, связывающимъ ее съ роднымъ домомъ. Но 2, приданое отнюдь не исключаетъ ни вознагражденія, даваемаго женихомъ родственникамъ невѣсты, ни вѣна. Смотря на жену почти какъ на работницу, мужъ, особенно въ то время, время неразвившейся гражданственности, не увольнялся отъ обязанности вознаградить за пріобрѣтеніе работницы тому дому, который, съ выходомъ дѣвушки замужъ, терялъ въ ней также одного изъ домочадцевъ, раздѣлявшихъ трудъ семейный.»

Кончивъ изслѣдованіе, авторъ развертываетъ картину древняго Славянскаго быта, и для сравненія предлагаетъ выписку изъ новаго путешественника Мармье, который представилъ изображеніе нынѣшней Сербской жизни. Здѣсь мимоходимъ произноситъ онъ сужденіе, очень замѣчательное, которое мы и выпишемъ:

С. 36 Ошибаются тѣ изслѣдователи, которые, опираясь на родовомъ устройствѣ древнеславянскихъ колѣнъ, заключаютъ отсюда о какой-то маг-

Digitized by Google

ности, гуманности ихъ семейныхъ отношеній и представляютъ бытъ древнихъ Славянъ какимъ-то идеаломъ мирной, патріархальной жизни, проникнутымъ насквозь пасторальными добродѣтелями и чувствами семейной любви и уваженія.»

Это справедливо и нѣтъ: характеръ Славянскій, даже теперь, очевидно тихій и смирный, даетъ намъ право заключать и о древности, что касается до главныхъ чертъ, а противорѣчащая жизнь нѣкоторыхъ племенъ на югѣ и западѣ достаточно объясняется ихъ мѣстными обстоятельствами, необходимостію безпрестанно защищаться или нападать. Не надо забывать, что нашъ обитатель равнины и Черногорецъ естественно должны отличаться между собой.

«Опредѣливъ характеръ брака въ языческой Руси, продолжаетъ авторъ, опредѣливъ характеръ того общества, въ которомъ поставлена была женщина, мы постараемся изобразить значеніе ея въ періодъ до-христіанскій,»—но мы оставимъ здѣсь рецензію, на самомъ замѣчательномъ мѣстѣ книги, и пригласимъ нашихъ читателей познакомиться съ нею, въ подлинникѣ; она, повторяемъ, доставитъ имъ много и пользы и удовольствія. Это истинное обогащеніе литературы.

На обверткѣ, (коею Кіевъ перещеголялъ Москву) сказано: «все сочиненіе уже приготовлено къ печати, но, по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ, будетъ выходить въ свѣтъ выпусками.» Искренно желаемъ, чтобъ новыя обстоятельства (успѣхъ книги) помогли или побудили автора — издать свое прекрасное сочиненіе вполнѣ, и какъ можно скорѣе, для истиннаго удовольствія друзей Исторіи.

Прибавимъ еще, что въ книгѣ раза два, не болѣе, употреблено выраженіе: родовой бытъ, — а рѣчь между тѣмъ шла о семействѣ и родѣ исключительно. Значитъ — можно объяснять Исторію, не прибѣгая безпрестанно, черезъ часъ по ложкѣ, къ родовому быту. Однимъ словомъ — родовой бытъ у автора въ предѣлахъ, въ предѣлахъ здравой критики, въ тѣхъ предѣлахъ, какъ былъ у Карамзина и даже у Эверса.

М. Погодинъ.

Digitized by Google

75. Путешествіе по Нижнему Египту и внутреннимъ областямъ Дельты. А. Рафаловича. Съ картою и планами. Спб. 1850. Стр. XII. и 433 въ 8 д. л.

Настоящій годъ безпрестанно даритъ насъ замѣчательными путешествіями. Едва прочли мы письма Святогорца объ Аѳонской горѣ, какъ получили путешествіе по Дагестану и Закавказью, Березина; только что разстались съ этимъ преддверіемъ Востока, какъ Г. Уманецъ пригласилъ насъ сопутствовать ему въ поѣздкѣ на Синай; почти въ одно время съ нимъ послѣдовалъ дорогóй для Русскаго сердца призывъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, — и еще не успѣли мы вполнѣ насладиться «вакаціонными днями,» какъ является Г. Рафаловичъ и зоветъ, для почину своихъ путешествій по Востоку, въ Египетъ, а съ другой стороны манитъ наше любопытство Г. Небольсинъ разсказами о золотоносной Сибири.... Дѣлать нечего, поѣдемъ въ Египетъ; авось не будемъ раскаяваться. Г. Рафаловичъ, кромѣ Египта, посѣтилъ Турцію, Сирію, Палестину, Алжиръ и Тунисъ; но, обѣщая познакомить насъ съ этими странами въ послѣдствіи, онъ начинаетъ свое путешествіе по Востоку съ Египта на основаніи слѣдующихъ причинъ:

«Если я не начинаю съ описанія Константинополя и Смирны, какъ слѣдовало бы по хронологическому порядку моихъ странствованій, такъ это потому, что въ настоящее время Египетъ, преимущественно Нижній, заслуживаетъ особеннаго вниманія Европы. Много было писано путешественниками всѣхъ націй, еще болѣе было говорено и повторено въ газетахъ — о блистательныхъ учрежденіяхъ Мехмета-Али на берегахъ Нила, о человѣколюбивыхъ его мѣрахъ къ улучшенію быта феллаховъ и устраненію вредныхъ мѣстныхъ вліяній, производящихъ чуму, и т. п. На основаніи этихъ данныхъ Австрія и Франція уничтожили въ Тріестѣ и Марселѣ всякія карантинныя дѣйствія и предосторожности противъ судовъ, людей и товаровъ, прибывающихъ изъ Египта; другія приморскія государства значительно сократили прежніе свои сроки. Спрашивается, въ какой степени оправдано это довѣріе христіанскихъ державъ къ успѣху новыхъ Египетскихъ учрежденій и постановленій? и дѣйствительно ли Нижній Египетъ изслѣдованъ съ надлежащею точностью и тщательностью, относительно соединенныхъ въ немъ вредныхъ для общественнаго здоровья условій?

Digitized by Google

«Въ слѣдующихъ страницахъ поставилъ я себѣ главною задачею, изобразить безпристрастно, самостоятельно и, по возможности, съ объективной точки зрѣнія, настоящее положеніе селеній и обитателей ихъ, феллаховъ, въ Нижнемъ Египтѣ и въ Дельтѣ, чтобы показать, какія изъ нововведеній знаменитаго Паши въ самомъ дѣлѣ осуществились, и какимъ увѣнчеваются они успѣхомъ. Описанія мои не всегда сходствуютъ съ блестящею картиною Египта, находимою въ книгахъ другихъ послѣдователей: такое противорѣчіе зависитъ, можетъ быть, отъ различнаго способа путешествовать по этому краю. Обыкновенно западные туристы останавливаются на нѣсколько времени только въ Александріи и Каирѣ, гдѣ живутъ въ хорошихъ гостинницахъ, содержимыхъ Европейцами; изъ деревень они видятъ лишь однѣ прибрежныя, и то чаще всего съ палубы своей барки или быстраго парохода; памятники древности, развалины и муміи занимаютъ ихъ гораздо болѣе, чѣмъ феллахи живые и нынѣшнія селенія; разъисканія свои они дѣлаютъ чрезъ посредство драгомана, и наконецъ сужденія о состояніи края и его жителей основываютъ на оффиціальныхъ донесеніяхъ мѣстныхъ властей; очевидно, что это не есть наивѣрнѣйшій способъ къ изученію страны. Путешествуя иначе, слѣдуя другому плану, руководствуясь другою методою и другими пособіями, можно получить, и получается результатъ различный: дѣло читателя сравнивать и взвѣшивать достовѣрность свѣдѣній, доставляемыхъ ему тѣмъ и другимъ путемъ.»

Такой взглядъ нельзя не признать основательнымъ, и мы тѣмъ охотнѣе послѣдуемъ за нашимъ путешественникомъ.

Проживъ два мѣсяца въ Каирѣ, который Египтяне называютъ «матерью вселенной,» или «благоостерегаемымъ градомъ» (въ оффиціальномъ слогѣ), Г. Рафаловичъ рѣшился воспользоваться прохладнымъ временемъ (Январемъ мѣсяцемъ, 1847), чтобы посѣтить Нижній Египетъ. Цѣль его, кромѣ простой любознательности, была ученая, спеціальная, съ которой онъ и путешествовалъ по Востоку, именно: изученіе чумы и особенно мѣстныхъ условій, при которыхъ она возникаетъ и распространяется; но назначая свое путешествіе для большинства читателей, и отлагая всѣ чисто-врачебныя подробности для особаго отдѣла, онъ говоритъ здѣсь объ ней только вскользь, на столько, сколько можетъ занимать она и не-врача. Здѣсь, въ дневникѣ пу-

Digitized by Google

тешествія, его вниманіе преимущественно обращено на предметы, равно любопытные для всѣхъ, и предметы эти такъ разнообразны и смѣняютъ другъ друга такъ быстро, что путешественнику надобно вполнѣ владѣть даромъ разсказа, чтобы сосредоточить вниманіе читателя на каждомъ изъ нихъ. Постараемся не заблудиться и не пропустить чего-нибудь важнаго.

Если рѣчь идетъ о Египтѣ, то ужъ непремѣнно она должна начаться или съ Мехмета-Али или съ Нила. Старый Паша умеръ, Нилъ по прежнему катитъ свои мутныя волны, — и вотъ онъ предъ нами, или, точнѣе, съ нами потому что мы плывемъ по его зыби. Прежде всего обратитъ на себя вниманіе огромная запруда (барражъ) Нила для уравновѣшиванія его наводненій: предпріятіе, на которое не рѣшались ни Греки, ни Римляне, а задумала смѣлость Европейскаго искусства, и которое, поглотивъ множество денегъ у Мехмета-Али, истощивъ все земледѣльческое народонаселеніе, все-таки не принесло ожиданныхъ выгодъ, и при настоящемъ преемникѣ Паши чуть ли не запущено, вмѣстѣ съ тысячью другихъ его предназначеній.... Но въ ту пору, какъ мы ѣдемъ, работа кипитъ. Тысячи феллаховъ копаются въ землѣ, точно муравьи; женщины и дѣти пополняютъ недостающее число работниковъ, которыхъ должна выставлять каждая деревня въ опредѣленномъ количествѣ; *курбашъ* смотрителей (хлыстъ изъ кожи гиппопотама) безпрестанно вытягиваетъ послѣднія силы изъ изнуренныхъ феллаховъ.... Нѣтъ, лучше отворотимся отъ этой грустной картины, и будемъ смотрѣть.... хотя на Нильскую воду. Она обыкновенно мутна, цвѣта кофе съ молокомъ, но по очищеніи дѣлается прозрачною, какъ хрусталь, а вкуса такого, что если бы Мухаммедъ одинъ разъ напился ее, то попросилъ бы у Аллаха безсмертія, чтобы вѣчно наслаждаться ею; а чужестранецъ, однажды напившись этой воды, непремѣнно воротится въ Египетъ, чтобы пить ее въ другой разъ. Такъ говорятъ туземцы, и вода дѣйствительно хороша; по выраженію одного путешественника, къ водамъ другихъ рѣкъ она относится какъ шампанское къ прочимъ винамъ.

Digitized by Google

Осмотрѣвъ шлюзы канала Махмудійэ, стоившаго до двухъ милліоновъ руб. сер., и безъ котораго Александрія не могла бы существовать, сойдемъ на берегъ, въ одну изъ образцовыхъ деревень, что̀ затѣялъ было строить Мехметъ-Али, по совѣту Европейцевъ, для уменьшенія причинъ, зараждающихъ чуму. Деревни на видъ изрядныя; но какъ назвать ихъ относительно всего Нижняго Египта, этого гнѣзда страшной язвы? каплею въ морѣ, вывѣскою игрушечника при входѣ на кладбище.... Бокъ-о-бокъ съ этими *фермами здоровья*, которыхъ, кажется, всего три, лежатъ обыкновенныя селенія феллаховъ, печальныя на видъ, страшныя внутри. Назвать ихъ кучею лачужекъ, слѣпленныхъ изъ грязи, въ которыхъ извнѣ и внутри нечистота неизобразимая, сказать, что изнуряемые тяжелыми работами, живя подъ гнетомъ всевозможныхъ притѣсненій со стороны мѣстныхъ властей, довольствуясь самою скудною пищею, феллахи соединяютъ кругъ себя всѣ пагубныя условія для зарожденія чумы — представить все это еще недостаточно, чтобы дать понятіе о мѣстныхъ селеніяхъ. «Привычка, говоритъ Г. Рафаловичъ, жить въ норахъ, въ мазанкахъ, куда влѣзаешь на четверенкахъ, или сгибаясь въ крюкъ, до того вкоренилась у Египетскаго феллаха, что если въ деревнѣ встрѣтите вы домъ или избу порядочной наружности, то не давайте обмануть себя этимъ внѣшнимъ видомъ: войдите на дворъ, и вы всегда увидите его застроеннымъ страшными хижинками, изъ которыхъ ползкомъ выползаетъ населеніе, запачканное навозомъ и какъ будто закопченное, покрытое лохмотьями и самыми отвратительными насѣкомыми.» Слѣдующій анекдотъ какъ нельзя лучше показываетъ силу этой привычки. Богатый Греческій консулъ недавно выстроилъ для себя въ Александріи великолѣпный домъ, у воротъ котораго находилась большая комната для *буаба* (привратника) изъ Египтянъ. Но не измѣняя привычкамъ своихъ единоплеменниковъ, буабъ нашелъ, что ему въ этой комнатѣ слишкомъ просторно, и потому какъ-то неловко и неудобно: онъ устроилъ въ одномъ углу ея, изъ пустыхъ ящиковъ, родъ ко-

Digitized by Google

нурки, куда влѣзалъ съ трудомъ и гдѣ цѣлый день лежалъ на полу на старой цыновкѣ!....

Но оставимъ пока жалкихъ феллаховъ, и обратимся къ тому, что составляетъ мнимую поэзію Востока. Вотъ прославленныя путешественниками плясавицы, которыя такъ соблазнительно-хороши, перенесенныя на сцену Европейскаго балета, а въ дѣйствительности являются совершенно въ другомъ видѣ.

«Египетскія баядерки, *альмэ* (во множественномъ числѣ — *ауалымъ*) теперь вообще выводятся, по причинѣ притѣсненій и преслѣдованій, которымъ подвергаются со стороны полиціи. Онѣ раздѣляются на два класса, оба *преимущественно* занимающіеся пляскою и пѣніемъ. Высшій классъ, или собственно альмэ, ведутъ себя довольно скромно, и призываются обыкновенно на вечера и семейные праздники въ богатые дома, гдѣ ихъ щедро вознаграждаютъ: *Уста-Сакнэ*, лучшая Каирская альма, которую Европейцы прозвали Египетскою Малибранъ, и которую я имѣлъ случай слышать тамъ въ одномъ Левантійскомъ семействѣ, получала за вечеръ отъ хозяина дома по 500 піастровъ, и сверхъ того собирала почти столько же съ гостей, къ которымъ въ разное время подходила съ тамбуриномъ. Артистки низшаго разряда, промышляющія не однимъ только голосомъ, называются обыкновенно *гауази*. Онѣ прежде составляли особое, весьма многочисленное сословіе въ Египтѣ, и состояли подъ управленіемъ откупщика, который бралъ съ нихъ оброкъ и вносилъ ежегодно въ казну значительную сумму за исключительное право содержать ихъ. Послѣдній откупщикъ этихъ гауази, нѣкто маалэмъ Антуніосъ Тума, Коптъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, обязался платить Вице-королю до шести тысячъ кошельковъ (около 190 тысячъ руб. сер.) въ годъ; чтобы выручить изъ доходовъ откупа эту сумму, онъ позволялъ себѣ величайшія злоупотребленія: на улицахъ ловилъ женщинъ замужнихъ, богатыхъ и честныхъ, подъ предлогомъ, что онѣ занимаются развратомъ и слѣдовательно должны быть записаны у него и платить ему оброкъ; посылалъ своихъ шпіоновъ въ частные дома и т. п. Наконецъ дошло до того, что духовенство (*улэма*) обратилось къ Мехмету-Али съ настоятельною просьбою уничтожить этотъ безнравственный источникъ доходовъ, и предложило ему увеличить платимый Египтянами подушный окладъ (*фырдэ*), суммою, вносимою ежегодно откупщикомъ танцовщицъ. Паша на это согласился: набавилъ нѣсколько процентовъ на Фырдэ, а

Digitized by Google

гауази велѣлъ ссылать въ Верхній Египетъ, въ городъ Эснэ. Впрочемъ понынѣ остается ихъ не мало въ другихъ мѣстахъ, но въ Каирѣ и Александріи полиція строго преслѣдуетъ ихъ, и поймавъ, тотчасъ отправляетъ въ Эснэ. Пляска альмэ и гауази, между которыми попадаются иногда лица весьма недурныя, въ высшей степени неблагопристойна, и состоитъ преимущественно въ весьма выразительной пантомимѣ, сопровождаемой дрожащимъ движеніемъ нижней части туловища, при чемъ ноги вовсе не удаляются отъ пола. Европейцамъ эта пляска нравиться не можетъ; она только поражаетъ ихъ цинизмомъ и странностью своею. Однѣ лишь претупленныя чувства жителей Востока могутъ находить удовольствіе въ этихъ невстетическихъ ковырканьяхъ, которыя, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ у Ювенала, Марціала, Горація и др., не были неизвѣстны и древнимъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на площади Эзбэкійе въ Каирѣ встрѣчалъ старика-Кобта, просившаго милостыню у проходящихъ Франковъ: это былъ маалэмъ Антуніосъ, послѣдній откупщикъ исчезающаго сословія альмэ!....»

Какъ видите, эта поэзія возмущаетъ душу.... Не найдемъ ли чего поуспокоительнѣе въ Египетскихъ кофейняхъ и баняхъ. — Первыхъ въ Египтѣ многое множество; не говоря уже о городахъ, почти въ каждой деревнѣ найдется кофейня. Городскія много уступаютъ кофейнямъ прочихъ странъ Востока, а деревенскія какъ разъ подъ стать своимъ посѣтителямъ. Земляная изба или шалашъ изъ камыша; нѣсколько табуретовъ; длинная, низкая скамья, покрытая цыновкою; одинъ или два мѣдныхъ кофейника; дюжина чашекъ; мѣшокъ съ толченымъ кофе; пары двѣ камышевыхъ чубуковъ и наргилэ; фунта два крѣпкаго табаку, да корзинка съ углемъ — вотъ и кофейня, такъ что помѣщеніе и обзаведеніе ея стоятъ не болѣе 10—15 цѣлковыхъ. Въ большихъ деревняхъ эти заведенія содержатся иногда женщинами, и тогда къ продажѣ кофе присоединяется другой промыселъ.... Бани восточныя были уже описаны тысячу разъ, и о Египетскихъ должно сказать только то, что въ нихъ много всякихъ удобствъ, кромѣ чистоты; туземные парильщики впрочемъ моютъ и «ломаютъ» очень хорошо.

Спустимся опять къ существенности, гдѣ нечего ждать очарованій. На пути нашемъ много деревень и городовъ,

Digitized by Google

въ которыхъ все населеніе состоитъ изъ стариковъ и дѣтей: куда же дѣвались взрослые? Кто выгнанъ на работу, кто бѣжалъ, чтобы не попасть въ фабричные. Мехметъ-Али завелъ множество разныхъ фабрикъ, на которыя вербовали рабочихъ, дѣла давали имъ по горло, а задѣльную плату такую, чтобы только не умереть съ голода; такимъ образомъ промышленность, вмѣсто пользы, приносила мѣстнымъ жителямъ нищету и разореніе.... «Какъ будто не надѣясь на будущность, замѣчаетъ Г. Рафаловичъ, Турки считаютъ Египетъ точно имѣніемъ, взятымъ въ аренду, изъ котораго торопятся извлечь послѣднюю фадду*, выжать послѣдніе соки, чтобы передать преемникамъ своимъ однихъ только голыхъ феллаховъ, разоренные города, опустѣвшія деревни».... Вообще, нашъ путешественникъ не очень благосклонно отзывается о бо́льшей части такъ называемыхъ преобразованій Мехмета-Али, которымъ другіе Европейскіе путешественники, особенно Французы, не могли найдти достаточно похвалъ. Всѣ эти преобразованія, стоившія огромныхъ суммъ и истощившія страну, принесли мало пользы, потому что исполнители воли Паши, и подъ чьимъ вліяніемъ онъ дѣйствовалъ, нисколько не сообразовались съ нравами и характеромъ Египтянъ. Они думали, будто возможно вдругъ привить Арабу Французскую или Англійскую цивилизацію, и что нѣтъ ничего легче, какъ преобразовывать мусульманъ фирманами и хаттишерифами.... Впрочемъ, подобныя явленія были и бываютъ не въ одномъ Египтѣ....

Но, довольно о преобразованіяхъ Мехмета-Али, потому что говоря о темной ихъ сторонѣ, надобно сказать и о свѣтлой, а этого нельзя сдѣлать въ нѣсколькихъ словахъ.

Изъ городовъ Нижняго Египта, посѣщенныхъ Г. Рафаловичемъ, мы побываемъ въ Розеттѣ и Дамьятѣ. Первый основанъ въ 860 году, а второй еще древнѣе его, и

* Самая мелкая монета.

Digitized by Google

въ старыя времена они знали лучшую участь, чѣмъ нынѣ. Розетъ долго былъ въ торговомъ отношеніи для Египта тѣмъ же, чѣмъ стала теперь Александрія; населеніе Дамьята даже во время Французской экспедиціи было втрое болѣе настоящаго (60 и 20 т.). Теперь обоимъ городамъ остались воспоминанія о минувшемъ богатствѣ о которомъ свидѣтельствуютъ множество красивыхъ зданій, да торговля рисомъ. Не смотря на красивую наружность, въ обоихъ городахъ довольно скучно; совершенно мсульманскій характеръ на всемъ. Въ Розетѣ живетъ нѣсколько сотъ Кобтовъ, и Г. Рафаловичу случилось быть на Кобтской свадьбѣ, которая торжествовалась съ чрезвычайною пышностью, при блескѣ огней, въ сопровожденіи огромной толпы народа. Мы посмотримъ на самый обрядъ бракосочетанія.

«Въ третьемъ часу по полудни очутились мы наконецъ у дверей Кобтской церкви, строенія довольно новаго и ничѣмъ не отличающагося отъ сосѣднихъ домовъ. Вошли въ длинную, темную галлерею со сводомъ, въ которой нѣсколько минутъ ожидали прибытія отставшей отъ насъ невѣсты....» Потомъ «вошли мы въ другой темный корридоръ, и оттуда вышли на четвероугольный дворъ, окруженный портиками и обсаженный деревьями. Здѣсь только открывается входъ собственно въ церковь, и цѣль этого устройства — чтобы проходящіе по улицѣ не могли слышать, что̀ совершается въ храмѣ во время богослуженія, изъ опасенія фанатизма и поруганій мусульманъ.

«На паперти вышелъ намъ на встрѣчу старый священникъ, высокаго роста и довольно дородный, въ обыкновенной одеждѣ Кобтовъ-мірянъ, и съ нимъ два мальчика, оборванные и грязные. Священникъ пѣлъ, стуча въ большія мѣдныя тарелки; у мальчиковъ было въ рукахъ по большо..у, весьма тонкому колоколу, въ который били снаружи желѣзными прутиками. Женихъ и невѣста стали другъ подлѣ друга, послѣдняя справа, и мы всѣ вошли въ церковь вслѣдъ за священникомъ. Внутренность церкви, въ которую вели двое дверей, представляла продолговатый четвероугольникъ; четыре кирпичные столба поддерживали боковыя галлереи, закрытыя частою деревянною рѣшеткою и идущія отъ дверей до самаго алтаря. Послѣдній отдѣлялся, какъ у насъ, отъ остальной церкви иконостасомъ, который украшенъ четырьмя образами по золотому грунту, съ длинными внизу Арабскими подписями, черными на бѣломъ полѣ. Одна изъ этихъ иконъ

Digitized by Google

изображала св. Богородицу, держащую на рукахъ Спасителя-младенца; къ головамъ, писаннымъ въ Византійскомъ вкусѣ, придѣланы снаружи позолоченные вѣнцы, но цѣльныхъ металлическихъ ризъ на образахъ, въ родѣ употребляемыхъ у насъ, я у Кобтовъ не видалъ. Другая икона представляла св. Георгія на конѣ, коего изображеніе постоянно встрѣчается во всѣхъ Кобтскихъ церквахъ. Завѣса царскихъ дверей находилась снаружи, а не внутри алтаря, въ которомъ нѣтъ никакихъ украшеній, ни иконъ, ни даже креста; на престолѣ, покрытомъ краснымъ покровомъ, стояла простая деревянная коробочка, заключавшая въ себѣ Св. Дары. Справа и слѣва отъ алтаря, по небольшой комнатѣ съ особыми выходами въ церковь; въ самой церкви, на лѣвой сторонѣ близъ дверей, невысокая и простая каѳедра безъ балдахина, для проповѣдника; къ ней спереди прикрѣпленъ рѣзной деревянный голубь, а на стѣну сверху повѣшено изображеніе Св. Вечери, живописи весьма посредственной.

«Въ Кобтскихъ церквахъ нѣтъ скамеекъ, и литургію совершаютъ стоя, но для жениха и невѣсты приготовлена была скамья, въ промежуткѣ между обѣихъ дверей стѣны, насупротивъ алтаря находящейся. Невѣста сѣла справа, оставаясь совершенно закутанною въ покрывало; подлѣ нея стали обѣ провожавшія ее женщины. Нѣсколько молодыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, съ толстыми зажженными свѣчами изъ желтаго воска, усѣлись въ два ряда на полу передъ скамьей; немного дальше, почти въ срединѣ церкви, вообще весьма небольшой, стоялъ столъ изъ простаго дерева, и на немъ лежало Евангеліе на Кобтскомъ языкѣ, въ серебряномъ футлярѣ, мѣдное распятіе, два круглыя и плоскія серебряныя блюда, украшенныя выпуклыми изображеніями херувимовъ, и мѣдныя кадильницы гораздо больше и шире нашихъ, но безъ крышекъ и съ цѣпями довольно короткими. Священникъ, встрѣтившій насъ на паперти, и другой постарше, небольшаго роста, начали пѣть молитвы, сопровождая пѣніе звуками мѣдныхъ тарелокъ, а оба мальчика съ колоколами, сѣвши на полу, звонили въ нихъ прутиками. Я долженъ сказать, что кромѣ меня, слѣдившаго съ жаднымъ любопытствомъ за ходомъ совершавшихся обрядовъ, все остальное собраніе вовсе не слушало службы. Кобты достали откуда-то стулья, сѣли спиною къ алтарю и священникамъ, громко разговаривали между собою, зѣвали, безпрестанно пили воду изъ принесенныхъ слугами глиняныхъ кувшиновъ и т. п. *Кассисы* (священники) часто останавливались, какъ будто не зная хорошо порядка службы, спорили между собою о чемъ-то, бранили дѣтей, державшихъ зажженыя свѣчи передъ женихомъ и невѣстою, и я напрасно

Digitized by Google

искалъ того стройнаго чина въ священно-дѣйствовавшихъ, и того глубокаго благоговѣнія со стороны мірянъ, которые подобаютъ храму Божію и къ которымъ мы привыкли въ нашихъ церквахъ!

«Вскорѣ женихъ, долго уже боровшійся съ утомленіемъ и сномъ, не могъ преодолѣть послѣдняго; онъ закрылъ глаза, опустилъ голову на грудь и заснулъ, не смотря на всѣ усилія оставаться бодрымъ; невѣста, казалось, съ своей стороны также дремала, но никто на это и не обратилъ вниманія. Женихъ насилу открылъ глаза, когда священникъ, раскупоривъ большую, простую бутылку, подошелъ къ нему и указательнымъ пальцемъ начертилъ Св. Мvромъ знаменіе креста на лбу и на ладоняхъ; тоже сдѣлалъ онъ на лбу невѣсты, открывъ его съ осторожностью, но ладоней ея не коснулся. Потомъ на голову обоихъ надѣли по узенькому мѣдному обручику, въ родѣ діадемы. Другой священникъ въ это время продолжалъ чтеніе изъ книги въ два столбца, писанной на Арабскомъ и Коптскомъ языкахъ, и часто повторялъ: *Киріе элейсонъ*, принятое и въ богослуженіи Коптовъ*. Все это продолжалось около двухъ съ четвертью часовъ. Затѣмъ старшій касисъ вошелъ въ алтарь, надѣлъ бѣлую, потемнѣвшую отъ времени шелковую ризу съ короткими рукавами, похожую на облаченіе католическаго духовенства, и шитую разноцвѣтными шелками; снялъ чалму и вмѣсто ея покрылъ бритую свою голову длиннымъ узкимъ платкомъ изъ бѣлаго шелка, послѣ чего тихимъ голосомъ одинъ отслужилъ въ алтарѣ раннюю обѣдню. Отецъ жениха и отецъ невѣсты стали по сторонамъ открытыхъ царскихъ дверей, и около четверти часа молились тихимъ голосомъ, а мальчикъ волухъ читалъ Евангеліе на Арабскомъ языкѣ: этотъ моментъ показался мнѣ истинно торжественнымъ и трогательнымъ. По окончаніи литургіи старикъ-священникъ пріобщился Св. Таинъ; потомъ ввели въ алтарь жениха, который, обошедъ три раза вокругъ престола, тоже пріобщился, а за тѣмъ и невѣста; послѣдняя, опираясь на двухъ женщинъ, вошла въ отдѣленіе направо отъ алтаря и остановилась у боковыхъ дверей; чтобы причастить ее, касисъ съ величайшею осторожностью открылъ у ней нижнюю часть лица.

---

* Копты приняли христіанство въ первыя столѣтія нашей эры, но вскорѣ увлеклись въ заблужденія Монофизитизма и Монофелизма, почему какъ Восточная, такъ и Западная Церковь считаютъ ихъ еретиками. Въ новѣйшія времена Римскіе миссіонеры уговорили небольшое число Коптовъ признать владычество Папы. Коптскій Патріархъ живетъ въ Каирѣ, но называется Александрійскимъ; онъ посвящаетъ Абиссинскаго Патріарха, пріѣзжающаго для этого изъ Гондара въ Каиръ.

Digitized by Google

Хлѣбъ для причащенія Коптъ употребляютъ квасной и вино такое же какъ у насъ: священникъ послѣ причащенія тщательно собралъ всѣ оставшіяся на стеклянномъ блюдечкѣ частицы хлѣба и потребилъ ихъ; потомъ женихъ налилъ ему троекратно воды на руки, касавшіяся сосудовъ съ Св. Дарами; умывшись этой водою, священникъ выпилъ ее, давъ выпить немного и женяху. Всѣ потомъ изъ алтаря возвратились въ церковь; новобрачные обошли ее кругомъ три раза, предшествуемые обоими касисами и дѣтьми, несшими зажженныя свѣчи; позади ихъ несены были хоругви и шли родственники. Женщина вела съ правой стороны жениха молодую, которая едва держалась на ногахъ. На плеча жениху надѣли коротенькую по поясъ мантію изъ серебряной парчи, съ вышитыми на ней Арабскими и Коптскими надписями; въ обѣихъ рукахъ держалъ онъ лежавшее прежде на столѣ Евангеліе, завернувъ въ кисейный платокъ, который находился у него за пазухою. Всѣ прочія женщины, оставшіяся у дверей церкви, между которыми замѣтилъ я нѣсколько Негритянокъ, часто повторяли въ это время крики радости.»

Въ Дамьятѣ замѣчательнѣе всего мечеть Султана Абулата. Въ ней находится колонна изъ бѣлаго мрамора, которой вся нижняя половина гораздо тоньше верхней, неровна, бугриста, какъ будто обгрызли ее зубами; мѣстами на ней видны слѣды свѣжей крови, ибо, по здѣшнему повѣрью, больные одержимые желтухою, лижутъ эту колонну языкомъ до тѣхъ поръ, пока не выступитъ на немъ кровь; судя по значительному убавленію объема колонны, число облизывавшихъ ее паціентовъ должно быть весьма велико. Кромѣ этой достопримѣчательности мечеть обладаетъ другою — «дверями рая.» У входа въ нее одна изъ арокъ покоится на двухъ колоннахъ лежащихъ такъ близко, что промежутокъ между ними чрезвычайно малъ и узокъ. Арабы увѣряютъ, что кто можетъ пройдти чрезъ этотъ промежутокъ, тотъ долженъ быть человѣкъ безъ грѣховъ, которому свободно открыты врата Мухаммедова рая. «Это повѣрье, разсказываетъ Г. Рафаловичъ, совершенно въ пользу людей худощавыхъ, и изъ бывшихъ тутъ со мною особъ, одинъ я, снявъ съ себя сюртукъ, могъ безъ труда совершить этотъ заманчивый опытъ, который впрочемъ прежде также точно удался мнѣ въ мечети Амру, въ старомъ Каирѣ, гдѣ находятся двѣ подобныя колонны, ода-

Digitized by Google

ренныя тѣмъ же преимуществомъ.» Любопытно бы видѣть, какъ скорчились лица правовѣрныхъ, когда гяуръ, на котораго по деревнямъ мальчишки кричатъ: *Нусрани, кэлбъ, авани!* (Назарянинъ, собака, лай на меня!), когда такой нечестивецъ пробрался въ рай, обѣщанный однимъ сынамъ Ислама!

Вѣроятно, едва ли кому изъ Русскихъ придетъ въ голову, что въ Египтѣ у него найдутся земляки, разумѣется кромѣ тѣхъ, кого заноситъ туда судьба или любопытство. А земляковъ тамъ много, именно Турецкіе чиновники — прежніе мамлюки Паши, привезенные изъ Грузіи и съ Кавказа. При встрѣчѣ съ Русскими они непремѣнно разспрашиваютъ про свою родину. Въ Египтѣ и Сиріи Г. Рафаловичъ часто встрѣчалъ Турецкихъ офицеровъ, которые, узнавъ, кто онъ, рекомендовали себя словами: *ана кэманъ мускуби*, я тоже Русскій, — разумѣя подъ этимъ, что они родились въ нашихъ Кавказскихъ и Закавказскихъ владѣніяхъ.

Земляки, безъ сомнѣнія, позволятъ намъ осмотрѣть внутреннее устройство своихъ жилищъ, которое почти одинаково у всѣхъ зажиточныхъ людей въ Египтѣ.

«Особенности восточныхъ нравовъ, совершенное отдѣленіе женщинъ отъ общества постороннихъ мужчинъ, самый характеръ мусульманъ и т. п., имѣли значительное вліяніе на архитектурныя условія ихъ жилищъ. Дома обыкновенно двухъ или трехъярусные, и почти всегда выстроены изъ краснаго кирпича; въ Каирѣ также нерѣдко строются они и изъ кирпича сыраго, который снаружи одѣваютъ тонкими квадратными плитами изъ желтоватаго известняка, такъ что по первому взгляду новые дома кажутся весьма крѣпкими и выстроенными изъ цѣльнаго тесаннаго камня. Черезъ нѣкоторое время однакожъ эти плитки, довольно плохо соединенныя цементомъ изъ извести, песку или земли и небольшаго количества банной золы, отстаютъ отъ стѣнъ и образуютъ выпуклые бугры, въ послѣдствіи обваливающіеся. Вообще всѣ строенія расположены вокругъ четвероугольнаго двора (*хошъ*), такъ что двери и окна комнатъ выходятъ на галлереи, окружающія этотъ дворъ. По фасаду, обращенному на улицу, весьма немного оконъ и два-три крытые балкона (*мушарабійэ*), защищенные частою рѣшеткою; въ нихъ стоитъ софа, и женщины, на Востокѣ обыкновенно ни чѣмъ не занимающіяся,

Digitized by Google

спдять тутъ цѣлый день и разсматриваютъ проходящихъ на улицѣ, не подвергаясь сами нескромнымъ взорамъ. Лѣстница (*сэлалымъ*), ведущая въ верхніе этажи, въ Капрѣ всегда каменная, часто винтая, и отличается необыкновенною легкостью при значительной прочности. Крыша (*эль-сотухъ*) плоска, устроена террасою, гладко выштукатурена красноватымъ цементомъ и окружена по краямъ стѣнкою, чтобы изъ сосѣднихъ домовъ нельзя было смотрѣть на женщинъ, сидящихъ вечеромъ на этихъ террасахъ, гдѣ многія семейства и спятъ ночью въ жаркіе мѣсяцы. Тамъ, гдѣ лѣстница выходитъ черезъ четвероугольное отверстіе или трапъ на террасу, устроенъ родъ навѣса (*мелкафъ*) изъ досокъ: онъ открывается всегда къ сѣверу и служитъ къ поддержанію сквознаго вѣтра и возобновленію воздуха внутри лѣстницы и самихъ покоевъ.

«Передъ домомъ съ улицы каменная скамья (*мастабэ*), на которой сидятъ слуги и садятся люди простаго званія, имѣющіе надобность въ домѣ. Наружныя двери невысоки, обыкновенно окованы толстыми гвоздями и заперты изнутри деревянною задвижкою; снаружи къ нимъ прибито желѣзное кольцо или родъ молотка, которымъ приходящіе стучатъ въ дверь; тогда привратникъ (*буабъ*), почти всегда изъ Нубійцевъ, отпираетъ, справившись предварительно о личности стучащаго, вопросомъ *минъ*? (кто?). Для пріема людей, которыхъ не хотятъ ввести во внутренніе покои, назначена комната (*мандара*) въ нижнемъ ярусѣ, весьма просто убранная; лѣтомъ хозяинъ принимаетъ также въ открытой галлереѣ (*тоэтабушъ*) на дворѣ, часто осѣняемомъ деревьями. Жилыхъ помѣщеній въ нижнемъ ярусѣ обыкновенно не бываетъ; тамъ находятся только кладовыя, сарай, конюшня, иногда также колодезь или цистерна. Почетныхъ посѣтителей ведутъ въ *эль-диванъ*, пріемную, окруженную софами, въ бель-этажѣ; зала, въ которой собирается семейство, и въ которую посторонній рѣдко впускается, называется *эль-каа*: она украшена диванами изъ шелковыхъ матерій, цвѣтами, фонтаномъ, разноцвѣтными стеклами въ окнахъ; полъ устланъ персидскими коврами; стѣны или просто выбѣлены известью, или расписаны; потолокъ рѣзный, иногда съ позолотою; деревянныя, пестро раскрашенныя панели одѣваютъ часть стѣнъ, и позади ихъ устроены шкапики для храненія вещей. Съ одной стороны залы, аршина на полтора выше пола, находится родъ широкаго мраморнаго карниза (*эль-суфэ*), на которомъ стоятъ чашки для кофе, тышъ и ибрыкъ для умыванія, наргиле и т. п. Мебели дорогой и громоздкой, какъ у насъ въ Европѣ: коммодовъ, столовъ, креселъ и стульевъ, зеркалъ и т. п., туземцы вовсе не употребляютъ; кромѣ диванов, вся мебель ихъ заключается въ одномъ или двухъ

Digitized by Google

круглыхъ табуретахъ (*курси*), на которыхъ во время обѣда ставятъ подносъ (*сэннійэ*) съ блюдами, и вокругъ которыхъ садятся на полу. Эль-каа часто проходитъ черезъ два этажа, и его сверху окружаетъ галлерея, закрытая деревянною частою рѣшеткою, откуда женщины, не показываясь, могутъ участвовать въ забавахъ и разговорѣ гостей-мужчинъ; туда также впускаютъ альмэ, призываемыхъ въ мужское общество; особая лѣстница ведетъ изъ сѣней на эту галлерею. Во всѣхъ покояхъ полъ у дверей на нѣсколько вершковъ ниже, чѣмъ въ остальной части комнаты; тамъ приходящіе скидаютъ и оставляютъ туфли, въ которыхъ восточная вѣжливость не позволяетъ ступать на покрытый коврами или цыновками и нѣсколько возвышенный полъ (*ливанъ*) въ прочей части покоевъ; это мѣсто у дверей называется *дуркэ*. Европейцевъ, которыхъ обувь не легко скидается, поэтому весьма неохотно принимаютъ въ парадныхъ покояхъ. Гдѣ много комнатъ, тамъ въ смежныхъ полъ никогда не бываетъ въ одинъ уровень: въ одной онъ ниже, въ другой выше, такъ что у дверей приходится то подниматься на одну или двѣ ступеньки, то спускаться, и поэтому чужой человѣкъ долженъ ступать съ осторожностью. Вмѣсто дверей, во внутреннихъ покояхъ всегда находятся тяжелыя «портьеры,» войлочныя, обшитыя сукномъ, обыкновенно яблочнаго цвѣта, или толстымъ холстомъ; невольникъ подымаетъ ихъ для проходящихъ. Въ спальняхъ кроватей нѣтъ; восточные люди спятъ на полу на тюфякахъ, набитыхъ хлопчатою бумагою, которые поутру свертываются и уносятся; гдѣ семейство большое или домъ необширенъ, тамъ спятъ во всѣхъ комнатахъ, въ которыхъ отъ того обыкновенно весьма много разныхъ непріятныхъ насѣкомыхъ, даже и въ лучшихъ домахъ. Мужчины и женщины всегда ложатся въ постель совершенно одѣтые; люди богатые употребляютъ для этого особое платье, ночное, другіе остаются въ ежедневной одеждѣ. Этотъ обычай, который для насъ былъ бы невыносимъ, дѣйствительно весьма вреденъ, не только потому, что онъ поддерживаетъ неопрятность, но еще въ особенности и потому, что въ случаѣ горячекъ и другихъ тяжкихъ недуговъ, платье, находящееся на больномъ, напитывается его испареніями, пóтомъ и т. п., и въ случаѣ смерти неочищенное поступаетъ въ продажу или отдается прислугѣ.

«Въ большихъ домахъ покои, занимаемые женщинами (мы прозвали ихъ *харемъ*, хотя Арабы этого выраженія въ нашемъ смыслѣ не употребляютъ: у нихъ слово *харимъ** означаетъ са-

* Корень этого слова происходитъ отъ *харамъ* — «запрещенный.»

Digitized by Google

михъ «женщинъ»), часто находятся въ отдѣльномъ корпусѣ, по внутреннимъ расположеніемъ не отличаются отъ описанныхъ выше. Для слугъ, невольницъ, евнуховъ, устроены небольшія комнаты, обыкновенно съ солнечной стороны; сѣверная, болѣе прохладная, назначена для господскихъ покоевъ. Въ каждомъ домѣ наконецъ, и даже въ хижинахъ феллаховъ, непремѣнно находится мѣсто, въ которомъ хозяева прячутъ деньги, драгоцѣнности и т. п. Это секретное мѣсто (*махба*) служитъ недовѣрчивому Арабу лучше нашихъ желѣзныхъ сундуковъ, и употребленіе махбы оправдывается необезпеченнымъ на Востокѣ состояніемъ частной собственности, подверженной любостяжательному произволу хищныхъ властей.»

Если Европейцу случится быть на пиру у какого богатаго туземнаго вельможи, знакомаго нѣсколько съ утонченностями образованной жизни, то онъ найдетъ и серебряный приборъ для себя, и «запрещенные» напитки для всей честной компаніи. Правовѣрные усердно потягиваютъ хересъ, коньякъ и другіе напитки, не упоминаемые въ Коранѣ, но всему предпочитаютъ шампанское: «это лучшая франкская работа (*шуелъ-афранги*), говорятъ они, забавляясь хлопаньемъ пробокъ и глотая искрометную влагу. Но, почтеніемъ къ вину да сознаніемъ превосходства въ разныхъ знаніяхъ и ограничивается чувство зависти, какое могъ бы питать мусульманинъ къ намъ, и неизмѣнно вѣря въ предопредѣленіе, онъ готовъ сказать: «Суетитесь вы, невѣрные Франки, бьетесь Аллахъ вѣсть изъ чего! Ну, пусть ваша беретъ здѣсь на землѣ, но за то тамъ, въ жизни лучшей, безсмертной, не состязаться вамъ съ нами!»

Видѣть пародію на Европейскій пиръ любопытно, но еще любопытнѣе встрѣтить въ Египтѣ слѣды древняго патріархальнаго гостепріимства, которое, къ сожалѣнію, болѣе и болѣе исчезаетъ даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно считалось когда-то добродѣтелью. Послушайте.

«Мы навѣстили шеиха эль-бѣлядъ, у котораго нашли человѣкъ двадцать гостей, довольно чисто одѣтыхъ, сидѣвшихъ во дворѣ подъ навѣсомъ. Хозяинъ принялъ насъ весьма вѣжливо, и повелъ въ большую комнату безъ оконныхъ отверстій, получавшую свѣтъ только черезъ открытыя двери; для насъ постлали на полу коврикъ, и шеихъ, молодой человѣкъ пріятной наруж-

Digitized by Google

ности, пригласилъ насъ къ обѣду, который тутъ же стали подавать, но отъ котораго мы отказались, позавтракавъ недавно передъ тѣмъ на баркѣ. Слуга принесъ на головѣ толстую, круглую цыновку, наполненную сотнею и больше крошечныхъ горячихъ хлѣбовъ изъ кукурузной муки. Они, кажется, называются *бутау*, выпечены дурно и продаются на деревенскихъ базарахъ по фаддѣ (около $\frac{1}{6}$ коп. сер) каждый, что̀, при малости ихъ вовсе, не дешево; было также съ двадцать большихъ лепешекъ пшеничныхъ. Хлѣбъ этотъ расположили на краю цыновки, а въ средину ея поставили огромный подносъ изъ луженой мѣди; на немъ были тарелки и блюдечки съ кислымъ молокомъ, вареными сливками, яйцами, сыромъ, разными сластями и т. п. Другой слуга принесъ пять большихъ пироговъ съ мясомъ, на видъ довольно аппетитныхъ, и нѣсколько небольшихъ глиняныхъ кувшиновъ (*эль-хулэ*) съ непроцѣженною Нильскою водою; ее пьютъ безъ стакановъ, прямо изъ горлышка, и въ деревняхъ другаго напитка за столомъ не употребляютъ. Общество немедленно усѣлось на корточкахъ вокругъ подноса на полу, и всякій сталъ совать пальцы правой своей руки то въ блюда, то въ пироги, какъ попадется; лѣвую, употребляемую при омовеніяхъ, мусульмане считаютъ нечистою, и смотрятъ не безъ отвращенья на Европейцевъ, когда они ѣдятъ обѣими руками безъ различія. Всѣ чужіе люди, проходящіе черезъ деревню въ обѣденную пору, имѣютъ право садиться за столъ у шеиха-эль-бэлэдъ, безъ приглашенія и особеннаго привѣтствія, призывая только имя Аллаха (*бысмылляхи*). Шеихи за таковую возложенную на нихъ обязанность безмезднаго угощенія странствующихъ, получаютъ отъ казны особый участокъ земли, освобожденный отъ повинностей. Между гостями я замѣтилъ солдата, двухъ писцовъ-Коптовъ и одного Араба слѣпаго; всѣ прочіе были зажиточные обыватели, судя по шелковымъ ихъ кафтанамъ и бѣлизнѣ кисейныхъ шалей на чалмахъ. На Востокѣ блюда подаются всѣ вмѣстѣ, а не одно за другимъ, какъ у насъ; поэтому разговора тамъ за столомъ не бываетъ: всякій молча ѣстъ что̀ и сколько ему угодно, и насытившись встаетъ безъ дальнѣйшихъ комплиментовъ, произнося: *ани шабанъ* (я сытъ), или *эль-хамды-л'ыллахъ* (хвала Аллаху), и уходитъ. Послѣ гостей, за ту же трапезу сѣли слуги ихъ а наконецъ ожидавшіе у воротъ бѣдные; хозяинъ не вставалъ съ своего мѣста, пока и эти послѣдніе не отобѣдали. Такой обычай открытаго, широкаго гостепріимства, напоминающій патріархальныя, библейскія времена, показался мнѣ истинно-трогательнымъ и прекраснымъ.»

Съ небольшимъ черезъ годъ (въ Мартѣ 1848) Г. Рафаловичъ предпринялъ вторую поѣздку, сухимъ путемъ, изъ

Digitized by Google

Каира въ Александрію чрезъ внутреннія области Дельты, посѣтилъ много новыхъ мѣстъ, собралъ богатыя данныя для своей ученой задачи и занимательныя подробности о состояніи страны, которую старался изучить не только какъ врачь. Особенно любопытны историческія свѣдѣнія о частной собственности въ Египтѣ о раздѣленіи земель на разряды, о владѣніяхъ мечетей; описаніе современнаго муниципальнаго устройства деревень и городовъ, сбора податей, системы монополій, раздачи Мехметомъ-Али деревень своимъ родственникамъ и сановникамъ. Мы бы выписали цѣликомъ всѣ эти свѣдѣнія, превосходно знакомящія съ финансовою системою покойнаго Паши, еслибъ не боялись перейдти за предѣлы библіографическаго разбора. Удовольствуемся разсказомъ объ одномъ приключеніи, которое авторъ испыталъ въ городѣ Тантѣ, знаменитомъ двумя своими ярмарками, на которыя стекается до 100 тысячъ человѣкъ, и могилою одного мусульманскаго святаго, славящагося свойствомъ давать потомство усердымъ поклонницамъ, лишеннымъ этого счастія. — Попавъ въ городъ во время ярмарки (только не главной), Г. Рафаловичъ съ трудомъ нашелъ себѣ квартиру, очень незавидную. Отыскавъ потомъ другую, нѣсколько получше, онъ переселился въ нее. Хозяйки квартиръ поссорились между собою за постояльца, да такъ, что

«*Шейхъ-эль-харэ* (начальникъ квартала) долженъ былъ наконецъ вмѣшаться въ дѣло, чтобъ унять разъяренныхъ бабъ. Первая хозяйка увѣрила было его, что ни у меня, ни у людей моихъ не было *тэзкэрэ* (паспортовъ), а какъ употребленіе ихъ, недавно введенное, тогда требовалось еще довольно строго, то шейхъ съ нѣкоторою важностью явился ко мнѣ справиться о томъ; важность его еще увеличилась, когда я весьма вѣжливо посадилъ себя на полу, попотчивалъ кофеемъ и сигарою, и кроткимъ обращеніемъ усилилъ въ немъ подозрѣніе, что я точно человѣкъ безъ вида. Онъ началъ заговаривать «о строгости пашинскихъ приказаній на счетъ *тэзкэрэ*: я молчалъ; «объ отвѣтственности, падающей на мѣстныя начальства за несоблюденіе этихъ приказаній» — я предложилъ ему вторую чашку кофе, въ которую самъ положилъ сахаръ, и потомъ медленно опустилъ руку въ карманъ пальто; шейхъ лукаво посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, а я,

Digitized by Google

сохраняя прежнее выраженіе скромности, вынулъ — не кошелекъ, но *бюрулды*, полученный отъ Аббасъ-паши въ Каирѣ, и развернулъ его на колѣняхъ передъ шейхомъ, у котораго при видѣ этого большаго листа, курчавыхъ на немъ письменъ и пашинской печати, начатая фраза замерла на поблѣднѣвшихъ устахъ; онъ поспѣшно всталъ, не допивъ чашки. «Вотъ и наши четыре тезкаре,» прибавилъ я; слуга мой при этомъ шепнулъ ему, что я *бей москуби*, «московскій бей,» и тѣмъ довершилъ смущеніе его. «О бей, сказалъ шейхъ: развѣ знатнымъ Франкамъ, какъ ты, нужны паспорты? Вѣдь *эфендина*, великій паша, принимаетъ и любитъ васъ какъ пріятелей и братьевъ: на что же вамъ тезкаре?»..... Послѣ этой комической сцены онъ почтительно удалился, разогналъ чернь, ожидавшую передъ домомъ, и тишина наконецъ воцарилась въ улицѣ.»

Изъ этого краткаго обзора Путешествія Г. Рафаловича читатели наши могутъ видѣть, какъ занимательно оно, и сколько удовольствія ожидаетъ того, кто прочтетъ его вполнѣ. Появленіе слѣдующихъ частей Путешествія зависитъ отъ возстановленія здоровья автора, разстроеннаго на Востокѣ: пожелаемъ же усердно, чтобъ это было какъ можно скорѣе. Муравьевъ, Норовъ, Ковалевскій, Уманецъ, Святогорецъ, и наконецъ теперь Г. Рафаловичъ — вотъ цѣлое общество почтенныхъ литераторовъ и ученыхъ, которые познакомили насъ хорошо съ Сиріей, Европейской Турціей и Египтомъ.*

76. Сказаніе о иконѣ Божіей Матери, именуемой Абалацкою. М. 1849. Стр. 18 въ 8-ю д. л.

77. Жизнь Іоанна Максимовича, Митрополита Тобольскаго и всея Сибири. М. 1849. Стр. 16 въ 8-ю д. л.

Икона Абалацкой Божіей Матери принадлежитъ къ числу наиболѣе чтимыхъ святынь Сибири. Она находится въ Абалацкомъ третье-классномъ мужскомъ монастырѣ, въ 25 верстахъ отъ Тобольска. Написанная въ 1637 г., при третьемъ Тобольскомъ Архіепископѣ Нектаріѣ, вслѣдствіе видѣній, являвшихся одной благочестивой вдовѣ, икона

* Вѣроятно, къ этому обществу скоро присоединится и Г. Ценковскій, молодой ученый, путешествовавшій при содѣйствіи Географическаго Общества, въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій коего онъ читалъ этнографическіе очерки Египта.

Digitized by Google

Абалацкой Божіей Матери прославлена многими чудесами, и привлекаетъ тысячи богомольцевъ со всей Сибири, особенно въ Іюнѣ и началѣ Іюля мѣсяцевъ, передъ тѣмъ, какъ съ иконою совершается крестный ходъ въ Тобольскъ, гдѣ она и пребываетъ двѣ недѣли (съ 8 по 23 Іюля.)

Іоаннъ Максимовичъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ іерарховъ Сибири, родился 1651 г., въ Малороссіи, въ городѣ Нѣжинѣ, который, кромѣ его, далъ Русской Церкви трехъ знаменитыхъ іерарховъ: Стефана Яворскаго, мѣстоблюстителя Патріаршаго престола, Амвросія Зертисъ-Каменскаго, убитаго въ Москвѣ во время моровой язвы, и Георгія Конисскаго, автора «Исторіи Малороссовъ». — По окончаніи курса въ Кіевской Академіи, онъ поступилъ въ монашество; въ 1695 г., былъ произведенъ въ Архимандрита Елецкаго Черниговскаго монастыря, черезъ два года, по представленію Малороссійскаго Гетмана Ивана Мазепы, хиротонисанъ въ Епископа, а вскорѣ пожалованъ въ Архіепископа Черниговской паствы, которою и управлялъ болѣе 14 лѣтъ. Благочестивая жизнь Іоанна Максимовича служила примѣромъ для всей паствы, а постоянная заботливость о нуждахъ епархіи снискала ему общую любовь. — Въ 1711 году, съ отреченіемъ Филовея Лещинскаго, сдѣлалась праздною Сибирская митрополія, и Іоаннъ Максимовичъ, не смотря на свои преклонныя лѣта, посвященъ былъ въ Митрополита Тобольскаго и всея Сибири. Въ этомъ назначеніи его дѣятельности предстояло обширное поприще. Тобольская епархія простиралась въ то время отъ Уральскихъ горъ до Камчатки и отъ Бухтармы и Кяхты до Обдорска и Колымы. Совершенный недостатокъ образованнаго духовенства; народонаселеніе, состоявшее болѣе нежели на половину изъ инородцевъ и раскольниковъ, которые, въ царствованіе Петра I, толпами бѣжали въ Сибирь, увлекая множество простодушныхъ въ свои заблужденія, и сожигались сотнями, — вотъ какія затрудненія предстояло преодолѣть новому пастырю. По кратковременности своего управленія митрополіею (менѣе 4 лѣтъ) онъ не могъ сдѣлать многаго, но его ревностное усердіе все-таки успѣло принести достаточные плоды, особенно по обращенію идолопоклонниковъ въ христіанство. Сюда же надо отнести и

Digitized by Google

то, что въ 1714 г. Преосв. Іоаннъ, согласно волѣ Петра I, открылъ въ Пекинѣ православную духовную миссію. — Поживъ съ миромъ 63½ года, Іоаннъ Максимовичъ съ миромъ отошелъ и въ вѣчность. «10 Іюня 1715 г., послѣ литургіи онъ угощалъ столомъ градское духовенство и нищихъ, при чемъ симъ послѣднимъ самъ прислуживалъ; послѣ стола простился съ духовенствомъ, но удержалъ на нѣкоторое время двоихъ, болѣе любимыхъ имъ, священниковъ. Что говорилъ съ ними, не извѣстно, только отпустивъ ихъ, онъ заперся въ своихъ внутреннихъ покояхъ. Вечеромъ жители Тобольска, вѣроятно, приведенные въ недоумѣніе еще разсказами о прощаніи Преосвященнаго съ духовенствомъ, сильно обезпокоились тѣмъ, что во всемъ городѣ не было благовѣста къ вечернямъ, много и долго спустя послѣ обыкновеннаго срока*. Тѣ, на коихъ лежала обязанность испрашивать благословеніе, равно какъ и служащіе при Архіерейскомъ домѣ, ужъ много разъ приходили къ кельѣ Преосвященнаго, стучались и звали его; но ни двери не отворялись, ни голоса не было подаваемо. Наконецъ пріѣхалъ въ Архіерейскій домъ Губернаторъ, которымъ въ то время былъ Князь Гагаринъ, въ послѣдствіи такъ бѣдственно кончившій жизнь свою. Послѣ новыхъ, но и опять тщетныхъ попытокъ вызвать Преосвященнаго, Князь принимая отвѣтственность предъ нимъ на себя, приказалъ ломать двери. Что же представилось, когда двери были отворены? — Митрополитъ, въ молитвенномъ положеніи, на колѣнахъ, стоялъ предъ иконою Спасителя и давно уже мертвый.» — Попечительный о нуждахъ своей паствы, сострадательный къ бѣднымъ, Іоаннъ Максимовичъ оставилъ по себѣ въ Сибири добрую и долгую память: мѣстные жители до сихъ поръ служатъ на гробѣ его панихиды; во многихъ домахъ по Сибири можно видѣть его изображенія.

Іоаннъ Максимовичъ извѣстенъ многими назидательными сочиненіями. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ: «Ѳеатръ нравоучительный, или нравоучительное зерцало для царей, князей и деспотовъ;» «Царскій путь креста Господня, ево-

* Въ тѣ времена безъ благословенія Архіерейскаго не звонили ни къ какому богослуженію.

Digitized by Google

дящій въ животъ вѣчный»; «Осмь блаженствъ евангельскихъ, изъясненныя,» и проч., и проч. Ихъ должно еще разсмотрѣть и объяснить по нимъ его богословію и философію.

Авторъ разсмотрѣнныхъ нами брошюръ — законоучитель Сибирскаго Кадетскаго Корпуса, Священникъ А. Сулоцкій, дѣятельно собирающій матеріалы, относящіеся къ церковной исторіи Сибири, и котораго нѣсколько статей по этому предмету читатели наши видѣли въ прошедшемъ году Москвитянина, обязаннаго ему, вмѣстѣ со всѣми любителями Исторіи, истинной благодарностію.

78. Слова и рѣчи на разные случаи, говоренныя Московскаго Богоявленскаго монастыря настоятелемъ Архимандритомъ Митрофаномъ. Москва. 1850. Стр. 115.

Въ этомъ собраніи помѣщены слова и рѣчи, особенно замѣчательныя по случаямъ, при которыхъ онѣ произнесены. Всѣ онѣ говорены при большихъ собраніяхъ народа и большею частію при погребеніяхъ. Всѣхъ содержащихся здѣсь словъ и рѣчей числомъ 13.

Вотъ перечень словъ: Слово на день Тезоименитства Государя Наслѣдника Престола, — при освященіи храма Софіи въ церкви Іоанна Предтечи за Пресненою; при погребеніяхъ: Епископа Діонисія, 1846 г., — Протопресвитера Іакова Дмитріевича Никольскаго, 1839 г., — Протоіерея Терентія Соколова, 1848 г., — Тайнаго Совѣтника Акинфіева, 1848 г., — Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Антона Антоновича Прокоповича-Антонскаго, 1848 г., — Вѣры Ѳеодоровны Скалонъ, — Почетнаго Гражданина В. И. Третьякова; — Слово въ воспоминаніе о Димитріѣ Петровичѣ Горихвостовѣ. Рѣчи: при открытіи Срѣтенской и Полянской школъ Московскаго Благотворительнаго Общества въ 1843 и въ 1845 годахъ, и при закрытіи Холерной больницы въ 1847 году.

Архимандритъ Митрофанъ пользуется въ здѣшней Столицѣ давнишнею и заслуженною славою церковнаго проповѣдника, и конечно, очень многіе изъ читателей его проповѣдей часто были и слушателями живой его проповѣди,

Digitized by Google

и знаютъ его, какъ отличнаго оратора. И самыя слова его заключаютъ въ себѣ много внутреннихъ достоинствъ. Они отличаются правильнымъ построеніемъ, ясностію мысли, хорошимъ знаніемъ и приличнымъ употребленіемъ Св. Писанія, многими удачными примѣненіями и оборотами. Слова погребальныя заключаютъ въ себѣ много трудностей для проповѣдника. Часто нужно бываетъ обозрѣвать въ нихъ гражданскую и семейную жизнь умершаго, но обозрѣвать взглядомъ духовнымъ, не опуская ничего, что можетъ возбудить христіанское сочувствіе, и съ другой стороны, не пускаясь въ житейскія подробности, неумѣстныя на церковной каѳедрѣ.* Архимандритъ Митрофанъ умѣетъ часто совмѣстить въ словахъ своихъ все важное и нужное, что представляетъ жизнь умершаго, и на все бросить взглядъ приличный служителю вѣры. *Д. К.*

79. Статейный списокъ Столыника Василія Тяпкина и Дьяка Никиты Зотова, посольства въ Крымъ въ 1680 г., для заключенія Бакчисарайскаго договора. Одесса. 1850. Стр. VI и 284 въ 12 д. л.

Изданіемъ этого статейнаго списка Русская Исторія обязана просвѣщенному содѣйствію Князя М. С. Воронцова, въ библіотекѣ котораго находится подлинникъ его, и неутомимому трудолюбію Профессора Н. М. Мурзакевича. Для исторіи древней нашей дипломатіи это очень полезный матеріалъ. Это уже третій списокъ въ послѣднее время изданный, первый — А. Д. Чертковымъ о посольствѣ во Флоренцію, второй С. К. Смирновымъ о посольствѣ Милославскаго. Это посольство отправлено было Царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ къ Крымскому Хану Мурать-Гирею для заключенія договора о границѣ между обоими государствами, которою и назначены были: рѣка Днѣпръ и городъ Кіевъ, съ принадлежащими къ нему городками Васильковымъ, Трипольемъ и Стайками. Кромѣ подробностей о посольскихъ переговорахъ, Статейный списокъ содержитъ въ

* Сознаемся, что въ этомъ отношеніи едва ли мы можемъ указать на одного проповѣдника, который бы умѣлъ воздержаться отъ панегиризма. *Ред.*

Digitized by Google

себѣ любопытныя замѣтки о пути, которымъ ходили въ Крымъ, о наружности Хана и характерѣ его повѣренныхъ, и проч. Авторъ Статейнаго списка есть Дьякъ Посольскаго Приказа (по нынѣшнему Министерства Иностранныхъ Дѣлъ секретарь) Никита Моисеевичь Зотовъ, знаменитый въ послѣдствіи тѣмъ, что состоялъ «охранителемъ здравія» и первымъ наставникомъ Царевича Петра Алексѣевича. Для своего времени онъ былъ дипломатъ довольно искусный. Представляемъ нѣсколько мѣстъ изъ описанія посольства.

Дорогою и въ Крыму послы часто подвергались опасностямъ и лишеніямъ. Напримѣръ, вотъ какой былъ посольской дворъ. «А строенья на посольскомъ дворѣ по Аталыкову мирному договору учинено при посланникѣ Царскаго Величества, при Васильѣ Ѣлчинѣ, четыре пунишки складены изъ дикого не тесоного камени, смазаны скареднымъ навозомъ, безъ потолковъ и безъ мосту и безъ лавокъ и безъ дверей, а для свѣту учинено по одному окошку. И воистинну объявляемъ о томъ строеньѣ, яко псомъ и свиніямъ въ Московскомъ государствѣ далеко покойнѣе и теплѣе, нежели тамъ намъ посланникомъ Царского Величества. А лошадямъ не только какихъ конюшень учинено и привязать ихъ было незачто; и кормовъ намъ и лошадямъ нашимъ ничего не давали, и купить съ великою нуждою хлѣба и ячмени и соломы на силу добывали, и то самою высокою цѣною.»

Предъ первою аудіенціею послы выхлопотали себѣ важную уступку со стороны мусульманскаго этикета: «въ то время, когда будемъ предъ Хановымъ В—вомъ на посольствѣ и станемъ ему по чину честь и поклонъ отдавать, чтобъ насъ *за шеи не брали и силою до земли не нагибали*, и тѣмъ насъ не безчестили; мы и сами поклонимся по надлежащему чину. И Ахметъ-ага сказалъ: для доброгоде вашего посольства нагибать силою васъ не велитъ, буде вы сами до земли поклонитесь, также бы-де и Царское В—во изволилъ Крымскимъ посланникамъ и гонцомъ въ нагибаньѣ поклоновъ повольность учинить.» — Аудіенція прошла довольно благополучно.... «Не доѣзжая до воротъ Ханского двора, саженъ за 30, всѣхъ насъ остановили копычеи и семейни и велѣли ссѣсть съ коней и итить пѣ-

Digitized by Google

шимъ. И мы о томъ съ приставомъ и съ копычеями спорывались много и хотѣли ѣхать до самыхъ воротъ, и они насъ задержали, и лошадей подъ нами остановили, и далѣ ѣхать не пустили. И мы ссѣдчи съ лошадей шли до Ханского двора, и дворомъ, и въ хоромы къ Хану вошли въ шапкахъ, тѣмъ же посольскимъ порядкомъ, и вшедчи стали посреди полаты, и увидѣвъ Ханово Величество шапки сняли и поклонились ему до земли, собою безъ всякіе неволи за договоромъ вышеупомянутымъ съ ближнимъ человѣкомъ. Ханъ сидѣлъ въ правой сторонѣ палаты, въ углу, на бархатномъ червчатомъ коврѣ, опершися о подушки золотные. Онъ особою своею строенъ и дороденъ, лица красного, взоромъ свѣтелъ и веселообразенъ, средняго вѣку, волосомъ черенъ съ сѣдиною, бороду краситъ. Платье на немъ, портище суконное муромъ зеленое на соболяхъ, Турецкимъ строемъ, подъ исподомъ кафтанъ тафтяной алой цвѣтъ; шапка — сукно красное съ соболемъ — Татарская. Въ полатѣ по стѣнамъ обитья никакова не было, толко надъ нимъ Ханомъ висѣлъ на гвоздѣ сладакъ ево и сабля и пиногоръ бархатной. Ближніе люди стояли по обѣ стороны подлѣ стѣнъ въ рядъ, въ одинъ человѣкъ. Платье на нихъ Турецкимъ и Татарскимъ строемъ, въ челмахъ и шапкахъ.»

Когда дошло до переговоровъ о границѣ, вдругъ возникли большія затрудненія для нашихъ пословъ. Ханъ и особенно ближніе его люди и слышать не хотѣли даже о малѣйшей уступкѣ; дипломатическія уловки, обѣщанья подарковъ, краснорѣчивыя объясненія спорнаго дѣла — мало дѣйствовали, — и Крымцы, видя настойчивость пословъ, употребили противъ нихъ очень не законныя мѣры. Дьякъ Зотовъ говоритъ: «и за то насъ Ханъ велѣлъ задержать до указу Салтана Турского въ великой тѣснотѣ и въ голодной скудости и на стужѣ, въ земляной ямѣ, гдѣ ни печи, ни лавокъ, ни потолку, ни окошекъ не было, только дверцы съ окошечкомъ малымъ, въ которыя входили и исходили, да сверху накрыто хворостомъ и наметано землею и тамъ животъ свой мучили.» А въ другой разъ: «бей приказалъ посольскаго двора сторожу не велѣлъ къ намъ ни какихъ народовъ людей съ харчами и конскимъ кормомъ

Digitized by Google

и съ дровы припущать, и для покупки всякихъ кормовъ съ посольского двора людей нашихъ въ Бакчисарай и по деревнямъ, спускать не велѣлъ.» Послы должны были уступить, тѣмъ болѣе, что «Ханъ велѣлъ кликать по всѣмъ Крымскимъ портамъ и по Нагайскимъ улусамъ, чтобъ готовились въ войну, по Государевы Украинскіе города, на весну».... За уступкою требованій касательно границы, въ прочихъ статьяхъ договора условились безъ затрудненій, — и мирный договоръ былъ заключенъ 3 го Января 1681 г. Ханъ закрѣпилъ свои обѣщанія шертною грамотою. Начало ея особенно любопытно по громкому титулу, какой давали себѣ владѣтели Крыма. «Божіею милостію Великіе Орды, Великого Юрта Крымского престола, Кипчацкіе степи многихъ Татаровъ и безчетныхъ Нагаевъ, правой и лѣвой страны несчетныхъ темъ Татовъ и Тевкѣсовъ и междугорскихъ Черкесовъ Государь, высокоимянитый Ханъ, благодатный, славнѣйшій, сильнѣйшій и дерзновеннѣйшій, мы великій Муратъ-Гирей-Ханъ, сый въ благодати въ настоящихъ временахъ...,»

80. Аѳинская Игемонія. Разсужденіе Михаила Стасюлевича, представленное въ 1-ое отд. Фил. Факультета С. Петербургскаго Университета для полученія степени магистра Всеобщей Исторіи. Спб. 1849. 90 стр. въ 8-ю д. л.

Обязанность рецензента, особенно въ нашей, еще довольно юной литературѣ, состоитъ, намъ кажется, въ томъ, чтобы, мягко и правдиво указывая на недостатки каждаго сочиненія, выставлять съ участіемъ хорошія его стороны, ободрять и поддерживать автора на томъ пути, который ему особенно свойственъ, и доброжелательнымъ сужденіемъ способствовать ему употреблять свои силы на такія работы, въ которыхъ его трудъ можетъ быть наиболѣе производителенъ. Еще болѣе доброжелательности и осторожности долженъ показывать рецензентъ, когда имѣетъ дѣло съ первыми учеными или литературными опытами. Слишкомъ строгій отзывъ можетъ привести въ отчаяніе и отбить охоту, слишкомъ снисходительный возбудить ошибоч-

Digitized by Google

ныя понятія объ успѣхѣ: и въ томъ и въ другомъ случаѣ, рецензія не будетъ имѣть добрыхъ послѣдствій, скорѣе ослабитъ энергію автора или приведетъ его въ болѣзненную раздражительность, нежели напряжетъ его силы. По этому-то, когда еще вскорѣ послѣ выхода диссертаціи Г. Стасюлевича, мы прочли ее и увидѣли, что отыскивать въ ней хорошія стороны стоитъ гораздо большаго труда, нежели указать на недостатки, мы отложили намѣреніе писать на нее рецензію, и остались бы при томъ, даже послѣ того какъ эта дисертація была совершенно не по достоинству расхвалена рецензентомъ одного Петербургскаго журнала, очевидно нисколько незнакомымъ съ ея предметомъ. Приглашенные недавно редакціею Москвитянина, мы были въ затрудненіи и вѣроятно, не иначе сказали бы наше мнѣніе о диссертаціи Г. Стасюлевича, какъ при отчетѣ о какой-нибудь другой книгѣ, занимающейся родственнымъ предметомъ. Но теперь авторъ значительно облегчилъ наше дѣло, выступилъ самъ рецензентомъ, тѣмъ болѣе, что книга, имъ рецензированная, есть также ученая диссертація. По этому-то, при ея рецензіи, Г. Стасюлевичъ имѣлъ случай высказать нѣсколько мыслей и требованій относительно ученыхъ диссертацій вообще, — и намъ остается только легкій трудъ приложить его требованіе къ его собственному произведенію. При этомъ дѣлѣ мы совершенно свободны отъ опасенія быть несправедливыми: мы будемъ его судить по его собственной формулѣ; если мы возьмемъ на себя обязанность судьи, то на его сторонѣ будетъ та выгода, что онъ будетъ и подсудимымъ и преторомъ. Произнесеніе приговора мы также предоставимъ ему самому. Сужденіемъ нашимъ онъ, конечно, не оскорбится, какъ оно ни будетъ невыгодно: какъ писатель не начинающій, а уже судящій и рядящій въ литературѣ, онъ, навѣрное, не потребуетъ отъ насъ снисходительности. Мы же кромѣ того будемъ благонамѣренны, будемъ говорить прямо и *безъ задними мыслей.*

Нашею исходною точкою будутъ замѣчанія, высказанныя имъ самимъ въ вышеупомянутой рецензіи. Мы признаемся, что воспользуемся не всѣми ими. Причина та, что нѣ-

Digitized by Google

которыя изъ нихъ намъ не по силамъ. Сюда относятся напр. мнѣнія, подобныя тому, будто бы «наука, какъ и все то, что произведено человѣческимъ духомъ, родилась вслѣдствіе какой-то прирожденной и потому (!) необъяснимой потребности знанія, или «будто бы разборъ источниковъ относится къ двумъ сторонамъ: къ самому тексту источника и къ лицу его автора, изъ которыхъ первая составляетъ предметъ филологіи, а вторая философіи,» не говоря объ удивившемъ насъ отождествленіи науки въ одномъ мѣстѣ съ ученостью, а въ другомъ съ односторонними и произвольными теоріями. Оставляя въ сторонѣ подобныя вещи, мы воспользуемся только тѣмъ, что мы въ состояніи понять и повторить.

Начнемъ съ замѣчанія, вполнѣ справедливаго, что изъ историческихъ наукъ «до сихъ поръ только одна наука исторіи древняго (надобно прибавить: классическаго) міра можемъ гордиться прочностью своего основанія.» Дѣйствительно, «какая лѣтопись среднихъ вѣковъ можетъ сравниться по своей (?) ясности, точности и богатству критическихъ объясненій, напр., съ исторіею Геродота, Ѳукидида и др.?» Но что же слѣдуетъ для насъ изъ того, что« начиная съ такъ называемой эпохи «возрожденія», т. е. съ XV ст., вся (?) дѣятельность ученыхъ была направлена исключительно къ изданію и комментированію древнихъ авторовъ? Изъ этого конечно слѣдуетъ, что въ сочиненіяхъ по части Греческой и Римской исторіи гораздо менѣе извинительны, нежели въ сочиненіяхъ объ исторіи другихъ народовъ, ошибки, проистекающія или изъ непониманія словеснаго смысла источниковъ, такъ хорошо объясненныхъ учеными, или изъ непониманія изслѣдованій новыхъ ученыхъ, которыя такъ обширны и полезны, но, само собою разумѣется, только для людей, ихъ понимающихъ, или изъ неопытности и неловкости въ тѣхъ пріемахъ которые доведены до такого совершенства людьми, разработывавшими источники Греческой и Римской исторіи.

Въ диссертаціи Г. Стасюлевича мы нашли въ очень большомъ числѣ ошибки всѣхъ этихъ трехъ родовъ. Вполнѣ

Digitized by Google

исчислять ихъ мы не станемъ, не будучи расположены утомлять ни себя, ни читателя, а приведемъ только по нѣскольку обращиковъ, оставляя остальныя замѣтки на случай, ежели нашъ преторъ вадумаетъ ихъ отъ насъ потребовать. Мы особенно настаиваемъ на томъ, что, для краткости, выбираемъ только по два или по три примѣра, хотя могли бы привести гораздо болѣе. Поэтому наши замѣчанія отнюдь не придирки.

И такъ, во-первыхъ, *непониманіе словеснаго смысла доказательныхъ мѣстъ*. Начнемъ съ великаго искусства дѣлать конструкцію. Стр. 12: *Αἰγινῆται Ἐπιδαυρίων ἤκουον τά τε ἄλλα καὶ δίκας, διαβαίνοντες ἐς Ἐπίδαυρον, ἐδίδοσαν*. Это мѣсто Геродота (V, 83) Г. Стасюлевичъ переводитъ: «Эгинцы повиновалися Епидаврійцамъ и какъ все прочее, такъ и судъ, имѣли въ Епидаврѣ.» Слѣдовало перевести: какъ вообще повиновались Епидаврійцамъ, такъ и судъ имѣлъ въ Епидаврѣ;» стр. 42: *χρὴ γὰρ τοὺς ἡγεμόνας— τὰ κοινὰ προσκοπεῖν, ὥσπερ καὶ ἐν ἄλλοις ἐκ πάντων προτιμῶνται*. Т. I, 120. по переводу Г. Стасюлевича: «Игемону нужно надзирать за общественными дѣлами;» по правильному переводу: «Гегемону нужно заботиться объ общихъ, (т. е. союзныхъ) дѣлахъ.» Эта ошибка тѣмъ была вреднѣе, что повела къ заключенію о судебной зависимости городовъ отъ гегемона, тогда какъ въ Θукидидовомъ мѣстѣ говорится только о предпочтительной (и то, неисключительной) обязанности гегемона заботиться о благѣ союза. Вообще Г. Стасюлевичъ имѣетъ о судѣ ложное понятіе и никакъ не можетъ отличить суда отъ вещей вовсе на него непохожихъ. Такъ напр. слово *βουλευτήριον*, означающее совѣтъ, онъ во многихъ мѣстахъ передаетъ словомъ «судъ», и на этомъ ложномъ переводѣ строитъ свое оригинальное мнѣніе о судебной зависимости автономическихъ городовъ отъ гегемона, см. стр. 43, 45 и др.

Во-вторыхъ, *непониманіе объясненій предложенныхъ новѣйшими учеными*, составляетъ общій недостатокъ разбираемаго разсужденія. «Разсматривая обще принятыя опредѣленія игемоніи Аѳинъ», такъ начинаетъ авторъ свое разсужденіе, «мы увидимъ, что ее обыкновенно считаютъ то сою-

Digitized by Google

зомъ, то какимъ-то особеннымъ военнымъ учрежденіемъ». Мы, напротивъ, не считаемъ ни того, ни другаго опредѣленія *обыкновеннымъ* ни относительно гегемоніи вообще, ни относительно гегемоніи Аѳинъ, и указываемъ, въ подтвержденіе нашего сомнѣнія, на лексиконъ Пассова, въ которомъ, конечно, никто не станетъ искать необыкновенныхъ объясненій. Тамъ слово ἡγεμονία переводится просто словомъ Vorrang (Въ Лексиконѣ Коссовича: «предводительство, верховная власть, а не одна команда»). Ежели этого мало, посмотримъ въ обыкновенные учебники и найдемъ, что Шёманнъ употребляетъ по-Латини вмѣсто сказаннаго Греческаго слова — principatus Graeciae, а Германнъ — Bundeshauptmannschaft. Обыкновеннымъ и истиннымъ опредѣленіемъ гегемоніи Аѳинъ остается слѣдующее: она была стратегическимъ и политическимъ предводительствомъ въ союзѣ, образовавшемся послѣ Микальской побѣды изъ освободившихся отъ Персовъ Мало-Азіатскихъ колоній, какъ Іонійскихъ, такъ Эолійскихъ и Дорійскихъ, и другихъ приморскихъ городовъ и острововъ. Полемика Г. Стасюлевича не поколебала въ немъ ни одной іоты. «Автономія городовъ» говоритъ далѣе Г. Стасюлевичъ съ намѣреніемъ полемизировать, «принималась за независимость ихъ». Это также для насъ ново. Для насъ въ этомъ вопросѣ представителемъ современнаго состоянія науки служитъ Бёкъ, а у него независимость приписывается союзникамъ Аѳинскимъ только въ первыя времена (Staatsh. 1,428), о послѣдовавшемъ же времени говорится, что всѣ *постоянные союзники раздѣлялись на самостоятельныхъ и подчиненныхъ* (ib. 433). Не вникнувъ въ смыслъ этого мѣста, авторъ во-первыхъ смѣшалъ два Нѣмецкія слова: selbstständig и unabhängig, а во-вторыхъ слово unterwürfig перевелъ *повинный* вмѣсто *подчиненный*, погрѣшивъ и противъ ученыхъ, которыхъ мнѣнія онъ передавалъ, чтобы опровергать ихъ, и противъ Греческаго языка, на которомъ *повинный* значитъ ὑποτελής, а не ὑπήκοος. Но посмотримъ, какъ онъ опровергаетъ созданное имъ самимъ «обыкновенное» мнѣніе ученыхъ. Сначала онъ хочетъ показать, что Аѳинская гегемонія была не союзомъ, а чѣмъ-то другимъ. Что дѣло идетъ объ Аѳинской гегемоніи, видно изъ двухъ мѣстъ первой страницы, и приведен-

Digitized by Google

ное такъ въ нѣкоторомъ искаженіи «обыкновенное» опредѣленіе относится только къ Аѳинской гегемоніи. На страницѣ же 2-ой, въ опроверженіе его приводится мѣсто Ѳукидида (въ примѣчаніи, сказать мимоходомъ, не совсѣмъ точно переведенное), въ которомъ нѣтъ ни слова объ Аѳинской гегемоніи, а говорится о гегемоническомъ притязаніи Коринѳа относительно Керкиры, основывавшемся дѣйствительно не на союзѣ, а на правѣ метрополіи. Опроверженіе, основанное на этомъ мѣстѣ, имѣетъ такую же силу, какъ ежели бы мы стали опровергать всѣ существующія мнѣнія объ Аѳинской гегемоніи, опираясь или на Ксен. Анаб. 4, 7, 8, гдѣ ἡγ. значитъ, команду отрядомъ войска, или на ораторовъ, у которыхъ ἡγ. иногда значитъ компетенцію суда, или на Плут. Мар. 36, гдѣ ἡγ. означаетъ даже Римское консульство. Говоря объ Аѳинской гегемоніи, надобно опираться на мѣста, относящіяся къ Аѳинской гегемоніи. На стр. 3 авторъ споритъ противъ отождествленія автономіи и независимости, и ссылается на Ѳукидида, который (VI. 85), какъ говоритъ авторъ, «раздѣляетъ союзниковъ Аѳинскихъ на автономическихъ и независимыхъ», или, какъ сказали бы мы, отличаетъ отъ подчиненныхъ союзниковъ, во-первыхъ, постоянныхъ союзниковъ автономическихъ и, во-вторыхъ, такихъ союзниковъ, которые совершенно добровольно и временно участвуютъ въ союзѣ (переводъ этого мѣсто у автора тоже неточенъ). Это Ѳукидидово различеніе отъ слова до слова соотвѣтствуетъ различенію сдѣланному Бёкомъ (стр. 433); слѣдовательно Г. Стасюлевичъ приводитъ въ опроверженіе ученыхъ мѣста, которыми ученые воспользовались съ бо̀льшею точностью, нежели онъ. Мѣсто Ѳукидида всѣмъ извѣстно и приводить его было нечего, развѣ только для подтвержденія другой стороны *обыкновеннаго* мнѣнія ученыхъ, отвергаемаго Г. Стасюлевичемъ. Мы говоримъ о положеніи, что Аѳиняне въ отношеніи союзниковъ своихъ руководствовались болѣе выгодою нежели правомъ. Въ приведенномъ имъ самимъ мѣстѣ Ѳукидида, нѣсколько выше, Г. Стасюлевичъ могъ бы прочесть, что Аѳиняне въ отношеніи къ союзникамъ слѣдуютъ всегда своей выгодѣ, и, нѣсколько ниже, нашелъ бы онъ собственныя слова Аѳинянъ къ жителямъ Кама-

Digitized by Google

рины: «намъ выгодно, чтобы Халкида платила подать, потому она и платитъ; но въ то же время намъ выгодно, что бы вы были автономическимъ городомъ; по этому *вамъ* нечего насъ опасаться.» Не ясно ли видно изъ этого признанія, что въ отношеніяхъ къ союзникамъ Аѳиняне не руководились справедливостью, а пользовались превосходствомъ своихъ силъ? А. Г. Стасюлевичъ возстаетъ противъ этого мнѣнія. Далѣе, на той же третьей страницѣ, онъ говоритъ уже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ о «прежнемъ» взглядѣ на гегемонію и полагаетъ, что его еще труднѣе соединить «съ тѣмъ извѣстіемъ Ѳукидида, гдѣ сказано, что повинные города (города, пострадавшіе, какъ это принимается, отъ Аѳинъ) всегда являются привязанными къ своимъ притѣснителямъ. Въ выноскѣ приводятся два мѣста Ѳукидида: III, 27 и IV, 130. Но въ обоихъ приведенныхъ мѣстахъ о привязанности нѣтъ ни слова; и какая, въ самомъ дѣлѣ, могла быть привязанность у людей, потерявшихъ даже право собственности на своей землѣ и платившихъ оброкъ Аѳинскимъ клерухамъ (Ѳук. III, 50)? По приведеніи этихъ (и только этихъ) опроверженій, авторъ говоритъ слѣдующее: «кажется, должно уже быть достаточно *всего* этого, на что мы теперь указали только вкратцѣ, чтобы по крайней мѣрѣ на первый разъ усомниться въ достаточности приводимыхъ до сихъ поръ опредѣленій Игемоніи и объясненій ея устройства.» Все это находится на *первыхъ трехъ* страницахъ. Объ опрометчивости всего этого мы не скажемъ ни одного слова и только прибавимъ, какъ выводъ изъ внимательнаго прочтенія диссертаціи Г. Стасюлевича, что другія основанія его полемики противъ «обыкновеннаго» опредѣленія гегемоніи также мало основательны, какъ и эти, представленныя на первый разъ на первыхъ трехъ страницахъ. Разбирать же все разсужденіе, какъ мы разобрали первыя три страницы, значило бы написать на книгу Г. Стасюлевича другую книгу, а этого требовать отъ насъ невозможно.

Теперь посмотримъ, въ-третьихъ, *до какой степени онъ усвоилъ себѣ тѣ необыкновенно точные пріемы*, которыми, по справедливости, гордится древняя классическая

Digitized by Google

филологія. Одинъ обращикъ мы уже имѣли въ приведенныхъ некстати мѣстахъ Оукидида и въ произвольномъ выводѣ изъ двухъ изъ нихъ того, что̀ изъ нихъ вовсе не слѣдуетъ. Подобная же неточность встрѣчается во многихъ другихъ не менѣе важныхъ мѣстахъ разсужденія. Такъ напр. авторъ на стр. 12 дѣлаетъ обозрѣніе отношеній метрополіи къ поселеніямъ. Для его цѣли это очень важно, потому что, по его мнѣнію, *все* гегемоническое устройство произошло изъ метропольныхъ отношеній. Но его обозрѣніе сдѣлано такъ, что его можно было бы удовлетворительнѣе сдѣлать по однимъ учебникамъ. Между прочимъ авторъ принимаетъ тѣсную зависимость поселеній отъ метрополіи въ дѣлахъ религіозныхъ и говоритъ, что жрецы «обыкновенно избирались въ поселеніяхъ изъ митрополіи.» Основывается онъ на мѣстѣ Оукидида, толкуемомъ различно; онъ, повидимому, слѣдуетъ толкованію Поппо, но критическому изслѣдователю не слѣдовало бы обходить молчаніемъ другихъ толкованій, совершенно противоположныхъ, изъ которыхъ одно должно быть ему извѣстно изъ Шёманнова учебника древностей. Въ примѣчаніи онъ приводитъ слова схоліаста, какъ бы не зная, какой это недостовѣрный источникъ, и цитуетъ мѣсто Тацита, Аппол. II, 54. Но у Тацита только говорится, что жрецемъ-предсказателемъ въ оракулѣ Кларійскаго Аполлона близъ Колофона бывалъ Милетянинъ, а изъ этого ровно ничего не слѣдуетъ: Кларійскій оракулъ былъ совершенно-самостоятельнымъ, а не Колофонскимъ городскимъ святилищемъ, и кромѣ того Колофонъ едва ли былъ колоніей Милета. Авторъ долженъ былъ знать, что происхожденіе Колофона отъ Милета не фактъ, а предположеніе Рауль-Рошетта (Histoire critique etc. III, 60), основанное на томъ же самомъ мѣстѣ Тацита, сравненномъ съ тѣмъ же самымъ мѣстомъ Оукидидова схоліаста.

Примѣровъ подобнаго неточнаго обращенія съ источниками на поляхъ нашего экземпляра отмѣчено очень много. Мы ихъ не выписываемъ, чтобы растянутою рецензіею не утомить читателя, а намъ самимъ, — мы въ этомъ сознаемся передъ авторомъ, — процессъ писанія не доставляетъ удовольствія, какъ другимъ рецензентамъ.

Digitized by Google

Г. Стасюлевичъ въ своей рецензіи не раздѣляетъ мнѣнія Г. Грановскаго, что монографіи у насъ менѣе необходимы, нежели значительныя произведенія, къ которымъ могли бы примкнуть частныя изслѣдованія. Но, стоя за монографію, онъ очевидно не можетъ не требовать, чтобы въ монографіяхъ не было замѣтно слѣдовъ недостатка общихъ сочиненій въ нашей ученой литературѣ. Сказавъ, что мы, ученые, движемся наукою и вмѣстѣ съ нею впередъ, онъ очевидно тѣмъ самымъ высказалъ и требованіе, чтобы ученая монографія соотвѣтствовала современному состоянію науки, и чтобы ученый монографъ былъ знакомъ съ современнымъ рѣшеніемъ вопросовъ, сопредѣльныхъ его вопросу. Если же это такъ, то что надобно сказать о такихъ монографіяхъ, гдѣ встрѣчаются не только промахи противъ той науки, къ которой относятся, но и нетвердость въ фактахъ? Напримѣръ, въ монографіи Г. Стасюлевича, Спарта считается метрополіей Дорическихъ колоній (стр. 17), или говорится, что Аѳиняне наносятъ при первомъ удобномъ случаѣ оскорбленія Персамъ (стр. 18), тогда какъ Аѳиняне просили помощи у Персовъ противъ Клеомена и посылали пословъ къ Персамъ съ просьбою не вѣрить Гиппію? Приверженцами же Персовъ, по Г. Стасюлевичу, должны быть съ самаго начала Спартанцы, о которыхъ намъ разсказываетъ Геродотъ, что они бросили въ колодецъ пословъ Дарія и еще прежде запрещали Киру покорять Греческія колоніи. На стр. 22 и 23 также смѣшаны факты, происходившіе слѣдующимъ образомъ. Когда союзники не хотѣли повиноваться Доркису, то вся его экспедиція возвратилась въ Спарту и другихъ экспедицій съ тѣхъ поръ Спартанцы отъ себя не высылали. Съ тѣхъ поръ Спартанцы въ войнѣ съ Персами не участвовали и союзниками Аѳинянъ быть не могли, а ежели говорится, что Греки раздѣлились нѣсколько послѣ, то изъ этого только слѣдуетъ, что Аѳиняне продолжали признавать себя союзниками Спарты, а Спарту своимъ гегемономъ. Союзъ, заключенный противъ Персовъ, въ главѣ котораго стояла Спарта, былъ разорванъ въ третью Мессенскую войну, но дѣйствительное предводительство на морѣ оставлено Спартанцами со времени возвращенія Дор-

Digitized by Google

киса. У Р. Стасюлевича эти факты нѣсколько спутаны, чего бы не случилось, если бы его диссертація могла примкнуть къ какому-нибудь дѣльному большому труду. Равнымъ образомъ Г. Стасюлевичъ не впалъ бы тогда въ ошибку, по нашему мнѣнію, важную, не согласившись на стр. 42 съ Бёкомъ, Составляя теорію происхожденія Аѳинской гегемоніи, онъ не оставилъ бы безъ упоминанія происхожденія Спартанской гегемоніи, которая не могла не послужить въ нѣкоторомъ отношеніи образцемъ для гегемоніи Аѳинской.

Послѣ всего сказаннаго о томъ, какъ Г. Стасюлевичъ пользуется теперешнимъ очень высокимъ состояніемъ классической филологіи, кажется, время выписать слѣдующія его слова: «Изъ всего сказаннаго нами объ историческихъ занятіяхъ ясно видна причина, по которой большая часть лучшихъ новѣйшихъ историковъ обращаютъ свое вниманіе преимущественно на исторію древняго міра. Вовсе не величіе Грековъ и Римлянъ обращаетъ на себя ихъ вниманіе, а возможность трудиться сообразно съ требованіями науки исторіи: для нихъ все приготовлено.»

Г. Стасюлевичъ могъ хорошо воспользоваться тѣмъ, что для него все было приготовлено, и могъ легко трудиться сообразно съ требованіями науки. Это его собственныя слова.

Для Г. Стасюлевича, какъ кажется, совершенно не ясно значеніе термина *родовое начало* (ф. стр. 23) и понятіе *государство*, (иначе онъ не назвалъ бы (на стр. 11) колоній частью государства, колоній, которыя у Грековъ не находились даже, безъ особыхъ договоровъ, въ отношеніи взаимнаго гражданства или исополитіи) и что онъ въ своемъ разсужденіи нѣсколько разъ смѣшиваетъ:

1. Судъ въ тяжбахъ города съ городомъ съ судомъ въ тяжбахъ отдѣльныхъ горожанъ и

2. Общія дѣла союза съ общественными городскими дѣлами его членовъ и съ частными дѣлами гражданъ тѣхъ городовъ, которые находятся въ союзѣ.

Но пора прекратить эти замѣчанія. Надѣясь при другомъ случаѣ поговорить о сущности весьма важнаго вопроса

Digitized by Google

объ гегемоніи въ Греціи, мы теперь только замѣтимъ, что, по нашему мнѣнію, ее никакъ нельзя производить исключительно отъ метропольныхъ отношеній, какъ дѣлаетъ Г. Стасюлевичъ, и что надобно строго различать ея различные виды, начиная отъ гегемоніи метрополій до гегемоніи Македоніи. Лучшимъ пособіемъ, чтобы познакомиться съ Аѳинской гегемоніей, мы считаемъ и теперь, послѣ диссертаціи Г. Стасюлевича, превосходный отдѣлъ у Бёка (Staatshaush. I, 427—465), и сомнѣваемся, чтобы наука изъ труда нашего автора могла воспользоваться многимъ, кромѣ раздѣленія Аѳинскихъ Клерухій на два разряда, хотя наименованіе полныхъ Клерухій гегемоническими, тоже, по нашему мнѣнію, неудачно. Впрочемъ мы видимъ въ его диссертаціи похвальное *желаніе* работать по источникамъ и самостоятельно ихъ обсуживать, и ни какъ не скажемъ, что у него нѣтъ органа для историческихъ изслѣдованій. Напротивъ, мы думаемъ, что онъ легко можетъ освободиться отъ парадоксальности и другихъ недостатковъ, нами указанныхъ.* *П. Леонтьевъ.*

81. Poèsies de Marie Hlopoff. Moscou 1850 (Стихотворенія Маріи Хлоповой (?!). Москва 1850.)

Нашъ вѣкъ такъ всестороненъ, такъ уменъ, что онъ даже заботится о тѣхъ людяхъ, которые сами не хотятъ заботиться о себѣ. Вы рѣшились ничего не дѣлать, или вамъ предписано разсѣяніе, развлеченія,—для васъ готовы клубы, преферансъ, гимнастика, разнаго рода спортъ, если вы мужчина; — шляпки, ленты, польки, редовы, готовыя вязанья и вышиванья, если вы женщина. Чего же бы, кажется, еще? И все это нынче такъ дешево, такъ удобно, такъ приспособлено ко всякому вкусу, ко всякому карману. Такъ нѣтъ же вотъ. Есть люди вѣчно недовольные всѣмъ,

---

* Вѣрные правилу о свободѣ ученыхъ и литературныхъ мнѣній, подъ коимъ подписывается имя, мы помѣщаемъ эту рецензію, хотя почитаемъ ее слишкомъ строгою. Критикъ опустилъ изъ виду различіе между диссертаціею ученою, литературною и диссертаціею обязанною. Эта рецензія вызвана, кажется, рецензіей самого Г. Стасюлевича, которую мы помѣстили въ послѣднемъ нумерѣ, также во исполненіе нашего правила. Гораздо лучше, еслибъ сія послѣдняя была опровергнута положительно. Само собою разумѣется, что мы готовы помѣщать такіе отвѣты. *Ред.*

Digitized by Google

есть дамы, напримѣръ, которыя не удовлетворяются танцами и «работами»: имъ этого мало. И давай, отъ нечего-дѣлать, писать стихи. Но какъ писать? Писать Русскіе стихи не легко: лучшее доказательство опытъ. Кто у насъ были и есть женщины поэты? Много ли ихъ? А Французскій-то языкъ на что? Мы знаемъ его не хуже, а, чего добраго, и лучше Русскаго. Насъ прежде заставили выучить наизусть басню Лафонтена, а потомъ басню Крылова; намъ съ дѣтства твердили: mais parlez donc français! Какъ же было не изощриться, въ самомъ дѣлѣ? Давайте же писать. Вотъ хоть бы Госпожа Марія Хлопова! (мы произносимъ Хлопова, хотя, по Французскому правописанію, слѣдовало бы произносить иначе, почему, вѣроятно, нужно было напечатать *Khlopoff*, какъ Kharcoff, Khan, что, по нашему, все-таки выходитъ Клоповъ, Карьковъ, Канъ, но что же прикажете дѣлать съ прекраснымъ Французскимъ языкомъ?) Госпожа Хлопова не первая у насъ въ Россіи дѣйствуетъ на поприщѣ Французской поэзіи: ей предшествовали Г-жа Улыбышева, Князья Голицынъ и Мещерскій, Г. Цуриковъ и другіе. Всѣмъ этимъ жрецамъ благороднаго искусства въ свое время, была воздана должная честь. Теперь очередь за Госпожею Хлоповой. Мы не рѣшаемся оставить ее безъ вниманія, изъ опасенія, что подвергнемся ея гнѣву. Но что же сказать о стихотвореніяхъ Госпожи Хлоповой?

Мы вообще не любимъ Французскихъ стиховъ. Было время, можно было читать такіе стихи:

Eh bien! je le voulais. J'aurais bien dû me croire!
Tant de fois à ses torts je cédai la victoire!
Je devais une fois du moins, pour la punir,
Tranquillement l'attendre et la laisser venir.
Non. Oubliant quels cris, quelle aigre impatience
Hiersureut me contraindre à la fuite, au silence,
Ce matin, de mon coeur trop facile bonté!
Je veux la ramener sans blesser sa fierté... и т. д.

Съ того времени было напечатано множество Французскихъ стиховъ, но мы, до сихъ поръ, не могли пріучить себя сочувствовать ни однимъ изъ читанныхъ нами, между которыми иные принадлежали, даже, самому Господину Гюго, самому Господину де-Мюссе, самому Господину Ламартину. Что мы сказали? Господину Ламартину.

Digitized by Google

Вотъ она, неосторожность, вотъ спѣшность рецензентовъ! Какъ разъ попадешь съ ними въ просакъ. Господинъ Ламартинъ главный учитель Госпожи Хлоповой; «ce fut le crucifix de Lamartine qui me rendit poète, говоритъ она, въ своемъ предисловіи; Ламартинъ первый вдохновлялъ ее; если бы не Ламартинъ, мы, пожалуй, не имѣли бы удовольствія бесѣдовать теперь съ вами о Г-жѣ Хлоповой; Ламартину посвящено ею цѣлое стихотвореніе, гдѣ онъ названъ *новымъ Давидомъ*, а мы было, едва-едва не сказали, что стихи Ламартина хуже тѣхъ, которые на удачу привели для васъ. Теперь мы этого, разумѣется, не скажемъ. Учитель вамъ извѣстенъ,— надо познакомиться съ ученицей. Г-жа Хлопова много путешествовала, о чемъ мы заключаемъ изъ подписей подъ нѣкоторыми ея стихотвореніями: Rome, Bâle, Civita-Vecchia, или изъ надписей: en Irlande, и т. д.; у Г-жи Хлоповой есть враги что мы выводимъ изъ ея посланія «A mes ennemis»; Г-жа Хлопова знаетъ по-Англійски и по-Италіански, о чемъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя надписи и эпиграфы, какъ-то: Her eye was large and dark! и «Tempo passato»; Г-жѣ Хлоповой не чуждо сочувствіе восточной жизни и восточной поэзіи, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ стихотвореніе: Une Orientale, гдѣ рѣчь идетъ и о гуріяхъ, и о Магометѣ, и объ Арабскихъ лошадяхъ, и о гаремахъ, и о прочихъ принадлежностяхъ счастливой Аравіи; Г-жа Хлопова думаетъ о томъ, что съ ней будетъ, почему она и написала стихотвореніе: Ce que je deviendrai!; у Г-жи Хлоповой есть такія риѳмы какъ passé-fiancé, pensée-aimée, которыхъ мы не встрѣчали у ея учителя, — такіе куплеты какъ:

O mon coeur,	Mon envie,
O ma fleur,	O mes jours,
O mon âme,	Mes amours,
O ma flamme,	O mon ange,
O mon bien,	Ma louange,
O mon lien,	Je t'attends,
O ma vie,	Il est tems! (с. 79.)

До такой степени, если память не обманываетъ насъ, не *разохивался* ни разу достойный учитель; — у Г-жи Хлоповой есть выходочки въ родѣ слѣдующей:

Mon coeur depuis longtems dans ce *pays de glaces*,
Cherchait quelque rayon, en beauté ou en grâces,
En attraits naturels, fiers ennemis du fard, и т. д. (с. 60).

Digitized by Google

Буквально переводить этихъ стиховъ не для чего, но ихъ смыслъ мало говоритъ въ пользу сѣвера *бѣднаго, угрюмаго, холоднаго* (читатели знаютъ, какъ всѣ эти эпитеты любимы вдохновенными мечтателями и мечтательницами). Москву, въ сравненіи съ Ирландіей, Г-жа Хлопова называетъ: la ville aux jours glacés et ténébreux (стр. 95); наконецъ вы узнаете что у Г-жи Хлоповой, въ ея (какъ бы это сказать на нашемъ бѣдномъ Русскомъ языкѣ?) réduit, всегда собраны ея друзья повѣренные ея любимыхъ думъ: Викторъ Гюго, Ламартинъ, великій Корнель, Расинъ, Шатобріанъ съ Боало, (чуть ли не въ одномъ переплетѣ), Декартъ, оба Руссо, Байронъ, Мильтонъ и Шекспиръ, — альбомъ, перья, которыя она называетъ оружіемъ своей музы, наконецъ то, изъ чего составлены ея счастіе, надежды, любовь, нить ея жизни, все, все ея богатство,—словомъ, ея поэзія! (с. 24.)— Вотъ данныя, на основаніи которыхъ читатель пусть судитъ самъ о Г-жѣ Хлоповой и книжкѣ ея стихотвореній. Мы, съ своей стороны, вывели слѣдующія заключенія: 1) что Г-жа Хлопова много путешествовала — это должно ей дѣлать удовольствіе; 2) что она знаетъ по-Англійски и по-Италіянски - это дѣлаетъ ей честь; 3) напрасно не воспользовалась она всѣми уроками почтеннаго учителя; 4) жалко, что она допускаетъ въ себѣ странныя и необъяснимыя для насъ пристрастія, черезъ-чуръ индивидуальныя; 5) мы думаемъ, если бы Г-жа Хлопова болѣе, напр. читала Шекспира, оставивъ въ сторонѣ Виктора Гюго, и самого Ламартина, она ничего бы не потеряла, а мы, можетъ быть, съ большимъ бы удовольствіемъ прочли ея произведенія или, даже, получили бы стихотворенія Русскія; 6) наконецъ мы должны замѣтить Г-жѣ Хлоповой, что она, за незнаніе Французскаго языка и несоблюденіе его правилъ, въ многихъ случаяхъ, можетъ подвергнуться нареканію отъ ея восторженныхъ почитателей и почитательницъ которыми, вѣроятно, ограничится кругъ ея читателей и читательницъ.

Если же мы ошибаемся, принимая Г-жу Хлопову за Русскую и Marie Hlopoff псевдонимъ, скрывающій Француженку, то готовы просить извиненія за все нами сказанное. Въ такомъ случаѣ, мы охотно уступаемъ всѣ эти Poésies Риму, Базелю, Средиземному морю, Чивита-Векіѣ и даже самому Парижу. И тогда пишите, пишите сколько вамъугодно: e sempre bene!

Digitized by Google

АНТИКРИТИКА.

Нѣсколько словъ объ историческихъ замѣчаніяхъ Г. Погодина на книгу: «Дмитріевскій Соборъ во Владимирѣ на Клязьмѣ[1].»

Въ 9 нумерѣ Москвитянина, въ разборѣ описанія Дмитріевскаго собора, помѣщены Г. Погодинымъ историческія поправки, которыя, по его мнѣнію, столь важны, что онъ совѣтуетъ автору перепечатать первую страницу сочиненія.

Нельзя было не полюбопытствовать — провѣрить и слова текста сочиненія, и слова Г. Погодина.

Въ текстѣ сказано: «Внукъ Мономаха, Князь Андрей Георгіевичь, *недовольный жизнію Кіевскою, удаляясь* въ Суздальскую землю, менѣе образованную, но гораздо спокойнѣйшую другихъ, взялъ съ собою, привезенный нѣкогда изъ Царяграда, чудотворный образъ Богоматери....»

Эти слова взяты изъ Карамзина, какъ единственнаго по сіе время авторитета для общихъ положеній Исторіи. Онъ говоритъ:

«Еще при жизни Георгія Долгорукаго, сынъ его Андрей, въ 1155 году, уѣхалъ изъ Вышегорода, не предувѣдомивъ отца о своемъ намѣреніи. Ѳеатръ алчнаго властолюбія, злодѣйствъ, грабительствъ, междоусобнаго кровопро-

---

[1] Открывая въ Москвитянинѣ особое отдѣленіе *Антикритики*, для помѣщенія возраженій на его статьи, отъ кого бы то ни было, и въ какомъ бы тонѣ онѣ ни были писаны, лишь бы заключали дѣло, я очень радъ начать это новое отдѣленіе статьею противъ себя. *М. П.*

Digitized by Google

литія, Россія южная, въ теченіе двухъ вѣковъ опустошаемая огнемъ и мечемъ, иноплеменниками и своими, казалась ему обителію скорби и предметомъ гнѣва небеснаго. *Недовольный*, можетъ быть, правленіемъ Георгія, и съ горестію видя народную къ нему ненависть, Андрей, по совѣту шурьевъ своихъ, Кучковичей, *удалился* въ землю Суздальскую, менѣе образованную, но гораздо спокойнѣйшую другихъ.... Сей Князь набожный, вмѣсто иныхъ сокровищъ взялъ съ собою Греческій образъ Маріи....»

Положенію Карамзина въ подобномъ случаѣ можно было вѣрить на слово, и предположить, что отъѣздъ Андрея въ Суздальскую землю, противъ воли отца, былъ безъ сомнѣнія слѣдствіемъ недовольствій, отъ которыхъ онъ пожелалъ *удалиться*.[2]

Но Г. Погодинъ возражаетъ: «Андрей въ Кіевѣ собственно не живалъ, слѣдовательно нельзя ему было быть ни *довольну*, *ни недовольну* Кіевскою жизнію (?). Онъ бывалъ тамъ только наѣздомъ, обязанный принимать участіе въ отцовыхъ походахъ. (?) Въ Суздальскую землю онъ «не удалялся,» а *возвращался*, пробывъ годъ, или менѣе въ Вышгородѣ.»

Въ этихъ словахъ Г. Погодина столько произвольныхъ толкованій, что слова Карамзина и текста сочиненія, не теряютъ своего вѣса. Выраженіе: *недовольный Кіевскою жизнію* Г. Погодинъ понялъ по своему, принялъ общее за частное, сферу за центръ.[3]

---

[2] Карамзинъ писалъ объ Андреѣ Боголюбскомъ почти *пятьдесятъ лѣтъ* тому назадъ. Впродолженіе этого времени изданы многія лѣтописи и открылись новые источники. Вѣрить на слово свидѣтелю, когда есть возможность найти ее въ самомъ источникѣ, нѣтъ никакой нужды. Предполагать неудовольствія — нѣтъ ни малѣйшаго повода по лѣтописямъ. Андрей уѣхалъ безъ вѣдома отца, потому что отецъ не пускалъ его отъ себя, какъ не пускалъ его и за четыре года предъ тѣмъ, что кажется неизвѣстно антикритику. (См. ниже).

[3] Антикритику неизвѣстны, кажется, никакія новыя изслѣдованія, изъ коихъ онъ могъ бы увидѣть «что здѣсь нѣтъ *ни одного* произвольнаго толкованія, а напротивъ, положительныя извѣстія, а именно:

Digitized by Google

Въ текстѣ сказано «на пути-изъ Володимира въ Суздаль, онъ остановился на мѣстѣ, указанномъ ему чудными явле-

---

Андрей жилъ, 1140 года (начнемъ хоть съ этого года) въ Володимирѣ,

1141 года въ Володимирѣ,
1142 года въ Володимирѣ,
1143 года въ Володимирѣ,
1144 года въ Володимирѣ,
1145 года въ Володимирѣ,
1146 года въ Володимирѣ,
1147 года въ Володимирѣ,
1148 года въ Володимирѣ,

1149 года изъ Володимира сопутствовалъ отцу въ Кіевскій походъ, и по взятіи Кіева получилъ отъ него Вышгородъ.

1150 года война съ Изяславомъ.

1151 года, слѣдовательно за ЧЕТЫРЕ года до нимыхъ «неудовольствій» антикритика, по положительному извѣстію Лѣтописи, Андрей *воротился* къ себѣ *домой*, въ Володимиръ, не смотря на *возраженіе отца*. Какъ воротился въ 1151 году, такъ воротился и въ 1155 году. Извольте выслушать Лѣтопись Суздальскую.» Андрей оттолѣ иде отъ отца своего Суздалю, а отцю же встягавшю его много, Андрей же рече: на томъ есмы цѣловали крестъ, ако поити ны Суждалю, и *иде въ свою волость Володимерю*.

1152 года изъ Володимира онъ пошелъ съ отцемъ въ походъ на Изяслава, и опять воротился домой.

1153 года онъ оставался дома.

1154 года онъ пошелъ съ отцемъ изъ дома, и воротился съ дороги, а потомъ въ другой разъ, получивъ извѣстіе о смерти Вячеслава, Юрій пустился въ путь, занялъ Кіевъ и тогда только далъ Вышгородъ Андрею.

1155 года Андрей оставилъ Вышгородъ и отправился въ Володимеръ.

Ясно ли?

Видите ли, любезный мой антикритикъ, произвольно ли я толкую, какъ вамъ угодно обвинять меня? Вы говорите, что я принялъ общее за частное — наоборотъ: вы приняли частное за общее, и не я смѣшалъ сферу съ центромъ, а вы смѣшались на точкѣ, и ни въ центръ, ни въ Володимеръ не попали. Зачѣмъ же вы пустились по такому скользкому пути? По землѣ прямо ходить мудренѣе, чѣмъ летать по воздуху!

Digitized by Google

ніемъ, положилъ основаніе двумъ каменнымъ церквамъ, Княжому двору и, оставя тутъ чудотворную икону, назвалъ мѣсто Боголюбимымъ.»

— Нѣтъ! — возражаетъ Г. Погодинъ, — не изъ Владимира въ Суздаль ѣхалъ Андрей, *а изъ Суздаля, или лучше чрезъ Суздаль* (!!) во Владиміръ.» Почему жъ: нѣтъ? Какія привелъ Г. Погодинъ доказательства?

Вотъ какія:

По его убѣжденію Андрей не могъ ѣхать въ Суздаль, потому что Суздаль принадлежалъ его отцу; а ѣхалъ Андрей въ Володимеръ *чрезъ Суздаль*, потому что дорога изъ Кіева, то есть изъ Руси, во Владиміръ шла въ древности *не такъ какъ теперь*: нынѣшняя дорога есть дорога позднѣйшая, а въ древности шла она черезъ Суздаль.

Почему же?

Во-первыхъ, «потому, говоритъ Г. Погодинъ, что Суздаль городъ древнѣйшій, а Владиміръ основанъ гораздо послѣ его.» Но изъ этого перваго доказательства слѣдуетъ, что Владиміръ, какъ позднѣйшій городъ, не могъ или, лучше сказать, не смѣлъ лежать на дорогѣ изъ Москвы въ Суздаль.

Во-вторыхъ, продолжаетъ Г. Погодинъ, «*потому что городу Володимеру въ нашу сторону не съ кѣмъ и не съ чѣмъ было сообщаться; одно сообщеніе его было съ Суздалемъ.*

Изъ этого втораго доказательства слѣдуетъ, что если не въ древности В. К. Владиміромъ, то по крайней мѣрѣ положеніемъ Г. Погодина Владиміръ поставленъ въ *тупикъ*.[4]

---

[4] Прежде нежели стану отвѣчать на выводы моего добраго антикритика, замѣчу ему, за чѣмъ же онъ ПРОПУСТИЛЪ доказательства мои, что Андрей возвращался въ Володимеръ, а не въ Суздаль. Вѣдь вотъ гдѣ главный узелъ вопроса и его рѣшеній. Пропускать доказательства противника, съ коими сладить нѣтъ силы, — не годится. Зачѣмъ добрый антикритикъ не обратилъ вниманія на то, что Андрей основалъ Соборъ во Владиміръ а не въ Суздалѣ, и даже принесенную съ собою драгоцѣнную икону Божіей Матери поставилъ во Владиміръ, а не въ Суздалѣ, и проч. Антикритикъ: выводитъ изъ моихъ словъ, что Владиміръ не смѣлъ лежать на дорогѣ изъ Москвы

Digitized by Google

Посмотримъ подтверждаютъ ли лѣтописи такое странное *положеніе*, и не существовала ли изъ Москвы въ Володимиръ прямая дорога, *такъ какъ теперь*, не на Суздаль.

Событіе подъ 1175 годомъ (по Кенигсб. (!!) списку) намъ лучше всего это объяснитъ:

По смерти Андрея, Ростиславичи Мстиславъ и Ярополкъ, были призваны Ростовцами и Суздальцами на княженіе, вопреки желанію Владимирцовъ и крестному цѣлованію къ Георгію на меньшихъ дѣтей его, Михалка и Всеволода. Владимирцы сносили притѣсненія до тѣхъ поръ, покуда Ростиславичи не посягнули на богатство и имѣнія церкви Владимирской Божіей матери, которые даровалъ ей В. К. Андрей.Ославъ къ Ростовцамъ и Суздальцамъ жалобу на обиду свою и не найдя въ нихъ защиты (Ростовцы и Суздальцы словомъ суще по нихъ, а дѣломъ быша далече), Владимирцы «укрѣпившесь послаша къ Чернигову по Михалка и по брата его Всеволода, рекуще: «ты старѣй еси въ братьи своей, *пойди къ Володимерю*; аще что замыслятъ на насъ Ростовцы и Суждальцы при тя, то како намъ съ ними Богъ дастъ и святая Богородица.» Пришедшу же Михалку съ братомъ Всеволодомъ и съ Володимеромъ Святославичемъ изъ Чернигова *къ Москвѣ*, Володимирцы выѣхаша противу (на встрѣчу). Слышавше же Мстиславъ и Ярополкъ и задумавше со дружиною своею, повелѣша Ярополку ити противу съ полкомъ своимъ и усрѣсте битись съ нимъ, и не пустити къ Володимерю; но Божіимъ промысломъ минустася въ лѣсѣхъ. *Михалко съ Москвы поѣха съ братомъ Всеволодомъ къ Володимирю, а Ярополкъ инымъ путемъ ѣха на Москву.* И прінде

въ Суздаль, и потому что этотъ городъ если не В. К. Владимиромъ, то мною поставленъ въ тупикъ. Это очень мило и остро, и я очень люблю такія шутки въ рецензіяхъ, но любезный мой антикритикъ долженъ сознаться, что за неимѣніемъ только тяжелыхъ орудій можно прибѣгать къ этому легкому оружію: оно вѣдь не надежно. Мы предоставимъ впрочемъ читателямъ рѣшить, кто поставленъ въ тупикъ — Владиміръ, или.... или....

Digitized by Google

ко Мстиславу вѣсть отъ Ярополка: «Михалко есть немощенъ, несуть его на носилѣхъ, а съ нимъ дружины мало; *и азъ по немъ иду, емля задъ дружины его; а пойди вборзѣ, братъ, противу ему, атъ не внидетъ въ Володимиръ.* Сія вѣсть пріиде ему въ субботу, и яви дружинѣ заутра и поѣха *съ Суждаля борзо*, дружинѣ постигающей его; а Михалку не доѣхавшу Володимиря со братомъ Всеволодомъ за 5 верстъ, срѣтесь со Мстиславомъ и со всею дружиною изнезапу и выступи полкъ изъ Загорія, вси во бронѣхъ и подьяша стягъ....» и т. д.

Кажется, дѣло рѣшается ясно: дорога изъ Москвы въ Володимиръ и въ старину шла, *какъ теперь*, а не черезъ Суздаль,[5] и слѣдовательно, чтобъ прибыть на мѣсто

---

[5] А мнѣ ясно только то, что любезный мой антикритикъ не служилъ никогда въ военной службѣ: онъ заставляетъ меня, вслѣдъ за Г. Тьеромъ, объяснять его недоразумѣніе, по правиламъ стратегіи или тактики. «Михалко пришелъ въ Москву. изъ Чернигова, Владимирцы вышли къ нему на встрѣчу.» Это совершенно справедливо, но вотъ только на что не обратилъ вниманія антикритикъ: Суздаль былъ противъ Володимирцевъ, и въ Суздалѣ княжилъ врагъ Михалковъ; какъ же онъ хочетъ, чтобъ Владимирцы, чрезъ непріятельскій городъ, Суздаль, подали помощь Михалку. Что скажетъ Г. Нѣловъ о такомъ стратегическомъ совѣтѣ! Впрочемъ, не прибѣгая къ военнымъ ученымъ можно утвердительно сказать, что Володимерцы пошли на встрѣчу къ Михалку по другой, не обыкновенной дорогѣ, не чрезъ Суздаль; потому-то и *миновался* съ ними Ярополкъ, пошедшій видно по дорогѣ общей. «Онъ ѣха инѣмъ путемъ на Москву,» чѣмъ Михалко ѣхалъ изъ Москвы. Иначе какъ могли бы двѣ рати, (не очень малочисленныя, ибо однихъ Владимирцевъ съ Михалкомъ было полторы тысячи) миновать одна другую. Ясно ли, любезный мой антикритикъ?

Такъ точно и Мстиславъ изъ Суздаля, чтобъ встрѣтить Михалка, долженъ былъ непремѣнно обойти враждебный Владимиръ и перенять избранную Михалкомъ дорогу туда, — что онъ и сдѣлалъ, встрѣтивъ его въ пяти верстахъ отъ Владимира? Ясно ли, любезный мой антикритикъ?

Противники обходили одинъ другаго, и изъ обходовъ ихъ ничего объ относительной древности дорогъ заключить нельзя. Впрочемъ главный вопросъ въ этомъ дѣлѣ не объ до-

Digitized by Google

Боголюбова, ѣхавъ изъ Руси, чрезъ Москву, Андрею надо было проѣзжать чрезъ Владимиръ въ Суддаль, а не чрезъ Суздаль въ Володимиръ.

Что и нужно было доказать,[6] вопреки излишней самоувѣренности и наклонности къ опрометчивымъ приговорамъ Г. Историка.[7] *В.*

рогѣ, а объ томъ, куда ѣхалъ Андрей — во Владимиръ или Суздаль. Исторія отвѣчаетъ: въ Владимиръ. Какъ же онъ могъ остановиться *за* Владимиромъ? Отсюда *необходимость* предположить другую дорогу во Владимиръ, не нынѣшнюю, а другая не могла быть иначе, какъ чрезъ Суздаль. Откройте исходъ спасенія, и я готовъ пожертвовать вамъ Суздальской дорогою.

[6] Но что вовсе не доказано, а скорѣе отвергнуто, въ пользу моего мнѣнія.

[7] Это уже обвиненіе не шуточное. Я могъ бы подать также нѣсколько совѣтовъ, и не безъ *основаній*, антикритику, но, уважая правила гостепріимства, удержусь отъ нихъ, и, хотя хозяинъ, но не буду подражать гостю. Сколько въ приговорѣ есть справедливаго, предоставляю судить читателямъ. Удивляюсь только, что антикритикъ, произнося такой жестокой приговоръ, скрылъ свое имя. Бросать камень изъ-за угла не годится.

М. Погодинъ.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

82. Дворцовые разряды, по Высочайшему повелѣнію изданные II Отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Томъ первый, 1612—1628 г. Спб. 1850 года. Столпцевъ 1222, XXXVI, и XI въ большую 8-ку.

Нынѣшнее царствованіе останется во вѣки незабвеннымъ въ лѣтописяхъ Русской Исторіи. Никогда не было издано столько матеріаловъ, необходимыхъ для возведенія ея на степень науки, какъ нынѣ. Скажемъ болѣе: ни одно Европейское Правительство не оказало такихъ многообразныхъ и важныхъ услугъ своей Исторіи, какъ наше. Дѣла на лице:

Собраніе законовъ Россійской Имперіи, подъ первоначальнымъ надзоромъ Графа Сперанскаго.

Собраніе Русскихъ лѣтописей и граматъ, подъ первоначальнымъ надзоромъ Графа Уварова, а нынѣ Князя Ширинскаго-Шихматова.

Древности Русскаго Государства, по рисункамъ Г. Солнцева, подъ надзоромъ Графа Строганова.

Къ этимъ знаменитымъ изданіямъ присоединяется теперь изданіе Дворцовыхъ разрядовъ и Статейныхъ списковъ, подъ надзоромъ Графа Блудова.

О достоинствѣ и важности изданія распространяться много не нужно: сколько важны лѣтописи для перваго періода Русской Исторіи, граматы для втораго, столько для третьяго Разряды и Статейные списки что касается до Исторіи оффиціальной, внѣшней, такъ называемой государственной. Здѣсь ея фундаментъ твердый, неколебимый.

Digitized by Google

Выразить ли еще наши pia desideria?

Выразимъ. Исчисленные нами кодексы, thesauri, ожидаютъ себѣ дополненія въ

Собраніи памятниковъ древней Славяно-Русской Словесности, и

Собраніи памятниковъ церковной Исторіи, преимущественно Житій.

И есть множество людей въ нашихъ духовныхъ Академіяхъ, Университетахъ, Семинаріяхъ, которые могутъ приняться за эти славныя дѣла: укажемъ для примѣра на Архимандрита Макарія, Нижегородскаго Іеромонаха Макарія, Горскаго, Казанскаго, Смирнова, — Шевырева, Срезневскаго, — Билярскаго, Кубарева, Дубенскаго, Ундольскаго, Буслаева, Каткова.... Сколько достойныхъ служителей науки, и, замѣтьте, спеціалистовъ, которые доказали уже свою любовь, свое искусство, свои познанія по части отечественной филологіи. Вотъ это прогрессъ, и ему нельзя не радоваться!

Въ ожиданіи открытія изъ-подъ спуда, новыхъ силъ Русской Исторіи, мы извѣстимъ нашихъ читателей объ изданномъ томѣ Дворцовыхъ Разрядовъ.

Сперва о наружномъ видѣ, объ удобствахъ пользованія, — и мы должны отдать полную честь издателямъ: изданіе превосходно во всѣхъ сихъ отношеніяхъ. Опытъ — лучшій учитель: первое изданіе Граматъ, Графа Румянцева, въ огромный листъ, было самое неудобное; второе изданіе Лѣтописей Археографическою Коммиссіею было его лучше, но представляло все еще много неудобствъ длинными своими строками, въ коихъ, съ великимъ напряженіемъ глазъ, должно дѣлать путешествіе изъ одной строки въ другую, а варіанты просто невыносимы для арѣнія, отыскиваемые съ несноснымъ трудомъ; нынѣшнее третье изданіе, Разрядовъ, въ большую осьмушку, на два столбца, съ короткими строками, безукоризненно! Честь и хвала издателямъ, которые обратили вниманіе не только на самое дѣло, какъ Археограф. Коммиссія, но и на тѣхъ несчастныхъ тружениковъ, которые будутъ имъ пользоваться, а глаза для нихъ нужнѣе, нежели для кого-нибудь.

Теперь обратимся къ изданію Дворцовыхъ разрядовъ.

Digitized by Google

Въ предисловіи объяснено происхожденіе Разрядныхъ книгъ, разобранъ актъ Царя Ѳеодора Алексѣевича объ уничтоженіи Мѣстничества, сообщены свѣдѣнія о дошедшихъ до насъ Разрядныхъ книгахъ, показано различіе между ими по ихъ содержанію, сообщены подробности о Разрядномъ Приказѣ, гдѣ онѣ сочинялись и хранились, наконецъ описаны рукописи, съ коихъ сдѣлано настоящее изданіе, и изложены правила, коимъ слѣдовали издатели.

Замѣтимъ здѣсь основательную причину, по коей нельзя принимать со многими изслѣдователями (но не со всѣми), чтобъ Разрядныя книги были тогда всѣ сожжены.

«На основаніи точныхъ словъ Царя, въ ономъ повторенныхъ, преданы огню только *прошенія о случаяхъ и о мѣстахъ записки*, изъ коихъ состояли именно дѣла мѣстническія. Слово «книги», употребленное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣянія, не даетъ повода предполагать, что бы здѣсь подразумѣвались оффиціальныя разрядныя книги, въ которыхъ означались не одни только дѣла по мѣстничеству. Сіи дѣла конечно входили иногда въ составъ Разрядныхъ книгъ но большею частію лишь въ краткомъ изложеніи, безъ подлинныхъ прошеній, или документовъ, а какъ случайное дополненіе къ существенному ихъ содержанію, то есть къ означенію распоряженій Правительства по службѣ, наказовъ воеводамъ и другимъ чинамъ и ихъ донесеній или отписокъ къ Царю. Въ Разрядныхъ книгахъ, какъ мы замѣтили выше, заключается, въ нѣкоторомъ смыслѣ, полная оффиціальная исторія государственной службы и дѣйствій Правительства въ продолженіе почти всего Московскаго періода нашей Исторіи: онѣ не могли быть сожжены, какъ важные документы и указанія, необходимыя для дальнѣйшихъ распоряженія по управленію. Новымъ доказательствомъ сего должно служить и то, что сіи книги, Записныя и Разрядныя, продолжались и послѣ 1682 года въ томъ самомъ видѣ, какъ прежде.

«Разряды оффиціально могутъ быть подраздѣлены на три рода:

1) Собственно такъ называемыя Разрядныя книги, заключающія въ себѣ большею частія распоряженія по службѣ гражданской и военной.

Digitized by Google

2) Книги Записныя, въ которыхъ мы находимъ сверхъ того и распоряженія по службѣ придворной.

3) Наконецъ книги, относящіяся почти исключительно къ распоряженіямъ по придворной службѣ и вообще къ дѣйствіямъ Царскаго двора.»

Какъ ни тщательно и осторожно написано предисловіе, чему нельзя не отдать похвалы по достоинству, но нѣкоторыя выраженія ускользнули, кажется, отъ вниманія Редактора, напр.

«Для точнѣйшаго опредѣленія сего значенія по службѣ ведены были постоянно, съ большею или меньшею подробностію, записки о всѣхъ относящихся къ оной (службѣ) распоряженіяхъ, какъ Правительствомъ, такъ и частными лицами».

Нѣтъ: «значеніе по службѣ» основывалось на случаяхъ, записанныхъ въ Разрядныхъ книгахъ, а у Разрядныхъ книгъ была своя собственная цѣль — это были, такъ сказать, протоколы Правительства, толковые адресъ-календари, память о распоряженіяхъ, необходимая для справокъ всякаго рода, и *между прочимъ* для справокъ по мѣстничеству.

Дворцовые Разряды начинаются, по странному, но замѣчательному случаю, въ трехъ главныхъ рукописяхъ краткимъ лѣтописнымъ повѣствованіемъ о подвигахъ Князя Пожарскаго и Минина и объ освобожденіи Москвы отъ Поляковъ. Перепечатаемъ это повѣствованіе, какъ начало и основаніе всѣхъ дворцовыхъ разрядовъ: освобожденіе Москвы отъ Поляковъ и избраніе на царство благословеннаго Михаила Ѳедоровича Романова— происшествія нераздѣльныя.

«Лѣта (Д. 1721) году, стояли подъ Москвою воеводы бояринъ Князь Дмитрій Тимоѳеевичь Трубецкой, да Иванъ Заруцкой и иные многіе воеводы.

«Того же году, въ Нижнемъ Новѣгородѣ, мужъ нѣкій, убогою куплею питаяся, сирѣчъ продавецъ мясу, именемъ Козьма Мининъ, той же Козьма свое дѣло и воспріемлетъ велемудрое разумѣніе и смыслъ, и на всѣхъ людяхъ страны тоя силу и власть воспріемлетъ, и многіе поборы денежные собираетъ, и изыскаетъ во градѣхъ воинскихъ людей, которые избыша отъ посѣченія иноплеменныхъ, и живутъ въ великихъ бѣдностѣхъ отъ мно-

Digitized by Google

гаго розоренья. И изыскуетъ, и жаждущая сердца ихъ утоляетъ, и скудости ихъ исполняетъ, и сими дѣлы собираетъ многое воинство. Въ то же время случися быти стольнику Князю Дмитрею Михайловичю Пожарскому въ Нижегородскомъ уздѣ, въ своей вотчинѣ; той же Козьма Мининъ, слышавъ о немъ, и посылаетъ къ нему, чтобъ онъ ѣхалъ въ Великій Нижній Новгородъ, и поручаетъ ему все собранное воинство. И стольникъ Князь Дмитрей Пожарской прошеніе ихъ радостно воспріемлетъ, и пріидоша въ Нижній Новгородъ и воинство многое собирается.»

За пятнадцатью годами Дворцовыхъ разрядовъ помѣщено въ приложеніяхъ 67 грамотъ и отписокъ, относящихся къ избранію и приглашенію Царя Михаила изъ Костромы въ Москву, равно и распоряженіямъ Земскаго совѣта по управленію государствомъ въ это время. Распространяться о важности сихъ документовъ нѣтъ нужды: она очевидна.

Сообщивъ это краткое извѣстіе объ изданіи драгоцѣнныхъ памятниковъ, мы оставляемъ подробное разсужденіе о новыхъ данныхъ для Исторіи, кои въ нихъ заключаются, впредь до другаго случая, а теперь повторимъ только издателямъ, отъ лица всѣхъ друзей Исторіи, полную ихъ благодарность за начало труда тяжелаго, который поднять посчастливилось имъ съ такимъ успѣхомъ. *М. П.*

83. Геологическое описаніе Европейской Россіи и хребта Уральскаго. На основаніи наблюденій, произведенныхъ Р. И. Мурчисономъ, Э. Верпейлемъ и Графомъ А. Кейзерлингомъ. Перев. съ Англійск. съ примѣчаніями и дополненіями Корп. Горн. Инж. Полк. Алек. Озерскимъ. Ч. I. и II. Спб. 1849.

84. Опытъ прикладной Геологіи преимущественно сѣвернаго бассейна Европейской Россіи. Барона А. Мейендорфа. Спб. 1849 г.

На Русскомъ языкѣ два сочиненія по части геологіи — явленіе рѣдкое и утѣшительное въ нашей литературѣ, вообще весьма небогатой учеными произведеніями, особенно касающимися Россіи. При такой бѣдности всякое произведеніе по отечественной геологіи заслуживаетъ вниманіе и благодарность, тѣмъ болѣе такія произведенія, которыя могутъ

Digitized by Google

быть украшеніемъ любой литературы и къ которымъ по всей справедливости относятся означенныя сочиненія, Мурчисона и Барона Мейендорфа. Дѣйствительно, это важное пріобрѣтеніе для науки и для Россіи. Я преимущественно остановлюсь на сочиненіи Мурчисона; оно заслуживаетъ это преимущество и по времени появленія, и по обширности матеріаловъ, и по важности результатовъ, и наконецъ потому, что оно служило основою, канвою для сочиненія Барона Мейендорфа; послѣднее произведеніе было уже необходимымъ слѣдствіемъ перваго.

Россія съ давняго времени, отъ Палласа и Германа до Гумбольдта и Розе, была изучаема въ отношеніи физической географіи, естественной исторіи и горнаго дѣла; но геологическое ея строеніе, особенно въ плоскихъ и обширныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, долго оставалось безъ вниманія, и только въ три послѣднія десятилѣтія начали появляться собственно геологическія изслѣдованія. *Странгвейсъ*, *Эйхвальдъ*, *Пандеръ*, *Фишеръ*.... вотъ имена тѣхъ немногихъ изслѣдователей, которые прежде другихъ старались разъяснить внутреннее строеніе Россіи и показать соотношеніе нашихъ формацій съ Западно-европейскими. Московское Общество Испытателей Природы вмѣстѣ съ своимъ основателемъ было однимъ изъ главныхъ органовъ отечественной геологіи; въ послѣдствіи присоединилось къ нему Минералогическое Общество въ Петербургѣ. Но болѣе всего распространенію геологическихъ свѣдѣній объ Россіи содѣйствовали питомцы Петербургскаго Горнаго Института. Разсѣянные по всему обширному Русскому царству и постоянно занятые развѣдываніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ только являлась надежда открыть какіялибо подземныя сокровища, они никогда не теряли изъ виду и геологическаго образованія этихъ мѣстъ. Горный журналъ, издаваемый съ 1825 года, весь наполненъ изслѣдованіями подобнаго рода. Конечно, изслѣдованія эти большею частію носятъ на себѣ печать прежняго, нѣсколько запоздалаго понятія о геологіи, чаще это матеріалъ, не совсѣмъ очищенный критикою, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно богатый матеріалъ. Иначе и быть не могло. Обширныя осадочныя толщи, залегающія въ Европейской Россіи,

Digitized by Google

чрезвычайно трудны для изслѣдованія, даже при нынѣшнемъ состояніи науки. Одна современная геологія могла прояснить тѣ запутанные вопросы, которые оставались нерѣшеными для Русскихъ геологовъ. Вопросы эти и не могли быть рѣшены до тѣхъ поръ, пока въ наукѣ не установилось болѣе точное распредѣленіе формацій, особенно самыхъ древнихъ или палеозоическихъ, которыя почитаются болѣе запутанными и которыя покрываютъ наибольшую часть Россіи. Долгое время въ различеніи формацій не только Русскіе, но и всѣ Европейскіе геологи руководились почти единственно относительнымъ положеніемъ пластовъ и литологическими ихъ свойствами, и только въ послѣдствіи, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ наконецъ убѣдились, что этихъ признаковъ недостаточно. Дѣйствительно, при опредѣленіи формацій геологи теряли изъ виду самые главные признаки—органическіе или палеонтологическіе, признаки, основанные на размѣщеніи и послѣдовательности ископаемыхъ растеній и животныхъ; другими словами: геологіи не доставало пособія палеонтологіи; но когда обѣ эти науки соединились и пошли рука объ руку, оказывая другъ другу взаимную помощь, тогда въ короткое время онѣ сдѣлали необыкновенные успѣхи. Благодѣтельное вліяніе такого тѣснаго, дружнаго союза геологіи съ палеонтологіею, особенно выразилось на точномъ распредѣленіи формацій.

Сочиненіе, пролившее наиболѣе яркій свѣтъ на этотъ предметъ, принадлежитъ Мурчисону. Его *Silurian System* (1839 г.), по общему приговору, составляетъ эпоху въ исторіи геологіи. Этому успѣху Мурчисонъ отчасти обязанъ геологическому образованію своей страны. Надобно было случиться, что въ странѣ такого просвѣщеннаго и пытливаго народа, каковы Англичане, почти всѣ формаціи находятся въ самомъ полномъ, типическомъ развитіи, и въ самомъ счастливомъ положеніи для изслѣдованія. Великобританія почитается, такъ сказать, классическою страною для изученія формацій. Вотъ почему геологія въ Англіи болѣе нежели гдѣ-либо сдѣлалась почти общенародною наукою, вотъ почему при геологическомъ описаніи какой-либо страны мы беремъ за образецъ Англію;

Digitized by Google

самыя названія формацій, усвоенныя наукою, большею частію принадлежатъ той же странѣ.

Англійскіе геологи, извѣдавъ свою страну вдоль и поперегъ, и установивъ по ней распредѣленіе формацій, весьма естественно желали повѣрить себя, и потому въ послѣднее время начали предпринимать геологическія путешествія въ другія страны, по Европѣ и въ Сѣверную Америку. Такъ поступилъ и Мурчисонъ. Какъ главный участникъ въ опредѣленіи палеозоическихъ осадковъ Англіи, для повѣрки своихъ началъ онъ совершилъ нѣсколько путешествій во Францію, Германію, Швецію, Норвегію и Россію. Плодомъ послѣдняго путешествія было разсматриваемое мною сочиненіе. Любопытно прослѣдить съ нѣкоторою подробностію всѣ обстоятельства этаго замѣчательнаго предпріятія.

Русское Правительство, всегда готовое на помощь наукѣ, приняло Мурчисона съ обычнымъ радушіемъ и дало ему всѣ средства для выполненія его цѣли. Мурчисонъ пригласилъ съ собою въ Россію Парижскаго ученаго, извѣстнаго палеонтолога Вернейля. Въ началѣ весны 1840 г. они прибыли въ С.-Петербургъ. Баронъ Мейендорфъ, занятый въ то время порученіемъ изучить состояніе мануфактурной промышленности и торговли внутреннихъ губерній, изъявилъ желаніе способствовать успѣху путешественниковъ, и просилъ ихъ присоединиться къ нему; къ той же экспедиціи, по приглашенію Барона Мейендорфа, присоединился и Брауншвейгскій Профессоръ Блазіусъ. Но такимъ большимъ обществомъ наблюденія были произведены ими только въ окрестностяхъ Петербурга; вскорѣ оказалось, что геологи, имѣвшіе одну цѣль, не могли дѣйствовать вмѣстѣ съ экспедиціею, предназначенною совсѣмъ для другой цѣли. Для сопутствованія иностраннымъ геологамъ былъ назначенъ Горный Инженеръ, Поручикъ Кокшаровъ. Въ Вытегрѣ Мурчисонъ и Вернейль разстались съ экспедиціею Барона Мейендорфа, и направились къ Архангельску, посѣтили берега Бѣлаго моря, Пинегу, потомъ проѣхали сухимъ путемъ вдоль Сѣверной Двины до Устюга Великаго, въ самую средину Вологодской губерніи. Далѣе отправились въ Кострому; тутъ обѣ экспедиціи встрѣтились, и спустились вмѣстѣ по Волгѣ до Юрьевца. Послѣ того Мурчисонъ и Вернейль посѣтили Ниж-

Digitized by Google

ній Новгородъ, Муромъ, Елатьму, Касимовъ, Рязань и Коломну. Возвращаясь на сѣверъ черезъ Москву, они осмотрѣли окрестности нашей столицы, Валдайскія возвышенности, берега озера Ильменя, окрестности Пскова и Дерпта. Этимъ заключилось первое путешествіе.

По возвращеніи въ отечество, Мурчисонъ составилъ геологическую карту изслѣдованныхъ имъ странъ и прочелъ объ нихъ въ Лондонскомъ Геологическомъ Обществѣ отъ своего имени и отъ имени Вернейль выведенныя ими заключенія. Почти въ то же время Академикъ Эйхвальдъ обнародовалъ свой замѣчательный трудъ о *Силурійской системѣ пластовъ въ Эстляндіи* (1840 г.). Въ слѣдъ за тѣмъ Полковникъ Гельмерсенъ, основываясь на всѣхъ прежнихъ изслѣдованіяхъ, составилъ другую геологическую карту Европейской Россіи, особо отъ Мурчисона. Въ то же время готовились къ печати два сочиненія, не безъизвѣстныя Мурчисону: 2-я часть Путешествія Густава Розе (*Reise nach dem Ural, Altai* etc.)*, и Путешествіе Демидовской Экспедиціи (*Voyage dans la Russie méridionale et la Crimée, exécuté sous la direction de M. Anatole de Demidoff*). Сверхъ того припомнимъ, что еще прежде, задолго до путешествія Мурчисона, Кавказъ, Крымъ, Волынія и Подолія были описаны Французскимъ ученымъ Дюбуа де Монперре и Академикомъ Эйхвальдомъ. Не смотря на все это, не смотря на другія частныя изслѣдованія, Мурчисонъ не находилъ возможнымъ приступить къ классификаціи Русскихъ формацій. Открылась необходимость въ болѣе обширныхъ наблюденіяхъ.

Графъ Канкринъ, принявшій экспедицію Мурчисона подъ свое особенное распоряженіе, представилъ на Высочайшее воззрѣніе проэктъ о пользѣ дополнительнаго геологическаго изслѣдованія. Государь Императоръ всемилостивѣйше соблаговолилъ одобрить это предположеніе. Удостоенные Высочайшаго покровительства, Мурчисонъ и Вернейль весною 1841 г. снова приступили къ выполненію своего предпріятія. Графъ Кейзерлингъ былъ оффиціально назначенъ членомъ геологической экспедиціи, Поручику Кокшарову вновь предписано состоять при ней. Для дальнѣйшихъ дѣйствій экспедиціи предварительно былъ

* Первая часть вышла гораздо прежде 1837 г.

Digitized by Google

составленъ общій планъ, при участіи Гг. Горныхъ Инженеровъ и Начальника Штаба Генералъ-Маіора (нынѣ Генералъ Лейтенанта и Сенатора) Чевкина. По этому плану, кромѣ тѣхъ мѣстъ, которыя были осмотрѣны въ прошломъ году, предположено было изслѣдовать Уральскій хребетъ и южныя губерніи Россіи, преимущественно Донецкій каменноугольный край.

Не буду подробно описывать всѣхъ дѣйствій экспедиціи, скажу только, что для достиженія ея цѣли, по собственнымъ словамъ Англійскаго геолога, все содѣйствовало: и радушныя распоряженія Правительства, и удивительная готовность Русскихъ ученыхъ дѣлиться своими свѣдѣніями. Собравъ такимъ образомъ обильную жатву наблюденій, Мурчисонъ, по возвращеніи въ Англію, вмѣстѣ съ Вернейлемъ и Графомъ Кейзерлингомъ приступили къ изготовленію настоящаго труда. Но по мѣрѣ обработыванія его, Мурчисонъ болѣе и болѣе убѣждался, что для указанія дѣйствительныхъ соотношеній между палеозоическими осадками Россіи и западной Европы, особенно Великобританіи, собранныхъ наблюденій недостаточно. Въ 1843 г. онъ вновь отправляется въ Германію и Польшу для обозрѣнія тѣхъ палеозоическихъ осадковъ, которые не удалось ему прежде обозрѣть лично. Въ томъ же году Графъ Кейзерлингъ вмѣстѣ съ Капитанъ-Лейтенантомъ Крузенштерномъ предпринимаетъ поѣздку въ сѣверо-восточную часть Россіи, орошаемую рѣкою Печорою и до того времени весьма мало извѣстную. Поѣздка эта увѣнчалась, какъ увидимъ послѣ, чрезвычайно важными результатами, и геологическими и географическими.

Протекъ еще годъ, трудъ Мурчисона значительно подвинулся впередъ, но все еще не обѣщалъ ему желаемаго совершенства и полноты. Для болѣе вѣрныхъ соотношеній между формаціями оказалась надобность осмотрѣть Швецію и Норвегію, составляющія сѣверо-западную окраину Россіи, и въ геологическомъ смыслѣ представляющія съ нею одно цѣлое. Поѣздка эта, продолжавшаяся цѣлое лѣто (1844 г.), при содѣйствіи тамошнихъ ученыхъ (Барона Берцеліуса, Профессоровъ Кейлгау, Лёвена и др.) принесла, Мурчисону большую пользу, точнѣе сказать, превзошла

Digitized by Google

его ожиданія и вполнѣ оправдала всѣ его предположенія касательно Россіи.

Между тѣмъ Русскіе, заинтересованные геологическою экспедиціею, болѣе прежняго стали обращать вниманіе на свою собственную страну, и плоды своихъ изысканій сообщали Мурчисону, то пересылая ему вновь открытыя ископаемыя, то съ большею подробностію описывая мѣста, прежде вскользь осмотрѣнныя, и т. д.

Вотъ съ какимъ трудомъ и съ какими средствами создалось геологическое описаніе Европейской Россіи и хребта Уральскаго! Можно сказать, вся Россія, всѣ сословія принимали участіе въ экспедиціи Мурчисона. «Если встрѣчался сломанный мостъ, говоритъ онъ, являлся вмѣсто его новый, какъ будто чародѣйствомъ выстроенный; было ли ложе какого-либо потока мелководно, онъ превращался чудомъ въ судоходную рѣку*. На мѣстахъ мелководныхъ перетаскивали крестьяне лодки волокомъ, оживляя тяжкій трудъ громкими пѣснями; стояла ли погода сухая или мокрая, знойная или холодная, никогда не было ропота; *можно*—было единственнымъ отвѣтомъ этихъ необыкновенныхъ людей».

Этаго мало. Мурчисонъ для совершенія своего труда призвалъ на помощь всѣхъ первоклассныхъ Европейскихъ ученыхъ. Въ настоящее время область геологіи, по сродству ея съ палеонтологію, такъ обширна, что не можетъ быть предметомъ изученія одного человѣка. Почти каждый классъ ископаемыхъ животныхъ, играющихъ такую важную роль въ геологіи, требуетъ особаго изслѣдователя. Въ сочиненіи Мурчисона палеонтологическое описаніе предоставлено было знатокамъ своего дѣла: такъ рыбы девонской системы описаны *Агассисомъ*, ископаемыя юрскія и мѣловыя—*Д'Орбини*, криноиды, молюски и ракообразныя жит. палеозоическихъ осадковъ—*Вернейлемъ*, третичные моллю-

---

* При обозрѣніи Уральскаго хребта Мурчисону нужно было проѣхать по р. Серебрянкѣ до впаденія ея въ Чусовую, въ то время, когда рѣка эта почти совершенно обмелѣла. Дабы пособить намѣренію Мурчисона и поднять воду въ Серебрянкѣ, велѣно было спустить значительное количество воды изъ верхнихъ запасныхъ прудовъ, которыми дѣйствуетъ заводъ; въ слѣдствіе этаго рѣка поднялась, и въ состояніи была нести мелкія и большія лодки.

Digitized by Google

ски — *Деве, Моррисомъ, Лайелемъ, Смитомъ, Бекомъ и Сауерби;* кораллы — *Лонсделемъ*, строеніе зубовъ у девонскихъ рыбъ и ящеричныхъ жж. пермской системы—*Оуеномъ*; ископаемыя пермскія растенія — *Адол. Броньяромъ*, растенія юрскія и третичныя—*Геппертомъ* и отчасти *Линдлеемъ*.

Очевидно, на сочиненіе Мурчисона надобно смотрѣть какъ на выраженіе самаго современнаго состоянія науки; скажу болѣе: наука обязана изслѣдованію Россіи разрѣшеніемъ многихъ такихъ вопросовъ, которые до того времени оставались въ ней проблематическими.

Въ полномъ видѣ сочиненіе это состоитъ изъ трехъ большихъ томовъ. Первый, заключающій собственно геологію Россіи, и обработанный самимъ Мурчисономъ, вышелъ въ Лондонѣ (*The Geology of Russia in Europe and the Ural Mountains. Vol. I. Geology. London. 1845*). Второй томъ, обработанный многими лицами, заключаетъ описаніе органическихъ остатковъ или палеонтологію, и напечатанъ въ Парижѣ (Géologie de la Russie d'Europe et des Montagnes de l'Oural. Vol. II. Paleontologie. Paris 1846) Третій томъ, напечатанный въ Петербургѣ, годомъ позднѣе, принадлежитъ Графу Кейзерлингу и содержитъ наблюденія его въ странѣ, орошаемой р. Печорою (Wissenschaftliche Beobachtungen auf einer Reise in das Petschora-Land im Jahre 1843. St.-Peterb. 1846).* Всѣ три тома, обогащенные великолѣпными картами, гравюрами, геогностическими чертежами и множествомъ рисунковъ ископаемыхъ животныхъ и растеній, изданы пособіемъ Русскаго Правительства.

Два послѣдніе тома, написанные одинъ на Французскомъ, другой на Нѣмецкомъ языкахъ, доступны болѣе или менѣе для каждаго; но первый, написанный на Англійскомъ языкѣ, до самаго послѣдняго времени большей части Русскихъ геологовъ былъ извѣстенъ изъ Нѣмецкаго не совсѣмъ полнаго перевода (*Geologie des europaischen Russlands und des Urals von R. Murchison etc., bearbeitet von G. Leonhard.* Stuttgardt 1847—48). Ученый Комитетъ Корпуса Горныхъ Инжене-

* Географія, гидрографія и астрономическое опредѣленіе мѣстъ въ этомъ сочиненіи обработаны Капитанъ-Лейтенантомъ П. Крузенштерномъ, описаніе же самаго путешествія и вся геологическая часть принадлежитъ Графу Кейзерлингу.

Digitized by Google

ровъ, желая познакомить Россію съ этою первою собственно геологическою частію, поручилъ Полковнику Озерскому перевести ее на Русскій языкъ и извѣстилъ объ этомъ автора. Мурчисонъ не замедлилъ доставить переводчику свои замѣчанія и поправки. Главнѣйшія изъ нихъ относятся: 1) ко II главѣ, о силурской системѣ Скандинавіи; она дополнена наблюденіями Мурчисона, изложенными въ статьѣ: On the Palaeozoic Deposits of Scandinavia and the Baltic-Provinces of Russie and their relations to Azoic or mere ancient crystalline Rocks. (См. Quartesly Jounal of the Geological Society, vol. I. 1845). 2) Къ XXI главѣ, о переносномъ щебнѣ и эрратическихъ валунахъ Скандинавіи; она дополнена всѣми новѣйшими выводами изъ статьи Мурчисона: On the sapes ficiale Derritus of Sweden etc. (См. Proleedings of the Geol. Soc. vol. II. 1846).

Въ самомъ текстѣ сдѣланы переводчикомъ значительныя измѣненія и дополненія, съ согласія или по желанію автора. Эти измѣненія и дополненія вынуждены послѣдующими открытіями, либо извлечены изъ втораго и третьяго томовъ. Но самое главное, за что мы Русскіе, должны быть особенно благодарны Г. Озерскому, состоитъ въ томъ, что онъ послѣ каждой статьи, въ видѣ прибавленія, подробно изложилъ открытія и наблюденія Русскихъ геологовъ, которые предшествовали Мурчисону, и которые ему, какъ иностранцу, не были извѣстны. Это въ моихъ глазахъ драгоцѣнное дополненіе; оно знакомитъ Русскихъ съ собственными силами и доказываетъ, что мы и въ дѣлѣ науки скромные труженики, даже слишкомъ скромные, вовсе неоцѣняющіе своихъ собственныхъ трудовъ.

Очевидно, сочиненіе Мурчисона на Русскомъ языкѣ не есть просто переводъ, а *второе изданіе* Мурчисона, значительно измѣненное и дополненное.

Читателямъ Москвитянина, конечно, любопытно узнать, хоть въ легкомъ очеркѣ, до какихъ же результатовъ достигли геологи съ такимъ трудомъ и съ такими пожертвованіями со стороны нашего Правительства? Въ слѣдующихъ нумерахъ я изложу главнѣйшіе выводы.

Г. Щуровскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Digitized by Google

85. Москва и Москвичи. Записки Богдана Ильича Бѣльскаго, издав. М. Н. Загоскинымъ. Выходъ четвертый. М. 1850. Стр. 283 въ 12 д. л.

Знакомыя всему читающему міру, записки Богдана Ильича Бѣльскаго, начиная съ этого выхода, будутъ посвящены не одной только Москвѣ и ея жителямъ, — и вотъ почему. »Многіе изъ моихъ читателей, говоритъ авторъ, полагаютъ, что въ книгѣ, которая называется Москва и Москвичи, должно говорить объ одной Москвѣ и ея жителяхъ. Основываясь на этомъ, довольно логическомъ, выводѣ, они осуждаютъ меня за то, что я, нерѣдко, вопреки названію моей книги, говорю обо всемъ, что придетъ мнѣ въ голову. Другіе замѣчаютъ, и можетъ быть также справедливо, что мои записки, какъ произведеніе чисто литературное, не должны походить на статистическое или топографическое описаніе Москвы, что Москвичи вовсе не составляютъ какой-нибудь отдѣльной касты, что они точно такіе же Русскіе, какъ и всѣ, которые живутъ на Святой Руси,, и что, ограничиваясь описаніемъ этихъ едва замѣтныхъ особенностей, которыми Москва отличается отъ другихъ Русскихъ городовъ, я непремѣнно сдѣлаюсь единообразнымъ, мелочнымъ, или, что хуже и того, буду не описывать, а сочинять, т. е. взводить на бѣдныхъ Москвичей тяжкіе грѣхи, которымъ они вовсе непричастны, выдумывать небывалые обычаи, нелѣпыя повѣрья и разныя другія, болѣе или менѣе забавныя, клеветы, въ родѣ тѣхъ, которыми такъ щедро осыпаютъ насъ иностранные туристы.« Съ этимъ можно бы и поспорить; но какъ вы будете спорить, когда у Богдана Ильича отыскался одинъ пріятель, Иванъ Андреевичъ Барсуковъ, а у этого пріятеля, среди разнаго книжнаго хлама, нашлась рукопись, подъ заглавіемъ: »Осенніе вечера моего дѣдушки,« которые Богданъ Ильичъ и рѣшился издавать по частямъ при »Москвѣ и Москвичахъ.« Дѣйствіе Осеннихъ вечеровъ происходитъ не въ одной Москвѣ, а во всей Россіи, даже иногда переносится за границу; слѣдов. чтеніе ихъ должно доставить несомнѣнное удовольствіе и не-Москвичамъ. Говоримъ:

Digitized by Google

несомнѣнное, потому что Богданъ Ильичъ (это извѣстно всѣмъ) владѣетъ тайною отыскивать удивительныя рукописи. Изъ послѣдней его находки, съ эпиграфомъ: »Не раскусивъ орѣха, о зернѣ не толкуй,« — мы раскусили только частичку — одинъ вечеръ, и до сихъ поръ еще чувствуемъ пріятный вкусъ, оставленный въ насъ подаркомъ Богдана Ильича. Живой очеркъ дѣдушки съ его сосѣдами-собесѣдниками и четыре милыхъ разсказа: Эмигрантъ; Благодарный воръ; Лекарскій дипломъ; Предсказаніе — вотъ что содержитъ первый »Осенній вечеръ,« которымъ можно скоротать скуку не только осени, но какого угодно времени.

Собственно Москвѣ Богданъ Ильичъ Бѣльскій посвящаетъ три разсказа: Купеческая свадьба, одна изъ тѣхъ, по его словамъ, какія бывали въ Москвѣ лѣтъ за 50, а теперь могутъ случиться въ глубинѣ Замоскворѣчья или за Таганскимъ рынкомъ (съ этимъ мы не согласны); потомъ описаніе Нескучнаго, напечатанное нѣкогда въ Утренней Зарѣ, съ именемъ М Н. Загоскина (вѣроятно, по дружбѣ его къ Богдану Ильичу), — и наконецъ Московскіе сводчики, съ которыми мы познакомимъ нашихъ читателей.

МОСКОВСКІЕ СВОДЧИКИ.

Сводчикъ, а, с. м. посредникъ при покупкахъ, продажахъ и разныхъ сдѣлкахъ.

Академическій словарь, изд. въ 1848 году.

Въ Москвѣ не много справочныхъ конторъ, но за то вовсе нѣтъ недостатка въ этихъ *вольнопрактикующихъ* посредникахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ сводчиковъ. Это почтенное сословіе рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что не составляетъ никакого отдѣльнаго общества. Когда мы говоримъ: »дворянское сословіе, купеческое сословіе, мѣщанское общество, ремесленный цехъ,« то разумѣемъ подъ этимъ отдѣльныя общества, составленныя изъ однихъ дворянъ, купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ, а между сводчиковъ вы найдете людей всѣхъ состояній, и хотя ихъ занятія совершенно одинаковы, но каждый изъ нихъ забо-

Digitized by Google

тится только о себѣ и старается всячески вредить своимъ товарищамъ. Есть сводчики, которые одѣваются по послѣдней модѣ, носятъ бѣлыя лайковыя перчатки и разъѣзжаютъ въ своихъ собственныхъ экипажахъ; есть и такіе, которые очень напоминаютъ оборванныхъ Польскихъ факторовъ: та же неутомимая дѣятельность, то же краснорѣчіе и та же самая добросовѣстность; однимъ словомъ: имъ не достаетъ только однихъ пейсиковъ и засаленныхъ ермолокъ, чтобъ совершенно походить на этихъ *честныхъ* Евреевъ, отъ которыхъ нѣтъ отбоя во всѣхъ мѣстечкахъ и городахъ Западной Россіи. Я всегда дивился необычайному краснорѣчію нашихъ Московскихъ сводчиковъ; каждое имѣнье, которое они предлагаютъ вамъ купить, бываетъ обыкновенно или настоящимъ земнымъ раемъ по своему чудному мѣстоположенію, или *золотымъ дномъ* по своему неслыханному плодородію, или истиннымъ кладомъ по своимъ береженымъ лѣсамъ, сѣнокосамъ и разнымъ водянымъ угодьямъ. Для нихъ рѣшительно ничего не значитъ назвать дровяной лѣсъ строевымъ, едва замѣтный протокъ рѣчкою, грязный прудъ озеромъ и ни на что негодныя болота поемными лугами. »Но для чего же они это дѣлаютъ?« спросите вы. »Вѣдь заочно имѣнье никто не покупаетъ, всякой поѣдетъ прежде посмотрѣть.» Да этого-то они добиваются! Неужели вы никогда не слыхали о заграничныхъ вывѣскахъ, которыя такъ обольстительны для всѣхъ новичковъ? На одной вы прочтете, что тутъ не продаютъ, а почти даромъ отдаютъ разные товары; другая приглашаетъ васъ войдти въ лавку — какъ вы думаете для чего? Единственно для того, чтобъ вы обогатились — Faites votre fortune, messieurs! — Разумѣется, это ложь; однакожъ вы зайдете въ лавку и, можетъ быть, купите что-нибудь. Говорятъ, что эти торговыя приманки, извѣстныя подъ названіемъ *пуфовъ*, доведены до совершенства Англичанами, можетъ быть; только врядъ ли имъ уступятъ въ этомъ наши Московскіе сводчики. Мнѣ самому случилось однажды попасть въ ловушку къ этимъ господамъ; впрочемъ, я отдѣлался такъ дешево, что вовсе объ этомъ не жалѣю. Я разскажу вамъ это происшествіе, совершенно справедливое во всѣхъ его подробностяхъ, за это я ручаюсь вамъ своею честію.

Года четыре тому назадъ, пришла мнѣ охота купить небольшую подмосковную. Я напечаталъ объ этомъ въ газетахъ, и на другой день явились ко мнѣ два сводчика. Первый, котораго

Digitized by Google

и принялъ къ себѣ въ кабинетъ, былъ человѣкъ пожилой, одѣтый довольно опрятно, съ большими сѣдыми бакенбардами и съ важнымъ, даже нѣсколько угрюмымъ лицомъ.

— Вы изволили объявить въ Московскихъ вѣдомостяхъ, — сказалъ онъ, — что желаете купить имѣнье?

— Да! отвѣчалъ я. — Мнѣ хотѣлось бы найдти небольшую деревеньку, но только непремѣнно въ близкомъ разстояніи отъ Москвы.

— Такъ-съ! А позвольте узнать, въ какую цѣну? —

— Отъ сорока до пятидесяти тысячъ ассигнаціями.

— Такъ-съ!... Прежде всего я долженъ вамъ доложить, что никогда не беру менѣе двухъ процентовъ за комиссію.

— Съ того, кто продаетъ?

— И съ того, кто покупаетъ.

— То есть четыре процента? Ну это довольно! Впрочемъ, если вы найдете мнѣ выгодное имѣніе....

— Выгодное? то есть доходное?

— Ну хоть и не очень доходное, но я желалъ бы, чтобъ оно давало мнѣ хотя пять процентовъ.

— Такъ-съ!... А мѣстоположеніе?....

— Непремѣнно красивое: безъ этого я не куплю; чистенькой домикъ, роща, рѣчка.

— И рѣчка-съ?... Это, сударь, найдти не легко!... Подмосковныя имѣнья на видныхъ мѣстахъ и съ живыми урочищами не дешево стоютъ — заплатите тысячи по двѣ за душу.

— Ну если у васъ нѣтъ такого имѣнья....

— Позвольте, позвольте!... Я могу вамъ рекомендовать имѣнье — не то что подмосковное, а близко, очень близко отъ Москвы ... Просятъ за него пятьдесятъ пять тысячъ ассигнаціями, а можетъ быть и за пятьдесятъ уступятъ. Имѣнье отличное, устроенное самымъ хозяйственнымъ образомъ; стоитъ только руки приложить, такъ оно дастъ вамъ процентовъ до десяти. Земля самая плодородная.... не то что черноземъ, а знаете ли этакая сѣрая.... чудная земля!... И мѣсто красивое, передъ барскимъ домомъ рѣчка.... можно мельницу построить; воды весьма достаточно, — будетъ за глаза на три постава.

— А по какой дорогѣ это имѣнье?

— По Можайкѣ.

Digitized by Google

— То есть по Смоленской? Ну, это хорошо: застава отъ меня близехонько.

— А это, сударь, не бездѣлица. Иное имѣніе кажется и близко отъ Москвы, а какъ придется ѣхать городомъ верстъ двадцать....

— Ужъ и двадцать!.... Что вы!

— Да не много поменьше.

— Что жъ, это имѣнье не далеко отъ города?

— И десяти верстъ не будетъ.

— Отъ Москвы?

— Нѣтъ, сударь: отъ города Вязьмы.

— Такъ это въ Смоленской губерніи?

— Такъ что же, сударь? Вѣдь Смоленская-то губернія граничитъ съ Московскою.

— Покорнѣйше васъ благодарю! Я ищу имѣнья не далѣе тридцати верстъ отъ Москвы.

— Позвольте вамъ доложить: да что толку-то въ этихъ близкихъ имѣніяхъ? Вѣдь извѣстное дѣло, подмосковные крестьяне или плуты или нищіе, безпрестанно въ Москву таскаются, все пьяницы; да вы, сударь, съ ними наплачетесь!

— Это ужъ мое дѣло.

— И что за даль такая: съ небольшимъ двѣсти верстъ! Дорога какъ скатерть, лучше всякаго шоссе, и гладко и мягко! ѣдешь въ телѣгѣ, а точно какъ на лежачихъ ресорахъ. А имѣньето какое! Отъ нужды, сударь, продаютъ.... Вотъ кабы вы сами изволили взглянуть.... Да не угодно ли? со мною есть опись и приказъ....

— Нѣтъ ужъ увольте!

— Такъ позвольте вамъ предложить другое имѣнье, поближе этого....

— Также въ Смоленской губерніи?

— Нѣтъ, сударь, въ Рязанской, на самой Московской границѣ.

— Я ужъ вамъ сказалъ, что хочу купить подмосковную.

— Въ такую цѣну у меня подмосковныхъ нѣтъ. Вотъ тысячъ во сто....

— Такъ намъ и говорить нечего. Прощайте, батюшка! тамъ у меня дожидается другой сводчикъ.

Digitized by Google

— Видѣлъ, сударь, видѣлъ!.... Я совѣтовать вамъ не смѣю, а грѣшно не сказать. Поберегитесь, батюшка. Я этого молодца знаю: Григорій Кулаковъ; два раза, сударь, изъ Москвы выгоняли, всю прошлую зиму въ тюрьмѣ просидѣлъ.... И какой онъ сводчикъ! такъ.... шмольникъ — дрянь! Изъ полтины пробѣгаетъ цѣлый день, а за цѣлковый дастъ себя выпороть.... А ужъ краснобай какой!... наговоритъ вамъ съ три короба; да вы не извольте ему вѣрить: мошенникъ преестественный! Прощайте, сударь!... Рекомендую себя на будущее время: Степанъ Прокофьичъ Кривоплясовъ, собственный домъ въ Садовой на Живодеркѣ, второй отъ угла.

— Хорошо, хорошо! Если вы мнѣ понадобитесь, я за вами пришлю.

Когда первый сводчикъ вышелъ, я приказалъ позвать втораго. Наружность его мнѣ очень не понравилась. На немъ былъ долгополый сюртукъ, довольно уже поношенный; самъ онъ былъ росту небольшаго, худощавъ, съ продолговатой жиденькой бородкою и сѣрыми плутовскими глазами, которые не обѣщали ничего добраго.

— Что, сударь, сказалъ онъ, вы не изволили ни чѣмъ порѣшить съ господиномъ Кривоплясовымъ?

— Нѣтъ! отвѣчалъ я: мнѣ не то надобно, что у него есть.

— Чай навязывалъ вамъ Смоленское или Рязанское имѣнье? Вотъ ужъ третій мѣсяцъ, какъ онъ съ ними нянчится.

— А что, это хорошія имѣнья?

— Помилуйте! да еслибъ мнѣ стали эти деревнишки даромъ отдавать, такъ я бы придачи попросилъ!.... А туда жъ два процента!.... Вотъ я, сударь, изъ одного процентика готовъ вамъ послужить. Да вѣдь мы люди простые, а онъ большой баринъ, офицію носитъ!

— Такъ онъ чиновникъ?

— Да, сударь, служилъ въ надворномъ, да видно не выслужился.... попросили вонъ! Небось, тогда не чванился; стоитъ, бывало, цѣлое утро съ перышкомъ у присутственныхъ мѣстъ, не наймется ли кто въ свидѣтели, а теперь, какъ удалось ему двухъ-трехъ господъ обмануть, такъ и въ люди пошелъ! Чего добраго — контору заведетъ!

— Ну! подумалъ я, какъ эти господа другъ друга рекомендуютъ!

Digitized by Google

— Вамъ, сударь, продолжалъ сводчикъ, желательно купить подмосковную?

— Да, отвѣчалъ я; только поближе къ Москвѣ.

— Найдемъ, сударь! Кабы вотъ этакъ недѣльки три тому назадъ, такъ я бы вамъ рекомендовалъ съ полдюжины подмосковныхъ, а теперь одна только и есть въ виду; да за то ужъ и подмосковная! Какъ посмотрите, такъ не разстанетесь! Душъ не много — всего пятьдесятъ, а земли четыреста десятинъ: триста въ окружной межѣ, да въ двухъ верстахъ отхожая пустошь. Лѣсу было слишкомъ сто десятинъ отличнаго! Теперь конечно лѣсокъ не крупный, однакожъ и не заросль: въ оглоблю будетъ. Барской домикъ игрушка, и не то что старый домъ: послѣ Французовъ строенъ; а что за крылечко такое! съ выступомъ, на подобіе террасы — удивительно!.... Садъ на пяти десятинахъ, аранжерея, грунтовый сарай, службы.... оно, конечно, не много позапущено: господа давно не живутъ, присмотрѣть некому, и если правду сказать, такъ на взглядъ строеніе покажется вамъ ветхимъ, а въ самомъ-то дѣлѣ вѣку не будетъ! Стоитъ только кой-гдѣ подкрасить, кой-что перетряхнуть — тутъ тесницу — другую перемѣнить, тамъ новое звѣно подвести, такъ усадьба будетъ щегольская!

— А рѣчка есть?

— Есть, сударь, этакъ съ полверсты отъ дома, и рѣчка-то какая! веселенькая, игривая, словно змѣйка, такъ и вьется по лугу!

— Можно въ ней купаться?

— Можно, сударь. Крестьянскіе ребятишки все лѣто изъ нее не выходятъ. Въ иномъ мѣстѣ по поясъ будетъ....

— То есть ребятишкамъ, а большимъ по колѣно?

— Да вы объ этомъ не извольте безпокоиться, за купаньемъ дѣло не станетъ: передъ домомъ преогромный прудъ, не грѣшно озеромъ назвать.

— И вѣрно въ немъ водятся лягушки?

— Какъ же, сударь! привозныя, съ отличными голосами!

Я засмѣялся.

— Чему же вы изволите смѣяться? сказалъ сводчикъ. Можетъ статься, теперь этимъ не занимаются, а прежде всѣ подмосковные бояре любили, чтобъ у нихъ въ прудахъ были лягушки голосистыя. Они этимъ щеголяли, сударь.

Digitized by Google

— Правда, правда, любезный! Теперь и я вспомнилъ: была такая мода; только я до этой музыки не охотникъ, а люблю, чтобъ пруды были съ рыбою.

— И этого довольно, сударь; въ саду есть два пруда съ карасями, да караси-то какіе — аршинные!

— Ужъ и аршинные!

— Доподлинно сказать вамъ не могу, я не мѣрялъ, а только прекрупные.

— Что жъ эта деревня по какой дорогѣ?

— По Звенигородкѣ.

— По Звенигородской дорогѣ? Мѣста знакомыя. А на какой верстѣ?

— На двадцать шестой.

— На двадцать шестой?.... Поворотъ налѣво? Мимо вѣтреной мельницы?

— Точно такъ-съ.

— А тамъ двѣ версты лѣсомъ?

— Не будетъ, сударь; версты полторы не больше.

— Такъ это деревня Андрея Степановича Вязникова.

— Да-съ! его высокородія Андрея Степановича Вязникова.

— Спасибо, любезный!

— А что, сударь?

— Да я ужъ хуже ни чего не знаю. Мужики бѣдные, избенки всѣ на боку, а барской домъ и на дрова никто не купитъ.

— Помилуйте, сударь! Конечно, домъ покривился, да это отъ того, что его мезонинъ давитъ; прикажите его снять....

— Да новый домъ поставить? службы перестроить, всѣ избы новыя срубить? Покорнѣйше благодарю!....

— Какъ вамъ угодно, а, право, имѣньице хорошее и за безцѣнокъ отдаютъ.

— Нѣтъ, ужъ я лучше поищу другую подмосковную.

— Позвольте! у меня есть въ виду еще одно имѣнье — чудо!... За отъѣздомъ продаютъ, завтра опись получу. Ну ужъ это подмосковная! На Клязмѣ, все мѣста гористыя, березовый лѣсъ, липовая роща.... пообождите только до завтрашняго дня.

— Хорошо, хорошо, любезный! Прощай!

— Счастливо оставаться! Сейчасъ побѣгу къ господамъ за описью и приказомъ.

Digitized by Google

Не прошло получаса, какъ мнѣ доложили, что пришелъ еще сводчикъ. Я велѣлъ его позвать.... Ну, этотъ вовсе не походилъ на двухъ прежнихъ! Это былъ пожилой человѣкъ лѣтъ шестидесяти, въ сѣромъ опрятномъ пальто, съ лысой головою, краснощекимъ, благообразнымъ лицемъ и свѣтлыми голубыми глазами, исполненными такого простодушія и такой доброты, какихъ я давно не видывалъ. Вся наружность его напоминала этихъ патріархальныхъ старинныхъ слугъ, не всегда трезвыхъ, но честныхъ, вѣрныхъ и всегда готовыхъ не только подраться, но даже умереть за каждую барскую копѣйку. Войдя въ кабинетъ, онъ помолился на образъ, потомъ, обратясь ко мнѣ, поклонился по старому Русскому обычаю въ поясъ,

— Что скажешь, любезный? спросилъ я.

— Вы ли, батюшка, Богданъ Ильичъ Бѣльской?

— Я, мой другъ.

— Ну слава тебѣ Господи! Ужъ я васъ искалъ, искалъ!... Не угодно ли вамъ, батюшка, купить подмосковное имѣнье въ двадцати верстахъ отъ города?

— По чему не купить, если имѣнье хорошее и будетъ мнѣ по деньгамъ.

— Будетъ, сударь, будетъ! Да вотъ извольте потрудиться — прочтите опись.

Сводчикъ подалъ мнѣ исписанный листъ бумаги и я прочелъ слѣдующее:

»Сельцо Былино въ двадцати верстахъ отъ Москвы, по Серпуховской дорогѣ, на рѣчкѣ Афонасьевкѣ. Крестьянъ, по ревизскимъ сказкамъ, семьдесятъ одна душа, а съ прибылыми послѣ ревизіи осемьдесятъ пять душъ. Изъ крестьянъ многіе занимаются столярнымъ ремесломъ и платятъ оброку съ тягла по сту рублей ассигнаціями, остальные крестьяне на пашнѣ. Земля вся особнякъ, осемъ сотъ шестьдесятъ десятинъ, изъ которыхъ сорокъ пять подъ господской усадьбою и крестьянскими избами. Барской домъ каменный о двухъ жильяхъ: въ немъ вся мебель краснаго дерева, три каменные флигеля, баня, сушильня, конюшни, сараи, погреба деревянные, не требующіе никакой починки; все господское строеніе крыто желѣзомъ. Видъ изъ дома наиотличнѣйшій; одинъ садъ фруктовой, другой для гулянья, съ разными потѣшными строеніями; двѣ аранжереи, одна персиковая, другая виноградная, грунтовой сарай преобширнѣйшій....

Digitized by Google

— Э, любезный! сказалъ я, остановясь читать, — да это имѣнье и за сто тысячъ не купишь.

— Извольте читать, сударь! перервалъ сводчикъ.

Я началъ опять читать опись.

»По рѣчкѣ Афонасьевкѣ заливныхъ луговъ до шестидесяти десятинъ. Противъ барскаго дома каменная плотина съ мельницей о двухъ поставахъ. Прошлогоднишняго необмолоченнаго хлѣба на барскомъ гумнѣ семь большихъ одоньевъ. Лѣсу крупнаго, береженаго, по большой части березоваго, четыреста тридцать шесть десятинъ. Послѣдняя цѣна имѣнью девяносто тысячъ ассигнаціями.

— Что жъ это за вздоръ! сказалъ я. — Да тутъ одного лѣсу слишкомъ на двѣсти тысячъ рублей.

— Будетъ, сударь.

— Такъ воля твоя; любезный: или ты меня обманываешь или тутъ есть какая-нибудь ошибка.

— Нѣтъ, сударь, я васъ не обманываю и ошибки тутъ никакой нѣтъ. Извольте только меня выслушать. Прежній помѣщикъ сельца Былина, Антонъ Ѳедоровичъ Вертлюгинъ, скончался прошлой зимою, и все имѣнье покойнаго перешло по наслѣдству къ племяннику его, Ивану Тихоновичу Башлыкову; а онъ въ этой деревнѣ никогда не бывалъ, и служитъ въ какомъ-то гусарскомъ полку, который стоитъ въ Польшѣ. Говорятъ, что этотъ Иванъ Тихоновичъ Башлыковъ такой гуляка и картежникъ, что ужъ два наслѣдства спустилъ. Видно ему и теперь не посчастливилось, такъ онъ и написалъ къ Былинскимъ крестьянамъ, что продаетъ ихъ за девяносто тысячъ ассигнаціями, и чтобъ они искали себѣ покупщика. Я, сударь, самъ родомъ изъ Былина, отпущенникъ стараго барина. Вотъ мужички и попросили меня пріискать имъ хорошаго помѣщика. Дѣло, сударь, не шуточное, тутъ спѣшить нечего, и я ужъ недѣли двѣ по Москвѣ шатаюсь. Спрошу объ одномъ: хорошъ, дискать, баринъ, только барыня-то у него такая нравная, что не приведи Господи! Спрошу о другомъ. И этотъ также человѣкъ добрый, да все пашню заводитъ на нѣмецкой манеръ; тотъ крутенекъ, этотъ съ придурью, а вотъ, дискать, есть баринъ, Богданъ Ильичъ Бѣльской, такъ ужъ нечего сказать — отецъ! У него и дворовымъ и крестьянамъ такое житье, что и волюшки не надо! — Я поѣхалъ да Былинскимъ это и пересказалъ, а они,

Digitized by Google

сударь, прислали меня къ вамъ. Ужъ сдѣлайте милость, батюшка, заставьте за себя Бога молить, — купите ихъ!

— Какъ не купить, любезный! Да гдѣ жъ я всему девяносто тысячь?

— Деньги готовы, сударь.

— Какъ готовы?

— А вотъ изволите видѣть: не слыхали ли вы когда-нибудь объ Иванѣ Ѳедоровичѣ Выхинѣ?

— Не помню, любезный; кажется не слыхалъ.

— Здѣшній купецъ первой гильдіи; торгуетъ лѣсомъ. Онъ ѣздилъ со мною на прошлой недѣлѣ въ Былино, и мы съ нимъ порѣшили; господинъ Выхинъ покупаетъ двѣсти десятинъ лѣсу по пяти сотъ рублей ассигнаціями за десятину. Оно конечно дешево, сударь; коли онъ и рубить лѣсу не станетъ, а на корнѣ продастъ, такъ все возьметъ рубль на рубль барыша.... ну да Богъ съ нимъ! За то человѣкъ-то вѣрный и всѣ деньги впередъ даетъ.

Признаюсь, я сначала обрадовался, а потомъ мнѣ стало какъ будто бы совѣстно.

— Послушай, любезный! сказалъ я. — Да что жъ это, въ самомъ дѣлѣ, крестьяне-то? Имъ бы написать барину, что у него одного лѣсу больше чѣмъ на двѣсти тысячь, а онъ все имѣнье продаетъ за девяносто?

— Что вы, сударь! сохрани Господи! Если баринъ объ этомъ узнаетъ, да онъ тогда вовсе своихъ мужичковъ обездолитъ: продастъ весь лѣсъ за безцѣнокъ, денежки спуститъ, а тамъ опять деревню-то по боку! Только ужъ тогда, батюшка, покупщиковъ не много будетъ. Да вы первые не купите безлѣсное имѣнье — что въ немъ толку? Анъ и выдетъ, что мужички-то достанутся Богъ вѣсть кому.

— А что, подумалъ я, вѣдь онъ дѣло говоритъ.

— Эхъ батюшка, ваше высокоблагородіе! продолжалъ сводчикъ: — ну что вы изволите заботиться объ этомъ мотыгѣ? Вѣдь глупому сыну не въ помощь богатство. Вы подумайте-ка лучше о бѣдныхъ мужичкахъ; чѣмъ они, сердечные, виноваты, то у нихъ баринъ картежникъ?

— Правда, правда, любезный! сказалъ я.

— Ну что, сударь, ваши ли они?

— Если ты говоришь правду....

Digitized by Google

— Да изъ чего жъ мнѣ лгать, сударь? Помилуйте!

— До сихъ поръ кажется не изъ чего.

— Такъ вы покупаете?

— Покупаю.

— Батюшка Богданъ Ильичъ! — сказалъ сводчикъ, повалясь мнѣ въ ноги: — коли это дѣло кончено, такъ дозвольте мнѣ и за себя слово вымолвить!

— Что такое?

— Въ Былинѣ есть у меня родной братъ краснодеревецъ — за всѣ мои хлопоты и труды отпустите его на волю! Я ничего больше не прошу.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— Да вы не извольте о немъ жалѣть, батюшка! У васъ еще останутся трое краснодеревцевъ.

— А нѣтъ ли у тебя въ Былинѣ еще родныхъ?

— Есть, батюшка, племянникъ; да я ужъ не смѣю о немъ и говорить....

— Изволь, любезный, я и племянника твоего отпущу на волю.

Сводчикъ заплакалъ.

— Покорнѣйше васъ благодарю, батюшка! сказалъ онъ. — Пожалуйте ручку!... Дай Богъ вамъ много лѣтъ здравствовать!

— Да это что!... если только ты меня не обманываешь....

— Ахъ Господи Боже мой!... Вы все изволите сомнѣваться!... Ну жаль, что Ивана Ѳедоровича здѣсь нѣтъ!....

— Какого Ивана Ѳедоровича?

— Да вотъ лѣсника, что Былинской лѣсъ покупаетъ. Я бы вмѣстѣ съ нимъ къ вамъ пришелъ, авось ли бы вы тогда повѣрили.

— Гдѣ жъ онъ теперь?

— Уѣхалъ въ рощу. Деньжонокъ-то со мною мало, а то бы я за нимъ скаталъ.

— А далеко ли?

— Да не близко, верстъ за тридцать. Меньше трехъ цѣлковыхъ не возьмутъ.

— Вотъ тебѣ пять рублей серебромъ, сказалъ я, подавая ему ассигнацію. — Съѣзди за лѣсникомъ.

— Слушаю, сударь. Оно и лучше, батюшка! Извольте сами съ нимъ переговорить.

— Вѣдь завтра ты вернешься?

Digitized by Google

— Какъ же, сударь. Если ему завтра нельзя будетъ къ вамъ пріѣхать, такъ я письмо отъ него привезу. Да онъ вѣрно самъ прискачетъ. Вѣдь дѣло-то не безденьное: рубль на рубль барыша. Прощайте, батюшка! Сейчасъ на постоялый дворъ, найму лошадей, да и въ путь.

Сводчикъ вышелъ изъ комнаты, потомъ черезъ полминуты воротился назадъ.

— Что ты, любезный? спросилъ я.

— Виноватъ, сударь! Забылъ вамъ сказать: Иванъ Ѳедоровичъ Выхинъ очень зарится на березовую рощу, которая подошла къ самому саду, да вы не извольте ее продавать. Березы-то сажены еще дѣдушкой покойнаго барина — каждая обхвата въ два будетъ.

— А если онъ заупрямится?

— Такъ извольте ему сказать, что вы и деревню-то за тѣмъ покупаете, что вамъ эта роща нравится. Въ ней же всего на все десятинъ пять или шесть — не потянется, сударь!

— Ну, хорошо.... А, кстати! какъ тебя зовутъ, любезный?

— Савелій Прокофьевъ. Прощайте, батюшка!

Разумѣется, я провелъ весь этотъ день въ самыхъ пріятныхъ мечтахъ: то мысленно удилъ рыбу въ моей рѣчкѣ Афонасьевкѣ, то гулялъ въ столѣтней березовой рощѣ, или ѣлъ собственный свой виноградъ, свои доморощенные персики-венусы!... Доходное имѣнье въ двадцати верстахъ отъ Москвы, прекрасная усадьба съ такими барскими затѣями, и все это достается мнѣ не только даромъ, но даже съ придачею!... »Не можетъ быть,« думалъ я, »чтобъ этотъ старикъ меня обманывалъ: онъ вовсе не похожъ на обманщика. Да изъ чего бы онъ сталъ это дѣлать? — Если онъ хлопоталъ изъ того только, чтобъ выманить у меня нѣсколько рублей серебромъ, такъ за чѣмъ же, получивъ деньги, воротился говорить со мною о березовой рощѣ? Это уже было бы слишкомъ хитро, да и вовсе для него безполезно.... Нѣтъ! видно на этотъ разъ мнѣ посчастливилось!....«

Часу въ девятомъ вечера пріѣхалъ ко мнѣ старинный мой пріятель, Андрей Даниловичъ Ерусланов. Въ первомъ выходѣ моихъ записокъ я познакомилъ васъ съ этимъ ненавистникомъ дилижансовъ и страстнымъ любителемъ нашей Русской телѣжной ѣзды.

— Здравствуй Богданъ Ильичъ! сказалъ онъ. Я пріѣхалъ съ тобой повидаться и поговорить съ тобой кой о чемъ. А нѣчего сказать, далеконько ты живешь!

Digitized by Google

— Да, любезный другъ! Я живу на Пресненскихъ прудахъ, а ты на Чистыхъ.... версты четыре будетъ.

— Тебя, кажется, о здоровьѣ спрашивать нечего, продолжалъ Ерусланъ, опускаясь въ кресла: ты смотришь такъ весело....

— Да и ты, кажется, вовсе не хмуришься.

— Нѣтъ, другъ сердечный, я веселъ, очень веселъ! Богъ милость мнѣ даетъ.

— Право! Что жъ такое?

— Да такъ!.. Вотъ, братецъ, говорятъ, что добрымъ людямъ не житье на этомъ свѣтѣ — неправда!... Хорошо быть добрымъ человѣкомъ! Добрая слава лучше всякаго богатства, любезный!

— Конечно лучше; да къ чему ты это говоришь?

— А вотъ къ чему. Я, Богданъ Ильичъ, покупаю отличное имѣнье, или лучше сказать, мнѣ дарятъ это имѣнье, за то, что я добрый человѣкъ.

— Какъ такъ?

— Да имѣнье-то какое! Барское, сударь! въ двадцати верстахъ отъ Москвы.

— Въ двадцати верстахъ?...

— Да, Богданъ Ильичъ, по Серпуховской дорогѣ.

— Ой, ой, ой! подумалъ я: это что-то не хорошо.

— Помѣщикъ этого имѣнья — продолжалъ Ерусланъ — не бывалъ въ немъ никогда. Оно, изволишь видѣть, досталось ему по наслѣдству. Видно, ему денежки понадобились, такъ онъ и написалъ крестьянамъ, чтобъ они искали себѣ покупщика, а мужички-то — голубчики мои! знать ужъ обо мнѣ понаслышались, любезный! — и просятъ, чтобъ я ихъ купилъ; да вѣдь даромъ, братецъ, даромъ!

— Ой худо! прошепталъ я.

— Представь себѣ, Богданъ Ильичъ: за имѣніе просятъ девяносто тысячъ ассигнаціями, а одного лѣсу на двѣсти! Каменный домъ, аранжереи, мукомольная мельница ...

— На рѣчкѣ Афонасьевкѣ? перервалъ я.

— Да, да! на рѣчкѣ Афонасьевкѣ.

— Сельцо Былино?

— Точно такъ! А ты его знаешь?

— Какъ не знать! А что, къ тебѣ сами крестьяне приходили?

Digitized by Google

— Нѣтъ, они прислали ко мнѣ отъ всего міру....

— И вѣрно лысаго старика, въ сѣромъ пальто, съ такимъ честнымъ, добрымъ лицомъ...

— Э, любезный! такъ ты и его знаешь?

— Какъ же! Прокофій Савельевъ....

— Нѣтъ, кажется Савелій Прокофьевъ.

— Все равно, любезный другъ! Ты вѣрно далъ ему что-нибудь!

— Бездѣлицу: десять рублей серебромъ.

— А когда онъ у тебя былъ?

— Сегодня часу во второмъ.

— Во второмъ! Экой проворный, подумаешь! Такъ онъ прямо отъ меня прошелъ къ тебѣ.

— Отъ тебя?

— Да, онъ былъ у меня ровно въ двѣнадцать часовъ. Ну, другъ сердечный, не прогнѣвайся — своя рубашка къ тѣлу ближе: вѣдь я ужъ это имѣнье купилъ.

— Какъ купилъ? сказалъ Андрей Даниловичъ, вскочивъ съ кресель.

— Да, мой другъ, купилъ и гораздо дешевле твоего: ты заплатилъ за него десять рублей серебромъ, а я только пять.

— Что жъ это значитъ?

— А это значитъ, Андрей Даниловичъ, что на то и щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ.

— Что ты говоришь? Да неужели этотъ старикъ....

— Отличный плутъ, а ужъ актеръ такой, какихъ я и не видывалъ.

— Да нѣтъ, это не можетъ быть!

— Не просилъ ли онъ тебя отпустить на волю его роднаго брата, краснодеревца?

— Просилъ.

— Что жъ, ты обѣщался отпустить?

— Разумѣется.

— И онъ заплакалъ?

— Такъ и заревѣлъ, братецъ!

— Фу, какой артистъ! Жаль только, что онъ немножко единообразенъ. Не взялъ ли онъ у тебя денегъ, чтобъ нанять лошадей и ѣхать за лѣсникомъ...

Digitized by Google

— Какъ же, Богданъ Ильичъ! Онъ просилъ у меня пять рублей, а я далъ ему десять.

— Ну вотъ видишь ли! Отъ меня онъ зашелъ къ тебѣ на перепутье, а можетъ быть отъ тебя завернетъ еще къ кому-нибудь — такъ этакъ, глядишь, въ иной день перепадетъ ему рубликовъ двадцать пять сребромъ. Ремесло хорошее!

— Вотъ тебѣ и рѣчка Аѳонасьевка! вскричалъ Ерусланов. — А я ужъ сбирался на ней купальню поставить.... Ахъ онъ мошенникъ, разбойникъ этакой!

— Да что жъ ты на него такъ гнѣваешься? сказалъ я. — Развѣ я сержусь? а вѣдь онъ и меня также обманулъ — вѣдь и я также какъ ты, думалъ про себя: хорошо быть добрымъ человѣкомъ!

Ерусланов засмѣялся.

— Ну! молвилъ онъ, много я видалъ плутовъ на моемъ вѣку, а ужъ такого мастера не встрѣчалъ!... Да нѣтъ, Богданъ Ильичъ, ты какъ хочешь, а я этого такъ не оставлю!....

— А что жъ ты сдѣлаешь?

— Я отыщу его.

— Въ самомъ дѣлѣ: съѣзди-ка въ сельцо Былино, авось онъ тамъ.

— Нѣтъ, любезный, этотъ Ванька Каинъ долженъ быть здѣсь въ Москвѣ. Я по всѣмъ съѣзжимъ буду справляться, гдѣ живетъ мѣщанинъ Прокофій Савельевъ, или Савелій Прокофьевъ — найду его....

— А тамъ что?

— А тамъ что?.. Да дамъ ему еще цѣлковый за то, что онъ молодецки насъ обманулъ.

— Такъ ужъ дай и отъ меня, — сказалъ я, но только не за это.

— За что же?

— За то, что я по милости его былъ цѣлый день доволенъ, веселъ и даже счастливъ.

— А что, вѣдь ты правду говоришь! — перервалъ Андрей Даниловичъ. — Купить себѣ на цѣлый день счастья за пять рублей серебромъ — да развѣ это не дешево? Эхъ жаль, что я къ тебѣ заѣхалъ! Сиди я дома, такъ мы бы съ тобой за наши денежки вдоволь понатѣшились!

Digitized by Google

86. Описаніе военныхъ дѣйствій 1839 года въ Сѣверномъ Дагестанѣ. Соч. Полковника Милютина. Съ планами. Спб. 1850. Стр. 144 въ 8 д. л.

Съ 1830 года Русское Правительство вынуждено было обратить особенное вниманіе на положеніе дѣлъ въ Дагестанѣ и на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи. Религіозное ученіе (*мюридизмъ*), возникшее въ этомъ краѣ, подало поводъ къ волненіямъ и кровопролитной войнѣ. Необходимо было принять самыя дѣйствительныя мѣры противъ усиленія въ горахъ враждебной намъ власти, которая сдѣлалась особенно опасною, когда главою фанатическихъ мюридовъ явился Шамиль. Къ несчастію, стеченіе разныхъ обстоятельствъ нѣсколько лѣтъ сряду не позволяло обратить противъ него достаточныя силы для какого-либо предпріятія рѣшительнаго, — и обстоятельства эти имѣли самое невыгодное для насъ вліяніе: горцы еще болѣе ободрились; Шамиль пріобрѣлъ еще бо̀льшее вниманіе на легковѣрные умы. Онъ увѣрялъ, что Русскіе не въ состояніи ничего предпринять противъ него; между тѣмъ продолжалъ укрѣпляться. Наконецъ въ 1839 г. назначено было предпринять рѣшительную экспедицію въ Сѣверный Дагестанъ. Военныя дѣйствія должны были производиться въ трехъ разныхъ частяхъ Кавказскаго края и тремя отдѣльными отрядами. Первый, десантный, подъ командою Генералъ-Лейтенанта Раевскаго, назначенъ былъ для занятія трехъ новыхъ пунктовъ на восточномъ берегу Чернаго моря и для построенія тамъ укрѣпленій. Другой, Дагестанскій, подъ начальствомъ самого Корпуснаго Командира, Генералъ-Лейтенанта Головина, долженъ былъ окончательно покорить верхнія Самурскія общества и прочно утвердиться въ верховьяхъ Самура, построеніемъ укрѣпленія у селенія Ахты. Наконецъ, третій, подъ названіемъ Чеченскаго, ввѣренный Генералъ-Лейтенанту Граббе, назначенъ былъ для дѣйствій противъ Шамиля въ Сѣверномъ Дагестанѣ и Чечнѣ. Описанію дѣйствій этого послѣдняго отряда и посвящена книга Г. Милютина.

Digitized by Google

«Дѣйствія эти, говоритъ авторъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія: они происходили въ такихъ частяхъ края, куда до того времени еще никогда Русское оружіе не проникало; они сопряжены были съ такими затрудненіями естественными и съ такимъ упорнымъ сопротивленіемъ со стороны непріятеля, какія прежде едва ли встрѣчались; а потому и успѣхи Русскихъ войскъ никогда, быть можетъ, не стоили прежде столькихъ пожертвованій.

«Но тѣмъ болѣе чести приносятъ эти успѣхи войскамъ, которыя, въ продолженіе болѣе четырехъ мѣсяцевъ, съ истиннымъ мужествомъ и непоколебимою твердостію переносили всѣ тягости и лишенія труднаго похода въ скалистыхъ и безплодныхъ горахъ, преодолѣвали затрудненія, на каждомъ шагу имъ встрѣчавшіяся, и вездѣ геройски дрались, гдѣ только непріятель осмѣливался оказать сопротивленіе. Ни многочисленность горцевъ, ни воинственность ихъ, возбужденная фанатизмомъ религіознымъ, ни самая неприступность укрѣпленныхъ позицій, — ничто не въ силахъ было остановить успѣха Русскаго отряда на пути, ему предначертанномъ. Положительно можно сказать, что никогда въ теченіе одной кампаніи не приходилось однимъ и тѣмъ же войскамъ столько разъ испытывать счастіе отважныхъ штурмовъ на сильныя позиціи непріятельскія. Для Кавказскихъ войскъ, казалось, не было ничего невозможнаго.

«Такимъ образомъ дѣйствія 1839 года въ Сѣверномъ Дагестанѣ замѣчательны уже потому, что представляютъ цѣлый рядъ такихъ подвиговъ воинскихъ, которые грѣшно было бы оставить въ забвеніи. Мнѣнія могутъ быть различны въ томъ, какое значеніе экспедиція эта будетъ имѣть вообще въ *исторіи Кавказскаго края*; но безъ сомнѣнія всѣ, принимавшіе въ ней участіе, единогласно признаютъ, что собственно въ *исторіи Русскаго войска* она составитъ одну изъ блистательныхъ страницъ.»

По первоначальному плану Чеченскій отрядъ долженъ былъ начать дѣйствія движеніемъ въ Дагестанъ противъ Шамиля, разрушить тамъ неприступное убѣжище его Ахульго, а потомъ уже, осенью, обратиться въ Чечню. Соображеніе это основано было на томъ, что лѣто есть самое невыгодное время для дѣйствій въ лѣсистой Чечнѣ, тогда какъ, напротивъ того, въ Дагестанѣ дѣйствовать невозможно въ позднее время года. Однакожъ, съ перваго же шага оказалось нужнымъ отступить отъ этого плана, и двинуться въ землю Ичкеринцевъ, для разрушенія укрѣпленій, въ которыхъ засѣли было горцы, съ цѣлію угрожать нашему тылу. Походъ этотъ исполненъ съ совершеннымъ

Digitized by Google

успѣхомъ, и по окончаніи его Генералъ Граббе могъ уже безъ опасенія двинуться въ Сѣверный Дагестанъ.

Достигнуть Ахульго можно было двумя путями: одинъ, черезъ Аварію и Койсубу, представлялъ большія удобства; другой, черезъ Салатау и Гумбетъ, несравненно длиннѣе, пролегалъ по землѣ племенъ враждебныхъ и мѣстностію самою трудною для наступательнаго движенія, самою благопріятною для упорной обороны со стороны горцевъ. Однако этотъ послѣдній путь и избранъ былъ Генераломъ Граббе, на основаніи слѣд. весьма важныхъ соображеній:

«Взятіе Ахульго могло быть только послѣднимъ, конечнымъ ударомъ владычеству Шамиля; но чтобъ достигнуть этой окончательной побѣды — необходимо было, такъ сказать, подготовить и облегчить ее нанесеніемъ пораженія горцамъ вездѣ, гдѣ только можно было встрѣтить ихъ скопища. Какъ бы ни были, по всѣмъ вѣроятіямъ, кровопролитны эти встрѣчи, какъ бы ни дорого обошлись онѣ нашимъ войскамъ, — только подобными успѣхами и можно было произвести нравственное вліяніе на умы горцевъ, поколебать довѣріе ихъ къ силѣ и непобѣдимости Шамиля, и тѣмъ разрушить основанія его могущества въ горахъ.»

Двинувшись съ тѣмъ, чтобы искать встрѣчи съ горцами, нашъ отрядъ, черезъ три дня по выступленіи, имѣлъ удачное дѣло съ Шамилемъ при Теренгулѣ, а спустя еще недѣлю долженъ былъ брать штурмомъ укрѣпленное селеніе Аргуани. Полагаясь на неприступное положеніе этого пункта, Шамиль собралъ здѣсь до 16,000 Лезгинъ. Силы нашего отряда были почти вдвое менѣе. Не смотря на неприступную мѣстность, на отчаянную защиту мюридовъ, войска наши овладѣли Аргуани, послѣ упорнаго боя, продолжавшагося почти полуторы сутки. Потеря съ нашей стороны не превышала до 150 убитыхъ и 500 раненныхъ — потеря не весьма значительная, если сообразить всѣ трудности, какія должны были преодолѣвать наши солдаты, особенно когда, ворвавшись въ Аргуани, приходилось брать приступомъ почти каждую саклю. Потеря же горцевъ простиралась до 2,000 человѣкъ убитыхъ и раненныхъ, такъ что изъ иныхъ селеній ни одинъ человѣкъ не вернулся домой. Это блистательное дѣло открыло Русскому отряду свободный путь во всѣ стороны. Скопище Шамиля было разсѣяно, а самъ онъ заперся въ Ахульго.

Digitized by Google

Съ 12-го Іюня началась осада этого гнѣзда фанатиковъ.

Старое и новое Ахульго занимали два огромныхъ утеса, раздѣленныхъ между собою глубокимъ ущельемъ рѣчки Ашильты; оба вмѣстѣ они составляли полуостровъ, обгибаемый съ трехъ сторонъ рѣкою Койсу. Вся мѣстность вокругъ обоихъ Ахульго чрезвычайно сурова и дика; горы каменистыя, безплодныя, какъ будто всѣ въ трещинахъ. Горные потоки во многихъ мѣстахъ низвергаются въ пропасти съ отвѣсныхъ уступовъ.... Не довольствуясь естественною неприступностію такого мѣстоположенія, Шамиль укрѣпилъ свое убѣжище еще искусственными средствами, весьма хорошо придуманными. Въ своихъ подземныхъ сакляхъ, траншеяхъ, завалахъ, пещерахъ и за утесами непріятель былъ совершенно скрытъ отъ нашихъ глазъ и выстрѣловъ; окружающая мѣстность почти нигдѣ не позволяла выгодно расположить значительныя батареи. Напротивъ того, наши войска на всѣхъ пунктахъ подвергались сосредоточеннымъ выстрѣламъ изъ множества непріятельскихъ ложементовъ открытыхъ и скрытыхъ; на всѣ подступы къ обоимъ Ахульго были направлены сотни перекрестныхъ выстрѣловъ.

Шамиль заперся въ Ахульго со всѣми своими приверженцами, съ заложниками отъ покорныхъ ему племенъ, съ награбленною имъ добычею. Болѣе 4000 душъ обоего пола заключено было на голомъ раскаленномъ утесѣ; вооруженныхъ было свыше 1000; изъ нихъ человѣкъ сто самыхъ отчаянныхъ мюридовъ заперлись въ Сурхаевой башнѣ — укрѣпленіи на остроконечной горѣ впереди новаго Ахульго. Сверхъ того Шамиль послалъ по Дагестану собирать новыя скопища.

О штурмѣ Ахульго открытою силой нельзя было и думать; а для совершенной блокады съ обѣихъ сторонъ рѣки, силы отряда оказались недостаточными (до 6 т. чел.); для предпріятія систематическихъ осадныхъ работъ, отъ которыхъ можно было бы ожидать скораго результата, не было ни достаточнаго числа орудій надлежащаго калибра, ни довольно саперъ, ни нужныхъ матеріаловъ, ни инстру-

Digitized by Google

ментовъ. Устроенныя батареи наносили мало вреда непріятелю. Мѣстность окрестная такъ разнообразна и пересѣчена, что войска долго не могли ознакомиться съ нею, а потому дѣйствовали, такъ сказать, ощупью. Каждая попытка къ постепенному стѣсненію блокады сопряжена была съ бо́льшею или мѣньшею потерею. Въ началѣ войска не умѣли даже пользоваться мѣстными преградами для прикрытія себя отъ выстрѣловъ; непріятель, сидя скрыто въ своихъ завалахъ, по цѣлымъ днямъ подстерегалъ неосторожныхъ, выказывавшихся изъ-за туровъ. Въ особенности вредила блокирующимъ войскамъ Сурхаева башня, которая командовала всею окрестною мѣстностію.

Между тѣмъ въ то время, какъ принимались мѣры на случай продолжительнаго пребыванія отряда подъ Ахульго, толпа мюридовъ, собранная происками довѣренныхъ лицъ Шамиля, внезапно напала на отрядъ, и самъ Шамиль сдѣлалъ сильную вылазку изъ Ахульго; но оба эти нападенія были отражены съ уроно́мъ для врага.

Осада подвигалась, хотя медленно и съ большими препятствіями: всѣ работы производились въ камнѣ, только по ночамъ, часто на разстояніи пистолетнаго выстрѣла отъ непріятельскихъ укрѣпленій; туры наполнялись, вмѣсто земли, каменьями, приносимыми издалека. Линія передовыхъ постовъ подвигалась, однако, постепенно впередъ, и важный непріятельскій постъ — Сурхаева башня — былъ окруженъ наконецъ со всѣхъ сторонъ. Прежде чѣмъ предпринять что-либо рѣшительное противъ главныхъ укрѣпленій, необходимо было овладѣть ею, и начальникъ отряда назначилъ штурмъ. Но, не смотря на безстрашную отвагу и стойкость нашихъ храбрецовъ, первая попытка оказалась неудачною.... Спустя нѣсколько дней, съ прибытіемъ орудій бо́льшаго калибра, положено было бомбардировать Сурхаеву башню, и удачное дѣйствіе артиллеріи помогло нашимъ солдатамъ ворваться въ неприступную твердыню. Успѣхъ этотъ въ оба штурма стоилъ намъ не маловажной потери (до 50 убит. и около 375 ранен.); но и отчаянные защитники башни погибли почти всѣ.

Взятіе Сурхаевой башни было важнымъ шагомъ въ ходѣ блокады: съ этого времени уже можно было обра-

Digitized by Google

тить осадныя работы прямо противъ новаго Ахульго, какъ главной части непріятельской позиціи; значительно стѣснить линію блокады; устроить новыя батареи на такомъ близкомъ разстояніи отъ непріятельскихъ укрѣпленій, что могли разбивать ихъ даже горныя орудія. Осадныя работы, казалось, доведены были наконецъ до того періода, когда остается прибѣгнуть къ послѣднему, крайнему средству — къ открытому штурму. Получивъ новыя подкрѣпленія, увеличившія численную силу отряда до 8,400 чел. (кромѣ милицій), Генералъ Граббе рѣшился на штурмъ. За успѣхъ ручаться было нельзя; но войска, утомленныя однообразною блокадою и тяжелыми работами, жаждали покончить дѣло рѣшительнымъ боемъ.... 16 Іюля три колонны двинулись на приступъ.

«Главная колонна смѣло начала спускаться съ нижняго гребня, по лѣстницамъ, подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ. Хотя войска должны были сходить по одиночкѣ, однакожъ они исполнили это такъ стремительно, такъ смѣло, что въ нѣсколько минутъ были уже на днѣ самаго рва и даже взобрались уже на передовое укрѣпленіе. Въ одно мгновеніе непріятель сбитъ штыками, и съ крикомъ ура! занята вся передняя площадка.... Но тутъ встрѣчено препятствіе неожиданное: за площадкою былъ еще второй, глубокій перекопъ, обстрѣливаемый перекрестнымъ огнемъ изъ двухъ скрытыхъ блокгаузовъ или капонировъ.

«Выстрѣлы изъ множества бойницъ и съ заваловъ сосредоточены были на тѣсную площадку, на которой столпилось болѣе шестисотъ человѣкъ. Всѣ покушенія нѣкоторыхъ храбрецовъ проникнуть далѣе остались безъуспѣшными. Спереди была непреодолимая преграда; сзади узкій путь заваленъ множествомъ раненныхъ; для устроенія ложемента на занятой части непріятельскихъ укрѣпленій саперы не имѣли возможности втащить ни одного тура. Притомъ въ это время не оставалось уже въ колоннѣ *ни одного* офицера: иные были ранены или убиты, другіе сброшены въ кручу. Войска оставались такимъ образомъ до самой ночи на передовой площадкѣ, подъ самымъ жестокимъ огнемъ.

«Другія двѣ колонны, предназначенныя собственно для отвлеченія вниманія непріятеля, вовсе и не могли ничего предпринять....»

Неудача эта стоила намъ весьма дорого: изъ строя выбыло болѣе 150 убитыхъ и слишкомъ 700 раненныхъ.

Digitized by Google

Горцы лишились только 150 чел., но и такая потеря для нихъ была весьма чувствительна, тѣмъ болѣе, что между ними почти всегда падали жертвами именно тѣ люди, которые по своей храбрости и фанатизму составляли главную опору мюридизма. Непріятель защищался въ Ахульго съ крайнимъ упорствомъ. Въ одно мгновеніе, когда Русскія войска ворвались въ передовую часть укрѣпленій, мюриды, потерявъ голову, уже готовы были бѣжать; но тогда женщины съ малолѣтными дѣтьми бросились впередъ и остановили бѣжавшихъ. Многія изъ этихъ героинь, переодѣтыя въ мужскія платья, сами упорно дрались въ передовыхъ укрѣпленіяхъ.

Какъ ни тягостно было положеніе непріятеля въ Ахульго, однакожъ Шамиль могъ постоянно возобновлять свои силы и средства, пока имѣлъ сообщеніе съ лѣвымъ берегомъ рѣки Койсу. Больныхъ и раненныхъ, обращавшихся ему въ тягость, онъ высылалъ изъ Ахульго, а въ замѣнъ ихъ новыя партіи приходили къ нему на помощь. По показаніямъ лазутчиковъ въ Ахульго было до 1800 человѣкъ вооруженныхъ мюридовъ. Слѣдовало прежде всего лишить Шамиля сообщенія съ лѣвымъ берегомъ Койсу; предпріятіе это въ нѣсколько дней было исполнено съ отличнымъ успѣхомъ. Ахульго было обложено со всѣхъ сторонъ, и осадныя работы, въ которыхъ наши саперы оказывали чудеса искусства и храбрости, значительно подвинулись впередъ, не смотря на нерѣдкія вылазки со стороны осажденныхъ.

Такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ (съ 16 Іюля по 16 Авгус). Мелкія перестрѣлки въ продолженіе этого времени стоили отряду 100 чел. убитыхъ и раненныхъ. Кромѣ того, отъ продолжительности стоянки на одномъ мѣстѣ, отъ самаго воздуха, зараженнаго трупами, отъ удушливаго зноя на раскаленныхъ утесахъ, въ войскахъ усилились болѣзни. Конницу нельзя было держать при отрядѣ, по совершенному истребленію подножнаго корма въ окрестностяхъ. Между тѣмъ Шамиль, поставленный въ крайнее положеніе, и видя настойчивость, съ которою продолжалась осада уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, старался разными путями войти

Digitized by Google

въ переговоры. Они начинались нѣсколько разъ, но всегда безуспѣшно; видно было, что предводителю мюридовъ только хотѣлось выиграть ими время. Наконецъ, 16 числа ему было объявлено, что если онъ до наступленія ночи не выдастъ своего сына аманатомъ, то на другой же день будетъ штурмъ. Шамиль медлилъ, и 17 Авг., съ первымъ лучемъ солнца артиллерія наша открыла сильнѣйшій огонь по укрѣпленіямъ Ахульго. Войска съ отвагою двинулись на приступъ, быстро заняли часть новаго Ахульго, и стойко выдержали огонь непріятеля. Но въ это время Шамиль поспѣшилъ выставить бѣлый флагъ въ знакъ перемирія, и выслалъ немедленно своего сына въ аманаты. Снова начались переговоры, и для ускоренія ихъ рѣшено было, что исправлявшій въ отрядѣ должность начальника штаба, Генералъ-Маіоръ Пулло будетъ имѣть личное свиданіе съ Шамилемъ среди самаго Ахульго, то есть впереди расположенія Русскихъ войскъ. Но и это свиданіе не принесло ожидаемой пользы, потому что Шамиль не только не уступалъ, но постепенно усиливалъ свои требованія. Снова надобно было взяться за оружіе. Осада Ахульго, стоившая уже столько крови, должна была имѣть и развязку кровавую.

21 Августа штурмъ былъ возобновленъ, и опять наши храбрецы встрѣтили тѣ же самыя препятствія, какія останавливали ихъ уже два раза: глубокій перекопъ, раздѣлявшій новое Ахульго и обстрѣливаемый мюридами изъ скрытаго капонира. Пробовали бросать на дно рва ручныя гранаты, заваливать фашинами и турами, но всѣ усилія оставались тщетными. Мюриды держались цѣлый день: ночью же саперы прибѣгли къ послѣднему средству: они начали устраивать мину, высѣкая галлерею въ сплошномъ камнѣ. Однакожъ въ ту же ночь Шамиль, видя гибель главныхъ своихъ приверженцевъ и упадокъ духа всей оставшейся толпы, рѣшился самъ оставить новое Ахульго, и скрылся въ одну изъ пещеръ надъ рѣкою Койсу, и всѣмъ горцамъ приказалъ переходить въ старое Ахульго. На слѣдующій день

---

* Того самого, который поступилъ потомъ на воспитаніе въ 1-й Кадетскій Корпусъ.

Digitized by Google

часть отряда заняла все новое Ахульго, и такъ какъ горцы въ торопяхъ не успѣли еще принять никакихъ оборонительныхъ мѣръ для защиты стараго, то и это послѣднее вскорѣ было занято, хотя разумѣется не безъ потери съ нашей стороны. Въ этомъ бою, продолжавшемся около полутора сутокъ, у насъ выбыло изъ строя до 150 убитыхъ и около 500 раненыхъ. Но хотя оба Ахульго были заняты, однакожъ дѣло не совсѣмъ еще было кончено....

«Тутъ только начался упорный, одиночный бой, продолжавшійся цѣлую недѣлю, съ 22-го по 29-е число. Каждую саклю, каждую пещеру войска должны были брать оружіемъ. Горцы, не смотря на неминуемую гибель, ни за что не хотѣли сдаваться и защищались съ изступленіемъ: женщины и дѣти, съ каменьями или кинжалами въ рукахъ, бросались на штыки или въ отчаяніи кидались въ пропасть, на вѣрную смерть. Трудно изобразить всѣ сцены этого ужаснаго, фанатическаго боя: матери своими собственными руками убивали дѣтей, чтобы только не доставались они Русскимъ; цѣлыя семейства погибали подъ развалинами саклей. Нѣкоторые изъ мюридовъ, изнемогая отъ ранъ, и тутъ еще хотѣли дорого продать свою жизнь: отдавая уже оружія, они коварно наносили смерть тому, кто хотѣлъ принять его. Неимовѣрныхъ трудовъ стоило выгнать непріятеля изъ пещеръ, находившихся въ отвѣсномъ обрывѣ надъ берегомъ Койсу. Приходилось спускать туда солдатъ на веревкахъ. Не менѣе тягостно было для войскъ переносить смрадъ, наполнявшій воздухъ, отъ множества мертвыхъ тѣлъ. Въ тѣсномъ ущеліи между обоими Ахульго, войска не могли оставаться безъ смѣны болѣе нѣсколькихъ часовъ. Насчитано было свыше 1000 непріятельскихъ труповъ; большое число ихъ неслось по рѣкѣ. Въ плѣнъ взято было до 900 человѣкъ, большею частію женщинъ, дѣтей и стариковъ; и тѣ, не смотря на свое изнуреніе и раны, еще въ плѣну покушались на самыя отчаянныя предпріятія. Нѣкоторые изъ нихъ, собравъ послѣднія силы свои, выхватывали штыки у часовыхъ и бросались на нихъ, предпочитая смерть унизительному плѣну. Эти порывы изступленія составляли рѣзкую противоположность съ твердостію стоическою нѣкоторыхъ другихъ мюридовъ; плачь и стонъ дѣтей, страданія физическія больныхъ и раненыхъ, дополняли печальную сцену.

«Съ каждымъ днемъ приводили изъ Ахульго новыхъ плѣнныхъ, находимыхъ въ подземельяхъ и пещерахъ. Пока одни войска осматривали и очищали эти послѣднія убѣжища, другія заняты были разрушеніемъ взятыхъ укрѣпленій. Нѣкоторыя части ихъ, въ томъ числѣ и Сурхаева башня, были взорваны

Digitized by Google

порохомъ. Не малаго труда стоило также свезти всѣ орудія съ батарей и поднять тяжести на гору. Все это было окончено только къ 29 числу. Въ Ахульго не оставалось уже ни одного Лезгина; но самого Шамиля нигдѣ не нашли. Вскорѣ отъ лазутчиковъ получены были свѣдѣнія о томъ, какъ удалось ему спастись.

«Шамиль, какъ уже было сказано, скрылся ночью съ 21-го на 22-е число въ одну изъ пещеръ, съ намѣреніемъ прорваться съ небольшимъ числомъ людей чрезъ линію блокирующихъ войскъ. Предпріятіе было смѣлое, можно сказать отчаянное; однакожъ основанное на вѣрномъ разсчетѣ. Посты блокирующихъ войскъ были расположены на мѣстности столь пересѣченной и закрытой, что неизбѣжно между ними должны были оставаться промежутки, а въ большей части пунктовъ передовые наблюдательные пикеты не могли получить скораго подкрѣпленія отъ резервовъ, особенно въ ночное время. Не довольствуясь этимъ, Шамиль для большей еще вѣрности успѣха, употребилъ хитрость: около полуночи съ 22-го на 23-е Августа пустилъ онъ по Койсу плотъ, чтобы привлечь къ берегу рѣки вниманіе Русскихъ постовъ, по близости расположенныхъ; а самъ между тѣмъ рѣшился пробраться по скаламъ, къ сторонѣ Гимровъ. Онъ взялъ съ собою, кромѣ семейства, только нѣсколько самыхъ надежныхъ мюридовъ. Плотъ дѣйствительно замѣченъ былъ постомъ, находившимся у берега рѣки, и пронесся мимо его подъ градомъ пуль; но и самъ Шамиль наткнулся также на другой небольшой постъ, расположенный нѣсколько назади въ ущельи. Завязалась жаркая перестрѣлка; самъ ротный командиръ былъ тутъ убитъ; но Шамилю удалось съ семействомъ пробраться стороною, не встрѣтивъ уже другихъ войскъ.

«При этомъ однакожъ онъ самъ былъ раненъ, также какъ одинъ изъ его родственниковъ и малолѣтный сынъ, котораго мать несла на спинѣ. Прорвавшись сквозь линію постовъ, Шамиль до разсвѣта еще достигъ того мѣста, гдѣ Андійское Койсу сливается съ Аварскимъ, и гдѣ берега весьма близко сходятся между собою: перебросивъ тутъ бревно, бѣглецы перебрались на лѣвый берегъ и кинулись въ лѣсистыя горы Салатау, откуда безопасно уже могли бѣжать далѣе въ Чечню.»

Блокада и осада Ахульго въ продолженіе 80 дней, съ 12 Іюня по 30 Августа, стоила довольно дорого войскамъ. Кромѣ убылей отъ болѣзней и другихъ причинъ, отрядъ лишился до 500 чел. убитыхъ и слишкомъ 2,400 раненыхъ и контуженныхъ.

Digitized by Google

«Но потеря эта нисколько не покажется удивительною для того, кто внимательно слѣдилъ за всѣми затрудненіями, которыя войска должны были преодолѣвать на каждомъ шагу, чтобы наконецъ овладѣть неприступнымъ убѣжищемъ Шамиля. Съ другой стороны, самая цѣль и результаты оправдываютъ значительность пожертвованія.

«Соображенія, побудившія предпринять экспедицію въ самыя недоступныя части Дагестана, были уже изложены.... Разрушеніе крѣпкаго убѣжища Шамилева представлялось цѣлью довольно важною для такого предпріятія. Когда же предпріятіе это было рѣшено, и отрядъ, послѣ успѣшнаго, можно сказать, блистательнаго движенія черезъ Салатау и Гумбетъ, явился наконецъ предъ главнымъ предметомъ дѣйствій, — тогда никакія затрудненія, никакія пожертвованія уже не должны были отклонить отъ предназначенной цѣли. Необходимо было достигнуть ея, во что бы то ни стало. Отступленіе отъ Ахульго безъ успѣха— было бы не только опасно для самаго отряда, но гибельно для цѣлаго края: оно неизбѣжно повело бы за собою непосредственно общее возстаніе всѣхъ племенъ Лезгинскихъ и Чеченскихъ, — и тогда власть Шамиля упрочилась бы надолго. Въ послѣдствіи всякое новое предпріятіе противъ него было бы уже сопряжено съ препятствіями еще несравненно бо́льшими.

«Генералъ Граббе не могъ допустить и помышленія объ отступленіи изъ-подъ Ахульго, до такой степени, что передъ послѣднимъ штурмомъ уже рѣшено было, въ случаѣ неудачи, продолжать тѣсную блокаду хотя бы въ теченіе *цѣлой зимы*. Настойчивость начальника и испытанное мужество предводимыхъ имъ войскъ — наконецъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Какъ бы ни велики были пожертвованія, они должны забываться въ виду тѣхъ неисчислимыхъ несчастій, которыя ими были отвращены.

«Успѣхъ предпринятой экспедиціи для многихъ казался неполнымъ, даже сомнительнымъ, потому только, что самому Шемилю удалось спастись. Но смерть или плѣнъ Шамиля были такими случайностями, которые не могли никакъ и входить въ разсчеты. Существенная цѣль осады Ахульго заключалась въ томъ, чтобы уничтожить власть и вліяніе Шамиля на горскія племена — и цѣль эта была достигнута.

»Извѣстіе о паденіи Ахульго, истребленіи всей партіи мюридовъ, бѣгствѣ самого Шамиля — мгновенно распространилось въ горахъ и произвело глубокое впечатлѣніе на умы горцевъ. Не только окрестныя, но и многія отдаленныя общества Дагестана изъявили готовность покориться Русскому Правительству и прислали въ лагерь депутаціи.»

Digitized by Google

Славная осада Ахульго увѣковѣчена была медалью для героевъ, покорившихъ эту твердыню. Теперь Г. Милютинъ является достойнымъ повѣствователемъ подвиговъ мужества, оказанныхъ во время ея, и увѣковѣчиваетъ ее для потомства.* Исторія Кавказской войны представляетъ множество блистательныхъ эпизодовъ, и почти всѣ они еще ожидаютъ своихъ историковъ. Между тѣмъ многія обстоятельства забываются съ теченіемъ времени, и свѣжо памятное всѣмъ становится лѣтъ черезъ десять «преданьемъ» — если не старины глубокой, то все-таки «временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма....» Такое равнодушіе къ собственной славѣ не дѣлаетъ намъ чести, тѣмъ болѣе, что здѣсь дѣйствуетъ не столько скромность, сколько безпечность.... Не далѣе какъ въ прошломъ году, въ иностранныхъ газетахъ напечатано было извѣстіе о блокадѣ Ахульго,

---

* Превосходное это сочиненіе напечатано было первоначально въ *Военномъ журналѣ*, о которомъ поэтому скажемъ здѣсь нѣсколько словъ. Издаваемый съ Высочайшаго соизволенія Отдѣленіемъ Генеральнаго Штаба Военно-Ученаго Комитета, *Военный журналъ* есть единственное спеціальное изданіе въ Россіи, посвященное военнымъ знаніямъ, и по программѣ своей обнимаетъ всѣ отрасли ихъ. Съ 1846 года онъ подвергся совершенному преобразованію, и помѣщаетъ на своихъ страницахъ, съ самымъ строгимъ выборомъ, труды какъ отечественныхъ военныхъ писателей, такъ и статьи, заимствованныя изъ иностранныхъ періодическихъ изданій и книгъ. Необходимая настольная книга для военныхъ людей, онъ столько же любопытенъ для каждаго образованнаго человѣка, представляя чтеніе поучительное и занимательное. Умѣренная цѣна — *три руб. сер.* дѣлаетъ его доступнымъ для всякаго, и за эту сумму вы получаете въ годъ шесть книжекъ, величиною каждая не менѣе 10 печ. листовъ, съ планами и картами. Вотъ содержаніе вышедшей первой книжки настоящаго года: *Военная исторія.* Описаніе военныхъ дѣйствій 1839 года въ Сѣверномъ Дагестанѣ (статья Полковника Милютина). *Статистика.* Военно-статистическія свѣдѣнія о Турецкой Имперіи (извлеченіе изъ неизданнаго путешествія П. Чихачева). — *Библіографія.* Очерки военныхъ дѣйствій въ Испаніи съ 1835 по 1838 годъ. Соч. Штутергейма. — *Смѣсь.* Мортара и Новара.

Digitized by Google

какъ о событіи только что случившемся: иностранцамъ извинительно не знать нашей исторіи, и вслѣдствіе какого-нибудь недоразумѣнія, выдавать за новость случившееся десять лѣтъ тому назадъ; но не радостно было видѣть, что многіе изъ нашихъ соотечественниковъ, читая искаженное извѣстіе о взятіи Ахульго, спрашивали себя и другихъ: да когда же это было?.... Надѣемся, что это не повторится болѣе, благодаря книгѣ Г. Милютина, которой мы желаемъ столько читателей, сколько есть нынѣ Руси людей, принимающихъ близко къ сердцу родную славу....

87. Избранныя мѣста изъ Св. Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта съ назидательными размышленіями и 50 рисунками, хромолитографированными съ картинъ великихъ художниковъ. М. 1850. Выпуски 1, 2 и 3.

Громкія объявленія объ этомъ изданіи заставили насъ ожидать отъ него многаго. Мы не нашли всего, что предполагали, однако можемъ сказать, что хромолитографія Г. Роппольта исполнила свое дѣло довольно удовлетворительно, особенно если принять въ соображеніе, что печатаніе красками искусство еще новое. Говоримъ это о художественной части изданія; что же касается до текста, составленнаго по сочиненію аббата Гильйу: Beautés de la sainte Bible, то мы держимся инаго мнѣнія о переложеніяхъ изъ Св. Писанія.... Языкъ «Избранныхъ мѣстъ» довольно правиленъ.

Къ первымъ тремъ выпускамъ приложены рисунки съ картинъ: Убіеніе Авеля, Вандерверфа; Жертвоприношеніи Ноя, Пуссена; Авраамъ и три странника, Мурильо. Всѣхъ выпусковъ предполагается 50, и цѣна назначена имъ очень умѣренная (по 25 к. сер., за каждый), что, вѣроятно, обезпечитъ издателю успѣхъ его предпріятія.

88. Справочная книжка Архангельской губерніи на 1850 годъ. Составлена Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ. Архангельскъ. 1850. Стр. 269 въ 8-ю д. л.

Мы уже говорили о необходимости губернскихъ справочныхъ книжекъ и пользѣ, какую могутъ принести онѣ,

Digitized by Google

съ одной стороны, для мѣстныхъ жителей, съ другой — для статистики и географіи нашего отечества. Вслѣдъ за Новороссійскимъ краемъ и Кавказомъ, первою является страна, давшая намъ Ломоносова: конечно, это случай, но да позволено будетъ видѣть въ немъ доброе предзнаменованіе.

Архангельская справочная книжка состоитъ изъ четырехъ отдѣленій. Въ первомъ заключаются свѣдѣнія календарныя и почтовыя; во второмъ матеріалы для статистики губерніи; въ третьемъ положенія объ общественномъ банкѣ въ Архангельскѣ, уставы тамошнихъ сберегательной кассы, страховой компаніи и дѣвичьяго училища, врачебное описаніе водъ Бѣлаго моря, и наставленіе, какъ спасать жизнь людямъ, впавшимъ внезапно въ смертные случаи; наконецъ, въ четвертомъ адресъ-календарь губерніи. Второе отдѣленіе представляетъ для насъ бо̀льшую занимательность, нежели прочія, и мы извлечемъ изъ него нѣсколько данныхъ.

Пространство Архангельской губ. опредѣляется слишкомъ въ 78 милліоновъ семьсотъ тысячъ десятинъ (757 т. кв. верстъ); изъ этого числа одни лѣса занимаютъ почти 30 милл. десятинъ; пашни и сѣнокосы не много болѣе 200 т. дес., а остальное пространство лежитъ подъ рѣками, озерами, дорогами, тундрами и болотами. По народонаселенію Архангельская губ. занимаетъ послѣднее мѣсто между нашими губерніями, ибо въ ней на каждую квадратную милю приходится только по 15 душъ обоего пола (всего до 242,000). Изъ иноплеменцевъ въ губерніи находится: Зырянъ до 8 т., Кореловъ болѣе 11, Лопарей слишкомъ 2300 и Самоѣдовъ 5750. Изъ уѣздомъ самый населенный Шенкурскій, въ коемъ приходится по 127 жителей на квадр. милю, а самый бѣдный Кольскій, гдѣ на томъ же пространствѣ живутъ только *двое*.

Фабрикъ и заводовъ въ губерніи считалось въ 1848 г. болѣе 200; но цѣнность издѣлій, выработанныхъ на нихъ, не превышала 500 т. р. с. — Внутреннее судоходство занимало въ 1848 г. болѣе 3½ т. судовъ и плотовъ почти съ 12½ т. чел. рабочихъ и около 2,800,000 р. с. груза. Внѣшнее судоходство въ то же время находилось въ слѣдующемъ

Digitized by Google

положеніи. Кораблей въ приходѣ болѣе 220, поморскихъ судовъ болѣе 1200, въ отходѣ первыхъ почти всѣ, послѣднихъ слишкомъ 1100; привезено товаровъ съ небольшимъ на 300 т. р. с., отпущено слишкомъ на 1,680,000. Разумѣется, *эти* цифры не могутъ служить мѣриломъ торговой дѣятельности Архангельской губ.; такъ напримѣръ 1847 годъ составлялъ чрезвычайное исключеніе изъ всѣхъ: отпускъ товаровъ въ продолженіе его простирался почти до 7½ милл. р. с. Въ Архангельской справочной книжкѣ напечатана сравнительная таблица внѣшняго судоходства за цѣлое столѣтіе (1724—1824), а отъ этого послѣдняго года движеніе торговли представлено въ «Видахъ торговли», издаваемыхъ Департаментомъ Внѣшней Торговли.

Изъ таблицы, подъ рубрикою: «Народное образованіе», видно, что въ Архангельской губ. въ 1848 г. находилось 61 учебное заведеніе съ болѣе нежели 3300 чел. учащихся обоего пола, что даетъ отношеніе учащихся къ числу всѣхъ жителей какъ 1: 73. — Въ 17 библіотекахъ, существующихъ въ губерніи, считалось слишкомъ 17 т. томовъ, въ томъ числѣ, въ Публичной Архангельской до 3 т. Послѣдняя отпускаетъ желающимъ книги для чтенія на дому; но, не смотря на умѣренную плату (5 р. с. въ годъ), охотниковъ является очень мало: въ 1848 г. получали книги только 17 человѣкъ — число ничтожное для города, имѣющаго до 20 тысячъ жителей. Но за то въ Архангельскѣ *двѣ* типографіи: одна казенная при Губернскомъ Правленіи, другая — частная.

Въ числѣ достопримѣчательностей губерніи, о коихъ говорится въ «Справочной книжкѣ», упомянемъ о *минеральныхъ* водахъ. Кромѣ морскихъ водъ, извѣстныхъ своею цѣлительностію, особенно около селенія Сюзьмы, лежащаго въ 85 верстахъ отъ Архангельска, въ губерніи есть еще два минеральныхъ источника (въ Холмогорскомъ и Мезенскомъ уѣзд.); но ими никто не пользуется.

Надѣемся, что изданіе Архангельской справочной книжки не кончится однимъ годомъ, и что издатели ея постоянно будутъ сообщать намъ любопытныя свѣдѣнія о своемъ родномъ краѣ.

Digitized by Google

89. Трактатъ о подсѣдахъ и мокрецахъ лошадей и о правильныхъ способахъ леченія ихъ. Соч. О. Пашкевича. Спб. 1850 Стр. 30 въ 8-ю д. л.

Изъ всѣхъ наружныхъ болѣзней лошади чаще подвергаются подсѣдамъ и мокрецамъ. Отъ нихъ особенно терпятъ упряжныя породистыя лошади, содержимыя въ теплыхъ, душныхъ конюшняхъ, и причиною болѣзни всегда бываетъ нечистота и небрежное обращеніе съ ногами послѣ выѣздовъ. Лошади простой породы рѣдко страдаютъ отъ этихъ болѣзней по привычкѣ переносить всякія атмосферныя перемѣны. Ложный взглядъ многихъ хозяевъ на сущность подсѣда и мокреца и на способъ леченія ихъ побудилъ Г. Пашкевича, уже извѣстнаго въ нашей медицинской литературѣ многими сочиненіями по части ветеринаріи, издать трактатъ о этихъ болѣзняхъ. «Многіе хозяева, говоритъ онъ: увлекаясь своимъ знаніемъ натуры сего животнаго (лошади), трактуютъ о подсѣдахъ и мокрецахъ, какъ о самыхъ маловажныхъ болѣзняхъ, и потому хотятъ лечить ихъ скоро и притомъ такими средствами, какія попадаются имъ подъ руку. Но они часто въ томъ весьма ошибаются, и конечно, впослѣдствіи дорого поплачиваются за свою ошибку, потому что подсѣдъ или мокрецъ — болѣзни серьезныя, носящія весь характеръ болѣзни рожи человѣка, и потому требующія для леченія ихъ фундаментальнаго знанія физіологіи и патологіи кожи, а къ этому и такого же знанія хирургической терапіи, и фармакологіи». Ученый авторъ владѣетъ этими знаніями, и его «Трактатъ» предлагаетъ радикальныя средства противъ опасныхъ болѣзней, — хотя самое лучшее, по его совѣту, предотвращать болѣзни, что́ достигается очень легко: прилежный уходъ за лошадьми и тщательная чистка ихъ (не для одной красы) должны служить вѣрнѣйшею защитою отъ подсѣда и мокреца.

Digitized by Google

Жаль, что этой полезной книжечкѣ назначена цѣна далеко несоразмѣрная съ ея величиною: *рубль серебромъ*. Намъ кажется, что чѣмъ большее число читателей предполагаетъ книга, тѣмъ дешевле должна продаваться она, и «Трактатъ» очень могъ бы удовольствоваться пятою частью своей стоимости.

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА. *(Изъ письма къ Редактору).* Г. Бѣляевъ не воспользовался переводами ярлыковъ Гаммера (въ Mines de l'Orient, T. VI) и Ярцова. Вотъ почему я просилъ бы передать чрезъ Москвитянинъ мое объясненіе словъ: *пардусникъ* и *бураложникъ*. Первое есть тюркское: «барсчи,» барсникъ (смотритель охоты за барсами), и второе тюркское: «бурулукъ», волчарникъ (смотритель охоты за волками). Послѣдній чинъ не встрѣчается въ подлинникахъ ярлыковъ, а только въ Русскихъ старинныхъ переводахъ. *И. Березинъ.*

Digitized by Google

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЕЛИКОДУШІЕ ЛАПЛАСА.*

Февраля 5 (нов. шт.) 1850 г., въ частномъ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ, Біо разсказалъ слѣдующее замѣчательное происшествіе изъ своей жизни.

«Когда честный человѣкъ сбирается въ дальнее путешествіе, тогда онъ приводитъ въ порядокъ дѣла свои, и особенно старается заплатить долги: по этому я хочу разсказать, какимъ образомъ, за пятьдесятъ лѣтъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ ученыхъ одобрилъ и открылъ поприще молодому дебютанту, показавшему ему первые свои опыты. Этотъ дебютантъ былъ я, и происшествіе случилось въ брюмерѣ VIII года Французской республики *перваго изданія*. Извините за такое странное, но справедливое выраженіе. Тогда я былъ незначительнымъ профессоромъ въ центральной школѣ въ Бове, и еще никто не зналъ ученика, только что выпущеннаго изъ школы Политехнической. Я любилъ науки, но имѣлъ мало знаній: тогда требовали отъ молодыхъ людей одной только жаркой любви къ труду. Кромѣ Математики, я страстно занимался многими другими предметами, и случай, а не благоразуміе, предохранилъ меня отъ несчастія растеряться въ разнообразныхъ занятіяхъ. Вскорѣ по вступленіи въ должность, я сдѣлался

---

* Мы обязаны этою занимательною статьею благосклонности заслуженнаго нашего ученика Лапласа, Д. М. Перевощикова, въ которомъ любовь къ наукѣ не стынетъ, и который, принимая живое участіе во всѣхъ ея явленіяхъ, сообщаетъ часто Москвитянину любопытныя извѣстія. *Ред.*

Digitized by Google

членомъ почтеннаго семейства, которое, принявъ меня, обезпечило мое существованіе и дало средство заниматься науками не по должности, но по моимъ природнымъ склонностямъ. Болѣе всего я желалъ проникнуть въ ту высшую область Математики, гдѣ открываютъ законы движенія тѣлъ небесныхъ. Это стремленіе превосходило мои силы, потому что тогда великія теоріи, разсѣянныя по академическимъ изданіямъ, были доступны для малаго числа высшихъ ученыхъ, творцевъ этихъ теорій. Броситься въ такую пучину безъ руководства значило блуждать долгое время во тьмѣ и безъ надежды попасть на истинную дорогу. Я зналъ, что Лапласъ трудился надъ великолѣпнымъ и систематическимъ собраніемъ открытій, которое по справедливости онъ назвалъ *Небесной механикою*. Первый томъ этого творенія былъ въ печати. Сгарая нетерпѣніемъ, я рѣшился на дерзкій поступокъ, открывшій мнѣ входъ въ святилище генія: я осмѣлился прямо писать къ знаменитому автору и просить, чтобъ книгопродавцу, издателю его книги, приказалъ онъ присылать ко мнѣ корректурные листы. Лапласъ удостоилъ меня вѣжливымъ отвѣтомъ, какъ будто я былъ не ученикъ, но истинный ученый, и отказалъ въ моей просьбѣ по той причинѣ, что онъ желалъ, чтобъ его твореніе явилось въ свѣтъ вполнѣ, и чтобъ ученые могли судить объ его достоинствѣ не по частямъ, но по цѣлому сочиненію. Хотя вѣжливый отказъ не оскорблялъ моего самолюбія, однако жъ удалялъ меня отъ цѣли. Я рѣшился сдѣлать возраженіе и написалъ къ Лапласу другое только письмо, стараясь объяснить, что я не заслужилъ и не искалъ той чести, которую онъ оказалъ мнѣ своимъ отвѣтомъ. Я увѣрилъ его, что я принадлежу не къ судьямъ, но къ ученикамъ, и что изучая его твореніе, я долженъ заняться полнымъ выводомъ формулъ, передѣлать всѣ вычисленія, и потому я могъ открыть возможныя погрѣшности печатанія. Моя почтительная настойчивость побѣдила его осторожность: онъ прислалъ ко мнѣ всѣ напечатанные листы при письмѣ, исполненномъ самыми радушными и драгоцѣнными для меня одобреніями моихъ намѣреній. Не имѣю надобности говорить, съ какимъ жаромъ я принялся за полученное мной сокровище; ко мнѣ можно было приложить правило: *vio-*

Digitized by Google

lenti rapiunt illud. Съ того времени, я началъ ѣздить въ Парижъ, и всякій разъ привозилъ съ собою пересмотрѣнные листы. Лапласъ всегда принималъ меня благосклонно, разсматривалъ мои труды и разсуждалъ объ нихъ. Въ этихъ бесѣдахъ, я имѣлъ случаи объяснять ему встрѣчаемыя мною затрудненія, по недостатку моихъ знаній. Тутъ его снисходительность не имѣла предѣловъ; потому что мои вопросы весьма часто останавливали его, а иногда требовали продолжительнаго вниманія съ его стороны, особенно въ тѣхъ мѣстахъ книги, гдѣ онъ опускалъ подробности вычисленій, замѣняя ихъ выраженіемъ: *изъ этого легко видѣть.* Но выпущенныя вычисленія не рѣдко представляли затрудненія не только для меня, но и для него самого; такъ что не вдругъ нападалъ онъ на ту нить размышленій, которая вела его къ разрѣшенію вопросовъ, и которая скрылась подъ общимъ выраженіемъ: *легко видѣть.* Вы можете представить себѣ, какую великую пользу приносили мнѣ объясненія Лапласа, когда онъ возобновлялъ въ своей памяти употребленные имъ способы при его глубокихъ изысканіяхъ. Впрочемъ надобно замѣтить, что эти пропуски, затрудняющіе неопытныхъ читателей, были необходимы: если бы онъ не выпустилъ нѣкоторыхъ подробностей, то его твореніе состояло бы не изъ *пяти*, но изъ *десяти* томовъ, и можетъ быть, онъ не окончилъ бы своей книги во всю жизнь. Я вполнѣ цѣнилъ — такъ сказать — семейныя и задушевныя бесѣды съ обширнымъ и могучимъ геніемъ, который удостоивалъ молодаго человѣка истинно отеческой любви. Отъ разсказа объ этихъ драгоцѣнныхъ бесѣдахъ, я перехожу къ разсказу о происшествіи, которое было ихъ слѣдствіемъ, и которое представляетъ рѣдкій примѣръ великодушія.

«Вскорѣ послѣ того, какъ я сблизился съ Лапласомъ, мнѣ посчастливилось сдѣлать, по моему мнѣнію, новый и непредвидимый шагъ въ той части Математики, которая тогда едва была начата. Въ запискахъ Петербургской Академіи Наукъ, я усмотрѣлъ геометрическіе вопросы особеннаго рода; ихъ разрѣшилъ Эйлеръ непрямыми способами въ разсужденіи: *De insigni promotione methodi tangentium inversa.* Онъ также предложилъ другой труднѣйшій вопросъ того же ро-

Digitized by Google

да, и нѣсколько разъ возвращался къ нему въ *Acta eruditorum*, разрѣшая его различными, но всегда косвенными способами. Особенность этого рода задачъ состояла въ томъ, что надобно было открыть свойства кривой линеи по даннымъ геометрическимъ требованіямъ, которыя выражались различными условіями: по однимъ изъ нихъ надобно было опредѣлить связь точекъ, безконечно сближенныхъ, а по другимъ — связь точекъ, раздѣленныхъ опредѣленными разстояніями. Первый родъ условій, разсматриваемый отдѣльно, зависитъ отъ обыкновеннаго Дифференціальнаго исчисленія; второй же требовалъ особенныхъ способовъ,—вычисленія опредѣленныхъ разностей. Мнѣ пришло на умъ, что прежде всего надобно выразить вопросъ общимъ *аналитическимъ языкомъ*, употребивъ для каждаго условія приличные знаки. Этотъ способъ привелъ къ особеннымъ выраженіямъ, которыя извѣстны нынѣ подъ именемъ *уравненій съ разностями*, и которыми въ то время почти никто не занимался. Исполненіе этой мысли, превзошло мои ожиданія. Всѣ вопросы, разрѣшаемые тогда частными и непрямыми способами, будучи выражены общими знаками, не представляли уже никакихъ затрудненій. Нашедши такимъ образомъ ключь къ рѣшенію вопросовъ, съ трудомъ разрѣшаемыхъ самимъ Эйлеромъ, я пріѣхалъ въ Парижъ и явился съ своимъ разсужденіемъ къ Лапласу. Онъ слушалъ меня со вниманіемъ и съ видимымъ удивленіемъ, разспрашивалъ о моемъ способѣ и подробностяхъ вычисленій. Окончивъ полный экзаменъ, онъ сказалъ: «вашъ трудъ весьма «хорошъ; завтра утромъ принесите вашу записку; я буду «имѣть свободу прочитать ее.» Понятно, что я въ точности исполнилъ его приглашеніе. Онъ внимательно пересмотрѣлъ въ моемъ сочиненіи и способъ вычисленій, и его приложенія, и дополнительныя замѣчанія; потомъ сказалъ: «Вотъ прекрасный трудъ; вы избрали настоящій путь къ рѣшенію разсматриваемыхъ вопросовъ; но «дополнительныя замѣчанія весьма неопредѣленны: нельзя «идти далѣе полученныхъ вами рѣшеній; вы вѣроятно встрѣтите неожиданныя затрудненія, которыя побѣдить вы не «найдете средствъ въ настоящемъ состояніи анализа.» Я нѣсколько времени противорѣчилъ, потому что Лапласъ позво-

Digitized by Google

лялъ молодымъ людямъ дѣлать возраженія; но наконецъ я согласился исключить мои дополнительныя замѣчанія. «Те«перь — сказалъ онъ — все хорошо; завтра представьте «вашу записку въ Классъ (такъ называлась тогда Академія «Наукъ), и послѣ засѣданія мы вмѣстѣ пообѣдаемъ; теперь «же пойдемте завтракать.» При этомъ случаѣ, не могу не описать домашней жизни Лапласа, который обращался съ молодыми людьми съ необыкновенною простотою и какъ бы съ равными себѣ; за то молодые люди, пользовавшіеся его дружескими бесѣдами, возмужавъ, не оставляли его и были покорными его спутниками на продолжительномъ и славномъ его пути; они принадлежали къ его семейству. Лапласъ принималъ насъ всегда во время завтрака послѣ утренней работы. Завтраки были просты, какъ у Пиѳагорейцевъ, и состояли изъ молока, кофе и плодовъ. Завтракали всегда въ комнатахъ его молодой и прекрасной супруги, которая принимала всѣхъ насъ съ одинаковой внимательностью, съ нѣжностью матери, хотя по молодости своей могла быть только нашей сестрой. Здѣсь можно было свободно бесѣдовать о наукахъ. Лапласъ нечувствительно направлялъ разговоръ къ предметамъ нашихъ занятій, принималъ участіе въ начатыхъ нами трудахъ, снисходительно выслушивалъ разсказы о нашихъ намѣреніяхъ, занимался нашей будущностью, подавалъ совѣты о побѣжденіи препятствій и многое бралъ на свое попеченіе, оставляя на нашу долю однѣ ученыя занятія, одну любовь къ труду. Но возвращаюсь къ своему главному разсказу.

«На другой день послѣ того утра, въ которое мое разсужденіе удостоилось одобренія Лапласа, я рано пришелъ въ Академію, и, съ позволенія Президента, начертилъ на черной доскѣ фигуры и написалъ формулы, которыя я долженъ былъ объяснять. Монжъ явился первый; подошелъ ко мнѣ и началъ разговоръ о моемъ трудѣ: я понялъ, что Лапласъ предупредилъ его. Въ Политехнической школѣ, я былъ одинъ изъ тѣхъ воспитанниковъ, которые пользовались вниманіемъ Монжа; нельзя было не замѣтить, что ожидаемый мною успѣхъ приносилъ ему удовольствіе. Счастливы тѣ, которые имѣли подобныхъ учителей! —

Digitized by Google

Когда я получилъ позволеніе говорить, тогда, по принятому обычаю, всѣ геометры сѣли подлѣ доски. Генералъ Бонапарте, только что возвратившійся изъ Египта, также присутствовалъ въ засѣданіи, какъ членъ Академіи по классу Механики. Онъ подошелъ къ доскѣ съ прочими своими товарищами или по собственному желанію, какъ знатокъ Математики, или вѣрнѣе, по приглашенію Монжа, который хотѣлъ показать ему плоды ученія въ любезной ему Политехнической школѣ; потому что Бонапарте сказалъ Монжу: «я вижу это по чертежамъ.» Я подумалъ, что онъ очень силенъ въ Математикѣ, когда понялъ смыслъ фигуръ, извѣстныхъ только одному Лапласу; но я не оробѣлъ ни предъ его ученостью, ни предъ его военной славой и политической важностью; я боялся одного Лагранжа и не смутился только по тому, что обезпеченъ былъ предварительнымъ одобреніемъ Лапласа. Я говорилъ свободно, и думаю, что изложилъ ясно предметъ и результаты моихъ изслѣдованій. Всѣ признали оригинальность моего труда, и для его разсмотрѣнія составили коммиссію, назначивъ ея членами *гражданъ* Лапласа, Бонапарте и Лакруа. По окончаніи засѣданія, я пошелъ съ Лапласомъ въ его квартиру. Дорогой, онъ изъявилъ мнѣ свое удовольствіе за ясность изложенія моихъ доказательствъ и за вниманіе въ его совѣту ограничиться только тѣмъ, что сдѣлано. Пришедши къ Лапласу, я едва успѣлъ засвидѣтельствовать почтеніе его супругѣ, какъ онъ сказалъ мнѣ: «Пойдемте на «минуту въ мой кабинетъ; я хочу показать вамъ кое-что.» Взошедши, я сѣлъ и приготовился его слушать. Но онъ вынулъ ключь изъ кармана и отперъ небольшой ящикъ, стоявшій по правую сторону камина; въ ящикѣ онъ нашелъ тетрадь, пожелтѣвшую отъ времени; въ этой тетради онъ показалъ мнѣ всѣ мои задачи, всѣ задачи Эйлера, разрѣшенныя тѣмъ самымъ способомъ, который я считалъ своимъ открытіемъ. Лапласъ давно уже изобрѣлъ этотъ способъ, и былъ остановленъ въ своихъ изысканіяхъ тѣми препятствіями, о которыхъ предупреждалъ меня. Надѣясь преодолѣть ихъ, онъ никому не сказывалъ о своемъ открытіи, даже утаилъ это отъ меня, когда я принесъ къ

Digitized by Google

нему мой трудъ, какъ совершенную новость. Не могу разсказать, что я тогда чувствовалъ. Я радовался, что встрѣтился съ великимъ геніемъ, и вмѣстѣ огорчался, что былъ имъ предупрежденъ; но болѣе всего я былъ проникнутъ глубокою и безконечною признательностью къ его благородному поступку. Мой первый успѣхъ составлялъ для меня все. Хотя подобное открытіе не могло увеличить славы Лапласа, однако въ наукахъ трудно отказываться отъ самыхъ мелкихъ замѣчаній, когда они новы. Судите же о великодушіи Лапласа, который сохранилъ мою тайну до минуты, возвысившей меня въ глазахъ знаменитыхъ ученыхъ; онъ молчалъ и самъ способствовалъ моему успѣху, и даже предостерегъ отъ ошибки, которая обнаружила бы мою неопытность! — Если бы онъ показалъ мнѣ тетрадь прежде засѣданія, то я не могъ бы представить своего сочиненія въ Академію; мнѣ слѣдовало бы замолчать. И въ какомъ былъ бы я замѣшательствѣ, когда бы онъ, обѣщаясь хранить тайну, позволилъ мнѣ прочитать мое сочиненіе предъ лицемъ его товарищей! — Его скромность и великодушіе сообщили полную силу его одобренію. Съ другой стороны, какое живое и благородное наслажденіе чувствовалъ онъ, когда видѣлъ, что я смѣло излагаю открытіе, которое казалось моею исключительною собственностью, и которое онъ могъ отнять у меня однимъ словомъ! — Какъ бы поступилъ онъ съ равнымъ себѣ соперникомъ? оказалъ ли бы такое же великодушіе и такую же справедливость? — Не знаю, и не хочу разрѣшать этихъ вопросовъ. Знаю только, что онъ сдѣлалъ это для меня, и сдѣлалъ бы тоже для всѣхъ, начинающихъ поприще.

«Вліяніе Лапласа на движеніе физическихъ и математическихъ наукъ безмѣрно. Въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, всѣ мы учились по его твореніямъ; его открытіямъ всѣ мы обязаны нашими успѣхами. Но немного уже осталось людей, пользовавшихся его дружбою, и которые могутъ передать потомкамъ его задушевныя мысли и совѣты, вспоминая съ признательностью его доброту и снисходительность. Лапласъ былъ вашимъ товарищемъ; вы знаете и можете оцѣнить его великій геній; вы знаете его какъ писателя; но не знали какъ человѣка, обладающаго

Digitized by Google

рѣдкими душевными качествами. Вотъ почему я почелъ обязанностью принести эту дань его памяти, не смотря на то, что онъ взялъ съ меня честное слово молчать объ его благородномъ поступкѣ. Въ его донесеніи о моемъ сочиненіи не найдете никакого слѣда о случившемся между нами. Но полвѣка разрѣшаетъ всѣ обязанности; я увѣренъ, что вы не будете осуждать меня за нескромность, которой я заплатилъ долгъ признательности.

«Донесеніе о моемъ сочиненіи, составленное Лапласомъ отъ имени Коммиссіи, было читано въ Академіи 21 брюмера, чрезъ три дня послѣ великой политической перемѣны, возведшей Бонапарте на степень Перваго консула. Онъ былъ также и въ этомъ засѣданіи, и присутсвовалъ также спокойно, какъ бы голова его была занята только дѣломъ науки. Оригиналъ донесенія хранится въ архивахъ Академіи, съ подписью Бонапарте и прочихъ двухъ членовъ Коммиссіи, Лапласа и Лакруа.»

(*L'Insitut, N 847*).

СУДЕБНОЕ ДѢЛО

О СМЕРТИ ГРАФИНИ Ф. ГЕРЛИЦЪ.

II.

Показанія свидѣтелей.

Въ первомъ засѣданіи суда прочитанъ обвинительный актъ и выслушана краткая рѣчь Государственнаго Прокурора Ф. Зиберта. Со втораго засѣданія началось слушаніе свидѣтелей. Такъ какъ показанія ихъ суть большею частію повтореніе содержанія обвинительнаго акта, то мы укажемъ только на немногія обстоятельства, не вошедшія въ составъ этого документа.

На другой день смерти Графини прибыли въ домъ слѣдственные судьи и съ ними докторъ Граффъ, Великогерцогскій Медицины Директоръ и первый Физикъ. Графъ принялъ ихъ въ нижнемъ этажѣ и самъ проводилъ въ комнаты жены. Показывая на сгорѣвшее бюро, онъ замѣтилъ, что здѣсь должно быть на 20,000 гульденовъ въ драго-

Digitized by Google

цѣнныхъ камняхъ. Онъ объявилъ дальше, что онъ не позволитъ вскрытія трупа. Въ слѣдующій день онъ настоятельно требовалъ выдачи позволенія похоронить трупъ, и за этимъ трижды пріѣзжалъ къ доктору. Черезъ четырнадцать мѣсяцевъ трупъ былъ вырытъ и вскрытъ. Передъ началомъ вскрытія, Графъ, пріѣхавшій на кладбище, обратился къ доктору Граффу съ вопросомъ: «къ чему это?» На что врачь отвѣчалъ: «это къ тому, чтобы успокоить Графиню въ могилѣ и доставить побѣду истинѣ.» Все это дѣло было непріятно Графу и онъ уѣхалъ съ кладбища.

При вскрытіи голова была отдѣлена отъ туловища, и тутъ въ первый разъ замѣчена упомянутая въ обвинительномъ актѣ трещинка. Вслѣдствіе чего черепъ былъ сохраненъ и теперь представленъ суду. Штауффъ въ продолженіе вскрытія не обнаружилъ ничего особеннаго.

Разборъ остатковъ сгорѣвшаго бюро начали на другой день въ присутствіи доктора Мерка. Найдено много алмазовъ, сильно поврежденныхъ (?), расплавленнаго золота и обгорѣлаго жемчуга. *Найденъ ключъ отъ комнаты Графини* (въ обвинителномъ актѣ сказано, что его не могли найдти). По показанію Графа найдены и тѣ вещи, которыя оказались послѣ у Штауффа, — обстоятельство странное, потому что эти вещи не испортились отъ огня и копоти, тогда какъ другія однихъ свойствъ разрушены совершенно. Впрочемъ, припомнить надобно, что бюро не совсѣмъ сгорѣло, и именно успѣли потушить верхніе ящики. Касательно окровавленнаго лоскутка шелковой матеріи, Гг. Меркъ и Гогеншильдъ говорятъ утвердительно, что подъ микроскопомъ пятна оказались кровавыми, но оба замѣчаютъ, что эта кровь могла произойдти отъ частицъ крови въ ямѣ.

Графъ Гёрлицъ свое сопротивленіе вскрытію трупа объясняетъ тѣмъ, что покойная Графиня имѣла сильное отвращеніе отъ операцій этого рода, и онъ далъ ей торжественное обѣщаніе не допускать трупосѣченія, въ случаѣ, еслибъ она умерла прежде его. Это обстоятельство подтверждаютъ и другіе свидѣтели.

Digitized by Google

Такъ какъ ключь нашелся между остатками бюро, а двери безспорно были заперты, то очевидно было, что убійца имѣлъ другой ключь. Изъ ключей, бывшихъ въ домѣ, ни одинъ не подходилъ къ замку комнатъ Графини, и Графъ на вопросъ одного присяжнаго отвѣчалъ, что у него другаго ключа никогда не было.

Впрочемъ для яснѣйшаго представленія мѣстности и обстоятельствъ приняты Президентомъ нужныя мѣры. Сдѣлана точная модель всего дома Графа, и особенно комнатъ Графини, сдѣлано точно такое бюро изъ того же дерева, представлены къ дѣлу замки и пр. и пр.

Платье Графини было сожжено по приказанію Графа, стулья подарены Графомъ кучеру Шембсу, и теперь матерія, которою были они обиты, представлена къ дѣлу, — по требованію Г. Бишофа.

Касательно мѣста сожженія трупа, остроумная догадка Прокурора, что онъ сожженъ въ комнатѣ, свидѣтелями опровергнута. Всѣ камины на другой день были осматриваемы трубочистами и нигдѣ не найдено никакихъ слѣдовъ недавняго огня. Кажется, самъ Г. Зибертъ рѣшился не поддерживать болѣе своего предположенія.

Одинъ изъ свидѣтелей, Ридлингеръ, утверждаетъ, что вынесши трупъ въ другую комнату, онъ замѣтилъ тамъ салфетку съ двумя кровавыми пятнами.

Графъ по завѣщанію — наслѣдникъ Графини. Свидѣтель Шиллеръ показываетъ, что вскорѣ послѣ погребенія Графини, онъ, Шиллеръ, нашелъ неконченное дополненіе къ завѣщанію, которое и передалъ Графу. По требованію Президента это бумага представлена суду. Графиня пишетъ, что прежде всего она желала бы, чтобы тѣло ея не было вскрыто, и потомъ толкуетъ о погребеніи. Вообще показанія *домашнихъ* свидѣтелей согласны съ обвинительнымъ актомъ: изъ нихъ видно, что всѣ лица, принадлежащія въ домашней прислугѣ, со смерти Графини были убѣждены, что Штауффъ виноватъ

Что касается до Графа, онъ не подозрѣвалъ Штауффа до 2 Ноября, когда началось слѣдствіе и когда Штауффъ

Digitized by Google

будто бы сдѣлалъ попытку отравить его ярью. Штауффъ съ своей стороны держится прежнихъ показаній и надѣется опровергнуть свидѣтелей, какъ подкупленныхъ или подговоренныхъ.

Относительно попытки отравленія Графа оказывается, что ярь найдена у Штауффа кучеромъ Шембсомъ въ стклянкѣ. Г. Меркъ замѣчаетъ при этомъ случаѣ, что ярь изъ аптекъ обыкновенно отпускается не въ стклянкахъ, а въ пакетахъ или коробкахъ.

Въ день смерти Графини, около 7 часовъ, Штауффъ ужиналъ въ трактирѣ Линна. Содержатель не замѣтилъ ни тогда, ни послѣ ничего особенно важнаго.

Свидѣтели, призванные по дѣлу Генриха Штауффа, единогласно утверждаютъ, что онъ всегда былъ честнымъ ремесленникомъ, и никто изъ нихъ не подозрѣваетъ его въ безчестномъ пріобрѣтеніи найденныхъ у него вещей.

Въ засѣданіи 21 Марта читаны наконецъ:

1) Мнѣніе Г. Граффа (отъ 14 Іюня 1847), допускающаго самовозгараніе, если не найдется другихъ причинъ смерти.

2) Мнѣніе д-ра Штегмейера отъ 27 Декабря того же года, по поводу вопроса: знаетъ ли какіе-нибудь причины или поводы въ личныхъ и домашнихъ отношеніяхъ Графини къ самовозгаранію? Докторъ отрицаетъ это, но было ли самовозгараніе, не говоритъ ничего опредѣленнаго.

3) Мнѣніе г. Зибольда отъ 11 Апр. 1848. Онъ принимаетъ рѣшительно самовозгараніе.

4) Протоколъ химическаго изслѣдованія зеркала г. Мерка. Зеркало покрыто было веществомъ, содержащимъ аммоніакъ, происшедшій отъ сожиганія животныхъ веществъ.

5) Мнѣніе Медиц. коллегіи отъ 21 Іюля 1848. Противъ самовозгаранія. Убійство совершено изъ корысти.

6) Протоколъ о сѣченіи трупа отъ 11 Авг. 1848.

Въ утреннемъ засѣданіи 22 Марта продолжалось чтеніе документовъ, именно:

7. Мнѣніе Физиката о результатахъ трупосѣченія отъ 15 Авг. 1848.

Digitized by Google

8. Мнѣніе Медицинской коллегіи отъ 1 Сент. 1848 год. Въ трупосѣченіи коллегія находитъ подтвержденіе своего прежняго мнѣнія, что здѣсь не было самовозгоранія, что скорѣе Графиня удавлена и трупъ сожженъ для сокрытія этого преступленія.

9. Мнѣніе ф. Зибольда отъ 20 Янв. 1850 года, данное по требованію защитника Г. Эммерлинга. Здѣсь подтверждается многими доводами, что смерть Графини произошла отъ самовозгоранія. Совсѣмъ противны этому

10. Замѣтки доктора Граффа отъ 25 Февраля 1850 г. Оба противника въ своихъ бумагахъ употребляютъ столь рѣзкія выраженія, что Президентъ долженъ былъ замѣтить: «этотъ бой, какъ бы остро ни было орудіе, долженъ имѣть послѣднею цѣлью истину.»

11. Протоколы и 3 12 Ноября 1847 г. и основанное на нихъ мнѣніе Г. Мерка. Здѣсь утверждается, что въ соусѣ было 15½ гран. яри, что на лоскуткѣ шелковой матеріи были кровавыя пятна, и что наконецъ во многихъ стаканахъ у Штауффа былъ *balsamum copoivae*.

Наконецъ Президентъ потребовалъ Г. Бишоффа, Профессора изъ Гиссена, не какъ эксперта, а какъ свидѣтеля. Г. Бишоффъ сдѣлалъ весьма интересные опыты сожиганія трупа въ анатомическомъ театрѣ въ Гиссенѣ.

Въ погребѣ анатомическаго театра отдѣлено кирпичными стѣнками пространство, равное сгорѣвшему бюро. Съ одной стороны это пространство имѣло предѣломъ стѣну погреба, съ другой кирпичи. Внутри насыпано песку на кирпичь толщиною. На этотъ песокъ положенъ слой деревянныхъ щепъ, въ 6 или 7 дюймовъ толщины. Тутъ лежала доска, надъ которой оставалось пространство для незначительнаго количества горящихъ углей. За тѣмъ опять слѣдовалъ слой щепъ и потомъ двѣ доски, изъ которыхъ верхняя равнялась величиной крышкѣ бюро. Она была буковая и прикрѣплялась къ стѣнѣ проволокой.

Передъ отверстіемъ этого пространства положенъ былъ трупъ мужчины, отъ котораго напередъ были отняты руки для другой цѣли. Онъ лежалъ на щепахъ. Положеніе со-

Digitized by Google

отвѣтствовало положенію тѣла Графини, и разстояніе отъ горна было также два фута. Трупъ былъ одѣтъ въ сорочкѣ и въ два женскія платья. Тогда бросили лопату горящихъ угольевъ въ горнъ и затворили плотно двери. Показался столь сильный дымъ, что онъ сквозь щепы и рѣшетку проникъ въ каналъ, находящійся подъ погребомъ, а чрезъ нѣсколько минутъ, сквозь дверь проникъ сильный запахъ жаренія и жженія трупа. По истеченіи четверти часа дверь отворили. Войдти было невозможно, однакожъ замѣтили естественное пламя около головы трупа. Отворили другую дверь. Токъ воздуха раздулъ пламя, и трупъ запылалъ сильно. Горѣніе продолжалось и тогда, когда платье было уже потушено мокрыми метлами. Съ пламенемъ дерева онъ не имѣлъ вовсе сообщенія, значитъ воспламененіе произошло единственно отъ лучей.

На днѣ горна лежало много углей. Для потушенія ихъ нужно было четыре ведра воды. Платье сгорѣло только на томъ пространствѣ, на которомъ и трупъ. Нижняя часть не была повреждена. На щепахъ, подъ трупомъ, не оказалось никакихъ слѣдовъ огня. Лѣвая сторона головы была сожжена сильнѣе правой. Мягкія части были черны и обуглены. Покровы черепа отстали и надкостная плева снаружи сгорѣла и отдѣлялась при малѣйшемъ прикосновеніи. Кости оставались въ связи. Черты лица нельзя было разсмотрѣть, ротъ былъ широко раскрытъ, но зубы стиснуты.

Экспериментаторъ видѣлъ, что тѣло Графини сгорѣло гораздо болѣе, и продолжалъ опытъ. Онъ подложилъ новыхъ щепъ, положилъ трупъ на разстояніи трехъ футовъ, и разжегши значительно огонь, затворилъ двери и вошелъ черезъ два часа. Горѣніе мало подвинулось впередъ, очевидно потому, что разстояніе было слишкомъ велико. Онъ сдѣлалъ опытъ въ третій разъ въ присутствіи Профессора Либиха. Положены были новыя щепы и доски, и трупъ опять уложенъ на разстояніи двухъ футовъ. По истеченіи двухъ часовъ нашли, что горѣніе много усилилось. Огонь распространился и на правую сторону. Кости были большею частію пережжены до-бѣла; повсюду въ черепѣ видны были щели и скважины. Вся голова была такъ рыхла, что едва держалась въ связи.

Digitized by Google

Бишоффъ представилъ черепъ суду. Свидѣтели и врачи, видѣвшіе трупъ Графини, призваны были къ сличенію. Они объявили почти единогласно, что представленная голова гораздо объемистѣе и больше сохранилась; она имѣла еще форму головы; кости пережжены, зубы крѣпко стиснуты и т. д.

Верхняя доска въ третьемъ опытѣ совершенно сгорѣла. Отъ ней остался только пепелъ. Употребленный горючій матеріалъ для каждаго опыта состоялъ изъ семи кубич. футовъ еловаго дерева. На оконной рамѣ оказался желтый осадокъ, подобно бывшему на зеркалѣ. Запахъ не былъ невыносимъ, однакожъ былъ гораздо сильнѣе, чѣмъ при простомъ горѣніи дерева.

Докторъ Граффъ сдѣлалъ нѣсколько подобныхъ опытовъ въ госпиталѣ, въ Дармштадтѣ. Онъ предложилъ себѣ задачу: во сколько времени можно, не выходя изъ комнаты, сжечь трупъ до того состоянія, въ какомъ былъ найденъ трупъ Графини. Горѣлъ онъ очевидно съ верху къ низу, и убійца долженъ былъ держать его головою внизъ. На столѣ залы трупосѣченія Граффъ подобнымъ образомъ положилъ женскій трупъ. Голова висѣла, шея лежала на краю стола. Подъ головой поставлено блюдо съ зажженнымъ виннымъ спиртомъ. Волосы сгорѣли тотчасъ. Явился удушливый запахъ, который однакожъ прошелъ черезъ нѣсколько минутъ. Скоро горѣніе усилилось. Въ спиртъ истекло много жиру, отчего пламя сдѣлалось ярче. Жаръ увеличился, и мягкія части начали быстро обугливаться. Черезъ часъ съ четвертью спиртъ вышелъ; подложили нѣсколько дерева, но скоро потушили. Голова трупа сгорѣла больше, чѣмъ голова Графини. И здѣсь также сгорѣла болѣе лѣвая сторона. Черепа совсѣмъ не было (?). Мозгъ сплавился до $\frac{1}{4}$ своего объма. Глаза, носъ и ротъ были совершенно обуглены. *Языкъ лежалъ глубоко во рту.*

Г. Граффъ выводитъ заключеніе, что трупъ можетъ въ продолженіе часа съ четвертью быть сожженъ до того состоянія, въ какомъ найденъ трупъ Графини, и сожигателю

Digitized by Google

нѣтъ необходимости выходить изъ комнаты. Запахъ тяжелъ, но не несносенъ. Подобные результаты получены отъ сожиганія бараньей головы.

Въ засѣданіи 23 Марта Президентъ сдѣлалъ краткій обзоръ дѣла, сколько собрано свѣдѣній до сихъ поръ. Онъ имѣлъ двоякую цѣль: съ одной стороны нужно было дать, такъ сказать, инструкцію экспертамъ, съ другой, представить присяжнымъ собранные факты возможно полно и послѣдовательно. Въ заключеніе онъ прочелъ вопросы, предлагаемые экспертамъ. Вотъ они:

«По собраннымъ свѣдѣніямъ, возможно ли, вѣроятно ли, или ясно

1. Что Графиня Гёрлицъ умерла вслѣдствіе такъ называемаго самовозгаранія?

2. Что Графиня Гёрлицъ умерщвлена дѣйствіемъ внѣшняго огня и что дѣйствіе огня произошло отъ несчастнаго случая, или намѣренно, огонь зажженъ ея собственною, или чужою рукой?

3. Что Графиня Гёрлицъ подвергалась дѣйствію огня только послѣ смерти и въ этомъ случаѣ погибла ли она a) черезъ самоубійство, или b) отъ руки сторонняго лица, посредствомъ раздробленія черепа или удавленія, или наконецъ c) отъ болѣзни или несчастнаго случая?

4. Что видимая причина пожара бюро единственно произвела сожженіе Графини, или дѣйствовали другія, отдаленныя причины?»

Пятый вопросъ предложенъ по требованію Государственнаго Прокурора.

«Должно ли ярь считать ядомъ, и до какой степени можно принять, что употребленіе соуса или части соуса съ ярью повредило бы жизни или здоровью употребившаго?»

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА — въ настоящемъ составѣ своемъ, сверхъ нѣкоторыхъ предметовъ художественныхъ и этнографическихъ, содержитъ въ себѣ: 1) *печатныхъ книгъ* свыше 450,000; но какъ многія сочиненія, совершенно отдѣльныя, находятся въ одномъ переплетѣ, то книгъ должно полагать до 600,000 — количество, уступающее во всемъ мірѣ только библіотекамъ Парижской и Мюнхенской. 2) *Рукописей*, со включеніемъ коллекціи *автографовъ*, болѣе 21,000 переплетовъ, въ числѣ коихъ подлинникъ знаменитаго Остромирова Евангелія, 1056 года, Евангеліе Греческое на пурпуровомъ пергаментѣ, писанное золотомъ, въ VI столѣтіи, по преданію, Императрицею Ѳеодорою, и другое IX стол., на такомъ же пергаментѣ — серебромъ, Библіи, молитвенники, хроники, рукописи церковныя и гражданскія, восходящія до самыхъ отдаленныхъ временъ. Сверхъ всѣхъ языковъ и нарѣчій Европы и извѣстныхъ восточныхъ, тутъ находятся манускрипты Эѳіопскіе, Коптскіе, Тамульскіе, Цингальскіе, Орисскіе, Мадагаскарскіе, Камбойскіе и пр., всего на 41 языкѣ. 3) *Эстамповъ и литографій*, не упоминая объ иллюстрированныхъ изданіяхъ, до 50,000; въ числѣ ихъ до 12,000 портретовъ.— Всѣ эти богатства размѣщены въ 24 залахъ, и раздѣлены на извѣстное число отдѣленій по библіографической системѣ. Каталогъ рукописей, возросшій до 21 тома in-folio, уже конченъ; какъ равно конченъ подробная опись эстампамъ, и весьма близокъ также къ концу каталогъ историческаго отдѣленія, обнимающаго собою не только собственно Исторію, но и всѣ вспомогательныя науки; къ составленію

Digitized by Google

другихъ каталоговъ также приступлено съ особою дѣятельностію. — Для посѣтителей Библіотеки чрезвычайно важно то, что доступъ въ нее открытъ ежедневно, не исключая и праздниковъ.

Кстати упомянемъ здѣсь о замѣчательномъ примѣрѣ сочувствія къ Публичной Библіотекѣ. Недавно получила она въ даръ 25 руб., сер., — откуда же! изъ Томской губерніи, — и отъ кого? отъ крестьянина, причисленнаго къ Колывано-Воскресенскимъ заводамъ, Ивана Алексѣева Абрамова.... Русское спасибо доброму мужичку, который знаетъ, что: *ученье свѣтъ, а неученье тьма.*

КАРТИНЫ АЙВАЗОВСКАГО ВЪ ѲЕОДОСІИ. — Въ Одесскомъ Вѣстникѣ помѣщено извѣстіе о новыхъ произведеніяхъ нашего славнаго художника. Картины эти, которыми любуется теперь родина Айвазовскаго, Ѳеодосія, представляютъ слѣдующіе виды.

Видъ С.-Петербурга. Онъ снятъ со стороны Морскаго Кадетскаго Корпуса. Картина представляетъ прекрасный майскій вечеръ. Три фрегата, принадлежащихъ Корпусу, стоятъ на якорѣ. Вотъ Академія Художествъ, новый гигантскій каменный мостъ Невы, Зимній Дворецъ, Адмиралтейство съ своимъ блестящимъ шпилемъ; вотъ Англійская набережная съ своими чистыми, красивыми домами; Исаакіевскій соборъ съ гранитными колоннами, церковь Конной Гвардіи съ своими куполами.... Пароходы и купеческія суда бороздятъ тихія, прозрачныя воды Невы. Трое крестьянъ ужинаютъ на баркѣ; одинъ изъ нихъ крестится, и сколько въ его движеніи вѣры и надежды..... Луна восходитъ за Исаакіевскимъ соборомъ, и свѣтъ ея сливается съ мерцаніемъ сумерокъ. Сіяющія облака разливаютъ тихую ясность на Англійскую набережную, на дремлющую рѣку, на теплую атмосферу, на всю картину....

Весна, или восхожденіе солнца въ Отузъ, близъ Ѳеодосіи. Въ глубинѣ картины виднѣется живописная гора Карадагъ (Черная гора). Берега моря покрыты густою растительностію, среди которой виднѣются высокія красивые тополи. Море спокойно. Корабль, только что бросив-

Digitized by Google

шій якорь, растянулъ свои паруса. На первомъ планѣ картины холмъ, покрытый травою и цвѣтами. На холмѣ пасутся, оберегаемыя пастухомъ и собакою, овцы съ молодыми ягнятами. Здѣсь также видна группа тополей.

Осень, или захожденіе солнца въ Судакѣ. Въ этой картинѣ представлена замѣчательнѣйшая часть прекрасной Судацкой долины; въ глубинѣ видны высокія горы и скалы, увѣнчанныя Генуэзскими развалинами. Подошвы горъ и скалъ омываются лазурнымъ неподвижнымъ моремъ. Корабль стоитъ на якорѣ. На первомъ планѣ видѣнъ хорошенькій домикъ посреди виноградника. Татары дѣлаютъ вино; женщина несетъ на головѣ корзину съ виноградомъ; у тополей виноградные тиски, на которыхъ Татаринъ выдѣлываетъ вино по своей методѣ, т. е. ногами. Внизу у тисковъ Татарка съ ребенкомъ собираютъ вино въ чанъ. Группа тополей перерѣзываетъ линію горъ.

Весна и *Осень* блещутъ вѣрнымъ изображеніемъ природы, свѣжестію и гармоніею колорита, тайна которыхъ извѣстна только кисти Айвазовскаго.

Послѣдняя картина представляетъ *Мѣсячную ночь на Южномъ берегу*, съ мыса Айтадора. Плѣнительный свѣтъ, охватывающій мысъ и разливающійся по Аюдагу, погружаетъ зрителя въ глубокую мечтательность....

СВЕКЛОСАХАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ВЪ РОССІИ — распространилось по 23 губерніямъ, въ которыхъ въ 1848—49 г. было въ дѣйствіи 307 заводовъ. Подъ посѣвъ свекловицы употреблялось, среднимъ числомъ, до 35 тысячъ десятинъ, и сборъ ея простирался, также сред. ч., до 2,100,000 берковцевъ; сверхъ того, на эти заводы покупалось около 385 т. берк. Сахара добыто на заводахъ до *осьми-сотъ тысячъ пудовъ*, и почти половина этого количества принадлежитъ Кіевской губерніи. На топливо заводы употребили болѣе 140 тыс. саженъ дровъ, кромѣ хвороста, торфа, кизяка, и проч. Для работъ на заводахъ постоянно употребляется болѣе 4½ тыс. человѣкъ, а во время самаго производства число это *удесятеряется*.

Digitized by Google

СУДОХОДСТВО ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ. — Мореходныхъ судовъ, принадлежащихъ жителямъ Архангельской г., считается до 750; всѣ они могутъ поднять груза около 1,425,000 пудовъ. Почти половина означеннаго числа судовъ принадлежитъ Кемскому уѣзду; купеческое судостроеніе развито наиболѣе также въ этомъ уѣздѣ. Число экипажа на всѣхъ судахъ простирается до 2,900 челов., что составляетъ круглымъ числомъ по 4 человѣка на судно. Самый старшій изъ шкиперовъ крестьянинъ Кемскаго у. Михайло Андреевъ Постниковъ, который ходилъ въ море 60 лѣтъ, съ девятилѣтняго возраста, и только однажды потерпѣлъ крушеніе. — Изъ числа 750 судовъ 11 ходятъ по всѣмъ морямъ и въ иностранные порты; прочіе же ограничиваются ближайшими Норвежскими портами, Мурманскимъ Русскимъ берегомъ и Бѣлымъ моремъ.

РОСТОВЪ НА ДОНУ. — Къ числу новыхъ рынковъ, открытыхъ для отечественной торговли, принадлежитъ городъ, котораго существованія до 1830 годовъ никто не подозрѣвалъ, именно *Ростовъ на Дону*. Это собственно форштатъ крѣпостцы Св. Димитрія на Дону, основанной въ 1761 г., которая по своему мѣстоположенію на устьяхъ (гирлахъ) Дона, естественно, должна была сдѣлаться торговымъ рынкомъ для Казачьихъ земель. Теперь, благодаря счастливому развитію Азовской торговли, Ростовъ служитъ пристанью для всей юго-восточной Россіи, и обѣщаетъ въ будущемъ еще значительнѣйшее развитіе. Онъ основанъ такъ называемыми «бурлаками», зашедшими въ этотъ край болѣе столѣтія тому назадъ. Въ 1823 г., вся его торговля не превышала 150 т. р. сер., и состояла изъ одного желѣза да коровьяго масла. Въ 1834 г. Графъ Воронцовъ, видя сношенія нѣкоторыхъ Одесскихъ торговыхъ домовъ съ этимъ пунктомъ, удостовѣрился въ способности Ростова къ торговлѣ, и испросилъ Высочайшее соизволеніе сперва на прочистку устьевъ Дуная, а потомъ и на учрежденіе въ городѣ таможенной заставы для свободнаго отпуска Русскихъ произведеній прямо въ тамошнюю пристань, не завозя ихъ въ Таганрогъ. Это имѣло столь важныя послѣдствія, что

Digitized by Google

отпускная торговля Ростова отъ 150 т. достигла въ 1836 г., до 342 т., а въ слѣдующее десятилѣтіе (1846) до 2,836,000 р. с., то есть увеличилась почти въ двадцать разъ. Судоходство каботажное какъ по Дону къ Ростову, такъ и изъ Ростова въ море по устьямъ Дона, въ то же время усилилось чрезвычайнымъ образомъ: въ 1823 г. не было и 120 кораблей, отправлявшихся въ море, а барокъ и плотовъ спускалось по Дону въ Ростовѣ около 600; въ 1846 г., первыхъ было до 1600, вторыхъ болѣе 2000. Главную статью торговли составляетъ льняное сѣмя, потомъ шерсть и сало. Развитіе дѣятельности Ростова на Дону производитъ благодѣтельное вліяніе на Казачьи земли, Кавказъ, губерніи Екатеринославскую и Саратовскую, произведеніямъ которыхъ онъ представляетъ вѣрный и выгодный сбытъ.

годовые часы. — Въ засѣданіи 8 Апрѣля представлены были Императорскому Вольному Экономическому Обществу Г. Флоріаномъ столовые часы новаго устройства, которые заводятся одинъ разъ въ годъ. Часы эти были испытываемы на Пулковской Обсерваторіи, и по удостовѣренію Директора ея, Г. Струве, оказались довольно вѣрными, ибо въ сутки разность составляетъ только *четыре секунды*. Внутреннее устройство годовыхъ часовъ отличается, между прочимъ, отъ обыкновеннаго часоваго механизма тѣмъ, что вмѣсто колеса дѣйствуютъ въ немъ два рычага.

Digitized by Google

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЛѢТОПИСЬ ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

ДѢЙСТВІЕ МАГНЕТИЗМА НА ВСѢ ТѢЛА. — *Опыты Эдмонда Беккереля.* Года два назадъ, недовольный существующими доселѣ теоріями магнетизма, электричества и электромагнетизма, я предложилъ свою теорію, по которой, a) магнетизмъ и электричество не суть ни жидкости невѣсомыя, ни невещественныя силы природы, а только особое расположеніе частицъ вещества; b) такое расположеніе въ нѣкоторыхъ тѣлахъ можетъ быть постояннымъ, нормальнымъ и зависитъ отъ ихъ химическаго состава; въ другихъ напротивъ оно бываетъ временное, преходящее и зависитъ отъ дѣйствія окружающихъ тѣлъ. Таково отношеніе между магнитомъ и электро-магнитомъ; c) причина магнитной полярности и особенно постояннаго направленія магнитной стрѣлки заключается въ постоянномъ правильномъ направленіи частицъ окружающей среды, особенно воздуха; частицы же воздуха суть эллипсоиды вращенія, приводимые въ движеніе солнечнымъ свѣтомъ. Притомъ лучь свѣта постоянно соотвѣтствуетъ среднему діаметру ихъ наибольшаго сѣченія, а направленіе стрѣлки-оси вращенія; d) намагничиваніе черезъ вліяніе производится не иначе, какъ черезъ предварительное измѣненіе направленія частицъ посредствующей среды, напр. воздуха и т. д.

По этому мнѣ особенно пріятно извѣстить читателей объ опытахъ и наблюденіяхъ г. Беккереля (сына), кото-

Digitized by Google

рые въ сущности подтверждаютъ мою теорію, хотя авторъ и не рѣшился еще окончательно отвергнуть гипотезу магнитныхъ жидкостей. Опыты были произведены посредствомъ огромныхъ электромагнитовъ и болѣе или менѣе сильныхъ баттарей, устроенныхъ по идеѣ Беккереля отца (pile cloisonnée). Для измѣренія силы тока служилъ гальванометръ Пулье (boussole à sinus). Вообще расположеніе снарядовъ придумано очень остроумно и точно. Вышло, что:

a) Всѣ вещества могутъ намагничиваться подъ вліяніемъ магнитовъ, подобно желѣзу, но въ различной степени. Притомъ одни притягиваются, другія отталкиваются магнитомъ.

b) Сила притяженія и отторженія много зависитъ отъ окружающей среды, именно:

c) Вещество, погруженное въ жидкость или газъ, притягивается магнитомъ пропорціонально разности магнитнаго дѣйствія на это вещество и вытѣсненную имъ среду.

Очевидно, что если дѣйствіе магнита на испытуемое тѣло и на вытѣсненную имъ среду будетъ равное, то тѣло останется въ покоѣ, т. е. не будетъ ни притягиваться, ни отталкиваться.

Если дѣйствіе магнита на испытуемое тѣло будетъ сильнѣе, чѣмъ на вытѣсненную имъ среду, то тѣло будетъ притягиваться.

Если наоборотъ дѣйствіе магнита на вытѣсненную среду будетъ сильнѣе, чѣмъ на испытуемое тѣло, то послѣднее будетъ отталкиваться.

Очевидно, что этотъ законъ соотвѣтствуетъ Архимедову началу, по которому тѣло или тонетъ въ жидкости, или остается въ ней погруженнымъ, но въ равновѣсіи, или всплываетъ наверхъ, смотря потому, будетъ ли его вѣсъ больше, равенъ или меньше вѣса вытѣсняемой жидкости.

Изъ таблицъ, приложенныхъ къ статьѣ г. Беккереля, видно, что цилиндръ сѣры, въ 25 миллиметровъ длины и въ 840 миллиграммовъ вѣса, былъ повѣшенъ на серебреной проволокѣ и подвергнутъ дѣйствію электромагнита въ во-

Digitized by Google

духѣ, въ водѣ, въ растворѣ хлористаго магнія, въ растворѣ сѣрнокислаго никкеля. Оказалось:

a) что въ воздухѣ онъ отталкивался на 36°, въ водѣ на 4°, въ растворѣ сѣрнокислаго никкеля на 41, въ растворѣ хлористаго желѣза на 183, т. е въ послѣднемъ случаѣ онъ дѣлалъ пять круговращеній;

b) наоборотъ въ растворѣ хлористаго магнія также цилиндръ притягивался магнитомъ на 2,5°

Цилиндръ изъ бѣлаго воска, такой же длины въ воздухѣ отталкивался на 13°, въ растворѣ сѣрнокислаго никкеля на 54°, въ водѣ притягивался на 10°, а въ растворѣ хлористаго магнія на 13°.

Изъ этого слѣдуетъ, что дѣйствіе магнита на сѣру несравненно слабѣе, чѣмъ дѣйствіе его на хлористое желѣзо (какъ и слѣдовало ожидать), много слабѣе, чѣмъ дѣйствіе на сѣрнокислый никкель и воздухъ, нѣсколько слабѣе, чѣмъ дѣйствіе на воду, и нѣсколько сильнѣе, чѣмъ дѣйствіе на растворъ хлористаго магнія. Этотъ результатъ оказался постояннымъ.

Многія другія вещества также подвергнуты испытанію. Законъ остался тотъ же, но отношеніе къ разнымъ веществамъ различно. Такъ мы находимъ, что селеній въ воздухѣ отталкивается слабѣе, въ водѣ сильнѣе, чѣмъ сѣра; фосфоръ и свинецъ также.

Стекло притягивается въ безвоздушномъ пространствѣ, въ воздухѣ и даже кислородѣ. Но стеклянная трубка, налитая бѣлымъ воскомъ, отталкивается.

Въ безвоздушномъ пространствѣ притяженіе вообще сильнѣе, стало быть отторженіе слабѣе, чѣмъ въ воздухѣ или кислородѣ. Для объясненія возможности отторженія надобно припомнить, что собственно безвоздушное пространство не существуетъ, а существуетъ только разрѣженный воздухъ или газъ.

Для испытанія дѣйствія магнита на газы г. Беккерель придумалъ особый способъ, поразительный по своей простотѣ. Извѣстно, что скважистыя тѣла вообще, и въ особенности древесный уголь, сгущаютъ въ себѣ газы. И

Digitized by Google

такъ прежде всего онъ подвергаетъ цилиндръ угля дѣйствію магнита въ безвоздушномъ пространствѣ. Уголь отталкивается. Впускаетъ въ сосудъ кислородъ, который сгущается въ скважинахъ угля. Теперь уголь сильно притягивается.

Уголь сгущаетъ въ себѣ около 9 объемовъ кислорода. Одинъ объемъ имъ вытѣсненъ. Стало быть притяженіе угля происходитъ здѣсь оттого, что сгущенный кислородъ притягивается сильнѣе, чѣмъ кислородъ при обыкновенномъ давленіи.

Въ воздухѣ уголь также притягивается, только гораздо слабѣе. Водородъ и азотъ не оказали никакого дѣйствія. Угольная кислота и закисъ азота усиливаютъ отторженіе.

Сравнивая магнитную силу разныхъ веществъ, г. Беккерель находитъ при равномъ вѣсѣ

Въ желѣзѣ = 1000000.
Въ кислородѣ = 377.
Въ хлорист. желѣзѣ 140.
Въ воздухѣ 88.
Въ водѣ 3.

А изъ этого сравненія выходитъ, что воздухъ во всей своей массѣ долженъ дѣйствовать на магнитъ такъ точно, какъ слой желѣза толщиною въ $\frac{1}{12}$ миллиметра, который покрылъ бы весь земной шаръ.

Очевидно, что теорія *земнаго магнетизма*, господствовавшая нѣсколько вѣковъ, разрушена въ основаніи.

Мы жалѣемъ, что не могли передать въ высшей степени любопытнаго изслѣдованія г. Беккереля въ полномъ объемѣ. Желающіе прочтутъ его въ Мартовской книжкѣ Annales de Chimie et de Physique.

РАСПРОСТРАНЕНІЕ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА ВЪ НЕПРОВОДНИКАХЪ ТВЕРДЫХЪ И ГАЗООБРАЗНЫХЪ. — *Опыты г. Маттеучи.* Изъ множества опытовъ касательно этого вопроса, произведенныхъ большею частію посредствомъ электрическихъ вѣсковъ Куломба, экспериментаторъ выводитъ слѣдующія заключенія:

Digitized by Google

1. Потеря электричества отъ соприкосновенія съ воздухомъ не увеличивается движеніемъ самого воздуха; напротивъ потеря въ движущемся воздухѣ оказалась менѣе, чѣмъ въ спокойномъ, и притомъ пропорціональна быстротѣ движенія воздуха около наэлектризированнаго тѣла и величинѣ этой потери въ единицу времени.

2. Потеря электричества отъ соприкосновенія съ воздухомъ измѣняется по свойству электричества сосѣднихъ тѣлъ. Въ присутствіи тѣла, противоположно наэлектризованнаго въ данное время, эта потеря всего менѣе; она гораздо значительнѣе, когда тѣло остается одно или вмѣстѣ съ другимъ, одинаково наэлектризованнымъ.

3. Въ воздухѣ и въ газахъ, по возможности чистыхъ и не содержащихъ водяныхъ паровъ, потеря электричества не слѣдуетъ закону, выведенному Куломбомъ изъ опытовъ, произведенныхъ въ воздухѣ болѣе или менѣе влажномъ. Для количествъ электричества, заключающихся въ извѣстныхъ предѣлахъ, потеря независима отъ напряженности электричества. Эта потеря постоянна, и стало быть отношеніе потеряннаго электричества къ цѣлой суммѣ непостоянно.

Примѣч. Для осушенія воздуха г. Маттеуччи употреблялъ безводную фосфорную кислоту.

4. Потеря электричества при одинаковой температурѣ и давленіи одинакова въ воздухѣ, въ водородѣ и въ угольной кислотѣ.

5. Свойство электрическаго тѣла не имѣетъ вліянія на потерю электричества и на законъ этой потери въ воздухѣ и сухихъ газахъ.

6. Абсолютная потеря и законъ потери въ воздухѣ и газахъ сухихъ и чистыхъ одинаковы для обоихъ электричествъ; но при слишкомъ сильныхъ зарядахъ электричество отрицательное теряется скорѣе.

7. Въ сухомъ воздухѣ потеря усиливается по мѣрѣ возвышенія температуры.

8. Количество электричества, удерживающееся на поверхности разобщеннаго проводника измѣняется съ измѣ-

Digitized by Google

неніемъ густоты окружающаго воздуха. *Въ совершенно безвоздушномъ пространствѣ* (?) электричество не можетъ удержаться ни на одномъ проводникѣ. Медленная потеря электричесгва въ сухомъ воздухѣ уменьшается съ уменьшеніемъ густоты воздуха.

9. Въ воздухѣ при постоянной температурѣ и давленіи потеря электричества увеличиваѣтся при увеличеніи количества водяныхъ паровъ. Но это увеличеніе не слѣдуетъ простому закону, выведенному Куломбомъ изъ небольшаго числа опытовъ именно, что потеря увеличивается пропорціонально кубамъ вѣса воды, содержащейся въ воздухѣ.

Скажемъ спасибо и за опыты, и за выводы (итоги) изъ опытовъ. Но нельзя не замѣтить, что господствующая теорія часто сбиваетъ экспериментатора съ толку. Это тѣмъ болѣе досадно, что самая теорія въ настоящее время держится только въ словахъ, и никто уже, думаемъ, не вѣритъ дѣйствительному существованію невѣсомыхъ жидкостей.

По нашему, электричество, также какъ магнетизмъ, теплота, свѣтъ, суть явленія, производимыя измѣненіемъ самаго вещества, и состоятъ въ особенномъ расположеніи его частицъ. Въ обыкновенномъ состояніи вещество недѣятельно, здѣсь оно становится дѣятельнымъ, *напрягается*. Но эта дѣятельность, это напряженіе возможны только при дѣйствіи другаго тѣла. Не будь другаго тѣла, — они прекращаются. Разумѣется, это другое тѣло можетъ дѣйствовать сильнѣе или слабѣе, а потому и возбужденіе, *раздраженіе* перваго тѣла будетъ различно.

Наэлектризованное стекло сильно возбуждаетъ кондукторъ. Представимъ теперь, что вещество кондуктора не находится въ соприкосновеніи ни съ чѣмъ. Разумѣется, оно мгновенно станетъ недѣятельнымъ. Но кондукторъ окруженъ воздухомъ, веществомъ дѣятельнымъ, постоянно напряженнымъ до нѣкоторой степени. Возбужденіе продолжается, а оттого кондукторъ, который сдѣлался бы безъ воздуха недѣятельнымъ мгновенно, теперь разряжает-

Digitized by Google

ся медленно. Притомъ очевидно, въ воздухѣ движущемся напряженіе будетъ сильнѣе, чѣмъ въ неподвижномъ, и стало быть разряженіе будетъ медленнѣе. Воздухъ по отношенію къ кондуктору есть тоже самое, что кошачій мѣхъ или подобное вещество по отношенію къ смолѣ электрофора.

Разумѣется, чѣмъ способнѣе самый воздухъ къ электрическому напряженію, тѣмъ сильнѣе онъ будетъ дѣйствовать на кондукторъ. Примѣсь вещества недѣятельнаго, каковъ водяной паръ, уменьшаетъ его способность и слѣдовательно уменьшаетъ напряженіе кондуктора.

Изъ этой теоріи, изложенной нами въ подробности прежде, можно было вывести a priori положенія г. Матеучи. Но признаемся, для насъ неожиданны два вывода, именно: что потеря электричества одинакова въ воздухѣ, водородѣ и угольной кислотѣ и что потеря замедляется разрѣженіемъ воздуха. Послѣднему выводу даже плохо вѣрится.

Мы понимаемъ огромное, хотя по нашему мнѣнію преходящее, значеніе электричества въ естествознаніи, а потому будемъ обращать вниманіе на изслѣдованія, сюда относящіяся. И на первый разъ очень кстати подоспѣло:

ИЗСЛѢДОВАНІЕ Г. СЕНАРМОНА ОБЪ ЭЛЕКТРОПРОВОДНОСТИ КРИСТАЛЛОВЪ. — Г. Сенармонъ предложилъ себѣ вопросъ: имѣетъ ли кристаллическая форма тѣлъ какое-нибудь вліяніе на ихъ электропроводность. Сначала онъ хотѣлъ работать съ Вольтовымъ столбомъ, но это оказалось неудобнымъ. Кристаллы въ большей части случаевъ совершенно перерываютъ токъ и притомъ происходятъ разныя химическія явленія. И такъ онъ рѣшился остановиться на лейденской банкѣ.

Испытуемый кристаллъ покрывается со всѣхъ сторонъ листочкомъ олова, на которомъ съ одной стороны, соотвѣтствующей той или другой поверхности кристалла, прорѣзано круглое отверстіе, различнаго діаметра, смотря по величинѣ кристалла. Въ самый центръ отверстія проводится остріе отъ банки. Электричество должно отъ цен-

Digitized by Google

тра пройдетъ къ окружности отверстія по поверхности кристалла. Обкладка кристалла сообщается съ землей.

Въ воздухѣ при обыкновенномъ давленіи на кристаллахъ отъ этого прохода остаются ясные и довольно глубокіе слѣды.

Въ разрѣженномъ воздухѣ явленіе измѣняется. Въ кристаллахъ тессулярной (регулярной) системы электричество при проходѣ освѣщаетъ *весь кружекъ*, въ кристаллахъ другихъ системъ свѣтъ принимаетъ направленіе діаметра, расходясь нѣсколько къ окружности. При отверстіи эллиптическомъ, направленіе измѣняется и становится среднимъ между большею и меньшею осью.

Фактъ любопытенъ, хотя покуда нельзя сдѣлать изъ него никакого вывода.

А. Студитскій.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ ВЪ ХЕРСОНѢ. — Тогда какъ жители нашей древней Столицы встрѣчаютъ вербное Воскресенье первымъ вешнимъ гуляньемъ, за которымъ слѣдуетъ цѣлый рядъ ихъ въ теченіе лѣта, — въ Херсонѣ (то же, кажется, и во всемъ Новороссійскомъ краю) освященіе вербы бываетъ особое, торжественное, нѣсколько отличное отъ принятаго у насъ въ Великороссіи. Это освященіе совершается наканунѣ въ Лазареву субботу такъ: передъ вечернею, на большой площади, между крѣпостью и городомъ раскладываются заблаговременно вербы большимъ четвероугольникомъ, который окаймляется густою толпою народа изъ города и предмѣстій; за этою сплошною массою уставляются ряды каретъ, дрожекъ — съ семействами, дѣтьми, чтобы посмотрѣть на церемонію. — Въ это время изо всѣхъ церквей, предшествуемое хоругвями и святыми иконами, сходится духовенство; хоругви и иконы размѣщаются по всему протяженію разложенныхъ вербъ; за тѣмъ верба освящается и окропляется святою водою. Когда освященіе кончится, въ одно мгновеніе вѣтви очутятся въ рукахъ народа и представятъ движущуюся рощу. — Духовенство, съ прихожанами, возвращается въ свои церкви, начинается вечерня и потомъ всенощная.

Лучшая въ Херсонѣ по архитектурѣ церковь св. Великомученицы Екатерины, въ крѣпости, съ иконостасомъ искусной Италіанской живописи. Это памятникъ славной Императрицы. Надъ западнымъ входомъ ея блеститъ бронзовая надпись: «Спасителю рода человѣческаго Екатерина II посвящаетъ.» — Соборъ Успенія Пресв. Богородицы, въ городѣ, обширнѣе прочихъ церквей.

Ф. Л.

Одесса.

Digitized by Google

ИЗЪ ОДЕССЫ.

До сихъ поръ вы получали только ученыя извѣстія изъ Одессы. Пора сообщить что-нибудь и объ обществѣ.

Первымъ, главнѣйшимъ обстоятельствомъ нашей высшей, свѣтско-общественной жизни служитъ пребываніе у насъ двухъ Московскихъ семействъ лучшаго тона. Наши сѣверныя дамы и дѣвицы рѣшительно дали новую жизнь здѣшнему обществу, вскружили головы молодымъ людямъ и привлекли всѣхъ умомъ, образованностію, любезностію и наконецъ легкостію и прелестью въ танцахъ. Въ послѣдній день масляной молодые люди сложились и дали въ биржевой залѣ, — которая конечно, кромѣ нѣсколькихъ Петербургскихъ и Московскихъ, не уступитъ никакой другой у насъ въ великолѣпіи и изяществѣ, — une journée dansante. Пригласительныхъ билетовъ разослано было болѣе 300. Собрались около 3 часовъ, пообѣдали à la fourchette, хотя и солидно, и ну танцовать. Танцовали съ 5 часовъ до 2, и между тѣмъ, разумѣется, пили чай и ужинали. Веселились хоть куда! Надо было посмотрѣть, какъ восхитили тутъ всѣхъ наши сѣверныя гостьи, M-mes Н. и М. и M-elles У. и Д. Это новое покореніе здѣшняго края родной нашей Русью, и уже покореніе не силой оружія, а нравственное. Вообще это послѣднее дѣлаетъ здѣсь большіе успѣхи.

Вторая новость, которую сообщу я вамъ изъ Одессы, есть совершенное преобразованіе здѣшняго театра. Въ этомъ году, въ первый разъ антрепренеръ его изъ Русскихъ. Это г. Андросовъ. Внутри театръ отдѣлали вновь, отчасти по образцу Большаго театра въ Петербургѣ. По крайней мѣрѣ это относится къ кресламъ, которыя занимаютъ теперь весь партеръ, и къ галлереѣ, которая, какъ и въ этомъ театрѣ, находится надъ ложами. Это переселеніе извѣстной части публики на верхъ сдѣлаетъ выраженія партера не столь шумными. Оба яруса ложъ, какъ говорятъ, постоянно будутъ освѣщаемы свѣчами. Это было въ два первыя представленія, вѣроятно будетъ и впредь, потому что лампа не велика. Все, разумѣется, обновлено и выкрашено. Устарѣвшая занавѣсь, на которой изображенъ былъ домъ Князя М. С. Воронцова, и въ подражаніе которой на Николаев-

Digitized by Google

скомъ театрѣ нарисовали тамошнюю площадь съ Соборной церковью, также замѣнена новою. Буфетъ отдѣланъ лучше прежняго. Есть при немъ и особое небольшое фойе. Снаружи театръ остался безъ перемѣны. За то составъ Итальянской труппы измѣнился совершенно. Къ сожалѣнію, остались только гг. Вольта и Берлендисъ, которыми, конечно, могли любоваться наши отцы и дѣды, но которые для насъ немного поустарѣли. За то новая примадонна г-жа Басседжіо и теноръ Віани прелесть! Прочихъ вновь прибывшихъ изъ Италіи пѣвцовъ и пѣвицъ мы еще не слышали. Давали только для двухъ абонементовъ по разу оперу Верди Lombardi alla prima Crociata. Сегодня даютъ Севильскаго цирюльника. Въ Русскомъ театрѣ произошла одна важная перемѣна. Г. Шумскій, Одесскій Мартыновъ, уѣхалъ въ Москву. Мѣсто его занялъ Г. Соляникъ, извѣстный въ провинціяхъ.

Здѣсь стоятъ большіе, для этого времени, холода. Во многихъ домахъ, у самого меня, между прочимъ, топятъ. Это вещь здѣсь не бывалая. Акаціи все еще не распустились.

Изъ Константинополя пришло извѣстіе, что Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій намѣренъ отправиться въ Іерусалимъ.

СПРАВОЧНЫЯ ГУБЕРНСКІЯ КНИЖКИ. — Календарь, издаваемый Академіею Наукъ, расходится по Россіи въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ. Но, содержа въ себѣ множество справочныхъ свѣдѣній, необходимыхъ почти всякому, онъ не можетъ удовлетворять вполнѣ мѣстнымъ потребностямъ всѣхъ частей обширнаго нашего отечества. Отсюда возникаетъ необходимость отдѣльнаго изданія справочныхъ книжекъ для тѣхъ губерній, которыя, по своей значительности или своимъ особенностямъ, имѣютъ нужду въ мѣстныхъ указателяхъ. Петербургъ и Москва давно имѣютъ такія справочныя книжки; календари Новоросійскій и Кавказскій пользуются заслуженною извѣстностію. Въ настоящемъ году изданы справочныя книжки для губерній Архангельской и Псковской, которыя, вѣроятно, принесутъ мѣстнымъ жителямъ ожидаемую отъ нихъ пользу, и послужатъ примѣромъ для другихъ губерній.

Digitized by Google

ИРБИТСКАЯ ЯРМАРКА. — Въ текущемъ году Ирбитская ярмарка была открыта 1 Февраля, и продолжалась по 1 Марта. Послѣдствія такого измѣненія сроковъ оказались благопріятны для купечества внутренней Россіи и Сибири во всѣхъ отношеніяхъ, преимущественно же по удобству привоза и отправки товаровъ по зимнему неповрежденному пути. Сбытъ Русскихъ произведеній въ нынѣшнюю ярмарку, сравнительно съ прошлогоднею, былъ менѣе, а потому вся оптовая торговля производилась медленнѣе обыкновеннаго, и самая уплата дѣлалась не полнымъ количествомъ наличныхъ денегъ, а съ разсрочкою. Не смотря однако же на эти причины, привозъ на нынѣшнюю ярмарку всѣхъ вообще товаровъ былъ слишкомъ на 35,860,000 р. с., а продажа почти на 25,260,000 р. с. Мягкая рухлядь, или необдѣланный пушной товаръ, привезенный изъ Сибири преимущественно Иркутскими купцами, изъ первыхъ рукъ былъ проданъ оптомъ, необыкновенно быстро и по высокимъ цѣнамъ.

НЕКРОЛОГЪ. П. И. ПРОКОПОВИЧЪ. — 22 Марта этого года скончался, на 76 г. отъ роду, извѣстный во всей Россіи пчеловодъ, Петръ Ивановичъ *Прокоповичъ*. Онъ, можно сказать, первый положилъ у насъ основаніе пчеловодству, какъ наукѣ, и занимаясь имъ почти 50 лѣтъ, усердно содѣйствовалъ распространенію его своими сочиненіями и основанною имъ школою,* которая образовала множество опытныхъ пчеловодовъ. Существуя болѣе двадцати лѣтъ, школа Прокоповича, вѣроятно, не перестанетъ служить на общую пользу и въ будущемъ: за это ручается имя бывшаго помощника основателя ея, Почетнаго гражданина Великдана, подъ чье управленіе перешла она теперь.

---

* Черниговской губ., въ сел. Пальчикахъ, близъ Батурина.

Digitized by Google

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

СУДЕБНОЕ ДѢЛО

О СМЕРТИ ГРАФИНИ Ф. ГЕРЛИЦЪ.

III.

Отвѣты экспертовъ.

Въ засѣданіи 30 Марта Профессоръ Бишофъ отвѣчалъ на первый вопросъ Президента *о самовозгорѣніи.*

«*Самовозгараніе какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и вообще, есть невозможность*».

Этотъ отвѣтъ совершенно противорѣчитъ мнѣнію фонъ Зибольдта и отчасти мнѣнію Граффа, который допускаетъ возможность самовозгаранія, но не въ настоящемъ случаѣ.

«Послѣдователи мнѣнія о возможности самовозгаранія основываются на 40 или 50 случаяхъ, сдѣлавшихся извѣстными наукѣ, въ которыхъ люди найдены сгорѣвшими и части ихъ тѣлъ превращенными въ пепелъ, между тѣмъ мнѣ тѣла не найдено горючихъ матеріаловъ, которыми можно бъ было объяснить сожиганіе. Но *историческія основанія этихъ случаевъ недостаточны и шатки.* Ораторъ не оспориваетъ важности исторіи для науки; онъ соглашается, что отдѣльное лице не можетъ обнять массы матеріаловъ и разрѣшить великихъ проблеммъ науки безъ помощи данныхъ минувшаго времени. Въ особенности факты, подающіе поводъ къ судебному изслѣдованію, повторяются не такъ часто, чтобы каждый могъ ихъ видѣть и наблюдать. Съ другой стороны вѣрно, что историческое повѣствованіе никогда не должно быть принимаемо безъ критики.

Digitized by Google

При каждомъ фактѣ надобно спросить: достовѣрно ли повѣствованіе объ немъ? Люди повѣствующіе хотятъ ли и способны ли сообщить истину? Можетъ ли повѣствуемое быть соглашено съ общими законами природы и съ истинами уже дознанными? Здѣсь ничего этого нѣтъ, и прежде всего нѣтъ историческаго основанія въ представленныхъ случаяхъ самовозгаранія. Около 150 лѣтъ назадъ упоминается въ первый разъ объ этомъ явленіи. Его приняли, какъ оно передано, и внесли въ науку, какъ особую форму болѣзни. Между тѣмъ не знали, каковъ самый процессъ болѣзни.

Такимъ образомъ теорія самовозгаранія постепенно росла не какъ слѣдствіе ученаго изслѣдованія, но какъ слѣдствіе неизвѣстности. Если мы будемъ разсматривать ближе случаи такъ называемаго полнаго самосгаранія, то мы найдемъ, что ни одинъ человѣкъ, имѣющій значеніе въ наукѣ, самъ не наблюдалъ горящаго человѣка, даже изъ неученыхъ никто не видалъ его за исключеніемъ двухъ случаевъ: въ одномъ это было горничная дѣвушка, въ другомъ неизвѣстное лице. Изъ случаевъ такъ называемаго частнаго самосгаранія упоминается о четырехъ, которые будто бы были наблюдаемы сторонними лицами. Но эти случаи частію не оправдываются передъ судомъ критики. Нѣкоторые случаи однакожъ изслѣдованы, но такъ неточно и поверхностно, что никоимъ образомъ не могли быть допущены въ науку. Объ этомъ можно судить по одному недавнему случаю. Нѣсколько недѣль назадъ въ Gazette des tribunaux явилось слѣдующее поразительное повѣствованіе: одинъ ремесленникъ въ Парижѣ, слишкомъ часто приносившій возліянія Вакху, поспорилъ съ своимъ пріятелемъ, что онъ проглотитъ зажженную свѣчу. Онъ положилъ ее въ ротъ. Тотчасъ замѣтили синеватое пламя на губахъ, и подошедши ближе, къ ужасу увидѣли, что пожаръ внутри. Послали тотчасъ за врачемъ, но когда онъ пришелъ, голова и грудь несчастнаго были уже обуглены. Въ этомъ разсказѣ сгорѣвшій названъ по имени, равно какъ и харчевня, въ которой совершилось это чудо, Представлены живые свидѣтели. Профессоръ Либихъ тотчасъ обратился къ нѣсколькимъ извѣстнымъ лицамъ въ Парижѣ, чтобы получить отъ

Digitized by Google

нихъ свѣдѣнія объ этомъ столь же важномъ, какъ и рѣдкомъ событіи. Отвѣтъ уже полученъ. Знаменитые химики Реньё и Пелузъ объявили, что повѣствованіе, сообщенное столь извѣстной газетой, есть чистая выдумка; Пелузъ прибавляетъ, что ни одинъ врачь въ Парижѣ ни одной минуты не считалъ его за истину. Префектъ полиціи Карліе пишетъ, что по произведенному тщательному изслѣдованію оказалось, что весь разсказъ чистая выдумка!....

.... «Впрочемъ теорія самовозгаранія имѣетъ защитниковъ, съ авторитетомъ, Рудольфи, Тревирана, Нассе и Коппа. Всѣ эти ученые однакожъ стараются объяснить факты какъ данные: ни одинъ изъ нихъ не попытался узнать, вѣрны ли самые факты? Ни одинъ опытъ, сдѣланный ими, не объяснилъ предмета.

«Важнѣе всего то, что *самовозгараніе прямо противорѣчитъ положительно дознаннымъ законамъ природы.* Правда, мы окружены чудесами, и многое необъяснимо для человѣческаго духа, и однакожъ существуетъ. Но ничто противорѣчащее законамъ природы не можетъ ни существовать, ни быть принято мыслію. Самовозгараніе же противорѣчитъ несомнѣннымъ истинамъ физики, химіи, физіологіи. Вода не горитъ — это очень просто; неоспоримо истинно и то, что тѣло, содержащее въ своемъ составѣ 75 процентовъ воды, не можетъ загорѣться, и во всякомъ случаѣ горѣніе его не можетъ продолжаться. А человѣческое тѣло безъ этого количества воды не можетъ существовать въ нормальномъ состояніи. Съ этимъ связаны важнѣйшія жизненныя его отправленія, именно процессы кроветворенія и питанія, равно какъ движимость тѣла, составляющая первое проявленіе его жизни. Потеря нѣсколькихъ процентовъ воды съ продолженіемъ жизни несовмѣстна; у умирающихъ отъ жажды количество воды уменьшается только ни нѣсколько процентовъ.

«Представляютъ два возраженія противъ этихъ положеній. Первое состоитъ въ томъ, что въ тѣлѣ человѣка есть многое, чего химія объяснить не можетъ, и многіе предметы въ соединеніи съ тѣломъ получаютъ особенныя свойства.

Digitized by Google

Это возраженіе не совсѣмъ понятно. Особенной химической истины нѣтъ: это скорѣе столь же рѣшительная истина, какъ въ ариѳметикѣ дважды два четыре. Очень можетъ быть, что изъ химическихъ истинъ не объяснятся многія явленія въ органическомъ тѣлѣ, но отъ этого химическая истина въ приложеніи къ организму ничуть не перестаетъ быть истиною. Говорятъ во-вторыхъ: въ болѣзненномъ состояніи тѣла многое измѣняется: поэтому можно представить, что и усиленная горючесть тѣла есть форма болѣзни. Если теперь это счесть возможнымъ, то послѣ надобно будетъ счесть возможнымъ все. Аристотель думалъ, что угорь родится самъ собою; въ новѣйшее время думали, что желѣзо образуется въ тѣлѣ человѣка, — но не знали, какъ это дѣлается. А наука доказала, что вещество человѣческаго тѣла не исчезаетъ; оно приходитъ извнѣ и выводится вонъ. Здѣсь нѣтъ больше творенія: твореніе совершилось, происходитъ только измѣненіе. Наука доказала далѣе, что болѣзненное состояніе тѣла есть незначительное отклоненіе отъ обыкновенныхъ законовъ, совершающееся тоже по законамъ; никогда оно не уничтожаетъ законовъ. Количество воды въ водянкѣ можетъ дойдти до 85 процентовъ, въ холерѣ до 45; но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ тѣло не горитъ.

«Но говорятъ: при болѣзненномъ содержаніи виннаго спирта въ тѣлѣ человѣка самосгараніе можетъ сдѣлаться возможнымъ. И это не такъ: процессъ животнаго химизма этому противорѣчитъ. Спиртъ соединяется въ желудкѣ съ большимъ количествомъ составныхъ началъ тѣла, въ жилахъ съ кровью только въ маломъ. Съ кровью онъ приходитъ въ легкія. Здѣсь дѣйствуетъ на него атмосферный воздухъ, съ кислородомъ котораго онъ разлагается на воду и углекислоту. Стало быть, онъ удаляется изъ тѣла. Положимъ однако жъ, что онъ принятъ въ излишнемъ количествѣ: все-таки онъ находится исключительно въ крови, а не другихъ частяхъ тѣла. Въ послѣднемъ случаѣ жизнь не могла бы продолжаться ни минуты.

«Конечно, не разъ случалось слышать, что будто бы у пьяныхъ видали пламя около шеи. Это дѣтская сказка, въ сочиненіи которой принимала большое участіе этимологія.

Digitized by Google

Горѣлка есть горѣлое вино (Branntwein ist gebranntes Wein); говорятъ: меня жжетъ, его жжетъ, онъ горитъ, потому что онъ выпилъ много водки. Такимъ образомъ перемѣшались понятія: стали говорить: онъ сгорѣлъ, потому что выпилъ много водки. Спросите кого угодно: видалъли онъ этотъ огонь? вамъ отвѣтятъ: я не видалъ, а мой товарищъ видѣлъ. А товарищъ скажетъ, что онъ видѣлъ бѣлый паръ, выходившій у пьянаго изъ роту, когда этотъ пьяный лежитъ зимой на улицѣ. Винный спиртъ въ роту можно зажечь также, какъ въ кострюлѣ: но пары виннаго спирта, выходящіе изъ легкихъ, никогда. Въ жилы собаки влили большое количество спирта: не удалось воспламенить выдыхаемаго воздуха. Эѳиръ воспламеняется, но тотчасъ тухнетъ. И такъ и пьянство не объясняетъ возможности самовозгаранія.

На второй вопросъ отвѣтъ заключается въ немногихъ словахъ. Сгорѣть отъ несчастнаго случая вообще можно только тогда, когда человѣкъ или упадетъ въ огонь, или кругомъ пожаръ такъ распространится, что всякій выходъ будетъ прегражденъ, или наконецъ когда платье загорится быстро и снизу. Ничего этого здѣсь нѣтъ, притомъ выходъ былъ совершенно возможенъ. Самоубійства посредствомъ сожиганія нельзя представить, потому что, психологически судя, никто не захочетъ подвергнуться долговременнымъ мукамъ такой смерти. Наконецъ физически невозможно, чтобы сторонній человѣкъ умертвилъ человѣка единственно посредствомъ сожиганія. Сверхъ того въ тѣлѣ Графини нѣтъ слѣдовъ того, чтобы смерть произошла прямо отъ огня. Обжоги, замѣченные одной свидѣтельницей на бедрахъ, недостаточно подтверждены; притомъ пузыри могли произойдти послѣ смерти отъ дѣйствія на кожу горящихъ угольевъ, спирта и пр. Опыты, произведенные для объясненія этого, показали, что при приближеніи огня къ мертвому тѣлу кожа вздувается въ пузыри, потомъ эти пузыри лопаются и содержащаяся въ нихъ жидкость испаряется. Совсѣмъ иное представляютъ пузыри, происходящіе отъ обжоговъ въ живомъ тѣлѣ.

На третій вопросъ эксперты отвѣчаютъ: несомнѣнно, что тѣло Графини подверглось дѣйствію огня послѣ смерти.

Digitized by Google

Но какъ она сожжена, для этого, по недостаточности данныхъ, нельзя отвѣчать совершенно положительно. Можно добраться только до большей или меньшей вѣроятности.

1) Нельзя допустить самоубійства. Конечно, можно бы подумать, что Графиня приняла ядъ и зажгла огонь, чтобъ уничтожить слѣды этого дѣла. Но съ этимъ нельзя связать положенія трупа, недостатка ключей, оборваннаго снурка колокольчика и дыма надъ сѣверной трубой зданія. И личныя отношенія этому противорѣчатъ. Снова изслѣдовать трупъ будетъ безполезно, потому что по истеченіи столь долгаго времени можно отъискать слѣды только металлическихъ ядовъ, но эти яды дѣйствуютъ такъ медленно, что невѣроятно, чтобы они были употреблены въ настоящемъ случаѣ.

2) Невѣроятно, чтобъ здѣсь было болѣзненное состояніе или несчастный случай. Здѣсь можно бы было предположить только обморокъ, ударъ или внезапное оцѣпенѣніе. Но изъ всего дѣла видно, что Графиня при возвращеніи мужа изъ дворца была уже мертва; стало быть Графиня не могла зажечь огня, потому что загорѣлось, безъ сомнѣнія, послѣ семи часовъ. Въ противномъ случаѣ ранѣе замѣчены бы были признаки пожара. Притомъ не найдено ни свѣчь, ни другаго тѣла, могущаго произвесть воспламененіе, близъ трупа. Тогда должна бы была сгорѣть верхняя, а не нижняя часть бюро, потому что свѣча, упавшая сверху, не могла попасть на нижнюю доску (дно) бюро. Но положимъ, что эта доска загорѣлась, все-таки Графиня прежде пожара должна была упасть со стула, потому что сгорѣла не нижняя а верхняя часть тѣла, Противъ удара говоритъ сложеніе Графини, которое никакъ нельзя назвать апоплектическимъ. Предположеніе обморока или внезапнаго оцѣпенѣнія также не объясняетъ ничего. Отъ горѣнія бюро должно было произойдти столько ѣдкаго дыма, что такое состояніе не могло продолжаться. Сверхъ того съ этимъ предположеніемъ несогласны отсутствіе ключей, пожаръ дивана и софы, оборванный снурокъ и дымъ надъ трубой. Стало быть:

3) Вѣроятно, что Графиня лишилась жизни отъ руки сторонняго лица. Положительныхъ доказательствъ на это

Digitized by Google

нѣтъ. Возможны разные способы убійства. Высунутый языкъ указываетъ на удавленіе. Трещина въ черепѣ могла произойдти и отъ удара въ голову и отъ огня. Изъ лоскутка шелковой матеріи ничего нельзя вывесть, потому что ни химическія изслѣдованія, ни микроскопъ не обнаружили въ немъ кровавыхъ пятенъ. И однакожъ убійство вѣроятно, хотя и нельзя предположить, чтобы человѣкъ слабый, каковъ обвиняемый, могъ удавить сильную женщину, какова была Графиня, безъ сопротивленія. Скорѣе надобно думать, что она сперва оглушена ударомъ въ голову, потомъ удавлена.

На четвертый вопросъ отвѣтъ экспертовъ двоякій: меньшинство полагаетъ, что бюро зажжено не для того собственно, чтобы сжечь трупъ, хотя это само по себѣ и возможно. Этому противорѣчатъ знаки горѣнія въ самомъ трупѣ. Горѣніе было сильнѣе на лѣвой, чѣмъ на правой сторонѣ тѣла, и только верхнія ея части обуглены, тогда какъ нижнія части должны бы болѣе подвергнуться огню. На мѣстѣ трупа могло не быть слѣдовъ огня: но по крайней мѣрѣ должны оказаться слѣды вытопившагося жира. Потомъ нельзя объяснить пламени надъ диваномъ, потому что онъ былъ набитъ слоемъ лошадинаго волоса въ 2 дюйма толщины, и безъ посторонняго горючаго матеріала не легко могъ бы загорѣться; также безъ посторонняго горючаго матеріала пламя не могло бы подняться на два фута вышины. Поэтому надобно принять, что сначала трупъ горѣлъ на диванѣ, а потомъ перенесенъ къ бюро, гдѣ конечно горѣніе могло продолжаться.

Большинство думаетъ, что трупъ сгорѣлъ именно отъ горѣнія бюро. Температура воздуха и происшедшее отъ горѣнія бюро количество теплоты были достаточны для сожженія трупа на разстояніи двухъ футовъ. Сгорѣло 66 фунтовъ дерева: отъ нихъ произойдетъ 184,800 градусовъ теплоты. Золото, серебро и желѣзо найдены расплавленнымъ, что предполагаетъ по меньшей мѣрѣ 1000° теплоты. Нѣсколько стеариновыхъ свѣчъ обгорѣли на разстояніи 9 футовъ отъ бюро. Оконныя занавѣски истлѣли и распадались при малѣйшемъ прикосновеніи. Оклѣйка рамъ зеркала на разстояніи 16 футовъ отстала отъ жару. Все это объясняется и продолжительностію пожара. По всей вѣроят-

Digitized by Google

ности онъ начался около 8 часовъ и продолжался до 11. Далѣе горѣнію благопріятствовало положеніе трупа. Верхняя часть его отстояла отъ бюро на два фута, нижняя нѣсколько далѣе. Лучистая теплота особенно сосредоточивалась на трупѣ опущенною крышкою бюро. Наконецъ и форма горѣнія подтверждаетъ это мнѣніе. Грудь и голова, лежавшія ближе къ бюро, обуглены: нижняя часть платья такъ сотлѣла, что мѣстами распадалась отъ прикосновенія. Спина обожжена только съ поверхности.

Къ этому большинство прибавляетъ, что сожженіе трупа внѣ комнатъ Графини не доказывается ничѣмъ, кромѣ дыма изъ сѣверной трубы, соединенной съ печью служительской комнаты. Но перенести трупъ въ эту комнату было невозможно. Въ каминѣ передней все оставалось на мѣстѣ. Сожженіе трупа посредствомъ виннаго спирта или подобнаго вещества невѣроятно. Для этого нужны дѣйствія рукъ (манипуляціи), которымъ трудно повѣрить; невозможно далѣе человѣку оставаться въ комнатѣ, гдѣ происходитъ такое сожиганіе, когда двери и окна заперты, Оставить на время комнату тоже нельзя, потому что нельзя было войдти послѣ. Притомъ оказался бы запахъ на волосахъ и платьѣ сожигателя. Наконецъ самое время говоритъ противъ сожиганія: нужно было для него по крайней мѣрѣ часъ. Наконецъ психологически невѣроятно, чтобы человѣкъ, совѣсть котораго обременена страшнымъ убійствомъ, могъ исполнить утонченное сожиганіе трупа. Скорѣе можно представить, что убійца сдѣлалъ поджегъ, чтобы скрыть слѣды преступленія, и быстро удалился изъ комнаты. Для тойже цѣли вѣроятно зажженъ и диванъ. Нѣтъ доказательствъ, чтобы онъ былъ зажженъ для истребленія кровавыхъ пятенъ. Невѣроятно напротивъ, чтобы трупъ сперва былъ сожигаемъ на диванѣ, потому что въ такомъ случаѣ замѣтили бы изъ сосѣдняго дома не одно пламя, но и тѣнь человѣка. Притомъ пламя виннаго спирта не ярко и не можетъ быть видно на такомъ разстояніи.

Общее заключеніе экспертовъ состоитъ въ слѣдующемъ: «Графиня Герлицъ умерла и сгорѣла не отъ самовозгаранія. Невѣроятно, чтобы она лишилась жизни чрезъ самоубійство, или отъ болѣзни, или отъ несчастнаго слу-

Digitized by Google

чая, и сама какимъ бы то ни было образомъ произвела пожаръ, до такой степени разрушившій ея тѣло. Напротивъ, возможно и вѣроятно, что она погибла какимъ бы то ни было образомъ отъ руки другаго лица, которое потомъ зажгло бюро и диванъ, а отъ усиленія горѣнія бюро сгорѣлъ трупъ Графини.»

Въ засѣданіи 2-го Апрѣля снова начался допросъ свидѣтелей. Любопытнѣе всего показаніе аптекаря, доктора Винклера. «Въ одинъ осенній день 1847 года, приходилъ въ аптеку солдатъ, безъ бакенбардъ и усовъ, и спрашивалъ яри для служителя Графа Гёрлицъ. Аптекарь отказалъ на основаніи закона. Послѣ полудня въ тотъ же или въ слѣдующій день пришелъ въ аптеку кучеръ Шембса, разсказалъ, что онъ сейчасъ изъ полиціи, и спрашивалъ, не продавали ли на этихъ дняхъ яри изъ аптеки.» Якобъ Штауффъ отрекся.

Въ засѣданіи 3-го Апрѣля начался окончательный допросъ подсудимыхъ. Якобъ и Генрихъ Штауффъ повторили свои прежнія показанія. Генрихъ Штауффъ жаловался между прочимъ, что въ продолженіе слѣдствія съ нимъ поступали жестоко и держали его въ цѣпяхъ. Это было дѣйствительно, какъ видно изъ протокола. За упорное запирательство, сперва въ продолженіе 8 дней ему не давали горячей пищи, потомъ на столько же дней ему надѣли оковы, и потомъ опять повторено первое наказаніе на четыре недѣли. Особенно важно одно обстоятельство. У подсудимаго оказалось кольцо, которое Графъ призналъ принадлежавшимъ его женѣ. По словамъ же подсудимаго оно принадлежало покойной женѣ его, подсудимаго, дочери матроса, на которой женился онъ въ 1815 г. Кольцо было платиновое, а платина въ то время не обрабатывалась на подобныя издѣлія.

За тѣмъ слѣдовалъ допросъ Іоганна Штауффа. Вотъ содержаніе его отвѣтовъ: до полудня 13-го Іюня я, исправивши свои обыкновенныя работы, ходилъ въ церковь и въ полдень обѣдалъ въ гостинницѣ. Оттуда я пошелъ домой. Около $\frac{3}{4}$ третьяго Фридрихъ Шиллеръ сказалъ мнѣ, что онъ хочетъ съ сынкомъ сдѣлать прогулку до Эберштадта. Около $3\frac{1}{4}$ часовъ пошелъ я во дворецъ, и возвра-

Digitized by Google

тился оттуда черезъ четверть часа. Шиллеръ скоро ушелъ. Около 4 часовъ купилъ я въ лавкѣ Штифбольда сыру и съѣлъ его въ служительской комнатѣ. Потомъ пошелъ вверхъ, чтобы взять салфетку. Сошедши оттуда, передъ своей комнатой нашелъ я жену Шиллера, которая спрашивала меня о мужѣ. Я сказалъ ей, что онъ пошелъ въ Эберштадтъ. Это ей было непріятно и она ушла. Я сѣлъ къ столу и читалъ до 5 часовъ. Въ это время меня позвала Графиня. Она входила въ одну изъ комнатъ верхняго этажа. По обыкновенію я дождался ея выхода и получилъ отъ ней разныя порученія. Я долженъ былъ сходить къ мяснику за мясомъ, позвать къ ней полицейскаго служителя Жильберта, и во вторникъ, или въ середу, провожать ее на могилу матери. Въ тоже время приказала она мнѣ запереть двери внизу, потому что никого не было дома. Я пошелъ потомъ во дворецъ и пришелъ туда около 20 минутъ шестаго. Обѣдъ кончился около половины седьмаго. Пришедши домой, я помогъ Графу раздѣться. Онъ поспѣшилъ тогда въ комнаты Графини, чтобы отдать ей конфекты, но нашелъ дверь передней запертою. На мое замѣчаніе, что Графиня вѣроятно занимается въ верхнемъ этажѣ, онъ отвѣчалъ, что онъ не пойдетъ туда, потому что Графиня не любитъ, чтобъ ее безпокоили. Я пошелъ въ свою комнату и сталъ писать письма. Около половины осьмаго слышалъ я, что въ среднемъ этажѣ дважды отворялась дверь. Графъ послѣ объяснялъ, что это отворялась дверь отхожаго мѣста. Скоро потомъ онъ ушелъ. Я убралъ его комнату и подошелъ къ двери дома, куда почталіонъ принесъ газету. Пока я читалъ ее, пришелъ Фр. Шиллеръ изъ Эберштадта, въ разгулѣ, и сказалъ, что я могу идти ужинать. Около 9 часовъ я возвратился опять и вошелъ вмѣстѣ съ Графомъ и женой Шиллера. Послѣдняя увела съ собой мужа и я долженъ былъ раздѣвать Графа. Послѣ этого Графъ спросилъ свой ужинъ, который всегда готовила ему сама Графиня. Я взошелъ вверхъ и стучался у разныхъ комнатъ втораго и третьяго этажа, но нигдѣ не нашелъ Графини. Я сообщилъ это Графу, и онъ побезпокоился самъ поискать жены. Онъ отворилъ своимъ ключемъ ея спальню и гардеробъ: въ послѣднемъ лежали всѣ

Digitized by Google

шляпы Графини, но ея не было и слѣда. Графъ послалъ меня въ домъ Витгенштейна и Штома узнать, не тамъ ли Графиня. Первый былъ запертъ, въ послѣднемъ Графини не было. Я бѣгóмъ возвратился, и Графъ тогда приказалъ мнѣ позвать кучера Шембса, камердинера Шиллера и слѣсаря Форраша. Я побѣжалъ и въ особенности сказалъ Форрашу, что Графини нигдѣ не находится и что онъ тотчасъ долженъ придти и отпереть дверь. Но онъ отозвался болѣзнію. Шембсъ бросился искать другаго слѣсаря. Въ это время на нижней лѣстницѣ оказался дымъ, выходившій изъ камина нижняго этажа, и это послужило поводомъ къ открытію дыма въ передней Графини. Шиллеръ хотѣлъ тотчасъ выбить стекла двери, но Графъ не позволилъ. Я побѣжалъ къ далеко жившему трубочисту, и когда я возвратился, передняя была уже отворена и выломана половинка двери въ жилую комнату. Я вылилъ черезъ эту половинку ведро воды и побѣжалъ на дворъ почерпнуть снова. Когда я возвратился, и эта дверь была отворена и трупъ былъ видѣнъ. Я принесъ еще нѣсколько ведеръ воды и помогалъ вынести диванъ изъ кабинета. Отъ сильной работы мнѣ сдѣлалось дурно, и я ушелъ на короткое время въ служительскую комнату, гдѣ легъ на постель. Жена Шиллера пришла туда и подала мнѣ стаканъ воды для подкрѣпленія. Отдохнувши, я опять пришелъ въ переднюю, и здѣсь Шиллеръ просилъ меня проводить домой жену, которая была въ концѣ беременности, и ночевать у нихъ. Я согласился. Утромъ я всталъ около 4 часовъ, пошелъ въ графскій домъ и отпустилъ кучера Шембса, стороживша дверь вмѣстѣ съ полицейскими солдатами. Все время до обѣда я оставался потомъ въ передней. Въ слѣдующій день съ г. Меркомъ и золотыхъ дѣлъ мастеромъ Шмидтомъ выбиралъ я изъ углей украшенія Графини. Въ четвергъ было погребеніе, при которомъ я присутствовалъ. 20-го Іюня Графъ пришелъ ко мнѣ въ комнату и подалъ мнѣ пакетъ: въ немъ были золото и камни, которые онъ мнѣ хотѣлъ подарить. Я возразилъ, что я не могу изъ нихъ сдѣлать никакого употребленія; но Графъ отвѣчалъ, что эти вещи завѣщаны другимъ, что я долженъ отдать ихъ отцу, а онъ можетъ продать. При этомъ онъ

Digitized by Google

велѣлъ мнѣ хранить глубокое молчаніе. Осемь дней спустя, узнавши, что вещи у меня въ домѣ, Графъ велѣлъ вынести изъ дому. Я завернулъ ихъ въ бумагу и спряталъ въ кустарникѣ. 7-го Іюля мой отецъ пріѣхалъ въ Дармштадтъ, по моему письму отъ 21-го Іюня, и остановился въ гостинницѣ, гдѣ я нанялъ ему комнату; въ этой комнатѣ было еще четыре постели. Вечеромъ 7-го Іюля отецъ мой приходилъ въ графскій домъ и я далъ ему разное платье для путешествія въ Оденвальдъ. Изъ этой поѣздки я возвратился черезъ два дни. Когда явилась извѣстная статья въ Deutsche Zuschauer, меня осыпали множествомъ вопросовъ; но я старался вездѣ защищать Графа, какъ слѣдуетъ служителю. Въ концѣ Октября сообщилъ мнѣ одинъ знакомый солдатъ, что меня скоро позовутъ къ допросу, что слѣдствіе началось. Я разсказалъ это Графу и онъ отвѣчалъ: да, Надворный судъ производитъ слѣдствіе. Еще прежде, около 12-го или 14-го Октября, любовница моего брата Якоба писала къ нему, что мой отецъ арестованъ въ Касселѣ. Я показалъ это письмо Графу, но онъ отвѣчалъ, чтобъ я былъ спокоенъ. Втораго Ноября до полудня уголовный судья Гофманнъ извѣстилъ, что на слѣдующій день онъ будетъ осматривать домъ. Послѣ полудня полицейскій солдатъ позвалъ меня въ полицію, и оттуда я былъ отправленъ въ тюрьму подъ стражею. На другой день я былъ приведенъ къ слѣдователю г. Гофману и онъ объявилъ мнѣ, что я состою подъ слѣдствіемъ въ покушеніи на отравленіе и въ смерти Графини.»

Касательно покушенія на отравленіе онъ держится прежняго показанія. На вопросъ президента, не знаетъ ли онъ чего еще о смерти Графини, онъ отвѣчалъ: нѣтъ, я оставилъ ее здоровою, а нашелъ мертвою.

Въ утреннемъ засѣданіи 4 го Апрѣля производились очныя ставки обвиняемаго съ нѣкоторыми свидѣтелями. Онъ постоянно держался своихъ показаній. Вдругъ президентъ перервалъ допросъ и сказалъ, что онъ получилъ *спѣшное* письмо съ клеймомъ «*Аугсбургъ, 2-го Апрѣля*», и долженъ прочесть его. Подписи нѣтъ. Сочинитель говоритъ: «Изъ газетъ узналъ я, что въ текущемъ процессѣ

Digitized by Google

есть еще много пробѣловъ. Я видѣлъ Графиню 13-го Іюня около 5½ часовъ вечера. Она запечатывала письмо, и при этомъ случаѣ я получилъ отъ ней подарокъ. Уходя, я оставилъ дверь не запертою. Ни Графъ, ни Штауффъ по моему невиноваты; смерть произошла отъ несчастнаго случая. Графъ узнаетъ мой почеркъ.» Но ни Графъ, ни Штауффъ не узнали ни почерка, ни печати. Допросъ Штауффа продолжался. Но изъ него не открылось ничего новаго.

Въ послѣобѣденномъ засѣданіи начались рѣчи, именно рѣчь обвинителя г. Зиберта.

Литературныя вѣсти изъ Парижа. — Въ Парижѣ, въ слѣдствіе стеченія множества неблагопріятныхъ обстоятельствъ, занятіе науками и литературою весьма ослабѣло. Яснѣе всего обнаружился это въ послѣднее время. Институтъ ежегодно присуждаетъ премію въ 10,000 франковъ за сочиненіе, которое содержало бы въ себѣ лучшія и основательнѣйшія изслѣдованія по части Французской исторіи. Когда Б. Жоберъ учредилъ эту премію, она нашла порицателей, утверждавшихъ, что она подастъ поводъ къ появленію въ свѣтъ многихъ незрѣлыхъ и наскоро написанныхъ сочиненій; это опасеніе было не совсѣмъ неосновательно, хотя при слабыхъ сочиненіяхъ на предложенную тему явилось не мало и дѣльныхъ. Въ послѣдніе же два года почти не было соискателей на премію. Въ нынѣшнемъ году обычный срокъ миновалъ, прошло двѣ недѣли послѣ срока, а въ Институтъ представлено только три сочиненія, изъ коихъ ни одно не написано на предметъ, назначенный для соисканія преміи. Эти три, представленныя на конкурсъ, сочиненія суть: 1) Фрежье (Frégier, Histoire de la police de Paris) Исторія Парижской полиціи. Книга весьма любопытная, но она содержитъ въ себѣ не ученыя историческія розысканія, а административныя свѣдѣнія и анекдоты. 2) Жаль (Jal, Dictionnaire historique des termes de marine) Историческій словарь морскихъ терминовъ, употребляемыхъ у разныхъ народовъ, по части мореплаванія. 3) Третье сочиненіе есть собраніе депешъ Французскихъ

Digitized by Google

пословъ въ Константинополѣ, извлеченное изъ Французскаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и изданное Шарьеромъ. Все это книги важныя и чрезвычайно-дѣльныя, но въ нихъ нѣтъ ученыхъ изслѣдованій объ исторіи Франціи. — Огромное и монументальное сочиненіе Ботта: «Monuments de Ninive» — теперь окончено; оно состоитъ изъ 5 томовъ, въ листъ большаго формата. Первый томъ содержитъ текстъ описанія и нѣсколько изслѣдованій Ботта; два тома — изображенія статуй и другихъ предметовъ, найденныхъ въ развалинахъ Ниневіи; два послѣднихъ снимки съ надписей. Изданіе великолѣпно, что, въ настоящее время, большая рѣдкость во Франціи. Нынѣшнее правительство, ея, дѣйствуя въ духѣ противорѣчія Людовику-Филиппу, употребившему, особенно въ послѣдніе годы своего царствованія, огромныя суммы на литературныя предпріятія, отказываетъ въ средствахъ для исполненія самыхъ полезныхъ начинаній. Министръ Народ. Просвѣщенія предположилъ было заняться распоряженіями о путешествіяхъ, предпринимаемыхъ съ ученою цѣлью, но Народное Собраніе отказало въ деньгахъ для этихъ путешествій. Тѣмъ не менѣе Министръ началъ издавать журналъ подъ заглавіемъ: Archives des missions scientifiques; цѣль его--представить наставленія и свѣдѣнія, могущія содѣйствовать успѣху и пользѣ ученыхъ путешествій, которыя будутъ предприняты при первыхъ средствахъ. Этотъ журналъ будетъ заключать въ себѣ инструкціи прежнимъ путешественникамъ отъ Института, и ихъ донесенія правительству объ успѣхѣ возложенныхъ на нихъ порученій; что такое изданіе будетъ полезно для и образованія путешественниковъ, и для распространенія въ читающемъ мірѣ собранныхъ ими свѣдѣній, — объяснять не нужно. Первая книжка содержитъ: описаніе Аѳинскихъ пропилей, Эмиля Бюрнуфа (не знаменитаго оріенталиста, а его племянника); извѣстіе о бумагахъ Вольтера, находящихся въ Петербургскомъ Эрмитажѣ, Леузонъ Ледюка, и инструкціи, данныя Институтомъ гг. Дарембергу и Ренану, отправленнымъ въ Италію для розысканій въ тамошнихъ библіотекахъ. Этого изданія будетъ выходить въ годъ 12 книжекъ, которыя стоятъ 12 франковъ.

Digitized by Google

Замѣчательнѣйшее и почти единственное извѣстіе по части классической литературы есть слѣдующее: Мюллеръ, библіотекарь Парижской публичной библіотеки, открылъ въ Испаніи доселѣ нигдѣ не напечатанное сочиненіе Оригена противъ гностиковъ, и печатаетъ его теперь въ Лондонѣ. Почему же не въ Парижѣ? — спросите вы; а потому, что при всеобщемъ нерасположеніи къ классической литературѣ, не нашлось здѣсь ни одного книгопродавца, который бы взялъ на себя изданіе этой книги. Не прискорбно ли слышать, что во Франціи занятіе классическими произведеніями разныхъ литературъ ослабѣваетъ день ото дня. — Вы спросите: что за причина всеобщаго упадка во Франціи занятій классическими древностями и вообще упадка умственной дѣятельности? Мы знаемъ три причины: первая и главная — безпрестанныя народныя волненія, заставляющія всякаго мирнаго гражданина заботиться о сохраненіи личной безопасности, о спокойствіи, семейства и цѣлости имущества — и неоставляющія ему свободнаго времени, необходимаго для занятія науками; вторая причина — дурное устройство университетовъ; третья столичная монополизація, отнимающая у таланта всякую возможность развиться въ провинціи и сдѣлаться извѣстнымъ, и тѣмъ осуждающая на бездѣйствіе множество дарованій, не имѣющихъ средствъ дѣйствовать въ столицѣ. Впрочемъ, и эти три причины все-таки еще недостаточно объясняютъ столь прискорбное явленіе охлажденія къ наукѣ и литературѣ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ новаго времени.

НОВѢЙШІЯ ИЗВѢСТІЯ ОВЪ ОБИТАТЕЛЯХЪ И ДРЕВНОСТЯХЪ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ. — Скуейръ (Squier), отправленный правительствомъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ въ центральную Америку съ дипломатическими порученіями, въ письмѣ своемъ оттуда «Американскому Этнологическому Обществу», сообщаетъ слѣдующія занимательныя подробности о жителяхъ и древностяхъ центральной Америки:

«Хотя мои должностныя занятія и оставляли мнѣ мало досуга, я всячески старался посвятить розысканіямъ

Digitized by Google

о древностяхъ страны всѣ свободныя минуты, которыми могъ располагать, какъ во время самаго хода переговоровъ, такъ и по окончаніи ихъ. Мнѣ удалось пріобрѣсти въ высшей степени довѣріе Индійской части туземнаго народонаселенія: я составилъ словари нѣкоторыхъ его нарѣчій, а Индійское народонаселеніе (pueblo) Субтіавы поднесло мнѣ формальный *адресъ* на первоначальномъ языкѣ своего племени, и, по первому моему знаку, готово было взяться за оружіе. Одинъ изъ членовъ депутаціи, представившей мнѣ адресъ, воскликнулъ съ страшной энергіей: «Долго, слишкомъ долго пята гордаго Испанца стояла на «шеѣ бѣднаго Индійца! Сыны Вашингтона! освободите «насъ: вся наша надежда на васъ; мы ненавидимъ Испан«цевъ!» Да не покажется страннымъ, что Индіецъ говоритъ о Вашингтонѣ; имя этого просвѣтителя и освободителя Америки извѣстно на всемъ ея пространствѣ: «*Богъ да помилуетъ сыновъ Вашингтона!*» обыкновенное привѣтствіе Индійца жителю Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Жители Субтіавы вырыли для меня изъ земли значительное число находившихся тамъ идоловъ, и въ настоящее время, отрываютъ ихъ все болѣе и болѣе; но исполняютъ это подъ тѣмъ условіемъ, чтобы я, посѣщая ихъ, не имѣлъ при себѣ ни одного Испанца, и чтобы, по возможности, скрывалъ отъ Испанцевъ тѣ мѣста, гдѣ они зарывали памятники своего прежняго богослуженія. Идолы, найденные въ Субтіавѣ, относительно работы и отдѣлки, очень походятъ на открытые недавно въ Копанѣ, но менѣе тѣхъ величиною; назначеніе же имѣли, по всей вѣроятности, одинаковое съ ними или, по крайней мѣрѣ, подобное. У меня есть теперь осемь идоловъ различной величины, отъ $5\frac{1}{2}$ и до 8 футовъ въ вышину, и отъ $\frac{1}{4}$ до 5 футовъ въ окружности. У всѣхъ почти идоловъ лица изуродованы; въ этомъ явленіи я нахожу одно изъ доказательствъ фанатизма Испанцевъ, которые старались распространить святое ученіе Христа не убѣжденіемъ, а силою: слѣдствіемъ такого образа дѣйствій было то, что Индійцы, сдѣлавшись христіанами по наружности, въ глубинѣ сердца остались вѣрны заблужденіямъ своихъ предковъ. И нынѣ, когда звонъ колоколовъ созываетъ въ храмы христіанъ, не одинъ

Digitized by Google

суевѣрный Индіецъ спѣшитъ помолиться богамъ полей о счастливой жатвѣ, принести имъ въ жертву *тисту* (смѣсь печеной кукурузы, сахарнаго тростника и воды), или, тайкомъ, сжечь немного древесной смолы передъ истуканомъ, сдѣланнымъ изъ глины или обтесаннаго камня, и тщательно скрываемымъ отъ католическаго священника въ самомъ отдаленномъ углу хижины. Индійцы Центральной Америки превосходятъ недовѣрчивостію и скрытностію своихъ сѣверныхъ единоплеменниковъ: причиною тому постоянныя преслѣдованія католическаго духовенства. Нѣкоторые изъ собранныхъ мною идоловъ украшены довольно искусно сдѣланнымъ головнымъ уборомъ, находимымъ и на Копанскихъ; у одного идола на рукѣ щитъ, другой подпоясанъ и на поясѣ виситъ голова; на головѣ третьяго идола—челюсти аллигатора. Вообще всѣ эти идолы весьма древни; преданіе о мѣстахъ, гдѣ они зарыты, переходитъ между Индійцами отъ одного поколѣнія къ другому; въ одномъ урочищѣ, не подалеку отъ Леона, земля покрыта обломками идоловъ; отсюда можно заключить, какъ много было ихъ нѣкогда въ этомъ мѣстѣ. Какъ важные пункты Индійскаго богопочитанія, заслуживаютъ еще особеннаго вниманія острова Ометепе, на озерѣ Никарагуа, и всего, болѣе Момотомбита, на озерѣ Монагуа. Въ началѣ Іюля 1849 года, я отправился на островъ Момотомбиту; когда я приближался къ нему, уже наружный видъ его поразилъ меня: представьте себѣ массу земли, вулканическимъ изверженіемъ выдвинутую изъ-подъ поверхности водъ въ формѣ кегля, или почти правильнаго конуса. Рядомъ съ этимъ островомъ высится исполинскій великанъ Момотомбо; его обнаженная и почернѣвшая почва постоянно курится отъ дѣйствія подземнаго огня. Наружность острова Момотомбиты свидѣтельствуетъ о томъ, что здѣсь нѣкогда было одно изъ главныхъ капищъ мрачнаго, грубаго и кровожаднаго идолослуженія Индійцевъ; и еще нынѣ въ дремучихъ лѣсахъ, покрывающихъ Момотомбиту, находятъ много чудовищныхъ и уродливыхъ кумировъ, совершенно соотвѣтствующихъ суевѣрному характеру ихъ первобытнаго богослуженія. Значительное число идоловъ разбито, и

Digitized by Google

обломки ихъ покрываютъ землю; иные были увезены, но и до нынѣ ихъ осталось еще много. Одинъ изъ нихъ, превосходящій величиною всѣ прочіе, мнѣ удалось сдвинуть съ мѣста, съ неимовѣрными трудами перенести на лодку, и, послѣ весьма опаснаго плаванія въ темную ночь и сильную бурю, переправить черезъ озеро, шириною въ 15 Англ. миль, въ ботѣ, едва бывшемъ въ состояніи вынести такую тяжесть. Двѣнадцать человѣкъ съ большимъ трудомъ сдвинули съ мѣста эту статую, и протащивъ ее чрезъ небольшое пространство, выбились изъ силъ. Индійцы, служившіе мнѣ гребцами, увидя, что я прибылъ къ нимъ съ такимъ грузомъ, пришли въ ужасъ, и то набожно крестились, то громко посылали обѣты всѣмъ духамъ-покровителямъ озера. Благополучно переправивъ мою находку по водѣ, я едва нашелъ повозку довольно крѣпкую, чтобы перевезти ее въ городъ. Нѣсколько повозокъ сломалось прежде. Теперь я предполагаю и этого идола, и еще 10 или 12 другихъ отправить въ Вашингтонъ, черезъ Реалехо и Капъ-Горнъ.

Возвращаюсь къ острову Момотомбитѣ. По моимъ наблюденіямъ я заключаю, что здѣсь, первоначально, было собраніе идоловъ различной величины, числомъ отъ 30 до 40, и что они были поставлены въ видѣ правильнаго четвероугольника и лицами къ серединѣ острова; работа этихъ идоловъ не одинакова: одна искуснѣе, другая грубѣе. Какъ великъ былъ четвероугольникъ, съ достовѣрностью опредѣлить невозможно; но немногочисленныя, еще уцѣлѣвшія на его мѣстѣ статуи и ихъ обломки говорятъ въ пользу нашей главной догадки. Какъ новое свидѣтельство того, что въ Индійскомъ богопочитаніи господствовало вѣрованіе въ два противоположныя начала (активное или дѣятельное и пассивное или страдательное), любопытно то обстоятельство, что изъ находимыхъ здѣсь идоловъ одинъ мужскій, другой, непремѣнно, женскій, потомъ опять мужской, за нимъ женскій и т. д. — Индійцы, живущіе въ Гондурасѣ, пишетъ Геррера, поклоняются двумъ идоламъ, одному мужскому, а другому женскому: перваго они называютъ *великимъ отцомъ*, втораго *великою матерью*. Далѣе тотъ

Digitized by Google

же писатель говоритъ, что Индійцы поклонялись солнцу и лунѣ, какъ представителямъ, первому мужскаго начала, а второму женскаго. Индійцы сообщили мнѣ свѣдѣнія и о другихъ мѣстностяхъ, гдѣ находятся памятники ихъ первобытнаго богопочитанія; предполагаю осмотрѣть ихъ самъ, и не буду покуда сообщать здѣсь слышаннаго мною. Но считаю обязанностью упомянуть, что, въ самое недавнее время, въ области Вера-Пацъ (въ 150 миляхъ на сѣверъ отъ Гватемалы), среди дремучаго лѣса и вдали отъ всякаго жилья, найдены развалины обширнаго города. Если вѣрить очевидцамъ, эти развалины, и величиною, и изяществомъ, далеко превосходятъ древности Копана и Паленке, и до такой степени носятъ на себѣ печать высокаго архитектурнаго достоинства, что оставляютъ за собою все лучшее, что, въ этомъ отношеніи, представляетъ Юкатанъ. Правительство Гватемалы отправило было коммиссію для разсмотрѣнія и описанія этихъ развалинъ; но внутреннія смуты, безпрерывно волнующія эту несчастную страну, прервали занятія коммиссіи въ самомъ ихъ началѣ, и она возвратилась въ Гватемалу съ весьма немногими, далеко несовершенными рисунками и маловажными древностями. Лишь только занятія мои по службѣ дадутъ мнѣ время, я отправлюсь въ Вера-Пацъ, и осмотрю какъ недавно найденныя развалины, такъ и другіе, весьма замѣчательные, памятники древностей, находящіеся по близости отъ Вера-Паца, т. е. въ Гондурасѣ и Сан-Сальвадорѣ, — памятники, доселѣ никѣмъ еще неописанные».

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

САБАНЪ И ДЖИНЪ,

НАРОДНЫЕ ТАТАРСКІЕ ПРАЗДНИКИ.

(Изъ записокъ о Казанской губерніи.)

У Казанскихъ Татаръ всего четыре праздника: Сабанъ, Джиинъ или Зиинъ, Рамадзанъ и Курбанъ. Два первые — гражданскіе или народные; остальные два чисто религіозные, свойственные всѣмъ мусульманамъ. Я хочу разсказать только о двухъ первыхъ, какъ болѣе интересныхъ и принадлежащихъ, кажется, одному здѣшнему краю.

Сабанъ — празднуется предъ наступленіемъ полевыхъ работъ, на что̀ указываетъ нѣкоторымъ образомъ и самое его названіе, потому что слово *Сабанъ* на Татарскомъ языкѣ означаетъ *соху* или *плугъ*. Впрочемъ не вездѣ отправляется онъ въ одно и то же время: въ иномъ мѣстѣ и въ иной годъ раньше, а въ другомъ позже, смотря по благопріятности погоды. Въ деревняхъ празднуется Сабанъ вскорѣ послѣ того, какъ сойдетъ съ полей снѣгъ; въ самой же Казани гораздо позднѣе, между 15 Мая и 15 Іюня, въ особенности потому, что долина, на которой обыкновенно происходятъ игры, только къ этому времени освобождается совершенно отъ разлива весенней Волжской воды.

Когда наступитъ время совершенія Сабана, по улицамъ Казани, особенно тѣмъ, которыя прилегаютъ къ Татарскимъ слободамъ, появляются глашатые. Они бѣгаютъ, махая платками (большею частію красными), привязанными къ палкѣ, и кричатъ: «Сабанъ! Сабанъ!» Такимъ образомъ приглашаются на праздникъ правовѣрные и самые Русскіе.

Digitized by Google

Мѣсто, гдѣ обыкновено происходитъ торжество Казанскихъ Татаръ, лежитъ верстахъ въ четырехъ отъ города, за Ново-татарскою слободою, въ довольно красивой равнинѣ, окаймленной холмами, кустарниками и небольшими деревьями. Сюда ежедневно въ продолженіе Сабана, (а надобно замѣтить, Сабанъ продолжается цѣлую недѣлю, отъ пятницы и до пятницы) съ полудня или часовъ съ двухъ съѣзжаются и сходятся Татары; иные пріѣзжаютъ изъ окрестныхъ селеній, хотя и тамъ также, какъ сказалъ я, отправляется этотъ праздникъ. Увеселенія преимущественно состоятъ въ борьбѣ и скачкѣ на лошадяхъ. Для ратоборства борцовъ устраивается арена, обозначаемая веревкою, укрѣпленною на кольяхъ; для наблюденія за порядкомъ избираются особыя лица, которыхъ называютъ— увы! перековерканнымъ Нѣмецкимъ словомъ — «бурмистрами;» они же разбираютъ недоумѣнія или споры, возникшіе между борцами или скакунами.

Борьба происходитъ такимъ образомъ: двое борцовъ, легко одѣтые и всегда подпоясанные кушаками, выходятъ на арену, берутъ другъ друга за кушаки, изгибаются и употребляютъ всѣ усилія и все искусство повалить одинъ другаго. Кружокъ любопытныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ нелицепріятныхъ судей, обступаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ и поощряетъ восклицаніями. Громкій смѣхъ многочисленной толпы зрителей приводитъ въ стыдъ побѣжденнаго; денежная награда или кусокъ китайки, платокъ — достаются побѣдителю. Эти призы собираются заранѣе и бываютъ иногда довольно значительны.

Скачка обыкновенно служитъ заключительнымъ увеселеніемъ: нѣсколько молодыхъ Татаръ, иногда даже мальчиковъ, готовыхъ вступить въ состязаніе, выстраиваются въ ряды, потомъ отъѣзжаютъ отъ мѣста игръ версты на двѣ или болѣе, между тѣмъ какъ въ это время къ длинному шесту привязываютъ призовыя вещи: бѣлую миткалевую рубашку, кусокъ китайки, платокъ и т. под. Вещи эти, какъ увѣряютъ, собираются съ тѣхъ, кто вступилъ въ настоящемъ году въ супружество.—Съ гиканьемъ обратно пускаются отъѣхавшіе всадники; удары нагаекъ сыплются на маленькихъ и невидныхъ лошадей, а крики пред-

Digitized by Google

стоящихъ еще болѣе побуждаютъ этихъ животныхъ скакать во всю мочь. И вотъ, опередившій всѣхъ приближается уже къ мѣтѣ, — быстро и ловко сдерживаетъ онъ разъярившагося коня, — и, самодовольный, поджидаетъ отставшихъ товарищей. Ему достается богатѣйшій призъ — рубашка, второму — кусокъ китайки, и т. д.

Интересна игра слѣдующая: человѣкъ двадцать, или болѣе, или менѣе, смотря по числу охотниковъ и ловкихъ въ этой игрѣ, — потому что она вся основана на ловкости и проворствѣ играющихъ, — садятся по-Турецки въ кружокъ, на разстояніи другъ отъ друга аршина на два или на сажень. Одинъ изъ играющихъ, по жребію или по собственному вызову, выходитъ изъ круга и становится шагахъ въ трехъ отъ сидящихъ. Между тѣмъ сидящіе дѣлаютъ круглый и туго связанный узелъ изъ снятыхъ верхнихъ одеждъ и начинаютъ перебрасывать его изъ рукъ въ руки. Вышедшій изъ круга обязанъ поймать этотъ узелъ и непремѣнно въ то время, когда играющій не успѣлъ еще выбросить его изъ рукъ; подхватывать на лету не позволяется. Сидящіе обязаны бросать узелъ не иначе, какъ по порядку; но позволяется давать ему и обратное движеніе. У кого узелъ будетъ пойманъ, тотъ выходитъ изъ круга, а ловившій садится на его мѣсто. — Условія игры нарушаются, если ловящій хвастается своею ловкостію: тогда всѣ сидящіе привстаютъ на колѣна, и узелъ летитъ уже не по порядку, а черезъ человѣка, черезъ двухъ, даже чрезъ весь кругъ, на противную сторону, то вправо, то влѣво: измученный ловецъ мечется во всѣ стороны, хохотъ и остроты оглушаютъ его.... ему даютъ вздохнуть, роняютъ узелъ.... въ это время онъ долженъ снова отойти отъ круга на три шага, и едва отошелъ, какъ узелъ снова начинаетъ быстро летать отъ одного къ другому....

Не смотря на всю шумность подобныхъ увеселеній, случаевъ неблагопріятныхъ не бываетъ: ссоры и драки не происходитъ, хотя нынѣ послѣдователи Алкорана и частенько преступаютъ заповѣдь своего пророка. Женщины хотя и присутствуютъ на Сабанѣ, но не принимаютъ общаго участія въ этихъ веселостяхъ, а помѣщаются вдали отъ всѣхъ играющихъ и боязливо посматриваютъ изъ ки-

Digitized by Google

битокъ или палатокъ, раскинутыхъ подъ кустами, гдѣ не рѣдко увидишь курящійся самоваръ, необходимую утварь почти каждаго Татарскаго дома.

Кромѣ описанныхъ забавъ въ прежніе годы на Сабанѣ происходила еще слѣдующая игра, нынѣ почти совсѣмъ оставленная. Четверо или пятеро Татаръ ложатся на землю ницъ лицомъ, плотно прижимаясь другъ къ другу. Ихъ накрываютъ кожею. Одинъ изъ Татаръ, начальникъ въ этой игрѣ, долженъ бываетъ защищать лежащихъ отъ нападеній другой партіи, которая наступаетъ со всѣхъ сторонъ и бьетъ лежащихъ жгутами, свитыми изъ кушаковъ. Начальникъ, съ своей стороны, всячески изъискиваетъ случай ударить котораго-нибудь изъ аттакующихъ ногою. Съ большимъ трудомъ удается ему сдѣлать это, потому что, будучи привязанъ за руку веревкою, которую держатъ лежащіе Татары, онъ не можетъ далеко преслѣдовать нападающихъ. Послѣ удачнаго удара партія смѣняется и лежавшіе заступаютъ мѣсто нападавшихъ, а тѣ ложатся.—Нынѣ, какъ я сказалъ, игра эта рѣдко повторяется, и вообще Сабанъ уже много потерялъ своей пышности и великолѣпія, какими отличался въ былые годы. Тогда для празднованія Сабана Татары собирались на историческое Арское поле (теперь почти совсѣмъ застроенное), и нерѣдко богатый купецъ угощалъ своихъ единовѣрцевъ роскошною (въ восточномъ вкусѣ) трапезою.... Это называлось *Туй**. Теперь этого не встрѣтишь.

Оставляя нынѣшній Сабанъ, перенесемся въ прошедшее и поищемъ тамъ происхожденія этого праздника, попытаемся открыть, откуда взялись эти скачки, этотъ обычай бороться, не слишкомъ согласные съ лѣнивыми нравами жителей восточныхъ городовъ. Вспомните только нѣсколько фактовъ изъ первыхъ временъ Казанскаго цар-

---

* *Туй* — собственно угощеніе, пиръ, — нынѣ соблюдается только у кочевыхъ Киргизовъ и Башкировъ. Невѣроятныя количества мяса всѣхъ сортовъ, кумыса и Азіатскихъ сластей истребляются на этихъ Туяхъ. Но вѣкъ XIX распространилъ экономію повсюду, и нынѣ Туй даже у Киргизовъ становится анахронизмомъ, непозволительною роскошью. — См. «*Киргизскій Туй*» въ Журналѣ Мин. Вн. Дѣлъ 1849 г.

Digitized by Google

ства: вспомните, какъ Батыевы Монголы разорили Болгаръ и раскинули свои шатры вокругъ ихъ развалинъ, а побѣжденные стали передавать свои обычаи побѣдителямъ, и наоборотъ. Здѣсь-то надобно искать начала воинственныхъ привычекъ, которыхъ слѣды мы видимъ на Сабанѣ; скачка—слѣдствіе обычая щеголять и хвастать лошадьми, борьба — признакъ уваженія къ тѣлесной силѣ, напоминаютъ обычаи Монголовъ древнихъ и нынѣшнихъ. И такъ начало Сабана, по всей вѣроятности, надобно отнести къ эпохѣ соединенія Болгаръ съ Монголами, къ соединенію мирныхъ обычаевъ побѣжденныхъ съ воинственными цотѣхами побѣдителей. Конечно, этому, повидимому, противорѣчитъ названіе самаго праздника — *Сабанъ*, которое, по значенію своему, какъ мы знаемъ, указываетъ на принадлежность его народу земледѣльческому. Но какъ бы то ни было, у Монголовъ существовалъ издревле и существуетъ нынѣ праздникъ, почти совершенно сходный съ Сабаномъ.

Живое, радостное чувство, производимое обновленіемъ природы, при наступленіи весны, доступно всѣмъ народамъ, не исключая дикихъ и кочевыхъ. Народы въ различныхъ странахъ различно выражали это чувство, которое Калмыки и Татары-язычники изливаютъ и нынѣ на праздникѣ *Уруоъ—сара* = мѣсяцъ Урусъ = мѣсяцъ перваго молока. Время, въ которое онъ происходилъ и происходитъ, такъ близко совпадающее съ временемъ *Сабана*, и самое сходство обрядовъ, указываютъ на одинаковость значенія обоихъ праздниковъ. Это тотъ самый праздникъ, о которомъ упоминаетъ въ своемъ путешествіи Рубруквисъ*.

Вотъ краткій очеркъ того, какъ Монголы празднуютъ этотъ полевой праздникъ. Кочевые народы не имѣютъ нашихъ великолѣпныхъ храмовъ; сбираются они для богослуженія при олтаряхъ, приготовленныхъ самою при-

* См. Voyages et observations..., par *Bergeroi*, Ch. XL. 11. — См. также *Дордж-Банзарова*, Черная Вѣра или шаманство у Монголовъ. Казань 1846 г., стр. 57-я. Вообще свѣдѣніями объ этомъ праздникѣ, какъ онъ совершался въ древности и какъ совершается у Монголовъ нынѣ, я обязанъ тому же ученѣйшему Монголу Дордже-Банзарову, Кандидату Казанскаго Университета, нынѣ чиновнику особыхъ порученій при Г. Генералъ-Губернаторѣ Восточной Сибири.

Digitized by Google

родою: около холмовъ и горъ, на которыхъ дѣлали (и нынѣ дѣлаютъ) небольшія насыпи, — это *Обоны*, посвященныя божествамъ мѣста. Въ древности народъ собирался туда, предводимый шаманами. Приносили съ собою вина, мяса, кумыса и прочаго. Малая часть этихъ припасовъ употреблялась на жертву богамъ, которыхъ шаманъ призывалъ въ особыхъ гимнахъ: онъ молилъ ихъ даровать народу здравіе, плодородное лѣто, обиліе травъ и умноженіе стадъ. Въ заключеніе происходили игры, о которыхъ скажемъ ниже. Такъ было въ Монголіи до внесенія въ нее Буддизма.

Но Обоны пережили самую вѣру шамановъ и сохранились до нынѣ, перемѣнивъ лишь нѣсколько свое старинное назначеніе, потому что новая вѣра требовала того. Наружный видъ нынѣшнихъ Обоновъ не многимъ отличается отъ древнихъ; за то обряды перемѣнились: вмѣсто шамановъ и ихъ кровавыхъ жертвъ, являются ламы съ приношеніемъ земныхъ плодовъ и произведеній скотоводства. Народъ собирается къ Обонамъ также охотно, какъ и въ старину, одѣтый по праздничному и красуясь на лучшихъ коняхъ, и никто изъ среды его не почтетъ тягостью пожертвовать для общественнаго угощенія извѣстнымъ количествомъ вина и съѣстныхъ припасовъ.

Но дѣло здѣсь не кончается однимъ только пированіемъ: ему предшествуютъ борьба и скачка. Хозяева задолго до назначеннаго дня приготовляютъ своихъ лошадей къ бѣгу, кормятъ ихъ легкимъ кормомъ, дѣлаютъ имъ репетиціи и проч.; однимъ словомъ, на это, т. е. на успѣхъ своихъ лошадей, смотрятъ, какъ на весьма важное дѣло. Въ то время, какъ народъ собирается около Обона для совершенія обрядовъ, бѣгуны являются туда же, вычищенные и убранные, т. е. хохлы и хвосты ихъ перевязаны тоненькими ремешками, и при нихъ уже мальчики, которые будутъ управлять ими. Они не одѣваются ни во что, кромѣ рубашекъ и другихъ необходимыхъ нарядовъ, и садятся на лошадей безъ сѣделъ. Когда соберутся всѣ бѣгуны (иногда бываетъ болѣе сотни, а иногда и двѣ), то опредѣляется, сколько лошадей, разумѣется начиная съ первой, обогнавшей всѣхъ прочихъ, должны получить награды и быть вос-

Digitized by Google

пѣты предъ народомъ. Послѣ того бѣгуновъ отводятъ отъ Обона верстъ на десять или больше и пускаютъ по командѣ. Между тѣмъ моленіе кончилось, народъ идетъ къ мѣсту, гдѣ находится мѣта для бѣгуновъ, всѣ глаза устремлены въ ту сторону, откуда должны примчаться они. Наконецъ, къ удовольствію народа, поднимается пыль и слышны голоса.... и вотъ прибѣгаетъ счастливый побѣдитель; громогласныя восклицанія привѣтствуютъ его. — Пестрая масса народа волнуется и подвигается къ верховымъ лошадямъ своимъ, всѣ садятся на коней и отправляются куда-нибудь къ юртѣ. Здѣсь всѣ садятся на войлокахъ, подъ открытымъ небомъ, образуя два параллельные полукруга; въ срединѣ сидятъ почетнѣйшія лица, на одномъ концѣ женщины, на другомъ всѣ прочіе. Вдругъ голоса умолкаютъ, и къ центру полукруга подъѣзжаетъ верхомъ молодой человѣкъ, хорошо одѣтый, ведя за собой перваго бѣгуна, обращается къ первенствующему лицу собранія, произнося всѣ его титулы, и стихами (готовыми или импровизированными) начинаетъ выхвалять достоинства коня, не забывая и счастливаго хозяина. Эта сцена повторяется столько разъ, сколькимъ лошадямъ назначены награды. Впрочемъ, къ чести степныхъ поэтовъ, надобно сказать, что стихи, произносимые ими въ честь коней, не однообразны и не лишены поэтическихъ красотъ.

За тѣмъ начинается борьба. Борцевъ покрываютъ халатами, подводятъ каждаго изъ нихъ къ почетному лицу, которое считается его покровителемъ. Послѣ поклона предъ нимъ, атлетъ получаетъ отъ него родъ благословенія, и его ведутъ на арену, т. е. въ средину полукруга. Здѣсь водятъ соперниковъ кругомъ, все еще покрытыхъ: вдругъ отнимаютъ покрывало; борцы являются нагіе, прикрытые самымъ необходимымъ только платьемъ, и грозно ходятъ другъ за другомъ, стараясь уловить соперника. Наконецъ одинъ пользуется счастливою минутою, хватаетъ соперника, и ловкимъ ударомъ въ ногу, или гибкимъ изворотомъ тѣла, валитъ его на землю. Его въ мигъ накрываютъ халатомъ, при крикахъ торжествующей стороны, потому что для большаго интереса, при борьбѣ, зрители дѣлятся

Digitized by Google

на двѣ партіи и каждая партія беретъ исключительное участіе въ одномъ только борцѣ.

Изъ этого разительнаго сходства между Обонюмъ и Сабаномъ можно заключить и объ ихъ первоначальномъ родствѣ. Дѣло въ томъ, что Булгары, какъ народъ промышленный и земледѣльческій, праздновали ежегодно начало земледѣлія подъ именемъ Сабана (плугъ), и Монголы, покоривъ Булгаръ, прибавили къ Сабану скачку и борьбу и тѣшились на Сабанѣ, какъ на родинѣ своей, Монголіи, при Обонахъ.

Теперь перейдемъ къ Джіину.

Вскорѣ послѣ Сабана слѣдуетъ другой Татарскій праздникъ *Джіинъ*, или *Зіинъ*, носящій два эти названія по свойству Татарскаго языка измѣнять звуки *дж* въ *з*, или простое *і* въ *джи**. Слово Джіинъ или Зіинъ значитъ по-Русски *собраніе*, *сборище*, или, по объясненію одного мнѣ знакомаго халатника-Татарина: *балъ*, *клубъ!!!*

Праздникъ этотъ принадлежитъ собственно жителямъ деревень, а въ городахъ не отправляется. Онъ продолжается въ теченіе семи недѣль каждую пятницу (*джума*), которая, какъ извѣстно, считается у мусульманъ начальнымъ днемъ недѣли, какъ у насъ воскресенье. При томъ должно замѣтить, что Зіинъ не празднуется въ одной и той же деревнѣ во всѣ семь пятницъ, но переносится изъ одного мѣста въ другое, и даже въ этихъ случаяхъ получаетъ новыя названія, чаще по имени деревень, въ которыхъ совершается. Праздникъ этотъ сдѣлался народнымъ или общественнымъ изъ семейнаго, какъ объясняютъ сами Татары, потому, что каждый семьянинъ, особенно зажиточный, желаетъ отправить его для своихъ знакомыхъ и даже считаетъ это обязанностію; но какъ для всѣхъ въ такомъ случаѣ не могло бы достать времени, то жители

---

* На примѣръ: *ишмуртко — джимуртко* — яйцо, *іокъ — джокъ*—нѣтъ, и т. п. — Такая разница въ произношеніи многихъ словъ слышится въ разныхъ мѣстахъ Казанской губерніи, но опредѣлить, гдѣ оканчивается одно произношеніе, и гдѣ начинается другое, съ точностью невозможно.

Digitized by Google

нѣсколькихъ деревень съѣзжаются съ своими семействами въ одно какое-нибудь мѣсто, гдѣ на ту пору открывается настоящая ярмарка, отпразднуютъ день и потомъ къ слѣдующей пятницѣ переѣзжаютъ въ другую деревню, въ которой назначено быть Зіину.

Происхожденіе этого праздника объясняетъ одна Татарская легенда слѣдующимъ образомъ. Въ старину, такую, которой не запомнитъ ни одинъ старикъ, жилъ-былъ одинъ богатый Татаринъ. У него было семь дочерей, и красивы были онѣ, какъ тихія звѣзды вечернія, и привлекательны, какъ лоснитый соболь или остистый бобръ, и богатое приданое назначилъ за ними отецъ, да все какъ-то не сходили онѣ съ рукъ, все оставались на отцовскомъ хлѣбѣ. Боялись ли женихи, что отецъ потребуетъ съ нихъ за дочерей чрезмѣрный калымъ, или боялись, что вмѣсто ожидаемыхъ красавицъ получатъ себѣ въ жены уродовъ, — неизвѣстно, только ни одинъ не осмѣливался или не хотѣлъ присвататься. Горевалъ богатый отецъ, скучали его красавицы-дочки, а женихи все не являлись. Вотъ наконецъ, послѣ разныхъ уловокъ, какъ бы сбыть товаръ, который, пожалуй, залежится да и совсѣмъ не пойдетъ съ рукъ, отецъ придумалъ новое средство. Была чжума (пятница): старикъ сходилъ въ мечеть, помолился и пригласилъ къ себѣ всѣхъ почетнѣйшихъ жителей деревни. Отъ угощенья, извѣстное дѣло, отказываться не любятъ, и потому къ радушному хозяину собрались гости, и ихъ такъ было много, что пиръ данъ былъ въ полѣ. Законъ мусульманскій не позволяетъ женщинамъ показывать лицо свое предъ незнакомыми мужчинами; но на этотъ разъ хозяинъ позволилъ себѣ отступить отъ правила и велѣлъ своимъ дочерямъ съ открытыми лицами угощать посѣтителей. Тутъ-то всѣ увидали, какъ хороши онѣ, и узнали, что отецъ не прочь отъ жениховъ, лишь бы они выискались. За этимъ дѣло не стало, и въ то же время отецъ просваталъ дочерей и потомъ праздновалъ ихъ свадьбы въ теченіе семи недѣль. Съ тѣхъ поръ и другіе отцы, у которыхъ также засиживались дочки, начали прибѣгать къ подобному средству, и мало по малу это обыкновеніе обратилось въ народный праздникъ.

Digitized by Google

Не будемъ доказывать справедливость этого преданія, не будемъ и сомнѣваться въ немъ; но нельзя не замѣтить, что Зіинъ отличается отъ прочихъ Татарскихъ праздниковъ именно тѣмъ, что онъ преимущественно принадлежитъ женщинамъ. Кажется, онъ имѣетъ цѣлію, хоть на короткое время, дать возможность сблизиться и ознакомиться женщинамъ съ мужчинами, потому что онѣ, кромѣ этого случая, постоянно живутъ затворницами и если бываютъ на Сабанѣ, то въ удаленіи отъ мужчинъ, боязливыми, закутанными съ головы до ногъ. Здѣсь же, напротивъ, онѣ принимаютъ участіе въ играхъ, не дичятся мужчинъ и вступаютъ съ ними въ разговоры.

Зіинъ празднуется такимъ образомъ. Въ назначенную для отправленія празднества деревню съѣзжаются въ кибиткахъ Татары; за ними слѣдуютъ и торгаши съ пряниками орѣхами и тому подобными лакомствами. Утромъ въ пятницу, ходятъ всѣ въ баню, и притомъ мужчины прежде женщинъ. Въ полдень начинается моленіе, и всѣ мужчины отправляются въ мечеть (женщины ходить въ мечеть не имѣютъ права). По окончаніи службы обѣдаютъ. Въ обѣдѣ главную роль играютъ пельмени, называемые по-Татарски *казанъ-бюкмязи**, похлебка изъ вареныхъ въ молокѣ грибовъ съ лукомъ (*гумбаша*), маленькіе печеные пирожки (*кимакъ*), сливки съ каймакомъ и яичница. Часа въ четыре по полудни всѣ сбираются на поле, и тутъ начинается игрище. Музыканты-самоучки (*курайчи*) играютъ въ разныхъ мѣстахъ на самодѣльныхъ скрипкахъ различныя плясовыя Русскія пѣсни, а часто и бальныя пьэсы—Французскія кадрили, мазурки, вальсы, а нынѣ даже и польку: надобно замѣтить, Татары вообще одарены музыкальнымъ слухомъ. Вокругъ музыкантовъ собираются плясуны и отхватываютъ козачка. Женщины впрочемъ не участвуютъ въ пляскѣ. Одѣтыя въ лучшія свои платья, густо набѣленныя и нарумяненыя, съ мушками, съ насурменными бровями, рѣсницами и зубами, съ выкрашенными шафраномъ ног-

* *Пельмени* или правильнѣе *пальмени* (по-Пермяксии—медвѣжье ушко)—маленькіе пирожки съ мясомъ, вареные въ водѣ. Блюдо это самое любимое въ Перми; оттуда распространилось оно и въ окрестныя губерніи, и съ достоинствомъ поддерживаетъ вездѣ свою заслуженную извѣстность.

Digitized by Google

тями, — однимъ словомъ, во всемъ блескѣ роскоши по Татарскому вкусу, молодыя Татарки сидятъ въ кибиткахъ, смотрятъ на пляски, слушаютъ музыку и пѣсни, затягиваютъ сами жалобно-гнусливыми голосами какую-нибудь пѣсню, грызутъ орѣхи, жуютъ пряники. Молодежь увивается около кибитокъ; чтобы заинтересовать зрительницъ, стрѣляютъ изъ ружей и пистолетовъ, выдѣлываютъ какія-нибудь премудреныя колѣна въ пляскѣ, импровизируютъ мадригалы, въ которыхъ сравниваютъ дѣвицъ и съ звѣздами, и съ солнцемъ и луною, волосы ихъ уподобляютъ волнистому ковылю, рѣчи пѣсни соловья и проч.* Между тѣмъ пожилые и старики сидятъ за самоварами и любуются на молодежь.

Картина такого празднества — оригинальна, и впечатлѣнія, производимыя ею на зрителя-Европейца, странны: шумъ, гамъ, пѣсни, музыка, выстрѣлы, ржаніе лошадей — все сливается въ какой-то гулъ.... Пиръ продолжается иногда далеко ночью.

На слѣдующій день гости длинными обозами разъѣзжаются во всѣ стороны, и далеко слышится по дорогѣ звонъ бубенчиковъ, которыми увѣшаны Татарскіе хомуты....

Ал. Артемьевъ.

Казань.

ДВѢ НОВЫЯ ЗАДАЧИ ОТЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА. — Для соисканія премія, назначенной И. Т. Яковлевымъ, Общество предлагаетъ задачу: *Описаніе Русскихъ народныхъ одеждъ до конца XVII вѣка.* Отъ сочинителя требуется: 1) Критическое обозрѣніе Русскихъ и иностран-

---

* Приведу для примѣра одну изъ такихъ пѣсенъ, слышанную мною, въ 1846 году, въ одной изъ деревень Лаишевскаго уѣзда. По-Татарски она начинается такъ: *Сүйюбѣ, сүйюбъ каллысъ....* и проч. Въ переводѣ будетъ слѣдующее: «Любилъ, любилъ, да покинулъ и уѣхалъ въ далекій «край: много здѣсь золота, да что! родное серебро лучше его; много «здѣсь вина, да что! родной медъ слаще его; много здѣсь дѣвушекъ, да «что! тамъ моя миленькая лучше ихъ.» Не правда ли, что эта пѣсня очень граціозна и дѣлаетъ честь поэтическому чувству нынѣшнихъ Татаръ. Можно еще видѣть подобныя же пѣсни въ сочиненіи *К. Ѳ. Кузьмина*: «Казанскіе Татары въ статистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ.» Казань. 1844. in 8-o. стр. 111 и 112.

Digitized by Google

ныхъ источниковъ о Русскихъ народныхъ одеждахъ, съ опредѣленіемъ ихъ исторической достовѣрности; 2) историческое изслѣдованіе о существовавшихъ одеждахъ съ X вѣка и о введеніи въ послѣднихъ столѣтіяхъ чужеземныхъ одеждъ: Греческой, Татарской, Нѣмецкой и Польской; 3) описаніе мужскихъ и женскихъ одеждъ, уборовъ и нарядовъ царскихъ, боярскихъ, посадскихъ и деревенскихъ, съ указаніемъ, какія изъ нихъ нынѣ уже не существуютъ и какія сохранились, или въ своемъ первобытномъ видѣ, или съ измѣненіями; 4) обозрѣніе матерій, изъ которыхъ шились Русскія народныя одежды, съ объясненіемъ ихъ *названій, узоровъ* и *цвѣтовъ*, съ указаніемъ, какія изъ нихъ были въ употребленіи Русскаго народа въ разныя времена. Изъ Русскихъ народныхъ одеждъ Общество предлагаетъ описать: а) *мужскіе* и *женскіе головные уборы*: ватола, каптуръ, кика, клобукъ, кокошникъ, колпакъ, кораблик, кучма, налобникъ, наурузы, перепелъ кичный, повязка, подзатыленъ, подкапокъ, полочка, сборникъ, сорока, тафья, треухъ, убрусъ, фата, чело, шапка, шляпа; б) *мужскія* и *женскія одежды*: азамъ, армякъ, бугай, варьги, голицы, душегрѣйка, епанча, епанечка, зипунъ, исподница, кабатъ, кафтанъ, кебенякъ, кожухъ, корзно, кофта, коцъ, лѣтникъ, ментель, однорядка, опашень, окабень, платно, понева, поддѣвка, порты, полукафтанье, приволока, распашница, растегай, рубашка, рукавицы, ряса, сарафанъ, тегиляй, терликъ, тѣлогрѣя, тулупъ, ферязь, фуфайка, холодникъ, чюга, шуба, шубейка, шушунъ, юбка; в) *мужскую* и *женскую обувь*: башмаки, босовики, валенки, ичетыги, коты, лапти, онучи, подвязки, сапоги, чеботы, черевики, чулки; г) *мужскіе* и *женскіе наряды*: агамъ, бахрама, ворборка, запястье, завѣска, зарукавье, косоплетина, кушакъ, муфта, нагрудникъ, наручки, нашивка, ожерелье, платокъ, подпояска, поясъ, пронизь, пузыри, тесма, фартукъ, ширинка; д) *убранства палатное и комнатное*: взголовье, грива, завѣсъ, занавѣска, коверъ, лентій, наволока, настольникъ, небо, одѣяло, пелена, перина, подзоръ, подпростынникъ, подушка, подножіе, покрывало, полавочникъ, пологъ, полотенце, постеля, простыня, скатерть, стольникъ, утиральникъ.

Digitized by Google

Вторая задача: *Написать исторію Русскихъ школъ иконописанія до конца XVII вѣка.* Здѣсь предлагается описать школы: Кіевскую, Новогородскую, Московскую, Устюжскую, Строгановскую и Фряжскую. Отъ сочиненія требуется: 1) Критическое изслѣдованіе происхожденія и развитія каждой Русской школы, съ объясненіемъ ихъ пошибовъ (стиля) и различій между собою по кореннымъ признакамъ; 2) описаніе сохранившихся произведеній Русскихъ иконописцевъ, съ указаніемъ, въ какихъ мѣстахъ Россіи находятся они нынѣ, съ объясненіемъ: въ своемъ ли первобытномъ видѣ сохранились эти памятники иконописнаго художества, или возобновлены; 3) исчисленіе Русскихъ иконописцевъ каждой школы, съ краткими извѣстіями о нихъ, заимствованными изъ лѣтописей, актовъ, житій Русскихъ святыхъ, надписей и старыхъ описей церковныхъ имуществъ; 4) объясненіе техническаго производства, существовавшаго въ старинныхъ Русскихъ школахъ иконописанія.

Сочиненія должны быть написаны на Русскомъ языкѣ. Общество желаетъ, чтобы они были снабжены рисунками, но не поставляетъ этого требованія въ непремѣнную обязанность. За лучшее сочиненіе по предмету каждой задачи выдается премія въ *четыреста руб. сереб.* Срокъ для представленія сочиненій назначается двухъ-годовой: съ 1 Мая 1850 г. по 1 Мая 1852. Увѣнчанное сочиненіе печатается въ Запискахъ Общества, но авторъ имѣетъ право печатать его и другими изданіями.

НАГРАДА Ѳ. А. СЕМЕНОВУ. — Съ чувствомъ живѣйшей радости вносимъ въ нашу лѣтопись слѣдующія строки: «Высочайшимъ Указомъ, за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, даннымъ Правительствующему Сенату, во вниманіе къ особымъ ученымъ трудамъ Курскаго мѣщанина Ѳедора Семенова и обширнымъ познаніямъ его по части Астрономіи, Всемилостивѣйше пожалованъ онъ, съ семействомъ, въ званіе потомственнаго почетнаго гражданства.»

Digitized by Google

МОСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

БОЛЬНИЦА ДЛЯ ПРИХОДЯЩИХЪ ВЪ МОСКВѢ.

Объявленіе объ открытіи, цѣли и средствахъ Лечебницы, основанной Высочайше утвержденнымъ Обществомъ посѣщенія бѣдныхъ, въ Петербургѣ, напечатанное въ 74 N Сѣверной Пчелы, навело меня на мысль сказать нѣсколько словъ о подобномъ же учрежденіи въ Москвѣ, учрежденіи, кажется, мало-извѣстномъ читающей публикѣ, но за то очень знакомомъ большей части нечитающаго, простаго, бѣднаго класса Московскаго народонаселенія.

Лѣтомъ, въ прошломъ году, раннимъ утромъ какъ-то пробираясь тихонько на ванькѣ въ Кадетскій корпусъ мимо дома, бывшаго Графа Разумовскаго, случайно увидѣлъ я на воротахъ надпись: «здѣсь подается помощь больнымъ безъ платы», надпись по содержанію, какъ видите, не новая; встрѣчалъ я подобныя на входахъ у нѣкоторыхъ врачей филантроповъ, да не встрѣчалъ того, что здѣсь увидѣлъ: человѣкъ шестьдесятъ, если не больше, разнаго пола, разслабленныхъ, блѣдныхъ, ходило, сидѣло на дворѣ, около крыльца: «А что, братъ, какъ тебя зовутъ, обратился я къ моему возницѣ, больница это, что ли? — Больница, батюшка, больница! — И народу много пришло.—Да какъ же, батюшка, народу-то не ходить, коли боленъ кто, тута вѣдь всякому скорую помощь даютъ. Вотъ объ веснѣ, кормилецъ, напала на меня немочь, отъ простуды что ли, я сюда,— что же? — въ двѣ недѣли, батюшка баринъ, какъ рукой сняли. Дай Богъ имъ здоровья! Я пустился распрашивать извощика, что, какъ, кто въ этой больницѣ, но онъ мнѣ ничего не могъ сказать толкомъ, только и твердилъ одно

Digitized by Google

«жизнь, батюшка, просто тебѣ жизнь даютъ кормильцы.» Такой отзывъ простолюдина возбудилъ во мнѣ непреодолимое желаніе ознакомиться съ этой больницей покороче. На другой день, былъ какой-то праздникъ, отправился я часовъ въ восемь на предположенную рекогносцировку. На дворѣ больницы нашелъ я также, какъ и наканунѣ, много болящаго народу; распросивъ, гдѣ войти, пробрался чрезъ длинную переднюю въ самую больницу. Въ первой пріемной комнатѣ народу было столько же, сколько и на дворѣ, всѣхъ, я думаю, далеко за сто. Два молодыхъ парня, въ форменныхъ сюртукахъ, подзывали по очереди больныхъ и записывали имена, прозвища и лѣта паціентовъ. Я усѣлся на лавочкѣ въ надеждѣ распросить обо-всемъ одного изъ этихъ молодыхъ людей по окончаніи записыванья именъ, и пока отъ нечего дѣлать сталъ разсматривать лица окружавшихъ меня больныхъ: много скорби на иномъ, много горя безвыходнаго, холоднаго на другомъ увидѣлъ я, и грусть тяжелымъ камнемъ навалилась мнѣ на сердце. Ровно въ девять часовъ пріѣхалъ докторъ, потомъ явился другой и дѣло закипѣло. Человѣкъ по двадцати въ порядкѣ именъ составленнаго списка переходило изъ пріемной комнаты дальше; я пошелъ за ними: въ слѣдующей комнатѣ аптека, — аптекарь старикъ и человѣкъ двѣнадцать учениковъ въ форменныхъ сюртукахъ хлопотали около банокъ, вѣсовъ, пузырьковъ, составляя разныя снадобья по рецептамъ, подаваемымъ больными, выходившими изъ третьей комнаты. Я пустился туда за вызванными изъ первой комнаты больными. Тутъ производился осмотръ паціентовъ и паціентокъ докторомъ, смотря по роду болѣзни, при всѣхъ, или за ширмами; по осмотрѣ докторъ въ именной книгѣ, составленной, какъ я сказалъ, до его пріѣзда, прописывалъ рецептъ, а одинъ изъ учениковъ записывалъ его, со словъ врача, на приготовленныхъ лоскуткахъ бумаги, и отдавая рецептъ прямо больному, говорилъ: «въ аптеку.» Долго стоялъ я, любуясь заведеннымъ порядкомъ, и наконецъ, улучивъ минуту, когда докторъ, уставшій отъ непрерывнаго занятія своего, сталъ къ окну, гдѣ по его приказанію пускали какой-то женщинѣ изъ руки кровь, я поспѣшно отправился къ нему. Извинясь какъ могъ, въ

Digitized by Google

своемъ любопытствѣ, я предложилъ врачу нѣсколько вопросовъ касательно самой больницы, и вотъ что я узналъ отъ него: больница эта находится при фельдшерской Школѣ Московскаго Воспитательнаго Дома, существующей съ 1845 года, и открыта, по ходатайству почетнаго Опекуна Князя А. П. Оболенскаго, для практическаго образованія питомцевъ Школы, съ 1-го Января 1848 года. Въ ней ученики, воспитанники Воспитательнаго Дома, кромѣ фельдшерскихъ пособій, пріучаются, согласно съ назначеніемъ своимъ, подавать помощь больнымъ простыми средствами, назначеніе же ихъ — въ Государственныя селенія, гдѣ они часто обязаны будутъ по неимѣнію всегда въ близости доктора, въ первой порѣ болѣзни, оказать больному первоначальную помощь. Больница эта открыта для всѣхъ рѣшительно, безъ различія пола, возраста, состоянія; совѣты и самыя лекарства подаются безденежно каждый день съ 8 утра до часу и позже, если много больныхъ. Для экстренныхъ случаевъ, какъ-то, для вывиховъ, переломовъ и проч. больница открыта во всякое время дня и ночи, и для такихъ случаевъ имѣется десять кроватей, гдѣ больные могутъ пробыть на полномъ содержаніи школы до самаго выздоровленія. При больницѣ находятся два врача, одинъ аптекарь, десять старшихъ фельдшеровъ изъ своихъ же питомцевъ, окончившихъ полный курсъ въ школѣ, и человѣкъ до сорока учениковъ изъ высшаго класса. Медикаменты пока покупаются школой, но на будущее время медикаменты изъ царства растительнаго будутъ добываться самими питомцами въ ботаническомъ саду, заводимомъ при школѣ. Въ прошломъ 1848 году число больныхъ простиралось до 8 тысячъ, въ 1849 же, мѣсяцъ отъ мѣсяца больше и больше прибѣгаетъ за помощію; по праздникамъ, когда простой, рабочій народъ свободенъ отъ обычныхъ занятій своихъ, число больныхъ часто простиралось за сто, въ будничные дни до сорока и болѣе. Поблагодаривъ доктора за его любезность и распрощавшись съ нимъ, побрелъ я домой и долго дивился, отъ чего объ этомъ благотворительномъ учрежденіи не приходилось мнѣ нигдѣ читать. Посудите же, каково было мое удивленіе, какъ дней шесть тому назадъ одинъ мой знакомый, агентъ

Digitized by Google

благотворительнаго общества, прочитавъ при мнѣ въ Сѣверной Пчелѣ вышеупомянутое мною объявленіе объ открытіи Лечебницы, сказалъ: вотъ въ Москвѣ не устроишь такой! Въ отвѣтъ на это, я, какъ зналъ, разсказалъ ему о больницѣ Фельдшерской Школы, о которой онъ и понятія никакого не имѣлъ, и вмѣстѣ съ нимъ отправился вторично взглянуть на Московскую Лечебницу бѣдныхъ больныхъ. Тутъ я нашелъ тѣ же старанія наставника обогатить практическимъ знаніемъ своего питомца и тѣже, вмѣстѣ съ тѣмъ, сердечныя заботы о страждущемъ человѣкѣ. Обязательный, прошлогодній знакомецъ мой, докторъ, разсказалъ мнѣ, что въ 1849 году, число больныхъ простиралось, какъ значится въ больничныхъ книгахъ, далеко за 20,000, что для нихъ выдано лекарствъ по 18,000 рецептовъ, что въ текущемъ году все больше и больше прибѣгаютъ за помощію и годовая цыфра 1850 г. непремѣнно превзойдетъ цыфру прошлаго года, что школа, съ разширеніемъ своей дѣятельности, увеличиваетъ и средства къ тому: въ нынѣшнемъ году начнется по Высочайшему соизволенію пристройка къ главному зданію новаго корпуса, въ нижнемъ этажѣ, котораго будутъ отдѣлены двѣ большія палаты для приходящихъ больныхъ: значитъ не даромъ прошли для больницы эти два года ежедневныхъ заботъ и трудовъ: простой, рабочій народъ разувѣрился въ знахаряхъ своихъ, даритъ большею довѣренностію науку и просвѣщенное знаніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ благодарно пользуется тою благотворительностію, которая старается помочь бѣдняку въ болѣзни, лишающей несчастнаго дюжихъ рукъ, единственнаго источника его богатства. Дай Богъ самаго полнаго успѣха этому доброму дѣлу!

Илья Муромцевъ.

Мая 3.

1850.

Digitized by Google

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

СУДЕБНОЕ ДѢЛО

О СМЕРТИ ГРАФИНИ Ф. ГЕРЛИЦЪ.

IV.

Рѣчь Государственнаго прокурора доктора Зиберта не представляетъ ничего существенно новаго. Это есть повтореніе обвинительнаго акта съ истолкованіемъ противъ подсудимаго всѣхъ обстоятельствъ, раскрытыхъ свидѣтелями, равно какъ и мнѣній экспертовъ.

Сущность рѣчи г. Эммерлинга, адвоката Іоганна Штауффа состоитъ въ томъ, что онъ старается доказать если не невинность подсудимаго, то по крайней мѣрѣ невозможность юридическаго признанія его виновности. Защитникъ указываетъ на недостаточность перваго розыска, на сожженіе платья Графомъ Гёрлицомъ безъ разъисканія ключей, на противное подсудимому убѣжденіе слѣдователя, и проистекшее изъ этого враждебное для него направленіе слѣдствія съ самаго начала. Нѣкоторые свидѣтели, съ которыми будто бы говорилъ подсудимый 13 Іюня пополудни, не были спрошены; потомъ подсудимый забылъ, кто они были.

Въ разборѣ мнѣній экспертовъ защитникъ указываетъ на противорѣчіе въ отношеніи къ мѣсту сожженія трупа, а главнымъ образомъ на то, что всѣ мнѣнія доказываютъ только возможность и вѣроятность.

Изъ доказательствъ, приводимыхъ противъ Штауффа, нѣкоторыя едва ли стоятъ опроверженія. Таковы потъ ночью, дикій взглядъ, отвращеніе или ужасъ при видѣ

Digitized by Google

трупа, слова Штауффа, что онъ желалъ бы видѣть Графиню сгорѣвшею.

Гораздо важнѣе способъ полученія драгоцѣнностей. Воля присяжныхъ вѣрить или нѣтъ показанію Штауффа, что онъ получилъ эти вещи отъ Графа. Но все-таки покража ихъ не доказана и особенно покража съ убійствомъ. Эти вещи могли попасть къ Штауффу и прежде и послѣ смерти Графини. Бюро запиралось, но можно было открыть его поддѣльными ключами. Можно было украсть вещи и въ ночь съ 13 Іюня, потому что, по показанію полицейскихъ солдатъ, прислуга имѣла свободный входъ въ комнату. Штауффъ оставался одинъ нѣсколько времени при разборѣ углей. Цѣлость этихъ вещей могла зависѣть отъ того, что онѣ хранились въ футлярахъ или послѣ хоть и обгорѣли, но были вычищены.

Что касается до покушенія на отравленіе, защитникъ не видитъ связи между нимъ и убійствомъ. Оно могло имѣть цѣлію сокрытіе воровства. Далѣе оно не доказано. Соусъ былъ изслѣдованъ однимъ г. Меркомъ, а г. Меркъ также точно могъ ошибиться здѣсь, какъ ошибся въ кровавыхъ пятнахъ на шелковомъ лоскуткѣ. Далѣе одна Маргарита Эйрихъ свидѣтельствуетъ, что ярь положена Штауффомъ. Это женщина очень ограниченная и неспособная правильно наблюдать. Ея показанія наполнены противорѣчіями. Штауффъ до этого времени былъ въ саду съ женой Шиллера и ея сынкомъ и вошелъ въ домъ по звонку, а не по собственной волѣ. Онъ зналъ, что отравивъ Графа, онъ отравитъ и сынка Шиллера, котораго онъ очень любилъ. Далѣе онъ лучше могъ бы отравить въ шеколадѣ который самъ готовилъ. Ярь не продается въ стклянкахъ, по замѣчанію г. Мерка. Наконецъ, не доказано, что у него была ярь. Да если онъ и покушался на отравленіе, то это еще не значитъ, что онъ убійца.

Защитникъ не видитъ доказательствъ виновности Штауффа въ его характерѣ. Болтливые люди рѣдко способны къ тяжкимъ преступленіямъ. Наклонность лгать не ручается за наклонность къ чему другому. Далѣе для Штауффа не было причинъ убивать Графиню. Онъ зналъ, что денегъ у ней не было, — онѣ были у Графа. Обокрасть или

Digitized by Google

убить Графа было нетрудно, а представить, что онъ рѣшился на убійство, чтобы украсть вещей на 400—500 флориновъ, кажется нелѣпо.

Защитникъ надѣется, что присяжные объявятъ его кліента невиннымъ.

Г. Мецъ, защитникъ Генриха и Якоба Штауффа, началъ свою рѣчь тѣмъ, что — его кліенты обвиняются въ потворствѣ (Begünstigung) преступленіямъ, кромѣ покушенія на отравленіе. Стало быть, первый вопросъ въ томъ, *дѣйствительно ли эти преступленія совершены*. И во-первыхъ убита ли Графиня? Адвокатъ объясняетъ ея смерть самоубійствомъ и причину самоубійства видитъ въ ея нервной настроенности. На это указываютъ по его мнѣнію и недостатокъ ключей, и прибавленіе къ завѣщанію, и дымъ надъ сѣверной трубой, который могъ произойдти отъ того, что Графиня сожгла нѣкоторыя бумаги, и зажженіе бюро и дивана. Что касается до звонка, показанія свидѣтелей противорѣчатъ первымъ изслѣдованіямъ. Снурокъ звонка не оборванъ, а сгорѣлъ. Слухъ о первомъ покушеніи на самоубійство опровергается только такими свидѣтелями, которые слышали опроверженіе его изъ устъ самой Графини. Кто жъ не сталъ бы опровергать подобный слухъ, хотя бы онъ и былъ истиненъ?

Если Графиня дѣйствительно убита, то кто убійца? Изъ всѣхъ обвиненій противъ Штауффа важны только два: *онъ одинъ былъ въ домѣ и у него нашлись вещи, принадлежавшія Графинѣ*. Но противъ перваго обвиненія нужно замѣтить, что можно было и въ присутствіи Штауффа, постороннему лицу пробраться въ домъ заднею дверью изъ сада или черезъ окно, тѣмъ болѣе, что передняя дверь была заперта и убійца могъ думать, что въ домѣ нѣтъ никого, кромѣ Графини. Въ Декабрѣ 1847 года сдѣлалась покража въ домѣ и никто изъ служителей ея не замѣтилъ. Что касается до вещей, онѣ могли быть дѣйствительно подарены Графомъ. Графъ отпирается, но онъ отперся прежде, когда на него взводили было подозрѣніе въ убійствѣ, которое усилилось бы въ случаѣ признанія въ подаркѣ. Положимъ однакожъ, что вещи попали къ Штауффу противозаконно: все-таки вѣрно, что онѣ попали нѣсколько времени спустя

Digitized by Google

послѣ смерти Графини, потому что послѣ этого времени Графъ при Гг. ф. Рику и агентахъ Ахенско-Мюнхенскаго страховаго общества рѣшительно объявилъ, что ничего дорогаго не покрадено и о пропажѣ заговорили только послѣ покушенія на отравленіе.

Въ отношеніи къ этому послѣднему преступленію защитникъ находитъ невѣроятнымъ, чтобы Штауффъ, оказавши столько тонкости въ убійствѣ, выбралъ для отравленія ярь, которою отравить было невозможно. Онъ не всыпалъ бы яда въ присутствіи сторонняго лица, и не оставилъ бы въ покоѣ соуса послѣ открытія его преступленія. Онъ не потребовалъ бы яри изъ аптеки для служителя Графа Гёрлица, не выбралъ бы такого вещества, которое никакъ не могло быть выбрано съ цѣлію самоубійства. Въ самомъ дѣлѣ никто не повѣрилъ бы, чтобы Графъ для самоубійства выбралъ кушанье, которое долженъ былъ ѣсть съ нимъ сынокъ Шиллера и двѣ женщины. Защитникъ указываетъ далѣе на противорѣчія и невѣроятности въ показаніи Маргариты Эйрихъ.

Ораторъ указываетъ далѣе на рѣшительное отсутствіе побужденій къ убійству по малоцѣнности пропавшихъ предметовъ. Потомъ онъ говоритъ, что Штауффъ не могъ же знать, что трупъ можетъ сгорѣть на разстояніи двухъ футовъ отъ горючаго матеріала, на что нужны были познанія цѣлаго факультета, — и конечно, если бъ хотѣлъ сжечь трупъ, то положилъ бы его ближе къ огню.

Но если Штауффъ дѣйствительно совершилъ убійство, то конечно не преднамѣренно. Онъ могъ только пробраться въ комнату для кражи, былъ замѣченъ и убилъ въ изступленіи.

Если жъ невиненъ Іоганнъ Штауффъ, то тѣмъ самымъ опровергается виновность Генриха и Якоба. Даже если и виновенъ, все-таки они не знали объ его винѣ. Ни что не указываетъ на ихъ знаніе, кромѣ вещей. Положимъ, что онѣ не подарены Графомъ; но все-таки Іоганнъ Штауффъ сказалъ отцу, что онѣ пріобрѣтены честно. Генрихъ Штауффъ не имѣлъ причинъ въ этомъ сомнѣваться. Противорѣчія и невѣроятности въ показаніяхъ подсудимыхъ объясня-

Digitized by Google

ются тѣмъ, что они не хотѣли вредить Іоганну Штауффу понимая, что изъ обвиненія въ кражѣ можетъ выйдти обвиненіе въ убійствѣ. Любовь родственная боролась здѣсь съ любовью къ истинѣ и съ преданностію къ верховной власти. Это допускаютъ и извиняютъ самые законы, не наказывающіе родственниковъ, укрывающихъ преступника. Наконецъ еслибъ Генрихъ и Якобъ Штауффъ знали и благопріятствовали кражѣ, все-таки ничто не доказываетъ, чтобы они знали о убійствѣ, грабежѣ и поджигательствѣ.

За тѣмъ слѣдовала *реплика* Прокурора и отвѣтъ г. Меца, несодержащія въ сущности ничего новаго.

Въ засѣданіи 10 Апрѣля Президентъ предложилъ Штауффу вопросъ: не можетъ ли онъ прибавить, что-нибудь для своего оправданія. Штауффъ произнесъ довольно длинную рѣчь къ присяжнымъ, въ которой между прочимъ замѣтилъ, что на стѣнѣ подъ окномъ кабинета Графа Гёрлица замѣтны слѣды, что кто то влѣзалъ въ окно, и что къ Графу послѣ приходили нѣкоторые подозрительные люди. По требованію защитниковъ оба обстоятельства изслѣдованы и подтверждены. Изъ посѣтителей Графа одинъ по имени Бюхнеръ былъ прежде нѣсколько разъ наказанъ за противузаконные поступки.

За тѣмъ Президентъ читаетъ второе безъименное письмо съ штемпелемъ «Алцей» (Вел. Герц. Гессенское), писанное повидимому тѣмъ же лицемъ, которымъ писано и первое письмо изъ Аугсбурга. Сочинитель письма говоритъ: «совѣсть моя заставляетъ меня открыть истину. Я убійца Графини и убилъ ее изъ желанія наслѣдовать ей и Графу». Но Графъ не знаетъ ни одного наслѣдника мужескаго пола.

Президентъ оканчиваетъ прѣніе длиннымъ Resumé, къ сожалѣнію далеко небезпристрастнымъ.

Вопросы, предложенные присяжнымъ, состоятъ въ слѣдующемъ:

А. Виновенъ ли обвиняемый Іоганнъ Штауффъ 1) Въ томъ, что онъ 13 Іюня 1847 г., преднамѣренно и противузаконно учинилъ насиліе и тѣлесное поврежденіе противъ особы Графини ф. Гёрлицъ, которое и было причиною ея

Digitized by Google

смерти, и рѣшился на нихъ для того, чтобы овладѣть нѣкоторыми вещами изъ движимаго имущества Графини? 2) Въ томъ, что того же числа онъ намѣренно поджегъ домъ Графа Гёрлица и именно нѣкоторые предметы въ комнатахъ Графини, могшіе сообщить огонь самымъ комнатамъ? 3) Въ томъ, что онъ, въ продолженіе 1847 г., находясь въ услуженіи Графа Гёрлица, безъ позволенія хозяина, хотя и безъ насилія, овладѣлъ многими золотыми и туалетными вещами, принадлежавшими его женѣ, именно золотой браслетой, золотой брошкой, кольцомъ изъ золота и платины, браслетой изъ желтаго металла, нитью жемчугу и пр. 4) Въ томъ, что онъ, преднамѣренно и противузаконно, составилъ планъ лишить жизни Графа Гёрлица, и для этого 2 Ноября 1847 г. всыпалъ въ соусъ Графа ярь, которая могла бы въ самомъ дѣлѣ или по его мнѣнію причинить смерть? Въ случаѣ отрицанія этого 5) Въ томъ, что онъ преднамѣренно и противузаконно, хотя не желая лишить жизни, составилъ планъ повредить здоровью Графа Гёрлица и для этого всыпалъ ярь.

B. Виновенъ ли Генрихъ Штауффъ въ томъ, что онъ, по совершеніи преступленій его сыномъ, оказалъ ему пособіе особенно тѣмъ, что завѣдомо принялъ подъ сохраненіе добытыя преступленіемъ вещи, скрылъ ихъ и передалъ другимъ, чтобы намѣренно доставить сыну способы къ сокрытію слѣдовъ преступленія, запирался въ этомъ и извлекъ изъ преступленія сына выгоды для себя?

C. Виновенъ ли Якобъ Штауффъ въ томъ, что онъ по совершеніи преступленія его братомъ, оказалъ ему пособіе тѣмъ, что скрылъ пріобрѣтенныя чрезъ преступленіе вещи и потомъ передалъ ихъ своему отцу, Генриху Штауффу?

Присяжные единогласно отвѣчали, что Іоганнъ Штауффъ виновенъ въ убійствѣ, грабежѣ, поджогѣ, и въ покушеніи на отравленіе, но не въ кражѣ (вопросъ 3). Генрихъ Штауффъ виновенъ въ томъ, что онъ зналъ и укрывалъ кражу, но не доказано, чтобы онъ зналъ объ убійствѣ и поджогѣ, равно какъ и Якобъ Штауффъ.

Іоганъ Штауффъ осуждается на пожизненное заключеніе въ смирительный домъ, и на уплату $\frac{1}{8}$ издержекъ про-

Digitized by Google

цесса, что составляетъ 2135 флориновъ; Генрихъ Штауффъ осуждается на заключеніе въ исправительный домъ на шесть, а Якобъ Штауффъ на три мѣсяца. На нихъ обоихъ вмѣстѣ падаетъ $\frac{1}{6}$ издержекъ процесса. Впрочемъ наказаніе ихъ замѣняется содержаніемъ подъ арестомъ въ продолженіи слѣдствія.

Г. Мецъ замѣтилъ только, что по приговору присяжныхъ его кліенты виновны въ знаніи и потворствѣ *воровству*; а Іоганнъ Штауффъ *въ воровствѣ* объявленъ невиннымъ.

Мы посвятимъ особую статью критическому разсмотрѣнію процесса.

ПОМИНКИ ВЪ АНГЛІИ ПО ШЕКСПИРѢ.

День рожденія Шекспира, 23 Апрѣля, постоянно празднуется съ большою торжественностію въ его родномъ городѣ, Стратфордѣ на Авонѣ. И въ нынѣшнемъ году этотъ день былъ празднуемъ какъ и всегда. Домъ, гдѣ по преданію родился Шекспиръ (строгая критика на этотъ счетъ обнаруживаетъ сомнѣнія), и церковь, гдѣ лежитъ его прахъ, были красиво убраны. Этотъ домъ опредѣлено было купить какъ національную собственность, но подписка, для сего открытая, еще не доставила всей нужной суммы.— 26-го Апрѣля, въ Лондонѣ, общество почитателей Шекспирова таланта (Shakspear-Society) праздновало девятую годовщину со времени своего основанія, подъ предсѣдательствомъ своего директора, ученаго знатока драмъ Шекспира, Сэръ Пейна Колльера. Это общество поставило себѣ главною цѣлью издавать еще ненапечатанныя сочиненія о Шекспирѣ и его вѣкѣ, и предпринимать новыя изданія тѣхъ сочиненій о томъже предметѣ, которыя сдѣлались рѣдкими. И оно уже принесло не мало пользы. Въ прошедшемъ году общество сдѣлало гравюры съ извѣстнаго портрета Шекспирова, называемаго Chandosportrait (вѣрность этого портрета, какъ и всѣхъ сообще портретовъ Шекспира, подвержена большому сомнѣнію). Гравюры снято 750 оттисковъ, затѣмъ доска была разбита.

Digitized by Google

НѢСКОЛЬКО ЦИФРЪ ИЗЪ ТАМОЖЕННЫХЪ ТАБЛИЦЪ АНГЛІИ. По оффиціальнымъ показаніямъ пошлинный сборъ съ мануфактурныхъ товаровъ, привезенныхъ въ 1849 г. въ Англію составилъ болѣе около полумил. ф. стер. (слишкомъ 3 мил. р. сер.), и съ земледѣльческихъ произведеній простирался болѣе мил. ф. стер. (около 7 мил. р. с.); въ числѣ этой суммы пошлина съ зернового хлѣба дала около 700 тыс. ф. стер. (больше 4, мил. р. сер.), — остальное получено съ другихъ статей. Такъ какъ по количеству таможеннаго сбора съ того или другаго отдѣленія товаровъ можно судить о степени покровительства, оказываемаго нынѣшнимъ тарифомъ, то изъ представленныхъ показаній можно видѣть, что земледѣліе въ Англіи сильнѣе защищено отъ саперничества другихъ народовъ, чѣмъ мануфактурная промышленность.

Въ продолженіе четырехъ дней съ 9 по 13 Апрѣля 1849 г. привезено было въ Лондонъ до 17 т. четвертей пшеницы, 12, т. четв. ячменя, и 33, т. четв. овса; въ нынѣшнемъ году, въ теченіе того же времени, доставлено тудаже около 35 т. четв. пшеницы, 22 т. четв. ячменя и 75 т. четв. овса; цѣнность избытка привоза противъ прошлагодняго составляетъ около полумилліона руб. сер.

ПОТРЕБЛЕНІЕ ТАБАКУ ВЪ ИСПАНІИ. — Изъ вычисленія и отчетовъ, сдѣланныхъ въ началѣ нынѣшняго года, явствуетъ что число потребителей табаку въ Испаніи и прилежащихъ къ ней островахъ простирается до 3 милліоновъ. Вычислено сверхъ того, что на пространствѣ полуострова вмѣстѣ съ островами, выкуривается ежегодно 15,000 сигаръ гаванокихъ и съ о-въ Филипинскихъ, 2,850,000 сигаръ изъ другихъ табаковъ, и что каждый изъ всего числа потребителей сжигаетъ кругомъ около 25 ф. табаку въ годъ, что все вмѣстѣ доставляетъ казнѣ пошлинъ на сумму 4,750,000 реаловъ.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПОЖЕРТВОВАНІЕ КНЯЗЯ ЮСУПОВА. — Студентъ С.-Петербургскаго Университета, Князь Николай Юсуповъ, желая почтить память умершаго отца своего, Князя Бориса Юсупова, и оставить воспоминаніе о времени пребыванія своего въ Университетѣ, просилъ принять отъ него *десять тысячъ рублей серебромъ* для учрежденія на счетъ процентовъ съ сей суммы двухъ стипендій для бѣднѣйшихъ студентовъ Петербургскаго Университета, кои по вступительномъ испытаніи получатъ высшіе балы по предметамъ Русской Словесности и Русской Исторіи. Разрѣшивъ принять это пожертвованіе, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія доводилъ объ ономъ до Высочайшаго свѣдѣнія, и Его Императорскому Величеству благоугодно было на всеподданнѣйшей докладной запискѣ по сему предмету собственноручно написать: «*благородно.*»

ПРІЮТЫ ДЛЯ СТРАННИКОВЪ. — Русская благотворительность проявляется во всѣхъ концахъ необозримаго нашего отечества. Насъ увѣдомляютъ изъ Херсона, что тамъ въ двухъ семействахъ которыхъ мы, изъ скромности, не называемъ, открытъ всегдашній пріютъ, съ содержаніемъ отъ хозяевъ, всѣмъ неимущимъ странникамъ и прохожимъ богомольцамъ. Прекрасная черта, которой нельзя не пожелать подражанія.

НЕКРОЛОГЪ.

Скончавшійся недавно въ С.-Петербургѣ, Іаковъ, Архіепископъ Нижегородскій и Арзамасскій, (по фамиліи Венерковъ) былъ родомъ изъ Курской Епархіи и обучался съ 1804 года въ Курской Семинаріи. По окончаніи семинарскаго курса, въ 1814 году опредѣленъ былъ учителемъ тойже Семинаріи, а въ 1816 году поступилъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію. Въ 1819 году возведенъ на степень старшаго кандидата, съ правомъ полученія степени

Digitized by Google

Магистра, и опредѣленъ въ Орловскую Семинарію наставникомъ и вмѣстѣ Инспекторомъ. Въ томъ же 1819 году 22 Августа постриженъ въ монашество и назначенъ Ректоромъ Сѣвскихъ Духовныхъ Училищъ а въ 1820 году, присутствующимъ Сѣвскаго Духовнаго Правленія. Въ 1822 году возведенъ на степень Магистра въ 1823 году перемѣщенъ Ректоромъ же, въ Екатеринославскую Семинарію, съ званіями: Богословскихъ наукъ Профессора и Члена Духовной Консисторіи. Въ 1827 году 15 Февраля сдѣланъ настоятелемъ второкласснаго Григорьевскаго Бизюкова монастыря, и 1 Ноября того же года произведенъ въ Архимандриты. Въ 1829 году 26 Января сопричисленъ къ ордену Св. Анны 2-й степени Въ 1832 году 27 Марта хиротонисанъ въ Епископа Саратовскаго и Царицынскаго, и, во время управленія Саратовскою Епархію, сопричисленъ къ ордену Св. Анны 1-й степени. Въ 1847 году 13 Января перемѣщенъ въ Епархію Нижегородскую, гдѣ того же года предоставленъ ему въ управленіе Нижегородскій первоклассный Печерскій монастырь. Въ 1849 году 3 Апрѣля возведенъ въ санъ Архіепископа Нижегородскаго и Арзамасскаго. Въ томъ же году 19 Ноября вызванъ изъ Нижняго Новгорода для присутствованія въ Св. Синодѣ, въ С.-Петербургѣ, гдѣ, 20 Мая нынѣшняго года, отъ горловой чахотки, скончался, а 23 числа погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ. Оставляя до времени описаніе трудовъ Преосвященнаго Іакова, мы обязаны сказать здѣсь, что неутомимая его дѣятельность кромѣ проповѣданія Слова Божія, обращенія къ православію заблудшихъ сыновъ Церкви и занятій Епархіальными дѣлами, выражалась постояннымъ участіемъ въ распространеніи историческихъ, археологическихъ, статистическихъ и этнографическихъ свѣдѣній о нашемъ отечествѣ. Церковь лишилась въ немъ усерднаго наставника православія; учебныя заведенія и ученыя Общества ревностнаго споспѣшника; люди благочестивые — примѣрнаго подвижника, добраго совѣтника и собесѣдника. Миръ праху Архипастыря! Его наставленія не останутся безъ плода и труды незабвенны будутъ ни предъ людьми, ни предъ Богомъ!

Digitized by Google

СМѢСЬ.

ЛЕДЪ ИДЕТЪ! РѢКА ТРОНУЛАСЬ!

Чего, кажется, проще, какъ появленіе весны, таяніе снѣга, вскрытіе рѣки, а сколько, всякій разъ, объ этомъ толковъ и разговоровъ, сколько народа занимается этимъ предметомъ цѣлые дни. Особенно любятъ толковать объ рѣкѣ. Недѣли за двѣ до вскрытія начинаются разсужденія: что? какъ? рано-ли-то нынче тронется? велика ли будетъ вода? — И почти всегда кто-нибудь прибавитъ: должно быть, велика.... Толпы любопытныхъ сходятся на берегу, на мостахъ, смотрятъ на рѣку, растабарываютъ и ждутъ....

Нынѣшній годъ вскрытіе Москвы-рѣки было немного поздно. Спустя три дня послѣ того, въ который исполнилось дню четырнадцать часовъ, рѣка тронулась, но не вся: ледъ прошелъ отъ Крымскаго Брода и ниже, такъ что отъ Нескучнаго сада до Москворѣцкаго моста можно было ѣздить на лодкахъ, и ловить сачками рыбу, тогда какъ подъ Воробьевыми горами ледъ еще стоялъ, не трогаясь нисколько, а въ Хорошовѣ ходили еще по немъ. Между тѣмъ въ городѣ распространились слухи, что рѣка пошла и даже прошла. Это было такимъ или почти такимъ образомъ: одинъ мальчишка изъ берегового трактира понесъ кушанье въ улицу поближе къ центру города, и, по дорогѣ, разсказалъ пріятелю своему лакею, сидѣвшему у воротъ на столбкѣ, что рѣка-де пошла. Лакей не преминулъ сказать: врешь! и съ этимъ словомъ поднялся со столбка, и, не слушая возраженій, отправился на рѣку. Вслѣдъ за нимъ отправился и кучеръ, стоявшій въ воротахъ и одѣтый по весеннему, въ красной рубахѣ, въ плисовыхъ шароварахъ и въ синемъ суконномъ жилетѣ.

Digitized by Google

Онъ пошелъ неспѣшно, какъ вообще ходятъ кучера, и осмотрѣвъ сперва свои плисовые шаровары. За кучеромъ тронулся дворникъ, который, передъ тѣмъ, счищалъ грязь съ тротуара: «пойдемъ и мы Москва-рѣку смотрѣть!» Въ это время проходилъ по улицѣ чиновникъ, направлявшій стопы къ присутственнымъ мѣстамъ, вслушался, про что говорили, и тоже пожелалъ видѣть рѣку. Какая-то старуха остановилась на противоположномъ тротуарѣ, долго прислушивалась и старалась разгадать, въ чемъ дѣло; наконецъ поняла, и тоже двинулась къ рѣкѣ. Эта старуха — неизбѣжное лице при всѣхъ необыкновенныхъ и обыкновенныхъ происшествіяхъ города: ее увидишь и на похоронахъ, и на сватьбѣ, и если на улицѣ подерутся, или такъ по чему-нибудь соберется толпа: ужъ старуха тутъ, рѣшительно неизвѣстно откуда явится, смотритъ, толкуетъ, разспрашиваетъ, какъ и что? вздыхаетъ, иногда и поплачетъ, если событіе очень горестно, и потомъ, гдѣ-нибудь на краю города, разсказываетъ обо всемъ случившемся съ приличною важностію и съ большимъ участіемъ. «Ухъ, матушка моя, обревѣлась я, совсѣмъ обревѣлась?» — Что же ты обревѣлась?— спрашиваютъ ее. «Да какъ же, матушка? жалости подобно: лежитъ, голубушка моя, въ гробу, блѣдная такая, худая!» и старуха опять готова обревѣться. Костюмъ этой старухи — никогда неснимаемый салопъ, лѣтомъ и зимой одинъ и тотъ же, и на головѣ платокъ; никто ея не видывалъ безъ этого салопа и неизвѣстно, что подъ нимъ находится: она раздѣвается только дома. И вотъ весь этотъ народъ спѣшитъ къ Каменному мосту, и видитъ, что рѣка, въ самомъ дѣлѣ, идетъ, огромныя льдины ворочаются, трещатъ и лѣзутъ на быки.... Всякій, кто можетъ, остается досматривать это зрѣлище, но чиновникъ, связанный службой, отправляется къ своимъ бумагамъ, и пришедъ, разсказываетъ о событіи своимъ товарищамъ; — и всѣ начинаютъ толковать, что рѣка пошла, а одинъ очень любопытный, но робкій, чиновникъ робко подходитъ къ начальнику раньше конца присутствія и просится, говоря, что ему нужно куда-то съѣздить по одному очень важному дѣлу. «Небось рѣку пойдете смотрѣть?» улыбаясь говоритъ начальникъ, но, какъ человѣкъ добрый и снисходительный, отпускаетъ молодаго человѣка, прибавляя: «ужъ и мнѣ, видно, сходить, посмотрѣть!.... да пора и кончать!» говоритъ онъ потомъ, взглядывая на часы, и вотъ они оба идутъ на рѣку. Къ нимъ присоединяются еще и

Digitized by Google

другіе. Но увы! смотрѣть нечего: ледъ между Каменнымъ и Москворѣцкимъ мостомъ прошелъ, и тамъ ужъ кое-гдѣ шмыгаютъ лодки; мѣстами бабы полощутъ бѣлье и по рѣкѣ далеко раздается перекатное щелканье вальковъ.... Но у Каменнаго моста стоитъ ледъ, упершись въ быки, и не думаетъ двигаться. Чиновники свѣсились, поглядѣли внизъ и долго потомъ напрасно дожидались, что ледъ тронется. Имъ ужъ и казалось, что онъ трещитъ, но въ самомъ-то дѣлѣ онъ стоялъ неподвижно; только, кое-гдѣ между трещинъ, свистѣла и урчала вода и прыгала на берегъ....

«Вотъ къ ночи, гляди, пойдетъ!» сказалъ кто-то въ толпѣ.

— Къ ночи пойдетъ! — повторилъ еще кто-то рядомъ: дай маненько вѣтру разыграться и пойдетъ!

«Вотъ и Ванькина дорога поплыветъ!» замѣтилъ третій, смотря на длинную полосу, протянувшуюся по льду и обозначавшую мѣсто бывшей дороги. «Ванька, вотъ и твоя дорога поплыветъ!» повторилъ онъ, взглянувъ на Ваньку, мужика въ полушубкѣ, который часто важивалъ по рѣкѣ соль, рыбу и тому подобные продукты. На это Ванька не разсудилъ отвѣтить ничего и продолжалъ смотрѣть на ледъ.

Послѣ этого чиновники, не видавъ почти ничего, отправились домой, и очень любопытный, вставши на другой день поутру, наказывалъ своему человѣку: «ты, Иванъ, смотри, какъ уберешься, сходи на рѣку и узнай, что̀ тамъ!»

Иванъ, какъ убрался, отправился на рѣку: но ледъ все еще не трогался. На другой день та же исторія. Народъ однако стоялъ на мосту и ждалъ чего-то. По берегамъ толпились мальчишки съ баграми, приготовляясь ловить полѣнья, бревешки, и тому подобное, если тронется ледъ. Они переходили съ мѣста на мѣсто, пробовали баграми ледъ и толковали о разныхъ предметахъ по своему.

Подойдемъ къ одной кучкѣ. Посреди мальчишекъ разнаго возраста и вида, одинъ, довольно въ легкой одеждѣ, состоящей изъ пестрядиныхъ брюкъ и какого-то желтаго нанчетаго балахона, сидитъ на берегу и долбитъ багромъ льдину, которая всползла на берегъ.

«Ванька, Ванька! — говоритъ онъ другому: глядика-сь — ледъ-атъ, ледъ-атъ! эка! въ аршинъ будетъ!»

Digitized by Google

И онъ опять начинаетъ долбить.

— Чего балуешь! — кричитъ ему буточникъ, идущій тихими шагами на берегъ изъ будки, которая стоитъ неподалеку: не балуй, говорятъ!

«Да чего, я ничего!» возражаетъ мальчишка, и все-таки продолжаетъ долбить ледъ. «А ты вотъ пусти-ка меня за плетюхами!»

— И за плетюхами не пущу! — возражаетъ буточникъ и начинаетъ задумчиво посматривать кругомъ, взглядываетъ и на плетюхи, то есть плетенныя корзины, которыя стоятъ по серединѣ рѣки, на льду, вѣроятно занесенныя изъ какой-нибудь ближней деревни; подлѣ нихъ лежитъ нѣсколько полѣньевъ дровъ. «Вотъ кому бы взять!» думаетъ буточникъ, но сейчасъ же забываетъ о томъ, какъ о совершенно невозможномъ, и снова начинаетъ спокойно обозрѣвать ледяное пространство, которое такъ знакомо его взору.

«Эй, пусти, служивый, за плетюхами!» просится опять мальчишка, но буточникъ молчитъ и смотритъ на ледяное пространство, и самъ холоденъ какъ ледъ на всякія просьбы.

«Эй, пусти!.... говоритъ въ третій разъ мальчикъ и, не договоривъ до конца, обращается къ товарищу: «что засмотрѣлся! а вотъ я тебя спихну!»

— Спихнешь! ха, ха!.... ахъ ты Пахомка! — возражаетъ тотъ, хотя мальчишка съ багромъ вовсе не Пахомка.

Въ это время подходитъ къ берегу баба съ бѣльемъ въ узлѣ и смѣло спускается на ледъ, направляясь къ ближайшей трещинѣ, гдѣ урчитъ вода. Буточникъ, спокойно смотрѣвшій на ледяное пространство, сейчасъ замѣчаетъ бабу и кричитъ: «Куда? не ходи! не велѣно!»

— Э, служивый, полно! да я сейчасъ!

«Да не ходи, говорятъ! не велѣно!» шумитъ опять буточникъ и дѣлаетъ движеніе алебардой.

— Да я сейчасъ! какъ будто вотъ онъ такъ ужъ и пошелъ! — И баба идетъ-таки по льдинѣ, и подойдя къ первой трещинѣ, начинаетъ опускать въ воду какія-то тряпки и бить ихъ валькомъ.

Digitized by Google

Пахомка, сидѣвшій на берегу, не вытерпѣлъ и замѣтилъ буточнику: «Вотъ ты ее пустилъ.... эдакой Августинъ! а меня не пускаешь!.... А вотъ и я пойду! А? Али пойти? Али не пойти?»

Буточникъ молчитъ и не хочетъ изъ пустаго терять своихъ словъ, а Пахомка между тѣмъ, говоря :» а вотъ пойду! а вотъ не пойду!» приподнимается съ берега, и все поглядывая на буточника, тихо и торопко слѣзаетъ на льдину, дальше, дальше — со льдины на льдину, достигаетъ наконецъ плетюхъ, беретъ ихъ и приноситъ на берегъ. Всѣ завидуютъ смѣлому Пахомкѣ, а одинъ, чтобы сказать что-нибудь въ отместку, кричитъ:

«Эй, смотри, смотри, гуси летятъ!»

Но плутоватый Пахомка зная, что гусей никакихъ нѣтъ, отвѣчаетъ остра: «это не гуси—галки подмосковныя!»

За симъ начинается разгладываніе плетюхъ.

Подобныя путешествія по льду за какимъ-нибудь полѣномъ, или бревномъ, или плетюхой, бываютъ часто, но не всегда удачно сходятъ съ рукъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время хода рѣки, несло на льдинѣ человѣка, и онъ напрасно кричалъ и простиралъ руки къ стоявшему по берегамъ народу: подать помощи было не возможно. Къ счастію льдина не попала на быки ни у Каменнаго, ни у Москворѣцкаго моста — и неслась далѣе. Когда она подплывала къ Симонову монастырю, одинъ изъ береговыхъ жителей замѣтилъ сидѣвшаго на ней и, какъ Русскій человѣкъ, всегда готовый на помощь ближнему и притомъ расторопный и находчивый, снялъ вороты (ибо лодки близко не случилось), и огребаясь чѣмъ попало, подплылъ къ льдинѣ и спасъ своего брата, уже лишившагося всякой надежды. Въ другой разъ — это случилось нѣсколько прежде — замѣтили съ берега двухъ маленькихъ дѣтей, которыхъ несло на льдинѣ. Они были неподвижны отъ страху, и упершись ручонками въ ледъ, безсмысленно смотрѣли на воду. Лодокъ спустить было нельзя. Всѣ ждали, что дѣти погибнутъ, налетѣвъ на быкъ со своей льдиной, но къ счастію, она пронеслась въ вороты; не зацѣпилась и на Москворѣцкомъ мосту и летѣла далѣе. Также у Симонова монастыря, гдѣ ледъ шелъ разбитый и разрѣдѣвшій, спустили лодки и такимъ образомъ дѣти были спасены. Это мнѣ разсказывала старуха въ салопѣ, которая была свидѣтельницею самаго произшествія. «Господи! прибавляла она

Digitized by Google

умиленно: вотъ что̀ значитъ душечки-то ангельскія: не попустятъ же имъ Господь погибнуть! Ручичками эдакъ сидятъ, уперлись и глàзочками смотрятъ!» и при этомъ она показывала, какъ они уперлись рȕчичками и какъ смотрятъ глàзочками. Потомъ она разсказала мнѣ еще исторію, какъ однажды — видѣла она — плыла на льдинѣ женщина, лежавшая безъ всякаго движенія и раскинувши косу. Послѣднее было особенно замысловато и напомнило мнѣ Лермонтова:

Замолчалъ потокъ сердитый,
И надъ нимъ, какъ снѣгъ бѣла,
Голова съ косой размытой,
Колыхаяся всплыла....

Дальше я немного передѣлалъ, примѣняясь къ обстоятельствамъ:

По красоткѣ-молодицѣ
Тосковали ль надъ рѣкой?

Да, тосковали ль въ то время, какъ она неслась между икрами льда, прямо на быки?....

Участь этой несчастной неизвѣстна, и всезнающая старуха не могла ничего узнать объ этомъ.

Но прочь всѣ старухи, всѣ молодицы, всѣ мечты и стихи! — трескъ и гулъ пошелъ по рѣкѣ, тысячи ушей его услышали, и тысячи глазъ взглянули на ледъ: что̀ будетъ? и вотъ его закачало вздуло, взломало, приперло къ мосту — еще мгновеніе — и ледъ пошелъ, шипя, треща и дробясь на множество кусковъ; икры вползали на икры, становились копромъ, набѣгали на берегъ и взрывали мокрую землю.... зрѣлище было удивительное! голова кружилась, когда смотрѣлъ на бушующій, вертящійся ледъ, на прыгающія и покрытыя пѣною волны.... Русскій человѣкъ вообще любитъ посмотрѣть, гдѣ что-нибудь ломается, падаетъ, трещитъ, гдѣ много силы и борьбы; онъ равнодушно смотритъ и еще смѣется, когда ловко разобьютъ кому-нибудь носъ или кого-нибудь приложатъ объ земь, такъ что тотъ долго не встанетъ. «Ничего, малый, до сватьбы заживетъ!» и чего не заживетъ у Русскаго человѣка!.... Но мы опять въ сторону! какъ бы не прошелъ ледъ! Пойдемъ, поглядимъ! Народу видимо-невидимо на мосту, всякихъ возрастовъ, чиновъ и званій. Когда взглянешь вдругъ, то увидишь рядъ вмѣстѣ-сплоченныхъ спинъ

Digitized by Google

различнаго вида, цвѣта и ширины; есть очень узенькія, но есть и такія, что можно поставить карету съ четверней лошадей, и останется еще мѣсто, гдѣ этой каретѣ прокатиться. Больше спинъ, принадлежащихъ мѣщанамъ и купцамъ; кое-гдѣ мелькаетъ и тулупъ; а вотъ и баринъ пробирается въ толпу.... вотъ какой-то франтикъ въ модномъ пальто гороховаго цвѣта, смотритъ черезъ головы вдаль, но не можетъ порядочно поворотить своей головы, по причинѣ особаго устройства воротничковъ, которые торчатъ какъ острыя пики....

Съ этимъ господиномъ встрѣтился другой, почти такой же.

«А, здравствуй!»

— Здравствуй!

Они немного поговорили и Гороховый спросилъ:

«Что, ты не замѣчаешь у меня ничего особеннаго въ шляпѣ?

— Ничего! — а что?

«Да такъ, ничего не замѣчаешь? ты взглядись — не ужели незамѣтно никакой перемѣны? ты посмотри нарочно!»

Тотъ посмотрѣлъ и все-таки ничего не замѣтилъ.

«Экой ты какой, ничего не видишь: у меня поля были такъ, а я вотъ велѣлъ ихъ загнуть эдакъ — понимаешь? загнуть немного сюда!

— Да, вотъ теперь вижу.... Но знаешь ли, меня совершенно смущаютъ твои рубашки.... Кто тебѣ шьетъ?

— Шьетъ мнѣ одна знакомая.... А вотъ тутъ, то есть воротъ, я выкраиваю самъ.

«Нѣтъ, не можетъ быть!»

— Чего не можетъ, выкраиваю самъ, да и конецъ!

И они отправились далѣе....

Вонъ бабенка въ красномъ платочкѣ и въ синемъ капотѣ съ пестрыми цвѣтами, похожими на какія-то лепешки; но капотъ ея сшитъ не капотомъ, а на подобіе пальта.... Вотъ офицеръ въ каскѣ съ выразительной физіономіей.... Какія-то барыни ѣхали мимо въ коласкѣ, велѣли остановить лошадей и смотрятъ на воду; шляпки ихъ задернуты вуалями, но

Ихъ чудныя ручки порой подымали
И черныя очи оттуда сверкали....

Digitized by Google

Вотъ гувернеръ со своимъ питомцемъ, также довольно неизбѣжный при подобныхъ обстоятельствахъ ... Вотъ господинъ, который всегда какъ будто чего-то ищетъ.... За нимъ идетъ барыня изъ простыхъ, съ нянькой и съ дитятей. У дитяти залегъ насикъ, и барыня, остановившись на мосту и укутывая ребенка, толкуетъ нянькѣ, зачѣмъ она не надѣла на него шубки.

«Ни объ чемъ нѣтъ заботы! вотъ, какъ мѣсяцъ на исходѣ, такъ подай вамъ жалованье сію минуту, отдыху не дадите, а тутъ нѣтъ, чтобы за ребенкомъ присмотрѣть, точно не ваше дѣло!»

И барыня изъ простыхъ разшумѣлась точно дома, забывая, что она на мосту и народъ толпится кругомъ....

«Постой, душенька, постой, я тебя укутаю.... да ну же, постой! У, какой! не дастъ ничего сдѣлать!.... Вотъ такъ!»

И барыня изъ простыхъ опять пошла и потерялась въ толпѣ вмѣстѣ съ нянькой и съ дитятей ... Вонъ мелькаетъ вдали шляпа студента.... Вотъ мужикъ съ кренделями.... Вотъ охотникъ, которому вскрытіе рѣки предвѣщаетъ близкое тепло и прилетъ вальдшнеповъ: онъ чуетъ ихъ и какъ будто слышитъ ихъ крехтъ на тягѣ.... сердце его замираетъ; въ ушахъ его трещитъ взводимый два раза курокъ, котораго сладкій звонъ для охотника восхитительнѣе Итальянской оперы.... чу! раздался выстрѣлъ—бафъ-бафъ! Драма начинается! Охотникъ забылъ, гдѣ онъ, что онъ; взоры его, устремленные вдаль, ничего не видятъ, уши ничего не слышатъ, и даже бухающій въ стѣны моста ледъ не можетъ разбудить его отъ сладостнаго сна.... но подлѣ него, совершенная ему противоположность, рѣшительно никогда незаносящаяся мечтами, старуха въ салопѣ смотритъ внимательно на ледъ и очень серьезно въ него взглядывается ... Сзади ихъ ужъ пригородились лотки съ пряниками и съ мороженными яблоками-рязанью, и важно расхаживаетъ съ нагайкой казакъ, неизбѣжно являющійся, какъ и старуха въ салопѣ, при большихъ и малыхъ сходбищахъ «Ты проѣзжай, проѣзжай!» кричитъ онъ зазѣвавшемуся извощику, — и извощикъ отъѣзжаетъ въ сторону.... А вонъ, кажется, и Пахомка съ берегу! нѣтъ, это вамъ такъ показалось: Пахомка съ берегу не пойдетъ — тамъ ему теперь настоящее раздолье; другое дѣло Ванька, котораго дорога ужъ понлыла, этотъ здѣсь.... Здѣсь еще и Андрюшка, ко-

Digitized by Google

тораго рѣшительный видъ показываетъ, что онъ надолго пришелъ сюда и намѣренъ вдоволь насмотрѣться на рѣку. Онъ разлегся на оградѣ и знать никого не хочетъ. Смотритъ внизъ и поплевываетъ, хотя православный человѣкъ считаетъ грѣхомъ плевать въ рѣку, да Андрюшкѣ лѣнь поворотиться для этого.... «Нечего дѣлать, пусть ужъ грѣхъ будетъ! а ужъ я не поворочусь!» думаетъ Андрюшка. «Что плюешь въ воду!» — замѣчаетъ кто то подлѣ: знаешь, это матери въ глаза!» — Да я не въ воду, а на ледъ! — отвѣчаетъ Андрюшка и еще шире разлегается на оградѣ. Вдругъ къ нему подходитъ баба, не такъ чтобы старая и не такъ чтобы молодая, съ черными быстрыми глазами, по которымъ сей-часъ можно видѣть, а также и по движеніямъ ея, что это баба разъухабистая.

«Я къ тебѣ нарочно подошла, Андрюшка!» говоритъ она сладенькимъ голоскомъ, прищуриваясь и нѣсколько припадая къ парню: «Я нарочно хотѣла съ собой поздороваться! Ну что, навѣдалъ?»

«Кого? спрашиваетъ Андрюшка, неохотно отрываясь отъ пріятнаго зрѣлища: онъ выжидалъ, куда пойдетъ огромная льдина, которую онъ ужъ давно запримѣтилъ: въ ворота ли, или налѣзетъ на быкъ и доставитъ ему удовольствіе.

— Кого? извѣстно кого! — отвѣчаетъ неугомонная баба, но Андрюшка рѣшительно не слышитъ и дожидается льдины.

«Ты вотъ смотри-ка сюда, какъ льдина-то пойдетъ!» говоритъ онъ бабѣ, и та, забывъ, о чемъ хотѣла еще у него спросить, приподнимается также и смотритъ внизъ на рѣку: льдина идетъ и — о радость! — прямо на быкъ! не только Андрюшка, но и всѣ, стоящіе около, съ любопытствомъ устремляютъ глаза на льдину: всѣмъ будетъ потѣха! Всѣ ожидаютъ чего-то необыкновеннаго.... и вотъ льдина летитъ, летитъ встрѣчается съ быкомъ,— кракъ! и вся она треснула вдоль и поперегъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, остановилась и казалось: быкъ, съ мостомъ, съ Андрюшкой, съ бабой и со всѣмъ, на немъ находящимся, пошелъ въ льдину, разрѣзывая ее болѣе и болѣе; вода зашипѣла вокругъ и синія иглы льду посыпались во всѣ стороны, а иныя остались торчать на нѣсколько мгновеній по бокамъ гранита.... множество различныхъ возгласовъ и краткихъ замѣчаній полетѣло отовсюду: «Ухъ какая!» — Эна! эна-эна! и потомъ кто-то протянулъ: э-ге-на! — «Ну, на этой уѣдешь! замѣчалъ другой — далеко!

Digitized by Google

прибавлялъ онъ немного погодя: машина какая! съ четверть версты будетъ!»

— Какъ она быка-то не своротила? — говорилъ третій.

«Не своротитъ! серьезно возражаетъ четвертый: ишь-ты вѣдь онъ какъ сдѣланъ-то» — и всѣ взглядываютъ на быкъ — «ишь желѣза что! поди своротн!»

— Это не желѣзо, возражаетъ кто-то въ толпѣ: это чугунъ!

«Чугунъ! ха—а! откуда онъ чугунъ-отъ! — ты почемъ знаешь: самъ что ли дѣлалъ? — раздается изъ толпы: чугунъ! Хе—е!.... самъ ты чугунъ!»

И неизвѣстно до чего бы дошелъ этотъ споръ, если бы толпу не заняла другая огромная льдина. Всѣ молча устремили на нее глаза; только иногда раздавалось:

«Пройдетъ! — нѣтъ, не пройдетъ!.... Ка-бы задѣла!.... кончикомъ развѣ!.... нѣтъ, пройдетъ!.... нѣтъ, задѣнетъ!»

И вотъ она близко быка — вотъ она готова съ нимъ поцѣловаться, но мимо ея шмыгнула другая, отодвинула ту вбокъ — и большая льдина, не доставивъ никому удовольствія, прошла въ вороты, только немного краемъ проѣхала по боку гранита, зашипѣла, синія иглы полѣзли вверхъ и льдина покатила далѣе....

Въ это время черноглазая баба стала опять приставать къ Андрюшкѣ:

«Да ты послушай меня, навѣдалъ что ли? Да ты поди сюда?» И Андрюшка лѣниво поворачивается къ ней и, почти не слушая, начинаетъ съ нею разговаривать себѣ подъ носъ; ничего нельзя разслышать, кромѣ неясныхъ звуковъ, или краткихъ возгласовъ: «гм!.... да!.... во вторникъ!.... такъ что жъ!.... гм!.... пожалуй!» — и онъ опять воротилъ голову къ рѣкѣ, а баба юркнула въ толпу и пропала изъ виду.

Въ другой кучкѣ, неподалеку оттуда, слышалось ужасное бормотанье и растабарыванье: это говорила старуха въ салопѣ со своею товаркой и какъ всегда — о постороннемъ предметѣ.

«Ну что твоя Пашка?» спрашивала другая.

— Что Пашка: растетъ! нынче вовсюдъ ее посылаю.... грѣхъ сказать, помощница мнѣ не малая: и дровъ натаскаетъ, и печь затопитъ; раздѣнетъ меня, какъ приду: день-то деньской мыкаюсь, сударыня ты моя, устану.... о—охъ! и то сказать,

Digitized by Google

неволя!.... книжку мнѣ почитаетъ.... что̀, ка-бы эту дѣвку учить-учить: и смышлена только!.... да и то сказать, чего она мнѣ сто̀итъ: пятьдесятъ рублей почитай на нее идетъ!.... А еще глупа, матушка, глупа: грѣхъ какой былъ — говѣла она, мать моя, на первой-то недѣлѣ, да вдругъ.... ахъ ты Господи! въ великій четвергъ вдругъ — плясать! Вѣдь пришла же эдакая блажь! Съ дѣвчонкой сосѣдской остались одни, да и ну!.... Ахъ ты, Господи! А я-то на ту пору уйди..... прихожу, матушка: дымъ коромысломъ! Ахъ ты, сякая, эдакая! ты, молъ, это что?.... Что ты это выдумала? ахъ, азарница, азарница!.... вотъ грѣхъ-то какой! эдакъ оставляй ихъ однихъ-то!....

«А что̀ Катя?» спрашиваетъ опять та.

— Да что̀: умираетъ совсѣмъ! муженекъ-то вѣдь у ней фараонъ такой, что Господи упаси!.... Вотъ я тебѣ, матушка, разскажу!....

Но старуха не успѣла кончить, какъ внезапно раздался ужасный крикъ и хохотъ на мосту: на одной льдинѣ, за которою народъ уже давно слѣдилъ глазами, несло что-то необыкновенное и замѣтно было движеніе. Когда льдина подплыла ближе, оказалось, что это была кошелка, съ курами и съ пѣтухомъ. Куры сидѣли спокойно, но пѣтухъ, взобравшись на верхъ, хлопалъ крыльями, весело разсматривалъ идущія мимо льдины и распѣвалъ во всю мочь. — Всѣ захохотали разомъ, но многіе тотчасъ стихли: имъ стало жаль веселаго забавника, который долженъ былъ погибнуть со своими подругами въ мутныхъ волнахъ, потому что льдина летѣла прямо на быкъ, а инымъ только этого и хотѣлось. Другіе же размышляли, какимъ бы манеромъ поймать куръ и пѣтуха, если ихъ пронесетъ благополучно въ ворота? Бо̀льшая часть кричала:

«Ишь, куда влѣзъ! да нѣтъ, братъ, не уйдешь! кричи, не кричи, а вотъ сейчасъ тебѣ карачунъ будетъ!»

— Ха! ха! ха! раздавалось справа; ха! ха! ха! гремѣло слѣва; — весь мостъ и оба берега заняты были судьбой пѣтуха. Но вотъ льдина ближе и ближе — всѣ стихли — смотрятъ — льдина налетѣла на быкъ, треснула — и куратникъ съ пѣтухомъ и курами исчезъ подъ водою. Только его и видѣли! Почти всѣ были очень довольны происшествіемъ, и каждый по своему разсуждалъ объ немъ.

Digitized by Google

«Вотъ ка-бы немножко сюда пошла, замѣтилъ извѣстный намъ Андрюшка, такъ не задѣла бы!»

— Не задѣла бы! — небрежно поддакнулъ Ванька, и потомъ, отъ нечего дѣлать, началъ глядѣть вдаль. Сперва ему кинулась въ глаза Городская больница, за ней Нескучный садъ, Мамоновскій замокъ, далѣе засинѣлись Воробьевы горы.... но Ванька не любилъ долго засматриваться, на что бы то ни было, и притомъ былъ характера безпокойнаго и требовавшаго постоянной перемѣны предметовъ — и потому опять быстро поворотилъ свои глаза на рѣку и тотчасъ увидѣлъ на берегу парня, который ловилъ багромъ плывущія мимо чурки и полѣнья.

«Ишь ты: подъ носомъ плыветъ, а не видитъ! что стоишь? лови!» командовалъ Ванька, хотя команды его никакъ нельзя было услышать съ берега. Потомъ, очень довольный собою и не находя больше предметовъ для развлеченія, потому что большихъ льдинъ не было, а на маленькія не стоило смотрѣть, — онъ немного отодвинулся отъ борта и началъ разсматривать камни ограды: оказалось, что одинъ лопнулъ и кусокъ вывалился вонъ.

«Это кто-нибудь зубомъ выкусилъ!» началъ острить Ванька самъ съ собою и потомъ обратился къ сосѣду: «это ты видно зубомъ выкусилъ! а?.... а что, попробовать, выкусишь, али нѣтъ?» Но и этого разсужденія онъ не кончилъ и снова обратился къ рѣкѣ и сталъ смотрѣть на льдины. Новая и тоже довольно странная фантазія пришла въ голову Ванькѣ, но такъ какъ онъ любилъ свои фантазіи высказывать вслухъ, то высказалъ и эту.

«А что, коли туды скакнуть?»

— Что, извѣстно что! — сказалъ кто-то рядомъ, но и этотъ не любилъ дорисовывать картинъ, и они оба съ Ванькой занялись тотчасъ же чѣмъ-то другимъ; это вызвало у нихъ новые толки и фантазіи, которые тутъ же и оборвались.... За то какой-то господинъ, подслушавшій ихъ разговоръ и предположеніе спрыгнуть въ воду, пустился сейчасъ дорисовывать въ умѣ своемъ эту картину. Это былъ мечтатель совсѣмъ другаго свойства: онъ любилъ произвести при случаѣ эффектъ.

«У, чортъ возьми! что, въ самомъ дѣлѣ спрыгнуть бы на ледъ? а?.... Со льдинки на льдинку.... шестикъ какой-нибудь въ руку.... всѣ кругомъ смотрятъ.... удивляются.... шумъ.... говоръ.... вол-

Digitized by Google

неніе! ... Ему воображалась какая-то красавица, выглядывавшая изъ окна и дѣлающая ему одобрительный знакъ; и онъ несся въ мечтахъ по льдинамъ — все къ ней, все къ ней.... и неизвѣстно, куда бы еще занесся, если бы вдругъ, надъ самымъ его ухомъ, не раздался крикъ:

— Терешка! Терешка! Терешка! — Онъ оглянулся: это былъ пьяный мужикъ, у котораго голова какъ-то странно качалась то взадъ, то впередъ, а руки, съ раздвинутыми пальцами, описывали въ воздухѣ полукружія. Мужику мерещился какой-то Терешка и онъ, идя довольно скоро и натыкаясь на всѣхъ, кричалъ: Терешка! Терешка! Терешка! — Многіе поворотили головы и посмотрѣли на мужика; но прежде всѣхъ казакъ, тоже было заглядѣвшійся на льдину, услышалъ крикъ Терешка! устремилъ въ ту сторону глаза. и ясно было, что онъ готовъ что-то предпринять, но голосъ и мужикъ исчезли довольно скоро, и успокоившійся казакъ опять поворотилъ голову къ рѣкѣ....

Въ это время показались на мосту двое купцовъ и между ними шелъ слѣдующій разговоръ, или лучше сказать, отрывокъ разговора:

«Берите, говоритъ кредиторамъ, теперь, говоритъ, а то, говоритъ, ничего не получите!»

Это говорилъ одинъ, но другой какъ-то не разслушалъ, требовалъ повторенія, и первый началъ снова, немного варьируя:

«Вы, говоритъ, берите теперь! кредиторамъ-то сказалъ; а то ничего не получите! ничего, говоритъ, не получите! вотъ что!«

Тутъ подошелъ къ нимъ третій и послѣ взаимныхъ привѣтствій, спѣшилъ сообщить имъ новость:

— Знали вы Самсонова?

«Захаръ Иваныча?»

— Захаръ Иваныча!

«А что?»

— Да померъ!

«Какъ? Захаръ Иванычъ? Что вы? Царство ему небесное!»

И всѣ трое принялись разсуждать о покойникѣ, и въ концѣ почти каждаго монолога, кто-нибудь прибавлялъ печальнымъ тономъ и смотря въ землю:

«Такъ вотъ что! померъ!».... Вообще разговоръ на мосту дѣлался разнообразнѣе и разнообразнѣе и переходилъ отъ рѣки

Digitized by Google

ко всевозможнымъ предметамъ. Охотникъ, наткнувшись на другаго охотника, началъ объяснять ему свои предположенія насчетъ предстоявшей пальбы и между прочимъ завелъ рѣчь о телѣжкѣ, которую только-что устроилъ.

«Ты думаешь, что мнѣ стала телѣжка-то?»

— Что? цѣлковыхъ пятьдесятъ-шестьдесятъ!

«Да, почти! Все ужъ надо получше; вѣдь вотъ коробъ одинъ семь цѣлкашей; колесы совсѣмъ съ шинами — тридцать; оси штемплеванныя десять далъ: десять да семь, это семнадцать, это пятьдесятъ семь рублей, говорятъ! да тридцать! вотъ ужъ почти пятьдесятъ цѣлковыхъ!»

— Да ты зачѣмъ же оси-то желѣзныя? — перебилъ другой: ты бы деревянныя съ желѣзною прорѣзью, — прорѣзь желѣзная какъ есть во всё!....

«Ну да ужъ такъ! Все лучше! — отвѣчалъ снова первый: а потомъ оглобли тамъ, да подушка съ пружинами.... да....

Но охотникъ не кончилъ: мимо ихъ проходила какая-то блондинка въ сѣренькомъ салопѣ.

«Ну что, видѣлъ?» спросилъ одинъ.

— Видѣлъ! такъ это-то твоя.... помнишь, ты мнѣ разсказывалъ....

«Эта! а что?»

— Да ничего особеннаго! Не знаю, что ты тутъ нашелъ?

«Вижу, что ты ничего не понимаешь! или просто не взгладѣлся.... она удивительно какъ мила!»

И онъ долго глядѣлъ ей во слѣдъ и перебиралъ всѣ складки на ея салопѣ и окидывалъ глазами сверкавшія изъ-подъ него узенькіе слѣдки.... потомъ оба охотника пошли съ мосту.

Скоро толпа стала рѣдѣть. Ледъ шелъ уже мелкими икрами и не могъ занимать наблюдателей. Весьма не многіе оставались на мосту, но къ вечеру разбрелись и тѣ. Послѣдній, кажется, ушелъ Андрюшка, а за нимъ ушелъ и казакъ, видя, что сходбища ужъ нѣтъ и ему больше нѣ за чѣмъ тутъ присутствовать.

Къ ночи у многихъ заложило носы и сдѣлался насморкъ, а кто былъ понѣжнѣе, и вовсе заболѣлъ. Также простудился и дитя у барыни изъ простыхъ, и она снова принялась за няньку, но дома разшумѣлась еще больше, чѣмъ на мосту, и нѣсколько разъ упоминала объ жалованьѣ.

Digitized by Google

На другой день поутру ледъ опять пошелъ сильнѣе, и Иванъ приходилъ будить любопытнаго чиновника:

«Не угодно ли посмотрѣть: говорятъ, ледъ опять пошелъ!»

Чиновникъ поворотился въ постели, искоса глянулъ на стучавшіе надъ нимъ Цыцарскіе часы: стрѣлка показывала только осемь; онъ перевернулся на другой бокъ и минутъ черезъ пять не слыхалъ ужъ, какъ стучали часы....

Къ вечеру прошелъ и этотъ ледъ, и больше ужъ не было. Вода разлилась и поднялась очень высоко, какъ давно не бывало. Такъ простояла она два дня, а на третій нѣсколько опустилась. Теперь она опять, какъ бываетъ всегда, и говорятъ, скоро, наведутъ Крымскій мостъ.

Н. Берегъ.

Апрѣль. 1850.
Москва.

Англійскій шерстяной союзъ. — Англичанинъ и Сѣверо-Американецъ (Янки) братья по крови, но живутъ совсѣмъ не по-братски. Оба не упустятъ случая насолить другъ другу, а по столкновенію общихъ выгодъ случаи эти встрѣчаются довольно часто. Въ настоящее время Англійскіе приверженцы ограниченной торговли (протекціонисты) хлопочутъ о составленіи шерстянаго союза, члены котораго должны обязаться не употреблять ни въ какомъ видѣ хлопчатой бумаги, замѣняя ее шерстью. Безпрестанно собираются митинги, произносятся рѣчи, пишутся адресы, и союзъ пріобрѣтаетъ новыхъ приверженцевъ. Можно угадать напередъ, что онъ не достигнетъ предположенной цѣли; но одна мысль объ немъ достаточно характеризуетъ духъ народа, въ головѣ котораго родилась она. Недавно извѣстный протекціонистъ Г. Феррандъ изложилъ на митингѣ *логическій* планъ шерстянаго союза. «Въ пользу 600 мануфактуръ Ланкастерскаго графства, говорилъ онъ, должны разориться всѣ помѣщики и фермеры. Мы будемъ сопротивляться этому. Составимъ въ свою очередь союзъ противъ Американской хлопчатой бумаги, союзъ въ пользу шерсти старой Англіи: дадимъ другъ другу честное слово не носить больше хлопчатой бумаги. Неужели она необходима для насъ? Наши бабушки не знали ея. Онѣ носили платья изъ Англійской шерсти и Англійскаго льна. Всего 70 лѣтъ, какъ мы познакомились

Digitized by Google

съ этимъ проклятымъ произведеніемъ; теперь оно втерлось повсюду: бумага сверху, бумага снизу, бумага вездѣ. Низвергнемъ ее. Отчего не надѣяться намъ на успѣхъ? Вспомнимъ только то, что Герцогъ Бедфордскій уничтожилъ подать съ париковъ, уронивъ моду на нихъ. Запретимъ между собою употребленіе хлопчатой бумаги, и черезъ два года Ланкастерскіе мануфактуристы станутъ просить у насъ пощады....» Рѣчь рьянаго оратора имѣла большой успѣхъ, и многіе изъ присутствовавшихъ въ собраніи объявили, что они лучше будутъ сморкаться въ пузыри, чѣмъ въ бумажные платки! А въ возможности исполненія этого обѣщанія ручается то обстоятельство, что при началѣ споровъ объ освобожденіи негровъ, аболиціонисты (защитники ихъ) мѣсяца три имѣли твердость пить чай и кофе безъ сахару, лишь бы только доканать этимъ плантаторовъ колоній!

НЕОСТОРОЖНОСТЬ. (Страница изъ семейной жизни). — Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ, въ улицѣ де л'Озель или въ улицѣ Копо, близъ извѣстнаго Сада растеній. Не угодно ли взглянуть на приготовленія къ званому вечеру?

Дочка, Нини, репетируетъ романсъ съ эффектами. Она принадлежитъ къ числу тѣхъ музыкантшъ, о которыхъ Гара говорилъ: «что за forte въ ихъ игрѣ! и что за forte въ голосѣ!»

Маменька собственноручно, въ послѣдній разъ, съ особеннымъ тщаніемъ перетираетъ ламповыя сферическія стекла, чтобы красота Нини явилась въ настоящемъ свѣтѣ.

Папенька, не надѣвая фрака и бѣлаго галстуха, недовольный искусствомъ полотера, вооружился щеткой и усердно лощитъ полъ, чтобы подать поводъ къ выгоднымъ заключеніямъ на счетъ приданаго.

Но нѣкоторые изъ званыхъ гостей, должно быть какіе-нибудь чудаки отъ Верхнихъ Альпъ, являются до назначеннаго часа.

Отецъ семейства, котораго они застаютъ на четверенькахъ, отдѣлывается отъ нихъ по примѣру Генриха IV, продолжавшаго играть въ лошадки съ сыномъ, не смотря на присутствіе вошедшаго неожиданно посла.

— Есть у васъ дочь невѣста? спрашиваетъ отецъ у гостя.

— Есть, отвѣчаетъ гость.

Digitized by Google

— Въ такомъ случаѣ, я обойду всю комнату.

.... Вечеръ конченъ. Гости разъѣхались. Нини, не кушавшая въ продолженіе всего дня, чтобы сохранить стройность таліи, бросается на оставшіеся пирожки. Горничная исполняетъ приказаніе скорѣе гасить огонь въ каминѣ: она его заливаетъ. Матушка снимаетъ наколку и, вмѣстѣ съ батюшкой, въ видахъ экономическихъ, тушитъ свѣчки мѣхами.

Эта поспѣшность приводитъ не къ добру. Хозяева распорядители бала не замѣчаютъ, что одинъ изъ гостей, тотъ самый молодой человѣкъ, который два раза съ видимымъ удовольствіемъ полькировалъ съ Нини, — почему-то заждался въ прихожей. И чего онъ ждетъ? Но онъ сдѣлался свидѣтелемъ прожорливости Нини и экономическихъ распоряженій папенѣки и маменьки. Что же онъ теперь подумаетъ о приданомъ и о воздержности? Еще одинъ вечеръ пропалъ ни за что! Бѣдная Нини! Придется разучивать новый романсъ съ эффектами: а сезонъ вечеровъ ужъ проходитъ! Неужели потеряны всѣ надежды?

Нини очень недовольна развязкой вечера.

Папенька, держа на рукѣ фракъ и бѣлый галстукъ, другою беретъ за руку маменьку, которая несетъ свою наколку, и скрывается съ нею въ задней комнатѣ, напѣвая романсъ, вѣроятно взятый съ Русскаго водевильнаго куплета:

Ахъ дочери! — мученье;
Спросите, кто имъ радъ?
Плати за ихъ ученье,
Плати — за ихъ нарядъ.
А подростутъ поболѣ,
Тогда отца и мать
Спросите вы — легко ли
Ихъ замужъ выдавать?

НИЗЪ И ЕВРІАЛЪ. — Гг. Леонъ Баттю и Эженъ Берсіу дарятъ Парижскій театръ Variétés новой пьесой, подъ заглавіемъ: «Низъ и Евріалъ.» Виргилій, конечно, не узналъ бы въ двухъ герояхъ Французской комедіи, любимыхъ имъ типовъ древней дружбы.

Низъ и Евріалъ принадлежатъ временамъ гораздо новѣйшимъ. Не угодно ли вамъ видѣть въ нихъ двухъ гусаръ старой Французской гвардіи, трубадуровъ, какъ водится, покрытыхъ ранами, рубцами и лаврами, пожатыми ими отъ Птоломаиды до Маренго.

Digitized by Google

Двадцать разъ, въ сраженіяхъ, Низъ спасалъ жизнь Евріалу; двадцать разъ Евріалъ отбилъ ударъ пики или выстрѣлъ, готовившіеся отправить друга къ печальнымъ берегамъ Стикса и Ахерона.

Вы, стало быть, уже знаете, что они издавна поклялись другъ другу въ дружбѣ по гробъ. Оттуда и начало именъ Низа и Евріала, обратившихся въ нарицательныя издревле. Но, можетъ ли, въ подлунной, и дружба быть совершенной, безусловной?

Въ одинъ прекрасный вечеръ судьба приводитъ друзей въ Баварскую хижину. И надо же имъ, въ этой хижинѣ, натолкнуться на Француженку, прекрасную, какъ многія Француженки и не-Француженки въ 19 лѣтъ, и кокетку безъ мѣры. Между Низомъ и Евріаломъ загарается пламя войны. Кто побѣдитъ сердце неумолимой? Каждый изъ друзей порознь начинаетъ мудреный маневръ, одинъ старается провести другаго, они начинаютъ подозрѣвать другъ друга, — взаимно ненавидѣть другъ друга, и, наконецъ, рѣшаются стрѣляться.

Но, къ счастію, въ ту же минуту, они вспоминаютъ о прежнихъ подвигахъ, подъ сѣнью дружбы.

— Неужели мы будемъ стрѣляться за эту дѣвчонку? говоритъ Евріалъ.

— Никогда, отвѣчаетъ Низъ.

Они обнимаются. Миръ. И рѣшено обратиться къ виновницѣ общаго несчастія и спросить у нее, кого она хочетъ сдѣлать счастливцемъ.

— Двухъ вмѣсто одного, отвѣчаетъ она. Меня сдѣлали полковой маркитанткой, и я буду третьимъ лицемъ вашего союза.

Авторы Французской пьесы, съ большимъ тактомъ, доказали, что древнія добродѣтели возможны и въ наше время.

ЧИСЛО ТЕАТРОВЪ И АКТЕРОВЪ ВЪ ГЕРМАНІИ. — Изъ оффиціальныхъ свѣдѣній видно, что въ 1849 г. было въ Германіи 123 театра перваго и втораго разрядовъ. Въ нихъ считаютъ 12,185 артистовъ, а именно: 3,378 актеровъ (1,982 мужчинъ и 1,416 женщинъ), 612 пѣвцовъ (330 мужчинъ и 282 женщины) 2,340 балетныхъ артистовъ (1,209 мужчинъ и 1,131 женщина) и 5,835 музыкантовъ оркестра; суфлеровъ 143, изъ нихъ женщинъ 8; прочихъ театральныхъ чиновниковъ 2,070, что вмѣстѣ составляетъ цифру 14,398. — Въ числѣ драматическихъ артистовъ Германіи — одинъ графъ, два барона и тридцать шесть дворянъ.

Digitized by Google

ЛюбопытныЙ физіологическій фактъ.— Въ началѣ нынѣшняго года вѣкая Кейзеръ, кружевница въ Граммонѣ (въ Бельгіи), благополучно разрѣшилась отъ бремени двадцать третьимъ ребенкомъ. Ребенокъ и мать остались живы и здравствуютъ. Говорятъ, что если почтенная матрона подаритъ своего супруга 24-мъ ребенкомъ, — супругъ намѣренъ звать въ крестные отцы самого Короля.

ЗНАНІЕ ЛАТИНСКАГО ЯЗЫКА. — Въ половинѣ семнадцатаго вѣка одинъ изъ настоятелей Антверпенскаго епископства, чуть ли не Aubert le Mire, составилъ библіотеку духовныхъ сочиненій на Латинскомъ языкѣ. Въ каталогѣ этой библіотеки есть, между прочимъ, книга подъ заглавіемъ «Pastor fido» (le Fidele Berger). Почтенный отецъ, вѣроятно, счелъ ее за трактатъ объ обязанностяхъ вѣрнаго пастыря.

ЧУДЕСА ИГОЛКИ. — Всѣмъ извѣстно, что въ слѣдующемъ году откроется въ Лондонѣ всемірная выставка промышленности. Всѣ страны представятъ туда цвѣтъ своихъ издѣлій, источники своего богатства.... Что пошлемъ мы, еще невозмужалые въ дѣлѣ промышленности? Сырыя ли свои произведенія, или тѣ немногія мануфактурныя издѣлія, которыя, вслѣдствіе благопріятныхъ обстоятельствъ, доведены у насъ до замѣчательной степени совершенства? До сихъ поръ объ этомъ можно говорить только гадательно. Но вотъ первое положительное извѣстіе: мы пошлемъ чудеса иголки, chef d'oeuvre швейнаго искусства. Прочтите слѣдующее объявленіе въ 91 N Москов. Полиц. Вѣдомостей: „Въ гостинницѣ Германіи, подъ N 10, можно видѣть *шитье подъ гравировку*, которое имѣетъ быть на всемірной выставкѣ, въ Лондонѣ; за входъ 1 руб. сер.» — прочтите и подумайте о глубокомъ смыслѣ его. А мы только скажемъ: да здравствуетъ иголка!

ПРОДОЛЖЕНІЕ СКАКОВЫХЪ ЗАКЛАДОВЪ. — На вызовъ Петербургскихъ приверженцевъ кровныхъ лошадей* Г. Смагинъ, тропчникъ, отвѣчаетъ, въ Сѣв. Пчелѣ, между прочимъ, слѣдующее:

---

* См. 8 N Москвитянина.

Digitized by Google

„Для всѣхъ рабочихъ употребленій едва ли можетъ быть что-нибудь превосходнѣе той неопредѣленной породы лошадей, которыми такъ богата Русская земля. Онѣ родятся у насъ десятками тысячь, а покупаются десятками рублей; онѣ служатъ и подъ молодцемъ-гусаромъ, и въ сохѣ крестьянина; ими прославлена быстрота нашихъ почтовыхъ сообщеній и движеніе громадныхъ обозовъ; изъ нихъ проявляются рысаки, *которые бѣгутъ двадцать верстъ въ 41 минуту*, и онѣ же соперничаютъ въ безпощадныхъ бояхъ съ первымъ поколѣніемъ *Женераль-Шассе*, соперничаютъ неутомимо, съ самоотверженіемъ, предъ которымъ блѣднѣютъ *Бедуины* и *Малекъ-Адели*. Если только этой полезной и славной породѣ господа, предлагающіе вызовъ, не удостоятъ приписывать *болѣе или менѣе Англійской скаковой крови*, и согласятся поубавить цѣнность заклада (который превышаетъ мои средства), то я сочту особенной честью соперничать съ ними, не только отъ С.-Петербурга до Орла, но ежели угодно, хоть до Ирбита, благодаря обширности Русскаго ипподрома.“

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРІОБРѢТЕНІЕ. — Нѣсколько разъ сбирался и начиналъ я писать хотя краткія извѣстія о своихъ археологическихъ пріобрѣтеніяхъ; но вслѣдствіе разныхъ занятій прерывались эти извѣстія, между тѣмъ какъ въ нихъ можетъ встрѣчаться много любопытнаго для охотниковъ и знатоковъ, а отлагаемыя, онѣ забываются и затериваются. На дняхъ получилъ я транспортъ съ рукописями изъ Казани, отъ стараго своего коммиссіонера, Ивана Никонова Изергина, Вятскаго уроженца, а именно: Псалтирь, вѣка 16, рукопись чистая уставная, въ коей въ срединѣ попалась мнѣ слѣдующая важная приписка:

«Здѣ имаеть конецъ псалътыри. гиръ. гевенъ. іень. ендедесаатиръ хвала. лаоугъдеѡ. съ над'писанія ꙗалмомъ. приведены на рꙋсьскіи ꙗзыкъ изнемецьскія псалтыри. влѣто. ҂з҃ осмаго. а влатыньскои псалтыри написаніе однаки снашими срꙋсьскими слово в'слово, а велѣлъ переводіть архіепкпъ генадеи новогороцкіи. а переводилъ митіца малои. а преже того года за два переводилъ архіеп'пъ первыя власти и потомъ мітя. а тꙋже оутретыя опят митя переводилъ.» *М. П.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Л. А. Мей будетъ завѣдывать отдѣленіями Русской Словесности и Иностранной Словесности.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ КОЕ-ЧТО ПО ПОВОДУ КАРТИНЪ И ЭСКИЗОВЪ Г. ѲЕДОТОВА. — Къ какому разряду художественныхъ произведеній, къ какому направленію въ искусствѣ слѣдуетъ отнести картины и эскизы Г. Ѳедотова, имѣвшіе столько успѣха и у Петербургской и у Московской публики? Что заставляло стоять передъ ними на выставкахъ такую большую толпу посѣтителей, что привлекало къ нимъ приходившихъ въ Ростопчинскую галлерею и отводило глаза, повидимому незаконно, отъ многихъ превосходныхъ вещей, гораздо высшаго художественнаго достоинства, въ ней находящихся? Особенная ли острота, съ которою они задуманы, особенная ли художественность въ артистической обработкѣ, особенная ли виртуозность въ технической отдѣлкѣ? Или, болѣе нежели что другое, новость рода, мѣткость, съ которою художникъ попалъ именно на то направленіе, по которому, при данныхъ обстоятельствахъ, можно идти успѣшнѣе, нежели по другимъ, однимъ словомъ — оригинальность и вмѣстѣ современность въ оригинальности? — Вѣроятно и то, и другое вмѣстѣ, но, какъ кажется, второе нѣсколько болѣе нежели первое. Поэтому, конечно, очень многіе, послѣ разсматриванія произведеній Г. Ѳедотова, старались себѣ уяснить, къ какому роду живописи, или вообще къ какому художественному направленію они относятся?

Digitized by Google

Яснѣе всего, что это живопись такъ называемая du genre,— родъ живописи, кажется, самый благодарный, съ тѣхъ поръ какъ живопись стала получать болѣе кабинетное, нежели монументальное назначеніе, и еще болѣе съ тѣхъ поръ, какъ высокое образованіе стало считаться вещью ненужною для художника, а богатство мыслями — даже качествомъ вреднымъ. Не говоря объ исключеніяхъ, которыя рѣдки, а объ общемъ характерѣ, что можетъ быть произведено великаго въ исторической живописи, когда мысли, которыхъ совокупность составляетъ то, что называется современною образованностію, и служитъ атмосферою, въ которой движутся люди вожатые по разнымъ сферамъ человѣческой дѣятельности, когда эти мысли, духовное богатство времени, почти совсѣмъ чужды художнику? Не такъ было во времена высокаго процвѣтанія художествъ, не такъ было во времена Рафаеля, Микель-Анджело, Винчи, чтобъ не говорить о времени Фидія. Тогда первые художники стояли во всѣхъ отношеніяхъ во главѣ своего времени. У нихъ все было общее съ представителями тогдашняго общества; всѣ интересы, всѣ увлеченія времени были имъ вѣдомы и служили пищею ихъ дарованіямъ. Мудрено ли, что и дарованія росли удивительнымъ образомъ и не ослабѣвали до самой глубокой старости? Теперь такое отношеніе художника къ современнымъ интересамъ, къ внутренней жизни общества, почти не въ порядкѣ вещей, — явленіе печальное, на которое можно указывать, только говоря о художникахъ, болѣе или менѣе свободныхъ отъ упрека, заслуживаемаго большею частію ихъ собратій.

При такомъ состояніи образованія большей части художниковъ, процвѣтаніе высокихъ родовъ живописи становится невозможнымъ, и потому мы дѣйствительно видимъ, что отчасти высокіе роды склоняются сами къ характеру болѣе низкихъ родовъ, отчасти даровитые художники оставляютъ ихъ и переходятъ къ послѣднимъ. Историческая живопись, не смотря на внѣшнія пособія и поощренія, которыми пользуется, уступаетъ все болѣе и болѣе мѣста ежедневному быту (au genre). * Это явленіе очень по-

* Читатели замѣтятъ, что авторъ затрудняется въ передачѣ этого техническаго слова. Пусть позаботятся о томъ знатоки.

Digitized by Google

нятно. Послѣдняя живопись не обращается за своими предметами въ высокія области: она беретъ ихъ изъ той вседневной жизни, которая окружаетъ всякаго, которую знаетъ всякій, какъ всякій знаетъ хлѣбъ, дрова, платье. Она доступнѣе исторической; она ко всякому просится въ комнату; она всякому понятна. Съ тѣхъ поръ какъ люди раздѣлились на образованныхъ и необразованныхъ, она имѣетъ болѣе обширную публику, нежели живопись историческая. Къ тому же она можетъ процвѣтать во всякое время, какъ бы оно скудно ни было поводами къ положительному одушевленію. Этотъ родъ живописи болѣе требуетъ мѣткой наблюдательности, нежели увлеченія, болѣе вѣрности природѣ, нежели высокаго изящества, болѣе даровитости и остроумія, нежели геніальнаго богатства мыслями и истинно-художественнаго, спокойно-восторженнаго міросозерцанія. Процвѣтаютъ роды: портретный, жптейскій. Къ нимъ относится большая часть удовлетворительныхъ художественныхъ произведеній подобнаго времени; занятія ими бываютъ пріятны художникамъ, потому что при нихъ легче удача; публика принимаетъ въ нихъ участіе по охотѣ, тогда какъ на историческія картины смотрятъ какъ бы по обязанности.

Этимъ отчасти объясняется успѣхъ живописи житейской и въ особенности успѣхъ Г. Ѳедотова, тѣмъ болѣе, что его родъ народный.

Но когда мы относимъ картины и эскизы Г. Ѳедотова къ нашему народному роду, то этимъ мы еще сказали очень мало. Чтобы ближе опредѣлить ихъ характеръ, мы позволимъ себѣ сблизить ихъ съ тѣми знаменитыми произведеніями живописи, которыя они собою наиболѣе напоминаютъ. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь рѣчь можетъ идти болѣе всего о Нидерландскихъ живописцахъ этого рода и о несравненномъ Гогартѣ. И такъ, чѣмъ напоминаетъ Г. Ѳедотовъ знаменитыхъ Нидерландцевъ, въ главѣ которыхъ стоятъ Теньеръ, Остадъ, Довъ? въ чемъ онъ приближается къ Гогарту?

Одно изъ замѣчательныхъ качествъ искусства Г. Ѳедотова, это — вѣрность дѣйствительности, иногда удивительная, разительная вѣрность. У него вовсе нѣтъ заученыхъ, академическихъ позъ; его фигуры не въ положеніяхъ, а въ дѣйствіи; онѣ всѣ взяты изъ живаго міра, съ оригиналовъ, движущихся по собственной

Digitized by Google

волѣ или нуждѣ, а не по просьбѣ или приказанію художника. Ежели онъ просилъ Музъ, какъ разсказываютъ объ одномъ художникѣ, чтобы онѣ избавили его отъ академической модели, то вѣрно можно сказать, что его молитва была услышана Музами. Изъ живаго изученія живой дѣйствительности онъ вынесъ и то искусство, которое столько же легко и всѣми оцѣнивается, сколько трудно и не многими пріобрѣтается,—искусство колорита. Ежели исключить, можетъ быть, тѣло человѣческое, эту самую трудную задачу для колориста, и искусство соглашать цвѣта, Г. Ѳедотовъ владѣетъ колоритомъ въ замѣчательной степени. Къ этимъ качествамъ присоединяется наконецъ превосходная отдѣлка, чтобы дополнить сближеніе съ Нидерландскими живописцами. Но того, что составляетъ ихъ душу, что проходитъ, какъ внутренняя нить, по всѣмъ ихъ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ,—ихъ наивности, у Г. Ѳедотова нѣтъ, и этимъ онъ отъ нихъ отдѣляется. Въ той полуулыбкѣ, съ которою онъ смотритъ на сцены, имъ изображаемыя,—пусть онъ проститъ намъ это замѣчаніе,— есть немножечко злаго. У него расположеніе духа совсѣмъ не то, что было у мирныхъ и спокойныхъ Нидерландцевъ. Онъ своихъ героевъ увѣковѣчиваетъ совсѣмъ не такъ, какъ они. Наивная привязанность къ изображаемымъ лицамъ у него уступила мѣсто сатирической насмѣшкѣ надъ ними, и въ комизмѣ его сценъ есть много карикатурнаго.

Обыкновенно карикатуру считаютъ дѣломъ дурнаго вкуса; даютъ ей мѣсто за границею изящнаго. Но уже Дидротъ, ежели не ошибаюсь, въ своихъ остроумнѣйшихъ »Опытахъ о живописи,« сказалъ, постоянно однакожъ нападая на карикатуру, что во всякомъ ребенкѣ и во всякомъ старикѣ есть что-то карикатурное. Продолживъ это замѣчаніе, можно утверждать, что во всемъ несообразномъ, во всемъ смѣшномъ есть что-то карикатурное, что въ строгомъ смыслѣ карикатурное неразлучно съ комическимъ. Подтвержденіе этому мы видимъ въ народныхъ комедіяхъ у всѣхъ народовъ и болѣе всего въ созданіяхъ, по большей части фантастическихъ, неисчерпаемо-геніальнаго, и безъ сомнѣнія, въ высокой степени художественнаго Аристофана. Карикатурѣ Пунша или Шаривари конечно нельзя дать другаго мѣста, какъ у воротъ изящнаго, но въ то же время карикатуры

Digitized by Google

Гогарта можно съ полною увѣренностью помѣстить внутри границы истиннаго искусства, хотя, конечно, у самой границы. Карикатура Гогарта отличается такою разительностью неожиданныхъ сближеній, такою выразительностью положеній и лицъ, что росо più, какъ говорятъ, могло бы все испортить. Образы такъ наполнены выразительностью, такъ обременены ею, caricati, что когда на минуту художественный тактъ оставляетъ мастера, искусство становится искаженіемъ дѣйствительности и начинаетъ болѣе смѣшить, нежели нравиться.

Г. Ѳедотовъ въ этомъ отношеніи рѣдко переступаетъ границу позволительнаго. Въ двухъ-трехъ чертахъ упрекнуть его можно, напр. въ странномъ движеніи мужа Фиделькиной обладательницы, или въ нѣкоторыхъ позахъ эскиза: »Магазинъ.« Но что касается его »свѣжаго кавалера,« едва ли можно согласиться съ обвиняющими его въ чрезмѣрной карикатурности: преувеличеніе есть, только не чрезмѣрное. Гогартъ позволялъ себѣ иногда болѣе: свидѣтели тому Оксфордскіе ученые, или портретъ извѣстнаго дѣятеля оппозиціи Уилькиса. И не основанъ ли комизмъ очень многихъ сценъ, неподражаемо изображенныхъ или описанныхъ нашимъ Гоголемъ, на нѣкоторомъ преувеличеніи? Смѣлость и своенравіе иногда идутъ къ художнику и нравятся въ немъ, лишь бы была сохранена мѣра: успѣхъ въ искусствѣ по большей части зависитъ не столько отъ того, что позволяетъ себѣ художникъ, сколько отъ того, до какой степени онъ себѣ это позволяетъ.

Въ своенравіи, въ юморѣ Г. Ѳедотовъ далеко не приближается къ Гогарту. Гогартъ особенно удивителенъ въ изобрѣтеніи; въ contretems онъ рѣшительно неисчерпаемъ. Его девизъ: весь міръ состоитъ изъ противорѣчій; иллюстраціи къ нему онъ подбираетъ, гдѣ только можетъ, но рѣдко удовлетворяется одними противорѣчіями, представляющимися ему въ дѣйствительности. Онъ воспользуется двусмысленною кофейною, пристроенною къ церкви, воспользуется закулиснымъ хаосомъ странствующей труппы актеровъ; но большую часть своихъ остроумныхъ сближеній онъ сдѣлаетъ самъ, вовсе не заботясь о томъ, обыкновенны ли они въ дѣйствительности, или нѣтъ, лишь бы они были вѣроятны и смѣшны, или колки. Впрочемъ его колкость рѣдко бы-

Digitized by Google

ваетъ язвительна. Возьмите листъ: Strolling Actresses dressing in a Barn. Сколько фантазіи, какая неисчерпаемость таланта видна въ этомъ несмѣтномъ множествѣ подробностей, по которымъ всѣмъ проходитъ одна мысль, — начиная съ Діаны, такъ мало дѣвственной и такъ легко доступной, или чертенятъ съ пивомъ на мраморномъ жертвенникѣ, до обезьяны, непристойно оскорбляющей рыцарскій шлемъ. Все это не относится къ истинному величію; все это относится только къ мишурнымъ декораціямъ бѣдной странствующей труппы; художникъ, выбирая этотъ сюжетъ, не имѣлъ ничего особеннаго въ виду; онъ только обрадовался случаю дать просторъ своему остроумію, и, пользуясь сюжетомъ, дававшимъ такъ много свободы, создалъ произведеніе, въ которомъ никто не станетъ отрицать поэтическаго, творческаго характера.

Въ выставленныхъ картинахъ и эскизахъ Г. Ѳедотова преобладающій характеръ—прозаическій. Вѣрная кисть Г. Ѳедотова передаетъ часто дѣйствительность съ точностью дагерротипа; она любитъ сцены болѣе натуральныя, болѣе обыкновенныя. Это не мѣшаетъ ей производить сильный эффектъ; только у Г. Ѳедотова эффектъ совсѣмъ другаго рода, нежели у Гогарта; Гогартовскаго размаха, Гогартовскаго смѣлаго творчества въ выставленныхъ произведеніяхъ Г. Ѳедотова не видно. Чтобы ближе опредѣлить различіе, воспользуемся тѣмъ, что̀ намъ далъ самъ художникъ, какъ бы для облегченія нашего дѣла, въ эскизѣ: »бѣдной дѣвушкѣ краса смертная коса.« Эскизъ невольно напоминаетъ первый листъ Гогартовскаго A Harlots Progress. Но какое различіе! У Гогарта молодая дѣвушка, дочь пастора, пріѣхавшая въ Лондонъ съ отцемъ, имѣвшимъ рекомендательное письмо къ одному епископу, попадается въ руки агентшѣ отвратительнѣйшаго изъ людей Чартерса. Стеченіе обстоятельствъ, совершенно неожиданное и необыкновенное, заставляющее улыбнуться всякаго зрителя, какъ бы ни негодовалъ онъ на стоящаго вдали и уже тающаго развратника, очевидно страдающаго не только ненасытностью, но и безсиліемъ. Такой облегчающей оригинальности нѣтъ въ эскизѣ у Г. Ѳедотова; у него изображена дѣйствительность, какъ она бываетъ. Вмѣсто отца пастора, верхомъ на старой лошаденкѣ, у него мать дѣвушки, кашляющая пред-

Digitized by Google

смертнымъ кашлемъ; вмѣсто изверга Чартерса у него молодой человѣкъ какихъ много, подкупающій дворника, какихъ также не мало, и пожилая особа съ нарядами у него безъ той столичной важности, которая у Гогарта ослѣпляетъ молодую дѣвушку. Облава идетъ у Г. Ѳедотова проще, какъ вообще и лица, выбранныя имъ, болѣе обыкновенны. Но это не уменьшаетъ достоинства превосходнаго эскиза; натуральность изображенія заставляетъ насъ принять, можетъ быть, еще большее участіе въ этой дѣвушкѣ, которая скоро испортитъ и свое вышиванье и свою будущность, и попадется въ мышеловку, вѣроятно, въ одно время съ мышкой, и еще прежде чѣмъ умретъ ея мать. Натуральность сцены оставляетъ нетронутымъ трагическое впечатлѣніе, производимое ею; мы отходимъ отъ нея съ впечатлѣніемъ болѣе сильнымъ, болѣе тяжелымъ, нежели отъ сцены Гогартовой. Сравнивая и ту и другую, мы приходимъ къ заключенію, что имѣемъ дѣло съ двумя направленіями въ искусствѣ, довольно различными.

Это замѣчаніе ведетъ насъ далѣе. У Гогарта, какъ извѣстно, безпрестанно встрѣчаются портреты современныхъ извѣстныхъ лицъ. Первый большой успѣхъ имѣлъ изо всѣхъ его карикатуръ N 3, A Harlots Progress за необыкновенное сходство, съ которымъ онъ изобразилъ Гонсона. Карикатурный портретъ Уилькиса распространился въ 4000 экземплярахъ. Множество портретовъ, наполняющее его карикатуры, даетъ имъ особенный характеръ. Что въ нихъ есть язвительнаго, бываетъ направлено противъ отдѣльныхъ лицъ, а не вообще. Таково его отношеніе и къ Англійскому народу; онъ его любитъ, а поражаетъ только уродовъ Англійской семьи, и въ подтвержденіе того показываетъ ихъ лицемъ и подписываетъ собственноручно ихъ имя или иглою или чернилами. У Г. Ѳедотова, напротивъ, портретовъ нѣтъ; нѣтъ по крайней мѣрѣ портретовъ въ значеніи портретовъ (о моделяхъ разнаго рода мы не говоримъ). Онъ позволилъ себѣ юмористическую выходку только противъ самого себя на одномъ изъ эскизовъ. Другихъ онъ не трогаетъ: теперь другіе нравы. Нашъ художникъ даетъ намъ типы дѣйствительныхъ лицъ, типы изъ разныхъ слоевъ общества.

Digitized by Google

Только эта особенность измѣняетъ характеръ произведеній; относитъ ихъ уже къ другому роду, къ другому направленію, и можно сказать слово, назвать направленіе по имени,—къ направленію сатирическому, преобладающему и въ теперешней литературѣ. Условные термины, правда, еще мало значатъ, потому что одинъ понимаетъ подъ ними то, другой другое; но ясное различеніе родовъ, ежели оно основано на изученіи образцевъ, чрезвычайно важно для эстетической критики. Можно даже сказать, что эстетическая критика тогда только и получаетъ серьезный характеръ, когда состоитъ не въ сужденіи, хорошо, или очень хорошо, или слабо, а въ указаніи данному художественному произведенію мѣста между другими художественными произведеніями. Потому, относя произведенія Г. Ѳедотова къ сатирическому направленію въ искусствѣ, намъ надобно ближе объяснить, что̀ мы разумѣемъ подъ терминомъ сатирическій. Тогда окажется, что уже одно отнесеніе ихъ къ сатирическому роду значительно ихъ характеризуетъ.

Опредѣленіе родовъ и направленій въ искусствѣ надобно брать изъ того времени въ исторіи искусства, когда существовало рѣзкое различіе между ними, когда въ искусствѣ господствовали тѣ genres tranchés, въ отступленіи отъ которыхъ Наполеонъ лично упрекалъ Гёте и еще прежде Французскіе классики упрекали Шекспира. Находимъ мы такую опредѣленность, обособленность родовъ только въ античномъ искусствѣ, и потому именно въ немъ намъ естественно искать руководителя, чтобы спознаться при критическомъ опредѣленіи характера новыхъ произведеній, возникшихъ въ эпоху сближенія всѣхъ сторонъ жизни и всѣхъ родовъ и направленій въ искусствѣ. Изъ того, что̀ представляетъ древній классическій міръ, мы хотимъ воспользоваться теперь только противоположностью ямба и сатиры. Всѣмъ извѣстна эта противоположность. Ямбъ существовалъ во время процвѣтанія Греческаго общества, почти можно сказать, прежде его процвѣтанія; ямбу соотвѣтствуютъ Итальянскіе народные стихи, носившіе разныя названія, но одинъ и тотъ же характеръ. Сатира, въ томъ значеніи ея, которое было плодомъ ея окончательной выработки, является въ Римѣ во время разложенія Римскаго общества. По характеру, ямбъ и сатира различа-

Digitized by Google

ются тѣмъ, что ямбическій поэтъ нападаетъ на лица, по большей части на своихъ личныхъ непріятелей, сатирическій поэтъ клеймитъ недостатки цѣлаго общества, или по крайней мѣрѣ цѣлыхъ его классовъ. Путь, по которому идетъ первый, открытъ поэту всякаго времени; по пути втораго можно съ успѣхомъ идти только въ извѣстныя времена. Ямбъ не можетъ производить тяжелаго впечатлѣнія. Когда Архилохъ преслѣдовалъ Ликамба, Греки смѣялись и не въ шутку равняли Архилоха съ Гомеромъ. Готовы были бы смѣяться и мы, еслибъ осталось побольше отрывковъ: что̀ намъ за дѣло до того, что Ликамбу не поздоровится? Почти также смѣемся мы или улыбаемся, читая сатиры Горація: мы не видимъ въ нихъ ни разочарованія, ни злобы на тогдашнее общество, ни даже злобы вообще на людей. Мы замѣчаемъ, что поэтъ болѣе имѣетъ дѣло съ своими личными обидчиками; мы вѣримъ ему, что стиль, которымъ онъ пишетъ на своихъ восковыхъ дощечкахъ,

Haud petet ultro
Quemquam animantem....

Совсѣмъ другое у Ювенала: тутъ уже дѣло не до личностей, тутъ клокочетъ негодованіе на гораздо большее число людей; оно безпокоитъ поэта и принуждаетъ его писать, не смотря на отсутствіе поэтической настроенности:

Si natura negat, facit indignatio versum.

Поэтому Ювеналу принадлежитъ дѣло выработки этого рода, того направленія, за которымъ съ его времени осталось имя сатирическаго. Въ Ювеналѣ улыбка дошла до того характера, съ которымъ она стала совершенно противоположна улыбкѣ Архилоха.

Возвратимся теперь къ нашимъ карикатурамъ. Здѣсь нельзя искать совершеннаго соотношенія съ тѣми двумя направленіями, которыя мы себѣ припомнили, но воспользоваться ими можно.

Рѣзкаго различія родовъ и направленій теперь нѣтъ и быть не можетъ; тѣмъ менѣе можетъ являться у насъ сатирическое направленіе во всей его безотрадной чистотѣ: въ христіанскомъ обществѣ для него нѣтъ мѣста. Но знакомство съ яркими разли-

Digitized by Google

чіями можетъ помочь намъ лучше замѣтить соотвѣтствующіе имъ болѣе тонкіе оттѣнки. Въ Гогартѣ, очевидно, ничего нѣтъ Ювеналовскаго, ничего нѣтъ сатирическаго въ строгомъ смыслѣ слова. Онъ или преслѣдуетъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ людей, нѣсколькихъ частныхъ лицъ, ему неправящихся, или смѣется надъ странностями и несообразностями. Изображаетъ онъ сцены изъ современной ему жизни, но онѣ для него матеріалъ, а не содержаніе. Онъ ихъ изображаетъ, чтобы изобразить посредствомъ ихъ всегдашнюю человѣческую превратность и странную игру случая въ этомъ мірѣ. Онъ беретъ черты изъ своего времени не для того, чтобъ изобразить свое время, а для того, чтобъ въ нравахъ своего времени показать забавныя или горькія противорѣчія, вездѣ сопутствующія людямъ. Поэтому мы находимъ у него картины *изъ* Англійскаго общества 18-го столѣтія, а не картины этого общества; у него множество оригинальныхъ образовъ,—частію вымышленныхъ, частію портретовъ,—взятыхъ изъ тогдашней дѣйствительности, но нѣтъ типовъ, служащихъ представителями цѣлыхъ разрядовъ тогдашняго Англійскаго общества. Онъ вовсе не хотѣлъ изображать современные ему нравы; этого у него не было въ виду. Только потому, что безъ этого ему нельзя было обойтись, онъ какъ бы по неволѣ становится художникомъ нравоописательнымъ.

Совсѣмъ не то у Г. Ѳедотова: онъ нравописатель по волѣ; его стремленіе—вѣрность, правда, въ изображеніи современныхъ нравовъ; они для него цѣль, а не средство, содержаніе, а не матеріалъ. Онъ хочетъ только передавать полотну плоды своей наблюдательности. Другой мысли у него нѣтъ. Поэтому самая передача для него—дѣло; онъ не играетъ сценами или образами, которые избираетъ для художественной обработки. Не имѣя никакихъ заднихъ мыслей, онъ дѣйствуетъ притомъ добросовѣстно. Поэтому-то все, что ему особенно удается, носитъ ясно современный, можно сказать, временный характеръ. Мы смѣло относимъ сюда всю фигуру »свѣжаго кавалера« и его кухарки, всю фигуру »майора«, лице купчихи, лице барыни, обладательницы Фиделькы, не приводя многихъ другихъ превосходныхъ лицъ, выразительныхъ движеній, живо-говорящихъ жестовъ. Все это образы типическіе и образы не всегдашніе, а временные. Тѣ сцены, въ которыхъ мало

Digitized by Google

временнаго, выходятъ у Г. Ѳедотова довольно сухи и блѣдны, конечно говоря относительно, сравнивая ихъ съ тѣмъ, что ему же особенно удалось. Его главная черта — мѣткая наблюдательность, удивительное умѣнье подмѣчать во всемъ окружающемъ *характерическія странности*, тогда какъ Гогарта привлекали тѣ странности, которыя наиболѣе необыкновенны и случайны. Съ этимъ различіемъ тѣсно связано и различіе въ расположеніи духа, которое художникъ передаетъ зрителю, потому что имѣетъ его самъ. Къ характеристическимъ, типическимъ странностямъ даннаго времени и мѣста нельзя относиться такъ, какъ къ странностямъ переходящимъ, случайнымъ, или какъ къ странностямъ, всюду сопровождающимъ человѣка. Улыбка, болѣе или менѣе злая, становится постоянною принадлежностью, входитъ почти во все міросозерцаніе такого художника, и передается зрителю съ тѣмъ большею силою, чѣмъ сильнѣе талантъ художника: наивный хохотъ или беззаботный смѣхъ становятся невозможными.

Мы сравнивали выше Г-на Ѳедотова съ Нидерландскими живописцами этого рода и отдали справедливость его исполненію. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ выше Гогарта, у котораго колоритъ былъ блѣденъ и холоденъ, въ позднѣйшихъ произведеніяхъ — жестокъ. Но въ рисункѣ, въ сочетаніи линій Гогартъ стоитъ высоко. Извѣстно, что Гогартъ считалъ себя даже изобрѣтателемъ теоріи изящной линіи и издалъ объ этомъ особое сочиненіе. Въ его композиціяхъ видна большая обдуманность и много вкусу въ этомъ отношеніи; потому на нихъ такъ пріятно и такъ легко смотрѣть. У Г. Ѳедотова напротивъ видно въ этой части искусства слишкомъ мало изученія. Успѣху его картинъ много вредитъ недостатокъ хорошей группировки, недостатокъ изученія въ постановкѣ фигуръ. Мало того, чтобъ движеніе было естественно; надобно такъ поставить фигуру, чтобъ она вся была оживлена, и чтобы притомъ ея очертаніе гармонировало съ очертаніями прочихъ фигуръ. Безъ этихъ условій картина не можетъ сдѣлать общаго пріятнаго впечатлѣнія. Ищите одной такъ называемой живописной композиціи, вы сдѣлаете картину неестественную, академическую; но ищите одной вѣрной композиціи, вы сдѣлаете картину, не удовлетворяющую справедливымъ художественнымъ требованіямъ. Это все тоже, что въ расположеніи драмы, требующемъ не только естественности, но и изученія.

Digitized by Google

Въ доказательство сказаннаго мы приведемъ сватовство майора. Въ картинѣ очевидно нѣтъ цѣлаго: она распадается. Лица связанныя тѣсно тѣмъ, что происходитъ, слишкомъ мало сгруппированы; линіи, ограничивающія ихъ фигуры, слишкомъ несогласны и нисколько не гармонируютъ между собою. Ежели разбирать строго, можно даже очень сомнѣваться въ томъ, хорошо ли поставлены онѣ и отдѣльно. Посмотрите на второстепенныя фигуры: на майора, на сваху, на сидѣльца, на старуху, и потомъ перейдите къ главнымъ лицамъ, не исключая даже самого купца: также ли живо они поставлены? Въ нѣкоторыхъ другихъ картинахъ и эскизахъ группировка тоже не совсѣмъ удачна, но нельзя не замѣтить, что тѣ оба эскиза, на которыхъ выставленъ позднѣйшій годъ (1848), замѣчательно отличаются въ этомъ отношеніи передъ прочими.

Но мы не станемъ продолжать этихъ критическихъ замѣчаній. Съ живымъ вниманіемъ разсматривавши превосходныя работы, которыми подарило Русскую публику замѣчательное дарованіе Г. Ѳедотова, мы почувствовали потребность дать самимъ себѣ нѣсколько болѣе точный отчетъ въ ихъ отличительномъ характерѣ. Другаго притязанія у насъ нѣ было и при написаніи этихъ строкъ; обязанности сдѣлать полную оцѣнку мы на себя не брали, а взялись посмотрѣть на нихъ только съ одной стороны, и съ живѣйшимъ интересомъ будемъ ожидать удовольствія видѣть послѣдующія произведенія рѣдко-даровитаго художника. Мы твердо увѣрены, что именно этотъ родъ можетъ у насъ имѣть въ настоящее время особенный успѣхъ, и потому не можемъ заключить этихъ строкъ, не поздравивъ Московскую публику съ замѣчательнымъ талантомъ другаго Москвича, еще болѣе принадлежащаго нашему городу. Мы говоримъ объ ученикѣ здѣшняго Художественнаго класса, Г. Астрàховѣ, котораго опыты въ чистомъ Нидерландскомъ родѣ, хорошо извѣстные публикѣ, посѣщавшей выставку, возбуждаютъ самыя пріятныя надежды.

П. Л.

Digitized by Google

МЕРТВАЯ И ЖИВАЯ.

(*Разсказъ*).

17 Февраля, 1815 года, около вечера, два носильщика принесли на носилкахъ въ госпиталь родильницъ, въ улицѣ ла-Бурбъ, молодую женщину безъ чувствъ и которой часъ разрѣшенія былъ близокъ. Противъ обыкновенія ей не хотѣли было давать пристанища: въ это время ужасная болѣзнь наполняла залы больными и умирающими; справедливо боялись, принимая ее, что эпидемія сдѣлаетъ еще одной жертвой больше. Носильщики разсказали тогда, что эта женщина упала безъ чувствъ на Новомъ мосту. «Никто изъ окружавшихъ не зналъ ее,» сказали они. «Не знали куда ее вести; обыскали ея карманы и нашли паспортъ на имя Марьи-Франциски Вегль, жены Бернардина Вюнчмана, башмачнаго мастера въ деревнѣ Стюзеймѣ, въ Нижне-Рейнскомъ департаментѣ. Докторъ, который случайно тамъ находился, видя, что эта женщина прохожая, велѣлъ намъ нести ее сюда. Смотрите за ней, потому что мы не понесемъ ее отсюда» Сказавши это, они положили бѣдную женщину на матрасъ, и взявши носилки, ушли. Въ ту же ночь, не приходя въ чувство, прохожая родила хорошенькую дѣвочку, крѣпкую и здоровую. Послѣ первыхъ страданій, Франциска, еще слабая и изнемогающая, пришла въ себя, но не могла отдать себѣ отчета въ томъ, что съ нею случилось. Она помнила о письмѣ, которое Магдалина, ея старшая сестра, вышедшая замужъ въ Фонтенебло, богатая и бездѣтная, писала ей: «у тебя уже двое дѣтей, скоро будетъ третій; для тебя это будетъ тяжелое бремя; пріѣзжай родить къ намъ, я буду матерью твоего дитяти, и мы воспитаемъ его, какъ свое собственное.» Франциска помнила еще свое нерасположеніе къ этому плану. Сначала она находила сотню возраженій противъ того, чтобъ оставить свой домъ такой чистенькій; своихъ убогихъ стариковъ, своего добраго мужа, который такъ любилъ, когда она ходитъ взадъ и впередъ мимо его; своихъ двухъ мальчиковъ, которые цѣлый день то висѣли у нея на фартукѣ, то сидѣли на колѣняхъ или на рукахъ. Въ ея отсутствіе, кто присмотритъ за этимъ милымъ домикомъ? Кто сваритъ супъ по вкусу старикамъ? Кто

Digitized by Google

довольно намажетъ масла на хлѣбъ для дѣтей? Кто будетъ заботиться, чтобъ у Вюнчмана утромъ былъ табакъ, а вечеромъ кружка пива?

Всѣ эти *великія* дѣла надобно было устроить, и потомъ это новорожденное дитя останется въ Фонтенебло, надобно будетъ отдать его Магдалинѣ.... Да, но ребёнокъ будетъ богатъ, — отвѣчалъ Вюнчманъ, вытягивая свои руки, уставшія отъ работы, — ему не нужно будетъ трудиться. На это возражать было нечего, и поѣздка было рѣшена.

Опечаленная Франциска откладывала какъ можно далѣе минуту своего отъѣзда. Пріѣхавъ на почтовой дворъ, она почувствовала себя очень дурно. Благоразуміе требовало нѣсколько отдохнуть, но она никого не знала въ Парижѣ и спѣшила увидѣться съ сестрой. Она просила указать себѣ дорогу въ улицу Дофинъ, откуда отъѣзжали кареты въ Фонтенебло, и взявъ свой маленькій узелокъ, отправилась туда пѣшкомъ. День склонялся къ вечеру. Оглушенная шумомъ каретъ и движеніемъ пѣшеходовъ, испуганная, больная, она однако шла бодро, какъ вдругъ на Новомъ мосту, силы и чувства ее оставили. Она упала... Съ этого времени, она ничего не помнила.

— Гдѣ я? сказала она, приподнимаясь съ трудомъ, — что со мной случилось?

Слабый крикъ новорожденнаго отвѣтилъ ей! Она протянула руки и ощупала пеленки. Мгновенно она поняла все.... она была матерью!.... Съ восторгомъ схватила она милое, маленькое созданіе, и не заботясь болѣе ни о чемъ, положивъ дитя къ себѣ на грудь, заснула. Велікое благодѣяніе Божіе сонъ, а невѣдѣніе будущаго еще бо́льшее благодѣяніе.

Былъ уже день, когда Франциска проснулась; она взглянула на дитя.

— Это дѣвочка: какъ Вюнчманъ будетъ радъ! дѣвочка, послѣ двухъ мальчиковъ, того-то намъ и надобно. Какъ она хороша и здорова! у ней уже длинные черные волосы, и большіе открытые глаза. Посмотрите на ея маленькій ротикъ, прелестныя розовыя щечки, и въ особенности на этотъ знакъ, удивительно хорошо помѣщенный на верхней губкѣ.... Ахъ, конечно: счастлива мать такой хорошенькой дѣвочки! Франциска, предаваясь радо-

Digitized by Google

сти отъ всего своего сердца, забыла все; она покрывала поцѣлуями свою дочь и не думала болѣе безпокоиться или огорчаться тѣмъ, что находилась въ такомъ мѣстѣ. Но мало по малу ею овладѣла какая-то тягость и она боролась со страданіями, не подозрѣвая ихъ важности. Въ обычный часъ, докторъ подошелъ къ кровати, и только что взглянулъ на измѣнившіяся черты Франциски, какъ узналъ симптомы эпидемической горячки. По его призыву подошла сидѣлка, и взявши дѣвочку изъ рукъ матери, сдѣлала ей обычный въ этомъ мѣстѣ вопросъ: «оставите вы ваше дитя у себя, чтобъ его кормить и воспитывать, или отнести его въ богадѣльню l'Enfant-Iésus?» Увы! слишкомъ хорошо вы знаете, что большей части несчастныхъ женщинъ, которыя дѣлаются матерями въ домѣ улицы ла-Бурбъ недостаетъ средствъ, а иногда и твердости, чтобъ воспитывать свое дитя. Произвольно или принужденныя обстоятельствами, онѣ покидаютъ его. Всякій день, на маленькія носилки, почти такія же, на какихъ носятъ маленькихъ покойниковъ на кладбище, кладутъ двухъ, трехъ или четырехъ живыхъ дѣтей, столько, сколько ихъ родилось въ этотъ день, или сколько могутъ сдержать носилки. Ихъ относятъ въ богадѣльню l'Enfant-Iésus; тамъ ихъ переписываютъ и каждому даютъ нумерокъ. Означаютъ мѣсто, день и подробности рожденія, съ точностію записываютъ его имя, чтобъ въ послѣдствіи мать могла его потребовать обратно, если захочетъ. Дитя уносятъ въ залы, и съ этой минуты оно становится найденышемъ. Съ первыхъ же дней его посылаютъ къ кормилицѣ, куда бы то ни было въ Пикардію, Бургундію, иногда и дальше. Если ему хорошо, тѣмъ лучше, если дурно, правительство, которое служитъ ему отцемъ, матерью, опекуномъ, — на всегда это знаетъ.

Ахъ, если бы Франциска поняла сдѣланный ей вопросъ, она вырвала бы свою дочь изъ рукъ сидѣлки; но она знала только языкъ своей страны и не поняла того, что ей говорили; она думала, что дочь ея берутъ отъ нея на одну минуту, на одинъ часъ, только чтобъ сносить ее къ меру и окрестить.... Не подозрѣвая того, что случится, она улыбнулась сидѣлкѣ въ знакъ благодарности и произнесла, какъ могла явственнѣе, но съ Нѣмецкимъ произношеніемъ, имена Маріи-Гертруды, которыя хотѣла дать своей дочери, прибавивъ еще имя Вюйчмана, и когда это было сдѣлано, изнемогая отъ страданій, она поцѣловала въ послѣдній разъ свое

Digitized by Google

дитя и подала рукой знакъ, которымъ хотѣла сказать: идите, отнесите ее.... И дитя исчезло.

Менѣе чѣмъ черезъ часъ, Франциска была уже въ бреду. Болѣзнь была опасна, но ея здоровье и сильное сложеніе, противъ всякой надежды, восторжествовали надъ этой опасностью. Между тѣмъ Магдалина, безпокоясь, что сестра ея долго не ѣдетъ, поспѣшила въ Парижъ; послѣ многихъ поисковъ, она нашла ее и тотчасъ же отправилась въ l'Enfant-Jésus, по данному нумерку, вытребовать свою племянницу. Ей сказали, что ребенокъ умеръ чрезъ два дня послѣ рожденія. Какъ только Франциска могла говорить, первымъ словомъ ея былъ вопросъ о дочери. Магдалина не смѣла отвѣчать ей. Сколько надобно имѣть твердости, чтобъ объявить матери, что она лишилась своего ребенка, чтобъ сказать ей эти ужасныя слова: твое дитя умерло!

Когда наконецъ бѣдная мать поняла истину, она ни разу не вздохнула, не пролила ни одной слезы и не хотѣла ничему вѣрить: — »Нѣтъ, сказала она, съ энергіей, — нѣтъ, моя дочь не умерла Дитя не умираетъ такъ, чтобъ мать этого не знала. Если бъ моя дочь умерла, развѣ любовь моя не извѣстила бы меня объ этомъ?« — Какъ только она могла ходить, то велѣла проводить себя въ домъ l'Enfant-Jésus. — »Вы передъ Богомъ отвѣтите за мое дитя, сказала она сестрамъ, собравшимся около нея. Надобно, чтобъ дочь моя нашлась; надобно отдать ее мнѣ.» Она обѣжала весь домъ, побывала во всѣхъ залахъ, обыскала всѣ колыбелки....

Почти силой надобно было оторвать ее отъ этихъ отчаянныхъ поисковъ.

Въ тотъ же вечеръ печальная Магдалина отвезла ее къ себѣ въ Фонтенебло. Но ничто не могло разсѣять Франциску. Она впала въ непреодолимую меланхолію. По истеченіи двухъ мѣсяцевъ, когда должно было оставить Фонтенебло, чтобъ возвратиться въ Стюзеймъ, она почувствовала, что горесть ея удвоилась, и не хотѣла было ѣхать. Безъ удовольствія увидѣла она свою деревню и свой домъ. Она плакала, обнимая Вюнчмана и своихъ малютокъ. Между тѣмъ всѣ были рады увидѣть ее снова, и встрѣтили съ радостными криками. Для нихъ потеря ребенка, котораго и не видали, была уже забытымъ несчастіемъ. Ничто для нихъ не перемѣнилось, ничто, кромѣ той, которая возвратилась къ нимъ. Это была уже не прежняя веселая Франциска, дѣя-

Digitized by Google

тельная и внимательная, пекущаяся обо всемъ, думающая о каждомъ и которая весело распѣвала, занимаясь своимъ хозяйствомъ: Теперь печальная, погруженная сама въ себя, она думала о своей покинутой, умершей дочери. Днемъ она видѣла ее вездѣ, на рукахъ у мужа, на колѣняхъ у старой матери, въ пустой люлькѣ, которую каждое утро убирала, какъ бы ждала, что принесутъ ея дочь. Ночью вдругъ вокакивала, какъ будто слышала, что она плачетъ. Сосѣдки не смѣли проходить съ дѣтьми мимо ея дверей, потому что тогда бѣдная мать плакала горькю, а старики, глядя на нее, говаривали между собою: «Разсудокъ Франциски улетѣлъ вмѣстѣ съ ея дочерью.»

Такъ прошелъ весьма печальный годъ.

Но Богу, создавшему сердце матери, угодно было явить милосердіе свое Францискѣ, даровавъ ей утѣшеніе въ горести. Она родила другую дочь.

Вообразите, если это возможно, какая радость овладѣла сердцемъ матери, при видѣ этой дѣвочки, которой личико, казалось, было портретомъ ея умершей сестры. Воображеніе Франциски было такъ сильно, что новорожденная въ ея глазахъ не была второй дочерью; это была первая, ея бѣдная, покинутая малютка, которую ей возвратили. Эту она назвала также Гертрудой, смѣшала ихъ въ своихъ мысляхъ, въ своей нѣжности, забыла свое роковое путешествіе. Она не вспоминала болѣе о своей печали, и веселость, радость, пѣсни возвратились въ ихъ жилище. Не удивляйтесь этому: вѣдь мы не можемъ страдать вѣчно; благое Провидѣніе милосердо устроило, чтобъ послѣ горести слѣдовало забвеніе.

Впредь все пошло хорошо въ Стюзеймѣ. Тихо и безмятежно шли и проходили годы. Старики умерли; семья въ этомъ утѣшилась, говоря, что надобно же было этимъ кончить. Оба мальчика воспитались безъ особенныхъ приключеній; Франциска не сводила глазъ съ своей дочери, и не думая ни о чемъ кромѣ ея, смотрѣла какъ она росла. И въ одинъ день Гертрудѣ минуло семнадцать лѣтъ.

Она была очень хороша. Свѣжая, какъ весенняя роза, веселая какъ зябликъ на своей вѣткѣ, проворная, ласковая, любящая и наивная, она была смѣшлива съ своими подругами, внимательна къ старикамъ, кротка и добра съ несчастными. Когда она шла по деревнѣ, всякій издали кричалъ ей: «здравствуй, наша Гертруда!»

Digitized by Google

Удовольствіе отъ этого ласковаго привѣтствія, заставлявшаго выступать краску на смуглыя, бархатныя щечки молодой дѣвушки, наполняло счастіемъ материнское сердце. Когда эта милая, возлюбленная дочь, полная нѣжной попечительности, съ своей свѣжей улыбкою, съ кроткимъ взоромъ своихъ блестящихъ черныхъ глазъ, прибѣгала къ своей матери, и когда граціозная и прекрасная, она обвивала руками ея шею, у счатливой матери было такъ весело на сердцѣ, какъ бы въ раю.

Увы, увы! часто бѣда поражаетъ насъ, когда мы какъ нельзя болѣе счастливы! Въ одинъ день все блаженство Франциски исчезло какъ сонъ.... На землѣ нѣтъ прочнаго счастія....

Это было въ 1832 году; холера приближалась къ Франціи. Уже она была въ Германіи, потомъ скоро въ Альзасѣ и въ Стювеймѣ. Ея смертоносная рука роспростерлась надъ деревней и изъ всѣхъ жителей выбрала одну жертву. Она коснулась чела Гертруды своимъ ледянымъ перстомъ, и поблѣднѣвшая роза преклонилась на своемъ стеблѣ; веселый зябликъ, уязвленный смертельно, упалъ съ своей вѣтки; молодая дѣвушка, изъ объятій своей матери, опустилась въ гробъ.

Тогда въ деревнѣ раздалось восклицаніе: «Гертруда умерла!» а вскорѣ еще другое: «Франциска сошла съ ума!»

Когда спрашиваютъ, что такое сумасшествіе, то отвѣчаютъ: это разстройство въ мозгу, въ нервахъ и проч....

А одинъ только Богъ знаетъ, что такое сумасшествіе....

Оставаясь цѣлыя сутки, блѣдная, холодная, нечувствительная и безгласная, Франциска вдругъ встала, но не колеблющаяся и убитая, а спокойная и твердая; ко всеобщему удивленію она вышла изъ дому и пошла къ священнику. «Я очень счастлива, сказала она ему, — сейчасъ я видѣла мою дочь, мою Гертруду; она приходила ко мнѣ и сказала: мать, не огорчайся моимъ отсутствіемъ, не плачь обо мнѣ, потому что мое блаженство велико; иди въ Фонтенебло искать ту, которая была прежде меня, и ты найдешь меня и будешь утѣшена. — И такъ я иду батюшка; иду въ Фонтенебло искать мою дочь; благослови меня....» Священникъ плакалъ, слушая Франциску, но не имѣлъ духа разувѣрять ее.

Франциска, возвратясь домой, занялась приготовленіями къ путешествію. Ея бѣдный мужъ, блѣдный и разстроенный, не на-

Digitized by Google

шелъ ничего лучше, какъ самому послѣдовать за нею. Онъ скинулъ свой кожаный фартукъ, собралъ въ домѣ и у своихъ должниковъ всѣ деньги, какія могъ только, заперъ дверь своего опустѣвшаго жилища, и пошелъ за Франциской, которая уже садилась въ дилижансъ, проѣзжавшій по дорогѣ. Они отправились. Путешествіе шло хорошо. Франциска не плакала и не говорила. Въ ней происходило что-то, извѣстное одному Богу. Господь совершаетъ въ душахъ непостижимыя тайны; у него есть безконечное милосердіе къ тѣмъ, кому онъ посылаетъ горести. Воспоминаніе давно забытаго прошедшаго предупредило ужасный ударъ, готовый разбить сердце Франциски; въ умѣ ея, надъ свѣжей могилой, какъ ночная звѣзда, возсталъ милый образъ нѣкогда потерянаго дитяти, и подобно восточнымъ волхвамъ, по слову небесному и съ очами устремленными на эту звѣзду, бѣдная мать шла къ надеждѣ....

Ей сказали два раза, въ какое время и въ какомъ мѣстѣ она не знала, что дочь ея умерла; но она знала, она говорила мужу, что дочь ея жива, и что они скоро ее увидятъ.

Такъ Франциска, въ заблужденіи разума, посылаемаго ей Провидѣніемъ, смѣшивая двухъ своихъ дочерей въ одну, достигла конца своего путешествія и скоро была въ богадѣльнѣ l'Enfant-Jésus.

Не случалось ли вамъ, при видѣ мѣстъ, которыя вы нѣкогда посѣщали, не смотря на протекшее время, вдругъ снова находиться подъ могуществомъ впечатлѣній и чувствъ, уже прежде испытанныхъ? Тогда снова приходятъ прежнія мысли, прежнія ощущенія, и жизнь наша такъ обильна печалями, что всего чаще оживаютъ въ насъ горестныя воспоминанія.

Когда Франциска переступила черезъ порогъ богадѣльни, осьмнадцать лѣтъ счастія, которымъ она наслаждалась, вдругъ изгладились изъ памяти. Для нея была только одна Гертруда, которую она приходила искать въ этомъ мѣстѣ, и которую ей не отдали. Она чувствовала то же безпокойство въ сердцѣ объ участи своей маленькой дочери, то же энергическое желаніе, ту же твердую рѣшимость найдти ее. Идя по заламъ, при видѣ этихъ колыбелей, нѣкогда обыскиваемыхъ ею съ такой грустію и настойчивостію, она все вспомнила. Блѣдная, съ пылающими глазами, какъ во время горячки, отрывистымъ, но твердымъ голосомъ, она произнесла имя ребенка, день, мѣсто и самыя под-

Digitized by Google

робности рожденія. Она ничего не забыла. Директоръ Г-нъ Дено, выслушавъ ее съ участіемъ и благосклонностію, обратился къ Вюнчману, который, въ свою очередь, простодушно разсказалъ всѣ прошедшія и настоящія ихъ несчастія. Г. Дено, не слишкомъ надѣясь, но по добротѣ, велѣлъ принести вѣдомость Февраля мѣсяца 1815 года, и длинный списокъ того дня былъ положенъ передъ глазами матери. Надобно было видѣть ея жадный, блуждающій, но исполненный любви и надежды взоръ, пробѣгающій всѣ эти дѣтскія имена.... Увы! Франциска и со всѣмъ своимъ разсудкомъ не нашла бы въ этомъ спискѣ милаго ей имени Маріи-Гертруды Вюнчманъ, потому что, странная вещь, оно не было вписано. И еще бо́льшая странность, другое имя, имя Маргариты Дюшеменъ было записано два раза и того же числа. Это обстоятельство показалось страннымъ Г. Дено. Одного имени недоставало, другое было повторено два раза.... Отъ чего это произошло? Была ли сдѣлана ошибка?

Намъ извѣстно, что въ то время, когда Франциска прибыла въ госпиталь, залы были наполнены матерями, пораженными болѣзнію и умершими. Всякая изъ нихъ оставляла сироту; развѣ нельзя было ошибиться, вписывая ихъ имена? Когда приносятъ вдругъ такое множество дѣтей, развѣ невозможно смѣшать ихъ? И не смотря на самыя мелочныя предосторожности, чтобъ избѣжать ошибки, развѣ трудно принять одно дитя за другое, забыть или повторить имя? Добрый Г. Дено размышлялъ.

— Дитя не имѣло ли какого наружнаго знака, который бы навелъ насъ на путь, чтобъ узнать его? спросилъ онъ у Вюнчмана.

— Кажется, у ней было маленькое черное пятнышко на губѣ, отвѣчалъ онъ, — но я въ этомъ не увѣренъ. Я всегда избѣгалъ говорить женѣ о дитяти, особливо съ тѣхъ поръ, какъ Богъ далъ намъ другое.

— Попробуемъ, сказалъ Г. Дено, — сердце матери бываетъ иногда вѣщимъ.

Онъ сталъ такъ, чтобъ ему можно было уловить малѣйшее душевное движеніе на лицѣ Франциски и сталъ читать слѣдующее:

«Маргарита Дюшеменъ. Наружные знаки: слабая, болѣзненная, почти умирающая. На правой ногѣ у нея красное пятно, похожее на клубнику».

Франциска, казалось, не слыхала. Директоръ прочелъ еще и на этотъ разъ взволнованнымъ голосомъ:

Digitized by Google

«Маргарита Дюшеменъ, родившаяся въ госпиталѣ. Наружные знаки: здоровая, хорошо сложенная. Между верхней губой и правой ноздрей имѣетъ знакъ....»

При этомъ словѣ Франциска вскочила съ своего мѣста. — Знакъ!.... знакъ!.... воскликнула она. Это она, это моя дочь! и лишилась чувствъ.

— Вотъ что ужасно, возразилъ директоръ, — бѣдная мать! эта вторая Маргарита Дюшеменъ умерла.

— Нѣтъ, вскричала Франциска, вдругъ возвратившаяся къ жизни, какъ мертвецы, встающіе изъ гроба, чтобъ пророчествовать, — моя дочь жива, не умерла; она въ Фонтенебло....

Чудный инстинктъ матери! не гласъ ли ты Божій? Г-нъ Дено, конечно, вѣрилъ въ это.

— Возьмите вашу жену, сказалъ отъ Вюичману, — пусть она идетъ куда хочетъ. Только я долженъ вамъ сказать, что дитя, имѣющее знакъ, не въ Фонтенебло, а въ Немурѣ, отдано кормилицѣ.

Прибывъ въ Фонтенебло, Франциска не хотѣла ѣхать далѣе.

Вы конечно видали когда-нибудь этихъ несчастныхъ женщинъ, руководимыхъ однимъ только инстинктомъ, у которыхъ отняли ихъ малютокъ, вы видали, какъ онѣ, полныя тоски, съ грустію во взорѣ, вопрошали воздухъ, пространство, стенали, обращались ко всему съ нѣмою просьбою. Такъ Франциска, въ своемъ помѣшательствѣ, пустилась по городу, бѣгая за всѣми женщинами, которыя несли на рукахъ маленькихъ дѣтей; идя и возвращаясь то въ лихорадочномъ волненіи, увлекавшемъ ее, то тихо останавливаемая Вюичманомъ, который за ней слѣдовалъ.

Магдалина же отправилась въ Немуръ. Кормилица была жива.

«Да, отвѣчала она на вопросы Магдалины, — я выкормила ее, мою маленькую Маргариту Дюшеменъ, доказательство, что она всегда была прекраснымъ ребенкомъ, свѣженькая, здоровая; она также была очень добра, кротка, услужлива и веселила весь домъ».

— Дитя, которое я ищу, сказала трепещущая Магдалина— имѣло на тѣлѣ особенный знакъ. Подумай, вспомни и скажи мнѣ, былъ ли онъ на ногѣ, или на лицѣ.

«Ахъ, да, это правда.... У ней была маленькая ножка, словно у Герцогини какой, да на ней ничего не было; а вотъ на

Digitized by Google

лицѣ, другое дѣло; у нея было, — когда я говорю было, такъ это значитъ, оно и теперь есть, — направо, кажется, что направо между ртомъ и носомъ, маленькое черное пятнышко.... но ты поблѣднѣла....»

— Ты не ошибаешься? Ты увѣрена, точно у ней былъ знакъ?

«Знакъ пожалуй; круглое пятнышко, вотъ какъ на рукѣ..»

— Гдѣ она?

«Да тамъ, куда я сама отвезла ее, когда было надобно. Этакая оказія была везти ее отъ насъ.... дитя не хотѣло разставаться съ нами, вѣдь она любила свою мать-кормилицу! Да развѣ ты ея мать, что меня такъ разспрашиваешь? Я надѣюсь, что это для ея пользы, а то....»

— Ахъ, да, для ея пользы. Но гдѣ она теперь?

«Тамъ, гдѣ она была шесть мѣсяцовъ тому назадъ, когда пріѣзжала сюда на праздникъ: у своей мастерицы Г-жи Урсулы, портнихи, въ улицѣ Саблонъ, въ Фонтенебло....»

— Въ Фонтенебло! воскликнула Магдалина. — Ахъ бѣдная сестра! Самъ Богъ сказалъ тебѣ это....

Магдалина желала, чтобъ какой-нибудь ангелъ донесъ ее на своихъ крыльяхъ, лишь бы скорѣй быть въ Фонтенебло. Она нашла Франциску блуждающую по городу.

— Пойдемъ, сказала она, обливая ее слезами, — мы найдемъ ее.... Ты сказала правду: сердце матери вѣщунъ, оно пророчествуетъ...

— Боже мой! Сестра, сказалъ Вюнчманъ, весь дрожа, — стало быть, ты нашла дитя?....

— Да; пойдемте. И она увлекла ихъ. Они скоро пришли въ улицу Саблонъ, къ дѣвицѣ Урсулѣ. Франциска предстала, какъ тѣнь, среди молодыхъ работницъ. Всѣ онѣ содрогнулись подъ этимъ пылающимъ взоромъ несчастной матери, которая между ними искала свою дочь.

«Дѣйствительно, у меня нѣсколько лѣтъ жила Маргарита Дюшеменъ. Я съ охотою держала бы ее и долѣе, но ея здоровье требовало жизни болѣе дѣятельной, и я помѣстила ее въ услуженіе къ одной изъ моихъ покупательницъ».

— Адресъ? спросила Магдалина.

«Здѣсь, недалеко, въ Парижской улицѣ, № 5.

Digitized by Google

Всѣ трое побѣжали туда. На усиленный звонъ колокольчика явилась старая служанка.

«Никого нѣтъ, сказала она, — господа въ деревнѣ».

— А Маргарита Дюшеменъ?

«Ее ужъ нѣтъ здѣсь. Эта дѣвочка не привыкла къ работѣ; она сдѣлалась больна....

— Больна! вскликнула Франциска, съ изступленіемъ. — Кто же мнѣ два раза сказалъ, что дочь моя больна?...

— Она въ больницѣ, прибавила служанка, — идите по этой улицѣ направо, и придете туда.

— Въ больницѣ, повторяла Магдалина, съ сердцемъ стѣсненнымъ внутреннимъ волненіемъ и безпокойствомъ. Господи! сжалься надъ нами!....

Франциска все слышала и была уже далеко, оставивъ за собой Магдалину, которая, опасаясь несчастія, хотѣла бы удержать ее, но у ней подкашивались ноги, и Вюнчмана, который, утирая рукавомъ глаза полные слезъ, ускорялъ, какъ могъ, свою тяжелую походку.

Между тѣмъ Франциска уже пришла; ангелы глядѣли на нее и самъ Богъ указывалъ ей путь. Она пробѣгаетъ дворъ, входитъ въ дверь. Одна палата растворена, Франциска бросается въ нее, смотритъ.... взглядывается.... въ свѣжее лицо молодой дѣвушки, которое покоилось на изголовьи, узнаетъ и вскрикиваетъ:» вотъ она! вотъ дочь моя!» Въ одно мгновеніе она очутилась на кровати—и.... Пусть тѣ, которые испытали подобное счастіе, разсказываютъ это.

Когда Магдалина и Вюнчманъ пришли, то сначала они не могли видѣть дѣвушку, которая какъ бы поглощена была въ объятіяхъ матери. Скоро однако жъ прелестное личико, удивленное, улыбающееся, съ смуглыми бархатными щеками, съ черными блестящими глазами, показалось надъ плечомъ Франциски. Тогда Вюнчманъ, поднявъ руки къ нему и измѣнившимся отъ удивленія и восторга голосомъ, воскликнулъ: «Это чудо Господне! Это наше дитя, сшедшее съ неба! Это наша Стюзеймская Гертруда, наша Гертруда, которая умерла и которая теперь жива!»

Въ тотъ день, когда Франциска, успокоенная и торжествующая, привезла домой свою потерянную дочь, сосѣди, выбѣжавшіе

Digitized by Google

ей на встрѣчу, съ удивленіемъ крестились, когда мимо ихъ прошла молодая дѣвушка.

«Господи Іисусе! Матерь Божія!» говорили они: не ужели Гертруда воскресла?»

— И, нѣтъ, возразилъ деревенскій учитель: развѣ вы не видали, что у этой повыше губы есть маленькая родинка, которой у той не было....

нѣсколько словъ о госпожѣ зонтагъ. — Читатели наши, вѣроятно, уже знаютъ о томъ, что знаменитая пѣвица, стяжавшая столько похвалъ и вѣнковъ лѣтъ тому двадцать, опять возвратилась на сцену. И, вотъ уже около года, въ большей части Французскихъ и Англійскихъ журналовъ идутъ толки, пренія.... Поздравляютъ искусство, дилетанты радуются. И примѣръ Графини Росси, говорятъ, возбудилъ въ другихъ жрицахъ того же искусства, подобно ей, прежде ему служившихъ и, подобно ей же, его оставившихъ, — благородное соревнованіе. Дѣвица Таккани, которая, лѣтъ 10 тому назадъ, покинула Парижскую сцену и вышла за Графа Таска, уже дала нѣсколько публичныхъ концертовъ въ городахъ южной Франціи: теперь она должна быть въ Парижѣ. Госпожа Монбелли, нынѣ Графиня Гритти, соскучившись проводить зиму въ Венеціи, а лѣто въ замкѣ своемъ на берегахъ Бренты, оффиціально объявила о появленіи своемъ на театрѣ la-Fenice, гдѣ хочетъ она попытать свои силы, прежде нежели возвратится въ Парижъ, подобно тому какъ Госпожа Зонтагъ, прошлымъ лѣтомъ, показалась сначала въ Лондонѣ, боясь вдругъ подвергнуться суду избалованныхъ Французскихъ меломановъ. Госпожа Паста покидаетъ для театра свой палаццо береговъ Комо, гдѣ до сихъ поръ отдыхала она по сосѣдству съ Госпожею Таліони.... Этой, говорятъ, ужь не воротиться на сцену. Танцовщицы не могутъ имѣть вторую молодость, какъ пѣвицы; крылья сильфидъ, упавши разъ, не поднимаются и не выростаютъ снова.... Дипломаты, графы, именитые богачи, сочетавшіеся съ пѣвицами, въ несказанномъ волненіи, по случаю всѣхъ этихъ происшествій, невиданныхъ и неслыханныхъ. Однимъ нравится примѣръ Госпожи Зонтагъ, и тѣ, всячески, возбуждаютъ въ супругахъ рвеніе къ искусству, у котораго они же ихъ и отняли; другіе, считая за поруганіе древнихъ гербовъ,

Digitized by Google

мысль видѣть свое или женино имя напечатаннымъ на театральной афишѣ, объяты страхомъ, изъ чего иныя жены всячески извлекаютъ себѣ пользу, каждая, разумѣется, по своему.... Такъ напримѣръ, есть въ лучшемъ Парижскомъ кругу актриса одного лирическаго театра, которая теперь замужемъ за дипломатомъ. Она еще молода и хороша собою. Но свѣтъ не знаетъ семейной тайны. Она же, со дня возвращенія на сцену Госпожи Зонтагъ, всячески старается изъявлять наклонность къ своему прежнему поприщу. Мужъ бѣсится. Жена поетъ все свое. Отъ этого происходятъ презанимательныя семейныя сцены, которыя, обыкновенно, кончаются взаимными уступками: мужу эти сцены стоятъ то новой омеблировки женниной половины, то бриллiантоваго убора, то какого-нибудь другаго значительнаго подарка.... Изъ уваженія къ Госпожѣ Зонтагъ нельзя не предполагать, что она навѣрное не возвратилась бы на сцену, если бъ могла предвидѣть, что сдѣлается причиной всѣхъ этихъ безпокойствъ и домашнихъ треволненій.... Не худо, однакоже, — благо дѣло коснулось Госпожи Зонтагъ, принять къ свѣдѣнію отрывокъ изъ статьи о ней Госпожи Эжена Гино, извѣстнаго Парижскаго фельетониста:

«Госпожа Зонтагъ царица нынѣшняго музыкальнаго сезона. Ея концерты всегда полны, и нѣтъ сомнѣнія, что расположеніе любителей искусства не измѣнитъ ей до послѣднихъ 6 вечеровъ, ею обѣщанныхъ.... Мы слышали, что Госпожа Зонтагъ, въ первый разъ, явилась въ Парижѣ тому слишкомъ двадцать лѣтъ: дилетганты того времени помнятъ ея успѣхъ. Каково же было удивленіе, въ особенности же со стороны прежнихъ дилетантовъ, когда вмѣсто пѣвицы уже созрѣвшей, которой ожидали всѣ, явилась, вдругъ, женщина въ блескѣ и цвѣтѣ молодости, словомъ, Госпожа Зонтагъ,—та же, какою была она во дни своихъ дебютовъ. Та же грація, та же свѣжесть, талія такъ же стройна, взглядъ такъ же прозраченъ; ни складки на прекрасномъ челѣ, ни однимъ волосомъ меньше, и та же чистота, свѣжесть и гибкость въ голосѣ. Женщины, цвѣтшія тому двадцать пять лѣтъ, всѣ сколько-нибудь измѣнились: время коснулось каждой, которой крыломъ, которой острыми когтями, почему же было Госпожѣ Зонтагъ избѣжать закона, для всѣхъ одинаковаго?.... Этотъ вопросъ задавали себѣ не мы одни, какъ вдругъ одинъ ученый музыкантъ, съ тѣмъ вмѣстѣ извѣстный музыкальный писатель, Г.

Digitized by Google

Адàнъ, вывелъ насъ изъ недоумѣнія. Вотъ что, положительно, утверждаетъ даровитый компазиторъ: — Вступивъ въ бракъ съ Графомъ Росси, Госпожа Зонтагъ испытала многія неудачи; счастіе оставило ее, и, чтобы поправить разстроенныя обстоятельства, ей оставалось одно — прибѣгнуть къ прежнему источнику ея богатства, итти опять по стезѣ, гдѣ еще гремѣли для нея и слава, и любовь. Друзья ея, всѣ, совѣтовали ей избрать это средство, и она, повидимому, уже рѣшилась, но, въ ту минуту, когда Г. Лóнлей подалъ ей перо, для подписанія контракта, присутствіе духа измѣнило ей. Не то чтобы Графиня Росси считала недостойнымъ себя выйти на сцену: нѣтъ, она осталась въ душѣ все той же артисткой, но ее мучила мысль, что она явится передъ судомъ публики не съ тѣми уже данными, которыя снискали ей общую извѣстность и восторженное сочувствіе. Напрасно уговаривали ее: страхъ одолѣлъ всѣ совѣты, всѣ поощренія. Г. Лóнлей былъ въ отчаяніи. Но у Госпожи Зонтагъ была дочь, счастливая, въ полной мѣрѣ, преемница дарованія своей матери, — которая сама вызвалась помочь семейному горю и вывести мать изъ затрудненія. Г. Лóнлей согласился на замѣнъ, но съ тѣмъ, чтобы никто не зналъ о немъ. — Не думайте о томъ, что вы слишкомъ молоды и слишкомъ хороши, что голосъ вашъ слишкомъ свѣжъ и звонокъ, сказалъ онъ дочери; — невѣроятное, въ этомъ дѣлѣ, поможетъ успѣху. Всѣ будутъ въ восторгѣ отъ васъ, чего же больше? И какимъ тогда родиться сомнѣніямъ! — Сказано, сдѣлано. На афишу было поставлено имя Госпожи Зонтагъ, а вышла на сцену ея дочь. Лондонъ принялъ ее съ оглушительными рукоплесканіями, а Парижъ вторитъ Лондону.»

БРАЧНЫЙ ДОГОВОРЪ, ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ СВОЕМЪ РОДѢ. — Сравнивая прежнее время съ настоящимъ, — въ отношеніи къ нравамъ вообще и сценическимъ артистамъ, въ особенности, одинъ остроумный Французскій писатель приводитъ, между прочими доказательствами въ пользу нынѣшняго порядка вещей передъ прошедшимъ, контрактъ между актрисой и Маркизомъ. Необходимо предупредить читателя, что дѣло идетъ о дѣвицѣ Дефренъ и господинѣ Флёри, старомъ разворившемся модникѣ старой Франціи. Мы передаемъ этотъ контрактъ отъ слова до слова:

Digitized by Google

Условія, на которыхъ я, дѣвица Дефренъ, согласна вступить въ бракъ съ Г. Маркизомъ Флери:

Статья 1-я. — Г. Маркизъ Флёри будетъ вѣнчаться со мною во вторникъ, 28-го числа этаго мѣсяца, въ церкви св. Роха, моей приходской. И такъ какъ мнѣ нѣтъ времени заниматься приготовленіемъ и публикаціей, то этимъ долженъ заняться Г. Маркизъ, на что получитъ отъ меня 50 экю, по подписаніи имъ этихъ условій.

Отвѣтъ. Согласенъ на 28-е число. Если 50 экю достанетъ, я охотно займусь всѣмъ нужнымъ; но прошу Госпожу Дефрѣнъ взять во вниманіе то, что я не могу выходить изъ дому, не имѣя ни парика, ни платья.

Статья 2-я. Г. Маркизъ будетъ ждать меня, вышеписаннаго числа въ 4 часа утра, въ церкви св. Роха, при входѣ въ часовню Богоматери, съ однимъ изъ своихъ друзей, котораго бы я знала; и лишь только увидитъ меня, подастъ мнѣ руку и подведетъ къ олтарю.

Отвѣтъ. Согласенъ на время и мѣсто, хотя и оскорбительно для меня, что я не повезу васъ изъ вашего дома. Что касается до свидѣтеля, не могу представить никого кромѣ моего башмачника, — одного, мнѣ не измѣнившаго въ несчастіи; его, на всякій случай, приведу.

Статья 3-я. Непосредственно вслѣдъ за подписаніемъ акта о бракосочетаніи, я вручу Г. Маркизу 300 ливровъ, за первую четверть ежегодной, пожизненной пенсіи въ 1,200 ливровъ, которую я обезпечиваю контрактомъ со мною Маркиза Фимаронъ въ 24,000 ливровъ. Г. Маркизъ долженъ принести съ собою подписанную имъ квитанцію въ полученіи 300 ливровъ.

Отвѣтъ. Согласенъ на 300 ливровъ, потому что они мнѣ крайне нужны; но обезпеченіемъ не доволенъ, развѣ поручится за Маркиза лицо достойное довѣрія, или пусть Г-жа Дефрѣнъ дастъ на мѣсто контракта акціи на Остъ-Индскую Компанію или на Городъ; нельзя же и мнѣ имя свое дать даромъ.

Статья 4-я. Г. Маркизъ обязанъ клятвеннымъ обѣщаніемъ удостовѣрить меня въ томъ, что онъ признаетъ мою дочь и моихъ трехъ сыновей, усыновляетъ ихъ и позволяетъ, и имъ и мнѣ, носить титулъ, имя, гербъ и ливрею рода Маркизовъ Флёри.

Отвѣтъ. Согласенъ, потому что дѣлать нечего; но это значитъ признать себя отцомъ четырехъ дѣтей изъ-за куска хлѣба.

Digitized by Google

Статья 5-я. Г. Маркизъ, по выходѣ изъ церкви, возьметъ фіакръ и отправится съ своимъ свидѣтелемъ куда заблагоразсудитъ, и здѣсь же, письменно, обѣщается никогда не являться ко мнѣ, гдѣ бы я ни была.

Отвѣтъ. Согласенъ, отъ всей души. Я понимаю, что былъ бы вамъ безполезенъ.

Статья 6-я и послѣдняя. Г. Маркизъ, каждые три мѣсяца, будетъ являться къ Ленóару, нотаріусу, на углу улицы де-л'Ешелль, который вручитъ ему 300 ливровъ въ обмѣнъ форменной квитанціи.

Отвѣтъ. Не премину. И такъ, быть по вашему.

Парижъ, 22-го Октября 1755 года.

Подписали: *дѣвица Дефренъ и Маркизъ Флеръ.*

ИСПОЛНИВШЕЕСЯ ПРЕДСКАЗАНІЕ НАПОЛЕОНА. — Между Пруссаками, взятыми въ плѣнъ подъ Іеною, былъ молодой, 14-лѣтній подпрапорщикъ Штокгаузенъ, котораго, съ другими, привели прямо къ Наполеону. Императоръ, предложившій нѣсколько вопросовъ Штокгаузену, остался пораженъ находчивостію юноши, напоилъ его изъ своего походнаго стакана и предложилъ ему отправить его во Францію, для воспитанія въ одной изъ высшихъ военныхъ школъ. Подпрапорщикъ отказался и объявилъ, что, родившись Нѣмцемъ, Нѣмцемъ и останется. Наполеонъ спросилъ у него, имѣетъ ли онъ родственниковъ, и на отвѣтъ Штокгаузена, что у него есть мать, въ Берлинѣ, любимецъ славы сказалъ: — хорошо, мнѣ теперь скоро надо быть въ Берлинѣ, и тамъ я возвращу тебя твоей матери. — Взявъ Берлинъ, Наполеонъ послалъ Штокгаузена къ его матери и велѣлъ своему адъютанту сказать ей, что у ней отличный сынъ, который непремѣнно будетъ Генераломъ. Это предсказаніе исполнилось: подпрапорщикъ — нынѣ Генералъ-Лейтенантъ и Военный Министръ Пруссіи. Генералъ Штокгаузенъ издалъ въ свѣтъ біографію Императора Наполеона и нѣсколько сочиненій о войнахъ Франціи во времена Имперіи. Всѣ эти сочиненія проникнуты рѣдкимъ безпристрастіемъ.

НѢМЕЦКАЯ ЧЕРТА. — Во время дѣйствій покойнаго, хоть и безпокойнаго, Франкфуртскаго сейма, Профессоръ Раумеръ,

Digitized by Google

историкъ, посланъ былъ, какъ извѣстно, посломъ въ Парижъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Г. Бигелебенъ, опасаясь за своего импровизированнаго посла, совѣтовалъ ему на всякій случай запастися классическимъ, во время оно, Руководствомъ Мартенса. Раумеръ отказался; за то тотчасъ написалъ съ гордостію изъ Парижа къ своему Министру, величаясь своею предусмотрительностію: «я вамъ говорилъ, что Manuel Мартенса не послужилъ бы мнѣ ни къ чему; старая дипломатія не существуетъ!» Не правда ли, что эти Нѣмецкія черты характеристическія!

ПИСЬМО ВѢЧНАГО КАНДИДАТА ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМІИ. — Нѣкоторые изъ читателей Москвитянина, можетъ быть, слыхали о Г. Гримо, вѣчномъ кандидатѣ Французской Академіи. Вотъ письмо, которое онъ, по случаю послѣдней вакансіи, посылаетъ каждому изъ 39 остальныхъ членовъ:

Милостивый Государь!

Въ четырнадцатый разъ имѣю я честь обратиться съ этими строками къ неполнымъ членамъ ученаго общества. Ревностно желаю я засѣдать между васъ. *Не говорю о моихъ достоинствахъ и правахъ на то*—человѣку, у котораго ихъ столько какъ у васъ, М. Г. Литературу въ сторону, — я фельдфебель моей роты, и, довольно часто, имѣю за обѣдомъ нѣсколькихъ пріятелей. *Сверхъ того*, я жилъ на одной лѣстницѣ съ Шарлемъ Нодье, передъ смертію его въ Арсеналѣ. Многіе изъ почтенныхъ сочленовъ вашихъ обѣщали мнѣ свой голосъ. Но всѣхъ дороже для меня вашъ, М, Г.; не откажите мнѣ въ немъ на этотъ разъ, и благоволите принять увѣреніе въ моемъ уваженіи и преданности.

Грегоаръ Гримо.

ОТЪ ЧАСУ НЕ ЛЕГЧЕ. — Въ Парижѣ идутъ толки о приготовленіяхъ къ удивительному опыту, по части освѣщенія. Хотятъ, при посредствѣ воздушнаго шара, который поднимется отъ земли на 300 метровъ, съ помощію силъ еще не совсѣмъ объясненныхъ, устроить въ воздухѣ электрическій маякъ, — подобіе маленькаго солнца. Въ тихую погоду надѣются освѣтить этимъ снарядомъ четверть всего Парижа, лежащаго по правому берегу Сены.... Луны значитъ не нужно. Погодите: скоро и солнцу придется подавать въ отставку. И то сказать, состарѣлось!

Digitized by Google

ЛЮБОПЫТНЫЕ ФАКТЫ МАДРИДСКОЙ МАСЛЯНИЦЫ. — Одинъ Испанскій журналъ сообщаетъ, между другими происшествіями прошлой масляницы въ Мадридѣ, слѣдующія любопытныя данныя:

Купленныхъ паръ перчатокъ	11,000.
Семейныхъ ссоръ окончательныхъ.....	174.
Совершеныхъ браковъ.....	275.
Размолвокъ между супругами	6,500.
Ударовъ палками, ранъ.....	7,500.

ДВѢ ГЕРОИНИ НА НОВѢЙШІЙ ЛАДЪ. — Вотъ что пишутъ въ одномъ Американскомъ журналѣ: «Недавно къ золотопромышленникамъ береговъ Сакраменто присоединились двѣ молодыя дѣвушки, рѣдкой красоты и замѣчательнаго ума. При нихъ для прислуги всего одинъ старый негръ. Одной изъ нихъ нѣтъ и двадцати лѣтъ. Обѣ они рѣшились повѣрить на себѣ слухи о богатствѣ рудниковъ Калифорнійскихъ и попытать счастія. Онѣ сами работаютъ въ рудникахъ, и дали себѣ слово не отставать, прежде нежели наберутъ 100,000 долларовъ; 7,000 уже собрали онѣ. Обѣ родомъ изъ Флориды; младшая, для этой экспедиціи, бѣжала изъ пансіона.»

ОТКРЫТІЯ ИЗЪ ОБЛАСТИ ДРЕВНЯГО ИСКУССТВА. — Г. Маіоръ Лаяръ сдѣлалъ въ Нимрудѣ, занимающемъ, по общимъ предположеніямъ, мѣсто прежней Ниневіи, нѣсколько драгоцѣнныхъ находокъ. Работники, копавшіе траншею, встрѣтили въ землѣ три мѣдныя чумички огромнаго размѣра и нѣсколько грубыхъ, металлическихъ блюдъ. Г. Лаяръ самъ принялся вынимать землю изъ одной чумички и нашелъ большое количество украшеній изъ слоновой кости, разныхъ видовъ, клинокъ топора и другіе любопытные предметы, которые еще не описавы въ подробности. Января 6-го работники нашли еще: болѣе тридцати металлическихъ сосудовъ, чашки и блюда, диковинно-изваянныя или отлитыя, щиты, сабли, отъ которыхъ остались только рукоятки, желѣзныя полосы, съѣденныя ржавчиной, и, наконецъ, небольшую мраморную вазу. Блюда и прочія украшенія сдѣланы изъ неизвѣстной композиціи; но всѣ эти предметы покрыты слоемъ мѣди, кристаллизовавшейся, и до того хрупки,

Digitized by Google

что Г. Лаяръ, не отчищая ихъ, прямо отправляетъ ихъ въ Англіи. Однимъ изъ любопытнѣйшихъ открытій можно считать нѣсколько сотъ украшеній изъ перламутра, имѣющихъ видъ рубашечныхъ пуговокъ.... Все это Г. Лаяръ послалъ уже въ Англію, присоединивъ двухъ живыхъ львовъ такой величины и красоты, что никто и не запомнитъ подобныхъ.

— Въ то же время Парижъ, занятый очищеніемъ русла Сены, открываетъ въ немъ, каждый день, разныя вещи, важныя для археологіи: это, большею частію, оружія всѣхъ родовъ и всѣхъ временъ, медали, вазы, предметы кузнечнаго и слесарнаго мастерства, рыцарскія шпоры, обломки полныхъ вооруженій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ОТКРЫТІЕ. — Въ Севильской библіотекѣ найдена, тому назадъ нѣсколько мѣсяцевъ, весьма любопытная рукопись Графини Сиршонъ, супруги вице-роя Пѐру, того самаго, который около 1630 г. ввелъ въ Европу употребленіе хинина, первый открывъ его противолихорадочное свойство. Рукопись графини — мемоаръ, адресованный Королю Карлу II, объ управленіи и состояніи Испанскихъ колоній.

РУССКІЙ ЯЗЫКЪ ДЛЯ СЛАВЯНЪ.

Въ газетѣ Union, издаваемой на Нѣмецкомъ языкѣ въ Прагѣ напечатано: «Въ Юго-Славянской Газетѣ недавно очень искусно возставали противъ введенія Нѣмецкаго языка въ Кроаціи, о чемъ хлопочутъ, къ крайнему удивленію, въ Аграмской Газетѣ, и сказали между прочимъ слѣдующее: «Обращаемъ вниманіе на слѣдующую статью Аграмской Газеты: «Доколѣ Славянское большинство въ Австрійской Монархіи не возвысится до единства въ языкѣ, да будетъ языкъ Нѣмецкій средствомъ соединенія всѣхъ провинцій Монархіи». Это признаніе гораздо важнѣе, нежели мы ожидали, и мы за обнаруженіе его искренно благодаримъ Аграмскую Газету. Если преобразованіе «Нѣмецкой» Австріи не находитъ другаго препятствія, кромѣ раздробленія Славянскаго языка на разныя нарѣчія, то средство для удержанія Славянскаго превосходства уже найдено. Извѣстно искусственное происхожденіе новаго Высокаго Нѣмецкаго языка. Кто, напримѣръ, знаетъ Шваба и Мекленбургца, Австрійца и Трансильванскаго

Digitized by Google

Нѣмца по народному ихъ языку, отъ того не укроется, что народные ихъ языки отдалены отъ новаго книжнаго Высокаго Нѣмецкаго языка, по крайней мѣрѣ, на столько же, какъ одно Славянское нарѣчіе отъ другаго, и что всѣ эти Нѣмцы, по меньшей мѣрѣ, съ такимъ же усиліемъ должны изучать книжный Нѣмецкій языкъ, съ какимъ Славянинъ изучаетъ другое Славянское нарѣчіе. Къ тому должно присовокупить, что даже у людей высшаго образованія, въ изустной рѣчи, народный ихъ діалектъ всегда бываетъ замѣтенъ. Кто имѣлъ случай быть при засѣданіяхъ Франкфуртскаго Парламента, тотъ могъ въ рѣчахъ этого, конечно, образованнаго сословія видѣть полный наборъ образчиковъ Нѣмецкой филологіи. Я не имѣю надобности приводить тому доказательства, ибо мы имѣемъ надежду отправить одного или нѣсколькихъ Кроатовъ депутатами въ новый Германскій Парламентъ, и они на дѣлѣ удостовѣрятся въ истинѣ моихъ словъ. — И такъ, если Нѣмцамъ дозволено было составить себѣ искусственный книжный языкъ, то и намъ въ томъ не воспретятствуютъ. Но, по счастью, мы не имѣемъ надобности въ такой фабрикаціи, ибо въ числѣ нарѣчій нашего Вавилонскаго смѣшенія есть одно, которое, какъ кажется, назначено самою природою быть средствомъ разумѣнія Славянъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ общимъ Славянскимъ книжнымъ языкомъ. Это языкъ Русскій. Языкъ этотъ, въ литературномъ отношеніи, достигъ высокаго совершенства, и будучи близнецомъ Древне-Славянскаго Церковнаго языка, по духовной литературѣ, доступенъ всѣмъ Славянамъ; вполнѣ образованъ, какъ языкъ государственный въ отношеніи юридическомъ и политическомъ, и будучи языкомъ преподаванія наукъ въ шести университетахъ, достаточно обогащенъ ученою терминологіею по всѣмъ факультетамъ, такъ что можетъ, въ огромнѣйшемъ государствѣ въ мірѣ, замѣнить всѣ другіе языки. Этотъ языкъ предлагаемъ для употребленія всѣмъ Славянамъ, какъ готовый и совершенно конченный. Если мы, вмѣсто того, чтобъ цѣлые годы обучаться Нѣмецкому языку, употребимъ только одинъ годъ на изученіе Русскаго нарѣчія, то конечно научимся легче и лучше выражаться изустно и письменно на этомъ языкѣ, нежели на чуждомъ намъ и радикально противоположномъ нашему отечественному, языкѣ Нѣмецкомъ. Намъ льстятъ увѣреніями, что мы владѣемъ и Нѣмецкимъ языкомъ съ такимъ изяществомъ, съ котораго даже нѣкоторые Вѣнскіе журналы должны бъ были брать

Digitized by Google.

примѣръ Нѣмецкаго слога. Посему еще болѣе надѣяться можно, что мы такъ же хорошо и вѣроятно лучше выучимся говорить и писать по-Русски, какъ и по-Нѣмецки. Стоитъ испытать, а успѣхъ несомнителенъ. Если это единственная причина, по которой хотятъ насъ онѣмечить, то конечно всѣ южные Славяне, Чехи, Словаки и Поляки согласятся съ нами принять языкъ Русскій общимъ Славянскимъ книжнымъ языкомъ. Для освобожденія себя отъ опекунства Нѣмецкаго образованія, можно бъ было рѣшиться и на пожертвованія: какъ же не воспользуемся мы собственною нашею выгодою?» *(Сѣверная Пчела, 1850, N 75.)*

—

Эта мысль принадлежитъ къ моимъ къ задушевнымъ, лѣтъ уже двадцать, но я никогда не осмѣливался выражать ее даже близкимъ друзьямъ своимъ между Славянами, опасаясь оскорбить ихъ національное самолюбіе, коснуться чувствительнаго мѣста въ сердцѣ, — и вотъ она является теперь у самихъ Славянъ! Я очень увѣренъ, что она всѣмъ кажется дикою, странною, несбыточною, — но она явилась, но она есть. Пройдетъ еще пять, десять лѣтъ, и начнутъ мало по малу привыкать къ ней, чрезъ двадцать будутъ показываться у нихъ сочиненія на Русскомъ языкѣ, а чрезъ 50, если не ближе, она осуществится можетъ быть вполнѣ. О Ломоносовъ, Карамзинъ, Пушкинъ! Какая будущность предъ Русскимъ языкомъ! что̀ изъ него выйдетъ, обогащеннаго всѣми Славянскими нарѣчіями, когда и теперь, самъ по себѣ, онъ уже первый, богатѣйшій, сильнѣйшій между Европейскими! *М. П.*

ВОЗРАЖЕНІЕ СѢВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ. — Простительно было прежде какому-нибудь несчастному коми-вояжеру, разъѣзжему прикащику, который, посланный, бывало, въ Москву отъ Петербургскихъ журналовъ, возвращался домой съ пустыми руками, простительно было этому неудачному ходебщику по журнальной части — передъ хозяиномъ, упрекавшимъ его за истраченные напрасно харчи и прогоны, оправдываться тѣмъ, что въ Москвѣ никто не пишетъ, не читаетъ и почти грамотѣ не знаетъ, слѣдовательно достать ничего ему было невозможно, — это было давно, очень давно; но какимъ образомъ нынѣ, путешественникъ, а не commis-voyageur, можетъ написать, что въ Москвѣ ли-

Digitized by Google

тературы не существуетъ, этого никакъ понять нельзя, между тѣмъ это напечатано въ № 62 Петербургскихъ Вѣдомостей. Чтобъ вывесть читателей ихъ изъ заблужденія, Сѣверная Пчела помѣстила списокъ (за что Москвитяне и приносятъ ей свою благодарность) тѣхъ сочиненій, кои въ нынѣшнемъ году Московскими литераторами напечатаны, печатаются и приготовляются къ печати. Мы не помѣщаемъ его, потому что большая часть этихъ сочиненій извѣстна, такъ или иначе, читателямъ Москвитянина. Изъ этого списка оказывается, наоборотъ, что въ нынѣшнемъ году Москва издала несравненно болѣе Петербурга.

РУССКОЕ ПРАВОПИСАНІЕ, ПРИВЕДЕННОЕ КЪ ОДНОМУ ПРАВИЛУ. — Въ одной старой Русской грамматикѣ, изданной 1802 года, на стран. 100-й, нашелъ я одно правило о правописаніи, которое замѣняетъ собою всѣ другія. Это правило можно назвать *единственнымъ*, потому что при немъ другія не нужны, и *драгоцѣннымъ*, потому что, узнавши его, въ одну минуту, въ одно мгновеніе она, сдѣлаешься совершеннымъ орѳографомъ и сохранишь драгоцѣнное время, которое потерялъ бы на ученье!—Я не понимаю, какъ оно, будучи напечатано, слѣдственно обнародовано, могло не войти во всеобщее употребленіе, по крайней мѣрѣ во всеобщую извѣстность, и остаться въ забвеніи — до меня, развернувшаго книгу и сдѣлавшаго нынѣ это открытіе! — Найдя этотъ кладъ, я остолбенѣлъ отъ удивленія, растаялъ отъ радости, и — винюсь въ эгоизмѣ — хотѣлъ его присвоить себѣ! (Что дѣлать! рубашка къ тѣлу ближе!) Первая мысль пришла мнѣ самая корыстная: «не объявлю я этого правила! а объявлю въ газетахъ объ открытой мною новой методѣ въ одну минуту выучивать Россійскому правописанію, и буду брать за урокъ дорогую цѣну!—Или еще лучше: напечатаю, что берусь въ мгновеніе ока выучивать правописанію на всѣхъ языкахъ міра; потому что эта метода можетъ служить равно для всѣхъ, это правило и единственное, и всеобщее! Однако совѣсть, честь и общая польза—возстали противъ эгоизма и корысти; и вотъ, я рѣшился объявить свое открытіе!

Радуйтесь всѣ, живущіе не въ ладахъ съ капризною дамою буквою *ѣ*! Веселитесь всѣ, на которыхъ сердится иногда ста-

Digitized by Google

рушка *ѳита*, что вы ее совсѣмъ забыли; или пожилая кокетка *ижица*, которая хочетъ слыть то гласною, то согласною, то итти за *иже*, то за *вѣди*! Успокойтесь, труженики 14 класса, идущіе, со страхомъ и съ переписанной бумагой въ рукахъ, къ ученому студенту или кандидату, своему столоначальнику! Вотъ оно, это золотое правило, друзья мои! Вотъ оно, отцы и братія по Ѳемидѣ и по Аполлону! Читайте, наслаждитесь, и успокойтесь отнынѣ! — Вотъ оно, выписанное слово въ слово:

«Лексиконы, или собранія словъ, расположенныя по алфавиту, т. е. по порядку азбучныхъ словъ одного за другимъ, сверхъ главнаго изъ употребленія въ переводѣ на другіе языки, весьма много способствуютъ и къ правописанію: ибо въ нихъ всякое слово можно сыскать въ учрежденномъ мѣстѣ, и видѣть какими оно литерами пишется. Напримѣръ, ежели бы кто *сомнѣвался* — (замѣтьте: какая вѣжливость, какое *урбанство*, какая нѣжная *цивилизація* того времени: *сомнѣвался!* Въ наше время написали бы просто, грубо: «ежели бы кто *не зналъ!*» но тогда знали, да только не навѣрное, а сомнѣвались!) — Но буду продолжать выписку: «Ежели бы кто *сомнѣвался* чрезъ (*ѣ*) ли ему, или чрезъ (*е*) написать должно слово *совѣтъ*, тотъ можетъ его сыскать въ Россійскомъ лексиконѣ подъ литерою (*с*), прошедши въ немъ склады *са*, *се*, *си*, *сі*, и проч. подъ складомъ (*со*), увидитъ, что *совѣтъ* чрезъ (*ѣ*) писать должно.»

Изъ чего же мы мучимся и мучимъ дѣтей нашихъ надъ правописаніемъ?

А стоитъ только догадаться
За дѣло просто взяться!

Но кромѣ пользы грамматической, въ этомъ правилѣ открывается прекрасная нравственная сторона души самого грамматика! — Какая простота! Какое великодушіе! Какое, такъ сказать, человѣколюбіе! — Простота души видна въ самомъ открытіи такого правила; великодушіе — въ томъ, что онъ не утаилъ его, не сберегъ для собственнаго употребленія; а человѣколюбіе — въ томъ, что вспомня страдальцевъ Россійской орѳографіи, немедленно поспѣшилъ приложить эту панацею къ ранамъ ихъ сердца, и можетъ быть, многихъ спасъ отъ укоризны! Притомъ какая скромность! — Это не есть собственно правило; оно не налагаетъ закона! — Это *добрый совѣтъ* какъ итти *въ писаніи* путемъ *правымъ*, безъ всякаго труда! Кто же его

Digitized by Google

не приметъ, кто не обратитъ въ правило!—И потому, объявляю, объявляю это золотое правило! — Не учитесь, друзья мои, правописанію; а справляйтесь всякій разъ въ лексиконѣ!

Отставной учитель Россійскаго слога

Уссопъ Фитолтевъ.

Правило, предлагаемое почтеннымъ корреспондентомъ, очень благодѣтельно, но оно не можетъ служить къ рѣшенію всѣхъ грамматическихъ недоразумѣній, кои встрѣчаются въ обществѣ: напримѣръ, одинъ достойный человѣкъ спрашивалъ другаго — какъ надо писать *въ середу*? черезъ еиту, или чрезъ ферть, т. е. въ середу или фъ середу? Отвѣта въ лексиконѣ онъ не нашелъ бы. *Ред.*

ЗАДАЧА ФИЛОЛОГАМЪ.

(Письмо къ Редактору Москвитянина).

М. Г. М. П. — Въ наше благословенное время, когда губительная страсть къ анализу, съ одной стороны, доходитъ до изступленія, съ другой, привела уже къ столькимъ полезнымъ открытіямъ, — и вы это знаете лучше всякаго, непростительно, я думаю, задаваться однѣми древностями, стараясь, напримѣръ, разгадать смыслъ какой-нибудь надгробной надписи, значеніе кургана, происхожденіе какой-нибудь окаменѣлости, мудреной на видъ. Есть, М. Г, и вокругъ насъ, въ живой современности, явленія, заслуживающія не только вниманія, но, по моему, и глубокаго изслѣдованія. На эти мысли, не первый разъ меня волнующія, сегодня навела меня одна вывѣска и я спѣшу передать вамъ мое свѣжее впечатлѣніе. На вывѣскѣ написано: *Парикмахеръ Григорьевъ*, *Coiffeur Michel*. Признаюсь, сколько ни знакомъ я съ нашей Бѣлокаменной Москвою, какъ ни приглядѣлся къ ней съ разныхъ сторонъ, (такія вещи какъ «Кондитерская Iacovleva» еще объяснимы), но это явленіе совершенно меня озадачило. И волчески старался я разгадать смыслъ этой драгоцѣнной руны, проникнуть мысль, руководившую художника, но до сихъ поръ, тщетно.... Можетъ быть другіе, болѣе меня свѣдущіе, будутъ счастливѣе меня. Вотъ почему я убѣдительнѣйше прошу васъ, чрезъ Москвитянинъ, передать этотъ вопросъ любителямъ и знатокамъ дѣла. Пренебрегать имъ, во всякомъ случаѣ, было бы неумѣстно.

Имѣю честь, и пр.

Москва, 5-го Мая 1850. *С. К—въ.*

Digitized by Google

Археологическое пріобрѣтеніе. — Въ послѣднемъ нумерѣ я сообщилъ извѣстіе объ одной попавшейся мнѣ рукописи, изъ коей видно, что Геннадій Архіепископъ Новогородскій поручалъ переводить съ Латинскаго, что переводчикомъ былъ священникъ Митица Малый, и что самъ Архіепископъ принималъ участіе въ трудахъ. Нынѣ сообщу извѣстіе, что на дняхъ попался мнѣ Житейникъ, въ коемъ заключаются одни Вологодскіе святые; *Корнилій* Комельскій, *Арсеній* Комельскій, *Игнатій* Прилуцкій, (сынъ Андрея Васильевича Углицкаго, — сочиненіе Логина инока), *Иннокентій* (изъ роду Охлѣбининыхъ), *Герасимъ* Вологодскій, *Серій* Обнорскій. Всѣ эти житія очень рѣдки, кромѣ Корниліева, которое попадается часто, и у меня есть экземплярахъ въ десяти. Въ слѣдующемъ нумерѣ я сообщу извѣстіе, если успѣю, о всѣхъ зимнихъ моихъ пріобрѣтеніяхъ. *М. И.*

Еще объ изгояхъ.—Читателей, принимающихъ живое участіе въ судьбѣ *изгоевъ*, увѣдомляемъ, что по новому изслѣдованію они оказались *самоубійцами!* Не рѣшено только, когда мостили они улицы въ Новѣгородѣ, при Ярославѣ, совершивъ самоубійство, или прежде! Наконецъ судьба ихъ рѣшена! Туда имъ и дорога! Но вотъ что опасно: не сдѣлались ли бы они вампирами, не отпѣтые! Пожалуй — чего добраго ждать отъ нихъ! Это народъ безпокойный! Въ такомъ случаѣ посовѣтуемъ испытать надъ ними одно средство, извѣстное нашимъ новымъ ученымъ миѳологамъ!

Протестъ.—Нельзя ли поправить маленькую ошибку, вкравшуюся въ 6, 8 и 9 №№ Москвитянина, въ извѣстіяхъ о закладахъ коннозаводчиковъ? Никогда не было никакого спора между *Петербургскими* и *Московскими* охотниками, а былъ сперва споръ между охотниками кровныхъ скаковыхъ и рысистыхъ лошадей, а потомъ между скаковыми коннозаводчиками и такъ называемыми троечниками. Ошибка отъ того, что объявленіе было въ газетѣ Петербургской. Но одинъ изъ Гг. предлагателей заклада, И. П. Петровскій, владѣлецъ самаго большаго завода кровныхъ лошадей, имѣетъ постоянное жительство въ Москвѣ и есть одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Московскаго Скаковаго Общества. *С.*

Digitized by Google

ПИСЬМО Г. ХОТИНСКАГО КЪ РЕДАКТОРУ «МОСКВИТЯНИНА.»

Въ Мартовской книжкѣ вашего.... журнала помѣщена библіографическая замѣтка о выходящемъ въ С.-Петербургѣ, подъ моею редакціею, изданіи: «Природа съ ея таинствами и богатствами». Не входя въ полемику съ моимъ рецензентомъ, я считаю однакожъ долгомъ исправить ошибки, вкравшіяся въ упомянутую замѣтку, и вполнѣ увѣренъ, что вы, М. Г., изъ уваженія къ истинѣ, дадите этому письму мѣсто въ слѣдующей книжкѣ вашего благонамѣреннаго и безпристрастнаго журнала.

Вотъ въ чемъ дѣло.

Содержатель одной изъ лучшихъ Петербургскихъ типографій, Я. И. Трей, предпринялъ въ концѣ 1848 года изданіе энциклопедіи физическихъ наукъ, подъ общимъ заглавіемъ «Природа съ ея таинствами и богатствами». Предположено было начать изданіе двумя отдѣльными науками, которыя должны была выходить попеременно выпусками, составляя каждая отдѣльный рядъ тетрадей. Согласно этому плану вышли: одна тетрадь *Астрономіи* и двѣ тетради *Физической Географіи*. Почему былъ принятъ такой планъ, я не знаю, потому что не былъ въ то время знакомъ ни съ издателемъ, ни съ редакторами, и не принималъ никакого участія въ этомъ изданіи.

По выходѣ въ свѣтъ упомянутыхъ трехъ тетрадей дѣло остановилось. Наконецъ, въ Мартѣ минувшаго 1849 года, издатель Г. Трей пригласилъ меня — сперва написать *Астрономію* для его изданія, а потомъ, принять на себѣ главную редакцію энциклопедіи. Я согласился, но не иначе какъ съ условіемъ, чтобы изданныя первоначальною редакціею три тетради были уничтожены, а вмѣсто нихъ выдано подписчикамъ приличное вознагражденіе. Вслѣдъ за тѣмъ я положилъ правиломъ — не начинать втораго отдѣла изданія, не окончивъ первый, или, лучше сказать, начинать изданіе новой науки только по окончаніи старой.

И такъ собственно моя дѣятельность, по упомянутому изданію, началась съ ЧЕТВЕРТАГО выпуска, составляющаго *первую* тетрадь моей Астрономіи. По окончаніи перваго тома приложено было мною *предисловіе* или нѣсколько строкъ *вмѣсто предисловія*. Это предисловіе, принадлежащее собственно одной только издаваемой мною теперь Астрономіи, Г. рецензентъ «Москвита-

Digitized by Google

нина» почелъ принадлежащимъ къ первымъ выпускамъ изданія «Природа» и пр. Отсюда возродился странный вопросъ — есть ли настоящій редакторъ *Матв. Степ. Хотинскій* тотъ самый *М. Хотинскій*, который написалъ первые три выпуска (одинъ *Астрономіи* и два *Физ. Географіи*)?

Сколько мнѣ извѣстно, изъ всѣхъ нынѣ дѣйствующихъ на поприщѣ науки и литературы, я одинъ подписываюсь *М. Хотинскій*, и мнѣ принадлежатъ тѣ статьи по Астрономіи, Физикѣ и Химіи, разбросанныя въ журналахъ, статьи, о которыхъ рецензентъ Москвитянина сдѣлалъ мнѣ честь выразиться весьма благосклонно. Первые же три выпуска «Природы» написаны вовсе не много, ниже какимъ-либо другимъ *М. Хотинскимъ*, а лицемъ, завѣдывавшимъ первоначальною редакціею изданія Г. Трея и скрывшимъ свое имя, почему и я не считаю себя въ правѣ разоблачать это *инкогнито*. Что же касается до собственнаго моего мнѣнія объ этихъ первыхъ выпускахъ, то оно довольно легко можетъ быть выведено изъ того обстоятельства, что я, принявъ изданіе въ свое распоряженіе, счелъ нужнымъ уничтожить упомянутые выпуски, какъ несоотвѣтственные настоящему состоянію наукъ.

Пояснивъ случайное недоразумѣніе и *вѣроятно невольную* ошибку моего рецензента, и отклонивъ отъ себя отвѣтственность за чужіе грѣхи, я вполнѣ принимаю отвѣтственность за изданіе «Природы» съ 4 выпуска, которымъ началась моя «Астрономія для всѣхъ образованныхъ читателей». Къ этой Астрономіи исключительно относится упоминаемое моимъ рецензентомъ *предисловіе*, и хотя я вовсе не раздѣляю его мнѣній касательно отношеній существующихъ между Астрономіею и Космографіею, но считаю долгомъ повторить слѣдующія строки изъ сказаннаго предисловія:

«Нѣтъ сомнѣнія, что въ нашемъ трудѣ есть недостатки, ошиб-
«ки и недосмотры. Поэтому мы съ благодарностію примемъ вся-
«кое дѣльное замѣчаніе, какъ печатное, такъ и письменно соо-
«бщенное прямо въ Редакцію, и воспользуемся имъ при второмъ
«изданіи нашей книги».

Изъ 2000 экземпляровъ перваго изданія нашей книги, двѣ трети уже раскуплены, и поэтому есть основательная надежда на

Digitized by Google

существленіе втораго изданія, можетъ быть, даже ранѣе выхода послѣдней тетради Астрономіи. Это обстоятельство побудило меня повторить здѣсь сейчасъ приведенныя строки предисловія. Я слишкомъ дорожу мнѣніемъ такого дѣльнаго и ученаго журнала, какъ Москвитянинъ, чтобы не выслушать его критики и не воспользоваться ею. Что же касается до настоящаго моего письма, то я не сомнѣваюсь, что Редакція Москвитянина всегда помнитъ древнюю аксіому людей безпристрастныхъ:

„Amicus Plato, sed magis amica veritas".

М. Хотинскій.

Чл. многр. учен. общ.

отъ редакціи. Недоумѣніе рецензента произошло отъ ошибки Петербургскаго переплетчика, который предисловіе Г. Хотинскаго помѣстилъ не на своемъ мѣстѣ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Мая 14-го 1850 года.

Цензоръ В. Лешковъ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПРАЗДНОШАТАЮЩАГОСЯ.

III.

НЕКОГДА.

.... Иванъ Петровичь сидѣлъ въ халатѣ, у растворенная окна, и курилъ трубку..

Петръ Иванычь шелъ изъ присутствія....

Они раскланялись.

Петръ Иванычь, подъ самымъ уже окномъ, остановился....

— Зайдите! — сказалъ Иванъ Петровичь....

— Некогда, некогда-съ! — отвѣчалъ Петръ Иванычь и посмотрѣлъ на часы....

— Ну, что у васъ тамъ новенькаго? — продолжалъ Иванъ Петровичь, высунувшись изъ окна.

— Да ничего, пропасть дѣла — отвѣчалъ Петръ Иванычь и сталъ писать на пескѣ красивую, заглавную букву....

— Вечеромъ къ Евлампію Василичу? — спросилъ Иванъ Петровичь....

— Да не знаю успѣю ли — сказалъ Петръ Иванычь....

— Приходите, приходите.... сыграемъ пулечку другую. — Ваши всѣ здоровы ли? Маланья Иваннна, Вѣра Петровна, сынокъ?

— Всѣ, слава Богу.... Вы слышали, Иванъ Петровичь, исторію-то?

— Какую?

— Да некогда: ужо разскажу у Евлампія Василича.... Прощайте, Иванъ Петровичь.

Digitized by Google

— Да зайдите, Петръ Иванычь!

— Ей-ей, некогда, вотъ развѣ трубочки покурить.

— Эй, малый! Трубку Петру Иванычу.

Иванъ Петровичь, не оборачиваясь, положилъ трубку свою на спину. Ее принялъ огромный малый и, набивъ, закурилъ, вытеръ объ щеку и вынесъ ее на улицу, Петру Иванычу....

Петръ Иванычь взялъ трубку и, въ два пріема, вытянулъ ее всю.... Дымъ пошелъ изо рту и изъ носу. Петръ Иванычь, минуты двѣ, стоялъ какъ въ облакѣ.

— Ну, вотъ теперь хоть отвелъ душу.... Прощайте, Иванъ Петровичь, некогда!

— Да полноте, Петръ Иванычь!

— Право некогда.

— Да вы разскажите хоть исторію-то....

— Когда тутъ? Помилуйте: этого и въ часъ не разскажешь. — Я слышалъ у вашего зятюшки нездорово?....

— Да, есть немножко, ну да вѣдь я и наперед говорилъ.

— Разскажите пожалуйста.

— Зайдите, Петръ Иванычь, право зайдите.

— Некогда, Иванъ Петровичь, а то отчего бы не зайти.... Непремѣнно бы зашелъ.... Скажите пожалуйста, что жь это у нихъ тамъ такое?

— Что тутъ? да помилуйте....

— А я ужъ, искала, искала.... Маланья Иваннна приказали васъ просить домой.... Они ждутъ васъ давно-съ. — Это сказала кухарка, которая, въ это время, запыхавшись, подошла къ Петру Иванычу.

— А вотъ я сейчасъ.... Скажи Маланьѣ Иваннѣ что сейчасъ.... Что это! — продолжалъ онъ, обращаясь уже къ Ивану Петровичу, — не дадутъ и поздороваться.

— Скажи Маланьѣ Иваннѣ, что они сейчасъ будутъ, сейчасъ, скажи: сейчасъ! Да кланяйся отъ меня, — прибавилъ отъ себя Иванъ Петровичь.

Кухарка почесала себѣ спину между лопатокъ и пошла....

— Войдите, Петръ Иванычь.

— Развѣ на минуточку....

— На минуточку....

И Петръ Иванычь вошелъ къ Ивану Петровичу....

—

Digitized by Google

IV.

БРАКЪ ПО СТРАСТИ И СТРАСТЬ ПО БРАКУ.

Танцовали кадриль....

Одну изъ паръ составляли офицеръ и дѣвушка лѣтъ 28.

Офицеръ былъ похожъ на офицера, дѣвушка — на плачущую иву, т. е. въ особенности ея голова, но я употребляю риторическую фигуру, pars pro toto или totum pro parte.

— Вы сегодня особенно интересны.

— Полноте, что за комплименты!

— Какіе комплименты-съ? Это сущая правда!

— Вамъ дѣлать балансе.

— Ахъ, извините, я загляделся.

— Полноте пожалуйста!

— Вы не вѣрите?

— Вы ужасной шутникъ.

— Какъ вы жестоки!

— Мнѣ нынче что-то ужасно какъ грустно.

— Я то же чрезвычайно страдаю: завтра придется въ караулъ....

— Я думаю, ужасно стоять въ карауле въ дурную погоду....

— Пѣтъ-съ: въ дурную ничего. Коли дождикъ или снѣгъ — ружья подъ навѣсомъ, а въ морозъ не выходятъ вонъ....

— Скажите пожалуйста.

— Какъ къ вамъ идутъ тир-бушоны....

— Это изъ Москвы, Французская работа.

— Да, это видно-съ.

— Дѣлайте солю....

— Ахъ, сейчасъ-съ....

Офицеръ сдѣлалъ solo и, кончивъ контрдансъ, отважно расшаркался и отошелъ въ сторону отъ дамъ....

— Ну что? — спросилъ его одинъ изъ пріятелей....

— Просто, братецъ, ангелъ. Душка!

— Счастливецъ! — возразилъ пріятель....

Черезъ двѣ недѣли офицеръ стоялъ въ церкви подъ вѣнцомъ, и, рядомъ съ нимъ, дѣвушка похожая на плачущую иву..

Въ полку только и говорили что о счастіи офицера, а въ городѣ, о счастіи дѣвушки.

—

Digitized by Google

V.

ГОСТИННИЦА ДЛЯ ПРОѢЗЖАЮЩИХЪ.

Зима. Второй часъ ночи. Морозъ въ двадцать пять градусовъ.

Тройка подъѣзжаетъ къ станціи.... При станціи «гостинница для проѣзжающихъ.»

Со облучка соскакиваетъ ямщикъ, съ другой стороны слуга..

— Слуга обходитъ сани съ заду и принимается вытаскивать барина....

Баринъ, изчезнувшій въ фуфайкѣ, архалукѣ, тулупчикѣ, тулупѣ и шубѣ, лѣзетъ изъ саней кряхтя.... Онъ изломанъ дорогой, избитъ ухабами, проголодался....

На подъѣздѣ въ повалку спятъ ямщики....

Индѣ высунется голова изъ-подъ тулупа.

— Али ты, Митрюха?

— Своп.... Спи-знай.

Голова уходитъ подъ тулупъ....

Баринъ входитъ въ сѣни; слуга — за нимъ. Въ сѣняхъ темно. Не видать и двери....

— Кто тутъ?

Молчаніе.

— Эй, староста!

Молчаніе.

Баринъ шаритъ по стѣнѣ, слуга — то же....

Дверь найдена.... Она затворена изнутри....

Начинаютъ стучаться, и баринъ и слуга....

— Чево надо? — слышно изнутри....

— Да отоприте! проѣзжающіе!....

— А вотъ ужо погоди, я побужу тутъ....

Опять молчаніе....

Баринъ начинаетъ терять терпѣніе....

— Да, отворите же, чортъ возьми! Отворите, отворите!

Голосъ изнутри:

— Чево надо?

— Отворите! — Слѣдуетъ, со стороны барина, нѣсколько сильныхъ словъ....

— Сейчасъ-съ!

Слышно топанье босыми ногами....

Ключь не тотъ.

Digitized by Google

Нашелся и настоящій ключь....

Дверь отворена. Баринъ входитъ. Темно.

— Да что-жь вы, въ самомъ дѣлѣ, заморозить что-ли хотите человѣка?.... Дайте огня....

— Сейчасъ-съ!....

Направо и налѣво храпѣніе. Босыя ноги бѣгаютъ, роняютъ стулья, задѣваютъ о двери, то локтемъ, то головой....

Огня все нѣтъ....

Баринъ сердится.

— Ванька, да нѣтъ ли у тебя спички?

— На той станціи послѣднія вышли-съ.

— Ишь, варваръ!

Наконецъ найдены спички. Спички не горятъ: отсырѣли. Одна какая-то сжалилась и загорѣлась.

Изъ третьей комнаты босыя ноги несутъ свѣчку....

— Уфъ, слава тебѣ Господи! — говоритъ баринъ, которому ужасно жарко, и начинаетъ распутывать шарфъ, снимаетъ шубу и все лишнее....

На право храпѣніе перестало. Является староста. Въ бородѣ торчитъ соломенка. Голова какъ овинъ....

— Лошадей, я чай, то же?

— А ты какъ думаешь?....

Староста уходитъ налѣво.

Баринъ садится въ послѣдней комнатѣ. Трактирный слуга ставитъ передъ нимъ свѣчку, обтираетъ столъ кулакомъ, въ которомъ, для порядка, держитъ кончикъ сертучной полы, и отходитъ къ двери....

— Давай-ка мнѣ, братъ, поѣсть! Есть у васъ что нибудь?

— Все есть-съ.... Изъ закуски прикажите? Или изъ горячаго-съ? Катлетъ, бекштей можно сдѣлать-съ.

— Ну, такъ дай мнѣ, братецъ, водки, да чего-нибудь закусить. Да поскорѣе....

— Сейчасъ-съ!....

Баринъ потягивается, беретъ свѣчку и, въ сладкомъ ожиданіи водки и прочаго, начинаетъ разсматривать комнату.

На одной стѣнѣ, портретъ Дибича, обстоятельный прейсъ-курантъ всевозможнымъ кушаньямъ и винамъ, не исключая стерляди, устрицъ, Мараскина и Токайскаго; на другой: зеркало—баринъ, посмотрѣвшись въ него, хватается за носъ, потому что зеркало

Digitized by Google

показало ему носъ съ неестественнымъ къ концу раструбомъ. Третья и четвертая стѣны исписаны разными руками. Не все можно разобрать.

Но вотъ что читаетъ баринъ:

Былъ и уѣхалъ. — Прощаясь, ангелъ мой, съ тобой. — Измѣнила, но я тебя найду вездѣ. — Поручикъ Костыльковъ, день, мѣсяцъ и годъ.

Есть и стихи.

Баринъ жалѣетъ, что забылъ взять съ собой карандашъ. Иначе, пожалуй, и онъ бы написалъ. Но на окнѣ онъ находитъ лоскутокъ бумаги, который, почему-то, разглядываетъ съ любопытствомъ. Онъ читаетъ слѣдующее:

«Тетенька я дамъ имъ пока целковой и скажу Дарьи чтобы она мнѣ говорила если нѣтъ у нихъ. Будьте здоровы цѣлую ручку какъ вашу такъ и у тетенькѣ Матрони Федотовнѣ укрѣпи ее Господь.»

Онъ вспоминаетъ, однакожь, что ему хочется ѣсть и выпить водки....

— Эй, да что жь вы тамъ, въ самомъ дѣлѣ!

— Сейчасъ-съ!

Босыя ноги приносятъ скатерть и накрываютъ столъ.

Босыя ноги исчезаютъ.

Потомъ опять входятъ.

— Извините, сударь, горячаго ничего нѣтъ-съ....

— Ну, дай холоднаго, да поскорѣе....

— Сейчасъ-съ!

Тѣмъ же порядкомъ босыя ноги изчезаютъ и являются опять.

— Котлеты, сударь, всѣ вышли: давича проѣзжали одна помѣщица-съ....

— Что мнѣ до твоей помѣщицы! Ну, дай хоть водки, да хлѣба кусокъ....

— Сейчасъ-съ....

Спустя минуту....

— Водки нѣтъ-съ!

— Какъ нѣтъ?

— Заперто-съ....

— Ну, отпереть....

— Ключъ-то у хозяевъ-съ....

— Разбудить хозяевъ....

Digitized by Google

— Они, сударь, не здѣсь имѣютъ жительство.... Здѣсь только гостинница для проѣзжающихъ-съ. А они имѣютъ пребываніе то-ись на томъ концѣ села-съ....

— Что бъ тебя чортъ побралъ. Вели мнѣ поскорѣе лошадей закладывать!

— Сейчасъ-съ!

Входитъ Ванька, сонный и не въ духѣ....

— Лошадей нѣтъ-съ!

— Какъ нѣтъ?

— Какъ есть нѣтъ-съ.

Является староста. Слѣдуетъ объясненіе. Староста доказываетъ, что нѣтъ лошадей. Дѣло ясно какъ 2×2=4.

Надо переждать.

«Отдохну, по крайней мѣрѣ» думаетъ баринъ.

— Ванька, подушки!

Ванька приноситъ подушки.

Баринъ укладывается на диванѣ. Ванька уноситъ свѣчку.

Баринъ закрываетъ глаза.

Не тутъ-то было.... Нѣтъ возможности заснуть.

На барина напали тысячи невидныхъ враговъ....

И, между тѣмъ, онъ слышитъ храпѣніе, если не согласное, то многогласное.

— Ванька! Ванька!

Ванька или не слышитъ, или Богъ его знаетъ гдѣ онъ....

Выбившись изъ силъ, баринъ вскакиваетъ и идетъ по направленію тусклаго свѣта....

Въ послѣдней комнатѣ едва тлѣетъ бумага, которою была завернута свѣча.

Баринъ возвращается къ своему дивану....

Онъ то сядетъ, то ляжетъ. Такъ проходитъ часъ, три, четыре, иногда болѣе.

Начинаетъ свѣтать.

Подымается староста, — прочіе.

Наконецъ входитъ Ванька.

— Лошади готовы-съ!

Баринъ начинаетъ вооружаться по дорожному.

Являются босыя ноги.

— Что жъ, сударь, за ночлегъ то-съ и?....

Digitized by Google

— Сколько тебѣ надо?

— Пять рублей-съ.

— Какіе пять рублей?....

— Положеніе-съ....

— Какое положеніе?

— Не наше дѣло, сударь: хозяйское.

Баринъ заноситъ надъ головою босыхъ ногъ свой дорожной чубукъ....

— Не извольте, сударь, я мѣщанинъ....

— Вотъ наказанье. Ванька, дай ему пять рублей....

Ванька, молча, подаетъ босымъ ногамъ синюю бумажку....

— Все готово? — спрашиваетъ баринъ.

— Все-съ, — отвѣчаютъ босыя ноги, бѣжатъ впередъ, отворятъ дверь и, кланяясь, говорятъ: — Просимъ покорно на обратномъ пути....

«Какъ же, подымешь ты меня на эту штуку!» думаетъ баринъ и молчитъ.

Въ сѣняхъ стоятъ ямщики, въ ладъ почесывая затылки.

— Что жь, сударь, старому-то ямщику на водку? Какъ везъ-то вашу милость....

Баринъ смотритъ на ямщика сердито....

У подъѣзда обступаетъ барина ватага ямщиковъ.

— Изъ милости, сударь, на чаишка-то хоть бы пожаловали: ужъ какъ хлопотали для вашего здоровья....

За тѣмъ, староста:

— Старостѣ-то, Ваше Сіятьство, что-нибудь за хлопоты....

— Дай имъ четвертакъ! — говоритъ баринъ.

Ванька вынимаетъ изъ кошелька четвертакъ и, молча, подаетъ старостѣ.

— Всякаго благополучія!

— Подлецы! — говоритъ Ванька, когда сани уже тронулись....

Несомнѣнно, что если, кромѣ «гостинницы для проѣзжающихъ» есть въ деревнѣ постоялый дворъ, то лучше отдать пред-

Digitized by Google

почтеніе постоялому двору. Стихи и проза на стѣнахъ есть и на постояломъ дворѣ, бываютъ и портреты славныхъ мужей и женъ, случаются и заманчивые прейсъ-куранты, — но, сверхъ всего этого, на постояломъ дворѣ есть всегда самоваръ, хорошій чай, жирные щи и славный хлѣбъ, которыми пренебрегать въ дорогѣ не приходится.... А хозяева, буде надо, не далеко. Тутъ же, на печкѣ, или, гдѣ-нибудь за-печкой....

НА БЕРЕГУ МОРЯ. — (*Разсказъ Альфонса Карра*).... Вы спрашиваете у меня, скучаю ли я когда-нибудь на берегу моря;— «хорошее зрѣлище», говорите вы, «но однообразное и монотонное»....

Въ отвѣтъ, я скажу: Вы не видали моря, — пріѣзжайте, наконецъ, нынѣшнимъ лѣтомъ, посмотрѣть на него и на меня,— а послѣ и скажите однообразно-ли оно, скучно-ли. Вы любите картины; чего же еще! Каждыя пять минутъ море представляетъ вамъ картину Гюдѐна. Нѣкоторыя смѣняются, даже, секунды черезъ двѣ, но и изъ этихъ иныя воспроизвелъ Гюдѐнъ, благодаря удивительной памяти. Десять лѣтъ бьюсь я изъ того, чтобы увидѣть въ другой разъ захожденіе солнца, какому довелось мнѣ подивиться однажды. И что же! до сихъ поръ оно не повторялось; каждый день природа производила, въ моихъ глазахъ, новыя прелести, но, еще ни разу, не повторяла прежнихъ.

А жители, рыбаки, которыхъ вы полюбили бы какъ я, если бы знали ихъ! — Сегодня я не намѣренъ говорить вамъ ни о мудромъ ихъ равнодушіи къ бо́льшей части вещей, за которыя спорятъ другіе люди, ни о ихъ безпримѣрной кротости: я только хочу доказать, на сколько эти простые и молчаливые люди могутъ дать пищи любознательности и наблюденію....

Когда вы будете здѣсь, мы, послѣ обѣда, вмѣстѣ, отправимся купить двѣ сигары у мелочнаго торговца, который живетъ въ глуши бѣдной деревушки. Не скажи я вамъ ничего, вы ничего и не увидите. Вы войдете въ маленькую лавочку, окрашенную въ зеленую краску и прочтете вывѣску и обыкновенныя надписи: *Косвенный сборъ.* — *Табакъ.*

Вы спросите двѣ сигары: человѣкъ лѣтъ 60-ти укажетъ вамъ ящикъ, гдѣ вы ихъ выберете; вы заплотите, вамъ сдадутъ; мы выйдемъ; вы скажете мнѣ:

Digitized by Google

— Ну-съ! а потомъ?

— Потомъ.... Видите ли, этотъ человѣкъ, прежде нежели, открылъ лавочку въ деревнѣ, гдѣ онъ и родился, болѣе 40 лѣтъ ѣздилъ, по морямъ, при невзгодахъ и буряхъ, и за сахаромъ, и за кофе, и за гвоздикой, и за табакомъ, и за прочею мелочью, которую теперь продаетъ вамъ.

Не позанимательнѣе ли онъ мелочнаго торговца вашего квартала, который, столько же лѣтъ, ходитъ за своимъ табакомъ, въ складочные амбары улицы de-la-Verrerie?

Но это не все.

Этотъ торговецъ участвовалъ въ войнахъ Имперіи; онъ двадцать разъ сражался съ Англичанами; онъ былъ корсаромъ. И это не все еще. Въ одномъ морскомъ сраженіи онъ былъ взятъ въ плѣнъ на кораблѣ пущенномъ ко дну, и отправленъ въ Англію. Десять разъ пытался онъ бѣжать, десять разъ былъ пойманъ и надзоръ за нимъ усиленъ, но онъ стоялъ на своемъ намѣреніи оставить Англію. Наконецъ, какъ-то, онъ спасся и отъ строгаго присмотра и отъ преслѣдованія, въ сообществѣ товарища, не менѣе его несчастнаго, не менѣе его отчаяннаго: для этой цѣли они, гдѣ-то, высмотрѣли и присвоили себѣ лодочку въ двѣнадцать футовъ, принадлежавшую Англійскимъ рыбакамъ. Двѣнадцать футовъ — размѣръ, по мнѣнію инспектора навигаціи, нелѣпый и опасный даже на Сенѣ. У меня, лѣтъ 12 тому назадъ, отняли и, въ моихъ глазахъ, сломали, лодку, на которой я катался по Сенѣ, потому что въ ней было длины не болѣе 12 футовъ!

Овладѣвъ двѣнадцати-футовымъ судномъ, наши два Нормандца пустились въ путь къ милой Франціи, черезъ море: у нихъ былъ небольшой запасъ сухарей и бутылка джину. Едва пропалъ изъ виду берегъ, небо стало хмуриться: все обѣщало погоду. Они посовѣтовались между собой и оба, въ одинъ голосъ, рѣшили, что лучше тонуть или утопиться, нежели возвратиться къ Англичанамъ, помолились и поплыли. Предсказаніе природы сбылось и, спустя три дня, рыбаки набрели на лодку, въ которой лежали два человѣка, умиравшіе отъ голода, жажды и усталости; но то были рыбаки Французскіе. Мои герои были спасены. И вотъ вамъ исторія о томъ, какъ нашъ торговецъ основался съ своей торговлей, здѣсь, гдѣ вы его видите.

.... А вотъ идетъ другой: этотъ — рыбакъ, онъ умретъ рыбакомъ. Ему болѣе 60-ти лѣтъ, но онъ силенъ и свѣжъ какъ въ

Digitized by Google

сорокъ. Онъ не былъ въ службѣ. Онъ всегда былъ готовъ, но его не требовали. А было съ нимъ приключеніе, которому бы позавидовали моряки, прослужившіе весь свой вѣкъ.

Была война: Англійскія суда крейсировали около Гавра. Французскимъ рыбакамъ было приказано возвращаться на берегъ передъ вечеромъ и на-строго запрещено уходить изъ-виду.

Піэръ, въ то время, былъ молодъ, смѣлъ и любилъ иногда не послушаться приказаній морскихъ комиссаровъ. Ктому же рыбная ловля, нѣсколько уже дней сряду, оказывалась неудачною. Онъ уговорилъ двухъ товарищей перейти за предписанную границу и, даже, переночевать въ морѣ.

Ихъ ослушаніе было наказано какъ въ сказкѣ. Раннимъ утромъ, небольшой Англійскій гоалетъ, *quaerens quem devoret*, увидалъ рыбачью барку, окликнулъ ее и далъ знакъ чтобы она подошла.

Поздно немножко замѣтили наши рыбаки, что сдѣлали глупость, притворились что ничего не слышатъ, поставили паруса и расположились къ возвращенію въ гавань, при помощи попутнаго вѣтра, — въ надеждѣ что гоалетъ оставитъ ихъ безъ вниманія, не станетъ хлопотать изъ-за рыбачьей лодки и тратить порохъ на воробьевъ.

Они ошиблись. Капитану нужны были данныя о мѣстности. Онъ повторилъ сигналы, и счелъ за вѣрнѣйшее, для вящшаго ихъ вразумленія, подкрѣпить ихъ маленькимъ ядромъ, которое упало рикошетомъ въ нѣсколькихъ футахъ отъ лодки: попади оно въ лодку, оно бы пробило ее и пустило ко дну. Но Піэръ и его товарищи понимали что въ нихъ не хотѣли цѣлить, что первый выстрѣлъ былъ только предостереженіемъ, но слѣдующій, за то, отправитъ ихъ ко дну, а гоалетъ настигнетъ ихъ безъ труда, въ два взмаха веселъ. Надо было повиноваться. Убрали паруса и стали, скрѣпя сердце, грести по направленію къ гоалету. Гоалетъ принялъ трехъ рыбаковъ, и отправилъ лодку къ морскому дну. Предложили имъ вопросы, на которые Піэръ отказался отвѣчать. Одинъ изъ его товарищей отвѣчалъ, смѣло, безстыдную ложь. Принялись допрашивать третьяго, какъ, вдругъ, пробѣжалъ шумъ между экипажемъ. На гоалетъ шелъ во всѣ паруса Французскій бригъ. Трехъ рыбаковъ связали, спустили въ трюмъ и стали готовиться къ бою.

Я избавлю васъ отъ подробностей этой схватки. Схватка была жаркая. Только ночь развела сражавшихся. Съ обѣихъ

Digitized by Google

сторонъ потеря оказалась значительна. Каждый считалъ себя побѣдителемъ въ достаточной степени и пошелъ опять въ море, каждый въ свою сторону. Но, по видимому, болѣе пострадали Англичане. Капитанъ былъ убитъ, лейтенантъ тяжело раненъ. Изъ всего экипажа осталось 7 человѣкъ. Занялись починкой снастей, замѣнили разбитую мачту и поплыли къ одной изъ британскихъ гаваней. Черная точка, показавшаяся на западѣ, между тѣмъ, все поднималась, и словно расплывалась по небу. Дунулъ вѣтеръ: сильнѣе. Съ вѣтромъ полилъ дождь, море вздулось и зашумѣло. Нужно было собрать паруса и, вскорѣ, разразилась страшная буря.

Не смотря на отсутствіе капитана и тяжелыя раны лейтенанта, экипажъ гоалета храбро боролся съ непогодой. Наши три Нормандца, въ это время, приходили въ отчаяніе: пока длилось сраженіе, они возсылали къ небу горячія молитвы о томъ, чтобы Французы взяли Англійское судно и освободили ихъ: теперь приходилось потерять надежду. У всѣхъ троихъ были, дома, на родинѣ, и жены, и дѣти, о которыхъ тревожились они, которыхъ любили; сверхъ того, они вспоминали всѣ разсказы объ участи плѣнныхъ попадавшихъ къ Англичанамъ, а Піэръ говорилъ, что если ужъ Французы ихъ не освободили, то лучше было бы утонуть и Англичанамъ, и имъ съ ними. «Ну не несчастіе ли?» замѣчалъ другой,—«отчего бы намъ не случиться на брикѣ вмѣстѣ съ Французами. Я не солдатъ, я никогда не дрался, но, право, далъ бы себя знать этимъ проклятымъ Англичанамъ!» — «Бѣдная жена, бѣдныя дѣти!» — говорилъ третій.

«Однако, какая должна быть погода» говорилъ Піэръ — «насъ качаетъ страшно, море злится, мачты трещатъ; какъ вы себѣ хотите, а должна быть буря, или скоро будетъ буря.»

Буря, въ самомъ дѣлѣ, становилась сильнѣе. Едва доставало силъ 7 человѣкъ на управленіе гоалета, не мало потерпѣвшаго отъ непогоды и боя. Вдругъ одинъ матросъ закричалъ: — Капитанъ, мы пропали: вода въ трюмѣ! — Вода въ трюмѣ! раздалось съ другой стороны. Пробѣжало волненіе. Лейтенантъ старался успокоить экипажъ и приказалъ, чтобъ половина людей выкачивала воду, а другая продолжала управлять судномъ. Плотникъ хотѣлъ попытаться заткнуть отверстіе, куда была течь. Но воды оказалось въ гоалетѣ столько, что нельзя было найти отверстіе, сдѣланное, безъ сомнѣнія, ядромъ. Часъ спустя,

Digitized by Google

выкачивавшіе воду истощились; вода не прибывала, но и не убывала, усилія ихъ едва равнялись прибыли воды. Первыхъ четырехъ смѣнили три остальныхъ матроса. Лейтенантъ, хоть и раненый, стоялъ у штурвала.

Онъ велѣлъ принести боченокъ съ ромомъ и роздалъ прислугѣ умѣренныя порціи. Спустя еще нѣсколько часовъ море все не успокоивалось. Люди, выбивавшіеся изъ силъ, качали слабѣе. Вода стала прибывать, и, къ довершенію общаго ужаса, гоалетъ мало подвигался къ своей цѣли. Вѣтеръ, благопріятствовавшій тѣмъ, кто шелъ къ Франціи, былъ почти противенъ для тѣхъ, кому нужно было плыть къ берегамъ Англіи. «Что дѣлать?» говорили матросы: воды все больше, и больше: а мы стоимъ на мѣстѣ. Мы пропали!»

Лейтенантъ, не скоро терявшійся, сознадъ невыгоды своего положенія, но не смутился. Зная достаточно Французскій языкъ, онъ велѣлъ привести къ себѣ трехъ плѣнниковъ. — Вы моряки, сказалъ онъ имъ: вы видите въ чемъ дѣло, судно течетъ; качать воду могутъ только три, много четыре человѣка! Черезъ часъ мы пойдемъ ко дну, а подвигаемся мы плохо, потому что вѣтеръ намъ почти на встрѣчу. Вы это и сами знаете. Положеніе гоалета самое скверное: мы всѣ должны погибнуть. Спустить лодку нельзя, море слишкомъ сердито; черезъ часъ вы потонете вмѣстѣ съ нами. Только для мертвыхъ нѣтъ возврата! Вы плѣнные, но умирать вамъ, вѣрно, также не хочется, какъ и намъ: я прикажу васъ развязать, съ тѣмъ чтобы вы работали вмѣстѣ съ нами. Понимаете?

— Дайте намъ посовѣтоваться! — отвѣчалъ Піэръ.

— Не къ чему говорить вамъ, что время не терпитъ.

Піэръ и его товарищи отошли въ сторону. Не прошло пяти минутъ, они явились къ лейтенанту, который все стоялъ у руля.

— Такъ вы говорите, что вы пропали безъ нашей помощи?

— И мы пропали, и вы пропали. Стало, думать не о чемъ Томъ, рѣжь веревки.

— Спасибо: не надо, Томъ. Придется опять насъ связывать, потому что мы не хотимъ работать съ вами.

Digitized by Google

— Вы, видно, ослѣпли отъ страха? Или вы, сумасшедшіе, не понимаете опасности?

— Мы знаемъ не хуже васъ, что еще часъ—и всѣмъ намъ вмѣстѣ не сдобровать. Но мы не позволимъ никому сказать, что Французскіе моряки помогли Англичанамъ увезти себя въ плѣнъ къ Англійской гавани: на насъ ребятишки стали бы послѣ показывать пальцами.

— Такъ вы пропали, значитъ!

— Это очень непріятно, но не такъ непріятно для насъ, какъ для васъ. Мы плѣнные, намъ жизнь не такъ дорога какъ вамъ. Не сладко и намъ, но вамъ еще горче, и мы работать не станемъ.

Три Англійскіе матроса, не качавшіе воду, пристали къ лейтенанту, чтобы онъ заставилъ Французовъ работать съ ихъ товарищами. Они были удивлены и смущены, когда онъ объяснилъ имъ, по-Англійски, что Французы отказываются.

Одинъ матросъ предложилъ бросить ихъ въ море. Лейтенантъ объяснилъ ему что тогда пропала бы послѣдняя надежда на спасеніе, и приказалъ тремъ итти на смѣну къ товарищамъ. Пришедшіе снизу объявили съ ужасомъ что вода все прибываетъ: судно становилось тяжелѣе и тяжелѣе.

— Несчастные! сказалъ опять рыбакамъ лейтенантъ: вы, стало быть, хотите умереть?

— Лучше было бы не умереть, но лучше умереть, нежели везти самихъ себя въ плѣнъ къ Англичанамъ.

— Ну, такъ вы получите свободу! Какъ мы только будемъ въ гавани, васъ отправятъ во Францію.

— Это ужъ можно слушать. Постойте, вотъ мы посовѣтуемся.

— Когда тутъ думать? Рѣшайтесь! Каждую минуту смерть на носу.'

— Знаемъ, отвѣчалъ Піэръ — Да мы сейчасъ.

Спустя двѣ-три минуты, Піэръ воротился къ лейтетанту и сказалъ очень холодно.

— Мы вамъ не вѣримъ.

— Въ такомъ случаѣ, будемъ всѣ вмѣстѣ готовиться къ смерти.

— Дѣлать, видно, нечего.

Digitized by Google

— Какъ же бы васъ увѣрить?

— Мы, пожалуй, свезем ваше судно въ Гавръ.

— Во Францію!

— Да! Всо какихъ-нибудь пять часовъ времени. А вы и черезъ пятнадцать не подвинетесь къ своей сторонѣ.

— Знаю, но тогда мы будетъ плѣнные.

— Разумѣется.

— Да вы съ ума сошли!

— Такъ же какъ и вы. Но мы рѣшились: или мы потонемъ всѣ вмѣстѣ, или поплывемъ къ Гавру.

Піэръ усѣлся на палубѣ и скрестилъ руки. Его товарищи сдѣлали тоже.

Изъ трюма просили помощи: вода прибывала; судно опускалось. Четвертый матросъ побѣжалъ внизъ.

Лейтенантъ зарядилъ два пистолета и подошелъ къ Піэру:

— Если ты не станешь работать, я разможжу тебѣ голову.

— Вы ли меня убьете, утону ли я, не все ли равно? Я зналъ людей, которые утверждали, что даже лучше умереть отъ огня.

На этотъ разъ плотникъ остановилъ гнѣвъ и руку лейтенанта. Онъ сбѣжалъ внизъ, поговорилъ съ качавшими воду; потомъ съ тѣми, которые были на палубѣ, и донесъ лейтенанту:

— Воды какъ будто меньше, но люди устаютъ, а на смѣну только двое. Дѣло ясно: мы пропали. Вы сами говорите, что только для мертвыхъ нѣтъ возврата. На нашихъ корабляхъ бездна Французскихъ плѣнныхъ: насъ обмѣняютъ.

— Никогда! отвѣчалъ Лейтенантъ.

Плотникъ опять пошелъ совѣтоваться. Матросы бросили качать воду и, взошедъ на палубу, окружили своего офицера.

— Вы видите, сказалъ плотникъ, они отказываются долѣе истощаться, для того, чтобы отсрочить конецъ свой на четверть часа. Мы выпьемъ лучше этотъ боченокъ рома, и будемъ ожидать смерти.

Офицеръ ударилъ ногой въ дно боченка. Боченокъ треснулъ и ромъ полился по палубѣ.

Гнѣвъ матросовъ выразился страшными проклятіями

Digitized by Google

— Капитанъ, сказалъ опять плотникъ, мы хорошіе солдаты, но не хотимъ потонуть какъ собаки. Ну-ка, Французы! ѣдемъ въ Гавръ.

— Повтори только это слово, и аминь тебѣ! закричалъ лейтенантъ, прицѣливаясь ему въ голову.

Бросились на лейтенанта и обезоружили его.

— Вы рѣшились? — спросилъ Піэръ.

— Разумѣется: мы идемъ ко дну.

— Ну, коли такъ, свяжите вы мнѣ почтеннаго капитана, къ которому я питаю глубокое уваженіе, но который, кажется, не расположенъ въ нашу пользу. Вотъ такъ! Посадите его сюда, въ уголокъ.

Лейтенантъ ругался, кричалъ, но приказанія Піэра были исполнены.

— Я командиръ корабля, сказалъ Піэръ. Принесите сюда все ваше оружіе.

— Зачѣмъ?

— Безъ разсужденій! Или я опять сяду, и давайте тонуть вмѣстѣ.

— Да мы тонемъ!

— Такъ слушайтесь меня!

Оружіе принесли, положили. Піэръ и его товарищи взяли, каждый, по саблѣ и по два пистолета, а остальное бросили за бортъ.

— Теперь, приказалъ Піэръ, ставшій къ рулю, Англичане къ помпамъ и Сезеръ съ ними. Мы двое будемъ править, и въ дорогу къ Франціи и Гавру!

И эти приказанія были исполнены. Воды, покуда, прибыло много, но Англичане нашли новыя силы, въ надеждѣ на спасеніе. Съ Сезеромъ ихъ было у помпъ семеро, и работа закипѣла.

Піэръ, между тѣмъ, распоряжался на палубѣ: онъ перемѣнилъ паруса.

Вѣтеръ къ Гавру былъ почти попутный. Судно, облегчаемое помпами, понеслось свободно.

— Антоанъ, сказалъ Піэръ, сбѣгай внизъ, поищи кусковъ какихъ-нибудь матерій. Надо, сверхъ Англійскаго флага, выкинуть трехъцвѣтный: это будетъ приличнѣе для входа въ Гавръ.

Digitized by Google

Антоанъ отыскалъ требуемое: мундиръ убитаго капитана пошелъ въ дѣло первый. Связали трехъцвѣтный флагъ и подняли его.

Гоалетъ подвигался: виднѣлись берега. Помпы подѣйствовали. Шестеро Англичанъ раздѣлились на двѣ смѣны. На палубѣ остались Французы, вооруженные съ ногъ до головы: они поклялись Англичанамъ, что убьютъ перваго изъ нихъ, который выйдетъ на палубу.

Спустя часъ, буря утихла. Англійское судно входило въ Гавръ, встрѣчаемое многочисленной толпой зрителей и при крикѣ рыбаковъ: да здравствуетъ Франція! Они пристали къ берегу и высадили плѣнныхъ. Гоалетъ такъ пострадалъ, что изъ его продажи рыбаки выручили не много. Однакожъ Піэръ купилъ хижину, въ которой теперь живетъ.

Посмотрите, вотъ онъ. Кроткія черты, большіе голубые глаза, какъ будто бы всегда улыбающіеся, всегда привѣтливые. Онъ подходитъ ко мнѣ и проситъ огня для трубки. Я знаю, вы будете рады пожать ему руку, когда пріѣдете навѣстить меня. Но мѣшкать нельзя: Піэръ ужъ старъ, а его товарищи давно спятъ невозмутимымъ сномъ могилы....

ЛЮБИТЕЛЯМЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ РОМАНОВЪ. — Французскій романъ приходитъ въ упадокъ. О томъ свидѣтельствуетъ библіографическая статистика Франціи. Производительность потеряла силы на 50%. Сю, Дюма, Сандъ, эти корифеи Французской романистики, печатаютъ свои произведенія не болѣе какъ въ тысячѣ экземплярахъ. Ихъ промышленность падаетъ на ряду съ другими отраслями. Что же, наиболѣе, читаютъ Французы? Политическіе памфлеты, сатиры на самихъ себя, повѣсть своихъ не давнихъ прегрѣшеній. Говорятъ будто сочиненія: «Les Mystères du peuple,» въ одинъ день, расходилось до 10 т. экземпляровъ; «Jérome Paturot à la recherche de la meilleure des républiques» печатается едва ли не двадцатымъ изданіемъ.... Эти сочиненія не могутъ, въ равной степени, занимать читателей иноземныхъ. Что же, напримѣръ, читается, наиболѣе, хоть бы у насъ въ Россіи, любителями легкаго Французскаго чтенія, людьми постоянно абонированными въ разныхъ Cabinets de Lecture? — Особенный родъ сочиненій. Все

Digitized by Google

сочиненія графовъ, виконтовъ, маркизовъ. — Какихъ Графовъ? Что вы? — А вотъ послушайте: Межъ тѣмъ какъ знаменитый авторъ «Парижскихъ тайнъ,» «Матильды», «Вѣчнаго Жида» и проч. и проч., при всей своей аристократической спѣси, является, сначала кандидатомъ, потомъ членомъ Національнаго собранія, на литературномъ полѣ Франціи выступили производители новаго рода, упорно величающіе себя, на оберткахъ своихъ сочиненій, графами, виконтами, маркизами, или прибавляющихъ къ своей настоящей фамиліи частичку *de*. На сколько основательны притязанія этихъ господъ на всѣ эти титулы, — объ этомъ распространяться здѣсь мы не имѣемъ мѣста. Но, понимается что, гордясь своими титулами и слѣд., полные вѣры въ знаменитость своихъ родовъ, уваженія къ прежнему времени, всѣ они, большею частію, ищутъ вдохновенія въ жизни старой Франціи: le bon vieux tems! — вѣчная погудка сочинителей этого рода. A le bon vieux tems, у нихъ, значитъ: времена Людовиковъ XIII, XIV, XV, регентство, неистовства того времени, пудра, мушки, скандалезныя исторіи, нахальные мускетеры, раздушеные аббатики, сладенькіе маркизы, и всѣ, тому подобныя, прелести. Произведенія такого содержанія не могутъ имѣть прочнаго успѣха нигдѣ, но есть люди, читающіе книги безъ разбора, отъ бездѣлья, иногда подобно Петрушкѣ, въ Мертвыхъ Душахъ, т. е. изъ любви или привычки къ процессу чтенія: такихъ людей Французскія библіотеки для чтенія преимущественно снабжаютъ произведеніями всѣхъ вышепоименованныхъ господъ, какъ замѣчательною, по своей новости, новостію. Много говорить о достоинствѣ этихъ новыхъ изчадій литературы великой націи не стоитъ, но любопытны иныя явленія въ произведеніяхъ этого рода. Вотъ, на первый случай, два выраженія, нечаянно нами подмѣченныя въ романѣ Г. Маркиза де-Фудра: «Un Capitaine de Beauvoisis.» Первое: *des concombres confits au sel et au fenouil*, что значитъ, по-Русски, соленые огурцы; эти *concombres* подаются у романиста въ числѣ роскошныхъ блюдъ роскошнаго завтрака (d'un déjeuner digne de figurer dans l'Iliade). Второе: *koniaks, nom que l'on donne en Pologne et en Russie aux chevaux de selle de race commune*.... Не правда-ли, хорошо? Не знаешь чему удивляться, тому ли что въ такую честь попали огурцы, понятію ли объ Иліадѣ, или знанію Маркиза Польскаго и Русскаго языка. Мы должны сознаться, что на на-

Digitized by Google

нѣмъ простомъ, грубомъ нарѣчіи не умѣемъ найти выраженіе для впечатлѣнія, произведеннаго въ насъ двумя фразами, приведенными нами изъ прекраснаго Французскаго романа. Воскликнемъ же по-Латинѣ: habent sua fata libelli! что, для нѣкоторыхъ, пусть значитъ: et ceci, Messieurs et Mesdames, en l'an de grace 1850!

ОБЪЯВЛЕНІЕ ДЛЯ ТѢХЪ, КОМУ О ТОМЪ ВѢДАТЬ НАДЛЕЖИТЪ. — Вотъ что напечатано въ *Manchester-Guardian:*

«Господинъ сорока лѣтъ, считающій въ своемъ семействѣ одного лорда, двухъ баронетовъ, епископа и съ дюжину духовныхъ лицъ, имѣющихъ выгодныя мѣста; обладающій капиталомъ въ 1,000 ф. стерл. (около 6,000 р. сер.); обучавшійся университетскимъ и медицинскимъ наукамъ, и сочиняющій музыкальныя пѣсы, — имѣетъ ревностное желаніе найти женщину, которая согласилась бы принять его сердце и руку. Дама не должна имѣть пятидесяти лѣтъ; воспитаніе и манеры должна имѣть приличныя, и обязана объявить или состояніе, или ремесло, достаточное для ея содержанія.

Примѣчаніе. Конкурентъ плѣшивъ, но готовъ носить парикъ, если бы того пожелала супруга. Желающихъ просятъ надписывать требованія свои такъ: Господину T. S. G., въ Манчестерѣ, — оставить на почтѣ до спроса.»

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ СРАВНЕНІЕ. — Изъ вычисленій о смертности въ Англіи, полученъ, между другими, слѣдующій выводъ: Солдатъ, сражающійся на траншеѣ осажденнаго города, или въ полѣ, противъ самаго страшнаго и лютаго врага, имѣетъ противъ себя менѣе шансовъ, нежели житель нѣкоторыхъ промышленныхъ городовъ Англіи, каковы, наприм. Манчестеръ, Ливерпуль и др. При осадѣ Антверпена, число убитыхъ къ числу всего войска относилось какъ 1:68; при осадѣ Бадайоца, какъ 1:54; подъ Ватерлоо, какъ 1:30. Отношеніе умирающихъ ремесленниковъ ко всему ихъ числу слѣдующее: въ Ливерпулѣ 1:19; въ Манчестерѣ 1:17; въ Шеффильдѣ 1:14.

Digitized by Google

ОТЗЫВЪ ГЕН. НЕПИРА О 9-МЪ ТОМѢ «ИСТОРІИ КОНСУЛЬСТВА И ИМПЕРІИ» ТЬЕРА. — Генералъ Англійской службы, сэръ Уильямъ Непиръ, извѣстный въ военной литературѣ своимъ сочиненіемъ «Исторія войны Англичанъ съ Французами на Пиренейскомъ полуостровѣ», помѣстилъ недавно, въ газетѣ «Times», отзывъ о девятомъ томѣ «Исторіи Консульства и Имперіи», соч. Тьера, содержащимъ въ себѣ исторію Испанскихъ войнъ 1809—14 года. Непиръ съ негодованіемъ отзывается о сочиненіи Тьера: онъ не только нашелъ въ немъ ошибки, при описаніи битвъ, въ показаніяхъ числительной силы сражавшихся войскъ и т. д., но даже обвиняетъ Тьера въ умышленномъ искаженіи оффиціальныхъ бумагъ, хранящихся въ архивѣ Французскаго военнаго министерства и служившихъ матеріалами самому Непиру, для его исторіи. Всего болѣе не нравятся Непиру сужденія Тьера о воинскихъ способностяхъ Веллингтона, о характерѣ сэра Джонъ-Мора, котораго Тьеръ назвалъ нерѣшительнымъ, и вообще объ Англійской арміи. «Военныя дарованія Веллингтона, говоритъ Непиръ, если судить «о нихъ по словамъ Тьера, весьма ограничены; — какимъ же обра«зомъ ограниченный полководецъ выгналъ Французовъ изъ Пи«ренейскаго полуострова, и въ упорныхъ битвахъ побѣдилъ луч«шихъ Французскихъ генераловъ ?»

ЕЩЕ О КАЛИФОРНІИ. — Въ Парижѣ открыта еще компанія для облегченія способовъ добыванія золота въ Калифорніи и слѣд. для облегченія средствъ къ обогащенію. Можетъ быть, между нашими читателями и найдутся охотники попытать счастія заморемъ: — вотъ почему мы и выписываемъ для нихъ, изъ Французской газеты, слѣдующее объявленіе:

ФОРТУНА,

Компанія золотопромышленниковъ, составленная для легчайшаго добыванія золотоноснаго песку, посредствомъ машинъ, привилегированныхъ и одобренныхъ во Франціи и Соединенныхъ Штатахъ.

Капиталъ компаніи въ 300,000 Ф.

раздѣленъ на двѣ серіи акцій. 1-я серія: 15,000 акцій по 10 Ф.; 2-я серія: 3,000 акцій по 50 Ф.

Первая отправка 30 рабочихъ — между 15 и 31 числами Мая.

Digitized by Google

Вотъ главныя выгоды, предлагаемыя компаніей:

1. Каждая изъ новоизобрѣтенныхъ машинъ замѣняетъ сто силъ человѣческихъ.

2. Машиной добывается 0,9 чистаго золота, — простыми руками и прежде добывалось 0,2.

4. Компанія имѣетъ въ готовности 4 машины, представляющія 400 силъ человѣческихъ. Приведенныя въ дѣйствіе, эти машины должны доставить: каждая 2 килограмма золота въ день, стало быть ..... 6,000 Ф.
четыре машины, въ день..... 24,000 Ф.
——— ——— въ годъ (8 мѣсяцевъ раб.).... 5,760,000 Ф.

5. Изъ этихъ чиселъ выходитъ, что на каждую 10-франковую акцію придется..... 80 Ф.
на 50-франковую, въ годъ..... 400 Ф.
на каждаго работника, въ годъ ..... 70,000 Ф.

6. Выводы эти подкрѣпляются прежними примѣрами и опытомъ. Такъ акціи общества East-Whell-Rose, пущенныя по 1,250 Фр стоятъ теперь на Лондонской Биржѣ 155,000 Ф., акціи Южнаго Карадана ходили прежде 125 Ф., — теперь 3,750 Ф.; акціи О-ва Great-Consols, стоившія 25 Ф., покупают. за 3,275 Ф.

7. Наконецъ, изъ числа промышленниковъ, отправившихся въ Калифорнію тому два года, нѣкоторые, нынѣ возвратившись во Францію, привезли съ собою отъ 400 до 800 тыс. Ф.

8. Желающіе имѣть акціи на компанію: «Фортуна», могутъ обращаться въ Парижъ, по слѣдующему адрессу:

A la Fortune, rue du Faubourg-Poissonnière, 62.

РЕМНИ ИЗЪ ГУТТА-ПЕРЧИ. — Недавняя гостья въ Европѣ, гутта-перча успѣла уже принести пользу промышленности примѣненіемъ къ различнымъ ея отраслямъ и примѣненія эти становятся болѣе и болѣе разнообразными. Недавно въ Германіи начали дѣлать изъ нея ремни, для передачи движенія отъ приводовъ къ машинамъ. Преимущества ихъ передъ кожаными состоятъ въ томъ, что они крѣпче и слѣд могутъ прослужить долѣе; благодаря ихъ гибкости, движеніе машинъ совершается гораздо ровнѣе. Кромѣ того, немаловажную выгоду для

Digitized by Google

потребителей составляетъ и то, что, послѣ долговременнаго употребленія, обрывки ремней изъ гутта-перчи имѣютъ еще цѣнность, и фабрикантъ-производитель покупаетъ ихъ за четвертую часть продажной цѣны, чтобы, передѣлавъ, снова пустить въ ходъ.

СТРАШНОЕ УБІЙСТВО. — Въ то время какъ Европейскіе законовѣды были заняты процессомъ несчастной смерти Графини Гёрлицъ, — въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, въ Бостонѣ, случилось подобное же ужасное происшествіе. Въ Ноябрѣ прошедшаго года вдругъ исчезъ Докторъ Паркманъ, находившійся при Бостонской Медицинской Академіи. Долгое время не могли найдти даже малѣйшихъ слѣдовъ его; наконецъ, слѣдственная коммиссія, наряженная по этому случаю, нашла его трупъ въ лабораторіи Академіи, но въ какомъ видѣ! нарѣзанный на части, полусожженный, разложенный химическими способами въ безобразныя массы. Подозрѣніе въ убійствѣ пало на Профессора Вебстера, у котораго были довольно частыя денежныя сношенія съ несчастною жертвою; нашлись улики несомнѣнныя, и убійца былъ приговоренъ къ смертной казни. Выслушавъ свой приговоръ, онъ упалъ въ обморокъ; потомъ, на вопросъ судьи, не имѣетъ ли чего сказать противъ приговора, онъ, въ молчаніи и съ унынѣемъ, поникнулъ головой.... Уже готовились привести приговоръ въ исполненіе, какъ явился новый свидѣтель, студентъ медицины, Годжесъ. Вошедъ нечаянно, 25 Ноября, въ лабораторію Вебстера, онъ засталъ его разрѣзывающимъ трупъ Паркмана; угрозы и просьбы убійцы вынудили у молодаго человѣка клятву молчать объ этомъ. Заболѣвъ вскорѣ послѣ того, Годжесъ въ бреду проговорился о страшной тайнѣ, потомъ открылъ ее священнику,— и, по его совѣту, не считая себя связаннымъ клятвою, донесъ и суду....

Какъ ни рѣдки подобныя происшествія, но для чести человѣчества, лучше предполагать, что они совершаются подъ вліяніемъ временнаго помѣшательства, когда голосъ вѣры и любви заглушается несчастною страстью, достигшею высшей своей степени: человѣкъ какъ бы обращается въ звѣря, и, покинутый ангеломъ-хранителемъ, бросается въ пропасть....

Digitized by Google

ТУРЕЦКІЯ ПРАВИЛА ДЛЯ ТОГО, КТО ЖЕЛАЕТЪ, БЫТЬ ПОЭТОМЪ. — Наби-Ефенди, знаменитый Турецкій поэтъ, умершій въ началѣ XVIII столѣтія, дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія о поэзіи и поэтахъ: «Испытай силы свои, сынъ мой, прежде нежели вступишь на тернистый путь поэзіи. Если ты чувствуешь въ себѣ божественный огонь, горѣвшій въ груди великихъ поэтовъ, то вполнѣ предай себя своему генію: но, прежде всего, обогати свой умъ чтеніемъ тѣхъ, которые прославились въ искусствѣ стихотвореній. Нези и Баки—первые Турецкіе поэты. Персія, плодоносная мать генія, также произвела на свѣтъ множество хорошихъ поэтовъ. Сколько силы и чистоты въ произведеніяхъ Саиба и Кельми! Сіами, Пури и Хаками переполнены безчисленными красотами и несказанною мудростію. Сади, подобно нѣжному соловью, наполняетъ рощу мелодическими стонами. Шеркетъ, словно орелъ, взлетаетъ къ небу на крыльяхъ гордости. Гафизъ воспѣваетъ упоеніе любви и вина, тогда какъ Аттеръ, высокими нравственными изреченіями, поучаетъ добродѣтели. Арабы не меньше Персіянъ ревностны къ построенію зданія поэзіи. У нихъ даже болѣе этой божественной полноты и этого поэтическаго безумія, которыя увлекаютъ сердце, воспламеняютъ и возвышаютъ. Ритмъ ихъ буренъ какъ ѣздокъ, ихъ воображеніе рисуетъ всѣ вещи сильными красками, и пѣснопѣнія ихъ согрѣты зноемъ ихъ климата. Ихъ творенія, подобно алмазамъ, бросаютъ отъ себя тысячи лучей, но чтобы вкусить ихъ красоту, надо въ совершенствѣ понимать ихъ языкъ, а совершенства можетъ достигнуть только тотъ, кто языки Арабскій и Персидскій знаетъ какъ родной. Эти два языка суть крылья, на которыхъ поэтъ поднимается вверхъ; но безъ нихъ онъ будетъ ползать по землѣ.

«Если ты желаешь, сынъ мой, чтобы стихи твои не только возбуждали удивленіе современниковъ, но и перешли въ потомство, никогда не жертвуй смысломъ для рѳмы. Предлагай полезныя истины подъ видомъ остроумнаго изображенія или прекраснаго сравненія. Пусть въ твоемъ сочиненіи главною цѣлію будетъ: споспѣшествовать добродѣтелямъ человѣчества. Садъ поэзіи сохнетъ и глохнетъ, когда не омываютъ его потоки философіи.

«Бо̀льшая часть нашихъ вседневныхъ стихокропателей пишутъ только о лиліяхъ, локонахъ, соловьяхъ и винѣ. Воображаемую красавицу, въ которую влюблены они, они сравниваютъ то съ весною, то съ полевымъ цвѣткомъ. Ея губы подобны розѣ,

Digitized by Google

цвѣтъ тѣла походитъ на (бѣлый) жасминъ. Они — холодные и рабскіе подражатели, и лѣнивая фантазія не доставляетъ имъ никакого новаго образа. Они ходятъ только по протоптаннымъ дорогамъ.

«Истинѣ, сынъ мой, не нужно рѣзкаго слова, чтобы привлечь вниманіе къ ея голосу. Пусть же твоя муза никогда не предается сатирѣ. Отъявленный сатирикъ пугаетъ людей: всѣ боятся злобы его пера. Его сопровождаютъ ненависть и мщеніе, а поэта должно любить!»

СТИХОТВОРЕНІЕ ВЪ ЧЕСТЬ ГОСПОЖИ ФАННИ ЭЛЬСЛЕРЪ.— Вотъ уже около мѣсяца, какъ Госпожа Фанни Эльслеръ въ Москвѣ. Пребываніе здѣсь знаменитой артистки, славной танцовщицы и мимистки—эпоха для нашего балета, предметъ толковъ, споровъ и восторговъ для любителей театра. О торжествахъ ея въ разныхъ концахъ Стараго и Новаго свѣта было писано на всѣхъ языкахъ: Французскомъ, Нѣмецкомъ, Англійскомъ, Испанскомъ и даже Русскомъ, во всѣхъ журналахъ и газетахъ. Мы никакъ не хотимъ отстать отъ другихъ и надѣемся, на дняхъ, подробно поговорить съ нашими читателями о прекрасной нашей гостьѣ, тѣмъ болѣе, что намъ обѣщана ея біографія. Покуда, вспомнивъ стихъ:

Діаны грудь, лапиты Флоры
Прелестны, милые друзья!
Но все же ножка Терпсихоры
Прелестнѣй чѣмъ-то для меня!

мы, въ угоду нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей, помѣщаемъ здѣсь одно изъ стихотвореній, вдохновленныхъ искусствомъ Г-жи Фанни Эльснеръ, которое имѣетъ достоинство современности:

Ф. Э. въ Жизели:

На сценѣ Жизель такъ мила, что привѣта
Душа не сказать не могла....
Въ игрѣ вашей, Фанни, программа балета
Теперь для меня ожила.

—

Digitized by Google

Жизель! ты любила, ты счастіе знала;
Жизель, ты невѣстой была!
Ты къ Альберту первою страстью пылала, —
Одною любовью жила.

—

И Альбертъ, женихъ твой, ласкалъ тебя нѣжно —
Обмана никто ждать не могъ; —
И ты, наслаждаясь, цвѣла безмятежно,
Какъ пышный, весенній цвѣтокъ.

—

Но горе и слезы тебя ожидали:
Когда ты была такъ рѣзва,
Зачѣмъ объ измѣнѣ тебѣ разсказали? —
Несчастія ты не снесла.

—

Разсудокъ Жизели съ любовью высокой
Въ борьбѣ изнемогъ навсегда,
И сердце Жизели, отъ скорби жестокой,
Разбилось.... Жизель умерла.

—

Погибла.... но нѣтъ, на землѣ назначенье
Другое себѣ ты найдешь,
Тебѣ еще нужны и смѣхъ и веселье,
Совсѣмъ ты, Жизель, не умрешь.

—

Невѣсты въ могилахъ своихъ не ночуютъ,
Онѣ послѣ смерти встаютъ
И ночью надъ озеромъ вьются, танцуютъ —
Виллисами всѣ ихъ зовутъ.

—

Воздушной Виллисой съ подругами будешь
Ты каждую ночь танцовать;
Ты прежніе танцы свои не забудешь
И станешь рѣзвиться, играть.

—

У ногъ своихъ Альберта вновь ты увидишь:
Придетъ онъ къ могилѣ твоей
И горько заплачетъ.... и ты къ нему выйдешь
Еще граціозней, милѣй.

Digitized by Google

И Альбертъ потерю Жизели оцѣнитъ:
Онъ вспомнитъ о прежнемъ тогда;
Но онъ не воротитъ, но онъ не измѣнитъ
Того, что рѣшила судьба.

—

И къ Альберту, въ платьяхъ своихъ подвѣнечныхъ,
Виллисы толпой полетятъ,
И въ играхъ, и въ танцахъ своихъ безконечныхъ
Замучить его захотятъ.

—

Жизель! ты съ Виллисами мучить не станешь —
Жизель не способна губить,
И въ жертву подругамъ его не оставишь —
Не будешь ты Альберту мстить....

—

Но вотъ показалося утро. Бѣднѣютъ
Виллисы, при свѣтѣ зари —
Холодной невѣсты теперь не согрѣютъ,
Женихъ, поцѣлуй твои.

—

О Альбертъ, лишь солнце природу освѣтитъ
Виллиса исчезнуть должна:
О рѣзвой Жизели, на утро, отвѣтитъ
Тебѣ лишь могила одна!

1850.

НОВАЯ ПЛАНЕТА.

(Письмо Д. М. Перевощикова къ Редактору).

М. Г. М. П. Не угодно ли вамъ извѣстить чрезъ вашъ журналъ, что Аннибалъ де-Гаспарисъ, Астрономъ въ Неаполѣ, открылъ новую планету 1850 г. Мая 11 д., по новому штилю. Эта планета кажется звѣздой девятой величины, и суди по ея движенію, должно причислить ее къ группѣ астероидовъ, заключающейся между планетами Марсомъ и Юпитеромъ; такъ что нынѣ эта группа состоитъ изъ одиннадцати слѣдующихъ планетъ:

Digitized by Google

Флора, Веста, Ирисъ, Метисъ, Геба, Астрея, Юнона, Церера, Паллада, Гигея, новая планета.

Новую планету Гаспарисъ желаетъ назвать *Партенопой*, т. е. тѣмъ именемъ, которое Дж. Гершель хотѣлъ дать Гигеѣ.

Извѣстіе объ открытіи новой планеты получено мною отъ извѣстнаго Альтонскаго Астронома Шумахера, который вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомляетъ, что наблюденія показали слѣдующія перемѣны въ положеніи планеты:

	ср. вр. въ Неаполѣ.	Прям. восх.	южн. скл.
1850 г. Мая 11.	12 ч. 51 м. 53,1 с.	230° 21′ 53,″23	10°35′12,″9
	11 42 2,5	230 8 26, 63	10 31 58, 9
	ср. вр. въ Гамб.		
Мая 27.	11 ч. 40 м. 9 с.	226° 40′ 37,″ 5	9°53′45,″2
	ср. вр. въ Альтонѣ.		
28.	11 ч. 25 м. 8 с.	226° 28′ 17,″ 4	9°52′ 1,″9

А. Перевощиковъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Недавно Москвитянинъ объявлялъ о новыхъ пріобрѣтенныхъ имъ статьяхъ. Многія изъ нихъ уже напечатаны послѣ объявленія, другія будутъ вскорѣ напечатаны. Редакція можетъ увѣдомить нынѣ о новыхъ произведеніяхъ Русской Изящной Словесности, кои она получила, и также постепенно помѣщать будетъ.

Повѣсти: *А. Н. Рамазанова:* Говорящія статуи.
П. П. Сумарокова: Лице и изнанка.
С. П. Колошина: Особенный случай.
Непонятая, романъ горничной.
П. Э. Дояіанскаго: Одарка Квочка.
И. Д. С....ва: Признанія Сосулькина.
А. Н. Писемскаго: Тюфякъ.
Д. В. Григоровича: Попельновскій.
Свѣтлый праздникъ.

Digitized by Google

Ученыя статьи: Профессора Г. Е. *Щуровскаго*: о сочиненіи Мурчиссона; N. N. о сочиненіяхъ Струве; *И. Д. Бѣлаева*: Князь Михаилъ Александровичь Тверской; Русскій взглядъ на процессъ Гр. Гёрлицъ, *А. Е. Студитскаго*; Біографическія извѣстія о Г. Ѳедотовѣ. Скоро помѣстится продолженіе Записокъ Митрополита *Платона*, и проч.

==

Редакція извиняется предъ авторомъ статьи: Эстетическое кое-что, помѣщенной въ 10 №, что подъ нею поставлены не принадлежащія къ ней буквы: *П. л.*

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Мая 31-го 1850 года.

Цензоръ В. Лешковъ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

ТРОЕ ВМѢСТО ОДНОГО.

Поэма въ одинъ сутки.

Дѣвица де Гурнѣ была одна изъ тѣхъ женщинъ, съ притязаніями на знаніе, остроуміе и даже ученость, которыя, подобно Пику-де-ла-Мирандола, говорятъ *de omni re et quibusdam aliis*, т. е. о всякой вещи и нѣкоторыхъ другихъ, и считаютъ сами себя умницами, потому что совали носъ, разумѣется, безъ толку, въ Философію Декарта или Гассенди. Если вѣрить ея современникамъ, трудно было встрѣтить что нибудь ошибочнѣе ея сужденій, что-нибудь смѣшнѣе ея претензій. Однимъ словомъ, это была одна изъ тѣхъ несносныхъ женщинъ, которыя даже не обладаютъ способностію забавлять, и чьи однообразныя манін наводятъ смертельную тоску на самаго учтиваго и хладнокровнаго наблюдателя!

Однимъ прекраснымъ утромъ, дѣвица де-Гурне, проснувшись, сказала себѣ что мало быть ученой и любезной, а нужно свести знакомство со всѣмъ, что есть въ столицѣ поэтовъ и славныхъ геніевъ. Въ послѣднее время, въ особенности, овладѣла ею безпокойная страсть къ нѣжному Гонора де-Рюэль, болѣе извѣстному подъ именемъ маркиза де-Ракапъ, который издавна славился умѣньемъ писать сладенькіе стишки и раздушенные мадригалы.

Не зная его даже въ лицо, наша Гурне сходила съ ума по немъ. Ее мучило неодолимое желаніе видѣть его.

Digitized by Google

Обстоятельство было важно, а дѣвица Гурне до крайности нетерпѣлива. Что было дѣлать ей? Писать къ нему показалось опасно. Просить его пріѣхать? И это не понравилось, почему-то. Ждать случая? А если бы случай не представился никогда?.... Старая дѣва, не знавшая на чемъ остановиться, впала въ совершенное отчаяніе. Вдругъ дверь ея будуара отворилась настежъ и смѣло, какъ отворяется дверь только рукою самаго короткаго знакомаго.

— Кавалеръ де-Рони! воскликнула де-Гурне.

— Собственной персоной, прекрасная муза, отвѣчалъ де-Рони, взялъ руку хозяйки и граціозно поцѣловалъ. — Неужели вы меня не ждали? Развѣ вы не знаете, что безъ васъ я сохну, вдали отъ васъ умираю?

На такое нѣжное выраженіе прекрасныхъ чувствъ, благородно и горячо выливавшихся, дѣвица де-Гурне отвѣчала едва односложными восклицаніями и насильно-заглушаемыми вздохами. Видно было для кавалера, что она была сильно занята чѣмъ-то и что предметъ, ее занимавшій, былъ не онъ. Онъ захотѣлъ узнать тайну этой тревоги, настоялъ на исполненіи этого желанія и де-Гурне, почти черезъ силу и побѣжденная его просьбами, призналась, что находится подъ вліяніемъ мысли, вскружившей ей голову. Послѣдовали новыя просьбы со стороны де-Рони. Наконецъ, изъ устъ хозяйки вылетѣла вся истина.

— Только-то? сказалъ, выслушавъ ее, кавалеръ, недовольно наморщивая бровь и стараясь скрыть просившуюся на губы улыбку. — Такъ что же вы раньше мнѣ не сказали объ этомъ? Де-Ракантъ мнѣ хорошій пріятель. Мы почти всякій день обѣдаемъ вмѣстѣ. Успокойтесь. Я передамъ ему ваше желаніе, и онъ — я знаю навѣрное — поспѣшитъ повергнуть къ вашимъ прекраснымъ ножкамъ дань своего уваженія.

— Вы думаете?

— Совершенно увѣренъ.

— И вы скоро ему скажете объ этомъ?

— Сегодня же.

Дѣвица де-Гурне была въ восторгѣ, она осыпала де-Рони краснорѣчивѣйшими изъявленіями признательности. Рони принялъ эти изъявленія съ такою холодностію, которая не обѣщала ничего хорошаго и, раскланявшись съ де-Гурне, повторилъ свое обѣщаніе.

Digitized by Google

Кавалеръ, который былъ однимъ изъ несчастныхъ поклонниковъ дѣвицы де-Гурне; — мы говоримъ это не въ похвалу ему, — вышелъ отъ нея въ полной увѣренности, что она влюблена въ г. де-Раканъ по его репутаціи, и съ рѣшимостію сыграть съ ней какую-нибудь злую шутку. Съ этимъ намѣреніемъ, онъ отправился къ виконту де-Морваннъ, давнишнему пріятелю, обычному товарищу его удовольствій и всегда готовому посмѣяться надъ кѣмъ бы то ни было, одурачить кого угодно. Для этого Морваннъ думалъ не долго и избиралъ первое средство, приходившее ему въ голову: живи онъ въ другое время, дорого пришлось бы ему поплатиться за иную его продѣлку. Рони разсказалъ ему свиданіе и разговоръ свой съ де-Гурне, не забывъ прибавить о желаніи отомстить ей за ея равнодушіе къ нему.

Морваннъ былъ другъ преданный и человѣкъ съ неисчерпаемымъ воображеніемъ. Онъ ударилъ себя по лбу, какъ бы прося у головы идеи: идея не заставила ждать себя. Рони припрыгнулъ отъ удовольствія и умолялъ Морванна сообщить ему родившійся у него планъ. Но пріятель только сказалъ:

— Иди домой, кавалеръ, не думай ни о чемъ и предоставь все мнѣ. Но, завтра, сдѣлай мнѣ удовольствіе, пошнырь по улицамъ и главнымъ переулкамъ Болота (du-Marais). Услышишь тогда про чувствительную де-Гурне, и про сладенькаго де-Раканъ, — отвѣчаю честію!

Кавалеръ де-Рони согласился на это условіе, на время, по крайней мѣрѣ, и, часъ спустя послѣ разговора его съ Морваннемъ, лакей докладывалъ дѣвицѣ де-Гурне:

— Г. Маркизъ де-Раканъ!

Восторженная дѣва только-что не упала въ обморокъ, но сообразивъ, что не до того ей теперь, выбѣжала на встрѣчу къ неоцѣнимому гостю. Волненіе почти лишаетъ ее голоса, она проситъ у него позволенія поцѣловать его.... есть странности и требованія, которыя охотно прощаетъ геній. Морваннъ (это былъ онъ) соглашается на желаніе де-Гурне и, такъ какъ она еще не очень-дурна, считаетъ обязанностію щедро вознаградить ее, съ своей стороны, поцѣлуемъ.

Послѣ этого нѣжнаго дебюта, — серьезный элементъ беретъ верхъ въ бесѣдѣ. Де-Гурне говоритъ обо всемъ: о модной трагедіи, о Мазаринѣ, обо отели Рамбулье, о Фрондѣ, о по-

Digitized by Google

слѣднемъ сонетѣ. Собесѣдникъ на всякій вопросъ находитъ оцѣнку, отвѣтъ. Онъ выдерживаетъ свою роль съ удивительнымъ умѣніемъ. Она умоляетъ его сказать ей какіе-нибудь стихи: Морваннъ, отъ роду не пріискавшій риемы, на удачу читаетъ ей двѣ три строфы Монтобана или Гонбервилля, которыя она находитъ несравнимыми ни съ чѣмъ подобнымъ и объявляетъ, что онѣ могли быть написаны имъ однимъ, маркизомъ де-Ракань. Восклицаніямъ, похваламъ нѣтъ числа!

Но не бываетъ праздника безъ конца, какъ нѣтъ безъ конца ничего на свѣтѣ. Авторъ *Пастушескихъ Стихотвореній* до того любимъ, до того знаменитъ, что за него всѣ кружки, всѣ салоны только что не дерутся. Нельзя противиться этимъ лестнымъ исканіямъ, подъ страхомъ нажить себѣ вѣчныхъ и непримиримыхъ враговъ. Ему надо ѣхать.... Дѣвица де-Гурне, по неволѣ, должна осудить себя на разлуку съ нимъ, но она требуетъ отъ него формальнаго, только что не клятвеннаго, обѣщанія, что онъ будетъ къ ней опять и не позже завтрашняго дня.

Морваннъ обѣщаетъ все что угодно, согласенъ исполнить каждое желаніе, и оканчиваетъ посѣщеніе свое блистательно, изнемогая подъ бременемъ самыхъ сладкихъ протестацій и самыхъ лестныхъ комплиментовъ.

Не прошло и часу. Дѣвица де-Гурне едва успѣла опомниться отъ посѣщенія очарователя. Входитъ лакей и, съ недоумѣвающимъ видомъ и разинутымъ ртомъ, объявляетъ, что пріѣхалъ какой-то господинъ, обитый золотомъ и шелкомъ, который спрашиваетъ дѣвицу де-Гурне и называетъ себя маркизомъ де-Раканъ.

— Опять онъ! Воротился! — восклицаетъ дѣвица де-Гурне, внѣ себя отъ восторга.

— То есть, изволите ли видѣть, сударыня, — отвѣчаетъ лакей: онъ, да не онъ.

— Какъ не онъ?

— Точно такъ-съ.

— Что за вздоръ! Ты съ ума сошелъ, ты рѣшительно сошелъ съ ума.

Лакей, человѣкъ смѣтливый, рѣшается доказать барынѣ, что говоритъ правду.

Онъ вводитъ новаго де-Ракàнъ.

Digitized by Google

Дѣвица де-Гурне, при видѣ незнакомаго лица, опять хочетъ упасть въ обморокъ, но разсуждаетъ про себя, что это средство не объяснитъ недоразумѣнія. — Она считаетъ за благоразумнѣйшее для открытія истины не горячиться и терпѣливо выждать, высмотрѣть, въ полной увѣренности что если новый гость обманщикъ, самозванецъ какой-нибудь, то и самъ выдастъ себя своимъ разговоромъ или иной неумѣстной выходкой, которую не трудно ей будетъ подмѣтить и оцѣнить. Она рѣшается на послѣдній планъ и проситъ поэта садиться.

Что такое? Ошибка, въ самомъ дѣлѣ? Или предубѣжденіе? Ей кажется, что этотъ де-Раканъ, маркизъ древняго и славнаго рода, сынъ маршала Королевской арміи, неповоротливъ какъ будто, садится какъ-то неловко, — одѣтъ, подумаешь, въ чужое платье. Но, давъ себѣ слово не спѣшить заключеніемъ и по тому свойству человѣческой природы, что чѣмъ болѣе хочешь обмануть себя, тѣмъ становишься хитрѣе, дѣвица де-Гурне начинаетъ увѣрять себя, что самая неловкость маркиза, одно изъ доказательствъ въ его пользу. Люди необыкновенные бываютъ такъ странны, такъ неловки въ простыхъ дѣлахъ жизни!

Ктому же, едва сѣлъ Раканъ, языкъ его развязывается, вдохновеніе разыгрывается, геній пробуждается. Это онъ, разумѣется онъ! Какъ не узнать ученика Малерба! Что за блескъ! Какое обиліе мыслей, оригинальныхъ, поразительныхъ, высокихъ! Какіе полевые цвѣты, что за сладкіе ароматы! Потомъ, вдругъ, огонь, огонь! Вотъ бесѣда, которую она любитъ! Вотъ краснорѣчіе, какъ оно снилось ей! Правда, по временамъ, нашъ поэтъ разсыпается такой грубой лестью, что слушательница совершенно теряется, и ея скромность готова вооружиться противъ него.... Но нельзя не вѣрить его искренности: не смѣется же онъ въ самомъ дѣлѣ надъ ней, и въ глаза еще. Первое предположеніе нравится ей несравненно болѣе втораго.

Убѣдившись окончательно, что этотъ Раканъ, Раканъ № 2, настоящій Раканъ, единственный въ своемъ родѣ, де-Гурне не можетъ устоять противъ желанія повѣрить ему повѣсть о томъ, какъ ее хотѣли обмануть, тому часа два.

— Быть не можетъ! — восклицаетъ поэтическій маркизъ, играя своей фрезой; и вы не.... и вы не помните какого-нибудь особеннаго признака, по которому я могъ бы узнать этого наглеца?

Digitized by Google

— Богъ мой, — отвѣчаетъ де-Гурне, щурясь и дѣлая маркизу глазки, — какъ бы вамъ сказать: я, право, не знаю.... вы меня заставили забыть его.... Я только помню, что у него были прегрубыя манеры.

— Лакей какой-нибудь, бьюсь объ закладъ!

— Чего добраго!.... Вы увѣрены въ вашихъ людяхъ!

— Можно ли быть увѣрену въ этомъ народѣ?.... Э-э! позвольте, позвольте, прелестная дама, я никакъ не отвѣчаю, чтобъ это не былъ мой конюхъ.

— Какая мерзость!

— Неимовѣрный подлецъ! И, говорятъ, преспособный въ комедіи, до такой степени, что онъ иногда забудетъ накормить моихъ лошадей, и бѣжитъ въ Бургонскій отель, куда тайкомъ проводитъ его какая-то судомойка. Если онъ узналъ, что вы изъявили любезность имѣть меня у себя, онъ, пожалуй, нарочно сыгралъ штуку и съ вами, и со мной: его на это станетъ....

— Да это ни на что не похоже! — восклицаетъ дѣвица де-Гурнѣ.

— Будьте покойны, неоцѣненная, безподобная моя: онъ умретъ подъ палкой, даю вамъ слово маркиза.

Послѣднее увѣреніе смягчило гнѣвъ дѣвицы и успокоило ея бѣдные, слабые нервы. Она принялась опять осаждать любимаго поэта нѣжностями, разумѣется, чисто-платоническими и привѣтствіями его любезности и генію. Она знала наизусть его лучшія творенія и стала читать ему оды, стансы, сонеты, о которыхъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, но которыя слушалъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Воодушевленіе хозяйки, однакоже, не помѣшало ей замѣтить что гость, по временамъ, обращалъ свои взоры къ стѣннымъ часамъ.

— Вы спѣшите? — сказала она ему, голосомъ глубокотронутымъ.

— Меня ждутъ у Королевы, — отвѣчалъ поэтъ.

Дѣвица де-Гурне склонилась передъ этимъ именемъ. Она не смѣетъ удерживать его.... но убѣдительно проситъ не забывать ея, возобновить бесѣду, увы! на этотъ разъ, прерванную. Не забудемъ, что при прощаньи, она подноситъ гостю ленту, которую тотъ прикалываетъ къ петлицѣ, съ явными выраженіями удовольствія.

Digitized by Google

Особенность, отличительная черта генія въ томъ, что онъ оставляетъ слѣдъ вездѣ, гдѣ бы ни прошелъ, и увѣковѣчиваетъ себя въ памяти и сердцѣ того, кто умѣетъ его цѣнить. Проводивъ поэта, дѣвица де-Гурне стала припоминать всѣ впечатлѣнія, имъ оставленныя, приводить ихъ въ порядокъ: пріемы, исполненные свѣтской утонченности и свободы, черты, проникнутыя остроуміемъ, взглядъ, въ которомъ блеститъ геній; и вывела изъ всего этого что только онъ, именно онъ, Раканъ № 2, настоящій Раканъ, между тѣмъ какъ первый былъ наглецъ, задумавшій употребить во зло ея довѣрчивость.

Вдругъ входитъ извѣстный уже лакей ея; на лицѣ его нѣтъ прежняго недоумѣнія, но проглядываетъ какая-то нахальная насмѣшливость. Она становится посреди комнаты и, опустивъ глаза къ полу и вертя въ пальцахъ пуговицу своего камзола, докладываетъ, что какой-то неизвѣстный господинъ желаетъ имѣть честь быть допущеннымъ къ г-жѣ де-Гурне.

— Проси, но узнай кто бы это могъ быть! отвѣчаетъ она презрительно.

Лакей, не теряясь ни мало, громко произноситъ:

— Господинъ маркизъ де-Раканъ!

Дѣвица де-Гурне вскакиваетъ: въ эту минуту она не женщина, она львица, потрясающая гривой; это Іоанна д'Аркъ передъ сраженіемъ.

Она не даетъ пріѣзжему времени войти въ гостиную, идетъ къ нему на встрѣчу: губы дрожатъ отъ злости, въ глазахъ огонь.

— Да сколько же ихъ на свѣтѣ, этихъРакановъ?.... Стало Ракàны есть вездѣ?.... Они, стало, ростутъ изъ земли какъ грибы!.... Хорошо же!.... Который бы изъ всѣхъ ни обманулъ меня, этотъ заплатитъ за всѣхъ. Впрочемъ, — продолжаетъ она, всматриваясь въ новаго посѣтителя, который, въ это время, шаркаетъ и кланяется, — я физіономистка, и этотъ, съ своей глупой рожей и манерами того свѣта, конечно, не благородный маркизъ де-Ракàнъ!

И, быстро снявъ съ ноги туфлю, пускаетъ ею въ лицо маркиза.

Почтенному человѣку*, переступившему уже 50-лѣтній возрастъ, такой пріемъ не могъ показаться любезнымъ: не мудрено

* Гонора де-Рюэль, маркизъ де-Раканъ, одинъ изъ первыхъ членовъ Французской Академіи, род. въ 1589 г., ум. въ 1670.

Digitized by Google

было потеряться и безъ этого. Гость вздрогнулъ и посмотрѣлъ вокругъ. Другая туфля попала ему прямо въ носъ. Тогда онъ рѣшилъ про себя, что имѣетъ дѣло съ безумной и хотѣлъ что-то сказать..., Но, съ перваго слова, она возразила ему такимъ образомъ, что онъ созналъ всю опасность объясненія, добрался до выхода и поспѣшно сталъ спускаться по лѣстницѣ. Мщеніе дѣвицы де-Гурне не знало мѣры. Она схватила сосудъ съ водой и, догоняя маркиза, облила его безъ малѣйшаго сожалѣнія. Никогда бѣдному маркизу не было такого праздника. Онъ, буквально, взялъ ноги на плеча и побѣжалъ, не оглядываясь.

—

Вечеромъ того же дня, — этой поэмѣ было суждено развязаться въ одни сутки, — бѣдная дѣвица де-Гурне узнала, что имѣла тройное несчастіе: 1, поцѣловать Морванна, извѣстнаго всему Парижу повѣсу и сорванца; 2, подарить ленту камердинеру того же Морванна, достойному слугѣ достойнаго господина; 3, причинить насморкъ настоящему маркизу де-Ракань, чего, по всему вѣроятію, онъ, маркизъ, не долженъ былъ простить ей никогда.

Преданіе гласитъ, что дѣвица де-Гурне, и отъ природы мстительная, удостовѣрившись въ томъ, что сдѣлалась жертвой злаго обмана, никогда не хотѣла простить обидной шутки кавалеру де-Рони, который, впрочемъ, по Французскому выраженію, *не укралъ* славы немилосердаго насмѣшника и отъявленнаго повѣсы....

КАИРЪ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ.

(*Изъ путешествія Адальбера де-Бомонъ.*)

....Корабль, перевозившій насъ изъ Александріи въ Каиръ, остановился утромъ, на четвертый день, въ небольшой пристани, при *Шубрахѣ*, загородномъ домѣ Паши, окруженномъ садами, отъ которыхъ цѣетъ запахомъ розъ, лимонныхъ и померанцовыхъ деревьевъ. Шубрахъ соединяется съ городомъ длинными аллеями акацій и рожковыхъ деревьевъ: чудовищные корни и низменныя вѣтви переплетаются змѣями, а густыя листья, словно кованные изъ мѣди, срастаются сводомъ, непроницаемымъ для палящихъ лучей Египетскаго солнца.

Digitized by Google

Какое-то особенное, не вдругъ изъяснимое, чувство удовольствія овладѣло мною, когда въ первый разъ увидѣлъ я Каиръ съ его окрестностью, облитой яркимъ свѣтомъ и рѣзко отдѣлявшейся отъ темной стѣны деревъ, надъ зубчатой линіей ихъ вершинъ.... Мнѣ казалось, что я наконецъ нашелъ мою настоящую родину: я узнавалъ ее.... какія-то смутныя воспоминанія,— воспоминанія будто иной жизни, рисовали мнѣ всю эту картину, которую, однакоже, я видѣлъ впервые. Съ теченіемъ времени, впечатлѣніе, произведенное на меня Египтомъ, усилилось, и, съ той поры, какъ я покинулъ эту страну, мною овладѣла непостижимая тоска по Востоку: и теперь съ страстною любовью обращаюсь я къ нему глазами памяти....

Мы вошли въ городъ въ ворота, извѣстныя подъ названіемъ: *Эсбекіе*. При дикомъ крикѣ верблюдовъ, посреди толпы женщинъ съ опущенными черными покрывалами и закутанныхъ въ голубыя *ялеки*, несущихъ верхомъ на плечѣ, голыхъ ребятишекъ бронзоваго цвѣта, васъ особенно поражаетъ своеобразный видъ домовъ, бѣлыхъ съ красными полосами, — съ ихъ *мушарабіями*. Мушарабіи — родъ клѣтокъ изъ кедроваго или кипарисоваго дерева, вырѣзанныхъ наподобіе кружева и замѣняющихъ окна: цѣль этихъ *мушарабій* пропускать воздухъ безъ лучей солнечныхъ и скрывать отъ любопытнаго взгляда таинственный бытъ жителей Востока.... Съ каждымъ шагомъ впередъ, глаза все болѣе разбѣгаются на пеструю толпу, идущую и ѣдущую верхомъ на лошадяхъ, ослахъ или верблюдахъ, и живописно разсыпающуюся по Каиру и его чуднымъ окрестностямъ.

Въ синеватомъ сумракѣ, сквозь густой дымчатый паръ, обливающій все видимое пространство, — мѣстами, какъ огоньки въ ночной темнотѣ, свѣтятся блестящіе наряды разнообразныхъ племенъ Африки, Европы и Азіи. Вотъ *феллахи*, — настоящіе Египтяне, *Копты*, тоже Египтяне, но уже христіане отъ временъ Христа; *Негры* съ береговъ Голубаго и Бѣлаго Нила; *Арабы изъ Гедъяца* или *Гаммонскаго Оазиса*, — *Моребиллы*, — уроженцы изъ *Мекки*, — въ красныхъ чалмахъ съ яркими желтыми полосами, на подобіе головныхъ уборовъ мумій, которыми украшаютъ надгробные камни; — вотъ *Нубійцы*, закутанные въ одѣяла желтовато-бѣлаго цвѣта, въ которыя они драпируются какъ Египтяне назадъ тому 4,000 лѣтъ, — черные *Галласы* и *Дафуры*, жители *Сеннаара*, *Дарфура*, *Донголы* и

Digitized by Google

Кордофана; — *Сирійцы*, носящіе бѣлые или черные *абаи*, прошитые золотыми нитками и пурпуромъ или широкими полосами изъ разныхъ матерій и яркихъ цвѣтовъ; — вотъ наконецъ: *Абиссинцы, Кавказцы, Варварійцы, Алжирцы, жители Марокко, Турки, Индійцы, Евреи, Персіяне, Армяне, Греки* и *Франки*, — всѣ рѣзко отдѣляющіеся другъ отъ друга племенемъ, цвѣтомъ кожи и нарядомъ....

Вотъ *эфбренди*, — богачъ, ѣдущій на бѣломъ Абиссинскомъ ослѣ; за нимъ съ трудомъ слѣдуютъ четыре или пять молодыхъ дѣвушекъ, скудно прикрытыхъ одѣялами пепельнаго цвѣта, изъ-подъ которыхъ виднѣются формы отличной правильности и красоты. По стекляннымъ браслетамъ на рукахъ и на ногахъ, по мѣдному цвѣту кожи и прическѣ, вы узнаете въ нихъ несчастныхъ Эѳіопянокъ, оторванныхъ отъ семействъ безжалостными воинами Паши.

Но что это за крики? Куда бѣжитъ народъ, чего они всѣ испугались? Женщины и дѣти прячутся въ воротахъ, мужчины уходятъ въ сторону и, не смотря на крикъ моего маленькаго погонщика, всѣ эти бѣглецы, толкая другъ друга, толкаютъ насъ и мечутся какъ сумащедшіе. Что жъ это такое? Но вотъ являются скороходы, одѣтые въ свѣтлоголубой цвѣтъ и вооруженные кнутами; вслѣдъ за ними несется карета, запряженная четверней лошадей.... Въ ней сидитъ *Аббасъ-Паша*, нынѣ вице-король Египта, внукъ Мегемета-Али, и тѣшится страхомъ, который наводитъ проѣздъ его на всѣхъ встрѣчающихся. Какое дѣло ему, еслибы случилось его конямъ раздавить нѣсколькихъ феллаховъ? Всѣхъ не передавятъ они, а стоитъ ли останавливаться изъ-за бездѣлицы!

Сколько разъ, любуясь на эти разнохарактерныя племена, разсматривая эти типы, носящіе на себѣ отпечатокъ разныхъ градусовъ широты, — эти типы, то бѣлые и блѣдные, то шоколаднаго или почти кофейнаго цвѣта, — или наконецъ изъкрасно-или синевато-черные, нерѣдко мужественные и красивые, — я спрашивалъ себя: отчего не былъ въ Египтѣ *Леопольдъ Роберъ*? При видѣ этой природы, столько новой и своеобразной, онъ произвелъ бы чудеса, которыя конечно превзошли бы его «Венеціанскихъ рыбаковъ» и «Римскихъ жнецовъ». Въ самомъ дѣлѣ, только его карандашъ могъ бы воспроизвести этихъ Абиссинскихъ Антиноевъ, съ чертами и формами, ни въ чемъ не уступающими перво-

Digitized by Google

образамъ Греческаго искусства, — эти ни съ чѣмъ не сравнимыя руки и ноги, большіе глаза, исполненные грусти, — носъ и ротъ гордые и тонко-очерченные, широкій и умный лобъ, — черные, шелковистые волосы и кожу, гладкую какъ атласъ и выкрашенную природой подъ цвѣтъ Флорентинской бронзы. Чего не сдѣлалъ бы онъ — нашъ славный художникъ, — чего не извлекъ бы изъ этаго *варварійскаго* племени, еще большаго ростомъ, нежели всѣ прочія, — съ чертами, иногда слишкомъ темными или не довольно рѣзкими, но вообще проникнутыми въ цѣломъ выраженіемъ очаровательной кротости, совершенно неизвѣстнымъ въ нашихъ холодныхъ странахъ? И всѣмъ этимъ племенамъ необходимо палящее солнце юга: иначе блестящая кожа сдѣлалась бы шероховатою, поблекла бы и даже измѣнилась бы въ цвѣтѣ. Не трудно удостовѣриться въ томъ, что негръ безукоризненно-черный черезъ нѣсколько мѣсяцевъ краснѣетъ и блѣднѣетъ, столько же почти, сколько бѣлый. Когда пріѣдешь въ Африку, — сначала, всѣ эти типы похожи между собой; но чѣмъ болѣе присматриваешься къ нимъ, чѣмъ болѣе глазъ, такъ сказать, отстаетъ отъ предразсудка въ пользу своей касты, — тѣмъ явственнѣе становятся оттѣнки между ними и тѣмъ сильнѣе поражаютъ зрителя всѣ эти красоты, о которыхъ мы не имѣемъ понятія въ Европѣ.

Разнообразіе племенъ и народовъ, видъ улицъ, которымъ нѣтъ числа,— все это вмѣстѣ и чаруетъ иностранца, и сбиваетъ съ толку: чтобы не заблудиться въ такомъ лабиринтѣ, нужна большая привычка къ Каиру, надо побѣгать въ немъ мѣсяца четыре или пять. Послѣ Венеціи, Каиръ болѣе всего похожъ на лабиринтъ; улицы грязныя и до того узкія, что иногда случается въ одно время касаться локтями противоположныхъ стѣнъ,— груды зданій съ плоскими крышами, надъ которыми высится безчисленное количество куполовъ и минаретовъ, не представляютъ ни одной особенно-замѣчательной точки, которой могъ бы держаться путешественникъ; уже нѣсколько пообжившись, онъ пріучается находить дорогу по вратамъ мечетей, базарамъ и фонтанамъ, — да и то съ трудомъ.

Въ этой сѣти дорогъ, взаимно-пересѣкающихся по всѣмъ направленіямъ, двѣ улицы, какъ двѣ главныя артеріи, прорѣзываютъ Каиръ съ юга на сѣверъ. Одна — большая улица *Мористана*, другая ведетъ прямо къ крѣпости.

Digitized by Google

Взойдемте на утесъ, на которомъ она выстроена, чтобы лучше обозрѣть въ цѣлости весь этотъ чудный городъ *живыхъ*, который мы съ вами теперь пробѣжали, и другой, не менѣе любопытный — городъ *мертвыхъ*, прилежащій къ нему съ одной стороны, — между тѣмъ какъ, съ другой, разстилается, едва обозримая простымъ глазомъ, долина.

Съ террасъ *кіоска*, резиденціи паши (трудно назвать ее дворцомъ) видна вся окрестность. Налѣво — печальная степь съ курганами и памятниками мамелюковъ и халифовъ, — мѣстами, надъ ними, фарфоровые и рѣзные куполы; прямо противъ васъ, городъ съ его минаретами, граціозно-уходящими въ высь; направо — развалины Эліополиса съ обелискомъ, свидѣтели Французской славы: между нихъ святая чинара, гдѣ, по Коптскому преданію, почила однажды Дѣва Марія. Еще правѣе, *старый Каиръ*, гдѣ скрывалось Святое Семейство, во время убійства младенцевъ; — еще далѣе, обширная, зеленѣющая долина, окаймленная желтыми песками, словно изумрудъ оправленный въ золото. Нилъ величественно катитъ по ней свои мутныя волны: вдоль береговъ; здѣсь и тамъ — пальмовыя рощи; — наконецъ, на самомъ послѣднемъ планѣ, въ дали, уже убѣгающей отъ зрѣнія, пустыня съ пирамидами *Гизла* и *Заггары*, и *Долина Мумій*, простирающаяся до послѣднихъ вѣтвей Ливійскаго хребта.

Случалось со мной, что, обошедъ мечети, — я приходилъ отдыхать на какую-нибудь террасу или взбирался на вершину минарета, чтобы вдоволь насладиться разнообразіемъ и величіемъ этой картины, но, болѣе, для того еще, чтобы объяснить себѣ планъ этого любопытнаго города, въ которомъ считается 412 мечетей и надгробныхъ памятниковъ, 500 минаретовъ, 300 водохранилищъ, 60 бань, 34 фонтана, 140 публичныхъ школъ, 11 или 12 базаровъ, 1,265 оскеновъ или каравансараевъ, 71 главныя ворота,— не говоря уже о тѣхъ, которыми затворяются небольшія улицы или переулки — и 1,170 кофеенъ.

Болѣе же всего поразила меня вещь, о которой не упоминается ни въ одномъ путешествіи и которой не видно ни на одной картинѣ: я говорю о внутреннихъ водоемахъ, окаймленныхъ зеленью; съ высоты минарета или террасы, откуда я ихъ наблюдалъ, они блестѣли на солнцѣ, какъ капли росы на травѣ.... Сосѣдство мечетей приблизительно свидѣтельствуетъ о расположеніи такихъ бассейновъ.... Сдѣлавъ это замѣчаніе, я поспѣшилъ

Digitized by Google

воспользоваться моей артистической находкой, спустился однажды въ Каиръ и, послѣ долгихъ распросовъ, добрался наконецъ до одного изъ этихъ очаровательныхъ озеръ. Мнѣ назвали его *Биркетъ-эль-фиилъ*, что значитъ: озеро бегемота. Оно получило это названіе въ то время, когда, вслѣдствіе наводненія, Нилъ выкинулъ въ нижній Египетъ нѣсколькихъ изъ этихъ уроженцевъ *Сеннаара*, и одинъ изъ нихъ, опустошивъ въ одну ночь всѣ окрестные сады, былъ, послѣ долгой и страшной борьбы, убитъ въ этомъ озерѣ.

Не сравнимо ни съ чѣмъ зрѣлище этихъ озеръ, окаймленныхъ садами и кіосками, куда приходятъ нѣжиться и отдыхать богатые владѣльцы близъ-лежащихъ домовъ. Не проберетесь вы къ нимъ ни улицей, ни дорогой какой-нибудь; чтобы видѣть ихъ, вы проходите непремѣнно жильемъ; на этомъ основаніи, большей части этихъ бассейновъ не знаютъ ни путешественники, ни даже туземцы. Искусный пейзажистъ нашъ, *Марильятъ*, извлекъ бы неоцѣненныя сокровища изъ этой руды, которую и мнѣ открылъ случай. Разъ, между прочимъ, прогуливаясь въ одномъ саду, славившемся цвѣтами, я увидалъ сквозь рѣшетчатый заборъ самое очаровательное озеро: оно называется *Биркетъ-эль-Джинналъ*, озеро волшебницы, и окружено домами, садами и кіосками, чисто мавританскаго стиля, совершенно закрытыми густымъ ковромъ *долихосовъ*, съ фіолетовыми цвѣтами: они какъ мохъ срастаются непроницаемою тканью, частію свѣшиваясь въ воду нарядными и прихотливыми вязями. На спокойныхъ волнахъ этаго озера рѣзвятся красный ибисъ, розовый фламинго и фараонова курица, бѣлая какъ снѣгъ, питающаяся водяными плодами и рыбами.

Нѣкоторые изъ этихъ *биркетовъ*, образовавшіеся вслѣдствіе наводненій Нила, скоро высыхаютъ отъ лучей солнечныхъ и вѣчнаго жара,—другіе же постоянно держатъ воду, какъ и всѣ прочія озера. Главные изъ нихъ слѣдующіе: *Биркетъ-эль-Филъ*, *эль-Фарайнъ*, *эль-Дамалкехъ*, *эль-Абу-Хаматъ*, *эль-Саберъ*, *эль-Саккайнъ*, *эль-Фуалехъ*, *эль-Гиннахъ*, *эль-Мулла*, *эль-Ротли*, *эль-Чейкъ-Камаръ* — прудъ луны.

Въ Каирѣ считаютъ всего 22 главныхъ сада, которые называются *бейтъ* или *бенейтехъ*, смотря по величинѣ. Въ этихъ садахъ не ищите ни симметрическихъ аллей, ни искусно расположенныхъ куртинъ: это не иное что, какъ густыя купы

Digitized by Google

деревъ, растущихъ по волѣ природы и случая; вы увидите тутъ лимонное дерево, апельсиновое, душистую мимозу, тонколистный тамарискъ, гранатное дерево, миртовое, кактусы, капекасъ и севвеки, надъ которыми величественно возвышаются чинара и пальма, обвитыя разными чужеядными растеніями, — первая, округленная въ видѣ купола, вторая, — тонкая и стройная, какъ минаретъ, обѣ совершенно противоположныя между собою и формою, и листомъ, и цвѣтомъ. Въ Каирѣ сверхъ того, съ успѣхомъ воздѣлываются: банановое дерево, извѣстное огромною величиною листьевъ и нѣжностью плода, смородина съ мыса Доброй Надежды и пятьдесятъ родовъ апельсиновъ, цедратовъ и бергамотовъ.

Нельзя представить себѣ богатство природы и роскошное ея убранство весною, когда цѣлые сады апельсиновыхъ деревьевъ, въ одно и то же время, покрыты зрѣлыми плодами и цвѣтами. Въ тѣни ихъ густой и темной зелени, сидя на душистомъ снѣгу, которымъ устлана трава, вы смѣетесь надъ палящими лучами солнца, которымъ ни какъ не добраться до васъ. Свѣжіе ручейки, безпрестанно поддерживаемые *сакисами*, живописными машинами, подымающими воду иногда до самыхъ террасъ, увеличиваютъ и еще обогащаютъ эту растительность. Для растительнаго царства вода и жаръ — кровь и жизнь: вотъ почему въ этихъ оасизахъ природа круглый годъ убрана какъ для праздника, и все вкругъ васъ всегда цвѣтетъ и благоухаетъ! Мѣстами, глубокіе овраги, увѣнчанные пальмами, ліанами съ розовыми цвѣтами и фіолетовыми плодами, китайскими розами, смѣшанными съ пурпуровыми ахиллеями и многими еще другими цвѣтами, пересѣкаютъ эти рощи и живописно разнообразятъ ихъ; или, изъ среды этой земли, сквозь рѣдкіе ряды финиковыхъ деревьевъ, виднѣется вамъ пустыня съ своею далью, то оранжевой, то розовой, глядя по времени дня. Всѣ эти противоположности исполнены невыразимой прелести, и я никогда не забуду часы сладкаго упоенія и нѣги, которые провелъ я въ этихъ мѣстахъ, настоящемъ саду Гесперидъ, съ ихъ золотыми яблоками и неземными благовоніями!

Я не включилъ въ число этихъ дикихъ эдемовъ великолѣпные сады *Шубраха* и острова *Родоха*, созданные Мегеметомъ-Али и Ибрагимомъ-Пашей, первый по образу Италіянскихъ, второй — по образу Англійскихъ садовъ. Достойные любознательнаго вниманія по цвѣтамъ и рѣдкимъ растеніямъ, они представ-

Digitized by Google

ляютъ мало пищи для живописца: въ нихъ нѣтъ тѣхъ рѣзкихъ особенностей, которыми такъ привлекаютъ къ себѣ Европейца всѣ вообще мѣстности этихъ странъ. Послѣдніе два сада напоминаютъ сады Версальскіе, возлѣ Медонскихъ лѣсовъ.

Изъ всего этого видно, что Каиръ соединилъ въ себѣ всѣ роды красотъ: что шагъ, то новая картина, полная и несравнимая съ другою; понятно, что глаза художника ослѣплены этимъ великолѣпіемъ, этой роскошью, этимъ богатствомъ. И я смѣло говорю, что Каиръ — самый живописный городъ въ мірѣ: въ архитектурномъ смыслѣ нѣтъ города построеннаго въ болѣе чистомъ вкусѣ, — нѣтъ мѣста на свѣтѣ, которое бы сосредоточило въ себѣ, какъ Каиръ, столько богатства неба и земли, такое разнообразіе типовъ, нарядовъ, цвѣтовъ, растительности, животныхъ и всего, чѣмъ только въ силахъ щедро наградить природа.

Проклятіе же всѣмъ этимъ варварамъ, всѣмъ этимъ Франкамъ, которые, въ своемъ гордомъ невѣдѣніи, въ совершенномъ отсутствіи художническаго пониманія, — настоящіе соціалисты искуества, хотятъ выпрямить улицы Каира, ломаютъ для того, чтобы расширить, словомъ, низвергаютъ чудеса для того, чтобы создать вещи безъ имени! И сколько уже безбожныхъ свидѣтельствъ разрушенія видѣлъ я въ этомъ прекрасномъ городѣ; когда же этотъ *прогрессъ*, какъ говорятъ они, остановится въ страхѣ передъ святотатствомъ?

Если Каиръ такъ необычайно хорошъ, такъ величественъ на первый взглядъ, то каковъ онъ долженъ показаться тому, кто изучилъ его въ подробности? Чтобы имѣть о немъ полное понятіе, нужно прожить въ немъ годъ; а для того чтобы разсмотрѣть эту древнюю столицу исламмизма, съ его любопытнѣйшей стороны, и, если мнѣ позволено будетъ выразиться, въ его непосредственнѣйшемъ олицетвореніи, необходимо присутствовать при возвращеніи большаго каравана богомольцевъ изъ Мекки, видѣть празднества въ честь пророка, съ ихъ блескомъ, роскошью и своеобразностію, въ полной мѣрѣ соотвѣтствующими всему, что разсказываютъ преданія о Востокѣ и всему, чѣмъ исполнена его поэзія....

НОВОЕ СВОЙСТВО ТАБАКУ. Капитанъ Барбедіенъ (въ Гаврѣ) сдѣлалъ нѣсколько опытовъ и наблюденій, изъ которыхъ основательно выводитъ свойство табаку: всасывать сырость. Въ продолженіе трехъ лѣтъ непрерывнаго плаванія въ Бразилію, къ

Digitized by Google

Ла-Платѣ и въ Западную Индію, онъ употреблялъ табакъ для укладки шерстяныхъ и шелковыхъ тканей всѣхъ цвѣтовъ, стальныхъ издѣлій, музыкальныхъ инструментовъ и т. д., и всегда съ одинаковымъ успѣхомъ. Особенно полезнымъ оказывалось дѣйствіе табаку на товаръ наиболѣе подверженный порчѣ отъ перемѣны температуры и который, поэтому, онъ держалъ въ трюмѣ, преимущественно подъ жарким поясомъ. — Табакъ не должень прикасаться непосредственно къ сберегаемымъ вещамъ: ихъ надо укладывать обыкновеннымъ порядкомъ, но сверху покрывать табакомъ.

ВОТЪ-ТАКЪ ЖУРНАЛЪ! Въ Парижѣ что день, то новость! Что мѣсяцъ, то новая хитрость, новая выдумка. И всего болѣе головы Французовъ изобрѣтательны въ дѣлѣ *индустріи* (что не значитъ промышленность). Къ явленіямъ этого рода принадлежатъ, недавна, премія, предлагаемыя подписчикамъ издателями иныхъ журналовъ. Такъ, были журналы, безденежно выдававшіе, при подпискѣ на нихъ: книги, фарфоровыя издѣлія, музыкальные инструменты, статуэтки, стѣнные часы и другіе предметы искусства или торговли. Въ нынѣшнемъ году явился журналъ, который обязывается: «всѣхъ своихъ годовыхъ подписчиковъ хоронить на свой счетъ и, по смерти, выдавать имъ пенсію!» Журналъ этотъ называется: *«Предусмотрительный»* (le Prévoyant), и не даромъ. Желая удалить, по возможности, время смерти своихъ подписчиковъ, Предусмотрительный печется о ихъ здоровьи, отдаетъ въ ихъ распоряженіе загородный домъ, гдѣ могутъ они наслаждаться всѣми средствами простой гигіены и чтеніемъ «Предусмотрительнаго,» на столбцахъ котораго они найдутъ прекрасные рецепты отъ мигрени, зубной боли и мозолей. Такого журнала, безъ сомнѣнія, ждетъ славное будущее.— Парижскій фельетонистъ, у котораго мы заимствуемъ это извѣстіе, кончаетъ отчетъ о немъ такъ: «я было хотѣлъ подписаться на Предусмотрительнаго, но разсудилъ, что выгоднѣе быть наслѣдникомъ подписчика, нежели подписчикомъ на него самому. Попрошу дядюшку подписаться на него.» — Мы раздѣляемъ мнѣніе предусмотрительнаго фельетониста и совѣтуемъ нашимъ читателямъ, разумѣется, предусмотрительнымъ, обратиться съ просьбою о подпискѣ на новый журналъ къ добрымъ дядюшкамъ. Тѣмъ, у кого ихъ много, не трудно сдѣлать выгодную аферу!

Digitized by Google

НЕСГАРАЕМЫЙ КАРТОНЪ. — Въ Пруссіи, неподалеку отъ Берлина, братья Эбартъ, владѣльцы одной изъ замѣчательнѣйшихъ въ Германіи бумажныхъ фабрикъ, изобрѣли несгараемый картонъ, который они называютъ каменнымъ картономъ. Этотъ картонъ во всѣхъ отношеніяхъ можетъ замѣнить черепицу. Королевская Строительная Коммиссія преимущественно рекомендуетъ его деревенскимъ жителямъ, для замѣны соломенныхъ кровель.

ПУБЛИКА И АРТИСТЫ. (Изъ воспоминаній театральнаго лѣтописца) Разъ какъ-то, въ Бордо, актеръ Онорѐ игралъ роль другаго актера, Бернара-Леонъ.

— Бернара-Леонъ! Бернара-Леонъ! закричалъ кто-то, когда Онорѐ вышелъ на сцену.

— Милостивый государь, отвѣчаетъ Онорѐ, — товарищъ мой Б. Леонъ боленъ.

— Какое намъ дѣло. Давайте намъ Леона, живаго или мертваго!

— Милостивый государь! отвѣчаетъ Оноре, подошедъ къ авансценѣ и обращаясь къ своему собесѣднику: мнѣ платятъ за то, чтобы я говорилъ глупости, но такой глупости я никогда не умѣлъ сказать.

Въ операѣ — «les Bohémiennes,» Бернаръ игралъ роль атамана разбойниковъ. Съ начала до конца, онъ былъ освистанъ и изуродовалъ и поэму, и музыку. Занавѣсъ принуждены были опустить до окончанія пьесы. Вдругъ публика спохватилась и стала требовать развязки. Бернаръ выходитъ и говоритъ:

— Милостивые государи и государыни! пьесы кончить нельзя, потому что актеры разъѣхались. Но вамъ угодно знать развязку: я вамъ разскажу ее. Преціоза (героиня) отыскиваетъ наконецъ своихъ родителей: оказывается, что она принадлежитъ къ прекрасному семейству и знатному роду, а я.... повѣшенъ....

Въ то время, когда эти строки выписывались изъ Французскаго журнала для читателей Москвитянина, намъ пришло на память происшествіе, хоть и нѣсколько другаго рода, но

Digitized by Google

все-таки относящееся къ сценическимъ воспоминаніямъ и разсказанное намъ однимъ изъ нашихъ извѣстныхъ Русскихъ артистовъ, который ручается за его достовѣрность:

Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка, театръ не только составлялъ предметъ особеннаго попеченія нѣкоторыхъ Русскихъ баръ, но и былъ почти любимымъ увеселеніемъ, и въ городѣ и деревнѣ. У многихъ богатыхъ помѣщиковъ были свои домашніе театры, свои актеры, какъ, нынѣ, свои оркестры и пѣвчіе. На этихъ театрахъ играли по временамъ и сами хозяева, иногда съ своими сверстниками, иногда съ своими актерами. Въ подтвержденіе нашихъ словъ, мы считаемъ лишнимъ напоминать здѣсь объ именахъ Кн. Шаховскаго, Кокошкина и другихъ. Тотъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь и котораго мы, къ сожалѣнію, назвать не умѣемъ, имѣлъ особенную страсть къ трагедіямъ и игралъ въ нихъ, по преимуществу, роли героевъ. Къ этому не лишнее прибавить, что онъ былъ одаренъ отъ природы очень небольшимъ ростомъ, незавидною, вообще, наружностію и пришепетывалъ. Поставивъ въ первый разъ на своемъ театрѣ трагедію «Дмитрій Самозванецъ,» театралъ-меценатъ выбралъ для себя роль самого героя, созвалъ кучу зрителей, и, окончивъ всѣ распоряженія, передъ поднятіемъ занавѣса, отдалъ своему машинисту слѣдующія приказанія:

— Смотри же, какъ только я скажу два послѣдніе стиха, заколю себя кинжаломъ, упаду и откину руку въ сторону, — сейчасъ опускай занавѣсъ!

— Слушаю, Ваше Сіятельство! отвѣчалъ машинистъ.

Занавѣсъ подняли. Дѣло пошло своимъ порядкомъ. Всѣ были, разумѣется, очень довольны: хлопали, кричали. Амфитріонъ былъ въ восторгѣ.

Въ концѣ послѣдняго дѣйствія, произнеся съ должнымъ воодушевленіемъ извѣстныя слова:

Ступай во адъ душа, и будь вѣчно плѣнна —
Ахъ, еслибы со мной погибла вся вселенна!

Самозванецъ закололся по всѣмъ правиламъ театральнаго искусства и упалъ при оглушительномъ громѣ рукоплесканій. Но, сгоряча, онъ забылъ откинуть руку.

Лежитъ. Занавѣсъ не опускается. Машинистъ стоитъ у веревки и смотритъ.

Digitized by Google

— Опускай! шепчетъ Дмитрій.

— Руку-то, Ваше Сіятельство! — отвѣчаетъ машинистъ.

— Опускай, дуракъ, говорятъ тебѣ!

— Руку-то, Ваше Сіятельство, извольте откинуть.

— Говорятъ тебѣ, опускай: все равно!

— Какъ же, Ваше Сіятельство. Я помню, сами изволили приказывать.... А потомъ-то что мнѣ будетъ?

— Экой дуракъ! Опускай, скотина!

— Воля ваша, Ваше Сіятельство! Сами взыщете потомъ....

— Да развѣ ты не видишь, что я умеръ?

— Какъ угодно, Ваше Сіятельство, не опущу.

— Да, помилуй, какъ же мнѣ теперь шевелиться?

— Да ужъ какъ прикажете, Ваше Сіятельство....

— Вотъ подлецъ-то!

И Дмитрій Самозванецъ долженъ былъ откинуть руку черезъ пять минутъ послѣ своей смерти.

Занавѣсъ опустился.

ОБРАЩИКЪ ФЕЛЬЕТОНА ПО ПОВОДУ ПАПИРОСОВЪ. Не такъ давно еще намъ случилось слышать жалобы на то, что нѣтъ Русскаго фельетона. Не раздѣляя этого мнѣнія безусловно, мы думаемъ однакожъ, что въ этомъ дѣлѣ есть точно много коечего, чему можно бы еще поучиться намъ, и преимущественно у Французовъ. Но отвергать положительно существовавшіе фельетона на Руси — нельзя. Въ доказательство, мы приводимъ здѣсь статью, выписанную нами изъ № 6 Херсонскихъ Вѣдомостей нынѣшняго года: *Нѣсколько словъ о табачной фабрикѣ А. Шпира вообще и его папиросахъ въ особенности.* «Предо мной лежитъ объявленіе г. Шпира объ открытой имъ табачной, сигарной и папиросной фабрикѣ, и ящикъ его папиросовъ, справедливо именуемыхъ *приличными* (de salon). Глядя на то и другое, т. е. на объявленія и папиросы, я пускаюсь въ размышленіе и намѣренъ высказать о нихъ порознь свое мнѣніе.

«*Сначала объявленіе.* Изъ него видно, что г. Шпиръ озаботился поразнообразить произведенія, не пожалѣлъ, конечно, на то издержекъ и желаетъ угодить всѣмъ вкусамъ и требованіямъ безъ исключенія. Это безподобно и именно потому, что намъ уже наскучило въ Херсонѣ знать только по слуху, что бываетъ на свѣтѣ

Digitized by Google

табакъ высшаго сорта, т. е. нѣжный, розоватый, пахучій, а получатъ изъ здѣшнихъ лавокъ одинъ зеленый, недоброкачественный да еще въ добавокъ и не безъ примѣси. Далѣе изъ объявленія г. Шпира оказывается еще, что у него выдѣлываются сигары, табахитосы и папиросы, чего прежде въ Херсонѣ мы и не слыхали. Это большая выгода для курителей табаку, во-1-хъ, потому что это даетъ имъ возможность курить, говоря буквально, все, что душѣ угодно; а во-2-хъ, потому что избавляетъ ихъ отъ покупки табаку и бумаги порознь, и отъ лѣпленія своеручныхъ папиросовъ, отымающаго отъ занятій ихъ за преферансомъ много времени, и имѣющаго еще многое множество другихъ неудобствъ, которыя мы тотчасъ и выскажемъ всѣ, по поводу папиросовъ г. Шпира.

«По нашему мнѣнію, какъ ни велика услуга г. Шпира, оказанная всѣмъ курителямъ табаку учрежденіемъ хорошаго табачнаго заведенія, но она слаба и блѣдна предъ одною благодѣтельною мыслью распространить куреніе фабричныхъ папиросовъ, которымъ, въ наше время, пора уже и въ Херсонѣ, какъ это давно уже въ другихъ мѣстахъ, вытѣснить изъ порядочныхъ домовъ всякое другое. Хорошія и дешевыя папиросы суть полная и совершенная услуга г. Шпира предъ обществомъ, рѣшительно не имѣющая слабой стороны: это истинное одолженіе, какъ для курителей табаку, такъ и для тѣхъ, кто не куря, невольно глотаетъ табачный дымъ изъ одного угожденія ближнимъ.

«Польза фабричныхъ папиросовъ г. Шпира состоитъ:

«1. Въ отношеніи медицинскомъ. Въ томъ, что онѣ содержатъ въ себѣ чистый, безпримѣсный, турецкій табакъ, что дымъ у нихъ проходитъ сквозь вату, и наконецъ, что въ одинъ конецъ вставляется туго свернутая бумага: то и другое препятствуетъ горькому, наркотическому и для здоровья чрезвычайно вредному, табачному соку попадать на языкъ, что неизбѣжно съ своеручными папиросами, или съ трубкой.

«2. Въ отношеніи экономическомъ. Польза папиросовъ г. Шпира очевидна, что подтвердитъ простой ариѳметическій разсчетъ. Сотня папиросовъ стоитъ 80 к. с.: — что можетъ быть дешевле этого? За эту цѣну нельзя купить одного фунта хорошаго табаку, а кромѣ табаку, считайте то, что къ нему нужна еще папиросная бумага, считайте разсыпку табаку, считайте

Digitized by Google

то, что утащатъ лакеи, что у насъ высохнетъ и не будетъ годиться къ употребленію, и наконецъ, что третья часть своеручной папиросы всегда идетъ въ окурокъ и пропадаетъ задаромъ. Сообразивъ все это, нельзя не сознаться, что г. Шпиръ назначилъ своимъ папиросамъ цѣны удивительно умѣренныя, и что потребители ихъ будутъ, по крайней мѣрѣ 40% въ чистомъ выигрышѣ, если замѣнятъ ими способъ прежняго куренія.

«3. Въ отношеніи къ приличію (и чуть ли не въ самомъ важномъ), польза папиросовъ г. Шпира не подлежитъ сомнѣнію. Бывъ набиваемы хорошимъ табакомъ, онѣ не распространяютъ дурнаго запаху; онѣ не производятъ много дыму; онѣ вообще гораздо благопристойнѣе трубки, извергающей изъ себя цѣлыя облака дыму, и самодѣльныхъ папиросовъ, которыя рѣшительно должны быть изгнаны изъ порядочныхъ домовъ, уже по одному тому, что дѣлая ихъ, неминуемо предстоитъ показать всей честной компаніи кончикъ языка и слюнить бумажку. Весь этотъ процессъ крайне неблагопристоенъ, и съ учрежденіемъ фабрики г. Шпира, не бывъ огражденъ необходимостью, долженъ быть считаемъ во всякомъ домѣ невѣжливостью и нарушеніемъ приличій. Намъ могутъ замѣтить, что и безъ фабрики г. Шпира, во всѣхъ не только табачныхъ, но даже во всѣхъ бакалейныхъ лавкахъ продавались фабричныя папиросы; однако же во всеобщее употребленіе онѣ не вошли и своеручнаго крученія не вытѣснили. Такъ; но этому были двѣ важныя причины, которыя въ своемъ заведеніи г. Шпиръ догадался устранить: первая та, что привозныя папиросы весьма дороги и слѣд. не всѣмъ доступны; а вторая та, что онѣ обыкновенно набиты бываютъ такъ называемымъ Американскимъ, т. е. просто Жуковскимъ или Мусатовскимъ табакомъ, который у насъ въ весьма маломъ употребленіи. Исправное сообщеніе Одессы съ Константинополемъ имѣетъ то естественное слѣдствіе, что у насъ въ краю развито потребленіе табаку турецкаго, болѣе своего отечественнаго, Петербургскаго, и поэтому папиросы г. Шпира, турецкимъ табакомъ набиваемыя, удовлетворяя вкусъ большинства потребителей здѣшняго края, рано или поздно должны войти во всеобщее употребленіе.

«Притомъ, взгляните, что за папиросы, что за названія папиросовъ? Напр. дамскія: à la Mery, для львицъ. Это современно и слѣд. хорошо, и можетъ нравиться. Всякая дама получаетъ

Digitized by Google

съ этого времени полное право ставить себя въ почетный рядъ львицъ, куря присвоенныя этой категоріи папиросы, а мы получаемъ право прежнее мнѣніе о томъ, что дамамъ вообще курить не свойственно, замѣнить другимъ, что если кто изъ дамъ и пожелаетъ курить, то ужъ никакъ ни что другое, какъ именно эти аристократическія папиросы.

«Въ заключеніе всего нельзя не повторить, что заведеніе г. Шпира выдумано и устроено хорошо, и что Херсонскіе и даже иногородные потребители табаку не ошибутся, если съ этого времени станутъ преимущественно обращаться въ магазинъ г. Шпира за табакомъ и другими табачными произведеніями, и тѣмъ поощрятъ полезное для нихъ предпріятіе.

«Фабрика помѣщается на Губернаторской улицѣ, близъ Греческой церкви, въ собст. домѣ, № 83.» Къ дивирамбу остроумнаго фельетониста прибавлять нечего.... Но мы считаемъ себя въ правѣ отъ души поздравить Херсонскаго изобрѣтателя папиросовъ. Онъ, нашедъ своего Омира, въ нашихъ глазахъ, счастливѣе даже Македонскаго героя, — которому за-живо не было дано подобное утѣшеніе!

Digitized by Google

МОДЫ.

— Никогда еще искусство одѣваться не было такъ усовершенствовано, какъ теперь. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взглянуть на два платья артистической работы Г-жи Н., выставленныя въ ея магазинѣ. Право, въ нихъ всякая показалась бы болѣе нежели прехорошенькою — очаровательною. Лифъ перваго изъ нихъ, обхватывающій талью какъ корсетъ, гораздо ниже пояса, вырѣзанъ à la Raphaël, т. е. четвероугольно, и перешнурованъ спереди бархатцемъ; рукава полудлинные, разрѣзанные внизу четвероугольно, съ подрукавниками изъ кружева, пришитаго какъ оборка, въ нѣсколько рядовъ. Не правда ль, сколько граціи въ этомъ покроѣ? Какъ должна выигрывать фигура при этомъ длинномъ и гладкомъ лифѣ, какъ идетъ четвероугольно вырѣзанный воротъ, какъ красятъ руку упадающія на нее кружева? — Другое платье было сшито a la Louis XV. Оно было также вырѣзано четвероугольно, но другимъ образомъ. (Лифъ *Raphael* вырѣзывается не глубоко и плеча почти открыты, лифъ Louis XV вырѣзывается глубоко спереди и совершенно закрываетъ плеча.) Разрѣзъ этотъ, также какъ и рукава, доходящіе только до локтя, отдѣланъ, какъ цвѣтами, рюшемъ изъ лентъ, пришитымъ поверхъ широкаго кружева. Къ этому кружевная шемизетка и рукава *pagodes* (т. е. широкіе) также изъ кружева. Сколько первый костюмъ простъ и строгъ, столько второй свѣжъ, оригиналенъ, кокетливъ. Который же изъ нихъ лучше, спросите вы. Не знаю: это рѣшитъ ваше зеркало, а главное вашъ собственный вкусъ

Digitized by Google

— Изъ всѣхъ матерій, болѣе другихъ употребляютъ теперь на платья: органди, барежъ, кисею и тафту всѣхъ родовъ: гладкую глясе, затканную букетами, гирляндами, цвѣточками, особливо тафту шине, которая считается самой модной матеріей.

— Соломенныя шляпы въ большомъ употребленіи нынѣшнее лѣто. Самыми лучшими безъ сомнѣнія, были и будутъ Итальянскія шляпы. Потомъ слѣдуютъ шляпы бастовыя и наконецъ соломенныя гладкія, или плетенныя рубчиками, колечками, торсадами и проч. Появилось даже нѣсколько шляпъ плетеныхъ изъ черной и желтой обыкновенной соломки, впрочемъ очень не много. Отдѣлка соломенныхъ шляпъ большею частью состоитъ изъ цвѣтовъ, преимущественно полевыхъ, перемѣшанныхъ съ колосьями ржи, овса, или съ травой, еще зеленой, или увядшей и пожелтѣвшей на солнцѣ.

— Креповыя шляпы бѣлыя, покрытыя тюлемъ, шитымъ соломкой, или отдѣланныя только широкимъ соломеннымъ аграмантомъ, положеннымъ между широкихъ и густыхъ буфъ, предпочитаются всѣмъ другимъ шляпамъ въ этомъ родѣ.

Digitized by Google

МОДЫ.

— Всѣ платья, какія мы видимъ до сихъ поръ, сдѣланы или съ высокимъ лифомъ, отдѣланнымъ кофточкой, пришитой къ поясу, или съ лифомъ, вырѣзаннымъ четвероугольно и открытымъ. Эти два фасона лифовъ, повидимому, замѣнили всѣ прочія. Мы видѣли на дняхъ нѣсколько платьевъ изъ барежа и тафты, съ затканными разводами, и всѣ они были съ такими лифами. Юбки были убраны оборками, обшитыми, равно какъ и лифъ, аграмантикомъ или узенькимъ рюшемъ изъ лентъ.

— Появляется много редингготовъ изъ бѣлаго барежа на розовомъ тафтяномъ чахлѣ, что чрезвычайно красиво: барежъ принимаетъ какой-то чудно-нѣжный розовый оттѣнокъ, который очень къ лицу. Эти редингготы убираютъ на юбкѣ складками или нѣсколькими оборочками, а у плеча подвязываютъ шарфомъ-поясомъ, обшитымъ, также какъ и подолъ редингота, шелковой бѣлой тесемкой, положенной въ пять или шесть рядовъ. Не думаю, чтобъ читательницы не знали, что такое шарфъ-поясъ; повторю, впрочемъ, что такъ называютъ очень широкій поясъ, который образуетъ складки вокругъ таліи, завязывается на боку и упадаетъ на юбку длинными концами шириною въ небольшой шарфъ.

— Ничего нѣтъ лучше и граціознѣе модныхъ кофточекъ *редова*, которыя теперь дѣлаютъ изъ шитой кисеи, лино, тюлю

Digitized by Google

и даже кружева. Нѣкоторыя модистки шьютъ ихъ на цвѣтномъ тафтяномъ подбоѣ. Не далѣе, какъ вчера, я видѣла такую *редоут*, которая мнѣ очень понравилась; она была тюлевая бѣлая, шитая шелкомъ соломеннаго цвѣта. На бѣломъ платьѣ она дѣлала большой эффектъ. Шляпа изъ Итальянской соломки, съ букетомъ полевыхъ цвѣтовъ, перемѣшанныхъ съ колосьями спѣлой ржи, необыкновенно гармонировала съ этимъ оригинальнымъ нарядомъ

— Говоря о шляпахъ, не могу умолчать о тѣхъ, которыя я встрѣтила вчера на гуляньѣ. Одна изъ нихъ была сплетена изъ соломки чернаго и желтаго цвѣта; подбой былъ изъ палевáго гласе, а букетъ на поляхъ состоялъ изъ желтаго овса, корни котораго исчезали подъ бантами черныхъ бархатныхъ лентъ, которыми отдѣлана шляпа. Другая шляпа, точно также сдѣланная, была на розовомъ подбоѣ; на поляхъ букетъ мелкихъ розъ, перемѣшанныхъ съ овсомъ чернаго цвѣта. Третья, изъ Итальянской соломки, была замѣчательна простой, но до чрезвычайности искусной отдѣлкой, состоящей изъ бѣлыхъ лентъ и бѣлыхъ же небольшихъ марабу. Наконецъ четвертая, вся сдѣланная изъ богатаго чернаго кружева, была убрана пестрыми лентами яркихъ цвѣтовъ, сотканныхъ подъ кружево.

— Амазонки, какъ мы могли замѣтить, шьютъ нынѣшній годъ не съ высокимъ и глухимъ воротомъ, а съ лифомъ, который застегивается только на три пуговицы и позволяетъ видѣть весь жилетъ изъ бѣлаго пике, составляющій теперь необходимую принадлежность костюма для верховой ѣзды.

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND TILDEN FOUNDATIONS
R L

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Іюня 14-го 1850 года.

Цензоръ Н. Зерновъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google